

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

РУССКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

Популярные разсказы изъ русской исторіи.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЖЕНЩИНЫ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Томъ XXXIV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 апрѣля 1902 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 95.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящіе очерки не имѣютъ претензіи ни на самостоятельность историческаго изслѣдованія вообще о положеніи женщины въ исторіи Русской земли, ни на спеціальное опредѣленіе исторической роли каждой изъ женскихъ личностей, на долю которыхъ выпало историческое безсмертіе, вслѣдствіе ли ихъ личной исторической дѣятельности, или вслѣдствіе обстоятельствъ, обусловливавшихъ то или другое проявленіе ихъ въ исторіи Русской земли.

Предлагаемая книга представляетъ не что иное, какъ систематическое, въ самомъ сжатомъ видѣ, изложеніе, приспособленное притомъ для общедоступнаго чтенія, болѣе или менѣе общеизвѣстныхъ фактовъ о русскихъ историческихъ женщинахъ, насколько онѣ выявили свою личность, прямо или косновенно, въ исторіи Русской земли, и составленное преимущественно на основаніи извѣстныхъ уже историческихъ трудовъ почтенныхъ представителей русской исторической науки: С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и другихъ.

Если нѣкоторыя историческія женскія личности являются въ нашихъ очеркахъ полнѣе, съ болѣе или менѣе явственно-очерченною, цѣльною физіономіею, а другія только какъ историческія тѣни, какъ историческія имена, заслужившія историческое безсмертіе лишь по отношенію къ другимъ историческимъ именамъ,— то это потому, что объ однихъ личностяхъ есть что сказать, а о другихъ—болѣе того, что сказано, сказать нечего.

Такихъ же историческихъ женскихъ личностей, какъ напримѣръ, Іуліанія Лазаревская или Евфросинія Полоцкая и имъ подобныя, мы не казались потому, что первыя изъ нихъ суть не что иное, какъ историческіе или скорѣе литературные женскіе

типы древней русской жизни, другія же входятъ въ область исторіи русской церкви и русскаго духовнаго просвѣщенія.

Говоря вообще, очерки наши представляютъ сборникъ объ избранномъ нами предметѣ всего того, что сказано объ этомъ предметѣ въ десяткахъ томахъ спеціальныхъ и неспеціальныхъ историческихъ изслѣдованій, и предназначены собственно и исключительно для тѣхъ читателей, которые или поставлены были бы въ невозможность, по недостатку времени и другимъ причинамъ, или не рѣшились бы, да и не осилили бы прочесть все то, что нами здѣсь сжато изложено, когда оно разсѣяно въ отдѣльныхъ многотомныхъ трудахъ русскихъ историковъ или въ разнообразныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Настоящіе очерки мы заканчиваемъ началомъ XVIII-го вѣка, то есть останавливаемся на рубежѣ, отдѣляющемъ старую до-петровскую Русь отъ новой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Княгиня Ольга.

Первою историческою женщиною въ русской исторіи является Ольга, жена кіевскаго князя Игоря.

Дѣятельность этой женщины, сколько извѣстно изъ лѣтописныхъ сказаній, начинается тотчасъ послѣ смерти мужа, котораго звѣрски умертвили сосѣди кіевлянъ — древляне за то, что Игорь, не довольствуясь данью, платимою ему древлянами, грабилъ этотъ народъ и опустошалъ древлянскую землю словно волкъ, повадившійся ходить въ овечье стадо, по выраженію самыхъ древлянъ.

Ольга была родомъ изъ Пскова или вообще изъ сѣверныхъ областей тогдашней русской земли, изъ которыхъ и впослѣдствіи кіевскіе князья нерѣдко брали себѣ женъ.

Ольга осталась вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ, который былъ еще „дѣтескъ“ и едва ли достигъ четырехлѣтняго возраста, и потому сама должна была править русскою землею до возмужалости малютки. „Кормилицемъ“ или воспитателемъ маленькаго Святослава былъ Асмудъ, а воеводою Свенельдъ, еще при жизни Игоря прославившійся тѣмъ, что отроки его были богаче „оружіемъ и платьемъ“, чѣмъ дружинники скупого Игоря, жаловавшіеся, что они „босы“ и „наги“.

Въ то время кровавая месть была еще въ полной силѣ, какъ обычай, освященный временемъ и вѣрованіями, какъ дѣло родовой чести и, наконецъ, какъ законъ, строго исполнявшійся во всей странѣ. Даже много лѣтъ спустя послѣ Ольги, внукъ ея, первый русскій законодатель, Ярославъ Владиміровичъ, установляя писаный законъ для русской земли подъ названіемъ „Русской Правды“, первою статью этого закона постановилъ родовую месть: „если убьетъ мужъ мужа, то метитъ братъ за брата, либо сынъ за отца, либо отецъ за сына, либо племянникъ за дядю“ и т. д. Какъ всякая женщина, всегда и вездѣ наиболѣе строгая, чѣмъ мужчина, блюстительница обычаевъ старины, и какъ жена, оставшаяся молодою вдовою съ малюткою-сыномъ, Ольга первою своею обязанностью сочла исполненіе прямой, лежавшей на ней обязанности — месть убійцамъ своего мужа. И она исполнила это дѣло съ рѣдкой женской находчивостью и даже изысканностью. Этого требовало не одно ея женское чувство, не одно при-

личіе, наконецъ, не жестокость времени или ея личная мстительность, но законъ страны, точное исполненіе котораго должно было возвысить ее и въ собственномъ мнѣніи, и во мнѣніи народа, и, наконецъ, во мнѣніи самихъ враговъ.

Случай къ мести не замедлилъ представиться. Древляне, по убіеніи Игоря, такъ разсуждали: „Вотъ мы убили Русскаго князя. Теперь возьмемъ его жену Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его Святославомъ что хотимъ, то и сдѣлаемъ“.

Признавъ такое дѣло возможнымъ и полезнымъ для себя, древлянская земля отправила пословъ своихъ къ Ольгѣ, выбравъ для этого посольства двадцать лучшихъ мужей. Такъ какъ древлянская земля, лежавшая на сѣверо-западъ отъ земли кіевской, на которой сидѣли кіевскіе поляне, перерѣзывалась рѣкою Ушью, впадающею въ Днѣпръ на нѣсколько десятковъ верстъ выше Кіева, и такъ какъ въ то время, при неимѣніи и трудности сухопутныхъ проѣздовъ, особенно при существованіи тогда, почти повсемѣстно, дремучихъ лѣсовъ, преимущественно по правой же сторонѣ Днѣпра, всего удобнѣе было сообщеніе по рѣкамъ на судахъ, — то древлянскіе послы и отправлены были въ Кіевъ водою, въ ладьѣ.

Когда Ольга узнала о прибытіи пословъ, то позвала ихъ къ себѣ и спросила: зачѣмъ они пришли?

Послы отвѣчали:

— Насъ послала древлянская земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, наши же князя добры суть—распасли деревьску землю: отчего бы тебѣ не пойти замужъ за нашего князя Мала?

— Люба мнѣ рѣчь ваша, — отвѣчала притворно Ольга: — вѣдь ужъ мужа мнѣ своего не воскресить! Но мнѣ хочется почтить васъ завтра передъ моими людьми: такъ ступайте вы теперь назадъ въ свою ладью и разлягтесь тамъ съ важностью. А какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: „не ѣдемъ на коняхъ, не идемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ ладьѣ“. Они и понесутъ васъ.

Древляне, ничего не подозрѣвая, ушли къ своей ладьѣ, а Ольга тотчасъ велѣла копать глубокую и просторную яму на загородномъ тюремномъ дворѣ. На утро послала за древлянами.

— Ольга зоветъ васъ на великую честь,—говорили посланцы Ольги по ея приказанію.

— Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и не идемъ пѣшкомъ — несите насъ въ ладьѣ!—отвѣчали древлянскіе гости.

— Мы люди невольные, — говорили кіевляне по наущенію Ольги: — нашъ князь убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя.

И кіевляне понесли древлянъ въ ладьѣ. Древляне же, говоритъ лѣтописецъ, сидя въ ладьѣ, ломались и важничали — „сѣдяху въ перегбѣхъ, въ великихъ сустугахъ, гордящеся“.

Когда древляне вмѣстѣ съ ладьею принесены были на тюремный дворъ, то, по приказу Ольги, брошены были въ вырытую для нихъ яму, какъ

сидѣли, съ ладьею. Ольга подошла къ ямѣ, нагнулась и спросила древлянъ:

— Довольны ли вы честью?

— Охъ, лютѣе наша смерть смерти Игоревой!—отвѣчали послы:—ты умѣешь хорошо мстить.

Княгиня приказала живыми засыпать ихъ землею — и ихъ засыпали.

Но она не удовольствовалась этой местью. Ей нужно было наказать и унизить всю древлянскую землю, поработивъ ее окончательно и искупивъ потоками крови кровь своего мужа, котораго древляне, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Левъ-Діаконъ, разодрали надвое, привязавъ между двумя деревьями. Поэтому, когда вѣсть о гибели древлянскихъ пословъ не могла еще дойти до ихъ земли, Ольга послала сказать древлянамъ: „Если въ самомъ дѣлѣ вы просите меня къ себѣ, то присылайте нарочитыхъ мужей, чтобъ прійти мнѣ къ вамъ съ великою честью, а то кіевляне, пожалуй, и не пустятъ меня“.

Древляне, не предвидя обмана, дѣйствительно выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, и отправили въ Кіевъ это новое посольство. Ольга жестоко надругалась и надъ этими послами. По пріѣздѣ ихъ, она велѣла истопить баню, до которой были большіе охотники сѣверные обитатели русской земли, въ томъ числѣ, конечно, и древляне, какъ жители лѣсовъ, тогда какъ болѣе южные обитатели смѣялись надъ этимъ пристрастіемъ сѣверянъ къ банямъ. Послы приглашены были въ баню, по русскому обычаю, сохранившемуся еще и теперь въ жизни, какъ онъ сохранился и въ сказкахъ, гдѣ гостя прежде всего ведутъ „въ баньку париться“. Когда древляне вошли въ мыльню и стали мыться, то кіевляне заперли за ними дверь и зажгли самую избу, въ которой послы и сгорѣли.

Но и эта месть казалась для Ольги неполною. Женщина эта была, повидимому, лучшею представительницею своего времени и своего народа, и потому доводила исполненіе священнаго обычая своей страны до крайней возможности, а въ отношеніи къ кровавой мести—до изысканной жестокости, чѣмъ она и прославилась въ тогдашнемъ народѣ, какъ непоколебимая исполнительница и хранительница законовъ своей страны.

Она вновь послала въ древлянскую землю и велѣла сказать: „Я уже на дорогѣ къ вамъ. Наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили моего мужа: я поплачу надъ нимъ и отправлю по немъ тризну“.

Опять—строгое исполненіе обычаевъ страны: плаканье и голосованье надъ тѣломъ или могилою дорогого покойника, что сохраняется и теперь въ русскомъ народѣ, и отправленіе тризны на могилѣ, поминки, ѣда и питье въ честь умершаго—все это было священнымъ долгомъ, особенно въ то языческое время.

Древляне, и теперь еще не догадываясь о лукавствѣ Ольги, исполнили все, чего она требовала: навезли на мѣсто смерти Игоря много медовъ и наварили медоваго питья. Ольга, чтобы еще болѣе усыпить возможную бдительность и недовѣріе древлянъ и успокоить ихъ, поѣхала въ ихъ землю

съ малою дружиною. Поплакавъ надъ могилою Игоря, она велѣла своей дружинѣ насыпать высокій курганъ надъ покойникомъ, а потомъ, когда это было исполнено, велѣла отправлять тризну, пригласивъ и древлянъ. Началось празднованіе тризны—питье медовъ, которые, надо полагать, были не простые меды, но хмѣльные, крѣпкіе. Пили собственно древляне, а Ольгины отроки служили имъ, какъ бы для большей чести.

— Гдѣ же наша дружина, что мы посылали за тобой?—спрашивали древляне Ольгу.

— Она идетъ вслѣдъ за мной, вмѣстѣ съ дружиною моего мужа,— отвѣчала она.

Когда древляне охмелѣли, то княгиня велѣла своимъ отрокамъ, чтобъ они пили за здоровье своихъ новыхъ союзниковъ-древлянъ: это была насмѣшка надъ опьянѣвшими древлянами. Приказавъ пить за здоровье послѣднихъ, Ольга сама отошла въ сторону отъ мѣста тризны и приказала своей дружинѣ рубить пьяныхъ древлянъ. Началась сѣча, и въ сѣчѣ перебито ихъ пять тысячъ.

Отпраздновавъ эту кровавую тризну по мужѣ, Ольга воротилась въ Кіевъ, чтобъ доводить свою месть до конца, до крайняго предѣла возможности такъ, чтобы враги никогда не забывали этой мести. Она собрала большое войско, и на слѣдующій годъ открыла походъ на древлянскую землю подъ своимъ личнымъ предводительствомъ. Съ нею былъ въ походѣ и малютка Святославъ. Были также съ ними опытный и закаленный въ бояхъ воевода Свенельдъ, много испытавшій походовъ и битвъ еще при Игорѣ, съ нимъ вмѣстѣ и отъ его имени усмиряя и покоряя сосѣдніе народы, а равно пестунъ маленькаго князя—Асмудъ. Узнавъ о походѣ Ольги, древляне выступили противъ нея соединенными силами всей древлянской земли.

Когда непріятельскія войска сошлись, маленькій Святославъ, бывшій на конѣ въ рядахъ ратныхъ людей, первый открылъ битву: своею маленькою рученкою онъ сунулъ въ древлянина копьемъ; но рука ребенка была безсильна—копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги...

— Князь уже началъ,—сказали Свенельдъ и Асмудъ, обращаясь къ войску:—потянемъ, дружина, за княземъ!

Началась сѣча. Древляне не выдержали натиска кіевлянъ и побѣжали съ поля битвы. Преслѣдуемые войскомъ Ольги, они разбѣжались по своей землѣ и затворились по городамъ: брать каждый городъ было нелегко. Тогда Ольга, взявъ сына и совокупивъ войско, пошла къ Коростену, повидимому главному городу древлянской земли и къ конечной цѣли своего продолжительнаго и упорнаго мщенія: тамъ былъ убитъ ея мужъ, тамъ она совершила по немъ кровавую тризну, тамъ должна была исполниться и мѣра ея мщенія. Но Коростенъ, обложенный войскомъ кіевлянъ, защищался упорно. Коростенцы до послѣдней возможности отстаивали свой городъ, боясь думать о сдачѣ, потому что не надѣялись уже ни на что и не могли ждать пощады отъ Ольги, мужа которой они разорвали на части и которая,

какъ они убѣдились горькимъ опытомъ, такъ жестоко и изысканно умѣла мстить. Осада Коростена продолжалась цѣлое лѣто, но городъ не сдавался. Тогда хитрая Ольга придумала новый планъ взятія города и новый видъ мести.

Она послала въ Коростенъ и велѣла сказать:

— Изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города уже сдались мнѣ, обязались платить дань, и теперь спокойно воздѣлываютъ свои нивы; вы одни хотите лучше умереть отъ голода, чѣмъ согласиться платить мнѣ дань.

— Мы рады бы платить дань, — отвѣчали коростенцы: — но ты вѣдь хочешь мстить за мужа.

Ольга велѣла на это сказать: „Я ужъ отмстила за мужа не одинъ разъ—въ Кіевѣ и здѣсь, на тризнѣ; а теперь ужъ не хочу больше мстить, хочу брать дань понемногу, и, помирившись съ вами, уйду прочь“.

— Чего-жъ ты хочешь отъ насъ?—спрашивали довѣрчивые древляне:— мы рады давать тебѣ дань и медомъ, и мѣхами.

Медъ и мѣха были естественныя богатства лѣсистой древлянской земли, а потому это была подходящая съ нихъ дань.

Но Ольга отвѣчала: „Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, а потому я требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья. Я не хочу налагать на васъ тяжелой дани, какъ дѣлалъ мужъ мой, а прошу съ васъ мало оттого, что вы изнемогли въ осадѣ“.

Простодушные древляне и тутъ не догадались о хитрости изобрѣтательной Ольги, а обрадовались ея снисхожденію, и, собравъ съ каждаго двора по три голубя и по три воробья, послали ихъ къ осаждающимъ и даже велѣли поклониться Ольгѣ. Ольга сказала посланцамъ: „Вы ужъ покорились мнѣ и моему ребенку, такъ и ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него и пойду къ себѣ домой“.

Древляне ушли въ городъ, который былъ еще болѣе обрадованъ принесеннымъ послами извѣстіемъ о намѣреніи Ольги снять осаду и возвратиться въ Кіевъ. Но Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ ратнымъ людямъ и велѣла, привязавъ къ каждой птицѣ по завернутому въ тряпочки кусочку сѣры съ огнемъ, при наступленіи сумерекъ пустить ихъ на волю. Голуби и воробьи, вырвавшись изъ рукъ воиновъ, полетѣли, конечно, къ своимъ гнѣздамъ, въ городъ, и зажгли городъ со всѣхъ концовъ, какъ наивно разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ: „Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, воробьеве же подъ стрѣхи (крыши, большею частью соломенныя), и тако возгорахуся голубници, ово лѣти (дома), ово вѣже (чердаки), ово ли „одрины“ (спальныя пристройки) и т. д.

Не было ни одного двора во всемъ Коростенѣ, гдѣ бы не загорѣлось, а гасить было некому да и невозможно, потому что загорѣлся разомъ весь деревянный и соломенный городъ. Жители въ испугѣ бѣжали изъ города, чтобъ не сгорѣть самимъ въ сплошномъ пламени, а воины Ольги ловили бѣглецовъ. Городъ былъ выжженъ и взятъ какъ беззащитный.

Коростенскихъ старѣйшинъ Ольга взяла къ себѣ, а остальныхъ частью раздала дружинѣ въ рабы, по тогдашнему обычаю, какъ военные трофеи и добычу, а часть пощадила для того, чтобъ они платили дань побѣдителямъ. Тяжелую дань Ольга наложила на убійцъ своего мужа и распредѣлила ее на три части: „двѣ части дани идетъ Кіеву, а третья къ Ользѣ Вышеграду". Вышгородъ, какъ пожизненное владѣніе, принадлежалъ лично Ольгѣ и былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ ея сокровищъ—мѣховъ, меду и всего, что тогда почти исключительно составляло и царскую и частную казну, при неимѣніи того, что у насъ теперь называется деньгами.

Отомстивъ древлянамъ смерть своего мужа, Ольга не пошла, однако, къ Кіеву, какъ обѣщала посламъ древлянскимъ, а отправилась устанавливать порядокъ въ русской землѣ, во всѣхъ своихъ, уже тогда обширныхъ, владѣніяхъ. Русскіе князья того времени въ ноябрѣ мѣсяцѣ выходили обыкновенно со своею дружиною „на полюдье". Полюдье состояло въ томъ, что князья въ продолженіе всей зимы разъѣзжали по областямъ подвластныхъ имъ племенъ, и во время этихъ разъѣздовъ собирали со своихъ подданныхъ дань, называемую „оброкомъ", и чинили судъ и расправу. Области, по которымъ проѣзжалъ князь, продовольствовали въ это время его самого и всю его дружину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наиболѣе удобныхъ или центральныхъ, князь останавливался, и окружное населеніе должно было являться къ нему для внесенія дани и для прочихъ надобностей, если кто имѣлъ нужду въ князѣ, въ его судѣ, расправѣ, въ совѣтѣ или помощи. Въ мѣстахъ княжескихъ стоянокъ, называвшихся „гощеніями" или „погостами", впослѣдствіи устраивались небольшіе дворы, гдѣ могли жить княжескіе „тіуны", представители власти правительственной, соединявшіе въ своемъ лицѣ и судью, и приказчика, и полицейское око и, наконецъ, сборщика княжескихъ пошлинъ.

Такимъ образомъ, и Ольга, отступивъ отъ Коростена, вмѣстѣ со своимъ сыномъ и дружиною отправилась по древлянской землѣ, установляя вездѣ „уставы"—учрежденія, опредѣляющія взаимныя отношенія населенія между собою и къ княжеской власти, и „уроки"—обязанности, возлагаемыя на населеніе по отношенію къ князю и къ своей землѣ. Спустя много времени, даже во времена перваго лѣтописца, указывали еще на Ольгины „становища" и „ловища"—на мѣста, гдѣ оно останавливалась для „гощенія" и распорядковъ, а также, гдѣ охотилась со своею дружиною.

Установивъ порядки въ землѣ древлянской, которая должна была нуждаться въ этихъ порядкахъ, такъ какъ старѣйшины древлянской земли были или перебиты Ольгою или отведены въ плѣнъ, „Вольга,—какъ называетъ ее лѣтописецъ,—иде Новгороду и устави по Мстѣ погосты и дани, и по Лузѣ оброки и дани, ловища ея суть по всей землѣ, знаменья (слѣды пребыванія) и мѣста, и погосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ (Псковъ) и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ".

Лѣтъ черезъ десять послѣ этого (957 г.), мы уже видимъ Ольгу въ

Константинополѣ, гдѣ она принимала крещеніе, такъ какъ до того времени и она и вся русская земля состояли въ язычествѣ. Что привлекло эту смѣлую язычницу и, какъ, конечно, смотрѣли на нее византійцы, почти дикарку въ этотъ далекій и блестящій городъ, въ центрѣ тогдашней цивилизованности и роскоши—неизвѣстно, если не допустить, что она именно поѣхала затѣмъ, чтобы принять христіанство. Послѣдователей его она могла уже видѣть на Руси, такъ какъ русскіе воины и русскіе торговые люди, отправляясь въ Константинополь или на службу къ византійскимъ императорамъ, или для торговыхъ дѣлъ, иногда возвращались оттуда уже не язычниками, а христіанами и могли хвалить новую религію. Быть можетъ, ее тянуло туда любопытство—лично взглянуть на тѣ чудеса столицы цивилизованнаго міра, на то великолѣпіе, на ту блестящую и своеобразную жизнь грековъ, хитрѣйшихъ изъ людей, на ихъ храмы и дворцы, о чемъ она могла слышать еще отъ своего мужа и отъ его пословъ, лично бывшихъ въ Константинополѣ для заключенія извѣстнаго договора съ греками. Для варваровъ, каковыми были тогда русскіе, столица грековъ могла представлять что-то сказочное, дѣйствительно поражающее и заманчивое, и всякій, кто бывалъ въ томъ сказочномъ царствѣ, могъ гордиться и возвышаться передъ другими русскими тѣмъ, что онъ видѣлъ такія чудеса, о которыхъ варварамъ и не грезилось.

Какъ бы то ни было, Ольга отправилась въ Царьградъ съ большою свитою. Съ нею былъ ея племянникъ, послы, гости, знатныя женщины, переводчики, священникъ и служанки. Сношенія Руси съ Византіею были уже въ то время дѣломъ весьма обыкновеннымъ; дорога въ Царьградъ была извѣстна русскимъ съ самыхъ первыхъ походовъ варяговъ; греки живали и торговали въ русской землѣ и русскіе люди бывали и живали въ Византіи; были уже и переводчики, знавшіе оба языка — все это облегчило и подкрѣпило рѣшимость смѣлой русской женщины предпринять путешествіе въ столицу образованнаго міра, о которой позднѣйшія русскія женщины, почти не выходившія изъ терема, могли знать только по наслышкѣ или знали меньше, чѣмъ варвары временъ Игоря и Ольги.

Въ Византіи царствовали въ это время императоры Константинъ-Багрянородный и Романъ. Первый изъ нихъ и оставилъ намъ описаніе какъ пріема Ольги въ Царьградѣ, такъ и церемоній, которыми сопровождался при византійскомъ дворѣ этотъ пріемъ. Въ самой церемоніи греки хотѣли было высказать то различіе, какое они полагали между особами императорскаго дома, преемниками римскихъ цезарей и Августовъ, и между представительницею сѣверныхъ варваровъ, русскою княгинею. Но русская женщина, правительница того народа, который нерѣдко заставлялъ уже дрожать гордыхъ византійцевъ въ своихъ роскошныхъ дворцахъ, когда русскій народъ этотъ облагалъ своими безчисленными ладьями столицу цивилизованнаго міра и опустошалъ византійское царство,—съ своей стороны показала царственный тактъ, не давъ грекамъ возможности унизить ея самолюбіе. Такъ, когда въ церемоніяхъ пріема ей отвели мѣсто повидимому

наравнѣ съ женами знатныхъ византійскихъ придворныхъ, Ольга сама выдѣлилась изъ нихъ, и когда, при входѣ императрицы, знатныя гречанки привѣтствовали ее тѣмъ, что, по восточному обычаю, падали ницъ, Ольга выразила это привѣтствіе только легкимъ поклономъ.

Преданіе говоритъ, что византійскій императоръ предложилъ Ольгѣ свою руку, вѣроятно, расчитывая этимъ бракомъ привлечь на свою сторону могущественныхъ сѣверныхъ варваровъ и сдѣлаться обладателемъ русской земли, столь страшной тогда для византійской имперіи и заманчивой своими естественными богатствами, но Ольга перехитрила и цивилизованнаго императора, какъ она уже не разъ перехитряла своихъ полудикихъ сосѣдей, древлянъ. Она отвѣчала императору, что не отказывается быть его женою, но только просила, чтобы ее прежде окрестили и чтобы императоръ былъ ея воспріемникомъ отъ купели. Императоръ исполнилъ ея требованіе; но когда послѣ совершенія крещенія возобновилъ свое предложеніе о бракѣ съ Ольгою, русская княгиня, уже достаточно наставленная въ догматахъ христіанской религіи, напомнила ему, что, по христіанскому закону, крестный отецъ не можетъ жениться на своей крестницѣ.

— Ольга! ты перехитрила („переклюкала“) меня!—воскликнулъ императоръ, котораго не могла не поразить эта находчивость полудикарки, какою онъ естественно могъ считать Ольгу въ своей цивилизованной гордости.

Когда Ольга возвращалась потомъ изъ Цареграда, императоръ, отпуская ее, одарилъ свою крестницу „богатыми дарами“, которые, впрочемъ, съ точки зрѣнія нашего времени, могли бы показаться очень скудными, что называется „мѣщанскими“: такъ въ одинъ разъ онъ подарилъ русской княгинѣ съ небольшимъ сорокъ червонцевъ, въ другой — около двадцати.

Но и тутъ преданіе окружаетъ Ольгу, этотъ идеалъ древне-русской мудрой женщины, новыми доказательствами ея мудрости и хитрости. Ольга вновь перехитряетъ императора-грека, грека, о хитрости которыхъ такъ прочно установилась репутація, что и въ позднѣйшее время русскій лѣтописецъ выразился о нихъ: „суть же льстивы греки и до сего дне“. По понятіямъ русскихъ, хитрѣе грека не было народа въ мірѣ. Прощаясь съ императоромъ, Ольга сказала ему, что когда воротится въ Русь, то пришлетъ ему богатые дары: рабовъ, воску, мѣховъ и рабовъ на помощь. Но то притѣсненіе и тѣ униженія, которымъ обыкновенно подвергались русскіе, пріѣзжавшіе въ Константинополь и не смѣвшіе, бывало, въ силу послѣдняго договора съ Игоремъ, войти на берегъ въ византійской гавани безъ соблюденія разныхъ стѣснительныхъ формальностей, не могли не раздражать русскихъ, и потому Ольга и въ этомъ случаѣ мститъ грекамъ, какъ она мститъ и древлянамъ, за свое собственное униженіе при церемоніи пріема въ византійскомъ дворцѣ и за униженіе соотечественниковъ, хотя мщеніе это и заключалось въ томъ, что она посмѣялась надъ греческимъ императоромъ, охотникомъ до русскихъ даровъ и до вспомогательныхъ дружинъ изъ храбрыхъ руссовъ.

Греческій императоръ, по возвращеніи Ольги въ Кіевъ, прислалъ пословъ напомнить ей:

— Я тебя много дарилъ, а ты говорила мнѣ: когда возвращусь въ Русь, пришлю тебѣ богатые дары рабовъ, воску, мѣховъ и войска на помощь.

Тогда Ольга велѣла отвѣчать ему:

— Когда и ты постоишь у меня на Почайнѣ столько же, сколько стояла я у тебя въ цареградской гавани, тогда дамъ тебѣ обѣщанное.

Въ Кіевѣ уже Ольга рѣшилась было обратить въ христіанство и своего сына; но молодой Святославъ былъ упоренъ въ своихъ привязанностяхъ къ язычеству, и не потому, какъ говоритъ лѣтописецъ, чтобы онъ признавалъ преимущества отцовскихъ вѣрованій передъ христіанствомъ, а потому единственно, что въ язычествѣ ему жилось лучше, привольнѣе, свободнѣе: тутъ ни что не запрещено ему „творить норовы поганскіе“, тогда какъ христіанство потребовало бы отъ него и нравственной и физической сдержки. Да кромѣ того, онъ не хотѣлъ въ этомъ разойтись со своимъ народомъ, когда народъ оставался въ язычествѣ, при идолахъ, и вся окружающая жизнь сложилась въ иныя формы, которыя были болѣе любы молодому князю, чѣмъ формы христіанской жизни. Формы эти, притомъ, вызывали насмѣшки язычниковъ, а при другихъ обстоятельствахъ могли вызвать и вражду; Святославъ же не хотѣлъ, конечно, быть ни смѣшнымъ въ глазахъ народа, ни чуждымъ ему по вѣрѣ.

— Я узнала Бога и радуюсь,—часто говорила Ольга сыну:—если и ты узнаешь Его, то также будешь радоваться.

Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это:

— Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться.

— Если ты крестишься, то и другіе станутъ тоже дѣлать,—настаивала мать.

Но все было напрасно. Настойчивость матери могла только раздражать молодого князя, и онъ дѣйствительно сердился на мать, которая съ своей стороны видѣла себя одинокою и даже стала бояться язычниковъ.

— Народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла,—говорила она патріарху.

Когда Святославъ возмужалъ и вышелъ изъ-подъ опеки матери, то его почти совершенно не видали уже въ Кіевѣ, такъ какъ онъ находился въ безпрестанныхъ походахъ со своею дружиною, а Ольга одна жила въ Кіевѣ съ его дѣтьми, со своими внучатами. Ольга успѣла состариться, а Святославъ все воевалъ, добывая себѣ славы: такъ, онъ разбилъ казаровъ, которымъ вятичи платили дань, взялъ ихъ столицу на Дону—Бѣлую Вѣжу, побѣдилъ ясовъ и касоговъ, жившихъ у Кавказа, напалъ на волжскихъ болгаръ и разграбилъ ихъ главный, славившійся торговлею, городъ, стоявшій ниже Казани; оттуда кинулся внизъ по Волгѣ, взялъ Итиль при впаденіи Волги въ Каспійское море, вышелъ въ это море, разграбилъ Семендеръ въ

нынѣшнемъ Дагестанѣ, потомъ покорилъ вятичей, и затѣмъ, сдѣлавшись союзникомъ византійскихъ императоровъ, завоевалъ Болгарію (дунайскую) и поселился въ Переяславцѣ на Дунаѣ.

Во время этого мыканья по свѣту неутомимаго „барса" („пардусъ"), съ которымъ Святослава сравнивали лѣтописи, престарѣлая Ольга оставалась въ Кіевѣ, какъ бы брошенномъ на произволъ судьбы и никѣмъ не защищенномъ. За Днѣпромъ разстилалась степь, откуда свободно могли приходить кочевые хищники-печенѣги.

Печенѣги, дѣйствительно, пришли и обложили Кіевъ. Обороняться было не кѣмъ, а помощи ждать неоткуда—Святославъ со своею дружиною былъ далеко отъ Кіева. Ольга заперлась въ городѣ со своими маленькими внучатами и горстью кіевлянъ. Хищники долго держали осаду, не отходя отъ стѣнъ города, откуда поэтому никто изъ осажденныхъ не смѣлъ выйти, а потому Кіевъ не могъ даже подать вѣсти Святославу объ опасности, угрожающей его городу и его матери съ дѣтьми, ни собрать войска изъ окрестныхъ земель. Осажденные начали терпѣть голодъ. Воды также не было. Хотя за Днѣпромъ и собрались ратные люди въ лодкахъ, но, при своей малочисленности, не рѣшались напасть на печенѣговъ, а кіевляне, отрѣзанные отъ Днѣпра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ этихъ ратныхъ людей, тревожимые осадою, не могли даже послать имъ вѣсть о своемъ бѣдственномъ положеніи.

Кіевляне,—говоритъ лѣтописецъ,—встужили и стали думать между собою:

— Нѣтъ ли кого, кто перешелъ бы на ту сторону и сказалъ нашимъ, что если завтра они не нападутъ на печенѣговъ, то мы сдадимся.

— Я пойду,—отозвался одинъ молодой человѣкъ.

— Иди!—закричали ему всѣ.

Взявъ въ руки узду, молодой человѣкъ тихонько вышелъ изъ города. Онъ сталъ ходить между печенѣгами, и такъ какъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, то осаждающіе и приняли его за своего печенѣжина.

— Не видалъ ли кто моей лошади?—спрашивалъ онъ, ходя между печенѣгами.

Такъ онъ дошелъ до рѣки, не будучи узнанъ. На берегу онъ скинулъ съ себя одежду, бросился въ Днѣпръ и поплылъ на ту сторону. Только тутъ печенѣги догадались, что ихъ обманули, и стали пускать стрѣлы въ плывущаго кіевлянина, но онъ успѣлъ отплыть далеко и печенѣжскія стрѣлы не попадали въ него. Съ своей стороны, русскіе ратные люди, стоявшіе за Днѣпромъ, поспѣшили къ нему на помощь съ лодкою, взяли его изъ воды и перевезли на берегъ.

Онъ сказалъ ратнымъ людямъ:

— Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться печенѣгамъ.

Воевода ратныхъ людей, Претичъ, отвѣчалъ на это:

— Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ нибудь захватимъ княгиню съ княжнами и умчимъ ихъ на эту сторону, а то какъ воротится Святославъ—погубитъ насъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, ратные люди, посадившись въ лодки, громко затрубили. Осажденные кіевляне радостно откликнулись имъ на этотъ сигналъ. Печенѣги, вообразивъ, что это пришелъ самъ князь съ войскомъ, испугались и отбѣжали отъ города. Ратные люди воспользовались этимъ замѣшательствомъ непріятеля, пристали къ Кіеву, посадили въ лодку Ольгу съ княжатами и снова отплыли на другой берегъ Днѣпра. Печенѣги видѣли это, но не могли понять, что дѣлаютъ кіевляне. Печенѣжскій князь воротился одинъ къ городу, приблизился къ воеводѣ Претичу и спросилъ:

— Кто это пришелъ?

— Люди съ той стороны,—уклончиво отвѣчалъ Претичъ.

— А ты князь ли?—снова спросилъ печенѣжскій предводитель.

— Я княжой мужъ, и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ,—безчисленное множество войска,—сказалъ воевода, желая попугать печенѣга.

Это подѣйствовало.

— Будь мнѣ другомъ,—сказалъ печенѣгъ.

Претичъ изъявилъ согласіе. Оба военачальника подали другъ другу руки и взаимно одарили другъ друга по тогдашнему обычаю. Печенѣжскій князь далъ Претичу коня, саблю и стрѣлы; Нретичъ отдарилъ печенѣга бронею, щитомъ и мечомъ.

Печенѣги отступили отъ города, но такъ близко остановились, что кіевлянамъ нельзя было и коней своихъ напоить: печенѣги стояли на Лыбеди.

Въ этомъ безвыходномъ положеніи осажденные послали къ князю за помощью.

— Ты, княже, ищешь чужой земли и ея блюдешь, а отъ своей отрекся: безъ тебя насъ чуть было не взяли печенѣги вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми,—говорили Святославу посланцы кіевскіе: — если не придешь, не оборонишь насъ, то насъ возьмутъ. Развѣ жъ тебѣ не жалко отчины своей, ни старухи-матери, ни дѣтей малыхъ?

Тогда Святославъ, немедленно посадивъ на коней свою дружину, прибѣжалъ съ нею къ Кіеву, поздоровался съ матерью, разгнѣвался на печенѣговъ, собралъ рать и прогналъ хищныхъ варваровъ въ степи.

Но въ Кіевѣ, на тихой родинѣ, не сидѣлось этому безпокойному потомку варяговъ и прародителю будущихъ казаковъ запорожскихъ, несмотря на то, что тамъ оставались его маленькія дѣти и старуха-мать, уже безсильная защитить себя, какъ она когда-то зашищала и свою землю, и своего малютку-сына, будущаго „пардуса“, отъ древлянъ, этого безпокойнаго Святослава, который теперь бросалъ и ее, и свою родину.

— Не любо мнѣ въ Кіевѣ,—говорилъ онъ матери и боярамъ:—хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ середина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ грековъ золото, ткани, вина, овощи разныя, отъ чеховъ и венгровъ—серебро и коней, изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и рабовъ.

— Ты видишь, я уже больна, куда же ты уходишь отъ меня?—говорила. Ольга.—Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь.

Черезъ три дня Ольга умерла. „И плакались по ней,—говоритъ лѣтописецъ,—сынъ, внуки и люди всѣ плачемъ великимъ.“ Умирая, Ольга запретила править по себѣ языческую тризну, какъ она сама, будучи еще язычницей, правила ее по своемъ мужѣ на курганѣ подъ Коростеномъ. У нея былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

Личность Ольги представляется идеаломъ женщины своего времени. Какъ на идеалъ женщины и мудрой правительницы земли русской смотрѣлъ на нее народъ, создавшій объ этой женщинѣ всѣ вышеприведенныя преданія, въ основаніи которыхъ конечно лежала значительная доля исторической правды и факты дѣйствительно совершившіеся, но только уже изукрашенные впослѣдствіи народнымъ эпическимъ творчествомъ; какъ на идеалъ женщины своего времени смотрѣлъ на нее и лѣтописецъ, передавшій намъ, хотя смутно, образъ этой первой исторической русской женщины на основаніи живыхъ народныхъ сказаній.

Съ современной намъ точки зрѣнія Ольга можетъ казаться жестокою, мстительною и коварною; но жестокость и месть вызывались естественными законами, которыми управлялись тогдашнія общества вмѣсто законовъ писанныхъ,—общества, считавшія кровавую месть дѣломъ священнымъ, а потому тотъ, кто жестче мстилъ, въ глазахъ народа былъ истиннымъ блюстителемъ закона. И народъ дѣйствительно поставилъ Ольгу высоко въ своемъ мнѣніи: Ольгу онъ изобразилъ болѣе хитрою, т. е. болѣе мудрою, чѣмъ самые греки—этотъ, по тогдашнимъ понятіямъ, коварнѣйшій и лукавѣйшій въ мірѣ народъ. Оттого и Владиміръ, принявшій православіе и обратившій въ православіе весь русскій народъ, называлъ свою бабку Ольгу „мудрѣйшею изо всѣхъ людей“.

Наконецъ, Ольга является какъ законодательница и устроительница русской земли, въ то время, когда еще не было писаннаго закона.

II.

Малуша-ключница.—Рогнѣда.—Анна-болгарыня.—Олова-варяжка.—Мальфреда-чехиня.—Адиль.—Преслава.—Ингигерда.

Послѣ княгини Ольги на историческомъ поприщѣ является нѣсколько женскихъ личностей; но онѣ проходятъ почти незамѣтно, не какъ историческія женщины, а почти какъ историческія тѣни, и только нѣкоторыя изъ нихъ, если и недостачно явственно очерчиваются на общемъ фонѣ исторіи, однако же, и не окончательно теряются въ общей массѣ событій.

Эти женщины были: Малка или Малуша, ключница княгини Ольги, сестра извѣстнаго Добрыни и мать князя Владиміра-Святого, а потомъ нѣкоторыя его жены, какъ-то: Рогнѣда—полоцкая княжна, мать Изяслава, Ярослава

и Всеволода; Анна-болгарыня, греческая царевна, мать Бориса и Глѣба; Олова-варяжка, мать Вышеслава; Мальфреда-чехиня, мать Святослава; Адиль или Адель—мать Мстислава (Владиміровичей); Преслава или Предслава—дочь Владиміра; Ингигерда—дочь Шведскаго короля Олова и жена Ярослава.

О Малкѣ или Малушѣ извѣстно только то, что она была сестра Добрыни, знаменитаго „кормильца“ и дяди Владиміра Святого, и состояла ключницей при княгинѣ Ольгѣ, слѣдовательно, по тогдашнимъ общественнымъ отношеніямъ считалась „рабыней“. Хотя многоженство въ то время и было въ обычаѣ, какъ выраженіе языческихъ воззрѣній на бракъ, однако, когда Ольга узнала о брачной связи своего сына Святослава съ ключницею-рабынею, она въ гнѣвѣ отослала отъ себя Малушу, которую не могла признать законною или „водимою“ женою своего сына и которая въ этомъ изгнаніи и родила сына Владиміра, впослѣдствіи „равноапостольнаго“ просвѣтителя русской земли. „Володимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольгины,—говоритъ лѣтописецъ, - и бѣ рожденіе Володимеру въ Будутинѣ веси: тамо бо въ гнѣвѣ отослала ее Ольга, село бо бяше ея тамо.“

Вотъ все, что оставили намъ лѣтописи о Малушѣ, матери „Володимера стольно-кіевскаго“, самаго любимаго героя народныхъ былинъ и популярнѣйшей личности во всей нашей древней исторіи,—Владиміра, крестившаго русскій народъ, Владиміра, окруженнаго сонмомъ богатырей, однимъ словомъ, „Володимера красное солнышко“. Только косвенно—сколько намъ извѣстно изъ тѣхъ же лѣтописей—судьба Малуши, какъ рабыни, имѣла вліяніе на дальнѣйшую судьбу ея сына и была источникомъ немалыхъ для него непріятностей: Владиміра не хотѣли признавать — ни отецъ равноправнымъ сыномъ съ другими сыновьями, ни братья—равноправнымъ братомъ, ни Рогнѣда, полоцкая княжка, за которую онъ впослѣдствіи сватался, не хотѣла признать Владиміра достойнымъ ея руки, называя его „робичичемъ.“

Вотъ эти непріятности, невольною причиною которыхъ была Малуша.

Святославъ, сынъ Ольги, предпочиталъ, какъ мы видѣли выше, свое княженіе въ болгарскомъ городѣ Переяславцѣ княженію въ Кіевѣ. По смерти Ольги, онъ поспѣшилъ въ свою любимую резиденцію, а старшихъ сыновей своихъ: Ярополка посадилъ въ Кіевѣ, а Олега—въ землѣ древлянской; только младшему Владиміру онъ не далъ ничего, и именно потому, что тотъ былъ сынъ рабыни. Новгородъ, оставшійся безъ князя, завидуя Кіеву и древлянской землѣ, имѣвшимъ своихъ князей, послалъ къ Святославу просить и для себя князя.

— Аще не поидете къ намъ,—говорили послы новгородскіе Святославу,—то налѣземъ князя собѣ (т.-е. поищемъ на-сторонѣ).

Святославъ отвѣчалъ: „А бы пошелъ кто къ вамъ“, т.-е. „если бы былъ кто у меня, я бы послалъ его къ вамъ“, забывая или не желая помнить, что у него есть сынъ Владиміръ. Когда же спросили Ярополка и Олега — хотятъ ли они идти въ Новгородъ, тѣ отказались — „отпрѣся Ярополкъ и Олегъ.“ Не спросили только Владиміра—его обошли.

Тогда Добрыня научилъ новгородцевъ: „Просите Владиміра“. Добрынѣ, брату Малуши, конечно желательно было, чтобы сынъ ея, а его племянникъ, сдѣлался княземъ въ Новгородѣ. Новгородцы послушались совѣта Добрыни.

— Дай намъ Владиміра,—сказали они Святославу.

— Возьмите,—отвѣчалъ тотъ.

Сына Малуши, слѣдовательно, забыли, какъ будто бы его и не было. Надо полагать, что онъ и жилъ съ матерью въ изгнаніи, въ селѣ Будутинѣ.

Затѣмъ, когда впослѣдствіи Владиміръ, уже княжившій въ Новгородѣ, сватался за Рогнѣду, эта гордая полоцкая княжна, понимая различіе между Владиміромъ, сыномъ Малуши, и Ярополкомъ, его старшимъ братомъ, рожденнымъ не отъ рабыни, а отъ „водимой“ жены, отвѣчала:

— Не хочу я за робичича, за Ярополка хочу.

Личность Рогнѣды („Рогнѣдь“), въ ходѣ историческихъ событій слѣдующая за Малушей, выступаетъ передъ нами нѣсколько рельефнѣе и очерчивается яснѣе не только этой послѣдней, но и остальныхъ историческихъ женскихъ личностей того времени.

Какъ княжна, воспитанная до извѣстной степени въ понятіяхъ своего княжескаго рода, она безъ сомнѣнія знала, что, при многоженствѣ, дѣти князей, рожденныя отъ женъ незнатнаго происхожденія, не отъ княженъ, а отъ рабынь, во всякомъ случаѣ не считались вполнѣ равными дѣтямъ матерей изъ княжескаго рода, а потому понимала сама или научена была старшими, что если выбирать кого изъ двухъ жениховъ, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому, который родился отъ матери княжескаго рода. Вотъ почему молодая княжна отвѣчала: „Не хочу замужъ за сына рабыни, а хочу я за Ярополка“.

Дѣло въ томъ, что когда, по смерти Святослава, сыновья его: Ярополкъ, княжившій въ Кіевѣ, и Олегъ, сидѣвшій въ древлянской землѣ, стали враждовать между собою и послѣдній погибъ въ битвѣ, а Владиміръ, сидѣвшій въ Новгородѣ, боясь, чтобъ и его не постигла участь брата, бѣжалъ за море и воротился оттуда съ варягами, которыхъ и повелъ на старшаго брата,—Ярополкъ, желая заручиться сильнымъ союзникомъ для войны съ братомъ, сосваталъ за себя дочь полоцкаго князя Рогволода, Рогнѣду. Съ своей стороны Владиміръ тоже желалъ имѣть союзника въ Рогволодѣ и, по совѣту Добрыни, послалъ къ нему отроковъ, которые должны были сосватать за него молодую княжну, невѣсту Ярополка. Рогволодъ, поставленный между двумя сильными и опасными претендентами на руку его дочери, предоставилъ ей самой выбрать одного изъ двухъ представлявшихся ей жениховъ.

Вотъ тутъ-то гордая княжна и сказала отроку Владиміра ту знаменитую историческую фразу, которая была источникомъ страшныхъ бѣдъ для всей ея родины, для ея семьи и отравила затѣмъ всю ея жизнь.

— Не хочу я за робичича, за Ярополка хочу,—вотъ та историческая фраза, которая сорвалась съ языка молодой дѣвушки, не предвидѣвшей, конечно, какая рѣдкая въ исторіи слава ожидаетъ этого „робичича“.

Когда отроки привезли Владиміру оскорбительный отвѣтъ Рогнѣды, онъ, по совѣту того же пестуна своего и дяди, честолюбиваго Добрыни, брата той женщины — Малуши, которую Рогнѣда высокомѣрно назвала рабою, а по ней и сына ея, князя Владиміра, „робичичемъ“, собралъ сильное войско изъ варяговъ, новгородцевъ, чуди и кривичей, и двинулся на Полоцкъ, чтобъ отмстить и свое оскорбленіе, и оскорбленіе матери, и, наконецъ, оскорбленіе Добрыни, повидимому руководившаго всѣми дѣйствіями юнаго князя. Нападеніе на Полоцкъ сдѣлано было въ то самое время, когда Рогнѣду уже готовились „вести за Ярополка“. Полоцкъ былъ взятъ, Рогволодъ съ сыновьями убитъ, а Рогнѣда взята, и волей неволей должна была сдѣлаться женою „робичича“.

Все это была, главнымъ образомъ, месть Добрыни за оскорбленіе сестры его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его самого, почти самовластно управлявшаго Новгородомъ за малолѣтствомъ своего племянника. Гордый отказъ Рогнѣды былъ началомъ той жестокости, съ которою дѣйствовалъ Владиміръ: за презрительный ея отвѣтъ, Добрыня, а не кто другой желалъ, чтобы молодой княжнѣ отмстили позоромъ, гибелью отца и братьевъ, порабощеніемъ ея родины—все это въ характерѣ того времени, какъ мы и видимъ изъ безыскусственнаго разсказа лѣтописца: „Яко Роговолоду держащю и володѣющю и княжащю полотьскую землю, а Володимеру сущу Новѣгородѣ, дѣтьску сущю еще и погану (некрещеному), и бѣ у него Дъбрыня воевода, и храборъ, и нарядѣнъ мужъ, и сей посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Володимера.“ Мы знаемъ презрительный отвѣтъ Рогнѣды. „Слышавъ же Володимеръ, — продолжаетъ лѣтописецъ, — разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: „не хочю я за робичича“, пожалися Добрыня и исполнися ярости... и Добрыня поноси ему (Рогволоду) и дщери его, нарекъ ей робичича, и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью“.

Рогнѣда, такимъ образомъ, была взята Владиміромъ противъ ея воли. Некрасна была ея жизнь съ этимъ мужемъ. Овладѣвъ всею русскою землею, полонивъ землю полоцкою—наслѣдіе Рогнѣды, и утвердившись въ Кіевѣ, Владиміръ набралъ себѣ много другихъ женъ: были у него, какъ извѣстно и гречанки—вдова брата Ярополка, и болгарыни—Анна греческая—царевна, и чехини—Мальфреда, и варяжки—Олова, и шведки—Ингигерда и т. д. Кромѣ пяти законныхъ женъ онъ имѣлъ 300 не „водимыхъ“ женъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ селѣ Берестовѣ и много другихъ, случайныхъ, будучи, по выраженію лѣтописца, женолюбивъ какъ Соломонъ. За всѣмъ этимъ множествомъ женъ Владиміръ почти не зналъ Рогнѣды, изъ-за обладанія которой было сдѣлано столько жестокостей, пролито столько крови.

Рогнѣда, какъ одна изъ первыхъ женъ князя п остаршинству замужества и гордая своимъ родомъ, не могла перенести этого униженія, и рѣшилась отмстить Владиміру и свой позоръ, и его холодность, и гибель всего своего рода. У нея былъ уже отъ Владиміра сынъ Изяславъ, и она

могла опасаться, что ея униженіе перенесется и на сына, уже подроставшаго мальчика. Однажды, когда Владиміръ пришелъ къ ней и уснулъ, Рогнѣда рѣшилась зарѣзать его; но когда она занесла уже руку съ ножомъ, князь проснулся и схватилъ ее за руку. Рогнѣда сказала тогда мужу:

— Горько ужъ мнѣ стало: отца моего ты убилъ, и землю его полонилъ изъ-за меня, а теперь—не любишь меня и младенца моего.

Тогда Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское одѣяніе, такъ какъ она одѣта была въ день свадьбы, и на богатой постели дожидаться его. Владиміръ рѣшился прійти и убить ее въ томъ богатомъ нарядѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее еще невѣстою.

Хотя Рогнѣда и исполнила все, что ей приказывалъ мужъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ позвала своего маленькаго сына, дала ему въ руки обнаженный мечь и научила его такъ:

— Смотри, когда войдетъ отецъ, ты выступи впередъ и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты одинъ здѣсь?

Ребенокъ исполнилъ, какъ научила его мать. Когда Владиміръ увидѣлъ сына, котораго онъ не ожидалъ встрѣтить въ спальной Рогнѣды, и услышалъ его слова, то сказалъ: „А кто жъ тебя зналъ, что ты здѣсь!“ И затѣмъ бросилъ мечь, приказалъ созвать бояръ и разсказалъ имъ все, что тутъ было. Этимъ онъ какъ-бы просилъ бояръ — своихъ совѣтниковъ— разсудить его съ женою.

— Не убивай ужъ ее ради этого ребенка,—сказали бояре:— возстанови ея отчину и дай ей съ сыномъ.

Владиміръ не убилъ Рогнѣды, но не возстановилъ ея отчины, полоненнаго Полоцка съ землею: онъ построилъ ей особый городъ, назвавъ его въ честь сына—Изяславлемъ, и отдалъ этотъ городъ покинутой женѣ съ ея ребенкомъ. Съ той поры,—говоритъ лѣтописецъ,—внуки Рогволодовы враждуютъ съ внуками Ярославовыми.

Впослѣдствіи, когда Владиміръ сдѣлался уже христіаниномъ и женился на Аннѣ, греческой царевнѣ, онъ послалъ къ Рогнѣдѣ сказать:

— Вотъ я уже крещенъ, принялъ вѣру и законъ христіанскій, а потому подобаетъ мнѣ имѣть одну жену, которую я взялъ уже въ христіанствѣ. Выбери себѣ кого хочешь изъ моихъ вельможъ, и я сочетаю тебя съ нимъ.

На это Рогнѣда отвѣчала съ свойственной ей твердостью:

— Или ты одинъ хочешь царство земное и небесное воспринять, а мнѣ мало того, что этого временнаго царства не далъ, но и будущаго не хочешь дать? Ты вѣдь отступилъ отъ идольской прелести въ сыновленіе Божіе, а я была уже царицею и не хочу быть рабою ни земному царю, ни князю, но хочу уневѣститися Христу и приму ангельскій образъ.

Около нея „сидѣлъ“ въ это время другой сынъ — Ярославъ, будущій законодатель русской земли и будущій знаменитый „хромой князь плотниковъ новгородцевъ“, какъ надъ нимъ передъ битвою насмѣхался воевода Волчій-Хвостъ. Ярославъ „сидѣлъ“ потому, что не владѣлъ ногами—„бѣ

бо естествомъ таковъ отъ рожденія“. Но когда онъ услыхалъ слова отца, предлагавшаго матери его выдти замужъ, и отвѣтъ Рогнѣды Владиміру, мальчикъ съ плачемъ вздохнулъ и обратился къ матери:

— О, мать моя! воистину ты царица царицамъ и госпожа госпожамъ!

И отъ этихъ словъ онъ всталъ на ноги въ первый разъ въ жизни, а до того времени совсѣмъ не ходилъ. Рогнѣда же постриглась въ монахини и названа Анастасіею.

Вотъ все, что намъ извѣстно о судьбѣ Рогнѣды.

Почти въ одно время и рядомъ съ этой несчастной и замѣчательной женщиной на исторической сценѣ появляется греческая княжна Анна. Одни называютъ ее „грекиней“, другіе—„болгарыней“, славянкою изъ Болгаріи. Весьма вѣроятно, что хотя Анна была греческая царевна, но родилась въ Болгаріи и отъ отца болгарина. Мать ея, дочь византійскаго императора Романа, при которомъ Ольга приняла крещеніе, была замужемъ за болгарскимъ царемъ, а во время Владиміра въ Византіи царствовали ея племянники, императоры Василій и Константинъ, приходившіеся двоюродными братьями царевнѣ Аннѣ. Вотъ почему Анна могла справедливо называться и „грекинею“ и „болгарынею“, и это не было ошибкою ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

Когда Владиміръ, еще будучи язычникомъ, взялъ Корсунь или Херсонь, принадлежавшій грекамъ, убилъ тамошняго князя съ княгиною и дочь ихъ бывшую за Жильберномъ, то отправилъ, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ и своимъ воеводою Олегомъ, пословъ къ греческимъ императорамъ Василію и Константину съ слѣдующимъ предложеніемъ:

— Я взялъ вашъ славный городъ. Слышу, что у васъ есть сестра въ дѣвицахъ: если вы не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ Корсунемъ.

На эту страшную угрозу могущественнаго язычника, опасную силу которыхъ уже не разъ испытывала Византія, испуганнные императоры отвѣчали уклончиво, не смѣя прямо отказать Владиміру.

— Не подобаетъ,—говорили они черезъ пословъ своихъ:—христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ. Если ты крестишься, то и сестру нашу получишь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и царство небесное, и будешь нашъ единовѣрникъ. Но если не хочешь креститься, то мы не можемъ выдать за тебя сестры нашей.

Владиміръ велѣлъ сказать царскимъ посламъ:

— Скажите царямъ, что я крещусь. Я уже прежде испыталъ вашъ законъ: люба мнѣ вѣра ваша и служеніе, о которыхъ разсказывали мнѣ посланные отъ меня мужи.

Обрадованные такимъ отвѣтомъ цари умолили Анну согласиться на бракъ съ Владиміромъ, и когда получили ея согласіе, вновь отправили посольство въ Корсунь.

— Крестись,—велѣли они сказать:—и тогда пошлемъ тебѣ сестру.

Но осторожный Владиміръ приказалъ посламъ своимъ передать императорамъ:

— Пусть крестятъ меня тѣ священники, которые придутъ ко мнѣ съ вашею сестрою.

Греческимъ императорамъ ничего не оставалось, какъ исполнить желаніе Владиміра, и потому они отправили свою сестру въ Корсунь. Ее сопровождали и священники.

Молодая царевна боялась идти въ невѣдомую страну, къ варварамъ и язычникамъ.

— Иду точно въ полонъ, —плакалась она:—лучше бы мнѣ умереть здѣсь.

Братья уговаривали сестру принести для всей имперіи эту великую жертву и своею уступкою спасти и ихъ самихъ и ихъ царство. Они дѣйствовали на ея молодое воображеніе, на ея христіанскую ревность.

— А что,—говорили они:—если тобою Богъ обратитъ въ покаяніе русскую землю, а греческую избавитъ отъ лютой рати? Видишь, сколько зла надѣлала Русь грекамъ! И теперь, если не пойдешь, будетъ тоже.

Съ трудомъ могли уговорить бѣдную дѣвушку рѣшиться на такую жертву—оторваться отъ всего дорогого и ѣхать въ далекую сторону, къ скиѳамъ, какъ понимали тогда русскую землю. Анна рѣшилась пожертвовать собой, сѣла въ корабль, распростилась съ родными и съ горемъ отплыла въ Корсунь.

Жители Корсуня, большею частью греки, встрѣтили свою царевну съ большимъ торжествомъ.

Во время пріѣзда царевны, Владиміръ разболѣлся глазами такъ сильно, что совсѣмъ ничего не сталъ видѣть, а очень скорбѣлъ объ этомъ. Царевна велѣла сказать ему:

— Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни—крестись скорѣй, а если не крестишься, то и не вылѣчишься.

— Если поистинѣ такъ случится, то вправду великъ будетъ Богъ христіанскій,—отвѣчалъ на это Владиміръ.

Затѣмъ онъ объявилъ, что готовъ принять крещеніе. Корсунскій епископъ и прибывшіе съ царевною священники огласили объ этомъ торжествѣ и крестили язычника. Едва только возложены были на крещаемаго руки, онъ внезапно прозрѣлъ и воскликнулъ:

— Только теперь позналъ я истиннаго Бога!

Вслѣдъ за чуднымъ исцѣленіемъ Владиміра крестились и многіе изъ дружины князя.

Бракъ не замедлилъ совершиться, и Владиміръ возвратился изъ Корсуня въ Кіевъ уже съ своею новою христіанскою женою.

Вотъ въ это-то время, конечно, когда Владиміръ предложилъ своей бывшей женѣ Рогнѣдѣ выдти замужъ за любого изъ вельможъ, Рогнѣда пошла въ монастырь, бросивъ свое языческое, но ставшее столь извѣстнымъ въ исторіи, имя.

О дальнѣйшей же судьбѣ Анны почти ничего неизвѣстно: знаемъ только,

что она умерла вдали отъ своей родины раньше своего мужа, именно— въ 1011 году.

Около этого же времени, какъ бы мимоходомъ, появляется на исторической сценѣ Предслава или Преслава, дочь Владиміра и сестра злополучныхъ юношей мучениковъ Бориса и Глѣба, но тотчасъ же и исчезаетъ съ этой сцены ужасовъ, убійства и кровопролитій.

Когда умеръ Владиміръ и объ этомъ событіи не могла еще дойти вѣсть до Новгорода, гдѣ сидѣлъ сынъ его Ярославъ, прозванный впослѣдствіи „окаяннымъ", успѣлъ умертвить брата своего Бориса, чтобъ одному быть властителемъ русской земли. Предслава тайно послала въ Новгородъ сказать своему брату Владиміру: „Отецъ умеръ, Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, послалъ и на Глѣба—берегись его!"

Затѣмъ Предслава появляется вновь, и также мелькомъ, подъ 1017 годомъ, т.-е. черезъ два года послѣ смерти отца. Польскій король Болеславъ еще раньше этого сватался за Предславу, но получилъ отказъ. Въ отмщеніе за это и для распространенія своей власти на русскомъ востокѣ, Болеславъ пошелъ войной на Русь, разбилъ Ярослава, брата Предславы, и взялъ Кіевъ. Здѣсь то онъ и нашелъ Предславу. Желая отомстить позоромъ дочери отказъ ея отца, Болеславъ взялъ несчастную княжну къ себѣ въ наложницы, вмѣстѣ съ другою сестрою, которой имя намъ неизвѣстно.

Какая участь должна была ожидать Предславу въ Польшѣ—извѣстій объ этомъ наши лѣтописи не сохранили.

Такъ же безвѣстно проходятъ передъ нами жена Ярослава Ингигерда, дочь шведскаго короля Олофа, затѣмъ сестра Ярослава и Предславы—Доброгнѣва или Марія, которая въ 1043 году выдана была въ замужество за Казиміра польскаго и повезла съ собою богатое приданое, по словамъ лѣтописца; потомъ Анастасія, дочь Ярослава, отданная замужъ за венгерскаго короля Андрея, Анна, выданная за французскаго короля Генриха I-го и знаменитая „дѣва русская" Елизавета—за Гаральда норвежскаго.

О послѣдней сохранилось въ нерусскихъ памятникахъ богатое поэтическое преданіе: какъ Елизавета плѣнила сердце Гаральда, какъ онъ старался геройскими подвигами заслужить ея расположеніе, мыкался по морямъ, терпѣлъ страшныя лишенія, показывалъ чудеса храбрости, но все-таки долго не могъ покорить русской красавицы, о чемъ и передаетъ извѣстная пѣсня, которую будто бы пѣлъ Гаральдъ,—пѣсня, оканчивающаяся (въ русскомъ переводѣ) извѣстнымъ припѣвомъ: „А дѣва русская Гаральда презираетъ..."

Хотя вообще положеніе русской женщины въ это далекое отъ насъ время представляется до того неяснымъ, что даже немногія изъ нихъ историческія личности, кромѣ Ольги, Рогнѣды и Анны, проходятъ какими-то тѣнями передъ глазами историка, однако по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что положеніе это вполнѣ соотвѣтствовало грубости нравовъ того времени, особенно же при естественномъ господствѣ и уваженіи матеріальной силы предпочтительно передъ силами нравственными.

Правда, женщины княжескаго рода, при малолѣтствѣ дѣтей, управляютъ землей наравнѣ съ княземъ, имѣютъ даже и при жизни князей свои дружины, какъ это подтверждаютъ и слова Владиміра въ былинѣ: „Гой еси, Иванъ Годиновичъ! возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ русскихъ могучихъ богатырей, у княгини ты бери другое сто“; жены, по смерти мужей, получаютъ часть наслѣдства, даже дочери, если у нихъ не было братьевъ, и только при братьяхъ сестры ничего не получаютъ, почему братья обязываются выдавать ихъ замужъ; женщины провожаютъ своихъ мужей на битву; княжескія жены имѣютъ свои волости, какъ Рогнѣда; князья иногда совѣтуются со своими женами о дѣлахъ, какъ Владиміръ съ Анною о церковномъ устройствѣ, и проч.; но въ тоже время языческое многоженство ставитъ женщину въ самое обидное положеніе.

Что касается быта собственно княжескаго, то въ положеніи женщины замѣчается, въ этотъ періодъ времени, такая особенность, какой мы не замѣчаемъ въ послѣдующемъ ходѣ русской исторіи или по крайней мѣрѣ видимъ ее гораздо рѣже: это то, что женами первыхъ русскихъ князей являются женщины всѣхъ національностей—и „грекини“, и „чехини“, и „болгарыни“, нѣмецкія и варяжскія княжны, равно и русскія княжны уходятъ замужъ далеко отъ родины: въ Германію, Венгрію, Польшу, Норвегію и Францію.

Слѣдующія за этимъ начальнымъ періодомъ исторіи Русской земли столѣтія—одиннадцатое и двѣнадцатое—представляютъ какое-то безпорядочное броженіе и борьбу элементовъ: князья-родичи враждаютъ изъ-за земель, изъ-за удѣловъ, что, впрочемъ, продолжается до XV-го вѣка; незаселенныя земли постепенно, хотя медленно, заселяются; яснѣе обозначается русская жизнь въ отдѣльныхъ русскихъ областяхъ—суздальской, владимірской, кіевской, новгородской, галицкой и т. д. Вся поглощенная борьбою своихъ собственныхъ элементовъ и отраженіемъ отъ своихъ областей кочующихъ сосѣдей-печенѣговъ, потомъ половцевъ, торховъ, берендеевъ, чорныхъ-клобуковъ—Русь какъ-бы забываетъ о варягахъ и грекахъ, и надолго замыкается въ себѣ самой, въ своемъ собственномъ внутреннемъ историческомъ ростѣ.

Въ этой борьбѣ элементовъ и въ процессѣ этого внутренняго постепеннаго гражданскаго роста женщина показывается рѣдко, въ неясныхъ или слишкомъ общихъ очертаніяхъ, такъ что ни одна женская личность не выявляется даже въ тѣхъ неясныхъ образахъ, въ какихъ выявились, напримѣръ, Ольга, „переклюкавшая“ греческаго императора, гордая Рогнѣда, не хотѣвшая „разуть робичича“, Елизавета, прославленная пѣснью Гаральда.

Цѣлыхъ два вѣка даютъ намъ какихъ-нибудь двѣ-три женскія личности, о которыхъ лѣтописцы упоминаютъ вскользъ, случайно, какъ напримѣръ о томъ, что какая-то сердобольная попадья, недалеко отъ Кіева, сжалившись надъ страданіями ослѣпленнаго братьями Василька, вымываетъ кровавую сорочку этого несчастнаго князя, когда онъ лежалъ въ безпамят-

ствѣ, и потомъ поитъ его водой, когда больной приходитъ въ себя, или о томъ, что княгиня Рогнѣда (другая), сестра князя Ростислава, бывшая замужемъ за Олегомъ, княземъ сѣверскимъ, уговариваетъ умирающаго брата не покидать ее, а „лечь въ построенной имъ церкви“ въ томъ городѣ, гдѣ живетъ Рогнѣда, или, наконецъ, о томъ, что Ольга, несчастная жена знаменитаго князя Ярослава Владиміровича галицкаго, упоминаемаго въ „Словѣ о полку Игоря“, подъ именемъ „Осмомысла“ и промѣнявшаго свою жену на какую-то Настасью, убѣгаетъ изъ Галича въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ, а галичане, схвативъ возлюбленную Осмомысла сжигаютъ се на кострѣ, а потомъ бунтуютъ противъ сына Осмомысла отъ этой Настасьи—Олега, въ пользу другаго сына Осмомысла и Ольги, Владиміра, котораго отецъ обидѣлъ въ пользу Олега, рожденнаго отъ болѣе дорогой для него женщины, чѣмъ его жена: все это такія случайныя явленія и представляются въ такихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, что объ нихъ больше и сказать нечего.

Нѣсколько явственнѣе рисуется одна только женская личность за всѣ эти двѣсти лѣтъ—это жена Романа, князя галицкаго, который, по преданію, „пахалъ Литвою“.

У нея на на рукахъ послѣ мужа осталось два сына-младенца, Даніилъ и Василько, которыхъ права она энергически отстаиваетъ отъ враждебныхъ родичей, князей другихъ удѣловъ, спасаетъ своихъ дѣтей въ чужихъ земляхъ, ищетъ себѣ помощи и въ Венгріи, и въ Польшѣ, и наконецъ добивается того, что маленькаго Даніила избираютъ княземъ въ Галичѣ, въ столицѣ его отца, а другого малютку—Василька—въ Бѣльзѣ. Но бояре-галичане, привыкшіе самовластно управлять городомъ, не желаютъ, чтобы ребенокъ-князь находился подъ руководствомъ умной матери, и когда она пріѣзжаетъ къ сыну, ее заставляетъ удалиться изъ Галича. Ребенокъ-князь не хочетъ оставаться безъ матери, плачетъ, и, когда шумавинскій тіунъ хочетъ насильно отвести его коня, на котромъ онъ ѣхалъ за удаляющеюся отъ него матерью, малютка-князь выхватываетъ мечъ и бьетъ тіуна, но безсильная рука ранитъ своего собственнаго коня. Мать вырываетъ мечъ у маленькаго Даніила, успокоиваетъ его и уѣзжаетъ къ другому сыну—Васильку.

Вотъ почти и все, что можно сказать о русскихъ историческихъ женщинахъ XI-го и XII вѣковъ, хотя, конечно, гораздо больше можно было бы сказать вообще о положеніи женщины въ то время. Но цѣлью нашихъ очерковъ мы поставили себѣ не общую характеристику положенія женщины въ Россіи, а только краткое ознакомленіе съ болѣе или менѣе выдающимися историческими женщинами, почему и переходимъ къ послѣдующимъ періодамъ исторіи Русской земли.

III.

Княжна Сбыслава.—Княжна Измарагдъ.—Княгиня Верхуслава.—Гертруда, княгиня галицкая. — Ольга, княгиня волынская и ея пріемышъ Изяслава. — Княгиня Despite Кончака-татарка. — Елена Омуличъ, служанка Анны, княгини литовской.—Александра, княгиня нижегородская.—Ульяна, княгиня вяземская.

За удѣльными усобицами, отъ которыхъ почти два столѣтія страдала и обливалась кровью Русская земля, слѣдуютъ годы еще болѣе тяжелыхъ для нея испытаній—это такъ называемое „Монгольское иго", подъ которымъ въ теченіе еще двухъ столѣтій буквально стонала и обливалась кровью Русская земля.

Во всѣ предшествовавшія три столѣтія женщина являлась на исторической сценѣ, какъ тѣнь. Теперь она еще болѣе прячется въ свой теремъ, или въ монастырь, или въ бѣдную избушку, чтобъ не увидалъ татаринъ, и лѣтописецъ молчитъ о ней, потому что ея нигдѣ не видать, ни въ какихъ дѣлахъ она не принимаетъ участія, а если и бываетъ иногда замѣтно ея присутствіе, если и упоминается ея имя, такъ развѣ тогда только, когда она родится и воспринимается отъ купели, когда выходитъ замужъ, постригается въ монастырь, или же появляется въ послѣдній разъ въ погребальной процессіи.

Такими безличными тѣнями на общемъ историческомъ фонѣ являются княжна Сбыслава—четвертая дочь великаго князя Всеволода, княжна Измарагдъ — дочь Ростислава Рюриковича, и нѣкоторыя другія. О первой лѣтописецъ заноситъ извѣстіе въ свой хронографъ, наполненный перечисленіемъ княжескихъ родовыхъ усобицъ и споровъ изъ-за волостей, что „родися у великаго князя Всеволода четвертая дчи, и нарекоша имя во святомъ крещеніи Полагья, а княже Сбыслава"—вотъ и все. А что было потомъ съ этой княжной Полагьей (Пелагія) или „по-княжески", „поваряжски" Сбыславой—лѣтописецъ уже не говоритъ: она совершенно потерялась для него изъ виду.

Съ такимъ же лѣтописнымъ лаконизмомъ заноситъ бытописатель въ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ" и имя другой княжны—Измарагды, которую потомъ какъ бы совсѣмъ забываетъ, потому что личность ея ничѣмъ не проявилась въ исторіи Русской земли. „Родилась дочь у Ростислава Рюриковича,—читаемъ у лѣтописца подъ 1198 годомъ, — и назвали ее Евфросиньей, прозваніемъ Измарагдъ, т. е. „дорогой камень". Когда крестили эту маленькую княжну, то на крестины пріѣхалъ знаменитый князь Мстиславъ-Удалой и тетка новорожденной Передслава; взяли ее потомъ къ дѣду и бабкѣ въ Кіевъ, гдѣ она и воспитана была „на Горахъ".

Послѣ этого княжна Измарагда безслѣдно исчезаетъ со страницъ исторіи.

На болѣе долгое время появляется на этихъ страницахъ княжна Верхуслава—дочь великаго князя Всеволода III, но опять-таки появляется она только въ трехъ случаяхъ жизни: когда ее, восьмилѣтняго ребенка, выдавали замужъ, потомъ, когда она пріѣзжала отъ мужа въ свой родной городъ проводить въ монастырь свою больную мать, при жизни мужа и отца Верхуславы, постригшуюся въ инокини, и, наконецъ, когда она оказываетъ покровительство печерскому черноризцу Поликарпу, искавшему епископства.

Вотъ трогательное описаніе свадебныхъ проводъ восьмилѣтней Верхуславы: „Посла князь Рюрикъ (княжившій въ Бѣлгородѣ) Глѣба, князя туровскаго, шурина своего съ женкою, славна тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою, и другихъ многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу великому Всеволоду, въ Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына его Ростислава. На Борисовъ день отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами, и отпустилъ съ великою честію. Ѣхалъ онъ за милою своею дочерью до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она имъ мила и молода, только осьми лѣтъ. Великій князь послалъ съ нею сына сестры своей Якова съ женою и иныхъ бояръ съ женами. Съ своей стороны князь Рюрикъ сыгралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси: пировали на ней слишкомъ двадцать князей; снохѣ же своей далъ много даровъ и городъ Брагинъ; Якова-свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато“.

Послѣ этого Верхуслава является въ печальной процессіи проводъ своей матери въ монастырь. Мать ея, княгиня Марія, какъ мы видѣли выше, была жена великаго князя Всеволода III Юрьевича. Она восемь лѣтъ страдала неизлѣчимою болѣзнью, и, при живомъ мужѣ и съ его согласія, пошла въ монастырь, чтобы тамъ вскорѣ и умереть въ „ангельскомъ чинѣ“. Вотъ на эти-то грустные проводы и пріѣзжала дочь ея Верхуслава. „Постриглась,—говоритъ лѣтописецъ,—великая княгиня въ монашескій чинъ, въ монастырѣ святой Богородицы, который сама построила, и проводилъ ее до монастыря самъ великій князь Всеволодъ со многими слезами, сынъ его Георгій, дочь Верхуслава, жена Ростислава Рюриковича, которая пріѣзжала тогда къ отцу и матери; былъ тутъ епископъ Іоаннъ, духовникъ ея игуменъ Симонъ, и другіе игумены и чернецы всѣ, и бояре всѣ и боярины, и черницы изъ всѣхъ монастырей, и горожане всѣ проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всѣхъ очень добра. Въ этомъ мѣсяцѣ она умерла, и плакали надъ нею великій князь, и сынъ его Юрій плакалъ, и не хотѣлъ утѣшиться, потому что былъ любимъ ею“.

Наконецъ, еще разъ является Верхуслава, какъ покровительница иноковъ, какъ лицо уже самостоятельно дѣйствующее на томъ поприщѣ, которое всего болѣе было доступно и по-сердцу женщинѣ XIII вѣка. Верхуслава упоминается въ письмѣ Симона, епископа владимірскаго и суздаль-

скаго къ Поликарпу, печерскому черноризцу, проявившему честолюбивое желаніе быть возведеннымъ, при протекціи Верхуславы, въ санъ епископа.

„Пишетъ ко мнѣ княгиня Ротиславова,Верхуслава,—говорится въ письмѣ Симона,—что хочетъ поставить тебя епископомъ или въ Новгородъ, или въ Смоленскъ, или въ Юрьевъ; пишетъ: „не пожалѣю и тысячи гривенъ серебра для тебя и для Поликарпа". Я ей отвѣчалъ: „дочь моя Анастасія (имя Верхуславы крестное, а не „княжее")! дѣло не богоугодное хочешь сдѣлать: если бы онъ пробылъ въ монастырѣ неисходно съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвясь во всемъ, то не только облекся бы въ святительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ былъ бы".

Такъ какъ въ то время русская земля продолжаетъ еще воевать, а иногда и дружиться съ половцами, то русскіе князья женятся иногда на половецкихъ княжняхъ; но и половчанки, какъ и русскія княжны и княгини, безслѣдно проходятъ въ исторіи Русской земли. Были случаи, что и русскія княгини, по разнымъ обстоятельствамъ, убѣгали въ половецкую землю и тамъ выходили замужъ за половецкихъ князей. Такъ къ половцамъ бѣжала внучка Владиміра-Мономаха, дочь князя Всеволода городенскаго, жена князя Владиміра Давыдовича и мать князя Святослава Владиміровича. „Приде же,—говоритъ лѣтописецъ,—Изяславу болши помочь Бѣлугороду—приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячъ, отчимъ Святославль Владиміровича: бѣ бо мати его бѣжала въ половцы, и шла за нь" (т. е. вышла замужъ за Башкорда-половчанина).

Равнымъ образомъ, когда татары завоевали Русскую землю, русскіе князья начинаютъ жениться въ ордѣ, выпрашивая себѣ въ жены дочерей хановъ, чтобы этимъ родствомъ укрѣпиться въ Русской землѣ или отнять удѣлы у противниковъ. Но какъ русскія женщины, какъ половчанки, такъ равно и княжны-татарки, вступая на Русскую землю, проходятъ по ней какъ-бы мелькомъ, не оставляя иногда даже и своего имени въ лѣтописныхъ сказаніяхъ.

Встрѣчаются иногда, хотя конечно рѣдко, случаи, когда женщина оказываетъ вліяніе и на общественныя дѣла, какъ мать, какъ старшая въ семьѣ, какъ почетное лицо; но и, тутъ лѣтописецъ не считаетъ даже нужнымъ упоминать ея имя, потому что явленіе это и въ его глазахъ кажется случайнымъ, и, разъ указавъ на такое женское лицо, онъ долго не останавливается на немъ и въ другой разъ уже къ нему не возвращается,

Во время борьбы князя Даніила Романовича галицкаго съ княземъ Александромъ бѣльзскимъ, сторону послѣдняго держитъ бояринъ Судиславъ, союзникъ венгровъ и совѣтникъ венгерскаго королевича, претендовавшаго на Галичъ. Венгерскій король въ союзѣ съ Александромъ бѣльзскимъ и Судиславомъ, идетъ къ Галичу на князя Даніила. Воевода этого послѣдняго, Давидъ Вышатичъ, запирается въ Ярославлѣ и мужественно отбивается отъ венгерской рати. Но у Вышатича есть теща, большая пріятельница Судислава, который не иначе называетъ ее какъ матерью. Эта женщина, изъ

пріязни къ Судиславу, стращаетъ своего зятя Вышатича невозможностью долго защищаться отъ венгерской рати. Тщетно товарищъ его, Василько Гавриловичъ, „мужъ крѣпкій и храбрый“, уговариваетъ его не сдаваться; тщетно переметчикъ, ушедшій отъ венгровъ въ Ярославль, открываетъ осажденнымъ, что венгерская рать долго не можетъ простоять подъ городомъ, что она не въ силахъ овладѣть крѣпостью,—теща Вышатича побѣждаетъ его своими запугиваньями въ пользу своего пріятеля Судислава, и воевода Выщатичъ слушается тещи, сдаетъ городъ венграмъ.

Другая подобная же теща лишаетъ удѣла своего зятя въ пользу своего внучка, какъ это мы видимъ подъ 1249-мъ годомъ. Умираетъ князь Василій Всеволодовичъ Ярославскій и не оставляетъ послѣ себя наслѣдника. Прямо наслѣдницею удѣла остается дочь покойнаго князя, которая и начинаетъ княжить надъ своею землею съ помощью матери. Желая передать правленіе удѣломъ въ мужскія руки, княгиня-мать находитъ для княжны-дочери жениха въ князѣ Ѳедорѣ Ростиславичѣ Можайскомъ, обиженномъ братьями. Отъ брака Ѳедора Ростиславича съ княжной ярославской рождается сынъ Михаилъ. Когда князь Ѳедоръ, по обычаю того времени, поѣхалъ на поклонъ въ орду, жена его умерла, оставивъ малолѣтняго сына на рукахъ бабушки. Эта послѣдняя, подумавши со своими боярами, провозгласила ярославскимъ княземъ малолѣтняго Михаила, а когда отецъ его воротился изъ орды—затворила передъ нимъ ворота Ярославля и не впустила его въ городъ. Ѳедоръ вновь отправился въ орду, снискалъ милость хана, женился на его дочери и, при помощи могущественнаго родственника, побѣдилъ свою первую тещу, овладѣвъ Ярославлемъ, тѣмъ болѣе, что сынъ его отъ первой жены, князь Михаилъ, въ это время умеръ.

При родовыхъ и удѣльныхъ усобицахъ женщина того времени нерѣдко является жертвою произвола и насилія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невиннымъ источникомъ новыхъ смутъ въ Русской землѣ.

У Миндовга, литовскаго князя, умираетъ жена (1262 г.). Другая сестра этой умершей—за Довмонтомъ, княземъ нальщанскимъ. Миндовгъ посылаетъ сказать женѣ Довмонта:

— Сестра твоя умерла—пріѣжай сюда поплакаться по ней.

Жена Довмонта пріѣзжаетъ.

— Сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобъ другая дѣтей ея не мучила,—говоритъ ей Миндовгъ, и женится на замужней сестрѣ своей умершей жены.

Оскорбленный Довмонтъ соединяется съ сыномъ сестры своего врага Миндовга, съ Тренятою, убиваетъ Миндовга съ двумя сыновьями. Послѣ этого еще долго стоятъ смуты въ литовской землѣ, долго льется кровь враждующихъ между собою областей.

Дочь австрійскаго герцога Фридриха, молодая Гертруда, выходитъ замужъ за князя Романа Даніиловича галицкаго, и такъ какъ этотъ бракъ даетъ галицкимъ князьямъ право искать австрійскихъ земель, то разгорается долгая война галицкихъ князей съ Австріею и Чехіею. Гертруда съ

мужемъ подвергаются всѣмъ случайностямъ войны, долго томятся въ осадѣ, долго голадаютъ, кормятся только съ помощью преданной имъ женщины и едва спасаются отъ плѣна.

Въ большинствѣ случаевъ женщина выноситъ немало горя и лишеній въ это тяжелое время, рѣдко даже видитъ мужа, постоянно живетъ въ страхѣ за свою свободу и за жизнь дѣтей, и всегда представляется существомъ, заслуживающимъ искренняго сочувствія, сообенно же при ея страдательномъ положеніи между враждующими силами.

Такъ не менѣе страдательную роль играютъ въ это время княгиня Ольга, жена князя Владиміра Васильковича волынскаго, и пріемышъ ихъ Изяслава, обѣ столь нѣжно любимыя: первая—мужемъ, а послѣдняя—нареченнымъ отцомъ. Татары только что опустошили Русскою землю и черезъ Волынь и Галичину идутъ на Польшу. Татарскій вождь Телебуга на пути своемъ въ Польшу велитъ идти съ собою всѣмъ русскимъ князьямъ —и они повинуются, идутъ какъ данники и „улусники“ страшнаго хана. Идетъ съ нимъ и Владиміръ Васильковичъ волынскій, человѣкъ больной—у него гнила нижняя челюсть.

Передъ походомъ въ Польшу, больной Владиміръ, въ нѣжной заботливости о своей княгинѣ Ольгѣ и пріемышѣ Изяславѣ, хочетъ обезпечитъ ихъ судьбу и призываетъ къ себѣ двоюроднаго брата Мстислава Даніиловича луцкаго, которому и отдаетъ всѣ свои владѣнія, послѣ своей смерти, выдѣливъ часть въ пользу жены и пріемыша и прося брата не обижать ихъ, а защищать отъ обидъ другихъ. Въ походѣ онъ окончательно разбаливается и возвращается домой, потому что, говоритъ лѣтописецъ, жалко было смотрѣть на него.

Пробывъ нѣсколько дней въ своемъ Владимірѣ-Волынскомъ, окруженный заботами Ольги и приближенныхъ, онъ началъ говорить княгинѣ и боярамъ:

— Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль, потому что погань эта (татары) сильно мнѣ опротивѣла. Я человѣкъ больной, нельзя мнѣ съ ними толковать,—пусть вмѣсто меня останется здѣсь епископъ Маркъ.

Княгиня повезла больного куда онъ хотѣлъ—въ Брестъ, изъ Бреста въ Каменецъ, гдѣ больной и слегъ, говоря княгинѣ:

— Когда эта погань выйдетъ изъ земли, то поѣдемъ въ Любомль.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхали слуги, бывшіе съ татарами въ походѣ. Больной сталъ разспрашивать ихъ, ушелъ ли Телебуга изъ Польши, какъ здоровье братьевъ Льва и Мстислава и племянника Юрія. Слуги при этомъ сказали, между прочимъ, что Мстиславъ уже раздаетъ своимъ боярамъ города и села волынскія, когда больной князь еще не умеръ и княгиня его съ Изяславой не обезпечены. Владиміръ сильно разсердился на брата, особенно когда въ перспективѣ онъ могъ видѣть отнятіе волостей у нѣжно любимыхъ имъ Ольги и Изяславы.

— Я лежу боленъ,—говорилъ онъ:—а братъ придалъ мнѣ еще болѣзни: я еще живъ, а онъ уже раздаетъ города мои и села; могъ бы подождать, когда умру.—И отправилъ посла къ Мстиславу.

— Брать!—говорилъ онъ черезъ посла:—вѣдь ты меня ни на полону взялъ, ни копьемъ добылъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ, что такъ со мною поступаешь? Ты мнѣ братъ, но вѣдь есть у меня и другой братъ—Левъ, и племянникъ Юрій. Изъ всѣхъ троихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города, по своей смерти, а живъ—тебѣ не вступаться ни во что. Я такъ распорядился—отдалъ тебѣ землю—за гордость брата Льва и племянника Юрія.

Мстиславъ спѣшилъ успокоить больного и снять съ себя обвиненіе.

— Братъ и господинъ!—наказывалъ онъ брату черезъ посла: —земля Божія и твоя, и города твои, и я надъ ними не воленъ, самъ я въ твоей волѣ, и дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобъ ты, господинъ, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя.

Люба была,—говарить лѣтописецъ,—эта рѣчь Владиміру. Онъ успокоился, и княгиня повезла его въ Райгородъ. Здѣсь онъ говоритъ Ольгѣ:

— Хочу послать за братомъ Мстиславомъ—урядится съ нимъ о землѣ, и о городахъ, и о тебѣ, княгиня моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую люблю какъ дочь родную: Богъ за грѣхи мои не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленкахъ и вскормилъ.

На зовъ больного брата пріѣхалъ Мстиславъ. Владиміръ поднялся съ постели, сѣлъ, разспрашивалъ про походъ. Мстиславъ все разсказалъ по порядку, затѣмъ простился и ушелъ къ себѣ на подворье.

Владиміръ послалъ къ нему епископа и двухъ бояръ.

— Братъ! я затѣмъ тебя призвалъ, что хочу урядиться съ тобою о землѣ и о городахъ, и о княги своей и онѣ ребенкѣ Изяславѣ,— хочу грамоты писать.

— Братъ и господинъ!—отвѣчалъ Мстиславъ:—я развѣ хотѣлъ искать твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ въ Польшу объявить, что отказываешь мнѣ свою землю. Если хочешь грамоты писать, то пиши какъ Богу любо и тебѣ.

Епископъ вортился съ этимъ отвѣтомъ, и Владиміръ велѣлъ писцу писать грамоты: въ одной онъ отказалъ Мстиславу всю землю и города; въ другой—женѣ отказалъ городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь апостольскій съ селами.

„А княгиня моя,—говорилось въ концѣ грамоты,—захочетъ идти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ; а не захочетъ—то какъ ей любо: мнѣ вѣдь не смотрѣть, вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти".

— Цѣлуй крестъ на томъ,—сказалъ онъ Мстиславу: — что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ее неволею ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь.

Изъ Райгорода Ольга повезла его въ Любомль, гдѣ онъ и умеръ (1288 г.). Княгиня и придворные слуги обмыли тѣло, обвили его бархатомъ и кружевами, какъ слѣдуетъ хоронить царей, и въ саняхъ повезли во Владиміръ. Это было 10 декабря.

Замѣчателенъ образчикъ причитанья, оставленнаго намъ лѣтописцемъ, причитанья, которымъ Ольга оплакивала своего мужа при похоронахъ. Вотъ оно: „Царь мой добрый, кроткій, смиренный, правдивый! Въ правду назвали тебя въ крещеньи Иваномъ—всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видала я, чтобъ ты отмстилъ имъ зломъ за зло“. Достойно замѣчанія, что въ этихъ же самыхъ выраженіяхъ голосила (причитала) жена смоленскаго князя Романа, когда тотъ умеръ.—А бояре причитали надъ Владиміромъ волынскимъ: „Хорошо бъ намъ было съ тобою умереть: какъ дѣдъ твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, поревновалъ ты дѣду своему и наслѣдовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ больше тебя видѣть: солнце наше закатилось, и остались мы въ обидѣ“.

Такъ,—говоритъ лѣтописецъ,—плакали надъ нимъ множество владимірцевъ: мужчины и дѣти, нѣмцы, сурожцы, новгородцы; жиды плакали точно такъ, какъ отцы ихъ, ведомые въ плѣнъ вавилонскій.

Такимъ образомъ, и Ольга и Изяслава попадаютъ на страницы исторіи только въ видѣ поясненій и въ видѣ усиливающихъ впечатлѣніе красокъ въ трогательной картинѣ смерти Владиміра волынскаго, и личности эти являются глубоко симпатичными потому собственно, что на нихъ перенесена нѣжная заботливость умирающаго князя.

Изъ числа татарскихъ княженъ, бывшихъ въ замужествѣ за русскими князьями, нѣсколько болѣе другихъ выдается Кончака, да и то не своею личностью, а тѣмъ, что она была невольною причиною ужасной смерти князя Михаила Александровича тверского, замученнаго въ ордѣ.

Во время борьбы Твери и Москвы за первенство, въ началѣ XIV-го столѣтія, сильно враждовали между собою князья московскій и тверской. Тверской князь Михаилъ, желая выслужиться предъ ханомъ, обвинялъ князя Юрія Даниловича московскаго въ происках и неповиновеніи ордѣ. Юрій отправился въ орду, оправдался передъ ханомъ и не только заслужилъ его расположеніе, не до того сблизился съ повелителемъ Русской земли, что тотъ выдалъ за него сестру свою Кончаку. Кончака приняла христіанство и при крещеніи названа Агаѳьею. Юрій воротился изъ орды съ женою и съ татарскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ Кавгадый. Михаилъ тверской, узнавъ объ этомъ, пошолъ съ своею ратью навстрѣчу противнику. Въ битвѣ недалеко отъ Твери, въ селѣ Вортенонѣ, Юрій московскій былъ разбитъ и бѣжалъ, а жена его Кончака и многіе бояре взяты въ плѣнъ Михаиломъ тверскимъ. Хотя Юрій послѣ того и подступилъ съ войскомъ къ Твери, но битвы противники не дали другъ другу, а согласились идти въ орду и отдать свой споръ на рѣшеніе хана (1317 г.). Къ несчастью для тверского князя, его плѣнница, княгиня Кончака-Агаѳья, умерла, не дождавшись освобожденіи изъ плѣна и конца спора своего мужа съ противникомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ обвиненію Михаила тверского. Распущенъ былъ слухъ, что Кончаку отравили въ Твери, и этого слуха слишкомъ достаточно было для

Юрія московскаго, чтобъ очернить своего врага въ глазахъ хана, хотя, быть можетъ, московскій князь и самъ не вѣрилъ, что жена его отравлена. Михаилъ Александровичъ тверской долженъ былъ явиться въ орду, гдѣ ему поставили въ вину смерть Кончаки, и несчастный князь, какъ извѣстно, погибъ тамъ мученическою смертью.

Тѣло же Кончаки было привезено мужемъ въ Москву и тамъ предано землѣ съ подобающими почестями.

Изъ женщинъ не-княжескаго рода ярко выдѣляется въ это время одна личность своимъ геройскимъ самоотверженіемъ, по характеру своему напоминающимъ легендарный героизмъ классическихъ женщинъ древней Греціи и Рима. Это—Елена, служанка княгини Анны, жены Витовта литовскаго, историческій подвигъ которой относится къ исторіи Литовской Руси.

Во время борьбы великаго князя литовскаго Ягайла съ Кейстутомъ и сыномъ его Витовтомъ, послѣдніе, при осадѣ города Трокъ, хитростью были завлечены Ягайломъ въ свой станъ, закованы въ желѣза и увезены въ Крево, въ тамошную укрѣпленную тюрьму. Старикъ Кейстутъ на пятую ночь былъ удавленъ по приказанію Ягайла, а Витовтъ, въ то время больной, оставался пока въ тюрьмѣ. Женѣ Витовта, княгинѣ Аннѣ, позволено было навѣщать больного мужа каждый день. Она ходила къ нему въ темницу съ двумя служанками, и навѣщала его до тѣхъ поръ, пока онъ не выздоровѣлъ, хотя и притворялся больнымъ передъ своими врагами. Когда Анна получила отъ Ягайла позволеніе одной выѣхать въ Моравію, то въ ночь наканунѣ отъѣзда она, въ сопровожденіи тѣхъ же служанокъ, явилась къ мужу проститься и замѣшкалась у него долѣе обыкновенно. Это было сдѣлано для того, чтобы дать время одной изъ служанокъ, по имени Еленѣ Омуличъ, перерядиться въ платья Витовта и вмѣсто него лечь въ постель, а Витовту дать возможность одѣться въ платье служанки. Переряженнымъ онъ вышелъ изъ тюрмы вмѣстѣ съ женою. Тамъ они спустились со стѣны, сѣли на лошадей, уже заранѣе приготовленныхъ для бѣглецовъ тіуномъ изъ Волковыйска, приверженнымъ Витовту, ускакали въ Брестъ, а оттуда на пятыя сутки достигнули Плоцка.

Въ Крево же только на третій день узнали, что въ постелѣ Витовта лежитъ служанка его жены Елена. Послѣдняя конечно поплатилась жизнью за свое великодушіе.

Насколько вообще безпокойная, воинственная жизнь того времени отражалась на положеніи женщины, на большей или меньшей степени ея спокойствія и благосостоянія, наконецъ, на ея личной дѣятельности, видно изъ того, что значительный процентъ женщинъ спѣшитъ укрыться въ монастыри, гдѣ все-таки, сравнительно, жизнь представлялась болѣе обезпеченною, менѣе тревожною. Тѣ изъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя оставались въ мірѣ, нерѣдко раздѣляли голодъ, плѣнъ и смерть со своими мужьями, братьями. Нерѣдко, впрочемъ, женщины становились посредницами и примирительницами между воюющими мужьями, братьями и другими родственниками, какъ напримѣръ сестра Михаила Александровича тверского, бывшая

замужемъ за Ольгердомъ,великимъ княземъ литовскимъ, не одинъ разъ вымаливала слезами у своего могущественнаго мужа помощь брату, тѣснимому московскимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ и нерѣдко искавшему убѣжища въ Литвѣ. Съ другой стороны, Елена, дочь этого же сильнаго Ольгерда, вышедшая замужъ за князя Владиміра Андреевича серпуховскаго, героя Куликовской битвы, выплакиваетъ спокойствіе удѣлу своего мужа. Княгиня Александра, жена нижегородскаго князя Семена Дмитріевича, всю жизнь свою мыкалась по Руси и по татарскимъ землямъ вмѣстѣ съ несчастнымъ мужемъ, котораго выбивалъ изъ нижегородскаго удѣла племянникъ, московскій князь Василій Дмитріевичъ, сынъ Донского. Разъ мужу ея удалось выхлопотать у татаръ вспомогательную рать на своего противника, князя московскаго: князь Семенъ пришелъ въ свой удѣлъ съ татарскимъ царевичемъ Ейтякомъ и тысячью татаръ, выбилъ изъ Нижняго московскую рать съ боярами и овладѣлъ своимъ удѣломъ; но скоро московскій князь съ своей стороны выбилъ его изъ Нижняго, и онъ долженъ былъ съ женою Александрою бѣжать въ орду, укрываться отъ московскихъ враговъ на Волгѣ, гдѣ-то въ мордовской землѣ, прятать жену въ монастырѣ. Но злополучная бѣглянка была найдена и въ мордовской землѣ, въ мѣстѣ, называемомъ Цыбирца (полагаютъ, что это Симбирскъ или Цивильскъ), у святого Николы, гдѣ бусурманинъ Хизибаба поставилъ церковь. Княгиню Александру ограбили тамъ московскіе ратники, вмѣстѣ съ дѣтьми привезли на Москву, заключили потомъ на дворѣ Белеутовѣ, гдѣ несчастная жертва удѣльныхъ смутъ сидѣла до тѣхъ поръ, пока мужъ ея не покорился окончательно. Тогда ее вмѣстѣ съ больнымъ мужемъ отправили въ Вятку, гдѣ князь Семенъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ, оставивъ жену съ дѣтьми безъ всякой вотчины. „Этотъ князь,—говоритъ лѣтописецъ,—испыталъ много напастей, претерпѣлъ много истомы въ ордѣ и на Руси, все добиваясь своей отчины. Восемъ лѣтъ не зналъ онъ покоя, служилъ въ ордѣ четыремъ ханамъ, все поднимая рать на великаго князя московскаго; не имѣлъ онъ своего пристанища, не зналъ покоя ногамъ своимъ—и все понапрасну“. Эту же истому и скитальческую жизнь должна была, какъ мы видѣли, выносить и жена его, безпріютная Александра.

Незавидное положеніе женщины того времени и относительную грубость нравовъ можно видѣть въ трагической судьбѣ княгини Ульяны, жены князя Семена Мстиславича вяземскаго.

Князь вяземскій, лишенный своего удѣла, нашелъ убѣжище въ Торжкѣ, гдѣ и жилъ съ своею молодою женою. Тамъ же находился, въ качествѣ великокняжескаго намѣстника, князь Юрій смоленскій, тоже потерявшій свой удѣлъ. Юрій влюбился въ княгиню Ульяну, и, не находя въ ней взаимности, убилъ ея мужа, чтобъ легче воспользоваться беззащитнымъ положеніемъ жены. Ульяна, однако, при нападеніи Юрія, защищалась и схватила ножъ; но, не попавши въ горло своему насильнику, поранила его только въ руку, и бросилась бѣжать. Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечомъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Но такой звѣрскій поступокъ

не могъ быть терпимъ даже въ тогдашнемъ грубомъ обществѣ, и лѣтописецъ горько обвиняетъ убійцу, говоря, что его покарали и люди и совѣсть. Лѣтописецъ замѣчаетъ объ убійцѣ несчастной княгини: „и бысть ему въ грѣхъ и въ студъ великъ, и съ того побѣжѣ къ ордѣ, не терпя горькаго своего безвременья, срама и безчестія“. Юрій ушелъ потомъ вѣ рязанскую землю, гдѣ и жилъ у пустынника Петра, плачась о грѣхахъ своихъ, какъ говоритъ лѣтописецъ.

IV.

Софья Витовтовна.

Болѣе рельефно изъ цѣлаго ряда всѣхъ упомянутыхъ въ предыдущей главѣ безцвѣтныхъ женскихъ личностей выступаетъ княгиня Софья Витовтовна, жена великаго князя Василія Дмитріевича московскаго, сына Дмитрія Донского, и мать великаго князя Василія Темнаго.

Софья Витовтовна составляетъ уже переходъ къ женскимъ историческимъ личностямъ болѣе новаго времени, между которыми мы увидимъ впослѣдствіи знаменитую Мареу Посадницу, Софью Палеологъ, Елену Ивановну—великую княгиню литовскую и королеву польскую, Елену Глинскую—мать Грознаго и другихъ.

Въ 1386 году, Василій Дмитріевичъ московскій, еще не будучи великимъ княземъ, спасался бѣгствомъ отъ Тохтамыша. Изъ орды онъ пробрался въ Молдавію, оттуда во владѣнія ливонскаго ордена и потомъ въ Литву. На пути онъ видѣлся съ Витовтомъ литовскимъ и далъ ему слово жениться на его дочери Софьѣ. Какъ только Василій Дмитріевичъ сталъ великимъ княземъ (въ 1839 году), то на другой же годъ отправилъ трехъ бояръ за своею невѣстою, которые и привезли Софью въ Москву, „изъ-за моря, отъ нѣмцевъ“, какъ выражается лѣтописецъ.

Около семидесяти лѣтъ жила Софья Витовтовна въ Москвѣ, пережила своего мужа, лично участвовала, какъ умная и энергическая женщина, въ великомъ „собираніи Русской земли“, помогала своему сыну въ управленіи землею, попадалась въ плѣнъ къ врагамъ, выдерживала въ Москвѣ осады татаръ и другихъ противниковъ московскаго княжества и вообще значительно возвысила собой положеніе женщины въ Русской землѣ, положеніе—столь обезцвѣченное и приниженное удѣльными смутами и татарщиною.

Послѣ тридцатипятилѣтняго замужества Софья Витовтовна овдовѣла (въ 1425 году). При жизни мужа, князя Василія Дмитріевича, дѣятельность Софьи Витовтовны мало проявлялась; но оставшись вдовой съ малолѣтнимъ сыномъ, великимъ княземъ московской земли, она поставлена была въ необходимость оберегать отчину своего сына отъ притязаній другихъ удѣльныхъ князей, и съ честью отстояла главенство Москвы въ ряду прочихъ, еще тогда могущественныхъ удѣльныхъ княжествъ. Послѣ смерти мужа, Софья Витовтовна ѣздила въ гости къ отцу (въ 1427 г.) и, на время своего

отсутствія, поручала маленькаго своего сына Василія Васильевича и все московское княжество князю Юрію Дмитріевичу Звенигородскому, дядѣ князя Василія.

Въ 1430 году Витовтъ, отецъ Софьи, умеръ, и для этой замѣчательной женщины началась съ тѣхъ поръ болѣе трудная политическая жизнь, исполненная всякихъ тревогъ и опасеній за цѣлость своей земли. Юрій Дмитріевичъ Звенигородскій, по смерти Витовта, не опасаясь уже Литвы, которая могла вступиться за Софью Витовтовну и ея сына, началъ враждовать противъ московскаго князя, и надо было немало труда, чтобы отстоять передъ ханомъ великокняжеское первенство молодого московскаго князя, у котораго въ ордѣ явился такой сильный противникъ, какъ Юрій Звенигородскій. Софья же Витовтовна, благодаря своему вліянію на сына, помѣшала ему вступить въ неровный бракъ съ дочерью одного изъ своихъ бояръ. Когда онъ былъ въ ордѣ и тамъ долженъ былъ бороться противъ происковъ своего врага, Юрія Звенигородскаго, то въ этомъ дѣлѣ много помогъ ему московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, который ловкою лестью хану способствовалъ неопытному еще тогда Василію Васильевичу удержать за собою первенство между удѣльными князьями, именно званіе старѣйшаго или великаго князя, чего особенно добивался его звенигородскій противникъ. За эту услугу молодой московскій князь обѣщалъ Всеволожскому жениться на его дочери. Но Софья Витовтовна не позволила этого сыну. Она настояла на томъ, чтобы великій князь женился на княжнѣ Марьѣ Ярославнѣ, внучкѣ князя Владиміра Андреевича. Всеволожскій, обиженный этимъ, перешелъ на сторону врага великаго князя, Юрія, и тѣмъ увеличилъ собою число противниковъ Москвы.

Но оригинальный случай на свадьбѣ великаго князя былъ подводомъ къ тому, что вражда между московскимъ княземъ и Юріемъ возгорѣлась съ особенною силою и сдѣлала противниковъ смертельными врагами другъ другу.

Когда вражда эта еще не превратилась въ открытую борьбу, на свадьбѣ молодого московскаго князя пировали сыновья Юрія, знаменитые Василій Косой и Димитрій Шемяка. Косой пріѣхалъ на свадьбу въ богатомъ золотомъ поясѣ, усаженномъ дорогими каменьями. Одинъ изъ старыхъ бояръ, бывшихъ тоже на свадьбѣ, разсказалъ Софьѣ Витовтовнѣ и другимъ гостямъ исторіею этого замѣчательнаго пояса. Поясъ данъ былъ суздальскимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокіею, когда она выходила замужъ за Дмитрія Донского. Слѣдовательно, поясъ переходилъ, такимъ образомъ, въ родъ московскихъ князей. Тысяцкій Василій Вельяминовъ, бывшій послѣднимъ на Руси тысяцкимъ въ томъ важномъ значеніи, какое въ древности соединялось въ русской землѣ съ этимъ званіемъ, и, по обычаю времени, игравшій первую распорядительную роль на княжеской свадьбѣ, похитилъ этотъ поясъ и подмѣнилъ его другимъ, гораздо меньшей цѣнности, а настоящій отдалъ своему сыну Николаю, за которымъ была другая дочь князя Дмитрія Константиновича суздальскаго — Марья. Николай Вельяминовъ, съ своей стороны, отдалъ знаменитый поясъ за

дочерью, которая вышла за боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, того самаго, котораго такъ обидѣлъ великій князь, не сдержавъ слова относительно женитьбы на его дочери. Всеволожскій отдалъ поясъ за своею дочерью, выходившею замужъ за князя Андрея, сына Владиміра Андреевича, а по смерти Андрея, обручивъ его дочь, а свою внучку, за Косого, подарилъ ему и историческій поясъ, въ которомъ Косой и явился на великокняжескую свадьбу.

Узнавъ исторію пояса, Софья Витовтовна признала эту драгоцѣнность родовою собственностью московскихъ князей, и публично сняла поясъ съ Косого. Оскорбленные братья—Косой и Шемяка—тотчасъ оставили свадьбу и уѣхали къ отцу.

Поясъ, такимъ образомъ, былъ поводомъ къ страшной войнѣ, продолжавшейся болѣе тринадцати лѣтъ (1433—1446) и долго державшей смуту и усобицу во всей Русской землѣ. Много поплатились въ эту войну и Софья Витовтовна, и ея сынъ, Василій Васильевичъ, потерявшій-было великое княженіе, всѣ свои земли, и, наконецъ, ослѣпленный.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой смуты, на удачахъ и неудачахъ той и другой стороны, потому что подробности эти не относятся непосредственно къ нашему предмету. Скажемъ только, что московскій великій князь былъ нѣсколько разъ побиваемъ на-голову, попадалъ въ плѣнъ и т. п. Но вотъ въ февралѣ 1446 года, великій князь поѣхалъ къ Троицѣ молиться, а Софья Витовтовна съ женою его Марьею Ярославною оставалась въ Москвѣ. Ночью 12-го февраля, Шемяка и Иванъ Андреевичъ Можайскій напали на Москву, взяли въ плѣнъ Софью Витовтовну и Марью Ярославну, городъ разграбили, и, узнавъ гдѣ великій князь, пошли къ Троицѣ. Василій Васильевичъ, услыхавъ о нападеніи своихъ смертельныхъ враговъ, заперся въ церкви, прикрылся образомъ, молилъ Шемяку о пощадѣ; но его взяли и самымъ звѣрскимъ образомъ ослѣпили. Потомъ вмѣстѣ съ Марьею Ярославною великаго князя сослали въ Угличъ, а Софью Витовтовну въ Чухлому. Въ удѣлъ же великому князю дали одну только Вологду.

Не будемъ касаться также обстоятельствъ, какъ счастье измѣнило Шемякѣ, какъ союзники отпали отъ него и пристали къ слѣпому великому князю. Шемяка и князь можайскій, владѣвшіе уже великокняжескимъ удѣломъ, должны были бѣжать изъ Москвы къ Галичу, оттуда въ Чухлому, захватили тамъ съ собой Софью Витовтовну, какъ заложницу, и бѣжали въ Каргополь. Слѣпой князь взялъ почти всѣ города, отпавшіе-было къ Шемякѣ, и изъ Ярославля послалъ къ нему гонцовъ.

— Братъ князь Димитрій Юрьевичъ!—говорили отъ него посланцы Шемякѣ:—какая тебѣ честь или хвала держать въ плѣну мать мою и твою тетку? Неужели ты хочешь этимъ отмстить мнѣ? Я уже на своемъ столѣ, на великомъ княженьи!

Шемяка сталъ думать съ своимъ боярами.

— Братья!—говорилъ онъ:—что мнѣ томить тетку и госпожу свою,

великую княгиню? Самъ я бѣгаю, люди надобны самому, они ужъ и такъ истомлены, а тутъ еще надобно ее стеречь... Лучше отпустить ее.

Софью Витовтову отпустили, и великій князь самъ поѣхалъ навстрѣчу матери.

Въ 1451 году, Софья Витовтова, уже почти восьмидесятилѣтняя старуха, защищаетъ Москву отъ татаръ! На Москву шелъ царевичъ Мазовша. Великій князь вышелъ было противъ татаръ, но узнавъ, что Мазовша уже около Оки, отступилъ, а за нимъ отступилъ и воевода Иванъ звенигородскій. Великій князь явился въ Москву, велѣлъ укрѣпляться, а самъ съ сыномъ Иваномъ пошелъ къ Волгѣ. Софья Витовтовна должна была остаться въ Москвѣ съ внукомъ Юріемъ, съ боярами и митрополитомъ Іоною—это были защитники стола великокняжескаго. Жену Марью Ярославну и другихъ дѣтей великій князь отправилъ въ Угличъ. 2 іюля татары подошли къ Москвѣ и зажгли посады. Дымъ былъ такой, что ни москвичамъ не видно татаръ, ни татары не видали Москвы, и только, когда сгорѣли посады, дымъ прошелъ, москвичамъ стало виднѣе и можно было дышать. Они начали биться съ осаждающими и отбили приступъ. Къ утру вновь приготовили пушки, рѣшаясь защищаться до послѣдней возможности; но утромъ они уже не видали татаръ—татары исчезли. Софья Витовтовна тотчасъ послала сказать объ этомъ сыну. Великій князь прибылъ въ Москву и нашелъ кругомъ ея одни пепелища. Онъ, однако, утѣшалъ москвичей: „эта бѣда на васъ ради моихъ грѣховъ; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ мѣстамъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать".

Изо всего здѣсь вкратцѣ очерченнаго мы видимъ, такимъ образомъ, что къ XV вѣку русская женщина начинаетъ уже нѣсколько выступать изъ своего тѣсно-замкнутаго круга теремной и монастырской жизни, и ея общественная дѣятельность, какъ дѣятельность Софьи Витовтовны, не проходитъ безслѣдно для исторіи. Но, быть можетъ, начало этого явленія слѣдуетъ искать въ томъ, что Софья Витовтовна вышла изъ западной Руси, изъ Литвы, гдѣ близкое сосѣдство съ другими еврпейскими государствами и непосредственное соприкосновеніе съ порядкомъ Польши, съ Ливонскимъ орденомъ и даже съ Чехіею и Моравіею могли скорѣе научить женщину самодѣятельности и, расширивъ сферу ея воззрѣній, дать ей болѣе почетное мѣсто на страницахъ исторіи.

И едва ли это послѣднее предположеніе не безосновательно, какъ мы увидимъ ниже при указаніи на значеніе Софьи Палеологъ, Елены Ивановны, Елены Глинской и даже Мареы Посадницы, которая конечно не осталась свободною отъ вліянія литовско-польскаго и отчасти нѣмецкаго, какъ гражданка торговаго и вольнаго „Господина Великаго Новгорода".

V.

Мароа Борецкая, посадница новгородская.

Историческая роль Мареы Борецкой или—какъ привыкли ее называть — Мареы Посадницы, неразрывно связана съ исторіею паденія политической автономіи „Господина Великаго Новгорода“.

Въ то время, когда московскій великій князь Иванъ Васильевичъ III доканчивалъ „собираніе Русской земли“ уничтоженіемъ послѣднихъ самостоятельныхъ удѣловъ, Новгородъ не могъ не чувствовать, что скоро долженъ былъ пробить послѣдній часъ и его политической независимости. Часъ этотъ могъ пробить еще при Василіи Темномъ, если-бъ смерть не помѣшала этому великому князю наложить руку на новгородскія вольности, шедшія вразрѣзъ съ идеею собиранія Русской земли.

Предвидя этотъ неизбѣжный конецъ, новгородцы задумали отшатнуться отъ Москвы. Но такъ какъ они не могли самостоятельно существовать между двухъ сильныхъ сосѣдей—Москвы и Литвы, то они и рѣшились прибѣгнуть подъ защиту послѣдней и тѣмъ удержать въ рукахъ своихъ ускользавшее изъ нихъ вѣчевое народоправство.

Этого особенно желала боярская партія, которая, пользуясь своими богатствами и властью, сдѣлала изъ вѣча послушное для себя орудіе, и куда хотѣла, туда и направляла народъ, массу, этихъ „худыхъ мужиковъ вѣчниковъ“, т. е. все то, что носило громкое названіе „Господина Великаго Новгорода“. Задуманное втайнѣ обращеніе къ Литвѣ произвело,— говоритъ лѣтописецъ,—„нестроеніе въ градѣ: овіи изъ гражанъ прилежаху по древнему преданію русскимъ царемъ, вельможи же града вси и старѣйшины хотяху латыни приложитися и сихъ кралю повиноватися“. Въ головѣ послѣдней партіи, которая и названа была „стороною литовскою“, стояла фамилія бояръ Борецкихъ, собственно боярыня Мареа, вдова умершаго „степеннаго посадника“ Исаака Борецкаго, и дѣти ея Ѳеодоръ и Димитрій. Женщина эта повидимому обладала замѣчательными дарованіями, а потому, при своемъ богатствѣ и при томъ моральномъ вѣсѣ, какой вообще имѣла вдова мать на своихъ сыновей, Мареа Борецкая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ заправляла „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“, пока не лишилась свободы вмѣстѣ съ своимъ роднымъ городомъ. Можно смѣло и безошибочно сказать, что Новгородъ еще долго въ состояніи былъ бы продержаться, сохраняя свои вольности, свой судъ, свои народныя собранія на вѣчѣ и свой знаменитый вѣчевой колоколъ, если-бъ въ судьбу его не замѣшалось честолюбіе женщины, надѣявшейся имѣть жениха въ богатомъ и знатномъ панѣ литовскомъ и черезъ него стать намѣстницей или правительницей самостоятельнаго Новгорода и не взвѣсившей при этомъ ни своихъ силъ, ни силъ противника, не изслѣдовавшей почвы, на которой можно было бы построить автономію Новгорода подъ бокомъ у Москвы.

Недовольство Москвы Новгородомъ зрѣло долго. Новгородцы, подкрѣп-

ляясь надеждою на Литву, подстрекаемые сторонниками Мареы Борецкой начали небрежно относиться къ исполненію своихъ обязанностей по отношенію къ Москвѣ, утаивать часть пошлинъ, которыя слѣдовали московскому великому князю, захватывать земли, отошедшія отъ новгородскихъ владѣній въ пользу Москвы. Новогородцы неуважительно относились къ посламъ и намѣстникамъ великаго князя; не рѣдко „худые мужики вѣчники", увѣренные въ поддержкѣ вѣча и надѣясь на казну Мареы Борецкой, шумѣли не только въ городѣ, но и на городищѣ, гдѣ былъ великокняжескій дворъ, въ которомъ жили московскіе намѣстники; новгородская вольница нападала даже на московскія волости.

Москва это видѣла, но до поры терпѣла, потому что у нея было „розратье" съ сосѣдями, нелады съ татарами. Великій князь однако не разъ посылалъ сказать Новгороду, чтобъ „отчина его исправилась, жила бы по старинѣ"—намекъ на литовскіе замыслы. Но отчина его не исправлялась.

До великаго князя дошло извѣстіе, что Новгородъ не пропустилъ пословъ псковскихъ, которые ѣхали въ Москву. Онъ показалъ псковичамъ видъ, что не вѣритъ такой клеветѣ на Новгородъ.

— Какъ это вы побоялись моей отчины, Великаго Новгорода?—съ удивленіемъ спросилъ великій князь псковскаго гонца, привезшаго вѣсть объ этомъ:—какъ новгородцамъ не пропустить вашихъ пословъ ко мнѣ, когда они у меня въ крестномъ цѣлованіи?

Но и тутъ великій князь подавилъ въ себѣ гнѣвъ на новгородцевъ — смолчалъ.

Черезъ нѣсколько времени новгородцы прислали въ Москву посломъ посадника Ананьина, сторонника Мареы Борецкой. Во время переговоровъ по своему посольскому дѣлу, Ананьинъ ни разу не упонималъ о томъ, въ чемъ новгородцы провинились передъ Москвой. Бояре напомнили ему объ этомъ.

— Великій Новгородъ объ этомъ не мнѣ приказалъ, — былъ отвѣтъ Ананьина.

Такая „грубость" посла взорвала великаго князя, но онъ и тутъ сдержался, а только черезъ Ананьина же сказалъ новгородцамъ:

— Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь; въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старинѣ; ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанію, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу.

Но тутъ же, задумавъ уже объ усмиреніи Новгорода мечомъ, велѣлъ сказать Пскову:

— Если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, то отчина моя Псковъ послужилъ бы мнѣ, великому князю, на Великій Новгородъ за мои старины.

Но и Мареа Борецкая искала уже себѣ союзниковъ. Ей нужно было показать великому князю, что и Новгородъ не беззащитенъ, и потому тонъ рѣчей Москвы могъ бы быть и умѣреннѣе. Новгородцы обратились къ Литвѣ,

откуда король Казиміръ и выслалъ для нихъ князя-намѣстника Михайлу Олельковича. Олельковичъ прибылъ въ Новгородъ съ многочисленной свитой; съ большими почестями былъ принятъ новгородцами и зажилъ въ Новгородѣ бокъ-о-бокъ съ намѣстникомъ московскимъ, котораго новгородцы не выгнали однако, „не показали путь“ по старинѣ.

За нѣсколько дней до этого умеръ новгородскій владыка Іона, и нужно было избрать ему преемника. Избраніе производилось на вѣчѣ, у святой Софіи. На престолъ положены были три жеребья — Варсонофія, Пимена и Ѳеофила. Стали вынимать жеребьи, и вынулся жеребій Ѳеофила. Ѳеофилъ, по старинѣ, долженъ былъ ѣхать въ Москву на ставленье.

Марѳа Борецкая была недовольна этимъ избраніемъ, потому что Ѳеофилъ оказался приверженцемъ старины и Москвы. Надо было подыскать сторонника новаго движенія, литовскаго, и такимъ сторонникомъ явился Пименъ, жеребій котораго не вынулся.

— Хотя на Кіевъ меня пошлите, я и туда на свое поставленіе поѣду,— сказалъ Пименъ литовской партіи.

Такъ какъ Пименъ былъ архіепископскимъ ризничимъ и слѣдовательно богатая церковная казна находилась у него въ рукахъ, то онъ прибѣгнулъ къ подкупу. Борецкая, располагая своими собственными богатствами и получивъ отъ Пимена значительныя суммы изъ архіепископской кассы, подобрала себѣ сильную партію на вѣчѣ; но это, съ другой стороны, и погубило Пимена: за расхищеніе церковной казны новгородцы московской партіи схватили его и казнили; имущество же его разграбили.

Посламъ, отправленнымъ въ Москву отъ новаго архіепископа, Иванъ Васильевичъ сказалъ:

— Отчина моя, Великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую: нареченному владыкѣ Ѳеофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ были при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ.

Новгородъ сошелся на вѣчѣ. Въ это время пришли послы изъ Пскова.

— Насъ великій князь, а нашъ государь, поднимаетъ на васъ,— говорили псковскіе послы:— отъ васъ же, своей отчины, челобитья хочетъ. Если вамъ будетъ надобно, то мы за васъ, свою братью, ради отправить посла къ великому князю бить челомъ о миродокончальной съ вами грамотѣ: такъ вы бы посламъ нашимъ дали путь по своей вотчинѣ къ великому князю.

Услыхавъ неожиданно такія слова, вѣче зашумѣло: оно въ первый разъ знало, что Иванъ Васильевичъ поднимаетъ уже Псковъ на Новгородъ.

— Не хотимъ за великаго князя московскаго! Не хотимъ называться его отчиною: мы люди вольные, — кричала партія, давно недовольная Москвою и разожженная деньгами и нашептываньями Борецкой:—не хотимъ терпѣть отъ Москвы—хотимъ за короля Казиміра! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту нареченному владыкѣ, а межъ тѣмъ поднимаетъ на насъ псковичей и самъ хочетъ идти!

— Хотимъ по старинѣ: къ Москвѣ, — кричала московская партія: — нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита латынца!

„Худые мужики вѣчники“ ударили въ колокола.

— Хотимъ за короля!—кричала толпа.

Въ приверженцевъ Москвы бросали каменьями. Бурное вѣче кончилось тѣмъ, что партія Мароы пересилила, и рѣшено было послать къ королю. Послы тотчасъ-же отправились.

А псковскимъ посламъ Новгородъ сказалъ:

— Вашего посла къ великому князю не хотимъ поднимать и сами ему челомъ бить не хотимъ; а вы бы за насъ противъ великаго князя на коня сѣли, по своему съ нами миродокончанью.

Псковъ на это отвѣчалъ: „Какъ вамъ великій князь отошлетъ складную грамоту (т. е. разрывъ, объявленіе войны), то объявите намъ, мы тогда, подумавши, отвѣтимъ“.

Но Псковъ обманулъ своего „брата старѣйшаго“ — Новгородъ, какъ его тогда называли оффиціально. За то Казиміръ охотно вошелъ въ союзъ съ Новгородомъ—„вольными мужами“, и въ договорѣ съ ними постановилъ: король держитъ на городищѣ, въ Новгородѣ, намѣстника вѣры греческой, православнаго христіанства. Намѣстникъ, дворецкій и тіуны королевскіе, живя въ городищѣ, имѣютъ при себѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ. Пойдетъ великій князь московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую землю подниметъ на Великій Новгородъ, то король садится на коня за Новгородъ со всею радою литовскою; если же король, не помиривъ Новгородъ съ московскимъ княземъ, поѣдетъ въ польскую землю или нѣмецкую, и безъ него пойдетъ Москва на Новгородъ, то рада литовская садится на коня и обороняетъ Новгородъ. Король не отнимаетъ у новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной, и гдѣ будетъ любо Великому Новгороду, тутъ и поставитъ себѣ владыку. Римскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей землѣ новгородской. Что въ Псковѣ судъ, печать и земли Великаго Новгорода, то къ Великому Новгороду по старинѣ. Если король помиритъ Новгородъ съ московскимъ княземъ, то возьметъ чорный боръ по новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ, по старымъ грамотамъ, а иные годы чорного бору ему не надобно. Король держитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной грамотѣ, цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую.

Честолюбивая Борецкая могла теперь надѣяться имѣть и намѣстника и жениха, несмотря на то, что у нея самой уже были дѣти и внуки, изъ которыхъ первые сами уже состояли въ должностяхъ степенныхъ посадниковъ! Но она забыла свои лѣта для Великаго Новгорода.

Москва и послѣ всего этого, какъ говоритъ лѣтописецъ, не сѣла на коня. Великій князь снова отправилъ къ новгородцамъ посла съ добрыми рѣчами и съ милостью, лишь бы одумался Новгородъ.

— Отчина бы моя, новгородцы,—говорилъ Иванъ Васильевичъ черезъ посла,—отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ латынству не приставали, и мнѣ бы, великому князю, челомъ били да исправились, а я, великій государь, жалую васъ и въ старинѣ держу.

Московскій митрополитъ Филиппъ съ своей стороны иослалъ увѣщаніе дѣтямъ своимъ, „мужамъ вольнымъ“—новгородцамъ.

— „Сами знаете, дѣти (писалъ онъ), съ какого времени господари православные, великіе князья русскіе начались: начались они съ великаго князя Владиміра, продолжаются до нынѣшняго Ивана Васильевича. Они господари христіанскіе русскіе и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины, мужи вольные. Господинъ и сынъ мой князь великій сказываетъ, что жаловалъ васъ и въ старинѣ держалъ, и впередъ жаловать хочетъ, а вы, сказываетъ, своихъ обѣщаній ему не исполняете. Ваши лиходѣи наговариваютъ вамъ на великаго князя: „Опасную-то грамоту онъ владыкѣ нарсченному далъ, а межъ тѣмъ псковичей на насъ поднимаетъ и самъ хочетъ на насъ идти“. Дѣти! такія мысли врагъ-дьяволъ складываетъ людямъ: князь великій еще до смерти владыки и до вашего челобитья объ опасной грамотѣ послалъ сказать псковичамъ, чтобы они были готовы идти на васъ, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, такъ и его жалованье къ вамъ тотчасъ пошло. И о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе, а когда оставилъ истину, то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прадѣды своей старины держались неотступно; а вы, при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасать въ православіи, вы теперь, оставя старину, хотите за латинскаго господаря закладываться! Много у васъ людей молодыхъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и поборать по благочестіи, а иные, оставшись по смерти отцовъ не наказанными, какъ жить въ благочестіи, собираются въ сонмы и поощряютъ на земское неустроеніе (намекъ на молодыхъ дѣтей Мареы Борецкой). А вы, сыны православные, старые посадники новгородскіе и тысяцкіе, и бояре, и купцы, и весь Великій Новгородъ, сами остерегитесь, старые молодыхъ понаучите, лихихъ удержите отъ злого начинанія, чтобъ не было у васъ латинскія похвальбы на вѣру православныхъ людей“.

Но было уже поздно: молодыхъ и старыхъ—всѣхъ увлекла честолюбивая женщина и вольность новгородская.

Москва, наконецъ, сѣла на коня. Въ маѣ 1471-го года самъ великій князь выѣхалъ съ войскомъ, отправивъ въ Новгородъ „разметныя грамоты“—объявленіе войны. За великимъ княземъ слѣдовали выступившіе изъ разныхъ мѣстъ со своими ратями удѣльные князья и воеводы – братья великаго князя—Юрій, Андрей Меньшой и Борисъ, князь верейскій съ сыномъ, татарскій служилый царевичъ Даньяръ, воеводы: князь Холмскій, бояринъ Өедоръ Давыдовичъ, князь Оболенскій-Стрига. Нуждаясь въ знатокѣ лѣтописей, великій князь выпросилъ у своей матери такого знатока въ лицѣ ея

дьяка Степана Бородатаго, который бы, въ случаѣ нужды, могъ—по выраженію современника—„воротити лѣтописцемъ“, т. е. когда явятся новгородскіе послы, то Степанъ „ворочая лѣтописцемъ“, могъ бы подыскивать въ немъ все необходимое для напоминанья новгородцамъ объ ихъ старыхъ измѣнахъ, какъ измѣняли они и въ давнія времена отцамъ, дѣдамъ и прадѣламъ.

Въ Псковъ и въ Вятку посланы были приказы садиться на коней и идти на Новгородъ. У Твери великій князь просилъ помощи.

Со всѣхъ сторонъ нагрянули войска великаго князя на новгородскія земли. Воеводамъ велѣно было распустить ратныхъ людей во всѣ мѣста—жечь, плѣнить и казнить безъ милости все населеніе мятежниковъ.

Великій Новгородъ остался безъ союзниковъ. Къ великому князю помощь шла со всѣхъ концовъ русской земли — къ Новгороду ни откуда. Своихъ собственныхъ силъ было немного и Новгородъ къ войнѣ не приготовился. Олельковичъ, намѣстникъ Новгорода съ литовской стороны, обѣщавшій высватать для вдовы Борецкой одного изъ пановъ литовскихъ, который могъ бы быть союзникомъ Новгороду, обманулъ и Борецкую, и Новгородъ, и еще раньше „розратья“ Новгорода съ Москвою бѣжалъ въ Кіевъ, на пути ограбилъ одинъ изъ новгородскихъ пригородовъ—Русу, и пограбилъ всѣ мѣста, по которымъ бѣжалъ, до самой границы. Послали просить помощи у Казиміра—помощь не шла. Просили помощи у Ливонскаго Ордена и ливонскій магистръ сносился съ великимъ магистромъ въ томъ смыслѣ, что помощь эта очень нужна, что московскій князь, поработивъ Новгородъ, станетъ страшенъ и для ордена,—но все-таки помощь и оттуда не пришла.

Новгородъ оставался при своихъ собственныхъ силахъ, да и тѣ тянули подъ разными углами. Конные спорили съ пѣшими: первые были—владичній полкъ, не смѣвшій безъ благословенія владыки Θеоϐила—московской руки—поднять руку на великокняжескія рати; пѣшіе были безсильны. Воеводъ хорошихъ не было. Борецкая дала въ воеводы своего сына степеннаго посадника Дмитрія Борецкаго—но этого было мало. Честолюбивая Марθа повидимому не обдумала затѣянной ею игры—игра шла на рискъ. Служилый новгородскій князь, потомокъ Рюрика, Василій Щуйскій-Гребенка, посланъ былъ новгородцами на защиту Заволочья. Какъ бы то ни было, новгородскія рати двинулись противъ московскихъ. Первыя двѣ битвы были не въ пользу новгородцевъ: князь Холмскій разбилъ ихъ у Коростыни и на рѣкѣ Полѣ; Русу сжегъ.

Псковичи повидимому колебались, не зная чью руку держать и чья сторона возьметъ верхъ—московская или новгородская.

— Какъ только услышимъ великаго князя въ Новгородской землѣ, такъ и сядемъ на коней за своего государя,—отвѣчали они московскому послу.

Но на коней не садились. Прискакалъ отъ великаго князя бояринъ Зиновьевъ, торопилъ псковичей—они все не шли.

— Садитесь сейчасъ же со мною на коней,—твердилъ Зиновьевъ каждый

день Пскову: — я къ вамъ отпущенъ отъ великаго князя — воеводою пріѣхалъ.

Ничто не помогало. Только тогда Псковъ сѣлъ на коня, когда новгородцы уже не разъ были побиты. Псковская рать выступила подъ начальствомъ четырнадцати посадниковъ, съ воеводою княземъ Василіемъ Шуйскимъ, сыномъ псковскаго князя намѣстника. Псковичи двинулись къ Шелони. Новгородцы поторопились собрать новыя сылы подъ начальство сына Борецкой Димитрія. Говорятъ, что сторонники Мароы силою сгоняли народъ въ войско, а кто не шелъ охотою, тѣхъ били, грабили, топили въ Волховѣ—любимая казнь новгородцевъ. Силою нагнали до сорока тысячъ войска, но въ этихъ сорока тысячахъ было много тысячъ вѣчевыхъ крикуновъ, „препростой чади“, „изорниковъ“, „худыхъ мужиковъ вѣчниковъ“, плотниковъ, гончаровъ и всякаго неопытнаго люда, никогда не садившагося на коня.

Надо было перевстрѣтить и разбить псковскія рати на Шелони, чтобъ не дать имъ соединиться съ московскимъ войскомъ. Но не псковскія рати ожидали на Шелони сына Мароы Посадницы. Тамъ былъ уже князь Холмскій съ четырьмя тысячами великокняжескихъ ратниковъ и даньяровыхъ татаръ. Войска встрѣтились—ихъ раздѣляла рѣка. „Новгородцы,—говоритъ лѣтописецъ—по оной странѣ рѣки Шелони ѣздяще, и гордящеся, и словеса хулныя износяще на воеводъ великаго князя, еще окаянніи и на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хулная глаголаху, яко пси лаяху“.

Здѣсь-то произошла знаменитая „шелонская битва“, рѣшившая судьбу „Господина Великаго Новгорода“ и его старой посадницы Мароы Борецкой. Московская рать перешла Шелонь и ударила на новгородцевъ. Говорятъ, что послѣдніе откинули москвичей за рѣку, но тамъ они наткнулись на западню татарскую, которой не ожидали. Засадная рать рѣшила дѣло. Двѣнадцать тысячъ новгородцевъ было убито и тысяча семьсотъ взято въ плѣнъ. Сынъ Мароы также былъ взятъ съ прочими воеводами. Захваченъ былъ обозъ, и тамъ москвичи нашли договорную грамоту Новгорода съ королемъ Казиміромъ.

На и послѣ этого пораженія Новгородъ не смирился. Тамъ еще сидѣла Мароа Борецкая, сынъ которой находился въ плѣну у Москвы—обида очень тяжелая. Борецкая надѣялась на Казиміра. Посолъ, однако, поскакавшій въ Литву, не былъ пропущенъ черезъ владѣнія ливонскихъ рыцарей. Въ Новгородѣ всталъ бунтъ, но при всемъ томъ новгородцы партіи Борецкой готовились защищать свой городъ, и казнили Упадыша, заколачивавшаго новгородскія пушки желѣзомъ.

Съ своей стороны Иванъ Васильевичъ велѣлъ казнить сына Борецкой, военно-плѣннаго воеводу Димитрія.

Прошло нѣсколько дней—и въ Новгородѣ уже ѣсть было нечего: такъ дурно Борецкая и ея сторонники приготовились къ войнѣ. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Новгороду ничего болѣе не оставалось, какъ покориться побѣдителю.

Великій князь далъ миръ покорившемуся Новгороду, но за военныя издержки, за новгородскую „проступку“ и за „грубость“ взялъ 15,500 рублей: контрибуція, по тогдашнему счету, неслыханная.

Но покорность Новгорода была только видимая. Тамъ оставалась еще Борецкая, голова сына которой пошла въ счетъ контрибуціи; тамъ оставалась еще вся литовская партія, которая мало того, что не выносила московскаго владычества, но упорно искала мести, отплаты за униженіе, за контрибуцію, за убитыхъ и казненныхъ новгородскихъ вельможъ съ молодымъ Борецкимъ. Смуты въ городѣ не унимались, а такъ какъ литовская сторона стояла въ головѣ управленія новгородскаго, то бояре и мстили въ самомъ городѣ свою обиду на приверженцахъ Москвы: такъ они разграбили нѣсколько улицъ въ Новгородѣ, и это послужило поводомъ ко второму наказанію безпокойныхъ новгородцевъ.

Обиженные жаловались великому князю. Въ октябрѣ 1475 года онъ направилъ свой путь на безпокойную вотчину, чтобъ снова напомнить ей, что имя его новгородцы должны держать „честно и грозно“. Послѣднимъ сопротивляться было невозможно, и вотъ послы провинившагося города, посадники, бояре и владыка Ѳеофилъ явились къ великому князю, бывшему уже на городищѣ, съ повинною. Иванъ Васильевичъ не принялъ челобитчиковъ.

— Извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей,—говорилъ онъ владыкѣ новгородскому,—сколько отъ этихъ бояръ и прежде зла было, а нынче что ни есть дурного въ нашей отчинѣ—все отъ нихъ: такъ какъ же мнѣ ихъ за это дурное жаловать?

Посадникъ Ананьинъ и нѣсколько изъ его товарищей были скованы и отправлены въ Москву.

Послѣ этого великій князь снова простилъ новгородцевъ, взялъ большой окупъ съ виновныхъ, пировалъ у всѣхъ знатныхъ вельможъ, и отъѣхалъ прочь.

Но вѣчевой колоколъ еще висѣлъ въ Новгородѣ и Марѳа Борецкая не покидала своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Слѣдующее недоразумѣніе, а можетъ быть и хитрость враговъ Борецкой погубили окончательно Новгородъ. Въ Москву пріѣхали изъ Новгорода послы и въ челобитьѣ своемъ назвали великаго князя „государемъ“, чего прежде никогда не было, потому что „Господинъ Великій Новгородъ“ относился къ московскому князю какъ къ равному и называлъ его только „господиномъ“. Тогда изъ Москвы явились великокняжескіе послы и спросили новгородцевъ:

— Какого вы хотите государства? Хотите ли, чтобъ у васъ былъ одинъ судъ государя, чтобы тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, и хотите ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?

Новгородъ заволновался — онъ никого не уполномочивалъ называть великаго князя „государемъ“. Начался мятежъ. Посадниковъ и бояръ пограбили, и требовали вѣча. Привели передъ народъ одного боярина,

Василія Никифорова, который будто бы присягнулъ на Москвѣ служить великому князю.

— Перевѣтникъ! былъ ты у великаго князя и цѣловалъ ему крестъ на насъ?—кричало вѣче.

— Цѣловалъ я крестъ великому князю въ томъ, что буду служить ему правдою и добра ему хотѣть, а не цѣловалъ я креста на государя своего Великій Новгородъ и на васъ, своихъ господъ и братій! — оправдывался бояринъ.

Бояринъ былъ изрубленъ топорами на части. Побили и другихъ бояръ, но съ московскими послами обошлись милостиво и съ честью отпустили ихъ.

— Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ,—говорили новгородцы этимъ посламъ:— судъ вашимъ намѣстникамъ на городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ: хотимъ съ вами жить какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни. Кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните какъ сами знаете, а мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймаемъ.

Доложили объ этомъ великому князю на Москвѣ. Онъ порѣшилъ безповоротно покончить съ Новгородомъ.

— Я не хотѣлъ у нихъ государства, — говорилъ онъ митрополиту, матери, братьямъ, боярамъ, воеводамъ:—сами присылали, а теперь запираются, и на насъ ложь положили.

Онъ велѣлъ готовить рати. Рати выступили и немедленно стали опустошать новгородскія земли. Самъ Иванъ Васильевичъ выѣхалъ къ войску въ октябрѣ, а въ 30 верстахъ отъ Новгорода, на Сытинѣ, 23 ноября явилось къ нему новгородское посольство съ челобитьемъ и повинною. Посольство было многочисленное.

— Господинъ государь князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи!— говорилъ владыка Ѳеофилъ отъ имени всей новгородской земли: — положилъ ты гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходитъ по новгородской землѣ, кровь христіанская льется. Смилуйся надъ отчиною своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобы кровь христіанская не лилась—господинъ государь, пожалуй! Да положилъ ты опалу на бояръ новгородскихъ и свелъ ихъ на Москву въ свой первый пріѣздъ: смилуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ Великій.

Ни слова не отвѣчалъ великій князь посламъ, а только позвалъ ихъ обѣдать.

На другой день начались переговоры. Новгородцы упрямились, отстаивали тѣнь своей самобытности, предлагали то, что великому князю не нравилось.

Великій князь велѣлъ войскамъ пододвигаться къ Новгороду. Москвичи заняли городище и подгородскіе монастыри.

— Сами вы знаете,—велѣлъ послѣ того Иванъ Васильевичъ сказать посламъ новгородскимъ:—что посылали къ намъ Назара Подвойскаго и

Захара вѣчевого дьяка, и назвали насъ, великихъ князей, себѣ государями. Мы, великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали бояръ спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что пословъ съ тѣмъ не посылывали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Да кромѣ того, что вы объявили насъ лжецами, много и другихъ вашихъ къ намъ неисправленій и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего исправленія, посылали къ вамъ съ увѣщаніемъ, но вы не послушались, и потому стали намъ, какъ чужіе. Вы теперь поставили рѣчь о боярахъ новгородскихъ, на которыхъ я положилъ опалу, просили, чтобы я ихъ пожаловалъ отпустилъ, но вы хорошо знаете, что на нихъ билъ мнѣ челомъ весь Великій Новгородъ, какъ на грабителей, проливавшихъ кровь христіанскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всѣмъ Новгородомъ, нашелъ, что много зла дѣлается отъ нихъ нашей отчинѣ, и хотѣлъ ихъ казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за нихъ, и я пожаловалъ, казнить не велѣлъ, а теперь вы о тѣхъ же виноватыхъ рѣчь вставляете, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать? Князь великій вамъ говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить.

Что дѣлала въ это время Мароа Борецкая, главная виновница всего зла новгородскаго—неизвѣстно. Знаемъ только, что когда шли эти переговоры съ новгородскими послами, новгородцы еще не бросили оружія, а крѣпко осѣлись какъ за заборами городскими, такъ и за деревянною стѣною, которую они успѣли возвести по обѣимъ сторонамъ Волхова и перекинули даже черезъ рѣку на судахъ.

Москва стала томить Великій Новгородъ голодомъ. Снова городъ раздѣлился за Москву и за Литву. Снова явилось въ московскомъ станѣ новгородское посольство челомъ бить, просить жалованья, но не пощады.

— Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ!—снова услыхали послы тоже непреклонное слово изъ устъ московскаго князя.

Послы воротились и потомъ опять пришли. Надо было винiться, признаваться, что Новгородъ дѣйствительно отправлялъ въ Москву посольство называть великаго князя „государемъ“, а послѣ заперся.

— Если такъ,—велѣлъ отвѣчать великій князь посламъ:— если вы, владыка и вся наша отчина Великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми, и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ, то объявляемъ, что хотимъ такого же государства нашего и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ.

Послы просили позволить имъ подумать со всѣмъ Новгородомъ. Имъ дали два дня думать.

И вотъ новое посольство, новыя просьбы, новыя условія — это были предсмертныя конвульсіи „Господина Великаго Новгорода“.

— Сказано вамъ, что хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ государство въ низовой землѣ на Москвѣ; а вы

теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть: какое же послѣ этого будетъ мое государство?— былъ отвѣтъ Ивана Васильевича.

— Мы не указываемъ и государству великихъ князей урока не кладемъ,—твердили послы:—но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что Великій Новгородъ низоваго обычая не знаетъ,—не знаетъ, какъ наши государи великіе князья держатъ свое государство въ низовой землѣ.

— Государство наше таково,—отвѣчалъ великій князь рѣшительно:—вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ низовой землѣ, чтобъ было па чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте. Вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ.

Посольство отпустили. Новгородъ видѣлъ, что и послѣдняя тѣнь вольности убѣгаетъ отъ него: все было безсильно—и король Казиміръ, покинувшій ихъ, и Марѳа Борецкая, около которой кружокъ приверженцевъ все умалялся; но живучесть умиравшаго города была велика и умирать не хотѣлось.

Согласившись на все, новгородцы просили только великаго князя цѣловать крестъ Великому Новгороду.

— Не быть моему цѣлованью!—былъ отвѣтъ.

Просили, чтобъ бояре цѣловали крестъ.

— Не быть!

Просили, чтобъ хоть великокняжескій намѣстникъ цѣловалъ этотъ крестъ.

— Не быть!

Просили, наконецъ, чтобъ ихъ отпустили въ городъ еще подумать.

— И этому не быть!

Во всемъ отказано.

— Если государь не жалуетъ, креста не цѣлуетъ и опасной грамоты намъ не даетъ,—молили новгородскіе послы бояръ:—то пусть объявитъ намъ свое жалованье, безъ боярскихъ высылокъ (потому что великій князь высылалъ бояръ говорить съ посольствомъ).

— Просили вы, чтобъ вывода, позыва на судъ и службы въ низовую землю не было, чтобъ я въ имѣнія и отчины людскія не вступался и чтобъ судъ былъ по старинѣ: всѣмъ этимъ я васъ, свою отчину, жалую.

Послы откланялись. Ихъ нагнали бояре.

— Великій князь велѣлъ вамъ сказать,—говорили бояре: — Великій Новгородъ долженъ дать намъ волости и села—безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ.

— Скажемъ объ этомъ Новгороду,—отвѣчали послы.

Черезъ двѣ недѣли часть Новгорода присягала великому князю. Присягнувшіе бояре, купцы и жилые люди просили московскихъ бояръ, чтобъ

великій князь сказалъ имъ „вслухъ“, т. е. не черезъ бояръ, милостивое слово. И великій князь пожаловалъ этимъ словомъ владыку и прочихъ:

— Дастъ Богъ, впередъ тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великій Новгородъ, хотимъ жаловать.

Изъ московскаго стана пріѣхалъ въ Новгородъ любимецъ великаго князя, ближній бояринъ знаменитый князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, потомокъ Гедимина, и велѣлъ созвать новгородцевъ. Но уже собраніе было не на площади, а въ палатѣ: новгородское вѣче, стоявшее непоколебимо отъ Рюрика и до Рюрика, уже не существовало!

— Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ,— говорилъ онъ, обращаясь къ владыкѣ и къ Новгороду,—тебѣ своему богомольцу владыкѣ и своей отчинѣ Великому Новгороду говоритъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, и вся наша отчина, Великій Новгородъ, били челомъ нашимъ братьямъ, чтобъ я пожаловалъ, смиловался, нелюбье съ сердца сложилъ: и я, великій князь, для братьевъ своихъ, пожаловалъ васъ, нелюбье отложилъ. И ты бы, богомолецъ нашъ, и отчина наша, на чемъ добили намъ челомъ, и гримоту записали, и крестъ цѣловали,— то бы все исполняли; а мы васъ впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ.

Это было послѣднее слово великаго князя „Господину Великому Новгороду“.

Началась общая присяга на владычнемъ дворѣ и по всѣмъ концамъ. Присягали всѣ, не исключая женъ. Новгородская покорная грамота укрѣплена была 58 печатями. Черезъ два дня послѣ присяги, новгородскіе бояре, боярскія дѣти и жилые люди поступили на службу московскому князю.

20 января 1478 года великій князь отправилъ въ Москву грамоту съ извѣщеніемъ, что великій князь отчину свою Великій Новгородъ привелъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ.

Явились въ Новгородъ великокняжескіе намѣстники—два брата князей Оболенскихъ—Иванъ Стрига и Ярославъ. Потомъ прислали еще двухъ. Намѣстники заняли Ярославовъ дворъ.

Въ это время въ Новгородѣ былъ моръ и великій князь въ городѣ не жилъ, оставаясь въ станѣ, и только два раза пріѣзжалъ слушать обѣдню у святой Софьи,—патрона Великаго Новгорода.

17 февраля великій князь выѣхалъ въ Москву. Передъ его отъѣздомъ велѣно было схватить Мареу Борецкую, ея внука Василія, сына Өедора Исааковича и еще нѣсколькихъ новгородцевъ. Имѣніе ихъ отобрано въ казну, а сами они отвезены въ Москву.

Сняли вѣчевой колоколъ и тоже повезли на Москву вслѣдъ за великимъ княземъ. А въ Москвѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—„вознесоша вѣчевой колоколъ на колокольницу вмѣстѣ съ прочими колоколы звонити“.

Говорятъ, что онъ звонитъ и до сихъ поръ.

VI.

Софья Палеологъ.

Софья Палеологъ была второю супругою великаго князя Ивана Васильевича III.

Первою его женою была дочь великаго князя тверского, Бориса, Марья Борисовна, на которой Иванъ Васильевичъ женатъ былъ еще при жизни своего отца, въ очень молодыхъ лѣтахъ. Бракъ этотъ состоялся по особымъ политическимъ соображеніямъ, такъ какъ Тверь всегда была во враждѣ съ Москвою; но Марья Борисовна жила недолго. Въ 1467 году великій князь уже овдовѣлъ, и въ Москвѣ ходилъ слухъ, что покойная княгиня была отравлена или изведена чародѣйствомъ, которому въ то время всѣ вѣрили. Признаки чародѣйной отравы видѣли въ томъ, что тѣло умершей сильно распухло, такъ что покровъ, подъ которымъ она лежала, сначала былъ до того великъ, что свѣшивался по краямъ, а вскорѣ потомъ не могъ прикрывать распухшаго тѣла покойницы. Говорили, что одна изъ женщинъ, бывшихъ при княгинѣ, Наталья Полуехтова, съ цѣлями чародѣянія посылала поясъ княгини къ ворожеѣ и что посредствомъ этихъ чаръ и изведена была Марья Борисовна. Какъ бы то ни было, но Иванъ Васильевичъ былъ потомъ сердитъ на Полуехтову и на ея мужа Алексѣя, и цѣлыхъ шесть лѣтъ не пускалъ его къ себѣ на глаза.

Меньше чѣмъ черезъ два года послѣ смерти Марьи Борисовны великій князь задумалъ вновь жениться. Къ этому представился очень благопріятный случай. Въ 1469 году пріѣхалъ къ великому князю грекъ Юрій съ письмомъ отъ римскаго кардинала Виссаріона, который предлагалъ Ивану Васильевичу руку греческой царевны Софьи Палеологъ.

Царевна Софья была дочь Ѳомы Палеолога. Этотъ Ѳома Палеологъ, послѣ паденія Византіи, когда братъ его, послѣдній византійскій императоръ изъ дома Палеологовъ, Константинъ, погибъ на стѣнахъ своей столицы, искалъ со своимъ семействомъ убѣжища въ Римѣ, гдѣ онъ уже имѣлъ родственныя связи, потому что женатъ былъ на дочери герцога феррарскаго. Слѣдовательно, Софья Палеологъ была гречанкою по отцу и итальянкою по матери. Софья, послѣ смерти Ѳомы Палеолога, осталась съ двумя братьями. Папа Павелъ II принялъ молодую царевну подъ свое покровительство, конечно съ цѣлями воспользоваться ею въ видахъ распространенія своего духовнаго владычества и на того государя, съ которымъ, какъ онъ справедливо могъ надѣяться, Софья соединитъ свою судьбу. Ничего лучше нельзя было желать для папы, какъ распространить свою власть на обширныя земли вновь восходившаго на востокѣ сильнаго свѣтила—царства московскаго, на которое римскіе первосвященники уже нѣсколько столѣтій смотрѣли съ завистью, и потому самымъ подходящимъ для этого орудіемъ папа призналъ молодую царевну, которой мать была католичка по рожденію; да и сама она, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Римѣ,

не могла не подпасть подъ нѣкоторое вліяніе искусной католической пропаганды, хотя и была рождена и воспитана сначала въ греческой вѣрѣ. Нужно было для этого во что бы то ни стало выдать Софью за московскаго величаго князя, и потому папа для переговоровъ съ нимъ избралъ посредникомъ кардинала Виссаріона, бывшаго греческимъ митрополитомъ, подписавшимъ, въ числѣ другихъ духовныхъ представителей восточной церкви, флорентинскую унію. Предлагая Софью въ замужество великому князю, кардиналъ Виссаріонъ между прочимъ сообщалъ Ивану Васильевичу, что царевна изъ ревности къ греческой вѣрѣ отказала уже двумъ женихамъ, французскому королю и медіоланскому герцогу.

Иванъ Васильевичъ, говоритъ лѣтописецъ, взялъ эти слова въ мысль и, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Филиппомъ, съ боярами, въ мартѣ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ посла Ивана Фрязина, выходца изъ Италіи, служившаго при великомъ князѣ монетнымъ мастеромъ.

Фрязинъ оказался хорошимъ сватомъ, какъ для той. такъ и для другой стороны. Съ одной стороны папѣ хотѣлось пріобрѣсти въ великомъ князѣ московскомъ сильнаго союзника противъ страшныхъ турокъ, которые въ то время уже ступили своею тяжелою пятою на европейскій материкъ, раздавивъ этою пятою древнюю и славную нѣкогда восточную или византійско-римскую имперію, затѣмъ при посредствѣ Софьи и своихъ легатовъ, воздѣйствовать на Ивана Васильевича къ возстановленію флорентинской уніи. Вообще планы папы въ этомъ отношеніи могли быть очень широкими и надежды очень радужными, притомъ же повидимому и сбыточными. Съ другой стороны, московскій князь, уже ощущавшій подъ собою почву самодержавія, такъ какъ прежніе удѣлы почти не существовали, а Тверь, Новгородъ, Псковъ и даже Орда начинали уже чувствовать тяжелую руку „московскаго господаря“, искалъ болѣе прочнаго укрѣпленія въ умахъ идеи самодержавія. а это укрѣпленіе возможно было въ перенесеніи московскимъ княземъ на свою особу нравственнаго наслѣдія византійской имперіи: это наслѣдіе могло принести съ собою представительница императорскаго рода въ Византіи, утратившаго свою имперію. Идея византійской имперіи, такимъ образомъ, какъ бы переносилась на Москву, на плечи московскаго самодержавнаго князя.

Фрязинъ, какъ ловкій проходимецъ, которому, однако въ Римѣ охотно вѣрили, быстро выполнилъ свое посольство и воротился въ Москву съ портретомъ царевны, а равно съ „опасными“ (проѣзжими, пропускными) грамотами отъ папы для безпрепятственнаго слѣдованія по всѣмъ католическимъ землямъ московскихъ пословъ въ Римъ за царевною и обратно, когда будетъ совершонъ обрядъ обрученія, хотя заглазнаго.

Вскорѣ въ Римъ отправлено было посольство за невѣстой, и Фрязинъ назначенъ былъ отъ великаго князя представлять лицо жениха при церемоніи обрученія, какъ это водилось въ то время и какъ это мы увидимъ ниже, при обрученіи дочери Ивана Васильевича, Елены, выходившей замужъ за великаго князя литовскаго Александра.

Въ іюнѣ 1472 года царевна выѣхала изъ Рима. Ее сопровождалъ кардиналъ Антоній и немалое число грековъ. Ѣхала она моремъ и вступила на русскую землю выше Пскова.

Вотъ любопытное описаніе, по лѣтописцу, встрѣчи, которую приготовили царевнѣ псковичи:

„Октября въ 1 день пригна во Псковъ гонцемъ Николай Ляхъ отъ моря изъ Колывани, а повѣстуя Пскову:

„Царевна, переѣхавъ море, да ѣдетъ на Москву, дщи Ѳомина князя аморѣйскаго, а цареградскаго царя Константинова и Калуянова братана, а внука Іоана Паліологова, а князя Василья Дмитреевича затя, нарицаемая Софія: сія вамъ будетъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена и княгиня великая. И вы бы есте ея, сустрѣвше, приняли честно“.

„И того же дни самъ поѣха къ Новугороду Великому, а оттолѣ на Москву.

„И оттолѣ, — говоритъ лѣтописецъ,—псковичи начаша медъ сытити и кормъ сбирати, и послаша гонцовъ своихъ нолна и до Кирьипигѣ, и посадниковъ и бояръ изъ концовъ въ Изборескъ ея съ честію стрѣтити. И бывшимъ имъ тамо мало не съ недѣлю, и се пригнаше гонецъ отъ нея изъ Юрьева на озеро въ судахъ:

— „И вы бы есте ея сустрѣтили въ Изменѣ“ (объявилъ гонецъ).

„И псковичи въ тыя часы шесть насадовъ (суда) уготоваша великихъ, и во всякомъ насадѣ посадники псковскіе и бояре и гребцы съ великою честію поѣхаша въ суботу въ 10 день, и пріѣхаша скоро предъ обѣдомъ въ недѣлю въ 11 день на Измень, иже она толко ни пріѣзжаетъ къ берегу: бѣ бо тамъ мало — нѣсть тоя чести, яко же здѣ. И се вси шесть насадовъ и лодія многи, яко же езеру возмутитися, туто же начаша къ берегу приставати.

„И посадники псковскіи и бояре, вышедше изъ насадовъ и наливши кубцы и роги злащеныя съ медомъ и съ виномъ, и пришедши къ ней, челомъ удариша. Она же, пріемши отъ нихъ въ честь и въ любовь велику, и тѣми часы восхотѣ сама съ Измены и до обѣда въ даль ѣхати, бѣ бо ей еще се хочетъ отъ нѣмцевъ отъѣхати. И пріемши ея посадникъ съ тою же честію въ насады, и ея пріятелей (свиту), и казну, и на Скертовѣ ночеваша и потомъ у святаго Николы въ Устьяхъ другую ночь, и отъ святаго же Николы съ Устей, въ 13 день, святыхъ мученикъ Карпа и Памфила, пріѣхавше къ пресвятѣй Богородицы, и пѣша за нея игуменъ и съ всѣми старцы молебенъ.

„Она же оттолѣ, порты царскія надѣвши, и поѣха ко Пскову.

„Тако же и ту предо Псковомъ ей велика честь: священникомъ бо противу ея съ кресты и посадникомъ псковскимъ вышедшимъ, она же изъ насада вышедъ на новгородскомъ березѣ и отъ священниковъ благословеніе пріемши, тако же и отъ посадниковъ и отъ всего Пскова челобитіе, поиде въ домъ святыя Троица и со всѣми пріятели.

„И бѣ бо въ ней свой владыка съ нею, не по чину нашему оболченъ (одѣтъ): бѣ весь червленымъ платьемъ, имѣя на себѣ куколь червленъ же, на главѣ обвитъ глухо яко же каптуръ литовскій, толко лице его знати, и перстатицы на рукахъ его имѣя непремѣнно, яко рукъ его никому же видѣти, и въ той благословляетъ, да також и крестъ предъ нимъ на высокое древо востнкуто горѣ; не имѣя же поклоненія къ святымъ иконамъ и креста на себѣ рукою не прекрестяся, и въ дому святыя Троица толко знаменася къ Пречистѣй и то по повелѣнію царевны".

Когда царевна, — продолжаетъ лѣтописецъ, — была у святой Троицы и когда священники служили для нея молебенъ, то она приложилась къ крестамъ животворящимъ и къ образу Богородицы, а потомъ пошла на княжій дворъ государя своего. Тамъ ей опять посадники псковскіе всѣ и бояре и весь Псковъ честь сотворили виномъ и медомъ и всякимъ кормомъ, какъ ей самой, такъ и всѣмъ ея пріятелямъ, и слугамъ, и конямъ; кони ея были приведены сухимъ путемъ. Затѣмъ псковскіе посадники дарили ее, а также бояре и купцы, сколько кто могъ („чія какова сила"), и весь Псковъ „дарова ей въ почесть 50 рублевъ пѣнязми, а Ивану Фрязину 10 рублевъ".

„И она же царевна, сице видѣвши такову почесть въ великаго князя отчинѣ своего государя, какъ отъ посадниковъ псковскихъ, такъ и отъ бояръ и посполу отъ всего Пскова, и рече посадникомъ псковскимъ и бояромъ и всему Пскову:

— „Язъ царевна повѣстую, что есмь нынѣ на дорогу ѣхать хощю къ своему и вашему государю на Москву, и по нынѣ посадникомъ псковскимъ, и бояромъ, и всему вашему Пскову отчинѣ государя моего и вашего повѣстую: на вашемъ честнопріятіи и на вашемъ хлѣбѣ, и на вологѣ, и на винѣ, и на меду кланяюся: аще паки, оже ми дастъ Богъ, и буду на Москвѣ у своего и вашего государя, а гдѣ паки вамъ надобѣ будетъ, ино язъ паки царевна о вашихъ дѣлахъ хощю печаловатися велми".

Сказавъ эту рѣчь, царевна поклонилась посадникамъ и всему Пскову. Всѣ потомъ сѣли на коней, и она вошла въ возъ, приложилась къ иконамъ у св. Троицы и съ великою честью отъѣхала изъ Пскова. Посадники и бояре провожали ее до стараго Вознесенья.

Съ такими же почестями встрѣтилъ и проводилъ царевну Софью Великій Новгородъ.

Вообще Псковъ и Новгородъ привѣтствовали высокую путешественницу и будущую государыню свою, какъ умѣли и какъ, вѣроятно, у нихъ было принято встрѣчать такихъ высокихъ гостей. Для нихъ не казалось даже непозволительнымъ, что, во время шествій царевны съ кардиналомъ, впереди послѣдняго несли, по обычаю латинскому, распятіе на высокомъ древкѣ. Ихъ удивляло только то, что кардиналъ не снимаетъ перчатокъ („перстатицы") даже въ церкви, и что онъ весь въ красномъ, что въ свитѣ царевны „люди черны, а иные сини" и т. д. Но въ Москвѣ, какъ въ престольномъ городѣ, на эти внѣшности должны были обратить особенное вниманіе, тѣмъ

болѣе, когда сообразили, съ какими цѣлями ѣхалъ въ московское княжество легатъ папскій.

Когда Софья была еще далеко отъ Москвы, то тамъ уже собрался совѣтъ: великій князь совѣщался съ матерью, братьями своими и боярами относительно того, какъ принять невѣсту, а особенно слѣдовавшаго съ нею кардинала. Какъ они извѣщены были, царевну вездѣ сопровождалъ папскій посолъ, а впереди всегда несли латинское распятіе. Можно ли допустить это въ Москвѣ въ самый же день встрѣчи и пріема невѣсты? Въ совѣщаніи голоса раздѣлились: одни говорили, что можно допустить это и въ Москвѣ; другіе, напротивъ, утверждали, что этого допустить нельзя, что подобнаго ничего прежде не бывало въ московской землѣ, что потому и теперь не слѣдуетъ оказывать почесть латинской вѣрѣ. Указывали даже на Исидора, бывшаго на флорентинскомъ соборѣ и погибшаго за то, что онъ оказалъ уваженіе латинской вѣрѣ.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ великій князь обратился за разрѣшеніемъ неудомѣнія къ митрополиту Филиппу.

— Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко, — отвѣчалъ митрополитъ великому князю: — если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города. Неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался.

Послѣ такого отвѣта великій князь немедленно послалъ навстрѣчу царевнѣ одного боярина, который долженъ былъ отобрать у кардинала крестъ и спрятать въ сани. Кардиналъ никакъ не соглашался исполнить это требованіе, но потомъ долженъ былъ покориться. Но зато московскій посолъ Фрязинъ, котораго лѣтописецъ называетъ „денежникомъ“, долго сопротивлялся, желая этимъ угодить папѣ и его кардиналу за то, что и ему самому въ Римѣ оказывали большія почести, тѣмъ болѣе, что въ Римѣ онъ утаилъ, что принялъ въ Москвѣ православіе.

Около мѣсяца царевна ѣхала отъ Пскова до Москвы — таковы въ то время были пути сообщенія. Наконецъ, 12 ноября 1472 года, она торжественно въѣхала въ Москву и въ тотъ же день была обвѣнчана съ великимъ княземъ. „Великій князь Иванъ Васильевичъ,—говоритъ лѣтописецъ,— приготовилъ пированіе и честь велику, и взя съ нею вѣнчаніе и пріемъ чертогъ, и тако съ нею нача жити еже о Бозѣ, и возрадовашася съ нимъ вси князи и бояре и вся земля русская; а Ивана Фрязина, сославъ на Коломну, оковалъ“.

На другой день послѣ свадьбы, кардиналъ Антоній правилъ посольство и принесъ великому князю дары отъ папы. Затѣмъ кардиналъ немедленно приступилъ къ переговорамъ о соединеніи церквей — цѣль, съ которою задумано было замужество Софьи Палеологъ и для которой Антоній назначенъ былъ легатомъ въ московскую землю. Но какъ и прежде, всѣ попытки папъ пріобрѣсти себѣ въ русскихъ князьяхъ новыхъ духовныхъ чадъ не

имѣли успѣха, такъ и теперь усилія ихъ разбились о непоколебимость русскихъ духовныхъ властей. Едва начались у Антонія съ митрополитомъ совѣщанія о вѣрѣ, то,—говоритъ лѣтописецъ,—папскій легатъ скоро испугался, ибо митрополитъ выставилъ противъ него на споръ тогдашняго русскаго книжника Никиту Поповича: иное спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, какъ видно не довѣряя своимъ познаніямъ въ книжномъ дѣлѣ, о другомъ же заставлялъ спорить самого Никиту. Кончилось тѣмъ, что кардиналъ не нашелся, что отвѣчать Никитѣ и прекратилъ споръ.

— Нѣтъ книгъ со мною!—сказалъ онъ, чувствуя свое безсиліе передъ Никитою-грамотѣемъ.

На этомъ и кончились пренія и переговоры о вѣрѣ, о соединеніи восточной и западной церквей и о возстановленіи флорентинской уніи: бракъ Софьи Палеологъ съ великимъ княземъ московскимъ повидимому ни къ чему не послужилъ для папы, хотя онъ такъ много на него надѣялся. Но вѣроятно ораторскія средства кардинала Антонія были плохи, или онъ слишкомъ понадѣялся на силу своего краснорѣчія или на обѣщанія Ивана Фрязина, и въ этой увѣренности не взялъ даже съ собою книгъ, которыми могъ бы подкрѣпить свой споръ съ книжникомъ Никитою, или же послѣдній былъ такой говорунъ и знатокъ своей вѣры, а скорѣе упорный приверженецъ буквы, какими впослѣдствіи оказались всѣ русскіе книжники во время церковныхъ смутъ, во всякомъ случаѣ посольство кардинала кончилось ничѣмъ, и онъ скоро уѣхалъ.

Но несмотря на это, какъ бракъ Ивана Васильевича на племянницѣ византійскаго императора, такъ и присутствіе въ русской землѣ греческой царевны имѣли громадное нравственное и политическое вліяніе на всю послѣдующую исторію московскаго царства. Софья принесла съ собою блескъ и обаяніе императорскаго имени; она же внесла въ идею великокняжеской силы то, чего этой силѣ недоставало—царственности. Уже современники не могли не замѣтить, что послѣ брака съ отраслью стариннаго царственнаго рода, великій князь изъ простого старѣйшаго князя между другими удѣльными князьями явился уже не княземъ только, а самодержавнымъ „государемъ", что онъ и показалъ на Новгородѣ, и потому тотчасъ же получилъ наименованіе Грознаго. Такъ называетъ его и лѣтописецъ, говоря, что „сей бо великій князь Іоаннъ именуемый Тимоѳей Грозный". Великій князь становится монархомъ для князей и для могущественной, гордой дружины, которая, бывало, при малѣйшемъ неудовольствіи на князя переходила къ другому; а теперь ни князьямъ, ни дружинѣ уйти было некуда. Князья, потомки Рюрика и Гедимина, превращаются, по отношенію къ государю московскому, въ „холопей" и „смердовъ".

Все это до извѣстной степени внесла съ собой Софья Палеологъ. Еще недавно великій князь ѣздилъ въ орду, кланялся хану и его вельможамъ, какъ кланялись въ теченіе двухъ столѣтій его предки, но когда въ великокняжескій дворъ вошла Софья, то великій князь тотчасъ же заговорилъ другимъ языкомъ съ ханомъ.

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женитьбы великаго князя на Софьѣ, ханъ Ахматъ, приславъ посла, требовалъ Ивана Васильевича къ себѣ въ орду и приказывалъ высылать попрежнему дань, Софья сказала мужу:

— Отецъ мой и я захотѣли лучше отчины лишиться, чѣмъ дань давать. Я отказала въ моей рукѣ сильнымъ, богатымъ князьямъ и королямъ ради вѣры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь и меня, и дѣтей моихъ сдѣлать данниками. Развѣ у тебя мало войска? Зачѣмъ слушаешься рабовъ своихъ и не хочешь стоять за свою честь и за святую вѣру?

Говорятъ, что великій князь вмѣсто себя отправилъ въ орду своего посла Бестужева: но вѣроятно рѣчи, которыя велѣлъ Иванъ Васильевичъ своему послу передать хану, разсердили этого послѣдняго, и потому онъ прислалъ въ Москву новое посольство съ требованіемъ дани. Тогда великій князь взялъ ханское изображеніе („басму“), изломалъ, бросилъ на землю, растопталъ ногами, велѣлъ убить пословъ ханскихъ, пощадивши жизнь только одному, которому и сказалъ:

— Ступай, объяви хану: что я сдѣлалъ съ его басмою и послами, то сдѣлаю и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.

Софья же,—говорятъ современники,—настояла, чтобы великій князь не выходилъ пѣшкомъ, какъ это водилось до нея, навстрѣчу ханскимъ посламъ, привозившимъ съ собою „царскую басму“, чтобы не кланялся этимъ ордынскимъ посламъ до земли, не подносилъ бы имъ кубокъ съ кумысомъ и не выслушивалъ бы ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ. Говорятъ, что, по настоянію жены, великій князь, для избѣжанія всѣхъ унизительныхъ обрядовъ при пріемѣ ордынскихъ пословъ, началъ сказываться больнымъ, пока окончательно не порвалъ свою подчиненность ордѣ. Софья же, говорятъ, настояла на томъ, чтобы великій князь отнялъ у татарскихъ пословъ и купцовъ кремлевское подворье, на которомъ они обыкновенно останавливались.

Вліянію же Софьи слѣдуетъ приписать и то, что съ государями западной Европы великій князь заговорилъ другимъ языкомъ, что въ сношеніяхъ своихъ съ этими государями онъ упоминаетъ даже, „какъ отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними римскими цесарями, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи“, что и отецъ его „до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ“.

Въ наказѣ Юрію Траханіоту, отправленному посломъ къ австрійскому императору Фридриху и сыну его Максимиліану, великій князь уже говоритъ съ гордымъ сознаніемъ о своемъ царственномъ величіи. „Если спросятъ тебя (говоритъ онъ въ наказѣ): цесарь спрашивалъ у вашего государя, хочетъ ли онъ отдать дочь за племянника императорскаго, маркграфа баденскаго, „есть ли съ тобой объ этомъ какой приказъ?“—то отвѣчай: „за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь нашъ многимъ землямъ государь великій, но гдѣ будетъ прилично, то государь нашъ съ Божіею волею хочетъ это дѣло дѣлать“. Если начнутъ выставлять маркграфа владѣтелемъ сильнымъ, скажутъ: „Отчего неприлично вашему государю выдать за него дочь?“—то отвѣчай: „Во всѣхъ

земляхъ извѣстно, надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь, урожденный изначала, отъ своихъ прародителей, отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними римскими царями, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи; отецъ нашего государя до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ до зятя своего Іоанна Палеолога,—такъ какъ же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа?“ Если же станутъ говорить, чтобъ великому князю выдать дочь за императорова сына Максимиліана, то тебѣ не отговаривать, а сказать такъ: „Захочетъ этого цезарь, то послалъ бы къ нашему государю человѣка“. Если же станутъ говорить объ этомъ дѣлѣ накрѣпко, что цезарь пошлетъ своего человѣка, и ты возьмешь ли его съ собою?—то отвѣчай: „Со мною объ этомъ приказу нѣтъ, потому что цесарскій посолъ говорилъ, что Максимиліанъ уже женатъ; но государь нашъ ищетъ выдать дочь свою за кого прилично: цесарь и сынъ его Максимиліанъ—государи великіе, нашъ государь— также великій государь, —такъ если цесарь пошлетъ къ нашему государю за этимъ своего человѣка, то, я надѣюсь, что государь нашъ не откажетъ“.

Вотъ каковъ сталъ языкъ великаго князя московскаго. За маркграфа банденскаго уже неприлично великому князю выдавать свою дочь: на предложеніе австрійскаго посла, рыцаря Поппеля, предоставлявшаго великому князю отъ австрійскаго императора королевскій титулъ, отвѣчаютъ, что этого титула „какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ“, а что „постановленіе имѣли отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы“; наконецъ, на требованіе ханомъ Золотой Орды дани отвѣчаютъ поруганіемъ надъ ханскою басмою и казнью пословъ.

Всѣ эти крупныя перемѣны приписываютъ вліянію Софьи. Ханъ не стерпѣлъ высокомѣрія великаго князя и рѣшился наказать своего улусника. Согласившись съ Казиміромъ литовскимъ, онъ двинулся на московскія владѣнія. Великій князь также выслалъ противъ него своихъ воеводъ и самъ отправился къ войску. Въ Москвѣ онъ посадилъ въ осадѣ свою мать, инокиню Марѳу, князя Михаила Андреевича верейскаго, митрополита Геронтія, ростовскаго владыку Вассіана, замѣчательнаго проповѣдника и самую энергическую личность этого времени. Главную же виновницу войны, Софью, Иванъ Васильевичъ послалъ въ болѣе безопасное мѣсто, велѣвъ ей ѣхать вмѣстѣ съ казною на Бѣлоозеро, а оттуда—далѣе къ морю и къ океану, если Ахматъ возьметъ Москву: такъ ревниво берегъ великій князь свою молодую жену!

Не дождавшись хана, великій князь оставилъ войска и воротился въ Москву. Въ это время москвичи, ожидая татаръ, уже бывавшихъ въ Москвѣ и устилавшихъ ее нерѣдко трупами, перебирались изъ посадовъ въ Кремль на осадное сидѣнье. Когда они увидѣли великаго князя, котораго не ожидали, то подумали, что все пропало—войска великаго князя разбиты, самъ князь бѣжалъ, татары гонятся по слѣдамъ его. Послышался народный ропотъ.

— Егда ты, господинъ великій князь, надъ нами княжишь въ кро-

тости и тихости, тогда насъ много въ безлѣпицѣ продаешь, а нынѣчи, розгнѣвивъ царя самъ, выхода (дани) ему не платив, насъ выдаешь царю и татарамъ!—кричалъ народъ, собираясь толпами.

Но едва великій князь въѣхалъ въ Кремль, какъ его встрѣтили митрополитъ Геронтій и владыка Вассіанъ. Послѣдній зло упрекалъ Ивана Васильевича за недостатокъ мужества, называлъ его „бѣгуномъ".

— Вся кровь на тебя падетъ христіанская, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь, а бои не постави съ татары и не бився съ ними,—говорилъ онъ великому князю.—А чему боишися смерти? Не безсмертенъ еси человѣкъ—смертенъ! И безъ року нѣту смерти ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. А дай семо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лицо противъ татаръ!

И много подобнаго говорилъ Вассіанъ, а народъ роптал: „а граждане роптаху на великаго князя," говоритъ лѣтописецъ. Испугавшись народнаго ропота, великій князь не рѣшился ѣхать въ свой кремлевскій дворецъ, а остановился въ Красномъ селѣ.

Боясь также и за своего сына, молодаго князя Ивана, который находился при войскѣ и сторожилъ проходы ханскихъ войскъ черезъ рѣку Угру, великій князь послалъ приказъ, чтобъ тотъ ѣхалъ въ Москву. Молодой князь не послушался отцовской грамоты, не боясь даже навлечь на себя гнѣвъ своего государя. Тогда Иванъ Васильевичъ послалъ приказъ воеводѣ, князю Холмскому, схватить молодаго князя и силою привезти въ Москву. Холмскій не рѣшался прибѣгнуть къ силѣ, а молодой князь стоялъ на своемъ.

— Умру здѣсь, а къ отцу не пойду!—отвѣчалъ онъ на всѣ уговариванья князя Холмскаго.

Вассіанъ настаивалъ, чтобы самъ великій князь ѣхалъ къ войску, чтобы онъ не боялся за свою молодую жену, не думалъ только о ней. Энергія стараго пастыря побѣдила боязнь князя. Черезъ двѣ недѣли онъ выѣхалъ къ своимъ ратямъ, но не сталъ лицомъ къ лицу съ татарами, а уклонился въ сторону, „утулилъ лице свое", какъ выражался Вассіанъ. Онъ даже началъ сноситься съ Ахматомъ: отправилъ къ нему Ивана Товаркова съ челобитьемъ и дарами, просилъ, чтобы ханъ отступилъ съ войскомъ и „не велѣлъ воевать улуса своего"—это русскія-то земли!.. Видно было, что не съ нимъ Софья Палеологъ.

— Жалую Ивана!—высокомѣрно отвѣчалъ ханъ:—пусть самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ орду.

Иванъ не поѣхалъ.

— Самъ не хочешь ѣхать, такъ сына пришли или брата,—снова приказалъ сказать ханъ.

Князь не послалъ ни сына, ни брата.

— Сына и брата не пришлешь, такъ пришли Никифора Басенкова (который уже бывалъ въ ордѣ),—настаивалъ Ахматъ.

Узналъ старый Вассіанъ объ этихъ сношеніяхъ, объ этой нерѣшитель-

ности великаго князя, и снова грозное слово его пошло къ „бѣгуну"-князю, какъ онъ его назвалъ.

„Слышимъ нынѣ, — писалъ старикъ, — что бусурманинъ Ахматъ уже приближается и христіанство губитъ. Ты передъ нимъ смиряешься, молишь о мірѣ, посылаешь къ нему, а онъ гнѣвомъ дышитъ, твоего моленія не слушаетъ, хочетъ до конца разорить христіанство. Не унывай, но возверзи на Господа печаль твою и той тя пропитаетъ. Дошелъ до насъ слухъ, что прежніе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Что они совѣтуютъ тебѣ, эти льстецы лжеименитые, которые думаютъ, будто они христіане? Совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь ни мало окаяннымъ этимъ сыроядцамъ, предать христіанство, свое отечество, и подобно бѣглецамъ скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый государь! отъ какой славы въ какое безчестіе сведутъ они твое величество, когда народъ тьмами погибнетъ, а церкви Божіи разорятся и осквернятся. Кто каменносердечный не восплачется объ этой погибели? Убойся и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ эту кровь? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою преложить въ безчестіе и славу твою въ безславіе, хотящихъ, чтобы ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанскимъ. Выйди навстрѣчу безбожному языку агарянскому, поревнуй прародителямъ твоимъ, великимъ князьямъ, которые не только русскую землю обороняли отъ поганыхъ, но и чужія страны брали подъ себя. Говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, бравшихъ дань на царяхъ греческихъ, о Владимірѣ-Мономахѣ, который бился съ окаянными половцами за русскую землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великій князь Димитрій, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными! Самъ напередъ бился, не пощадилъ живота своего для избавленія христіанскаго, не испугался множества татаръ, не сказалъ самъ себѣ: у меня жена и дѣти и богатства много—если и землю мою возьмутъ, то въ другомъ мѣстѣ поселюсь; но, не сомнѣваясь нимало, воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ, и въ лицо сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамая, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. За это и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Димитрій не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохранитъ тебя; если же, вмѣстѣ съ воинствомъ своимъ, и до смерти пострaждешь за православную вѣру и святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи. Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительскою—не поднимать рукъ на хана, то послушай; если клятва дана по нуждѣ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ, разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на

царя, но какъ на разбойника, хищника, богоборца. Лучше, солгавши, получить жизнь, чѣмъ соблюдая клятву погибнуть — пустить татаръ въ землю на разрушеніе и истребленіе всему христіанству, на запустѣніе и оскверненіе святыхъ церквей, и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христіанскаго царя, повиноваться этому богостудному, оскверненному, самозванному царю? и т. д.

Эти сильныя слова остановили великаго князя при войскѣ, потому что и Софья раньше говорила своему мужу тоже, заставляя его ногами растоптать ханскую басму и идти на битву. Но битвы не было: ханъ отступилъ въ свои степи черезъ литовскія земли, напрасно похваляясь все лѣто: „дастъ Богъ зиму на васъ — когда всѣ рѣки станутъ, то много будетъ дорогъ на Русь“.

Русь и Москва были спасены. Всѣ, кто бѣгалъ, стали возвращаться по домамъ.

Воротилась и великая княгиня Софья. „Тое же зимы,—говоритъ лѣтописецъ,—пріиде великая княгиня Софья изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала отъ татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никто же; и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ пуще татаръ отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ: быша бо жены ихъ тамо (боярскія) — возлюбиша бо паче жены, „неже православную христіанскую вѣру“.

Софью, повидимому, не любили современники, и на это они имѣли много причинъ.

Во время борьбы съ Ахматомъ, Софья уже имѣла дѣтей. Перваго сына назвали Василіемъ-Гавріиломъ. Но у нея былъ и пасынокъ, старшій сынъ Ивана Васильевича отъ первой жены Марьи Борисовны, Иванъ, названный въ отличіе отъ отца Иваномъ Молодымъ. Иванъ Молодой, по волѣ отца, желавшаго отстранить посягательства на московскій престолъ своихъ братьевъ, тоже носилъ званіе великаго князя, а потому грамоты писались отъ обоихъ. Ивану Молодому, показавшему такую энергію при нападеніи Ахмата на русскія земли, въ 1490 году было уже 32 года, когда онъ тяжко заболѣлъ: болѣзнь его называли „камчюгомъ“—это ломота въ ногахъ. Медицинскія средства въ то время были очень слабы и къ нимъ прибѣгали рѣдко. Находившійся тогда въ Москвѣ еврей лѣкарь, мистръ Леонъ, вывезенный русскими послами изъ Венеціи, предложилъ великому князю лѣчить Ивана Молодого.

— Я вылѣчу твоего сына,—говорилъ онъ,—а не вылѣчу, вели меня казнить казнью.

Великій князь приказалъ лѣчить. Леонъ давалъ больному какія-то лѣкарства внутрь, а къ тѣлу сталъ прикладывать склянки съ горячей водой. Больному стало хуже, и онъ умеръ. По приказанію великаго князя, Леонъ, ручавшійся головою за выздоровленіе молодого князя, былъ схваченъ, и, когда покойнику исполнилось сорокъ дней, казненъ смертью.

Враги Софьи говорили, что Иванъ Молодой отравленъ ею съ согласья

великаго князя, для того, чтобы великое княженіе передать сыну Софьи—Василію. Но у Ивана Молодаго остался маленькій сынъ Димитрій отъ Елены, дочери молдавскаго господаря Стефана, на которой былъ женатъ Иванъ Молодой. Возникалъ вопросъ: кто долженъ наслѣдовать великое княженіе—сынъ или внукъ великаго князя, сынъ Софьи или сынъ Елены? Великій князь рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу перваго: не даромъ великій князь женился на греческой царевнѣ ради преданій имперіи, ради идеи царской власти. Сынъ Софьи былъ сынъ греческой царевны, тогда какъ сынъ Елены былъ только внукъ молдавскаго господаря—громадная разница; первый—отрасль царскаго корня; въ гербѣ его должень былъ вмѣститься и гербъ римской имперіи—это хорошо понимала Софья Палеологъ и этотъ же взглядъ на дѣло она сообщила своему мужу.

Софья Палеологъ побѣдила. Дворъ раздѣлился на партіи, начались происки, интриги, заговоры и казни.

Образовались двѣ партіи—старая и молодая. Первую составляли болѣе знатные сановники—князья и бояре; ко второй примкнули боярскіе дѣти, дьяки и вообще все, что выдѣлялось грамотностью и личною заслугою. Старая партія примкнула къ Еленѣ, въ ея сыну Димитрію, потому что предпочтеніемъ сына Софьи сыну Ивана Молодаго великій князь нарушилъ старину, наклонился къ „новшеству“. Старая партія, несмотря на то, что великій князь въ данномъ случаѣ былъ не на ея сторонѣ, была, однако, до того сильна, что молодая партія, опасаясь ея торжества, рѣшилась избавиться отъ главнаго соперника главы ихъ партіи. Задумано было лишить жизни Димитрія. Одинъ изъ заговорщиковъ, дьякъ Стромиловъ, сообщилъ сыну Софьи—Василію, что отецъ хочетъ перенести великое княженіе на Димитрія, и потому, соединившись съ дьяками и боярскими дѣтьми Яропкинымъ, Пояркомъ, Гусевымъ, князьями Палецкимъ-Хрулемъ и Шевьимъ-Стравинымъ, Стромиловъ совѣтовалъ молодому князю тайно оставить Москву и, захвативъ казну въ Вологдѣ и Бѣлоозерѣ, умертвить Димитрія. Можетъ быть Софья объ этомъ и не знала ничего. Заговорщики, однако, были скоро схвачены и пытаны. Молодой князь былъ заключенъ отцомъ подъ стражу, а его приверженцы казнены. Яропкину отрубили руку, ноги и голову. Поярку руки и голову, Стромилову, Гусеву, Палецкому-Хрулю и Шевью-Стравину отсѣкли только головы. Казнь совершена была на Москвѣ рѣкѣ. Другіе соучастники заговора брошены въ тюрьмы.

Софью также постигла опала. Князь узналъ, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ. Ворожей—„лихихъ бабъ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, обыскали и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ. Самой Софьи Иванъ Васильевичъ съ тѣхъ поръ сталъ остерегаться.

Старая партія торжествовала.

Великій князь тотчасъ же велѣлъ вѣнчать на царство внука Димитрія, обойдя своего сына и сына Софьи. Обрядъ вѣнчанія совершили 4 февраля 1498 года. Когда Иванъ Васильевичъ съ внукомъ вошли въ Успенскій соборъ, то на томъ мѣстѣ, гдѣ ставятъ святителей, приготовлено было

большое мѣсто, на которомъ стояли три стула: великому князю, молодому Димитрію и митрополиту. Шапка Мономаха и бармы лежали на налоѣ. Митрополитъ со всѣмъ соборомъ отслужилъ молебенъ. Послѣ молебна великій князь и митрополитъ заняли свои мѣста, а молодой князь сталъ передъ ними, у верхней ступени эстрады.

— Отецъ митрополитъ!—говорилъ Иванъ Васильевичъ, обращаясь къ святителю:—Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей, великихъ князей, старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе, и я было сына своего перваго, Ивана, при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Божіею волею сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ владимірскимъ, московскимъ и новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ.

Митрополитъ велѣлъ Димитрію стать на мѣсто и, вставши, благословилъ крестомъ. Димитрій преклонилъ голову, а митрополитъ, положивъ на нее руку, громко провозгласилъ молитвы, чтобъ Господь Богъ далъ поставляемому скипетръ царства, посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита взяли съ налоя и поднесли бармы и шапку Монамаха. Митрополитъ бралъ ихъ и передавлялъ великому князю, который и возлагалъ эти знаки царскіе на молодого Димитрія.

Послѣ многолѣтія началось поздравленіе обоихъ великихъ князей. Митрополитъ сказалъ имъ обоимъ порознь краткое привѣтствіе. Молодому князю прочитаны были поученія и отъ митрополита и отъ дѣда. Въ шапкѣ и бармахъ вышелъ нововѣнчанный князь изъ собора. Въ дверяхъ его осыпалъ золотыми и серебряными деньгами дядя его, младшій сынъ Софьи, Юрій.

А старшій сынъ Софьи, ея первенецъ, Василій, во время этого торжества сидѣлъ подъ стражей!

Торжество старой партіи было полное. Но оно скоро смѣнилось ужасами и казнями. Схвачены были князья Патрикѣевы потомки Гедимина, и Ряполовскій—вожаки этой партіи: крамолы ихъ доказаны, измѣны обличены. Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ-рѣкѣ, двухъ Патрикѣевныхъ постригли въ монахи, третьяго оставили подъ стражей.

— Чтобъ во всемъ между васъ было гладко, пили бы бережно, не допьяна, чтобы вашимъ небреженіемъ нашему имени безчестья не было,— говорилъ великій князь своимъ посламъ, отправляя ихъ къ польскому королю и припоминая казненныхъ имъ недавно князей Ряполовскаго и Патрикѣева:—вѣдь что сдѣлаете не попригожу, такъ намъ безчестье и вамъ тоже. И вы бы во всемъ себя берегли, а не такъ бы дѣлали, какъ князь Семенъ Ряполовскій высокоумничалъ съ княземъ Патрикѣевымъ.

Все это было дѣломъ Софьи. Послѣ казни вожаковъ старой партіи, великій князь сталъ охладѣвать къ вѣнчанному имъ внуку, сыну Елены. Сидѣвшій подъ стражею сынъ Софьи Василій получаетъ свободу и объявляется великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Мало того, на голову

вѣнчаннаго внука Димитрія и на мать его Елену окончательно падаетъ опала великаго князя. Ихъ сажаютъ подъ стражу, имена ихъ исключаются изъ эктеніи и литіи, титулъ великаго князя отбирается отъ недавно вѣнчаннаго внука, а вѣнчаніе великимъ княженіемъ и шапка Мономаха переносятся на голову недавно опальнаго сына Софьи—Василія.

А за что опала обрушилась на первыхъ?

— Если дочь моя, великая княгиня литовская Елена или кто другой спроситъ васъ (наказывалъ Иванъ Васильевичъ посламъ своимъ, отправляя ихъ въ Литву):—„какъ великій князь пожаловалъ сына своего Василія великимъ княженіемъ?"—то отвѣчайте: „пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государь такъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь". Если же спросятъ: „а вѣдь прежде государь пожаловалъ великимъ княжествомъ внука своего, и онъ взялъ ли у внука великое княженіе?—отвѣчайте: „который сынъ отцу служитъ и норовитъ, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служитъ и не норовитъ, того за что жаловать?" Если же дочь моя Елена спроситъ: „гдѣ теперь внукъ и сноха?"—то отвѣчайте: „внукъ и сноха живутъ теперь у великаго князя такъ-же, какъ и прежде жили".

Мало того, посолъ, отправляемый въ Крымъ, долженъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы: „Внука своего государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служитъ и норовитъ, а который грубитъ, того за что жаловать?"

Вотъ и все разъясненіе причинъ опалы, постигшей великокняжескаго внука Димитрія съ матерью, и вторичнаго торжества Софьи съ молодою партіею.

Въ заключеніе настоящей характеристики мы должны сказать, что, судя по всѣмъ оставшимся отъ того времени памятникамъ, въ Русской землѣ Софья Палеологъ какъ мы замѣтили выше, не пользовалась общею любовью: она была все-таки женщина иноплеменная, хотя и гречанка; она, по мнѣнію большинства современниковъ, была причиною разъединенія великокняжеской власти съ землею, съ народомъ, а главное съ дружиною или—что тоже—съ боярщиною. Отсюда нелюбовь къ ней боярщины.

Курбскій, хотя человѣкъ весьма образованный для того времени, но большой приверженецъ старины и консерваторъ еще удѣльнаго закала, говоритъ, намекая на Софью Палеологъ: „въ предобрыхъ русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣицами, яко и во израильскихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ".

Наконецъ, опальный Берсень Беклемишевъ въ разговорѣ съ Максимомъ-Грекомъ прямо указываетъ на вліянье Софьи и грековъ вообще.

— Какъ пришли сюда греки,—говоритъ Берсень: - такъ наша земля и замѣшалась, а до тѣхъ поръ земля наша русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда великая княгиня Софья съ вашими греками,

такъ наша земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьградѣ при вашихъ царяхъ.

— Господинъ!—замѣчалъ на это Максимъ-Грекъ:—великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго: по отцѣ царскаго рода константинопольскаго, а по матери происходила отъ великаго герцога феррарскаго италійской стороны.

— Господинъ!—возражалъ на это Берсень:—какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля недолго стоитъ. А здѣсь у насъ старые обычаи великая княгиня перемѣнила: такъ какого добра отъ насъ ждать?

Значеніе вреда, внесеннаго въ русскую землю Софьею Палеологъ, выражается въ заключительныхъ словахъ Берсеня: „Лучше старыхъ обычаевъ держаться и людей жаловать, и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ-третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ“.

Не отрицая того огромнаго вліянія, которое Софья Палеологъ имѣла лично на великаго князя Ивана Васильевича и на направленіе его дѣлъ, мы не можемъ не признать громадности ея вліянія и вообще на весь дальнѣйшій ходъ нашей исторической жизни: съ приходомъ въ русскую землю Софьи-римлянки, какъ ее иногда называютъ лѣтописцы, въ русскую общественную жизнь влиты были новыя начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ Русская земля стала не чужда и западно-европейской жизни съ ея культурою и цивилизаціей, свободный притокъ для которыхъ окончательно открытъ былъ только Петромъ Великимъ.

Софья Палеологъ умерла 7 апрѣля 1503 года, проживъ въ Русской землѣе болѣе тридцати лѣтъ.

VII.

Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская.

По смерти Казиміра, великаго князя литовскаго и короля польскаго, въ 1492-мъ году, Литва и Польша раздѣлились между двумя сыновьями Казиміра—Яномъ-Альбрехтомъ и Александромъ. Первый сталъ королемъ польскимъ, а послѣдній—великимъ княземъ литовскимъ.

„Собиратель русской земли“, великій князь московскій Иванъ Васильевичъ III давно считалъ литовскихъ князей своими смертельными врагами, потому что Литва давно посягала на русскія земли какъ Великій Новгородъ, Псковъ и нѣкоторыя удѣльныя княжества, при малѣйшемъ неудовольствіи на Москву тотчасъ же задавались за Литву и Литвою грозили Москвѣ.

Поэтому, когда умеръ Казиміръ, котораго Москва боялась трогать, и на Литвѣ сталъ господиномъ великій князь Александръ, то Иванъ Васильевичъ, въ союзѣ съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, началъ тѣснить Литву, имѣя съ нею старые недоконченные счеты.

Литва, поставленная между двухъ огней, не могла не чувствовать, что сила ея будетъ сломлена, и потому рѣшилась завязать родственныя связи съ Москвою, чтобы родствомъ этимъ уладить безъ ущерба для себя старые съ нею счеты. У московскаго великаго князя отъ брака съ Софьею Палеологъ были двѣ дочери невѣсты, и на одну изъ нихъ, Елену, палъ историческій жребій послужить русско-литовскому дѣлу: на бракѣ своего князя Александра съ княжною Еленою Литва думала основать свою дружбу съ Москвою.

По обычаю того времени, сватовство Литвы на русской княжнѣ началось издалека. Полоцкій намѣстникъ, панъ Янъ Заберезскій, избранный Литвою орудіемъ для этого сватовства, отправилъ своего писаря Лаврина въ Новгородъ къ воеводѣ Якову Захарьичу подъ предлогомъ покупки въ этомъ городѣ разныхъ вещей, а въ сущности—съ косвеннымъ предложеніемъ сватовства. Такъ какъ это было государственное дѣло, то Яковъ Захарьичъ, выслушавъ предложеніе, самъ отправился въ Москву, чтобъ доложить объ этомъ великому князю.

Иванъ Васильевичъ, считавшій, какъ мы видѣли выше, неприличнымъ выдавать дочь свою за маркграфа баденскаго, не такъ взглянулъ на сватовство Литвы.

Хотя великій князь и обвинялся нѣкоторыми изъ московскихъ бояръ, недовольными его бракомъ съ Софьею Палеологъ и внесенными ею въ московскую придворную жизнь нововведеніями, какъ напримѣръ, Берсень Беклемашевъ обвинялъ Ивана Васильевича въ томъ, будто онъ всѣ дѣла государственныя рѣшаетъ „самъ-третей у постели“, относя впрочемъ обвиненіе это уже на сына этого государя,—однако, и въ такомъ семейномъ дѣлѣ, какъ сватовство за его дочь, великій князь ни шагу не дѣлалъ безъ бояръ. Узнавъ о „задиркахъ“ Литвы, какъ онъ выражался насчетъ сватовства, Иванъ Васильевичъ посовѣтывался съ боярами, и сначала порѣшилъ-было сказать Якову Захарьичу, что онъ не долженъ посылать къ пану Заберезскому своего человѣка съ отвѣтомъ относительно сватовства; но вскорѣ великій князь передумалъ, и когда Захарьичъ уѣхалъ уже въ Новгородъ, послалъ ему приказъ отправить къ пану Заберезскому отвѣтъ. Впрочемъ, такъ какъ военныя дѣйствія между Литвой и Москвой продолжались, то великій князь прекращать военныхъ дѣйствій не велѣлъ по случаю сватовства, говоря, „что и между государями пересылка бываетъ, хотя бы и полки сходились“. Захарьичу велѣно при этомъ писать пану Заберезскому вѣжливо, потому что и панъ Заберезскій писалъ вѣжливо. Посланный долженъ былъ подъ рукою поразвѣдать и о тамошнихъ литовскихъ дѣлахъ—какъ великій князь живетъ съ панами, какъ у нихъ въ землѣ дѣла и какіе слухи про братьевъ Александра? Захарьичу велѣно было также черезъ своего посланнаго сказать пану Заберезскому, что до заключенія мира о сватовствѣ собственно нечего и толковать: это значило, что Москва догадывалась о стѣсненныхъ обстоятельствахъ Литвы и хотѣла ее поприжать.

Литва, между тѣмъ, торопила со сватовствомъ—явный признакъ, что ей было тяжко отъ Москвы и отъ Менгли-Гирея, разомъ давившихъ ее, и потому сватовство свое Литва ставила чѣмъ-то въ родѣ парламентерскаго флага.

Послѣ первыхъ развѣдокъ, панъ Заберезскій писалъ уже въ Москву къ самому приближенному боярину великаго князя, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, котораго мы уже видѣли выше при взятіи Москвою Новгорода, гдѣ Патрикѣевъ объявлялъ новгородцамъ послѣднее слово московскаго князя, а потомъ когда, за происки противъ Софьи Палеологъ, Патрикѣевыхъ постигла опала. Патрикѣевъ самъ былъ изъ литовцевъ, какъ надо полагать, и Яковъ Захарьичъ былъ тоже литовскій выходецъ, а потому литвины съ своими московскими земляками и завязали рѣчь о сватовствѣ. „Дознайся,—писалъ панъ Заберезскій князю Патрикѣеву,—у своего государя, великаго князя, захочетъ ли онъ отдать дочку свою за нашего государя, великаго князя Александра? А мы здѣсь съ дядьми и братьями нашими хотимъ въ томъ дѣлѣ постоять“. „Дядья“ и „братья“—эти паны старшіе и равные въ „литовской радѣ“.

Особый посланецъ повезъ отвѣтъ князя Патрикѣева пану Заберезскому.

Литва видимо еще болѣе заторопилась. Той же зимой отъ литовскаго князя Александра явился на Москву посломъ панъ Глѣбовичъ. Послѣ посольскихъ дѣлъ панъ Глѣбовичъ былъ на обѣдѣ у великаго князя. Послѣ обѣда, по обычаю, великій князь послалъ съ княземъ Ноздроватымъ на посольское подворье меды—поить посла. Подвыпивши, панъ Глѣбовичъ сталъ заговаривать съ княземъ Ноздроватымъ о сватовствѣ, но не добившись ничего, хотѣлъ говорить объ этомъ съ княземъ Патрикѣевымъ. Пировали потомъ у Патрикѣева, снова выпили, и снова панъ Глѣбовичъ началъ „задирки“ о сватовствѣ. Патрикѣевъ ничего не отвѣчалъ, потому что считалъ неприличнымъ говорить о такомъ дѣлѣ людямъ, находившимся въ положеніи пирующихъ. Однако, на другой день, доложивши объ этомъ великому князю, Патрикѣевъ самъ заговорилъ съ Глѣбовичемъ о дѣлѣ. Тотъ отвѣчалъ, что говоритъ лично отъ себя, а не отъ своего государя, и только просилъ вывѣдать у великаго князя: согласится ли онъ на бракъ своей дочери съ ихъ государемъ.

— По вашему, какому дѣлу слѣдуетъ быть прежде—миру или сватовству?—отвѣчалъ на это Патрикѣевъ.

Глѣбовичъ сказалъ, что объ этомъ поговорятъ съ великими московскими людьми великіе литовскіе люди, которые пріѣдутъ на Москву. Съ своей стороны Патрикѣевъ сказалъ, что когда пріѣдутъ литовскіе послы для заключенія мира, тогда время будетъ начать рѣчь и о сватовствѣ и что московскіе бояре этого желаютъ, а до той поры и говорить нечего.

Между тѣмъ гонецъ Патрикѣева, возившій въ Полоцкъ отвѣтъ его пану Заберезскому, воротился съ новымъ письмомъ этого послѣдняго. Заберезскій писалъ, что о сватовствѣ онъ говорилъ съ княземъ, епископомъ и панами, что всѣ они желаютъ мира и родственнаго союза между госу-

дарями и что этого желаетъ и великій князь ихъ Александръ. Но во всякомъ случаѣ Заберезскій желалъ, до отъѣзда пословъ своихъ въ Москву по этимъ дѣламъ, имѣть ручательство въ томъ, что начатое дѣло поведетъ къ доброму концу.

„Какъ вы государя своего чести стережете,—писалъ онъ,—такъ и мы: если великіе послы вернутся безъ добраго конца, то къ чему доброму то дѣло пойдетъ впередъ?

Но Москва хитрила и заминала рѣчь о сватовствѣ: ей хотѣлось добиться существенныхъ результатовъ въ вопросѣ о мирѣ.

Литва съ своей стороны хитрила. Видя, что ея подходы къ сватовству не удаются, она пустила въ ходъ опять окольныя сношенія. Пущены были въ ходъ „кречета“. Птицу эту любили литовскіе паны, большіе соколиные охотники. „Задирки“ посредствомъ „кречетовъ“ начались опять со стороны пана Заберезскаго съ землякомъ своимъ Яковомъ Захарьичемъ.

Панъ Заберезскій прислалъ къ Захарьичу въ Новгородъ просить позволеніе купить двухъ кречетовъ. Захарьичъ зналъ, что означали кречета, и тотчасъ послалъ доложить объ этомъ великому князю.

Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что дѣло тутъ не въ кречетахъ, а, конечно, засылаетъ Литва затѣмъ, чтобы высмотрѣть что-либо, „или задираючи для прежняго дѣла“. Поэтому Захарьичъ долженъ былъ послать къ Заберезскому своего человѣка съ кречетами и съ грамотою о дѣлѣ: „возьмутся за это дѣло, то дай Богъ, а не возьмутся, то намъ низости въ этомъ нѣтъ никакой“. Великій князь наказалъ также, чтобъ въ Полоцкъ съ кречетами послали умнаго человѣка, который бы могъ высмотрѣть тамошнія дѣла и вѣжливо поразспросить; съ посланцемъ же Заберезскаго отправить до границы пристава съ наказомъ—смотрѣть, чтобы съ нимъ никто дорогой не поговорилъ, и чтобъ такъ дѣлалось и впередъ, когда кто изъ Литвы пріѣдетъ.

Такъ дѣло тянулось почти два года. Видя безполезность этихъ подсыпокъ и „задираній,“ Литва рѣшилась отправить въ Москву большое посольство. Въ январѣ 1494 года явились большіе послы—братья Петръ Бѣлый Яновичъ, воевода троцкій, и Станиславъ Гаштольдъ Яновичъ, староста жомоитскій. Цѣль посольства была—миръ съ Москвою и укрѣпленіе вѣчной съ ней пріязни родственный связью.

Послы должны были представляться и великой княгинѣ Софьѣ Палеологъ, матери невѣсты. До представленія они спрашивали: будутъ ли при ней дочери? Посламъ отвѣчали, что дочерей не будетъ. Во время переговоровъ великій князь объявилъ, что согласенъ выдать дочь свою за литовскаго государя, если только ей не будетъ неволи въ вѣрѣ, въ чемъ послы ручались головою.

Послы явились княгинѣ. Тамъ они увидѣли невѣсту, старшую дочь великой княгини, Елену. Ей въ это время было около 18-ти лѣтъ. Безъ сомнѣнія, смотрины невѣсты оказались благопріятными, потому что въ тотъ же день послѣдовало обрученіе, т. е. мѣна крестовъ съ цѣпями и перстней.

Особу жениха представлялъ младшій посолъ панъ Станиславъ, а старшій былъ отстраненъ потому, что былъ женатъ на другой женѣ.

Великій князь требовалъ, чтобъ женихъ далъ такую утвержденную грамоту: „Намъ его дочери не нудить къ римскому закону. Держитъ она свой греческій законъ“.

За грамотой отправлены были въ Литву послы—князья Ряполовскіе. Это тѣ самые Ряполовскіе, изъ которыхъ одному, Семену, какъ мы видѣли выше, великій князь впослѣдствіи отрубилъ голову за заговоръ противъ великой княгини Софьи и сына ея Василія и о которомъ Иванъ Васильевичъ отзывался, что Семенъ Ряполовскій въ Литвѣ „высокоумничалъ“. Ряполовскимъ данъ наказъ: говорить накрѣпко, чтобъ Александръ далъ грамоту о вѣрѣ Елениной по списку слово въ слово; если же онъ никакъ не захочетъ дать грамоты, то укрѣпить его на словахъ, пусть крѣпкое свое слово молвитъ, что не будетъ ей принужденія въ греческомъ законѣ. Ряполовскіе донесли изъ Вильно, что Александръ даетъ грамоту, но только въ такой формѣ: „Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять римскій законъ, то ея воля“. Ряполовскіе не принимали этой грамоты. Тогда Александръ отправилъ въ Москву новаго посла, Лютавора Хребтовича. Великій князь спросилъ: зачѣмъ Александръ измѣнилъ грамоту? Посолъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, не имѣя наказа. На это великій князь объявилъ: если Александръ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ дочери не отдаетъ за него.

Литва и здѣсь уступила. Грамота была дана такая, какую требовалъ великій князь московскій. Тогда онъ назначилъ и время пріѣзда пословъ за невѣстой—праздникъ Рождества: „чтобъ нашей дочери,—говорилъ онъ,—быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мясного“.

Послы пріѣхали за невѣстой въ январѣ. Это были: виленскій воевода князь Александръ Юрьевичъ, полоцкій намѣстникъ Янъ Заберезскій, главный сватъ присылавшій за кречетами и проч., и намѣстникъ бреславскій панъ Юрій.

— Скажите отъ насъ брату и зятю нашему великому князю Александру,—говорилъ Иванъ Васильевичъ посламъ:—на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ нашей дочери никакимъ образомъ къ римскому закону не нудилъ. Если бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобъ между нами про то любовь и прочная дружба не нарушалась, Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, свою великую княгиню, жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ—велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь греческаго закона на переходахъ у своего

двора, у ея хоромъ, чтобъ ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не нарушались бы.

13 января была обѣдня въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ обѣдни, на которой присутствовало все великокняжеское семейство и бояре, великій князь подозвалъ литовскихъ пословъ къ дверямъ и передалъ имъ свою дочь.

Но невѣста не тотчасъ уѣхала. Два дня она жила въ Дорогомиловѣ. Тутъ шло угощеніе пословъ, и угощалъ ихъ братъ невѣсты Василій. Великая княгиня Софья, мать невѣсты, сама ночевала съ ней. Великій князь два раза пріѣзжалъ къ дочери. Вотъ его послѣдній наказъ: во всѣхъ городахъ, черезъ которые будетъ проѣзжать, она должна быть въ соборныхъ церквахъ и служить молебны. Въ Витебскѣ гордовой мостъ худъ, а потому, если можно будетъ проѣхать ей къ соборной церкви, то поѣхала бы, а нельзя—то и не ѣздила бы. Наказалъ, какъ поступать, когда какіе нибудь паньи встрѣтятъ ее. Если кто изъ пановъ дастъ ей обѣдъ, то самой паньѣ быть на обѣдѣ, а пану не быть. Отъѣхавшихъ изъ Москвы самовольно князей, Шемечича и другихъ, не допускать къ себѣ; если бы даже и послѣ, въ Вильнѣ, они пожелали ударить ей челомъ, то чтобъ Александръ не велѣлъ имъ и княгинямъ ихъ ходить къ Еленѣ. Если ее встрѣтитъ самъ великій князь Александръ, то ей изъ каптаны (экипажъ) выйти и челомъ ударить, и быть ей въ это время въ нарядѣ; если позоветъ ее къ рукѣ, то ей къ рукѣ идти и руку дать; если велитъ ей идти въ свою повозку, но тамъ не будетъ его матери, то ей въ его повозку не ходить, а ѣхать въ своей каптанѣ. Въ латинскою божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь латинскій, то можетъ посмотрѣть одинъ разъ или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Алексадра, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божницу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить.

Когда Елена подъѣзжала къ Вильнѣ, то Александръ встрѣтилъ ее за три версты отъ города. Онъ былъ верхомъ на конѣ. Отъ его коня до Елениной каптаны послано было красное сукно, а у каптаны—по сукну камка съ золотомъ. Елена вышла изъ каптаны на камку, а за нею вышли и провожавшія ее боярыни. Въ тоже время Александръ сошелъ съ коня, подошелъ къ Еленѣ, далъ ей руку, принялъ ее къ себѣ, спросилъ о здоровьѣ и велѣлъ опять пойти въ каптану. Потомъ далъ руку боярынямъ, сѣлъ на коня, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ городъ. Въ тотъ же день происходило вѣнчаніе. Хотя латинскій епископъ и самъ женихъ крѣпко настаивали, чтобъ пріѣхавшій въ Еленою русскій священникъ Ѳома не говорилъ молитвъ и княгиня Марья Ряполовская не держала вѣнца, однако, Семенъ Ряполовскій настоялъ, чтобъ приказъ великаго князя Московскаго былъ исполненъ въ точности.

Видно, что католическое духовенство съ перваго же раза думало повернуть московскую княжну нѣсколько на сторону латинства, даже хотя бы со стороны обрядности; но этого ему не удалось. Дальше мы увидимъ, какъ много горя принесло Еленѣ это іезуитское втягиванье московской княжны въ лоно римской церкви.

Вскорѣ потомъ московскіе бояре, провожавшіе Елену, Ряполовскіе и Русалка были отпущены изъ Вильны.

— Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, чтобъ мы дочери его, а нашей великой княгинѣ поставили церковь греческаго закона на переходахъ, подлѣ ея хоромъ (говорилъ Александръ боярамъ); но князья наши и паны, вся земля, имѣютъ права и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церквей греческаго закона больше не прибавлять: такъ намъ этихъ правъ рушить не годится. А княгинѣ нашей церковь греческаго закона въ городѣ есть близко—если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тесть нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаментѣ относительно греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ: эта грамота теперь у него съ нашею печатью.

Въ маѣ въ Москву пріѣхалъ отъ Александра посолъ Петряшковичъ благодарить за присылку Елены.

— Ты хотѣлъ,—говорилъ посолъ великому князю отъ имени Александра,— чтобъ мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока привыкнетъ къ чужой сторонѣ, и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время; но теперь пора уже имъ выѣхать отъ насъ: вѣдь у насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ. Какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ, и они будутъ, по ея приказу, дѣлать все, что только ни захочетъ.

Великому князю это не понравилось. Сильно онъ былъ недоволенъ своимъ зятемъ и за то, что тотъ пересталъ называть его „государемъ всея Россіи“, что не хотѣлъ построить церкви для Елены, когда онъ просилъ его сдѣлать это именно „для него“, что, наконецъ, Александръ отсылалъ изъ Вильны московскихъ бояръ, которыхъ Ивану Васильевичу хотѣлось непремѣнно удержать при дочери.

— Нашъ братъ, великій князь,—говорилъ онъ Петряшковичу:—самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утверждали тѣ права, что новыхъ церквей греческаго закона не строить: намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого; а съ нами братъ нашъ великій князь да и его рада договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать нашъ греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, то все теперь дѣлается не такъ.

Тогда же поскакалъ изъ Москвы гонецъ, Михайло Погожевъ, съ грамотою къ Еленѣ: „Сказывали мнѣ здѣсь,—писалъ ей отецъ,—что ты нездорова, и я послалъ навѣстить тебя Михаилу Погожева: ты бы ко

мнѣ съ нимъ отписала, чѣмъ неможешь и какъ тебя нынче Богъ милуетъ".

Но это былъ только предлогъ — тѣ же „кречета." Гонецъ долженъ наединѣ сказать Еленѣ отъ отца: „Эту грамоту о твоей болѣзни я нарочно прислалъ къ тебѣ для того, чтобъ не догадались, зачѣмъ я отправилъ Погожаго". А Погожій именно затѣмъ и былъ присланъ, чтобъ Елена не держала при себѣ людей латинской вѣры и не отпускала московскихъ бояръ. Главному же изъ нихъ, князю Ромодановскому, великій князь велѣлъ передать: „что ко мнѣ дочь моя пишетъ, и что вы пишете, и что съ вами дочь моя говоритъ—все это и робята у васъ знаютъ: пригоже ли такъ дѣлаете?"

Крайняя неподатливость виднѣется въ дѣйствіяхъ и той и другой стороны. Съ латинской вѣрой, повидимому, сильно, хотя косвенно и замаскированно, налегали на Елену и на ея привычки. А можетъ быть она невольно и поддавалась этому вліянію по молодости и по тому, что культурныя формы общежитія въ Вильнѣ были привлекательнѣе для нея первобытныхъ, грубоватыхъ формъ ея родины, гдѣ она жила въ затворѣ, въ терему: молодость вездѣ и всегда одна и таже. Какъ бы то ни было, но отецъ ея видимо сердился на ея мужа.

Такъ, когда въ Литвѣ испугались движенія изъ Крыма Менгли-Гирея, Александръ и Елена просили помощи у отца. Московскій князь обѣщалъ помощь, но между тѣмъ постоянно напоминалъ о греческой церкви, о небытіи слугъ латинской вѣры при Еленѣ, о непринужденіи ее носить польское платье, которое, можетъ быть, ей больше нравилось, чѣмъ московское, да притомъ такое требованіе со стороны Москвы — чтобъ даже не позволять носить то платье, которое принято въ странѣ—не могло не казаться литовскому государю, по малой мѣрѣ, излишнимъ. Но главное—московскій князь гнѣвался за то, что его перестали называть „государемъ всея Руси", что тоже было важно и для литовскаго князя, ибо онъ былъ государемъ „литовской Руси". При всемъ томъ Иванъ Васильевичъ отозвалъ изъ Литвы Ромодановскаго и другихъ бояръ, бывшихъ въ свитѣ Елены, и оставилъ при ней только священника Ѳому съ двумя крестовыми пѣвчими и нѣсколько поваровъ (конечно, главное для постной пищи Еленѣ, чтобъ она въ посты не скоромилась). Александръ же упрямился почти во всемъ, — да оно и понятно: онъ не могъ терпѣть да ему и не позволила бы литовская рада, чтобъ имъ, литовскимъ государемъ, распоряжались въ его царствѣ даже въ дѣлѣ прислуги и костюма его жены.

— Кого изъ пановъ, паней и другихъ служебныхъ людей мы заблагоразсудили приставить къ нашей великой княгинѣ. кто годится, тѣхъ и приставили: вѣдь въ этомъ греческому закону ея помѣхи нѣтъ никакой.

Борьба въ этомъ случаѣ шла между православною Русью и западнымъ католичествомъ. Московская Русь не желала терять своей нравственной связи съ Русью литовскою—все это была одна Русь: тамъ Кіевъ и Вильна, здѣсь—Москва, Владиміръ, Новгородъ. Видѣть Кіевъ, мать русскихъ горо-

довъ и колыбель вѣры, въ рукахъ Литвы католической было тяжело для Москвы.

Такъ, когда московскій князь услыхалъ, что брату Алекасандра Сигизмунду хотятъ дать Кіевъ, онъ велѣлъ сказать дочери:

— Слыхалъ я, дочь, каково было нестроенье въ литовской землѣ, когда было тамъ государей много, да и въ нашей землѣ, слыхала ты, какое было нестроеніе при моемъ отцѣ, слыхала, какія и послѣ были дѣла между мною и братьями, а иное и сама помнишь. Такъ, если Сигизмундъ будетъ въ литовской землѣ, то вашему какому добру быть? Я объ этомъ приказываю тебѣ для того, что ты—наше дитя, что если ваше дѣло нехорошо, то мнѣ жаль. А захочешь объ этомъ поговорить съ великимъ княземъ, то говори съ нимъ отъ себя, а не моею рѣчью, да и мнѣ обо всемъ дай знать, какъ ваши дѣла.

Зять и тесть все болѣе и болѣе становились врагами и тайно сносились съ врагами другъ друга.

Понятно, что положеніе молодой женщины, поставленной между отцомъ и мужемъ, которыхъ она, конечно, обоихъ любила, было очень тяжело: она должна была закрывать собой и того и другого, мирить ихъ, просить отца за мужа, потому что послѣдній естественно долженъ былъ стать ей, по ученію даже церкви, дороже отца. А она, между тѣмъ, должна была хитрить, вывѣдывать у мужа государственныя тайны для отца, становиться въ положеніе, противъ котораго совѣсть и сердце должны были протестовать.

Одному послу отъ Ивана Васильевича было наказано: если Елена скажетъ, что мужъ ея посылалъ въ орду и въ Швецію по своимъ дѣламъ, а не для того, чтобъ возбуждать ихъ противъ Москвы, то отвѣчать ей, что онъ именно посылалъ въ орду наводить ахматовыхъ сыновей на Москву и на Крымъ, что Москвѣ извѣстно, съ чѣмъ посылалъ онъ и въ Швецію, что если Елена хочетъ, то отецъ пришлетъ ей даже грамоты ордынскія, да и о томъ скажетъ, съ чѣмъ мужъ ея посылалъ къ шведскому правителю Стену Стуру.

Въ такомъ положеніи дѣла стояли больше двухъ лѣтъ. Еленѣ становилось все тяжелѣе въ литовской землѣ, гдѣ уже многіе стали на нее смотрѣть недружелюбно, такъ какъ отецъ ея не переставалъ тѣснить Литву.

Въ ноябрѣ 1497 года московскій князь прислалъ въ Литву Микулу Ангелова. Черезъ него отецъ говорилъ Еленѣ:

— Я тебѣ приказывалъ, чтобъ просила мужа о церкви, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, и ты просила ли его объ этомъ? Приказывалъ я къ тебѣ о попѣ, да о боярынѣ старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то, ни се. Тамошнихъ пановъ и паней греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ: хорошо ли это?

Ангелову велѣно было даже разузнать: когда идетъ у Елены служба, то она на службѣ стоитъ ли?

— О церкви я била челомъ великому князю (отвѣчала Елена Ангелову), но онъ и мнѣ отвѣчаетъ тоже, что московскимъ посламъ. А попъ

Ѳома не по мнѣ („не мойской"), а другой попъ есть со мною изъ Вильны очень хорошій. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ великій князь еще ничего, кого жаловать: двухъ, трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Если бы батюшка хотѣлъ, то тогда же боярыню со мною послалъ, а поповъ мнѣ кого знать? Самъ знаешь, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, такъ бы онъ себѣ и въ сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ его забыть: когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чемъ бью челомъ, и онъ жалуетъ, о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, что была озорница, и нынѣча она уже тишаетъ. („А восе которая у меня посажена, и она была восорка и нынѣча уже тишаетъ").

Съ каждымъ днемъ, повидимому, положеніе бѣдной женщины, оторванной отъ родины и соединившей свою судьбу съ католическимъ государствомъ, становилось все тяжелѣе; но Елена молчала—ничего не говорила суровому отцу.

Это обнаружилось помимо ея воли. Въ 1498 году, вяземскій намѣстникъ князь Оболенскій получилъ изъ Вильны отъ подъячаго Шестакова письмо такого содержанія: „Здѣсь у насъ произошла смута большая между латинами и нашимъ христіанствомъ: въ нашего владыку смоленскаго дьяволъ вселился, да въ Сапѣгу еще—встали на православную вѣру. Князь великій неволилъ государыню нашу, великую княгиню Елену, въ латинскую проклятую вѣру; но государыню нашу Богъ научилъ, да помнила науку государя отца своего, и она отказала мужу такъ: „вспомни, что ты обѣщалъ государю отцу моему; я безъ воли государя отца моего не могу этого сдѣлать; обошлюсь, какъ меня научитъ". Да все наше православное христіанство хотятъ окрестить: отъ этого наша Русь съ Литвою въ большой враждѣ. Этотъ списочекъ послалъ бы ты государю, а государю самому не узнать. Больше не смѣю писать; если-бъ можно было съ кѣмъ на словахъ пересказать".

Дѣло въ томъ, что дѣйствительно на православіе въ это время Литва подняла гоненіе.

Александръ, вступая въ бракъ съ Еленою, обманулъ римскій дворъ. Онъ увѣдомилъ его, что далъ отцу невѣсты ту грамоту, гдѣ сказано, что ее не будутъ принуждать къ римской вѣрѣ, „если она сама не захочетъ принять ее", а не ту, которую его заставили дать. Римскій дворъ, поэтому, узнавъ обманъ, не позволялъ Александру жить съ иновѣрною женою до 1505 года, когда папа Юлій II, разсчитывая, что московскій князь уже старъ и можетъ скоро умереть, разрѣшилъ этотъ бракъ; а до того времени папа Александръ VI прямо писалъ мужу Елены, что совѣсть его будетъ совершенно чиста, какія бы средства ни употребилъ онъ для склоненія жены къ римскому закону.

Вотъ откуда эта ревность къ католицизму и вотъ почему въ смолен-

скаго владыку и въ Сапѣгу, какъ выражался подъячій Шестаковъ, „дьяволъ вселился“.

Иванъ Васильевичъ, которому передали записку Шестакова, тотчасъ послалъ въ Вильну Мамонова объявить отъ себя и отъ жены Софьи Палеологъ своей дочери Еленѣ, чтобъ она „пострадала до крови и до смерти“, а греческаго закона не оставляла бы. Онъ попрекалъ ее только, зачѣмъ она таилась до сихъ поръ, когда ее силой влекутъ въ католичество. Зятя своего московскій князь попрекнулъ тѣмъ, что тотъ жену свою нудитъ въ латинскую вѣру и въ грамотахъ своихъ „нелѣпицы приказываетъ, помимо дѣла“.

Раздраженіе между обѣими сторонами росло быстро. Война была неизбѣжна—и войну объявила Москва. Мы не намѣрены касаться подробностей войны, такъ какъ заняты исключительно участью великой княгини Елены; припомнимъ только, что война тянулась четыре года. Москва сильно тѣснила Литву, и чѣмъ тяжелѣе были эти натиски со стороны Москвы, тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе становилась жизнь Елены: въ ней видѣли источникъ всѣхъ золъ, опрокинувшихся на литовскую землю.

Между тѣмъ польскій король Янъ-Альбрехтъ, братъ Александра литовскаго, умеръ, и мужъ Елены соединилъ подъ своей короной королевство польское и великое княжество литовское. Елена стала королевою польскою. Но Литвѣ отъ этого не стало легче, и она желала мира. Посредникомъ между воюющими сторонами явился папа Александръ VI. Онъ говорилъ, что пора христіанскимъ государямъ бросить вражду, что враги христіанства, турки, пользуясь этой враждой, несутъ все дальше и дальше въ Европу свои захваты.

Изъ Литвы прибыло посольство о мирѣ. Елена также прислала къ отцу своего канцлера Ивана Сапѣгу съ письмомъ, въ которомъ вылила передъ суровымъ родителемъ все свое горе, о которомъ она до сихъ поръ молчала.

Вотъ это замѣчательное письмо, дышащее безыскуственной простотою, полное неподражаемой прелести и оригинальности:

„Господинъ и государь батюшка! Вспомни, что я служебница и дѣвка твоя, а отдалъ ты меня за такого же брата своего, каковъ, ты самъ; знаешь, что ты ему за мною далъ и что я ему съ собою принесла; но государь мужъ мой, нисколько на это не жалуясь, взялъ меня отъ тебя съ доброю волею и держалъ меня во все это время въ чести и въ жалованіи и въ той любви, какую добрый мужъ обязанъ оказывать подружію, половинѣ своей. Свободно держу я вѣру христіанскую греческаго обычая; по церквамъ своимъ хожу, священниковъ, дьяконовъ, пѣвцовъ на своемъ дворѣ имѣю; литургію и всякую иную службу Божію совершаютъ передо мною вездѣ, и въ литовской землѣ, и въ коронѣ польской. Государь мой король, его мать, братья короля, зятья и сестры и паны радные и вся земля, всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе: вѣчный міръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а

теперь видятъ всѣ, что со мною одно лихо съ нимъ вышло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, разлитіе крови христіанской, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачъ, вопль! Таково жалованіе и любовь моя ко мнѣ! По всему свѣту поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ надивиться и тяжко жалуются: отъ вѣка, говорятъ, не слышно, чтобы отецъ своимъ бѣды причинялъ. Если, государь батюшка, Богъ тебѣ не положилъ на сердце меня, дочь свою, жаловать, то зачѣмъ меня изъ земли своей выпустилъ и за такого брата своего выдавалъ? Тогда и люди бы изъ-за меня не гибли, и кровь христіанская не лилась. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать. Всѣ одно только и говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобъ тѣмъ удобнѣе землю и людей высмотрѣть. Писала бы къ тебѣ и больше, да съ великой кручины ума не приложу; только съ горькими и великими слезами и плачемъ, тебѣ, государю и отцу своему, низко челомъ бью: помяни, Бога ради, меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнѣвъ неправедный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, и первую любовь свою и дружбу къ нему соблюди, чтобъ кровь христіанская больше не лилась, поганство бы не смѣялось, а измѣнники ваши не радовались бы, которыхъ отцы предкамъ нашимъ измѣнили тамъ на Москвѣ, и дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ. А другого чего мнѣ нельзя къ тебѣ и писать. Дай имъ Богъ измѣнникамъ того, что родителю нашему отъ ихъ отцовъ было. Они между вами, государями, замутили, да другой еще Семенъ Бѣльскій Іуда съ ними, который, будучи здѣсь въ Литвѣ, братію свою, князя Михайла и князя Ивана переѣлъ, и князя Ѳедора на чужую сторону прогналъ: такъ, государь, самъ посмотри, можно ли такимъ людямъ вѣрить, которые государямъ своимъ измѣнили и братью свою перерѣзали и теперь по шею въ крови ходятъ, вторые Каины, да между вами, государями, мутятъ? Смилуйся, возьми по старому любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ своимъ! Если же надо мною не смилуешься, и прочною дружбою съ моимъ государемъ не свяжешься, тогда уже сама уразумѣю, что держишь гнѣвъ не на него, а на меня; не хочешь, чтобъ я была въ любви у мужа, въ чести у братьевъ его, въ милости у свекрови, и чтобъ подданные наши мнѣ служили. Вся вселенная ни на кого другого, только на меня вопіетъ, что кровопролитіе сталось отъ моего въ Литву прихода, будто я къ тебѣ пишу, привожу тебя въ войну: если бы, говорятъ, она хотѣла, то никогда бы такого лиха не было; мило отцу дитя—какой на свѣтѣ отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю, и по міру вижу, что всякій заботится о дѣткахъ своихъ и о добрѣ ихъ промышляетъ: только одну меня, по грѣхамъ, Богъ забылъ. Слуги наши не по силѣ и трудно повѣрить какую казну за дочерями своими даютъ, и не только что тогда даютъ, но и потомъ каждый мѣсяцъ обсылаютъ, дарятъ и тѣшатъ, и не одни паны, но и всѣ дѣтокъ своихъ тѣшатъ: только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованье; а я передъ тобою ни въ чемъ не выступила. Съ плачемъ тебѣ челомъ бью: смилуйся надо мною,

убогою дѣвкою своею, не дай недругамъ моимъ радоваться обидѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Если увидятъ твое жалованье на мнѣ, служебницѣ твоей, то всѣмъ буду честна, всѣмъ грозна; если же не будетъ на мнѣ твоей ласки, то самъ можешь разумѣть, что покинутъ меня всѣ родные государя моего и всѣ подданные его".

Такъ же плакалась она въ письмахъ къ матери и къ братьямъ.

Хотя миръ вскорѣ и былъ заключенъ между воюющими сторонами, однако ни Иванъ Васильевичъ не переставалъ настаивать на томъ, чтобы Еленѣ построили греческую церковь и не принуждали къ римскому закону, ни польскій король не переставалъ упрямиться и не исполнять требованій московскаго князя. „А начнетъ братъ нашъ дочь нашу принуждать къ римскому закону, то пусть знаетъ: мы этого ему не спустимъ, будемъ за это стоять, сколько Богъ пособитъ", говорилъ московскій князь посламъ польскаго короля. Но послы отвѣчали, что папа уже два раза присылалъ къ ихъ королю съ требованіемъ, чтобы королева Елена была послушна апостольскому престолу и ходила въ латинскую церковь. Папа, по ихъ словамъ, хочетъ не того, чтобъ Елена вторично крестилась и греческій законъ оставила, а приняла бы только флорентинскую унію. Послы просили Ивана Васильевича лично приказать, что ему нужно, папскому послу, который былъ тогда въ Москвѣ, или отправить своего посла къ папѣ.

— Намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, зачѣмъ къ папѣ посылать своего посла?—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ:—о томъ дѣлѣ, своей дочери, намъ къ папѣ не посылать, а скажите брату и зятю, чтобъ, какъ намъ обѣщалъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ за то между нами нежитья не было.

Ивану же Сапѣгѣ, канцлеру Елены, при отправленіи обратно въ Литву, великій князь сказалъ:

— Ивашка! привезъ ты къ намъ грамоту отъ нашей дочери, да и словами намъ отъ нея говорилъ; но въ грамотѣ иное не дѣло написано, и не пригоже ей было о томъ къ намъ писать. Пишетъ, будто ей о вѣрѣ отъ мужа никакой присылки не было: но мы навѣрное знаемъ, что мужъ ея Александръ король посылалъ къ ней, чтобъ приступила къ римскому закону, и не къ одной къ ней, а ко всей Руси. Скажи отъ насъ нашей дочери: „Дочка! Памятуй Бога да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай ни которымъ дѣломъ, церкви римской и папѣ ни чемъ послушна не будь, въ церковь римскую не ходи, душою никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ и тебѣ и всему нашему роду будетъ великое безчестье и закону нашему греческому укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бъ пострадала. А только, дочка, поползнешься приступить къ римскому закону, волею или неволею, то ты отъ Бога душою погибнешь, а отъ насъ будешь въ неблагословеньи: я тебя за то не благословлю и мать не благословитъ, а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпрестанно рать".

Съ послами, которыхъ вслѣдъ затѣмъ Иванъ Васильевичъ отправлялъ въ Литву, былъ отъ него къ дочери новый наказъ, и явный, и тайный.

Въ явномъ наказѣ послы должны были сказать отъ него Еленѣ:

„Писала ты къ намъ, что люди въ Литвѣ надѣялись всякаго добра отъ твоего приходу, а вмѣсто того къ нимъ съ тобою пришло всякое лихо. Но это дѣло, дочка, сталось не тобою: сталось оно неисправленіемъ брата нашего и зятя, а твоего мужа. Я надѣялся, что какъ ты къ нему придешь, такъ тобою всей Руси, греческому закону, окрѣпленіе будетъ; а вмѣсто того, какъ ты къ нему пришла, такъ онъ началъ тебя принуждать къ римскому закону, а изъ тебя и всю Русь началъ принуждать къ тому же. Ты ко мнѣ пишешь, что къ тебѣ отъ мужа о перемѣнѣ вѣры никакой присылки не было; а послы твоего мужа намъ отъ него говорили, что папа къ нему не разъ присылалъ, чтобъ онъ привелъ тебя въ послушаніе римской церкви: но если къ твоему мужу папа за этимъ не разъ присылалъ, то это все равно, что и къ тебѣ приказываетъ. Я думалъ, дочка, что ты, для своей души, для нашего имени и родства и для своего имени, будешь къ намъ обо всемъ писать правду: и ты, дочка, гораздо ли такъ дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываешь, будьто къ тебѣ о вѣрѣ никакой посылки не было“.

А въ тайномъ наказѣ и на тайныя рѣчи Елены Иванъ Васильевичъ приказалъ своимъ посламъ слѣдующее:

„Если спроситъ васъ канцлеръ королевинъ Ивашка Сапѣга: „есть ли къ королевѣ отвѣтъ отъ отца на тѣ рѣчи, что я отъ нея говорилъ?—то скажите Сапѣгѣ тихо, что отвѣтъ есть и къ нему есть грамота“.

Отвѣтъ этотъ послы должны были сказать Еленѣ наединѣ.

Вотъ онъ: „говорилъ мнѣ отъ тебя канцлеръ твой Ивашка Сапѣга, что ты еще по нашему наказу въ законѣ греческомъ непоколебима и отъ мужа въ томъ тебѣ принужденія мало, а много за греческій законъ укоризны отъ архіепископа краковскаго, отъ епископа виленскаго и отъ пановъ литовскихъ; говорятъ они тебѣ, будто она не крещена, и иныя рѣчи недобрыя, на укоръ нашего греческаго закона тебѣ говорятъ; да и къ папѣ они жъ приказывали, чтобъ пока къ мужу твоему послалъ и велѣлъ тебя привести въ послушаніе римской церкви; говорилъ онъ отъ тебя, что пока твой мужъ здоровъ, до тѣхъ поръ ты не ждешь никакого притѣсненія въ греческомъ законѣ; опасаешься одного, что если мужъ твой умретъ, тогда архіепископъ, епископы и паны станутъ тебя притѣснять за греческій законъ, и потому просишь, чтобъ мы взяли у твоего мужа новую утвержденную грамоту о греческомъ законѣ, къ которой бы архіепископъ краковскій и епископъ виленскій печати свои приложили, и руку бъ епископъ виленскій на той грамотѣ далъ нашимъ боярамъ, что тебѣ держать свой греческій законъ. Это ты, дочка, дѣлаешь гораздо, что душу и имя свое бережешь, нашъ наказъ помнишь и наше имя бережешь, а я къ твоему мужу теперь съ своими боярами о грамотѣ приказалъ. Да говорилъ мнѣ отъ тебя Сапѣга, что свекровь твоя уже стара, а которые города за нею

въ Польшѣ, тѣ города всегда бываютъ за королевами: такъ чтобъ я приказалъ къ твоему мужу, если свекрови не станетъ, то онъ эти города отдалъ бы тебѣ. Дай Богъ, дочка, чтобъ я здоровъ былъ, да мой сынъ, князь великій Василій, и мои дѣти, твои братья, да мужъ твой и ты: какъ будетъ намъ пригоже приказать о томъ къ твоему мужу, и мы ему о томъ прикажемъ".

Сохранились нѣкоторыя письма Елены къ отцу, въ которыхъ она сносится съ московскимъ княземъ не объ однихъ дѣлахъ религіозныхъ и политическихъ, но и о семейныхъ.

Такъ, отправляя пословъ въ Литву, Иванъ Васильевичъ приказалъ имъ узнать отъ Елены: не имѣетъ ли она въ виду невѣстъ для своего брата Василія, которому приспѣло время жениться. Невѣста должна быть изъ знатныхъ владѣтельныхъ особъ и по преимуществу греческаго закона.

— „Такъ ты бы, дочка, разузнала, у какихъ государей греческаго закона будутъ дочери, на которыхъ бы было пригоже мнѣ сына Василія женить," наказывалъ онъ Еленѣ.

Елена разузнавала, и вотъ ея отзывъ о наличныхъ въ то время невѣстахъ:

— „У маркграфа бранденбургскаго, говорятъ, пять дочерей: большая осьмнадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подбольшая — четырнадцати лѣтъ, лицомъ хороша („парсуною ее повѣдаютъ хорошую"). Есть дочери у баварскаго князя, какихъ лѣтъ—не знаю, матери у нихъ нѣтъ. У стетинскаго князя есть дочери, слава про мать и про нихъ добрая. У французскаго короля сестра обручена была за Альбрехта короля польскаго, собою хороша, да хрома, и теперь на себя чепецъ положила, пошла въ монастырь. У датскаго короля его милость батюшка лучше меня знаетъ, что дочь есть", говорила Елена послу.

Когда же посолъ просилъ ее послать развѣдать о дочеряхъ сербскаго деспота, марграфа бранденбургскаго и другихъ государей, то Елена отвѣчала:

— Что ты мнѣ говоришь—какъ мнѣ посылать? Если бы отецъ мой былъ съ королемъ въ мирѣ, то я послала бы. Отецъ мой лучше меня самъ можетъ развѣдать. За такого великаго государя кто бы не захотѣлъ выдать дочь? Да у нихъ во латыни такъ крѣпко, что безъ папина вѣдома никакъ не отдадутъ въ греческій законъ: насъ укоряютъ безпрестанно, зовутъ насъ нехристьми. Ты государю отцу моему скажи: если пошлетъ къ маркграфу, то велѣлъ бы отъ старой королевы таиться, потому что она больше всѣхъ греческій законъ укоряетъ.

Было у Елены и своего рода желаніе пощеголять—вѣдь она была королева польская, и притомъ молода; а польскія паньи всегда славились своимъ щегольствомъ. Поэтому Елена иногда писала отцу о разныхъ присылкахъ. Такъ Иванъ Васильевичъ, этотъ суровый для нея „государь-батюшка", безъ сомнѣнія любившій „свою служебницу", „дѣвку свою", заботился и о нарядахъ своей „дочки", и вотъ однажды съ посломъ своимъ онъ велитъ ей сказать: „Приказывала ты ко мнѣ о горностаяхъ и о бѣл-

кахъ, и я къ тебѣ послалъ 500 горностаевъ на 1500 подпалей. Приказывала ты еще, чтобы прислалъ тебѣ соболя чернаго съ ногами передними и задними и съ когтями; но смерды, которые соболей ловятъ, ноги у нихъ отрѣзываютъ; мы имъ приказали соболей черныхъ добывать, и какъ намъ ихъ привезутъ, мы къ тебѣ пошлемъ сейчасъ же. А что ты приказывала о кречетахъ, то теперь ихъ нельзя было къ тебѣ послать, еще путь не установился, а какъ путь установится, то я къ тебѣ кречетовъ пришлю сейчасъ же".

Эта трогательная заботливость о дочери продолжалась до самой смерти „грознаго" Ивана Васильевича.

Умеръ и Александръ, король польскій, и великій князь московскій. Елена стала вдовствующею королевою. Литва избрала своимъ великимъ княземъ брата Александра, Сигизмунда, короля польскаго.

До Москвы стали доходить слухи, что вдовствующую королеву и великую княгиню Елену начали будто бы тѣснить въ Литвѣ, что воеводы троцкій и виленскій схватили ее въ Вильнѣ и свезли въ Троки, казну ее взяли, земли отняли и т. п.

У Елены не было въ Москвѣ сильнаго защитника—отецъ умеръ; матери, Софьи Палеологъ, тоже не было уже на свѣтѣ. Но оставался, впрочемъ, братъ, такой же сильный, какъ и отецъ. Онъ горячо вступился за сестру по поводу слуховъ о притѣсненіяхъ, будто бы дѣлаемыхъ ей въ Литвѣ.

Но король Сигизмундъ вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ по этому дѣлу московскому послу:

— Что касается до пановъ воеводъ виленскаго и троцкаго, то намъ очень хорошо извѣстно, что они у невѣстки нашей казны, людей, городовъ и волостей не отобрали, въ Троки и Биршаны ее не увозили и безчестья ей никакого не чинили; они только сказали ей, съ нашего вѣдома, чтобъ ея милость на тотъ разъ въ Бреславль не ѣздила, потому что пришли слухи о небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Дивимся мы тому, что братъ нашъ, по рѣчамъ лихихъ людей, не довѣдавшись навѣрное, къ намъ присылаетъ и говоритъ о томъ, что у насъ и въ умѣ не было. Мы, съ тѣхъ поръ, какъ стали господаремъ на отчинѣ нашей, невѣстку нашу держали въ большомъ почетѣ, къ римскому закону ее не принуждали и не будемъ принуждать, и не только не отнимали у нея тѣхъ городовъ и волостей, которые далъ ей братъ нашъ Александръ, но еще нѣсколько городовъ, волостей и дворовъ ей нашихъ придали, и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ ея милость держать въ почетѣ. А чтобъ братъ нашъ могъ лучше увѣриться, поѣзжай ты, посолъ, къ невѣсткѣ нашей королевѣ и спроси ее самъ: что отъ нея услышишь, то и передай брату нашему, а впередъ братъ нашъ лихимъ людямъ не вѣрилъ бы, чтобъ между нами ссоры не было".

Послѣдніе годы жизни Елены Ивановны не представляютъ уже того живого интереса, какъ первые годы ея жизни въ Литвѣ: со смертью мужа и отца кончается и ея историческая миссія, потому что въ исторіи Литвы

и Россіи на первый планъ выступаютъ другіе интересы и другія лица, къ которымъ мы и перейдемъ.

Елена Ивановна умерла въ 1513 году, проживъ въ Литвѣ около 19 лѣтъ и совершивъ все, что она, поставленная въ зависимое положеніе отцомъ и мужемъ, въ состояніи была сдѣлать въ пользу дѣла въ литовской Руси. Умерла она еще очень молодою—ей не было и 37 лѣтъ.

VIII.

Соломонія Сабурова.

Съ XVI-го вѣка въ исторіи русской женщины замѣчается та особенность, что, съ утвержденіемъ единовластія въ домѣ Калиты, московскіе государи, хотя и расширяютъ кругъ своихъ сношеній съ западными государствами, однако, по разнымъ политическимъ причинамъ не всегда находятъ для себя или для своихъ сыновей невѣстъ между иноземными владѣтельными домами, равно неохотно вступаютъ въ родственныя связи съ остававшимися въ русской землѣ княжескими домами рюриковскаго рода, низведенными на степень простыхъ боярскихъ или служилыхъ родовъ, а чаще начинаютъ вступать въ родственный союзъ, посредствомъ браковъ, съ своими подданными, даже не княжескаго присхожденія, и ищутъ невѣстъ въ своей собственной землѣ.

Выше мы видили, что князь Иванъ Васильевичъ III, когда пришло время женить старшаго сына Василія Ивановича, обращался къ дочери своей Еленѣ, великой княгинѣ литовской и королевѣ польской, чтобъ она пріискала его сыну невѣсту между владѣтельными домами западной Европы. Мы видѣли, что изъ указанныхъ Еленою невѣстъ нѣкоторыя были еще слишкомъ молоды, другія съ физическими недостатками, третьихъ, наконецъ, она не знала, или же не надѣялась на удачный исходъ сватовства.

Какъ бы то ни было, но великій князь рѣшился искать для своего сына невѣсту между своими подданными. Изъ 1.500 дѣвушекъ, предназначенныхъ для смотринъ въ невѣсты великокняжескому сыну, выборъ палъ на Соломонію изъ рода Сабуровыхъ. Отецъ Соломоніи былъ Юрій Сабуровъ, потомокъ ордынскаго выходца мурзы Уста.

Судьба Соломоніи или Соломониды, какъ ее называли по-русски, представляетъ въ исторіи русской женщины вообще, повидомому, одну лишь отрицательную сторону, и исторія останавливается лишь на послѣднихъ годахъ жизни этой женщины.

Соломонія не имѣла дѣтей. Обстоятельство это преставляло весьма важное значеніе въ государствѣ, которое только начинало крѣпнуть послѣ родовыхъ усобицъ и посягательствъ на великокняжескую власть всѣхъ близкихъ и далекихъ родичей московскихъ государей. Естественно, что великій князь Василій Ивановичъ предвидѣлъ серьезныя послѣдствія, если онъ умретъ безъ наслѣдника, и потому неплодіе Соломоніи не могло не

быть для него большимъ несчастіемъ. Сознавала это и Соломонія, которая въ этомъ отношеніи лично все теряла вмѣстѣ съ потерею любви своего мужа.

Лѣтописецъ говоритъ, что несчастная Соломонія употребляла всѣ средства, чтобы помочь горю. Она прибѣгала къ знахаркамъ, испытывала всѣ чародѣйскіе способы, чтобъ отвратить несчастіе, дѣлала все, что ей совѣтовали ворожеи—но все было напрасно.

Историческіе акты того времени сохранили намъ любопытное показаніе Ивана Сабурова о томъ, какъ онъ, изъ родственной любви и по усердію подданнаго, лично приводилъ знахарокъ къ Соломоніи.

— Говорила мнѣ великая княгиня,—показывалъ Сабуровъ,—„есть-де женка, Стефанидою зовутъ, рязанка, и нынѣ на Москвѣ, и ты ее добуди да ко мнѣ пришли.“ И язъ Стефаниды допытался да и къ тебѣ ее есми на дворъ позвалъ, да послалъ есми ее на дворъ къ великой княгинѣ съ своею женкою съ Настею, и Стефанида была у великой княгини. А послѣ того пришелъ язъ къ великой княгинѣ, и она у меня смотрѣла, а сказала, что у меня дѣтямъ не быти; а наговаривала мнѣ воду Стефанида и смачиватися велѣла отъ того, чтобъ великій князь любилъ; а коли понесутъ великому князю сорочку и порты и чехолъ, и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою смочивъ руку, да охватывати сорочку и порты и чехолъ и иное которое платье бѣлое.“

Прибѣгала Соломонія и къ другимъ ворожеямъ, обращалась за наговорами къ черницамъ.

— Черница наговаривала не помню масло, не помню медъ прѣсной, а велѣла ей тѣмъ тертися отъ того, чтобъ ее великій князь любилъ, да и дѣтей дѣля,—показывалъ тотъ же Сабуровъ.

Знахарки и знахари приводились со всѣхъ мѣстъ (конечно, тайкомъ отъ великаго князя), такъ что Сабуровъ даже и припомнить ихъ всѣхъ не можетъ.

— Того мнѣ не испамятовати, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлахъ жонокъ и мужиковъ прихаживало.

Какъ бы то ни было, усилія несчастной Соломоніи оказались тщетными. Надо было ожидать развода съ мужемъ.

„Однажды,—говоритъ лѣтописецъ,—великій князь, проѣзжая за городомъ, увидалъ на деревѣ птичье гнѣздо, залился слезами и началъ громко жаловаться на судьбу“.

— Горе мнѣ! на кого я похожъ? И на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и онѣ плодовиты; и на звѣрей земныхъ не похожъ, потому что и они плодовиты, и на воды не похожъ, потому что и воды плодовиты: волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ.

Взглянувъ потомъ на землю, великій князь продолжалъ плакаться:

— Господи! не похожъ я и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они тебя, Господи!

По всей вѣроятности, это басня, сочиненная для эффекта самимъ лѣто-

писцемъ, или легенда, ходившая въ то время въ народѣ; какъ мы это и увидимъ ниже („Ирина Годунова); но при всемъ томъ несомнѣнно одно, что Василій Ивановичъ началъ думать о разводѣ, а быть можетъ на эту мысль навели его бояре:

Лѣтописецъ говоритъ, что въ присутствіи бояръ великій князь жаловался на свое несчастіе, боясь оставить царство безъ наслѣдника.

— Кому по мнѣ царствовать на Русской землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ?—съ плачемъ говорилъ онъ:—братьямъ отдать? Но они и своихъ удѣловъ строить не умѣютъ.

Тогда между боярами послышался говоръ.

— Государь князь великій! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ вертограда,—говорили бояре.

Великій князь рѣшился, наконецъ, на эту мѣру. Хотя противъ такого рѣшенія сильно возставали весьма уважаемыя въ то время лица, а именно— изъ опальныхъ князей Патрикѣевыхъ знаменитый Василій-Косой, въ монашествѣ Вассіанъ, Семенъ Курбскій и Максимъ-Грекъ, однако въ ноябрѣ 1525 года послѣдовалъ разводъ великаго князя съ женою, и Соломонія была пострижена въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ именемъ Софьи, а послѣ сослана въ суздальскій Покровскій монастырь.

Говорятъ, что Соломонія очень не хотѣла этого развода, плакала, умоляла, противилась; но все было безполезно. Говорятъ даже, что она потому такъ не желала идти въ монастырь, что была уже беременна, и въ монастырѣ родила сына Георгія.

Извѣстный путешественникъ Герберштейнъ, бывшій въ то время въ Москвѣ, разсказываетъ ходившіе тогда въ народѣ слухи, что когда Соломонію постригали въ монахини, когда митрополитъ, несмотря на ея плачъ и рыданія, уже обрѣзалъ ей волосы и намѣревался надѣть на постригаемую монашеское облаченіе, несчастная долго противилась, оттолкнула отъ себя это одѣяніе, бросила на землю, топтала его ногами. Находившійся тутъ бояринъ Иванъ Шигона, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ къ великому князю совѣтниковъ, возмущенный этимъ недостойнымъ поведеніемъ постригаемой, не только жестоко укорялъ ее въ этомъ, но и ударилъ палкою.

— Какъ смѣешь ты сопротивляться волѣ государя?—сказалъ Шигона,— какъ смѣешь не слушаться его приказаній?

— А по чьему приказу ты бьешь меня?—возразила Соломонія.

— По приказанію государя,—отвѣчалъ будто бы Шигона.

Тогда, пораженная этимъ отвѣтомъ, Соломонія будто бы покорилась необходимости и позволила облачить себя въ монашеское одѣяніе, но при этомъ сказала, что за такую обиду Богъ будетъ ея мстителемъ.

Вскорѣ потомъ,—продолжаетъ Герберштейнъ,—распространилась молва, что Соломонія беременна и скоро должна родить. Слухъ этотъ будто бы подтверждали двѣ бывшія при ней боярыни, жены приближенныхъ къ великому князю совѣтниковъ, Георгія-Малаго, великокняжескаго казначея, и Якова Мазура, великокняжескаго постельничаго, которыя, будто бы, отъ

самой Соломоніи слышали, что она беременна и скоро ожидала родовъ. Разгнѣванный, будто бы, этими толками великій князь прогналъ отъ себя этихъ боярынь, и одну изъ нихъ, жену Георгія-Малаго, велѣлъ высѣчь розгами, почему она раньше не донесла о томъ, что слышала. Вскорѣ послѣ этого, будто бы, великій князь послалъ въ монастырь, гдѣ содержалась Соломонія, боярина Ѳедора Рака и дьяка Потапа подлинно удостовѣриться въ истинѣ дошедшаго до него слуха. „Нѣкоторые москвитяне,— говоритъ Герберштейнъ,—клятвенно завѣряли насъ, что Соломонія дѣйствительно родила потомъ сына Георгія, что никому не показывала его, и когда къ ней приходили посмотрѣть ребенка, она говорила, что глаза ихъ недостойны видѣть царское дитя, которое, возмужавъ, должно отмстить врагамъ за обиду матери". Другіе же утверждали, что ничего подобнаго не было, и вообще молва объ этомъ обстоятельствѣ совершенно различна.

Въ ноябрѣ 1525 года совершенъ былъ разводъ великаго князя съ Соломоніею, а въ январѣ 1526 года онъ уже женился на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ Глинской.

IX.

Елена Глинская.

Фамилію Глинскихъ носили знаменитѣйшіе выходцы изъ Литвы, въ числѣ которыхъ, какъ извѣстно, были князья Патрикѣевы, Бѣльскіе и другіе.

Елена Васильевна Глинская была родная племянница знаменитаго Михайлы Глинскаго. Дѣвушка эта, повидимому, получила уже другое образованіе и выросла въ другой обстановкѣ и была уже сама далеко не тѣмъ, чѣмъ были всѣ прочія дѣвицы, княжны и боярышни, родившіяся въ московской землѣ и росшія подъ вліяніемъ исключительныхъ обычаевъ и обстановки своего времени, давшаго намъ тотъ образецъ теремной жизни русской женщины, который всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстенъ своею непривлекательною стороною.

Выдаваясь изо всѣхъ своихъ русскихъ сверстницъ, княженъ и боярышенъ, сколько воспитаніемъ, столько же и личными качествами, которыя неоспоримо проявляются во всей послѣдующей жизни и дѣятельности Елены, эта молодая княжна не могла не обратить на себя вниманія великаго князя, и это вниманіе несомнѣнно настолько было велико, что для Елены, говорятъ современники, великій князь Василій Ивановичъ рѣшился даже на такую мѣру, которая въ то время еще порицалась и въ понятіяхъ народа и въ обычаяхъ старины—это бритье бороды, или, какъ тогда выражались, „возложеніе бритвы на браду", вообще дѣло грѣховное. Желая нравиться Еленѣ, Василій Ивановичъ, говорятъ, началъ брить бороду, чтобы, вѣроятно, этимъ внѣшнимъ отличіемъ напомнить дочери Глинскихъ бывшихъ пановъ литовскихъ, обычаи ея родины.

Это обаяніе молодой литвинки, ставшей русскою княжною, быть можетъ,

было невольною причиною того, что Василій Ивановичъ такъ охотно согласился исполнить совѣтъ нѣкоторыхъ бояръ о томъ, что неплодную смоковницу слѣдуетъ срубить и бросить въ огонь, то-есть развестись съ первою женою Соломоніею Сабуровою, и, постригши ее въ монахини, избрать себѣ молодую супругу въ лицѣ Елены Глинской. Какъ бы то ни было, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ развода съ Соломоніею, Василій Ивановичъ совершилъ свадьбу съ Еленою Глинскою.

До насъ дошло любопытное описаніе этой древне-русской свадьбы. Вотъ оно.

Въ средней дворцовой палатѣ приготовлены были два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками, положены были на нихъ изголовья шитыя; на изголовьяхъ по сороку соболей, а третьимъ сорокомъ опахивали жениха и невѣсту; подлѣ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью; на немъ были калачи и соль. Невѣста шла изъ своихъ хоромъ въ среднюю палату съ женою тысяцкаго, двумя свахами и боярынями; передъ княжною шли бояре, за боярами несли двѣ свѣчи и коровай, на которомъ лежали деньги.

Неизвѣстно, присутствовали ли въ этой процессіи „плясицы“, но знаемъ, что вскорѣ послѣ этого играли свадьбу брата великаго князя Василія Ивановича, князя Андрея Ивановича съ княжною Хованскою, то въ описаніи этой свадьбы прибавлено, что когда Елена Глинская, уже великая княгиня, замѣнявшая, повидимому, роль свахи при невѣстѣ, сошла съ нею и съ прочими поѣзжанами къ великому князю, то передъ невѣстою шли „плясицы“, а за плясицами шли дѣти боярскіе и т. д.

Когда же Елена Глинская сама выходила замужъ, то о „плясицахъ“ ничего не сказано, а говорится, что когда всѣ пришли въ среднюю палату, то Елену посадили на мѣсто, а на мѣсто великаго князя посадили ея младшую сестру; провожатые всѣ тоже сѣли по своимъ мѣстамъ. Тогда послали сказать жениху, что все готово. Прежде жениха явился братъ его князь Юрій Ивановичъ, чтобъ разсажать бояръ и дѣтей боярскихъ. Распорядившись этимъ, Юрій послалъ сказать жениху: „Время тебѣ, государю, идти къ своему дѣлу“.

Великій князь, вошедши въ палату съ тысяцкимъ и со всѣмъ поѣздомъ, поклонился иконамъ, свелъ съ своего мѣста невѣстину сестру, сѣлъ на него, и, посидѣвши немного, велѣлъ священнику говорить молитву. Жена тысяцкаго стала невѣстѣ и жениху чесать головы; въ то же время богоявленскими свѣчами зажгли свѣчи женихову и невѣстину, положили на нихъ обручи и обогнули соболями. Причесавши голову жениху и невѣстѣ, надѣвши невѣстѣ на голову кику и навѣсивши покровъ, жена тысяцкаго начала осыпать жениха и невѣсту хмѣлемъ, а потомъ соболями опахивать; дружка великаго князя, благословясь, рѣзалъ перепечу и сыры, ставилъ на блюдахъ передъ женихомъ и невѣстою, передъ гостями, и посылалъ въ разсылку, а невѣстинъ дружка раздавалъ ширинки. Послѣ этого, посидѣвши немного, женихъ и невѣста отправились въ соборную Успенскую церковь вѣнчаться; свѣчи и караваи несли передъ санями. Когда митрополитъ совершилъ вѣнчаніе, подалъ жениху и невѣстѣ вина, то великій

князь, допивши вино, ударилъ скляницу о землю и растопталъ ногою; стекла подобрали и кинули въ рѣку, какъ прежде велось. Послѣ вѣнчанія, молодые сѣли у столба, гдѣ принимали поздравленія отъ митрополита, братьевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, а пѣвчіе дьяки на обѣихъ клиросахъ пѣли новобрачнымъ многолѣтіе. Воротившись отъ вѣнца, великій князь ѣздилъ по монастырямъ и церквамъ, а потомъ сѣли за столъ. Передъ новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнесъ къ постели. Во время стола споры о мѣстахъ были запрещены. Когда пришли въ спальню, жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую нáвыворотъ, осыпала великаго князя и княгиню хмѣлемъ, а свахи и дружки кормили ихъ курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаныхъ снопахъ; въ головахъ, въ кадкѣ съ пшеницею стояли свѣчи и караваи. Въ продолженіе стола и всю ночь конюшій съ саблею наголо ѣздилъ кругомъ подклѣта. На другой день, послѣ бани, новобрачныхъ кормили у постели кашею.

Но первые годы послѣ свадьбы великій князь Василій Ивановичъ и отъ новой жены Елены Глинской, какъ и отъ старой Соломоніи Сабуровой, не имѣлъ дѣтей. Только черезъ три года (25 августа 1530 года) родился у нихъ первый ребенокъ—Иванъ—это будущій Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, а потомъ вскорѣ и другой сынъ Юрій или Георгій.

Понятно послѣ этого, какъ велика должна была быть радость великаго князя и какъ, вслѣдствіе этого, онъ еще болѣе и всецѣло отдался своей привязанности къ Еленѣ и своимъ маленькимъ дѣтямъ. Любовь его къ Еленѣ выражалась уже тѣмъ, какъ мы сказали, что онъ рѣшился на огромный для того времени подвигъ—онъ брилъ бороду; нѣжность же его къ дѣтямъ, а особливо къ первенцу Ивану, поразительно сквозитъ въ каждомъ словѣ его писемъ къ Еленѣ, въ этихъ драгоцѣнныхъ свидѣтельствахъ далекой старины, сохраненныхъ временемъ:

Вотъ одно изъ этихъ писемъ:

„Отъ великаго князя Василія Ивановича всея Руси женѣ моей Еленѣ. Я здѣсь, далъ Богъ, милостію Божіею и пречистыя Его Матери и чудотворца Николы, живъ до Божьей воли, здоровъ совсѣмъ, не болитъ у меня, далъ Богъ, ничто. А ты бъ ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьи отписывала, и о своемъ здоровьи безъ вѣсти мене не держала, и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобъ мнѣ про тебя было вѣдомо. А теперь я послалъ къ митрополиту да и къ тебѣ Юшка Шепая, а съ нимъ послалъ къ тебѣ образъ — Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа, да послалъ къ тебѣ въ этой грамотѣ запись свою руку, и ты-бъ эту запись прочла, да держала ее у себя. А я, если дастъ Богъ, самъ, какъ мнѣ Богъ поможетъ, непремѣнно къ Крещенью буду на Москву. Писалъ у меня эту грамоту дьякъ мой Труфанецъ, и запечаталъ я ее своимъ перстнемъ“.

Къ сожалѣнію, этой собственноручной записки Василія Ивановича къ Еленѣ время не пощадило—содержаніе ея неизвѣстно.

У маленькаго Ивана показался на шеѣ вередъ, и вотъ великій князь опять пишетъ Еленѣ:

„Ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И ты бъ ко мнѣ теперь отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него такое на шеѣ явилось, и какимъ образомъ явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? Если бываетъ, то отчего бываетъ: съ роду ли, или отъ иного чего? О всемъ бы объ этомъ ты съ боярынями поговорила и ихъ выспросила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ мнѣ все знать. Да и впередъ чего ждать, что онѣ придумаютъ— и объ этомъ дай мнѣ знать, и какъ нынѣ тебя Богъ милуетъ и сына Ивана какъ Богъ милуетъ, обо всемъ отпиши".

Вередъ прорвался,—и вотъ опять заботливое посланіе къ Еленѣ: „И ты бъ ко мнѣ отписала, теперь что идетъ у сына Ивана изъ больного мѣста, или ничего не идетъ? И каково у него это больное мѣсто, поопало или еще не опало, и каково теперь? Да и о томъ ко мнѣ отпиши, какъ тебя Богъ милуетъ и какъ Богъ милуетъ сына Ивана. Да побаливаетъ у тебя полголовы, и ухо, и сторона: такъ ты бы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и стороны, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ? Обо всемъ этомъ отпиши ко мнѣ подлинно".

Это значитъ, что у молодой жены мигрень—дамская болѣзнь, которую, повидимому, и тогда знали.

Но вотъ сынъ Юрій заболѣлъ—и новое посланіе, хотя Юрій, повидимому, былъ менѣе любимъ, чѣмъ Иванъ:

„Ты бъ и впередъ о своемъ здоровье и о здоровье сына Ивана безъ вѣсти меня не держала, и о Юрьѣ сынѣ ко мнѣ подробно отписывай, какъ его станетъ впередъ Богъ миловать".

Великій князь желаетъ даже подробно знать, что кушаютъ дѣти его отъ любимой жены: „Да и о кушаньѣ сына Ивана впередъ ко мнѣ отписывай: что Иванъ сынъ покушаетъ, чтобъ мнѣ было вѣдомо".—Все „сынъ Иванъ" на первомъ планѣ.

Но недолго былъ счастливъ великій князь своей нѣжной привязанностью къ молодой женѣ и къ маленькимъ дѣтямъ. Когда Ивану было только три года, великій князь тяжко занемогъ — открылась болячка на лѣвомъ боку. Онъ былъ въ это время внѣ Москвы. Больной, онъ боялся своимъ видомъ испугать нѣжно любимую жену. Но наконецъ, чувствуя, что умираетъ, онъ рѣшился допустить ее къ себѣ. Елена сильно плакала, металась, падала безъ чувствъ.

— Жена! перестань, не плачь, мнѣ легче, не болитъ у меня ничего, благодарю Бога.

Елена утихла, пришла въ себя.

— Государь великій князь! на кого меня оставляешь, кому дѣтей приказываешь? —спрашивала она.

Великій князь распорядился, благословилъ дѣтей—все боялся испугать ихъ, хотѣлъ еще поговорить съ Еленой, какъ ей жить послѣ него, но отъ

ея крика не успѣлъ ни одного слова сказать. Ее вывели — онъ поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ.

За гробомъ мужа Елену везли въ саняхъ.

Въ числѣ послѣднихъ предсмертныхъ распоряженій великаго князя хотя и не упоминается прямо о передачѣ правленія землею вдовѣ Еленѣ, однако, видно, что самымъ довѣреннымъ при своей особѣ лицамъ—Михайлѣ Юрьеву, князю Михайлѣ Глинскому и Шигонѣ Поджогину—умирающій Василій приказывалъ, „какъ великой княгинѣ быть безъ него и какъ къ ней боярамъ ходить,“—что и означало хожденіе съ докладами по дѣламъ къ Еленѣ, какъ къ правительницѣ, которая поэтому и должна была вмѣстѣ съ боярами „державствовать, устрояти и разсуждати“.

— А ты бы, князь Михайло, за моего сына, великаго князя Ивана, за мою великою княгиню Елену и за моего сына Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ,—говорилъ умирающій, намекая на то, что, при малюткахъ-князьяхъ, Еленѣ можетъ предстоять борьба съ братьями великаго князя и быть можетъ въ этой борьбѣ пасть отъ нихъ.

Борьба эта, дѣйствительно, тотчасъ же обнаружилась, но благодаря энергіи окружавшихъ Елену совѣтниковъ и стойкости самой Елены, борьба кончилась гибелью всѣхъ враговъ великокняжескихъ.

Едва успѣли похоронить Ивана Васильевича, какъ Еленѣ уже докладывали объ измѣнѣ одного изъ князей Шуйскихъ, того самаго Андрея, котораго за нѣсколько дней Елена освободила изъ тюрьмы, куда онъ былъ посаженъ ея мужемъ за отъѣздъ къ (великому) удѣльному князю Юрію, брату умершаго Василія Ивановича.

Елена опять посадила его подъ стражу.

Опасаясь больше всего Юрія, бояре совѣтывали Еленѣ, чтобъ она велѣла схватить и эту главу противной партіи.

— Какъ будетъ лучше, такъ и дѣлайте,—отвѣчала Елена.

Главнѣйшимъ вліятельнымъ лицомъ при Еленѣ былъ Михайло Глинскій; но это продолжалось только нѣсколько мѣсяцевъ. Мѣсто его занялъ новый любимецъ правительницы, князь Иванъ Ѳвчина-Телепень-Оболенскій. Есть извѣстія, что онъ сблизился съ Еленою еще при жизни Василія Ивановича, что было весьма возможно по положенію, какое занимала при Еленѣ сестра Овчины-Телепня: сестра его, Аграфена Челядина, была мамка великаго князя.

Глинскаго легко было погубить: его обвинили въ отравленіи Василія Ивановича и заключили подъ стражу. Подъ стражею онъ скоро умеръ.

Послѣ этого началось сильное давленіе на бояръ со стороны Елены, опиравшейся теперь на сильную поддержку Овчины-Телепня-Оболенскаго, и бояре, которыхъ не успѣли схватить, бѣжали изъ Москвы.

Посадивъ въ заточеніе дядю своихъ маленькихъ дѣтей, князя Юрія, Елена поторопилась лишить свободы и другого ихъ дядю, князю Андрея.

Послѣ похоронъ брата, великаго князя, онъ жилъ спокойно въ Москвѣ, а послѣ „сорочинъ“—сороковой день послѣ погребенія великаго князя—сталъ собираться въ свой удѣлъ Старицу и просилъ Елену о прибавкѣ

городовъ къ этому удѣлу. Елена не дала ему городовъ, а только подарила на память объ умершемъ братѣ нѣсколько коней, шубъ, кубковъ.

Андрей былъ обиженъ этимъ, и недовольный уѣхалъ въ Старицу. Еленѣ обо всемъ донесли; прибавили даже, что онъ боится, чтобъ его не схватили. Елена послала разувѣрить его. Но князь старицкій не вѣрилъ, и просилъ письменнаго удостовѣренія. Ему дали и удостовѣреніе. Тогда онъ воротился въ Москву, чтобъ лично объясниться съ Еленой.

При объясненіяхъ, онъ говорилъ правительницѣ, что опасается опалы, что до него доходятъ ужъ объ этомъ слухи.

— Намъ про тебя также слухъ доходитъ,—говорила съ своей стороны Елена:—что ты на насъ сердишься. И ты-бъ въ своей правдѣ стоялъ крѣпко, и многихъ людей не слушалъ, да объявилъ бы намъ, что это за люди, чтобъ впередъ между нами ничего дурного не было.

Андрей не выдалъ никого, а только сказалъ, что, быть можетъ, онъ ошибается, что ему такъ показалось.

Отъѣхавъ потомъ въ Старицу, онъ продолжалъ сердиться на Елену, которой обо всемъ этомъ доносили. Доносили даже, что старицкій князь собирается бѣжать. Тогда Елена съ умысломъ послала звать его на совѣтъ относительно задуманной войны съ Казанью. Андрей отозвался болѣзнью и просилъ присылки лѣкаря. Елена послала къ нему лѣкаря Ѳеофила, который, по возвращеніи изъ Старицы, доложилъ Еленѣ, что у старицкаго князя болѣзнь пустая—болячка на стегнѣ, а между тѣмъ онъ лежитъ въ постели.

Елена начала подозрѣвать его, и вновь послала звать на совѣтъ. Тайно же велѣла развѣдать о князѣ и его замыслахъ. Андрей вновь отозвался болѣзнью. Послала въ третій съ настояніемъ—тоже.

— Ты, государь,—отвѣчалъ черезъ посла Андрей своему маленькому племяннику, какъ государю, а не Еленѣ, его матери:—приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ намъ непремѣнно у тебя быть, какъ ни есть: намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно, а прежде, государь, того не бывало, что насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили. И я, отъ болѣзни и отъ бѣды, съ кручины отбылъ ума и мысли. Такъ ты бы, государь, пожаловалъ, показалъ милость, согрѣлъ сердце и животъ мнѣ, холопу своему, своимъ жалованьемъ, чтобы холопу твоему впередъ было можно и надежно твоимъ жалованьемъ быть безскорбно и безъ кручины, какъ тебѣ Богъ положитъ на сердце.

Какъ ни отбивался старицкій князь, Елена захватила его вмѣстѣ съ его сторонниками и заключила подъ стражу. Черезъ полгода онъ умеръ въ тюрьмѣ, а его сторонники были пытаны, биты кнутомъ, казнены торговою казнью, а иные повѣшены вдоль большой дороги къ Новгороду на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи: Новгородъ принялъ было сторону князя старицкаго противъ Елены.

Затѣмъ, въ правленіе Елены слѣдовали войны съ Литвою, Крымомъ и Казанью. Насколько она лично руководила всѣми этими дѣлами—трудно

сказать. Но несомнѣнно, инициатива ея и вліяніе на бояръ подкрѣплялись непосредственнымъ вліяніемъ и даже самовластіемъ ея любимца Овчины-Телепня: помимо него и помимо Елены не проходило ни одно важное дѣло— все сосредоточивалось у Овчины, какъ у нравственнаго центра.

На Еленѣ же, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ, лежало и внѣшнее представительство, какъ на государынѣ.

Такъ, когда начались смуты въ Казани и задумано было усмиреніе и покореніе этого царства, Елена рѣшилась освободить изъ заточенія бывшаго казанскаго царя хана Шигъ-Алея, который еще со времени покойнаго великаго князя сидѣлъ въ московскомъ полону на Бѣлоозерѣ, съ своею женой.

Шигъ-Алея освобождали затѣмъ, чтобъ посадить опять на казанскій престолъ и сдѣлать послушнымъ орудіемъ Москвы.

Замѣчателенъ пріемъ Шигъ-Алея у Елены. Освобожденный изъ ссылки Шигъ-Алей просилъ позволенія представиться великому князю и правительницѣ. Послѣ представленія у маленькаго Ивана, Шигъ-Алей явился къ его матери. Такъ какъ это было зимой (9 января 1536 г.), то казанскій царь подъѣхалъ къ дворцу Елены въ саняхъ. Его встрѣтили у саней бояре съ дьяками. Въ сѣняхъ встрѣтилъ самъ великій князь съ боярами. Елена принимала его при такой обстановкѣ, при какой обыкновенно принимали пословъ: она окружена была боярынями; по сторонамъ сидѣли бояре.

Шигъ-Алей, войдя въ палату, ударилъ челомъ въ „землю“.

— Государыня великая княгиня Елена!—обратился къ правительницѣ казанскій царь съ своею, замѣчательною по наивной простотѣ, рѣчью: взялъ меня государь мой, князь Василій Ивановичъ, дѣтинку малаго, пожаловалъ меня, вскормилъ какъ щенка и жалованьемъ своимъ великимъ жаловалъ меня какъ отецъ сына, и на Казани меня царемъ посадилъ. По грѣхамъ моимъ, казанскіе люди меня съ Казани сослали, и я опять къ государю своему пришелъ: государь меня пожаловалъ, города далъ въ своей землѣ, а я ему измѣнилъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ передъ нимъ виновать. Вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, проступку мнѣ отдали, меня, холопа своего, пощадили и очи свои государскія дали и очи свои государскія дали мнѣ видѣть. А я, холопъ вашъ, какъ вамъ теперь клятву далъ, такъ по этой своей присягѣ до смерти своей хочу крѣпко стоять и умереть за ваше государское жалованье, такъ же хочу умереть, какъ братъ мой умеръ, чтобъ вину свою загладить.

Елена, отвѣчала ему:

— Царь Шигъ-Алей! великій князь Василій Ивановичъ опалу свою на тебя положилъ, а сынъ нашъ и мы пожаловали тебя, милость свою показали и очи свои дали тебѣ видѣть. Такъ ты теперь прежнее свое забывай, и впередъ дѣлай такъ, какъ обѣщался, а мы будемъ великое жалованье и береженіе къ тебѣ держать.

Царь снова ударилъ челомъ въ землю, его одарили—дали шубу и другіе дары, и опустили на подворье.

Тогда пожелала видѣть государскія очи Елены и царица, жена Шигъ-Алея, Фатьма-Салтанъ. Правительница приняла и Фатьму.

Ханьшу также встрѣтили у саней, но только уже боярыни. Въ сѣни вышла къ ней сама правительница, поздоровалась и ввела въ палату.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, въ палату вошелъ маленькій Иванъ, казанская царица встала, ступила съ своего мѣста, а великій князь сказалъ ей привѣтъ—„табугъ саламъ", а потомъ „карашевался"—поздоровался съ нею. Послѣ „карашаванья" маленькій Иванъ сѣлъ у матери на своемъ великокняжескомъ мѣстѣ, по правую руку Фатьмы-Салтанъ; по обѣ стороны его усѣлись бояре, по сторонамъ Елены—боярыни. Фатьму-Салтанъ Елена пригласила къ себѣ на обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и маленькій Иванъ съ боярами. Отпуская изъ своей избы ханьшу, которой Елена послѣ обѣда подносила чашу, она одарила ее на дорогу.

Съ именемъ правительницы Елены связываются всѣ какъ внѣшнія, такъ и внутреннія государственныя дѣла московскаго царства до самой возмужалости Ивана Васильевича, собственно до смерти Елены. Не останавливаясь на этихъ дѣлахъ, такъ какъ они относятся къ общей исторіи Русской земли, а не къ личной дѣятельности Елены, мы укажемъ только, что, по ея распоряженію, въ 1535 году измѣнена монетная система въ московскомъ царствѣ. При мужѣ ея обнаружено было всеобщее искаженіе денегъ — обрѣзъ и подмѣсь въ монетѣ: такъ изъ „гривенки" слѣдовало выдѣлывать 250 „денегъ", а между тѣмъ исказители обрѣзывали ихъ до того, что изъ „гривенки" выходило такихъ обрѣзковъ до 500 и болѣе. Исказителей монеты жестоко казнили—лили имъ въ ротъ олово расплавленное, рубили руки. Елена приказала изъ „гривенки" чеканить 300 „денегъ", и, вмѣсто изображенія на „деньгѣ" великаго князя на конѣ съ мечомъ, велѣла чеканить изображеніе князя съ копьемъ въ рукѣ. Отсюда деньги получили названіе „копѣйныхъ"; отсюда же произошла и наша „копѣйка".

До самой кончины Елены князь Овчина-Телепень-Оболенскій оставался ея любимцемъ и главнымъ совѣтникомъ: помимо него не докладывалось ни одно важное дѣло, — помимо него не рѣшался дѣйствовать литовскій гетманъ Радзивиллъ, когда искалъ мира съ Москвою,—черезъ него шли всѣ „печалованья" у великаго князя и его матери.

Но Еленѣ недолго привелось править московскимъ государствомъ: 3 апрѣля 1538 года ея не стало. Современники положительно утверждаютъ, что она отравлена врагами. Елена умерла еще очень молодою—всего черезъ 12 лѣтъ послѣ свого замужества, пробывъ вдовою и правительницею только пять лѣтъ.

Смерть Елены была большимъ торжествомъ для ея враговъ, да и вообще для всей боярской партіи, въ головѣ которой стоялъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій; первымъ дѣломъ Шуйскаго было то, что на седьмой же день по кончинѣ Елены онъ приказалъ схватить Овчину-Телепня-Оболенскаго, его сестру Аграфену Челяднину и ихъ сторонниковъ.

Овчина умеръ съ голоду и отъ тяжести оковъ; сестра его была сослана въ Каргополь и тамъ пострижена.

Неистовства бояръ по смерти Елены не останавливались даже въ присутствіи великаго князя-ребенка, который все видѣлъ и все потомъ припомнилъ боярамъ.

„По смерти матери нашей Елены,—писалъ онъ впослѣдствіи Курбскому, когда тотъ бѣжалъ въ Литву,—остались мы съ братомъ Юрьемъ круглыми сиротами. Подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя: объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! Сколько бояръ и воеводъ, доброхотовъ отца нашего, умертвили! Дворы, села и имѣнія дядей нашихъ перенесли въ большую казну, неистово пихали ногами ея вещи и спицами кололи, иное и себѣ побрали... Насъ съ братомъ Юріемъ начали воспитывать какъ иноземцевъ или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ! Ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами тамъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положитъ. А что сказать о казнѣ родительской? Все расхитили... Изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людямъ вѣдомо—при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая зеленая на куницахъ, да и тѣ ветхи: такъ если-бъ у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше бъ шубу перемѣнить. Потомъ на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей“ и т. д.

Такъ отозвалась слишкомъ ранняя смерть Елены на Русской землѣ, пока Грозный царь былъ еще загнаннымъ ребенкомъ.

X.

Анастасія Романовна Захарьина-Кошкина.

Въ предыдущемъ очеркѣ мы познакомились съ нѣкоторыми чертами изъ жизни маленькаго Ивана Васильевича, будущаго Грознаго: мы видѣли, какъ при матери его—Еленѣ Глинской, къ нему, еще четырех-лѣтнему ребенку-государю, именемъ котораго все дѣлалось въ московскомъ государствѣ, могущественный дядя его, князь старицкій Андрей, относится униженно, называя себя „холопомъ“ маленькаго государя, какъ этотъ ребенокъ по-царски принимаетъ казанскаго царя Шигъ-Алея, падающаго передъ нимъ на колѣни, и даритъ его шубой, или же какъ по смерти Елены приближенные къ нему вельможи держатъ своего государя-ребенка въ загонѣ, плохо одѣваютъ и плохо кормятъ.

Но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока царю-ребенку не исполнилось шестнадцать лѣтъ: это было 13 декабря 1546 года, черезъ восемь лѣтъ послѣ Елены Глинской.

Въ это время юный московскій государь призываетъ къ себѣ митрополита Макарія и объявляетъ ему, что онъ возымѣлъ намѣреніе жениться. Митрополитъ похвалилъ благое намѣреніе государя-отрока, извѣстилъ объ этомъ бояръ, отслужилъ съ ними молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и торжественно, въ сопровожденіи князей и бояръ, явился къ великому князю.

Лѣтописецъ говоритъ, что „выидоша отъ великаго князя бояре радостны".

17 декабря Иванъ Васильевичъ вновь призвалъ къ себѣ митрополита, князей и бояръ, и обратился къ нимъ съ рѣчью:

— Положивъ упованіе на милость Божію и Пречистой Его Царицы Богоматери, на молитвы и милость великихъ Его чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны, Сергія и всѣхъ святыхъ русскихъ чудотворцевъ, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслилъ я жениться тамъ, гдѣ благословитъ Богъ и Пречистая Его матерь и чудотворцы русской земли. А сначала думалъ было я жениться въ иныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя, но теперь я эту мысль отложилъ и въ чужихъ государствахъ жениться не хочу: оттого что послѣ отца своего и матери остался я малъ— приведу себѣ жену изъ иного государства, нравы у насъ, пожалуй, будутъ разные,—чтожъ тогда будетъ между нами за житье? А потому, отче, хочу я жениться въ своемъ государствѣ, на комъ сподобитъ Богъ, по твоему благословенію.

Рѣчь юнаго государя и добрыя его намѣренія произвели такое впечатлѣніе, что всѣ присутствовавшіе плакали.

— Я грѣшный, благословляю тебя жениться тамъ, гдѣ ты умыслишь по Божьей волѣ,—отвѣчалъ, между прочимъ, митрополитъ.

Бояре съ своей стороны одобрили мысль государя.

Послѣ этого тотчасъ же по московскому государству разосланы были дьяки, окольничіе и другіе сановники искать для государя невѣсту—„смотрѣть у всѣхъ дочерей дѣвокъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ къ иногороднимъ князьямъ и боярскимъ дѣтямъ посланы были грамоты слѣдующаго содержанія:

„Когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бъ. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни. Грамоты пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу".

Вниманіе намѣстниковъ, смотрѣвшихъ царскихъ невѣстъ, само собою разумѣется, должно было быть обращено на красоту дѣвицы, потому что это условіе — „дородность", хорошій цвѣтъ лица, хорошій ростъ — какъ мы увидимъ ниже, ставилось на первомъ планѣ, когда Иванъ Васильевичъ впослѣдствіи торжественно сватался за Екатерину, сестру короля польскаго, и за Марію Гастингсъ, племянницу англійской королевы Елизаветы.

Всѣмъ помянутымъ условіямъ, какъ оказалось, отвѣчала Анастасія Романовна Захарьина-Кошкина, дочь вдовы Ульяны Ѳедоровны Захарьиной-Кошкиной. Родъ Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, восходившій до XIV вѣка, считался вышедшимъ изъ Пруссіи, въ лицѣ Андрея Ивановича Кобылы, котораго производили изъ латышскаго племени, изъ рода перваго будто бы латышскаго царя Видвунга.

Невѣста, какъ видимъ, найдена была скоро, а еще скорѣе совершился бракъ молодыхъ супруговъ, именно 3 февраля 1547 года. Митрополитъ, по случаю брачнаго торжества, сказалъ въ Успенскомъ соборѣ назидательное слово, а Москва, говоритъ лѣтописецъ, долго ликовала: на всѣхъ сыпались дары, народу выставлялись обильныя яства, нищихъ одѣляли деньгами.

Но это ликованье скоро смѣнилось плачемъ: Москву постигло страшное бѣдствіе: въ три пожара, опустошительные до такой степени, что даже татарскіе погромы не могли сравниться съ ужасами этихъ „пожиговъ“ Москвы, столица московской земли выгорѣла почти до тла, и это было всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ царской свадьбы.

Молодые супруги оставили Москву. Анастасія всѣ дни молилась. Въ молодомъ государѣ бѣдствіе это произвело нравственный переломъ, отразившійся на всей его послѣдующей жизни.

Замѣчательно, что во время этихъ московскихъ пожаровъ, въ народѣ, безъ сомнѣнія, по наущенію недоброжелателей покойной Елены Глинской, вспыхнула ненависть къ памяти этой женщины и вообще къ ея роду.

Когда производили розыскъ о поджигателяхъ и когда бояре спросили черныхъ людей: „кто поджигалъ городъ?“—черные люди закричали:

— Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волховала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила—оттого Москва и выгорѣла.

Анна Глинская—мать Елены и бабка Ивана Васильевича, къ счастью, была въ это время не въ Москвѣ, а во Ржевѣ. Народная ярость обратилась тогда на ея сына Юрія, роднаго дядю Ивана Васильевича. Народъ захватилъ и убилъ его въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ спрятался этотъ несчастный братъ Елены, выволокъ его трупъ изъ Кремля и бросилъ передъ торгомъ, гдѣ обыкновенно казнили преступниковъ. Обезумѣвшій народъ требовалъ и Анну, отыскалъ царя, шумѣлъ; но Иванъ Васильевичъ велѣлъ схватить главныхъ крикуновъ и казнить: остальныя толпы бунтовщиковъ разбѣжались.

Личность Анастасіи вообще мало обрисовывается по оставшимся отъ того времени памятникамъ, хотя и въ тѣхъ немногихъ чертахъ, которыя уцѣлѣли отъ образа этой женщины, она представляется существомъ глубоко симпатичнымъ. Иванъ Васильевичъ, имѣвшій послѣ нея до шести женъ, никогда, повидимому, не могъ забыть своей первой привязанности, Анастасіи, „своей юницы“, какъ онъ называлъ ее въ письмѣ къ врагу своему Курбскому. Лѣтописецъ же говоритъ, „что предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели“.

Изъ другихъ отрывочныхъ извѣстій, какъ бы мимоходомъ касающимся Анастасіи, укажемъ слѣдующія.

Теплая привязанность и совершенная вѣра въ Анастасію высказывается у Ивана Васильевича тѣмъ, что собираясь въ казанскій походъ и отъѣзжая на время въ Коломну, царь даетъ своей молодой супругѣ широкій просторъ въ дѣлѣ благотворительности, позволяетъ ей освобождать людей изъ-подъ царской опалы, давать свободу заключеннымъ, и т. д.

Когда къ казанскому походу уже было все снаряжено и Иванъ Васильевичъ пришелъ прощаться съ Анастасіею, „благочестивая царица уязвися нестерпимою скорбію и не можаше отъ великія печали стояти, и на многъ часъ безгласна бывши, и плакася горько“.

Когда торжествующій царь послѣ казанскаго погрома возвращался въ Москву со всею славою побѣдителя сильнаго татарскаго царства, Анастасія предупредила приходъ своего мужа радостною вѣстью и увеличила его торжество: на дорогѣ отъ Нижняго къ Владиміру Ивана Васильевича встрѣтилъ гонецъ, бояринъ Трахоніотъ, который извѣстилъ царя, что Анастасія родила своего первенца Димитрія.

Когда царь воротился уже въ Москву, и, послѣ торжественной встрѣчи, приходитъ къ царицѣ, Анастасія,—говоритъ лѣтописецъ,—„здравствуетъ государю, челомъ бьетъ о избывшемся чудеси“.

Но вскорѣ послѣ казанскаго похода Иванъ Васильевичъ впадаетъ въ жестокую болѣзнь (1553 г.), которую лѣтописецъ называетъ „тяжкимъ огневымъ недугомъ“, и Анастасія ставится этою болѣзнью въ самое опасное положеніе: она является невинною жертвою придворныхъ интригъ, зависти, борьбы партій, недоброжелательства къ ея роду, и, безъ сомнѣнія, она пала бы этою жертвою, если-бъ Иванъ Васильевичъ не спасся отъ своей, казавшейся смертельною, болѣзни.

Вотъ въ чемъ выразилось недоброжелательство бояръ въ отношеніи родныхъ Анастасіи, а, слѣдовательно, и въ отношеніи къ ней самой и къ ея первенцу-сыну:

У постели тяжко больного Ивана Васильевича начинаются споры о томъ, кому послѣ него быть царемъ. Больной все это слышитъ. Даже любимцы его, которыхъ онъ еще такъ недавно приблизилъ къ себѣ, поднялъ на недосягаемую для простого подданнаго высоту, Сильвестръ и Адашевъ, повидимому отшатнулись отъ своего умирающаго царя и отъ его „юницы“ Анастасіи. Всѣ боялись, что Анастасіи именно царь передастъ управленіе царствомъ до совершеннаго возраста сына, а вмѣсто Анастасіи и ребенка-царя будутъ управлять ея родичи, братья Анастасіи Захарьины-Кошкины. Нашелся и претендентъ въ цари — это князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій, сынъ того старицкаго удѣльнаго князя Андрея, царскаго дяди, который жаловался, что его больного хотятъ „волочить“ къ государю-ребенку „на носилкахъ“, и котораго, за измѣну, погубила потомъ Елена.

— Вѣдь нами владѣть Захарьинымъ (кричали бояре въ комнатѣ больного, и онъ все слышалъ) — такъ чѣмъ намъ владѣть Захарьинымъ,

а намъ служить государю молодому, будемъ лучше служить старому князю Владиміру Андреевичу.

Когда всѣ спорили, молчалъ одинъ Адашевъ, любимецъ царя. Но наконецъ заговорилъ и Адашевъ, Ѳедоръ, отецъ царскаго любимца Алексѣя.

— Тебѣ, государю, и сыну твоему, царевичу князю Дмитрію, крестъ цѣлуемъ,—говоритъ онъ,—а Захарьинымъ, Данилѣ съ братьею, намъ не служить: сынъ твой еще въ пеленкахъ, а владѣть нами будутъ Захарьины, Данила съ братьею, а мы ужъ отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видали многія.

Тогда Иванъ Васильевичъ, обратясь къ тѣмъ, которые оставались вѣрны ему и къ Анастасіи съ сыномъ, сказалъ:

— Мнѣ и сыну моему вы цѣловали крестъ на томъ, что будете намъ служить; другіе же бояре не хотятъ видѣть сына моего на государствѣ: такъ если исполнится надо мною воля Божія и я умру—не забудьте, на чемъ мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали, не дайте боярамъ сына моего извести, бѣгите съ нимъ въ чужую землю, гдѣ Богъ вамъ укажетъ.

А потомъ, обратясь къ Анастасіи, больной сказалъ:

— А вы, Захарьины, чего испугались? Или вы думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы будете отъ нихъ первыми мертвецами! Такъ вы лучше умрите за сына моего и за его мать, а жены моей на поруганіе боярамъ не давайте.

Испуганные этими словами бояре всѣ присягнули, даже князь старицкій и его мать княгиня Евфросинья, которая, однако, при этомъ „много рѣчей бранныхъ говорила". Да и не удивительно: мужъ ея погибъ такою ужасною смертью по волѣ Елены, матери Ивана Васильевича.

Но царь выздоровѣлъ—и кому неизвѣстно, какъ жестоко отомстилъ всѣмъ за себя и за Анастасію.

Въ 1559-мъ году занемогла и Анастасія тяжкою, предсмертною болѣзнью. Иванъ Васильевичъ возилъ ее по всѣмъ святымъ мѣстамъ, молился, давалъ въ монастыри богатые вклады, если позволяли Сильвестръ и Адашевъ — ничто не помогало. Онъ желалъ бы обратиться къ лѣкарямъ за совѣтами—Сильвестръ и Адашевъ, всесильные его любимцы, окончательно овладѣвшіе волей молодого государя, не позволяли ему этого, потому что не взлюбили Анастасію за какое-то рѣзкое или неосторожное слово.

Вотъ въ какихъ трогательныхъ выраженіяхъ самъ Иванъ Васильевичъ говоритъ объ этихъ послѣднихъ дняхъ Анастасіи, въ письмахъ къ Курбскому, жалуясь на недоброжелательство и жестокость къ Анастасіи Сильвестра и Адашева, на ихъ самовластіе:

„Заболѣю ли я, царица, или дѣти—все это, по вашимъ словамъ, было наказаніе Божіе за наше непослушаніе къ вамъ. Какъ вспомню этотъ тяжелый обратный путь изъ Можайска съ больною царицею Анастасіею! За одно малое слово съ ея стороны явилась она имъ (Сильвестру и Адашеву) непотребна, за одно малое слово ея они разсердились. Молитвы, путешествія по святымъ мѣстамъ, приношеніе и обѣты ко святынѣ о душевномъ

спасенін и тѣлесномъ здравіи—всего этого мы были лишены лукавымъ умышленіемъ; о человѣческихъ же средствахъ, о лѣкарствахъ во время болѣзни и помину никогда не было".

Несмотря на всю кротость Анастасіи, бояре не любили ее собственно потому, что боялись преобладанія ея братьевъ, Захарьиныхъ-Кошкиныхъ. Бояре сравнивали Анастасію съ Евдокіею, женою византійскаго императора Аркадія, гонительницею Іоанна-Златоуста, разумѣя подъ этимъ послѣднимъ Сильвестра.

„На нашу царицу Анастасію,— говоритъ царь,— ненависть зельную воздвигше и уподобляюще ко всѣмъ нечестивымъ царицамъ... егда супротивъ зла вашего бысть".

Видно, однако, изъ этихъ послѣднихъ словъ Ивана Васильевича, что Анастасія не была безмолвною жертвою своихъ недоброжелателей: она имъ досадила и словомъ („сумное слово малое") и дѣломъ („супротивъ зла бысть").

Послѣ поѣздки на богомолье, о которомъ говоритъ царь, Анастасія умерла. Это было 7 августа 1560 года.

Иванъ Васильевичъ подозрѣвалъ, что она погибла отъ Сильвестра и его партіи. Въ покаянной рѣчи своей передъ соборомъ святителей Иванъ Васильевичъ, прося разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ съ Анною Колтовскою, говоритъ объ Анастасіи, что прожилъ съ нею тринадцать съ половиною лѣтъ; но,— прибавляетъ онъ,— „вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели".

Въ какой мѣрѣ Иванъ Васильевичъ опасался за жизнь и спокойствіе Анастасіи съ дѣтьми и какъ старался впередъ оградить ее отъ враговъ, видно изъ подробной записи, взятой имъ съ своего соперника князя Владиміра Андреевича старицкаго послѣ рожденія Анастасіею втораго сына Ивана. Вотъ къ чему, между прочимъ, обязывался этою записью старицкій князь: „Если мать моя княгиня Евфросинья станетъ подучать меня противъ сына твоего, царевича Ивана, или противъ его матери, то мнѣ матери своей не слушать и пересказать ея рѣчи сыну твоему царевичу Ивану и его матери въ правду, безъ хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-нибудь зло надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, надъ его матерью, надъ его боярами и дядьками, то мнѣ объявить о томъ сыну твоему и его матери въ правду, безъ хитрости, не утаить мнѣ этого никакъ по крестному цѣлованію. А возьметъ Богъ и сына твоего царевича Ивана и другихъ дѣтей твоихъ не останется, то мнѣ твой приходъ весь исправить твоей царицѣ, великой княгинѣ Анастасіи".

Но видно, что этого обязательства онъ не исполнилъ или по отношенію къ Анастасіи, или относительно ея дѣтей: княгиня Евфросинья, всегда говорившая много „бранныхъ рѣчей", была пострижена, а сынъ ея, Владиміръ Андреевичъ Старицкій, казненъ.

Курбскій, однако, ограждаетъ невинность недоброжелателей Анастасіи, называетъ клеветой молву, будто Анастасію погубилъ Сильвестръ и его друзья, и сочинителями этой клеветы называетъ Захарьиныхъ-Кошкиныхъ.

„Егда цареви жена умре,—говоритъ онъ,—Захарьины рѣша, аки бы очаровали ее оные мужи (Сильвестръ и Адашевъ), подобно чему сами искусны и во что вѣруютъ, сіе на святыхъ мужей и добрыхъ возлагали. Царь же буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ“.

Сильвестръ и Адашевъ, узнавъ будто бы объ этомъ „буйствѣ“ царя по поводу подозрѣнія въ отравленіи Анастасіи, посылали ему неоднократно „епистоліи“, чтобы онъ приказалъ разслѣдовать это дѣло и обсудить. „Епистолій“ этихъ, будто бы, Захарьины не допускали къ царю, какъ равно не допускали и самихъ сочинителей эпистолій—Сильвестра и Адашева.

— Аще,—говорили будто бы царю Захарьины-Кошкины,—припустили ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ, а къ тому любяше, ихъ къ все твое воинство и народъ нежели тебя самого; побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ, обвяжутъ тя паки и покорятъ тя паки въ неволю себѣ.

Вообще же смерть Анастасіи—дѣло очень темное.

Впослѣдствіи Иванъ Васильевичъ прямо писалъ Курбскому, что они, враги его, отняли у него Анастасію: „А съ женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было“ (т. е. всѣхъ тѣхъ жестокостей, которыми полна остальная, страшная жизнь Грознаго).

Въ день похоронъ Анастасіи,—говоритъ лѣтописецъ,—„вси нищіи и убозіи со всего града пріидоша на погребеніе, не для милостыни“: это, дѣйствительно, замѣчательная похвала покойницѣ.

XI.

Еще жены Грознаго—законныя и морганатическія: Марья Темрюковна-черкешенка, Мареа Васильевна Собакина, Анна Колтовская, Марья Долгорукая, Анна Васильчикова, Василиса Мелентьева.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, по смерти первой супруги своей, царицы Анастасіи Романовны, возымѣвъ намѣреніе вступить во второй бракъ, для того, чтобы вторая супруга могла, вмѣсто родной матери, воспитать маленькихъ дѣтей его, оставленныхъ рано умершею Анастасіею,—сталъ искать себѣ невѣсту, не задаваясь уже мыслью жениться исключительно на дѣвушкѣ изъ своего собственнаго государства, а взять хотя бы и изъ иныхъ земель.

Въ то время, по смерти польскаго короля Станислава-Августа, въ польской землѣ оставалась невѣстою сестра его, королевна Екатерина, и царь Иванъ Васильевичъ, отчасти по политическимъ расчетамъ, рѣшился жениться на польской королевнѣ.

Онъ спросилъ у митрополита—позволителенъ ли будетъ этотъ бракъ, такъ какъ тетка Грознаго, Елена Ивановна, была замужемъ за дядей

искомой царемъ невѣсты Екатерины, за великимъ княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ Александромъ,—и митрополитъ нашелъ этотъ бракъ позволительнымъ.

Тотчасъ же обсуждено было, какъ жить въ Москвѣ будущей невѣстѣ царя до перехода въ православіе: рѣшено, что на сговорѣ боярамъ съ польскими панами о крещеньи не поминать, а начнуть говорить паны, чтобъ оставаться невѣстѣ въ римскомъ законѣ, то отговаривать ихъ отъ этого, указывая на княгиню Софью Витовтовну и на сестру Ольгерда, бывшую за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ, которыя крещены были въ православіе; а не согласятся паны, то и дѣла не дѣлать.

Въ Польшу отправленъ былъ посолъ и сватомъ Ѳедоръ Сукинъ.

„Ѣдучи тебѣ дорогою до Вильны,—наказано было Сукину,—разузнавать накрѣпко про сестеръ королевскихъ, сколько имъ лѣтъ, каковы ростомъ, какъ тѣльны, какова которая обычаемъ, и которая лучше? Которая изъ нихъ будетъ лучше, о той тебѣ именно и говорить королю. Если больше 25-ти лѣтъ, то о ней не говорить, а говорить о меньшой; развѣдывать накрѣпко, чтобъ была не больна и не очень суха; будетъ которая больна или очень суха или съ какимъ-либо другимъ дурнымъ обычаемъ, то объ ней не говорить—говорить о той, которая будетъ здорова и не суха и безъ порока. Хотя бы старшей было и болѣе 25-ти лѣтъ, но если она будетъ лучше меньшей, то говорить о ней. Если нельзя будетъ довѣдаться, которая лучше, то говорить о королевнахъ безымянно, и если согласятся выдать ихъ за царя и великаго князя, то тебѣ непремѣнно ихъ видѣть, лица ихъ написать и привезти къ государю. Если же не захотятъ показать тебѣ королевенъ, то просить парсонъ (портретовъ) ихъ написанныхъ".

Посолъ допытался, что младшая Екатерина лучше другихъ, и началъ сватовство. Паны отвѣчали, что, по разнымъ политическимъ соображеніямъ, дѣло это не можетъ сдѣлаться безъ императора австрійскаго и другихъ королевскихъ пріятелей, что нужно съ ними объ этомъ обослаться.

— Мы видимъ изъ вашихъ словъ нежеланіе вашего государя приступать къ дѣлу, если онъ такое великое дѣло откладываетъ вдаль, — сказалъ Сукинъ.

Вскорѣ, однако, Сигизмундъ король объявилъ Сукину и другимъ посламъ, что онъ согласенъ на предложеніе царя Ивана Васильевича. Тогда послы просили позволенія ударить челомъ будущей невѣстѣ своего государя.

— И между молодыми (незнатными) людьми не водится, — отвѣчали на это паны,—чтобы не рѣшивши дѣла, сестеръ или дочерей давать смотрѣть.

— Не видавши намъ государыни королевны Катерины и челомъ ей не ударивши, что, пріѣхавъ, государю своему сказать?—возражали послы.— Кажется намъ, что у государя вашего нѣтъ желанія выдать сестру за нашего государя!

— Есть желаніе,—отвѣчали паны:—но польскіе люди не позволятъ ее видѣть, а можно видѣть ее тайно, когда пойдетъ въ костелъ.

Московскіе послы поспорили, но потомъ согласились.

Дѣло это, впрочемъ, тогда ничѣмъ не кончилось, потому что поляки хотѣли воспользоваться этимъ бракомъ для своихъ политическихъ цѣлей.

Екатерина скоро вышла замужъ за Іоанна („Ягана" по-русски), герцога финляндскаго, сына Густава-Вазы и брата шведскаго короля Эриха („Ерика"). Во время послѣдовавшей затѣмъ войны между Іоанномъ и Эрихомъ, Іоаннъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ темницу.

Тогда полупомѣшанный Эрихъ началъ предлагать царю Ивану Васильевичу выдать за него жену Іоанна, Екатерину—отъ живого мужа.

Явились московскіе послы сватать ее. Но пока послы собирались, мужъ Екатерины былъ уже на свободѣ, потому что сумасшедшій Эрихъ его выпустилъ изъ заключенія, и теперь ему самому казалось, что онъ въ заточеніи. Послы ждали цѣлый годъ, боясь не выполнить приказа царя. Имъ говорили шведскіе вельможи, что выдать замужъ свою королеву Екатерину отъ живого мужа они не могутъ, что дѣло это богопротивно и безславно. Послы отвѣчали:

— Государь нашъ беретъ у вашего государя сестру польскаго короля Катерину для своей царской чести, желаетъ повышенья надъ своимъ недругомъ и надъ недругомъ вашего государя, польскимъ королемъ.

Послы ждутъ. Ихъ подъ разными предлогами хотятъ удалить—они не ѣдутъ, говорятъ: „везите силой, а сами не смѣемъ". Разъ приходитъ къ нимъ посланецъ отъ Эриха—„дѣтинка молодъ, королевскій жилецъ": сумасшедшій король проситъ, чтобъ московскіе послы взяли его съ собой въ Москву, укрыли бы отъ вельможъ, его враговъ.

Послѣ Эрихъ говорилъ посламъ:

— Я велѣлъ то дѣло (сватовство) посулить въ случаѣ, если Ягана (Іоанна) въ живыхъ не будетъ. Я съ братьями, и съ польскимъ королемъ, и съ другими пограничными государями со всѣми въ недружбѣ за это дѣло. А другимъ всѣмъ чѣмъ я радъ государю вашему дружить и служить: надежда у меня вся на Бога да на вашего государя. А тому какъ статься, что у живого мужа жену взять?

Скоро несчастнаго Эриха ссадили съ престола. Королемъ сталъ Іоаннъ. Во время смуты въ Стокгольмѣ русскихъ пословъ ограбили.

Послѣ этого въ Москву явились шведскіе послы. Имъ сказали:

— Если Яганъ король и теперь польскаго короля сестру, Катерину королевну, къ царскому величеству пришлетъ, то государь и съ Яганомъ королемъ заключитъ миръ по тому приговору, какъ сдѣлалось съ Ерикомъ королемъ: съ вами о королевнѣ Катеринѣ приказъ есть-ли?

Шведскіе послы сказали, что нѣтъ. Имъ отвѣчали, что ихъ сошлютъ въ Муромъ—и сослали.

Раздраженіе дошло до крайнихъ предѣловъ какъ со стороны Москвы, такъ и со стороны Швеціи.

Вотъ что Грозный писалъ по этому случаю шведскому королю:

„Скипетродержателя россійскаго царства грозное повелѣніе съ великосильною заповѣдію!

„Послы твои уродственнымъ обычаемъ нашей степени величество раздражили; хотѣлъ я за твое недоумѣтельства гнѣвъ свой на твою землю простреть; но гнѣвъ отложилъ на время, и мы послали къ тебѣ повелѣніе, какъ тебѣ степени нашей величество умолить. Мы думали, что ты и шведская земля въ своихъ глупостяхъ сознались уже; и ты точно обезумѣлъ, до сихъ поръ отъ тебя никакого отвѣта нѣтъ, да еще выборгскій твой приказчикъ (!) пишетъ, будто степени нашей величество сами просили мира у вашихъ пословъ! Увидишь нашего порога степени величество прошеніе этою зимою: не такое оно будетъ, какъ той зимы! Или думаешь, что попрежнему воровать шведской землѣ, какъ отецъ твой черезъ перемирье Орѣшекъ воевалъ? Чтó тогда досталось шведской землѣ? А какъ братъ твой обманомъ хотѣлъ отдать намъ жену твою Катерину, а его самого съ королевства сослали! Осенью сказали, что ты умеръ, а весною сказали, что тебя сбили съ государства! Сказываютъ, что сидишь ты въ Стекольнѣ (Стокгольмѣ) въ осадѣ, а братъ твой Ерикъ къ тебѣ приступаетъ. И то ужъ ваше воровство все наружѣ, опрометываетесь точно гадъ разными видами“, и такъ далѣе: все въ тѣхъ же сильныхъ выраженіяхъ.

Шведскій король отвѣчалъ на это письмо бранью. Грозный шлетъ ему реплику:

„Что въ твоей грамотѣ написано лаянье, на то отвѣтъ послѣ. А теперь своимъ государскимъ высокодостойнѣйшія чести величества обычаемъ подлинный отвѣтъ со смиреніемъ (!) даемъ: во-первыхъ, ты пишешь свое имя впереди нашего—это непригоже, потому что намъ цесарь римскій братъ и другіе великіе государи, а тебѣ имъ братомъ назваться невозможно, потому что шведская земля тѣхъ государствъ честію ниже. Ты говоришь, что шведская земля отчина отца твоего: такъ дай намъ знать, чей сынъ отецъ твой Густавъ и какъ дѣда твоего звали и на королевствѣ былъ ли, и съ которыми государями ему братство и дружба была, укажи намъ это именно и грамоты пришли. То правда истинная, что ты мужичьяго рода. Мы просили жены твоей Екатерины затѣмъ, что хотѣли отдать ее брату ея, польскому королю, а у него взять лифляндскую землю безъ крови; намъ сказали, что ты умеръ, а дѣтей послѣ тебя не осталось: еслибъ мы этой вашей лжи не повѣрили, то жены твоей и не просили. Мы тебя объ этомъ подлинно извѣстили; а много говорить объ этомъ не нужно; жена твоя у тебя, никто ее не хватаетъ. И такъ ты для одного слова жены своей крови много пролилъ напрасно, и впередъ объ этой безлѣпицѣ говорить много не нужно, а станешь говорить, то мы тебя не будемъ слушать. А что ты намъ писалъ о братѣ своемъ, Ерикѣ, что мы для него съ тобою воюемъ—такъ это смѣшно: братъ твой Ерикъ намъ не нуженъ; вѣдь мы къ тебѣ ни съ кѣмъ не приказывали и за него не заговаривали: ты бездѣлье говоришь и пишешь, никто тебя не трогаетъ съ женою и съ братомъ, вѣдайся себѣ съ ними какъ хочешь. Спеси съ нашей стороны никакой нѣтъ—писали мы по своему самодержавству, какъ пригоже... Если-бъ у васъ совершенное королевство было, то отцу твоему архіепископъ и совѣтники

и вся земля въ товарищахъ не были бы; послы не отъ одного отца твоего, не отъ всего королевства шведскаго, а отецъ твой въ головахъ точно староста въ волости... Въ прежнихъ хроникахъ и лѣтописцахъ писано, что съ великимъ государемъ самодержцемъ Георгіемъ-Ярославомъ на многихъ битвахъ бывали варяги, а варяги—нѣмцы, и если его слушали, то его подданные были. А что просишь нашего титула и печати, хочешь нашего покоренія—такъ это безуміе: хотя бы ты назвался и всей вселенной государемъ, но кто-жъ тебя послушаетъ!“

Это—что называется—„отвѣтъ со смиреніемъ“.

Тѣмъ сватовство на Екатеринѣ и кончилось.

Между тѣмъ, пока продолжалось это оригинальное сватовство, а одновременно полемика на бумагѣ и война на дѣлѣ съ шведскимъ королемъ, Грозный успѣлъ жениться во второй разъ: второю супругою его была дочь пятигорскаго черкесскаго князя Темрюка, которая была крещена передъ бракомъ съ московскимъ царемъ, а въ крещеніи нарекли ее Маріею.

Это было въ 1561 году.

Восемь лѣтъ жилъ Иванъ Васильевичъ съ Маріею Темрюковною; но современники ничего не сохранили намъ о личности этой царицы-черкешенки и объ отношеніяхъ ея къ своему державному супругу. Извѣстно только изъ словъ самого царя, обращенныхъ имъ къ собору святителей передъ вступленіемъ Грознаго въ четвертый бракъ съ Анною Колтовскою, что Марія-Черкешенка „вражіимъ коварствомъ отравлена была“, какъ и добродѣтельная Анастасія.

Въ 1571 году Грозный задумалъ жениться въ третій разъ.

„Подождавъ немало время (послѣ смерти Маріи-Темрюковны), захотѣлъ я вступить въ третій бракъ, съ одной стороны для нужды тѣлесной, съ другой для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ,—говорилъ Иванъ Васильевичъ передъ тѣмъ же соборомъ святителей:—поэтому идти въ монахи не могъ; а безъ супружества въ мірѣ жить соблазнительно: избралъ я себѣ невѣсту, Мареу, дочь Василія Собакина“.

Слѣдовательно, въ избраніи невѣсты снова долженъ былъ повториться тотъ же способъ, какой употребленъ былъ при избраніи первой супруги царя, Анастасіи Романовны Захарьиной-Кошкиной. Изъ нѣсколькихъ тысячъ русскихъ дѣвушекъ достойнѣйшею оказалась дочь новгородскаго купца Собакина, Мареа.

Въ невѣстахъ уже Мареа тяжко занемогла. Думали, что ее испортили родные тѣхъ дѣвушекъ, княженъ и боярышенъ, которыхъ царь не избралъ себѣ въ супруги, ради красоты и достоинствъ купеческой дочери.

На этой свадьбѣ посаженымъ отцомъ былъ младшій сынъ жениха-отца, царевичъ Өедоръ Ивановичъ, а старшій сынъ, царевичъ Иванъ, былъ уже помолвленъ женихомъ въ это время.

„Но,—говорилъ впослѣдствіи самъ царь,—врагъ воздвигъ ближнихъ многихъ людей враждовать на царицу Мареу, и они отравили ее еще когда она была въ дѣвицахъ: я положилъ упованіе на всещедрое существо Божіе,

и взялъ за себя царицу Мареу въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но была она за мною только двѣ недѣли, и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Я много скорбѣлъ и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ, но, видя христіанство расплѣняемо и погубляемо, дѣтей несовершеннолѣтнихъ, дерзнулъ вступить въ четвертый бракъ“.

Вотъ все, что извѣстно объ этой бѣдной дѣвушкѣ, погибшей потому, что она слишкомъ высоко поднялась изъ простой купеческой семьи.

Въ началѣ 1572 года, т. ,е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти царицы-дѣвушки Мареы Васильевны Собакиной, Грозный рѣшился на четвертый бракъ, запрещенный церковью.

Созванъ былъ соборъ святителей -— митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, которыхъ царь смиренно молилъ о разрѣшеніи ему четвертаго брачнаго союза. Избранная имъ невѣста была Анна Колтовская.

— Женился я первымъ бракомъ на Анастасіи, дочери Романа Юрьевича,—говорилъ царь передъ лицомъ собора:—и жилъ съ нею тринадцать лѣтъ съ половиною; но вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели. Совокупился я вторымъ бракомъ, взялъ за себя изъ черкасъ пятигорскую дѣвицу и жилъ съ нею восемь лѣтъ; но и та вражіемъ коварствомъ отравлена была. Подождавъ немало время, захотѣлъ я вступить въ третій бракъ, съ одной стороны, для нужды тѣлесной, съ другой—для дѣтей, совершеннаго возраста не достигшихъ, поэтому идти въ монастырь не могъ, а безъ супружества въ мірѣ жить соблазнительно: избралъ я себѣ невѣсту, Мареу, дочь Василія Собакина; но врагъ воздвигъ ближнихъ моихъ людей враждовать на царицу Мареу, и они отравили ее еще когда она была въ дѣвицахъ: я положилъ упованіе на всещедрое существо Божіе, и взялъ за себя царицу Мареу въ надеждѣ, что она исцѣлѣетъ; но была она за мною только двѣ недѣли и преставилась еще до разрѣшенія дѣвства. Я много скорбѣлъ, и хотѣлъ облечься въ иноческій образъ, но, видя христіанство расплѣняемо и погубляемо, дѣтей несовершеннолѣтнихъ, дерзнулъ вступить въ четвертый бракъ“.

Видя такое смиреніе и великое моленіе царя, всѣ плакали. Собравшись потомъ въ Успенскомъ соборѣ, святители положили: „простить и разрѣшить царя ради теплаго умиленія и покаянія, и положить ему заповѣдь не входить въ церковь до Пасхи; на Пасху въ церковь войти, меньшую дору и пасху вкусить, потомъ стоять годъ съ припадающими; по прошествіи года ходить къ большей и къ меньшей дорѣ; потомъ годъ стоять съ вѣрными, и какъ годъ пройдетъ, на Пасху причаститься святыхъ тайнъ; съ слѣдующаго же 1573 года разрѣшить царю владычнымъ по праздникамъ владычнымъ и богородичнымъ вкушать богородичный хлѣбъ, святую воду и чудотворцевы меды; милостыню государь будетъ подавать сколько захочетъ. Если государь пойдетъ противъ своихъ невѣрныхъ недруговъ за святыя Божія церкви и за православную вѣру, то ему епитимію разрѣшить: архіереи и весь освященный соборъ возьмутъ ее тогда на себя. Прочіе же, отъ

царскаго синклита до простыхъ людей, да не дерзнутъ на четвертый бракъ; если же кто по гордости и неразумію вступитъ въ него, тотъ будетъ проклятъ".

Какова была жизнь царя съ новою супругою—мы не знаемъ; только черезъ три года Анна Колтовская заключилась въ монастырѣ.

Слѣдуютъ затѣмъ морганатическія жены Ивана Васильевича—не вѣнчанныя съ нимъ, а потому и не называвшіяся царицами: это были—Марья Долгорукая, Анна Васильчикова и Василиса Мелентьева.

О первой изъ нихъ извѣстно только то, что Грозный женился на ней 11 ноября 1573 года. Можно предполагать, что Марья Долгорукая взята Иваномъ Васильевичемъ еще при жизни своей четвертой суприги Анны Колтовской и даже до заточенія ея въ монастырь, такъ какъ извѣстно, что Колтовская находилась при Грозномъ три года, съ начала 1572, а съ 1573 года соборъ разрѣшалъ ему только по праздникамъ вкушать богородичный хлѣбъ, святую воду и чудотворцевы меды.

Жизнь Марьи Долгорукой окончилась на второй день послѣ брака: Грозный, узнавъ, что его невѣста прежде супружества потеряла дѣвство, приказалъ „затиснуть" ее въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ воду.

Василиса Мелентьева также недолго пользовалась привязанностью царя: она была жертвою ревности Грознаго. Извѣстное преданіе объ этой женщинѣ, послужившее сюжетомъ для драмы г. Островскаго мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь.

XII.

Марія Өедоровна Нагихъ, послѣдняя супруга Грознаго.

Въ сентябрѣ 1580 года въ Александровской слободѣ происходило восьмое и послѣднее брачное торжество у царя Ивана Васильевича Грознаго.

Московскій царь женился на дочери своего боярина Өедора Өедоровича Нагого, Марьѣ Өедоровнѣ.

Многознаменательно и странно было это брачное торжество: посаженымъ отцомъ у отца-жениха былъ опять младшій сынъ, царевичъ Өедоръ; посаженой матерью—жена его, невѣстка Грознаго, сестра Годунова Ирина; другой сынъ жениха-отца, царевичъ Иванъ—тысяцкимъ; дружками—князь Василій Ивановичъ Шуйскій и Борисъ Годуновъ—оба будущіе цари московскіе! Старшій сынъ Грознаго, царевичъ Иванъ, потому былъ обойденъ въ брачномъ торжествѣ первымъ мѣстомъ—не занималъ мѣсто посажонаго отца у своего отца-жениха, что самъ не былъ уже мужемъ первой жены, а женихомъ второй.

Черезъ годъ послѣ этого брака, у царя Ивана Васильевича отъ царицы Марьи Өедоровны Нагихъ родился сынъ. Несмотря на это, а равно и на то, что царица Марья Өедоровна вскорѣ оказалась вторично беременною, Грозный, по политическимъ соображеніямъ, отправилъ въ Англію посольство какъ для заключенія съ англійскою королевою Елизаветою торговаго трактата, такъ и съ цѣлью сватовства за себя племянницы Елизаветы, Маріи Гастингсъ.

Сватовство это началось такимъ образомъ:

Для заключенія торговаго трактата съ московскимъ государствомъ, англійская королева Елизавета прислала къ московскому царю своего медика Роберта Якоби, съ любезнымъ извѣщеніемъ, что хотя Якоби—ея собственный докторъ и она въ немъ очень нуждается, однако, изъ любви къ своему брату, московскому царю, посылаетъ къ нему Якоби.

У Якоби царь Иванъ Васильевичъ спрашивалъ: нѣтъ-ли въ Англіи для него невѣсты—вдовы или дѣвицы. Якоби отвѣчалъ, что есть—Марія Гастингсъ, дочь графа Гонтингдомъ, племянница королевѣ по матери.

Царь, узнавъ это, приказалъ подробнѣе распросить Якоби о „дѣвкѣ", и поручилъ это дѣло Богдану Бѣльскому и брату своей послѣдней супруги, царицы Маріи Ѳедоровны, Аѳанасію Нагому.

Разспросы были настолько благопріятны, что въ августѣ 1582 года дворянинъ Ѳедоръ Писемскій отправленъ былъ въ Англію сватомъ.

— „Ты бы,—долженъ былъ говорить посолъ англійской королевѣ, по указу: —сестра наша любительная, Елизавета королевна, ту свою племянницу нашему послу Ѳодору показать велѣла и персону бъ ея къ намъ прислала и на доскѣ и на бумагѣ для того; будетъ она пригодится къ нашему государскому чину, то мы съ тобою, королевною, то дѣло станемъ дѣлать, какъ будетъ пригоже".

Писемскій долженъ былъ взять портретъ и „мѣру роста" невѣсты, разсмотрѣть хорошенько: дородна ли королевна, бѣла или смугла, узнать, какихъ она лѣтъ, какъ приходится самой королевѣ въ родствѣ, кто ея отецъ, есть ли у нея братья и сестры.

Если скажутъ, что царь-де Иванъ Васильевичъ женатъ, то послу отвѣчать: „Государь нашъ по многимъ государствамъ посылалъ, чтобъ по себѣ пріискать невѣсту, да не случилось, и государь взялъ за себя въ своемъ государствѣ боярскую дочь не по себѣ; и если королевнина племянница дородна и такого великаго дѣла достойна, то государь нашъ, свою оставя, сговоритъ за королевнину племянницу".

Писемскій долженъ былъ объявить въ Англіи, что невѣста обязывается принять греческій законъ, равно и ея свита, которая будетъ жить во дворѣ, а тѣ, которые съ нею пріѣдутъ и будутъ жить внѣ двора, могутъ оставаться въ своей религіи; „только некрещенымъ-де жить у государя и государыни на дворѣ ни въ какихъ чинахъ не пригоже".

Писемскій явился въ Англію. Послѣ переговоровъ съ министрами королевы о торговомъ трактатѣ, московскій посолъ заговорилъ о сватовствѣ; отвѣтъ королевы былъ таковъ:

— Любя брата своего, вашего государя,—говорила Елизавета,—я рада быть съ нимъ въ свойствѣ; но я слышала, что государь вашъ любитъ красивыхъ дѣвицъ, а моя племянница некрасива и государь вашъ наврядъ ее полюбитъ. Я государю вашему челомъ бью, что, любя меня, хочетъ быть со мною въ свойствѣ, но мнѣ стыдно списать портретъ съ племянницы и послать его къ царю, потому что она некрасива, да и больна, лежала въ оспѣ, лицо у нея теперь красное, ямоватое; какъ она теперь есть, нельзя съ нея списыватъ портрета, хотя давай мнѣ богатства всего свѣта.

Посолъ согласился ждать, пока королевна Марія поправится отъ оспы.

Въ Англіи узнали, что отъ супруги московскаго царя родился второй сынъ, царевичъ Димитрій, и англійскіе министры замѣтили объ этомъ московскому послу. Писемскій послалъ сказать министрамъ, чтобъ королевна такимъ ссорнымъ рѣчамъ не вѣрила: лихіе люди ссорятъ, не хотятъ-девидѣть добраго дѣла между ею и государемъ".

Только въ маѣ 1583 года послу показали невѣсту въ саду, чтобъ онъ хорошенько могъ разсмотрѣть ее.

Разсмотрѣвши невѣсту, Писемскій доносилъ въ Москву: королевнина племянница „ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ тонкіе и долгіе".

Послѣ смотринъ Елизавета спросила Писемскаго.

— Думаю, что государь вашъ племянницы моей не полюбитъ: да и тебѣ, я думаю, она не понравилась?

— Мнѣ показалось, что племянница твоя красива: а вѣдь дѣло это становится судомъ Божіимъ,—отвѣчалъ Писемскій.

Когда, послѣ этого, Писемскій возратился въ Россію, то съ нимъ англичане отправили посла своего Боуса. Онъ долженъ былъ вымогать у Россіи позволеніе, чтобъ англійскіе купцы получили исключительное право безпошлинно торговать съ Россіею. Онъ же долженъ былъ искусно отклонить бракъ Грознаго на искомой имъ невѣстѣ, потому что Марья Гастингсъ напугана была извѣстіями о характерѣ жениха.

Послѣ переговоровъ съ Боусомъ о торговлѣ, началась рѣчь и о сватовствѣ.

Царь спросилъ посла: согласна ли королева на его предложеніе.

— Племянница королевнина, княжна Марья,—отвѣчалъ Боусъ:—по грѣхамъ, больна: болѣзнь въ ней великая, да думаю, что и отъ своей вѣры она не откажется: вѣра вѣдь одна христіанская.

— Вижу, что ты пріѣхалъ не дѣло дѣлать, отказывать, — сказалъ царь:— мы больше съ тобою объ этомъ дѣлѣ и говорить не станемъ—дѣло это началось отъ задора лѣкаря Роберта.

Боусъ испугался.

— Эта племянница всѣхъ племянницъ королевѣ дальше въ родствѣ,— заговорилъ онъ:—да и некрасива; а есть у королевы дѣвицъ съ десять ближе ея въ родствѣ.

— Кто же это такія?—спросилъ Грозный.

— Мнѣ объ этомъ наказа нѣтъ, а безъ наказа я не могу объявить ихъ имена,—отвѣчалъ Боусъ.

— Что же тебѣ наказано?—снова спросилъ царь.—Заключить договоръ, какъ хочетъ Елизавета королевна, намъ нельзя.

Посла отпустили. Черезъ доктора Якоби онъ снова просилъ позволенія говорить съ царемъ наединѣ. Ему позволили. Царь спросилъ, что же онъ намѣренъ сказать?

— За мною приказа никакого нѣтъ,—отвѣчалъ Боусъ:—о чемъ ты, государь, спросишь, то королева велѣла мнѣ слушать, да тѣ рѣчи ей сказать.

— Ты наши государскіе обычаи мало знаешь,—сказалъ Грозный:—такъ говорить посолъ можетъ только съ боярами, бояра съ послами и спорятъ, кому напередъ говорить: намъ съ тобою не спорить, кому напередъ говоритъ. Вотъ если бы ваша государыня къ намъ пріѣхала, то она могла бы такъ говорить. Ты много говоришь, а къ дѣлу ничего не приговоришь. Говоришь одно, что тебѣ не наказано; а намъ вчера объявилъ лѣкарь Робертъ, что ты хотѣлъ съ нами говорить наединѣ: такъ говори, что ты хотѣлъ сказать?

— Я лѣкарю этого не говорилъ,—запирался Боусъ:—а у которыхъ государей я бывалъ въ послахъ прежде, у францовскаго и у другихъ государей, и я съ нимъ говорилъ о всякихъ дѣлахъ наединѣ.

— Что съ тобою сестра наша наказала про сватовство то и говори,—замѣтилъ царь:—а намъ не образецъ францовское государство, у насъ не водится, чтобъ намъ самимъ съ послами говорить.

— Я слышалъ, что государыня наша Елизавета королева мимо всѣхъ государей хочетъ любовь держать къ тебѣ, а я хочу тебѣ служить и службу свою являть,—говорилъ растерявшійся Боусъ.

— Ты скажи именно, кто племянницы у королевы, дѣвицы, и я отправлю своего посла ихъ посмотрѣть и портреты снять,—настаивалъ Грозный.

— Я тебѣ въ этомъ службу свою покажу, и портреты самъ посмотрю, чтобъ прямо ихъ написали,—говорилъ Боусъ.

Иванъ Васильевичъ отослалъ его говорить съ боярами.

Тѣ тоже спросили—кто такія дѣвицы королевны, о которыхъ онъ говорилъ.

— Я про дѣвицъ передъ государемъ не говорилъ ничего,—увертывался Боусъ. Его уличили въ запирательствѣ.

— Я говорилъ о дѣвицахъ,—признался несчастный посолъ:—только со мною объ этомъ приказу нѣтъ. Государю я служить радъ, только еще моей службы время не пришло.

На томъ пока и кончили—безъ всякой пользы для сватовства.

Наконецъ, еще разъ Иванъ Васильевичъ позвалъ къ себѣ англійскаго посла, и рѣшительно спросилъ—какой же данъ ему наказъ?

— Ничего не наказано,—отвѣчалъ Боусъ.

— Неученый ты человѣкъ!—съ сердцемъ сказалъ Грозный:—какъ къ намъ пришелъ, то посольскаго дѣла ничего не дѣлалъ... Говорилъ ты о сватовствѣ, одну дѣвицу не хулилъ, о другой ничего не сказалъ. Но безымянно кто сватается?

Боусъ не нашелся что отвѣчать, и сталъ жаловаться на дьяка Щелкалова, что кормъ ему даетъ дурной—вмѣсто куръ и барановъ даетъ ветчину. а онъ къ такой пищи не привыкъ.

Щелкалова удалили отъ сношеній съ Боусомъ. Кормовщиковъ посадили въ тюрьму. Дѣло не двигалось.

Но Иванъ Васильевичъ послалъ Богдана Бѣльскаго объясниться съ Боусомъ, смягчить выраженіе — „неученый человѣкъ“. Посолъ отвѣчалъ, что онъ говорилъ только то, что ему приказано.

Такъ и кончилось это неудачное сватовство; да оно было бы ужъ и безполезно.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого сватовства царь Иванъ Васильевичъ Грозный скончался (17 марта 1584 года). Онъ умеръ страшною болѣзнію: живое тѣло его гнило внутри и пухло снаружи; въ моментъ не ожиданно постигшей его смерти, царь, говорятъ, игралъ въ шашки—и разсердился.

Царица Марья Ѳеодоровна осталась вдовою съ маленькимъ сыномъ Димитріемъ царевичемъ, а на престолѣ московскомъ посаженъ былъ всенародною волею больной и тѣломъ и умомъ старшій братъ Димитрія, сынъ первой супруги Ивана Васильевича Анастасіи Романовы, Ѳеодоръ Ивановичъ.

Вдовствующую царицу и всѣхъ ея родичей Нагихъ обвинили въ какой-то невѣдомой измѣнѣ. Борисъ Годуновъ, царскій шуринъ — такъ какъ сестра его Ирина была замужемъ за царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ—пользуясь болѣзненностью и неспособностью къ дѣламъ царя, управлялъ государствомъ самовластно, и ему нужно было обвинить Нагихъ, чтобы, вмѣстѣ съ матерью царевича Димитрія, будущаго царя московскаго, удалить изъ Москвы и этого маленькаго, но могущественнаго соперника своего: ихъ удалили въ Угличъ. У царевича Димитрія и его матери-царицы Марьи былъ въ Угличѣ свой дворъ, своя прислуга. Ребенокъ-царевичъ былъ постоянно на глазахъ у матери: она постоянно боялась за него, подозрѣвала, что у ребенка есть сильные и опасные враги — и разсудокъ и сердце матери чуяли этихъ враговъ. Ребенокъ иногда игрывалъ на дворѣ съ сверстниками „жильцами“.

15-го мая 1591 года, играя на дворѣ съ дѣтьми-сверстниками своими въ „тычку“ (игра по образцу свайки, въ ножи, бросая ими въ полъ или землю), больной, припадочный царевичъ, говорятъ, упалъ на ножъ, бывшій у него въ рукахъ, и самъ себя зарѣзалъ. Другіе говорили, что его зарѣзали клевреты Годунова. Это, впрочемъ, не касается насъ прямо. Какъ бы то ни было, но у матери, царицы Марьи, сына и царевича „не стало“.

Объ этихъ страшныхъ минутахъ въ жизни царицы Марьи (о которой мы исключительно и говоримъ) извѣстно только слѣдующее:

Была обѣденная пора. Царица Марья находилась въ своихъ покояхъ. Ея ребенокъ царевичъ пошелъ на дворъ, со своею кормилицею Ориною Ждановою Тучковою и мамкою Василисою Волховою, играть въ „тычку“ съ дѣтьми-„жильцами“.

Скоро на дворѣ раздался крикъ:

— Царевича не стало!

Когда царица Марья выбѣжала на этотъ крикъ, то Орина Тучкова держала на рукахъ уже мертваго ребенка. Въ изступленіи царица начала бить полѣномъ мамку царевича Василису Волохову. Ударили въ набатъ. Сбѣжался народъ. Прибѣжали и братья царицы Нагіе. Царица кричала, что царевича зарѣзали: сынъ мамки Василисы, Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Битяговскіе. Началась народная расправа: подозрѣваемыхъ побили каменьями.

Мать сама перенесла мертваго ребенка прямо въ церковь.

Черезъ два дня царица велѣла схватить еще юродивую женку, которая иногда ходила во дворецъ, и убить ее за то, что юродивая, будто бы, портила царевича.

Было потомъ слѣдствіе въ Угличѣ. Его производилъ, по приказанію Годунова, князь Василій Шуйскій, будущій царь московскій. Говорятъ, въ угоду Годунову, онъ такъ произвелъ слѣдствіе, что царевичъ признанъ былъ зарѣзавшимся въ припадкѣ падучей болѣзни.

Царица Марья и родные ея Нагіе обвинены были въ недостаточномъ смотрѣніи за царевичемъ, хотя царица, будто бы, послѣ и признавалась, что ея братья Нагіе согрѣшили—напрасно убили Битяговскаго, подозрѣвая, что онъ зарѣзалъ царевича, и просила, будто бы, довести до государя челобитье о царскомъ милосердіи къ ея братьямъ, которыхъ она именовала бѣдными червями.

Какъ бы то ни было, но царицу Марью, за несмотрѣніе за сыномъ и и за убійство невинныхъ Битяговскихъ съ товарищами, велѣно было постричь въ инокини подъ именемъ Марѳы, съ ссылкою въ Судинъ монастырь на Выксѣ, около Череповца. Родныхъ ея тоже разослали по городамъ въ ссылку. Весь Угличъ сослали въ Сибирь и заселили городъ Пелымъ. Даже колоколъ, звонившій набатъ, сослали въ Сибирь.

Вотъ все, что изъ этого смутнаго событія извѣстно собственно о царицѣ Марьѣ Ѳеодоровнѣ: послѣдняя супруга Грознаго потеряла единственнаго своего сына, будущаго государя московской земли, и сидѣла въ заточеніи на Выксѣ, подъ иноческимъ клобукомъ и подъ именемъ старицы Марѳы.

Черезъ 13 лѣтъ послѣ этихъ, конечно самыхъ страшныхъ и самыхъ ужасныхъ въ жизни матери, старицы Марѳы, событій, къ ней въ келью дошелъ слухъ, что зарѣзанный сынъ ея, царевичъ Димитрій, живъ, что онъ идетъ на Москву. Другіе говорили, что это не царевичъ, а какой-то бѣглый чернецъ, Гришка Отрепьевъ, колдунъ, чернокнижникъ, а скорѣй—никому „невѣдомый“ человѣкъ.

Русская земля замутилась. Невѣдомый Димитрій идетъ на Россію—войска и народъ признаютъ его за настоящаго Димитрія-царевича; смертельный врагъ старицы Марѳы Годуновъ, бывшій уже давно царемъ и сидѣвшій на томъ тронѣ, на которомъ долженъ былъ бы сидѣть ея сынъ Димитрій,—погибаетъ страшною смертью передъ призракомъ ея сына. Погибаетъ и слѣдующій царь—сынъ этого царя Бориса, Ѳедоръ.

Передъ смертью царь Борисъ шлетъ пословъ къ инокинѣ Марѳѣ. Ее везутъ въ Москву, въ Новодѣвичій монастырь. Къ ней является самъ царь вмѣстѣ съ патріархомъ. Что они говорили со старицей Марѳой — неизвѣстно; но только тотчасъ же разосланы были по всѣмъ землямъ и городамъ царскія грамоты, что появившійся въ Польшѣ невѣдомый, называющій себя царевичемъ Дмитріемъ — не царевичъ, что царевичъ давно зарѣзался въ Угличѣ, почти на глазахъ у матери, инокини Марѳы, тогда еще царицы Маріи, но что явившійся невѣдомый человѣкъ—Гришка Отрепьевъ.

Старицу Марѳу опять отвозятъ на Выксу.

Но старица Марѳа слышитъ, что по всѣмъ городамъ русскаго царства уже присягаютъ ей, старицѣ Марѳѣ, и ея сыну царевичу Димитрію, тому, котораго холодное мертвое тѣло она держала на рукахъ и снесла сама

въ церковь, а потомъ похоронила и оплакала — оплакивала уже ровно 14 лѣтъ.

А если это въ самомъ дѣлѣ онъ? Какъ должно было дрогнуть сердце матери... Она узнаетъ его.

20 іюня 1605 года невѣдомый, называющій себя царевичемъ Димитріемъ, въѣхалъ въ Москву, а 24-го возвѣстилъ Россіи о восшествіи на прародительскій престолъ.

Что жъ не ѣдетъ къ матери, къ старицѣ-царицѣ Мареѣ?

Но вотъ въ іюлѣ и къ старицѣ Мареѣ пріѣзжаетъ изъ Москвы, будто бы отъ ея сына „великій мечникъ"—званіе новое, неслыханное старицею Мареою—бояринъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, впослѣдствіи православленный въ народѣ герой Русской земли смутнаго времени,— и старицу Мареу везутъ въ Москву признавать въ невѣдомомъ своего сына.

Старица Марѳа ѣдетъ. Невѣдомый встрѣчаетъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Что должна была чувствовать мать въ ту минуту, когда къ ней въ шатеръ входилъ невѣдомый царь, который говорилъ, что онъ ея сынъ?

Свиданіе происходило въ шатрѣ, у большой дороги, наединѣ. Что они говорили и нашла ли старица Марѳа въ чертахъ невѣдомаго человѣка черты своего сына—неизвѣстно: могла и не узнать его—вѣдь четырнадцать лѣтъ не видала: тогда, когда ей казалось, что она держитъ въ рукахъ сына съ перерѣзаннымъ горлышкомъ, сына, у котораго „головка съ плечъ покатилася", ему было лѣтъ восемь, а теперь этому, который называлъ себя ея сыномъ—за двадцать... У того, помниться, не было на щекѣ бородавки, а у этого бородавка...

По словамъ почтеннаго историка С. М. Соловьева, старица Марѳа „очень искусно представляла нѣжную мать; народъ плакалъ, видя, какъ почтительный сынъ шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты материнской".

Старицу Марѳу помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ, куда невѣдомый Димитрій ѣздилъ къ своей матери каждый день: онъ-то, можетъ быть, и былъ увѣренъ, что это его мать... Но о чемъ они говорили каждый день— это также осталось тайной навсегда.

Прошло немного времени послѣ этого. Изъ Польши пріѣхала красавица Марина Мнишекъ, невѣста невѣдомаго Димитрія, и ее помѣстили рядомъ съ царицей Марѳой, матерью царя. Потомъ была у невѣдомаго Димитрія съ красавицей свадьба царская, коронованіе, торжество, пиры, музыка, танцы,— а тамъ народный ропотъ.

Но это было недолго—всего восемь дней.

О старицѣ Марѳѣ опять вспомнили. Невѣдомаго Димитрія убиваютъ, какъ убили и того маленькаго Димитрія, сына старицы Марѳы. Еще не добитый до смерти, невѣдомый Димитрій, на рукахъ у разъяренныхъ стрѣльцовъ, говоритъ, чтобъ спросили о немъ у „его матери", у старицы Марѳы: она скажетъ, что онъ ея сынъ.

Но старица Марѳа, говорятъ, не сказала.

Послали къ старицѣ. Скоро явился посланный—князь Иванъ Васильевичъ

Голицынъ, и говоритъ, будто старица Мареа отрекается отъ этого невѣдомаго человѣка, говоритъ, что ея сына давно убили въ Угличѣ, это — не ея сынъ.

Изъ толпы выскакиваетъ боярскій сынъ Григорій Валуевъ.

— Что толковать съ еретикомъ! Вотъ я благословлю польскаго свистуна!—выстрѣливаетъ въ него и убиваетъ.

Толпа поволокла трупъ по Москвѣ. Поровнялись съ Вознесенскимъ монастыремъ, съ окнами старицы Мареы,

Спрашиваютъ ее:

— Твой это сынъ?

Старица Мареа видитъ безобразную массу мяса человѣческаго.

— Вы бы спрашивали объ этомъ, когда онъ былъ живъ: теперь, когда вы его убили, ужъ онъ, разумѣется, не мой,—отвѣчаетъ старица Мареа.

Трупъ, валявшійся на мостовой подъ ея окнами, былъ до того обезображенъ, что если-бъ онъ и дѣйствительно былъ ея сынъ, то мать даже не узнала бы его.

Трупъ сожигаютъ. Пепломъ заряжаютъ пушку и выстрѣливаютъ въ ту сторону, откуда этотъ пепелъ еще въ видѣ человѣка пришелъ въ Москву.

И вотъ еще разъ вспоминаютъ старицу Мареу, когда Шуйскій всходитъ на престолъ ея сына.

Вмѣстѣ съ царскими и патріаршими грамотами старица Мареа разсылаетъ по Русской землѣ свои грамоты.

Вотъ что говоритъ она о невѣдомомъ человѣкѣ, назвавшемся ея сыномъ.

„Онъ вѣдомствомъ и чернокнижествомъ назвалъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, омраченіемъ бѣсовскимъ прельстилъ въ Польшѣ и Москвѣ многихъ людей, а насъ самихъ и родственниковъ нашихъ устрашилъ смертію. Я боярамъ, дворянамъ и всѣмъ людямъ объявила объ этомъ тайно, а теперь всѣмъ явно, что онъ не нашъ сынъ царевичъ Димитрій, а воръ, богоотступникъ, еретикъ. А какъ онъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ пріѣхалъ изъ Путивля на Москву, то, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ долгое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ и велѣлъ имъ беречь накрѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ и съ нами никто объ немъ не разговаривалъ. А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привезти, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и другихъ людей никакихъ съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ запретомъ, чтобъ мнѣ его не обличать, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злой смерти не навести, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ также своихъ совѣтниковъ, и остерегать того велѣлъ накрѣпко, чтобъ его воровство было не явно, а я, для его угрозы, объявить въ народѣ его воровство явно не смѣла“.

А скоро потомъ въ Москву торжественно ввозили изъ Углича мощи царевича Димитрія, сына этой старицы Мареы.

Что должна была перечувствовать эта женщина?

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

		стр.
	Предисловіе	3
I.	Княгиня Ольга	5
II.	Малуша-ключница. — Рогнѣда. — Анна-болгарыня. — Олова-варяжка. — Мальфреда-чехиня. — Адиль.—Преслава.—Ингигерда	16
III.	Княжна Сбыслава. — Княжна Измарагдъ.— Княгиня Верхуслава. — Гертруда, княгиня галицкая. — Ольга, княгиня волынская и ея пріемышъ Изяслава. — Княгиня Кончака-татарка.—Елена Омуличъ, служанка Анны, княгини литовской.— Александра, княгиня нижегородская. — Ульяна, княгиня вяземская	26
IV.	Софья Витовтовна	35
V.	Марфа Борецкая, посадница новгородская	39
VI.	Софья Палеологъ	51
VII.	Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская	65
VIII.	Соломонія Сабурова	81
IX.	Елена Глинская	84
X.	Анастасія Романовна Захарьина-Кошкина	92
XI.	Еще жены Грознаго—законныя и морганатическія: Марья Темрюковна-черкешенка, Мароа Васильевна Собакина, Анна Колтовская, Марья Долгорукая, Анна Васильчикова, Василиса Мелентьева	98
XII.	Марія Өедоровна Нагихъ, послѣдняя супруга Грознаго	104

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

РУССКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

Популярные разсказы изъ русской исторіи

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖЕНЩИНЫ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

Томъ XXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 апрѣля 1902 года.

Типографія „В. С. Балашевъ и Ко“. Спб. Фонтанка, 95.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ирина Годунова.

Личность Ирины Годуновой является какъ-бы посредствующей связью между историческими женщинами эпохи Грознаго и женщинами Смутнаго времени.

Проживъ едва ли не большую половину жизни въ палатахъ царя Ивана Васильевича, а остальную часть жизни въ монастырѣ, Ирина до нѣкоторой степени отразила въ своей особѣ преобладающія качества времени Грознаго: при добрыхъ, безъ сомнѣнія, душевныхъ задаткахъ, при неоспоримомъ умѣ, который постоянно проявлялся въ замѣтномъ вліяніи на дѣла государственныя, Ирина не чужда была скрытности, неразборчивости въ средствахъ для достиженія задуманныхъ цѣлей (качества, можетъ статься, унаслѣдованныя ею отъ своего воспитателя Грознаго) и другихъ недостатковъ, пагубное вліяніе которыхъ на слѣдовавшія послѣ ея смерти событія въ московскомъ государствѣ она сама, кажется, сознавала при концѣ жизни и оплакивала.

Ирина была сестра знаменитаго любимца царя Ивана Васильевича и будущаго царя Бориса Ѳеодоровича Годунова. Еще въ дѣтствѣ она предназначена была въ невѣсты сыну Грознаго, Ѳедору Ивановичу, и съ семилѣтняго возраста взята во дворъ, гдѣ и воспитывалась „при свѣтлыхъ очахъ царскихъ“.

Вѣроятно, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, наученный горькимъ опытомъ своей собственной жизни, что съ немногими изъ всѣхъ его восьми женъ ему удалось быть довольнымъ и счастливымъ и что не всегда выборъ царской невѣсты можетъ быть удаченъ при посредствѣ намѣстниковъ и „смотринъ“, рѣшился самъ воспитать жену для своего сына, и съ этой цѣлью взялъ въ свои палаты сестру Бориса Годунова, Ирину, еще ребенкомъ, и заранѣе предназначилъ ее въ супруги своему преемнику.

Выборъ царя, повидимому, оказался вполнѣ удачнымъ, потому что лучшей жены для слабаго царя Ѳедора Ивановича нельзя было найти: съ

нею Өедоръ Ивановичъ былъ вполнѣ спокоенъ и счастливъ, насколько могъ быть счастливъ такой человѣкъ, какъ царь Өедоръ.

Когда умеръ Иванъ Васильевичъ и на престолъ вступилъ слабовольный и слабоумный Өедоръ Ивановичъ, вліяніе Ирины на государственныя дѣла, несмотря на то, что этими дѣлами самовластно заправлялъ умный братъ ея Борисъ, какъ шуринъ царскій,—проявлялось такъ несомнѣнно, что объ этомъ вліяніи знали при иностранныхъ дворахъ, а потому въ необходимыхъ случаяхъ по важнымъ государственнымъ дѣламъ иностранные дворы обращались прямо къ Иринѣ.

Такъ, въ Англіи объ этомъ значеніи Ирины знали отъ Жерома Горсея, который долго жилъ въ Россіи и оставилъ любопытныя записки о русскомъ обществѣ того времени и о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ.

Выше мы видѣли, что усилія англійской королевы Елизаветы заключить съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ выгодный торговый трактатъ оказались безполезными собственно по причинѣ неудачнаго сватовства Грознаго за племянницу Елизаветы Марію Гастингсъ.

Не отказываясь отъ надежды эксплоатировать богатство русской земли въ пользу англійской торговли, королева Елизавета рѣшилась вновь попробовать счастья въ торговыхъ переговорахъ съ московскимъ государствомъ, и потому, узнавъ о вліяніи Ирины не только на своего мужа, царя Өедора, но и на брата Бориса, а слѣдовательно, и на государственныя дѣла, Елизавета прислала лично ей самую любезную грамоту, въ которой говоритъ, что часто слышитъ о мудрости и чести царицы Ирины, что слава объ этой мудрости разнеслась по многимъ государствамъ. Елизавета прислала ей даже своего доктора, уже извѣстнаго намъ Роберта Якоби, и прислала его собственно для Ирины, какъ „знатока въ женскихъ болѣзняхъ“, а брата Ирины Бориса называла въ грамотѣ своимъ „кровнымъ любительнымъ пріятелемъ“, какъ переводили тогда москвичи англійскую фразу, собственно въ переводѣ означающую—„дорогой и любезный кузинъ“ (loving cousin).

Но, при всемъ своемъ значеніи въ государствѣ, Ирина чувствовала себя несчастною: подобно Соломоніи Сабуровой, женѣ великаго князя Василія Ивановича, Ирина была неплодна, а потому если и не боялась участи, постигшей Соломонію, потому что ея мужъ, царь Өедоръ Ивановичъ, не былъ похожъ на своего дѣда, великаго князя Василія Ивановича, однако, репутація „неплодной смоковницы“ не могла не причинять ей душевныхъ страданій, особенно, когда бездѣтность царя сильно безпокоила подданныхъ.

Такъ, бояре, можетъ быть по своимъ личнымъ расчетамъ, убѣждали Өедора Ивановича развестись съ Ириною. Князь Иванъ Петровичъ Шуйскій и другіе бояре, московскіе гости и всѣ люди купеческіе согласились и утвердились рукописаніемъ бить челомъ государю о разводѣ. Митрополитъ, голосъ котораго уважался болѣе всѣхъ въ государствѣ, принялъ сторону челобитчиковъ. Но Борисъ, можетъ статься, по своимъ личнымъ соображеніямъ, которыя для всѣхъ составляли тайну, уговорилъ Діонисія

не начинать этого дѣла: онъ поставилъ ему на видъ то обстоятельство, что будетъ лучше, если царь Θедоръ Ивановичъ умретъ бездѣтнымъ, потому что, въ противномъ случаѣ, государство постигнутъ ужасы междоусобій наслѣдниковъ съ дядей, Димитріемъ-царевичемъ. Вѣроятно, уже тогда Годуновъ задумывалъ погубить Димитрія, чтобъ самому сѣсть на престолъ, и еслибъ у Θедора Ивановича были дѣти, то многихъ или двоихъ соперниковъ труднѣе извести чѣмъ одного.

Какія бы побужденія ни руководили Годуновымъ, однако, онъ остановилъ челобитье о разводѣ царя съ его сестрой, а главныхъ зачинщиковъ этого дѣла, Шуйскихъ, тотчасъ же, по повелѣнію царя, перехватали и заключили въ тюрьмы. Начались розыски, пытки, казни—однимъ словомъ, повторилось то, къ чему Годуновъ присмотрѣлся и привыкъ еще при своемъ воспитателѣ, Грозномъ.

Впрочемъ, въ 1592 году, черезъ годъ послѣ погибели въ Угличѣ Димитрія-царевича, у Ирины родилась дочь, которую нарекли Θеодосіею— „даромъ Божіимъ“; но въ слѣдующемъ же году ребенокъ умеръ, и Ирина опять осталась одинокою съ своимъ жалкимъ мужемъ. Она очень поражена была смертью дочери, плакала неутѣшно, и до насъ дошло утѣшительное слово, которое по этому поводу писалъ ей патріархъ Іовъ.

Іовъ указывалъ скорбящей Иринѣ на достойный подражанія примѣръ древнихъ благочестивыхъ Іоакима и Анны, которые тоже были неплодны, но по молитвѣ получили благодать. „Анна—писалъ Іовъ—иде въ садъ свой и ста подъ древомъ, нарицаемымъ дафній, еже есть яблонь, и ту молитвы принося Богови со слезами о безчадствіи своемъ: молящи же ся ей прилетѣ птица малѣйшая, сѣде на древѣ томъ. Анна же, воззрѣвши къ верху древа, хотя посмотрѣти птичицу ту, и се видѣ гнѣздо и птичища того на гнѣздѣ сѣдяща, возрыда же вельми Анна и возопи гласомъ ко Господу, глаголя: о Владыко! кому уподобилъ мя еси, яко и малѣйшія птичицы сея хужши есмь, ибо и сія птица дѣти иматъ. Лютѣ мнѣ, яко не уподобихся ни звѣремъ земнымъ, ибо и звѣри земныи дѣти родятъ, азъ же едина безчада есмь предъ тобою, Господи! Увы мнѣ убозѣй: и водамъ азъ не уподобихся“ и т. д.—все то, что лѣтописецъ говорилъ и о царѣ Василіѣ Ивановичѣ, который плакался на неплодіе Соломоніи.—„Видиши ли, государыня, благовѣрная царица—продолжаетъ патріархъ—колико можетъ молитва праведныхъ, терпящихъ находящая ихъ скорби, а кручиною, государыня, не взяти ничево“.

Говоря вообще, жизнь царицы Ирины далеко не была весела, какъ она ни была любима супругомъ, который постоянно и неразлучно былъ съ нею и съ нею раздѣлялъ всѣ свои невинныя удовольствія.

Вотъ какъ историки (С. М. Соловьевъ) изображаютъ эту семейную жизнь Θедора Ивановича и Ирины, а равно характеръ перваго:

Θедоръ былъ небольшого роста, приземистъ, опухлъ. Носъ у него ястребиный, походка не твердая. Онъ тяжелъ и недѣятеленъ, но всегда улыбается. Онъ простъ, слабоуменъ, но очень ласковъ, тихъ, милостивъ и чрезвычайно

набоженъ. Обыкновенно встаетъ онъ около четырехъ часовъ утра. Когда одѣнется и умоется, приходитъ къ нему отецъ духовный съ крестомъ, къ которому царь прикладывается. Затѣмъ крестовый дьякъ вноситъ въ комнату икону святого, празднуемаго въ тотъ день, передъ которою царь молится около четверти часа. Входитъ опять священникъ со святою водою, кропитъ ею иконы и царя. Послѣ этого царь посылаетъ къ царицѣ спросить: хорошо ли она почивала? и черезъ нѣсколько времени самъ идетъ здороваться съ нею въ средней комнатѣ, находящейся между его и ея покоями; отсюда идутъ они вмѣстѣ въ церковь къ заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь изъ церкви, царь садится въ большой комнатѣ, куда являются на поклонъ бояре, находящіеся въ особенной милости. Около девяти часовъ царь идетъ къ обѣднѣ, которая продолжается два часа; отдохнувши послѣ службы, обѣдаетъ; послѣ обѣда спитъ обыкновенно три часа, иногда же только два, или отправляется въ баню или смотрѣть кулачный бой. Послѣ отдыха идетъ къ вечернѣ, и, возвратясь оттуда, большею частью проводитъ время съ царицею до ужина. Тутъ забавляютъ его шуты и карлы мужскаго и женскаго пола, которые кувыркаются и поютъ пѣсни: это самая любимая его забава; другая забава— бой людей съ медвѣдями. Каждую недѣлю царь отправляется на богомолье въ какой-нибудь изъ ближнихъ монастырей. Если кто на выходѣ бьетъ ему челомъ, то онъ, избывая мірской суеты и докуки, отсылаетъ челобитчика къ большому боярину Годунову.

Но вотъ умираетъ у Ирины этотъ добрый мужъ. И умираетъ онъ все такъ же, какъ жилъ, не измѣняя себѣ, потому что инымъ онъ быть не могъ; за рѣшеніемъ и малаго, и большого дѣла онъ всѣхъ отсылалъ къ брату Ирины.

Такъ, умирая, сложилъ онъ съ себя и рѣшеніе важнаго, единственнаго вопроса, который непремѣнно долженъ былъ рѣшить онъ, вопроса самаго великаго, рѣшеніе котораго стоило Россіи цѣлыхъ рѣкъ крови, потому что рѣшеніе его было то, что у насъ принято называть „Смутнымъ временемъ“, междуцарствіемъ, эпохою самозванцевъ, однимъ словомъ— „лихолѣтье“, какъ названо это время людьми, вынесшими его на своихъ плечахъ.

— Кому царство, насъ сиротъ и царицу приказываешь?—спрашивали умирающаго Ѳедора патріархъ и бояре.

— Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ: какъ ему угодно, такъ и будетъ. И въ царицѣ моей воленъ Богъ,—какъ ей жить,—и объ этомъ у насъ уложено.

Вотъ все, что слабымъ голосомъ отвѣчалъ умирающій царь.

По свидѣтельству патріарха Іова, присутствовавшаго при смерти Ѳедора, умирающій царь вручилъ скипетръ супругѣ своей Иринѣ; по свидѣтельству же избирательныхъ грамотъ или манифестовъ, которыми впослѣдствіи извѣщалась Русская земля объ избраніи на царство Бориса Годунова и Михаила Ѳедоровича Романова,—„послѣ себя великій государь оставилъ

свою благовѣрную великую государыню Ирину Ѳеодоровну на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ".

Какъ бы то ни было, но тотчасъ по кончинѣ царя Москва спѣшила присягнуть царицѣ Иринѣ, чтобы тѣмъ отклонить неизбѣжность смутъ, интригъ претендентовъ на престолъ, кровопролитія.

Но осталось свидѣтельство другого рода: Ирина просила умирающаго мужа передать царство брату ея, Борису. Тутъ, если вѣрить этому свидѣтельству, произошла замѣчательная сцена у постели умиравшаго царя. Когда Ирина стала просить мужа за брата, царь предложилъ свой скипетръ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Ѳедору Никитичу Романову. Ѳедоръ Никитичъ уступилъ скипетръ брату своему Александру, Александръ третьему брату Ивану, Иванъ—Михаилу, Михаилъ еще кому-то, такъ что никто не осмѣливался брать скипетръ, хотя каждому хотѣлось взять его. Царь, уставъ передавать жезлъ изъ рукъ въ руки, потерялъ терпѣніе и сказалъ: „такъ возьми же его, кто хочетъ!" Тутъ сквозь толпу окружавшихъ царя особъ протянулъ руку Годуновъ и схватилъ скипетръ.

Безъ сомнѣнія, это сказка; но она вѣрна дѣйствительности, потому что, если Годуновъ не схватилъ жезлъ у умирающаго царя, то онъ выхватилъ его изъ рукъ сестры, Ирины, которая охотно уступила скипетръ умному брату.

Дѣйствительно Ирина отказалась отъ престола. Она изъявила свою единственную волю—постричься въ монахини. Напрасно патріархъ, бояре и народъ умоляли ее, чтобъ она не покидала ихъ сиротъ до конца, оставалась бы на государствѣ, и править велѣла брату своему, Борису Ѳедоровичу, какъ было при покойномъ государѣ; напрасно повторяли всѣ эти моленія: на девятый день по смерти мужа Ирина оставила дворецъ, переѣхала въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась подъ именемъ Александры.

Но и удаленная въ монастырь, инокиня Ирина-Александра считалась царицею, и именемъ ея управлялась Русская земля. Патріархъ съ освященнымъ соборомъ и боярами являлись только исполнителями ея повелѣній, ея именныхъ словесныхъ указовъ.

Такъ отъ имени царицы-инокини Александры посланъ былъ указъ князю Голицыну въ такихъ выраженіяхъ: „Писалъ государынѣ царицѣ - инокинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ Смоленска князь Трубецкой на князя Голицына, что тотъ никакихъ дѣлъ съ ними не дѣлаетъ, думая, что ему меньше его, Трубецкаго, быть не вмѣстно. По царицыну указу, бояре князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищами сказывали о томъ патріарху Іову, и по царицыну указу писалъ патріархъ Іовъ къ Голицыну, чтобъ онъ всякія дѣла дѣлалъ съ Трубецкимъ, а не станетъ дѣлать, то патріархъ Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми боярами приговорили послать его Трубецкому головою".

Но въ такомъ положеніи дѣла не могли долго оставаться: нельзя же было Иринѣ править всею Русскою землею изъ Новодѣвичьяго монастыря,

изъ своей кельи, имѣя на головѣ монашескій клобукъ вмѣсто шапки Мономаха, черную мантію вмѣсто царскихъ бармъ и посохъ вмѣсто скипетра.

Черезъ нѣсколько дней послѣ удаленія ея въ монастырь, дьякъ Щелкаловъ, уже извѣстный намъ жалобами на него англійскаго посла Боуса, будто Щелкаловъ кормитъ его, вмѣсто курятины и баранины, ветчиною,—явился къ народу, который собрался въ Кремлѣ, и потребовалъ, чтобъ народъ присягнулъ боярской думѣ.

— Не знаемъ ни князей, ни бояръ, знаемъ только царицу! —закричалъ народъ.

Щелкаловъ отвѣчалъ, что царица въ монастырѣ.

— Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичъ!—былъ отвѣтъ народа.

Борисъ жилъ въ это время съ Ириной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ, боярами и гражданами явились въ монастырь и просили Ирину благословить брата на престолъ, просили и самого Бориса. Борисъ отказывался, говоря, что и помыслить объ этомъ великомъ дѣлѣ не смѣетъ, что промышлять о государствѣ—дѣло патріарха и бояръ.

— А если моя работа гдѣ пригодится,—заключилъ онъ свою рѣчь:—то я за святыя Божія церкви, за одну пядь московскаго государства, за все православное христіанство и за грудныхъ младенцевъ радъ кровь свою пролить и голову положить.

Но, между тѣмъ, иностранцы-современники сообщаютъ, что Ирина и Борисъ въ это время не бездѣйствовали въ монастырѣ; они тайно призывали къ себѣ сотниковъ и пятидесятниковъ стрѣлецкихъ, подкупали, лаской и обѣщаніями убѣждали ихъ склонить на свою сторону ратныхъ людей и горожанъ.

Ирина и Борисъ ожидали земскаго собора, который долженъ былъ избрать царя.

Соборъ открытъ былъ 17 февраля. Въ рѣчи патріарха на первомъ планѣ стоятъ Ирина и ея братъ. Говорилось, что царь Иванъ Васильевичъ взялъ Ирину въ свои царскія палаты еще семи лѣтъ и воспитывалъ ее въ царскихъ палатахъ до самаго брака ея съ царевичемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, что и братъ ея Борисъ „также при свѣтлыхъ царскихъ очахъ былъ безотступно еще съ несовершеннолѣтняго возраста“, что и Иванъ Васильевичъ, умирая, „полагалъ“ и сына своего Ѳедора и богоданную ему дочь Ирину—все на того же Бориса, говоря, „какова мнѣ дочь, царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ“; что при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ все великое и доброе шло отъ брата царицы Ирины и что отъ него же „славно было государево и государынино имя отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конецъ вселенной“.

20 февраля всѣмъ земскимъ соборомъ снова отправились въ монастырь молить Ирину и брата ея не покидать православный народъ.

Со стороны Ирины и Бориса послѣдовалъ новый отказъ.

На другой день всенародно служили молебенъ и всенародно положено

было идти въ монастырь съ иконами и крестами, а народу—съ женщинами и грудными младенцами просить царицу благословить на царство своего брата; если же Ирина и Борисъ вновь откажутъ, то Бориса отлучить отъ церкви, а патріарху и всѣмъ архіереямъ снять съ себя святительскія облаченія, сложить панагіи, одѣться въ простыя монашескія рясы и запретить службу по всѣмъ церквамъ.

Шествіе двинулось къ монастырю. Годуновъ ушелъ въ келью къ сестрѣ.

Въ монастырѣ патріархъ отслужилъ обѣдню, а потомъ всѣ въ священныхъ одеждахъ, съ крестами и образами, пошли въ келью къ Иринѣ. За ними шли бояре и всѣ думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народъ стояли у кельи и по всему монастырю. Вся эта масса стояла на колѣняхъ и всѣ съ плачемъ и рыданіемъ вопили:

— Благочестивая царица! помилосердуй о насъ: пощади, благослови и дай намъ на царство брата своего Бориса Θедоровича!

Ирина долгооставалась въ нерѣшимости, наконецъ, заплакала и сказала:

— Ради Бога, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, ради воздвигнутія чудотворныхъ образовъ, ради вашего подвига, многаго вопля, рыдательнаго гласа и неутѣшнаго стенанія, даю вамъ своего единокровнаго брата—да будетъ вамъ государемъ царемъ.

Съ плачемъ говорилъ на это Годуновъ:

— Это ли угодно твоему человѣколюбію, Владыко, и тебѣ моей великой государынѣ, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайшій царскій престолъ, о которомъ и на разумѣ у меня не было? Богъ свидѣтель и ты, великая государыня, что въ мысляхъ у меня того никогда не было—я всегда при тебѣ хочу быть и святое, пресвѣтлое, равноангельское лицо твое видѣть!

Ирина отвѣчала на это:

— Противъ воли Божіей кто можетъ стоять? И ты бы безъ всякаго прекословія, повинуясь волѣ Божіей, былъ всему православному христіанству государемъ.

Такъ Годуновъ былъ избранъ царемъ по волѣ народа и по благословенію своей сестры, царицы-инокини Ирины - Александры.

Другіе же памятники говорятъ, что все это дѣлалось по уговору съ Ириной, что Годуновъ, „яко волкъ одѣвся въ одежду овчію, такъ долго искавъ, нынѣ сталъ отрицаться и по неколикократномъ прошеніи уѣхалъ къ царицѣ въ Новодѣвичій монастырь, надѣяся, что простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ“.

Относительно же всенароднаго вопля у кельи Ирины говорятъ: „Народъ неволею былъ пригнанъ приставами, не хотящихъ идти велѣно было и бить: приставы понуждали людей, чтобъ съ великимъ кричаніемъ вопили и слезы точили. Смѣху достойно! какъ слезамъ быть, когда сердце дерзновенія не имѣетъ? Вмѣсто слезъ глаза слюнями мочили и неволею выли какъ волки. Тѣ, которые пошли просить царицу въ келью, наказали приставамъ: когда царица подойдетъ къ окну, то они знаками покажутъ имъ

и чтобы въ ту же минуту весь народъ падалъ на колѣни и всѣ бы плакали громко; не хотѣвшихъ плакать били безъ милости“.

Думаемъ, что и тутъ есть преувеличеніе: объ этомъ, конечно, говорили враги Бориса, которыхъ у него было немало между боярами, которые, какъ полагаютъ, на зло ему и подняли изъ гроба тѣнь убіеннаго царевича, воспитавъ въ Польшѣ невѣжественнаго проходимца.

И послѣ избранія на царство Годуновъ продолжалъ жить у сестры въ монастырѣ. Только 30 апрѣля, въ мироносицкое воскресенье, онъ рѣшился торжественно переѣхать на житье въ Кремль.

Вступивъ въ Москву, Борисъ обошелъ всѣ соборы, ведя за руки дѣтей своихъ—сына Θедора и дочь Ксенію, которой участь была горше участи ея тетки Ирины, какъ мы это увидимъ ниже. О матери ихъ, женѣ Бориса, Марьѣ Григорьевнѣ, дочери страшнаго Малюты-Скуратова, до этого времени вообще почти не упоминалось.

Ирина же Годунова съ этого момента какъ бы сходитъ съ исторической сцены и объ ней, повидимому, забываютъ за монастырскими стѣнами.

Только уже въ сентябрѣ 1603 года попадается извѣстіе, что скончалась инокиня Александра, бывшая царица Ирина. Слухи ходили, что смерть постигла ее отъ тоски:—Ирина слышала и видѣла, что недоброе что-то творится на Руси, и сама пророчила, говорятъ, еще большія грядущія бѣдствія, что ее мучила совѣсть за брата. Всемогущій Господь,—говорятъ современники,—воззвалъ ее къ себѣ изъ юдоли плача, чтобъ избавить отъ ужаса дожить до того, до чего дожило послѣ нея московское государство. Ѣхавшій за гробомъ сестры царь Борисъ чувствовалъ, что толпы народа, провожавшія покойницу до склепа Вознесенскаго монастыря — зловѣщій укоръ его тайному дѣлу.

II.

Жены Курбскаго: княжна Марья Юрьевна Голшанская и Александра Симашко. — Титулярная королева ливонская Марья Владиміровна.—Дочери Малюты Скуратова.

Мы уже познакомились съ судьбою всѣхъ восьми женъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Наибольшее сочувствіе возбуждаетъ въ насъ, конечно, судьба трехъ супругъ Грознаго: царицы Анастасіи Романовны Захарьиной-Кошкиной, царицы-дѣвицы Марѳы Васильевны Собакиной и царицы Маріи Θедоровны.

Вслѣдъ за женами царя Ивана Васильевича справедливо должны быть поставлены, и въ хронологической послѣдовательности, и по исторической аналогіи, жены его политическаго врага и литературнаго противника, бѣглеца Курбскаго.

Мы увидимъ, что, по сопоставленіи женскихъ личностей восточной или московской Руси съ женскими личностями западной или литовской Руси, въ отношеніи чистоты нравовъ, преимущество едва-ли окажется на сторонѣ женщинъ западной Руси: такъ, жена Курбскаго, урожденная княжна Марья Юрьевна Голшанская, по легкости нравовъ и по своимъ нравственнымъ правиламъ вообще, едва ли стоила Курбскаго, хотя и онъ самъ, дитя своего времени, не былъ чуждъ его пороковъ и странностей.

Когда Курбскій покинулъ родину и бѣжалъ отъ своего грознаго преслѣдователя и царя Ивана Васильевича въ Литву, въ московскомъ государствѣ оставалась его семья, о которой онъ не подумалъ, кажется, чтобы, спасая свою собственную жизнь отъ историческаго костыля „грознаго“ царя, спасти отъ него и свое бѣдное семейство, неповинное въ его проступкахъ передъ царемъ: въ московскомъ государствѣ Курбскій, убѣгая за „рубежъ“, покинулъ старушку-мать, жену и сына ребенка.

Изъ сочиненій самого Курбскаго мы знаемъ, что эти несчастные члены его семьи, брошенные имъ на жертву разгнѣваннаго царя, были заключены въ темницу и „троскою поморены“.

Въ новой своей родинѣ Курбскій женился на второй женѣ въ 1571 году, въ то именно время, когда царь Иванъ Васильевичъ Грозный, на Москвѣ, женился на больной купеческой дочери Маронѣ Васильевнѣ Собакиной. Въ литовской землѣ Курбскій взялъ за себя замужъ Марью Юрьевну Козинскую, урожденную княжну Голшанскую. До брака своего съ Курбскимъ, Марья Юрьевна имѣла уже двухъ мужей: перваго—пана Молтонта, и второго—пана Козинскаго. Отъ перваго брака у Марьи Юрьевны осталось два сына, паны Молтонты, которые уже были взрослыми молодыми людьми, когда мать ихъ вышла въ третій разъ за Курбскаго.

Сначала супруги жили согласно. Княгиня Курбская записала своему мужу почти всѣ свои имѣнія. Но это обстоятельство, вѣроятно, и было началомъ семейной вражды, которая причинила столько непріятностей Курбскому на его новой родинѣ: пасынки его, паны Молтонты, не могли, конечно, быть довольны тѣмъ, что имѣнія матери ихъ перешли къ вотчиму, и, желая возвратить назадъ материнскія маетности, начали жестоко враждовать съ этимъ вотчимомъ.

Дѣло дошло до суда. Въ 1577 году мѣстнымъ судомъ присланы были въ имѣнія Курбскихъ „возные“ съ шляхтичами, „добрыми людьми“, для слѣдствія по доносу пасынка Курбскаго, пана Молтонта. Оказалось, что одинъ изъ этихъ пасынковъ, панъ Андрей Молтонтъ, подалъ въ судъ жалобу, будто вотчимъ его, князь Курбскій, избилъ свою жену, мать пана Молтонта, измучилъ ее и посадилъ въ заключеніе, и будто отъ побоевъ и мукъ княгини Курбской уже нѣтъ на свѣтѣ.

„Возные“ нашли не княгиню Курбскую, а князя Курбскаго больнымъ, въ постели, а княгиня, жена его—здорова, сидитъ у постели больного мужа.

— Панъ возный! гляди: жена моя сидитъ въ добромъ здоровьѣ, а дѣти ея на меня выдумываютъ,—сказалъ Курбскій.

Княгинѣ же онъ сказалъ:

— Говори, княгиня, сама.

— Что мнѣ говорить, милостивый князь,—самъ возный видитъ, что я сижу,—отвѣчала Курбская.

— Давно они мать свою морятъ, а она все жива, и меня еще погребетъ,—сказалъ Курбскій.

— Какъ знать? Либо ваша милость меня погребешь, потому что плохого здоровья,—возразила княгиня.

„Возный" уѣхалъ въ городъ. Но въ тотъ же день, какъ „возный" вписывалъ докладъ свой объ этой сценѣ въ „градскія книги", Курбскій подалъ жалобу, что жена его, княгиня Курбская, взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ хранились привилегіи и другія важныя бумаги, и передала все это своимъ сыновьямъ; что панъ Андрей Молтонтъ разъѣзжаетъ около имѣній Курбскаго со слугами и помощниками, ловя и подстерегая Курбскаго по дорогамъ, дѣлая засады, умышляя даже на самую жизнь его. Вскорѣ потомъ Курбскій жаловался, что панъ Андрей Молтонтъ наѣхалъ разбоемъ на его землю скулинскую, сжегъ сторожку, сторожей побилъ, измучилъ, потопилъ, нѣкоторыхъ связалъ и увезъ съ собою, бочечныя доски всѣ сжегъ.

Курбскій объяснялъ притомъ въ жалобѣ, что въ сундукѣ жены своей онъ нашелъ мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими „чарами", что горничная княгини Марьи Юрьевны, Раинка, показала, будто все это дала княгинѣ какая-то старуха; но что это не отрава, а снадобье, которымъ княгиня Курбская надѣялась возбудить въ Курбскомъ любовь къ себѣ, а что теперь,—показывала Раинка,—княгиня хочетъ повидаться съ старухой и получить отъ нея такое же зелье — и уже не для любви, а для другого чего.

Чтобы прекратить эти непріятности, знакомые и друзья Курбскаго и его жены совѣтовали имъ развестись.

Разводъ, дѣйствительно, состоялся 1 августа 1578 года—послѣ семилѣтней супружеской жизни.

Но ни Курбскій, ни жена его не пришли посредствомъ этого развода къ примиренію.

2-го же августа, княгиня Марья Курбская подала въ судъ жалобу, что будто бы Курбскій обходится съ нею „не какъ съ женою", посадилъ ее безъ всякой вины въ заключеніе, билъ палкой, принудилъ дать нѣсколько бланковыхъ листовъ съ печатями и подписями княгини, и съ помощью этихъ бланковъ совершаетъ акты ко вреду ей; что при разводѣ Курбскій захватилъ движимое ея имѣніе, силою удержалъ горничную Раинку, мучилъ ее, посадилъ въ тюрьму и велѣлъ из..........

Съ своей стороны, Курбскій жаловался, что когда онъ отправилъ бывшую свою жену, княгиню Курбскую, во Владиміръ „со всею учтивостію", въ коляскѣ четвернею, то минскій воевода Сапѣга, бывшій при разводѣ ихъ посредникомъ со стороны княгини Марьи Юрьевны, велѣлъ своимъ слугамъ

перебить кучеру Курбскаго палкою руки и ноги, удержалъ коляску Курбскаго, бранилъ его самого срамными словами.

Въ декабрѣ этого же года Курбскіе опять помирились.

Княгиня Курбская объявила, что мужъ далъ ей во всемъ законное удовлетвореніе, что она не будетъ начинать новыхъ исковъ ни противъ него, ни противъ дѣтей его и потомковъ. Горничная Раинка призналась, что всѣ ея прежнія показанія противъ князя Курбскаго и княгини ложны, что дѣлала она ихъ по наущенію другихъ, что ея не били и не из.........

Такова была семейная жизнь Курбскаго въ Литвѣ.

Бросивъ потомъ княгиню Марью Юрьевну, старикъ Курбскій женился въ третій разъ на дѣвицѣ Александрѣ Семашковнѣ (Симашко). Что это была за личность—неизвѣстно; но Курбскій любилъ ее и былъ ею доволенъ, что видно и изъ его духовнаго завѣщанія.

Но старая жена, княгиня Марья Юрьевна, конечно, изъ ревности къ своей соперницѣ Александрѣ Семашковнѣ, жаловалась королю на незаконное расторженіе брака ея съ мужемъ.

Дѣло опять началось, только кончилось не въ пользу старой княгини Курбской: трое изъ ея людей показали, что собственными глазами видѣли, какъ княгиня Курбская нарушала супружескую вѣрность.

Послѣ этого, само собою разумѣется, должна была послѣдовать новая мировая сдѣлка.

Не удивительно, что Курбскій въ изгнаніи тосковалъ о своей первой родинѣ, о московскихъ порядкахъ, гдѣ онъ былъ молодъ и счастливъ, гдѣ „троскою поморена“ была его первая жена.

Въ то время, когда Курбскій въ Литвѣ ссорился съ женою Марьею Юрьевною и тосковалъ по Москвѣ, пересылаясь всѣмъ извѣстными, задорными письмами съ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, называя его писанья „бабьими сплетнями“, этотъ послѣдній продолжалъ казнить бояръ и князей-измѣнниковъ, продолжалъ жениться и разводиться со своими женами, строилъ опричину, воевалъ съ сосѣдями, задиралъ своими письмами шведскаго короля, называя его королемъ „изъ мужичьяго рода“, и въ то же время уничтожалъ всѣ препятствія, которыя могли мѣшать упроченію въ его родѣ московскаго единодержавія.

Препятствія эти были уничтожены, кажется, съ корнемъ. Удѣльные княжескіе роды не существовали: послѣдній старицкій удѣлъ потерялъ своего главу въ князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, двоюродномъ братѣ Грознаго.

Оставалась одна только слабая тѣнь удѣльной розни: тѣнь эта была—дочери князя Владиміра Андреевича старицкаго, княжна Евфимія и княжна Марья Владиміровна.

Этихъ дѣвушекъ-сиротокъ Грозный надумалъ употребить орудіемъ для своихъ политическихъ цѣлей—для расширенія рубежей московскаго царства.

Мы видѣли, какъ царь покровительствовалъ сумасшедшему шведскому королю Эриху, который обѣщалъ выдать за московскаго государя, отъ живого мужа, жену своего брата Іоанна, Екатерину, королеву польскую.

У этихъ братьевъ былъ третій братъ, королевичъ Магнусъ, принцъ датскій. Желая сдѣлать его орудіемъ своихъ политическихъ цѣлей и создать въ немъ покорнаго вассала московскаго царства, Иванъ Васильевичъ, въ постоянной борьбѣ съ Польшею за Ливонію, рѣшился провозгласить Магнуса ливонскимъ королемъ, и предложилъ ему, вмѣстѣ съ короною Ливоніи, руку своей племянницы, сиротки-княжны Евфиміи Владиміровны старицкой.

Магнусъ радъ былъ найти сильнаго зятя въ московскомъ царѣ и охотно принялъ предложеніе, но княжна Евфимія умерла еще въ дѣвушкахъ. Тогда московскій царь предложилъ королевичу Магнусу другую сестру ея—княжну Марью Владиміровну.

Магнусъ также охотно согласился и на этотъ бракъ, и пріѣхалъ въ Россію. Бракъ скоро состоялся. Вѣнчаніе княжны Марьи Владиміровны съ королемъ ливонскимъ Магнусомъ назначено было въ Новгородѣ.

Въ брачномъ наказѣ княжны Марьи Владиміровны, между прочимъ, говорилось: „Вѣнчаться королю на Пробойной улицѣ, на Славновѣ, у Димитрія святаго, а съ королемъ ѣхать къ римскому попу, а княжну обручать и вѣнчать дмитровскому попу; пріѣхавъ къ вѣнчанью, княжнѣ идти въ церковь, а королю стать на паперти, и вѣнчать короля по его закону, а княжну по христіанскому закону“.

Но недолго королевнѣ ливонской Марьѣ довелось жить съ своимъ мужемъ: Магнусъ скоро умеръ, а королева Марья осталась въ Ригѣ „титулярною королевою“, королевою лишь по имени, и на рукахъ у нея осталась маленькая дочка, королевна Евдокія.

Скоро умеръ и ея могущественный дядя, устроившій такимъ образомъ ея судьбу за титулярнымъ королемъ Магнусомъ—царь Иванъ Васильевичъ Грозный, не любившій своей племянницы. Объ этой нелюбви говорилъ впослѣдствіи царь Михаилъ Ѳедоровичъ жениху своей дочери, царевны Ирины, датскому королевичу Вольдемару: говоря, что царь Иванъ Васильевичъ выдалъ свою племянницу Марью Владиміровну за иновѣрца Магнуса, царь прибавилъ, что Иванъ Васильевичъ „сдѣлалъ это не жалуя и не любя племянницы своей“.

По смерти и мужа, короля Магнуса, и дяди, царя Грознаго, королева Марія продолжала жить въ Ригѣ подъ протекторатомъ, а скорѣе—подъ надзоромъ враговъ московскаго государства, польско-литовскихъ пановъ, и жила какъ плѣнница, въ нуждѣ.

Но—какъ племя Калиты, такой же отростокъ царственнаго московскаго дерева, какъ и царевичъ Димитрій углицкій, титулярная королева Марья Владиміровна была опасна для Годунова: умираетъ царь Ѳедоръ Ивановичъ бездѣтно, умираетъ или инымъ способомъ погибаетъ царевичъ Димитрій, и титулярная королева Марія съ королевною Евдокіею получаютъ ближайшія права на московскій престолъ. Титулярная королева Марія или ея дочка Евдокія могли выйти замужъ—и тогда мужъ могъ быть провозглашенъ московскимъ царемъ.

Годунову надо было, во что бы то ни стало, погубить этотъ послѣднiй отпрыскъ царственнаго дерева Калиты.

И вотъ, въ августѣ 1585 года Борисъ поручилъ англичанину Жерому Горсею выманить ливонскую королеву съ дочкой изъ Риги въ Москву. Горсей явился въ Ригу, успѣлъ войти въ милость къ Радзивиллу, подъ ближайшимъ надзоромъ котораго находилась ливонская королева, и тотъ допустилъ Горсея къ Марiи.

— Братъ вашъ, царь Θедоръ Ивановичъ,—говорилъ Горсей:—узнавъ, что вы съ дочерью вашей живете въ нуждѣ, желаетъ, чтобъ вы возвратились на родину и жили въ довольствѣ, сообразно вашему царственному рожденiю, а протекторъ Борисъ Θедоровичъ, помня свою службу царю, обѣщаетъ вамъ стараться о томъ же.

— Я не знаю васъ,—отвѣчала Горсею Марiя: — но вашъ видъ внушаетъ мнѣ довѣрiя болѣе, чемъ сколько говоритъ мнѣ о васъ разсудокъ мой. Меня держатъ здѣсь какъ плѣнницу, на скудномъ содержанiи: я получаю тысячу талеровъ въ годъ. Я бы рада была отсюда выбраться, но меня смущаютъ нѣкоторыя обстоятельства: во-первыхъ, трудно убѣжать, король и паны стерегутъ меня здѣсь, чтобъ извлечь какую-нибудь пользу моего происхожденiя и крови; во-вторыхъ, я знаю московскiе обычаи, знаю, какъ тамъ поступаютъ со вдовами-царицами: меня запрутъ въ монастырь, а это будетъ мнѣ хуже смерти.

— Теперь другiя времена настали, — завѣрялъ Горсей: — теперь не принудятъ къ тому вдовы, если у нея есть дѣти, которыхъ нужно воспитывать.

Горсей при этомъ вручилъ Марiи тысячу угорскихъ червонцевъ, и еще обѣщалъ дать: ловкiй англичанинъ умѣлъ настроить ее такъ, что она совершенно ему довѣрилась, особенно же, когда, безъ сомнѣнiя, ей такъ хотѣлось воротиться на родину. По приказу Бориса были разставлены вездѣ лошади отъ Москвы до ливонской границы. Королева съ дочерью-малюткою ускользнули изъ Риги, и перемѣнные кони помчали ихъ въ Москву.

Въ Москвѣ сначала съ ними обходились хорошо, дали имъ землю, хорошее денежное содержанiе, прислугу; но чрезъ нѣсколько времени, именемъ царя Θедора Ивановича, ничего невѣдавшаго о томъ, что въ государствѣ его дѣлалось, мать-королеву разлучили съ дочкой и заключили въ Пятницкiй монастырь, близъ Троицы.

Въ 1589 году маленькая королевна Евдокiя умерла. Ребенка хоронили какъ королевну — по царски. Говорятъ, что она была отравлена, вообще умерла неестественною смертью.

Королева Марiя пострижена въ инокини подъ именемъ Марθы.

Много лѣтъ потомъ томилась королева-старица Марθа въ монастырѣ, вспоминая Ригу и проклиная Горсея, которому довѣрилась и который самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ.

Какъ бы то ни было, но племя Калиты не существовало болѣе: послѣдняя его отрасль королева-старица Марθа не существовала для свѣта.

Погибъ и Борисъ Годуновъ, а королева-старица Марθа продолжала

тораго видимъ, что она не забывала своего политическаго значенія, не забывала, что подъ клобукомъ у нея еще есть царская корона.

Троицкая лавра была осаждена поляками. Въ самомъ монастырѣ, какъ и во всей Русской землѣ, господствовала „шатость“: одни были за Шуйскаго, другіе за Самозванца, за „Тушинскаго вора“.

Сидя въ монастырѣ, королева-старица Мареа могла думать, что невѣдомый Димитрій—настоящій царевичъ Димитрій, и слѣдовательно—ея двоюродный братъ; она могла думать, что и „тушинскій воръ“—то же лицо, и это лицо принадлежало ея двоюродному брату Димитрію-царевичу.

И вотъ, старцы Троицкаго монастыря пишутъ царю Шуйскому грамоту, въ которой говорятъ, что королева-старица Мареа мутитъ въ монастырѣ, называетъ вора „братцомъ“, переписывается съ нимъ и съ Сапѣгою:

„Въ монастырѣ смута большая отъ королевы-старицы Мареы: тебя, государь, поноситъ праздными словами, а вора называетъ прямымъ царемъ и себѣ братомъ; вмѣщаетъ давно то смутное дѣло въ чорныхъ людей. А какъ воры сперва пришли въ монастырь, то на первой высадкѣ казначей отпустилъ къ вору монастырскаго дѣтину служку Селевина съ своими воровскими грамотами, что онъ монастыремъ промышляетъ, хочетъ сдать, а та королева съ тѣмъ же дѣтиною послала свои воровскія грамоты, что промышляетъ съ казначеемъ за одно, писала къ вору, называя его братомъ, и литовскимъ панамъ, Сапѣгѣ съ товарищами, писала челобитье: „спасибо вамъ, что вы вступились за брата моего, московскаго государя царя Димитрія Ивановича“. Также писала въ большіе таборы къ пану Рожинскому съ товарищи. А къ Іосифу Дѣвочкину посылаетъ по вся дни съ пирогами, блинами и съ другими разными приспѣхами и оловяниками, а меды беретъ съ твоихъ же царскихъ обиходовъ, съ троицкаго погреба; и люди королевины живутъ у него безвыходно и топятъ на него бани еженедѣльно, по ночамъ. И я, богомолецъ твой, королевѣ о томъ говорилъ, что она къ твоему государеву измѣннику по вся дни съ питіемъ и ѣдой посылаетъ; и королева за это положила на меня ненависть и пишетъ къ тебѣ государю на меня ложно, будто бы я ее безчестилъ и тебѣ бы государю пожаловать: о томъ свой царскій указъ учинить, чтобъ отъ ея безумія святому мѣсту какая опасность не учинилась“.

Но отъ безумія ея, какъ видно, никакой опасности святому мѣсту не учинилось. Напротивъ, сама королева-старица Мареа, сидѣвшая въ монастырѣ вмѣстѣ со старицею Ольгою Годуновою (это бывшая царевна, красавица Ксенія Годунова), пострадала отъ казаковъ и прочей вольницы Заруцкаго.

Въ началѣ земскаго ополченія, когда, по зову Минина, Русская земля поднималась на изгнаніе поляковъ изъ Москвы, въ грамотахъ изъ Ярославля и Костромы, между прочимъ, писалось: „когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили, и черницъ—королеву Мареу, дочь князя Владиміра Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде и взглянуть не смѣли, ограбили

Годунову надо было, во что бы ни стало, погубить этотъ послѣдній отпрыскъ царственнаго дерева Калиты.

И вотъ, въ августѣ 1585 года Борисъ поручилъ англичанину Жерому Горсею выманить ливонскую королеву съ дочкой изъ Риги въ Москву. Горсей явился въ Ригу, успѣлъ войти въ милость къ Радзивиллу, подъ ближай-

По недосмотру типографіи „В. С. Балашевъ и К°“ страницы 127, 128, 129 и 130 XXXV-го тома собранія сочиненій **Д. Л. Мордовцева**, („Русскія историческія женщины“, ч. II-я) отпечатаны неправильно. Вслѣдствіе этого, редакція журнала „Сѣверъ“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, вырѣзавъ указанныя страницы, замѣнить ихъ при семъ прилагаемыми правильно отпечатанными.

[illegible]

ускользнули изъ Риги, и перемѣнные кони помчали ихъ въ Москву.

Въ Москвѣ сначала съ ними обходились хорошо, дали имъ землю, хорошее денежное содержаніе, прислугу; но чрезъ нѣсколько времени, именемъ царя Ѳедора Ивановича, ничего невѣдавшаго о томъ, что въ государствѣ его дѣлалось, мать-королеву разлучили съ дочкой и заключили въ Пятницкій монастырь, близъ Троицы.

Въ 1589 году маленькая королевна Евдокія умерла. Ребенка хоронили какъ королевну—по царски. Говорятъ, что она была отравлена, вообще умерла неестественною смертью.

Королева Марія пострижена въ инокини подъ именемъ Марѳы.

Много лѣтъ потомъ томилась королева-старица Марѳа въ монастырѣ, вспоминая Ригу и проклиная Горсея, которому довѣрилась и который самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ.

Какъ бы то ни было, но племя Калиты не существовало болѣе: послѣдняя его отрасль королева-старица Марѳа не существовала для свѣта.

Погибъ и Борисъ Годуновъ, а королева-старица Марѳа продолжала

сидѣть въ монастырѣ. Погибъ и невѣдомый царь Димитрій; царь Шуйскій сидѣлъ на престолѣ, а королева-старица Мароа все сидѣла въ монастырѣ и объ ней ничего не было слышно.

Только подъ 1609 годомъ мы встрѣчаемъ объ ней извѣстіе, изъ котораго видимъ, что она не забывала своего политическаго значенія, не забывала, что подъ клобукомъ у нея еще есть царская корона.

Троицкая лавра была осаждена поляками. Въ самомъ монастырѣ, какъ и во всей Русской землѣ, господствовала „шатость“: одни были за Шуйскаго, другіе за Самозванца, за „Тушинскаго вора“.

Сидя въ монастырѣ, королева-старица Мароа могла думать, что невѣдомый Димитрій—настоящій царевичъ Димитрій, и слѣдовательно—ея двоюродный братъ; она могла думать, что и „тушинскій воръ“ —то же лицо, и это лицо принадлежало ея двоюродному брату Димитрію-царевичу.

И вотъ, старцы Троицкаго монастыря пишутъ царю Шуйскому грамоту, въ которой говорятъ, что королева-старица Мароа мутитъ въ монастырѣ, называетъ вора „братцомъ“, переписывается съ нимъ и съ Сапѣгою:

„Въ монастырѣ смута большая отъ королевы-старицы Мароы: тебя, государь, поноситъ праздными словами, а вора называетъ прямымъ царемъ и себѣ братомъ; вмѣщаетъ давно то смутное дѣло въ черныхъ людей. А какъ воры сперва пришли въ монастырь, то на первой высадкѣ казначей отпустилъ къ вору монастырскаго дѣтину служку Селевина съ своими воровскими грамотами, что онъ монастыремъ промышляетъ, хочетъ сдать, а та королева съ тѣмъ же дѣтиною послала свои воровскія грамоты, что промышляетъ съ казначеемъ за одно, писала къ вору, называя его братомъ, и литовскимъ панамъ, Сапѣгѣ съ товарищами, писала челобитье: „спасибо вамъ, что вы вступились за брата моего, московскаго государя царя Димитрія Ивановича“. Также писала въ большіе таборы къ пану Рожинскому съ товарищи. А къ Іосифу Дѣвочкину посылаетъ по вся дни съ пирогами, блинами и съ другими разными приспѣхами и оловяниками, а меды беретъ съ твоихъ же царскихъ обиходовъ, съ троицкаго погреба; и люди королевины живутъ у него безвыходно и топятъ на него бани еженедѣльно, по ночамъ. И я, богомолецъ твой, королевѣ о томъ говорилъ, что она къ твоему государеву измѣннику по вся дни съ питіемъ и ѣдой посылаетъ; и королева за это положила на меня ненависть и пишетъ къ тебѣ государю на меня ложно, будто бы я ее безчестилъ и тебѣ бы государю пожаловать: о томъ свой царскій указъ учинить, чтобы отъ ея безумія святому мѣсту какая опасность не учинилась“.

Но отъ безумія ея, какъ видно, никакой опасности святому мѣсту не учинилось. Напротивъ, сама королева-старица Мароа, сидѣвшая въ монастырѣ вмѣстѣ со старицею Ольгою Годуновою (эта бывшая царевна, красавица Ксенія Годунова), пострадала отъ казаковъ и прочей вольницы Заруцкаго.

Въ началѣ земскаго ополченія, когда, по зову Минина, русская земля поднималась на изгнаніе поляковъ изъ Москвы, въ грамотахъ изъ Яро-

славля и Костромы, между прочимъ, писалось: „когда Ивашка Заруцкій съ товарищами Дѣвичій монастырь взяли, то они церковь Божію разорили, и черницъ—королеву Мареу, дочь князя Владиміра Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которыхъ прежде и взглянуть не смѣли, ограбили до-нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на б.... брали".

Въ такомъ положеніи проводила послѣдніе годы своей жизни послѣдняя отрасль царственнаго дома Калиты, титулярная ливонская королева, старица Мареа, послѣдняя удѣльная княжна.

Въ это же смутное время не надолго появляются еще двѣ женскія личности и быстро исчезаютъ: это проклятыя въ памяти народа дочери страшнаго опричника Малюты-Скуратова, особенно одна изъ нихъ, бывшая замужемъ за княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, братомъ царя Василія Шуйскаго.

Одна изъ этихъ дочерей Малюты-Скуратова, Марья Григорьевна, была замужемъ за Борисомъ Годуновымъ. Женщину эту называютъ злою, честолюбивою; она, говорятъ, подбивала Годунова на все недоброе; она вселяла въ него дерзкіе замыслы захватить московскій престолъ, хотя бы дорога къ престолу лежала по трупамъ невинныхъ жертвъ.

Насколько это мнѣніе справедливо — трудно рѣшить. Современными памятниками оно подтверждается весьма слабо, да и то потому больше, что современники, записавшіе извѣстія о тогдашнихъ событіяхъ, могли относиться къ дѣтямъ страшнаго опричника Малюты-Скуратова съ понятнымъ недоброжелательствомъ, и злую память отца перенесли на его дѣтей, на дѣвушекъ, которыя могли быть ни въ чемъ неповинны. Наконецъ, народное чувство недоброжелательно относилось и къ мужу Марьи Григорьевны, къ Годунову, а это еще болѣе усилило тѣни, падавшія на историческій образъ этой жизни.

Но злая и дурная мать, какою рисуется Марья Григорьевна, не могла воспитать такихъ прекрасныхъ дѣтей, какими во всѣхъ тогдашнихъ письменныхъ памятникахъ рисуются дѣти ея и царя Бориса, сынъ Ѳеодоръ и дочь Ксенія, идеальный образъ которой не затемняется никакими нечистыми тѣнями.

Какъ бы то ни было, но преступленіями своего мужа—если только всѣ преступленія, приписываемыя Годунову, совершены имъ—Марья Григорьевна достигла высоты московскаго престола, на который она, впрочемъ, и сама помогала мужу взойти такъ или иначе,—и на этомъ престолѣ пережила самое тяжелое время въ своей жизни.

Явился невѣдомый Димитрій. Царь Борисъ оказался безсильнымъ противъ этой тѣни погибшаго царевича Димитрія, и погибъ самъ, оставивъ послѣ себя вдову Марью Григорьевну, научавшую его будто бы на все злое, сына Ѳедора и дочь Ксенію.

Москва, ожидая къ себѣ невѣдомаго Димитрія, безпрекословно, однако, цѣловала крестъ вдовѣ Годунова, царицѣ Марьѣ, ея сыну Ѳедору и царевнѣ Ксеніи, или, какъ говорилось въ цѣловальныхъ грамотахъ, „государыни своей

и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ, государю царю Өедору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ".

Надо было присягу эту освятить благословеніемъ вдовствующей царицы, и вотъ Москва всенародно молитъ нелюбимую народомъ дочь Малюты-Скуратова: „великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала, положила на милость: не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ попрежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ".

„И великая государыня слезъ и моленій не призрѣла, сына своего благословила".

Но недолго сидѣла она на престолѣ съ своимъ сыномъ.

Когда уже невѣдомому Димитрію присягнули подъ Москвою, явились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій и дьякъ Сутуговъ—покончить съ Годуновыми, чтобъ даже имена ихъ не служили препятствіемъ къ возведенію на тронъ невѣдомаго Димитрія. Патріарха сослали. Другихъ родственниковъ Годуновыхъ разослали тоже. Семена Годунова задушили въ Переяславѣ.

Порѣшивъ съ этими родичами Годунова, Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шелефединовъ съ тремя стрѣльцами явились и въ старый домъ Бориса, въ царскіе покои: царицу Марью безжалостно и скоро удавили; молодой царь Өедоръ боролся съ убійцами отчаянно, но одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ: во время схватки, убійца „взялъ его за таенные у... и раздави".

Но, чтобъ пятно не осталось на памяти убійцъ, а равно на имени названнаго царя Димитрія, и чтобъ усыпить народную совѣсть, объявили, что царица Марья Григорьевна и царь Өедоръ Борисовичъ Годуновъ отравились сами.

Одну Ксенію пощадили изъ всего несчастнаго рода, чтобъ послѣ надругаться надъ ея красотою и дѣвической невинностью.

Мало этого. Тѣло царя Бориса, уже похороненное въ Архангельскомъ соборѣ, выкопали изъ склепа, выбросили изъ царскаго гроба, положили въ простой гробъ и, вмѣстѣ съ тѣлами удавленныхъ жены и сына, зарыли въ беднѣйшемъ монастырѣ у Варсанофія, на Срѣтенкѣ.

Такова была судьба одной изъ нелюбимыхъ народомъ дочерей Малюты-Скуратова.

Другая дочь Малюты, злую память о которой народное творчество передало позднѣйшему потомству въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, была замужемъ, какъ мы сказали, за княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ.

Не сохранилось въ точности даже имя этой женщины, потому что письменные памятники того времени передаютъ это имя различно; но злое дѣло ея, проклинаемое народомъ, до сихъ поръ въ народномъ стихѣ.

Нѣкоторые письменные памятники называютъ эту дочь Малюты-Скуратова Марьей, смѣшивая, безъ сомнѣнія, съ сестрою, бывшею въ замужествѣ за Борисомъ Годуновымъ; другіе—Катериною и даже—вѣроятно по ошибкѣ переписчика—Христиною.

сидѣть въ монастырѣ. Погибъ и невѣдомый царь Димитрій; царь Шуйскій сидѣлъ на престолѣ, а королева-старица Маръа все сидѣла въ монастырѣ, и объ ней ничего не слышно.

Только подъ 1609 годомъ мы встрѣчаемъ объ ней извѣстіе, изъ ко-до-нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на б.... брали".

Въ такомъ положеніи проводила послѣдніе годы своей жизни послѣдняя отрасль царственнаго дома Калиты, титулярная ливонская королева, старица Маръа, послѣдняя удѣльная княжна.

Въ это же смутное время не надолго появляются еще двѣ женскія личности и быстро исчезаютъ: это проклятыя въ памяти народа дочери страшнаго опричника Малюты-Скуратова, особенно одна изъ нихъ, бывшая замужемъ за княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, братомъ царя Василія Шуйскаго.

Одна изъ этихъ дочерей Малюты-Скуратова, Марья Григорьевна, была замужемъ за Борисомъ Годуновымъ. Женщину эту называютъ злою, честолюбивою; она, говорятъ, подбивала Годунова на все недоброе; она вселяла въ него дерзкіе замыслы захватить московскій престолъ, хотя бы дорога къ престолу лежала по трупамъ невинныхъ жертвъ.

Насколько это мнѣніе справедливо — трудно рѣшить. Современными памятниками оно подтверждается весьма слабо, да и то потому больше, что современники, записывавшіе извѣстія о тогдашнихъ событіяхъ, могли относиться къ дѣтямъ страшнаго опричника Малюты-Скуратова съ понятнымъ недоброжелательствомъ, и злую память отца перенесли на его дѣтей, на дѣвушекъ, которыя могли быть ни въ чемъ неповинны. Наконецъ, народное чувство недоброжелательно относилось и къ мужу Марья Григорьевны, къ Годунову, а это еще болѣе усиливало тѣни, падавшія на историческій образъ этой жизни.

Но злая и дурная мать, какою рисуется Марья Григорьевна, не могла воспитать такихъ прекрасныхъ дѣтей, какими во всѣхъ тогдашнихъ письменныхъ памятникахъ рисуются дѣти ея и царя Бориса, сынъ Ѳеодоръ и дочь Ксенія, идеальный образъ которой не затемняется никакими нечистыми тѣнями.

Какъ бы то ни было, но преступленіями своего мужа—если только всѣ преступленія, приписываемыя Годунову, совершены имъ — Марья Григорьевна достигла высоты московскаго престола, на который она, впрочемъ, и сама помогала мужу взойти такъ или иначе,—и на этомъ престолѣ пережила самое тяжелое время въ своей жизни.

Явился невѣдомый Димитрій. Царь Борисъ оказался безсильнымъ противъ этой тѣни погибшаго царевича Димитрія, и погибъ самъ, оставивъ послѣ себя вдову Марью Григорьевну, научавшую его будто-бы на все злое, сына Ѳедора и дочь Ксенію.

Москва, ожидая къ себѣ невѣдомаго Димитрія, безпрекословно, однако, цѣловала крестъ вдовѣ Годунова, царицѣ Марьѣ, ея сыну Ѳедору и царевнѣ Ксеніи, или, какъ говорилось въ цѣловальныхъ грамотахъ, „государынѣ своей

и великой княгинѣ Марьѣ Григорьевнѣ всея Руси, и ея дѣтямъ, государю царю Θедору Борисовичу и государынѣ царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ“.

Надо было присягу эту освятить благословеніемъ вдовствующей царицы, и вотъ Москва всенародно молитъ нелюбимую народомъ дочь Малюты-Скуратова: „великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала, положила на милость: не оставила насъ сирыхъ до конца погибнуть, была на царствѣ попрежнему, а благороднаго сына своего благословила быть царемъ и самодержцемъ“.

„И великая государыня слезъ и моленій не презрѣла, сына своего благословила“.

Но недолго сидѣла она на престолѣ съ своимъ сыномъ.

Когда уже невѣдомому Димитрію присягнули подъ Москвою, явились въ Москву князья Василій Голицынъ и Василій Мосальскій и дьякъ Сутуговъ— покончить съ Годуновыми, чтобъ даже имена ихъ не служили препятствіемъ къ возведенію на тронъ невѣдомаго Димитрія. Патріарха сослали. Другихъ родственниковъ Годуновыхъ разослали тоже. Семена Годунова задушили въ Переяславѣ.

Порѣшивъ съ этими родичами Годунова, Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шелефединовъ съ тремя стрѣльцами явились и въ старый домъ Бориса, въ царскіе покои: царицу Марью безжалостно и скоро удавили; молодой царь Θедоръ боролся съ убійцами отчаянно, но одному изъ убійцъ удалось умертвить его самымъ отвратительнымъ образомъ: во время схватки, убійца „взятъ его за таенные у... и раздави“.

Но, чтобъ пятно не осталось на памяти убійцъ, а равно на имени названнаго царя Димитрія, и чтобъ усыпить народную совѣсть, объявили, что царица Марья Григорьевна и царь Θедоръ Борисовичъ Годуновъ отравились сами.

Одну Ксенію пощадили изъ всего несчастнаго рода, чтобъ послѣ надругаться надъ ея красотою и дѣвическою невинностью.

Мало этого. Тѣло царя Бориса, уже похороненное въ Архангельскомъ соборѣ, выкопали изъ склепа, выбросили изъ царскаго гроба, положили въ простой гробъ и, вмѣстѣ съ тѣлами удавленныхъ жены и сына, зарыли въ бѣднѣйшемъ монастырѣ у Варсанофія, на Срѣтенкѣ.

Такова была судьба одной изъ нелюбимыхъ народомъ дочерей Малюты-Скуратова.

Другая дочь Малюты, злую память о которой народное творчество передало позднѣйшему потомству въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, была замужемъ, какъ мы сказали, за княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Шуйскимъ.

Не сохранилось въ точности даже имя этой женщины, потому что письменные памятники того времени передаютъ это имя различно; но злое дѣло ея, проклинаемое народомъ, до сихъ поръ въ народномъ стихѣ.

Нѣкоторые письменные памятники называютъ эту дочь Малюты-Скуратова Марьей, смѣшивая, безъ сомнѣнія, съ сестрою, бывшею въ замужествѣ за Борисомъ Годуновымъ; другіе—Катериною и даже—вѣроятно по ошибкѣ переписчика—Христиною.

Какъ бы то ни было, но личность этой дочери Малюты-Скуратова украшается въ письменныхъ памятникахъ эпитетами и наименованіями такими: „злаго короне злая отрасль“, „древняя змѣя льстивая“; въ народной поэзіи она слыветъ подъ именемъ „змѣи подколодной“.

Злое дѣло, приписываемое этой дочери Малюты-Скуратова — это отравленіе героя смутнаго времени, молодого вождя и народнаго любимца, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

Скопину-Шуйскому было всего за двадцать лѣтъ, когда успѣшными подвигами противъ враговъ Русской земли, наводнившихъ тогдашнія русскія области, онъ заслужилъ такую народную любовь и пріобрѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ такую громкую славу, какія немногимъ избраннымъ счастливцамъ даются цѣлыми годами трудовъ и славныхъ подвиговъ.

Эти успѣхи были причиною того, что у молодого героя явились смертельные враги въ близкихъ родственникахъ, въ которыхъ пробудилась зависть къ юношѣ и опасеніе, что юноша этотъ станетъ имъ поперекъ дороги и отобьетъ у нихъ и народную любовь, и московскій престолъ: враги эти были Шуйскіе же, которымъ онъ приходился племянникомъ. На крестинахъ у князя Воротынскаго они отравили Скопина-Шуйскаго, будто бы съ помощью дочери Малюты Скуратова, тетки этого самаго Скопина.

Поэтому въ иныхъ памятникахъ такъ и значится, что Михайла Скопина-Шуйскаго, спасителя Русской земли, испортила смертнымъ зельемъ „тетка Катерина“.

Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ это событіе такимъ образомъ:

„Не по мнозѣ жъ времени сотвориша пиръ дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства. И призваша, и ядоша, и пиша. Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, якоже древляя змія льстивая, поиде княгиня Дмитріева Шуйскаго Христина (Катерина), Малютина дочь Скуратова—яко медъ на языцѣ ношаше, а въ сердцы мечь скова и — пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду съ отравою; онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству, всемь чашу, испитъ ю. Въ томъ же часѣ начатъ сердце его терзати; вземша его свои ему, принесоша и въ домъ“.

Въ другомъ хронографѣ событію этому придается такой поэтически-риторическій колоритъ:

„Бысть князь Михайло крестный кумъ (у новорожденнаго сына князя Ивана Михайловича Воротынскаго), кума же княгиня жена Димитрія Ивановича Шуйскаго, Марія—дочь Малюты-Скуратова. И по совѣту злыхъ измѣнниковъ своихъ и совѣтниковъ помышляше во умѣ своемъ злу мысль измѣнничью—и какъ будетъ послѣ честнаго стола пиръ навесело, и діавольскимъ омраченіемъ злодѣйница та княгиня кума подкресная подносила чашу питія куму подкресному, и била челомъ, здоровалась съ кресным Алексѣемъ Иванычемъ (новорожденнымъ), и въ той чашѣ пити уготовано лютое питіе смертное. Князь Михайло Васильевичъ выпиваетъ чашу досуха, а не вѣдаетъ, что злое питіе лютое смертное. И не въ долгъ часъ у

князя Михайла во утробѣ возмутилося и не допировалъ пиру почеснаго, и поѣхалъ къ своей матушкѣ княгинѣ Еленѣ Петровнѣ, и какъ выходитъ въ свои хоромы княженецкіе, и усмотрѣла его мати и воззрила ему въ ясныя очи, и очи у него ярко возмутилися, а лицо у него страшно кровію знаменается, а власы на главѣ у него стоя колеблются. И восплакалася горько мати его родимая, а во слезахъ говоритъ ему слово жалостно: „чадо мое, сынъ князь Михайло Васильевичъ, для чего рано и поздно съ честнаго пира отъѣхалъ: любо тебѣ богоданный сынъ принялъ крещеніе не въ радости, любо въ пиру мѣсто тебѣ было не по отечеству?"—И нача утроба у него люто терзатися отъ того питія смертнаго—мати же да жена его княгиня Александра Васильевна и весь дворъ его слезъ и горькаго плача и кричанія исполнися. И дойде слухъ сія болѣзнь его страшная до войска и подручія, до нѣмецкаго воеводы до Якова Пунтусова. И многи дохтуры нѣмецкіе со многими лечебными присадами и не можаше бо никако болѣзни тоя возвратити".

Народная поэзія передаетъ это событіе различно; но главнымъ образомъ народное творчество останавливается на томъ образѣ событія, что будто на пиру—на крестинахъ бояре порасхвастались кто славою, кто богатствомъ и подвигами; выше всѣхъ оказался молодой князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій:—его и извели съ помощью дочери Малюты-Скуратова.

Вотъ какъ говорится объ этомъ событіи въ наиболѣе обстоятельной пѣснѣ:

У князя было у Владиміра (!),
Было пированье почетное:
Ой крестили дитя княженецкое.
Ахъ, кто кумъ—тотъ былъ, кто кума была?
Ахъ, кумъ-отъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ,
А кума-то была дочь Скурлатова.
Они пили, ѣли, прохлаждалися,
Пивши, ѣвши, похвалялися,
Выходили на крылечко на красное.
Ужъ какъ учали похвалу чинить князья, бояра:
Одинъ скажетъ—у меня много чистаго серебра,
Другой скажетъ—у меня больше красна золота.
Ахъ, что взговоритъ князь Михайло Скопинъ,
Михайло Скопинъ, сынъ Васильевичъ:
Еще что вы, братцы, похваляетесь?
Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
Я очистилъ царство московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру христіанскую.
То слово кумѣ не показалося,
То крестовой не понравилось;
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому;
Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ:
Ему мнилось, она выпила,

А она во рукавъ вылила;
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ,
Трезвы ноги подломилися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужъ какъ брали его слуги вѣрные,
Подхватили его подъ бѣлы руки,
Повезли его домой къ себѣ.
Какъ встрѣчала его матушка:
Дитя мое, чадо милое,
Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ...
Ахъ, ты гой еси, моя мать родная!
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты-Скурлатова.

Въ другихъ пѣсняхъ говорится такъ о дочери Малюты въ этомъ событіи: собственно бояре подсыпали въ питье отравы, а только поднесла чару дочь Малюты-Скуратова:

Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютины дочи Скурлатовой.

Наконецъ, въ одной пѣснѣ Скопинъ-Шуйскій догадывается объ отравѣ и прямо укоряетъ въ своей гибели „змѣю" подколодную—дочь Малютину:

Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ:
„А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова,
А зазнаючи мнѣ съ зельемъ стаканъ подала,
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!"
— Голова съ плечъ покатилася.

Не добромъ кончила и сама отравительница. Когда поляки во время „лихолѣтья" овладѣли Москвою и почти всею Русскою землею, они взяли въ плѣнъ развѣнчаннаго царя Василія Шуйскаго, его братьевъ и жену князя Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты-Скуратова, ввезли ихъ съ римскимъ тріумфомъ въ свою столицу, везли открыто, на-показъ народу: въ процессіи московскихъ великихъ плѣнниковъ ѣхала и знаменитая дочь Малюты-Скуратова.

Тамъ плѣнниковъ заточили въ Гостынскій замокъ. Тамъ они всѣ и перемерли отъ тоски: и царь Шуйскій, и дочь Малюты-Скуратова.

Только уже при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ кости этихъ великихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ и кости дочери Малюты-Скуратова были съ царственными почестями перевезены на родину, въ успокоенную Москву.

III.

Ксенія Годунова.

Фамилія Годуновыхъ появляется на историческомъ горизонтѣ Русскаго государства какимъ-то метеоромъ и такимъ же метеоромъ исчезаетъ: въ головѣ метеора является крупная личность самого Бориса Годунова, уже достаточно оцѣненная и осужденная исторіею; при исчезновеніи метеора нѣсколько времени довольно блѣдная, относительно, но въ то же время и въ высшей степени привлекательная женская личность, — это личность Ксеніи Годуновой, и затѣмъ метеоръ совершенно пропадаетъ, и пропадаетъ безслѣдно. Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, любимецъ Ивана Васильевича Грознаго и его родственникъ по сестрѣ, а потомъ царь московскій; жена Бориса, нелюбимая всѣми дочь опричника Малюты-Скуратова, Марья Григорьевна; сестра Бориса, Ирина, супруга царя Өедора Ивановича, и, наконецъ, дѣти Бориса, Өедоръ и Ксенія: изъ нихъ первый царь, а послѣдняя—невѣста принцевъ, а потомъ черничка—вотъ всѣ имена, носившія фамилію Годуновыхъ, надъ которыми невольно останавливается вниманіе историка.

Мы уже видѣли Ксенію Борисовну, когда еще дѣвочкой она въѣзжала, вмѣстѣ съ избраннымъ въ московскіе цари отцомъ, въ кремлевскій дворецъ, а потомъ въ тотъ же день царственный отецъ, держа за руки ее и брата ея Өедора, водилъ дѣтей по московскимъ соборамъ и молился съ ними.

Молоденькую Ксенію должна была ожидать, повидимому, самая блестящая жизнь. Объ этомъ счастьѣ молилась вся Русская земля, успокоившаяся подъ державою отца Ксеніи отъ всѣхъ ужасовъ царствованія Грознаго.

За заздравными чашами Русская земля должна была помнить Ксенію и ея брата, и желать имъ счастья и долгоденствія „безъ урыву".

Вотъ эта замѣчательная форма „здравицы" времени Годунова: провозглашая тостъ за здравіе царя Бориса и его семьи, всякій пьющій „чару-здравицу", долженъ былъ громко молиться, чтобъ онъ, Борисъ, единый подсолнечный христіанскій царь и его царица и ихъ царскія дѣти на многія лѣта здоровы были и счастливы, недругамъ своимъ страшны; чтобъ всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы отъ моря до моря и отъ рѣкъ до концовъ вселенной, къ его чести и повышенію и преславнымъ къ прибавленію; чтобъ великіе государи его царскому величеству послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали; чтобъ его прекрасноцвѣтущія младоумножаемыя вѣтви царскаго изращенія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемые вѣки, безъ урыву".

Къ сожалѣнію, этимъ „прекрасноцвѣтущимъ, младоумножаемымъ вѣтвямъ царскаго изращенія" скоро послѣдовалъ страшный „урывъ", какъ мы уже

отчасти и видѣли выше, говоря о томъ, какъ погибъ самъ Годуновъ, его жена Марія съ молодымъ сыномъ-царемъ, Ѳедоромъ, и его сестра Ирина.

Но нѣсколько лѣтъ Ксеніи удалось быть счастливой, и она надѣялась быть еще болѣе счастливою.

Ксенія вмѣстѣ съ братомъ, какъ дѣти такого умнаго отца, какимъ былъ Годуновъ, получили прекрасное, рѣдкое по тому времени образованіе: отъ молодого Ѳедора остались нарисованныя имъ ландкарты. Сама Ксенія была „писанію книжному искусна“, отличалась краснорѣчіемъ, любила пѣніе: „гласи воспѣваемыя любляше“, какъ выражается тогдашній хронографъ, а современникъ, англійскій бакалавръ Ричардъ Джемсъ, записалъ тогда же пѣсни, особенно любимыя Ксеніею, и ей приписываемыя, о которыхъ мы и скажемъ ниже.

Ксенія, кромѣ того, была красавица. О наружности вообще и красотѣ Ксеніи, о всѣхъ ея прекрасныхъ качествахъ сохранилось такое свидѣтельство хронографа:

„Царевна Ксенія, дочь царя Бориса, была дѣвица замѣчательнаго разума и красоты необыкновенной, бѣла и румяна лицомъ, съ большими черными глазами, блиставшими свѣтомъ, особенно когда въ жалости обливались они слезами; брови имѣла союзныя; тѣломъ полна, и будто облита молочною бѣлизною; возрастомъ была ни высока, ни низка; косы имѣла чорныя, большія, какъ трубы лежали онѣ по плечамъ (это то, что въ народныхъ пѣсняхъ—„косы трубчатыя“); воистину во всѣхъ женахъ была благочиннѣйшая, и писанію книжному искусна; отличалась благорѣчіемъ, и во всѣхъ дѣлахъ была совершенна“.

Естественно, что Годуновъ рано задумалъ о прінсканіи хорошихъ жениховъ для своей Ксеніи, чтобы замужествомъ дочери укрѣпить свою фамилію родствомъ съ знатнѣйшими царственными домами Европы. Вообще жениховъ у Ксеніи было много, но она осталась безъ мужа, въ дѣвушкахъ до гроба.

Еще при жизни царя Ѳедора Ивановича Годуновъ началъ думать о женихахъ для Ксеніи, и вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ сыномъ шведскаго короля Эриха XIV-го, принцемъ Густавомъ, изгнаннымъ изъ родной земли и проживавшимъ въ Италіи: Борисъ хотѣлъ выдать за него Ксенію съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать своего зятя вассальнымъ отъ Москвы королемъ Ливоніи, подобно тому, какъ царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ сдѣлать вассальнымъ отъ Москвы королемъ Ливоніи Магнуса, выдавъ за него свою племянницу, княжну Марью Владиміровну старицкую. Какъ будущему мужу Ксеніи, принцу Густаву уже дали въ Русской землѣ особый удѣлъ—Калугу и три другіе города. Но Густавъ, какъ говорятъ, не захотѣлъ отказаться отъ протестантства и отъ женщины, которую онъ уже любилъ. За это у него отняли Калугу съ тремя другими городами, назначенными ему въ удѣльное владѣніе, и дали одинъ только Угличъ.

Тогда Годуновъ обратился за женихомъ въ Данію. У короля Христіана

былъ братъ, принцъ Іоаннъ, и юноша этотъ согласился сдѣлаться русскимъ удѣльнымъ княземъ, женившись на Ксеніи.

Къ сожалѣнію, этотъ симпатичный юноша, повидимому, оставившій такое отрадное по себѣ воспоминаніе въ русскихъ людяхъ, знавшихъ его, рано погибъ на чужбинѣ.

Въ высшей степени интересенъ въѣздъ въ Россію этого второго жениха Ксеніи.

Въ августѣ 1602 года принцъ Іоаннъ былъ встрѣченъ въ устьѣ Наровы бояриномъ Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ и дьякомъ Власьевымъ. Въ Ивань-городѣ, датскіе послы, сопровождавшіе принца, говорили Салтыкову:

— Когда королевичъ поѣдетъ изъ Ивань-города, будетъ въ Новѣгородѣ и другихъ городахъ, и станутъ королевича встрѣчать въ дорогѣ боярскія дѣти и княжата, то королевичу какую имъ честь оказывать?

— Въ томъ королевичева воля, — отвѣчалъ Салтыковъ: — онъ великаго государя сынъ, какъ кого захочетъ пожаловать по своему государскому чину.

Но между тѣмъ Салтыковъ писалъ царю, отцу Ксеніи: „Когда мы приходимъ къ королевичу челомъ ударить, то онъ, государь, насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ, противъ насъ встаетъ и витается (руку даетъ), шляпку снявъ; мы холопи ваши государскіе того не достойны, и потому говорили посламъ датскимъ, чтобъ королевичъ обращался съ нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы намъ отвѣчали: королевичъ еще молодъ, а они московскихъ обычаевъ не знаютъ: какъ, дастъ Богъ, королевичъ будетъ на Москвѣ, то, узнавъ московскіе обычаи, станетъ по нимъ поступать".

Любопытно каждодневное описаніе Салтыковымъ одежды жениха Ксеніи: „Платьице на немъ былъ атласъ алъ, дѣлано съ канителью по-нѣмецки; шляпка пуховая, на ней кружевца, дѣлано золото да серебро съ канителью; чулочки шелкъ алъ; башмаки сафьянъ синь".

Въ Новгородѣ женихъ Ксеніи ѣздилъ тѣшиться рѣкою Волховомъ вверхъ и иными рѣчками до Юрьева монастыря, а ѣдучи тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ; натѣшившись, пріѣхалъ въ городъ поздно и сталъ очень веселъ. За столомъ у королевича играли по музыкѣ, въ цимбалы и по литаврамъ били, играли въ сурны.

Еще Салтыковъ писалъ Борису: „Датскіе послы говорятъ королевичу, чтобъ онъ русскіе обычаи перенималъ не вдругъ. Послы и ближніе люди королевича на то наговаривали, чтобъ отъ вашего царскаго жалованья, платьица что-нибудь къ брату своему послалъ, и королевичъ говорилъ, что ваше царское жалованье, платьице, къ нему первое, что онъ принялъ его съ покорностью, съ радостнымъ сердцемъ, и послать ему вашего царскаго жалованья перваго не годится".

Затѣмъ женихъ Ксеніи имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, ласково былъ принятъ Годуновымъ и его сыномъ. Но ни царицы Марьи Григорьевны,

ни невѣсты своей Ксеніи, онъ, по обычаю того времени, еще не долженъ былъ видѣть.

Женихъ остался въ Москвѣ. Черезъ нѣсколько времени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Годуновъ поѣхалъ къ Троицѣ, а уже на возвратномъ пути оттуда узналъ, что женихъ Ксеніи опасно заболѣлъ: у принца сдѣлалась горячка, и несчастный юноша умеръ 28 октября на 20 году жизни, проживъ въ Россіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Борисъ, говорятъ, сильно горевалъ, а Ксенія была въ глубокомъ отчаяньи: вѣроятно, она успѣла полюбить молодого человѣка; въ народѣ же прошла молва, что Борисъ Годуновъ, будто-бы, самъ отравилъ Іоанна, боясь, что принца полюбили бы больше его сына, Ѳедора, и датскій принцъ сѣлъ бы на московскій престолъ помимо прямого наслѣдника Бориса.

Это, конечно, мутили уже въ народѣ враги Годунова, и пустили эту молву.

Вообще враги и завистники Годунова много чернили не только отца Ксеніи, но не пощадили и имени этой несчастной дѣвушки, которой выдалась такая горькая жизнь, тогда какъ жизнь эта могла бы быть полна радостей и счастья, что и сулила ей молодость.

Изъ челобитной князя Бориса Михайловича Лыкова, поданной уже царю Василію Шуйскому на Пожарскаго, видимъ:

„Прежде при царѣ Борисѣ, онъ, князь Димитрій Пожарскій, доводилъ на меня ему, царю Борису, многіе затѣйные доводы, будто бы я, сходясь съ Голицыными, да съ княземъ Татевымъ, про него, царя Бориса, разсуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Димитрія, княгиня Марья, въ то же время доводила царицѣ Марьѣ на мою мать, будто моя мать, съѣзжаясь съ женою князя Василія Ѳедоровича Скопина-Шуйскаго, разсуждаетъ про нее, царицу Марью, и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затѣйные доводы царь Борисъ и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнѣвъ держать безъ сыску“.

„Злыя слова“—это, конечно, общественныя сплетни того времени, въ которыхъ замѣшано было и имя дѣвушки—Ксеніи.

Какъ бы то ни было, но Ксенія теряла уже второго жениха. Но еще раньше этого времени отецъ ея искалъ невѣстъ для сына и жениха для Ксеніи въ разныхъ государствахъ: и въ Австріи, и въ Англіи, и даже у грузинскихъ царей.

Черезъ два года послѣ смерти въ Москвѣ датскаго принца, жениха Ксеніи, Борисъ затѣялъ было новое сватовство—съ однимъ герцогомъ Шлезвига; но это сватовство было прервано: явился невѣдомый проходимецъ, чтобъ отнять у Бориса корону—и все пропало для Ксеніи.

Невѣдомый проходимецъ сталъ царевичемъ Димитріемъ. Отецъ Ксеніи умираетъ какою-то ужасною смертью: говорятъ, онъ самъ себя отравилъ. Затѣмъ еще болѣе ужасною смертью погибаютъ мать Ксеніи и братъ: ихъ удавили приверженцы таинственнаго Димитрія. Ксенія остается круглой сиротой.

Этотъ таинственный Димитрій въ Москвѣ. Каковы были его отношенія

къ Ксеніи, которая, по его царственнымъ претензіямъ, должна была приходиться племянницею этому проходимцу, какъ племянница царя Θедора Ивановича по его женѣ, сестрѣ Годунова—это остается тайной. Народъ считалъ Ксенію жертвою сластолюбія „Гришки-Разстриги“, потому что онъ засталъ въ Москвѣ дѣвушку уже одну, круглой сиротой, и въ качествѣ дяди долженъ былъ ей покровительствовать, а въ качествѣ разнузданнаго властелина, какимъ онъ отчасти и былъ въ самомъ дѣлѣ, могъ дѣлать съ своею беззащитною жертвою, что угодно.

По крайней мѣрѣ до Польши дошли слухи, что невѣдомый Димитрій, уже сосватавшій себѣ въ невѣсты дочь Юрія Мнишка, Марину, въ Москвѣ воспользовался беззащитностью Ксеніи: говорятъ, что онъ дѣйствительно полюбилъ ее, что, конечно, едва ли могло быть невѣроятнымъ, хотя это обстоятельство, намъ кажется, не должно бросать никакой грязной тѣни на нравственную чистоту Ксеніи.

Какъ бы то ни было, но слухи эти ходили не только по Москвѣ, но достигли, въ самую глубь Польши, до слуха Мнишка и Марины. Марина начала ревновать своего жениха къ Ксеніи. Мнишекъ, не отпуская на Москву своей дочери, несмотря на всѣ просьбы и требованія Димитрія, писалъ ему: „Есть у вашей царской милости непріятели, которые распространяютъ о поведеніи вашемъ молву; хотя у болѣе разсудительныхъ людей эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога, прошу ваше величество остерегаться всякихъ поводовъ, и такъ какъ дѣвица Ксенія, дочь Бориса, живетъ вблизи васъ, то, по моему и благоразумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее отстранить отъ себя и отослать подалѣе“.

Несчастную сиротку, дѣйствительно, отстранили и отослали далеко: ее постригли въ монахини подъ именемъ Ольги и сослали въ монастырь на Бѣлоозеро.

Вотъ объ этой-то порѣ жизни дѣвушки сохранились пѣсни, которыя пѣла Ксенія о себѣ самой и которыя, вѣроятно, пѣли и другія дѣвушки того времени, такъ какъ пѣсни эти уже обращались тогда въ народѣ. Въ высшей степени важно то, что пѣсни эти пѣлись тогдашнимъ русскимъ народомъ еще при жизни Ксеніи, потому что записаны были въ Россіи англичаниномъ, баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ въ 1619-мъ году, а Ксенія умерла въ 1622-мъ году, черезъ три года по отъѣздѣ Ричарда Джемса изъ Москвы.

Въ этихъ пѣсняхъ Ксенія оплакиваетъ свои и всего своего семейства несчастія, боится, то „Гришки-растриги“, который ѣдетъ къ Москвѣ, „хочетъ ее полонить“,а полонивши постричь, а ей молодой дѣвушкѣ, въ монастырь идти боязно, не хочется—„чернеческаго чину ей не сдержати“, захочется ей отворить „темныя кельи“, „посмотрѣть на добрыхъ молодцевъ“. Плачется она о своихъ царскихъ теремахъ, о милыхъ переходахъ“. Плачется о томъ, кому достанутся ихъ высокіе хоромы, „браные убрусы“, „золотыя ширинки“, „яхонтовыя сережки“—не для чего уже будетъ надѣвать на

себя эти украшенія, а нужно будетъ идти въ темныя кельи—„благословиться у игуменьи“.

Но лучше мы приведемъ, съ математической точностью, какъ они тогда записаны были для Джемса,—эти полныя милой наивности пѣсни, отдающія такой прелестью простоты и безыскусственности:

Сплачется мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
Охте мнѣ молоды горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои милыя дѣти побити,
Меня пелепелку поимати.
Сплачетца на Москвѣ царевна:
Охте мнѣ молоды горевати!
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ ростригa,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
Ино мнѣ постритчися нехочетъ,
Чернеческаго чину не здержати,
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молотцовъ посмотрити.
Ино, охъ милыи наши переходы,
А кому будетъ по васъ да ходити
Послѣ царскаго нашего житья,
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милыи наши теремы,
А кому будетъ въ васъ да сѣдети.
Послѣ царьского нашего житья
И послѣ Бориса Годунова?

* * *

А сплачетца на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
Ино, Боже, Спасъ милосердой,
За что наше царство загибло—
За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?
А свѣты бы наши высокіе хоромы,
Кому вами будетъ владѣти
Послѣ нашего царьскаго житья?
А свѣты браныи убрусы,
Береза ли вами крутити?
А свѣты золоты ширинки,
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣтъ яхонты серешки,
На сучье ли васъ задѣвати
Послѣ царьскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А свѣта Бориса Годунова?
А что ѣдетъ къ Москвѣ ростригa,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ царевну поимати,

А на Устюжну на Желѣзную отослати,
Меня хочетъ царевну постритчи,
А въ рѣшотчатой садъ засадити.
Ино охте мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступати,
У игуменьи благословитца.

Дѣйствительно, „разстрига" отослалъ Ксенію-царевну только не на Устюжну, а на Бѣлоозеро, и она должна была въ темной кельѣ затвориться на-вѣки.

Впрочемъ, Ксенія не надолго появляется изъ темной кельи въ 1606 году, когда заточившій ее въ монастырь „разстрига" самъ погибъ страшною смертью, и пепломъ отъ его сожженнаго тѣла выстрѣлили по направленію къ западу, къ Путивлю, къ Польшѣ—откуда онъ самъ пришелъ.

На Шуйскаго и на его царскія рати напираютъ полчища Болотникова, и силы Шуйскаго изнемогаютъ. Перваго самозванца уже не существовало, второй еще не являлся; но говорятъ, что онъ есть, что онъ живъ. На Шуйскаго идетъ тѣнь болѣе страшная чѣмъ та, отъ которой Русская земля на время было отдѣлалась. И вотъ онъ ищетъ помощи, хватается тоже за тѣни, за мертвыхъ—за Годуновыхъ: онъ велитъ вырыть ихъ гробы, и съ бѣднаго кладбища Варсанофіевскаго монастыря переноситъ ихъ съ царскимъ великолѣпіемъ въ Троицкій монастырь: для этого вызывается изъ монастыря своего, съ Бѣлаозера, и Ксенія, теперь ужъ инокиня Ольга. Она должна была провожать гробы отца, матери, брата. Слѣдуя за гробами, Ксенія, говорятъ, „по обычаю, громко вопила о своихъ несчастіяхъ". Мы думаемъ, впрочемъ, что еслибъ даже это громкое плаканье не было въ обычаѣ, то естественно было одинокой дѣвушкѣ громко плакать объ отцѣ, о матери и братѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о всей своей горькой жизни, приведшей ее отъ трона въ бѣдную монашескую келью.

Послѣ этого мы видимъ Ксенію уже въ Троицкомъ монастырѣ: значитъ, и ее перевели въ высшее мѣсто, поближе къ гробамъ отца и матери. Отсюда Ксенія пишетъ къ своей теткѣ, и уже сама называетъ себя „старицею": „въ своихъ бѣдахъ чуть жива, совсѣмъ больна вмѣстѣ съ другими старицами, и впередъ ни одна изъ нихъ себѣ жизни не чаетъ, съ часу на часъ ожидаютъ смерти, потому что у нихъ въ осадѣ шатость и измѣна великая".

Монастырь осажденъ поляками и толпами Тушинскаго вора съ Заруцкимъ—и вотъ Дѣвичій монастырь взятъ, и воры „черницъ: королеву Мареу, дочь князя Владиміра Андреевича, и Ольгу (Ксенію), дочь царя Бориса, на которыхъ прежде и взглянуть не смѣли, ограбили до-нага, а другихъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на б.... брали".

Это разоряли монастырь приверженцы такой же развѣнчанной женщины, какъ и Ксенія—Маріи Мнишекъ, нѣкогда ревновавшей къ Ксеніи своего Димитрія.

Наконецъ, подъ 1622 годомъ встрѣчаемъ послѣднее извѣстіе о Ксеніи: она умерла.

Въ царской грамотѣ суздальскому архіепископу Арсенію читаемъ:

„Вѣдомо намъ учинилося, его, царя Бориса Ѳедоровича, дочери, царевны старицы Ольги не стало; по обѣщанію-де своему, отходя сего свѣта, приказала намъ бити челомъ, чтобы намъ пожаловати, тѣло ея велѣти погрести у Живоначальныя Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, съ отцомъ ее и съ матерью вмѣстѣ“.

А въ 1637 году датскій король Христіанъ IV прислалъ гонца Гольмера съ грамотою — за костями жениха Ксеніи, несчастнаго принца Іоанна, умершаго въ Россіи. Кости жениха Ксеніи покоились въ русской землѣ 35 лѣтъ.

IV.

Марина Мнишекъ.

Подобно Софьѣ Палеологъ, Софьѣ Витовтовнѣ, Еленѣ Глинской и нѣкоторымъ другимъ историческимъ женщинамъ, вошедшимъ въ наши очерки, Марина Мнишекъ, по своему происхожденію, не принадлежитъ Русской землѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Однако, по своей жизни и дѣятельности, потому что имя этой женщины связано было со всѣми крупными, такъ сказать руководящими, событіями Смутнаго времени, и, наконецъ, по той печальной популярности, которою пользуется имя этой женщины, какъ „Маришки безбожницы“, въ русскомъ народѣ,—Марина Мнишекъ всецѣло должна принадлежать русской исторіи и русскому народу, и потому въ ряду историческихъ женскихъ личностей Русской земли должна занимать одно изъ самыхъ видныхъ, хотя не почетныхъ мѣстъ.

Но мы будемъ говорить о ней по возможности кратко и сжато, не вдаваясь въ излишнія подробности и передавая только самые существенные факты, исключительно группирующіеся около Марины, а не относящіеся до всего цикла Смутнаго времени, потому что въ противномъ случаѣ разсказъ нашъ о Маринѣ Мнишекъ вышелъ бы изъ рамокъ нашихъ краткихъ очерковъ.

Марина или Маріанна родилась въ богатомъ и знатномъ польскомъ семействѣ. Отецъ ея былъ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, прославившійся на своей родинѣ тѣмъ, что никто лучше его не умѣлъ потворствовать преобладающимъ наклонностямъ короля, отличавшагося большою слабостью къ прекрасному полу. Вообще отецъ Марины былъ изъ числа людей, для которыхъ всѣ средства позволительны.

Младшая сестра Марины, Урсула, была замужемъ за княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, братомъ знаменитаго князя Адама Вишневецкаго.

Этотъ Вишневецкій привезъ съ собою однажды въ Самборъ, гдѣ жили Мнишки, какого-то неизвѣстнаго проходимца, невѣдомо откуда явившагося, который сначала былъ у него слугою, а потомъ сказался московскимъ царевичемъ.

Средняго или почти низкаго роста, хорошо сложенъ, лицо круглое, непріятное, волосы рыжеватые, глаза темноголубые, задумчиво-грустенъ,

даже мраченъ, неловокъ—вотъ наружность проходимца, котораго увидала Марина и узнала, что это московскій царевичъ, спасшійся отъ убійцъ чудеснымъ образомъ.

Красота Марины, ловкость, умъ, необычайная сила воли, доказанная потомъ всею тяжелою жизнью этой дѣвушки—вотъ что поразило молодого, страстнаго проходимца въ томъ энергическомъ существѣ, которое онъ встрѣтилъ въ Самборѣ.

Въ невѣдомомъ проходимцѣ Марина увидала свою судьбу, — и овладѣла его волей.

Проходимецъ представленъ былъ королю въ Краковѣ—и король призналъ въ немъ московскаго царевича, потому что ему выгодно было признать его такимъ, и назначилъ ему приличное содержаніе.

Возвратившись съ Мнишкомъ въ Самборъ, признанный царевичъ, очарованный Мариною, предложилъ паннѣ руку и московскій престолъ, который считалъ своимъ достояніемъ.

Названный Димитрій, говорятъ, долго не осмѣливался рѣшиться на это. Онъ былъ робокъ, неловокъ съ Мариною.

Объясненіе произошло въ саду.

— Панна! моя звѣзда привела меня къ вамъ,—сказалъ Димитрій:— отъ васъ зависитъ сдѣлать ее счастливою.

— Ваша звѣзда слишкомъ высока для такой дѣвушки, какъ я, — отвѣчала Марина.

Димитрій цѣлуетъ ея руку.

— Моя рука, — сказала Марина, отнимая руку: — слаба для вашего дѣла. Вамъ нужны руки, владѣющія оружіемъ, а моя можетъ только возноситься къ небу вмѣстѣ съ молитвами о вашемъ счастьи.

Димитрій скоро занемогъ. Марина показала къ нему участіе.

— Поправляйтесь,—говорила она: — станьте на челѣ войска, побѣдите вашихъ враговъ, тогда подумаете, какъ побѣдить мое сердце: только славными подвигами и доблестями вы меня завоюете!

Если всего этого и не было, то было что-нибудь въ этомъ родѣ, потому что иначе и не могла дѣйствовать Марина, какою она проявлялась въ продолженіе всей своей тревожной жизни. Она овладѣла Димитріемъ всецѣло, она держала его въ нравственной неволѣ даже тогда, когда онъ сидѣлъ уже на московскомъ престолѣ, а она, его невѣста, оставалась еще въ Самборѣ, у отца. Съ московскаго престола Димитрій не забывалъ о Маринѣ Мнишекъ, когда ему предлагали уже въ жены сестру короля польскаго.

Мнишекъ, давъ согласіе на бракъ дочери съ Димитріемъ, отложилъ совершеніе самаго брака до той поры, когда женихъ утвердится на престолѣ.

Но ловкій воевода поспѣшилъ обезпечить участь Марины въ будущемъ, 25 мая 1604 года названный Димитрій далъ запись Мнишку:

Тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать отцу Марины 1.000.000 польскихъ злотыхъ для подъема въ Москву и уплаты долговъ, а Маринѣ прислать брилліанты и столовое серебро изъ царской казны.

Отдать Маринѣ Великій-Новгородъ и Псковъ со всѣми жителями, мѣстами, доходами, въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; города эти остаются за Мариною, хотя бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и вольна она въ нихъ судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать ихъ, строить католическіе церкви и монастыри, въ которыхъ основывать школы латинскія; при дворѣ своемъ Марина вольна держать латинскихъ духовныхъ и безпрепятственно отправлять свое богослуженіе, потому что онъ, Димитрій, соединился уже съ римской церковью и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому соединенію. Въ случаѣ, если дѣло пойдетъ несчастно и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіе года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе, или, если захочетъ, то ждать еще годъ.

12-го іюня Димитрія заставили дать другую запись:

Уступить Мнишку княжества Смоленское и Сѣверское въ потомственное владѣніе, а какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ сѣверскихъ отойдутъ къ королю, по обязательству Димитрія, то Мнишекъ получитъ еще изъ близлежащихъ областей столько городовъ и земель, чтобы доходы съ нихъ равнялись доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю.

Димитрій на престолѣ. Но Марины еще нѣтъ съ нимъ. Ея не выпускаютъ изъ Польши, требуютъ отъ московскаго царя огромныхъ уступокъ въ пользу католичества.

Царь московскій отправляетъ къ Сигизмунду посломъ Аѳанасія Власьева, уже извѣстнаго намъ по встрѣчѣ имъ съ бояриномъ Салтыковымъ жениха Ксеніи Годуновой, несчастнаго датскаго принца Іоанна. Власьеву поручено просить короля и Мнишка отпустить Марину. Димитрій послалъ и секретаря своего, Бучинскаго, которому поручилъ, чтобъ онъ выпросилъ у папскаго легата позволеніе Маринѣ причаститься у обѣдни изъ рукъ патріарха, а иначе она не будетъ считаться коронованную, чтобъ позволили ей ходить въ греческую церковь, а втайнѣ оставаться католичкою, чтобъ въ субботу она ѣла мясо, а въ среду постилась и голову убирала бы по-русски.

Сигизмундъ сказалъ Власьеву, что государь московскій можетъ вступить въ бракъ болѣе сообразно съ его величіемъ и что онъ поможетъ ему въ этомъ дѣлѣ.

У Марины являются уже сильныя соперницы.

Но Власьевъ сказалъ королю, что царь не измѣнитъ никогда своему обѣщанію.

Сигизмундъ хотѣлъ женить Димитрія на своей сестрѣ или на княжнѣ трансильванской — вотъ какія соперницы явились у Марины!

Но къ Сигизмунду пріѣхалъ какой-то шведъ изъ Москвы, отъ царицы-старицы Мареы, матери Димитрія углицкаго, съ тайными вѣстями, что сидящій на московскомъ престолѣ — не ея сынъ. Сигизмундъ сказалъ объ этомъ Мнишку. Тотъ замедлилъ отпускъ Марины въ Москву.

Но при всемъ томъ, 12 ноября происходило уже обрученіе Марины въ Краковѣ съ посломъ Власьевымъ, изображавшимъ лицо жениха-царя. Об-

рученіе было пышно, торжественно, въ присутствіи короля, кардинала и сановниковъ.

Марина была въ бѣломъ алтабасовомъ платьѣ, унизанномъ жемчугами и драгоцѣнными камнями; на головѣ у нея блестѣла безцѣнная корона, а отъ короны по распущеннымъ волосамъ скатывались нити жемчуга, перемѣшаннаго съ бриллiантами.

Говорились рѣчи посломъ Власьевымъ, канцлеромъ Сапѣгою, кардиналомъ. Запѣли „Veni, Creator“—и началось обрученіе.

Власьевъ, говорятъ, смѣшилъ всѣхъ нѣкоторыми странными выходками. Кардиналъ спрашивалъ: не давалъ ли царь обѣщаній другой женщинѣ?

— А мнѣ какъ знать? О томъ мнѣ ничего не наказано!—отвѣчалъ будто бы Власьевъ.

Но отъ него потребовали рѣшительнаго отвѣта. Тогда Власьевъ отвѣчалъ:

— Коли бъ обѣщалъ другой невѣстѣ, то и не послалъ бы меня сюда.

Затѣмъ кардиналъ велѣлъ послу говорить за собою, по формѣ, клятвенное обѣщаніе на латинскомъ языкѣ. Поляки удивились, что Власьевъ произноситъ правильно—онъ зналъ по-латыни. Далѣе онъ остановился и сказалъ:

— Паннѣ Маринѣ говорить имѣю я, а не ваша милость.

И онъ сказалъ ей обѣтъ отъ имени царя, Марина царю—отъ себя.

Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы, Власьевъ никакъ не рѣшился взять Марину просто за руку, но непремѣнно хотѣлъ прежде обернуть свою руку въ чистый платокъ, и всячески остерегался, чтобы платье его никакъ не прикасалось къ платью сидѣвшей подлѣ него Марины. Когда за столомъ король уговаривалъ его ѣсть, то онъ отвѣчалъ, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, что съ него довольно чести смотрѣть, какъ они кушаютъ. Марина тоже ничего не ѣла за обѣдомъ. Зато Власьевъ пилъ за здоровье обрученныхъ. Ясно послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ онъ долженъ былъ смотрѣть, когда Марина стала на колѣни передъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости: посолъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы московской.

Благодаря короля, Марина плакала. Она не знала, что придется ей заплакать и не такими слезами.

Власьевъ требовалъ немедленнаго выѣзда невѣсты. Но Мнишекъ жаловался на недостатокъ денегъ, хотя Димитрій прислалъ ему большія суммы и просилъ не жалѣть издержекъ.

Но у Мнишка и Марины были свои причины медлить. Мнишекъ писалъ Димитрію о какихъ-то недоброхотахъ, о сплетняхъ. Можетъ быть, то, о чемъ онъ писалъ Димитрію, дѣйствительно были сплетни, но онѣ стали историческимъ достояніемъ.

„Есть у вашей царской милости непріятели, писалъ отецъ Марины, которые распространяютъ о поведеніи вашемъ молву. Хотя у болѣе разсудительныхъ людей эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога,

прошу ваше величество остерегаться всякихъ поводовъ, и такъ какъ дѣвица Ксенія, дочь Бориса, живетъ вблизи васъ, то, по моему и благоразумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее устранить отъ себя и отослать подалѣе".

Говорили о томъ, будто Дмитрій полюбилъ Ксенію. И вотъ у Марины новая соперница. Но Димитрій тотчасъ постригъ несчастную дѣвушку въ монахини подъ именемъ Ольги и сослалъ на Бѣлоозеро въ монастырь, о чемъ мы уже и говорили выше. Вообще отношенія Димитрія къ Ксеніи остаются неразгаданною тайною.

Димитрій часто пишетъ къ невѣстѣ; но Марина не отвѣчаетъ на его письма, сердясь за Ксенію, ревнуя его къ русской красавицѣ, уже накрывшей свои „трубчатыя косы" чернымъ клобукомъ.

Власьевъ, не дождавшись царской невѣсты, уѣхалъ въ Слонимъ и тамъ ждалъ ея пріѣзда вмѣстѣ съ другими царскими послами.

„Сердцемъ и душою скорблю, писалъ онъ Мнишку, и плачу о томъ, что все дѣлается не такъ, какъ договорились со мною и какъ, по этому договору, къ царскому величеству писано: великому государю нашему въ томъ великая кручина, и думаю, что на меня за это опалу свою положить и казнить велитъ. А по цесарскаго величества указу, на рубежѣ для великой государыни нашей цесаревны и для васъ присланы ближніе бояре и дворяне и многій дворъ цесарскій, и, живя со многими людьми и лошадьми на границѣ, проѣдаются".

Димитрій льстилъ даже Сигизмунду, чтобъ скорѣй выманить Марину:

„Мы хотимъ отправить нашихъ великихъ пословъ на большой сеймъ (писалъ онъ); но теперь отсрочили это посольство, потому что прежде хотимъ поговорить о вѣчномъ мирѣ съ вельможнымъ паномъ Юріемъ Мнишкомъ".

Даже пришедшихъ съ нимъ поляковъ Димитрій задержалъ въ Москвѣ, боясь, что не выпустятъ Марину. Бучинскому онъ велѣлъ на все соглашаться, лишь бы панну выпустили изъ Польши.

Но католики боялись, чтобъ Дмитрій не бросилъ Марину,—и вотъ тайные агенты ихъ и письма полетѣли во всѣ мѣста.

Папа Климентъ VIII и Павелъ V писали ко всѣмъ: къ Димитрію, къ Маринѣ, къ легатамъ.

„Мы не сомнѣваемся, писалъ папа Димитрію, что, такъ какъ ты хочешь имѣть сыновей отъ этой превосходнѣйшей женщины, рожденной и свято-воспитанной въ благочестивомъ католическомъ домѣ, то хочешь также привести въ лоно римской церкви и народъ московскій... Вѣрь, что ты предназначенъ отъ Бога къ совершенію этого спасительнаго дѣла, причемъ большимъ вспоможеніемъ будетъ для тебя твой благороднѣйшій бракъ".

Папа такъ торопился, что приказалъ патеру Савицкому обвѣнчать Марину тайно въ великій постъ.

Всѣ надежды католичества и Польши покоились такимъ образомъ на Маринѣ.

Въ другомъ письмѣ папа писалъ самой Маринѣ:

„Въ [illegible] благословеніями, какъ новую лозу, посаженную въ [illegible]; да будешь дщерь, Богомъ благословенная, [illegible] сыны благословенные, каковыхъ надѣется, каковыхъ [illegible] матерь, наша церковь, каковыхъ обѣщаетъ благо[illegible]“.

Папа вручаетъ Маринѣ весь орденъ іезуитовъ.

Димитрій упрекаетъ Мнишка за его молчаніе, за молчаніе невѣсты, за [illegible] въ Польшѣ.

Черезъ мѣсяцъ Власьевъ самъ поскакалъ въ Самборъ. Наконецъ, Марина, въ сопровожденіи огромной свиты родныхъ и знакомыхъ, выѣхала изъ Самбора въ московское царство, чтобъ тамъ быть царицей всего во[illegible] и потомъ погибнуть, не видавши болѣе своей родины.

Только 3-го мая 1606 года Марина съ большой пышностью въѣхала въ Москву.

Для того, чтобы вполнѣ понять, что должна была пережить и перечувствовать молоденькая дѣвушка, изъ простыхъ шляхтянокъ поднявшаяся до трона и потомъ потерявшая мужа, когда еще не кончилось брачное торжество, утратившая корону, упавшая до нищеты, до всякихъ униженій и оскорбленій, до положенія бѣглянки, скитающейся гдѣ-то на Яикѣ съ однимъ оставшимся ей вѣрнымъ казакомъ Заруцкимъ — какой громадный запасъ воли должна была имѣть женщина, вынесшая все, что вынесла Марина. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь описаніе самыхъ торжественныхъ минутъ въ жизни Марины—въѣздъ въ Москву, коронованье и вѣнчанье, чтобы потомъ видѣть весь контрастъ между положеніемъ ея отъ 6 до 15 мая, до дня страшной катастрофы въ ея жизни, и между положеніемъ ея въ станѣ „Тушинскаго вора“, въ Калугѣ, наконецъ, на Дону, на Волгѣ, въ Астрахани, на Яикѣ и — опять въ Москвѣ, въ тюрьмѣ.

Когда Марина въѣзжала въ Москву, то по обѣимъ сторонамъ дороги стояли рядами стрѣльцы въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ съ бѣлыми перевязями на груди и держали длинныя ружья съ красными ложами; далѣе стояли въ два ряда конные стрѣльцы и дѣти боярскія; на одной сторонѣ были съ луками и стрѣлами, на другой съ ружьями, привѣшанными къ сѣдламъ; они также были одѣты въ красные кафтаны. Потомъ стояли двѣсти польскихъ гусаръ, подъ начальствомъ Домарацкаго, на коняхъ съ пиками, у которыхъ древки были раскрашены красною краскою, а близъ острія были привязаны бѣлые знаки. Поѣздъ долженъ былъ ѣхать между рядами этихъ воиновъ. Поляки били въ литавры и играли на духовыхъ военныхъ инструментахъ. Вступивши въ Москву, поѣздъ слѣдовалъ черезъ Земляной городъ, потомъ въѣхалъ Никитскими воротами въ Бѣлый, оттуда въ Китай-городъ, на Лобное мѣсто и, наконецъ, въ Кремль.

Впереди всѣхъ ѣхали тѣ дворяне и боярскія дѣти, которые высылаемы были на границу для встрѣчи Марины. Потомъ шли пѣшіе польскіе гайдуки, или стрѣлки, числомъ триста; за плечами у нихъ были ружья, а при бокѣ сабли—„карабели“. Они были одѣты въ голубые жупаны съ сереб-

рявыми нашивками и съ бѣлыми перьями на шапкахъ—„магиркахъ"—народъ все рослый, на-подборъ. Гайдуки играли на трубахъ и били въ барабаны. За ними ѣхали двѣсти польскихъ гусаръ, по десяти человѣкъ въ рядъ, на статныхъ венгерскихъ коняхъ, съ крыльями за плечами, съ позолоченными щитами, на которыхъ видиѣлись изображенія драконовъ, и съ поднятыми вверхъ копьями; на однихъ изъ этихъ копій были бѣлые, на другихъ красные значки. За ними вели двѣнадцать лошадей, посланныхъ женихомъ въ даръ Маринѣ. За ними слѣдовали паны, сопровождавшіе отца Марины: тутъ были князья Вишневецкіе, Тарлы, трое Стадницкихъ, Любомірскій, Нѣмоевскій, Лаврины и другіе, каждый съ своей асистенціей, и каждый хотѣлъ выказаться передъ многочисленною толпою своимъ нарядомъ, нарядомъ слугъ и убранствомъ коней. Сзади всѣхъ ихъ ѣхалъ верхомъ Мнишекъ въ малиновомъ жупанѣ, опушенномъ соболями, въ шапкѣ съ богатымъ перомъ; шпоры и стремена были золотыя съ бирюзою. За Мнишкомъ слѣдовалъ арапъ, одѣтый по-турецки.

Тутъ уже, за отцомъ, ѣхала дочь, Марина, въ каретѣ, запряженной десятью лошадьми—всѣ бѣлой масти съ черными яблоками. На козлахъ не было кучеровъ, но каждую лошадь велъ за узду особый конюхъ, и всѣ десять конюховъ одѣты были одинаково. Карета снаружи была окрашена красною краскою съ серебряными накладками, колеса ея были позолочены, а внутри она была обита краснымъ бархатомъ. Въ ней на подушкахъ, по краямъ унизанныхъ жемчугомъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, вся осыпанная каменьями и жемчугами, сидѣла Марина вдвоемъ со старостиной сохачевской.

Не будемъ говорить о каретахъ, слѣдовавшихъ за Мариною: то былъ ея дворъ, свита, слуги. Народъ валилъ толпами. Тутъ были персы, арабы, турки, грузины, татары, не говоря уже о тысячахъ московскаго люда. Въ толпѣ находился и царь, ожидавшій невѣсту и смотрѣвшій на ея поѣздъ, какъ частное лицо. Марина въѣхала въ Вознесенскій монастырь, гдѣ жила царица-старица Мареа:—это невѣста царя дѣлала первый визитъ его матери.

Черезъ пять дней, 8 мая, коронованіе и вѣнчаніе: слѣдованіе Марины съ царемъ въ торжественной процесіи въ Успенскій соборъ въ сопровожденіи рындовъ съ серебряными топорами на плечахъ; возведеніе Марины патріархомъ на тронъ, возложеніе на нее бармъ, діадемы и короны, а потомъ цѣпи Мономаха; помазаніе на царство, вѣнчаніе и, наконецъ, свадебное торжество, пиры, балы, танцы; все это должно было казаться волшебнымъ сномъ, пробужденіе отъ котораго послѣдовало такъ скоро—16 мая!

На одни дары Маринѣ Димитрій издержалъ въ эти дни до 4.000.000 рублей.

Когда брачный пиръ кончился и вечеромъ молодыхъ повели въ спальную комнату, у царя изъ перстня на пальцѣ выпалъ дорогой камень и его не могли отыскать... Пустое, но зловѣщее предзнаменованіе...

Такъ весело началось для Марины московское житье и московское царствованіе; но не долго пришлось ей царствовать, не долго веселилась она.

Глухое неудовольствіе уже крылось подъ спудомъ, въ народѣ. Искру

раздували тѣ, которымъ хотѣлось самимъ сѣсть на мѣстѣ проходимца и польки, сидѣвшихъ на столѣ Ярослава, Мономаха, Димитрія-Донского, Ивана Калиты, Ивана Грознаго.

Народъ уже провѣдалъ, что Марина тайная католичка. Шепталось и и громко говорилось, что вѣнчаніе и свадьба были 8 мая, подъ пятницу, подъ Николинъ день. Царь и царица ѣдятъ телятину, не вмѣстѣ ходятъ въ баню.

Кремль занятъ поляками—тамъ сидятъ близкіе и слуги Марины. Поляки ведутъ себя нагло. Начали поговаривать о „полькѣ поганой".

Ровно недѣлю царствовала эта полька! Вся жизнь—изъ-за восьми дней!..

Къ утру съ 16-го на 17-е мая все было покончено съ мужемъ Марины. Въ роковую минуту онъ спалъ около жены и, услыхавъ набатъ, вскочилъ съ постели, выбѣжалъ—и узналъ въ чемъ дѣло.

Когда Димитрій увидѣлъ, что заговорщики ворвались уже во дворецъ, онъ бросился къ покоямъ Марины, и черезъ окно могъ закричать ей: „сердце мое, здрада!" Самъ же выскочилъ изъ окна и разбился съ пятнадцатисаженной высоты. Тамъ его скоро докончили.

Заговорщики ворвались въ покои царицы, но тамъ ея уже не было: проснувшись отъ крика мужа, она успѣла спрятаться въ подвалѣ. Приближенные просили Марину выйти оттуда, и она, не будучи узнана толпою, снова пробралась наверхъ: на пути она была даже столкнута съ лѣстницы хлынувшею туда толпою—ея не узнали!

Марина спряталась въ своей комнатѣ. Въ тотъ моментъ у дверей показались заговорщики. Янъ Осмульскій, молоденькій пажъ Марины, долго сдерживалъ разъяренную толпу, но былъ убитъ, и черезъ его уже трупъ толпа хлынула въ царицынъ покой.

— Гдѣ царь и царица?—съ ругательствами кричала толпа, ввалившаяся въ ту самую комнату, гдѣ была Марина.

Маленькая и худенькая, она, говорятъ, спряталась подъ юпку своей „охмистрины", подобно той исторической собачкѣ, которая отъ страху спряталась подъ платье Маріи Стюартъ, когда ее казнили, и лизала кровь своей госпожи, капавшую съ эшафота.

— Гдѣ царь и царица? — кричали убійцы.

Имъ отвѣчали, что царя не видали, а царица ушла въ домъ къ отцу.

Грязныя сцены разыгрались тутъ въ царскихъ покояхъ, и Марина слышала все это, знала, что тутъ дѣлается, но не выдала себя до тѣхъ поръ, пока не пришли главные заговорщики—бояре, и не поставили стражу около бывшей своей царицы и ея придворныхъ дамъ.

И вотъ Марина опять у отца, только въ Москвѣ, а не въ Самборѣ.

Димитрія нѣтъ. Другой еще не явился. Въ Самборѣ мать Марины провозглашаетъ, что онъ живъ, и этотъ слухъ привезъ туда Молчановъ; онъ и распространяетъ его по Польшѣ и по Россіи.

Но вотъ Димитрій явился. Кто онъ такой—никто не знаетъ. Не знаетъ и Марина. Онъ уже въ Орлѣ. Къ нему идетъ князь Рожинскій съ 4,000 поляковъ. Рожинскій посылаетъ къ нему пословъ и требуетъ денегъ для войска.

У невѣдомаго новаго Димитрія нѣтъ денегъ, и вотъ тутъ вспоминаетъ о Маринѣ.

— Сбѣжалъ я изъ Москвы отъ милой жены моей, отъ милыхъ пріятелей моихъ, ничего не захвативши.

Надо замѣтить, что, когда Марина только явилась въ Москву, то Димитрій спрашивалъ бояръ, что они назначатъ царицѣ въ содержаніе на случай ея вдовства, и бояре назначили ей больше, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, потому что признали ее наслѣдственною государыней и еще до коронаціи присягнули ей въ вѣрности.

Когда на Москвѣ совершилась катастрофа, польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсевскаго, не выпускали изъ города. Затѣмъ ихъ и Марину отправили въ Ярославль.

Время между тѣмъ шло. Болѣе года съ послами тянулись переговоры, и вотъ заключено съ ними условіе: Мнишекъ не признаетъ зятемъ второго Димитрія, котораго называли „тушинскимъ воромъ“, потому что онъ стоялъ въ Тушинѣ, а чаще звали его „царикомъ“, не выдаетъ за него свою дочь, и Марина не называется московскою государынею.

Условіе это заключено было 25 іюля 1608 года, когда Марина сидѣла уже въ Ярославлѣ, какъ въ плѣну. Что она тамъ дѣлала — неизвѣстно; но, по договору съ посланниками польскими, ее рѣшились отпустить на родину.

Но Марину-царицу уже не тянуло на родину: она носила уже на головѣ корону: какъ же ей воротиться въ свой скромный Самборъ?

Царикъ узналъ, что Марину отправляютъ въ Польшу. Марина—царица нужна была ему больше войскъ и больше денегъ: съ Мариною онъ былъ все, безъ Марины—онъ ничто.

А Марина? Она не знала, кто онъ, откуда, но она все еще вѣрила, что это ея Димитрій.

Но вотъ Марина выѣзжаетъ изъ Ярославля, чтобъ, по договору, возвратиться на родину. Ее сопровождаетъ тысячный конвой московскихъ ратныхъ людей. Съ ней отецъ, послы Олесницкій и Гонсевскій.

Узнавъ объ этомъ, царикъ разослалъ по городамъ приказъ: „Литовскихъ пословъ и литовскихъ людей перенять и въ Литву не пропускать; а гдѣ ихъ поймаютъ, тутъ для нихъ тюрьмы поставить да посажать ихъ въ тюрьмы“.

Мало того, царикъ послалъ Валавскаго съ полкомъ перехватить поляковъ и Марину—она ему была нужна. Но полякамъ, служившимъ у царика, не хотѣлось этого: они боялись, что Марина откажется отъ второго Димитрія—онъ непохожъ на перваго: это не тотъ, не онъ. Поэтому Валавскій съ умысломъ не догналъ Марины.

Тогда царикъ посылаетъ въ погоню Зборовскаго. Этотъ скоро нагоняетъ конвой Марины, потому что желалъ отличиться предъ русскимъ царемъ; онъ нагналъ Марину уже подъ Бѣлой, разбилъ конвоировавшій ее московскій отрядъ и остановилъ Марину, Мнишка и посла Олесницкаго. Посолъ Гонсевскій съ другимъ отрядомъ ушелъ другой дорогой.

Но Марина не ѣдетъ къ этому второму Димитрію въ Тушино, боясь отдаться въ руки неизвѣстному человѣку. Страхъ и надежда боролись въ ней, и потому она поѣхала въ отрядъ Сапѣги, чтобъ оттуда вести переговоры съ тѣмъ, кто выдавалъ себя за ея мужа. Мнишекъ же хотѣлъ, чтобъ царикъ захватилъ ихъ силой, и потому медлилъ въ дорогѣ.

И Зборовскій дѣйствительно захватилъ Марину.

И вотъ Марина ѣдетъ въ Тушино, къ невѣдомому человѣку, который говоритъ, что онъ ея мужъ, ея Димитрій, который въ послѣдній разъ, утромъ 17 мая 1606 года, въ тотъ страшный моментъ, закричалъ ей: „сердце мое, здрада!“ Она слышала, что потомъ кого-то убили, называя Димитріемъ, сожгли и даже пепломъ его выстрѣлили на западъ; но, быть можетъ, это былъ не Димитрій.

Подъѣзжая къ Тушину, Марина была весела, смѣялась и пѣла. Она вѣдь ѣхала къ мужу, котораго такъ давно не видала; она все еще вѣрила, что онъ не убитъ: вѣдь все въ ея жизни волшебный сонъ, чудо, чары — и ея Димитрій, и корона московская на головѣ.

За 18 миль отъ стана къ ея каретѣ подъѣзжаетъ молодой шляхтичъ, ея родственникъ, панъ Стадницкій.

— Марина Юрьевна!—говоритъ онъ:—вы веселы, вы пѣсенки распѣваете; оно бы и слѣдовало вамъ радоваться, еслибъ вы нашли въ Тушинѣ настоящаго вашего мужа, но вы найдете совсѣмъ другого.

Это было страшнымъ ударомъ для Марины: она уже боялась ѣхать къ тому, кто назывался ея мужемъ.

Но дѣлать было нечего: надо было признать его своимъ—для блага римской церкви. И она его признала.

Каково было ихъ свиданье—объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Царикъ далъ отцу Марины запись, что, по завладѣніи Москвою, онъ выдастъ ему 300,000 рублей серебряныхъ и Сѣверское княжество съ тамошними четырнадцатью городами.

5 сентября происходило тайное вѣнчаніе Марины со вторымъ мужемъ въ станѣ Сапѣги. Вѣнчавшій ее духовникъ-іезуитъ убѣдилъ свою послушную дочь, что она должна это сдѣлать для славы римской церкви, – и молодая женщина послушалась.

Скверно жилось Маринѣ въ тушинскомъ станѣ. Проходили дни, мѣсяцы, прошелъ годъ, а московская корона все еще была далеко. Многіе бросили ее. Бросилъ и отецъ, не далъ даже благословенія. Марина часто писала къ нему—она уже у покинувшаго ее отца должна была искать помощи, покровительства у мужа. Марина все падала ниже и ниже. Въ одномъ письмѣ она проситъ отца напомнить о ней мужу, напомнить о любви и уваженіи, которыя онъ долженъ оказывать ей.

„О дѣлахъ моихъ не знаю что писать, кромѣ того, что въ нихъ одно отлагательство со дня на день (пишетъ она въ другомъ письмѣ отцу): нѣтъ ни въ чемъ исполненія. Со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ, а не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ. Я хотѣла

отослать къ вамъ своихъ людей, но имъ надобно дать денегъ на пищу, а денегъ у меня нѣтъ".

Но она не падаетъ духомъ. Въ этой замѣчательной женщинѣ еще не убита энергія, и она видитъ впереди одну цѣль—возстановленіе своихъ правъ. Родина для нея уже навсегда закрыта, да она и сама не воротилась бы на родину: царица—она не явится въ Самборъ развѣнчанною, поруганною.

Въ одномъ письмѣ къ Стадницкому, своему родственнику, увѣдомлявшему ее, что король Сигизмундъ вступилъ съ войскомъ въ московскіе предѣлы, Марина говоритъ: „крѣпко надѣюсь на Бога, защитника притѣсненныхъ, что Онъ скоро объявитъ судъ свой праведный надъ измѣнникомъ и непріятелемъ нашимъ". Такъ она называла царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Собственноручно же въ этомъ письмѣ Марина приписала: „Кого Богъ освѣтитъ разъ, тотъ будетъ всегда свѣтелъ. Солнце не теряетъ своего блеска потому только, что его иногда чорныя облака заслоняютъ". Приписку эту Марина сдѣлала затѣмъ, что Стадницкій въ письмѣ своемъ не назвалъ ея царицей.

Марина писала и королю. „Ни съ кѣмъ счастье такъ не играло, какъ со мною (писала она королю): изъ шляхетскаго рода возвысило оно меня на престолъ московскій и съ престола ввергнуло въ жестокое заключеніе. Послѣ этого, какъ бы желая потѣшить меня нѣкоторою свободою, привело меня въ такое состояніе, которое хуже самого рабства, и я теперь нахожусь въ такомъ положеніи, въ какомъ, по моему достоинству, не могу жить спокойно. Если счастье лишило меня всего, то осталось при мнѣ одно право мое на престолъ Московскій, утвержденное моею коронаціею, признаніемъ меня истинною и законною наслѣдницею,—признаніемъ, скрѣпленнымъ двойною присягою всѣхъ сословій и провинцій московскаго государства".

Вотъ уже гдѣ почерпала она свои права и свою энергію: она царица не по мужѣ, кто бы онъ ни былъ, а по коронаціи, по двойной присягѣ. Убили ея мужа, но право ея живо: оно не убито, оно безсмертно.

Къ концу 1609 года дѣла Марины и ея мужа-царика становились все хуже и хуже. 27 декабря царикъ тайно бѣжалъ изъ своего стана, переряженный. Онъ выѣхалъ въ навозныхъ саняхъ только съ своимъ шутомъ Кошелевымъ, который никогда не покидалъ его. Царикъ скрылъ свой побѣгъ даже отъ жены, потому что бѣжалъ отъ поляковъ, которые не слушались его, мутили все его войско. Но войско еще было за него.

Царикъ бѣжалъ въ Калугу. Среди обширнаго, безобразнаго лагеря, среди массы палатокъ, землянокъ, шалашей, обозовъ, коновязей, наскоро сколоченныхъ срубовъ, среди этого страннаго, шумнаго города, среди буйнаго войска, среди женщинъ, плѣнныхъ и охотою нахлынувшихъ къ тушинцамъ, съ которыми жилось весело,—Марина осталась одна въ своихъ

обширныхъ деревянныхъ хоромахъ, выстроенныхъ ей и царику еще въ прошломъ году.

Узнавъ о бѣгствѣ мужа, Марина, рыдающая, отчаянная, съ распущенными волосами ходила по обширному табору, изъ палатки въ палатку, умоляя ратныхъ людей не покидать ея, не покидать ея мужа. И ратные люди готовы были положить свои головы за эту маленькую, плачущую женщину...

Изъ Калуги царикъ прислалъ письмо къ Маринѣ и къ другимъ своимъ приверженцамъ, обѣщая воротиться къ войску, если поляки вновь присягнутъ ему и казнятъ всѣхъ измѣнниковъ, отложившихся отъ него. Но посла его, пана Казимирскаго, въ таборѣ схватили, письма отобрали.

Марина не могла дольше выносить такой жизни. Дѣло ея не двигалось, а буйный таборъ пьянствовалъ, забывая о Маринѣ, а иногда и обижая ее.

11-го февраля 1610 года она сама тайно бѣжала изъ табора. Переодѣвшись въ гусарское платье, взявъ съ собой только одну служанку и нѣсколько сотенъ донскихъ казаковъ, Марина ускакала изъ табора ночью, верхомъ, по-казацки.

Утромъ нашли оставленное ею письмо къ войску:

„Я принуждена удалиться, избывая послѣдней бѣды и поруганія. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, отъ Бога мнѣ данное! Въ бесѣдахъ равняли меня съ безчестными женщинами, глумились надо мною за бокалами! Не дай Богъ, чтобъ кто-нибудь вздумалъ мною торговать и выдавать тому, кто на меня и на московское государство не имѣетъ никакого права. Оставшись безъ родныхъ, безъ пріятелей, безъ подданныхъ и безъ защиты, въ скорби моей поручивши себя Богу, должна я ѣхать поневолѣ къ моему мужу. Свидѣтельствую Богомъ, что не отступлю отъ правъ моихъ—какъ для защиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государынею народовъ, царицею московскою, не могу сдѣлаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, — такъ и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнитъ присягу“.

Князь Рожинскій писалъ королю, что Марина сбилась съ дороги и попала въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ; но Мархоцкій свидѣтельствовалъ, что ее переманилъ къ себѣ Сапѣга для своихъ собственныхъ выгодъ.

По уходѣ Марины войско заволновалось. Въ таборѣ не было нравственнаго центра тяготѣнія.

И вотъ черезъ мѣсяцъ послѣ бѣгства Марины тушинскій таборъ распался. Войско разбрелось. Тушино опустѣло. Одни отряды присягнули Шуйскому, другіе ушли въ Калугу, къ царику, третьи послѣдовали за Мариной: она оставалась въ Дмитровѣ съ Сапѣгою.

Русскія и шведскія роты осадили Дмитровъ. Въ атакѣ польскіе отряды не выдержали натиска и, испуганные пораженіемъ части своего войска,

не принимались за защиту укрѣпленій. Положеніе было критическое, роковое для Марины.

Марина явилась сама къ укрѣпленіямъ и закричала къ своимъ упавшимъ духомъ отрядамъ:

— Что вы дѣлаете, негодяи? Я женщина, а не потеряла духа!

Но ничто не помогало. Шведы и русскіе одолѣвали. Тогда Марина собралась уходить въ Калугу. Сапѣга не пускалъ ея. Она начала подозрѣвать, что ее хотятъ выдать королю.

— Не будетъ того, чтобъ ты мною торговалъ!—сказала она Сапѣгѣ:— у меня здѣсь донцы: если будешь меня останавливать—я дамъ тебѣ битву!

И она ускакала въ Калугу. Въ мужскомъ платьѣ, Марина ѣхала то верхомъ на лошади, по-казацки, то на саняхъ.

Между тѣмъ на Москвѣ, 17-го іюля, царя Василія Ивановича Шуйскаго свергли съ престола и силою постригли въ монахи. Москва присягнула королевичу Владиславу, помимо Марины.

Но около Марины и царика снова собралось войско. Изъ Калуги они двинулись къ Москвѣ и осадили ее. Поляки, отъ имени короля, предложили Маринѣ и ея мужу мирныя условія: король уступалъ имъ Самборъ или Гродно, на выборъ, лишь бы они отказались отъ Москвы. Марину хотѣли заманить ея родиною, Самборомъ: ей, вмѣсто московской царицы, предлагали сдѣлаться царицей Самбора, ея родного пепелища.

Тогда Марина съ раздраженіемъ сказала посламъ:

— Пусть король Сигизмундъ отдастъ царю Краковъ, и царь ему изъ милости уступитъ Варшаву!

Царикъ же на оскорбительное предложеніе Сигизмунда отвѣчалъ:

— Да лучше я буду служить у мужика и кусокъ хлѣба добывать трудомъ, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ его величества.

Положеніе царика и Марины подъ Москвою было нерѣшительное. Польскія и литовскія войска, по тайному уговору съ москвичами, пробравшись тайно ночью черезъ Москву, готовы были нечаянно напасть на станъ осаждающихъ и захватить Марину съ мужемъ; но изъ Москвы они были предувѣдомлены своими приверженцами и, бросивъ осаду, ушли снова въ Калугу. Съ ними ушелъ и знаменитый казацкій атаманъ Заруцкій, который полюбилъ Марину и готовъ былъ за нее погибнуть.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Марина осталась снова одинока: она потеряла и второго мужа. Онъ погибъ послѣ 11-го декабря, въ Калугѣ. Его убили татары, находившіеся въ его войскѣ, изъ мести за то, что царикъ утопилъ касимовскаго царя, тайно ему измѣнившаго. Татары вызвали царика за городъ на охоту за зайцами, и тамъ убили его. Вѣсть о смерти царика привезъ въ Калугу шутъ его Кошелевъ. Марина находилась въ послѣдней степени беременности. Услыхавъ о смерти мужа, она выбѣжала изъ города, въ сопровожденіи нѣсколькихъ бояръ, и, сѣвъ въ сани, отыскала въ полѣ обезглавленное тѣло царика. Привезши его въ Калугу, она ночью съ факеломъ бѣгала по городу, въ разодранномъ платьѣ, съ от-

крытою грудью, съ распущенными волосами, и громко молила всѣхъ о мщеніи. Преданные ей донцы погнались за убійцами, но тѣ давно скрылись въ стени. Оставшихся въ городѣ татаръ, мурзъ и простыхъ ратниковъ перебили.

Положеніе Марины было безвыходное. Даже Заруцкій хотѣлъ ее оставить, хотя Калуга все еще оставалась вѣрна своей царицѣ.

Наконецъ, Марина родила. Новорожденнаго назвали Иваномъ, и Калуга тотчасъ же присягнула этому новому царевичу, не предвидя, что его ожидаетъ висѣлица, когда ребенку исполнится четыре года.

Но скоро и Калуга отложилась отъ новорожденнаго царевича и Марины, присягнувъ Владиславу.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи Марина снова вспомнила о Сапѣгѣ и и писала ему: „Ради Бога, спасите меня! Мнѣ двѣ недѣли не доведется жить на свѣтѣ. Вы сильны—спасите меня, спасите, спасите! Богъ вамъ заплатитъ за это“.

Напрасно просила — Сапѣга не помогъ ей. Всѣ отъ нея отшатнулись — остался ей вѣренъ одинъ только Заруцкій: вмѣстѣ они и погибли потомъ.

Но пока еще имя Заруцкаго было страшно. Такимъ же страшнымъ стало въ это время имя Ляпунова, который, соединившись съ Заруцкимъ, Просовецкимъ и княземъ Димитріемъ Тимофеевичемъ Трубецкимъ, рѣшился было провозгласить царемъ сына Марины, маленькаго Ивана. Но наступилъ 1612-й годъ, когда Русская земля, какъ сказочный Илья-Муромецъ, выпивши, вмѣсто ковша браги, цѣлое море слезъ и крови, почуяла свою силушку и поднялась на ноги, какъ поднялся Илья-богатырь послѣ ковша браги, поднесеннаго ему каликами-перехожими, то-есть самозванцами, поляками и всѣмъ, что тогда шаталось по Русской землѣ.

Пятый годъ уже какъ Марина въ Россіи. Но вотъ, наконецъ, и въ Польшѣ вспоминаютъ ее, всѣми забытую панну изъ Самбора, московскую царицу. И вспоминаетъ кто же?—все тотъ же отецъ, честолюбіе котораго и погубило дочь.

Вотъ по какому поводу вспомнили Марину въ Польшѣ. Гетманъ Жолкѣвскій, подобно римскому герою Павлу Эмилію, вводилъ въ Краковъ плѣннаго, сверженнаго московскаго царя Василія Шуйскаго: маленькій, сѣдой старичокъ съ больными глазами въѣзжалъ въ Краковъ въ открытой коляскѣ, запряженной шестью лошадьми. Плѣнный царь былъ въ мѣховой шапкѣ и бѣлой парчевой ферязи. Съ нимъ сидѣли оба его брата. Ихъ ввели къ королю. Передъ лицомъ короля московскій царь низко поклонился, дотронулся до земли рукою и поцѣловалъ эту руку. Братья царя били челомъ въ самую землю и плакали. Ихъ допустили къ королевской рукѣ. „Было это зрѣлище великое, удивленіе и жалость возбуждающее“, говорили поляки-современники. Но въ толпѣ пановъ раздались голоса, что тутъ не мѣсто для жалости, а нужна месть за погибшихъ братьевъ, за польскую кровь, пролитую въ московской землѣ. Отецъ вспомнилъ о за-

глубленной имъ дочери: раздался голосъ стараго Мнишка—онъ требовалъ мести за Марину.

Но голосъ его пропалъ даромъ—Марину забыла Польша.

Въ это же самое время и въ Россіи имя Марины становилось уже позорнымъ общественнымъ именемъ. Въ Нижнемъ поднималось земское ополченіе съ Мининымъ и Пожарскимъ. Въ ихъ грамотахъ, разсыпаемыхъ повсюду, говорилось уже, между прочимъ, что многіе покушаются, чтобы быть на московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея,—и вожди земскаго ополченія требуютъ, чтобъ не было этого.

Изъ Костромы и Ярославля новыя грамоты противъ Маринки, противъ Ивашки Заруцкаго, противъ „сына калужскаго вора, о которомъ и поминать непригоже". Въ грамотахъ клянутся Маринкѣ и ея сыну не служить.

Марина находилась въ это время въ Коломнѣ. Когда двинулось земское ополченіе и зашевелилась Русская земля, Заруцкій съ казаками отступалъ отъ Москвы, взялъ Марину и пошелъ въ Рязанскую землю; погромивъ Коломну, взялъ Михайловъ, послѣ взялъ приступомъ Переяславль-рязанскій, но тамъ же и былъ потомъ разбитъ Бутурлинымъ. Дѣло Марины проигрывалось окончательно и навсегда. Она совѣтовала Заруцкому броситься въ Литву, но онъ пошелъ къ южнымъ окраинамъ Русской земли. Къ нимъ еще продолжала стекаться вольница и голытьба со всѣхъ сторонъ, а народъ подавалъ еще челобитныя на имя царя и его матери, „государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ".

Шли они сначала по направленію къ Лебедяни. Московскія рати шли за ними. Заруцкій кинулся къ Воронежу, оттуда перекинулся за Донъ, на Медвѣдицу, на Волгу, потомъ въ Астрахань. Марина съ нимъ—сынку ея уже четвертый годъ.

Тамъ задумали они поднять на Русскую землю персидскаго шаха, Турцію. Шаху они предлагали отдать Астрахань, которою скоро овладѣли. Марина—царица Астрахани: она не велитъ звонить рано къ заутрени, боясь, что отъ звону не будетъ спать ея ребенокъ, будущій царь московскій и всея Руси...

Изъ Москвы идутъ къ Заруцкому грамоты отъ новаго царя и отъ всего освященнаго собора. Идутъ грамоты къ астраханцамъ: астраханцевъ грамоты увѣщеваютъ отстать „Маринкина злаго душепагубнаго заводу и умышленія". Казакамъ донскимъ и волжскимъ—„не вѣрить злодѣйской прелести сендомирскаго дочери, нарицаемой еретицы, польки-люторки Маринки".

И вотъ поднялась на Маринку и Астрахань. Марина опять бѣжитъ, а въ руки астраханцевъ попадается только подруга Марины—Варвара Казановская. У Марины никого опять не остается, кромѣ Заруцкаго. И бросились они на Каспійское море, скользнули на Яикъ, по Яику вверхъ; но вотъ на Медвѣжьемъ острову ихъ настигаютъ московскіе стрѣльцы: Марина, послѣ бѣгства изъ Астрахани, была уже во власти разбойничьяго атамана Трени-Уса. На рукахъ у Трени былъ уже и ея ребенокъ, а Заруцкій не имѣлъ уже воли.

Стрѣльцы схватили Марину, ея сына и Заруцкаго, и связали ихъ. Треня бѣжалъ, и еще долго потомъ разбойничалъ.

6-го іюля плѣнные привезены были въ Астрахань, гдѣ еще такъ недавно Марина была царицею. 13-го іюля ихъ выслали въ Казань. Около тысячи стрѣльцовъ служили конвоемъ коронованной нѣкогда, а теперь скованной Маринѣ.

Въ наказѣ конвою было накрѣпко изображено:

„Везти Марину съ сыномъ и Ивашку Заруцкаго съ великимъ береженьемъ, скованныхъ, и станомъ ставиться осторожливо, чтобы на нихъ воровскіе люди безвѣстно не пришли. А будетъ на нихъ придутъ откуда воровскіе люди, а имъ будетъ они въ силу, и Марину съ в........ и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, чтобы ихъ воры живыхъ не отбили“.

Изъ Казани скованная и конвоируемая сильнымъ конвоемъ Марина доставлена въ Москву, куда, давно когда-то, въѣзжала она такъ торжественно.

Заруцкаго посадили на колъ. Четырехлѣтняго сына Марины повѣсили. Марину же, говорятъ, тайно умертвили: по однимъ польскимъ свидѣтельствамъ—она задушена, по другимъ—утоплена. Русскіе же, при размѣнѣ съ Польшею плѣнныхъ, сообщали полякамъ, что „вора Ивашку Заруцкаго и воруху Марину съ сыномъ для обличенья ихъ воровства привезли въ Москву.... и Марина на Москвѣ отъ болѣзни и отъ тоски по своей волѣ умерла“.

Въ народѣ о Маринѣ Мнишекъ осталась нехорошая память. Разсказывая о „Гришкѣ-разстригѣ“, какъ его убили на Москвѣ, народъ поясняетъ въ своемъ преданіи:

А злая его жена Маринка безбожница,
Сорокою обернулася,
И изъ палатъ вонъ она вылетѣла.

V.

Ксенія Ивановна Романова.—Марія Хлопова.

Смертью Марины Мнишекъ заканчивается циклъ русскихъ историческихъ женскихъ личностей, выдвинутыхъ на историческое поприще Смутнымъ временемъ.

Но отъ этого времени остается одно лицо, которое, переживъ страшную пору „лихолѣтья“, переходитъ въ другую эпоху государственной жизни Русской земли, когда, перестоявъ смутное время, она въ себѣ самой нашла силы для своего спасенья и какъ бы обновилась для иной лучшей жизни.

Лицо это—Ксенія Ивановна Романова, мать царя новой династіи государей Русской земли, принявшихъ эту землю подъ свое береженье въ моментъ ея нравственнаго пробужденія.

О Ксеніи Ивановнѣ Романовой, какъ и о многихъ, прежде нами упоминавшихся историческихъ женскихъ личностяхъ, можно сказать весьма

немного, и то лишь по отношенію ихъ къ другимъ историческимъ личностямъ и къ общему ходу событій, въ которыхъ личности эти принимали самую незначительную долю участія,

Имя Ксеніи Ивановны появляется еще до Смутнаго времени. Какъ жена всѣми любимаго и уважаемаго боярина Ѳедора Никитича Романова, Ксенія вмѣстѣ со всѣмъ домомъ Романовыхъ подвергалась со стороны Годунова опалѣ, постигшей всѣхъ тѣхъ, которые стояли на дорогѣ у этого честолюбиваго человѣка, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ нерасположеніи къ себѣ, или, наконецъ, которыхъ онъ считалъ для себя опасными, вслѣдствіе обнаруженія къ нимъ любви народной.

Годуновъ видѣлъ любовь народа къ Романовымъ, и этого достаточно было, чтобъ взвести на нихъ какое-либо преступленіе, измѣну, злоумышленіе противъ власти, чародѣйство. Романовыхъ обвинили именно въ чародѣйствѣ, и, чтобъ сдѣлать ихъ по возможности безопасными соперниками, разослали по монастырямъ.

Ѳедоръ Никитичъ былъ постриженъ подъ именемъ Филарета — имя, подъ которымъ онъ и прославился какъ въ смутное время, такъ и во всей исторіи Русской земли, и заточенъ въ Антоніевъ-Сійскій монастырь, а жена его Ксенія Ивановна или Аксинья, какъ ее тогда называли, пострижена подъ именемъ Мароы и сослана въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ.

Съ Ксеніей находились маленькія дѣти, между которыми былъ и будущій царь Русской земли, Михаилъ Ѳедоровичъ.

Объ этой тяжелой порѣ жизни Ксеніи Ивановны мы находимъ упоминаніе только въ донесеніяхъ пристава Воейкова, который приставленъ былъ недремлющимъ стражемъ къ заточенному въ монастырѣ Филарету Никитичу, и о каждомъ поступкѣ, о каждомъ его словѣ обязанъ былъ доносить Годунову.

Такъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній Воейковъ говоритъ, что старецъ Филаретъ особенно сильно тоскуетъ, когда вспомнитъ о женѣ, и поэтому передаетъ Годунову даже слова узника, которыми онъ выражалъ свою тоску по женѣ и дѣтяхъ.

Вотъ эти любопытныя слова: „милыя мои дѣтки! маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная! жива ли уже? чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ? Мнѣ ужъ что надобно! Бѣда на меня жена да дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи слышать, чтобъ ихъ ранѣе Богъ прибралъ, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы уже не мѣшали, я бы сталъ промышлять одною своею душою; а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ“.

Не зналъ узникъ, желая смерти женѣ и дѣтямъ, что ихъ впереди ждетъ такое высокое назначеніе, а одного — московская корона.

Настало потомъ смутное время, и много перемѣнъ принесло оно съ собою на Русскую землю, а равно отразилось этими перемѣнами и на участи

людей; тѣ, которые стояли наверху, упали очень низко; свергнутые прежде съ высоты поднимались еще выше: одни погибли отъ царя Годунова, другіе отъ Шуйскаго, третьи отъ поляковъ, а иные въ битвѣ съ своими же собственными соотечественниками, когда, при нѣсколькихъ самозванцахъ разомъ, началась въ Русской землѣ „шатость“, а въ этомъ нравственномъ шатаніи свои своихъ убивали, не щадя ни кровности, ни общности религій и происхожденія.

Мужъ Ксеніи, или уже старицы Мареы, старецъ Филаретъ, является очень виднымъ лицомъ въ числѣ дѣятелей послѣдняго акта смутной драмы „лихолѣтья“. Но онъ снова въ плѣну, въ залогѣ у поляковъ.

Очнувшійся потомъ отъ нравственнаго кошмара самозванщины Русскій народъ выгоняетъ поляковъ и всѣхъ своихъ недруговъ изъ своей земли, и ищетъ себѣ царя.

Царя этого Русскій народъ находитъ въ сынѣ Ксеніи Ивановны Романовой, старицы Мареы, которая уберегла и вскормила этого сына въ страшную пору „лихолѣтья“, воспитала его до 16-ти-лѣтняго возраста и жила съ нимъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы.

Вотъ здѣсь-то и является опять на историческій просвѣтъ старица Мареа, передъ которой прошли всѣ имена, событія и дѣятели Смутнаго времени—и Годуновъ, и невѣдомый Димитрій-царевичъ, и Марина Мнишекъ, и Тушинскій воръ, и царь Шуйскій, и королевичъ польскій: она все это видѣла или обо всемъ этомъ слышала.

14-го марта въ знаменитый 1612-й годъ къ Ипатьевскому монастырю является торжественное посольство изъ Москвы — звать на царство сына старицы Мареы, юнаго Михаила Өедоровича, въ то время, когда отецъ его еще томился въ польской неволѣ за Русскую землю.

Въ этотъ великій моментъ старица Мареа проявляетъ всю самостоятельность своего характера и глубокое пониманіе того, что произошло на Русской землѣ въ то время, когда она въ своемъ далекомъ уединеніи укрылась со своими дѣтьми отъ ужасовъ всенародной шатости.

Выборные люди Русской земли явились къ старицѣ Мареѣ и ея сыну съ иконами. Она и сынъ вышли навстрѣчу этому великому посольству, какъ бы руководимому святыми иконами, и спросили: зачѣмъ они пришли къ нимъ? Выборные люди объявили имъ волю и прошеніе всей Русской земли—быть юному Михаилу Өедоровичу на царствѣ.

Ребенокъ-царь заплакалъ при этомъ извѣстіи, заплакалъ отъ огорченія и страха передъ такимъ великимъ и страшнымъ дѣломъ, какъ „промышленіе“ надъ всею Русскою землею, еще, повидимому, не успокоившеюся отъ всеобщаго потрясенія. „Съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“ изобранный царь отвѣчалъ, что не хочетъ быть государемъ надъ Русскою землею, а мать его, Мареа, объявила, что „не благословляетъ сына на этотъ великій подвигъ“.

Выборные люди явились въ церковь. Тамъ они подали свои выборныя грамоты.

Старица Мареа сказала посламъ:

— У сына моего и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ, онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались,—давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили.

Старица Мареа все имъ припомнила — ихъ измѣну Годунову, самими же ими избранному на царство, и убійство того, котораго они же признали за царевича Димитрія, и сведеніе съ престола Шуйскаго, которому сами же цѣловали крестъ служить вѣрой и правдой.

— Видя,—продолжала Марфа:—такія прежнимъ государямъ клятвопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на московскомъ государствѣ и прирожденному государю государемъ? Да и потому еще нельзя: московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей разорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли; дворцовыя села, чорныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ, и запустошены, и служилые люди бѣдны.

Сѣсть на московскомъ престолѣ, говорила Ксенія Ивановна далѣе,— это идти на явную „гибель". Она, наконецъ, напомниала выборнымъ, что мужъ ея въ Литвѣ, въ полону, что, узнавши объ избраніи сына его на царство, король не пощадитъ старца Филарета въ отмщеніе за свои неудачи въ Русской землѣ.

Послы чувствуютъ и понимаютъ всю рѣзкость и правду словъ старицы Мареы—и плачутъ, но продолжаютъ неустанно молить ее благословить сына на царство: молили съ третьяго часу до девятаго!

Ничто не помогало. Тогда они начали грозить Мареѣ гнѣвомъ Божіимъ, наказаніемъ за то, что она даетъ погибать Русской землѣ до конца.

Только тогда старица Мареа благословила сына на царство.

Затѣмъ старица Мареа снова отходитъ на второй планъ, хотя вліятельная рука ея виднѣется изъ-за первоначальныхъ распоряженій сына-царя.

Такъ, передъ выѣздомъ въ Москву, новоизбранный царь пишетъ московскимъ боярамъ, чтобъ приготовили для его помѣщенія „золотую палату царицы Ирины съ мастерскими палатами и сѣнями", а для матери, старицы Мареы,— „деревянныя хоромы жены царя Шуйскаго". Бояре изъ Москвы отвѣчаютъ, что для старицы Мареы приготовлены „хоромы въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ жила царица Мареа". Юный царь, конечно, не безъ руководства со стороны матери, отвѣчаетъ на Москву: „Въ этихъ хоромахъ матери нашей жить негодится".

Но и тутъ является новое препятствіе для въѣзда царя съ матерью въ Москву: находясь еще у Троицы, по дорогѣ къ Москвѣ, старица Мареа и царь говорятъ боярамъ и плачутъ, что на Русской землѣ воровъ еще много, что въ государствѣ все еще царствуетъ неладица, тогда какъ бояре и выборные люди, призывавшіе Михаила на царство, говорили, что земля-

де Русская успокоилась, отъ своей шатости отстала, что въ Русской землѣ воровъ и измѣнниковъ болѣе не осталось. Въ виду всѣхъ этихъ неурядицъ въ государствѣ, царь и мать его не рѣшаются ѣхать къ Москвѣ.

Ихъ успокоили, и 2-го мая 1612-го года совершился торжественный въѣздъ въ Москву царя Михаила Өедоровича и матери его Ксеніи Ивановны, старицы Марөы.

Съ этой поры присутствіе старицы Марөы опять становится незамѣтнымъ. Изъ литовскаго полона возвращается ея мужъ Филаретъ Никитичъ и возводится въ высокій санъ патріарха Русской земли. Отецъ и сынъ вмѣстѣ правятъ Русскую землю, и о старицѣ Марөѣ нѣтъ уже упоминаній.

Правда, сильное вліяніе ея выступаетъ наружу еще одинъ разъ—по вопросу о женитьбѣ сына царя на дѣвицѣ Марьѣ Хлоповой; но объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Неразрывно съ именемъ Ксеніи Ивановны Романовой, или старицы Марөы, должно быть поставлено имя боярышни Марьи Ивановны Хлоповой, судьба которой рѣшилась совершенно не такъ, какъ желала и надѣялась эта молодая дѣвушка, потому только, что Ксенія Ивановна въ дѣлѣ Хлоповой приняла рѣшеніе не въ пользу этой дѣвушки.

Въ 1616-мъ году, когда юному царю Михаилу Өедоровичу было уже около двадцати лѣтъ, отецъ его, Филаретъ Никитичъ, заботясь объ упроченіи престола за своимъ родомъ, задумалъ женить сына, и съ этой цѣлью, по примѣру Ивана Васильевича Грознаго, воспитавшаго для своего сына, Өедора, невѣсту съ малолѣтства, взявъ для этого во дворецъ семилѣтнюю Ирину Годунову,—рѣшился взять ко двору молоденькую дѣвицу, боярышню Марью Ивановну Хлопову.

Боярышню Хлопову, по обычаю того времени, во дворцѣ изъ Марьи переименовали въ Настасью, вѣроятно, въ честь бабки, знаменитой Анастасіи Романовны Захарьиной-Кошкиной, первой супруги царя Ивана Васильевича Грознаго, и стали называть царевной.

Вдругъ царю доносятъ, что невѣста его, боярышня Марья, или царевна Настасья, опасно и неизлѣчимо больна. Болѣзнь эта проявилась тѣмъ, что боярышню-царевну однажды рвало.

Не разслѣдовавъ дѣла, несчастную царевну-невѣсту тотчасъ же, вмѣстѣ съ родными ея, ссылаютъ въ Тобольскъ, конечно, за то, зачѣмъ они не предувѣдомили, что боярышня больна и недостойна быть царскою невѣстой.

Филаретъ Никитичъ, повидимому, подозрѣвалъ, что тутъ кроется интрига, и потому понемногу началъ смягчать суровость ссылки Хлоповой и ея родныхъ, изъ Тобольска, въ 1619-мъ году, приблизивъ ихъ въ Верхотурье, а въ 20-мъ году передвинувъ еще ближе—въ Нижній.

Но между тѣмъ молодой царь оставался безъ невѣсты, и Филаретъ задумалъ женить его на иностранной принцессѣ.

Съ этой цѣлью тогда же, въ 1621-мъ году, отправлено было въ Данію, къ королю Христіану, посольство, состоявшее изъ князя Алексѣя Михайловича Львова и дьяка Шипова.

При этомъ королю Христіану изъ Москвы написано было:

„По милости Божіей, великій государь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приходитъ въ лѣта мужескаго возраста и время ему приспѣло государю сочетаться законнымъ бракомъ; а вѣдомо его царскому величеству, что у королевскаго величества есть двѣ дѣвицы, родныя племянницы, и для того великій государь его королевскому величеству любительно объявляетъ: если королевское величество захочетъ съ великимъ государемъ царемъ быть въ братствѣ, дружбѣ, любви, соединеньи и пріятельствѣ на-вѣки, то его королевское величество далъ бы за великаго государя племянницу свою, которая къ тому великому дѣлу годна“.

Посламъ данъ былъ наказъ слѣдующаго содержанія:

„Если будутъ говорить, что королевская племянница для любви супруга своего къ русской вѣрѣ приступитъ, а креститься ей въ другой разъ непригоже, потому что она и такъ христіанской вѣры и крещена по своему закону, — то отвѣчать: королевской племянницѣ въ другой разъ не креститься никакъ нельзя, потому что у насъ со всѣми вѣрами рознь немалая: у иныхъ вѣръ вмѣсто крещенія обливаютъ и мνромъ не помазываютъ; такъ король бы свою племянницу на то наводилъ, и отпустилъ ее тѣмъ, чтобъ ей принять святое крещеніе“.

Если король и его приближенные скажутъ: „какъ она будетъ за великимъ государемъ, то пусть самъ великій государь ее къ тому приводитъ, а они у нея воли не отнимаютъ, или пусть послы сами говорятъ объ этомъ съ королевскою племянницею“—то отвѣчать, что имъ самимъ говорить о томъ съ высокорожденною королевскою племянницею непригоже, потому что ихъ дѣвическое дѣло стыдливо, и имъ съ нею говорить много для остереганья ихъ высокорожденной чести непригоже.

Послы должны были промышлять, родственникамъ и ближнимъ людямъ невѣсты говорить всякими мѣрами, вѣру православную хвалить и на то невѣсту привести, чтобъ она захотѣла быть съ государемъ одной вѣры и приняла святое крещеніе; къ людямъ, которые будутъ этимъ промышлять, быть ласковыми и пріятельными, и, если надобно, то, смотря по мѣрѣ, и подарить, и впередъ государскимъ жалованьемъ обнадеживать.

Если король спроситъ: будутъ ли его племянницѣ особые города и доходы, то отвѣчать: „если, по божественному писанію, будутъ оба въ плоть едину, то на что ихъ, государей, дѣлить? все ихъ государское будетъ общее; чего она, государыня, захочетъ, все будетъ ей невозбранно; кого захочетъ, того, по совѣту и повелѣнію супруга своего, жаловать будетъ, и тѣмъ датскимъ людямъ, которые будутъ съ нею, неволи и нужды не будетъ, и чаемъ, что съ нею будутъ не многіе люди: многимъ людямъ быть не для чего, у великаго государя на дворѣ честныхъ и старыхъ боярынь и дѣвицъ—отеческихъ дочерей—много.

Если на все это будетъ получено согласіе, то посламъ просить ударить челомъ племянницамъ, и пришедши къ нимъ, ударить челомъ по обычаю учтиво объ руку, и поминки королевѣ и дѣвицамъ поднести отъ себя по

сороку соболей или что пригоже, причемъ смотрѣть дѣвицъ издалека внимательно, какова которая возрастомъ, лицомъ, бѣлизною, глазами, волосами и во всякомъ пригожествѣ, и нѣтъ ли какого увѣчья, а смотрѣть издалека и примѣчать вѣжливо. Если королева позоветъ ихъ къ рукѣ, то идти; королеву и дѣвицъ въ руку цѣловать, а не витаться съ ними (не брать за руку), и, посмотрѣвши дѣвицъ, идти вонъ, послѣ чего провѣдывать, которая къ великому дѣлу годна, чтобъ была здорова, собою добра, не увѣчна и въ разумѣ добра, и какую выберутъ, о той и договоръ съ королемъ становить, спрашивать сколько дадутъ за невѣстою земель и казны.

Но изъ посольства этого ничего не вышло. Король даже не говорилъ съ княземъ Львовымъ, велѣвъ сказать ему, что онъ-де боленъ, а послы, вслѣдствіе этого, не захотѣли говорить съ ближними его сановниками о такомъ великомъ дѣлѣ, какъ сватовство царя.

Тогда въ январѣ 1628-го года послано было посольство къ шведскому королю Густаву-Адольфу съ тѣмъ, чтобы высватать принцессу Екатерину, сестру курфюрста бранденбургскаго Георга, шурина Густава-Адольфа.

Но и здѣсь была неудача. Густавъ-Адольфъ отвѣчалъ, что принцесса Екатерина ради царства не отступится отъ своей вѣры.

Послѣ этихъ неудачъ съ иностранными сватовствами, Филаретъ опять поднялъ дѣло о несчастной Марьѣ Хлоповой, которая жила съ родными въ Нижнемъ, и—какъ доходили оттуда вѣсти—была совершенно здорова.

Докторъ Валентинъ Бильсъ и лѣкарь Бальцеръ, которые, по порученію кравчаго Михайла Михайловича Салтыкова, племянника царицы-матери Ксеніи Ивановны, пользовали царскую невѣсту, когда она захворала во дворцѣ, объявили на сдѣланный имъ запросъ, что у боярышни-царевны была пустая желудочная болѣзнь, легко излѣчимая.

Тогда взяли къ допросу Салтыкова. Салтыковъ, видимо, изворачивался, путался, показывалъ, будто бы не говорилъ, что боярышня Хлопова неизлѣчима, и вообще обнаружилъ, что тогда онъ солгалъ.

Не удовольствовавшись этимъ, царь и Филаретъ послали за отцомъ Хлоповой, а потомъ за дядей Гаврилою Хлоповымъ. Отецъ боярышни показалъ, что дочь его Марья была совершенно здорова, пока ее не привезли во дворецъ; во дворцѣ ее рвало, но рвота скоро прошла, а въ ссылкѣ съ нею этого ни разу не было. Спросили духовника боярышни—тотъ показалъ то же самое.

Привезли и дядю невѣсты—Гаврилу Хлопова, и дѣло объяснилось слѣдующимъ образомъ:

Однажды царь съ приближенными своими боярами ходилъ смотрѣть вещи въ оружейной. Ему поднесли турецкую саблю замѣчательной работы, и всѣ хвалили эту работу.

Михайло Салтыковъ на это замѣтилъ:

— Вотъ невидаль! И на Москвѣ государевы мастера такую саблю сдѣлаютъ.

Царь, обратившись къ Гаврилѣ Хлопову, который тоже находился тамъ съ прочими боярами, спросилъ:

— Сдѣлаютъ такую саблю въ Москвѣ?

— Сдѣлать-то сдѣлаютъ, только не такую,—отвѣчалъ Хлоповъ.

Салтыковъ вырвалъ у него изъ рукъ саблю и съ досадой сказалъ, что Хлоповъ тутъ ничего не смыслитъ. Послѣ того они „поговорили гораздо", т. е. крупно поссорились, и съ той минуты Салтыковы не взлюбили Хлоповыхъ. На бѣду захворала боярышня-царевна, и царю донесено было, что она больна неизлѣчимо.

Но не удовлетворившись и этимъ объясненіемъ, Филаретъ и царь послали въ Нижній боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и чудовскаго архимандрита Іосифа съ медиками подлинно развѣдать: точно ли здорова боярышня Марья Ивановна. Тѣ нашли, что здоровехонька.

Несчастная дѣвушка, на вопросъ Шереметева: отчего она занемогла, по своей суевѣрной наивности, отвѣчала:

— Болѣзнь моя приключилась отъ супостатъ.

Отецъ ея, не менѣе суевѣрный и, злобствуя на Салтыковыхъ за несчастье дочери, показалъ, что ее отравили Салтыковы: „дали-де для апетиту какой-то водки изъ аптеки".

Одинъ лишь дядя боярышни, Гаврила Хлоповъ, объяснилъ и это обстоятельство разумнѣе всѣхъ: онъ сказалъ, племянница-боярышня занемогла отъ неумѣреннаго употребленія сладкихъ блюдъ.

Оно и понятно. Молоденькую, хорошенькую боярышню, взятую во дворецъ, нареченную невѣсту царя и будущую царицу, конечно, всѣ, что называется, носили на рукахъ, закормили сластями—и, этимъ погубили всю ея жизнь.

Интрига Салтыковыхъ, такимъ образомъ, обнаружилась вполнѣ, и ихъ разослали по деревнямъ. Мать ихъ сослали въ монастырь. Помѣстья и вотчины отобрали въ казну, объясняя эту строгую опалу тѣмъ, что Салтыковы „государевой радости и женитьбѣ учинили помѣшку".

„Вы это сдѣлали—говорилось въ царскомъ указѣ Салтыковымъ—измѣною, забывши государево крестное цѣлованіе и государскую великую милость; а государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ; пожалованы вы были честью и приближеньемъ больше всѣхъ братьи своей, и вы то поставили ни во что, ходили не за государевымъ здоровьемъ, только и дѣлали, что себя богатили, домы свои и племя свое полнили, земли крали, и во всѣхъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ, при государской милости, кромѣ себя никого не видѣть, а доброхотства и службы къ государю не показали".

Но все же несчастную Хлопову царь уже не взялъ за себя. Причиною этого было то, что мать царя, Ксенія Ивановна, ни за что не хотѣла этого, потому что пострадавшіе Салтыковы были ея племянники. Можетъ быть также, что въ семь лѣтъ ссылки боярышня Марья Ивановна успѣла и постарѣть, и подурнѣть.

Хлопову оставили въ Нижнемъ, но за то, что она была царскою невѣстою и погубила свое счастье неумѣреннымъ пристрастіемъ къ сладкимъ яствамъ, ее велѣли пожаловать „кормъ давать передъ прежнимъ вдвое“.

Послѣ этого царь женился на Марьѣ Владиміровнѣ Долгорукой, которая, впрочемъ, въ тотъ же годъ и умерла. Лѣтописцы говорятъ, по обыкновенію, что ее отравили—была испорчена.

На слѣдующій годъ Михаилъ Ѳедоровичъ женился на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой, дочери незначительнаго дворянина.

Объ этихъ двухъ личностяхъ сказать положительно нечего, потому что онѣ ничѣмъ не проявили себя ни прямо, ни косвенно, по отношенію къ другимъ лицамъ и событіямъ.

VI.

Царевна Ирина Михайловна.

Изъ трехъ дочерей царя Михаила Ѳеодоровича—Ирины, Анны и Татьяны—родившихся и проведшихъ свою молодость въ теченіе мирнаго царствованія своего родителя, переживщихъ потомъ продолжительное царствованіе его наслѣдника, царственнаго брата своего царя Алексѣя Михайловича и видѣвшихъ смуты первыхъ лѣтъ царствованія его преемниковъ, царевичей Ивана и Петра и царевны Софьи Алексѣевны,—ни одна не выявила своей личности и своего характера никакимъ, хотя бы даже косвеннымъ участіемъ въ ходѣ историческихъ дѣлъ своего времени. Несмотря на то, что въ малолѣтство своихъ племянниковъ, царей Ивана и Петра Алексѣевичей, имъ представлялась полная возможность выявиться каждой съ своей личностью такъ или иначе, особенно же видя примѣръ своей молодой племянницы, царевны Софьи Алексѣевны, которая успѣла проявить такую самобытность характера и такую замѣчательную жажду личной политической дѣятельности,—онѣ остались безцвѣтны.

Въ виду этого, конечно, личности царевенъ Ирины, Анны и Татьяны можно было бы совершенно обойти безъ ущерба самому дѣлу, не нарушая этимъ возможной полноты избраннаго нами предмета; однако, исторія сватовства одной изъ этихъ царевенъ, Ирины Михайловны, за датскаго принца Вольдемара, представляетъ такъ много бытового и политическаго интереса того времени, что мы не вправѣ обойти этотъ любопытный историческій эпизодъ, съ которымъ связано имя царевны Ирины Михайловны.

Ирина была старшая изъ трехъ дочерей Михаила Ѳедоровича. Въ 1840 году она только что вышла изъ отроческаго возраста и, по тому времени, когда браки вообще совершались очень рано, стала на ряду невѣстъ. Заботливый отецъ возымѣлъ намѣреніе найти ей жениха въ той именно странѣ, съ которою и прежніе московскіе цари нерѣдко входили въ сношенія по брачнымъ дѣламъ, именно въ Даніи, которая уже дала въ прежнее время московскому государству жениха въ лицѣ погибшаго принца Іоанна, жениха Ксеніи Годуновой.

Мы видѣли уже неудачныя сватовства самого царя Михаила Ѳедоровича за двухъ иностранныхъ принцессъ. Но, несмотря на это, 3-го іюля 1640 года царь приказалъ вытребовать въ посольскій приказъ приказчика датскаго короля Христіана IV, Петра Марселиса, и спросить его: сколько дѣтей у его короля и какихъ они лѣтъ.

Марселисъ объяснилъ въ приказѣ, что у Христіана IV два сына отъ первой жены: изъ нихъ наслѣдный принцъ уже женатъ, второй сынъ также помолвленъ, а третій Волмеръ, или Вольдемаръ, рожденный отъ другой жены, отъ графини Мункъ, на которой король женатъ былъ „съ лѣвой руки“, еще не женатъ. Этому принцу около 22 лѣтъ. Хотя король не живетъ съ его матерью, потому что она хотѣла его „портить“; но сына отъ нея Волмера король любитъ.

Этого молодого принца и рѣшено было пріобрѣсти женихомъ для царевны Ирины.

Въ ноябрѣ того же года въ Данію отправленъ былъ гонецъ, Иванъ Ѳоминъ, по какому-то другому дѣлу. Но Ѳомину велѣно было „провѣдывать подлинно тайнымъ образомъ“, сколько у короля дѣтей „отъ вѣнчальныхъ прямыхъ женъ“ и сколько „не отъ прямыхъ“ и „въ какихъ чинахъ эти дѣти“. „Провѣдывать допряма про королевича Волмера, сколько ему лѣтъ, каковъ собою, возрастомъ, станомъ, лицомъ, глазами, волосами, гдѣ живетъ, какимъ наукамъ, грамотамъ и языкамъ обученъ? каковъ умомъ и обычаемъ, и нѣтъ-ли какой болѣзни или увѣчья и не сговоренъ-ли гдѣ жениться, чья дочь его мать, жива-ли и какъ живетъ? Промышлять, чтобъ королевича Волмера видѣть ему самому и персону его написать подлинно на листъ или на доску, безъ приписи, прямо промышлять этимъ, подкупя писца (живописца), хотя бы для этого въ датской землѣ и помѣшкать недѣлю или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь, только бы непремѣнно провѣдать допряма, во что бы то ни стало, давать не жалѣя, а для прилики, чтобъ не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и другихъ сыновей его“.

Гонецъ скоро исполнилъ свое дѣло, воротился изъ Даніи и подалъ записку о результатахъ своего развѣдыванья. Въ запискѣ значилось:

„Королевичъ Волмеръ 20 лѣтъ, волосомъ русъ, ростомъ не малъ, собою тонокъ, глаза сѣрые, хорошъ, пригожъ лицомъ, здоровъ и разуменъ, умѣетъ по-латыни, по-французски, по-итальянски, знаетъ нѣмецкій верхній языкъ, искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ“.—Ѳоминъ самъ видѣлъ, какъ королевичъ „пушку къ цѣли приводилъ“.

Мать королевича, Христина, больна. Отецъ ея былъ бояринъ и „рыцарь большой“, именемъ Лудвигъ Мункъ, и мать ея „боярыня большого родства“.

Ѳоминъ объяснилъ также, что за нимъ, въ Копенгагенѣ, присылалъ копенгагенскій „державца“ Ульфелтъ, который провѣдалъ, что Ѳоминъ ищетъ живописца для снятія портретовъ съ короля и его сыновей.

— Слухъ до меня дошелъ, — говорилъ Ульфелтъ:—что ты подкупаешь,

чтобъ тебѣ написали портреты короля и королевичей подлинно безъ приписи: но ты самъ знаешь, что это невозможное дѣло, потому что писецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и на нихъ глядѣть; но государь нашъ на то соизволилъ, велѣлъ себя и королевичей своихъ написать и послать къ вашему государю.

Послѣ этого Ульфелтъ спросилъ Ѳомина:

— Зачѣмъ это государю вашему нужны портреты?

Ѳоминъ отвѣчалъ:

— Государевы мысли въ Божіихъ рукахъ: мнѣ неизвѣстно.

Въ Даніи, какъ видно, догадывались о цѣляхъ московскаго царя. И вотъ лѣтомъ 1641-го года въ Москву явилось необыкновенное посольство отъ датскаго короля: первымъ посломъ назначенъ королевичъ Волмеръ, графъ Шлезвигъ-Голштинскій, а вторымъ—Григорій Краббе.

Посольство встрѣчено съ большими почестями. По городамъ, по которымъ оно проѣзжало, воеводы били челомъ.

Въ Москвѣ подъ посольство отвели домъ думнаго дьяка Ивана Грамотина. При этомъ велѣно было палаты, поварню, всѣ хоромы и конюшню осмотрѣть, вычистить, худыя мѣста починить, столы, скамьи и окончины поставить, навозъ и щепы со двора свозить и посыпать на дворѣ пескомъ, перилы сдѣлать въ хоромахъ, колодезь вычистить.

Приставамъ велѣно было узнать, какъ Краббе и прочая свита королевича „почитаютъ“: „рядовымъ обычаемъ“ или „государскимъ обычаемъ“.

Пристава узнали, что Краббе передъ королевичемъ шляпу временемъ снимаетъ, а въ дорогѣ и въ шляпѣ говоритъ, обѣдаетъ вмѣстѣ. Думные люди называютъ его королевичъ и стоятъ передъ нимъ безъ шляпъ.

Но такъ какъ требованія посольства—по торговому трактату—были слишкомъ большія, невыгодныя для московскаго государства, то требованія ихъ и не уважены.

Принцъ Вольдемаръ уѣхалъ. Тогда въ апрѣлѣ 1642 года Москва сама отправила пословъ въ Данію „съ важнымъ дѣломъ“. Послы повезли подарки королевичу, и „велѣно расходывать искрѣпка, безъ чего быть нельзя, чтобъ государское дѣло совершить добромъ“.

Тайно посламъ наказано было: если въ Даніи спросятъ: „есть ли персона царевны?“—то отвѣчать: „У нашихъ-де великихъ государей россійскихъ того не бываетъ, чтобъ персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и въ нашемъ-де государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ люди не видаютъ“.

Пословъ въ Даніи приняли, видимо, неласково. На спросъ о здоровьѣ король смолчалъ, про государское здоровье не спросилъ и съ мѣста не всталъ.

Озадаченные этимъ, послы, не подавая королю царской грамоты, долго стояли молча. Послѣ уже, когда все объяснилось, король всталъ и спросилъ о здоровьѣ московскаго государя по обычаю.

Начались переговоры съ вельможами.

— Великій государь,—говорили московскіе послы:—хочетъ быть съ его королевскимъ величествомъ въ пріятельствѣ, крѣпкой дружбѣ, любви и соединеніи свыше всѣхъ великихъ государей, и для того велѣлъ его королевскому величеству объявить, что его государской дщери, Иринѣ Михайловнѣ, приспѣло время сочетаться законнымъ бракомъ, и вѣдомо ему, великому государю, что у датскаго Христіануса короля есть доброродный и высокорожденный сынъ королевичъ Волмеръ Христіанусовичъ, и если король захочетъ быть съ государемъ въ братской дружбѣ, то позволилъ бы сыну своему государскую дщерь взять къ сочетанію законнаго брака.

— Какъ великій государь графа Волмера хочетъ имѣть у себя въ присвоеньи и въ какой чести? Какіе именно города и села дастъ ему на содержаніе?—спросили датскіе думные люди.

Послы ничего не могли на это отвѣчать, и имъ объявленъ былъ отказъ.

Принца Вольдемара въ это время не было въ Копенгагенѣ, и потому послы отправили къ нему подарки заглазно: подарки состояли изъ „пяти сороковъ соболей“.

Тогда принцъ самъ явился къ нимъ.

— Теперь я милость государя вашего незабытную къ себѣ вижу, потому что пожаловалъ меня своимъ государскимъ многимъ жалованьемъ,—сказалъ Вольдемаръ.

Послы просили его садиться.

— Когда вы, послы, сядете, то и я съ вами сяду,—отвѣчалъ принцъ.

— Ты государскій сынъ; мы по указу государя нашего тебя почитаемъ: тебѣ, по твоему достоянью, добро пожаловать сѣсть, и мы съ тобой сядемъ, сказали послы.

Тогда королевичь сѣлъ, но только „по серединѣ стола“, „а по конецъ стола не сѣлъ“.

Заговорили о сватовствѣ.

— Отецъ все мнѣ разсказалъ объ этомъ дѣлѣ,—сказалъ принцъ:—съ вами много говорить не позволено, да и нечего: во всемъ положился я на волю отца своего.

Послы воротились въ Москву, и тамъ ихъ обвинили въ неуспѣхѣ сватовства.

Но царевна Ирина все еще оставалась безъ жениха, а время шло.

Тогда вмѣсто пословъ отправили самого приказчика Марселиса. Труда Марселису было немало, чтобъ уговорить королевича ѣхать въ Москву.

— Какъ это королевичу ѣхать въ Москву, къ дикимъ людямъ? Тамъ ему быть на-вѣки въ холопствѣ, и, что обѣщаютъ, того не исполнятъ. Можно ему прожить и отцовскимъ жалованьемъ, говорили тѣ, которые хотѣли, чтобъ Вольдемаръ женился на дочери чешскаго короля.

— Если бы въ Москвѣ люди были дикіе, то я бы столько лѣтъ тамъ не жилъ и впередъ не искалъ, чтобъ тамъ жить: хорошо, еслибъ и въ датской землѣ былъ такой же порядокъ, какъ въ Москвѣ,—говорилъ, съ своей стороны, Марселисъ.

Но самъ Вольдемаръ не хотѣлъ ѣхать въ Москву: она, видимо, пугала его.

Если вамъ будетъ дурно—говорилъ Марселисъ, убѣждая принца: то и мнѣ будетъ дурно же, моя голова будетъ въ отвѣтѣ.

— А какая мнѣ будетъ польза въ твоей головѣ, когда мнѣ дурно будетъ? — возражалъ Вольдемаръ.

Съ трудомъ его уговорили дать слово.

— Видно, ужъ такъ Богу угодно,—сказалъ онъ:—если король и его думные люди такъ уложили. Много я на своемъ вѣку постранствовалъ, и такъ воспитанъ, что умѣю съ людьми жить, уживусь и съ лихимъ человѣкомъ, а такому добронравному государю какъ не угодить?

Марселисъ заявилъ условіе, что королевичу неволи въ вѣрѣ не будетъ.

Вольдемаръ выѣхалъ въ Россію. Въ Вильнѣ его ласково принялъ король Владиславъ, и молодой принцъ удивлялъ всѣхъ отличнымъ знаніемъ французскаго и итальянскаго языковъ.

Въ декабрѣ 1643 года Вольдемаръ въѣхалъ въ Россію; 21 января 1644 года онъ уже былъ въ Москвѣ. 4-го февраля былъ у него самъ самъ царь, но о сватовствѣ и о вѣрѣ не было ни слова сказано.

Однако, 8-го февраля явился къ нему отъ патріарха бывшій въ Швеціи резидентомъ Димитрій Францбековъ, и завелъ рѣчь о вѣрѣ.

— Великій святитель со всѣмъ освященнымъ соборомъ сильно обрадовался, что васъ, великаго государскаго сына, Богъ принесъ къ великому государю нашему для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною—говорилъ Францбековъ:—и вамъ бы съ ними вѣрою соединиться.

Вольдемаръ отвѣчалъ, что этого не будетъ, а если станутъ говорить о вѣрѣ, то онъ проситъ, чтобъ его немедленно отпустили домой.

— Теперь вамъ въ свою землю ѣхать нечестно, и вы бъ не оскорблялись, а гораздо помыслили о вѣрѣ отъ книгъ съ духовными людьми.

— Я самъ грамотенъ лучше всякаго попа, библію прочелъ пять разъ и всю ее помню, а если царю и патріарху угодно поговорить со мною отъ книгъ, то я говорить и слушать готовъ,—отвѣчалъ королевичъ.

13-го февраля самъ царь уговаривалъ его. Вольдемаръ стоялъ на своемъ, и просилъ, молилъ царя, чтобъ его отпустили домой.

— Отпустить тебя назадъ—непригоже и нечестно: во всѣхъ окрестныхъ государствахъ будетъ стыдно, что ты отъ насъ уѣхалъ, не соверша добраго дѣла,—сказалъ царь.

Королевичъ замѣтилъ на это:

— Вѣдь при царѣ Иванѣ Васильевичѣ было же, что его племянница была за королевичемъ Магнусомъ.

— Царь Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ это, не жалуя и не любя племянницы своей,- сказалъ царь.

Началась между царемъ и королевичемъ переписка. Королевичъ жаловался, что его не пускаютъ, что его держатъ силой.

Тогда около его дома усилили стражу. Начали говорить посламъ, чтобъ

они убѣждали королевича согласиться. Послы отвѣчали, „что если они рѣшатся на это, то король велитъ съ нихъ за то головы снять“.

Патріархъ писалъ королевичу особо, очень убѣдительно: толковалъ обстоятельно, доказывалъ его заблужденіе, просилъ не упрямиться.

Королевичъ отвѣчалъ: „такъ какъ намъ извѣстно, что вы у его царскаго величества много можете сдѣлать, то бьемъ вамъ челомъ — попросите государя, чтобъ отпустилъ меня и господъ пословъ назадъ въ Данію съ такою же честію, какъ и принялъ. Вы насъ обвиняете въ упрямствѣ: но постоянства нашего въ прямой вѣрѣ христіанской нельзя называть упрямствомъ; въ дѣлахъ, которыя относятся къ душевному спасенію, надобно больше слушаться Бога, чѣмъ людей. Мы хотимъ отдать на судъ христіанскихъ государей, можно ли насъ называть упрямымъ... Вы приказываете намъ съ вами соединиться, и если мы видимъ въ этомъ грѣхъ, то вы, смиренный патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, грѣхъ этотъ на себя возьмете. Отвѣчаемъ: всякій свои грѣхи самъ несетъ; если же вы убѣждены, что по своему смиренію и святительству можете брать на себя чужіе грѣхи, то сдѣлайте милость, возьмите на себя грѣхи царевны Ирины Михайловны и позвольте ей вступить съ нами въ бракъ“.

Дѣло не двигалось, и королевича не отпускали. Бояре будто бы говорили ему, что, быть можетъ, онъ думаетъ, что царевна Ирина нехороша лицомъ, такъ былъ покоенъ — будетъ доволенъ ея красотою; также пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться до-пьяна: она дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна.

Молодой принцъ, однако, рѣшился бѣжать.

9-го мая, ночью, со двора королевича вышло человѣкъ пятнадцать его людей, пѣшіе, подошли къ стрѣлецкому сотнику и начали просить, чтобъ онъ пропустилъ ихъ. Имъ отказали. Нѣмцы начали колоть шпагами стрѣльцовъ.

Тогда же къ тверскимъ воротамъ подъѣхало человѣкъ тридцать нѣмцевъ и хотѣли силою пробиться въ ворота. Завязалась стрѣльба, свалка. Нѣмцы начали ломать ворота, но стрѣльцы заставили ихъ отступить. Одинъ нѣмецъ былъ взятъ въ плѣнъ. Когда его вели, то изъ двора королевича снова выскочили нѣмцы, напали на стрѣльцовъ и начали ихъ бить, колоть: одного убили, шестерыхъ ранили, а своего нѣмца отняли.

Скоро обнаружилось все.

11-го мая Марселисъ явился къ королевичу.

— Вчерашнюю ночь,—говорилъ онъ:—учинилось дурное дѣло: жаль, потому что для такого дѣла добра не бываетъ.

— Мнѣ всѣхъ своихъ людей не въ уздѣ держать, а скучаютъ они оттого, что здѣть безъ пути живутъ; я былъ бы радъ, чтобъ имъ всѣмъ и мнѣ шеи переломали,—въ сердцахъ отвѣчалъ королевичъ.

— Вамъ бы подождать и лиха никакого не мыслить: которые люди

на дурное наговариваютъ, тѣхъ бы не слушать; а кто такъ сдѣлалъ — сдѣлалъ дурно,—замѣтилъ Марселисъ.

— Хорошо тебѣ разговаривать! Ты дома живешь, у тебя такъ сердце не болитъ, какъ у меня,—отвѣчалъ королевичъ.

Между тѣмъ чашникъ королевичевъ тихонько передалъ Марселису:

— Слышалъ ты, какое несчастье вчерашнюю ночь сдѣлалось? Хотѣлъ королевичъ изъ Москвы уѣхать самъ, и у тверскихъ воротъ былъ; а знали про это дѣло только я, да комнатный дворянинъ—послы про то не знали. Королевичъ взялъ съ собою запоны дорогія да золотыхъ, сколько ему надобно было. Въ тверскихъ воротахъ ихъ не пропустили; хотѣли они отъ тверскихъ воротъ воротиться назадъ и пытаться въ другія ворота, но стрѣльцы королевича и дворянина поймали, у королевича шпагу оторвали, били его палками и держали лошадь за узду; тогда королевичъ вынулъ ножъ, узду отрѣзалъ и отъ стрѣльцовъ ушелъ, потому что лошадь подъ нимъ была ученая, слушается его и безъ узды. Пріѣхавши на дворъ, королевичъ сказалъ мнѣ, что мысль не удалась, комнатнаго его дворянина стрѣльцы ухватили, но онъ не хочетъ его выдать. Сказавши это, королевичъ взялъ шпагу да скороходовъ человѣкъ съ десять, выбѣжалъ изъ двора, и, увидавъ, что стрѣльцы ведутъ дворянина, бросился на нихъ, убилъ того стрѣльца, который велъ дворянина, и, выручивъ послѣдняго, воротился домой.

Марселисъ журилъ королевича, зачѣмъ онъ не сказалъ ему о своемъ намѣреніи.

— Большой былъ бы я дуракъ, если бы объ этомъ дѣлѣ сказалъ тебѣ и другому кому, кромѣ тѣхъ, кого съ собою взялъ,—отвѣчалъ королевичъ.

— Что-то подумаетъ царское величество, когда узнаетъ, что вы такое дѣло дерзостно учинили?—замѣтилъ Марселисъ.

— Я царскому величеству сказывалъ, что хочу это сдѣлать,—отвѣчалъ принцъ:—и кто меня станетъ держать и не пропускать, того убью, и впередъ буду о томъ думать, какъ бы изъ Москвы уйти; а если мнѣ это не удастся, то есть у меня иная статья.

Боясь, не задумалъ ли молодой человѣкъ отравиться, Марселисъ донесъ объ этомъ государю.

13-го мая королевичъ вновь писалъ царю, прося, чтобъ его отпустили. Просилъ настойчиво, рѣзко. Но государь прислалъ ему выговоръ, что молодой человѣкъ поступилъ непригоже. Королевичъ снова жаловался, говорилъ, что короли польскій и шведскій не будутъ равнодушно смотрѣть на его плѣнъ.

— Вамъ непригоже было писать, будто вы въ полону находитесь,—отвѣчалъ государь:—мы отпускать васъ никогда не обѣщались, потому что отецъ вашъ прислалъ васъ къ намъ во всемъ въ нашу государскую волю, и вамъ, не совершa великоначатаго дѣла, какъ ѣхать?

Прошелъ май, іюнь и половина іюля. Съ обѣихъ сторонъ шли письма, жалобы, споры, уговариванья.

Но вотъ въ іюлѣ князь Пронскій прислалъ изъ Вязьмы священника Григорія, который показалъ слѣдующее: „сынъ попа бѣгалъ за рубежъ и пришелъ оттуда съ бѣглыми Тропомъ и Бѣлоусомъ. Эти бѣглецы донесли попу, что въ Смоленскъ отъ королевича приходилъ съ грамотами къ тамошнему воеводѣ Андрей Басистой—можно ли королевича провести проселками. Отвѣчали, что можно. Басистой ушелъ въ Москву, чтобъ взять съ собою королевича“. Тогда попа послали поймать Басистаго, и попъ его поймалъ. Допросили, и съ пытки все узнали: — королевича хотѣлъ провести смоленскій воевода Мадалинскій. Тогда за королевичемъ учредили еще болѣе строгій надзоръ.

Прошелъ іюль, августъ, сентябрь и октябрь. Королевичъ не перестаетъ проситься домой.

— Отецъ твой отдалъ тебя мнѣ въ сыновья,—категорически отвѣчалъ ему государь.

Наступилъ 1645 годъ. 9-го января королевичъ еще писалъ государю:

„Бьемъ челомъ, чтобъ ваше царское величество долѣе насъ не задерживали: мы самовластнаго государя сынъ и наши люди всѣ вольные люди, а не холопи; ваше царское величество никакъ не скажете, что вамъ насъ и нашихъ людей, какъ холопей, можно силою задержать. Если же ваше царское величество имѣете такую неподобную мысль, то мы говоримъ свободно и прямо, что легко отъ этого произойти несчастію—и тогда вашему царскому величеству какая будетъ честь предъ всею вселенною? Насъ здѣсь немного, мы вамъ грозить не можемъ силою, но говоримъ одно: про ваше царское величество у всѣхъ людей можетъ быть заочная рѣчь, что вы противъ договора и всякаго права сдѣлали то, что турки и татары только для добраго имени опасаются дѣлать; мы вамъ даемъ явственно разумѣть, что если вы задержите насъ насильно, то мы будемъ стараться сами получить себѣ свободу, хотя бы пришлось при этомъ и животъ свой положить“.

Царь велѣлъ посламъ унимать королевича, чтобъ онъ „мысль свою молодую и хотѣніе отложилъ“.

Въ дѣла вмѣшался польскій посолъ Стемпковскій. Онъ убѣждалъ королевича смириться. Стемпковскій грозилъ, что московскій государь, соединившись съ Швеціею, надѣлаетъ Даніи много зла, а королевича заточитъ въ далекія страны.

Королевичъ рѣзко отвѣчалъ Стемпковскому:

„Могу уступить только въ слѣдующихъ статьяхъ: пусть мои дѣти будутъ крещены въ греческій законъ; посты я буду содержать сколько мнѣ возможно, безъ поврежденія здоровью моему; буду сообразоваться съ желаніемъ государя въ платьѣ и во всемъ другомъ, что непротивно совѣсти, договору и вѣрѣ. Больше ничего не уступлю. Великій князь грози, сколько хочетъ—пусть громомъ и молніею меня изведетъ, пусть сошлетъ меня на конечный рубежъ своего царства, гдѣ я жизнь свою съ плачемъ скончаю— и тутъ отъ вѣры своей не отрекусь: хотя онъ меня распни и умертви—

я лучше хочу съ неоскверненною совѣстью умереть честною смертью, чѣмъ жить съ злою совѣстью. Бога избавителя своего въ судьи призываю. А что королю отцу моему будетъ плохо, когда великій князь станетъ помогать шведамъ противъ него, то до этого мнѣ дѣла нѣтъ, да и не думаю, чтобъ королевство датское и норвежское не могли справиться безъ русской помощи. Эти королевства существовали прежде, чѣмъ московское государство началось, и стоятъ еще крѣпко. Я готовъ ко всему: пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ, только пусть дѣлаютъ поскорѣе".

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. 25-го іюня доносятъ Михаилу Өедоровичу, что королевичъ „заболѣлъ болѣзнью сердечною: сердце щемитъ и болитъ, что скушаетъ пищи или чего изопьетъ, то сейчасъ назадъ, и если скорой помощи не подать, то можетъ быть ударъ или огневая болѣзнь, и королевичъ можетъ умереть".

Но 26-го числа сторожъ Мина доносилъ, что 25 числа королевичъ кушалъ въ саду—всѣ его придворные были веселы, ѣли и пили; послѣ ужина королевичъ гулялъ по саду долго, а когда королевичъ ушелъ къ себѣ, то у маршалка всѣ пили вино и романею, и рейнское, и иное питье до второго часу ночи; всѣ были пьяны, играли въ цимбалы. Доктора у королевича не видали.

Но 12-го іюля (1645 г.) скончался самъ царь Михаилъ Өедоровичъ, уже давно страдавшій внутреннею болѣзнью.

Оригинальное сватовство такимъ образомъ ничѣмъ не кончилось.

Царевна Ирина Михайловна навсегда осталась въ дѣвушкахъ, и старушкою уже видѣла начало царствованія великаго племянника своего, Петра I-го.

VII.

Царица Марья Ильинична (Милославская).

Царица Марья Ильинична, или, какъ ее тогда называли во всѣхъ государственныхъ грамотахъ и другихъ оффиціальныхъ актахъ, Марья Ильинична, изъ рода Милославскихъ, была первою супругою царя Алексѣя Михайловича; но она была не первою избранною имъ невѣстою: честь эта выпала, было на долю другой дѣвушки, которая кончила, впрочемъ, такъ же несчастливо, какъ и извѣстная уже намъ Марья Хлопова, первая невѣста отца Алексѣя Михайловича, царя Михаила Өеодровича, потерявшая счастье быть царицею потому только, что была слишкомъ большая любительница сладкаго.

Первый выборъ царя Алексѣя Михайловича палъ было на дочь дворянина Рафа или Өедора Всеволожскаго.

Вотъ какъ современникъ, находившійся въ то время въ Москвѣ, шведскій повѣренный въ дѣлахъ, Ферберъ, говоритъ объ этомъ событіи въ письмѣ своемъ въ Ригу, какъ о самой свѣжей новости дня (письмо писано 1-го марта 1647 года):

„14-го февраля его царскому величеству представлены были во дворцѣ, въ большой залѣ, шесть дѣвицъ, выбранныхъ изъ 200 другихъ назначенными для того вельможами, и царь избралъ себѣ въ подруги дочь незнатнаго боярина Ѳедора Всеволожскаго; когда дѣвица сія услышала о томъ, то отъ великаго страха и радости упала въ обморокъ; великій князь и вельможи заключили изъ того, что она подвержена падучей болѣзни: ее отослали на три версты отъ Москвы къ одному боярину, чтобы узнать, что съ нею будетъ, между тѣмъ родители ея, которые поклялись, что она прежде была совершенно здорова, взяты подъ стражу. Ежели дѣвица сія получитъ опять ту же болѣзнь, то родители и друзья ихъ должны отвѣчать за то, и будутъ сосланы въ ссылку. Нѣкоторые думаютъ, что великій князь послѣ Пасхи женится на другой“.

Значитъ, письмо писано черезъ двѣ недѣли послѣ самого событія.

Неизвѣстно, что оказалось по испытанію здоровья дѣвушки въ домѣ помянутаго боярина, жившаго отъ Москвы въ трехъ верстахъ, но дальнѣйшія свидѣтельства объ этомъ времени показываютъ, что Всеволожскіе были столь несчастны, что всѣ сосланы въ Сибирь, подобно тому, какъ туда же были сосланы и Хлоповы.

Другія же современныя свидѣтельства утверждаютъ, что Всеволожская дѣйствительно была испорчена. Такъ, сохранилась грамота царя Алексѣя Михайловича съ 10-го апрѣля 1647 года,—то-есть, менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ смотринъ невѣстъ, отъ царя писано въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь о заточеніи крестьянина боярина Романова (двоюроднаго брата царя), Мишки Иванова, а въ грамотѣ, между прочимъ, сказано: „посланъ къ вамъ въ Кириловъ монастырь, подъ крѣпкое начало, боярина нашего Никиты Ивановича Романова крестьянинъ Мишка Ивановъ за чародѣйство и за косной разводъ и за наговоръ, что объявился въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго, и для ссылки отданъ стряпчему Филипу Ерастеву; и какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, а колодника Мишку Иванова къ вамъ въ Кириловъ монастырь привезутъ, и вы бъ его, взявъ, велѣли посадить подъ началъ старцу добру и крѣпкожительну и велѣли его держать подъ крѣпкимъ началомъ съ великимъ береженіемъ“.

Слѣдовательно, происки противъ Всеволожской дѣйствительно были, и несчастная дѣвушка погибла отъ придворной интриги. Иностранцы упрекаютъ въ этомъ любимца царскаго, Морозова, которому не хотѣлось, чтобъ Всеволожскіе породнились съ царемъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже прочилъ за Алексѣя Михайловича Марью Ильиничну Милославскую, а за себя сестру Анну, что весьма правдоподобно, такъ какъ и Ферберъ говоритъ: „нѣкоторые думаютъ, что великій князь послѣ Пасхи женится на другой“. Ясно, что уже указывали на „другую“: она и была, конечно, Марья Ильинична Милославская.

Другой современникъ описываемыхъ событій, извѣстный Котошихинъ, съ своей стороны, говоритъ въ пользу того мнѣнія, что несчастную Всеволожскую испортили изъ зависти ближнія придворныя боярыни, ходившія

за дѣвушкой, когда она, по обычаю, была уже взята во дворецъ и поступила на всѣ права царевны.

У Котошихина обстоятельство это разсказывается такимъ образомъ: „Царь съ патріархомъ совѣтовалъ, и со властьми и съ бояры и съ думными людьми говорилъ, чтобъ ему сочетатися законнымъ бракомъ; и патріархъ и власти на такое доброе дѣло къ сочетанію законныя любви благословили, а бояре и думные люди приговорили. И свѣдавъ царь у нѣкотораго своего ближняго дочь, дѣвицу добру, ростомъ и красотою и разумомъ исполнену, велѣлъ взяти къ себѣ на дворъ и отдати въ береженіе къ сестрамъ своимъ, царевнамъ, и честь надъ нею велѣлъ держати, яко и надъ сестрами своими, царевнами, доколѣ сбудется веселіе и радость. И искони въ Россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои, аще человѣкъ хотя мало пріидетъ въ славу и честь и въ богатство, не возненавидѣти не могутъ. У нѣкоторыхъ бояръ и ближнихъ людей дочери были, а царю объ нихъ къ женитьбѣ ни объ единой мысль не пришла: и тѣхъ дѣвицъ матери и сестры, которыя жили у царевенъ, завидуя о томъ, умыслили учинить надъ тою обранною царевною, чтобъ извести, для того надѣялися, что по ней возьметъ царь дочь за себя котораго иного великаго боярина или ближняго человѣка, и скоро то и сотворили, упоиша ее отравами. Царь же о томъ велми печаленъ былъ, и многи дни лишенъ былъ яди; и потомъ не мыслилъ ни о какихъ высокородныхъ дѣвицахъ, понеже позналъ о томъ, что-то учинилось по ненависти и зависти“.

Во всякомъ случаѣ Всеволожская была загублена и сослана въ Сибирь.

Только уже черезъ пять или шесть лѣтъ вспомнили о ней и объ ея семьѣ: въ Сибири ихъ сначала пересылали изъ одного города въ другой—изъ Яранска въ Верхотурье, изъ Верхотурья въ Тобольскъ. Въ „Тоболескъ“ велѣно было отправить ихъ „безъ мотчанья“, а съ ними велѣно послать „боярскаго сына добра, да стрѣльцовъ, да казаковъ сколько пригоже“.

Въ 1652-мъ году Всеволожскимъ позволили, наконецъ, переѣхать въ одну изъ дальнихъ деревенъ Касимовскаго уѣзда.

Но Алексѣй Михайловичъ недолго оставался безъ невѣсты,—и Морозовъ скоро достигъ своихъ тайныхъ цѣлей.

О вторичномъ избраніи невѣсты Котошихинъ говоритъ слѣдующее:

„И послѣ того времени случился царю быти въ церквѣ, гдѣ коронованъ, и узрѣ нѣкотораго московскаго дворянина Ильи Милославскаго двѣ дочери въ церквѣ стоятъ на молитвѣ, послалъ по нѣкоторыхъ дѣвицъ къ себѣ на дворъ, велѣлъ имъ того дворянина едину мнѣйшую дочь взяти къ себѣ въ верхъ; а какъ пѣніе совершилось и въ то время царь пришедъ въ свои хоромы, тѣ дѣвицы смотрѣлъ и возлюбилъ, и нарекъ царевною, и въ соблюденіе предаде ее сестрамъ своимъ, и возложиша на нее царское одѣяніе, и поставилъ къ ней для оберeганья женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, дондеже приспѣетъ часъ женитбы“.

Затѣмъ Котошихинъ говоритъ и о самой женитьбѣ:

„Царю жъ отложивше всякіе государственные и земскіе дѣла правити

и расправу чинити, почалъ съ своими князи и бояры и околничими и думными людьми мыслити о жиниитбѣ своей, кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ ближнихъ людей, и изъ ихъ женъ, обрати въ какой свадебной чинъ, во отцово и въ материно мѣсто, и въ сидячіе бояре и боярыни, и въ поѣзжаня, въ тысяцкіе, и въ бояре, и дружки, и въ свахъ, и въ свѣщники, и въ коровайники, и въ конюшенной чинъ, и въ дворецкіе, также и съ царевнину сторону сидячихъ бояръ и бояронь и дружекъ и свахъ. И мысли о томъ многіе дни, указалъ, для такія своея царскія радости, думнымъ дьякамъ росписати на роспись: кому въ какомъ въ томъ свадебномъ чину бояромъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людемъ, и ихъ женамъ, въ чинѣхъ же быти, по своему обранію, кого въ какой чинъ излюбилъ не по родомъ и не по чиномъ и не по мѣстомъ, гдѣ кому въ какомъ чину указано быти и тому по тому и быти, а написавъ тоѣ роспись, закрѣпити имъ же дьякомъ и поднести себѣ. А свой царской указъ бояромъ, и окольничимъ, и думнымъ и ближнимъ людемъ велѣлъ сказати, при многихъ людехъ: чтобъ они къ тому дни, въ которой день у него будетъ радость, въ томъ чину кому гдѣ указано быть, были готовы безъ мѣстъ, не по роду и не по чиномъ; а какъ у него будетъ радость, и въ тѣ дни будетъ кто изъ нихъ бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ учинятъ въ свадебномъ дѣлѣ, породою своею или мѣстомъ или чиномъ, какую смуту, и въ томъ свадебномъ дѣлѣ учинится помѣшка, и того за его ослушаніе и смуту казнити, безо всякаго милосердія, а помѣстья его и отчины взяти на царя; также и послѣ сватбы никому никого никакими словами о свадебныхъ чинахъ не поносити, и въ случаи не ставити, кто кого въ чину выше ни былъ, а кто кого учнетъ поносити, а себя выситн, и про то сыщется, и тому отъ царя быти въ великой опалѣ и въ наказаніи“.

Выше мы уже видѣли описаніе свадебной церемоніи при женитьбѣ великаго князя Василія Ивановича на Еленѣ Глинской. А теперь у Котошихина читаемъ болѣе подробное описаніе всего свадебнаго чина на свадьбѣ Алексѣя Михайловича и потому считаемъ не лишнимъ привести здѣсь любопытныя подробности, которыя при описаніи свадьбы Василія Ивановича не были упомянуты.

Невѣста въ церковь явилась закрытою, равно она закрыта была и тогда, когда, передъ выходомъ въ церковь, ей чесали косу.

„А вшедъ въ церковь царь и царевна станутъ среди церкви, блиско олтаря, и постелются подъ нихъ на чемъ стояти объяри золотной сколько доведется, и съ одну сторону царя держатъ подъ руку дружка, а царевну сваха; и протопопъ, устроясь въ одѣяніе церковное, начнетъ ихъ вѣнчати по чину,—въ то время царевну открываютъ, и возлагаетъ на нихъ протопопъ вѣнцы церковные, а по вѣнчаніи подноситъ имъ изъ единаго сосуда пити вина французскаго краснаго, и снимаетъ съ нихъ церковные вѣнцы, и взложатъ на царя корону. И потомъ протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ, и другъ на друга

не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ея слехка жезломъ, зане же мужъ женѣ яко глава на церквѣ".

При возвращеніи новобрачныхъ изъ церкви, по Москвѣ звонятъ колокола.

„Начинается пиръ. И садятся за столы царь съ царицею, а бояре и чинъ свадебный за своими столами, и начнутъ носити ѣсть, и ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ мѣстъ, какъ принесутъ ѣству третьюю, лебедя, и поставятъ на столъ:—и въ то время дружка у отца и у матери, и у тысецкого, благословляются новобрачному съ новобрачною итти опочивать, и они ихъ благословляютъ словомъ же; и царь, и царица, и отецъ, и мать, и иные немногіе люди и жены, провожаютъ ихъ до той палаты, гдѣ имъ опочивать, и проводя пойдутъ всѣ прочь по прежнему за столъ, и ѣдятъ и пьютъ до тѣхъ мѣстъ, какъ отъ царя вѣдомо будетъ. А какъ начнетъ царь съ царицею опочивать, и въ то время конюшей ѣздитъ около той палаты на конѣ, вымя мечь наголо, и блиско къ тому мѣсту никто не приходитъ; и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта. И спустя часъ боевой, отецъ и мать, и тысецкій посылаютъ къ царю и къ царицѣ спрашивати о здоровьѣ, и какъ дружка приходя спрашиваетъ о здоровьѣ, и въ то время царь отвѣщаетъ, что въ добромъ здоровьѣ: будетъ доброе межъ ними совершилось; а ежели не совершилось, и царь приказываетъ приходить въ другой рядъ, или и въ третьіе и дружка потому же приходитъ и спрашиваетъ. И будетъ доброе межъ ими учинилось, скажетъ царь, что въ добромъ здоровьѣ, и велитъ къ себѣ быти всему свадебному чину и отцемъ и матеремъ, а протопопъ не бываетъ; а когда доброго ничего не учинитца, тогда всѣ бояре и свадебный чинъ разъѣдутца въ печали, не бывъ у царя".

Когда свадебное торжество кончилось, то по всѣмъ городамъ царства разосланы были грамоты, въ которыхъ говорилось: „въ города и уѣзды, по монастыремъ игуменомъ и строителемъ и чорнымъ попомъ съ братіею, а по погостамъ и по восточнымъ церквамъ попомъ и діакономъ и всѣмъ церковнымъ причетникомъ, и государевымъ княземъ и дворяномъ, и головамъ, и сотникамъ, и земскимъ и церковнымъ старостамъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ" оповѣстить, что царь „сочетался законному браку, а радость его государская была января въ 16 день нынѣшняго 156 году" (т. е. 1648), „и какъ къ вамъ сія грамота придетъ, и вамъ бы молиться и молебны пѣть со звономъ о ихъ государскомъ многолѣтномъ здравіи, соборнѣ и келейнѣ, по церковному уставу, и чтобъ всемилостивѣйшій Богъ даровалъ имъ благовѣрные года, въ наслѣдіе рода ихъ, и покорилъ бы Богъ враговъ и супостатъ ихъ подъ нозѣ ихъ, и царства бы его государево сохранилъ мирно и немятежно".

Въ 1650-мъ году царица Марья Ильинична родила дочь Евдокію, и вотъ, по случаю этого торжества, патріархъ пишетъ „богомольныя грамоты" къ архіепископамъ и епископамъ: „Въ нынѣшнемъ 158-мъ году, февраля въ 19 день, по прошенію у Всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога благочестиваго и христолюбиваго государя царя и великаго князя Алексѣя

Михайловича всея Русіи и его благочестивыя и христолюбивыя царицы и великія княгини Марьи Ильичны, Богъ простилъ ее государыню благовѣрную царицу и великую княгиню Марью Ильичну, и родила ему государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи дщерь, благочестивую царевну и великую княжну Евдокію Алексѣевну", и потому вновь повелѣвалось „соборнѣ и келейнѣ пѣть молебны со звономъ".

Когда, въ 1654-мъ году, Марья Ильинична родила сына Алексѣя, то объ этомъ оповѣщалось по царству еще съ большимъ торжествомъ и въ „богомольныхъ грамотахъ" не просто говорилось, что „Богъ простилъ царицу", а „благодатію Своею всесильною простилъ", и событіе это называлось уже не просто рожденіемъ царевны, а „всемірною радостію".

Рождается, наконецъ, и царевна Софья, будущая соперница царя Петра, и объ ней уже въ богомольныхъ грамотахъ говорится очень коротко и не упоминается даже о пѣтіи молебновъ со звономъ.

Всего же отъ царицы Марьи Ильиничны царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ шесть дочерей и пять сыновей.

Но Марья Ильинична, повидимому, не была любима народомъ, отчасти потому, что Милославскіе и Морозовъ, женившійся, спустя 10 дней послѣ царской свадьбы, на сестрѣ царицы, Аннѣ, были немилостивы къ народу особенно же первые, которыхъ обвиняли въ притѣсненіяхъ и „грабленіяхъ православныхъ людей". Оттого въ царствованіе Алексѣя Михайловича неоднократно вспыхивали бунты, а въ народѣ иногда поносилось имя царицы.

Такимъ поносителемъ, между прочимъ, оказался, въ 1651-мъ году, во Псковѣ, посадскій человѣкъ Гришка Трясисоломинъ, извѣстіе о которомъ читаемъ въ слѣдующей царской грамотѣ, повелѣвавшей отрѣзать Трясисоломину языкъ: „отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеи Руси, въ нашу отчину во Псковъ, окольничему и воеводѣ нашему князю Василью Петровичу Львову да дьяку нашему Дмитрею Шубину: писалъ къ намъ ты, окольничей нашъ и воевода князь Василей Петровичъ да дьякъ Иванъ Степановъ, что псковитинъ посадской человѣкъ, Гришка Трясисоломинъ, говорилъ про царицу нашу и великую княгиню Марью Ильичну непристойныя рѣчи, и съ пытокъ въ томъ винился, и вы того Гришку велѣли держать за сторожею; и какъ къ вамъ сія наша грамота придетъ, и вы бъ того вора, Гришку Трясисоломина, за его воровскія непристойныя рѣчи, велѣли казнить, вырѣзать ему языкъ, и сослали его въ Великій-Новгородъ съ женою и съ дѣтьми, съ приставомъ и съ провожатыми, съ великимъ береженьемъ".

Немало непріятностей испытала Марья Ильинична и во время свирѣпствовавшаго тогда мороваго повѣтрія. Алексѣй Михайловичъ находился при войскѣ, а царица оставалась одна и, въ сопровожденіи патріарха Никона, спасалась отъ мора въ Калязинѣ, въ тамошнемъ монастырѣ.

Когда царица ѣхала въ Калязинъ, то ей донесли, что передъ тѣмъ временемъ черезъ калязинскую дорогу провезено было тѣло умершей отъ

заразы думной дворянки Гавреневой. И вотъ, во избѣжаніе опасности отъ этого для царицы, велено было по обѣ стороны дороги, саженъ на десять и болѣе, наложить кучи дровъ и выжечь гораздо, уголья и пепелъ съ землею свезти, и насыпать новой земли, привезя оную издалека".

Затѣмъ, по отсутствію царя, царицѣ доносили, что въ Москвѣ проявилась Степанида-калужанка съ братомъ Терешкою, которая разсказываетъ разныя видѣнія и запрещаетъ, будто бы, печатать книги, такъ какъ въ это время происходило предпринятое Никономъ исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ. Марья Ильинична, подъ руководствомъ, конечно, Никона, отвѣчаетъ на Москву: „Степанидка съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ рознились, изъ чего ясно, что они солгали, и вы бы впередъ такимъ небыличнымъ вракамъ не вѣрили: печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для торговаго повѣтрія, а не для нхъ бездѣльныхъ вракъ".

Царица Марья Ильинична скончалась 3-го марта 1669 года: „Божіими праведными судьбами—какъ говорилось въ царскихъ грамотахъ—наша великая государыня, благочестивая царица и великая княгиня Марья Ильична остави земное царствіе и преселилась въ вѣчный покой".

Черезъ три года царь взялъ себѣ другую супругу, знаменитую мать преобразователя Россіи и „Царя работника", Наталью Кирилловну Нарышкину, къ характеристикѣ которой мы и переходимъ.

Вообще же личность Марьи Ильиничны въ памятникахъ того времени отражается блѣднымъ, какъ бы недоконченнымъ образомъ, и образъ этотъ много уступаетъ образу ея преемницы, которая является живымъ человѣкомъ, выпестовавшимъ такого великаго „сына Петруньку", какимъ она передала его Россіи, умирая въ тотъ самый моментъ, когда кончалась ея материнская миссія по отношенію къ сыну.

О сестрѣ Марьи Ильиничны, Аннѣ Морозовой, упоминается, что она будто бы спасла царя Алексѣя Михайловича, когда, во время псковскаго бунта, подъ царскую палату подкатили будто бы зелья.

VIII.

Царица Наталья Кирилловна (Нарышкина).—Агаѳья Семеновна Грушецкая.—Марѳа Матвѣевна Апраксина.—Царевна Софья Алексѣевна.—Царевна Екатерина Алексѣевна.

Общественное и семейное положеніе царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, какъ матери будущаго Преобразователя Россіи, Петра Великаго и политическая роль, выпавшая на долю сводной сестры ея сына, царевны Софьи Алексѣевны и поставившая интересы этой послѣдней въ разрѣзъ съ интересами ея своднаго брата Петра, а слѣдовательно, и въ антагонизмъ

къ его матери, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ,—такъ тѣсно связываютъ между собою обѣ эти личности—мачиху Наталью Кирилловну и падчерицу ея, царевну Софью, что мы не можемъ раздѣлить ихъ и въ нашихъ настоящихъ очеркахъ, не можемъ вести отдѣльно характеристику той и другой: мачиха и падчерица почти вездѣ являются вмѣстѣ, хотя вездѣ являются врагами, а потому онѣ и въ нашемъ очеркѣ будутъ вмѣстѣ, пока ранняя смерть мачихи не развязала окончательно рукъ ея энергической падчерицѣ.

Всѣ остальныя женскія личности этого цикла: Агаѳья Семеновна Грушецкая, Марѳа Матвѣевна Апраксина и царица Екатерина Алексѣевна, играя второстепенныя роли, какъ бы поглощаются этими двумя, болѣе крупными историческими личностями, стоящими на рубежѣ новой Россіи—знаменитою мачихою и еще болѣе знаменитою падчерицею.

Наталья Кирилловна Нарышкина была второю супругою царя Алексѣя Михайловича, который женился на ней въ 1672 г., по смерти первой супруги, царицы Марьи Ильиничны Милославской.

Наталья Кирилловна была дочь небогатаго торусскаго дворянина, Кирилла Полуектовича Нарышкина, который одно время состоялъ въ должности стрѣлецкаго головы и находился на службѣ въ Смоленскѣ. Дочь Наталья сначала воспитывалась при немъ, но потомъ ее взялъ къ себѣ знаменитый бояринъ и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, Артамонъ Матвѣевъ. Жизнь Натальи у небогатаго отца и впослѣдствіи ставилась въ укоризну царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, такъ что приверженецъ ея соперницы, царевны Софьи, Шакловитый, говорилъ потомъ Софьѣ: „вспомни, государыня, какова въ Смоленскѣ была—въ лаптяхъ ходила“!

У боярина Матвѣева Наталья получила блестящее по тому времени воспитаніе. Матвѣевъ считался самымъ просвѣщеннымъ, самымъ передовымъ въ то время человѣкомъ во всей Русской землѣ. Онъ жилъ совершенно по-европейски: домъ его украшенъ былъ картинами, часами; жена его не жила уже теремною жизнью и считалась женщиною образованною, а невѣстка, жена его сына, высокообразованнаго молодого человѣка, считалась единственною въ Россіи женщиною, которая не портила свое лицо румянами по примѣру всѣхъ остальныхъ русскихъ боярынь, перенявшихъ этотъ обычай едва ли не у татарокъ еще во время монгольскаго владычества. У Матвѣева была труппа своихъ актеровъ изъ дворовыхъ людей, и труппа эта давала представленія, которыми тѣшился самъ царь, отецъ Преобразователя Россіи.

Воспитанная въ такомъ блестящемъ и образованномъ семействѣ, Наталья Кирилловна могла естественно пріобрѣсти такія привлекательныя качества, которыхъ другія боярыни не имѣли и которыя обратили на нее вниманіе царя. Алексѣй Михайловичъ рѣшился на ней жениться, несмотря на безчисленныя козни, которыя строились противъ этой женитьбы, вообще противъ второго брака, такъ какъ отъ перваго брака у царя имѣлось уже обширное семейство, состоявшее изъ шести дочерей и пяти сыновей. Несмотря на подметныя письма, разбрасываемыя въ грановитыхъ сѣняхъ и

въ проходныхъ, письма, въ которыхъ запугивали царя чародѣйствомъ со стороны Матвѣева,—царь привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Эта вторая супруга, царица Наталья Кирилловна, дала царю Алексѣю Михайловичу еще троихъ дѣтей: сына Петра, великаго впослѣдствіи „Царя-работника“, и дочерей Наталью и Ѳедору.

Но вообще Наталья Кирилловна жила съ мужемъ недолго—царь Алексѣй Михайловичъ умеръ еще очень молодымъ и очень не во-время.

Во дворцѣ, послѣ смерти царя, осталось громадное царское семейство, но оно почти все состояло изъ женщинъ, изъ дѣвушекъ. Это были извѣстныя уже намъ царевны: Ирина, которую такъ неудачно отецъ хотѣлъ просватать за датскаго принца Вольдемара, Анна и Татьяна—старыя дѣвушки, сестры царя Алексѣя Михайловича, потомъ Евдокія, Марья, Софья—соперница Петра, Екатерина и Марѳа—дочери Алексѣя Михайловича отъ перваго его брака, отъ Марьи Ильиничны Милославской, затѣмъ Наталья и Ѳедора — дочери отъ второго брака, отъ Натальи Кирилловны Нарышкиной, и, наконецъ, сама Наталья Кирилловна, еще очень молодая вдова.

На такое значительное число женщинъ въ царскомъ семействѣ приходилось только трое мужчинъ, почти дѣтей: одинъ больной цынгою царевичъ Ѳедоръ, другой тоже больной и малоумный Иванъ и третій — совсѣмъ еще ребенокъ Петръ.

Во всемъ этомъ большомъ семействѣ выдавались только три личности: мачиха Наталья Кирилловна, собственно какъ мать маленькаго Петра, этого замѣчательнаго ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ, падчерица первой, царевна Софья, и крошечный Петръ.

Софья и Петръ—это были двѣ почти равныя силы, хотя рожденныя отъ разныхъ матерей, но силы тожественныя, обѣ полныя энергіи личности. Софья, даже по отзыву ея недоброжелателей и личныхъ враговъ, была „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“.

Учитель Софьи былъ знаменитый западно-русскій монахъ и поэтъ Симеонъ Полоцкій. Западная Русь и влила отчасти въ Русь восточную свѣжія силы и новыя стремленія, почерпнутыя ею у Европы еще раньше Петра. Софья знала по-польски. Она читала житія святыхъ, изданныя на на польскомъ же языкѣ извѣстнымъ западно-русскимъ ученымъ Лазаремъ Барановичемъ. Польскій духъ, или скорѣе западно-русская образованность съ ея идеями несомнѣнно отразились на развитіи молодой, даровитой и воспріимчивой царевны, и она первая изъ русскихъ женщинъ, наравнѣ съ женою боярина Матвѣева, вышла изъ терема и отворила двери этого терема для всѣхъ желающихъ русскихъ женщинъ, какъ меньшой братъ ея Петръ прорубилъ потомъ окно въ Европу, тоже для желающихъ, а иногда и для не желающихъ.

Однимъ словомъ, царевна Софья составляетъ переходъ отъ женщинъ до-петровской Руси къ женщинамъ Руси современной.

Симеонъ Полоцкій, посвящая молодой своей ученицѣ свое сочиненіе—

„Вѣнецъ вѣры“, такъ обращается къ ней съ своими силлабическими виршами, риемованными не всегда удачно и гладко, съ помощью польскихъ удареній на вторыхъ отъ конца слогахъ, противно русскому уху:

О благороднѣйшая царевна Софіа,
Ищеши премудрости выну небесныя.
По имени твоему жизнь твою ведѐши,
Мудрыя глаголеши, мудрая дѣѐши.
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати,
Увидѣвши же, яко и книга писася новàя,
Яже „Вѣнецъ вѣры“ реченнàя,
Возжелала ту еси сама созерцати
И еще въ черни бывшу прилежно читати,
И, познавши полезну въ духовности быти,
Велѣла еси чисто ону устроити.

Естественно, что между честолюбивой и властолюбивой Софьею и Натальею Кирилловною должна была возникнуть вражда, сначала вражда падчерицы противъ мачихи, особенно же при тогдашнихъ, почти первобытныхъ понятіяхъ, какія вообще соединялись съ словомъ „мачиха“, и потомъ вражда изъ-за власти, изъ-за царственнаго первенства маленькаго Петра, въ которомъ мать буквально души не чаяла. Къ Софьѣ примкнули другія царевны, ея сестры, числомъ семь, и, кромѣ того, тетки—сестры Алексѣя Михайловича, которыя всѣ, вторичной женитьбой брата на Натальѣ Кирилловнѣ, оттѣснены были на второй планъ, тогда какъ на первый планъ становилась молодая женщина, годившаяся имъ въ дочери и еще недавно, будто бы, по увѣренію Шакловитаго, „ходившая въ лаптяхъ“. Ее должна была возненавидѣть и вся семья Милославскихъ, вся ихъ обширная, почти заполонившая дворецъ, родня, по праву того, что первая жена царя была Милославская, а слѣдовательно, и царскія дѣти—всѣ Милославскіе.

Когда умеръ Алексѣй Михайловичъ, Матвѣевъ сначала скрылъ его смерть и хотѣлъ посадить на престолъ маленькаго Петра, помимо старшаго царевича Өедора, изъ рода Милославскихъ. Но бояре, не безъ вліянія Софьи, разбили этотъ планъ: больного Өедора, съ распухшими отъ цынги ногами, вынесли на рукахъ и посадили на тронъ. Началось цѣлованье его царской руки.

Наталья Кирилловна должна была скрыться съ маленькимъ Петромъ.

Рядомъ съ больнымъ царемъ и даже выше его—нравственно—стала у престола Софья; рядомъ съ ней помѣстились пять сестеръ и три тетки.

Мачиха была въ загонѣ. Загонъ этотъ она чувствовала и слышала въ крикахъ извѣстной „постницы“, верховной боярыни Анны Петровны Хитрово, пользовавшейся громаднымъ вліяніемъ при дворѣ: Наталья Кирилловна была слишкомъ по новому воспитана и воспитана у такого человѣка, какъ Матвѣевъ, у котораго были свои комедіанты, „лицедѣйствовавшіе по дьявольскому наущенію“, чтобъ не быть гонимою со стороны боярыни „постницы“.

Врагомъ Натальи Кирилловны и сторонникомъ Софьи становится и Василій Семеновичъ Волынскій, вошедшій въ силу потому только, что его жена была большая модница, державшая хорошихъ швеекъ, къ которымъ и обращались съ заказами всѣ тогдашнія боярыни и боярышни-щеголихи: такъ, костюмъ и женская мода начинаютъ уже играть роль на рубежѣ старой и новой Россіи, въ эпоху борьбы двухъ молодыхъ женскихъ силъ, одинаково и въ одно время захлопнувшихъ за собою двери теремовъ: мачихи Натальи Кирилловны и падчерицы Софьи Алексѣевны.

Тотъ, на кого могла опереться Наталья Кирилловна, бояринъ Матвѣевъ, замѣнявшій ей отца, былъ немедленно сосланъ, вмѣстѣ съ своимъ образованнымъ сыномъ, будто бы за чародѣйство, потому что читалъ съ лѣкаремъ какую-то „черную книгу“ и отравилъ царя: его сослали сначала въ Лаишевъ, а потомъ еще въ худшую ссылку—въ Мезень.

Но этого мало: сослали и братьевъ Натальи Кирилловны, потому что все это нужно было ея соперницѣ, царевнѣ Софьѣ. Брата царицы Натальи, Ивана обвинили въ желаніи убить царя.

— Говорилъ ты, Иванъ (такъ обвиняли брата Натальи Кирилловны), держальнику своему, Ивашку Орлу, на Воробьевѣ и въ иныхъ мѣстахъ про царское величество при лѣкарѣ Давыдкѣ: ты-де орелъ старый, а молодой-де орелъ на заводи ходитъ, и ты его убей изъ пищали, а какъ ты убьешь, и ты увидишь къ себѣ отъ государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взысканъ и отъ Бога тѣмъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ. И держальникъ твой Ивашка Орелъ тебѣ говорилъ: убилъ бы, да нельзя, лѣсъ тонокъ, а заборъ высокъ. Давыдка въ тѣхъ словахъ пытанъ, и огнемъ и клещами жженъ многажды, и передъ государемъ, и передъ патріархомъ, и передъ бояры, и отцу своему духовному въ исповѣди сказывалъ прежнія-жъ рѣчи: какъ ты Ивашку Орлу говорилъ, чтобы благочестиваго царя убилъ. И великій государь указалъ и бояре приговорили: за такія твои страшныя вины и воровство тебя бить кнутомъ и огнемъ и клещами жечь и смертію казнить, и великій государь тебя жалуетъ, вмѣсто смерти велѣлъ тебѣ дать животъ, и указалъ тебя въ ссылку сослать на Рязань, въ Ряжскій городъ, и быть тебѣ за приставомъ до смерти живота твоего.

Настало царство женщинъ. Такъ и несчастный вельможа-любимецъ Алексѣя Михайловича, воспитатель Натальи Кирилловны, Матвѣевъ, пишетъ свои слезныя просьбы изъ ссылки женщинѣ, могущественной „постницѣ“ Аннѣ Петровнѣ Хитрово, адресуя на имя мужа ея:

„Сугубой милости у тебя прошу—попроси милости и милосердія у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтобъ она, видя мою невинность и слезы кровавыя и непрестанныя съ червемъ моимъ, и разореніе мое всеконечное, для воздаянія на небесахъ будущихъ благъ въ некончаемомъ царствіи, предстательствовала о мнѣ убогомъ у великаго государя съ тобою“.

Удаливъ Наталью Кирилловну и маленькаго Петра, разсѣявъ всю ихъ

родню и всю ихъ партію, царевна Софья, однако, скоро встрѣтилась съ новой, неожиданной соперницей.

Во время одного изъ крестныхъ ходовъ, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ замѣтилъ одну дѣвицу, которая сразу произвела на него впечатлѣніе. Онъ велѣлъ узнать, кто она, и ему доложили, что это—Агаѳья Семеновна Грушецкая, племянница думнаго дьяка Заборовскаго и живетъ у него въ домѣ, у своей тетки. Заборовскому тотчасъ же приказали не выдавать замужъ племянницы до царскаго указа. Тогда партія Софьи-царевны, узнавъ о грозящей имъ опасности, старалась оклеветать Грушецкую и ея мать. Но ничто не помогло: дѣвушка была оправдана отъ клеветы въ глазахъ царя, и больной Ѳедоръ женился на ней въ 1680 году.

Грушецкая была родомъ полька. По свидѣтельству одного польскаго писателя, хорошо знавшаго тогдашнія московскія событія и тогдашнее общество, Грушецкая принесла много добра московскому царству: по ея вліянію, въ Москвѣ заложено было нѣсколько школъ польскихъ и латинскихъ; москвичи начали стричь волосы, брить бороды, носить польскія сабли и кунтуши. Грушецкая уговорила царя снять съ воиновъ позорные женскіе охабни, которые должны были носить ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія. По ея же вліянію велѣно было вынести изъ церквей образа, которые ставили въ храмахъ своихъ прихожане, каждый лично для себя, и этимъ образамъ, какъ своимъ богамъ-патронамъ, каждый исключительно молился и свѣчу ставилъ, а другимъ не позволялъ.

Разумѣется, эти нововведенія не могли не вызвать въ Москвѣ толковъ, сплетенъ, интригъ: говорили о намѣреніи царя принять „ляцкую вѣру“, вспомнили и Димитрія-Самозванца и Марину Мнишекъ.

Конечно, всѣмъ этимъ не могла не руководить царевна Софья для своихъ видовъ, но ея опасенія и тревоги за свое первенство были напрасны: ровно черезъ годъ ея соперница Грушецкая уже не существовала: она родила сына, царевича Илью, и на третій день послѣ родовъ (14 іюля 1681 г.) умерла. Черезъ шесть дней умеръ и царевичъ Илья.

Польскаго духу при дворѣ, стало быть, не осталось.

Но у властолюбивой царицы Софьи явилась еще новая соперница: меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти царицы Агаѳьи Грушецкой, болѣзненный царь женился на второй женѣ (14 февраля 1682 года). Это была дѣвушка далеко незнатнаго рода: Марѳа Матвѣевна Апраксина.

Но, женившись 14-го февраля, царь Ѳедоръ умеръ 27-го апрѣля того же года.

Царское семейство еще увеличилось одной женщиной, вдовой царицей Марѳой, и еще уменьшилось однимъ мужчиной.

Царевна Софья самой судьбой, повидимому, вынесена была на самый верхъ: все остальное теперь стояло ниже ея—и вдова-царица, бездѣтная Марѳа Апраксина, и другая вдова-царица, мачиха Наталья Кирилловна съ сыномъ Петромъ, и ея собственныя сестры, и старыя тетки-царевны: все стояло ниже ея во всѣхъ отношеніяхъ.

Но въ это время воскресалъ какъ бы изъ мертвыхъ ея старый врагъ— Артамонъ Матвѣевъ, доселѣ томившійся въ ссылкѣ въ Мезени. За него хлопотала у царя послѣдняя его жена Марѳа Апраксина, и онъ переведенъ былъ въ Лухъ. Но еще болѣе страшный ударъ ожидалъ Софью на другой день послѣ смерти брата, Ѳедора́ Алексѣевича: боярскій и народный выборъ палъ на долю сына Натальи Кирилловны — маленькаго Петра: сынъ славной „лапотницы" былъ посаженъ на царство.

Всѣ планы Софьи рушились. Она была въ страшномъ отчаяньи. Когда хоронили ея брата-царя, она сама шла за гробомъ вплоть до собора: это былъ первый случай во всей исторіи московскаго царства, что царевна рѣшилась показаться публично, идти пѣшкомъ, и громкимъ плачемъ не могла не обратить на себя вниманіе народа. Ее останавливали отъ этого, говорили, что это „непригоже", что такое поведеніе неприлично для царевны—но она никого не слушала.

Возвращаясь изъ собора во дворецъ, царевна продолжала громко плакать и говорила къ народу:

— Видите, какъ братъ нашъ царь Ѳедоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта—отравили его враги зложелательные. Умилосердитесь надъ нами сиротами: нѣтъ у насъ ни батюшки, ни брата: старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство. А если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ.

Народъ не могъ не быть пораженъ этими словами.

Въ то же время поведеніе царицы Натальи Кирилловны показалось инымъ нѣсколько предосудительнымъ: она не достояла въ соборѣ до конца службы, и, простившись съ покойникомъ, увела съ собой Петра.

Оскорбленныя этимъ тетки царя, Анна и Татьяна Михайловны, тотчасъ же отправили къ царицѣ Натальѣ монахинь съ укоризною:

— Хорошъ братъ—не могъ дождаться конца погребенья!

Царица Наталья отвѣчала монахинямъ, что Петръ еще ребенокъ, что онъ не могъ выстоять до конца службы не ѣвши.

— Кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ: живъ!—рѣзко замѣтилъ при этомъ братъ Натальи Кирилловны, Иванъ, который, какъ мы видѣли, былъ сосланъ въ Ряжскъ за то будто бы, что подговаривалъ Ивашку Орла убить „орла въ заводи", и который, едва умеръ царь Ѳедоръ, тотчасъ же и былъ возвращенъ сестрою изъ ссылки.

Но на сторонѣ царевны Софьи, кромѣ ея родичей, Милославскихъ, оставались еще князья Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго Софья любила больше, чѣмъ сколько слѣдовало любить своего политическаго приверженца и подданнаго, и Хованскій, лицо очень близкое къ стрѣльцамъ, извѣстный на Москвѣ болтунъ и сплетникъ, котораго и называли „Таруемъ". Съ ихъ помощью, а особенно съ помощью стрѣльцовъ, можно было многое еще сдѣлать.

Она и сдѣлала... Недовольные нѣкоторыми изъ своихъ начальниковъ, стрѣльцы взбунтовались. Говорятъ, что извѣстія о затѣваемыхъ стрѣльцами

смутахъ были столько же пріятны для царевны Софьи, сколько для Ноя пріятны были лепестки масличной вѣтви, принесенной голубемъ въ ковчегъ.

Софья старалась тайно подлить масла въ огонь, и въ этомъ помогали ей Хованскій, Милославскій, и особенно одна женщина изъ малороссійскихъ казачекъ, Ѳедора Семеновна Родимица, вдова, постельница: она ходила по стрѣльцамъ, носила имъ отъ царевны Софьи деньги и подогрѣвала ихъ на мятежный подъемъ несбыточными обѣщаніями.

Вотъ почему, едва сынъ Натальи Кирилловны былъ провозглашенъ царемъ, какъ она тотчасъ же вызвала изъ ссылки своего благодѣтеля и воспитателя Артамона Матвѣева, который одинъ могъ уберечь ее съ сыномъ: бразды правленія тотчасъ перешли снова въ его привычныя руки.

Этого было достаточно для царевны Софьи и это была самая пора, чтобъ поднять на ноги стрѣльцовъ.

Стрѣлецкая гроза разразилась 15-го мая 1682-го года, ровно въ девяносто-первую годовщину убіенія Димитрія-царевича въ Угличѣ. День этотъ заранѣе былъ назначенъ заговорщиками.

Услыхавъ, что будто бы царевичъ Иванъ задушенъ Нарышкиными, стрѣльцы съ набатнымъ звономъ, боемъ барабановъ, съ знаменами и пушками двинулись ко дворцу. Матвѣевъ и всѣ приверженцы царицы Натальи Кирилловны собрались въ ея покояхъ. Послали за патріархомъ.

Стрѣльцамъ показали царевича Ивана, и они увидѣли, что онъ живъ, что никто его не душилъ. Они было стихли.

Но неумѣстная выходка князя Михаила Долгорукаго снова вызвала общій взрывъ: за то, что онъ сдѣлалъ на стрѣльцовъ окрикъ — началась рѣзня. Долгорукаго изрубили бердышами, Матвѣева, котораго хотѣла было защитить Наталья Кирилловна и который ухватился было, какъ за защиту, за маленькаго царя, вырвали у нихъ изъ рукъ, сбросили на площадь, на стрѣлецкія копья, и изрубили на части.

Наталья Кирилловна, схвативъ царя, убѣжала въ Грановитую палату.

Стрѣльцы рыскали по дворцу и искали Нарышкиныхъ. Ошибкой убили стольника Салтыкова, и извинились въ ошибкѣ передъ его отцомъ, сказавъ, что приняли покойнаго за Нарышкина—и отецъ еще угостилъ ихъ водкой. Разрубили на части восьмидесятилѣтняго старика князя Долгорукаго, сначала извинившись, что сгоряча убили его сына Михайлу, бросили трупъ старика на навозную кучу и на трупъ положили соленую рыбу.

Цѣлый день искали Нарышкиныхъ и свирѣпствовали во дворцѣ. На другой день то же: все искали своихъ жертвъ, которыя прятались двое сутокъ то въ комнатахъ царевны Натальи Алексѣевны, маленькой сестры Петра, то у вдовы-царицы Маѳы Матвѣевны, и объ ихъ убѣжищѣ знала одна лишь постельница Клушина.

Ожесточеніе бунтовщиковъ дошло до крайнихъ предѣловъ: отъ крови и вина они опьянѣли совершенно, и когда Хованскій, „Тараруй“, спросилъ ихъ:

— Не выгнать ли изъ дворца царицу Наталью Кирилловну?

— Любо! любо!—отвѣчали ревомъ эти разсвирѣпѣвшіе звѣри.

Спасенья нельзя было ждать ни откуда. Надо было опасаться, что обезумѣвшіе мятежники станутъ бить всѣхъ бояръ. Поэтому приходилось выдать тѣхъ, кого они требовали, а главное—выдать Ивана, брата Натальи Кирилловны.

— Брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ: не погибать же намъ всѣмъ за него!—съ сердцемъ сказала царевна Софья царицѣ Натальѣ.

Бояре также просили царицу выдать брата, чтобъ спастись самимъ.

Несчастнаго выдали: его ввели въ церковь Спаса, передъ смертью исповѣдали, пріобщили, и, какъ умирающаго, напутствовали и соборовали. Царевна Софья совѣтовала ему взять образъ и нести передъ собой — не испугаются ли убійцы и не устыдятся ли образа.

Боязнь бояръ не позволила даже сестрѣ проститься съ братомъ. Особенно торопилъ ихъ старикъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, да и сцена прощанья была раздирательная.

— Сколько вамъ, государыня, не жалѣть, а все ужъ отдать придется,— говорилъ онъ Натальѣ Кирилловнѣ:—а тебѣ, Ивану, отсюда скорѣе идти надобно, а то намъ всѣмъ придется погибать изъ-за тебя.

Ивана стрѣльцы пытали, но и подъ пыткой онъ молчалъ. Несчастнаго разрубили на части.

Поймали доктора Данила фонъ-Гадена. Его обвинили въ отравленіи царя Ѳедора. Царица Марѳа Матвѣевна и царевны умоляли стрѣльцовъ пощадить его, увѣряя, что всѣ лѣкарства, которыя давались больному царю, Гаденъ самъ отвѣдовалъ въ ихъ глазахъ.

— Да онъ не только уморилъ царя Ѳедора Алексѣевича, — кричали стрѣльцы:—онъ чернокнижникъ: мы у него въ домѣ нашли сушеныхъ змѣй, и за это надо казнить его смертью.

Пытали и разсѣкли доктора на части.

Звѣри, думая, что совершили подвигъ за царя, подошли ко дворцу и кричали:

— Теперь мы довольны. Съ остальными измѣнниками ваше царское величество чините что угодно, а мы за ваше царское величество, за обѣихъ царицъ, царевича и царевенъ готовы головы свои складывать!

Вотъ что надѣлала царевна Софья!

У царской матери, у царицы Натальи Кирилловны, не осталось никого: всѣхъ перебили. Остался только царь-ребенокъ. Ясно, что о борьбѣ со всемогущей Софьей ей и думать было нечего,—ей, которую князь Хованскій называлъ „стрѣлецкою женкою", а сына ея — „стрѣлецкимъ сыномъ", такъ какъ отецъ царицы Натальи Кирилловны—мы видѣли выше— былъ одно время стрѣлецкимъ головою. Они остались безъ семьи, и современники справедливо назвали несчастную мать великаго Преобразователя Россіи—„безсемейною".

Послѣ стрѣлецкаго погрома царевна Софья царствовала по всей своей волѣ: первый разъ послѣ первой русской княгини Ольги, мстившей дре-

влянамъ за смерть мужа, Русскою землею управляла женщина, и притомъ дѣвушка, вмѣстѣ съ цѣлымъ десяткомъ другихъ царевенъ. Всѣ шло съ докладами къ царевнамъ „на верхъ“: знали только Софью, которая наградила стрѣльцовъ за вѣрную службу, роздавъ имъ деньги и обѣщавъ еще по десяти рублей на стрѣльца. Буяны эти переименованы были въ „надворную пѣхоту“—тоже едва ли не по примѣру „надворнаго“ войска въ Польшѣ. Начальникомъ „пѣхоты“, говорятъ, сåмъ себя выбралъ „Тараруй“.

Но въ царевнѣ Софьѣ, повидимому, былъ тотъ же реформаціонный духъ, что и въ ея маленькомъ братѣ Петрѣ, будущемъ „царѣ-работникѣ“: она не остановилась на томъ, что было сдѣлано. Хованскій докладывалъ, что стрѣльцы и московскіе люди хотятъ, чтобы оба царевича царствовали вмѣстѣ. Это значило, чтобы царевна Софья была правительницею до ихъ возмужалости, по примѣру Елены Глинской, матери Грознаго, а Наталья Кирилловна отошла бы уже на третій планъ.

Буяны-стрѣльцы обѣдаютъ во дворцѣ каждый день по два полка. Задобренные ѣдой и питьемъ, они упрашиваютъ царевну Софью взять въ свои руки кормило правленія—быть правительницей. Послѣ долгихъ притворныхъ отказовъ, она взяла то, что уже давно было въ ея рукахъ.

Но стрѣльцы все же не могли не сознавать, хотя смутно, что они надѣлали, что учинили они нехорошее дѣло, злодѣйское, что дѣло это— все-таки былъ бунтъ.

И вотъ, они подаютъ царямъ челобитную:

„Сего пятаго-на-десять мая, изволеніемъ Всемогущаго Бога и Пречистыя Богородицы, въ московскомъ государствѣ случилось побитье, за домъ Пресвятыя Богородицы и за васъ, великихъ государей, за мірное (мірское) порабощеніе, и неистовство къ вамъ, и отъ великихъ къ намъ налогъ, обидъ и неправды“—побиты такіе-то и такіе-то. „И мы, побивъ ихъ, нынѣ просимъ милости — учинить на Красной площади столпъ и написать на немъ имена всѣхъ этихъ злодѣевъ (невинно побитыхъ-то) и вины ихъ, за что побиты, и дать намъ во всѣ стрѣлецкіе приказы, въ солдатскіе полки и посадскимъ людямъ во всѣ слободы жалованныя грамоты за красными печатями, чтобъ насъ тогда бояре, окольничіе, думные люди и весь вашъ синклитъ и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и измѣнниками не называли“, и т. д.

Учинили имъ и столбъ. Дали грамоты за красными печатями. Но и этого было мало. Со стрѣльцами стали раскольники: имъ тоже хотѣлось, чтобъ и ихъ старая вѣра признана была дѣломъ хорошимъ, правымъ. Они требовали собора.

Доложили и объ этомъ царевнѣ Софьѣ. Велѣно было позвать выборныхъ раскольничьихъ, говоруновъ, опиравшихся на цѣлую массу раскольниковъ и стрѣльцовъ, въ Грановитую палату, хотя раскольники и требовали, чтобъ соборъ былъ на площади, передъ всѣмъ народомъ: хотѣлось тоже, видно, побуянить. Имъ сказали, что царевнамъ и царицѣ на площади быть непригоже, зазорно.

Хованскій, желая запугать царевну, не совѣтовалъ ей быть въ палатѣ при спорѣ съ изувѣрами.

— Буди воля Божія, но я не оставлю святыя церкви и ея пастыря,— отвѣчала Софья.

Хованскій началъ пугать бояръ.

— Просите, Бога ради, царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую съ патріархомъ; а если пойдетъ, то при нихъ и намъ быть всѣмъ побитымъ.

Но она и бояръ не послушалась. Со страхомъ и слезами маститый старецъ-патріахъ прошелъ въ Грановитую палату не черезъ Красное крыльцо, боясь изувѣровъ, а по Ризположенской лѣствицѣ. Зато черезъ Красное крыльцо велѣлъ пронести древнія книги, славянскія и греческія, чтобъ показать изувѣрамъ и народу это оружіе борьбы противъ церковнаго мятежа.

Раскольники вошли въ Грановитую палату съ крестомъ, Евангеліемъ, образами, налоями и свѣчами.

На царскихъ тронахъ они увидали двухъ царевенъ: Софью и тетку ея, Татьяну Михайловну, одну изъ наиболѣе уважаемыхъ всѣми личностей. Ниже, въ креслахъ, сидѣли: царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексѣевна и патріархъ. Остальныя мѣста были заняты архіереями, царедворцами, боярами и выборными отъ стрѣльцовъ.

— Зачѣмъ пришли вы въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ?— спросилъ патріархъ коноводовъ раскольничьихъ.

— Мы пришли къ царямъ-государямъ побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобъ дали намъ свое праведное разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, и чтобъ церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи,—отвѣчалъ знаменитый изувѣръ Никита, суздальскій священникъ.

— Не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла,—сказалъ патріархъ:— вы должны повиноваться матери своей, святой Церкви и всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи: книги исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ, а вы грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую содержитъ въ себѣ силу.

— Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, а о церковныхъ догматахъ! — закричалъ Никита. — Зачѣмъ архіереи при осѣненіи берутъ крестъ въ лѣвую руку, а свѣчу въ правую?

Когда, вмѣсто патріарха, сталъ отвѣчать на это холмогорскій епископъ Аѳанасій, Никита бросился на него съ поднятою рукою.

— Что ты, нога, выше головы ставишься?—закричалъ онъ.—Я не съ тобою говорю, а съ патріархомъ!

Выборные отъ стрѣльцовъ тотчасъ оттащили Никиту отъ Аѳанасія.

Софья-царевна, возмущенная сценой, вскочила съ трона.

— Видите ли, что Никита дѣлаетъ?—говорила она съ негодованіемъ.— Въ нашихъ глазахъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и подавно бы убилъ!

— Нѣтъ, государыня, онъ не билъ, только рукою отвелъ,—защищались раскольники.

— Тебѣ ли, Никита, съ святымъ патріархомъ говорить?—продолжала царевна.—Не довелось тебѣ у насъ и на глазахъ быть: помнишь, какъ ты отцу нашему и патріарху и всему собору принесъ повинную, клялся великою клятвою впередъ о вѣрѣ не бить челомъ, а теперь опять за то же принялся?

— Не запираюсь,—отвѣчалъ Никита:— поднесъ я повинную за мечомъ да за срубомъ, а на челобитную мою, которую я подалъ на соборѣ, никто мнѣ отвѣта не далъ изъ архіереевъ: сложилъ на меня Семенъ Полоцкой книгу—„Жезлъ", но въ ней и пятой части противъ моего челобитья нѣтъ. Изволишь, я и теперь готовъ противъ „Жезла" отвѣчать, и если буду виноватъ, то дѣлайте со мною, что хотите.

— Не стать тебѣ съ нами говорить, и на глазахъ нашихъ быть!— отвѣчала Софья, и приказала читать раскольничью челобитную.

Дочитали до того мѣста, гдѣ говорилось, что Арсеній-еретикъ и патріархъ Никонъ поколебали душу царя Алексѣя.

Царевна Совья не могла этого вынести: слезы выступили у нея на глазахъ. Она опять вскочила съ царскаго трона.

— Если Арсеній и Никонъ-патріархъ еретики,—говорила она еще съ сильнѣйшимъ негодованіемъ:—то и отецъ нашъ и братъ также еретики стали: выходитъ, что и нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи! Мы такой хулы не хотимъ слышать, будто отецъ нашъ и братья еретики—мы пойдемъ всѣ изъ царства вонъ!

Она отошла отъ трона и остановилась поодаль.

Впечатлѣніе было потрясающее. Бояре и выборные заплакали.

— Зачѣмъ царямъ-государямъ изъ царства вонъ идти? Мы рады за нихъ головы свои положить,—говорили они.

Но изъ толпы стрѣльцовъ послышались другія слова къ царевнѣ.

— Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно царствомъ-то мутить: намъ бы здоровы были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ.

Но Софья обратилась сама на стрѣльцовъ:

— Все это оттого, что васъ всѣ боятся: въ надеждѣ на васъ, эти раскольники-мужики такъ дерзко пришли сюда. Чего вы смотрите Хорошо? ли такимъ мужикамъ-невѣждамъ къ намъ бунтомъ приходить, творить намъ всѣмъ досады и кричать? Неужели вы, вѣрные слуги нашего дѣда, отца и брата, въ единомысліи съ раскольниками? Вы и нашими вѣрными слугами зоветесь: зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете? Ежели мы должны быть въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи, разореніи.

Стрѣльцовъ сильно напугала эта рѣчь: они видѣли, что останутся бунтовщиками въ глазахъ всего государства.

— Мы,—отвѣчали они:—великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, вѣрно служить рады: за православную вѣру, за Церковь и за ваше царское величество готовы головы свои положить и по указу вашему все дѣ-

лать. Но сами вы, государыни, видите, что народъ возмущенъ и у палатъ вашихъ стоитъ множество людей: только бы какъ-нибудь этотъ день проводить, чтобъ намъ отъ нихъ не пострадать, а что великимъ государямъ и вамъ, государынямъ, идти изъ царствующаго града—сохрани Боже! Зачѣмъ это?

Такія слова заставили Софью опять сѣсть на тронъ. При дальнѣйшемъ чтеніи челобитной она не разъ схватывалась съ раскольниками: она не могла побѣдить своей возбужденности.

Когда раскольничьи коноводы-монахи были отпущены въ томъ же озлобленіи, въ какомъ они и пришли, и, выйдя изъ Грановитой, хвастались передъ народомъ на площадяхъ, что переспорили всѣхъ и посрамили архіереевъ, Софья обратилась вновь къ стрѣльцамъ:

— Не промѣняйте насъ и все Россійское государство на шестерыхъ чернецовъ; не дайте на поруганіе святѣйшаго патріарха и всего освященнаго собора!

— Намъ до старой вѣры дѣла нѣтъ: это дѣло святѣйшаго патріарха и всего священнаго собора,—отвѣчали выборные.

Но стрѣльцы уже шумѣли на площадяхъ. Имъ выкатили по ушату водки на каждыхъ десять человѣкъ—и они начали бить раскольниковъ.

— Вы бунтовщики, возмутили всѣмъ царствомъ!—кричали они.

Раскольники разбѣжались. Никитѣ отрубили голову. Другихъ коноводовъ разослали по дальнымъ мѣстамъ.

Послѣ этого Софьѣ оставалось только сломить самихъ стрѣльцовъ, которые подняли ее на тронъ, а могли и низвести съ него.

Она сумѣла это сдѣлать: она исполнила угрозу, что цари оставятъ Москву. Дѣйствительно, 19-го августа, во время крестнаго хода, государи не пошли въ ходъ, испугавшись распущенныхъ слуховъ, что ихъ убьютъ,— и на другой день вся царская семья оставила Москву.

Напуганные, съ своей стороны, стрѣльцы прислали къ царевнѣ и къ царямъ выборныхъ:

— Великимъ государямъ сказали, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки, будто хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ попрежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впередъ не будетъ,—чтобъ великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ слухамъ вѣрить и изволили бы прійти къ Москвѣ.

— Великимъ государямъ про вашъ умыселъ невѣдомо: изволили великіе государи изъ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали же,—былъ отвѣтъ стрѣльцамъ.

Оставалось Хованскому хитрить. Онъ вздумалъ пугать царевну и бояръ слухами.

— Приходили ко мнѣ новгородскіе дворяне и говорили, что ихъ братья хотятъ приходить нынѣшнимъ лѣтомъ въ Москву, бить челомъ о заслуженномъ жалованьѣ, а на Москвѣ сѣчь всѣхъ, безъ выбора и безъ остатка,— говорилъ „Тараруй".

Но Софью этимъ нельзя было напугать.

— Такъ надобно сказать объ этомъ въ Москвѣ на постельномъ крыльцѣ всякихъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ, для подлиннаго свидѣтельства, послать великихъ государей грамоту,—отвѣчала царевна.

Приходилось Хованскому испугаться за послѣдствія своей выдумки.

Но у Софьи на дорогѣ недолго стоялъ этотъ безпокойный врагъ— стрѣлецкій атаманъ.

17-го сентября, въ день именинъ Софьи, великимъ государямъ и сестрѣ ихъ царевнѣ докладывано показаніе на Хованскихъ:

— На нынѣшныхъ недѣляхъ призывали они насъ (доносителей) къ себѣ въ домъ человѣкъ девять пѣхотнаго чина, да пять человѣкъ посадскихъ, и говорили, чтобъ помогали имъ доступать царства московскаго, и чтобъ прійти большимъ собраніемъ неожиданно въ городъ и называть васъ государей, еретическими дѣтьми и убить васъ, государей, обоихъ, царицу Наталью Кирилловну, царевну Софью Алексѣевну, патріарха и властей, а на одной бы царевнѣ князю Андрею жениться, а остальныхъ царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри, да бояръ побить: Одоевскихъ троихъ, Черкаскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и иныхъ многихъ людей изъ бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ. И какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все московское государство по городамъ и деревнямъ, чтобъ въ городахъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ подучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на московское бы царство выбрали царемъ его, князя Ивана, а патріарха и властей поставить, кого изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили.

Въ тотъ же часъ государи и царевна Софья приговорили: „виновныхъ казнить смертію".

Въ тотъ же день, въ именины царевны Софьи, Хованскіе были схвачены, выслушали смертный приговоръ, и, за неимѣніемъ на тотъ часъ палача, измѣнниковъ Хованскихъ „вершилъ на площади у большой московской дороги" тотъ, кто первый попался, умѣвшій владѣть топоромъ.

Опасаясь такой же участи за свои „шумства", стрѣльцы засѣли въ Москвѣ, какъ въ осадѣ. Царевна Софья поспѣшила вызвать войска изъ сосѣднихъ городовъ. Стрѣльцы упали духомъ,—и покорились безмолвно,

Мало того, стрѣльцы раскаялись и въ своихъ прежнихъ дѣлахъ: столбъ на Красной площади кололъ имъ глаза. Онъ сталъ позорнымъ пятномъ на ихъ прошломъ. Они вспомнили 15-е мая и страшное „побіеніе" невинныхъ.

— Грѣхъ ради нашихъ,—били челомъ раскаявшіеся стрѣльцы: —

боярамъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось побіеніе на Красной площади, и тѣмъ мы, холопи ваши, Бога и васъ, великихъ государей, прогнѣвали: по заводу вора и раскольщика Алешки Юдина съ товарищи, по потачкѣ всякому дурну названнаго отца ихъ, князя Ивана Хованскаго и сына его князя Андрея, били челомъ всѣ полки надворной пѣхоты, покрывая большія свои вины, чтобы вы, великіе государи, пожаловали насъ грамотами, чтобъ насъ ворами и бунтовщиками никто не называлъ,— и жалованныя грамоты даны. По злоумышленію тѣхъ же Юдина и Хованскихъ, били челомъ, чтобъ на Красной площади сдѣлать столпъ и написать на немъ вины побитыхъ—и столпъ сдѣланъ. И нынѣ мы, видя неправое свое челобитье, что тотъ столпъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холопей вашихъ, велите тотъ столпъ съ Красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было".

Столбъ сломали и стрѣльцовъ помиловали; дали имъ новаго начальника, Шакловитаго—и начали понемногу разсылать подальше отъ Москвы.

Царевна Софья продолжала почти единовластно заправлять Русскою землею.

Началась война съ турками, а тамъ и знаменитые крымскіе походы любимца царевны, Василія Васильевича Голицына, походы неудачные, но давшіе поводъ царевнѣ обнаружить всю силу страсти къ своему „Васенькѣ", „царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателю"—званіе Василія Васильевича Голицына.

„Свѣтъ мой, братецъ Васенька! здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! —писала ему Софья по поводу извѣстія объ отраженіи имъ крымскаго хана:—и паки здравствуй, Божіею и Пречистыя Богородицы милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься: тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего. Что же, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась,— будто я, вѣрно, грѣшна предъ Богомъ и недостойна; однако-жъ, хотя и грѣшная, дерзаю надѣяться на Его благоутробіе. Ей! всегда прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть. Посемъ здравствуй, свѣтъ мой, на-вѣки неисчетные"!

Еще большая нѣжность и страстность высказываются въ другомъ письмѣ Софьи, когда она получила извѣстіе о возвращеніи Голицына отъ Перекопа.

„Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя свое святое, также и Матери своея, Пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такого милосердія Божія. Не хуже израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли египетскія: тогда чрезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Славу Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка ты мой! Чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ

очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое, чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою. Письма твои, врученныя Богу, къ намъ всѣ дошли въ цѣлости. Изъ-подъ Перекопи пришли отписки въ пятокъ 11 числа. Я брела пѣша изъ-подъ Воздвиженскаго: только подхожу къ монастырю Сергія чудотворца, къ самымъ святымъ воротамъ, а отъ воротъ отписки о бояхъ. Я не помню, какъ взошла — чла идучи! Не вѣдаю, чѣмъ Его, Свѣта, благодарить за такую милость Его, и Матерь Его, и преподобнаго Сергія, чудотворца милостиваго! Что ты, батюшка мой, пишешь о посылки въ монастыри, все то исполнила: по всѣмъ монастырямъ бродила сама, пѣша. А радѣнье твое, душа моя, дѣломъ оказуется. Что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилась: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть, и надѣюся на милосердіе Божіе: велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя. Какъ самъ пишешь о ратныхъ людяхъ, такъ и учини. А я, батюшка мой, здорова твоими молитвами, и всѣ мы здоровы. Когда дастъ Богъ увижу тебя, свѣтъ, о всемъ своемъ житьѣ скажу. А вы, свѣтъ мой, не стойте, подите помалу: и такъ вы утрудились. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды? Если бы ты такъ не трудился, никто-бъ такъ не сдѣлалъ“.

Но не всѣ такъ смотрѣли на дѣла крымскія, какъ вся проникнутая страстью царевна. Голицынъ былъ ея давнишнею привязанностью: она скрѣплялась и общностью государственнаго дѣла, и обязанностью личныхъ интересовъ. Царевна могла полюбить его, какъ одного изъ образованнѣйшихъ молодыхъ царедворцевъ того времени. Онъ много зналъ, много читалъ, жилъ роскошно: библіотека его отличалась рѣдкими по тому времени книгами. Царевна также была образованнѣйшею женскою личностію своего времени, какъ ученица Симеона Полоцкаго. Ей посвящали книги, въ честь ея писали стихи—виршами той эпохи. Уже въ 1682-мъ году архидіаконъ Чудова монастыря Каріонъ Истоминъ подалъ ей вирши, въ которыхъ проситъ царевну Софью дать Русской землѣ образованныхъ учителей, открыть школы:

Умомъ убо самодержцевъ сущихъ,
Да государи они то изволятъ,
Обще Господа о томъ да помолятъ,
Наукамъ велятъ быти совершеннымъ,
И учителемъ людемъ извѣщеннымъ.

И ученые явились. Это были братья Лихуды-греки. Открылись школы: жизнь, видимо, начинала бить ключемъ, движеніе начиналось. Тутъ уже были и другіе образованные люди, какъ мы упомянули: Артамонъ Матвѣевъ, сынъ его Андрей, знавшій по латыни и хорошо говорившій на языкѣ Горація, и жена его, единственная женщина, не прибѣгавшая къ татарскимъ румянамъ. Тутъ же и Софья съ Голицынымъ, сближеніе которыхъ имѣло хорошую основу.

Но непродолжительно было счастье Софьи и Голицына; непродолжительно было и владычество ихъ. Петръ подросталъ. А между тѣмъ Софья въ государственныхъ актахъ ставила свое имя рядомъ съ именами братьевъ, царей и подписывалась „самодержицею всея Руси“.

Даже въ Венеціи, когда русскій посолъ Волковъ объявилъ, что въ Россіи съ великими государями „соцарствуетъ“ царевна Софья, одинъ сенаторъ въ недоумѣніи спрашивалъ: „Дожъ и весь сенатъ удивляются, какъ подданные ваши служатъ ихъ царскимъ величествамъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ“?

А царица Наталья Кирилловна, видя подростающаго сына, уже смѣло спрашивала прочихъ царевенъ:

— Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ.

У Петра уже завелись „потѣшные конюхи“, какъ ихъ презрительно называла Софья; но эти конюхи были опасны для нея.

Надо было опять подать руку стрѣльцамъ. Софья подала руку — и вмѣстѣ рука объ руку дошли: она до монастыря и вѣчнаго заточенья, стрѣльцы—до топора, плахи, колеса и пр.

Шакловитый, отъ имени Софьи, мутилъ стрѣльцовъ. Рѣшились убить молодого царя и его мать.

— Хотятъ насъ перевесть, — говорилъ Шакловитый самымъ надежнымъ стрѣльцамъ: — а мутитъ всѣмъ царица; меня хотятъ высадить изъ приказу, а васъ, которые ко мнѣ въ домъ вхожи, разослать всѣхъ по городамъ.

Стрѣльцы начинаютъ совѣтываться, что дѣлать съ царями.

— Какъ быть,—говорилъ Чермный:—хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, „Медвѣдицу?“

Другіе говорили, что за мать Петръ будетъ мстить.

— Такъ чего и ему спускать? Зачѣмъ дѣло стало?—отвѣчалъ Чермный.

— У царя Ивана Алексѣевича двери завалили дровами и полѣньемъ, и царскій вѣнецъ изломали, — а кому ломать только съ ту сторону? — говорили другіе.

Порѣшили надѣть вѣнецъ на царевну Софью.

Но время стрѣльцовъ уже отошло. „Потѣшные конюхи“, надъ которыми издѣвалась Софья, побѣждали; и сами стрѣльцы скоро выдали своего Ѳедьку Шакловитаго. Его казнили съ главными сообщниками; любимца Софьи, Василія Васильевича Голицына, сослали въ Пинежскій Волокъ — и тамъ забыли.

Царевну Софью, вмѣсто царскаго вѣнца, ожидалъ монашескій клубокъ, какъ о томъ нѣкогда и предсказывали ей стрѣльцы.

Казнивъ Шакловитаго съ сообщниками и разославъ друзей Софьи, семнадцатилѣтній Петръ писалъ своему старшему брату царю Ивану:

„Милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государемъ, о государствованіи

нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софья Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости, и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужскими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то-бъ, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ!“

Итакъ, этому „третьему зазорному лицу“ назначено было житье въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Изъ этого видно, что молодой Петръ не только вошелъ „въ мѣру возраста своего“, но и „въ мѣру силы“.

Что же дѣлала въ это время мать его, царица Наталья Кирилловна, когда сынъ входилъ въ „мѣру возраста своего?“

Много ей пришлось выстрадать и за себя, и за этого сына. Она была постоянно печальная, скучная, постоянно жаловалась, что похищаютъ власть у ея сына, когда онъ еще не вошелъ въ силу. Оттого скучно было у нея юному Петру, хотя онъ ее много любилъ; а она за него терпетала каждую минуту.

Наконецъ, ея сокровище вырывается у нея отъ рукъ — Петру не сидится дома: онъ уже въ Переяславлѣ, на озерѣ, — „кораблики“ строитъ, а мать тоскуетъ по немъ, не дождется писемъ. Но сынъ не забываетъ матери.

„Вселюбезнѣйшей и наче живота тѣлеснаго дрожайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіѣ Кирилловнѣ (пишетъ онъ матери). Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа (апрѣля 1689 г.), и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами и станетъ: и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты, по семисотъ саженъ, изъ пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. Посемъ паки благословенія прошу“.

Мать зоветъ его въ Москву на панихиду по братѣ Ѳеѳорѣ, а Петръ отвѣчаетъ „быть готовъ только, гей, гей дѣло есть“, — и все только о „корабликахъ“ своихъ рѣчь заводитъ: „о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ“.

Старая „медвѣдица“ все плачетъ о сынѣ, все зоветъ его къ себѣ; а

онъ, расправившись съ Шакловитымъ и сестрою Софьею, опять бросаетъ мать: „медвѣжонку“ не сидится дома. Онъ бросилъ уже Переяславское и Кубенское озера: тамъ ему тѣсно. Ужъ онъ очутился на Бѣломъ морѣ.

Матери новая тоска, новая печаль и новая боязнь за неугомоннаго сына. Отпуская его къ морю, она беретъ съ сына обѣщаніе посмотрѣть только корабли, но самому не ходить въ море.

Увидѣвъ море, Петръ не выдержалъ, забылъ мать, забылъ обѣщаніе, данное ей—и вышелъ въ море...

А мать тоскуетъ, шлетъ письмо за письмомъ:

„О томъ свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь, что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я къ тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать: и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возложено, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты: радость, въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ Пресвятой Богородицѣ: Она тебя, надежда наша, да сохранитъ“.

Но эти, исполненныя глубокаго материнскаго чувства, письма недолго писались къ любимому сыну, да и было дѣйствительно за что любить такое геніальное дитя.

Петръ отвѣчаетъ матери, что и самъ не знаетъ, когда пріѣдетъ — кораблей иностранныхъ ждетъ!.

„Да о единомъ милости прошу (пишетъ онъ матери), чего-для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: такого пастыря имѣючи, почто печаловать! Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка“.

А тамъ снова пишетъ, какъ бы предчувствуя, что недолго ей жить, что не дожить ей, когда богатырь-сынъ въ полную силу войдетъ.

„Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей, ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего-радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться: и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли: чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка мой свѣтъ, сего прошенія. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ: и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить“.

Это было лѣтомъ 1693 года. Въ сентябрѣ Петръ воротился къ матери и началъ готовить новый морской „потѣшный“ походъ. Но 25 января 1694 года царицы Натальи Кирилловны не стало—некому уже было докучать Петру своими письмами! Впрочемъ, у него еще оставалась „постылая“ жена, — но объ ней послѣ: ее онъ и не любилъ, а мать онъ дѣйствительно любилъ. Царица Наталья умерла еще молодою—на 42-мъ году жизни. По словамъ очевидца, Петръ плакалъ „чрезвычайно“. Тоску по матери онъ топилъ въ работѣ.

„Θедоръ Матвѣевичъ!—писалъ онъ въ Архангельскъ двинскому воеводѣ Апраксину, брату вдовы-царицы Марθы, второй супруги покойнаго Θедора Алексѣевича:—Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу“, т. е. о дѣлѣ, о снаряженіи новой экспедиціи въ море.

Но неугомонной сестрѣ такого же неугомоннаго брата тоже не сидѣлось въ монастырѣ. Несмотря на то, что монастырь оберегала сильная стража,—стрѣльцы, остававшіеся въ Москвѣ, подкопались подъ комнаты царевна, разобрали полъ и подземнымъ ходомъ вели уже свою царицу на свободу; но сторожевые солдаты напали на нихъ и, послѣ упорной съ обѣихъ сторонъ схватки, заставили Софью воротиться въ мѣсто своего заточенія.

Разосланные по далекимъ городамъ Русскаго царства стрѣльцы тосковали по Москвѣ, по своей прежней жизни, какъ тосковала по ней и царевни Софья, сидя въ монастырѣ. Тосковали по этой жизни и прочія царевны, которыя тоже когда-то заправляли государствомъ, брали изъ царской казны денегъ, сколько имъ было угодно, а теперь и онѣ въ опалѣ, въ загонѣ, хоть и на свободѣ: все захватилъ въ руки ненасытный „братецъ“. Для царевенъ ничего болѣе не остается, какъ пересуживать поступки и дѣла своего „братца“, тайно сноситься съ заключенною Софьею, особенно же при помощи своихъ постельныхъ дѣвушекъ и стрѣльчихъ, которыя сильно плакались на молодого царя за своихъ опальныхъ и казненныхъ мужей.

— Котораго дня государь и князь Θедоръ Юрьевичъ Ромодановскій крови изопьютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ и хлѣбъ не ѣстся,—говорили онѣ, жалуясь на тяжелыя времена.

А Петръ въ это время былъ уже за границей: самая пора дѣйствовать женщинамъ.

Болѣе другихъ мутила во дворцѣ царевна Марθа. Нѣкоторые изъ остававшихся въ Москвѣ и изъ бѣжавшихъ въ нее изъ ссылки стрѣльцовъ составили челобитную о томъ, чтобъ царевну Софью опять посадить „на державство“, и черезъ одну стрѣльчиху переслали эту челобитную во дворецъ, къ царевнѣ Марθѣ. Царевна приняла челобитную и, посылая съ своей постельницей грамотки къ стрѣльцамъ, говорила:

— Смотри, я тебѣ вѣрю: а если пронесется, то тебя распытаютъ, а мнѣ кромѣ монастыря ничего не будетъ.

А стрѣльчихѣ-лазутчицѣ велѣла сказать:

— У насъ наверху (во дворцѣ) позамялось: хотѣли было бояре царевича удушить—хорошо, если-бъ и стрѣльцы подошли.

Изъ дворца же разносились такія вѣсти:

— Бояре хотѣли было царевича удушить, но его подмѣнили и платье его на другого надѣли—царица узнала, что не царевичъ, а царевича сыскали въ другой комнатѣ, и бояре царицу по щекамъ били; а государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ, и по стрѣльцовъ указъ посланъ.

Принесли и изъ Дѣвичьяго монастыря, отъ царевны Софьи, грамотку: зоветъ всѣ стрѣлецкіе полки, чтобъ шли къ Москвѣ, становились бы таборомъ подъ Дѣвичьимъ и просили бы ее на державство.

Солдаты тоже начали жаловаться на безкормицу и поговаривать о царевнѣ Софьѣ. Какой-то солдатъ стоялъ на караулѣ во дворцѣ. Выходитъ государыня и говоритъ: „что-де вы голы? берете по 30 алтынъ на мѣсяцъ — только на васъ что красные кафтаны“. Солдатъ жаловался, что на сухари не хватаетъ жалованья— „вывороты большіе“ (вычеты изъ жалованья).

Все больше и больше начали шумѣть стрѣльцы, и ихъ принуждены были выгонять изъ Москвы войскомъ. Они ушли въ Торопецъ неволею, съ приказомъ отъ Софьи. А на дорогѣ ихъ нагоняетъ стрѣльчиха и вручаетъ новую грамотку отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы спали? — про государя ничего не слышно“.

Стрѣльцы начали открыто бунтовать, и не пошли къ Торопцу. На Двинѣ, 6-го іюня, бунтъ вспыхнулъ въ такомъ размѣрѣ, что надо было вызывать самого царя изъ-за границы.

— Вѣстно мнѣ учинилось, — читалъ стрѣлецъ Масловъ передъ всѣми стрѣлецкими полками, взгромоздившись на телѣгу, присланное отъ царевны Софьи письмо:—что вашихъ полковъ стрѣльцовъ приходило къ Москвѣ малое число: и вамъ бы быть въ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ, и стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ идтить къ Москвѣ противъ прежняго на державство; а если бы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ пускать не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть; а кто-бъ не сталъ пускать съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой“.

— Идтить къ Москвѣ!—кричали стрѣльцы:—Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить... Если царевна въ правительство не вступитъ, и по коихъ мѣстъ возмужаетъ царевичъ (Алексѣй Петровичъ), можно взять и князя Василія Голицына: онъ къ стрѣльцамъ милосердъ былъ.

Приходилось пустить въ дѣло пушки. Противъ бунтовщиковъ вышелъ бояринъ Шеинъ.

— Видѣли мы пушки и не такія!—кричали стрѣльцы.

Послѣдовали залпы. Стрѣльцы дрогнули и были побиты.

И вотъ опять начались „розыски великіе“, „пытки жестокія“, казни, повѣшенья въ обозѣ и по дорогѣ.

Вѣсти объ этихъ „умствахъ“ застаютъ Петра по дорогѣ изъ Вѣны.

25-го августа царь уже въ Москвѣ. Не заѣхалъ во дворецъ, не видался и съ женою: былъ только у красавицы Монсъ; вечеръ провелъ у Лефорта; ночевалъ въ Преображенскомъ.

Опять начались розыски. Пытки производились въ 14 застѣнкахъ Преображенскаго, и подъ пытками дознано было то, что намъ уже извѣстно.

Пока шли розыски, Петръ успѣлъ развестись съ женой, съ царицею Евдокіею Ѳедоровною Лопухиною.

„Изъ извѣстнаго намъ образа жизни Петра съ компаніею, Петра-плотника, шкипера, бомбардира, вождя новой дружины, бросившаго дворецъ, столицу для. безпрерывнаго движенія,—изъ такого образа жизни,—говоритъ С. М. Соловьевъ, — легко догадаться, что Петръ не могъ быть хорошимъ семьяниномъ. Петръ женился, т. е. Петра женили 17-ти лѣтъ, женили по старому обычаю, на молодой, красивой женщинѣ, которая могла сначала нравиться; но теремная воспитанница не имѣла никакого нравственнаго вліянія на молодого богатыря, который рвался въ совершенно иной міръ: Евдокія Ѳедоровна не могла за нимъ слѣдовать—и была постоянно покидаема для любимыхъ потѣхъ. Отлучка производила охлажденіе, жалобы на разлуку раздражали. Но этого мало: Петръ повадился ѣздить въ Нѣмецкую слободу, гдѣ увидалъ другого рода женщинъ, гдѣ увидалъ первую красавицу слободы, очаровательную Анну Монсъ, дочь виноторговца. Легко понять, какъ должна была проигрывать въ глазахъ Петра бѣдная Евдокія Ѳедоровна въ сравненіи съ развязною нѣмкою, привыкшею къ обществу мужчинъ, какъ претили ему привѣтствія вдовъ: „Лапушка мой Петръ Алексѣевичъ!“ въ сравненіи съ любезностями цивилизованной мѣщанки. Но легко понять также, какъ должна была смотрѣть Евдокія Ѳедоровна на эти потѣхи мужа, какъ раздражали Петра справедливыя жалобы жены и какъ сильно становилось стремленіе не видать жены, чтобъ не слыхать ея жалобъ. Опостылѣла жена; должны были опостылѣть и ея родственники, Лопухины... Послѣ всего Петру, разумѣется, не хотѣлось возвращаться изъ-за границы въ Москву и застать подлѣ сына — постылую Евдокію. Женившись по-старинѣ, Петръ задумалъ и избавиться отъ жены по старому русскому обычаю: уговорить нелюбимою постричься, а не согласится — постричь ее насильно. Изъ Лондона онъ написалъ Нарышкину, Стрѣшневу и духовнику Евдокіи, чтобъ они уговорили ее добровольно постричься. Стрѣшневъ отвѣчалъ, что „она упрямится, а духовникъ человѣкъ малословный, и что надобно ему письмомъ подновить“.

Но „подновлять“ не пришлось. По возвращеніи изъ-за границы, 23 сентября, Петръ велѣлъ отправить Евдокію Ѳедоровну въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ она и пострижена подъ именемъ Елены. Противившіяся этому духовныя лица ночью отвезены были въ Преображенское.

Покончено было и съ розысками по стрѣлецкому бунту.

Вотъ что говоритъ г. Соловьевъ о послѣднемъ актѣ этой стрѣлецкой трагедіи, виновницей которой все-таки была царевна Софья.

„30 сентября была первая казнь: стрѣльцовъ, числомъ 201 человѣкъ, повезли изъ Преображенскаго въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣли по-двое и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти съ страшными криками. У Покровскихъ воротъ, въ присутствіи самого царя, прочитана была сказка: „Въ разспросѣ и съ пытки всѣ сказали, что было придтить къ Москвѣ,

учиня бунтъ, бояръ побить, Нѣмецкую слободу разорить, и нѣмцевъ побить, и чернь возмутить, всѣми четыре полки вѣдали и умышляли. И за то ваше воровство великій государь указалъ казнить смертію". По прочтеніи сказки, осужденныхъ развезли вершить на указныя мѣста; но пятерымъ, сказано въ дѣлѣ, отсѣчены головы въ Преображенскомъ. Свидѣтели достовѣрные объясняютъ намъ эту странность: самъ Петръ собственноручно отрубилъ головы этимъ пятерымъ стрѣльцамъ. 11 октября новыя казни; вершено 144 человѣка; на другой день—205, на третій—141, семнадцатаго октября—109, осьмнадцатаго—65, девятнадцатаго—106, двадцать перваго—2. 195 стрѣльцовъ повѣшено подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софьи: трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя, „а въ тѣхъ челобитныхъ написано противъ ихъ повинки". Въ Преображенскомъ происходили кровавыя упражненія: здѣсь 17 октября приближенные царя рубили головы стрѣльцамъ: князь Ромодановскій отсѣкъ четыре головы; Голицынъ, по неумѣнью рубить, увеличилъ муки доставшагося ему несчастнаго; любимецъ Петра, Алексашка (Меншиковъ) хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ; полковникъ Преображенскаго полка Блюмбергъ и Лефортъ отказались отъ упражненій, говоря, что въ ихъ земляхъ этого не водится. Петръ смотрѣлъ на зрѣлище, сидя на лошади, и сердился, что нѣкоторые бояре принимались за дѣло трепетными руками. „А у пущихъ воровъ и заводчиковъ ломаны руки и ноги колесами. и тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и тѣ стрѣльцы, за ихъ воровство, ломаны живые, положены были на тѣ колеса и живы были на тѣхъ колесахъ немного не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали; и по указу великаго государя одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фузеи, а застрѣлилъ его преображенскій сержантъ Александръ Меншиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкахъ, одинъ передъ тіунскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, и тѣло его положено на колесо". Цѣлые пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣста казни, цѣлые пять мѣсяцевъ стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софьи".

Сестеръ, участвовавшихъ въ заговорѣ, Софью и Марѳу, Петръ допрашивалъ самъ. Марѳа выдала и свое участіе въ этомъ дѣлѣ, и участіе сестры.

Софья, съ сознаніемъ своей силы и своей прежней власти, отвѣчала брату:

— Такова письма, которое къ розыску явилось, я въ стрѣлецкіе полки не посылывала. А что тѣ стрѣльцы говорятъ, что, пришедъ было имъ къ Москвѣ, звать меня попрежнему въ правительство, и то не по письму отъ меня, а знатно по тому, что я съ 190 года была въ правительствѣ.

Софью постригли подъ именемъ Сусанны и оставили въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, окруживъ ея мѣстопребываніе постояннымъ карауломъ изъ ста солдатъ.

Сестрамъ-царевнамъ позволялось ѣздить въ монастырь къ Сусаннѣ только на Пасху, въ престольный монастырскій праздникъ, и въ случаѣ болѣзни старицы Сусанны-Софьи. Даже для посылокъ въ монастырь Петръ

назначилъ особыхъ довѣренныхъ лицъ. „А пѣвчихъ въ монастырь не пускать: поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ Спаси отъ бѣдъ, а въ паперти деньги на убійство даютъ". Полагаютъ, что пѣвчихъ не велѣно было пускать въ монастырь по весьма уважительнымъ причинамъ: постельница Софьи, Вѣра Васютинская, найдена въ пыткѣ беременною и показала, что любила пѣвчаго.

Царевну Марѳу постригли подъ именемъ Маргариты и сослали въ монастырь Александровской слободы, что во Владимірской губерніи: Марѳа любила дьякона Ивана Гавриловича, который также былъ замѣшанъ въ стрѣлецкомъ дѣлѣ.

Не весела была потомъ жизнь и остальныхъ царевенъ, хотя теремныя двери и растворило для нихъ новое время.

— У царевны Татьяны Михайловны (это у тетки Петра) я стряпаю въ верху (жаловался впослѣдствіи дворцовый поваръ Чуркинъ), живу недѣлю, и добычи нѣтъ ни по копѣйки на недѣлю: кравчій князь Хотѣтовскій лихъ, урвать нечего. Прежде сего все было полно, а нынѣ съ дворца вывезли все бояре возами. Кравчій ей, государынѣ, ставитъ яйца гнилыя и кормитъ ее съ кровью. Прежде сего во дворцѣ по погребамъ рыбы было много, и мимо дворца проѣзжіе говаривали, что воняетъ, а нынѣ вотъ-де не воняетъ— ничего нѣтъ.

Царевна Екатерина Алексѣевна, въ виду того, что жизнь ихъ стала скудная, не то что при царевнѣ Софьѣ, начала думать о займѣ денегъ, но безъ залога никто не давалъ, а потомъ о кладахъ, и поэтому имѣла сношенія съ какимъ-то костромскимъ попомъ Григоріемъ Елисѣевымъ, на котораго доносили, что у него бывала многая дворцовая посуда за орломъ. Начался розыскъ. Царевна Екатерина созналась, что во время розыска попъ приказывалъ къ ней, чтобъ она „сидѣла ничего не боясь: ничего-де тебѣ не будетъ; я знаю по планетамъ, что будетъ худо или добро".

Забрали постельницъ царевны Екатерины.

— Отпущена я отъ царевны за болѣзнію къ Москвѣ (говорила на допросѣ одна изъ нихъ, Дарья Валутина), и на отпускѣ царевна мнѣ приказывала, чтобъ я такого человѣка провѣдала, у кого на дворѣ или гдѣ ни есть кладъ лежитъ, чтобъ, пріѣхавъ, тотъ кладъ взять. И такого человѣка я, Дарья, сыскала Ваську Чернова, который сказалъ: „отъ Москвы въ 220 верстахъ на дворѣ у мужика въ хлѣвѣ подъ гнилыми досками стоитъ котелъ денегъ: у меня-де тотъ кладъ и въ рукахъ былъ". И я, Дарья, для взятья того кладу съ нимъ, Ваською, посылала для вѣры покровскаго дворцоваго сторожа Измайловскаго. И тотъ сторожъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, одинъ, мнѣ, Дарьѣ, сказалъ: „не токмо того кладу, и двора мнѣ, онъ, Васька, не указалъ".

Другая постельница царевны Марья Протопопова, говорила:

— Изволила царевна посылать меня въ дозоръ за Орѣховою, и Орѣхова ходила на могилу къ Ивану Предтечѣ, которая въ Коломенскомъ церковь, и приказали мнѣ стоять одаль отъ того мѣста, гдѣ копали они, Орѣхова да вдова Акулина: онѣ только кости человѣческія выкопали. А я какъ

пришла, такъ ей, государынѣ, стала говорить, что нѣтъ ничего, и она стала кручиниться на меня и на тое вдову Акулину: „Ни со што васъ нѣту“. И въ тѣ поры пришла государыня сестра ея. царевна Марья Алексѣевна, увидѣла, что я плачу, и стала спрашивать: „скажи-де по правдѣ“. И я имъ стала разсказывать, что кости человѣческія, и та стала сестрѣ своей говорить: „полно, сестрица, нехорошо затѣяла, грѣхъ лишній, что мертвымъ покою нѣтъ, и бабъ въ погибель приведешь“. И она стала и на сестру свою досадовать. Изволила посылать коляску сыскать въ Нѣмецкую слободу и изволила сама поѣхать на дворъ къ посланнику, что былъ галанской, и какъ пріѣхала и стала спрашивать про сахарницу, гдѣ она живетъ, и намъ разсказали. И какъ тута пріѣхала, стала заказывать намъ, чтобъ не сказывали никому, и у сахарницы изволили выбирать сахару и канфекту на девять рублевъ, и они безъ денегъ не отдали, и она приказала запечатать тотъ сахаръ, а послѣ не изволила и брать. И послѣ того изволила меня посылать про иноземку Марью Вилимову Менезеюшу, и велѣла ее привезти въ Коломенское, и та иноземка поѣхала, а государыня изволила меня спрашивать: „та ли даетъ въ ростъ деньги? поговори ты ей, чтобъ и мнѣ дала“. И я по тѣмъ ея словамъ стала говорить, что не дастъ безъ закладу, и она сказала: „лихо-де, закладу нѣтъ, какъ бы такъ выпросить?“ А послѣ сихъ словъ изволила тое иноземку къ рукѣ жаловать, и сама стала съ нею говорить, а про деньги ей застыдилася говорить. Въ Нѣмецкой слободѣ изволила поѣхать смотрѣть дворъ и на томъ дворѣ хозяйка пьяна была — у ней родины были, — и государыня изволила напрошаться кушать, чтобы построила хорошее кушанье, и какъ поѣхала отъ тое хозяйки и встрѣтился ей Петръ Пиль и узналъ ее по каретѣ, и сталъ къ себѣ звать, и она изволила поѣхать къ нему на дворъ и ему сказала, чтобъ обѣдъ сдѣлалъ, и ее унимала царевна Марья Алексѣевна, и та не изволила послушаться, ѣздила во всѣ мѣста, гдѣ изволила напрошаться“.

Это русская женщина начинала вступать въ свѣтъ—и странно это вступленіе ея для насъ.

Взяли къ допросу и другую постельницу царевны Екатерины Алексѣевны.

— Для Бога, не торопись, молись Богу,—наказывала ей царевна:— а хотя и про иное про што спросятъ, такъ бы нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть. Пуще всего писемъ чтобъ не поминала. Либо спросятъ про то, не видала ли попа въ верху (во дворцѣ),—такъ бы стояла, что одно, что хочу умереть: ни знаю, ни вѣдаю. Пожалуй, для Бога, прикажи всѣмъ имъ, которыя сидятъ, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили. Молились бы Богу, да Пречистой Богородицѣ, да Николаю Чудотворцу; обѣщались бы что сдѣлать. Авось и Господь Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея! Разспроси хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ чемъ на попа, и на царицу, и на меня? Призови къ себѣ Агаѳью Измайловскую и ей молвь: что-де ты хоронишься? отъ чего? до тебя-де и дѣла нѣтъ. А коли бы-де дѣло было, гдѣ-де ухоронишься отъ воли Божіей? Помилуй-де Богъ отъ того! А какъ бы-де взяли, такъ бы-де вы, чаю, все

выболтали, какъ хаживали, и какъ что и какъ царевенъ видали. Не умори-де, для Бога! Хоть бы-де взяли, и вамъ бы-де должно за нихъ, государынь, и умереть! Онамедни съ нею посылали денегъ два рубли на подворье зашито въ мѣшкѣ къ нему. И про эти бы не сказывали: нѣту на это свидѣтелей. И Дарьѣ про то молвь, чтобъ не сказывала тѣхъ вракъ, что про старца Агаѳья ей сказывала, и куда-де она Ваську посылала. О чемъ не спрашиваютъ, не вели того врать: о чемъ и спрашиваютъ, такъ въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить. Чтобъ моего имени не поминали. И такъ намъ горько и безъ этого.

Да, дѣйствительно горько было въ это время женщинамъ старой допетровской Руси, которыя доживали свой вѣкъ уже тогда, когда окно въ Европу было прорублено топоромъ „Петра-плотника“.

IX.

Матрена Кочубей.

Тотъ, кто будетъ читать настоящій разсказъ о Матренѣ Кочубей, безъ сомнѣнія, догадается, что рѣчь идетъ здѣсь о той красавицѣ Кочубей, которую Пушкинъ, въ своей поэмѣ „Полтава“, почему-то назвалъ Маріею, и при имени которой невольно самъ собою встаетъ передъ глазами образъ этой несчастной дѣвушки, а вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою повторяется въ памяти прекрасный, кованый стихъ незабвеннаго поэта:

Богатъ и славенъ Кочубей.
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра:
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами—
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной:
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.

Матрена была младшая дочь Василія Леонтьевича Кочубея, генеральнаго судьи малороссійскаго, въ то время, когда гетманомъ Малороссіи былъ

старый Мазепа, осыпанный милостями Петра, который не могъ не видѣть въ немъ выдающуюся по своимъ талантамъ личность и могущественнагó властелина полунезависимой Украйны.

Старшія дочери Кочубея были замужемъ: одна за Рабеленкомъ, другая за племянникомъ Мазепы, Обидовскимъ.

Кочубей, какъ генеральный судья, былъ однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ гетману лицъ: гетманъ самъ воспринималъ отъ купели младшую дочь Кочубея, Матрену, и съ этой-то крестницей такъ тѣсно потомъ связалась судьба гетмана-измѣнника. Крестница же эта была причиною того, что и всѣ историческія событія того времени —и измѣна Мазепы, тайный союзъ его съ королями шведскимъ и польскимъ, и страшная гибель отца Матрены, сложившаго голову на плахѣ за несчастную дочь свою и за всю Украйну, и Полтавская битва, такъ вознесшая Петра и всю Россію, весь этотъ рядъ великихъ историческихъ событій, отразившихся на всей судьбѣ Русской земли и сосѣднихъ съ нею государствъ и сложившихся именно такъ, какъ они сложились:—все это неразрывно связано съ именемъ Матрены Кочубей и съ ея несчастной, роковой привязанностью къ Мазепѣ.

Когда Матрена стала уже взрослою дѣвушкой—это было около 1703 года (годъ основанія Петербурга) —Мазепа, овдовѣвъ, хотѣлъ жениться на своей молоденькой крестницѣ, и испрашивалъ на то согласія ея родителей. Кочубеи, въ виду запрещенія подобныхъ браковъ со стороны церковнаго устава, отказали Мазепѣ.

Но молодая дочь ихъ, повидимому, уже любила стараго гетмана, которому было подъ семьдесять лѣтъ!

„Овладѣла ли дѣвушкою странная, хотя и не безпримѣрная страсть къ старику, стоявшему выше другихъ не по одному гетманскому достоинству, или дѣйствовало честолюбіе, желаніе быть гетманшею,—только она позволила себѣ убѣжать изъ отцовскаго дома въ гетманскій",—замѣчаетъ почтенный нашъ историкъ С. М. Соловьевъ.

Дѣло въ томъ, что дѣвушка покинула отцовскій домъ подъ давленіемъ весьма сложныхъ обстоятельствъ: она, повидимому, долго боролась съ своимъ роковымъ чувствомъ, со своею совѣстью, со строгимъ запретомъ родителей. Изъ показаній самого Кочубея, данныхъ имъ царю Петру, его сановникамъ и слѣдователямъ, уже передъ своею страшною казнью, а также во время пытокъ и до пытокъ,—изъ этихъ показаній видно, что, когда родители Матрены запретили ей свиданіе съ гетманомъ, она продолжала видѣться съ нимъ тайно, между прочимъ, вечерами, въ сосѣднемъ съ ихъ домомъ саду. Были ли эти тайныя свиданія до бѣгства ея изъ родительскаго дома, или уже послѣ того, какъ Мазепа заставилъ ее возвратиться домой—неизвѣстно, но всего вѣроятнѣе допустить, что свиданія эти происходили ранѣе побѣга, именно вслѣдствіе запрета явныхъ свиданій.

— На день святого Николая, року 1704 (показывалъ Кочубей), присылалъ Мазепа Демьянка, приказуючи, жебы зъ нимъ видѣлася дочка моя, а объявилъ тое, же дирка въ огородѣ межи частоколомъ, противъ двора

полковницкаго есть проломана, до которой дирки абы конечне вечеромъ пришла для якогось разговору. Якая присылка частокротне бывала, якимъ способомъ крайныи намъ учинилися оболга и поруганіе и смертельное безчестье.

Въ декабрѣ этого же года, по показанію Кочубея, Мазепа предлагаетъ дѣвушкѣ огромныя суммы, чтобъ только она свидѣлась съ нимъ, а если это невозможно, то хоть бы отрѣзала локонъ своихъ волосъ и прислала ему.

— Року 1704, декамврія, въ день святого Савы (говорилъ Кочубей), прислалъ его милость гетманъ зъ Бахмача рибъ свѣжихъ чрезъ Демянка, а за тоею оказіею тотъ Демянка говорилъ Мотронѣ на самотѣ (наединѣ), же усильно панъ жадаетъ, абы для узрепяся къ ему прибыла, а обѣцуетъ 3000 червонныхъ золотыхъ. А потомъ того жъ дня поворочаючися зъ Бахмача, прислалъ того жъ Демянка, приказавши наговаривати Мотрону, же панъ 10.000 червонныхъ золотыхъ обѣцуетъ дати, абы тилко такъ учинила; а коли въ томъ она отговаривалася, тогда просилъ тотъ хлопецъ словомъ пана своего, щобъ часть волосовъ своихъ урѣзала и послала пану на жаданье его.

Подозрѣвали даже, что Мазепа чарами привораживаетъ къ себѣ дѣвушку, потому что чарамъ въ то время вѣрила еще вся Европа. „Присылаючи (говоритъ Кочубей), гетманъ бравъ сорочку еи зъ тѣла зъ потомъ килко разъ, до себѣ. Бравъ и намисто (ожерелье, коралы) зъ шіи килко разъ, а для чого, тое его праведная совисть знаетъ“.

Но мы полагаемъ, что все это дѣлалось не для чаръ, не для колдовства, а по тому же непонятному для нормальнаго, не влюбленнаго человѣка побужденію, по которому влюбленные считаютъ за счастье имѣть отъ любимой особы локонъ волосъ, или, если этого нельзя, то хоть вещь, которую эта особа носила, къ которой прикасалась: будь это перчатка, лента, платокъ или даже старая туфля.

Все это, вѣроятно, переживалъ и старый гетманъ, какъ можно видѣть изъ его писемъ къ Матренѣ, да притомъ же, какъ мы увидимъ изъ этихъ самыхъ писемъ, пересылка между ними разныхъ принадлежностей, какъ-то кораловъ съ шеи и проч., имѣла условное значеніе, когда за Мазепой и Матреной слѣдили и не позволяли переписываться.

Какъ бы то ни было, но для Матрены въ домѣ отца началась каторга раньше ея побѣга— и отъ каторги этой бѣжала она къ Мазепѣ. Матрена должна была бы выносить семейныя сцены, попреки родителей, даже побои, конечно, со стороны матери, Любови Кочубей, которая, дѣйствительно, была женщина съ суровымъ характеромъ, съ крутымъ нравомъ и непреклонною волею.

Всего этого дѣвушка, весьма естественно, не вынесла—и бѣжала подъ защиту гетмана, котораго любила. Но Мазепа, съ своей стороны, любя дѣвушку и ограждая ея честь, настоялъ, чтобы она воротилась отъ него.

Правда, отецъ Матрены объясняетъ это иначе. Въ объявленіи, поданномъ имъ царю, онъ говоритъ:

„Нощи же единыя, яко волкъ овцу ограби, тако онъ дщерь мою похити тайно. Оле безчеловѣчія, о неиглаголанныя печали! Азъ же, не могій что творити, въ колоколъ ударяя, да всякъ видитъ бѣдство мое; лучше было бы ему смерти мя предати, нежели славу мою въ студъ несказанъ претворити“.

Послѣ этого набатнаго звона въ колоколъ, по словамъ Кочубея, Мазепа и принужденъ былъ возвратить Матрену къ ея родителямъ. „Увѣдавъ же (говоритъ онъ), каковъ въ дому моемъ содѣяся плачъ, и рыданія, и вопль многъ не могый терпѣти соболѣзнующихъ мною его словъ, возврати мнѣ дщерь, посылаемою Григоріемъ Анненкомъ, при запрещеніи мнѣ глаголя: „не токмо дщерь вашу силенъ есть гетманъ взяти, но и жену твою отъяти отъ тебе можетъ“.

Но письма Мазепы къ дѣвушкѣ говорятъ совершенно другое, и этимъ письмамъ мы должны болѣе вѣрить, чѣмъ показаніямъ Кочубея, который, какъ раскрыто самимъ слѣдствіемъ по его дѣлу, хотя и справедливо донесъ Петру, что Мазепа задумалъ измѣнить Россіи, но многое взвелъ на него излишне, напрасно—просто изъ мести, въ чемъ передъ смертью и покаялся. Письма же Мазепы, исполненныя нѣжности и страсти къ любимой женщинѣ, писаны имъ, конечно, не для того, чтобы ихъ кто-либо читалъ, кромѣ той, къ которой они тайно пересылались, и гетманъ не могъ, конечно, думать, что любовная переписка его попадаетъ въ руки къ Петру Великому, къ его сановникамъ, и потомъ, получивъ такую роковую и печальную извѣстность, занесется на страницы исторіи. Въ этихъ страстныхъ письмахъ онъ не лгалъ, и всего менѣе могъ лгать тогда, когда старый гетманъ оправдывалъ себя передъ дѣвушкой въ томъ, что онъ самъ заставилъ ее возвратиться изъ гетманскаго дома.

Вотъ одно изъ этихъ писемъ, исполненное нѣжности, но вполнѣ деликатное, вѣжливое, совершенно отстраняющее всякое подозрѣніе въ томъ, что между Мазепой и дѣвушкой могли существовать какія-либо другія отношенія, кромѣ чистыхъ отношеній дружбы, участія, взаимнаго уваженія, не отрицавшихъ въ то же время и полной страсти съ обѣихъ сторонъ. Мазепа говоритъ, что если бы дѣвушка оставалась у него въ домѣ, то дружескія отношенія ихъ не могли бы долѣе продолжаться,—что ни онъ, ни она не въ силахъ были бы устоять противъ своего чувства, а жить какъ мужъ и жена—они не смѣютъ, не должны: имъ запрещаетъ церковь.

„Моє серденько! Зажурилемся, почувши отъ дѣвки такое слово, же ваша милость за зле на мене маешъ, иже вашу милость при собѣ не задержалемъ, але одослалъ до дому. Уважъ сама, щобъ съ того виросло.

„Першая: щобъ твои родичи по всѣмъ свѣтѣ разголосили, же взявъ у насъ дочку у ночѣ кгвалтомъ и держитъ у себѣ мѣсто подложницѣ.

„Другая причина: же, державши вашу милость у себе, я бымъ не моглъ жадною мѣрою витримати, да и ваша милость такъ же: мусѣли бисмо изъ собою жити, якъ малженство (супружество) кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе одъ церкви и клятва, жебы намъ съ собою не

жити. Гдѣ жъ бы я на тотъ часъ подѣлъ? И мнѣ бъ же чрезъ тое вашу милость жаль, щобъ есь на потомъ на мене не плакала".

Слѣдовательно, никакого похищенія или того, что называется безчестьемъ дѣвушки, тутъ не было.

Можетъ быть, къ этому возвращенію Матрены въ родительскій домъ побудило и письмо Кочубея, присланное имъ гетману послѣ того, какъ дочь его оставила свой домъ и перешла въ домъ гетмана. Видно изъ этого письма, что Кочубей, пораженный горемъ и стыдомъ, все-таки боится своего могущественнаго, страшнаго гетмана, отъ одного мановенія котораго могла слетѣть его голова, не смѣетъ показаться ему на глаза, и рѣшается только отправить къ нему свое глубокоскорбное и, по тяжелой необходимости, самое униженное посланіе.

Вотъ его дословное содержаніе, съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей тогдашней малорусской письменной рѣчи, сильно испорченной внесеніемъ въ нее полонизмовъ, проникавшихъ и въ языкъ, и въ самую жизнь высшихъ классовъ Украйны.

„Ясне вельможный, милостивый пане гетмане, мой велце милостивый пане и великій добродѣю!

„Знаючи тое мудрцево слово, же лепша есть смерть, нижли горкій животъ, раднѣйшій бымъ былъ передъ симъ умерти, нежели въ живыхъ будучи, такое, якое мя обняло, поносити зелжене, зѣло естемъ подлій и ваги токой, якой есть песъ здохлій; но горко стужаетъ и болитъ мое сердце быти въ такихъ реестрѣ, которіи до якого своего пожитку дочки свои выдаючи ку волѣ людской, безецнимы и выгнанья и горлового караня годнимы, правомъ твердимъ суть осужени. О! горе жъ мини несчастливому! чи споусвался я, при моихъ не малихъ въ войсковихъ цѣлахъ працахъ, въ святомъ благочестіи, подъ славнимъ рейментомъ вашой вельможности такое получити укореніе. Чи заслуговался я на такую язвами болесними окриваючую мя ганебность? чи дѣялося коли кому тое зъ тѣхъ, которіи предо мною чиновне и нечиновне при рейменторахъ живали и служили? О! горе мнѣ мизирному и отъ всѣхъ оплеванному, по такій злій пришовшому конецъ! Премѣнилися мнѣ въ смутохъ всѣ надѣи о дочцѣ моей—будучая утѣха моя, обернулася въ плачъ моя радость, а веселость въ сѣтованіе! Естемъ одинъ зъ тихъ, которіи сладко пріимують память смерти. Хотѣлъ бымъ спитатися въ гробѣхъ будучихъ, которіи въ животѣ своемъ были несчастливіи: если были болѣ ихъ такіи, яко моя есть сердце пророжаючая болѣзнь? Омрачился очей моихъ свѣтъ, обышомъ ми мерзеный студъ, не могу право зрити на лица людскіе и передъ власними ближними и домовниками моими, окриваетъ мя горкій срамъ и поношеніе. Въ томъ толь тяжкомъ слутку моемъ всегда зъ бѣдною супругою моею плачучи и значное здоровя моего относячи сокрушеніе, не могу бывати у вашей вельможности, въ чомъ до стопи ногъ вашей вельможности рабско кланяючися, пренаикорнѣ прошу себѣ милостиваго разсмотрительнаго пробаченя".

Мазепа, не считая, однако, себя ни въ чемъ виноватымъ передъ Кочубеемъ, развѣ только въ томъ, что дѣвушка любитъ его и ищетъ у него въ домѣ убѣжища отъ строгихъ родителей, „страха ради смертнаго", подобно Варварѣ-мученицѣ, бѣгавшей изъ родительскаго дома къ овчарямъ, въ разсѣлины каменныя, а не въ гетманскій домъ, съ такою рѣзкою ироніею отвѣчаетъ отцу Матрены на его покорное письмо:

„Пане Кочубей! Доносишъ намъ якійсь свой сердечный жалъ. Рачій бы належало скаржитися на свою гордую, велерѣчивую жену, которую, якъ вижу, не вмѣешъ, чи не можешъ повстягнути, и предложити тое, же ровній муштукъ якъ на конѣ, такъ и на кобили кладутъ. Она-то, а не хто иншій, печали твоей причиною, ежели якая на сей часъ въ дому твоемъ обрѣтается. Утекала святая великомученица Варвара предъ отцомъ своимъ Діоскоромъ не въ домъ гетманскій, але подлѣйшое мѣстцѣ, межи овчарѣ, въ разсѣлини каменнія, страха ради смертнаго. Не можешъ, правду рекши, нѣкогда свободенъ быти отъ печали, а барзѣ своего здоровя певенъ, поки съ сердца своего бунтовничого духу не виблюнешъ, которій, такъ разумѣю, не такъ зъ уломности натуральной, яко зъ подусти женской въ себѣ имѣешъ, и если жъ зъ бозкого презрѣнія, теды и всему дому твоему зготовалася якая пагуба, то не на кого иншого нарѣкати и плакати, тилко на свою и женскую проклятую пиху, гордость и высокоуміе имѣешъ. Чрезъ лѣтъ шестнадцети прощалося и пробачалося великимъ и многимъ вашимъ, смерти годнымъ, проступкамъ, однакъ нѣчего добраго, якъ вижу, ни терпливость, ни добротливость моя не могли справити. А що взменкуешъ въ томъ же своемъ пашквильномъ письмѣ о якомъсь блудѣ, того я не знаю и не разумѣю, хиба самъ блудишъ, коли жонки слухаешъ, бо посполите мовитъ: gdzie ogon rzadzi, tam pewnie glowa bladzi" (гдѣ хвостъ управляетъ, тамъ голова непремѣнно заблуждается).

При всемъ томъ Мазепа настаиваетъ, чтобъ дѣвушка возвратилась къ родителямъ.

Матрена не выноситъ домашней муки, упрековъ матери—и снова проситъ Мазепу взять ее къ себѣ.

И вотъ что, между прочимъ, гетманъ отвѣчаетъ ей въ своихъ, въ высшей степени любопытныхъ, письмахъ:

„Мое сердце коханое! Сама знаешъ, якъ я сердечне, шалене люблю вашу милость: еще нѣкого на свѣтѣ не любивъ такъ. Мое-бъ тое щастье и радость, щобъ нехай ѣхала да жила у мене, тилко-жъ я уважививъ, якій конецъ съ того можетъ бути, а звлаща при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ. Прошу, моя любенко, не одмѣняйся ни въ чомъ, яко южъ не поеднократъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне, поки живъ буду, тебе не забуду".

Матрену, повидимому, рѣшились увезти куда-то дальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ могли продолжаться ея свиданія съ Мазепою, и вотъ гетманъ шлетъ ей свое сожалѣніе о разлукѣ, печаль о томъ, что не будетъ видѣть ни ея „глазокъ" („очици"), ни ея „личика бѣленькаго":

„Мое серденко, мой квѣте рожаной (мой цвѣтокъ розовый)! Сердечне на тое болѣю, що на далеко подъ мене ѣдешъ, а я не могу очицъ твоихъ и личка бѣленкаго видѣти: черезъ сее писмечко кланяюся и вси члонки (члены) цѣлую любезно“.

Въ слѣдующемъ письмѣ гетманъ проситъ ее увидѣться съ нимъ, убѣждаетъ ее ея же чувствомъ, ея же словомъ, даннымъ ему въ томъ, что она всегда будетъ любить его. Коротенькое письмецо это дышетъ нѣжностью, въ него невольно врывается поэтическій складъ, ибо извѣстно, что Мазепа,—эта въ высшей степени даровитая и многосторонняя личность,—писалъ прекрасные стихи, и ему приписываютъ одно замѣчательное стихотвореніе политическаго содержанія, которое и было представлено Петру въ числѣ обвинительныхъ противъ гетмана пунктовъ,—стихотвореніе, начинающееся словами: „Всѣ покою щире прагнутъ“ и взывающее къ сынамъ Малороссіи о томъ, чтобъ они надѣялись лишь на свою собственную силу, чтобы слились всѣ во-едино и саблею завоевали бы себѣ право и независимость Малороссіи.

Въ этомъ письмѣ къ Матренѣ Мазепа говоритъ:

„Мое сердечне коханье! Прошу, и велце прошу, рачь зо мною обачитися для устной розмови. Коли мене любишъ, не забувай же; коли не любишъ, не споминай же! Спомни свои слова, же любить обѣщала, на що-жъ минѣ и рученку бѣленкую дала.

„И повторе и постокротне прошу, назначи хочъ на одну минуту, коли маемо зъ собою видѣтися для общаго добра нашего, на которое сама-жъ преже сего соизволила есь была; а нѣмъ тое будетъ, пришли намисто (кораловое ожерелье) зъ шіи своей, прошу“.

Дѣвушка обѣщаетъ ему свиданье, и вотъ старый гетманъ шлетъ къ ней довѣренную женщину, Мелашку, и проситъ свою „Мотреньку“, „обнимая съ ножки“, скорѣй исполнить свое обѣщаніе, говоря, что она изсушила его „краснымъ личикомъ своимъ“.

„Мое сердечко! Уже ти мене изсушила краснымъ своимъ личкомъ и своими обѣтницами (обѣщаніями).

„Посилаю теперь до вашей милости Мелашку, щобъ о всѣхъ розмовилася зъ вашею милостью. Не стережися еи нѣ въ чемъ, бо есть вѣрная вашей милости и минѣ во всѣмъ“.

„Прошу и велце, за нужки вашу милость, мое серденко, облапивши, прошу, не одкладай своеи обѣтници“!

Въ слѣдующій разъ, отъѣзжая по дѣламъ, Мазепа шлетъ къ дѣвушкѣ подарокъ отъ себя на память и пишетъ:

„Мое серденко!. Не маючи вѣдомости о поводженью вашей милости, чи вже перестали вашу милость мучити и катовати, теперь теды одъѣжаючи на тыждень на певніе мѣстца, посилаю вашей милости одъѣздного черезъ Карла, которой прошу завдячне приняти, а мене въ неотмѣнной любвѣ своей ховати“.

Но тяжела жизнь Матренѣ дома: ее „мучатъ и катуютъ“ какъ палачи

(„катовать“ —наказывать чрезъ палача, „ката“); мать преслѣдуетъ ее, коритъ ея поведеніе, не даетъ ей покоя, и Мазепа, соболѣзнуя ей и не имѣя возможности оградить дѣвушку отъ страданій, совѣтуетъ ей, наконецъ, идти въ монастырь, и „тогда—говоритъ—я буду знать, что мнѣ дѣлать“:

„Мое серденко! Тяжко болѣю на тое, що самъ не могу зъ вашею милостью обширне поговорите, що за одраду ваша милость въ теперешнемъ фрасунку (печали) учините. Чого ваша милость по мнѣ потребуешъ, скажи все сій дѣвцѣ. Въ остатку, коли они, проклятіи твои, тебѣ цураются (чуждаются), иди въ монастиръ, а я знатиму, що на той часъ зъ вашею милостью чиныти. Чого потреба, и повторе пишу, ознайми минѣ ваша милость“!

Кочубей въ донесеніи Петру, между прочимъ, говоритъ, что письма Мазепы и его чары поддерживали Матрену въ постоянномъ возбужденіи нравственномъ, и она „возбѣсилася“: „на отца и на мать плевала“.

„Прельщая своими рокописанными грамотками дщерь мою непрестанно къ моему зломыслію, посылая ей дары различныя, яко единой отъ наложницъ, да быхъ азъ отъ печали животъ погубилъ, но егда не возмогъ лестію, преклонися ко обаянію и чародѣянію, и сотвори дѣйствомъ и обаяніемъ, еще дщери моей возбѣситися и бѣгати, на отца и матерь плевати“—это слова Кочубея Петру.

Съ своей стороны, мать Матрены, скорбя о своемъ несчастіи, позволяетъ себѣ бить бѣдную дѣвушку, и Мазепа знаетъ это, но оградить любимой женщины не можетъ. И вотъ какое страстное и грозное посланіе шлетъ онъ къ дѣвушкѣ, говоря, что, на зло ея и своимъ ворогамъ, не перестанетъ любить ее, пока живъ.

„Моя сердечне коханая! Тяжко зафрасовалемся (запечалился), почувши, же тая катувка (палачка) не перестаетъ вашу милость мучити, яко и вчора тое учинила. Я самъ не знаю, що зъ нею, гадиною, чинити. То моя бѣда, що зъ вашею милостью слушнаго не мамъ часу о всемъ переговорити. Болшъ одъ жалю не могу писати, тилко тое яко-жъ колвекъ станеться, я, поки живъ буду, тебе сердечне любити и зичити (желать) всего добра не перестану, и повторе пишу—не перестану, на злость моимъ и твоимъ ворогамъ“.

Затѣмъ онъ вновь посылаетъ ей гостинецъ—книжку и брильянтовый „обручикъ“ при такомъ нѣжномъ письмецѣ:

„Моя сердечне коханая Мотренько! Поклонъ мой отдаю вашей милости, мое серденко, а при поклонѣ посилаю вашей милости гостинца, книжечку и обручикъ діаментовій, прошу тое завдячне приняти, а мене въ любвѣ своей неотмѣнно ховати, нѣмъ дастъ Богъ съ лѣпшимъ привитаю. Затимъ цѣлую уста коралевіи, ручки бѣленкіе и всѣ члонки тѣлця твоего бѣленкого, моя любенко коханая“!

Но мать, какъ видно, не даромъ мучитъ дѣвушку: она, наконецъ, побѣждаетъ ея упрямую волю, и Матрену рѣшаются выдать замужъ за другого.

Вѣроятно, узнавъ объ этомъ и думая, что дѣвушка выходитъ за другого своей волей, а не отъ „катованья“, Мазепа шлетъ ей упреки, плачется, что она измѣнилась, забыла данное ему слово, забыла свои клятвы:

„Моя сердечне коханая! Вижу, же ваша милость во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку минѣ. Якъ собѣ знаешъ: воля твоя—чини що хочешъ! Будешъ на потумъ того жаловати. Припомни тилко слова свои, подъ клятвою мнѣ даніе на тотъ часъ, коли выходила есь зъ покою мурованого (каменнаго) одъ мене, коли далемъ тобѣ перстень діаментовій, надъ которій найлѣпшого, найдорогшаго у себе не маю, же хочь сякъ, хочь такъ будетъ, а любовъ межи нами не одмѣнится“.

Но чувство еще „не отмѣнилось“: дѣвушка колеблется между страстью къ Мазепѣ и покорностью къ родителямъ,—она еще не дала окончательно слова на замужество съ другимъ, она только страдаетъ отъ домашнихъ преслѣдованій,—и гетманъ опять грозитъ местью ея притѣснителямъ, сожалѣя о томъ, что и мстить онъ не можетъ: связала ему руки она, которую онъ любитъ, потому что месть его должна обратиться на мать той, которую онъ любитъ:

„Мое серденко! Бодай того Богъ зъ душею розлучивъ, хто насъ розлучаетъ!

„Знавъ бы я, якъ надъ ворогами помститися, тилко ти мнѣ руки звязала. И зъ великою сердечною тескницею (тоскою) жду отъ вашей милости вѣдомости, а въ якомъ дѣлѣ—сама добре знаешъ; прошу теды велце учини мнѣ скорій отвѣтъ на сее мое писанье, мое серденко“!

Наконецъ, послѣднее письмо Мазепы,—письмо, въ которомъ, повидимому, разыгрывается и послѣдній актъ ихъ личной драмы и сквозитъ послѣдняя, безпощадная рѣшимость гетмана отмстить своимъ лиходѣямъ,—какъ бы на прощанье напоминаетъ дѣвушкѣ объ ихъ прежнихъ свиданіяхъ, о ея клятвахъ любить его до смерти, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы онъ ее разлюбилъ:

„Моя сердечне коханая, наймильшая, найлюбезнѣйшая Мотроненько! Впередъ смерти на себе сподѣвався, нѣжъ такой въ серцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова, спомни на свою присягу, спомни на свои рученки, которіе минѣ ее поеднокротъ давала, же мене, хочь будешь за мною, хочь не будешь, до смерти любити обѣцала“.

„Спомни на остатокъ любезную нашу бесѣду, коли есь бувала у мене на покою: „Нехай Богъ неправдиваго караетъ, а я, хочь любишь, хочь не любишь мене, до смерти тебе, подлугъ слова свого, любити и сердечне кохати не перестану, на злость моимъ ворогамъ: прошу, и велце, мое серденко, якимъ-колвекъ способомъ обачься зо мною, що маю зъ вашею милостью далей чинити, бо южъ болжъ не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечне одомщеніе, учиню, а якое—сама обачишъ.

„Щаслившій мои писма, що въ рученкахъ твоихъ бувають, нежели мои бѣдніе очи, изо тебя не оглядають“!

Но драма разыгралась не такъ, какъ предполагали Мазепа, Матрена

и ея родители: она имѣла болѣе страшный послѣдній актъ для всѣхъ—и для Мазепы, и для Кочубеевъ, и для всей Малороссіи.

Матрену помолвили замужъ за Чуйкевича. Волею она шла за него отъ человѣка, котораго клялась любить до могилы,—отъ человѣка, обаяніе котораго было такъ но отразимо нетолько для нея, молоденькой дѣвушки, но и для всей Украины, для такихъ лицъ, какъ царь Петръ, его сотрудники: Меншиковъ, Головкинъ, Шафировъ, какъ, наконецъ, Карлъ XII:— волею ли она отвергнулась отъ него, или ее неволею отворотили отъ страшнаго гетмана—неизвѣстно. Но извѣстно только то, что Матрена продолжала поддерживать извѣстную близость дружескихъ отношеній къ Мазепѣ, равно какъ и Мазепа былъ вхожъ по прежнему въ домъ Кочубеевъ.

Гетманъ, какъ показывалъ послѣ Кочубей, отговаривалъ его отъ намѣренія отдать Матрену за Чуйкевича. Вотъ что объяснялъ онъ царю, обнаруживая измѣну Мазепы:

— Когда я пришолъ къ гетману просить позволенія сдѣлать торжественное обрученіе дочери моей съ Чуйкевичемъ, гетманъ сказалъ мнѣ, чтобы я пышнаго обрученія не дѣлалъ и людей немного сбиралъ и свадьбою не спѣшилъ: „Якъ будемъ зъ ляхами въ едности — тогда знайдется твоей дочцѣ женихъ тоей стороны лядское, знатній якій шляхтичъ, которій твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою, ибо хотя бы мы ляхамъ по доброй волѣ и не поддались, то они насъ завоюютъ и непремѣнно будемъ подъ ними“. Я пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ, сказалъ объ нихъ свату Чуйкевичу, и мы положили обвѣнчать дѣтей нашихъ безъ откладыванія, что и сдѣлали.

Послѣ уже, когда Матрена была замужемъ, Мазепа, 29 мая 1707 года, приглашалъ ее крестить съ собою одну еврейку, и за обѣдомъ сказалъ бывшей своей возлюбленной:

— Москва маетъ у крѣпкою роботу взяти всю малороссійскую Украину.

Кромѣ того, въ іюлѣ 1707 года, когда уже чуть ли не ждали вглубь Россіи Карла XII-го со шведами и поляками и когда Кочубей уже рѣшился донести на измѣну Гетмана, чтобъ вмѣстѣ отмстить и за свою дочь, мать Матрены говорила монаху Никонору (первому доносителю) о гетманѣ:

— Бездѣльникъ онъ, б...... сынъ и беззаконникъ!

Когда монахъ спросилъ, почему она такъ бранитъ гетмана, Любовь Кочубей сказала:

— Хотѣлъ онъ нашу родную, а свою крестную, дочь взять замужъ; мы ее за него не отдали, потому что она ему крестная дочь, и онъ, зазвавши ее къ себѣ въ гости.......... обезчестилъ (это несправедливо, потому что не подтерждается послѣдующимъ ходомъ взаимныхъ ихъ отношеній). Такой онъ, гетманъ, воръ: хотѣлъ онъ насъ разорить. Былъ онъ у насъ въ домѣ на именинахъ мужа моего, на Новый годъ, и говорилъ намъ: для чего мы своей дочери за него не отдали? Я ему говорила: „Полно тебѣ коварничать: не только ты дочь нашу......... обезчестилъ, ты

и съ насъ головы рвешь, будто мы съ мужемъ переписывались въ Крымъ".

Видно, однимъ словомъ, изъ всего, что дружескія отношенія между Мазепой и Матреной были прочнѣе, чѣмъ простая вспышка страсти, и отношенія эти могли быть вполнѣ безупречны и Матрена не прекращала ихъ и послѣ замужества.

Но Мазепѣ пробилъ уже роковой часъ.

Дальнѣйшая судьба всѣхъ лицъ этой страшной драмы, такъ или иначе группирующихся около Матрены,—была ужасна.

За дочь, за себя, за жену и за Украйну Кочубей шлетъ на гетмана доносъ царю. Царь не вѣритъ доносу, во всемъ полагаясь на Мазепу, который умѣлъ усыпить и Петра, и его сподвижниковъ. Кочубея и Искру призываютъ въ царскій станъ, и допрашиваютъ: страшныя пытки выносятъ оба мученика, путаются въ показаніяхъ, подъ муками невыносимыхъ пыточныхъ ударовъ, отказываются отъ своихъ словъ, противорѣчатъ другъ другу, уличаются въ извѣтѣ—и головой выдаются Мазепѣ, приговоренные къ казни.

Берутъ и жену Кочубея—Любовь. Когда за нею прискакалъ отрядъ волоховъ, чтобъ ее взять, она была въ церкви.

— Не пойду зъ церкви!—отвѣчала она бравшимъ ее: — нехай постражду межъ олтаремъ, якъ Захарія!

Въ обозѣ Мазепы, за Бѣлою-Церковью, на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, топоръ палача всенародно отсѣкаетъ головы Кочубею и Искрѣ. Это онъ мстилъ за Матрену...

Но скоро Карлъ XII поворотилъ съ своими войсками въ Малороссію.

— Дьяволъ его несетъ сюда!—говоритъ со злобой Мазепа, ожидая бѣдствій для своей Украины отъ войны въ самомъ ея сердцѣ.

Но поворота для него уже не было: онъ передался Карлу, надѣясь побѣдой надъ русскимъ царемъ завоевать (себѣ) царскій вѣнецъ на свою сѣдую голову вмѣсто потеряннаго имъ вѣнца жениха.

Но надежды его и на этотъ вѣнецъ рухнули подъ Полтавой—и тутъ нашелся другой женихъ для этого вѣнца. Мазепа съ Карломъ бѣжалъ въ Турцію, и потомъ отъ тоски и стыда умеръ. Опозоренное имя его проклиналось въ церквахъ, портретъ его былъ подвергнутъ публичной казни чрезъ палача. Малороссія страшно поплатилась за измѣну гетмана, которому вѣрила.

Царь много скорбѣлъ о гибели Кочубея, и по-царски наградилъ его семью. Родъ Кочубеевъ носитъ нынѣ княжескій титулъ.

Обезглавленныя тѣла Кочубея и Искры похоронены были въ Кіевской лаврѣ. На гробѣ ихъ высѣчена надпись:

„Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣсь естесмо положены сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ монарсѣ нашу

Страданія и смерти испыймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы
Посѣченны заставше топоромъ во главы,—
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матерѣ Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный".

„Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового, за Бѣлою-Церковію, на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоанъ Искра, полковникъ полтавскій".

А Матрена?—Что она должна была пережить, когда казнили ея отца, когда потомъ ея любовь и гордость, сѣдой гетманъ, потерялъ подъ Полтавою и ее, Матрену, и свою гетманскую булаву, и всю свою Малороссію съ свѣтившеюся въ недалекомъ будущемъ короной?

Матрена все пережила, а потомки ея отъ Чуйкевича живутъ и до сихъ поръ въ Малороссіи.

Письма Мазепы къ Матренѣ, въ современныхъ копіяхъ, хранятся и теперь въ коллежскомъ архивѣ, а подлинныя возвращены были Мазепѣ графомъ Головкинымъ.

Письма же Матрены къ Кочубею не дошли до насъ, и потому не наслѣдовали того печальнаго историческаго безсмертія, какое выпало на долю письмамъ къ ней Мазепы.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВЫ.		СТР.
I.	Ирина Годунова	115
II.	Жены Курбскаго: княжна Марья Юрьевна Голшанская и Александра Симашко. — Титулярная королева ливонская Марья Владиміровна.— Дочери Малюты Скуратова	122
III.	Ксенія Годунова	134
IV.	Марина Мнишекъ	141
V.	Ксенія Ивановна Романова.—Марія Хлопова	156
VI.	Царица Ирина Михайловна	164
VII.	Царица Марья Ильинична (Милославская)	172
VIII.	Царица Наталья Кирилловна (Нарышкина).—Агаѳья Семеновна Грушецкая.—Мареа Матвѣевна Апраксина.—Царевна Софья Алексѣевна.—Царевна Екатерина Алексѣевна	178
IX.	Матрена Кочубей	203

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

ТРИ ДѢТОУБІЙСТВА

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Томъ XXXV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 марта 1902 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка, 95.

Три дѣтоубійства.

Кто не помнитъ, какое тяжелое подавляющее впечатлѣніе производитъ разсказъ Гоголя о томъ, какъ Тарасъ Бульба собственноручно застрѣлилъ любимаго сына за измѣну своей странѣ... При чтеніи того мѣста, гдѣ старый казакъ, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ своимъ измѣнникомъ-сыномъ, въ пылу схватки съ врагами и подъ жгучимъ впечатлѣніемъ только что испытываемаго пораженія по винѣ этого же любимца-сына, говоритъ: „я тебя породилъ—я тебя и убью"—и красавецъ юноша, пораженный отцовскою пулею, падаетъ какъ спѣлый, подкошенный колосъ,—при чтеніи этого мѣста разомъ вспоминается вся короткая, но потрясающая драма отношеній отца къ сыну: встрѣча дѣтей-молодцовъ, пріѣхавшихъ изъ бурсы, и изумленіе стараго казака, что „дѣти", которыхъ онъ помнилъ какъ мальчиковъ, ловко дерутся на-кулачки, не уступая отцу, и что даже самого „батьку" могутъ поколотить, коли затронута честь „казака"; гордость отца при этомъ открытіи; радость и горе старой матери о томъ, что пріѣхали „мали дити"—а „мала дитина" въ косую сажень ростомъ—и отецъ уже дерется съ ними, а завтра ужъ на войну ведетъ ненаглядныхъ сынковъ; потомъ—эта страшная, неожиданная измѣна сына, и при томъ не того, который смотрѣлъ увальнемъ, простоватымъ малымъ, а болѣе живого, ловкаго, который былъ истинной гордостью отца, который могъ одинъ поддержать падающее казачество... Все это до нѣкоторой степени миритъ ваше потрясенное чувство при видѣ совершившагося страшнаго дѣла—дѣтоубійства: того требовалъ нравственный человѣческій законъ—законъ правды, которая была поругана и, къ несчастію, требовала возмездія.

Картина, нарисованная мастерскою кистью великаго художника, картина дѣтоубійства Тараса Бульбы—не историческая картина; но въ нее вложена глубокая историческая правда—и картина становится строго исторической, можетъ быть только подъ вымышленными именами.

Во всякомъ случаѣ, при чтеніи сцены дѣтоубійства у Гоголя, нравственное чувство ваше хотя съ болью въ сердцѣ, но поневолѣ мирится съ совершившимся фактомъ, скорбя только о прошломъ: таково было время; таковы были обстоятельства—тяжелыя, горькія возмутительныя; таковы были

и люди, не переросшіе того мрачнаго историческаго бора, который называется „эпохою", „временемъ", „историческими условіями", „историческою средою"... А могли и перерасти—да не переросли...

„Я тебя породилъ—я тебя и убью"—это глубокое историческое заблужденіе лежитъ въ душѣ человѣческой почти до настоящаго времени.

Почти такую же мастерскую картину, какъ у Гоголя, но только въ иномъ тонѣ, иными красками и съ инымъ освѣщеніемъ, рисуетъ знаменитый Поссевинъ уже на настоящемъ, строго-историческомъ полотнѣ. Онъ описываетъ убійство Грознымъ своего старшаго сына, царевича Ивана. И здѣсь въ основѣ событія лежитъ непонятный для нашего вѣка острый драматизмъ отношеній родителя къ дѣтямъ.

„Я тебя породилъ—я тебя и убью",—хотя и не говоритъ этого громко царь Иванъ Васильевичъ, но просто убиваетъ своего провинившагося противъ родительской власти сына.

Въ старой, Московской Руси существовалъ обычай (а обычай въ старое время—это больше, чѣмъ законъ, больше, чѣмъ вѣрованіе, больше, чѣмъ самая великая жизненная идея нашего вѣка)—въ теремной Руси существовалъ обычай, что женщина высшаго круга могла показываться мужчинѣ, даже въ своемъ семействѣ, не иначе, какъ одѣтая извѣстнымъ образомъ, въ извѣстнаго рода покроя костюмы—въ *три степени* одѣяній разомъ. Это—нашъ фракъ и бѣлый галстухъ, нашъ мундиръ и вицъ-мундиръ, нашъ цилиндръ и каска, наше декольтэ на балу, при всѣхъ, и плотный лифъ—дома... Все это тотъ же XVI вѣкъ теремной Руси, тотъ же обычай татуированья, тотъ же костюмъ новозеландца и новозеландки—ожерелье на шеѣ и—платье изъ солнечныхъ лучей, о чемъ обстоятельно трактуетъ Гербертъ Спенсеръ въ „Обрядовомъ правительствѣ".

Однажды Грозный, говоритъ Поссевинъ, вошелъ въ комнату, гдѣ находилась молодая княгиня, жена сына его, царевича Ивана. Молодая особа, будучи беременна, одѣта была не въ *три степени* одѣяній, а въ одну: была, по нашимъ понятіямъ, не въ мундирѣ, не во фракѣ, не декольтэ, когда слѣдовало быть декольтэ, и не съ высокимъ, глухимъ лифомъ, когда слѣдовало быть въ полупарадѣ... Растерявшаяся молодая женщина *вскочила* передъ грознымъ свекромъ; но приличіе, обычай, законъ, вѣрованіе, убѣжденіе, честь, идея *трехъ степеней* одѣянія была нарушена, попрана, оскорблена—и беременная княгиня получила пощечину (alapa) отъ царя. Мало того, Иванъ Васильевичъ „поучаетъ ее жезломъ"—бьетъ желѣзнымъ посохомъ, тѣмъ же ужаснымъ посохомъ, которымъ онъ проткнулъ ногу—ступню у посланца Курбскаго и, опершись на этотъ посохъ, стоялъ во все время чтенія дерзкаго посланія перваго московскаго эмигранта,—посохомъ, которымъ онъ многихъ согналъ на тотъ свѣтъ, какъ послѣ того потомокъ его, царь Петръ Алексѣевичъ, не одного бородача, лѣнивца и тунеядца загналъ въ гробъ своею историческою дубиною.

Послѣ поученія жезломъ, молодая княгиня, къ счастью, не умерла, но выкинула...

Грозный былъ исторически правъ: у него за плечами, какъ адвокатъ стояла вся русская исторія, всѣ тысячелѣтія, прожитыя человѣчествомъ обрядовою жизнью... Мало того — Грозный былъ и юридически правъ, и нравственно, съ точки зрѣнія нравственности своего вѣка: въ этомъ дѣлѣ онъ былъ невиненъ какъ судья, карающій по закону, чистъ какъ голубь, какъ Тарасъ Бульба, убивающій измѣнника-сына.

Но молодежь—всегда молодежь: она всегда нарушаетъ обычаи, силится перешагнуть законъ, который она, естественно, скорѣе перерастетъ, чѣмъ старость.

И въ XVI вѣкѣ, при Грозномъ, молодежь была такою же впечатлительною молодежью, какова она и теперь: она всегда протестуетъ; она и тогда протестовала, обнаруживая тѣмъ глубокую историческую истину, что обычай *трехъ степеней* одѣянія отжилъ свой вѣкъ.

Сынъ Грознаго, царевичъ Иванъ, естественно, протестовалъ противъ поступка отца, поступка исторически законнаго, но отжившаго свой вѣкъ. Царевичъ жаловался отцу, упрекалъ его въ томъ, что онъ своимъ жезломъ свелъ уже въ могилу двухъ первыхъ его женъ (молодой царевичъ Иванъ былъ тогда женатъ на третьей и, какъ видно, любилъ ее) и хочетъ лишить его *послѣдней* жены.

Ясно, что Грозный не могъ вынести дерзкихъ, незаконныхъ претензій своего сына — и тѣмъ же жезломъ прошибаетъ ему високъ... Сынъ Грознаго, какъ и сынъ Тараса Бульбы, падаетъ какъ подрѣзанный колосъ... Нарушенная историческая правда возстановлена: нарушеніе правды постигло заслуженное возмездіе.

Другіе лѣтописцы говорятъ, что Грозный убилъ своего сына за незаконное проявленіе чувствъ человѣчности, что сынъ будто бы требовалъ отъ отца войти въ бѣдственное положеніе народа тѣхъ областей, которыя отвоеваны были отъ Россіи Польшею вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій Грознаго въ войнѣ съ поляками. Но это все равно—убилъ за нарушеніе закона и безпрекословной покорности волѣ родителя: убилъ, наказалъ, слѣдовательно, вполнѣ законно.

Но тяжко было Тарасу Бульбѣ смотрѣть въ мертвое лицо своего прекраснаго сына-измѣнника. Все же онъ отецъ; онъ страстно любилъ сына, можетъ быть, болѣе страстно, чѣмъ мы въ XIX вѣкѣ, въ вѣкъ величайшихъ, съ нашей узкой—какъ и въ XVI вѣкѣ — точки зрѣнія, идей, въ состояніи любить своихъ дѣтей: — ему жаль было мертвеца; жаль, что совершилось такое великое несчастье — дѣтоубійство; совершилось то, что, по понятіямъ вѣка, не могло не совершиться безъ нарушенія исторической правды и совѣсти.

И Грозному не могло не быть тяжко. И онъ долженъ былъ любить своего сына. Да онъ и любилъ его страстно—это несомнѣнно. Вотъ, напр., какую клятвенную запись взялъ онъ во время своей болѣзни отъ соперника своего, князя Владиміра Старицкаго, подущаемаго своею матерью, княгинею Евфросиніею, противъ Грознаго и его сына Ивана съ матерью:

„Если мать моя княгиня Евфросинія,—клянется князь Старицкій,—станетъ подучать меня *противъ сына твоего*, то мнѣ матери своей не слушать и пересказать рѣчи ея *твоему сыну царевичу Ивану* — въ правду, безъ хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-либо зло *надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ*, то мнѣ объявить о томъ *сыну твоему* въ правду, безъ хитрости, не утаить мнѣ никакъ, по крестному цѣлованію“.

И этого сына Грозный убиваетъ самъ собственноручно, какъ Бульба своего: значитъ, были сильныя къ тому причины, поводы, непонятные XIX вѣку, несмотря на сходные, можетъ быть, темпераменты и Бульбы, и Грознаго.

И жаль становится Грозному этого убитаго имъ сына. Вонъ съ какою тяжкою, мрачною думою опустилъ онъ свою безумную, горячую голову на грудь, не смѣя взглянуть въ мертвое, прекрасное молодое лицо дѣтища и не находя даже въ книгѣ святой себѣ успокоенья. А сынъ такъ похожъ на него этой орлиной, хищной профилью, этимъ упрямымъ лбомъ, этими широкими, плотоядными челюстями и этимъ острымъ еще не полысѣвшимъ отъ жгучихъ страстей черепомъ... Эта обстановка, прекрасно схваченная художникомъ (г. Шустовъ), говоритъ въ пользу поступка Грознаго: эта мрачная келья дворца, вся исписанная суровыми ликами, это золото, эти гербы, эти птицы и звѣри хищные, этотъ двухглавый орелъ надъ кресломъ-трономъ — все шепчетъ ему въ уши, что онъ поступилъ исторически вѣрно, законно—наказалъ несвоевременный протестъ молодости. А ему все же тяжко! все скверно—злобно скверно: это говоритъ его лицо, воспитанное, сформированное тысячелѣтіями.

„Я тебя породилъ—я тебя и убью“ — вотъ что говоритъ это суровое лицо; но на душѣ все-таки скверно...

То же долженъ былъ, надо полагать, чувствовать и третій отецъ, у котораго такъ же, какъ у Бульбы и Грознаго, безвременно погибъ сынъ, хотя и нелюбимый, отъ постылой жены, но все же родное дѣтище. Этотъ третій отецъ—царь Петръ Алексѣевичъ.

И въ этой кровавой трагедіи — съ одной стороны, идея власти родительской, усложненная, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, историческою необходимостью, съ другой—протестъ молодости. Тарасъ Бульба убиваетъ любимаго сына за измѣну родной землѣ, измѣну, выразившуюся въ открытой борьбѣ противъ отца и защищаемыхъ имъ правъ; Грозный убиваетъ сына за измѣну историческому обычаю, измѣну, выразившуюся въ протестѣ противъ отцовской всесильной власти; Петръ, наконецъ, губитъ сына за измѣну *его*, отцовской, идеѣ, измѣну, выразившуюся въ протестѣ противъ суровой воли родителя.

Петръ желаетъ, чтобы сынъ его былъ тѣмъ, чѣмъ онъ самъ заявилъ себя въ исторіи Русской земли, онъ желаетъ видѣть въ немъ свое продолженіе, а сынъ — и не можетъ, и не желаетъ этого, потому что онъ, какъ выраженіе молодого поколѣнія, невольно *переросталъ* или *выро-*

сталъ изъ рамокъ, въ которыя вдавливалъ его отецъ—это несомнѣнно; Алексѣй Петровичъ переросталъ отца уже тѣмъ, что онъ, какъ самъ признавался въ Вѣнѣ вице-канцлеру Шенборну, ненавидѣлъ „солдатчину“, что для него были бы болѣе симпатичны иныя отношенія къ своему народу, чѣмъ отношенія его отца.

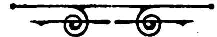
И вотъ, за это непослушаніе родительской власти отецъ отдаетъ сына на судъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Духовныя власти постановляютъ мудрое, хотя уклончивое рѣшеніе. Они говорятъ, что Священное Писаніе предоставляетъ отцу дѣйствовать или въ духѣ Ветхаго Завѣта, или въ духѣ Новаго, евангельскаго: онъ можетъ простить, какъ евангельскій отецъ простилъ блуднаго сына, какъ самъ Христосъ простилъ жену-прелюбодѣицу: „сердце царево въ руцѣ Божіей — да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ“... Свѣтскія власти поступили суровѣе: 120 членовъ суда подписали смертный приговоръ.

Кто изъ отцовъ представляется исторически и человѣчески симпатичнѣе и правѣе—это предоставляется рѣшить разуму и сердцу читателя.

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ XXXV ТОМА.

	Стр.
„Русскія историческія женщины“, ист. разск., ч. II . . .	115—214
„Три дѣтоубійства“, ист. параллели.	3 — 7

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. Л. Мордовцева.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ
НОВАГО ВРЕМЕНИ

Біографическіе очерки изъ русской исторіи

въ двухъ частяхъ.

ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

Томъ XXXVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 мая 1902 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 95.

Аннѣ Никаноровнѣ Мордовцевой,
Вѣрѣ Даниловнѣ Мордовцевой,
Натальѣ Іосифовнѣ Первольфъ,

съ любовью посвящаетъ

мужъ, отецъ и дѣдушка—авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая въ свѣтъ біографическіе очерки подъ заглавіемъ „Русскія историческія женщины“, мы считали свой трудъ не конченнымъ, потому что остановились на рубежѣ, отдѣляющемъ старую допетровскую Русь отъ новой.

Въ томъ трудѣ, насколько это было возможно и насколько представлялось это требовательнымъ, мы, собравъ воедино отдѣльныя черты русской исторической женщины и цѣльныя историческія женскія личности, изобразили ихъ въ той полнотѣ и опредѣленности, въ какой древняя русская женщина была видима лѣтописцу и историку изъ-за стѣнъ высокаго терема и изъ-за монастырской ограды: не наша вина, если мало была видима древняя русская женщина благочестивому лѣтописцу въ его рабочей кельѣ, и оттого съ такимъ блѣднымъ и неясно очерченнымъ обликомъ, попала она на столбцы монастырскихъ хронографовъ и свитковъ. Блѣдною отразилась она на древнихъ свиткахъ и на столбцахъ лѣтописца—блѣдною вышла и въ нашихъ очеркахъ.

Но предъ нами лежатъ еще полтора столѣтія нашей исторической жизни, когда женщина, въ силу того, что сильная рука Петра-преобразователя и не менѣе сильная рука времени, сорвавъ съ женщины покрывавшую ее древле-отеческую фату и распахнувъ двери терема, растворивъ монастырскія ворота, вывели ее на свѣтъ Божій, показали ей, кромѣ семейныхъ, и общественныя горя и радости, открыли передъ ней и Европу, съ добромъ и

зломъ ея цивилизаціи, и нетронутое еще поле женской общественной дѣятельности,—когда, въ силу всего этого, женщина является и на престолѣ, какъ законодатель, и въ обществѣ, какъ членъ его и подчасъ руководитель, и въ литературѣ, какъ сотрудникъ мужчины и самостоятельный дѣятель слова:—эта женщина, для которой жизненная программа „Домостроя" стала историческимъ преданіемъ, должна была оставить на страницахъ исторіи болѣе замѣтный слѣдъ и болѣе явственную черту своего существованія, чѣмъ ея далекая историческая родственница, женщина древней Руси, начиная отъ княгини Ольги, Рогнѣды, Мальфреды-чехини, Верхуславы, и кончая Еленою Глинскою, Ксеніею Годуновою и царевною Софьею.

Предлагаемые нынѣ очерки, какъ и изданные уже нами, имѣютъ цѣлью собрать воедино разсѣянныхъ на пространствѣ ста пятидесяти лѣтъ нашей исторической жизни женщинъ, чѣмъ-либо оставившихъ по себѣ слѣдъ на страницахъ исторіи, женщинъ, прямо или косвенно, могущественно и лично или только относительно и рефлективно, благодѣтельно или, къ сожалѣнію, обратно этому вліявшихъ на ходъ и направленіе нашей исторической жизни, въ массѣ, въ цѣломъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліявшихъ своимъ ли умомъ и дѣятельностью, своимъ ли личнымъ добромъ и доброю волею, своею ли красотою, или, наконецъ, своими несчастіями, своими ошибками, своею зло-направленною волею и т. д.

Едва ли слѣдуетъ пояснить при этомъ, что исполненіе послѣдняго нашего труда должно было потребовать отъ насъ гораздо большихъ усилій, чѣмъ выполненіе труда, уже исполненнаго нами по отношенію къ женщинѣ древней Руси; но, при тяжелой подчасъ работѣ своей, мы находили для себя нравственную поддержку въ той мысли, что, безъ самостоятельной и, по возможности, обстоятельной обработки собственно исторіи русской женщины, никогда не будетъ полна и достаточно понята вся русская исторія, потому что, какъ и въ древней Руси, женщина изъ терема и дѣтской, такъ или иначе, но въ болѣе или менѣе значительной степени руководила судьбами Россіи, давая первоначальное нравственное воспитаніе древне-русскому дѣятелю, князю, боярину, посадскому и житьему люду, а потомъ, невидимо для посторонняго глаза, направляла волю мужей, братьевъ, дѣтей по доброму

или злому пути, такъ и въ новой Россіи женщина въ такой же, если не въ болѣе значительной степени даетъ извѣстный ходъ и тонъ нашей исторической жизни, начиная съ дѣтской и кончая гостиной, школой, кабинетомъ мужа, брата и сына, направляетъ и мужа, и брата, и сына то добрымъ совѣтомъ, то любовью, то лаской, то слезами по тому направленію, которое женщина, скорѣе чѣмъ мужчина, избираетъ въ силу чуткости своего сердца и своей впечатлительности и руководитъ мужчиной въ добромъ или обратномъ этому направленіи.

Женщина—какою она проявляется и въ исторіи—это такой чувствительный барометръ, который прежде всего отражаетъ въ себѣ состояніе, если позволено будетъ такъ выразиться, общественной атмосферы, и каковъ характеръ и направленіе исторической эпохи, такою является и женщина едва ли не исключительнѣе, чѣмъ мужчина. Вотъ почему исторія русской женщины не только пополняетъ собою русскую исторію вообще, но и уясняетъ ее болѣе чѣмъ вся сумма прочихъ историческихъ матеріаловъ.

Настоящій трудъ нашъ разбивается на три части, сообразно тремъ, довольно замѣтно одна отъ другой отличающимся по своему внутреннему содержанію, историческимъ эпохамъ, пережитымъ Россіею въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ: это—первыя пятьдесятъ лѣтъ отъ начала петровскихъ реформъ и окончательнаго введенія Россіи въ общій строй европейскихъ державъ до возрожденія началъ сознанія русскаго національнаго чувства; потомъ—вторыя пятьдесятъ лѣтъ, эпоха развитія этого чувства, до конца XVIII столѣтія, и, наконецъ, XIX столѣтіе. Всѣ существенныя отличія каждой изъ этихъ эпохъ преимущественно выражаетъ собою живая и подвижная физіономія русской женщины, ея стремленія, ея дѣятельность, ея добрыя и фальшивыя увлеченія и весь ея нравственный и общественный обликъ.

Въ первую изъ этихъ эпохъ мы увидимъ, какъ русская женщина, рванувшись изъ терема въ широко раскрытую Петромъ дверь и надѣвъ нѣмецкое платье, вмѣсто сарафана и тѣлогрѣи, чтобы блистать въ ассамблеѣ и при дворѣ, надѣлала не мало ошибокъ и сама не мало пострадала, пока не поняла нѣсколько

отчетливѣе своего женскаго призванія. Во вторую эпоху—русская женщина высоко поднимаетъ и въ глазахъ Россіи, и въ глазахъ Европы имя той самой русской женщины, которая когда-то сидѣла въ терему и золотомъ вышивала да подблюдныя пѣсни со славленьемъ русскаго князя пѣла: русская женщина второй половины XVIII вѣка является не только помощникомъ и другомъ мужчины, но и полезнымъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелемъ—это ученица и другъ Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Новикова, Вольтера, Руссо, Даламбера, Дидро. Въ послѣднюю эпоху, въ девятнадцатое столѣтіе—сначала русская женщина отражаетъ въ себѣ какое-то нравственное колебаніе и безплодное броженіе мысли, уходитъ въ католичество, покидаетъ родину, отдается мистицизму, служитъ папѣ, а потомъ, когда это броженіе кончилось, изъ нея, какъ изъ личинки, выходитъ та симпатичная русская женщина, которую мы уже можемъ назвать матерью современнаго женскаго молодого поколѣнія: эта женщина—другъ Сперанскаго, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Веневитинова, Грановскаго, или же прототипъ женщины такъ называемаго русскаго, незападнаго направленія.

Недостатки и неполноту нашей работы мы сами сознаемъ болѣе, чѣмъ, быть можетъ, найдетъ ихъ критика и читатель; но мы позволяемъ себѣ надѣяться, что и первая, и послѣдній будутъ къ намъ снисходительны во уваженіе къ тому, что трудъ нашъ представляетъ первый опытъ подобнаго рода въ русской литературѣ, а обширность избраннаго нами предмета, съ одной стороны, не позволяла намъ дать нашему труду желательной полноты, такъ какъ масса разсѣянныхъ въ повременныхъ и спеціальныхъ изданіяхъ матеріаловъ, прямо или только косвенно относящихся къ данному предмету, не дозволяла намъ вносить въ нашъ трудъ всего, что, казалось-бы для другого, стоитъ этого внесенія, просто изъ боязни превратить наши очерки въ многотомное и не всѣмъ доступное изданіе; съ другой—она же останавливала насъ отъ внесенія въ свой трудъ не только литературы самого предмета съ указаніемъ на источники, но и многихъ женскихъ личностей, особенно девятнадцатаго столѣтія, о которыхъ хотя и можно было бы сказать не мало, но едва ли это было бы и удобно, и своевременно.

Въ выборѣ женскихъ личностей для нашего труда мы руко-

водствовались однимъ исключительно правиломъ: если женщина служила, такъ или иначе, выраженіемъ своего времени, дополняла собой характеристическія подробности и черты своей эпохи и своего общества, сама вносила что-либо въ жизнь и исторію, или какимъ-либо фактомъ и событіемъ въ своей жизни оставляла болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи, или, наконецъ, на ней отражался только лучъ безсмертія другого лица, которому она была близка, подобно тому какъ лучъ безсмертія освѣщаетъ образы Стеллы и Ванессы потому только, что эти женщины любили безсмертнаго Свифта,—мы, по возможности, не обходили такую женщину.

Вообще, мы сказали о новой русской женщинѣ, кажется, все, что можно было и стоило о ней сказать, то же, что обойдено нами—обойдено потому, что или не стоило, или не могло быть упомянутымъ.

За нашимъ трудомъ, мы увѣрены, останется, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что такъ какъ всѣ разсѣянныя въ массѣ книгъ свѣдѣнія о русской женщинѣ, по возможности, сведены нынѣ нами въ общій сводъ и уцѣлѣвшіе отъ историческаго забвенія останки русской женщины бережно снесены нами, такъ сказать, въ общую историческую усыпальницу, то уже каждой изъ этихъ женщинъ легко можетъ быть отведено подобающее ей на великомъ историческомъ кладбищѣ мѣсто:—уразумѣніе относительнаго значенія каждой женщины, какъ продукта своего времени, его выразителя и дѣятеля, возможно только тогда, когда всѣ онѣ проходятъ передъ нами одна за другою въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ когда-то жили и дѣйствовали, и въ той обстановкѣ, которая создавала ихъ нравственный образъ.

Не задаваясь задачей ученаго изслѣдованія, мы предназначаемъ свой трудъ для чтенія образованной русской женщины всѣхъ возрастовъ, сообразно историческимъ возрастамъ описываемыхъ нами русскихъ женщинъ. Оттого и посвящаемъ этотъ трудъ женѣ, дочери и внучкѣ.

Въ заключеніе, мы не можемъ не отнестись съ признательностью къ именамъ тѣхъ изъ нашихъ писателей, которыхъ трудами и матеріалами мы пользовались при составленіи настоящихъ нашихъ очерковъ. Въ этомъ отношеніи значительнымъ облегче-

ніемъ нашей работѣ служили отдѣльные труды, библіографическія указанія и изданія: П. И. Бартенева, К. Н. Бестужева-Рюмина, О. М. Бодянскаго, кн. Г. Н. Голицына, Г. В. Есипова, Д. И. Иловайскаго, М. Н. Лонгинова, А. Я. Марковича, П. И. Мельникова, А. В. Никитенко, П. П. Пекарскаго, М. И. Семевскаго, С. М. Соловьева, Ев. Туръ, Н. Г. Устрялова, Н. И. Фирсова, М. Д. Хмырова, С. Н. Шубинскаго и другихъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Анна Монсъ.

(Баронесса Анна Ивановна фонъ-Кейзерлингъ, урожденная Монсъ).

Мы видѣли уже русскихъ историческихъ женщинъ до-петровской Руси. Число ихъ было такъ невелико, что въ теченіе долгихъ восьми столѣтій, отъ Рюрика и до Петра, русская земля выставила на страницы исторіи только нѣсколько именъ женщинъ, блѣдные и неясные облики которыхъ или освѣщались чужимъ, заимствованнымъ отъ другихъ историческихъ лицъ свѣтомъ, или же проходили передъ нами, какъ историческія тѣни, безлично, почти безобразно, безъ ясныхъ очертаній.

Послѣднія изъ нихъ, какъ царевна Софья Алексѣевна или Матрена Кочубей, сошли въ могилу съ тяжелымъ сознаніемъ, что время ихъ отошло: одна жаловалась, что горько теперь имъ стало жить, когда волна новой жизни нахлынула на нихъ и захлеснула ихъ, еще полныхъ энергіи, но боровшихся противъ девятаго вала эпохи, говоря образнымъ языкомъ народа; другая не могла не тосковать, видя гибель всего, что она любила, и замѣну иными порядками тѣхъ, къ которымъ она привыкла въ своей поэтической Украинѣ.

Отходящихъ женщинъ вытѣсняли собою другія, болѣе современныя, болѣе молодыя, и, занявъ ихъ мѣста, затирали даже слѣдъ своихъ предшественницъ въ памяти людей, не имѣя только силы окончательно затереть слѣдъ ихъ въ исторіи.

Такія личности, какъ царевна Софья Алексѣевна или царица Авдотья Ѳедоровна Лопухина, съ одной стороны, въ Великой Россіи, вытѣсняются болѣе молодыми женскими силами, какъ „вывезэнная изъ нѣмцевъ Анна Монсова“, Матрена Балкша, Марта Скавронская и цѣлая фаланга женщинъ русскихъ и обрусѣвшихъ, съ другой—въ Малой Россіи—у гетманской булавы, вмѣсто несчастной и поэтической украинки Матрены, возлюбленной Мазепы, становятся другія, болѣе современныя, хотя менѣе поэтическія украинки, какъ гетманша Настасья Марковна Скоропадская, просящая у русской царицы для себя маетностей—„нѣсколько изобильныхъ деревень и угодій“, или „дочка“ этой гетманши, нѣжинская полковница Толстая, вышедшая замужъ за великорусскаго вельможу и свою украинскую фамилію промѣнявшая на московскую.

Съ начала XVIII вѣка петровскіе порядки и петровскія женщины вступаютъ въ свои права и всецѣло оттѣсняютъ собою и отжившіе свой вѣкъ до-петровскіе порядки и отжившихъ свою скромную долю до-петровскихъ женщинъ.

Вмѣсто княгинь, княженъ, боярынь, боярышенъ, царицъ, царевенъ, великихъ княгинь, а чаще инокинь и старицъ, являются баронессы, графини, генеральши, генеральскія дочери, фрейлины и т. д.

Одною изъ первыхъ между этими новыми русскими женщинами, такъ сказать, заметавшими собою слѣдъ до-петровской русской женщины, является — по времени — баронесса Анна Ивановна фонъ-Кейзерлингъ, русская нѣмка изъ московской нѣмецкой слободы, урожденная дѣвица Монсъ.

Сама по себѣ — это была личность далеко не крупная и даже далеко не симпатичная, такъ что не ея именемъ желательно было бы украсить первую страницу исторіи русскихъ женщинъ или списокъ историческихъ женщинъ въ Россіи, а именемъ болѣе симпатичнымъ и болѣе высокимъ, которыя могла бы выставить русская земля за послѣднія полтора столѣтія и съ которыми мы встрѣтимся далѣе въ нашихъ очеркахъ; но мы не имѣемъ права обходить ни одного имени, болѣе или менѣе повліявшаго, хотя бы даже отрицательно, на ходъ нашихъ историческихъ судебъ, если бы даже, притомъ, вліяніе это было и не личное, не непосредственное, а рефлективное, черезъ другія историческія личности, какъ, именно, и выразилось, рефлективно, отрицательное вліяніе на поступательный ходъ русской общественной жизни баронессы фонъ Кейзерлингъ: хронологически, она первая наступаетъ своею ногою на стирающійся уже слѣдъ русской женщины отживавшаго стараго цикла — она же, по праву, первою явится и въ собраніи русскихъ женщинъ новаго историческаго цикла.

Баронесса фонъ Кейзерлингъ, болѣе извѣстная, по своему дѣвическому имени, какъ Анна Монсъ, была дочь Іоанна Монса, уроженца города Миндена, что на Везерѣ, по свидѣтельству однихъ писателей — виноторговца и бочарныхъ дѣлъ мастера, по другимъ — мастера золотыхъ дѣлъ. Монсъ съ женою Модестою выѣхалъ въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія и поселился въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, извѣстной тогда подъ именемъ „Кукуй-городка“. Монсы имѣли трехъ сыновей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ своею судьбою и трагическою смертью младшій, Виллимъ, и двухъ дочерей — Модесту или Матрену, какъ ее называли русскіе, и Анну.

Обѣ дочери, какъ и все семейство Монсовъ, отличались замѣчательною красотою.

Лефортъ, будущій сподвижникъ царя-преобразователя, былъ близко знакомъ съ семействомъ Монсовъ, а съ Анной, по свидѣтельству тогдашняго австрійскаго посла Гваріента, этотъ умный женевецъ находился въ самой интимной дружбѣ, какая только возможна между мужчиною и женщиною.

„Впослѣдствіи, — говоритъ другой современный писатель и воспитатель царевича Алексѣя Петровича, Гюйссенъ, — когда при стрѣлецкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвальнаго великодушія остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ, вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья“.

Лефортъ, всегда умѣвшій, среди серьезныхъ занятій, доставить молодому

царю и соотвѣтственныя развлеченія, свелъ своего впечатлительнаго питомца съ московскими нѣмцами и, въ особенности, съ красивою семьею Монсовъ.

Петру понравились обѣ дѣвушки-нѣмочки, но красавица Анна произвела на него болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ старшая сестра—и впечатлѣніе это было едва ли не роковой минутой для всей послѣдующей жизни царя-преобразователя.

Знакомство его съ Анною Монсъ относятъ къ 1692 году. Одновременно съ этимъ замѣчаютъ уже и охлажденіе царя къ его первой супругѣ, Авдотьѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной, которая, во время его безпрестанныхъ мыканій изъ конца въ конецъ русской земли и во время „потѣшныхъ“ экспедицій по Бѣлому морю, тоскуетъ о своемъ „лапушкѣ свѣтъ-Петрушенькѣ“ и шлетъ ему исполненныя глубокой скорби письма.

„Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія“.

Но Петра больше тянетъ уже въ нѣмецкую слободу, въ скромный домикъ Монсовъ, а не во дворецъ, гдѣ его ждетъ плачущая царица.

Слѣдуютъ потомъ походы Петра подъ Азовъ; но и въ разлукѣ онъ не забываетъ красавицу нѣмецкой слободы. Петръ уѣзжаетъ путешествовать по Европѣ и учиться западной цивилизаціи съ топоромъ и пилой въ рукѣ. И тамъ, среди чудесъ Европы, онъ не забываетъ своей „Аннушки“.

Между тѣмъ, въ Россіи, въ отсутствіе царя, вспыхиваетъ стрѣлецкій бунтъ.

Царь быстро возвращается домой, везя съ собой страшную грозу и неслыханную кару для измѣнниковъ. 25-го августа 1698 года онъ является въ Москву; но даже и не заѣхалъ въ тотъ день во дворецъ, а посѣтилъ только Анну Монсъ.

„Крайне удивительно,—писалъ австрійскій посолъ Гваріентъ,— что царь, противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія, еще одержимъ прежнею страстью: онъ тотчасъ по пріѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монсъ“.

Напротивъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: „великій работникъ“ русской земли умѣлъ глубоко любить, такъ глубоко, какъ глубоко любилъ онъ все, что охватывало его страстную природу; полюбивъ разъ, онъ уже не умѣлъ разлюбить, подобно натурамъ мелкимъ, непостояннымъ; Петръ глубоко любилъ только двухъ женщинъ: Анну Монсъ, а потомъ Марту Скавронскую—императрицу Екатерину Алексѣевну—и любилъ ихъ до могилы. Не правы тѣ историки, которые приписываютъ „царю-работнику“ какую-то недостойную его вѣтренность.

Намъ извѣстно, что потомъ было, когда царь изслѣдовалъ стрѣлецкую измѣну: представителей стараго русскаго ратнаго дѣла, стрѣльцовъ, постигли ужасныя казни; царица Евдокія заточена въ монастырь; царевна Софья, одна изъ наиболѣе цѣльныхъ и неподатливыхъ женскихъ личностей до-петровскаго цикла, тоже исчезла въ монастырѣ подъ рясою монахини и подъ скромнымъ именемъ сестры Сусанны.

Съ той поры Петръ весь отдается своей привязанности къ молодой представительницѣ новаго типа русской женщины, къ Аннушкѣ Монцовой,

и, по свидѣтельству современниковъ, преимущественно иностранцевъ, дѣвушка стоила этой нѣжной привязанности великаго человѣка. Всѣ иностранцы отзываются о ней съ большими похвалами, и, безъ сомнѣнія, въ ней было что-либо достойное любви такого человѣка-великана, каковъ былъ Петръ.

„Особа эта, говоритъ одинъ изъ современниковъ, служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, но не прикидывалась страдалицей; имѣла самый обворожительный нравъ, не возмущаемый капризами; не знала кокетства; плѣняла мужчинъ, сама того не желая; была умна и въ высшей степени добросердечна".

Они же увѣряютъ, что дѣвица Монсъ была такъ безупречна въ своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Петру и такъ цѣломудренно-сдержанна, что вслѣдствіе этой холодности сама лишила себя трона, который она, безъ сомнѣнія, раздѣлила бы съ царемъ-преобразователемъ, если бы не оттолкнула его отъ себя предпочтеніемъ ему другой личности, которую она дѣйствительно полюбила: царя же, говорятъ, она не любила, а только умѣла цѣнить его любовь къ ней, отвѣчала ему теплой дружбой и умѣла пользоваться добрымъ чувствомъ всесильнаго властелина русской земли.

Между тѣмъ, русская земля, въ особенности же Москва, косо смотрѣвшая на преобразованія царя, на нѣмецкій покрой платья и на вниманіе, оказываемое имъ, въ лицѣ нѣмцевъ, всей цивилизованной Европѣ, совершенно иначе смотрѣла на эти отношенія царя къ молодой кукуйской красавицѣ.

— Видишь,—говорилъ одинъ москвичъ другому:—какое бусурманское житье въ Москвѣ стало: волосы накладныя завели, для государя вывезли изъ нѣмецкой земли нѣмку Монсову, и живетъ она въ лефортовыхъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той же нѣмки.

— Относилъ я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой,—говорилъ нѣмецъ, портной Фланкъ, аптекаршѣ Якимовой:—и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотыя.

— Это не ту кровать ты видѣлъ,—замѣчала аптекарша:—а вотъ есть другая, въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь: здѣсь-то онъ и опочиваетъ...

Тутъ Якимова, какъ значится въ современномъ слѣдственномъ дѣлѣ, начала говорить „неудобь сказываемыя" слова.

— Какой онъ государь,—говорилъ также о Петрѣ колодникъ Ванька Борлютъ:—какой онъ государь! Бусурманъ! Въ середу и пятницу ѣстъ мясо и лягушекъ. Царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анною Монсовою.

Весной 1699 года Петръ вновь отправился въ походъ подъ Азовъ, и, несмотря на свои ратные и государственные труды и заботы, онъ успѣвалъ переписываться съ своей любимицей, которая такъ же отвѣчала ему

охотно своими скромными, почтительными и, видимо, сдержанными посланіями, въ коихъ, большею частью, говорится то о присылкѣ „милостивому государю“ апельсиновъ и „цитроновъ“, чтобъ онъ ихъ „кушалъ на здравіе“, то о высылкѣ „цедреоли“; но тутъ же дѣвушка заговариваетъ и объ государственныхъ дѣлахъ—она уже является ходатайницею за другихъ особъ, за лицъ изъ высшаго государственнаго круга.

Въ высокой степени любопытны эти письма, характеризующія и время, и женщинъ того времени, а въ особенности женщину, которая могла бы, если бы пожелала, раздѣлять тронъ царя-преобразователя.

„Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

„Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливаго пребыванія.

„Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовать и дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтнемъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа Бога вседневно о здравіи твоемъ и продолженіи вѣку твоего государева, и дай Богъ чтобы намъ вскорѣ видать милостивое пришествіе твое, а что изволишь писать объ цедреоли, и я ожидаю въ скоромъ часѣ, и какъ скоро привезутъ, то не замѣшкавъ пошлю, и если бы у меня убогой крылья были, и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла.

„Прошу у тебя милостиваго государя объ вдовѣ Петра Салтыкова, что дѣло у нихъ съ Лобановымъ, естли угодно и воля твоя пожаловать меня убогую чтобы дѣло то перенесть изъ семеновскаго въ другой приказъ, а буде тебѣ государю не нравно, и милости прошу чтобъ до твоего государскаго пришествія людей той вдовы Салтыковой не трогать и на правежѣ не бить. Мнѣ государь отъ ней упокою нѣтъ. Непрестанно присылаетъ съ великими слезами. Пожалуй государь не прогнѣвайся, что объ дѣлахъ докучаю милости твоей.

„Засимъ здраствуй милостивой государь на множество лѣтъ.

„Sein getreue dinnerin bet in mein dot.

„den 28 may. А. М. М.“

На адресѣ этого письма написано: An myn Heer grot commandeur Peter Alexewitz asoff.“

Въ другомъ письмѣ, посылая царю „четыре цитрона и четыре апельсина“, чтобъ государь „кушалъ на здоровье“, дѣвушка проситъ, чтобъ онъ не забывалъ о ней.

„Милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу.

„Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтняго здравія и счастливое пришествіе.

„Прошу у тебя государя, дай милостиво вѣдать о своемъ государскомъ многолѣтномъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной о такомъ великомъ здравіи всѣмъ сердцемъ обрадоваться.

„Посылаю я къ тебѣ милостивому государю четыре цитрона и четыре

апельсина, подай Господь бы тебѣ милостивому государю кушать на здоровье.

„А о цедреоли не прогнѣвайся государь, что не присылаю, во истино по сю пору не бывала, и вельми объ этомъ печалюся, что по сю пору не бывало.

„Засимъ остаюсь раба твоя bet in mein dot.

„Anno 1699 dem 8 iuni. А. М. М.“

Посылаетъ она, наконецъ, ящикъ давно ожидаемой „цедреоли“, и вновь пишетъ:

„Милостивѣйшій государь.

„Подай Господь Богъ тебѣ, милостивому государю, многолѣтняго и благополучнаго здраствованія.

„Послала я къ тебѣ милостивѣйшему государю ящикъ съ цедреоли двѣнатцать скляницъ. Дай Боже тебѣ милостивому государю на здравіе кушать, рада бы больше прислала, да не могла достать.

Ver bleib sein getreuste dinnerin bet in mein dot. А. М.“

Петръ отвѣчаетъ своей любимицѣ на ея письма, и дѣвушка вновь шлетъ ему посланіе, все такое же сдержанное, полуоффиціальное:

„Милостивѣйшему государю.

„Подай Господь Богъ тебѣ милостивому государю многолѣтнее здравіе и счастливое пребываніе.

„Челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ дать милостиво вѣдать о своемъ многолѣтномъ здравіи чрезъ милостивое свое письмо, о которомъ всѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Богу вседневно о продолженіи вѣку твоего государева. Прошу у тебя милостиваго государя, пожалуй прости винѣ моей, меня убогую рабу свою, что къ милости твоей писала о дѣлѣ Салтыковой вдовы, я о томъ опасна чтобъ впредь какова гнѣву не было отъ тебя милостиваго государя чтобъ такъ дерзновенно зелала,

„Sein getreue dinnerin bis in mein dot.

„Dem 25 iuly. А. М М.“

Наконецъ, дѣвушка рѣшается заговорить съ своимъ повелителемъ и возлюбленнымъ о дѣлахъ болѣе серьезныхъ: она напоминаетъ ему объ обѣщаніи сдѣлать ее помѣщицей — записать за ней изъ дворцовыхъ селъ волость.

„Благочестивый великій государь царь Петръ Алексѣевичъ милостивно здравствуй, о чемъ государь и милости у тебя государя просила, и ты государь поволилъ приказалъ Θедору Алексѣевичу выписать изъ дворцовыхъ селъ волость и Θедоръ Алексѣевичъ по твоему государству указу выписавъ послалъ къ тебѣ государю чрезъ почту, и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умилостивися государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и для многолѣтняго здравія царевича Алексѣя Петровича свой государевъ милостивый указъ учини.

Ich ver suche mein gnadigste herr und vader seyt mein gnadige

bitt nit af um Gottes willen posalu mene sein undergnadigste dienerrin bet in mein dot.

„Dem 11 september. А. М. М.“

Кромѣ государевыхъ волостей дѣвушка получала отъ своего высокаго друга и другія доказательства его любви къ ней: такъ Петръ пожаловалъ ей съ матерью ежегодный пенсіонъ въ 708 рублей, что, при бережливости, даже скупости царя преобразователя и при постоянной нуждѣ его въ деньгахъ, которыхъ такъ много требовалось на постройку кораблей, на прорытіе каналовъ, на возведеніе крѣпостей, на посылку молодыхъ вельможъ за границу и нескончаемыя войны со шведами—представляло тогда солидную субсидію. Мало того, государь построилъ своей любимицѣ огромный каменный палаццо, въ самой нѣмецкой слободѣ, недалеко отъ нѣмецкой кирки, чтобъ его возлюбленной ближе было ходить въ церковь. Наконецъ, государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный брильянтами, цѣнностью въ тысячу рублей — и это было тогда, когда молодой супругѣ царевича Алексѣя Петровича буквально было нечѣмъ кормиться, какъ мы и увидимъ ниже.

Осыпанное милостями царя, семейство Монсовъ скоро стало злоупотреблять своимъ вліяніемъ, въ чемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, наиболѣе виповата была мать дѣвушки, повидимому, очень корыстолюбивая старуха. Корыстолюбіе, впрочемъ, замѣчается и въ характерѣ самой дѣвушки.

Монсы начали вмѣшиваться въ государственныя дѣла, ходатайствовали по присутственнымъ мѣстамъ за себя и за другихъ, — и въ виду дружбы къ нимъ государя, всѣ государственные люди спѣшили сдѣлать имъ все угодное. По свидѣтельству Гюйссена, воспитателя царевича Алексѣя, въ присутственныхъ мѣстахъ даже принято было за правило, что если madame или mademoiselle Montzen имѣли какое-либо дѣло или тяжбу, будь это ихъ собственное дѣло или ихъ друзей, то объ этомъ дѣлались особенныя reflexions salva justitia, и Монсы такъ широко воспользовались этимъ снисхожденіемъ царя, что стали мѣшаться въ дѣла нашей внѣшней торговли, ходатайствовать за иноземныхъ купцовъ, набирать себѣ черезъ это большія деньги, и ставили себя въ совершенно исключительное положеніе.

Трудно винить въ этомъ случаѣ дѣвушку: она, надо полагать, пользовалась своимъ вліяніемъ въ подобныхъ нечистыхъ дѣлахъ совершенно невинно, руководимая своею корыстною матерью.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ вліянія дѣвушки на царя.

Въ Москвѣ состоялъ на службѣ артиллерійскій полковникъ, иноземецъ Краге. Однажды пьяный гайдукъ Краге въ присутствіи господина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдука за это наказали кнутомъ, но Серьеръ не удовольствовался этимъ наказаніемъ и, по выздоровленіи отъ увѣчья, подалъ счетъ на Краге—во что ему обошлось лѣченье. Серьеръ въ ходатайствѣ своемъ прибѣгнулъ къ помощи frayen Monsin и ея дочери; но австрійскій посолъ Гваріентъ два раза успѣлъ защитить Краге, и Серьеру отказано въ его претензіи. Тогда Серьеръ, воспользовавшись случайной ссорой

Краге съ дѣвицей Монсъ, вызвался быть ходатаемъ по дѣламъ семейства Монсовъ и завѣдывать ихъ хозяйствомъ. За это дѣвушка настойчиво ходатайствовала за него у царя, и Петръ, „вопреки двукратному отказу въ претензіи минеру, приговорилъ Краге къ штрафу въ 560 рублей“ — огромный по тому времени штрафъ!

Но дѣвушка все-таки не искренно любила царя: она дѣйствительно была только его „вѣрная“ и „убогая раба“, его „getreuste dinnerin“— служительница; но дѣвическое сердце ея избрало другого, хотя царь и не зналъ долго объ измѣнѣ своей любимицы, потому что продолжалъ осыпать ее щедрою рукою, подаривъ уже въ 1703 году своей „Аннушкѣ“ еще одно помѣстье—село Дубино въ козельскомъ уѣздѣ—295 крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями.

Дѣвушка полюбила саксонскаго посланника Кенигсека.

Въ 1702 году Кенигсекъ, вѣроятно, прельщенный выгодами службы въ Россіи, и, можетъ быть, побуждаемый любовью къ красавицѣ Монсъ, вступилъ въ русскую службу. Онъ сопровождалъ царя въ походахъ, былъ въ числѣ его иноземцевъ любимцевъ и учителей русскаго народа.

Но трагическая кончина Кенигсека открыла Петру глаза: онъ узналъ, что его Аннушка любила покойника.

Вотъ какъ открылась тайна дѣвицы Монсъ:

„Въ одинъ роковой день (такъ или почти такъ говоритъ объ этомъ происшествіи леди Рондо, жена англійскаго резидента, въ письмѣ къ одному своему другу въ Англію, въ 1730 году)—государь возвращался съ осмотра строившейся крѣпости; при переходѣ черезъ подъемный мостъ, польскій министръ (это и есть Кенигсекъ), сопровождавшій вмѣстѣ съ другими государя, упалъ въ воду, и, несмотря на всѣ усилія спасавшихъ его, утонулъ. Когда трупъ вытащили изъ воды, государь вынулъ изъ кармана утопленника бумаги, сначала велѣлъ ихъ запечатать, а потомъ, при разборѣ бумагъ покойника, не безъ удивленія увидѣлъ между ними портретъ своей любимицы; затѣмъ нашелъ нѣсколько самыхъ страстныхъ писемъ ея къ покойнику. Пылая гнѣвомъ и ревностью, государь вбѣжалъ въ комнату къ моей разсказчицѣ (къ знакомой леди Рондо) и приказалъ привести Анну Монсъ. Когда она вошла, Петръ заперъ дверь и грозно спросилъ: „для чего ты писала къ поляку?“ Та заперлась. Петръ показалъ письма, портретъ и объявилъ о смерти своего противника. Услышавъ роковую вѣсть, красавица залилась слезами и впала въ непритворное молчаніе, между тѣмъ какъ царь осыпалъ ее самыми рѣзкими укорами, и пришелъ въ такой гнѣвъ, что можно было подумать, что онъ убьетъ измѣнницу на мѣстѣ. Когда первый пылъ гнѣва прошелъ, слезы и красота Монсъ побѣдили государя, и онъ самъ заплакалъ. Тогда, простивъ невѣрную, онъ со слезами сказалъ: „Забываю все. Я не могу тебя ненавидѣть — виню собственную довѣрчивость. Продолжать мою связь — значитъ унижать себя. Прочь! Я сумѣю примирить страсть съ разсудкомъ. Ты ни въ чемъ не будешь нуждаться, но я съ этихъ поръ не хочу тебя видѣть“. Петръ сдержалъ слово:

Анна Монсъ выдана была замужъ за одного служащаго, получившаго хорошее мѣсто въ отдаленной провинціи; монархъ заботился объ ихъ семейномъ счастьѣ до конца жизни и оказывалъ имъ постоянно свою любовь“.

По всей вѣроятности, разсказъ этотъ изукрашенъ романтическими подробностями; но основа его вѣрна: леди Рондо писала это только черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Анны Монсъ.

Знаменитый Миллеръ подтверждаетъ этотъ разсказъ, хотя передаетъ его какъ варіантъ на повѣствованіе леди Роидо.

Миллеръ такъ разсказываетъ этотъ трагическій случай:

„При осадѣ Шлюссельбурга Петръ узналъ, что обворожительная domicella Mons ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ, и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному черезъ небольшой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстіи о смерти Кенигсека—была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ, и вмѣсто нихъ нашелъ нѣжныя письма своей фаворитки. Domicella Mons слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку—сомнѣнія быть не могло. О портретѣ тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь уже не хотѣлъ знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастія, если бы сумѣла превозмочь неосторожную наклонность къ Кенигсеку“.

Сохранилось о трагической смерти соперника Петра собственноручное письмо государя. Надо полагать, что письмо писано было имъ Ѳ. Апраксину въ тотъ самый моментъ, когда трупъ Кенигсека былъ только вытащенъ изъ воды, а бумаги еще не были распечатаны, или Петръ не читалъ ихъ, пока они не просохли.

„Здѣсь все изрядно милостію божіею,—писалъ онъ изъ Шлюссельбурга 15 апрѣля 1703 года,—только зѣло несчастливый случай учинился за грѣхи мои: первый—докторъ Леймъ, а потомъ Кенисенъ, который принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно,—и такъ вмѣсто радости—печаль“.

Но болѣе глубокая печаль, только уже не о Кенигсекѣ, а о себѣ самомъ, должна была посѣтить государя, когда онъ разобралъ бумаги утопленника, и нашелъ въ нихъ то, чего не ожидалъ.

Въ первыя минуты гнѣва Петръ приказалъ арестовать свою любимицу и ея сестру Матрену въ собственномъ домѣ Монсовъ. Обѣ женщины отданы были подъ строгій надзоръ князя-кесаря Ромодановскаго, и имъ запрещено было посѣщать даже кирку.

Три года томилась неосторожная дѣвушка съ своемъ печальномъ заточеніи. Томилась съ нею и сестра ея, и равно сидѣли подъ арестомъ и другія лица, человѣкъ до тридцати, которые такъ или иначе прикосновенны были „къ дѣлу Монцовой“.

Тяжело было дѣвушкѣ съ такой высоты упасть такъ глубоко въ глазахъ

всей Москвы: тяжкая опала всегда была тяжка для подпадавшихъ подъ эту опалу, подъ эту „грозную сиверку“.

Сидя въ заточенiи, дѣвушка, какъ и древне-русскiя, да и почти всѣ женщины на свѣтѣ, стала прибѣгать къ гаданьямъ по разнымъ „тетрадкамъ“, конечно, мистическимъ, къ ворожбѣ, къ привораживанью, къ чародѣйнымъ перстнямъ, лишь бы отвратить отъ себя „грозную сиверку“ и опять приворотить къ себѣ сердце государя: „стали они, Монсы,—говоритъ современникъ,—пользоваться запрещенными знанiями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества“.

Но все было напрасно: колдовство оказалось безсильнымъ противъ Петровой „сиверки“.

„Хотя за подобные поступки,—писалъ въ 1706 году Гюйссенъ,—за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы опредѣлено жесточайшее наказанiе, однако, его царское величество, по особенному милосердiю, хотѣлъ, чтобъ процессъ о Монсахъ былъ совершенно прекращенъ, и только ex capite ingratitudinis Монсовъ отобраны деревни, и каменный палаццо отошелъ впослѣдствiи подъ анатомическiй театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключенiемъ одного только портрета, украшеннаго брильянтами“.

Но дѣвушка, несмотря на смерть своего прежняго возлюбленнаго, несмотря на царскую опалу, имѣла человѣка, который тоже любилъ ее—это прусскiй посланникъ, баронъ фонъ Кейзерлингъ. Видно, слишкомъ много было очарованiя въ этой молодой женщинѣ и, безъ сомнѣнiя, было не мало и нравственныхъ достоинствъ, если такъ велико оказывалось ея обаянiе даже тогда, когда всѣмъ извѣстны были ея прежнiя отношенiя къ царю, и ея тайная любовь къ покойному Кенигсеку, и, наконецъ, упавшiй на нее позоръ царской „сиверки“.

Въ 1706 году Головинъ доносилъ царю, что посланникъ фонъ-Кейзерлингъ челомъ бьетъ, „чтобъ Аннѣ Монсовой и сестрѣ ея Балкшѣ (Матренѣ, бывшей уже замужемъ за Балкомъ) дано было позволенiе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде можно, отпустить къ мужу: сiе проситъ онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастiе ихъ ему, посланнику“, т. е. любви и дружбѣ его къ Аннѣ Монсъ.

— О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ,—отвѣчалъ царь:—велѣлъ я писать Шафирову, чтобъ дать ей позволенiе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить.

Анна Монсъ и сестра ея Матрена Балкъ были, наконецъ, освобождены.

Но въ казематахъ еще сидѣли прикосновенные къ „дѣлу Монцовой“.

— Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой: что мнѣ объ нихъ укажешь? — спрашивалъ, въ 1707 году, князь-кесарь Ромодановскiй царя.

— Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовой колодники, и тѣмъ рѣшенiе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны,—отвѣчалъ Петръ.

Но прежними милостями царя дѣвушка не могла уже пользоваться: „Монсы,—писалъ Гюйссенъ,—живутъ свободно, но уже не могутъ разсчитывать и не имѣютъ на то права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена“.

Да царю уже было теперь не до „Аннушки“: съ 1705 года его посѣтила уже едва ли не послѣдняя и самая глубокая привязанность, какую только могъ имѣть этотъ далеко не столь непостоянный въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ царь-работникъ, какимъ его изображаютъ новѣйшие его порицатели: Петръ любилъ уже впослѣдствіи знаменитую молодую плѣнницу, Марту Скавронскую, или, какъ потомъ онъ называлъ ее, „Катéрину Василеоъскую“, сдѣлавшуюся потомъ императрицею государынею Екатериною Алексѣевною Первою. Можетъ быть также, что въ этой привязанности онъ искалъ забвенія той, которая ему измѣнила и въ которой онъ такъ глубоко обманулся.

Анна Монсъ, съ своей стороны, считалась уже въ это время невѣстою прусскаго посланника Кейзерлинга, хотя и это обстоятельство, повидимому, оставалось тайною для царя, который едва ли могъ окончательно вытѣснить изъ сердца свою первую серьезную привязанность къ той, которую онъ дѣйствительно любилъ и которой вѣрилъ болѣе десяти лѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, трудно обвинить въ непостоянствѣ человѣка, который любилъ одну женщину десять лѣтъ, имѣя притомъ столько соблазновъ полюбить любую красавицу своего двора, всего своего государства и любую женщину во всей пространной Европѣ, которую Петръ исколесилъ и какъ царь, и какъ простой корабельный плотникъ.

Этого-то постоянства и честнаго чувства къ женщинѣ и боялся молодой фаворитъ царя, знаменитый „Алексашка“, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, который строилъ все свое благополучіе на той вѣроятной мысли, что царь такъ же глубоко можетъ привязаться и къ находившейся у Меншикова плѣнницѣ Мартѣ Скавронской, какъ глубоко былъ онъ привязанъ къ „Моншѣ“, или къ его любимой „Аннушкѣ Монцовой“.

Понятно, почему въ 1707 году Кейзерлингъ крупно поссорился съ Меншиковымъ изъ-за своей невѣсты, о которой онъ хлопоталъ у царя, а „Данилычъ“ ему препятствовалъ въ этомъ, стараясь поддержать гнѣвъ царя къ своей прежней любовницѣ. Понятно также, почему одинъ изъ современниковъ этого событія, Нейбауеръ, писалъ въ видѣ угрозы, что „о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ“—грозилъ, значитъ, гласностью.

Какъ бы то ни было, но царь, даже познакомившись съ Мартою Скавронскою, все еще не могъ выгнать изъ своего упрямаго сердца прежнюю привязанность—свою Аннушку, между тѣмъ какъ Аннушка такъ же упрямо и еще упрямѣе, послѣ своего заточенія, продолжала быть холодна къ царю.

„Меншиковъ и Екатерина рисковали потерять все,—говоритъ Гельбигъ,—

если бы красавица уступила. Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему, вѣроятно, пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности сумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсъ съ своими превосходными качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и возлюбленнаго Кейзерлинга. И первая, и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданіе дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь: она тайно обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, когда только-что сбирался отправиться куда-то на балъ; узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. Больно видѣть,—продолжаетъ Гельбигъ,—что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую-нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ея новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ, онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвѣнчался съ прекрасною Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея супругъ. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же".

Гельбигъ нѣсколько изукрасилъ свой разсказъ вопреки истинѣ. Анна Монсъ вышла замужъ за Кейзерлинга 18 іюня 1711 года, а Кейзерлингъ скончался 11 декабря въ Стольпе, на дорогѣ въ Берлинъ.

Молодая красавица, теперь уже вдова Кейзерлингъ, осталась въ Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, гдѣ и жила въ деревянномъ домикѣ вмѣстѣ съ матерью. Старуха-мать лѣтъ пятнадцать страдала хроническою болѣзнью и почти не вставала съ постели. Больна была и Анна Ивановна: здоровье ея было сильно потрясено превратностями жизни, и молодая женщина таяла, какъ свѣчка — харкала кровью и по нѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели.

Какъ на прекрасную черту семейства Монсовъ слѣдуетъ указать на то, что всѣ члены ея были связаны самою тѣсною дружбою.

Едва умеръ мужъ злополучной любимицы Петра, какъ для нея настали новыя непріятности — это житейскія, экономическія дрязги, которыя такъ тяжело отзываются на характерѣ женщины и нерѣдко извращаютъ ея хорошіе инстинкты, дѣлаютъ женщину мелочною и иногда окончательно губятъ въ ней все хорошее.

Такія житейскія дрязги окончательно подкосили и безъ того рухнувшее

здоровье исторической „Аннушки“: братъ ея умершаго мужа заявилъ претензію на всѣ движимыя и недвижимыя имѣнія покойника, находившіяся въ Курляндіи и Пруссіи.

До насъ дошли письма Анны Кейзерлингъ отъ этого времени къ брату Виллиму, къ тому Виллиму, котораго прекрасная голова была впослѣдствіи, по приказанію царя, отрублена и сохранялась въ академическомъ музеѣ рядомъ съ такою же прекрасною головою фрейлины Гамильтонъ, тоже отрубленною по приказанію царя. Но объ этомъ послѣ.

Письма такой личности, какъ первая и едва ли не послѣдняя серьезная любовь Петра Великаго, какъ бы ни было чуждо исторической важности содержаніе этихъ писемъ, не могутъ не имѣть историческаго значенія для Россіи, для той Россіи, которая до сихъ поръ чувствуетъ на себѣ слѣды рабочихъ рукъ и всенивелирующей палицы царя-преобразователя.

„Любезный, отъ всего сердца любимый братецъ! — пишетъ вдова Кейзерлингъ, черезъ два мѣсяца послѣ смерти мужа, брату своему Виллиму, который въ качествѣ „генеральсъ-адьютанта“ исполнялъ всевозможныя порученія Петра за границей:—желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; нѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; не знаю, чѣмъ и утѣшиться“.

Она проситъ брата привезти ей вещи и деньги ея мужа, „потому-что,— говоритъ она,—лучше, когда они у меня, чѣмъ у чужихъ людей“.

Въ одномъ письмѣ Анна спрашиваетъ брата, что ей дѣлать съ портретомъ царя, который былъ у нея. Она велитъ спросить у своего адвоката, Лаусона: „отдавать ли этотъ портретъ царя деверю, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи“.

Много, безъ сомнѣнія, напоминалъ ей этотъ портретъ царя, осыпанный дорогими камнями...

Явилось еще горе, правда, ничтожное, но для больной женщины тяжелое и притомъ оскорбительное. Камердинеръ ея покойнаго мужа, Штраленбергъ, сталъ распускать за границей обидные для Анны Ивановны слухи, что будто бы оставленная имъ въ Москвѣ жена страдаетъ отъ грубаго обращенія съ ней Анны.

„Прошу тебя, любезный братъ,—писала Виллиму по этому обстоятельству Анна,—не вѣрь этому лгуну Штраленбергу: онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыхавъ о томъ, какъ безстыдно лжетъ ея мужъ, будто бы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ,—ей хорошо у меня: когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье“.

Черезъ двѣ недѣли она спрашиваетъ брата: „напиши мнѣ пожалуйста— привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію? Вели, чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ“.

Затѣмъ снова вспоминаетъ о портретѣ царя:

„Ради Бога,—пишетъ она,—побереги шкатулки съ бумагами, чтобъ ничего не потерялось, а старшему моему зятю скажи, чтобъ онъ только прислалъ мнѣ портретъ его величества съ драгоцѣнными камнями“.

Порицатели этой женщины говорятъ, что она думала о драгоцѣнныхъ камняхъ, собственно, а не о портретѣ того, который такъ много ее любилъ.

Лѣтомъ 1712 года Анна съ матерью ѣздили на нѣсколько недѣль за границу, гдѣ они и гостили у старшей сестры Анны, Матрены Ивановны Балкъ, мужъ которой по дѣламъ царя находился тогда въ городѣ Эльбингѣ.

Не долго, однако, оставалось жить бывшей любимицѣ Петра: чахотка, видимо, съѣдала ее.

Но и въ эти послѣдніе годы своей жизни (1713—1714) Анна успѣла внушить къ себѣ, если не страсть, то желаніе имѣть ее своею женой— плѣнному шведскому капитану Миллеру. Одни говорятъ, что они уже были помолвлены, другіе — что Миллеръ только старался вкрасться въ довѣріе Анны и пользоваться отъ нея какими-либо подарками. Братъ Анны увѣрялъ впослѣдствіи, что Миллеръ „притворствомъ вѣрился въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзни сестры моей взялъ, стакався съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, взялъ многіе пожитки“. Поэтому онъ и просилъ правительство отобрать эти вещи у Миллера: а вещи эти были—„камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый, кувшинецъ, да блюдо что бороды брѣютъ, серебряныя“, и другіе „пожитки“.

Анна, бывшая Монсъ, скончалась 30 сентября 1714 года на рукахъ больной старухи-матери и пастора.

Въ числѣ драгоцѣнныхъ вещей, описанныхъ послѣ покойницы, между прочимъ, показаны: портретъ царя, когда-то ее любившаго — „образъ съ разными съ драгими каменьями, охваченъ около, въ тысячу рублей“, „умершаго господина фонъ Келзерлинка персона въ алмазахъ—семь сотъ рублей“, нитка жемчугу для какой-то „сиротки“... Не тайное ли это дитя покойной красавицы?

„Какъ бы то ни было, но проводивъ въ могилу бренные останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе“,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Анны Монсъ, и прямо утверждаетъ, что видитъ въ этой женщинѣ „страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную, съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку разсчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ томъ суевѣрную, лишенную всякаго образованія, даже мало грамотную. Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ не было, — говоритъ онъ,—никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не сумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не сумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ Петръ показалъ, что и великіе люди не изъяты человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпитъ очи, и имъ затемняетъ разсудокъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отно-

шеніяхъ недостойная, Анна Монсъ послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Ѳедоровна ссылается въ заточеніе; наслѣдникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзора, и вслѣдствіе этого затаиваетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени страдательная со стороны царевича, но важная по ходу, которая, быть можетъ, приняла бы болѣе серьезные размѣры, если бы не кончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны, любовь къ Аннѣ Монсъ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, и въ немъ, между прочимъ, и на брата Анны, Виллима. Государь приближаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ человѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и—это еще догадки—дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра Великаго".

Отзывъ этотъ—слишкомъ суровъ: несчастная женщина едва ли заслужила такой жесткій приговоръ исторіи.

Исторія, быть можетъ, сама виновата передъ осуждаемою ею женщиною: не по винѣ ли Анны Монсъ Петръ полюбилъ забавы въ нѣмецкой слободѣ? Не тамъ ли онъ наслушался о чудесахъ цивилизованнаго міра, когда еще не видалъ его изъ своей Москвы? Не Анна ли Монсъ была причиною, что любовь къ болѣе или менѣе европейски-цивилизованной дѣвушкѣ заставила Петра оглянуться и на свой старо-московскій охабень и на старую Русь, а потомъ заглянуть въ Европу, чтобы русскому „медвѣжонку", какъ называли молодого Петра стрѣльцы, не стыдно было въ нѣмецкомъ кафтанѣ показаться передъ дѣвушкой, которая, подобно золотымъ яблокамъ Геркулеса, вывезена была изъ Армидиныхъ садовъ Европы и заставила русскаго Геркулеса похотѣть и самому побывать въ этихъ садахъ, чтобъ вывезти оттуда золотые яблоки цивилизаціи?

Онъ такъ и сдѣлалъ, потому что русскому Геркулесу Анна Монсъ казалась свѣтлымъ лучомъ, пробившимся изъ царства свѣта.

II.

Гетманша Скоропадская.

(Настасья Марковна Скоропадская, урожденная Марковичъ).

Съ наступленіемъ XVIII-го вѣка, вмѣстѣ съ Великою Россіею и Малороссія начинаетъ новый циклъ историческаго существованія, на которомъ рѣзкою тѣнью лежитъ уже окраска новаго времени, новаго направленія.

Но это новое время для Малороссіи должно было выказаться не въ томъ, въ чемъ оно выказалось для Великой Россіи. Великая Россія вмѣстѣ

съ Петромъ сдѣлала крутой поворотъ по не протоптанному еще пути, которымъ она силилась выйти на культурную дорогу, проторенную западною цивилизаціею. Малороссія тоже должна была сдѣлать крутой поворотъ, но только въ направленіи, обратно противоположномъ тому, какое избрала Великая Россія: для послѣдней силу нравственнаго тяготѣнія съ новаго времени представлялъ западъ; для Малороссіи же это западное тяготѣніе было не новостью. Малороссія и до соединенія съ Великою Россіею тяготѣла къ западу черезъ Польшу. Это западное тяготѣніе и погубило Малороссію, убило въ ней послѣднюю тѣнь политической и государственной автономіи. Сначала историческія несчастія, постигавшія Польшу, постигали и Малороссію, когда онѣ составляли до нѣкоторой степени одно политическое тѣло. Потомъ государственная деморализація Польши заразила неизлѣчимою гангреною и нѣкоторыя части малорусскаго государственнаго тѣла. При Богданѣ Хмельницкомъ Малороссія поняла, что тяготѣніе ея къ западу спасительнѣе будетъ не черезъ такой непрочный, подгнившій проводникъ какъ Польша, а черезъ прочно вкопанные въ историческую почву столпы русской народной жизни.

Мазепа хотѣлъ-было вновь наклонить это нравственное и политическое тяготѣніе Малороссіи къ западу, хотѣлъ создать для нея даже собственное, независимое тяготѣніе — и погибъ самъ, сдѣлавъ западное тяготѣніе для Малороссіи, повидимому, навсегда гибельнымъ и немыслимымъ.

Поддалась-было этому западному тяготѣнію и послѣдняя малорусская женщина, послѣдняя въ смыслѣ старой, исторической, гетманской Малороссіи—и тоже погибла, погубивъ свое семейство, подведя голову отца подъ топоръ мазепинскаго ката. Это была возлюбленная Мазепы—Матрена Кочубей.

Малороссія увидѣла, что для нея невозможно уже было западное тяготѣніе, что тяготѣніе это, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ политическихъ комбинаціяхъ, всегда будетъ гибельно, и первою женщиною-украинкою, сознавшею эту политическую истину, была современница несчастной Матрены Кочубей—гетманша Настасья Скоропадская.

Скоропадская является какъ бы преемницею Матрены Кочубей, новою украинскою женщиною. Матрена, ослѣпленная страстью къ своему сѣдому возлюбленному гетману, мечтала видѣть въ своихъ рукахъ гетманскую булаву. Мало того, отуманенная обаятельными поэтическими рѣчами влюбленнаго старика, дѣвушка мечтала видѣть „украинскую корону“ на сѣдой головѣ этого стараго поэта, и, конечно, корона эта грезилась дѣвушкѣ и на ея молодой, прекрасной, чернявой головкѣ.

Скоропадская вырвала изъ рукъ Матрены эту гетманскую булаву, потому что поняла, куда должна была тяготѣть съ этою булавою вся Малороссія: булава эта буквально очутилась въ рукахъ Настасьи Скоропадской, потому что мужъ ея, гетманъ Иванъ Скоропадскій, человѣкъ слабый, безвольный, безхарактерный, не умѣлъ держать эту булаву и охотно, фактически, уступилъ ее своей умной, энергической и хорошенькой Настѣ.

Сохранившійся портретъ изображаетъ Настасью Скоропадскую замѣчательно миловидною женщиною. Портретъ, повидимому, рисованъ былъ съ нея еще въ молодости. Прелестное овальное личико, съ тонкими, почти дѣтскими чертами, полно граціи. Что-то деликатное и изящное проглядываетъ въ этихъ чертахъ, въ разрѣзѣ большихъ глазъ, въ очертаніяхъ рта и красивыхъ маленькихъ губокъ.

Гетманша изображена въ высокой мѣховой шапкѣ, въ родѣ казацкаго кивера или гайдамацкой красивой киреи, напоминающей московскую старинную шапку-боярку, только болѣе изящной формы, съ выдающимся на бокъ верхомъ, по-казацки. Шубка на Скоропадской мѣховая, съ узкими рукавами, опушенными тоже мѣхомъ, въ родѣ украинской „коротушки", которая ловко обрисовываетъ станъ и талью женщины; въ лѣвой, съ тонкими изящными пальцами рукѣ что-то въ родѣ тросточки, или, повидимому маленькой гетманской булавы; въ правой рукѣ, приложенной повыше пояса или скорѣе къ груди—платочекъ, украинская „хусточка". Шубка распахнута, и изъ-подъ нея виднѣется бѣлая, шитая по-украински сорочка съ широкою лентою или украинскою „стричкою" у горла. На шеѣ—украинское „намисто", кораллы, любимое украшеніе малороссіянокъ до настоящаго времени, украшеніе, которымъ и Мазепа не разъ прельщалъ свою „безумно кохану ю" Мотроненьку Кочубей.

Скоропадская происходила изъ малорусскаго рода Марковичей. Гдѣ и какое получила она воспитаніе—неизвѣстно; но что родилась она въ семьѣ образованныхъ малороссіянъ, это доказывается тѣмъ, что родной ея племянникъ, „малороссійскій подскарбій генеральный", Яковъ Марковичъ, оставившій любопытныя записки о Малороссіи того времени, былъ человѣкъ совершенно европейскаго образованія, зналъ иностранные языки, ученымъ образомъ знакомъ былъ съ медициною и вообще, повидимому, находился въ уровнѣ не русскаго, не московскаго, а западно-европейскаго образованія. Въ такой образованной средѣ воспитана была и Настасья Марковичъ, впослѣдствіи гетманша Скоропадская.

Въ дневникѣ образованнаго малороссійскаго подскарбія почти на каждой страницѣ попадается имя гетманши Скоропадской—„ясновельможная тетка" подскарбія, „ясновельможная пани" и т. д.

Вышедши замужъ за Скоропадскаго, молоденькая Настасья Марковичъ, впослѣдствіи, когда мужъ ея выбранъ былъ въ гетманы, въ позднѣйшіе, такъ сказать, преемники погибшаго Мазепы, стала во главѣ управленія всею Малороссіею, потому что мужъ ея, какъ мы сказали, далеко былъ не способенъ заправлять этою, привыкшею къ вольности, страною.

Петръ Великій, очень хорошо понимавшій людей и относительную ихъ пригодность или непригодность къ дѣлу, скоро оцѣнилъ дѣловыя качества молоденькой украинки, заправлявшей своимъ мужемъ, и черезъ нее сталъ дѣйствовать на направленіе ходомъ всѣхъ малороссійскихъ дѣлъ на мѣстѣ.

Когда у Скоропадской выросла дочь Ульяна, Петръ Великій, желая еще болѣе упрочить нравственное тяготѣніе Малороссіи не къ западу, а

къ Великой Россіи, задумалъ брачными связями украинокъ съ великороссіянами и великороссіянокъ съ украинцами укрѣпить это тяготѣніе и конечное объединеніе въ будущемъ Великой и Малой Россіи.

Съ этою цѣлью Петръ обратился къ Скоропадской съ предложеніемъ отдать дочь Юліанію за великороссіянина изъ знатнаго рода, за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстого, который, какъ извѣстно, помогалъ Петру Великому въ доставленіи изъ-за границы царевича Алексѣя Петровича.

Скоропадская тоже поняла необходимость или неизбѣжность этого объединенія, и когда Петръ, вообще любившій устраивать свадьбы по своимъ государственнымъ соображеніямъ, вызвался быть сватомъ у дочери гетмановой, пани гетманова воспользовалась этимъ случаемъ для того, чтобы бракъ ея дочери съ великороссіяниномъ принесъ, кромѣ политической пользы ея странѣ, еще и матеріальныя выгоды ея собственному семейству.

Поэтому, какъ ловкая женщина, понявшая силу вліянія, оказываемаго на царя другою женщиною, Екатериною Алексѣевною, Скоропадская избрала эту послѣднюю своею посредницею между сватомъ и своею дочерью.

Вотъ что она, по этому случаю, между прочимъ, пишетъ Екатеринѣ: „Понеже его графское сіятельство (графъ Головкинъ) учинилъ отвѣтъ, что царское величество не изъ малороссійскихъ, но изъ великороссійскихъ персонъ дочери нашей единственной мужа благоволитъ избрать, тогда мы тому монаршему благоволенію весьма благодарны. У великороссійскихъ народовъ есть такое обыкновеніе, что за дочерьми даютъ зятьямъ изобильныя деревни и угодья; мы убо не имѣемъ таковыхъ угодій и деревень за нашею дочерью дать, и ради того, припадая у стопъ ногъ вашего величества, всесмиренно молю исходатайствовать нынѣ при животѣ моего мужа собственно для моего во вдовствѣ пропитанія и за дочерью дачи маетностей нѣсколько“.

И маетности эти были получены.

Такимъ образомъ, по волѣ Петра состоялось обряженіе великорусскихъ бояръ изъ московскаго въ нѣмецкое платье и знаменитое, историческое обрѣзаніе боярскихъ бородъ, такъ, по волѣ того же царя и при помощи послѣдней исторической украинки, превратившейся въ первую историческую „южнорусскую“ женщину, совершилось первое объединеніе малорусской казацкой крови съ московскою боярскою, и съ тѣхъ поръ въ русской исторіи отдѣльныя женскія личности собственно изъ украинокъ исчезаютъ, потому что послѣдующія украинки въ жизни своей и въ дѣятельности совершенно сливаются съ великорусскими женщинами, подобно тому какъ и исторія Малороссіи окончательно сливается съ исторіею Великой Россіи: въ XVIII и XIX вѣкѣ уже нѣтъ отдѣльныхъ малорусскихъ историческихъ женскихъ личностей, а есть общерусскія женщины — Разумовскія, Шаховскія, Яворскія, Безбородки, Сологубы, Лизогубы, Гамалѣи, Кочубеи, Четвертинскія и т. д.

Гетманша Скоропадская, такимъ образомъ, была первою новою укра-

инскою женщиною и послѣднею изъ тѣхъ женщинъ старой Украины, лучшимъ и заключительнымъ типомъ которыхъ была Матрена Кочубей.

Племянникъ гетманши Скоропадской, упомянутый нами выше малороссійскій подскарбій генеральный, Яковъ Марковичъ, оставившій послѣ себя любопытный дневникъ, подъ 1718 годомъ, между прочимъ, говоритъ, что когда гетманша Скоропадская и мужъ ея съ своею гетманскою свитою ѣздили въ Петербургъ и въ Москву, то „на Москвѣ, въ великій постъ, за волею и сватаньемъ самого государя и царицы, засватали дочерь гетманскую за сына Петра Андреевича Толстого“.

А подъ 12-мъ октября того же 1718 года у Марковича записано: „въ недѣлю (въ воскресенье), въ Глуховѣ веселье (свадьба) было. Гетманъ Скоропадскій дочерь свою Уліяну отдалъ за Петра Петровича Толстого, сына тайнаго совѣтника Петра Андреевича. Съ женихомъ пріѣзжали въ сватахъ: братъ его родный старшій Иванъ Петровичъ и другой въ первыхъ (т. е. двоюродный) Борисъ Ивановичъ и нѣсколько при нихъ особъ великороссійскихъ“.

Затѣмъ мужа Ульяны Скоропадской, Петра Толстого, царь назначилъ нѣжинскимъ полковникомъ: это былъ первый въ Малороссіи полковникъ, происходившій не изъ природныхъ украинцевъ.

Такъ при помощи Петра и не безъ вліянія Скоропадской совершалось нравственное и политическое объединеніе Великой и Малой Россіи или возсоединеніе частей русскаго народа, давно когда-то разорваннаго на двѣ половины разными историческими невзгодами:—въ этомъ огромная историческая заслуга Скоропадской.

Мало того, Скоропадская и въ своей обыденной жизни поддерживала и укрѣпляла связь великорусской и малорусской половинъ русской земли: обладая свѣтлымъ умомъ и природнымъ тактомъ, Скоропадская умѣла ласково и съ достоинствомъ принимать у себя въ Глуховѣ, въ гетманскомъ помѣщеніи, высокихъ гостей, которые наѣзжали въ Малороссію изъ Москвы и Петербурга, на славу ихъ угощала и тѣмъ побѣждала московскую гордость и грубость, съ которою когда-то плохо ладила неумѣлая и не менѣе грубая старшина малороссійская.

Съ другой стороны, Скоропадская сама платила визиты навѣщавшимъ ее русскимъ вельможамъ, и неоднократно ѣздила въ Москву и Петербургъ, покидая надолго свою гетманскую столицу, Глуховъ, чего до того времени не рѣшилась бы сдѣлать ни одна украинская женщина, еслибъ къ тому не принудили ее крайнія обстоятельства.

Такъ, когда въ 1722 году панъ гетманъ Скоропадскій ѣздилъ въ Москву съ своею свитою, съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ, бунчуковымъ генеральнымъ Лизогубомъ и нѣжинскимъ полковникомъ Петромъ Толстымъ, къ этой свитѣ „ясновельможная пани гетманова“ присоединила свою собственную свиту и дала возможность московскимъ людямъ видѣть и свою украинскую красоту и свое гетманское величіе.

Въ этомъ же году, по возвращеніи изъ Россіи, гетманъ Скоропадскій умеръ и на его мѣсто избранъ былъ другой гетманъ.

Оставшись вдовою, уступивъ гетманскую булаву другому лицу, Скоропадская, несмотря на то, что не имѣла уже никакого оффиціальнаго положенія, до самой, однако, своей смерти удержала за собою титулъ „ясновельможной паніи гетмановой“.

Время шло и Скоропадская видѣла приближеніе старости.

Умеръ Петръ, ея царственный сватъ и покровитель.

Въ 1728 году овдовѣла и дочь Скоропадской, нѣжинская полковница Ульяна Толстая: Толстой умеръ, какъ записано въ дневникѣ племянника паніи Скоропадской, „съ той причины, что питьемъ излишнимъ водки онъ повредилъ легкое и нажилъ эпилепсію“.

Въ 1729 году Скоропадская снова ѣдетъ въ Москву со всею малороссійскою старшиною. У нея есть особая цѣль въ этой поѣздкѣ — исходатайствовать себѣ и вдовствующей дочери своей нѣсколько новыхъ маетностей отъ русскаго правительства.

Въ Москвѣ и Петербургѣ, при содѣйствіи графа Головкина, Скоропадская исходатайствовала себѣ новое царское жалованье, и императрица по этому случаю указомъ объявляла: „пожаловали мы гетманшу Скоропадскую, за вѣрную службу мужа ея, гетмана Ивана Скоропадскаго,—повелѣли дать ей для пропитанія отъ трехъ до четырехъ сотъ дворовъ, по ея смерть“.

Въ то же время Скоропадская просила, чтобы ей позволено было взять къ себѣ дочь свою, вдову Толстую, которая, по высочайшему указу, находилась въ деревнѣ—и императрица снизошла и на эту просьбу заслуженной украинки.

Скоропадская въ этотъ разъ довольно долго оставалась въ Москвѣ и Петербургѣ: это былъ ея послѣдній визитъ Великой Россіи, послѣднее путешествіе.

Подъ 15-мъ марта этого года въ дневникѣ Марковича значится: „Пани Скоропадская была у графа Головкина и благодарила его за опредѣленіе маетностей“.

Подъ 14-мъ апрѣля читаемъ: „Пани принесена на Кучеровку, Сасиновку и Лиловицу грамота, а принесли подъячіе иностранной коллегіи, которымъ дали первѣйшему 15 рублей, а другому 3 рубля“. Это — взятка Малороссіи великорусскому чиновничеству.

28-го апрѣля Скоропадская обратно выѣхала въ Украину, въ бывшую столицу свою, Глуховъ.

Подъ 17-мъ іюня у Марковича отмѣчено: „Ясновельможная была у князя Шаховского, а потомъ съ нею я ѣздилъ до пана гетмана, гдѣ и обѣдали у паніи гетмановой“.

Черезъ день въ дневникѣ отмѣчено: „Князь Шаховской визиту отдавалъ теткѣ моей“—т. е. Скоропадской.

Старая украинка знакома уже была съ европейскими обычаями. Зато ей всѣ оказывали почетъ не по одному ея высокому положенію, но и по уму, по такту, съ которымъ она держала себя. Такъ въ дневникѣ Марковича не рѣдко встрѣчаются отмѣтки: „У тетки были послѣ обѣда князь съ княгинею и комендантша“ и т. д.

Но не долго привелось прожить этой женщинѣ послѣ возвращенія изъ Великой Россіи.

Въ декабрѣ 1729 года Скоропадская занемогла и уже не вставала больше.

Вотъ какъ Марковичъ описываетъ послѣдніе дни своей ясновельможной тетки:

11-го декабря: „У тетки немоществующій былъ и ввечеру пріѣхалъ къ себѣ пообѣдать, а потомъ снова къ ней поѣхалъ и до поздна пробылъ“.

16-го декабря: „Пани больше больна становится; я передъ полночью отъ нея въ домъ повернулся“.

17-го: „Тетка немоществующая приняла маслосвятіе и исповѣдь и причастіе святыхъ таинъ“.

18-го: „Тетка горше стала болѣть, а въ ночи совсѣмъ изнемогла“.

Наконецъ, 19-го декабря въ дневникѣ записано: „Тетка моя, Анастасія Скоропадская гетманова, сего утра годины съ полночи 7-й минутъ 40, временное сіе окончила житіе, при христіанской доброй рефлекціи; ибо, передъ кончиною, Господа Бога отъ сердца призывала и, наконецъ, сказала: „О тяжкая временная жизнь! О вѣчная будущей радость!“...

Въ высшей степени любопытно описаніе печальной процессіи, съ которою тѣло гетманши сопровождаемо было по городу, временной столицѣ гетмановъ Украины. И въ этой процессіи принимаетъ участіе уже не одна Малороссія: представители великой Россіи также идутъ за гробомъ бывшей гетманши.

Вотъ это описаніе, помѣщенное подъ 21-мъ декабря:

„Рано по службѣ божіей, покойной ясновельможной тѣло положили въ труну, чорнымъ аксамитомъ съ золотымъ позаментомъ обитую, и подъ балдахиномъ, съ чернаго сукна сдѣланнымъ, цугомъ лошадей въ капахъ черныхъ повезли публично чрезъ городъ. При сей церемоніи присутствовали гетманъ съ гетмановою, князь Шаховской съ княгинею и множество изъ великороссійскихъ знатныхъ лицъ, также и народъ.

„Выпроводивши гробъ за городъ, не доходя Четвертинского млина, они воротились, а мы поѣхали за тѣломъ и пріѣхали въ ночномъ времени къ монастырю Гамалѣевскому, гдѣ всѣ старицы съ свѣчами вышли противъ тѣла съ плачемъ и воплемъ безмѣрнымъ.

„Тѣло ввезли въ монастырь и поставили въ трапезѣ, гдѣ усмотрѣли, что на лицѣ покойной, на правой сторонѣ подбородка, очень красно, также и праваго уха нижній конецъ очень красенъ, и уши мягки, а лицо ни въ чемъ не измѣнилось, и какую-то вдячность и осклабленіе якобы показывало.

„Тутъ панихиду великую отправили“.

Около мѣсяца тѣло усопшей гетманши оставалось не погребеннымъ.

Но вотъ 13-го января 1730 года совершено и погребеніе Скоропадской.

При погребеніи присутствовали: „съ духовенства архимандритъ новгородскій Нилъ, который службу божію служилъ и въ погребеніи начальствовалъ, префектъ коллегіума кіевскаго Амвросій Дубневичъ, который пре-

дику пространную говорилъ, монастыря петропавловскаго законники, пустынки мутинской начальникъ съ братiею, протопопъ глуховскiй со многими попами, также священники и съ другихъ городовъ, именно Воронежа, Новгородка и Кролевца. Изъ мiрскихъ лицъ знатнѣйшiя: пани гетманова, княгиня Шаховская и Мякинина, пани Петрова Апостолова и пани Михайлова, тетки пани Павлова и пани Миклашевская съ мужемъ, бригадиръ Арсеньевъ, панъ Федоръ Савичъ и другiе".

Тѣло гетманши положено рядомъ съ тѣломъ мужа, гетмана Скоропадскаго.

Нельзя при этомъ обойти молчанiемъ послѣднюю волю этой замѣчательной украинки, выраженную въ ея духовномъ завѣщанiи.

Высокой торжественностью и силой дышетъ языкъ этого завѣщанiя:

„Естества человѣческаго, прародительнымъ паденiемъ разрушеннаго, тотъ единый состоитъ долгъ: человѣкамъ смертнымъ, отъ персти созданнымъ, по смертномъ временного сего теченiя пресѣченiю, знову въ персть вселитися...

„Сего ради я, будучи оному первому долгу генеральнымъ создателя своего опредѣленiемъ повинная, а другимъ по человѣколюбнымъ спасителя заповѣдемъ одолженная, завременно той послѣднiй воспоминая предѣлъ"... объявляю мою послѣднюю волю и такъ далѣе. Воля эта, главнымъ образомъ, состояла въ томъ завѣтѣ, чтобы послѣ ея смерти между домашними и родными ея не было „мятежей, распрь, истязанiй".

Въ предсмертныхъ распоряженiяхъ Скоропадская не забываетъ своихъ крестьянъ и служителей, и такъ торжественно наказываетъ наслѣдникамъ: „оставшихъ домашнихъ моихъ, а особливо служителей дому моего, истязывать и затруднять никто же да дерзнетъ"...

Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отказѣ имѣнiя дочери своей, Юлiанiи Толстой, Скоропадская еще опредѣленнѣе выражаетъ свою заботу о служителяхъ дома.

„Служителей моихъ,—говоритъ она,—а особливо Андрея Кондзѣровскаго и Агафiю Ивановну, которые даже до кончины моей вѣрно и усердно съ презрѣнiемъ всякой пользы и покоя служили покойному сожителевѣ моему и мнѣ, имѣть оной дочери моей Улiанѣ и наслѣдникамъ въ особливомъ респектѣ и помогать во всемъ".

Какъ ни была, повидимому, блестяща жизнь этой женщины, однако много пришлось ей пережить въ эпоху ломки, предпринятой Петромъ Великимъ на всѣхъ концахъ Россiи и не легко отразившейся на Малороссiи при окончательномъ сплоченiи ея съ Великою Россiею въ одно политическое, государственное и экономическое тѣло.

Припомнимъ только одно, что Скоропадская находилась въ родствѣ съ домомъ знаменитаго гетмана Павла Полуботка, отношенiя котораго къ суровому преобразователю Россiи прiобрѣли такую печальную историческую извѣстность: въ послѣднихъ, тщетныхъ порывахъ Малороссiи отклонить отъ себя тяжелую великороссiйскую руку, Скоропадская стояла, такъ сказать, между Сциллою и Харибдою, и надо было много умѣнья съ ея сто-

роны, чтобы московская неудержимая сила не раздавила окончательно и того, что рѣшилось бы неблагоразумно ей сопротивляться, и того, что уже сознало безполезность этого сопротивленія.

III.

Матрена Балкъ.

(Матрена Ивановна Балкъ, урожденная Монсъ).

Матрена Балкъ, какъ мы видѣли выше, была родною сестрою той самой женщины, на которую пала первая любовь молодого „царя-работника" и которая, кажется, была не послѣднею, хотя, быть можетъ, невольною виновницею того, что Петръ задумалъ, во что бы то ни стало, прорубить окно въ Европу, откуда на него повѣяло и первою молодою любовью въ лицѣ хорошенькой дочери винноторговца, и охмѣляющимъ запахомъ цивилизаціи въ лицѣ женевца Лефорта.

Хотя Матрена была старшею сестрою Анны Монсъ, однако, она много пережила свою знаменитую младшую сестру, и судьба ея имѣла, кажется, роковое вліяніе на Россію въ томъ отношеніи, что тотъ, кто любилъ ея младшую сестру и отчасти ради ея ввелъ свой народъ въ общій строй европейской цивилизаціи,—раньше былъ утраченъ Россіею, чѣмъ этого слѣдовало бы ожидать.

По многимъ причинамъ Матрена Балкъ заслужила историческое, хотя не вполнѣ завидное безсмертіе: она вмѣстѣ съ своей сестрой способствовала тому, что Петръ охотно мѣнялъ традиціонныя удовольствія двора на новыя для него удовольствія нѣмецкаго общества „Кукуй-городка", потому что молодой царь охотно посѣщалъ домъ Монсовъ, гдѣ встрѣчалъ двухъ красивыхъ и развязныхъ дѣвушекъ-сестеръ; она вмѣстѣ съ сестрой способствовала, конечно рефлективно, тому, что симпатіи молодого царя, черезъ нихъ, стали тяготѣть болѣе къ западу, чѣмъ къ востоку; она же, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Виллимомъ, о которомъ мы тоже упоминали выше, несчастнымъ образомъ способствовала тому, что Петръ, умирая раньше чѣмъ бы слѣдовало, самою смертью своею какъ бы завѣщалъ своему народу нравственное служеніе той національности, изъ которой вышли сестры-дѣвушки, надолго приковавшія симпатіи царя-преобразователя и къ себѣ, и къ создавшей ихъ національности.

Матрена Монсъ не долго, однако, оставалась въ родительскомъ домѣ, въ которомъ такъ часто видѣла молодого русскаго царя. Когда Петръ сталъ оказывать видимое вниманіе къ ихъ семейству, Матрена была просватана за одного изъ отличенныхъ царемъ слугъ своихъ, за Ѳедора Николаевича Балка, который въ 1699 году былъ уже полковымъ командиромъ, и потомъ все болѣе и болѣе поднимался по служебной лѣстницѣ.

Такимъ образомъ, сестры должны были разлучиться хотя не надолго,

и Матрена Монсъ стала называться Матреною Ивановною Балкъ, или „Балкшею“.

Хотя о послѣдующемъ за этимъ періодѣ жизни Матрены Балкъ и сохранилось не мало извѣстій, но событія жизни ея были не столь рельефны до роковаго 1724 года, чтобъ могли оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи.

Превратная судьба ея младшей сестры—любовь царя, потомъ грозная его „сиверка“ вслѣдствіе тайной дружбы дѣвушки съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ, затѣмъ освобожденіе опальной дѣвушки изъ-подъ трехлѣтняго домашняго ареста—все это непосредственно отражалось и на судьбѣ Матрены Балкъ.

Когда Петръ обнаружилъ, что любимая имъ дѣвушка тайно переписывается съ Кенигсекомъ, онъ велѣлъ арестовать ее, но не одну: съ нею арестована была и сестра Матрена, способствовавшая, какъ полагаютъ, тайнымъ сношеніямъ Анны съ Кенигсекомъ.

Мы видѣли, что три года лежала царская опала на провинившихся сестрахъ: три года онѣ изнывали въ заперти, прибѣгали къ колдовству, ко всѣмъ таинственнымъ силамъ, чтобъ воротить къ себѣ милость обиженнаго царя, и только въ 1706 году были освобождены изъ-подъ ареста.

Мужъ Матрены Балкъ состоялъ въ это время въ должности коменданта вновь завоеваннаго Дерпта, и Матрена Ивановна, по освобожденіи изъ-подъ ареста, отправилась на житье къ мужу. Тамъ она пробыла до 1710 года, а оттуда царь, пожаловавъ Балка бригадиромъ, назначилъ его комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ они и находились до 1714 года.

Отъ этого времени сохранились письма Матрены къ брату Виллиму о сестрѣ Аннѣ, когда, покинутая Петромъ и потерявшая мужа, баронесса Кейзерлингъ уже томилась въ чахоткѣ и хлопотала о томъ, чтобъ не расхищено было имѣніе ея покойнаго мужа.

„Прошу тебя,—пишетъ Матрена въ одномъ изъ этихъ писемъ брату,—дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры“.

Такъ горячо всѣ они любили свою Анну, которая дѣйствительно, должно быть, стоила такого горячаго чувства со стороны всѣхъ, кто ее зналъ, не исключая и вѣчно-занятого царя-работника.

„Если не лучше будутъ дѣйствовать въ дѣлѣ любезной нашей сестры,—пишетъ Матрена въ другомъ письмѣ къ брату,—то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи покойнаго мужа Анны. Видно, ты не очень-то заботишься о данномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать передъ нашей сестрой“.

Вездѣ эта сестра, эта общая любимица Анна—на первомъ планѣ.

Около этого времени или нѣсколько раньше (осенью 1711 года) счастливая, а скоро роковая судьба свела Матрену Балкъ съ будущей императрицей Екатериной Алексѣевной, которая вытѣсняла уже изъ сердца царя сестру Матрены, „любезную Аннушку“.

Когда Матрена находилась съ мужемъ въ Эльбингѣ, туда пріѣхала Екатерина Алексѣевна, и государь писалъ, между прочимъ, мужу Матрены: „отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ—и что ей понадобится денегъ на покупку какой мелочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ“.

Расторопная и сметливая Балкъ скоро умѣла снискать расположеніе Екатерины до такой степени, что даже государь, можетъ быть, въ угоду своей супругѣ, забылъ свою опалу на нее и на ея недавно овдовѣвшую сестру и показывалъ ей всѣ знаки царскаго вниманія. „Отпиши ко мнѣ,—писалъ, между прочимъ, Петръ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ августѣ 1712 года,—къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть“.

Черезъ два мѣсяца, Петръ, приказывая очистить Эльбингъ отъ войскъ, велитъ озаботиться, чтобъ Матрена была бережно вывезена изъ крѣпости впередъ съ обозами. Видно, что Петръ не забывалъ того времени, когда зналъ Матрену еще дѣвушкой въ „Кукуй-городкѣ“, и былъ счастливъ тамъ своею первою привязанностью.

Всѣ эти знаки царскаго вниманія дали Матренѣ Ивановнѣ надежду на лучшія времена, и она стала рваться изъ Эльбинга въ Россію, ко двору, поближе къ тому свѣтлому центру, изъ котораго исторгло ихъ несчастіе сестры Анны.

Около этого времени и братъ ея Виллимъ уже далеко поднялся въ гору. Къ нему-то она теперь шлетъ письмо за письмомъ, чтобъ чрезъ вліятельныхъ особъ онъ вывелъ ее изъ далекаго Эльбинга, чтобъ у царя выхлопоталъ ей съ мужемъ переводъ, по крайней мѣрѣ, въ Або. „Здѣсь же все очень дорого,—говоритъ она,—а мужъ полтора года не получаетъ жалованья, и мы проживаемся; къ тому-же мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасаюсь за его жизнь“.

Мало того, практическая Матрена не забываетъ выдвигать впередъ и своего сына Петра, который уже былъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ.

„Прошу васъ,—пишетъ она къ брату,—пожалуйста, сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ у царя доброю оказіею былъ, понеже лучше чтобъ онъ у васъ былъ. Я надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пошлетъ его съ дѣлами въ Санктпетербургъ“.

Скоро—какъ намъ уже извѣстно—умерла ихъ общая любимица, сестра Анна.

Но это семейное горе умѣрялось другимъ счастьемъ: братъ Виллимъ шелъ въ гору такъ быстро, что у всякаго на его мѣстѣ должна была закружиться голова—и дѣйствительно, голова закружилась не только у красавца Виллима, но и у его умной сестры Матрены.

Въ 1716 году, Виллимъ Монсъ изъ „генеральсъ-адъютантовъ“ царя призведенъ былъ въ камеръ-юнкеры ко двору царицы. Это была особая милость и царя, и царицы: Виллимъ становится всесильнымъ временщикомъ даже при такомъ всезнающемъ и всевидящемъ царѣ, каковъ былъ Петръ.

„Я отъ сердца обрадовалась,—писала по этому поводу сметливая Мат-

рена къ брату, — что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи—боже помози вамъ и впредь! А вы ко мнѣ пишите—что то къ счастію или несчастію. Богъ васъ сохранитъ отъ всякаго несчастія".

Да, это было и къ громадному счастью и къ еще болѣе громадному несчастью и Виллима, и Матрены.

Матрена Ивановна достигла своихъ стремленій—она опять при дворѣ, Счастье широко имъ улыбнулось, только счастья этого уже не раздѣляла ихъ бѣдная Анна, лежавшая уже въ сырой землѣ и утратившая тотъ прелестный образъ, которымъ такъ многіе когда-то любовались.

Братъ Матрены сталъ общимъ любимцемъ при дворѣ. Въ него влюблялись всѣ фрейлины и другія важныя дѣвицы и дамы, а Матрена охотно становилась посредницей между влюбленными. Чрезъ ея руки шли любовныя записки, признанія — и все это послѣ обнаружилось, а обнаруженное — стало потомъ достояніемъ архивовъ и исторіи.

Но этого мало. Братъ Матрены скоро сталъ буквально заправлять русскою землею, а за нимъ поднималась и Матрена, такъ что передъ братомъ и сестрой преклонялось все: князь Андрей Вяземскій, Иванъ Шуваловъ, отецъ будущаго временщика Елисаветы Петровны, князь Александръ Черкасскій, Артемій Волынскій, эта крупная личность того времени, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Бестужевъ-Рюминъ, Матвѣй Олсуфьевъ, Іоганъ Эрнестъ Биронъ, будущій грозный временщикъ другого царствованія, Лестокъ—опять тоже будущій временщикъ, Гагаринъ, Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинѣ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, Левъ Измайловъ, посолъ въ Китаѣ, Семенъ Нарышкинъ, князь Одоевскій, князь Никита Трубецкой, Владиміръ Шереметевъ, князь Сергѣй Юсуповъ—вся эта знать въ десяткахъ и сотняхъ то просительныхъ, то поздравительныхъ, то ласкательныхъ и заискивающихъ писемъ спѣшила расточать свою любезность передъ блестящимъ свѣтиломъ двора, повергать къ его ногамъ и къ ногамъ его сестры Матрены Ивановны свои просьбы, челобитья и т. д., и т. д.—все это патенты на историческое безсмертіе и все это теперь покоится въ архивахъ на полкахъ, ждетъ будущихъ историковъ.

Вся эта масса патентовъ на безсмертіе раскрылась тогда же, когда всесильный братъ и сестра его были арестованы и бумаги ихъ разобраны были самимъ Петромъ въ тайной канцеляріи.

И братъ, и сестра обвинены были въ крупномъ, поголовномъ взяточничествѣ. Было за ними и другое, тайное преступленіе, о которомъ исторія можетъ только догадываться, потому что Петръ своею рукою закрылъ это преступленіе отъ взоровъ исторіи...

Не касаясь дѣяній Виллима Монсъ, мы укажемъ только на нѣсколько случаевъ лихоимства Матрены Балкъ, что и послужило открытымъ предлогомъ для суда надъ нею.

Петръ Салтыковъ даритъ ей возокъ, и вотъ Матрена Ивановна, зная, какъ силенъ братъ ея у императрицы, пишетъ ему: „Любезный братецъ! Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ ради-бога по-

хлопотать объ его имѣніи: его туда не пускаютъ. Сдѣлай пожалуйста все, что только возможно, потому что старая императрица (царица Прасковья) хочетъ взять имѣніе себѣ, и Олсуфьевъ посылалъ уже туда своихъ приказчиковъ, чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова".

Князь Алексѣй Долгорукой даетъ ей тоже хорошую взятку — коляску да шестерку лошадей — и Матрена Ивановна снова пишетъ брату: „князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой меня просилъ, чтобъ я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ... Прошу, любезный братецъ, помоги ему: онъ совершенно на тебя полагается".

Другіе князья Долгорукіе, князь Өедоръ, княгиня Анна, а также жена Василія Лукича Долгорукова, княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына — все это даритъ Матрену съѣстными припасами, кофеемъ, опахалами, атласомъ китайскимъ, балберекомъ; даже царевны Прасковья Ивановна, Анна Ивановна и сама царица Прасковья дарятъ ей кто пятьдесятъ рублевъ, кто двѣсти червонныхъ.

Прослуживъ полтретья года (1717—1718) гофмейстерною при дворѣ Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, и попавъ потомъ ко двору Екатерины Алексѣевны, Матрена Балкъ жаловалась, что „одолжилась на этой службѣ многими долгами", и потому просила государыню пожаловать ей—въ уѣздѣ кексгольмскомъ „питерскій погостъ", да въ козельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, да нѣсколько деревень въ Украйнѣ, оставшихся послѣ полковника Перекрестова.

Лѣтъ восемь продолжалось это темное царствованіе надъ русскою землею сестры и брата, которыхъ власть изъ честныхъ простыхъ нѣмцевъ низвела на такую степень гражданской деморализаціи, до которой трудно человѣку принизиться, не ослѣпнувъ окончательно отъ блеска опьяняющей и одуряющей славы и власти.

А причина этому, главнымъ образомъ, была въ томъ, что великій Петръ сталъ сильно старѣть и хилѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало притупляться и его недреманное, зоркое око.

Только за два мѣсяца до смерти какая-то невидимая рука приподняла завѣсу съ заслѣпленныхъ глазъ царя: царь получилъ ясныя указанія на то, что Монсъ и его сестра Балкъ обманываютъ его самымъ гнуснымъ образомъ, обманываютъ не только какъ царя, но и какъ супруга, нѣжно, до самой смерти любившаго своего послѣдняго „друга сердешнинькаго Катеринушку", которая замѣнила ему, насколько это было возможно, его первую любовь.

Царю кто-то подалъ „сильненькое" письмо, а о чемъ или о комъ — то зналъ одинъ лишь царь да таинственный доносчикъ.

Это былъ страшный ударъ для государя; даже его желѣзную силу пошатнулъ этотъ ударъ.

Въ ночь съ 8 на 9 ноября 1724 года послѣдовалъ арестъ Виллима Монса.

Узнавъ объ этомъ, Матрена Ивановна слегла въ постель: она поняла что страшный топоръ занесенъ и надъ ея умной головой.

Рано утромъ, 13 числа, дѣйствительно явился и къ ней страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи. Генеральша должна была встать съ постели и слѣдовать за Ушаковымъ въ его домъ, оцѣпленный стражей.

Страшенъ былъ допросъ Виллима Монса: его допрашивалъ самъ царь, при одномъ видѣ котораго подсудимый упалъ въ обморокъ. Но Матрена Ивановна ничего пока этого не знала: она должна была сама давать показанія на вопросы, которые и ей задавалъ самъ государь. Въ чемъ состояли эти устные вопросы и отвѣты—осталось никому неизвѣстнымъ, кромѣ царя и самой допрашиваемой.

На бумагѣ же со словъ ея было записано слѣдующее:

— Брала я взятки съ служителей Грузинцовыхъ сто рублей.

— Купецкой человѣкъ Красносельцовъ далъ четыреста рублей.

— Купчина Юринской, бывшій съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайской атласъ.

— Купецъ иноземецъ Мееръ триста червонныхъ.

— Капитанъ Альбрехтъ долгу своего на мнѣ уступилъ сто двадцать рублей.

— Сынъ игуменьи, князь Василій Ржевской, закладныя мои серьги во ста рубляхъ отдалъ безденежно.

— Посолъ въ Китаѣ Левъ Измайловъ, по пріѣздѣ, подарилъ три косяка камки да десять фунтовъ чаю.

— Петръ Салтыковъ—старый недорогой возокъ.

— Астраханской губернаторъ Волынской—полпуда кофею.

— Великій канцлеръ графъ Головкинъ—двадцать возовъ сѣна.

— Князь Юрій Гагаринъ—четыре серебряныхъ фляши.

— Князь Ѳедоръ Долгоруковъ—полпуда кофею.

— Князь Алексѣй Долгоруковъ далъ старую коляску да шестерикъ недорогихъ лошадей.

— Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ на именины подарилъ мнѣ маленькой перстень алмазной, а послѣ пятьдесятъ четвертей муки.

— Его высочество герцогъ голштинской—два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ, и ленту.

— Купчиха Любсъ—парчу на кафтанъ, штофу шелковаго на самаръ.

— Баронесса Строганова—балбереку тридцать аршинъ.

— Баронесса Шафирова, жена бывшаго вице канцлера — штофъ шелковой.

— Княгиня Черкасская—атласъ китайской.

— Княгиня Долгорукова, жена посла Василія Лукича—опахало.

— Княгиня Анна Долгорукова—запасу разнаго.

— Княгиня Анна Ивановна Голицына—то же.

— Княгиня Меншикова—на именины ленту, шитую золотомъ.

— Царевна Прасковья Ивановна—четыреста или пятьсотъ рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила; отъ нея жъ

кусокъ полотна варандорфскаго и запасы съѣстные—запасы тѣ за то, чтобъ просила я у брата о домовомъ ея раздѣлѣ съ сестрами.

— Царевна Анна Ивановна, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

— Царица Прасковья Федоровна подарила двѣсти червонцевъ.

— Да нынѣ, въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домоваго, а сколько и когда— не помню.

Въ тотъ же день, 13 ноября, послѣ полудня, отрядъ солдатъ съ чиновникомъ и барабанщиками проходилъ по улицамъ и площадямъ Петербурга, и когда сбѣгался народъ на барабанный бой, ему объявляли, чтобъ каждый изъ нихъ, кто давалъ взятки камергеру Монсу и сестрѣ его, генеральшѣ Балкъ, или знаетъ что объ этомъ, немедленно доводилъ о томъ до свѣдѣнія начальства, подъ страхомъ тяжкаго наказанія.

14 ноября—тотъ же барабанный бой по городу.

15 ноября состоялось постановленіе „вышняго суда“: „учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь“.

15 же ноября самъ государь на докладѣ дѣла написалъ: „Матрену Балкшу—бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ“. Другихъ прикосновенныхъ къ дѣлу подвергнуть инымъ соотвѣтственнымъ наказаніямъ, и въ томъ числѣ перваго пажа Екатерины, Григорія Соловаго—высѣчь батогами и написать въ солдаты.

15 же ноября на стѣнахъ домовъ въ Петербургѣ прибита была слѣдующая публикація:

„1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго, объявляется во всенародное вѣдѣніе: завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на Троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву (знаменитому шуту Балакиреву!)—за ихъ плутовство такое: что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали винныхъ плутовъ отъ обличенія винъ ихъ, и брали за то великія взятки, и Балакиревъ въ томъ Монсу и протчимъ служилъ“.

16 ноября Монсу отрублена была голова.

Тутъ же, у трупа брата, Матренѣ Балкъ читано было:

„Матрена Балкъ! понеже ты вступила въ дѣла, которыя дѣлала чрезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, непристойныя ему, и за то брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье“.

Экзекуція кончилась.

Тутъ же, на особыхъ столбахъ, прибиты были росписи взяткамъ: имена тѣхъ, кто бралъ, и тѣхъ—кто давалъ.

Все это дѣло Монса и его сестры—странное и таинственное дѣло.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ Россіи такъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ:

„Въ ноябрѣ 1724 года государь Петръ I испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, вдова генерала Балкъ. Монсъ пріобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Екатерины, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ, наконецъ, о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ,—заключаетъ этотъ историкъ,—изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры: преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе“...

Другіе же, менѣе достовѣрные повѣствователи этого событія, разсказываютъ дѣло съ подробностями, не совсѣмъ вѣроятными, хотя и построенными на исторической основѣ, на фактахъ, которыхъ отрицать нельзя.

Говорятъ, что Монса погубила собственная красота его и злоупотребленіе ею, а сестру его—неумѣстная услужливость.

Гельбигъ повѣствуетъ, что когда Монсъ заслужилъ особенное вниманіе Екатерины Алексѣевны и сталъ имъ охотно пользоваться, то „чтобъ удержать взаимную склонность въ границахъ приличія, необходимо было дать этому любимцу какое-нибудь мѣсто при дворѣ, и, такимъ образомъ, вести интригу, не возбуждая ни въ комъ подозрѣнія. Екатерина повела дѣло искусно: Монсъ произведенъ былъ въ камеръ-юнкеры, а потомъ въ камергеры ея двора. Петръ ничего не подозрѣвалъ; разъ только царевна Елизавета, тогда еще болтливый и рѣзвый ребенокъ, разсказала, что маменька очень смутилась, когда она приходомъ своимъ прервала бесѣду ея съ Монсомъ. Отецъ не обратилъ вниманія на дѣтскую болтовню, и дѣло на ту пору обошлось безъ послѣдствій. Нѣсколько времени спустя, Петръ получилъ доносъ болѣе опредѣленный; тогда онъ далъ генеральшѣ Балкъ щекотливое порученіе подсматривать за братомъ. 8 ноября 1724 года, государю вздумалось съѣздить въ Шлиссельбургъ. По доносу П. И. Ягужинскаго, ревнивый Петръ, нѣсколько часовъ спустя, вернулся въ городъ и никѣмъ не замѣченный пробрался во дворецъ (нынѣ екатерининскій институтъ), гдѣ и засталъ супругу бесѣдующею съ Монсомъ, тутъ же была его сестра, Балкъ“.

Послѣ ужасной сцены—по словамъ того же Гельбига—Петръ ужиналъ, по обыкновенію, во дворцѣ, а на другой день Монсъ былъ арестованъ; вслѣдъ за Монсомъ посадили въ крѣпость Матрену Балкъ, секретаря императрицы и одного камеръ-лакея. Петръ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, самъ снималъ допросы съ виновнаго. Дѣятельнымъ пособникомъ при розыскѣ былъ Ушаковъ. Разсказываютъ, что при этомъ монархъ пришелъ однажды въ такой гнѣвъ, что хотѣлъ собственноручно покарать красавца-камергера, но Никита Ивановичъ Рѣпнинъ, случившійся при этомъ, удер-

жалъ разгнѣваннаго властелина. Слѣдствіе и судъ произведены были съ необыкновенною скоростью. 10-го ноября обвиненнаго привезли въ зимній дворецъ, гдѣ собрался верховный судъ. Разсказываютъ, что здѣсь несчастнаго схватилъ параличъ. 16-го ноября Монсъ былъ выведенъ изъ крѣпости, подъ прикрытіемъ большого конвоя. Онъ простился съ дворовыми людьми своими, которые проливали слезы, обнимая въ послѣдній разъ своего господина. Близъ сената, на петербургской сторонѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибъ на висѣлицѣ князь Гагаринъ, прочитанъ былъ Монсу смертный приговоръ. Оффиціальнымъ предлогомъ къ его осужденію было обвиненіе въ лихоимствѣ. Камергеръ выслушалъ приговоръ съ необыкновенною твердостью; снялъ съ себя нагольный тулупъ, шейный платокъ, положилъ голову на плаху, подарилъ сопровождавшему его пастору золотые часы съ портретомъ государыни и просилъ у палача одной милости — отрубить голову скорѣе, съ одного удара. Голова была отдѣлена отъ туловища и взоткнута на шесть, а тѣло долго еще лежало на мѣстѣ казни. Въ тотъ же день мимо рокового помоста проѣхалъ государь въ саняхъ съ своею супругою и указалъ трепещущей Екатеринѣ на голову нѣкогда дорогого ей камергера.

Не смѣя заступиться за него во время слѣдствія и суда, Екатерина, говорятъ, молила государя о пощадѣ Матрены Балкъ, сестры несчастнаго Монса. Разгнѣванный Петръ ударомъ кулака разбилъ большое венеціанское зеркало. „Видишь,—сказалъ онъ женѣ,—одного удара достаточно было, чтобъ разбить эту драгоцѣнность: одного слова будетъ довольно, чтобъ обратить тебя въ прахъ, изъ котораго я тебя возвысилъ“. Нѣжная супруга сія,—повѣствуетъ Голиковъ,—съ умилительнымъ прискорбіемъ взглянувъ на великаго монарха, отвѣчала: „вы разбили прекрасное украшеніе своего дворца—неужели вы думаете, что дворецъ станетъ отъ этого лучше?“

Говорятъ также, что отрубленную голову Монса государь приказалъ положить въ спиртъ и поставилъ сначала ее въ кабинетъ императрицы, а потомъ отдалъ на сохраненіе въ академическій музей вмѣстѣ съ хранившеюся уже тамъ другою прекрасною отрубленною головою дѣвицы Гамильтонъ, о которой будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ.

Разсказываютъ при этомъ, что государь хотѣлъ наказать и Екатерину, но только Толстой и Остерманъ остановили разгнѣваннаго монарха: они представили ему, что если Екатерину постигнетъ безславная смерть, то безславіе это падетъ и на дочерей государя, ни въ чемъ неповинныхъ великихъ княженъ, и бѣдныя дѣвушки не найдутъ жениховъ. Прибавляютъ къ этому, что Петръ хотѣлъ будто бы лишить жизни и своихъ неповинныхъ дочерей, но ходившая за ними француженка-гувернантка спасла своихъ воспитанницъ, спрятавшись съ ними, въ моментъ гнѣва государя, подъ столъ.

Къ числу бездоказательныхъ добавленій къ этимъ событіямъ принадлежитъ и то, будто бы Екатерина за смерть Монса заплатила Петру отравой, въ чемъ ей помогъ Меншиковъ. Ясно, что это сказки, какъ ре-

зультатъ тогдашнихъ догадокъ, перешептываній: всякій не дознанный фактъ родитъ фабулу, миѳъ, легенду.

Что касается лично до Матрены Балкъ, то легенда присовокупляетъ, что женщина эта молила царя о пощадѣ, напоминала ему о его первой, молодой любви къ покойной сестрѣ ея — и Петръ, будто бы, обнялъ ее, поцѣловалъ, но не простилъ: „прощеніе не въ моей власти“, сказалъ монархъ; однако же, смягчилъ жестокость публичной казни, повелѣвъ дать сестрѣ Анны Монсъ вмѣсто десяти ударовъ кнутомъ—пять.

Въ основѣ и эти фабулы имѣютъ долю правды; но подробности — больше чѣмъ сомнительны.

Черезъ два мѣсяца послѣ этой катастрофы государь умираетъ: болѣе чѣмъ вѣроятно, что глубокое огорченіе, причиненное ему Монсами, свело въ могилу этого великана русской земли раньше срока, положеннаго ему его желѣзною, не знавшею устали натурою.

На престолъ вступаетъ императрица Екатерина Первая.

Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только что возвѣщалось по улицамъ и площадямъ созданной имъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь этой эпохи на основаніи архивныхъ документовъ,—изрекла милостивое прощеніе бывшей своей довѣреннѣйшей подругѣ, Матренѣ Балкъ, и всѣмъ пострадавшимъ по ея дѣлу.

Прощеніе изрекалось въ такой формѣ: „ради поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу не ссылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ вышняго суда, но вернуть изъ дороги и быть ей въ Москвѣ“.

Ее воротили съ дороги.

Москва, нѣмецкая слобода, мѣсто родины, мѣсто дѣтскихъ игръ съ покойною сестрою Анною, мѣсто перваго знакомства съ великимъ царемъ, тоже покойникомъ—вотъ что нашла Матрена Балкъ вмѣсто далекаго и холоднаго Тобольска.

Но она была уже стара: немного лѣтъ оставалось ей прожить въ довольствѣ и счастьи, что едва ли совмѣстно съ жгучими воспоминаніями о пережитой жизни, о прекрасной головѣ брата, взоткнутой на шестъ, о чахоточной сестрѣ, съѣденной этою самою жгучею жизнью.

Но у Матрены Балкъ были дѣти. Ея красавицу дочь Наталью ожидала такая же страшная судьба, какъ страшно было все въ то удивительное время. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Фрейлина Гамильтонъ.

(Фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ).

Между историческими женскими личностями, которыя заслужили безсмертіе или славною дѣятельностію, вписавшею имена ихъ въ списокъ

лучшихъ людей человѣчества, или непосредственнымъ отношеніемъ къ лицамъ и событіямъ, достойнымъ вѣчной исторической памяти, или же, наконецъ, превратностями своей судьбы, — къ сожалѣнію, есть и такія, на долю которыхъ выпало безсмертіе иного рода, безсмертіе — какъ историческая кара за злыя дѣянія, за роковыя ошибки, за униженіе человѣческаго имени. Исторія не обходитъ ни Леонида, павшаго при Ѳермопилахъ для спасенія отечества, ни Герострата, безумно сжегшаго храмъ Діаны, это чудо свѣта; она даетъ безсмертіе матери Гракховъ; она же не можетъ отнять безсмертіе и у матери Нерона. Но утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то, что наше, русское, прошедшее даетъ намъ примѣровъ безсмертія перваго рода больше, чѣмъ послѣдняго.

Къ несчастнымъ личностямъ послѣдняго рода между историческими русскими женщинами слѣдуетъ отнести дѣвицу Гамильтонъ, помѣщицу Дарью Салтыкову, извѣстную болѣе подъ именемъ Салтычихи, и нѣкоторыхъ другихъ.

Дѣвица Гамильтонъ принадлежала къ одной отрасли древнѣйшихъ и именитѣйшихъ родовъ шотландскихъ и датскихъ, переселившейся въ Россію въ царствованіе Грознаго и породнившейся потомъ съ знаменитою фамиліею боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, которому Марія Гамильтонъ приходится внучкой.

Около 1713 года дѣвица Гамильтонъ является фрейлиною супруги Петра I, императрицы Екатерины Алексѣевны.

О дѣтствѣ Маріи Гамильтонъ ничего неизвѣстно: кто была ея мать; руководила ли дѣтскимъ развитіемъ дѣвочки нѣжная заботливость матери, или дѣвочка лишена была этого руководства и несчастный ребенокъ брошенъ былъ на произволъ слѣпого случая—объ этомъ нѣтъ извѣстій.

Исторія застаетъ эту знатную дѣвушку уже при дворѣ фрейлиной. Дѣвушка пользуется расположеніемъ и царя, и его супруги до самаго года своей роковой кончины, послѣдовавшей въ 1719 году. Есть гадательныя свидѣтельства о томъ, что дѣвица Гамильтонъ была, будто бы, очень близка къ великому преобразователю Россіи; и какъ фрейлина, отличенная особымъ вниманіемъ государя, пользовалась не малымъ значеніемъ при дворѣ, жила въ роскоши, имѣла нѣчто въ родѣ своего штата изъ дѣвушекъ, изъ камеръ-фрау, ей прислуживавшихъ, и вообще окружена была почетомъ и всеобщимъ вниманіемъ.

Есть извѣстія, что Гамильтонъ отличалась замѣчательной красотой: когда, впослѣдствіи, голова Гамильтонъ была отрублена на плахѣ, то эту прекрасную голову, уже мертвую, великій царь цѣловалъ передъ всѣмъ народомъ. Но объ этомъ послѣ.

Какъ первая при дворѣ красавица, соперницами которой могли быть развѣ только княгиня Марья Юрьевна Черкасская, двѣ Головкины, Измайлова и генеральша Чернышова, которую Петръ называлъ „Авдотья бой-баба“,—фрейлина Гамильтонъ блистала на придворныхъ ассамблеяхъ, привлекала толпы поклонниковъ, въ числѣ которыхъ, послѣ самаго царя, сердце ея отмѣтило одного счастливца—съ нимъ она не разлучалась до

своей страшной смерти. Это былъ одинъ изъ царскихъ любимцевъ, „деньщикъ“ государя Иванъ Михайловичъ Орловъ. Царскіе деньщики въ то время были то же, что въ нынѣшнее время флигель-адъютанты.

Гамильтонъ тѣмъ болѣе привязывалась къ своему любимцу, чѣмъ болѣе замѣчала охлажденіе къ себѣ императора, который, будто бы, при своей до крайности подвижной натурѣ, легко мѣнялъ свои временныя привязанности, хотя такой взглядъ на Петра, по нашему мнѣнію, крайне ошибоченъ: болѣе чѣмъ кто-либо Петръ былъ постояненъ въ своихъ привязанностяхъ.

Обстоятельства способствовали роковому сближенію Гамильтонъ съ Орловымъ. Когда, въ началѣ 1716 года, государь и государыня отправились за границу, Гамильтонъ сопровождала ихъ въ качествѣ фрейлины двора императрицы, а Орловъ не разставался съ государемъ какъ одинъ изъ расторопныхъ молодыхъ деньщиковъ его.

Несчастная связь ихъ скоро, однако, кончилась самой страшной развязкой для дѣвушки.

Года черезъ два, въ Петербургѣ обнаружилось, что послѣдствіемъ близкихъ отношеній дѣвицы Гамильтонъ съ Орловымъ была неоднократная беременность дѣвушки. Обнаружилось также, что Гамильтонъ, желая скрыть свое несчастное положеніе отъ постороннихъ, а равно отъ царя и его и своего любимца, прибѣгала къ преступнымъ мѣрамъ—къ дѣтоубійству.

Преступленія ея были обнаружены царемъ совершенно случайно и притомъ такъ, что невольно причиною гибели своей и царской любимицы былъ тотъ, кого дѣвушка любила—самъ Орловъ. Однажды онъ, узнавъ о какомъ-то тайномъ сходбищѣ и развѣдавъ о людяхъ, составлявшихъ это общество, подалъ царю обстоятельный доносъ на заговорщиковъ. Это было вечеромъ. Государь, прочитавъ доносъ своего деньщика, положилъ его въ карманъ и занялся другими дѣлами. Ложась спать, онъ обыкновенно приказывалъ деньщикамъ класть свой сюртукъ или къ себѣ подъ подушку или на стулъ у кровати. Такъ дѣлалъ и Орловъ, раздѣвавшій въ этотъ вечеръ государя. Когда Петръ заснулъ и дежурство Орлова кончилось, онъ отправился куда-то къ своимъ пріятелямъ и прогулялъ съ ними всю ночь.

Государь, по обыкновенію просыпавшійся очень рано, сталъ искать въ карманѣ доносъ Орлова, чтобъ вновь прочитать, и не нашелъ его тамъ. Бумага пропала. Полагая, что доносъ украденъ, государь закипѣлъ гнѣвомъ и приказалъ позвать Орлова, который одинъ долженъ былъ знать, что сталось съ доносомъ, потому что на ночь раздѣвалъ царя. Орлова не нашли. Гнѣвъ Петра дошелъ до крайнихъ предѣловъ, когда, наконецъ, гонцы отыскали загулявшаго деньщика и привели къ государю. Не зная истинной причины царскаго гнѣва и полагая, что Петръ узналъ о его дружеской связи съ камеръ-фрейлиною ея величества, „дѣвкою Марьею Гаментовою“, какъ тогда называли фрейлинъ („дѣвки“), Орловъ, при видѣ гнѣвнаго царя, упалъ на колѣни.

— Виноватъ, государь!—взмолился Орловъ:—люблю Марьюшку! (такъ

звали при дворѣ эту красавицу фрейлину и такъ называлъ ее самъ царь: „дѣвка Марьюшка“, „дѣвка Авдотья бой-баба“ и другія фрейлины).

Петръ сразу понялъ, что бумагу не Орловъ взялъ, и сталъ уже спрашивать его, какъ виновнаго въ близкихъ отношеніяхъ къ его бывшей фавориткѣ.

— Давно ль ты ее любишь?—спросилъ царь.

— Третій годъ.

— Бывала ли она беременна?

— Бывала.

— Значитъ, и рожала?

— Рожала, да мертвыхъ.

Петръ, какъ хорошій слѣдователь, не остановился на этомъ. Онъ нападалъ на слѣдъ преступленія.

— Видалъ ты ихъ мертвыхъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ, а отъ нея сіе зналъ,— отвѣчалъ трепетавшій деньщикъ.

Петръ вспомнилъ, что, не задолго передъ этимъ, у дворцоваго фонтана, въ лѣтнемъ саду, найденъ былъ мертвый ребенокъ, завернутый въ придворную салфетку, и матери ребенка не могли отыскать.

Царь тотчасъ же приказалъ привести къ себѣ подозрѣваемую фрейлину. Гамильтонъ сначала клялась, что она невинна, но скоро потомъ уличена была свидѣтелями и разными другими обстоятельствами.

— Зналъ ли объ этихъ убійствахъ Орловъ?—спрашиваетъ снова царь.

— Нѣтъ, Орловъ не зналъ,—отвѣчаетъ несчастная преступница.

Орловъ былъ посаженъ въ крѣпость, „а надъ фрейлиною, — говоритъ современникъ, — убійцею нераскаянною государь повелѣлъ нарядить уголовный судъ“.

Злополучная бумага, бывшая причиною раскрытія преступленій, найдена была въ сюртукѣ государя: карманъ въ немъ подпоролся, и доносъ попалъ между сукномъ сюртука и подкладкой.

Судъ по этому дѣлу былъ неумолимъ. Разсказываютъ, что гнѣвъ Петра еще болѣе старался увеличивать всесильный уже въ то время князь Меньшиковъ, который былъ самъ неравнодушенъ къ Гамильтонъ и, кромѣ того, боялся, что красавица эта могла вытѣснить изъ сердца государя привязанность его къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, пользовавшейся покровительствомъ Меньшикова еще до того времени, когда царь обратилъ на нее вниманіе и приблизилъ къ себѣ. Но и безъ этого государь находился въ ту пору въ страшномъ нравственномъ возбужденіи: это были тѣ самые дни, когда шелъ судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, кончившійся смертью царевича и страшными казнями его соучастниковъ.

21 іюня 1718 года Гамильтонъ была допрашивана въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и повинилась во всемъ. Но слѣдователи на этомъ не остановились: она была пытана въ „застѣнкѣ“, и „съ виски“ (одинъ родъ пытки) подтвердила свое признаніе. Въ присутствіи государя, лично прибывшаго въ застѣнокъ, несчастную дѣвушку вновь пытали—дали пять ударовъ кнутомъ: она ничего новаго не сказала.

Похоронивъ царевича Алексѣя Петровича, царь отправляется на море и приказываетъ продолжать розыскъ по дѣлу Гамильтонъ. Ее пытаютъ „вдругорядь", и узнаютъ то же, что знали и прежде—ничего новаго.

Замѣчательно, что во время всѣхъ этихъ страшныхъ пыточныхъ мукъ, фрейлина ни единымъ словомъ не промолвилась, даже подъ невыносимыми пытками, о виновности того, кого она любила, тогда какъ Орловъ малодушно, боясь пытокъ, лгалъ на нее, присылая изъ крѣпости, гдѣ онъ сидѣлъ, собственноручныя письма и извѣты въ розыскную канцелярію, а потомъ каялся, что писалъ ложь, будто бы въ безпамятствѣ: „и притомъ,—пишетъ онъ въ послѣднемъ письмѣ,—прошу себѣ милостиваго помилованія, что я въ первомъ письмѣ написалъ лишнее: когда мнѣ приказали написать, и я со страху и въ безпамятствѣ своемъ написалъ все лишнее... Клянусь живымъ Богомъ, что всего въ письмѣ не упомню, и ежели мнѣ въ этомъ не повѣрятъ, чтобы у иныхъ спросить—того не было".

27 ноября 1718 года надъ виновною фрейлиною состоялся смертный приговоръ:

„Великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, будучи въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, слушавъ вышеписаннаго дѣла и выписки, указалъ—по имянному своему великаго государя указу—дѣвку Марью Гаментову, что она съ Иваномъ Орловымъ жила блудно и была оттого беременна трижды и двухъ ребенковъ лѣкарствами изъ себя вытравила, а третьяго удавила и отбросила, за такое ея душегубство... казнить смертью".

Съ подписаніемъ приговора фрейлину заковали въ желѣзо.

Государь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ отправился къ олонецкимъ марціальнымъ водамъ, а осужденная фрейлина томилась въ заключеніи до возвращенія царя.

Такъ прошло четыре мѣсяца. Долгое заточеніе фрейлины, — говоритъ современный намъ составитель обстоятельнаго изслѣдованія объ этой несчастной жертвѣ распущенности нравовъ прошлаго вѣка,—и тяжкія ея страданія возбудили, наконецъ, жалость у государыни, и она, умоляемая свойственниками и родными злосчастной фрейлины, рѣшилась ходатайствовать о ея прощеніи. Она тѣмъ болѣе надѣялась на успѣхъ, что видѣла родъ нерѣшительности со стороны царя казнить бывшую ея фрейлину, такъ какъ со времени подписанія смертнаго приговора прошло четыре мѣсяца. Много и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ присоединились къ просьбѣ императрицы: она убѣдила заступиться за нее любимую невѣстку Петра, царицу Прасковью Ѳедоровну, пользовавшуюся большимъ уваженіемъ государя. Царица не отказалась отъ попытки умилостивить Петра, и съ этою цѣлью, наканунѣ казни, пригласила къ себѣ государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого, подписавшаго смертный приговоръ злополучной фрейлины. Трое названныхъ вельможъ уже приготовлены были къ просьбѣ и, съ своей стороны, обѣщали ее поддержать. Въ общемъ разговорѣ, царица Прасковья искусно свела рѣчь на

Гамильтонъ, извиняла ея преступленія человѣческою слабостью, страстью и стыдомъ; превозносила добродѣтель въ государѣ, сравнивала земного владыку съ царемъ небеснымъ, который долготерпѣливъ и многомилостивъ. Апраксинъ, Брюсъ и Толстой, вслѣдъ за царицей, стали тоже просить за фрейлину, говоря въ смыслѣ словъ священнаго писанія о помилованіи. Царь былъ въ духѣ. Выслушавъ челобитье, онъ спросилъ невѣстку:

— Чей законъ есть на таковыя злодѣянія?

— Вначалѣ божескій, а потомъ государевъ,—отвѣчала царица.

— Что́ жъ именно законы сіи повелѣваютъ? Не то ли, что „проливаяй кровь человѣческую, да проліется и его?“

Царица должна была согласиться, что за смерть—смерть.

— А когда такъ,—сказалъ Петръ,—поразсуди, невѣстушка: ежели тяжко мнѣ и законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тягчае законъ Божій уничтожить? Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, которые, неразсудною милостію законъ Божій преступя, погибли тѣломъ и душою... И если вы (онъ обратился къ вельможамъ) имѣете смѣлость, то возьмите на души свои сіе дѣло и рѣшите, какъ хотите—я спорить не буду.

Всѣ умолкли. Никто не рѣшался ни брать на себя отвѣта, ни дѣлать то, на что не было охоты у повелителя.

На слѣдующее утро послѣ этого, 14 марта 1719 года, лишь только стало разсвѣтать, на Троицкой площади, близъ Петропавловской крѣпости, собралась толпа народа, давно привыкшаго къ казнямъ. Солдаты цѣпью окружали эшафотъ. Тамъ же, на позорномъ столбѣ и на колесахъ торчали головы, все еще не похороненныя: это были головы тѣхъ, которые были казнены 8 декабря предшествовавшаго года, какъ соучастники по дѣлу несчастнаго царевича Алексѣя Петровича.

Явился и государь на мѣсто казни. Изъ крѣпости вывели осужденную фрейлину вмѣстѣ съ ея горничною, знавшею о преступленіи госпожи. Осужденная до послѣдняго мгновенья ждала помилованія. Догадываясь, что самъ государь будетъ при казни, она одѣлась въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами, въ надеждѣ, что красота ея, хотя уже поблекшая отъ пытокъ и заточенія, произведетъ впечатлѣніе на монарха, напомнитъ ему тѣ часы, когда и онъ ее любилъ и ласкалъ (если только это было)... Но несчастная ошиблась. Правда, государь былъ ласковъ, простился съ нею, поцѣловалъ ее, и даже, говорятъ, далъ ей слово, что къ ней не прикоснется нечистая рука палача. Однако, прибавилъ въ заключеніе:

— Безъ нарушенія божественныхъ и государственныхъ законовъ не могу я спасти тебя отъ смерти... Итакъ, прими казнь и вѣрь, что Богъ проститъ тебя въ грѣхахъ твоихъ, помолись только Ему съ раскаяніемъ и вѣрою.

Она упала на колѣни и молилась. Государь что-то шепнулъ на ухо палачу. Присутствовавшіе думали, что онъ изрекъ всемилостивѣйшее прощеніе—но ошиблись: царь отвернулся... Сверкнулъ топоръ—и голова скатилась на помостъ. Царь исполнилъ обѣщаніе: тѣло красавицы не было осквернено прикосновеніемъ рукъ палача.

Великій Петръ поднялъ мертвую голову и почтилъ ее поцѣлуемъ.

Такъ какъ онъ считалъ себя свѣдущимъ въ анатоміи, то при этомъ случаѣ долгомъ почелъ показать и объяснить присутствующимъ различныя жилы на головѣ. Поцѣловавъ ее въ другой разъ, бросилъ на землю, перекрестился и уѣхалъ съ мѣста казни.

Конфисковавъ въ казну нѣкоторыя оставшіяся послѣ казненной драгоцѣнныя вещи, великій Петръ приказалъ конфисковать и сохранить самое драгоцѣнное, что имѣла несчастная фрейлина--ея красивую голову.

Голова Гамильтонъ была положена въ спиртъ и отдана въ академію наукъ, гдѣ ее хранили въ особой комнатѣ, съ 1724 года, вмѣстѣ съ такою же красивою головою камергера Монса, брата знаменитой и самой первой любимицы Петра, Анны Монсъ, перваго красавца всего тогдашняго Петербурга, любимца императрицы Екатерины I, казненнаго, какъ говорилось выше, по повелѣнію царя, который подозрѣвалъ, что Екатерина и Монсъ любили другъ друга. Голова Монса, по приказанію царя, долго стояла въ кабинетѣ царицы для ея назиданія, а потомъ сдана въ академію, гдѣ была уже въ спирту и голова Гамильтонъ. Воля монарха исполнялась съ величайшею точностью. За головами былъ большой уходъ до смерти Петра и до восшествія на престолъ Екатерины I. Когда же увидѣли, что императрица забыла о бывшемъ любимцѣ своемъ, отрубленную голову котораго, послѣ казни, въ теченіе нѣсколькихъ дней, видѣла передъ собой въ кабинетѣ, то и смотрителя академіи забыли объ этихъ головахъ.

Спустя шестьдесятъ лѣтъ объ нихъ вспомнили...

Это было въ 1780 годахъ. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, въ качествѣ президента академіи, пересматривала счеты этого заведенія и нашла, что чрезвычайно много выходитъ спирту. Между прочимъ, она замѣтила, что спиртъ отпускается на двѣ головы, хранимыя въ подвалѣ, въ особомъ сундукѣ, ключъ отъ котораго ввѣренъ особому сторожу; но онъ самъ не зналъ, чьи головы находятся подъ его охраной.

Долго рылись въ архивѣ. Наконецъ, нашли владѣльцевъ головъ: это были—двора императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ и камергеръ Виллимъ Ивановичъ Монсъ. Княгиня Дашкова донесла о находкѣ императрицѣ Екатеринѣ II. Головы принесли во дворецъ, разсматривали, и всѣ удивлялись сохранившимся слѣдамъ ихъ прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу императрицы, закопали въ погребу.

Достойно вниманія, что злополучная фрейлина Гамильтонъ почти до нашего времени жила въ преданіяхъ академическаго музея („кунсткамеры").

Какъ о всѣхъ почти историческихъ герояхъ, о Гамильтонъ составилась народная легенда.

„Лѣтомъ 1830 года я былъ въ кунсткамерѣ (писалъ, въ 1860 году, въ одну изъ русскихъ газетъ, г. Эндогуровъ). Нѣсколько посѣтителей, должно быть, изъ купцовъ, осматривали монстровъ, въ сопровожденіи чичероне-сторожа, который объяснялъ имъ все, по своему уразумѣнію. Услы-

шавъ аханье и оханье купцовъ, я подошелъ къ нимъ. и со мною вмѣстѣ очень почтенный человѣкъ съ орденомъ на шеѣ. Сторожъ, указывая на банку съ головой, объяснялъ: „при государѣ Петрѣ I была необыкновенная красавица, которую какъ увидѣлъ государь, такъ и приказалъ отрубить ей голову и поставить въ спиртъ въ кунсткамерѣ, на вѣчныя времена, чтобъ всѣ и во всѣ времена могли видѣть, какія красавицы родятся на Руси“. Почтенный человѣкъ съ орденомъ на шеѣ, выслушавъ разсказъ, возвысилъ голосъ и сталъ выговаривать сторожу, что онъ разсказываетъ нелѣпости, и, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ его, сказалъ: „какъ можно, чтобъ такой великій и правосудный государь, какимъ былъ Петръ I, поступилъ такъ съ невинною красавицею! Напротивъ, это голова придворной особы, которая дѣвицею разрѣшилась отъ бремени, и, изъ желанія скрыть свой стыдъ, убила ребенка, что́ и было открыто; судъ же приговорилъ ее къ смертной казни. А такъ какъ она была красавица, то государь повелѣлъ голову ея хранить въ спирту вмѣстѣ съ прочими монстрами“... „Не помню (продолжаетъ далѣе г. Эндогуровъ), про кого изъ преемниковъ Петра I онъ говорилъ, что, увидѣвъ голову красавицы, онъ приказалъ выставить ее въ кунсткамерѣ на видное мѣсто, чтобъ простой народъ, имѣвшій доступъ въ музей во время святой недѣли, могъ видѣть голову женщины, рѣшившейся на такое злодѣяніе, разсказывать исторію ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что будто бы участь этой красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный домъ и пріемъ въ оный, секретно, незаконнорожденныхъ дѣтей“.

„Въ 1833 году я опять былъ въ кунсткамерѣ (продолжаетъ г. Эндогуровъ), и тотъ же сторожъ поспѣшилъ разсказать намъ свою прежнюю исторію. Я напомнилъ ему о томъ господинѣ, который остановилъ его въ 1830 году, но ветеранъ, махнувъ рукою, сказалъ: „гдѣ имъ знать? мы не мало лѣтъ живемъ здѣсь, такъ ужъ лучше знаемъ“.

Оказалось, что это была голова не фрейлины Гамильтонъ, а какого-то мальчика, какъ рѣдкій экземпляръ великолѣпно сохранившейся въ спирту человѣческой головы.

Голова же несчастной Гамильтонъ, какъ мы видѣли выше, зарыта въ подвалѣ около ста лѣтъ тому назадъ.

V.

Кронъ-принцесса Шарлотта.

(Супруга царевича Алексѣя Петровича).

Двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича. Мало того, роковымъ отношеніемъ этихъ женщинъ къ царевичу Россія обязана тѣми долгими смутами, которыя привелось переживать ей въ теченіе всего восемнадцатаго столѣтія, именно по-

тому, что Алексѣй въ жизни своей столкнулся съ этими двумя женщинами и что наиболѣе изъ нихъ любимая имъ невольно свела царевича въ могилу, когда, быть можетъ, ему оставалось еще жить очень долго.

Женщины эти были—кронъ-принцесса Шарлотта, которую царевичъ не любилъ, и Евфросинья Ѳедорова, крѣпостная дѣвка Вяземскаго, которую несчастный царевичъ любилъ, повидимому, первою и послѣднею любовью и для которой отказывался отъ отца, отъ короны и скипетра, отъ обладанія всею русскою землею.

Въ годъ полтавской побѣды, въ маѣ 1709 года, Петръ отправилъ царевича за границу учиться. Пребываніе Алексѣя Петровича за границею должно было имѣть и другую цѣль: отецъ задумалъ его женить на какой-нибудь иноземной принцессѣ.

„Зоонъ! — писалъ царь къ сыну, называя его „зоономъ“, т. е. „сыномъ“, по-нѣмецки или по-голландски—Sohn.—„Зоонъ! объявляемъ вамъ, что по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ, и, кому съ вами ѣхать, прикажетъ. Между тѣмъ, приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, такъ геометріи и фортификаціи, также отчасти и политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію скончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ“.

„Отпиши“—это, значитъ конецъ ученью и начало женитьбы.

Черезъ полтора года приставленные къ царевичу дядьки — князь Трубецкой и графъ Головкинъ, уже пишутъ царю: „Государь царевичъ обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей, о которыхъ 7 сего декабря мы донесли, выучилъ еще профондиметрію и стеореометрію, и такъ съ божіею помощью геометрію всю окончилъ“.

Пора и женить; но женить на иноземкѣ, чтобъ съ молодою женою сына царя-преобразователя пересадить на русскую почву новую женщину взамѣнъ тѣхъ, которыя тихонько носятъ тѣлогрѣи и „дьявольскія кики“ и которыя сердцемъ и умомъ живутъ въ старинѣ.

Сватанье дѣйствительно началось, хотя царевичъ всѣми силами старался оттянуть это роковое для него дѣло, и, если можно, воротиться въ Россію не женатымъ. Есть основанія предполагать, что въ это время онъ уже любилъ ту другую женщину, которая и ускорила его конецъ, хотя этого и не могла желать.

Изъ заграничныхъ невѣстъ выборъ совѣтниковъ Петра и приставниковъ царевича остановился на Софіи-Шарлоттѣ, принцессѣ бланкенбургской, сестра которой Елизавета была замужемъ за австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ, впослѣдствіи императоромъ Карломъ VI—родня, слѣдовательно, приличная, уважаемая въ Европѣ.

„Домъ нашихъ сватовъ—изрядной“, писалъ Петръ своему сенату.

Но были и другіе царственные дома, которые желали бы войти въ

родство съ могущественнымъ сѣвернымъ царемъ: австрійскій дворъ хотѣлъ женить царевича на своей эрцгерцогинѣ, и вдовствующая императрица сердилась, что царскіе сваты больше клонили на сторону Шарлотты бланкенбургской.

Главнымъ сватомъ былъ посланникъ Урбихъ. На него-то и сердилась вдовствующая императрица австрійская: „и мнѣ отъ ея придворныхъ дамъ выговаривано, — писалъ Урбихъ Головкину, — потому что онѣ въ то же время очень надѣялись ввести въ Россію отправленіе католической вѣры".

Царевичъ былъ на-сторожѣ. До него не могли не доходить и эти слухи, о томъ, что съ помощью его женитьбы русскій народъ станутъ нудить въ католичество.

Это понимали и за границей, и вотъ почему дѣдъ принцессы Шарлотты, старый герцогъ Антонъ-Ульрихъ, писалъ Урбиху уже въ августѣ 1710 года:

„Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ, думая, что вы, конечно, опредѣлили условія супружества, по указу царскаго величества. Причина тревоги та, что народъ русскій никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или, пó крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, протягивая время. Они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ, и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейссенфельдъ, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя отца своего и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ. Онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что, между тѣмъ, представится случай уѣхать въ Москву, и тогда онъ уговоритъ царя, чтобъ позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ. Думаютъ, что выборъ московской государыни дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу... Госпожа Матвѣева, въ проѣздъ свой черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣевъ удовольствованъ былъ дворомъ вольфенбительскимъ",

И между тѣмъ, понимая все это, сваты настаивали на своемъ, не заботясь о томъ, что дѣвушка, на которой принудятъ царевича жениться, будетъ непремѣнно жертвою.

Впрочемъ, раздумье это брало стараго дѣдушку принцессы Шарлотты.

Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ Урбиху: „О намѣреніи царскомъ не сомнѣваюсь. Но можетъ ли онъ принудить принца къ такому супружеству, и что будетъ съ прицессою, если принцъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь?"

Но упрямый царь никого и ничего не слушалъ: онъ видѣлъ впереди

одну цѣль—новую Россію и сближеніе ея съ Европою. Онъ даже забылъ горькій опытъ своей молодой жизни, когда его неволею или только не по любви женили на царицѣ Евдокіи Лопухиной.

Мать Шарлотты, какъ и всѣ остальные, была ослѣплена своими честолюбивыми мечтами и блескомъ имени русской царицы, которою будетъ ея дочь.

Вотъ съ какимъ торжествомъ пишетъ эта мать Урбиху о томъ, что царевичъ ласково взглянулъ на ея дочь:

„Страхи, которымъ мы предавались, и, быть можетъ, не безъ основанія, вдругъ разсѣялись въ такое время, когда всего менѣе можно было этого ожидать, разсѣялись какъ туча, скрывающая солнечные лучи, и наступаетъ хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ польскою королевой и потомъ съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. Моя дочь Шарлотта увѣряетъ меня, что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ, что онъ очень уменъ, что у него самыя пріятныя манеры, что онъ честенъ, что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честію, какую принцъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Мнѣ не остается желать ничего болѣе, какъ заключенія такого хорошаго начала, и чтобъ дѣло не затянулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза; а я и супругъ мой—мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести“.

Искренно ли говорила дѣвушка то, что передавала ея мать, и говорила ли даже—трудно рѣшить.

Но царевичъ дѣйствительно рѣшился: онъ видѣлъ, что судьбы своей ему не избѣжать, какъ не убѣжать отъ отца. Отцу-то онъ и объявилъ, что исполняетъ его наказъ—готовъ жениться на иноземкѣ.

Въ это время онъ былъ еще въ Саксоніи, гдѣ при дворѣ польско-саксонскомъ короля Августа, и находилась его невѣста, какъ родственница короля.

Но царевичъ больше вѣрилъ своему духовнику, чѣмъ отцу, и вотъ что онъ писалъ тайно отъ отца своей „святынѣ“, своему отцу духовному Якову Игнатьеву:

„Извѣствую вашей святыни, помянутый курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь вольфенбительской, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ польскому королю, который и Саксоніею владѣетъ, Августъ, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожъ мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ оная мнѣ показалась, и есть ли моя воля съ нею въ супружество. А я уже извѣстенъ, что онъ не хочетъ меня женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея мнѣ здѣсь не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись,

буде есть воля божія, чтобъ сіе совершилъ, а буде нѣтъ — чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ немъ, все какъ онъ хощетъ, такъ и творитъ, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ".

Это было начало 1711 года. Все больше и больше старая Русь чуяла, что не воскреснуть ей въ прежнихъ формахъ. А тутъ и царевичъ—единственная надежда старой Руси—женится на иноземкѣ, на иновѣркѣ.

Духовникъ пишетъ царевичу, что невѣсту его слѣдуетъ обратить въ православіе. Духовникъ правъ — и царевичъ хорошо понимаетъ это. Но какъ принудить дѣвушку къ перемѣнѣ вѣры, когда, можетъ быть, и отецъ не позволитъ этого?

„Противъ писанія твоего о моемъ собственномъ дѣлѣ,—отвѣчаетъ царевичъ духовнику, — понудить ту особу къ воспріятію нашея вѣры весьма невозможно, но развѣ послѣ, когда оная въ наши краи пріѣдетъ, и сама разсмотритъ, можетъ то и сочинити, а прежъ того весьма сему состояться невозможно".

Нельзя не видѣть, что Петръ сильно торопилъ свадьбой сына.

Несмотря на то, что весной этого года ему приходилось уже, отъ стычекъ съ шведами на сѣверѣ, скакать на югъ для войны съ турками, онъ и въ дорогѣ занимается свадьбой сына.

Въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Яворовѣ, Петръ подписываетъ брачный контрактъ сына: кронъ-принцесса остается при своемъ евангелическо-лютерайскомъ исповѣданіи; дѣти ея принимаютъ греческій законъ; кронъ-принцесса получаетъ пятьдесятъ тысячъ рублей ежегоднаго содержанія изъ царской казны и, кромѣ того, половину этой суммы при совершеніи брака.

Контрактъ переданъ царевичу, и онъ долженъ самъ отправляться съ нимъ къ родителямъ невѣсты. Но бережливый Петръ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ и нерѣдко отказывавшій себѣ въ необходимомъ, поручилъ сыну что-либо выторговать изъ условной суммы.

Но разсчетливыхъ нѣмцевъ не легко было побѣдить на этомъ пунктѣ, и царевичъ призналъ себя побѣжденнымъ—не выторговалъ ни одного рубля.

„По указу, государь, твоему, — пишетъ онъ отцу, — о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили, и просили больше; только я, какъ могъ, старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше пятидесяти тысячъ, и я, по указу твоему, въ томъ же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли пятьдесятъ тысячъ, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачю, на сіе они весьма не похотѣли, и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакожъ не могъ сдѣлать, и по указу твоему — будетъ они за сіе заупрямятся, написать ровную дачю—и въ трактатѣ написалъ ровную дачю, и сіе учиня, подписалъ я,

тожде и они своими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать; и для того послалъ въ Дрезденъ и въ иныя мѣста".

Контрактъ подписанъ — отступленіе для царевича невозможно. Волей-неволей онъ становится уже оглашеннымъ женихомъ кронъ принцессы.

Все лѣто онъ живетъ у родныхъ невѣсты. Тяжелое это было лѣто и для Петра и для его сына: Петръ пережилъ „прутскій походъ", царевичъ— послѣдніе дни своей нравственной независимости.

Едва Петръ воротился изъ прутскаго похода, какъ послѣдовало и совершеніе брака.

„Господа сенатъ! — писалъ царь въ Петербургъ: — объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ. Домъ князей вольфенбительскихъ, нашихъ сватовъ, изрядной".

Но неугомонный царь не знаетъ устали. Не хочетъ онъ, чтобъ съ нею былъ знакомъ и его сынъ. Хочетъ онъ къ тому же пріучить и его молоденькую жену, какъ пріучилъ „сердешниинькаго друга своего Катеринушку".

Черезъ три дня послѣ свадьбы мужъ кронъ-принцессы уже получаетъ приказъ отъ отца — немедленно ѣхать въ Торнъ и тамъ завѣдывать продовольствіемъ русскихъ войскъ.

Страннымъ и горькимъ должно было показаться новобрачной кронъ-принцессѣ такое неожиданное распоряженіе ея новаго отца: прямо изъ-подъ вѣнца да на фуражировку.

Но надо было покоряться свѣтилу, спутникомъ котораго она сдѣлалась именно вслѣдствіе силы тяготѣнія къ этому большому свѣтилу.

Какъ ни было горько и обидно молодой женщинѣ, но она должна была вынести первую разлуку, о которой уже распускались неблагопріятные толки, дошедшіе и до Вѣны.

„Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано, — извѣщалъ Урбихъ Головкина,—чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ— что бракъ хотя и совершенъ, однако, къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронъ-принцъ кронъ-принцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку, чтобъ дорожную постель взять, кронъ-принцъ ей жестоко отвѣчалъ и уѣхалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбителѣ и Дрезденѣ навѣдался, то мнѣ отписали совершенно противное, именно—что обѣ стороны довольны".

За продовольствіемъ арміи царевичу некогда было думать о молодой женѣ. Изъ Торна онъ пишетъ отцу только о дѣлѣ, и если однажды и упоминаетъ о женѣ, то опять-таки съ провіантской точки зрѣнія.

„Жена моя еще сюда не бывала. Ожидаю вскорѣ. И какъ она будетъ, за людьми ея смотрѣть буду, чтобъ они жили смирно и никакой обиды здѣшнимъ людямъ не чинили".

Наконецъ, къ концу года пріѣхала къ нему и молодая жена. Но на первыхъ порахъ жизнь ея въ новой обстановкѣ не могла показаться ей

привлекательною: жена наслѣдника русскаго престола, не испытавшая до того времени подъ крыломъ матери нужды въ деньгахъ, тотчасъ же испытала ее, какъ только вступила въ невѣдомый для нея міръ.

Черезъ три-четыре мѣсяца послѣ свиданія кронъ-принцессы съ мужемъ — новый указъ отъ неугомоннаго свекра и новая разлука съ мужемъ: отецъ назначаетъ царевичу походъ въ Померанію.

Съ царскимъ указомъ пріѣхалъ Меншиковъ, и онъ-то нашелъ кронъ-принцессу и ея мужа въ нуждѣ. Молодая женщина плачетъ — ей приходится просить о деньгахъ; нѣтъ у нея ни лошадей, ни экипажа.

„Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ — писалъ по этому случаю Меншиковъ царю:—что какъ онъ, такъ и кронъ-принцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду, понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено (у Петра все по-солдатски!); а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронъ-принцессы къ походу ни лошадей, и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло проситъ: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронъ-принцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться бъ ей нечѣмъ“.

Мужъ уѣзжаетъ въ Померанію, а кронъ-принцесса въ Эльбингъ.

Скучно молодой женщинѣ безъ мужа и безъ родныхъ: она дѣйствительно стала для всѣхъ отрѣзаннымъ ломтемъ. Трудно поэтому и винить ее за то, что будто бы она не сошлась съ мужемъ: — некогда еще имъ было свыкнуться и полюбить другъ друга.

Но въ Россіи ждали молодую супругу царскаго наслѣдника. Ожиданія были и другого рода, и объ этихъ-то ожиданіяхъ извѣщалъ царевича московскій духовникъ его: духовникъ спрашивалъ „о зачатіи во чревѣ“.

„О зачатіи во чревѣ сопряженные мнѣ хочещи вѣдати, радѣтель,— отвѣчалъ ему царевичъ:—и возвѣщаю, что весьма до отъѣзду моего подлинно познати было не можно еще, и повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ писаніемъ не умедля вашей святыни возвѣщу“.

Не даромъ Москва интересовалась „зачатіемъ во чревѣ“ кронъ-принцессы: на этомъ ожиданіи строились свои планы — планы о несбыточномъ воскресеніи старой Руси.

Почти годъ прожила кронъ-принцесса одинокою въ Эльбингѣ.

Но вотъ настало время и въ Россію ѣхать. Прибывшій въ Эльбингъ бригадиръ Балкъ, мужъ уже извѣстной намъ Матрены Балкъ, сестры знаменитой Анны Монсъ, объявилъ Шарлоттѣ царскій указъ о выѣздѣ ея изъ Эльбинга.

Но ей опять не съ чѣмъ выѣхать — денегъ нѣтъ; а мужъ занятъ отцовскими дѣлами въ Помераніи.

Надо опять просить денегъ—и Шарлотта проситъ ихъ у свекра.

„Вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадера Балка объявить повелѣли, не оставила бъ, какъ того моя должность и требуетъ, исполнить, и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я какъ въ прочемъ и окажу, что вашего царскаго величества указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ, я же есмь со всякимъ подданнѣйшимъ респектомъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшая и вѣрнопокорнѣйшая Шарлотта".

Но молодой женщинѣ передъ отправленіемъ въ далекую, невѣдомую страну хочется повидаться съ родными, можетъ быть въ послѣдній разъ (какъ это и было на самомъ дѣлѣ), проститься съ ними, взглянуть на родныя мѣста. И вотъ, она ѣдетъ въ Брауншвейгъ, тѣмъ болѣе, что денегъ отъ свекра все еще не было.

И суровый свекоръ сердится на молодую женщину за эту простительную вольность, которую она въ правѣ была себѣ позволить.

Петръ, какъ русскій пѣсенный „грозёнъ батюшка", несмотря на письменное извиненіе невѣстки относительно этой отлучки, пишетъ ей вѣжливое, но колкое замѣчаніе.

„Вашей любви къ намъ отправленное писаніе отъ 17 генваря получили мы здѣсь исправно, и изъ того усмотрѣли, что васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншвигъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію родителей вашихъ видѣть никогда бъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Что же ваша любовь, впрочемъ, и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привесть могло. Сожительница наша съ кронъ-принцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петербургъ предвоспріяла, куды, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете".

Это первый оффиціальный выговоръ въ жизни молодой женщины. Но у такого свекра, какъ Петръ, надо ко всему привыкать, надо всего ожидать.

Шарлотта снова пишетъ грозному батюшкѣ, и неоднократно пишетъ, приводитъ свои резоны, объясняетъ причины своей „скорой резолюціи"— и грозный батюшка прощаетъ свою „дружебно любезную госпожу невѣстку".

„Дружебно любезная госпожа невѣстка!—пишетъ онъ ей 11 февраля:— Вашей любви различныя къ намъ отправленныя писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5,000 червон-

ныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда отправлены, нынѣ ужъ исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ албертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ восприимите, куда и сожительница наша и кронъ-принцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ потребное учрежденіе учинить укажемъ, и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ, пребывая вашей любви дружебно склонный отецъ".

Но уѣзжая изъ Помераніи въ Россію съ мачехой, царевичъ не заѣхалъ къ женѣ: можетъ быть, отецъ вновь торопилъ его съ какимъ-нибудь спѣшнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, но для молодой женщины и это могло быть каплей яду въ ея только что начавшейся семейной жизни.

Не дождавшись визита мужа, она не хочетъ, чтобъ и свекорь проѣхалъ изъ Европы въ Россію мимо нея, не заѣхавъ къ ней, не повидавшись ни съ ней, ни съ ея родными.

Но она уже боится свекра. Она не рѣшается прямо къ нему писать. Она уже ищетъ окольныхъ путей, посредниковъ—и обращается съ такимъ письмомъ къ Головкину:

„Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобъ его царское величество не проѣхалъ мимо насъ: прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ чрезъ Брауншвейгъ; и герцогъ, и мой отецъ, и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко, и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услыхать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость, назначитъ мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться".

Петръ снизошелъ на просьбу своей „дружебно любезной невѣстки" и назначилъ ей свиданіе въ замкѣ Зальцдаленѣ, недалеко отъ Брауншвейга.

Но вотъ кронъ-принцесса вступила, наконецъ, и на русскую землю. Она къ Нарвѣ. Изъ Нарвы она пишетъ о своемъ прибытіи любимой сестрѣ царя, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

На это письмо Шарлотта получаетъ наилюбезнѣйшее и наивитіеватѣйшее письмо отъ Натальи Алексѣевны, письмо, написанное такимъ слогомъ, который составляетъ сумму краснорѣчія Симеона Полоцкаго и Ѳеофана Прокоповича, краснорѣчія семнадцатаго вѣка, какъ бы состязающагося съ краснорѣчіемъ первой четверти восемнадцатаго: тутъ слышится и запахъ чего-то западнаго и запахъ чего-то очень восточнаго.

Вотъ это драгоцѣнное посланіе Натальи Алексѣевны:

„Пресвѣтлѣйшая принцесса! Съ особеннымъ моимъ увеселеніемъ получила я благопріятнѣйшее и любительнѣйшее писаніе вашего высочества, и

прибытіи вашемъ въ Нарву и о намѣреніи къ скорому предпріятію пути вашего до Санктпетербурга увѣщена есмь, отъ чего мнѣ всеусердная приключится радость, такъ что я не хотѣла ни мало оставить ваше высочество о томъ чрезъ сіе мое благосклонно поздравить и извѣстить, что имѣемъ въ нашемъ общемъ сожалѣніи о отбытіи царскаго величества и его высочества государя царевича; елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему, и уповаю, что возвращеніе его царскаго величества и его высочества вскорѣ намъ общую подастъ радость. Ожидаю съ нетерпѣливостію того моменту, чтобъ мнѣ при дружебномъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества Наталія".

Но еще большей велерѣчивостью дышитъ письмо къ кронъ-принцессѣ графа Головкина, который, какъ канцлеръ новой Руси, долженъ былъ считать своею обязанностью не ударить лицомъ въ грязь передъ иноземною принцессою и показать, что и россійскіе дипломаты понимаютъ, что значитъ европейское обхожденіе и какія мудреныя слова уже успѣла усвоить новая Русь: тутъ есть и „нижайшіе респекты", и „профессованіе жаркой ревности", и въ то же время что-то напоминающее языкъ требника XVI вѣка.

„Свѣтлѣйшая и высочайшая принцесса, моя государыня! — пишетъ Головкинъ:—Съ толикою радостію, колико я имѣю респекту и благоговѣнія ко особѣ вашего царскаго высочества, получилъ я увѣдомленіе чрезъ господина Нарышкина о счастливомъ прибытіи вашего царскаго высочества въ Нарву, и о милостивомъ напоминаніи, которымъ ваше царское высочество изволили меня почтить въ присутствіи сего генеральнаго офицера, и понеже я всегда профессовалъ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобъ ваше царское высочество не увѣстить чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобъ не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи вашего царскаго высочества, и такожде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что ваше царское высочество благоволили меня высокодушно въ напамятованіи своемъ сохранить. Если бы я не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества, отъ сего жъ бы моменту предался бы я въ должной моей покорности до вашего царскаго высочествія, дабы мнѣ все помянутое персонально вашему царскому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мнѣ удовольствовать моей ревности, въ томъ принужденъ я еще ближайшаго прибытія сюда вашего царскаго высочества обождать, и тогда не премину предатися ко двору вашего царскаго высочества воспріять честь еже засвидѣтельствовать вашему царскому высочеству, съ коликимъ респектомъ и благоговѣніемъ я есмь" и т. д.

Это такъ „профессуютъ жаркую ревность" къ иноземной кронъ-принцессѣ новые русскіе люди.

А, между тѣмъ, старая Москва не о томъ думаетъ. Ей хочется иноземку пріобщить къ своей греческой вѣрѣ, одѣть ее въ тѣлогрѣю, сдѣлать рус-

свою царицею, какою была благочестивѣйшая царица Марья Ильична или райская голубица, сладчайшая Анастасія Романовна.

И вотъ, когда еще кронъ-принцесса не успѣла ступить на русскую землю, Москва уже спрашиваетъ царевича, не сподобилъ ли его Богъ навести свою молодую супругу на путь православія, коли не любовію, то принужденіемъ.

„Я ее теперь не принуждаю къ нашей православной вѣрѣ,— отвѣчаетъ царевичъ:—но когда пріѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское ризное облаченіе и украшеніе и всякое церковное облаченіе, тогда, думаю, и сама безъ принужденія потребуетъ нашей православной вѣры и св. крещенія, а теперь еще она ничего нашего церковнаго благолѣпія не видала и не слыхала, а что у насъ нынѣ священникъ отпускаетъ вечерни, утрени и часы въ одной епитрахили, и того смотрѣть нечего. А у нихъ, по ихъ вѣрѣ, никакого священническаго украшенія нѣтъ, и литургію ихъ пасторъ служитъ въ одной епанчѣ: а когда увидитъ наше церковное благолѣпіе и священно-архіерейское и іерейское одѣяніе, божественное человѣческое безорганное пѣніе, думаю, сама радостію возрадуется и усердно возжелаетъ соединиться съ нашею православною Христовою церковію“.

Торжественная встрѣча, которою сопровождался въѣздъ кронъ-принцессы въ Петербургъ, въ этотъ петровскій „парадизъ“, еще не отстроенный, не убранный, разбросанный, въ эту „бивакъ-столицу“, ласки, оказанныя Шарлоттѣ со стороны всѣхъ лицъ многочисленной царской семьи, „профессованіе жаркихъ респектовъ“ со стороны ловкихъ царедворцевъ въ родѣ Головкина—все это должно бы было усладить понятную горечь, разогнать невольную боязнь, съ которыми молодая женщина должна была вступать въ невѣдомую ей страну, въ невѣдомую жизнь, по которой уже успѣли пробѣжать еще такъ недавно легкія тучки.

Но мужа опять нѣтъ. Свекра тоже не видно. Они оба въ финляндскомъ походѣ.

Возвращается мужъ на короткое время. Шарлотта не одна.

Но неугомонный свекоръ опять гонитъ царевича отъ молодой жены: надо ѣхать въ Старую-Руссу, въ Ладогу; надо распоряжаться насчетъ постройки судовъ.

Шарлотта опять одна.

А между тѣмъ за границей, на родинѣ Шарлотты и въ Австріи, уже поднимаются „плевелы“. Распускаются слухи, что кронъ-принцесса не полюбилась русскому народу, что она унижена въ царской семьѣ, что ей не позволяютъ даже переписываться съ родными.

Но вотъ русскій посолъ Матвѣевъ пишетъ изъ Вѣны Головкину:

„Изъ дому императрицы (австрійской) узналъ я, что государыня принцесса царевича 6 іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней государыни ца-

рицы и государыни царевны и всѣхъ высокихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ пріѣздѣ. Очень нужно, чтобъ ваше превосходительство изволилъ ей, государынѣ принцессѣ, вручить интересъ его царскаго величества и меня, дабы ея высочество изволила къ императрицѣ о томъ особое партикулярное письмо написать и чрезъ васъ на меня прислать, что можетъ принести много пользы интересамъ царскаго величества: императрица можетъ сдѣлать все, что захочетъ, а она ея высочество чрезвычайно любитъ. Такимъ образомъ, государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у царскаго величества находится въ особой милости и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамѣренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничиженіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками".

Дипломатическая выдумка Матвѣева достигла цѣли. Шарлотта была хорошо направлена искусною рукою Головкина, и уже въ декабрѣ того же года Матвѣевъ слышалъ въ Вѣнѣ отъ самой императрицы, что ея сестрѣ, Шарлоттѣ, оказываются въ Россіи и милости, и почетъ, и что она, императрица, и мужъ ея, Карлъ VI, чрезвычайно этимъ довольны: такимъ образомъ, интересъ царскаго величества былъ „врученъ" по принадлежности.

Но какова въ самомъ дѣлѣ была жизнь Шарлотты въ Россіи?

Едва ли ей жилось хорошо; но едва ли въ этомъ нехорошемъ была виновата Россія. Кронъ-принцесса знала, куда шла и на что шла. Если ей и показались тяжка жизнь въ Россіи, то отчасти причиною тутъ было ея неумѣнье, ея апатическая, инертная натура и вся сумма неблагопріятныхъ условій, главнымъ образомъ, обрушившихся на ея мужа, и рефлективно— и на нее.

Хотя царевичъ и говорилъ своему духовнику, что жена его „человѣкъ добръ", но хмѣльной онъ не то говорилъ: „на меня де жену чертовку навязали".

Тутъ уже нельзя не видѣть, что жена была для него не люба, что люба была для него другая женщина—но объ ней послѣ.

„Царевичъ былъ въ гостяхъ, — разсказывалъ его камердинеръ— пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кронъ-принцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: „вотъ-де Гаврило Ивановичъ, (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали: какъ-де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить. Развѣ-де я умру, то ему Головкину не заплачу. А сыну его Александру—головѣ его быть на колѣ, и Трубецкаго: они-де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться".—Я ему молвилъ: „царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ— будетъ имъ печально, и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они". Онъ мнѣ молвилъ: „Я плюну на нихъ; здорова бы мнѣ была чернь.

Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники —прихожанамъ: тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ".—Я стою, молчу. Онъ мнѣ говоритъ: „Что ты молчишь и задумался?"—Я молвилъ: „Что мнѣ, государь, говорить?"—Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: „Не досадилъ ли я вчерась кому?" Я сказалъ нѣтъ.—„Инъ не говорилъ ли пьяный чего?" Я ему сказалъ, что говорилъ, что писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: „Кто пьянъ не живетъ? У пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о нихъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, видь-де тебѣ не повѣрятъ: я запрусь, а тебя станутъ пытать".—Самъ говорилъ, а самъ смѣялся".

По возвращеніи царевича изъ Ладоги отъ стройки судовъ, Шарлотта опять недолго видитъ его около себя—некогда и „посердитовать" на него.

Царевичъ ѣдетъ за границу, въ Карлсбадъ. У него разстроено здоровье.

Кронъ-принцесса была въ это время беременна по восьмому мѣсяцу. Петръ, по обыкновенію, находился гдѣ-то въ отсутствіи. Но трезвая голова его ничего не забывала—успѣвала думать и за себя, и за другихъ, какъ рука его въ одно время умѣла держать и перо, и шпагу, что онъ и писалъ разъ своей „Катеринушкѣ".

Рожденіе перваго ребенка у наслѣдника престола—очень важное дѣло въ государствѣ. Петръ очень хорошо помнилъ, какія басни выдумываются относительно рожденія царскихъ дѣтей и какъ, на основаніи этихъ басенъ, иногда опрокидывается весь государственный строй, законный наслѣдникъ не признается законнымъ, являются самозванцы, мутятся царства. Петръ не забылъ, что и объ его рожденіи выдумана была легенда: говорили, что онъ—не царскій сынъ; что настоящій царскій сынъ подмѣненъ нѣмецкимъ отродьемъ, сыномъ Лефорта; что, поэтому, и онъ, Петръ — не Петръ, а „Питеръ" Лефортовичъ, нѣмецъ, сынъ Лефорта.

Еще въ болѣе сомнительномъ положеніи находилась кронъ-принцесса. Мужа съ ней нѣтъ, свекоръ въ отсутствіи, свекрови тоже нѣтъ. Родильница—нѣмка. Около нея—одни нѣмки и нѣмцы. Долго ли подмѣнить ребенка царскаго простымъ нѣмчонкомъ?

И предусмотрительный Петръ пишетъ невѣсткѣ:

„Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вящше года, того ради, когда благоволитъ вамъ Богъ приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были".

Петръ хотѣлъ, чтобы при родахъ Шарлотты находились и представительницы русскаго общества, почтенныя придворныя особы, которыя могли бы прекратить своимъ личнымъ свидѣтельствомъ возможность распусканія басней, хотя бы со стороны „немолчно моловшей своими неистовыми языки" старушки-Москвы, этой „лаятельной вдовицы".

Такими особами назначены были—графиня Головкина, жена канцлера, генеральша Брюсъ и „князь-игуменья" Ржевская. Они должны были безотлучно находиться при кронъ-принцессѣ до самаго ея разрѣшенія отъ бремени.

Но кронъ-принцесса, не понявъ цѣли распоряженій царя, сочла эти распоряженія оскорбительными для своей чести. Письмо царя она истолковала совершенно въ превратномъ смыслѣ: ей почему-то представилось, что или Петръ подозрѣваетъ ее въ чемъ-то, или что другіе могутъ подозрѣвать ее. Петръ не говоритъ ни о какихъ подозрѣніяхъ; онъ исключительно имѣетъ въ виду обставить рожденіе первенца у наслѣдника престола возможно болѣе торжественнымъ образомъ, какъ этого и требовала государственная важность самаго этого акта, и придать этому дѣлу наиболѣе гласности; а Шарлотта думаетъ, что это лично ей не довѣряютъ или боятся, что на нее будутъ клеветать.

Задавшись такой странной мыслью, кронъ-принцесса написала царю не менѣе странное письмо, въ каждомъ словѣ котораго сквозитъ неумѣренная обидчивость: назначеніе къ ней, на время родовъ, почетныхъ дамъ — это „не заслуженный и необычный поступокъ, который для нея чрезвычайно sensible"; это, по ея мнѣнію, „торжество malice"; что отъ торжества этой „malice" она должна „страдать и наказываться за лжи безбожныхъ людей"; что, напротивъ, ея „conduite и совѣсть будутъ ея свидѣтелями и судьями на страшномъ судѣ"; что она не нуждается въ предосторожностяхъ противъ злыхъ языковъ; что царь неоднократно обѣщалъ ей свою милость, отеческую любовь и заботливость, и что всякій, кто осмѣлится оскорбить ее ложью и клеветою, долженъ быть наказанъ, какъ великій преступникъ; что, при всемъ томъ, никакая ложь и клевета не могутъ запятнать ее, кронъ-принцессу; однако жъ, „душа ея скорбитъ, что завистники ея и преслѣдователи имѣютъ такую силу, что могли подвести подъ нее такую интригу"; что, наконецъ, „Богъ, ея единственное утѣшеніе и прибѣжище на чужбинѣ, услышитъ вздохи и сократитъ дни страданія существа, всѣми покинутаго".

Ясно, что существо это страдало, но страдало отъ своего собственнаго невѣдѣнія.

Даже въ назначеніи къ ней повивальной бабки она видѣла оскорбленіе: это была, по ея мнѣнію, „великая немилость со стороны царя", „нарушеніе брачнаго договора, въ которомъ ей предоставлено было свободное избраніе служителей", что поэтому, если ей дадутъ чужую повивальную бабку, „то глаза кронъ-принцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровью". Понимая все это какъ обиду, какъ оскорбленіе, притѣсненіе, кронъ-принцесса просила, чтобъ назначенію къ ней почетныхъ

русскихъ дамъ былъ данъ такой видъ, какъ будто бы она сама требовала этого вслѣдствіе отсутствія царя и мужа.

Не желая огорчать родильницу, все сдѣлали такъ, какъ она желала. Даже болѣе — о письмѣ къ ней царя, казавшемся столь обиднымъ для чувствительной кронъ-принцессы, Головкинъ никому даже и не говорилъ, а увѣдомляя Петра, что кронъ-принцесса разрѣшилась дочерью, которую назвали Натальею, онъ, между прочимъ, доносилъ: „О письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то (назначеніе трехъ дамъ) учинено по ихъ прошенію“.

Въ высшей степени любопытно и оригинально письмо по этому случаю Ржевской, которая такъ сообщала царю о своемъ пребываніи у кронъ-принцессы:

„По указу вашему, у ея высочества кронъ-принцессы я и Брюсова жена живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она къ намъ милостива. И я обѣщаюсь самимъ Богомъ, ни на великіе милліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились“.

Видно, что старая Русь не привыкла еще ни къ нѣмецкимъ „куплиментамъ“, ни къ „присѣданью хвоста“, ни къ „нѣмецкимъ яствамъ“; но скоро, какъ мы увидимъ ниже, ко всему привыкнетъ.

Петръ и Екатерина были въ это время въ Ревелѣ. Когда курьеры привезли къ нимъ донесенія о благополучномъ разрѣшеніи кронъ-принцессы, царь и царица немедленно отозвались привѣтливыми письмами къ родильницѣ.

„Свѣтлѣйшая кронъ-принцесса, дружебнолюбезная государыня невѣстка! — писала Екатерина. — Вашему высочеству и любви я зѣло обязана за дружебное ваше объявленіе о счастливомъ разрѣшеніи вашемъ и рожденіи принцессы дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о томъ поздравляю, и желаю вамъ скораго возвращенія совершеннаго вашего здравія, и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я зѣло радовалась, получа вѣдомость о вышепомянутомъ вашемъ счастливомъ разрѣшеніи; но зѣло сожалѣю, что я счастья не имѣла въ томъ времени въ Петербургѣ присутствовать. Однако жъ, мы здѣсь не оставили публичнаго благодаренія Богу за счастливое ваше разрѣшеніе отдать. Я же не оставлю вашему высочеству и любви всѣ желаемые опыты нашей склонности и къ вашей особѣ имѣющей любви, при всякомъ случаѣ, оказать, въ чемъ ваше высочество и любовь прошу благоволите обнадежены быть, такожде что я всегда пребуду вашего высочества и любви дружебноохотная мать Екатерина“.

Писалъ родильницѣ и Петръ. Безъ сомнѣнія, это письмо царя не показалось уже кронъ-принцессѣ обиднымъ, потому что въ отвѣтѣ своемъ она называетъ его „облигантнымъ“ и увѣряетъ, что милостивыя заявленія, которыми наполнено письмо царя, укрѣпили ея довѣренность къ нему. Наконецъ, она любезно присовокупляетъ, что такъ какъ на этотъ разъ она „манкировала“ родить принца, то въ слѣдующій разъ надѣется быть счастливѣе.

Не довелось, однако, этой женщинѣ пожить на „чужбинѣ“; не успѣла она ни узнать Россіи, ни полюбить ее—такъ она и осталась для нея „чужбиною“.

Какъ бы то ни было, она не обманула свекра обѣщаніемъ родить ему внука: въ слѣдующемъ, 1715 году, кронъ-принцесса дѣйствительно родила сына, царевича Петра, будущаго императора Петра II, но родила его какъ бы за тѣмъ только, чтобъ самой умереть, исполнивъ назначеніе матери.

Роды были благополучны. Огорченій, въ родѣ тѣхъ, которыя сопровождали рожденіе дочери, повидимому, не было. Родильница, напротивъ, быстро поправлялась, и, можетъ быть, это-то самое быстрое возстановленіе силъ, придавъ молодой женщинѣ излишнюю самоувѣренность, погубило ее. Послѣ родовъ она слишкомъ рано встала съ постели, не вылежавъ и четырехъ сутокъ, и тотчасъ же стала принимать поздравленія. Но вслѣдъ затѣмъ она почувствовала себя дурно; родильная болѣзнь приняла такой исходъ, что врачи объявили больную безнадежною.

Понявъ свое положеніе, кронъ-принцесса поспѣшила сдѣлать распоряженія на счетъ своей смерти и будущаго своихъ дѣтей.

Во время болѣзни жены царевичъ не отходилъ отъ ея постели. Онъ три раза падалъ въ обморокъ и былъ, повидимому, безутѣшенъ. „Въ такія минуты,—говоритъ современный русскій историкъ, — сознаніе проясняется: кронъ-принцесса была „добрый человѣкъ“; если „сердитовала“, отталкивала отъ себя, то не безъ причины: грѣхи были на душѣ у царевича, а онъ былъ также „добрый человѣкъ“.

Петръ, несмотря на то, что самъ былъ боленъ, явился къ умирающей невѣсткѣ. Только царица не могла быть при ней въ эти послѣдніе часы: сама была, какъ говорится, „на часахъ“.

Думая о судьбѣ дѣтей, кронъ-принцесса не хотѣла поручить ихъ ни своему мужу, за которымъ она, можетъ быть, знала нѣчто или догадывалась, ни свекру-царю, ни царицѣ: она думала, что своя, родная, нѣмецкая душа будетъ больше любить и беречь ихъ. Поэтому, призвавъ къ себѣ барона Левенвольда, умирающая объявила ему свою волю: принцесса остъ-фрисландская должна замѣнить сиротамъ мать; если же царь не согласится на это, то Левенвольде самъ долженъ отвезти маленькую ея дочь въ Германію. При этомъ она просила его написать къ ея роднымъ, что она была всегда довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы, что все обѣщанное въ контрактѣ было исполнено и, кромѣ того, ей оказано было много благодѣяній; что даже теперь, несмотря на свою собственную болѣзнь, царь прислалъ къ ней князя Меншикова и своихъ врачей. Она же поручала Левенвольду просить ея мать и сестру, австрійскую императрицу, возстановить дружбу между царемъ и цесаремъ, что отъ этого союза будетъ много пользы ея дѣтямъ.

О дѣтяхъ, слѣдовательно, были послѣднія заботы матери. Мужъ оставался въ тѣни.

Затѣмъ, кронъ-принцесса скончалась (22-го октяря 1715 года), проживъ въ Россіи съ небольшимъ два года и, кажется, не видавъ Москвы, ни „архіерейе-

скаго, архимандричьяго и iерейскаго ризнаго облаченiя и украшенiя". Москва напрасно безпокоилась.

Ранняя смерть кронъ-принцессы вызвала много толковъ, неблагопрiятныхъ для Россiи, но едва ли основательныхъ.

Печаль свела кронъ-принцессу въ могилу—вотъ что говорили въ Германiи. Можетъ быть, печаль и тоска по родинѣ, неумѣнье и нежеланье переработать себя для жизни въ новой, чуждой для нея, атмосферѣ, чувство одиночества и отрѣшенности отъ всего родного, отъ того воздуха, которымъ молодая женщина дышала съ колыбели—можетъ быть, все это и вело ее къ могилѣ, но вело медленно, какъ ведетъ къ могилѣ невеселая и неудавшаяся жизнь всѣхъ живущихъ на землѣ; но свела ее въ могилу просто родильная болѣзнь.

Между тѣмъ, австрiйскiй резидентъ Плейеръ доносилъ своему двору, что жизнь кронъ-принцессы укоротили чисто-внѣшнiя причины: деньги, назначенныя ей на содержанiе, выплачивались будто бы неаккуратно, съ большимъ трудомъ, такъ что никогда не выдавалось разомъ болѣе 500 или 600 рублей; что кронъ-принцесса постоянно нуждалась и не могла платить своей прислугѣ; что она сама и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ; что кронъ-принцесса замѣчала зависть при царскомъ дворѣ по поводу рожденiя принца; знала будто бы даже, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, и по всѣмъ этимъ причинамъ она была въ постоянной печали.

Ясно, что объясненiя эти, особенно же послѣднiя—не могутъ выдержать критики, и потому объясненiя, приведенныя нами выше, остаются во всей силѣ.

Хотя и изъ всего разсказаннаго нами въ настоящемъ очеркѣ достаточно, кажется, выясняется и личность разсматриваемой нами женщины, и мѣсто, которое ей должна отвести русская исторiя, однако, мы не можемъ не привести здѣсь весьма удачной, по нашему мнѣнiю, характеристики этой исторической женщины, которая была какъ бы первымъ опытомъ пересадки западно-европейской женщины на русскую почву,—характеристики, принадлежащей перу неутомимѣйшаго изъ современныхъ русскихъ историковъ.

Поведенiе кронъ-принцессы въ Россiи,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—не могло возбудить въ Петрѣ, въ его семействѣ и въ окружащихъ его никакой привязанности. Какъ видно, Шарлотта, прiѣхавъ въ Россiю, осталась кронъ-принцессою, и не употребила никакого старанiя сдѣлаться женою русскаго царевича, русскою великою княгинею. Въ оправданiе ея можно сказать, что отъ нея этого не требовалось: ее оставили при прежнемъ лютеранскомъ исповѣданiи, жила она въ новооснованномъ Петербургѣ, гдѣ ей трудно было познакомиться съ Россiею. Но не могла же она не видѣть, какъ было важно для сближенiя съ мужемъ принять его исповѣданiе, не могло скрыться передъ нею, что онъ и окружавшiе его сильно этого желаютъ; что же касается до петербургской обстановки, то, вглядѣвшись внимательно, мы видимъ, что дворъ не только царевича, но и самого царя былъ чисто русскiй. Кронъ-принцесса не сблизилась съ этими дворами; она замкнула себя въ своемъ дворѣ, который весь, за исключенiемъ одного

русскаго имени (Бестужевъ), былъ составленъ изъ иностранцевъ. Мы не станемъ возражать противъ отзыва царевича Алексѣя о кронъ-принцессѣ, что она была „человѣкъ добрый“, но мы видимъ, что она отнеслась къ Россіи и ко всему русскому съ нѣмецкимъ національнымъ узкимъ взглядомъ, не хотѣла быть русскою, не хотѣла сближаться съ русскими, не хотѣла, не могла преодолѣть труда, необходимаго для иностранки при подобномъ сближеніи; гораздо легче, покойнѣе было оставаться при своемъ, съ своими; но отчужденіе такъ близко граничитъ съ враждою; можно догадываться, что окружавшіе кронъ-принцессу иностранцы не говорили съ уваженіемъ и любовію о Россіи и русскихъ, иначе кронъ-принцессѣ пришла бы охота сблизиться со страною и народомъ, достойными уваженія и любви. Какъ у мужа не было охоты къ отцовской дѣятельности, такъ у жены не было охоты стать русскою и дѣйствовать въ интересахъ Россіи и царскаго семейства, употребляя свое вліяніе на мужа. Петру не могло нравиться это отчужденіе невѣстки и недостатокъ вліянія ея на мужа, тогда какъ на это вліяніе онъ долженъ былъ сильно разсчитывать. Онъ имѣлъ право надѣяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будутъ могущественно содѣйствовать воспитанію еще молодого человѣка, отученію его отъ тѣхъ взглядовъ и привычекъ, которые отталкивали его отъ отцовской дѣятельности; онъ могъ думать, что сынъ женится — перемѣнится, и ошибся въ своихъ расчетахъ; невѣстка отказалась помогать ему и Россіи; мужъ и жена были похожи другъ на друга — косностію природы; энергія, наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа обоихъ требовала бѣжать, запираться отъ всякаго труда, отъ всякаго усилія, отъ всякой борьбы. Этого бѣгства другъ отъ друга было достаточно для того, чтобъ бракъ былъ нравственно безплоденъ...

Кронъ-принцессѣ тѣмъ легче было удалиться отъ мужа и отъ всѣхъ русскихъ, что съ нею пріѣхала въ Россію ея родственница и другъ, принцесса Юліана-Луиза остъ-фрисландская, которая, какъ говорятъ, вмѣсто того, чтобъ стараться о сближеніи между мужемъ и женою, только усиливала разладъ. Подобные друзья бываютъ ревнивы, не любятъ, чтобъ другъ ихъ имѣлъ, кромѣ нихъ, еще другія привязанности; но намъ не нужно предполагать положительныхъ стремленій со стороны принцессы Юліаны; довольно того, что кронъ-принцесса имѣла привязанность, которая замѣняла ей другія, имѣла въ Юліанѣ человѣка, съ которымъ могла отводить душу на чужбинѣ; а принцесса остъ-фрисландская, съ своей стороны, не дѣлала ничего, чтобъ заставить Шарлотту подумать ѣ своемъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ къ новому отечеству. Кронъ-принцесса жаловалась, что не хорошо, и Юліана вторила ей, что не хорошо, и тѣмъ услаждали другъ друга, а какъ сдѣлать лучше,—этого придумать не могли.

Какъ бы то ни было, но съ именемъ кронъ-принцессы не можетъ быть не соединено воспоминаніе о томъ, что, бѣгая отъ нея, царевичъ Алексѣй Петровичъ невольно бѣжалъ въ объятія другой женщины, о которой мы сейчасъ скажемъ; а съ именемъ этой послѣдней неразрывно связано начало

и отчасти причины той катастрофы, которая кончилась смертью царевича „въ трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ“, и другими, очень крупными послѣдствіями для всей Россіи.

VI.

Дѣвка Евфросинья.

(Евфросинья Ѳедорова).

Въ предыдущемъ очеркѣ мы сказали, что двѣ женщины имѣли роковое значеніе въ трагической судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, изъ которыхъ одна, помимо своей воли, вела его къ трагической развязкѣ и ускорила эту развязку потому именно, что была имъ нелюбима, а послѣдняя, потому именно, что была имъ любима, стала для него тѣмъ Дамоклесовымъ мечомъ, который она сама же, и также помимо своей воли, а можетъ быть, и по безволію, и обрушила на его голову.

Хотя имена этихъ двухъ женщинъ и неудобно было бы ставить рядомъ, но рядомъ они поставлены самою исторіею, и отдѣлить эти имена одно отъ другого невозможно.

Эта послѣдняя женщина была—Евфросинья Ѳедорова, по однимъ свидѣтельствамъ—крѣпостная дѣвушка учителя царевича, извѣстнаго Никифора Вяземскаго, съ шестилѣтняго возраста и съ азбуки преподавшаго царевичу грамоту, по другимъ—плѣнная финляндка, „низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная“, какъ писалъ своему правительству голландскій резидентъ Деби, и потомъ принявшая православіе.

Какъ бы то ни было, но, когда у царевича шли семейные нелады съ кронъ-принцессою и когда царевичъ жаловался, что жена его „сердитуетъ“ и что онъ посадитъ на колъ тѣхъ, которые „навязали ему эту жену чертовку“,—въ это время у царевича уже была другая привязанность, которую онъ сначала скрывалъ, а потомъ не таилъ ея не только отъ отца, отъ Россіи, но и отъ всей Европы.

Что могло привязать царевича къ этой дѣвушкѣ—неизвѣстно; но, вѣроятно, лучшія стремленія его жизни находили отзвукъ въ сердцѣ дѣвушки, отъ которой царевичъ ничего не таилъ, а напротивъ совѣтовался съ нею въ самыхъ кровныхъ вопросахъ своего будущаго и будущаго всей Россіи, что и погубило его.

Имя Евфросиньи становится историческимъ съ того момента, какъ царевичъ, по смерти кронъ-принцессы и по окончательномъ разрывѣ съ отцемъ, задумалъ тайно бѣжать за границу.

Получивъ грозный „тестаментъ“ отца, по которому для царевича представлялось два тяжелыхъ и единственныхъ исхода—или сдѣлаться достойнымъ великаго отца, чтобы смѣло потомъ взять въ свои руки русскую землю, или же отказаться отъ престола, быть отрѣзаннымъ отъ царства

подобно „уду гангренному“ и постричься въ монахи, — Алексѣй, хотя на письмѣ и отказался отъ наслѣдства и изъявилъ покорность идти въ монастырь, однако, совѣтуясь съ своими приближенными и находя, что можно изъ монаховъ разстричься, что „вѣдь клобукъ не прибитъ ко головѣ гвоздемъ“, какъ выражался Кикинъ, „можно его и снять“,—принялъ намѣреніе бѣжать изъ Россіи.

Но еще прежде этого, когда царевичъ изъявилъ отцу покорность идти въ монастырь, онъ не могъ забыть, что оставляетъ любимую женщину.

Въ это время, послѣ нравственныхъ встрясокъ, послѣ смерти жены и роковыхъ объясненій съ отцомъ, царевичъ заболѣлъ. Думая умереть, онъ даетъ Евфросиньѣ два письма, одно къ своему духовнику, а другое къ Кикину.

— Когда я умру,—говорилъ онъ дѣвушкѣ:—отдай тѣ письма: они тебѣ денегъ дадутъ.

Въ письмахъ царевичъ говорилъ, что идетъ въ монастырь по принужденію и чтобъ духовникъ и Кикинъ дали вручительницѣ писемъ извѣстную сумму изъ хранившихся у нихъ его собственныхъ денегъ.

Но вотъ царевичъ передумалъ идти въ монастырь: онъ рѣшился укрыться отъ отца въ Европѣ, у кого-либо изъ западныхъ государей.

Однимъ для него страшенъ этотъ побѣгъ—на кого онъ оставитъ любимую имъ женщину?

Приказавъ камердинеру своему Ивану Большому-Аѳанасьеву готовиться въ дорогу, по примѣру того, какъ они и прежде съ нимъ ѣздили въ нѣмецкіе края, царевичъ сталъ плакать.

— Какъ мнѣ оставить Евфросинью и гдѣ ей быть? — жаловался царевичъ. — А потомъ спросилъ Большого-Аѳанасьева: — не скажешь ли кому, что я буду говорить?

Аѳанасьевъ обѣщался молчать.

— Я Евфросинью съ собою беру до Риги,—началъ царевичъ.—Я не къ батюшкѣ поѣду (царь въ это время находился въ Копенгагенѣ и звалъ туда сына). Поѣду я къ цесарю или въ Римъ.

— Воля твоя, государь,—отвѣчалъ на это Аѳанасьевъ:— только я тебѣ не совѣтникъ.

— Для чего?

— Того ради,—отвѣчалъ Аѳанасьевъ,— когда это тебѣ удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гнѣваться.

— Однако, ты молчи про это, никому не сказывай! — предупреждалъ царевичъ:—только у меня про это ты знаешь да Кикинъ. Онъ для меня въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что я съ нимъ не увижусь. Авось, на дорогѣ увижусь.

Это было въ сентябрѣ 1716 года — меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ смерти кронъ-принцессы Шарлотты.

26-го сентября царевичъ оставилъ Петербургъ и направилъ свой путь на Ригу.

Евфросиньи онъ не оставилъ въ Россіи: она была съ нимъ. Кромѣ того, онъ взялъ съ собою брата Евфросиньи, Ивана Ѳедорова, и троихъ слугъ.

Меншиковъ зналъ, что царевичъ беретъ съ собой Евфросинью, хотя не зналъ, что ѣдетъ не къ отцу, а бѣжитъ укрываться отъ него.

Впрочемъ, поведеніе Меншикова является тутъ очень подозрительнымъ: не даромъ царевичъ показывалъ, что Меншиковъ съ самаго дѣтства нарочно его развращалъ, спаивалъ его, потакалъ вреднымъ его страстямъ, чтобъ сдѣлать юношу неспособнымъ и на этомъ построить свои планы— передать русское царство въ родъ своей питомицы Екатерины Алексѣевны, а потомъ ввести въ ея родъ и свой родъ.

— Гдѣ ты ее оставляешь?—спросилъ Меншиковъ царевича объ Евфросиньѣ.

— Возьму до Риги, а потомъ отпущу въ Петербургъ,—уклончиво отвѣчалъ царевичъ, не желая открыть Меншикову тайну побѣга.

— Возьми ее лучше съ собою,—совѣтовалъ Меншиковъ.

Зачѣмъ? На глаза отцу, если онъ вѣрилъ, что царевичъ къ отцу ѣдетъ? Вообще, все это очень сомнительное дѣло.

Царевичъ и Евфросинья доѣхали до Риги. Послѣдняя не осталась въ этомъ городѣ. Они ѣдутъ дальше, на Либаву.

Но не на Копенгагенъ, не къ отцу поѣхалъ царевичъ: онъ поворотилъ на Вѣну!

Царевичъ исчезъ. Отецъ въ страшной тревогѣ. Вся Россія въ тревожномъ состояніи.

10-го ноября, поздно вечеромъ, въ Вѣнѣ, царевичъ явился къ австрійскому вице-канцлеру Шенборну, и сталъ говорить ему съ сильными жестикуляціями, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ:

— Я прихожу сюда просить цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь: меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла. Если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрятать, чтобъ лишить жизни и сукцессіи; но я не хочу въ монастырь, цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь.

Тутъ царевичъ въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ:

— Ведите меня къ цесарю!

Спросилъ пива. Ему дали мозельвейну. Шенборнъ старался успокоить его.

— Я ничего не сдѣлалъ отцу,—снова говорилъ царевичъ: — всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался, я ослабѣлъ духомъ отъ преслѣдованія и потому, что меня хотѣли запоить до смерти. Отецъ былъ добръ ко мнѣ. Когда у меня пошли дѣти и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына. Она съ кня-

зомъ Меншиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня, оба люди злые, безбожные, безсовѣстные. Я противъ отца ни въ чемъ не виноватъ, люблю и уважаю его по заповѣдямъ, но не хочу постричься и отнять права у бѣдныхъ дѣтей моихъ, а царица и Меншиковъ хотятъ меня уморить или въ монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты къ солдатству; но за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отецъ поручилъ мнѣ управленіе и все шло хорошо, отецъ былъ доволенъ. Но когда пошли у меня дѣти, жена умерла, а у царицы сынъ родился, то захотѣли меня замучить до смерти или запоить (несчастный повторяется). Я спокойно сидѣлъ дома, но годъ тому назадъ принужденъ былъ отцомъ отказаться отъ наслѣдства и жить приватно, или въ монастырь идти. Напослѣдокъ, пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ—или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи: исполнить первое—погубить себя разными мученіями и пьянствомъ, второе—погубить и тѣло, и душу. Потомъ мнѣ дали знать, чтобъ я берегся отцовскаго гнѣва, и что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня изъ страха, потому что отецъ становится слабъ здоровьемъ. Поэтому я притворился, что ѣду къ отцу, и добрые пріятели присовѣтывали мнѣ ѣхать къ цесарю, который мнѣ своякъ и великій, великодушный государь, котораго отецъ уважаетъ. Цесарь окажетъ мнѣ покровительство. Къ французамъ и къ шведамъ я не могъ идти, потому что это враги моего отца, котораго я не хотѣлъ гнѣвить. Говорятъ, будто я дурно обходился съ моею женой, сестрою императрицы; но Богу извѣстно, что не я дурно съ нею обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ какъ простую горничную, но она по своей едукаціи къ этому не привыкла и сильно печалилась. Къ тому же заставляли меня и ее терпѣть недостатокъ, и особенно стали дурно обходиться, когда у нея пошли дѣти. Хочу къ цесарю, цесарь не оставитъ меня и моихъ дѣтей, не выдастъ меня отцу, потому что отецъ окруженъ злыми людьми, и самъ очень жестокъ, не цѣнитъ человѣческой крови, думаетъ, что, какъ Богъ, имѣетъ право жизни и смерти. Онъ уже много пролилъ невинной крови, часто самъ налагалъ руку на несчастныхъ обвиненныхъ. Онъ чрезвычайно гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого, и если цесарь выдастъ меня отцу, то это все равно, что самъ меня казнитъ. Да если бы и отецъ меня пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ не успокоются до тѣхъ поръ, пока не замучатъ до смерти или не отравятъ.

Царевича затѣмъ скрываютъ въ Вейербургѣ, недалеко отъ Вѣны.

Изъ Вейербурга его перевозятъ въ крѣпость Эренбергъ вмѣстѣ съ Евфросиньей и укрываютъ тамъ подъ видомъ государственнаго преступника.

Но отецъ ищетъ сына. Онъ догадывается, гдѣ онъ.

Въ мартѣ 1717 года въ Вѣну пріѣзжаетъ капитанъ гвардіи Александръ Румянцевъ съ тремя офицерами, чтобъ схватить царевича.

Аврамъ Веселовскій, тоже посланный Петромъ для розысковъ сына, узналъ, что молодой знатный русскій, подъ именемъ Коханскаго, и съ нимъ женщина—спрятаны въ Тиролѣ, въ крѣпости Эренбергъ.

Тогда вѣнскій дворъ отправляетъ въ Эренбергъ секретаря Кейля, который и увозитъ царевича вмѣстѣ съ Евфросиньею въ Италію, въ Неаполь. Евфросинья переодѣта пажемъ.

Въ Неаполѣ царевича и Евфросинью укрываютъ въ крѣпости св. Эльмо.

Царь въ послѣдней степени раздраженія. Онъ намѣренъ объявить Австріи войну.

Въ Вѣну съ требованіемъ выдачи царевича является Петръ Толстой, тотъ самый, сынъ котораго женатъ былъ потомъ на дочери гетманши Скоропадской. Начинаются переговоры. Австрія встревожена крайнимъ гнѣвомъ могущественнаго царя.

Изъ Вѣны Толстой и Румянцевъ скачутъ въ Неаполь. Царевича они находятъ въ домѣ вице-короля.

Толстой стращаетъ вице-короля войной. Требуетъ сказать царевичу, что война заставитъ его выдать.

— Такъ сурово говорить ему не могу,—уклоняется вице-король.

Толстой настаиваетъ.

— Я намѣренъ его настращать,—прибавляетъ вице-король:—будто хочу отнять у него женщину, которую онъ при себѣ держитъ.

Это дѣйствительно самая страшная для царевича угроза: онъ на все готовъ, лишь бы не отнимали у него Евфросиньи.

Вице-король, впрочемъ, дѣйствовалъ такъ по инструкціямъ изъ Вѣны. Въ Вѣнѣ думали, что царь больше всего негодуетъ на сына за Евфросинью. Поэтому удаленіе ея Австрія считала средствомъ примиренія съ суровымъ царемъ.

Этимъ только обманомъ и напугали царевича. Онъ покорился, обѣщалъ дать отвѣтъ на другой день, и просилъ Толстого обождать.

Царевичу, конечно, нужно было посовѣтываться съ своей возлюбленной: что выбирать — покориться отцу и ѣхать въ Россію, или лишиться той, которую онъ любитъ.

Царевичъ выбралъ первое, чтобъ только не разставаться съ Евфросиньей.

„И съ этимъ я отъ него поѣхалъ прямо къ вицерою (вице-королю),— писалъ Толстой:—которому объявилъ, что было потребно, прося его, чтобъ немедленно послалъ къ нему сказать, чтобъ онъ дѣвку отъ себя отлучилъ, что онъ вицерой и учинилъ: понеже выразумѣлъ я изъ словъ его, царевича, что больше всего боится ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. И того ради просилъ я вицероя учинить предреченный поступокъ, дабы съ трехъ сторонъ вдругъ пришли къ нему противныя вѣдомости, т. е. что у него отнята надежда на протекцію цесарскую, а я ему объявилъ отцевъ къ нему скорый пріѣздъ и прочая, а вицерой разлученіе съ дѣвкою. И когда присланный отъ вицероя объявилъ ему разлученіе съ дѣвкою, тотчасъ ему сказалъ, чтобъ ему дали сроку до утра: „а завтра-де я присланнымъ отъ отца моего объявлю, что я съ ними къ отцу моему поѣду, предложа имъ только двѣ кондиціи, которыя я уже сего дня министру Толстому объявилъ“. А кондиціи тѣ: первая, чтобъ ему отецъ по-

зволилъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отнимать. И хотя эти государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однако жъ я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. А когда мы назавтра къ нему съ капитаномъ Румянцевымъ пріѣхали, онъ намъ тотчасъ объявилъ, что безъ прекословія ѣдетъ купно съ нами и притомъ насъ просилъ, чтобъ мы ему исходатайствовали у отца той милости, дабы повелѣлъ ему на оной дѣвкѣ жениться, не доѣзжая до С.-Петербурга. О семъ я его величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, чтобъ изволилъ ему на то позволить, для того что онъ тѣмъ себя весьма покажетъ во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки; другое—цесаря весьма огорчитъ, и уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третіе, что уже отыметъ опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. Мнѣ мнится, что сіе ни чему предбудущему противно не будетъ, но и въ своемъ государствѣ покажется, какого онъ состоянія".

Царевичъ, наконецъ, ѣдетъ въ Россію. 4-го октября онъ пишетъ отцу и проситъ прощенія.

Но страшно ему ѣхать прямо на глаза отцу. Отъ своихъ приставниковъ онъ требуетъ прежде провести его въ Бари—поклониться мощамъ Николая-чудотворца.

Поклонившись мощамъ, они снова ѣдутъ въ Неаполь, и уже 14-го октября выѣзжаютъ оттуда по дорогѣ въ Римъ.

Евфросинья беременна. Она не можетъ поспѣть за царевичемъ—и ѣдетъ съ особымъ поѣздомъ, медленно.

На память объ ней, при разставаньѣ, царевичъ беретъ отъ нея „платочекъ".

Всю дорогу до Рима и до Венеціи онъ неотступно упрашиваетъ Толстого и Румянцева—выпросить ему у отца позволеніе обвѣнчаться съ Евфросиньею до пріѣзда въ Петербургъ. Ожидая этого разрѣшенія, онъ затягиваетъ свой путь, выдумываетъ разные предлоги—осмотрѣть Римъ, Венецію и другіе города.

Однимъ словомъ, царевичъ ѣхалъ очень медленно: вѣдь, онъ ѣхалъ за своей смертью, не зная того, да и никто этого не зналъ.

Но впереди, повидимому, не смерть ждетъ, а прощенье отца, женитьба на любимой дѣвушкѣ, тихая жизнь въ деревнѣ.

Дѣйствительно, 14-го ноября отецъ ему пишетъ изъ Петербурга:

„Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенья, которое ужъ вамъ предъ симъ чрезъ господъ Толстова и Румянцова письменно и словесно обѣщено, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, которыя также здѣсь вамъ позволятся, о чемъ онъ вамъ объявитъ. Петръ".

Просто „Петръ"—нѣтъ прибавки „отецъ".

Но царевичъ видитъ, что онъ прощенъ, что ему позволятъ жениться

на любимой женщинѣ. Съ такими надеждами можно ѣхать и къ суровому отцу.

Отвѣчая сыну прощеніемъ, царь въ то же время писалъ Толстому и Румянцеву:

„Мои господа! письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши краи пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи у племянницы въ домѣ (т. е. у Анны Іоанновны); а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться, то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такую великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напредъ сего писалъ, и въ томъ его обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить, гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его“.

Ясно, что все прощено и все позволено. Правду говорилъ царевичъ вице-канцлеру Шёнборну въ ту ужасную ночь, когда явился къ нему какъ помѣшанный, что „отецъ къ нему добръ“. Вѣдь, отецъ и самъ былъ, какъ и сынъ, не безъ слабостей: и онъ любилъ когда-то Анну Монцову, иноземку, дочь виноторговца, и эта „дѣвка иноземка“ была ему дороже всѣхъ царевенъ, королевенъ и принцессъ; вѣдь, и теперь отецъ любитъ, бывшую плѣнную нѣмку, приведенную въ русскій лагерь въ одной сорочкѣ; а теперь она царица. Отчего жъ и сыну не позволить любить ту, которая для него дороже короны и земли русской?

Беременная Евфросинья, какъ мы сказали, далеко отстала дорогой отъ царевича.

Отъ этого времени сохранились три письма царевича и Евфросиньи. Писемъ этихъ, повидимому, не знали прежде наши историки—ни Н. Г. Устряловъ, ни С. М. Соловьевъ, а изданы они академіею по подлинникамъ, хранившимся у покойнаго К. И. Арсеньева.

Какой нѣжной заботливостью дышетъ первое письмо царевича къ своей „Афрасинюшкѣ“, писанное съ дороги, съ нѣмецкой границы, отъ 19-го ноября:

„Матушка моя другъ мой сердешной Афрасинюшка здравствуй на множество лѣтъ. Я слава Богу даѣхалъ да немецкой земли вдобромъ здравіи непечался маменка для Бога, а я на твой платочикъ глядя веселюся зделай другъ мой себе теплое одеяло подчемъ спать для того холодно а печей вываліі нетъ а подшубою нетакь хороше спать. Немешкай долго ввенецыи что тебя дале то тяжеле а дорогою поѣзжай неспеша береги себе і малинково Селебенова засимъ тебя і съ нимъ і з братомь предаю в сохранение божие і пребываю вѣрны твой другъ всегда Алексей“.

„Селебеновъ“, „Селебенъ“—это они такъ называютъ свое дитя...

На это письмо Евфросинья отвѣчаетъ царевичу уже изъ Германіи, изъ Аугсбурга, отъ декабря:

„Государъ мой батушка другъ царевичъ Алексѣй Петровичь. Здравствуй на многая лѣта что меня изволишь памятовать: благодатью божiею в добромъ здравiи. Селебинымъ поздравляю тебѣ, государю, праздникомъ рождества христова. Желаю слышать о вашемъ здравiи. Доношу тебѣ, государь, прiѣхали въ Аузшпургъ декабря 24 числа, слава Богу, въ добромъ здравiи и впредь уповаю на его божескую милость, который подъ рукою милости своея сохранитъ насъ отъ всякаго зла. Изъ Аузшпурга наняли фурманщиковъ до Берлина и отправимся завтра поутру. Летигу наняли до Берлина, для того что въ колясҡѣ не возможно ѣхать: земля мерзлая и очень колотко. Евфросинья".

Скоро царевичъ предсталъ предъ очи грознаго батюшки.

По Москвѣ разносится страшный шопотъ о томъ, что скоро начнется розыскъ. Но розыска еще нѣтъ. Можетъ, и пронесется мимо эта горькая чаша. Сторонники царевича бранятъ Толстого, бранятъ и самого Алексѣя.

— Iуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ, и ему не перваго кушать,—говоритъ Иванъ Нарышкинъ.

— Слышалъ ты,—говоритъ князь Василiй. Долгорукiй Богдану князю Гагарину:—что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на Евфросиньѣ? Жолвъ ему, не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно.

Но вотъ 3-го февраля, въ понедѣльникъ, въ кремлевскiй дворецъ, гдѣ собралось все высшее духовенство и сановники, является царь, а за нимъ вводятъ царевича безъ шпаги.

Отецъ сталъ выговаривать сыну. Царевичъ бросается отцу въ ноги, во всемъ винится и со слезами проситъ помилованiя. Отецъ прощаетъ на условiяхъ—отказаться отъ наслѣдства и открыть своихъ сообщниковъ.

Царевичъ все исполняетъ. Отъ престола онъ отрекается въ Успенскомъ соборѣ передъ евангелiемъ, и подписываетъ отреченiе.

Въ тотъ же день обнародывается манифестъ съ изложенiемъ причинъ лишенiя царевича престола, и начинается розыскъ.

Въ тотъ же день, передъ началомъ страшнаго дѣла, царевичъ ищетъ утѣшенiя въ бесѣдѣ съ своей возлюбленной.

Вотъ что онъ пишетъ ей изъ Преображенскаго:

„Другъ мой сердешной Афрасинюшка. Здравствуй матушка моя на множество лѣтъ. Я прiѣхал сюда сегодни а батюшка был вверху на Москвѣ в столовой полате со всеми i тутъ я пришел i поклонился ему в землю прося прощенiя что отъ него ушел к цесарю, i подал ему повинное писмо i он меня простил милостиво i сказал что де тебя наследства iлишаю i надлежитъ де тебѣ i прочимъ крестъ целовать брату яко наслѣднику i чтобъ какъ мнѣ такъ и прочимъ по смерти батюшкой не промышлять о моемъ возведенiи на престолъ, i потомъ велелъ честь за что онъ меня лишил наследства i потом пошли в соборную церковь i целовали я i прочiи крестъ а каково объявленiе i пред крестом присяга то пришлю к тебѣ впредь а нынѣ за скоростью не успел i потом батюшка взялъ меня къ

себѣ ѣсть і поступаетъ ко мнѣ милостиво дай боже что і впред также і чтоб мнѣ даждатся тебя въ радости. Слава Богу что нас от наследства отлучили понеже останемся в покое с тобою. Дай боже благополучно пожить съ тобою в деревнѣ понеже мы с тобою нічего не желали толко чтоб жить в Рожественѣ сама ты знаешь что мнѣ нічего не хочется толкоб с тобою до смерти в покое дожить а будет что иемецких врак будет о сем невѣрь пожалуй ей ей болше нічего не было вѣрный другъ твой Алексѣй".

Начались аресты, казни. Жестокая казнь постигла Кикина. Казнили Большого-Аѳанасьева, дьяка Воронова. Схватили князя Василія Долгорукаго, Никифора Вяземскаго, перваго учителя царевича, у котораго этотъ послѣдній и спознался съ Евфросиньею.

Глѣбовъ, бывшій ростовскій епископъ Досиѳей, а теперь разстрига Демидъ, Пустынскій, Журавскій, Дорукинъ—все это кончило смертью то на колу, то на колесѣ.

Покончивъ московскія казни, царь, 18-го марта, ѣдетъ въ Петербургъ. Царевичъ съ нимъ. Буря, кажется, прошла совсѣмъ.

Царевичъ весь отдается одной страсти—увидѣть Евфросинью. Въ свѣтлый праздникъ пасхи онъ на колѣняхъ умоляетъ мачеху не разлучать ихъ, дозволить имъ бракъ.

Въ половинѣ апрѣля въ Петербургъ пріѣзжаетъ, наконецъ, и Евфросинья.

Нужно и ее допросить.

Никто не думалъ, чтобъ показанія Евфросиньи дали такой страшный конецъ дѣлу.

По невѣдѣнію или изъ желанія спасти себя, эта женщина все открыла, чего никто не открылъ, и чего царь даже и не ждалъ.

Евфросинья показала, что въ Эренбергѣ, въ крѣпости, царевичъ писалъ письма по-русски къ архіереямъ, писалъ къ цесарю съ жалобами на отца.

Евфросиньѣ царевичъ говорилъ, что въ русскомъ войскѣ бунтъ, что объ этомъ въ газетахъ пишутъ.

Около Москвы волненіе—объ этомъ въ письмахъ пишутъ.

— „Авось либо Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться",— радовался царевичъ, слыша о смутѣ въ Россіи.

Изъ Неаполя царевичъ такъ же часто писалъ цесарю жалобы на царя.

— „Вотъ видишь, что Богъ дѣлаетъ: батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое!"—говорилъ царевичъ, прочтя въ газетахъ извѣстіе, что младшій царевичъ боленъ.

— „Хотя батюшка и дѣлаетъ, что хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка",—такъ говорилъ онъ о „сенатахъ".

Къ архіереямъ для того писалъ письма, чтобъ ихъ подметывать.

— „Я старыхъ всѣхъ переведу,—говаривалъ царевичъ,—и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ. Когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ. Кораблей держать не буду. Войско

стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу, буду довольствоваться старымъ владѣньемъ. Зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ".

Читая въ газетахъ о какихъ-нибудь видѣніяхъ, или извѣстія, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, говаривалъ, что видѣнія и тишина не даромъ.

— „Можетъ быть, отецъ мой умретъ, или бунтъ будетъ. Отецъ мой, не знаю, за что меня не любитъ, и хочетъ наслѣдникомъ сдѣлать брата моего, а онъ еще младенецъ, и надѣется отецъ мой, что жена его, моя мачиха, умна: и когда, сдѣлавши это, умретъ, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, и будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня".

Евфросинья не пускала его бѣжать изъ Неаполя къ папѣ римскому просить протекціи.

Когда собирался ѣхать къ отцу, то Евфросиньѣ отдалъ „черныя письма, велѣлъ ихъ сжечь, а когда приходилъ секретарь вицероя неаполитанскаго, то царевичъ сказывалъ ему изъ тѣхъ писемъ нѣкоторыя слова по-нѣмецки, а секретарь записывалъ, и написалъ одинъ листъ, а писемъ всѣхъ было листовъ съ пять".

Вотъ что открывала Евфросинья...

Когда, затѣмъ, царь спросилъ сына, присталъ ли бы онъ къ бунтовщикамъ, еслибъ за нимъ прислали, даже при живомъ отцѣ, сынъ отвѣчалъ:

— А хотя бъ и при живомъ прислали, когда бъ они сильны были, то бъ могъ и поѣхать...

Это говорилъ сынъ отцу.

„Все было сказано (позволяемъ себѣ выписать это блестящее мѣсто изъ исторіи Соловьева). Передъ Петромъ не былъ сынъ, неспособный и сознающій свою неспособность, бѣжавшій отъ принужденія къ дѣятельности и возвратившійся съ тѣмъ, чтобъ погребсти себя въ деревнѣ съ женщиною, къ которой пристрастился. Передъ Петромъ былъ наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся па свои права и на сочувствіе большинства русскихъ людей, радостно прислушивавшійся къ слухамъ и замысламъ, имѣвшимъ цѣлію гибель отца, готовый воспользоваться возмущеніемъ, если бы даже отецъ и былъ еще живъ, лишь бы возмутившіеся были сильны. Но этого мало: программа дѣятельности по занятіи отцовскаго мѣста уже начертана: близкіе къ отцу люди будутъ замѣнены другими, все пойдетъ наоборотъ, все, что стоило отцу такихъ трудовъ, все, изъ-за чего подвергался онъ такимъ бѣдствіямъ, и, наконецъ, получилъ силу и славу для себя и для государства, все это будетъ ниспровергнуто, причемъ, разумѣется, не будетъ пощады второй женѣ и дѣтямъ отъ нея. Надобно выбирать: или онъ, или они? или преобразованная Россія въ рукахъ человѣка, сочувствующаго преобразованію, готоваго далѣе вести дѣло, или видѣть эту Россію въ рукахъ человѣка, который съ своими Досиѳеями будетъ съ наслажденіемъ истреблять память великой дѣятельности. Надобно выбирать; средняго быть не можетъ, ибо заявлено, что клобукъ не гвоздемъ будетъ къ головѣ прибитъ. Для блага общаго надобно пожертвовать недостойнымъ

сыномъ; надобно однимъ ударомъ уничтожить всѣ преступныя надежды. Но казнить родного сына! Сначала Петръ въ Москвѣ былъ склоненъ снисходительно смотрѣть на сына; въ немъ видно было желаніе оправдать Алексѣя чрезъ обвиненіе другихъ. Царь говорилъ Толстому: „Когда бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой, бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевѣдецъ и судья вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мой противникъ". Толстой отвѣчалъ: „Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха".—„Не будутъ летать, скоро, скоро!" сказалъ на это Петръ."

Пытали, наконецъ, и царевича.

19-го іюня дали царевичу двадцать-пять ударовъ.

24-го іюня—пятнадцать ударовъ.

26-го іюня вновь были въ застѣнкѣ: самъ царь, Меншиковъ, князь Долгорукій, Гаврило Головкинъ, Ѳедоръ Апраксинъ, Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, Петръ Толстой, Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ.

Началось съ восьми часовъ утра. Въ одиннадцать разъѣхались.

„Того жъ числа (значится въ „записной книгѣ с.-петербургской гварнизонной канцеляріи") пополудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился".

Въ тотъ же день перехвачено было донесеніе голландскаго резидента Деби, писанное, вѣроятно, за нѣсколько часовъ до смерти царевича:

„Хотя царевичъ Алексѣй Петровичъ чаялъ, что чрезъ полученное прощеніе и для того публикованный манифестъ о своемъ животѣ увѣренъ былъ,—понеже его царское величество самъ его болѣе за проведеннаго, нежели проводителя и главу того замысла почиталъ,—однако же, объ немъ весьма инако оказывается. Метресса царевича случай подала на открытіе наивящшихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и къ б.... съ принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножемъ и угрожёніемъ смерти принужденная особа. Многіе чають, что она, по принятіи греческой вѣры и первому рожденію, черезъ греческаго священника и духовнаго отца того принца, который такожде посаженъ, въ пути, дѣйствительно, вѣнчана съ царевичемъ, и видится, что сіе нѣкоторымъ образомъ основательно есть, понеже, когда помянутая метресса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы и ей при томъ сказано было, что когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ, она на это отвѣтствовала: „Къ первому б.... принуждена была, и послѣ того принца никто при моемъ боку лежать не будетъ". О которыхъ словахъ разныя сумнѣнія учинены были, которыя болѣе къ тому клонятся, что она еще вовсе надежду не потеряла, въ которое время нибудь корону на себѣ видѣть. Хотя она чрезъ глубо-

чайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ царя утвердить, однако жъ она чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила, также чрезъ письма, которыя они къ нему писали и у нея найдены".

Такова была историческая миссія Евфросиньи Ѳедоровой. Какъ видно изъ донесенія резидента Деби, и она мечтала видѣть на своей головѣ корону.

VII.

Александра Салтыкова.

(Александра Григорьевна Салтыкова, урожденная княжна Долгорукая).

Петровскія преобразованія очень глубоко захватывали старую русскую почву. Обновляя государственныя формы, общественную жизнь и внѣшнія проявленія этой жизни, вызывая и развивая образовательныя силы страны, Петръ заглядывалъ и въ семейную жизнь русскаго общества, справедливо понимая, что семья—первый общественный питомникъ:—если семья даетъ обществу урода, то и общество не въ силахъ сдѣлать изъ него человѣка.

Петръ зналъ семью по программѣ „Домостроя"; зналъ онъ и русскую женщину, жившую въ семьѣ по этой программѣ. Онъ самъ былъ отчасти воспитанникъ домостроевскихъ женщинъ; но, по счастью, онъ скоро отбился отъ нихъ, и пошелъ своею дорогою.

Заглядывая и въ семейную обстановку русскаго общества, Петръ и тутъ пытался воевать съ „барбарскими обычаями". Онъ, между прочимъ, высказывалъ, что желаетъ русское общество „изъ прежнихъ азіатскихъ обычаевъ вывесть и обучить, какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся".

Для этого царь, между прочимъ, запрещалъ указами, „чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не ходили замужъ".

Это уже прямая забота о женщинѣ. Петръ, противникъ „Домостроя" и всего застарѣлаго, хотѣлъ защитить женщину отъ рекомендуемой Сильвестромъ „плетки" и отъ мужниныхъ кулаковъ.

Насколько воля преобразователя встрѣчала отпоръ въ старой русской семьѣ, доказываетъ вся несчастная жизнь хоть бы такой высоко поставленной женщины, какъ княжна Долгорукая, нашедшая себѣ мужа въ знаменитомъ братѣ царицы Прасковьи Ѳедоровны, Василіи Ѳедоровичѣ Салтыковѣ.

Александра Григорьевна Долгорукая была дочь князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго и племянница знаменитаго петровскаго сподвижника, неустрашимаго Якова Долгорукаго.

Какъ почти всѣ женщины первой четверти восемнадцатаго столѣтія, княжна Долгорукая одной ногой такъ сказать, стояла еще позади рубежа,

отдѣлявшаго старую Русь отъ новой, такъ что на воспитаніи ея должны были лежать старыя краски, только жизнь и обстановка давали уже имъ новый оттѣнокъ.

Въ 1707 году, молодою дѣвушкою она вышла замужъ за немолодого уже вдовца, Василія Салтыкова—слѣдовательно, породнилась съ царскою семьею, хотя Долгорукіе и прежде бывали въ кровномъ родствѣ съ владѣтелями русской земли.

Семейное положеніе, въ которое поставлена была молодая княжна, и составляетъ все содержаніе ея жизни. Положеніе это становится до нѣкоторой степени характеристикой эпохи — и оттого несложная, но и нерадостная жизнь этой женщины пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ интересъ историческій.

Десять лѣтъ прожила бывшая княжна Долгорукая въ замужествѣ съ Салтыковымъ, и жизнь эта не выходила, повидимому, изъ колеи обыкновенныхъ, рядовыхъ жизней высшаго и средняго общества.

Вслѣдствіе родства съ царскимъ домомъ, Салтыковы обращаются въ придворной сферѣ. Въ 1718—1719 годахъ они живутъ въ Митавѣ, при дворѣ герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая, какъ дочь царицы Прасковьи, приходилась племянницей Салтыкову, а по нему—и его женѣ, Александрѣ Григорьевнѣ Салтыковой.

Около этого времени у Салтыковыхъ разыгрывается семейная драма, источникъ которой намъ неизвѣстенъ, но самая тяжелая роль въ этой драмѣ выпадаетъ на долю Салтыковой. Разладъ между ними, можетъ быть, начинался давно, но рѣзкое обнаруженіе его относится къ тому времени, когда Салтыковъ началъ открыто преслѣдовать жену и обращаться съ нею самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Салтыкова жаловалась герцогинѣ, обращалась съ просьбою о защитѣ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; но это еще болѣе вызывало ожесточеніе со стороны мужа, и жизнь Салтыковой становилась каторгой: мужъ обращался съ ней грубо, постоянно бранилъ, и, даже вопреки „Домострою“, часто пускалъ въ ходъ кулакъ и палку. Мало того, онъ открыто жилъ съ любовницею, съ своею собственною служанкою, и это еще болѣе увеличивало тягость положенія жены, которая, какъ хозяйка въ домѣ, часто была морима голодомъ.

Уѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ, Салтыковъ безчеловѣчно избилъ жену и оставилъ се на произволъ судьбы. Анна Іоанновна сжалилась надъ больною, и взяла ее къ себѣ, поручивъ придворному доктору лѣчить нанесенныя ей мужемъ раны.

Но вотъ мужъ требуетъ ее къ себѣ въ Петербургъ. Боясь новыхъ истязаній, Салтыкова рѣшается бѣжать къ отцу, у котораго она была единственная дочь.

Отецъ ея въ это время находился въ Варшавѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра.

Убѣгая къ отцу, Салтыкова тайно предувѣдомила его объ этомъ, а другимъ никому не открыла своего намѣренія, кромѣ герцогини Анны Іоанновны.

Отецъ выслалъ навстрѣчу дочери князя Шейдякова, который и долженъ былъ проводить ее до Варшавы. {Шейдяковъ встрѣтилъ бѣглянку недалеко отъ Митавы, на Двинѣ, въ одной еврейской корчмѣ, и тотчасъ же распорядился, чтобы обозъ съ ея вещами и дворнею ѣхалъ далѣе въ Ригу, а Салтыкову съ двумя горничными пересадилъ въ почтовую коляску, приготовленную имъ заранѣе, и приказалъ держать путь къ Варшавѣ.

Но Салтыкова знала своего мужа и боялась его. Она знала, что онъ и у отца найдетъ ее и вытребуетъ для расправы. Поэтому, чтобы смягчить его гнѣвъ и, по возможности, обмануть, давъ благовидный предлогъ своему бѣгству, она съ дороги пишетъ ему: „При отъѣздѣ моемъ въ Ригу, получила я отъ отца своего присланныхъ людей; приказалъ онъ видѣться съ собой. Не смѣла воли его преслушать; а когда изволите мнѣ приказать быть—я готова. Не надѣюсь я вашего за то гнѣву, понеже имѣла давно отъ васъ позволеніе. А что мое платье и другое осталось по отъѣздѣ вашемъ изъ Митавы, и я ничего не взяла“.

Съ трудомъ больная доѣхала до Варшавы. Жестоко-огорченный старикъ-отецъ, за оскорбленіе дочери и за безчестье своего знатнаго рода, ищетъ расправы у царя.

Замѣчательный интересъ представляетъ его челобитная царю: въ ней онъ указываетъ Петру, что реформы его не проникли еще въ глубину русской старой семьи, что тамъ еще идетъ прежняя кулачная расправа, что даже именитые люди знаменуютъ свои отношенія къ женщинѣ „барбарскими поступками“, что „азіатскіе обычаи“ изъ русской семьи не выводятся.

„Высокодержавный царь и всемилостивѣйшій государь!—пишетъ онъ царю:—Ваше величество, милосердуя о народѣ своего государства, изволите непрестанно безпокойно трудиться, чтобъ оной изъ прежнихъ азіатскихъ обычаевъ вывесть и обучить, какъ всѣ народы христіанскіе въ Европѣ обходятся. Того ради изволили высокимъ своимъ указомъ всѣмъ милостиво воспретить, чтобъ никто, не зная жениховъ, какъ прежде было, не выходили замужъ. Зная это, зять мой Василій Салтыковъ, зная дочь мою, своею волею женился и оную не малое время имѣлъ, какъ и прочіе мужья, въ своей любви, и потомъ ни за что, токмо по наговору своихъ людей, которые и съ прежнею его женою, такожъ для своего интересу, чтобъ онымъ всѣмъ его владѣть, ссорили. Для чего какою немилостію обратился, и въ такой немилости и въ руганіи отъ людей своихъ оную содержалъ и безвинно билъ, и голодомъ морилъ, и такое бѣдное гоненіе и мученіе терпѣла, чего и описать невозможно, что не токмо женѣ, ни послѣдней подданной сиротѣ снесть было не мочно; однако, оная, привращая его къ прежней милости, все то чрезъ натуру терпѣла, и тѣмъ пуще сердце его ожесточила, такъ что, не боясь Бога и всенароднаго стыда, въ Митавѣ хотѣлъ убить до смерти, и такъ мучительски билъ, что замертвую кинулъ, и притомъ токмо напамятовалъ, для чего о несчастливомъ своемъ житьѣ доносила всемилостивѣйшей государынѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и для чего отъ него прочь нейдетъ. А потомъ что было ея, все ограбилъ. И такъ тѣми своими барбар-

скими поступками не токмо Курляндію, и Польшу безчестно наслушилъ, и въ Петербургъ отъѣхалъ; а какъ потомъ увѣдалъ, что еще жена его въ кровавыхъ ранахъ съ живыми обрѣтается, то велѣлъ людямъ своимъ изъ Митавы больную къ себѣ везть, что уже была и повезена. И видя оная послѣднее свое житье, принуждена была съ дороги изъ Риги ко мнѣ въ Варшаву уходить и своей несчастливый животъ спасать. Того ради, упадая до ногъ вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтобъ мнѣ отъ него, Василья Салтыкова, не быть въ поруганіи, и чтобъ, несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему въ прежнее мученіе, и жить бы оной въ моемъ домѣ. Тако жъ за ее помянутое терпѣнье не токмо ее сущее приданое возвратить, но и изъ его недвижимаго оную милостиво повелѣли наградить, дабы она, несчастная дочь моя, въ вѣчныхъ слезахъ имѣла себѣ пропитаніе, понеже мужъ ее не токмо хуже вдовы, но и послѣдней сироты учинилъ, ибо отъ нея не токмо счастіе, радость, здоровье, но и честь на вѣки отнялъ".

Старый придворный не ограничился этой челобитной къ царю. Онъ зналъ, что въ настоящее время, при Петрѣ, женщина стала не то, что была въ старое время, когда все, что касалось государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, считалось не бабьяго ума дѣломъ. Теперь, особенно при дворѣ, женщина становилась всесильною, отчасти потому, что это было въ принципѣ царя—выводитъ женщину изъ терема и дѣлать ее участницею общественной жизни. Чтобы быть послѣдовательнымъ, надо было позволить женщинѣ изъ своей свѣтлицы переходить и въ кабинетъ мужа, заглядывать въ лежащія у него на столѣ бумаги, говорить о дѣлахъ, о челобитчикахъ.

Петръ такъ и дѣлалъ—онъ не отгонялъ „Катеринушку" отъ своего рабочаго стола, и она знала челобитчиковъ своего мужа. Еще раньше этого Анна Монсъ уже неоднократно прашивала Петра за челобитчиковъ, даже злоупотребляла ласкою къ ней царя, широко пользуясь правомъ посредницы. Не одна „Катеринушка" имѣла силу при дворѣ и прашивала за челобитчиковъ, а и „Дарья-глупая", „Анисья-старая", Брюсова жена и иныя. Впослѣдствіи, когда Виллимъ Монсъ вошелъ въ особенную силу при особѣ Екатерины Алексѣевны, сестра его Матрена Балкъ, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ придворнаго присяжнаго повѣреннаго, и такъ широко воспользовалась возможностью получки гонорара со всѣхъ челобитчиковъ и челобитчицъ, что была предана позорной гражданской казни и пошла въ ссылку, а голова ея брата осталась на колу, а потомъ въ банкѣ со спиртомъ.

Старый придворный, князь Долгорукій, зналъ объ этомъ значеніи женщинъ при дворѣ, и вручилъ свою обиженную дочь покровительству Екатерина Алексѣевны. Царица, конечно, съ разрѣшенія царя, позволила ей часто оставаться при отцѣ.

Въ благодарность за это Долгорукій писалъ Екатеринѣ: „Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексѣевна. Вашего величества ко мнѣ отправленное изъ С. Петербурга высокомилостивое писаніе отъ 10 іюля я здѣсь чрезъ почту всеподданнѣйше получилъ, изъ котораго съ великою

радостію усмотрѣлъ, что ваше величество не токмо ко мнѣ недостойному, и къ послѣдней своей рабѣ, къ бѣдственной дочери моей, свою высокую милость не по заслугѣ простирать изволите и быть оной несчастливой при мнѣ соизволяете, за которую милость на вѣки ничѣмъ заслужитъ невозможно, и не смѣлъ бы повторительно симъ моимъ дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживаетъ и придаетъ мнѣ смѣлость ваша высокая милость къ бѣдственной дочери моей, которою милостью не токмо во всѣхъ бѣдахъ своихъ вегда радовалась и отъ немилости и мученія безсовѣстнаго мужа своего защищалась. Къ тому жъ усильно принуждаетъ меня натуральная отеческая нетерпѣливость, смотря на сиротство и непрестанныя слезы, и на тиранскія раны и увѣчье несчастливой бѣдной моей дочери, которую безсовѣстный мужъ ея непрестанно не токмо лаялъ и билъ, и людямъ своимъ ругать велѣлъ и голодомъ морилъ". Въ заключеніе этого прошенія, князь Долгорукій, „упадая подъ ноги" царицы, проситъ не отдавать его дочери „на прежнее мученіе и убивство", проситъ возвратить приданое его дочери и выражаетъ надежду, что его „нижайшая суплика" не будетъ оставлена безъ вниманія.

Но этимъ не ограничились Долгорукіе. Имъ казалось, что при Петрѣ настало царство женщинъ, и потому надо пользоваться женскою силою.

Въ то время, когда отецъ писалъ царицѣ, сама обиженная, Салтыкова, обратилась къ придворному присяжному повѣренному, къ Матренѣ Ивановнѣ Балкъ.

Письма Салтыковой къ Балкъ составляютъ драгоцѣнные документы для исторіи русской женщины: изъ нихъ видно, чѣмъ была русская женщина, по отношенію къ ея развитію и образованію, при началѣ преобразованія русской земли, та женщина, которая черезъ тридцать-сорокъ лѣтъ превратилась въ женщину-писателя, которая явилась свѣту въ лицѣ княгини Дашковой и цѣлой плеяды россійскихъ „Сафо", „Кориннъ" и проч.

Вотъ какимъ изумительнымъ языкомъ писала, въ 1719 году, супруга брата царицы, женщина изъ блестящаго рода князей Долгорукихъ, единственная дочь посланника и русскаго министра:

„Государыня моя матрена ивановна много летно здравъствуй купно са всеми вашіми! писмо миласти вашей получила, въ каторомъ изволите ответъствавать на мое писмо, каторое я къ вамъ писала из кенезъ Берха, за что я вамъ, матушъка мая, благодаръстъвую и въпреть васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радастію ожидать буду... и прашу на меня и неизволте прогневатъца, что мешъкала за нещастіемъ моимъ, на оное ваше писмо ответъствавать; понежа у меня батюшъка канешъно боленъ огреваю четыря недели истенъно въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить маими писмами; ежели дастъ Богъ Батюшъку лехача, буду писать простърано на будущей почте Сердешъно сердешно сожелею о вашей балезъне изволтека мъне отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мъне отписать писмо мое отъ егана изволилъ получить какошъ надеюса, что онъ намъ донесетъ обавсемъ прастъ-

ранъно, которая челобитъная послана къ царскому величеству такошъ и всемиластивой гасударыне царице екатерине алекъсеевне, изволте осведамитъца и камъне отписать, какъ изволятъ принять; а я въ бедахъ сваихъ инова претъстательстъва неимею кромя ея величестъва и ане камие пишутъ, что мушъ мой хочетъ на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушъла; я етава не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела въ чемъ батюшъке доехать принуждена была себе делать до последъней рубашъки еле онъ увесъ ссобою ту бабу, которая завъсемъ хадила; она снимъ уехала ссобою ли ане забрали или у людей оставили пускай его людей стой бабаю пытаютъ мне была ничаво негде брать я уже была давъно савъсемь обрана и отъ нево разъбита токмо имела при себе несколка из маихъ алмазовъ и то у меня паследняя аграбилъ, какъ поехалъ въ петербуръхъ сказалъ мне: ежели не дашъ хателъ, да смерти убить, я ему свеликаю радастію и то отдала толка обобралъ и самъ билъ на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласть вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизъволите слуга веръная до смерти.

„Іzварщавы октября 17, 1719 г.“.

Изъ письма Салтыковой видно, что она зачѣмъ-то ѣздила въ „кенезъ Берхъ“, то-есть въ Кенигсбергъ.

Не довольствуясь этимъ письмомъ, Салтыкова черезъ мѣсяцъ отправляетъ къ Матренѣ Балкъ второе посланіе, еще ужаснѣе перваго. Вотъ оно:

„Гасудараня мая матрена ивановъна многолетъно зъдравствуі купно со въсеми вашеми! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюса“.

При этомъ Салтыкова говоритъ, что письмо Матрены Ивановны съ Белашинцевымъ получила—сожалѣетъ о ея болѣзни. Проситъ посылать письма черезъ Бестужева. Матрена Балкъ просила ее остерегаться Дашкова: „его ныня у насъ нетъ, отпушъченъ къ москве, желею, что я прежде не ведала я бы нарошъно при немъ гаварила, что надлежитъ другимъ ведать.

„Пача въсево васъ прошу, изволте меня садеръжать, по своему обещанию, веръно такошъ где вазъможъна упоминать въ миласти ее величеству, гасударыне циа, въ чемъ на миласть вашу безсумненъною надежъду имею, такошъ прашу матушъка мая изволте камъне писать пространъней, что изволите услышить въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердие и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что вы извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видеть.

Остаюсь вамъ веръная до смерти александра. Прашу от меня покъланитъца ее миласти анъне ильинишъне“.

Изъ этихъ писемъ видно, что дѣйствительно къ концу жизни великаго преобразователя Россіи наставало при дворѣ царство женщинъ.

По отправкѣ послѣдняго письма къ Балкъ, Салтыкова сама ѣдетъ въ Москву для пріисканія свидѣтелей противъ мужа; но, узнавъ, что „тиран-

скій мужъ“ отпущенъ изъ Петербурга, приходитъ въ отчаянье, и шлетъ новую „суплику“ къ государынѣ, а Матренѣ Балкъ черезъ секретаря своего пишетъ:

„Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, симъ моимъ писаніемъ трудить и просить, дабы, по своей ко мне склонности, се приложенное мое письмо eѣ величеству всемилостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрез которое я ее величеству рабски доносила о приезде моемъ к Москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объевляю, что я то учинила неведая об отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петеръбурха, ради великой нужды, а именно чтоб мне сыскат верных свидетелей, и очистит себя в сносныхъ животахъ, в чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челом, о которой моей нужде прошу донесть словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже я об оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно eѣ величеству необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня в прежней любви вашей, и упоминат в милости всемилостивѣйшей государыне царице. Такожде и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ; понеже я ныне кроме васъ приятелей въ санктъ-Петербуръхѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомит меня, какъ eѣ величество всемилостивѣйшая государыня царица изволить принят от васъ мою нижайшую суплику, за что вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

„P. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю в волю вашу: прошу неизвольте онаго ко мнѣ отпущать напрасно без всякой ведомости, приездъ токмо мне принесетъ пущую пѣчаль. Такождѣ васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске онаго человека согласитца съ анной ѳедоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду“.

Вездѣ и во всемъ женщины—Екатерина Алексѣевна, Матрена Ивановна Балкъ, тамъ Анна Ильинишна, тутъ Анна Ѳедоровна Юшкова: и дворъ, и сенатъ, и юстицъ-коллегія повидимому наполнены женщинами.

Наконецъ, и самъ великій воротило при дворѣ царицы, Виллимъ Монсъ, превращается въ женщину.

Замѣчательно, что какъ во всей этой женской исторіи Виллимъ Монсъ былъ главнымъ двигателемъ и при дворѣ, и въ юстицъ-коллегіи, то чтобъ прикрыть свое участіе благовидною наружностью, онъ переписывается съ Салтыковой не отъ своего, а отъ имени женщины же, только пишетъ свои посланія къ ней особо-сочиненною азбукою, латинскими буквами.

Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ Салтыковой: „Sdrawstwoy matouska aleksandra grigorgefna, bose dai wam dobrago sdorowje; sa fse samejstwa vassei, selaju dabie piessange etage was magu goschudarinu fboqrom strafge sastalla na katorom at fsewo fsewo swogewo sertza selaju“ и т. д.

Мы не рѣшаемся на большую выписку изъ этого тарабарскаго посланія, а перелагаемъ его на удобопонятное правописаніе: „прошу васъ, мою

государыню, дабы я не оставлена была писаніемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье, когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я съ великою радостью воспринимаю и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному свѣдомо, и стараюся, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію, и надѣюся, что вскорѣ послѣ праздника, только васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокрушать объ ономъ дѣлѣ, все Богомъ будетъ устроено, понеже ея величество вельми къ вамъ милостива и ни вѣсть какъ сожалѣетъ объ васъ, такожде и объ родителѣ вашемъ, присемъ остаюсь вамъ моей государынѣ вѣрная вамъ uslusnisza" (т. е. услужница).

„Услужница" эта—самъ Виллимъ Монсъ, камергеръ двора ея величества Екатерины Алексѣевны.

Вообще, это было замѣчательное время. Женская интрига какъ паутина начала опутывать великаго преобразователя Россіи, который все болѣе и болѣе жаловался на старость и нездоровье. Такимъ образомъ, Виллимъ Монсъ, подъ видомъ женщины, переписывался съ Салтыковой, а посредникомъ ихъ въ этой корреспонденціи является гофмаршалъ митавскаго двора герцогини Анны Іоанновны Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ. Предлагая всесильному Монсу свое посредничество въ передачѣ писемъ Салтыковой, которой покровительствовала Анна Іоанновна, Бестужевъ-Рюминъ писалъ Монсу: „Извольте, государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обязуюсь вѣрнымъ ко услугамъ вашимъ быть при вашей корошпанденціи. Извольте оныя письма ко мнѣ при всепріятномъ вашемъ писаніи присылать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой охранности отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно, и весьма секретно содержать буду".

Сторону обиженной, какъ видно изъ предыдущаго, приняла вся женская половина двора и аристократіи: на сторонѣ Салтыковой стояли сама царица Екатерина Алексѣевна, герцогиня курляндская Анна Іоанновна, будущая императрица, потомъ Матрена Ивановна Балкъ, Анна Ѳедоровна Юшкова и другія. Но и противная, обидѣвшая сторона была не безсильна: отвѣтчикъ былъ братъ старой царицы Прасковьи, имѣвшей значеніе у Петра. Узнавъ, что противъ него возсталъ цѣлый сонмъ женщинъ, Салтыковъ подалъ на имя царя объявленіе, что у него жена сбѣжала. Въ объявленіи этомъ онъ говоритъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Митавы въ Петербургъ, то приказалъ женѣ выѣзжать вслѣдъ за нимъ, и потому для проводовъ ея оставилъ цѣлый штатъ прислуги. Но, къ удивленію его, въ Петербургъ явились только дворовые служители, а жена съ горничною исчезла: „ни жены, ни дѣвки, ни животовъ моихъ, что при нихъ осталось, не оказалось. А куда всѣ они скрылись, про то я не свѣдалъ; вѣдомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочетъ со мной въ законѣ жить".

Поэтому Салтыковъ требовалъ допросить прислугу—куда дѣвалась жена.

Царь на просьбѣ Салтыкова положилъ резолюцію: „о семъ розыскать

и обиженной стороне полную сатисфакцію учинить въ юстицъ-коллегіи. А буде зачѣмъ рѣшать будетъ не можно—учинить намъ доношеніе".

Начался опросъ людей. Къ отвѣту призвали и князя Шейдякова, помогавшаго побѣгу Салтыковой. Шейдяковъ сказалъ, что онъ, провожая къ отцу дочь князя Долгорукаго, исполнялъ порученіе начальства.

— А тебѣ, Шейдякову, — возражалъ на это Салтыковъ: — безъ мужниная позволенія ни увозить жены, ни ѣхать съ ней въ одной коляскѣ не надлежало. По уложенію да по артикулу: кто честную жену, либо дѣвку увезетъ, тотъ подлежитъ смертной казни; командирскаго же приказанія въ столь партикулярномъ дѣлѣ слушать не надлежало.

Салтыковъ, въ оправдательныхъ отвѣтахъ своихъ, между прочимъ, говорилъ: „жену безвинно мучительски не билъ, немилостиво съ ней не обращался, голодомъ ея не морилъ, убить до смерти не желалъ и пожитки ея не грабилъ".

Но потомъ далѣе, какъ бы сознавая себя правымъ по „Домострою", этотъ ученикъ попа Сильвестра и сынъ древней Руси откровенно сознавался: „за непослушаніе билъ я жену самъ своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, къ милости меня не привращала и противъ меня невѣжнила многими досадными словами и ничего чрезъ натуру не терпѣла. Бѣжать же ей въ Варшаву было не изъ чего, а жалобы князя (отца обиженной) писаны были, безъ сомнѣнія, безъ ея согласія".

Салтыковъ, сознавая свою силу, даже отшучивается въ своихъ отвѣтахъ юстицъ-коллегіи, ловко отпарируя обвиненія Долгорукаго: „что въ челобитьѣ его написано, что иныхъ поступковъ моихъ будто и написать невозможно, въ томъ отвѣчать мнѣ, на то, что въ челобитьѣ не написано, невозможно". Далѣе: „Истецъ же мой, будучи въ Варшавѣ, не вѣдалъ подлинно, какъ жилъ я съ женой въ Митавѣ: видѣть и слышать ему изъ Варшавы въ Митаву далеко и невозможно, а не видавъ да не слыхавъ, и челобитной писать не надлежало. Что же до того, чтобъ возвратить женѣ ея приданое изъ недвижимаго имѣнія, то ни изъ какихъ указовъ, ни изъ пунктовъ уложенія не видно, чтобъ мужья награждали женъ за уходъ".

Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ. Юстицъ-коллегія не рѣшалась разводить мужа съ женой. Дѣло перешло въ синодъ. Въ синодѣ опять тянется: даже женское вліяніе не помогало.

Но вотъ царь и царица собираются въ персидскій походъ. Это было уже въ 1722 году.

Боясь, что въ отсутствіе царицы дѣло рѣшатъ въ пользу мужа, отецъ Салтыковой опять пишетъ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, больше надѣясь, повидимому, на женское заступничество, чѣмъ на мужское:

„Премилосердая императрица и всѣмъ обидимымъ милостивая мать и государыня. Не смѣлъ моимъ рабскимъ прошеніемъ часто трудить его императорское величество, чтобъ извѣстное продолжительное дѣло въ синодѣ бѣдственной дочери моей окончилось при вашемъ величествѣ. А нынѣ со-

мнѣваюсь, дабы то дѣло, по отшествіи вашего величества, по волѣ государыни царицы Прасковы Ѳедоровны, въ пользу Василья Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей изъ синода на допросъ мужа ея нынѣ здѣсь и улика взята: и ежели ваше величество отымете отъ меня руку своей милости и не изволите архіереямъ милостиво, то дѣло безъ себя приказать по правиламъ св. отецъ окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою отъ бою мужа ея въ Митавѣ лѣчилъ, которая взята у онаго подъ присягою, не по моему прошенію токмо, но по именному его величества указу для истиннаго въ томъ дѣлѣ свидѣтельства, то оное дѣло и паки безконечно будетъ продолжаться".

И дѣйствительно, дѣло это тянулось еще восемь лѣтъ: умеръ Петръ Великій, умерла Екатерина Алексѣевна, умеръ Петръ II, и только при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1730 году, семейная драма Салтыковыхъ кончилась тѣмъ, что бывшая княжна Долгорукая пострижена была въ монахини въ нижегородскій дѣвичій монастырь.

Ясно, что старая Русь была еще очень сильна и царство женщинъ на Руси было только кажущимся.

VIII.

Императрица Екатерина Алексѣевна I.

Систематическая борьба противъ русской старины, предпринятая Петромъ въ лицѣ почитательницъ этой старины, родной своей сестры, царевны Софьи и первой супруги, царицы Евдокіи, личное знакомство царя-плотника, во время путешествій за границею, съ европейскою женщиною, сравнительное превосходство этой послѣдней по отношенію къ тогдашней русской женщинѣ, превосходство, конечно, сначала внѣшнее, на первый разъ всего болѣе бросающееся въ глаза всякому полудикарю, наконецъ, сердечная привязанность къ одной изъ „иноземокъ", привязанность, безъ сомнѣнія, вызывавшая осужденіе со стороны старой русской женщины,—естественно должны были вызвать Петра на борьбу и съ этою старою русскою женщиною, которая была едва ли не сильнѣе стараго русскаго мужчины, пятившагося, когда ему брили бороду и рядили его въ нѣмецкое платье.

Женщина, повидимому, не пятилась, но была опаснѣе для Петра чѣмъ мужчина, потому что старыя изъ нихъ и наиболѣе вліятельныя прятали свою старину, свою „душегрѣю", подъ нѣмецкое платье, а подъ польскую шапку—старинную „невѣдомо какую дьявольскую камилавку".

Съ женщиною можно бороться только ея женскимъ оружіемъ, и Петръ противъ старо-русской женской, невидимой, но опасной рати долженъ былъ выставить нѣмецкую и иную новую женскую рать.

Къ этой рати и принадлежала, та именно, женщина, о которой мы намѣрены говорить и для которой, рожденной не въ Москвѣ, а гдѣ-то у

нѣмцевъ, не существовало ни древней Руси, ни ея обычаевъ, ни ея завѣтныхъ костюмовъ.

24-го августа 1702 года, русскими войсками, во время войны со шведами, былъ взятъ въ плѣнъ маріенбургскій пасторъ Глюкъ, а съ нимъ молодая миловидная дѣвушка, находившаяся у него въ услуженіи.

Дѣвушка эта была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго или Сковаронскаго, по имени Марта.

— Вѣдаемъ мы,—говорилъ впослѣдствіи одинъ солдатъ, когда Марта была уже императрицею:—вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульный нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ.

Плѣнницу эту, приведенную подъ русское знамя въ одной сорочкѣ, ожидала впослѣдствіи великая доля: сначала она раздѣляла тронъ съ великимъ преобразователемъ Россіи, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, а по смерти его единовластно и самодержавно обладала и русскимъ трономъ, и судьбами русскаго народа.

Плѣнная дѣвушка отличалась замѣчательной красотой. Богатая природа ея была одарена и другими достоинствами, которыя выказала она въ различныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ жизни.

Сначала Марта Скавронская отличена была генераломъ Боуромъ, сподвижникомъ Петра, а потомъ на нее обратилъ вниманіе любимецъ государя, Меншиковъ, у котораго царь и увидѣлъ эту дѣвушку.

Марта была взята ко двору—она произвела на царя глубокое впечатлѣніе. Во дворѣ дѣвушка введена была въ кругъ царскихъ знатныхъ боярынь и молодыхъ фрейлинъ или „дѣвокъ“, какъ ихъ называли, которыхъ вниманію и заботливости государь и поручилъ молодую, симпатичную плѣнницу. Фрейлины и боярыни, видя расположеніе къ дѣвушкѣ государя, ухаживали за ней, оберегали ее, развлекали, увеселяли.

Скоро дѣвушка была крещена въ православіе и получила имя Екатерины, а по отчеству—Алексѣевны, потому что царевичъ Алексѣй былъ ея воспреемникомъ.

При безпрерывныхъ отлучкахъ своихъ то на войну, то на построеніе крѣпостей и каналовъ, Петръ обыкновенно переписывался съ отсутствующими довѣренными и приближенными къ нему лицами—переписывался онъ и съ „Катеринушкой“ или скорѣе съ главной ея приставницей, Анисьей Кирилловной Толстой.

То онъ называетъ свою Катеришку—„маткой“, то—по-голландски или по-нѣмецки—„мудеръ“, и письма царя отличаются, по обыкновенію, крайнимъ лаконизмомъ: „Матка здравствуй!“ —или: „Здравствуй, мудеръ!“— вотъ и все-пока.

Съ своей стороны, Анисья Кирилловна, отъ имени юной „матки“ и отъ сонма всѣхъ фрейлинъ и боярынь-приставницъ, отвѣчаетъ царю, большею частью, въ шутливомъ тонѣ. Такъ, въ письмѣ 6-го октября 1705 года весь этотъ сонмъ женщинъ подписался разомъ: Анна Меншикова. Варвара.

Катерина сама-третья. Тетка несмышленая. Дарья глупая. Засимъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ".

Анна Меншикова—это сестра Александра Даниловича Меншикова. Варвара — это Варвара Михайловна Арсеньева. „Катерина сама третья"— понятно кто. „Тетка несмышленая"—это сама Анисья Кирилловна Толстая. „Дарья глупая"—это сестра Варвары Михайловны Арсеньевой, впослѣдствіи свѣтлѣшаяй княгиня Меншикова.

Всѣ эти женщины группировались около Катеринушки и находились при дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны.

28-го декабря 1706 года Катеринушка родила дочь, и ее назвали также Екатериной: ребенокъ умеръ 27-го іюня 1708 года.

Съ каждымъ годомъ росла привязанность царя къ Катеринушкѣ—съ Анною Монсъ глубокая связь была порвана. Привязанность къ Катеринушкѣ такъ и сквозитъ во всѣхъ письмахъ, на которыя царь не скупился во время своихъ мыканій по Россіи и по Европѣ. Мало того, едва привязанность царя къ молодой плѣнницѣ закрѣплена была рожденіемъ дочери, какъ Петръ уже начинаетъ думать о болѣе прочномъ будущемъ своей возлюбленной, въ случаѣ если онъ умретъ, не сдѣлавъ о ней никакого распоряженія.

И вотъ, думая начать войну съ турками, царь пишетъ Меншикову:

„Благодарствую вашей милости за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ для безвѣснаго сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, и ежели благой Богъ сіе дѣло окончаетъ, то совершимъ въ Питербурху".

Что это былъ за „пароль" — можно догадаться: это было обѣщаніе объявить Катеринушку своею законною супругой.

5-го генваря 1708 года, Петръ, въ самый разгаръ войны съ Карломъ XII, опасаясь за свою жизнь, пишетъ Меншикову: „Ежели что мнѣ случится волею божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою".— Катерина Василевская—это она же, Катеринушка. „Дѣвочка" — это дочь, царевна Екатерина, умершая въ этомъ же году.

Съ своей стороны, Екатерина Алексѣевна, помня, чѣмъ она обязана Меншикову, который обратилъ на нее вниманіе государя, относится къ нему какъ къ отцу.

„Милостивой нашъ государь батюшка, князь Александръ Даниловичъ, здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое; пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здравіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева, отъ вашего сіятельства ни единаго письма не получали, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи описать про здоровье государево".

Такъ пишетъ Екатерина своему прежнему благодѣтелю.

Тонъ этихъ писемъ, однако, постоянно начинаетъ измѣняться.

Такъ, отъ 13-го февраля 1710 года, Екатерина Алексѣевна уже пишетъ Меншикову

„Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адмиралъ (это—Петръ) милостiю всевышняго Бога въ добромъ здравiи, тако жъ и я съ дѣтками своими при милости его въ добромъ же здравiи, только что собинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Тако же доношу, что господинъ контръ-адмиралъ не въ малой печали есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, что мало къ милости твоей писалъ: и милость твоя впредь не изволь сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребыванiе, какъ милость твоя самъ извѣстенъ, вельми суетно. Иванъ Аверкiевъ доносилъ про милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ колпинской деревни на большую дорогу изволилъ дорогу просѣкать: и я хозяину своему о томъ доносила, что зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный прикащикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло тоскуетъ по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то изволте пожаловать къ намъ прислать немедленно. Екатерина“.

Въ томъ же, 1710, году она пишетъ въ постъ-скриптумъ своего письма къ Меншикову: Маленькiя наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются“.

Съ своей стороны, Меншиковъ пишетъ ей, 12-го марта 1711 года, въ такомъ тонѣ: „Катеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой: Катерина Алексѣевна многолѣтно о Господѣ здравствуй!“.

Но уже 30 апрѣля такъ: „Всемилостивѣйшая государыня царица!“

А она ему отъ 13 мая того же года: „пребываю и остаюсь ваша невѣска Екатерина“. Тутъ же прибавляетъ, что съ „хозяиномъ“ отправляется въ турецкiй походъ. „Хозяинъ“—это самъ царь.

Послѣ, когда Петръ прогнѣвался на Меншикова за взятки и разоренiе Польши, Екатерина писала своему бывшему покровителю: „Доношу вашей свѣтлости, чтобъ вы не изволили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели со стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ Шаутбенахтъ попрежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ“.— Шаутбенахтъ“—это царь.

19-го февраля 1712 года царь доказываетъ, что сдержалъ свой „пароль“: онъ формально сочетался бракомъ съ своей Катеринушкой — она теперь царица!

Какъ ни часто Петръ разлучался, по дѣламъ, съ своей „Катеринушкой, другомъ сердешнинкимъ“, но онъ постоянно думалъ о ней, гдѣ бы то ни былъ и чѣмъ бы ни былъ занятъ, и напоминалъ о себѣ то грамоткой, то подарочкомъ. То посылалъ онъ своей красавицѣ „матерiю — по желтой землѣ да кольцо, а маленькой (дочкѣ) полосатую“, и тутъ же выражалъ желанiе—„носить на здоровье“. То покупалъ своей „маткѣ“— „въ Дрезденѣ часы новой моды, для пыли внутри стеклы, да печатку, да четверной лапушкѣ втраiомъ“ (?), и тутъ же извинялся, что „больше за ско-

ростью достать не могъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ". То посылаетъ ей „устерсы", и прибавляетъ—„сколько могъ сыскать".

За частыми отлучками мужа Катеринушкѣ иногда вс грустнется, царю напишутъ объ этомъ приставницы-фрейлины—и онъ спѣшитъ ее развлечь, утѣшить, гдѣ бы онъ ни былъ, какъ бы далеко ни приходилось посылать курьеровъ. Откуда-нибудь изъ Полтавы, когда Катеринушкѣ вс грустнется, царь шлетъ къ ней бутылку венгерскаго, и убѣдительно проситъ: „для-бога, не печалься — мнѣ тѣмъ наведешь мнѣиье. Дай богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили".

Съ своей стороны и приставницы Катеринушки, теперь уже царицы, пишутъ о ней царю, зная, что царь самъ тоскуетъ по ней, — и письма ихъ подлаживаются подъ тонъ переписки царя съ его дорогой супругою.

Такъ, одна изъ приближенныхъ къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ особъ, Настасья Петровна Голицына, пишетъ царю:

„Всемилостивѣйшій государь дорогой мой батюшка! желаемъ пришествія твоего къ себѣ вскорѣ, и ежели ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало трудно. Царица государыня всегда не изволитъ опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ неотступно сижу, и Кирилловна, у кровати стоя, дремлетъ. Царица государыня изволитъ говорить: „тетушка, дремлешь?" Она говоритъ: „нѣтъ, не дремлю, я на туфли гляжу". А Марья по палатѣ съ постелею ходитъ, и со всѣми бранится, а Кирилловна за стуломъ стоитъ, да на царицу государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу".

Суровый, холодный и непреклонный, царь въ своихъ отношеніяхъ къ Катеринушкѣ—полонъ нѣжности и заботливой предупредительности. Желѣзная воля его перерождается—Петръ неузнаваемъ.

Катеринушкѣ предстоитъ дорога—и вотъ суровый царь предупреждаетъ свою дорогую „женушку": „поѣзжай съ тѣми тремя баталіоны, которымъ велѣно идтить въ Аналимъ; только для-бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскихъ судовъ зѣло много въ гафѣ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя".

Для дороги посылаются маршруты, выставляются лошади, рѣчь идетъ даже о погодѣ, о трудности дороги.

„Дай-боже, чтобъ здрава проѣхали, въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непразности".

Катеринушка беременна, и вновь соскучилась о государѣ.

„Для-бога,—заботливо пишетъ Петръ,—чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чего сама знаешь, что желаю—и лучше ѣхать, нежели печалиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать, а вѣдаю, что не утерпишь, и которою дорогою поѣдешь—дай знать".

„Дай-боже,—вновь пишетъ царь по отправкѣ предыдущаго письма,— чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ застало, чего въ олтерацыі (въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости дожидаюсь по вся часы".

Тутъ же отправляетъ къ ней „славнѣйшаго лѣкаря“ — и снова выражаются безпокойство, боязнь и радость.

Какъ ни любитъ онъ дѣло, но и за дѣломъ онъ скучаетъ, когда долго не видитъ своего „друга сердешнинкого“. Тоску свою онъ, конечно, выражаетъ шуткой, но въ этой шуткѣ сквозитъ истинная тоска: „горазда безъ васъ скучаю“—пишетъ царь изъ Вильны, — и прибавляетъ съ знаніемъ народнаго юмора: потому-де онъ скучаетъ, что „ошить и обмыть некому...“

„Предаю васъ къ сохраненіе божіе и желаю васъ въ радости видѣть, что дай, дай Боже!“

И пріѣхавъ въ „Питербурхъ“, въ свое любимое дѣтище, Петръ скучаетъ: „Для Бога, пріѣзжайте скоряй; а ежели зачѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу васъ“.

„Хочется мнѣ съ тобою видѣться—вновь пишетъ онъ — а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того, что я въ двадцать семь лѣтъ былъ, а ты въ сорокъ два года не была“.

Это писалось тогда, когда Катеринушкѣ было двадцать семь лѣтъ, а царю—сорокъ два года: оттого она иногда называетъ его въ шутку своимъ „старичкомъ“,—и „старичокъ“ дѣйствительно тосковалъ по своей милой молодкѣ.

„Откуда же проистекала—спрашиваетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей и знатковъ этого времени—эта тоска по милой, или, лучше сказать, чѣмъ поддерживала Катеринушка такую страсть въ Петрѣ, въ человѣкѣ бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ?“

Едва ли Петра можно назвать „непостояннымъ“: его первая любовь— къ Аннѣ Монсъ, и его послѣдняя привязанность—къ Екатеринѣ, напротивъ, доказываютъ, что этотъ человѣкъ, если любилъ кого истинно—то ужъ любилъ навсегда и постоянно, какъ любилъ онъ свое дѣло и Россію. Вообще, очень ошибочно нѣкоторые писатели изображаютъ „чернорабочаго царя“ какимъ-то вѣтренымъ, легковѣрнымъ по отношенію къ женщинамъ: это—не его натура, не его стиль, если можно такъ выразиться.

Что̀,—спрашиваетъ тотъ же писатель,—приносила съ собой Екатерина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

„Съ нею явилось веселье,—отвѣчаетъ онъ:—она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга—то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять живѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты этой, по судьбѣ своей, замѣчательной женщины; портреты эти современны ей и нынѣ украшаютъ романовскую галлерею въ Зимнемъ дворцѣ. Черты лица Екатерины неправильны; она вовсе не была красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ вздернутомъ носѣ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще, во всей физіономіи столько жгучей страсти, въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что немудрено понять, какъ такой колоссъ, какъ Петръ, всецѣло отдался этому „сердешниинькому другу“.

Далѣе, тотъ же писатель говоритъ о ней: „Женщина, не только лишенная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла являть предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и, вообще, интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что „жена его, а моя мачиха—умна!“ и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ. Таковы письма его къ Катеринушкѣ съ извѣстіями о битвахъ съ шведами, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его—самой ей пріѣхать для поздравленія съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтки по поводу сдачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно знаменательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ „другомъ Катеринушкой“: „мы, слава Богу, здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо левъшею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!“

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра „сердешниинькой другъ Катеринушка“ выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ, вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній; ни то, ни другое не высказывается; но въ то же время здѣсь въ полушутливомъ и въ полусерьезномъ тонѣ являются выраженія удовольствія, даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій. Такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ Катеринушки—нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и, къ полному своему удовольствію, видѣлъ съ ея стороны сочувствіе къ его внутреннимъ дѣяніямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно; Петръ не требовалъ больше, что видно даже изъ его порученій женѣ; всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ высмотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кое-какія вещи, съѣстные припасы, а чаще всего пива да вина. Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ, въ одной изъ цидулокъ государь просилъ, между прочимъ, чтобъ „Катеринушка погодила до середы распростатца“ (отъ бремени). За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодницей его страстей и привычекъ; тѣ и другія охватили ея собственнымъ существомъ. Такъ съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе предметы мужа, то есть, пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти, хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній. Количество подобныхъ подарковъ распредѣлялось Екатериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на минеральныхъ водахъ онъ получалъ презенты въ „одну бутылочку“.—„Чаю, что духъ пророческой въ тебѣ есть,—благодарилъ Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ,—что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велятъ въ день пить; и такъ сего магарыча будетъ съ меня“.

Но не въ этомъ только проявлялись достоинства Екатерины. Кромѣ ея

ласковости, нѣжности и предупредительности къ Петру, она была добра и сердечна по природѣ: всякій обиженный смѣло шелъ къ ней; всякій, подпавшій подъ сиверку „Петрушеньки", прятался за „матушку" Екатерину Алексѣевну—и она сглаживала съ царя эту сиверку, и спасала дѣйствительно невинныхъ, а иногда заслоняла собой и виновныхъ, просто по своей добротѣ

Она была, дѣйствительно, также и умна. Съ какимъ тактомъ она умѣетъ во время похвалить своего „Петрушеньку" за полтавскую викторію, поговорить о его любимыхъ корабликахъ, обо всемъ, что составляло духовную жизнь ея „старичка".

„Поздравляю васъ, батюшка моего,—пишетъ она царю,—сынкомъ Ивана Михайловича, который нынѣ отъ болѣзни своей, благодаритъ Бога, совсѣмъ уже выздоровѣлъ, и хотя къ кампаніи, такъ готовъ. — Какимъ образомъ оный сынокъ свобожденъ, о всемъ о томъ будетъ вамъ извѣстно отъ Брауна; а я вкратцѣ доношу, какъ слышала, что учинена въ немъ самая малая скважинка возлѣ киля, и конечно отъ якоря".

„Сынокъ"—это не что иное, какъ корабль, который былъ пробитъ якоремъ и судьба котораго, конечно, безпокоила Петра: „сынокъ" выздоровѣлъ,—пишетъ Катеринушка.

Въ другомъ письмѣ она шутливо возбуждаетъ ревность мужа, говоритъ, что безъ него она обѣдала съ „ковалерами, которые по 290 лѣтъ", и также шутитъ насчетъ князя-кесаря Ромодановскаго, называя его, какъ и самъ Петръ называлъ Ромодановскаго—„государемъ" и „его величествомъ"; самого же царя называетъ „другомъ сердешнымъ контра-адмираломъ" и „господаномъ", а часто также „хозяиномъ".

„Другъ мой сердешной господин господанъ контра адмирал здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я приѣхала сюда по писму вашему. У государя нашева со многимъ прошениемъ просила, чтоб онъ изволил побыть здѣсь до успеньева дни. Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляяя многия свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ паки сюда приѣхать къ сентябрю мѣсяцу, и отсель изволитъ итить конечно сего маия 25 числа. При семъ прошу вашей милости, дабы изволил увѣдомит меня своим писаніем о состояніі дражайшего своего здравия и счастливомъ вашем прибытіи к Ревелю, что даждь Боже. Засимъ здравие вашеі милости в сохранение божие предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Из Санктъпитербуха мая 23. 1714 г.".

„P. S. вчерашняго дня была я въ питер гофе, гдѣ обѣдали со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣт. А именно тихон Никитичь, король самояцкой, Іванъ Гавриловичь Беклемишев, Іван Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтоб вы не изволили приревновать".

Въ другомъ посланіи извѣщаетъ, что получила письмо отъ маленькихъ своихъ царевенъ, „отъ детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою".

„При отпуске сего доносителя,—пишетъ она вновь,—ко извѣстию вашей

милости иного не имѣю, токма что здѣсь, за помощию вышняго, благополучно состоитъ. А я зѣло сожалѣю, что после перваго вашего писания, которое изволил писат от финских берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили мене увѣдомит о состоянiи своего дражайшего здравия, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости полпива и свѣже просоленныхъ огурцовъ; дай Боже вам оное употреблят на здравие. За сим здравие вашей милости во всегдашнее божие сохранение предавъ, остав жена твоя Екатерина. Отъ 30 Iюля 1714. Ревель.

P. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ оная была у вас ли или где инде о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ куриеромъ Кишкинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣния были".

Это была, дѣйствительно, морская битва со шведами. Русскiе побѣдили, и Петръ радостно извѣщалъ жену „о николи у насъ бывшей викторiи на морѣ надъ шведскимъ флотомъ".

Екатерина, съ своей стороны, радуется и поздравляетъ съ побѣдой.

„А что ваша милость изволили упомянуть в своем писмѣ, чтоб мнѣ здѣсь вашу милость ожидать, а ежели мнѣ будет время, то ѣхать въ санктъ питербухъ, и я сердечно желаю счастливаго вашего сюда прибытия. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену променят не изволите"— замѣчательная фраза въ ея устахъ.

А далѣе, въ концѣ письма, вновь шутитъ: „Прошу должной мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею викториее господина князь баса (Ивана Головина); також извольте у него спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые имъ у шведовъ корабли) какъ онъ пожалуетъ, детми или пасынками?

Всякая шутка супруги вызывала отвѣтную остроту отъ царя, и иногда шутки эти заходили очень далеко.

Такъ, Екатерина разъ шутливо намекала царю о какихъ-то „забавахъ", конечно, не дозволенныхъ, съ точки зрѣнiя супружества, и Петръ отшучивался: „и того нѣтъ у насъ, понеже мы люди старые и не таковскiе". Дѣйствительно „не таковскiе".

А въ другой разъ самъ колетъ свою Катеринушку:

„Пишешь ты, якобы для лекарства, чтобъ я не скоро къ тебѣ прiѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого нибудь вытнѣе (лучше, здоровѣе) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ тарунъчанъ? я больше чаю—изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двема леты занялъ. Такъ-то вы евины дочки дѣлаете надъ стариками!"

Царь часто шутитъ надъ своей „старостью", потому что былъ на пятнадцать лѣтъ старѣе своей супруги, а равно подтруниваетъ и надъ ея мнимой невѣрностью.

„Хотя ты меня и не любишь,—пишетъ онъ изъ-за границы, гдѣ лѣчился, и извѣщая, что ему лучше,—однакожъ чаю, что тебѣ сiя вѣдомость не противна, и рюмку выпьешь купно съ своими столпами".

Замѣчательно, что во всѣхъ ста четырехъ письмахъ къ Екатеринѣ Петръ только разъ упоминаетъ о царевичѣ Алексѣѣ, и то опять-таки шуточно, по поводу его женитьбы на кронъ-принцессѣ Шарлоттѣ. Въ этомъ письмѣ царь велитъ Екатеринѣ „объявить всешутѣйшему князь-папѣ и протчимъ, чтобъ пожаловалъ благословеніе подалъ симъ молодымъ, облекшися во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими“.

Чувствуетъ Петръ, что все болѣе и болѣе старѣется и болѣетъ чаще: заѣдаетъ его недужье, безсилье да „чечюй“. А Катеринушка отъ недужья и безсилья шлетъ ему, гдѣ бы онъ ни былъ, „крѣпиша“ — водки, или „армитажу“ — вина.

Но ему все тоскуется безъ жены, а вѣчно съ ней быть невозможно.

Вотъ, онъ по дѣлу въ Ревелѣ, и не забываетъ своего „друга сердешнинькаго“—посылаетъ ей изъ ревельскаго дворцоваго саду цвѣты да мяту, что сама Катеринушка садила, и приписываетъ: „Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно“.

Съ своей стороны, Екатерина, благодаря мужа за цвѣты и мяту, пишетъ изъ Петербурга:

„И у насъ гулянья есть довольно: огородъ раскинулся изрядно и лучше прошлогодного; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалѣю, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ. Мнѣ это не дорого, что сама садила: мнѣ то пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фруктовъ... дай Боже во здоровье кушать“.

Уѣхалъ Петръ лѣчиться въ Спа на минеральныя воды, и постоянно пищетъ своему другу о томъ, что скучаетъ, что пьетъ за ея здоровье— „по чаркѣ крѣпиша съ племянникомъ“, т. е. водки.

„И мы,—отвѣчаетъ ему Катерина,—Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ“, т. е. выпьемъ хмѣльнаго за здоровье „старичка“.

Чаще и чаще начинаетъ она писать своему „старичку“ о его любимомъ царевичѣ, но не о злосчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, а о маленькомъ Петрѣ Петровичѣ, котораго они называли „шишечкою“.

Въ одномъ письмѣ, когда Петръ находился еще во Франціи, Екатерина пишетъ, что если бъ онъ былъ при ней, „то бъ новаго шишеньку здѣлала бы“.

„Дай Богъ,—отвѣчаетъ на это „старичокъ“,—чтобъ пророчество твое сбылось!“

„Однакожъ я чаю,—пишетъ Екатерина пребывающему во Франціи супругу,—что вашей милости не такъ скучно, какъ намъ, ибо вы всегда можете Фоминъ понедѣльникъ тамъ сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые“.

„Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомои (прачки), — пишетъ она вновь,—однакожъ и старая не забываетъ“...

„Другъ мой, ты, чаю, описалась о портомоѣ,—отвѣчаетъ Петръ,—понеже у Шафирова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старъ“...

„Понеже,—далѣе шутитъ онъ,—во время питія водъ домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради и матресу свою отпустили къ вамъ“...

„А я больше мню—возражаетъ ему Екатерина—что вы оную матресишку изволили отпустить за ея болѣзнью, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченья изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего Боже сохрани, чтобъ и галанъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала“.

Или еще въ этомъ же родѣ, по поводу того, что Петръ все называлъ себя старикомъ:

„Дай Богъ мнѣ, дождавшись, вѣрно дорогимъ называть старикомъ,—шутитъ Екатерина,—а нынѣ не признаю, и напрасно затѣяно, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей—старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся“...

Ничего не пропускалъ царь, чтобъ не сообщать о томъ Катеринушкѣ. Было у него въ Парижѣ свиданіе съ маленькимъ французскимъ королемъ, котораго русскій великанъ, во время визитной встрѣчи, взялъ на руки и внесъ во дворецъ.

И вотъ, по этому поводу великанъ пишетъ своей супругѣ:

„Объявляю вамъ, что въ прошлой понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній каралища, которой пальца на два болѣе Луки нашего, карлы, дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому седмь лѣтъ“.

Все болѣе и болѣе, старѣя и недужая, отдавался царь своей послѣдней страсти—до изысканности нѣжной привязанности къ Катеринушкѣ и ея дѣтямъ, и все болѣе холодѣлъ къ царевичу Алексѣю, который казался ему недостойнымъ владѣть великою страною.

И Екатерина молчала о царевичѣ Алексѣѣ—въ письмахъ ея онъ забытъ, какъ забытъ и въ письмахъ отца. Естественно, что, какъ мать, она помнитъ только о своемъ ребенкѣ, о великомъ князѣ Петрѣ Петровичѣ, о своемъ „шишенькѣ“ или „Піотрушкѣ“, какъ она его иногда называла. Она постоянно величаетъ отцу эту крошку „сантпитербурскимъ хозяиномъ“.

Зато, когда Петръ каралъ царевича Алексѣя и его сторонниковъ, когда ему вездѣ видѣлась кровь казненныхъ, и его мощная голова тряслась отъ страшныхъ, переживаемыхъ имъ минутъ жизни, Екатерина съ замѣчательнымъ, громаднымъ тактомъ женщины заслоняетъ передъ нимъ эту картину ужасовъ умилительною картиною семейнаго ихъ счастья съ новыми дѣтьми.

„Прошу, батюшка мой, обороны отъ Піотрушки,—пишетъ она царю, занятому страшнымъ процессомъ царевича Алексѣя,—понеже не малую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а имянно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любитъ той рѣчи, что уѣхали; но болѣе любитъ то и радуется, какъ молвишь, что здѣсь папа“.

Съ своей стороны, и лейбъ-медикъ Блюментростъ пишетъ царю о маленькомъ царевичѣ: „государь царевичь, слава Богу, въ добромъ обрѣ-

тается здравіи и глазку его высочества есть полегче, тако жъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно, что и коренные хотятъ выходить".

Екатерина не даетъ Петру забыть о младшемъ сынѣ и царь ждетъ отъ него больше, чѣмъ дождался отъ перевенца Алексѣя.

„Оный дорогой нашъ шишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и при помощи божіей во свое состояніе происходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою"...

А этого-то и не любилъ несчастный старшій братъ его, царевичъ Алексѣй, за что и погибъ.

Сказнивъ всѣхъ сторонниковъ этого царевича, похоронивъ и его самого, царь топитъ свое глубокое горе — не могъ же онъ не любить его!— въ новыхъ походахъ, въ новой кипучей дѣятельности, которая и поддерживала и ломала его желѣзную силу: онъ носится по морю, воюетъ вновь со шведами, и тоскуетъ по семьѣ, а все перемогается.

„Ты меня хотя и жалѣешь,—пишетъ онъ Екатеринѣ,—однакожъ не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жена Тоуба (начальника шведской эскадры), которая его со всѣмъ флотомъ такъ спрятала, что не только его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полуторѣ мили только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Ваксгольмомъ и всѣми батареями". А въ реляціи объявляетъ о побѣдахъ адмирала Апраксина — „адміралъ нашъ едва не всю Швецію растлилъ своимъ великимъ сикориномъ" (копьемъ).

„Всепокорно прошу вашу милость,—отвѣчаетъ на это Екатерина,— дабы писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ письмѣ изволите жаловать, что я жалѣю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева швецкая желаетъ съ вами въ любви быть: въ томъ та не безъ сумнѣнія. А ктому жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надъ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подъ такія уже толь не малыя лѣта да какое счастіе получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ не было! Для-бога прошу вашу милость — одного его сюда не отпускать, а извольте съ собою вмѣстѣ привесть".

Но здоровье державнаго гиганта годъ-отъ-году становится хуже и хуже. Онъ почти постоянно на лѣкарствахъ.

А, между тѣмъ, желѣзная воля его требуетъ дѣятельности. Онъ, не удовольствовавшись войною съ шведами, но и не разставаясь надолго съ Катеринушкой, безъ которой постоянно скучалъ, идетъ въ персидскій походъ.

Но и оттуда онъ возвращается больной...

„А подлѣ больного Петра—еще блестящѣе, еще эффектнѣе наружность полной, высокой, далеко еще не недужной Екатерины,—говоритъ цитиро-

ванный нами выше знатокъ петровскаго времени.—Благодаря современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 годъ, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она—то въ дорогомъ серебряной ма теріи платьѣ, въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества ништадтскаго мира; роскошная черная коса убрана со вкусомъ; на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка; черные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонкорозоваго цвѣта ноздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечъ, высоко поднятой груди,—все вмѣстѣ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Екатерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности.

„Печалуясь" въ цидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что, по характеру своему, она не была способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьезно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣивалась интимнымъ другомъ, Виллимомъ Монсомъ, съ его фамиліей.

„Но неужели,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь, — не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги—необыкновенной властью, своимъ вмѣшательствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ даетъ пищу неблагопріятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его „сердешнинькаго друга?"...

Но оставимъ эти догадки, имѣющія болѣе анекдотическое, а не историческое значеніе—онѣ излишни.

Мы уже знаемъ, что нашелся такой голосъ, который шепнулъ на ухо царю, и, можетъ быть, напрасно!

Мы знаемъ также, что прекрасная, хотя не безукоризненно честная голова камеръ-юнкера очутилась на колу, а потомъ, говорятъ, въ спирту, въ кунсткамерѣ. Тутъ, вѣроятнѣе всего, много сказочной подкраски.

Какъ бы то ни было, ровно за полгода до этой страшной катастрофы (о которой мы по необходимости должны были подробнѣе упомянуть при характеристикѣ Матрены Балкъ), когда чей-то невѣдомый голосъ шепнулъ царю—можетъ быть недостойную клевету на его ненаглядную „Катеньку",—въ Москвѣ совершено было торжество коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны.

Пышность торжества была невиданная, да и самое событіе—рѣдко повторяющееся въ исторіи: нѣкогда плѣнная дѣвушка Марта Скавронская, приведенная въ русскій станъ въ одной сорочкѣ, вѣнчалась императорскою короною и облекалась въ царскую порфиру...

Современники говорятъ, что императрица заплакала при этомъ...

„Ты, о Россія!—превозглашалъ въ этотъ день знаменитый нашъ па-

стырь и ораторъ Θеофанъ Прокоповичъ,—не засвидѣтельствуеши ли ты о богомвѣнчанной императрицѣ твоей, что всѣ дары и добродѣтели Семирамиды вавилонской, Тамиры скиθской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи, императрицы римской, и иныхъ именитыхъ женъ Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видѣши въ ней нелицемѣрное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дщерямъ, великому внуку и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищетѣ, милосердіе къ бѣднымъ и виноватымъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по мнѣнію аки огнь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во всесладкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отмещетъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умягчаетъ. О необычная!.. великая героиня... о честный сосудъ... И яко отецъ отечества, благоутробную сію матерь россійскую вѣнчавый, всю нынѣ Россію твою вѣнчалъ еси!.. Твое, о Россія! сіе благолѣпіе, твоя красота, твой верьхъ позлащенъ солнца яснѣе просіялъ".

Послѣ коронаціи, Екатерина Алексѣевна нѣсколько дней оставалась еще въ Москвѣ, а государь раньше ея уѣхалъ въ Петербургъ.

И опять начинаетъ скучать о ней: видно, самому чувствовалось, что недолго оставалось ему жить на свѣтѣ.

„Катеринушка, другъ мой сердешниинькой, здравствуй!—пишетъ онъ ей съ дороги.—Я вчерась прибылъ въ Боровичи слава Богу благополучно, здорово, гдѣ нашолъ нашихъ потрошонковъ („потрошонки"—это царскія дѣти) и съ ними вчерась поплылъ на одномъ суднѣ... зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасаюсь, развѣ съ дождей вода прибудетъ; а ежели не прибудетъ и сносно тебѣ будетъ, лучшебъ до Бронницъ ѣхать сухимъ путемъ; а тамъ ямы частые—не надобно волостныхъ... Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготовили... дай Боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ".

А черезъ нѣсколько дней уже пишетъ изъ Петербурга:

„Нашелъ все, какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ повеселились („огородъ"—это лѣтній садъ); только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется—все пусто безъ тебя... и ежели бъ не празники зашли, уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Питергофъ... дай Богъ васъ въ радости здѣсь видѣть вскорѣ!"

Пришелъ ноябрь. Царю подали безыменное письмо. Началось страшное дѣло Монсъ и его сестры Балкъ.

Мы обойдемъ это дѣло: мы уже знаемъ, что чуть ли не оно подкосило послѣднюю силу пятидесяти-шестилѣтняго колосса.

27-го генваря 1725 года, въ четвертомъ часу пополуночи, Екатерина

овдовѣла: вмѣсто Петра Великаго, всю жизнь не знавшаго устали, во дворцѣ лежалъ посинѣлый трупъ.

Дворецъ точно замеръ на нѣсколько мгновеній. Но трупъ не вставалъ—не просыпался.

„И тотчасъ вопль, которые ни были, подняли: сама государыня отъ сердца глубоко вздохнула чуть жива, и когда бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевной голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться", говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Плакалъ, говорятъ, весь Петербургъ. Во всѣхъ полкахъ не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ угаснувшей силѣ—о солдатскомъ отцѣ.

Плакала и императрица, занявшая осиротѣлый тронъ своего великаго покойника.

Осиротѣлые птенцы этого дѣйствительно небывалаго въ мірѣ „чернорабочаго царя"—князь Меншиковъ, Бутурлинъ, Ягужинскій, Девіеръ, Макаровъ и Нарышкинъ—тѣсно сомкнулись вокругъ державной вдовы.

Въ первые дни императрица совсѣмъ не выходитъ изъ своихъ покоевъ: она появляется только у гроба своего супруга.

Совершила она и похороны Петра: Петербургъ, по словамъ современниковъ, казался осиротѣлымъ, скорбнымъ.

„Но да отыдетъ скорбь лютая,—возглашалъ тотъ же Ѳеофанъ у гроба покойника:—Петръ, въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ россіянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямого по немъ помощника въ жизни и подоборавнаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и манархиня и матерь всероссійская? Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому".

Иностранные дворы спѣшили поздравить императрицу съ восшествіемъ на престолъ. Особенно поздравленіе персидскаго шаха было оригинально, если вѣрить запискамъ княгини Дашковой.

„Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра—писалъ шахъ,—что Богъ не одарилъ тебя любовію къ крѣпкимъ напиткамъ: я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки, и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдственной постелѣ".

Вступивъ на престолъ, императрица Екатерина I оставалась такою же, какою была и при Петрѣ: русскою землею правилъ Меншиковъ, это „дитя сердца" (Herzenskind) „чернорабочаго царя", какъ справедливо называли и того, и другого.

Мы полагаемъ, что о Екатеринѣ, какъ исторической женщинѣ, сказано достаточно.

IX.

Дарья Ивановна Колтовская.

Прошло не болѣе четверти столѣтія съ того времени, какъ русская общественная почва, говоря словами одного стариннаго оратора, была вспахана реформами Петра и засѣяна новыми сѣменами, какъ уже успѣли высказаться и положительныя, и отрицательныя стороны введенныхъ въ русскую жизнь новыхъ началъ: нововспаханная почва дала и пшеницу, и куколь, и не легко было потомъ русскому обществу очищать свою ниву отъ сорныхъ травъ, извлекать изъ новыхъ началъ то хорошее, которое они въ дѣйствительности имѣли и могли дать.

Оттого противники новыхъ началъ, не безъ основанія, говорили, что то хорошее, которое навязывается силою, не бываетъ хорошо, что принятое по принужденію—не бываетъ прочно, а навѣянное вѣтромъ—вѣтромъ и разносится.

Противники новыхъ началъ утверждали, что съ бочкою меду въ русскую жизнь влита и ложка дегтю, что отрицаніе старины внесло съ собою до нѣкоторой степени и отрицаніе общественной нравственности, неуваженіе къ обычаю перешагнуло за черту уваженія ко многому, что признавалось дорогимъ и священнымъ, что насильно обритая старость хотя и вызывала справедливый смѣхъ молодежи, но за смѣхомъ надъ обритою и переряженною въ нѣмецкій кафтанъ старостью стояла уже прямая деморализація этой смѣющейся молодежи, какъ результатъ ея легковѣрія: старые-де столбы подрублены, новые не вогнаты въ почву—и все общественное зданіе расшатано.

Какъ на прямой результатъ насильственныхъ нововведеній указывали на усилившуюся безнравственность общества, которое не знало, чему вѣрить—старому или новому, на развратъ, на продажность, взяточничество и, наконецъ, на ослабленіе семейныхъ связей, хотя едва ли можно отрицать, чтобы недостатковъ этихъ не было и въ дореформенной Руси.

Болѣе всего указываютъ на деморализацію женщины. Жить съ постороннимъ мужчиною въ неодобрительной связи, говорятъ, перестало для женщины быть позоромъ.

Все это, конечно, мнѣнія нѣсколько преувеличенныя. Хотя дѣйствительно первая половина XVIII вѣка представляетъ относительно весьма замѣтную вольность нравовъ, но женщина въ общемъ едва ли сдѣлалась деморализованнѣе оттого, что она стала до нѣкоторой степени жить общественною жизнью, стала выѣзжать въ ассамблеи, танцовать съ посторонними мужчинами.

Были случаи, гдѣ женщина, дѣйствительно, доходила до паденія и до преступленія, какъ фрейлина Марья Даниловна Гамильтонъ; но случаи эти всегда были въ человѣческомъ обществѣ и едва ли не всегда будутъ.

Такою, случайно нарушившею законы общественной нравственности, женщиною представляется намъ и Колтовская, которой имя сохранила исто-

рія потому только, что женщина эта не любила своего мужа и, не уважая его памяти, открыто соединила свою жизнь съ человѣкомъ, котораго любила, но связь съ которымъ не освящалась закономъ.

Колтовская была первою у насъ женщиною, которая выступаетъ въ той именно обстановкѣ и въ томъ общественномъ положеніи, кои въ настоящее время принято называть „гражданскимъ бракомъ".

Дарья Ивановна Колтовская была женою сѣвскаго воеводы Григорія Алексѣевича Колтовскаго—слѣдовательно, женщина болѣе или менѣе высшаго круга.

У Колтовскаго подъ начальствомъ служилъ незначительный чиновникъ—подъячій Максимъ Пархомовъ, на котораго Колтовская и обратила свое вниманіе.

Дружба Колтовской и Пархомова приняла такія формы, что имъ не возможно было оставаться врозь, и они должны были искать совмѣстной жизни.

Но Пархомовъ былъ женатъ. Жена была препятствіемъ для соединенія его съ Колтовскою, и онъ рѣшился отстранить это препятствіе.

Пархомовъ видѣлъ множество примѣровъ постриженія женъ въ монахини отъ живыхъ мужей: Грозный постригъ не одну свою супругу; на глазахъ Пархомова Петръ Великій постригъ въ инокини первую свою супругу Евдокію Ѳедоровну Лопухину и жилъ въ непризнанномъ бракѣ—по крайней мѣрѣ, такъ говорили—съ Анною Монсъ, а потомъ съ Мартою Скавронскою, пока эта послѣдняя не стала его законною супругою

Пархомовъ послѣдовалъ этимъ внушительнымъ примѣрамъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1722 г. онъ постригъ свою жену Ирину, при помощи игумена Филагрія, настоятеля рыльскаго никольскаго монастыря волынской пустыни,—и взялъ себѣ за жену бывшую воеводшу Колтовскую.

Нѣсколько лѣтъ прожила такимъ образомъ Колтовская съ Пархомовымъ, пока противъ ихъ незаконнаго сожитія не возбуждено было судебное преслѣдованіе.

Дѣло дошло до святѣйшаго синода.

Колтовская и Пархомовъ были арестованы и привезены въ Петербургъ.

Синодъ, разсматривая это дѣло, нашелъ, что Пархомовъ постригъ свою жену „безъ указу", а Колтовская отдалась ему „для беззаконнаго прелюбодѣянія".

Въ то время рѣшенія духовнаго суда основывались на „Кормчей книгѣ", на евангеліи, на правилахъ вселенскихъ соборовъ и на русскомъ спеціальномъ судебникѣ — „Духовномъ Регламентѣ".

Обращаясь къ этимъ церковнымъ узаконеніямъ, синодъ встрѣчалъ слѣдующія, подходящія къ данному случаю, статьи:

„Всякъ отпущаяй жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу пойметъ, прелюбодѣйствуетъ" (Матв. V, 31—32).

„Оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ

своей, и будета оба въ плоть едину, яко же къ тому нѣста два, но плоть едина: еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“ (XIX, 5—6).

„Иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творитъ на ню“ (Мар. X, 11—12).

„Женяйся пущеницею, прелюбодѣетъ“ (Лук. XVI, 18).

Въ первомъ посланіи къ коринѳянамъ апостола Павла: „А оженившымся завѣщеваю, не азъ, но Господь, женѣ отъ мужа не разлучатися; аще ли же и разлучится, да пребываетъ безбрачна, или да смирится съ мужемъ своимъ, и мужу жены не отпущати“ (VII, 10—11).

Въ правилахъ карѳагенскаго собора: „Бракомъ совокупившимся распущающимся, аще не смирится, да пребываетъ тако: аще ли ино, къ покаянію да понуждени будутъ“ (прав. 102). Въ толкованіи на это правило: „Угодно бысть собора сего, по евангельскому ученію, никому же своя жены не изгнати; просто не разлучится отъ нея. Аще прилучится или мужу восхотѣвшему, или женѣ, разлучитися отъ сожительства, и не смиритася и не восхощета паки слитися и купно жити, да пребудутъ паки во единствѣ, и другому браку да не сочетаются“.

Къ этимъ всѣмъ яснымъ и опредѣленнымъ для даннаго случая законамъ приведено прямое подкрѣпленіе изъ „Духовнаго Регламента“ о монахахъ: „Не принимать мужа, жену живу имѣющаго. Обычай его есть, что мужъ съ женою взаимное согласіе творить, что мужъ въ монахи постригся, а жена бы свободна была пойти за иного. Сей разводъ простымъ кажется быть правильный, но слову Божію противенъ, ежели для единой сей причины дѣется; а хотя бы и была причина къ разводу довольная, однако жь сего не дѣлати мужу съ женою самовольно, но представятъ о томъ разводѣ епископу своему обстоятельно, которому, подлинно освидѣтельствовавъ, для разсужденія и опредѣленія писать въ святѣйшій синодъ, а не получа изъ синода резолюцій, таковыхъ разводовъ не чинить“.

Между тѣмъ, синодъ находилъ, что Пархомовъ не только прежде постриженія жены своей не указалъ на нее, за что бы она могла быть пострижена, или какъ выражено въ рѣшеніи синода, не показалъ на жену „правильной вины письменно“, но даже ни отъ кого не требовалъ указнаго опредѣленія, въ случаѣ если бъ жена его даже добровольно пожелала принять постриженіе; напротивъ, онъ постригъ ее насильно и женился на Колтовской „весьма неправильно“.

Изъ всего изложеннаго синодъ заключалъ, что Пархомовъ поступилъ „выше показаннымъ господнимъ словесамъ и апостольскому и святыхъ отецъ преданію противно“.

Только 16-го декабря 1726 года, уже по смерти Петра Великаго, состоялось постановленіе синода по дѣлу Колтовской и Пархомова, и этимъ постановленіемъ опредѣлялось—Колтовскую и Пархомова развести.

Вслѣдствіе этого,—говорилось въ объявленіи синода,—„оные, Пархомовъ и Дарья Колтовская, разведены, и другъ съ другомъ жить имъ не велѣно, о чемъ и указъ имъ сказанъ, съ крѣпкимъ за преслушаніе под-

твержденіемъ, въ чемъ онъ, Пархомовъ, маія 24 дня, 1727 года, и собственноручно подписался, что исполнять то святѣйшаго синода опредѣленіе будетъ".

Послѣ объявленія этого рѣшенія подсудимымъ, они были отосланы подъ карауломъ въ юстицъ-коллегію, которая, не освобождая ихъ, должна была дослѣдовать дѣло свѣтскимъ судомъ, а потомъ вновь прислать въ синодъ для наложенія на виновныхъ церковнаго покаянія.

Но судъ свѣтскій оказался милостивѣе духовнаго: Пархомова и Колтовскую не только не осудили, но даже предоставили имъ полную свободу, и они начали вновь жить по старому.

Синодъ узналъ объ этомъ только черезъ полтора года, когда у Колтовской, послѣ опредѣленія синодомъ развода ея съ Пархомовымъ, родился ребенокъ.

Вину въ этомъ дѣлѣ синодъ весьма справедливо взводилъ на свѣтскій судъ, который освободилъ подсудимыхъ, какъ выражается синодъ, „знатно по страсти презирающихъ законныя повелѣнія".

Могло быть и такъ, что свѣтскіе судьи были подкуплены подсудимыми: продажность суда въ то время, какъ видно и изъ манифеста Екатерины II, доходила до вопіющихъ размѣровъ.

„А нынѣ извѣстно, — говоритъ синодъ, — что онъ, Пархомовъ, на свободѣ ходитъ и живетъ паки съ оною прелюбодѣицею, Дарьею Колтовскою, единокупно, и называетъ ее себѣ женою, и чрезъ приходскихъ священниковъ объявилося, что и дѣтище съ нею, послѣ выше помянутаго разводу, прижилъ, и правильное святѣйшаго синода по законамъ Божіимъ запрещеніе ихъ въ томъ богопротивномъ прелюбодѣйствѣ и опредѣленіе уничтожаетъ, за что грядетъ гнѣвъ божій на сыны противленія".

Послѣ этого возникаетъ вторичное дѣло о Колтовской. Ее и Пархомова судятъ уже за сопротивленіе духовному суду.

Вторичное опредѣленіе синода было таково: „Оныхъ противниковъ, Максима Пархомова и прелюбодѣицу его, Колтовскую, донедеже пребываютъ въ упрямствѣ своемъ и не возвратятся съ покаяніемъ, отлучить отъ церкви, и входа церковнаго имъ нигдѣ не давати, и въ домъ ихъ ни съ какими церковными требами не входить".

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ послѣднемъ своемъ рѣшеніи синодъ руководствовался не „Духовнымъ Регламентомъ", а постановленіемъ московскаго собора 1667—1668 года—чисто русскимъ историческимъ закономъ, состоявшимся, какъ говорится въ объявленіи синода, „при прадѣдѣ его императорскаго величества, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея Россіи самодержцѣ, и при бытіи святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, Паисія александрійскаго, Макарія антіохійскаго, Іоасафа московскаго и всея Россіи, и многихъ греческихъ архіереевъ и всѣхъ россійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего освященнаго собора, за руками ихъ, о не слушающихъ и противящихся".

Извѣстно, что соборное постановленіе это состоялось по поводу суда надъ патріархомъ Никономъ—за его сопротивленіе духовному суду.

Законъ этотъ примѣненъ былъ и въ данномъ случаѣ къ Колтовской и Пархомову.

Синодъ приводитъ этотъ замѣчательный по своей силѣ и по своему историческому значенію законъ:

„Аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ святаго и животворящаго духа, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отца и сына и святаго духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесоединенія и стада, и отъ церкви божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. А кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ и распеншими Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, и каменіе, и древеса да разрушатся и да растлятся. И той да будетъ не разрѣшенъ и растленъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Въ заключеніе этого строгаго постановленія было выражено:

„Которое соборное изложеніе и святѣйшій правительствующій синодъ утверждаетъ и по содержанію онаго тою властію и силою всесвятаго духа, на вышереченныхъ мерзкихъ прелюбодѣйцовъ, Пархомова и вдову Колтовскую, сіе изреченіе заключаемъ неотмѣнно“.

Дальнѣйшая судьба Колтовской намъ неизвѣстна.

Мы не считали себя въ правѣ обойти эту женщину въ своихъ очеркахъ потому, что она представляетъ собою явленіе, до нѣкоторой степени характеризующее то переходное нравственное состояніе, которое въ началѣ прошлаго столѣтія переживала Россія, явленіе, которое—если бы было въ болѣе древней русской жизни, то едва ли выразилось бы въ такихъ формахъ, въ какихъ выразилось оно въ эпоху нравственнаго броженія русскаго общества.

Можно утвердительно сказать, что Колтовская въ XVII-мъ вѣкѣ не поступила бы такъ открыто, какъ поступила она въ XVIII-мъ, и, безъ сомнѣнія, облекла бы свою привязанность къ любимому человѣку въ иныя формы.

X.

Анна Петровна,

герцогиня голштинская.

Въ то время, когда культурныя начала общественной жизни западной Европы, съ наступленіемъ XVIII столѣтія, какъ бы силою ворвавшись въ неподвижный дотолѣ строй русской жизни, выводили русскую женщину изъ

терема, моленной и кладовой, вырывали ее изъ-за монастырскихъ стѣнъ и темной монастырской кельи, опрокидывали весь застывшій на „Домостроѣ“ повседневный обиходъ боярыни, боярышни, княгини, княжны и царевны и намѣчали типъ новой русской женщины, — подъ крыломъ этой послѣдней выростали дочери и внучки, для которыхъ старая жизнь становилась уже преданіемъ и которыя, съ своей стороны, готовили поколѣнія будущихъ русскихъ женщинъ, съ инымъ характеромъ, инымъ типомъ и иною физіономіею, такихъ женщинъ, въ коихъ бабушки и прабабушки ихъ XVII вѣка не признали бы своихъ внучекъ и правнучекъ. Эти послѣднія начинаютъ уже кой-чему учиться, и учиться не одному „четью-пѣтью церковному“, которому обучались ихъ бабушки, и то рѣдкія, а чему-то другому, правда— весьма скудному, но все же выходящему изъ узкихъ рамокъ „четья-пѣтья церковнаго“ и вышиванья воздуховъ и поясовъ для своихъ духовниковъ.

Уже Меншиковъ, въ 1705 году, пишетъ — какъ мы видѣли — своей будущей невѣстѣ, Дарьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, жившей въ то время съ его двумя молоденькими сестрами при дворѣ царевны Натальи Алексѣевны— „для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило“.

И дѣвушки второго поколѣнія XVIII вѣка начинаютъ уже учиться не только больше, чѣмъ учились ихъ бабушки, но и больше своихъ матерей и предшественницъ, больше чѣмъ учились красавицы Анна Монсъ, Матрена Балкъ, Марта Скавронская, гетманша Скоропадская и другія.

Къ этому-то второму поколѣнію женщинъ XVIII вѣка принадлежитъ и та женская личность, которая въ нашихъ настоящихъ очеркахъ стоитъ теперь на очереди—царевна Анна Петровна.

Царевна Анна была второю дочерью Петра Великаго и Марты Скавронской, которая, въ то время, когда родилась эта дѣвочка-царевна, не именовалась еще Екатериной Алексѣевной, а называлась или Мартою Скавронскою, или „госпожею Кохъ“, или же „Катериною Василеѳъскою“.

Эта дочь Марты и Петра родилась 27 января 1708 года и въ первые годы своей жизни не носила ни титула княжны, ни титула царевны, потому что сама мать ея не носила никакихъ еще титуловъ.

О дѣвочкѣ пишутъ въ одномъ письмѣ, отъ 28-го декабря 1708 года, просто какъ объ „Аннушкѣ“: „при семъ извѣстую—Аннушка во здравіи“.

Хотя въ то время и издавался уже календарь и въ немъ каждый годъ помѣщались члены царской фамиліи, но о дочеряхъ Петра до самаго 1724 года не упоминалось ни разу—какъ будто бы ихъ не было: не упоминалось и объ „Аннушкѣ“ или о царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Только уже въ календарѣ на 1725 годъ—годъ смерти Петра Великаго—показаны дни тезоименитства великихъ княженъ Анны, Елизаветы и Натальи Петровенъ; но зато ничего не упоминается о дняхъ тезоименитства дѣтей царевича Алексѣя Петровича— Петра и Натальи.

Какъ дочь Петра, жаждавшаго знаній, страстно любившаго всякія на-

учныя свѣдѣнія, гдѣ бы онъ ни сталкивался съ ними въ своей дѣловой, неутомимо-рабочей жизни, маленькая „Аннушка“ должна была учиться, и дѣйствительно училась.

Хотя о дѣтскомъ ея періодѣ, вообще, не имѣется почти никакихъ свѣдѣній, но объ этомъ именно обстоятельствѣ, о направленіи воспитанія дѣвочки новымъ путемъ, отшатнувшимся отъ программы „Домостроя“, сохранились нѣкоторыя извѣстія.

Одинъ изъ бытописателей прошлаго вѣка, Штелинъ, со всею свойственною ему простотою передаетъ, со словъ будто бы императрицы Елизаветы Петровны, такой фактъ, что однажды Петръ, заставъ своихъ маленькихъ дочерей, ее — Елизавету Петровну, и старшую ея сестру „Аннушку“, за чтеніемъ писемъ госпожи Ламбертъ, приказалъ перевести ему оттуда одну страницу. Ему перевели.

— Счастливы вы, дѣти,—сказалъ онъ.—что васъ воспитываютъ и въ молодыхъ лѣтахъ пріучаютъ къ чтенію полезныхъ книгъ! Въ своей молодости я былъ лишенъ и дѣльныхъ книгъ, и добрыхъ наставниковъ.

Дѣвочка, такимъ образомъ, училась не только русскому, но и нѣмецкому и французскому „ученью“, о необходимости котораго для своихъ сестеръ настаивалъ и Меншиковъ, и знала нѣсколько языковъ. Для того времени и это уже былъ великій шагъ женщины къ новой фазѣ ея гражданскаго вочеловѣченія.

Когда дѣвочкѣ было только шесть лѣтъ, она уже умѣла нѣсколько писать, и въ одномъ изъ писемъ ея матери, Екатерины, къ Петру, отъ 1714 года, когда царь былъ въ отсутствіи и воевалъ со шведами на морѣ, видимъ приписку: получила письмо—говоритъ Екатерина царю—„отъ детей нашихъ, въ которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою“.

Когда дѣвочкѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, то у этой крошки былъ уже свой небольшой придворный штатъ. Одинъ писатель прошлаго вѣка, Веберъ, упоминаетъ между прочимъ, что впослѣдствіи гофмейстериною маленькой царевны сдѣлана была Клементова (Klementoff), и при этомъ получила титулъ баронессы.

Дѣвочка подростала и становилась завидною невѣстою для разныхъ германскихъ и иныхъ владѣтельныхъ князей и принцевъ, которые желали бы охотно заручиться родственнымъ и политическимъ союзомъ съ такимъ сильнымъ тестемъ, какимъ былъ обладатель великаго московскаго царства, повидимому, наступившаго уже широкою пятою на горло сѣвернаго льва, безпокойнаго рубаки Карла XII.

Такимъ соискателемъ руки царевны Анны Петровны явился Фридрихъ-Карлъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, явился такъ поспѣшно, что невѣстѣ только что исполнилось одиннадцать лѣтъ. Герцогу голштинскому страстно хотѣлось пріобрѣсти право на шведскій престолъ, который былъ сильно пошатнутъ рукою Петра: эта загрубѣлая въ работѣ рука могла помочь молодому герцогу, которому было всего двадцать лѣтъ, сѣсть на тотъ престолъ, на которомъ не сидѣлось войнолюбивому и „бранливому“ Карлу XII.

Въ этихъ видахъ юноша отдался подъ покровительство русскаго царя, и, чтобъ пріобрѣсти болѣе реальное право на это покровительство, явился искателемъ руки маленькой царевны Анны.

Бассевичъ утверждаетъ, что дядя молодого герцога умолялъ юношу не рисковать поѣздкой въ Россію, въ эту „страну варваровъ". Онъ напоминалъ ему, что въ этой невѣдомой для Европы странѣ уже постигло большое несчастіе одного изъ голштинскихъ герцоговъ, такого же молодого и неопытнаго юношу:—онъ разумѣлъ, вѣроятно, или Магнуса, или „титулярнаго короля" Ливоніи, женившагося когда-то на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Старицкой, или молодого принца Іоанна, несчастнаго жениха Ксеніи Годуновой, сложившаго въ Москвѣ свою молодую красивую голову и свои кости въ чужую землю, или же, наконецъ, принца Вольдемара, котораго много лѣтъ не выпускали изъ Москвы, куда онъ пріѣхалъ свататься за дочь царя Михаила Ѳедоровича, царевну Ирину Михайловну.

Но молодой герцогъ не послушался своего дяди и рѣшился попытать счастья, которое, дѣйствительно, не легко далось ему въ руки: подобно отдаленному предшественнику своему, отважному норманну, Гаральду норвежскому, совершившему чудеса храбрости, чтобъ заслужить любовь русской красавицы, княжны Елизаветы, дочери Ярослава, и въ безнадежной страсти мыкавшемуся по морямъ и пѣвшему свою знаменитую пѣсню о томъ, что „дѣва русская Гаральда презираетъ",—подобно этому „великану сумрака", новѣйшій Гаральдъ, голштинскій принцъ Фридрихъ-Карлъ употреблялъ неимовѣрныя старанія, чтобъ заслужить любовь русской „Аннушки", тосковалъ и кутилъ, отчасти, въ Россіи цѣлые годы, и хотя не производилъ чудеса храбрости, но, ища случая увидѣть свою красавицу, давалъ подъ ея окнами серенады, вздыхалъ, страдалъ, — а русская „Аннушка" все оставалась для него недоступнымъ сокровищемъ.

Петръ Великій былъ не-прочь, однако, отдать свою любимицу „Аннушку" за герцога, чтобъ имѣть въ немъ и черезъ него претендентство на шведскій престолъ и его именемъ брать у Швеціи клочки балтійскаго поморья полною горстью; но согласіемъ на бракъ почему-то очень долго медлилъ— и не безъ причины.

Впрочемъ, невѣста была еще такъ молода — это было совсѣмъ дитя, еще не вышедшее изъ отрочества.

Герцогъ прибылъ въ Россію инкогнито, подъ именемъ и званіемъ русскаго „прапорщика", и прежде всего, на пути своемъ въ Петербургъ, явился въ Ригу. Съ герцогомъ пріѣхалъ и камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся въ свитѣ жениха, и этотъ-то Берхгольцъ оставилъ драгоцѣнныя записки о пребываніи герцога въ Россіи, о сватовствѣ, о неудачахъ этого долгаго сватовства, о всѣхъ, наконецъ, наиболѣе рельефныхъ и мельчайшихъ, но характерныхъ событіяхъ того времени.

Берхгольцъ говоритъ, что онъ увидалъ царевну Анну Петровну лѣтомъ 1721 года, въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, который тогда еще назывался царскимъ „огородомъ". По его словамъ, маленькая царевна была

прекрасна, какъ ангелъ, съ чуднымъ цвѣтомъ лица, съ удивительными руками и станомъ, довольно уже высокаго роста, брюнеточка. Красота ея была дѣйствительно замѣчательна, по отзывамъ всѣхъ, знавшихъ царевну. Это былъ типъ самого Петра—только типъ женскій, смягченный, улучшенный, хотя дѣвушка и походила на отца поразительно.

Берхгольцъ описываетъ даже костюмъ ея съ младшей сестрой Елизаветой Петровной: княжны одѣты великолѣпно, причесаны по послѣдней парижской модѣ—Европа сильно задѣла своимъ культурнымъ крыломъ Россію, когда въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ Петербургъ началъ уже жить парижскими модами, въ началѣ XVIII вѣка, черезъ тридцать лѣтъ послѣ стрѣлецкихъ бунтовъ!

Но герцогъ рѣдко имѣлъ счастье видѣть ту, для которой пріѣхалъ изъ-за моря. Его держали въ почтительномъ отдаленіи отъ великихъ княженъ. Когда царь и царица уѣзжали куда-либо изъ Петербурга, царевны вовсе не показывались жениху, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, будто и онѣ выѣхали куда-нибудь.

Исторія Гаральда, такимъ образомъ, повторяется черезъ семьсотъ лѣтъ!

Камеръ-юнкеръ герцога, Берхгольцъ, ведетъ дневникъ. Какъ счастливѣйшіе дни въ жизни своего молодого герцога, Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ тѣ немногіе и кратковременные моменты, когда герцогу удавалось видѣть юныхъ княженъ при какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ.

Встрѣчаясь съ невѣстой, герцогъ положительно робѣлъ, былъ застѣнчивъ, почти не рѣшался заговорить съ нею. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Только съ 21-го октября онъ почему-то успѣлъ побѣдить свою робость и сталъ выказывать дѣвушкѣ болѣе нѣжнаго вниманія, въ разговорахъ — болѣе свободы и смѣлости. Мало того, онъ старался оказывать ей рыцарскіе знаки своей сердечной привязанности: такъ, однажды, замѣтивъ, что игра его волторнистовъ нравится молоденькой княжнѣ, онъ сталъ ѣздить по Фонтанкѣ мимо оконъ дворца, находившагося тогда въ Лѣтнемъ саду, а музыканты его играли ноктурно.

На прогулкахъ онъ искалъ случая встрѣтить княжну, заговорить съ нею, полюбоваться ею.

Разъ это счастье улыбнулось ему: Берхгольцъ разсказываетъ, что однажды герцогъ встрѣтился съ княжной въ саду и даже осмѣлился поцѣловать у нея ручку. Счастье молодого человѣка, по словамъ Берхгольца, было выше всякой мѣры.

Въ это время заключенъ былъ ништадтскій трактатъ. Изъ словъ и намековъ Петра, герцогъ долженъ былъ ожидать всего своего благополучія отъ заключенія этого трактата. Но оказалось, что въ статьяхъ ништадтскаго договора о герцогѣ не было упомянуто даже ни однимъ словомъ, а напротивъ—Россія обязывалась никоимъ образомъ не вмѣшиваться въ дѣла Швеціи.

Герцогъ и всѣ бывшіе съ нимъ голштинцы упали духомъ.

Чтобы утѣшить ихъ, по Петербургу распустили слухъ, что герцогъ, наконецъ, женится на дочери царя.

Этотъ слухъ польстилъ самолюбію герцога—надежды его вновь воскресали.

Въ день тезоименитства императрицы Екатерины Алексѣевны, въ Катерининъ день, 24-го ноября, герцогъ давалъ серенаду подъ окнами дворца.

„Старшая принцесса—говоритъ по этому случаю Берхгольцъ—ясно показала тогда, что она большая любительница музыки, потому что почти постоянно во время серенады держала тактъ рукою и головою. Его высочество часто обращалъ взоры къ ея окну и, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ: онъ питаетъ къ ней большое уваженіе и неописанную любовь, которую обнаруживаетъ при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ съ нами“.

Но, несмотря на эти завѣренія Берхгольца о страстной любви герцога къ тринадцатилѣтнему ребенку-невѣстѣ, страсть эта подвержена сильному сомнѣнію: герцогъ, видимо, искалъ не одного миловиднаго личика хорошенькой и благородной по сердцу царевны, не одной любви ея, а въ придачу къ ней и, главное, въ первой мѣрѣ—шведскаго престола, котораго онъ надѣялся достигнуть только черезъ нее, царевну, а потомъ уже и руки своей невѣсты, еще, впрочемъ, не нареченной.

Сомнѣніе это становится неопровержимымъ, когда мы скажемъ, что, женившись на той, къ которой онъ показывалъ столько робкой и глубокой страсти, герцогъ слишкомъ жестко отнесся къ своему божеству, не только, тотчасъ послѣ вѣнца, украдкой глотавшему горькія слезы, а вполнѣ изстрадавшемуся потомъ подъ гнетомъ тяжелой жизни съ этимъ, умѣвшимъ хорошо притворяться, молодымъ искателемъ шведской короны и русскихъ денегъ.

Но объ этомъ въ свое время...

Въ началѣ 1722 года царскій дворъ переѣхалъ въ Москву. За дворомъ переѣхалъ туда и герцогъ.

А о свадьбѣ все не было ни рѣчи, ни даже намека.

Время, между тѣмъ, все идетъ. Голштинцы все ждутъ напрасно.

Хотя, затѣмъ, въ февралѣ, на фейерверкѣ, у герцога, по приказанію царя, изображенъ былъ видъ голштинской столицы, города Киля, съ плывущими къ нему, съ одной стороны, русскимъ кораблемъ съ дѣвою, а съ другой—шведскимъ кораблемъ съ короною, однако же, о бракѣ опять-таки не было сказано ни слова: всѣ оставались такъ церемонно-любезны и сдержанны, начиная отъ самого царя и кончая молоденькими царевнами.

Между тѣмъ, французскій посланникъ Кампредонъ пишетъ въ Парижъ о предложеніи царя выдать царевну Анну за принца шартрскаго—и герцогъ голштинскій ничего объ этомъ не знаетъ: его, видимо, водятъ—ни отвѣта, ни привѣта.

Наступаетъ пасха. Герцогъ видитъ, что всѣ русскіе христосуются, цѣлуются. Ему понравился этотъ добрый обычай. И вотъ онъ—проситъ императрицу позволить и ему, по русскому обычаю, похристосоваться. Ему позволяютъ—и онъ цѣлуется съ царевнами.

„Старшая,—замѣчаетъ при этомъ Берхгольцъ,—по врожденной застѣнчивости, поколебалась было немного, однако послѣдовала знаку импера-

трицы; но младшая, Елизавета Петровна, тотчасъ подставила свой розовый ротикъ для поцѣлуя".

И герцогъ снова радъ—его фонды, видимо, поднимаются: онъ пьетъ за здоровье царской фамиліи—онъ веселъ, онъ даже навеселѣ, снова выпиваетъ нѣсколько бокаловъ и, откланиваясь императрицѣ и царевнамъ, вновь цѣлуется и съ матерью-императрицею, и съ дѣвушками—великими княжнами.

Въ свитѣ герцога радость и ликованье. Голштинцы распиваютъ на радостяхъ нѣсколько кубковъ и ложатся спать отуманенные.

Но вотъ, царь собирается ѣхать въ персидскій походъ и предлагаетъ герцогу оставить безъ него Россію. Надежды жениха окончательно рушатся. Тогда между царемъ и герцогомъ является посредникомъ Бассевичъ, голштинецъ же, и ему удается исходатайствовать у Петра позволеніе молодому герцогу остаться въ Москвѣ. Но, между тѣмъ, Петръ тайно приказываетъ Меншикову увезти великихъ княженъ въ Петербургъ.

Герцогъ узнаетъ объ этомъ, и за нѣсколько верстъ отъ Москвы устраиваетъ въ палаткахъ прощальный пиръ. Онъ думаетъ, что, проѣзжая мимо палатокъ, царевны сдѣлаютъ ему честь—остановятся, что онъ задержитъ ихъ въ палаткѣ, сдѣлаетъ ихъ участницами прощальнаго обѣда; но царевны вышли изъ экипажа только на нѣсколько минутъ, и тотчасъ же уѣхали. Съ горя голштинцы сами сѣли за роскошный столъ, приготовленный для царевенъ, и волей-неволей отпировали на холостую ногу.

А время все идетъ. Наступаетъ уже 1723 годъ.

Въ этомъ году герцогу удается вновь увидѣть свою красавицу, въ Петербургѣ. По словамъ Берхгольца, царевна все хорошѣетъ, а дѣла герцога все не двигаются.

Вообще, это сватанье напоминаетъ средневѣковые подходы рыцаря къ дамѣ своего сердца: цѣлые годы проходятъ, а рыцарь все ломаетъ на турнирахъ копье въ честь своей возлюбленной, носитъ ея цвѣтъ, вздыхаетъ у подъемнаго моста ея замка, словно голштинскій герцогъ у Фонтанки, и только на какомъ-нибудь годовомъ турнирѣ издали увидитъ свою богиню въ числѣ „ста красавицъ свѣтлоокихъ" и отъ одного вида ея и блеска глазъ разгорается его забрало, какъ говорится въ одной легендѣ, переложенной въ прекрасную балладу.

Но вотъ, голштинцы замѣчаютъ, что къ концу 1723 года съ герцогомъ становятся необыкновенно любезны при дворѣ.

Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Наступаютъ именины невѣсты, 3 февраля 1724 года. Свита герцога замѣчаетъ, что самъ Петръ очень внимателенъ къ ихъ господину—и свита начинаетъ надѣяться, что конецъ ея ожиданій не далекъ, что ихъ скоро отпустятъ домой, въ дорогой имъ родной Киль, съ молодою герцогиней.

Но и это былъ ложный лучъ надежды.

„Къ сожалѣнію,—говоритъ Берхгольцъ,—это было напрасно; надо надѣяться, что, съ помощію Божіею, воспослѣдуетъ всему желанный конецъ въ коронацію", которая ожидалась въ маѣ этого года.

Герцогъ, однако, становится все смѣлѣе и настойчивѣе: бывая навеселѣ, онъ уже называетъ Петра „батюшкою"—и свита его радуется такимъ успѣхамъ своего молодого господина.

Наступаетъ четвертый Катерининъ день со времени пріѣзда герцога въ Россію—и только въ этотъ день, 24 ноября 1724 года, при посредствѣ Остермана и голштинцевъ Бассевича и Штамке, написанъ былъ брачный контрактъ голштинскаго герцога Фридриха-Карла и цесаревны Анны Петровны.

Въ 21-й статьѣ контракта опредѣлялось и обезпечивалось будущее хозяйство Анны Петровны и ея будущихъ дѣтей, назначался для нея штатъ, опредѣлялись „маетности" и употребленіе ея приданаго, которое, кромѣ драгоцѣнностей и уборовъ, состояло въ трехстахъ тысячахъ рублей единовременной выдачи. Анна Петровна должна оставаться въ греческой вѣрѣ, а дѣти ея—мальчики—должны быть крещены по лютеранскому обряду, а дѣвочки—воспитываться въ православной вѣрѣ. Анна Петровна и мужъ ея отказываются и за себя, и за потомство отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону россійской имперіи.

Три „секретные артикула" контракта гласили: Россія обязывается помогать герцогу голштинскому достигать шведской короны, возвратить Шлезвигъ; а со стороны Петра—право („власть и мочь") призвать, по своему усмотрѣнію, „къ сукцессіи короны и имперіи всероссійской одного изъ урожденныхъ отъ сего супружества принцевъ", и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю императора, „безъ всякихъ кондицій".

Тутъ же Берхгольцъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ съ свойственною ему откровенностью:

„Надобно замѣтить, что несравненная, прекрасная принцесса Анна назначена въ супруги нашему государю, чего и мы всѣ горячо желали. Такимъ образомъ, теперь кончилась неизвѣстность—на долю старшей или младшей принцессы выпадетъ этотъ жребій. Хотя ничего нельзя сказать противъ красоты и пріятности послѣдней (Елизаветы Петровны), однако, всѣ мы, по многимъ основаніямъ, желали отъ всего сердца, чтобы старшая, то-есть принцесса Анна, досталась нашему государю".

Петръ, между тѣмъ, думалъ иначе: „ему все хотѣлось свою „Аннушку": отдать за французскаго короля—это жребій болѣе завидный, чѣмъ быть голштинскою герцогинею. Французская корона и корона Голштиніи—тутъ выборъ ясенъ. Но представитель французскаго королевства Кампредонъ все отвѣчалъ неопредѣленно, уклончиво—вотъ что и понудило Петра рѣшиться, наконецъ, на этотъ голштинскій компромиссъ: онъ, что называется, не вытерпѣлъ, а Кампредонъ сказалъ, что французскому королю была бы болѣе выгодною невѣстою великая княжна Елизавета Петровна, которая и моложе Анны лѣтами, и живѣе характеромъ.

На другой день по заключеніи контракта Петръ пригласилъ герцога—едва ли не въ первый разъ—обѣдать запросто, по семейному,—и съ тѣхъ поръ герцогъ могъ ужъ видѣть свою невѣсту ежедневно.

Бассевичъ прямо говоритъ, что Петръ желалъ и не скрывалъ этого желанія, чтобъ послѣ его смерти наслѣдовала Анна, его любимая дочь, и Кампредонъ говоритъ тоже, что послѣ смерти своего маленькаго „Піотрушки", великаго князя Петра Петровича, царь все хотѣлъ „Аннушкѣ" передать „сукцессію" на россійское царство.

Но вотъ въ январѣ 1725 года царь тяжко занемогаетъ.

Больной Петръ, давно уже перемогавшійся, сразу почувствовалъ, что кончина его близка, началъ было писать что-то „отдать".... и не могъ дальше продолжать своего послѣдняго завѣщанія; рука его, такъ много работавшая, такъ твердо державшая и скипетръ, и историческую палицу, бившую всякаго лѣнтяя и подлеца, попадавшаго подъ палицу, рука, державшая такъ умѣло и топоръ, и пилу, и командирскій рупоръ, и рюмку съ анисовкой, и перо, такъ много писавшее,—эта рука отказывалась больше писать, и царь послалъ за своей „Аннушкой", чтобъ ей продиктовать послѣднюю волю; но когда великая княжна подошла къ отцу—онъ ужъ былъ безъ языка.

Послѣ смерти отца Анна Петровна страшно тосковала, „потому что,— говоритъ Берхгольцъ,—императоръ всегда показывалъ неописанную нѣжность и любовь къ обѣимъ дочерямъ, и въ особенности къ старшей".

Изъ ничтожества, какимъ герцогъ казался при Петрѣ, со смертію его онъ мгновенно выросъ въ значеніи при дворѣ. Екатерина, видимо, была расположена къ нему, такъ какъ хорошо понимала, что многимъ обязана была Бассевичу, голштинцу же, при вступленіи на престолъ.

Назначена была, наконецъ, свадьба.

Въ апрѣлѣ герцогъ нанялъ лучшій тогда въ Петербургѣ домъ графа Апраксина, стоявшій на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зимній дворецъ, за три тысячи рублей въ годъ, и переѣхалъ туда передъ самой свадьбой.

Бракосочетаніе совершено было въ Троицкой церкви, на Петербургской сторонѣ, 21-го мая 1725 года. Епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, одинъ изъ птенцовъ Петра, послѣ свадебнаго обряда благословилъ новобрачныхъ по-славянски, а герцогу переводилъ свое пастырское благословеніе на латинскій языкъ.

Въ этотъ же день, въ ознаменованіе торжества, императрица Екатерина Первая учредила орденъ Александра-невскаго.

Въ сентябрѣ молодые ѣздили осматривать ладожскій каналъ, любимое дѣтище Петра-строителя. Въ деревнѣ Лавѣ они остановились ночевать. Ночлегъ дала имъ просторная мужицкая изба. Въ избѣ этой оказалось много дѣтей, особливо дѣвочекъ. Говорятъ, что Анна Петровна, всегда ласковая къ дѣтямъ и любившая ихъ общество, созвала всѣхъ этихъ ребятишекъ и съ удовольствіемъ провела съ ними весь вечеръ, несмотря на то, что это были крестьянскіе, не всегда опрятные ребятишки, а пріемная комната—крестьянская изба. Утромъ дѣти опять собрались къ доброй царевнѣ, пѣли ей пѣсни,—и Анна Петровна всѣхъ ихъ одарила деньгами.

Но дочери Петра съ тѣхъ поръ уже не улыбалось счастье.

Время скоро разоблачило характеръ рыцаря, послѣ свадьбы показавшаго свое лицо изъ-за забрала. Замужество, видимо, не сулило Аннѣ Петровнѣ ничего хорошаго, потому что изъ угодливаго и робкаго Фридрихъ-Карлъ тотчасъ послѣ вѣнца превратился въ надменнаго и безтактнаго гордеца и деспота. Даже на императрицу онъ пересталъ обращать вниманіе.

Аннѣ скоро пришлось плакать тайкомъ, чтобъ никто не видалъ слезъ молодой голштинской герцогини. Екатеринѣ же пришлось раскаиваться, что поспѣшила свадьбой; но было уже поздно.

Началась тяжелая жизнь для молодой герцогини – семейныя сцены, дрязги, ревность; слезы, говорятъ, часто льются и сквозь золото.

Впечатлительное сердце молодой женщины было привязчиво; она вся отдавалась своимъ добрымъ побужденіямъ, и даже къ несчастному сыну царевича Алексѣя Петровича, къ великому князю Петру Алексѣевичу, всѣми брошенному, она одна показывала постоянную и непритворную привязанность. Зато герцогъ не удостоилъ даже посѣщеніемъ этого будущаго русскаго императора, Петра Второго.

Вообще, герцогъ былъ далеко не находка: болѣзненный, некрасивый собой, дурной нравственности, ревнивый и мотъ—онъ былъ, говорятъ современники, мученіемъ для своей доброй и нѣжной жены, которую въ одинъ годъ вогналъ въ могилу.

Гоненія на Анну начались скоро, еще въ Россіи.

Въ одно время Анна Петровна обратила благосклонное вниманіе на камергера Тессина, молодого человѣка изъ свиты своего мужа, обратила вниманіе потому, что это былъ умный, образованный мужчина среди кутилъ герцогской свиты—и ревнивый герцогъ тотчасъ же удалилъ Тессина въ Берлинъ на зло женѣ. Анна Петровна была обижена и оскорблена этой грубой выходкой, и не явилась на праздничное торжество, на которомъ должна была присутствовать.

Вообще, съ этимъ несчастнымъ бракомъ все, повидимому, отшатнулось отъ бѣдной женщины. Даже при дворѣ матери-императрицы ей стали оказывать мало уваженія, потому что для русскихъ царедворцевъ она, по русскому обычаю и по народнымъ понятіямъ, стала „отрѣзаннымъ ломтемъ“.

„Генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ, сидя однажды во дворцѣ,—передаетъ Кампредонъ,—нѣчто великому князю Петру Алексѣевичу на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у окна въ той же палатѣ, плакала, и въ такой печальный случай онъ, Девіеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на кровати: „о чемъ печалишься? Выпей рюмку вина!“

Вѣроятно, когда бы былъ живъ Петръ, онъ, генералъ-полицеймейстеръ, не рѣшился бы сказать такихъ словъ любимой дочери царя.

Но вотъ умираетъ и Екатерина—новое горе плачущей молодой герцогинѣ.

Положеніе дѣлъ при дворѣ мгновенно измѣняется. Голштинское вліяніе отступаетъ на заднiй планъ, и величіе надменнаго герцога сразу рухнуло.

Многіе думали, что до совершеннолѣтія Петра II, государствомъ будетъ управлять Анна Петровна, какъ всѣмъ извѣстно—любимѣйшая дочь Петра Великаго, о которой и Бутурлинъ говоритъ—„она была умильна собою и пріемна, и умна, походила на отца“...—всѣ шансы были на ея сторонѣ.

Но ничьи надежды въ этомъ отношеніи не сбылись, несмотря даже на то, что и въ духовномъ завѣщаніи Екатерины I, написанномъ, по взаимному соглашенію, Меншиковымъ и Бассевичемъ, было многое сказано въ пользу Анны Петровны и голштинцевъ; Меншиковъ же всѣхъ ихъ и оттеръ отъ регентства, въ глубинѣ души своей проча императорскую корону одной особѣ, еще почти дѣвочкѣ, о которой никто не могъ и предполагать, какъ о тайной претенденткѣ на русскую корону. Объ этой дѣвочкѣ будетъ сказано въ свое время.

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, Бассевичъ подалъ въ верховный совѣтъ меморіалъ, въ которомъ просилъ объ исполненіи тѣхъ статей завѣщанія покойной императрицы, гдѣ дочерямъ Петра и Фридриху-Карлу голштинскому предоставлялись разныя денежныя выдачи, гдѣ упоминалось о покупкѣ дома для голштинскаго посольства и для свиты герцога, а равно, предоставлялось имъ нѣсколько комнатъ въ академіи наукъ.

Верховный тайный совѣтъ ничего не отвѣчалъ на этотъ меморіалъ—голштинцамъ оставалось ждать. Ждала своей участи и Анна Петровна.

Но вотъ, вмѣсто отвѣта на меморіалъ, тайный совѣтъ объявляетъ оберъ-гофмейстеру Анны Петровны, Нарышкину, чтобы онъ наблюдалъ, исполняется ли герцогомъ все согласно брачнаго контракта и выдаются ли Аннѣ герцогомъ проценты съ трехсотъ тысячъ рублей, данныхъ ей въ приданое. Нарышкинъ отвѣчаетъ, что онъ ничего не знаетъ ни о контрактѣ, ни о деньгахъ. Тогда тайный совѣтъ посылаетъ къ Бассевичу приказъ—доставить требуемое свѣдѣніе какъ относительно денегъ, такъ и обо всемъ, что касается выгодъ цесаревны“.

Въ отвѣтъ на это Бассевичъ и Штамке, доводятъ до свѣдѣнія тайнаго совѣта, что герцогъ намѣренъ оставить Россію.

Вслѣдствіе этого совѣтъ даетъ ему въ распоряженіе два фрегата и шесть ластовыхъ судовъ. Герцогъ требуетъ, вмѣсто фрегатовъ, кораблей—и ему отказываютъ. Потомъ идетъ рѣчь объ уплатѣ милліона рублей, который слѣдовалъ герцогинѣ Аннѣ по завѣщанію матери. Въ совѣтѣ рѣшаютъ, чтобы герцогъ, получая деньги, обязался употреблять ихъ по волѣ Анны Петровны, чтобъ она была совершенно увѣрена въ сохранности этого капитала.

Наконецъ, наступаетъ для герцогини Анны время отъѣзда изъ Россіи, разставанье съ родиной.

Аннѣ Петровнѣ выдаютъ часть завѣщаннаго ей матерью милліона—именно двѣсти тысячъ рублей. Получивъ деньги, она было на квитанціи расписалась: „наслѣдная принцесса россійская“; но совѣтъ возразилъ, что такой титулъ предосудителенъ для россійскаго императора, который одинъ

по своей волѣ можетъ располагать наслѣдствомъ, а потому предложилъ ей расписаться такъ: „урожденная принцесса всероссійская“...

Министры герцога представляютъ верховному совѣту, что Аннѣ Петровнѣ прискорбно будетъ, если раздѣлъ ея съ сестрой Елизаветой Петровной состоится не при ней и она ничего не въ состояніи будетъ взять на память о матери. Анна Петровна, съ своей стороны, проситъ реестръ наслѣдственныхъ вещей, но при этомъ охотно уступаетъ Петру и его сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ все, что имъ понравится, а упоминаетъ только, что остались еще два сундука, которые не внесены въ раздѣлъ. Верховный тайный совѣтъ отвѣчаетъ, что для раздѣла наслѣдственныхъ вещей назначена будетъ особая комиссія и что всѣ вещи, имѣющія достаться Аннѣ Петровнѣ, будутъ переданы голштинскому министру; что, наконецъ, императору и сестрѣ его изъ тѣхъ вещей ничего не нужно, но что сундуки будутъ разсмотрѣны.

25-го іюля 1727 года Анна Петровна навсегда оставила Россію. Съ ней отправилась въ Голштинію и француженка Латуръ Лануа (La Tour l'Annois), которая находилась при ней во время ея дѣтства, а теперь опять пріѣхала изъ Франціи къ своей любимой царевнѣ.

Анна Петровна горько разставалась съ Россіею, горько плакала. Да и было о чемъ: деспотъ мужъ уже достаточно успѣлъ выказаться—чего же ждать тамъ, вдали отъ Россіи, отъ родныхъ, когда и здѣсь ей приходилось подчасъ очень тяжко?

Въ своей столицѣ, веселомъ Килѣ, герцогъ скоро истратилъ всѣ взятыя изъ Россіи деньги—промоталъ приданое жены на роскошь, на кутежи—и уже въ мартѣ 1728 года снова просилъ изъ Россіи помощи—въ размѣрѣ шестидесяти тысячъ рублей.

Анна Петровна была уже беременна.

Вотъ что по этому поводу писала изъ Киля въ Россію, отъ 26-го октября 1727 года, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, одна изъ находившихся при дворѣ Анны Петровны приближенная къ ней особа, именно Мавра Шепелева, въ своемъ очень остроумномъ, но далеко не отличающемся своими грамматическими качествами письмѣ, которое мы передаемъ съ дипломатическою точностію:

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревна Элизабетъ Петровна!

„Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу в добромъ здоровье. Еше шъ увѣдомились мы, что ваша высочество веселитися, и желаимъ мы, чтобъ вашему высочеству болѣ веселья иметь, а печал николи бы болѣ не иметь. Еше шъ данашу, что ваша сестрица всо готовитъ, а имено: чепъчики и пелонки, и ужъ по всякой день варошитъца у ней въ брухе вашъ будущей племянникъ, или племянъница, и комнаты ужъ готовы. Инова вашему высочеству писать за скоростію не имѣю, точію остаюсь вашева высочества веръная раба.

Мавра Шепелева.

„У нас в Кили очень дажди велики и ветри, а печи всо железьнія, и то маленкия“.

Такъ-то писала приближенная къ Аннѣ Петровнѣ особа будущей императрицѣ россійской, молоденькой цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Но бѣдной сестрѣ ея, Аннѣ Петровнѣ, недолго привелось жить вдали отъ родины.

Скоро она разрѣшается отъ бремени сыномъ Карломъ Петромъ-Ульрихомъ, или—будущимъ императоромъ Петромъ Третьимъ, тѣмъ именно „племянникомъ“ будущей императрицы Елизаветы Петровны, который „по всякой день варошитъца въ брухѣ“ у матери, — и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умираетъ, не достигнувъ двадцати лѣтъ отъ роду!

Екатерина II-я положительно говоритъ, что бѣдная женщина умерла чахоткой отъ непріятностей и семейныхъ огорченій.

Подобно Ксеніи Годуновой, умирая, она проситъ похоронить ее въ Россіи, около гроба славнаго и дорогого ей отца.

За тѣломъ герцогини посланъ былъ корабль „Рафаилъ“ и фрегатъ. Контръ-адмиралъ Бредаль былъ начальникомъ эскадры. Въ печальномъ посольствѣ этомъ находились президентъ ревизіонъ-коммисіи Иванъ Бибиковъ, архимандритъ и два русскихъ священника.

12-го октября 1728 года тѣло Анны Петровны подъѣзжало къ Кронштадту. Минихъ получилъ изъ Москвы высочайшее повелѣніе встрѣтить прахъ съ подобающею честью и похоронить въ Петропавловскомъ соборѣ, что и было исполнено 12-го ноября.

Веберъ зналъ эту несчастную, такъ мало жившую любимѣйшую дочь Петра Великаго: у него,—говоритъ онъ,—нѣтъ достаточно силъ, способностей и искусства, чтобы описать достойно всѣ похвальныя качества ея. Это была прекрасная душа въ прекрасномъ тѣлѣ. Петръ любилъ ее съ видимою нѣжностью: герцогиня и по наружности, и по уму чрезвычайно походила на него.

Бассевичъ, съ своей стороны, говоритъ: „Щедрая и очень образованная, герцогиня говорила, какъ на своемъ родномъ языкѣ, по-французски, по нѣмецки, по-итальянски и по-шведски. Съ дѣтства показывала она неустрашимость героини, а въ отношеніи присутствія духа она напоминала своего великаго отца. Вотъ примѣръ этому: молодой графъ Апраксинъ признался ей въ любви. На это признаніе Анна Петровна отвѣчала презрѣніемъ. Полный надежды и смѣлости, Апраксинъ засталъ ее однажды одну и кинулся къ ногамъ, предлагая свою шпагу, чтобы она кончила и жизнь, и мученія его. Анна Петровна отвѣчала рѣшительно, что она готова исполнить эту просьбу. Это такъ испугало Апраксина, что онъ началъ просить извинить его безумство и дерзость. Великая княжна отмстила только тѣмъ что разсказъ ея объ Апраксинѣ сдѣлалъ его смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ“

Вспомнимъ, что черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ смерти Анны Петровны въ 1773 году, за Волгой, между раскольниками, на Иргизѣ и Яикѣ явился невѣдомый человѣкъ, который говорилъ, что онъ— сынъ этой дочери Петра Великаго

То былъ—Пугачовъ.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

		Стр.
	Предисловіе	V—X
I.	Анна Монсъ	1
II.	Гетманша Скоропадская	15
III.	Матрена Балкъ	23
IV.	Фрейлина Гамильтонъ	32
V.	Кронъ принцесса Шарлотта	39
VI.	Дѣвка Афросинья	57
VII.	Александра Салтыкова	68
VIII.	Екатерина I.	77
IX.	Дарья Колтовская	92
X.	Анна Петровна	96

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Д. Л. Мордовцева.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

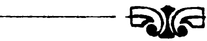
Біографическіе очерки изъ русской исторіи

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖЕНЩИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВѢКА.

Томъ XXXVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 мая 1902 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 9.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Графиня Головнина.

(Графиня Екатерина Ивановна Головкина, урожденная кесаревна Ромодановская).

— На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другомъ моимъ? Я любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно.

Такъ отвѣчала Головкина, когда, послѣ осужденія ея мужа, вице-канцлера графа Михайло Гавриловича Головкина, на вѣчную ссылку въ Сибирь, императрица Елизавета Петровна прислала сказать Головкиной, что, непричастная къ государственнымъ преступленіямъ мужа, графиня сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими, гдѣ и какъ угодно.

Въ словахъ этихъ—цѣлая характеристика человѣка и женщины—въ особенности.

Екатерина Ивановна была послѣднею въ знаменитѣйшемъ и древнѣйшемъ родѣ князей Ромодановскихъ, происходившихъ по прямой линіи отъ Рюрика. „Его пресвѣтлѣйшество генералиссимусъ", „князь-кесарь" съ царскимъ титуломъ „величества", Ромодановскій, котораго Петръ Великій называлъ дѣдушкой и о которомъ писалъ Апраксину—„съ нашимъ дѣдушкой, какъ съ чортомъ вожусь, и не знаю, что съ нимъ дѣлать", такъ какъ этотъ суровый дѣдушка не давалъ забываться даже „царю-плотнику". „Всероссійскій дѣдушка" этотъ былъ дѣдушкой и Екатерины Ивановны, родившейся отъ сына „князя-кесаря", впослѣдствіи тоже „князя-кесаря" Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго.

„Княжна-кесаревна" Екатерина Ромодановская родилась ровно за годъ до основанія Петербурга (1702), и потому всею своею жизнью должна была уже принадлежать новой Россіи, хотя еще въ молодости переживала время петровскихъ реформъ и, можно сказать, лично участвовала въ похоронахъ старой Россіи, какъ участвовала потомъ и въ похоронахъ царя-преобразователя.

Едва ли былъ въ Россіи домъ знатнѣе и богаче того дома, въ которомъ родилась, росла и воспитывалась „княжна-кесаревна", домъ, въ которомъ Петръ Великій „былъ какъ дома", какъ свой человѣкъ, какъ членъ семьи, и въ этомъ домѣ ласкалъ и баловалъ маленькую „княжну-кесаревну", слѣдилъ за ея воспитаніемъ, самъ выдалъ ее замужъ.

Не удивительно, что подъ вліяніемъ Петра „княжна-кесаревна" получила отличное воспитаніе, какъ о томъ говорятъ ея жизнеописатели.

До девятнадцатилѣтняго возраста о маленькой княжнѣ-кесаревнѣ вообще

имѣется очень мало извѣстій въ современныхъ памятникахъ. Извѣстно только, что 12-го ноября 1721 года, во время празднованія въ Петербургѣ свадьбы гвардіи маіора Матюшкина, въ должности „подругъ“ невѣсты первою назначена была княжна-кесаревна, посаженою матерью была императрица, а дружкою—красавецъ камеръ-юнкеръ Монсъ. Во время свадьбы княжна-кесаревна была очень замѣтна: Петръ лично выражалъ особую пріязнь къ молоденькой „подругѣ“ невѣсты, проявляя эту пріязнь и милость, прилично случаю, въ забавныхъ формахъ. Такъ, по правиламъ свадебнаго церемоніала, подруга невѣсты, въ началѣ обѣда, должна была навязывать бантъ дружкѣ невѣсты—Монсу, а дружка, по принятому обычаю, долженъ былъ цѣловать въ губы навязывающую этотъ бантъ. Когда Монсъ, слѣдуя правиламъ свадебнаго церемоніала, поцѣловалъ княжну-кесаревну, Петръ, желая подшутить надъ красавцемъ, прекрасную голову котораго онъ впослѣдствіи, за разныя преступленія, велѣлъ отрубить и положить въ спиртъ,—замѣтилъ, что Монсъ, изъ почтенія къ дочери кесаря, не долженъ былъ цѣловать кесаревну въ губы, а могъ только приложиться къ ея ручкѣ, и потому, за этотъ проступокъ, въ видѣ штрафа приказалъ ему выпить до дна огромный бокалъ венгерскаго. Потомъ, когда во время послѣобѣденныхъ танцевъ, княжна-кесаревна танцовала менуэтъ съ красавцемъ Монсомъ, и когда Петру, бывшему въ сосѣдней комнатѣ, доложили объ этой парѣ, царь прибѣжалъ въ залу и, мигнувъ одному деньщику, велѣлъ вновь принести тотъ страшный бокалъ съ венгерскимъ. Увидѣвъ около себя царя и деньщика съ бокаломъ, Монсъ пришелъ въ ужасъ, не чувствуя за собою никакой вины, и изумленными глазами смотрѣлъ на государя.

— Это за то,—сказалъ государь:—что ты не отдалъ княжнѣ решпекту и послѣ танца не поцѣловалъ ей ручки.

И провинившагося передъ кесаревной танцора заставили опять выпить.

На святки дворъ переѣхалъ въ Москву, а вмѣстѣ съ дворомъ переѣхали въ Москву и князья Ромодановскіе съ кесаревною въ свой роскошный домъ. Здѣсь молодая дѣвушка, по словамъ ея біографовъ, участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ двора и города: ѣздила къ вдовѣ царя Іоанна Алексѣевича, Марѳѣ Матвѣевнѣ, урожденной Апраксиной, которая приходилась ей теткою и жила въ Измайловѣ; была въ числѣ семи особъ женскаго пола на ассамблеѣ у Александра Григорьевича Строганова, богатѣйшаго боярина тогдашней Москвы, и тамъ танцовала подъ музыку хозяйскаго оркестра и участвовала въ petits-jeux, затѣянныхъ генералъ-прокуроромъ Ягужинскимъ, человѣкомъ вообще очень веселаго нрава; праздновала послѣднюю зимнюю и свою дѣвичью ассамблею въ домѣ родительскомъ, гдѣ былъ и царь Петръ, и герцогъ голштинскій, и весь дворъ; дѣлала визиты, которые въ то время совершались по вечерамъ, такъ какъ тогдашнее общество обѣдало рано, а послѣ обѣда ложилось почивать часа на два, на три, и, наконецъ,—была просватана, не безъ участія и содѣйствія самого царя, за графа Михайлу Гавриловича Головкина, въ то время еще сержанта гвардіи, хорошо говорившаго по-нѣмецки.

Самъ государь, принимавшій такое горячее участіе въ судьбѣ княжны-кесаревны, указалъ свадьбѣ быть 8-го апрѣля.

Это была дѣйствительно кесарская свадьба. Царь принялъ на себя званіе „маршала“ свадьбы. Онъ же самъ руководилъ и свадебнымъ поѣздомъ въ церковь, при такомъ церемоніалѣ: два трубача верхомъ, не трубившіе; двѣнадцать шаферовъ верхомъ; царь въ открытомъ кабріолетѣ, шестернею, съ большимъ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ; женихъ въ каретѣ шестернею; затѣмъ весь поѣздъ. Изъ церкви Петръ отправился за невѣстою, и привезъ ее въ такомъ поѣздѣ: два трубача верхомъ, игравшіе маршъ; двѣнадцать шаферовъ, капитаны гвардіи, на прекрасныхъ лошадяхъ въ богатыхъ чепракахъ и сбруяхъ; самъ Петръ, верхомъ на превосходномъ гнѣдомъ конѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ (чепракъ и сѣдло зеленые, шитые золотомъ); невѣста, въ каретѣ, шестернею, а съ нею подруги: Нарышкина, тогда невѣста несчастнаго впослѣдствіи Артемія Волынскаго, и Головкина, невѣста князя Трубецкого; затѣмъ поѣздъ дамъ. У самой церкви царь-маршалъ соскочилъ съ лошади и самъ отворилъ дверцу кесаревниной кареты. Невѣсту ввели въ церковь подъ руки посаженые отцы — князь Меншиковъ и графъ Апраксинъ. Серебряные вѣнцы были такъ тяжелы отъ множества брильянтовъ и жемчуга, особенно вѣнецъ кесаревны, что его все время держали на рукахъ, не опуская на голову дѣвушкѣ. Въ домѣ молодыхъ Петръ самъ распоряжался всѣмъ—и отводомъ мѣстъ гостямъ, и разсаживаньемъ ихъ по чинамъ. За дамскій столъ государь посадилъ молодую, по правую ея руку—посаженую мать, императрицу; по лѣвую—женихову мать, княгиню Меншикову; подлѣ императрицы — сестру невѣсты, княгиню Черкасскую; подлѣ Меншиковой—сестру жениха, генеральшу Балкъ, у середины стола, противъ невѣсты, дружка ея—Нарышкина; по обѣимъ сторонамъ его—подругъ невѣсты—Нарышкину и Головкину; далѣе, по обѣ стороны, дамъ по чинамъ. За мужскимъ столомъ государь посадилъ: молодого; по правую его руку—посаженаго отца, князя Меншикова; по лѣвую—посаженаго отца невѣсты, графа Апраксина; подлѣ Меншикова—тайнаго совѣтника Толстого; подлѣ Апраксина—Салтыкова; противъ жениха—герцога голштинскаго; по правую руку его—цесарскаго посла, графа Кинскаго; по лѣвую—прусскаго посла, барона Мардефельда; далѣе—прочихъ мужчинъ по чинамъ.

Самъ Петръ все время былъ на ногахъ, всѣмъ распоряжался, и находился въ отличномъ расположеніи духа. Императрица, какъ бы сжалясь надъ нимъ, послала ему съ камеръ-юнкеромъ жаренаго голубя. Петръ отошелъ къ буфету и тамъ, стоя на ногахъ, ѣлъ голубя изъ рукъ, съ большимъ аппетитомъ. Первая перемѣна кушаньевъ была, по обычаю, холодная; вторая—горячая. Увидя, что вторую перемѣну несутъ на столъ гренадеры, Петръ побѣжалъ къ оберъ-кухмейстеру, ударилъ его маршальскимъ жезломъ, велѣлъ гренадерамъ съ перемѣною возвратиться и передать блюда капитанамъ гвардіи, которые и поставили ихъ на столы. Герцогу и иностраннымъ министрамъ государь подавалъ напитки собственноручно; прочимъ разносили шафера, капитаны гвардіи.

После стола начались танцы, сначала церемоніальные: дамы по одной сторонѣ, кавалеры—по другой; музыканты заиграли родъ погребальнаго марша; кавалеръ и дама первой пары, сдѣлавъ реверансъ сосѣдямъ и другъ другу, взялись за руки, оттанцовали туръ влѣво и стали опять на свое мѣсто; то же, поочереди, повторили и всѣ пары, безъ всякаго такта. Затѣмъ слѣдовали польскіе, менуэты и англезы. Молодая часто танцовала съ герцогомъ;, но первый менуэтъ торжественно прошла съ мужемъ. Когда стемнѣло, передъ домомъ зажгли фейерверкъ. Въ щитѣ сіяли двѣ соединенныя буквы P и C, изъ бѣлаго и голубого огней, съ надписью бѣлымъ огнемъ—vivat, т. е. vivat princesse Catherine. Фейерверкомъ тоже распоряжался самъ Петръ, все время бывшій на дворѣ. Послѣ фейерверка—опять танецъ „прощальный". Пары связывались носовыми платками, и каждая, становясь поочереди первою, должна была изобрѣтать фигуры, а прочія—подражать первой. Этотъ танецъ, начинаясь въ залѣ, могъ окончиться и въ другихъ комнатахъ, въ саду, даже на чердакѣ, что зависѣло отъ коновода, т. е. прыгавшаго впереди скрипача. Здѣсь коноводомъ былъ Петръ. Онъ, съ жезломъ въ рукѣ, усердно прыгалъ и завелъ всѣхъ въ спальню. Тамъ, за столомъ, уставленнымъ одними только сластями, усаживалась исключительно свадебная родня, не встававшая до тѣхъ поръ, пока не доложатъ ей, что молодой совершенно пьянъ. Дѣйствительно, къ одиннадцати часамъ молодой не стоялъ на ногахъ, и гости разъѣхались, выслушавъ отъ шаферовъ приглашеніе пожаловать завтра, въ три часа пополудни, въ домъ князя-кесаря.

На другой день—опять пиръ. Когда, послѣ стола, молодой, по обычаю, „пройдя черезъ столъ", сорвалъ вѣнокъ надъ головою своей жены, и возвращаясь, хотѣлъ сѣсть на приготовленное ему мѣсто, по правую сторону кесаревны, Петръ сказалъ ему по-голландски:

— Нѣтъ, постой, дочь кесаря должна сидѣть на первомъ мѣстѣ.

Молодые пересѣли. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ съ обычными церемоніями. Петръ, какъ маршалъ, прислуживалъ. Когда обѣдъ кончился, Екатерина Алексѣевна и дамы пошли въ другія комнаты, чтобъ дать время подмести и убрать все въ залѣ для танцевъ; а Петръ съ шаферами сѣлъ въ сосѣдней комнатѣ обѣдать. Послѣ „церемоніи танцевъ", т. е. танцевъ оффиціальныхъ, государынѣ вздумалось помучить стариковъ—канцлера и Долгорукова: она, танцуя въ первой парѣ съ герцогомъ голштинскимъ, долго не прекращала танца, и старики страшно устали. Но тотчасъ же начавшійся англезъ обязалъ не только ихъ, но и всѣхъ толстяковъ приготовиться къ моціону. Государь и государыня, въ первой парѣ, придумывали разныя премудрости; Апраксинъ, Шафировъ, Толстой и князь-кесарь, люди очень толстые, слѣдуя за ними, едва переводили духъ. Но первая пара была неумолима, и толстяки, обливаясь потомъ, полумертвые отъ утомленія, валились на стулья. Развеселившійся государь пустилъ въ ходъ штрафные бокалы. Пляска и попойка длились до одиннадцати часовъ вечера. Танцовали, впрочемъ, только тѣ, которые были въ башмакахъ. Императрица уѣхала первая, за нею вскорѣ государь, а потомъ и всѣ гости.

Камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, Берхгольцъ, въ запискахъ котораго и находится описаніе этихъ торжествъ, видѣлъ и постель молодой кесаревны, „лучшую во всей Россіи, сдѣланную по французской модѣ, обитую краснымъ бархатомъ, съ широкимъ вездѣ золотымъ галуномъ".

Мы съ намѣреніемъ привели это подробное изображеніе свадебныхъ торжествъ княжны-кесаревны: тѣмъ ужаснѣе будетъ контрастъ ея жизни въ Сибири.

Свадьба, наконецъ, кончилась. Княжна-кесаревна Ромодановская перестала существовать и была уже не кесаревна, а графиня Головкина.

Мужу ея тогда же представилось повышеніе: его назначили министромъ-посланникомъ въ Пруссію на мѣсто брата Александра, произвели въ камеръ-юнкеры и опредѣлили содержаніе въ три тысячи рублей, т. е. половину того, что получалъ его братъ, который „высокій градусъ имѣлъ, и больше иждивенія надобно было".

Вскорѣ мужъ молодой Головкиной уѣхалъ въ Пруссію. Сопровождала ли она его за границу—неизвѣстно, но есть основаніе полагать, что она съ нимъ не разлучалась, какъ не разлучалась потомъ и двадцать лѣтъ спустя, когда его ссылали навѣчно въ Сибирь.

Прошло два года, и царя-маршала, который такъ усердно танцовалъ на свадьбѣ Екатерины Ивановны, не стало. Мужъ ея вернулся въ Россію.

Похоронили скоро и Екатерину I, тоже веселившуюся на свадьбѣ кесаревны. Начались перевороты, отъ которыхъ Головкина стояла въ сторонѣ, но мужъ ея принималъ въ нихъ непосредственное участіе. Погибли Меншиковы, Долгорукіе, породнившіеся было съ царскимъ домомъ.

На престолѣ императрица Анна Іоанновна. Настаетъ время Вироновъ. Головкина получаетъ званіе статсъ-дамы, Головкинъ—чинъ тайнаго совѣтника.

Но вотъ 16-го марта 1730 года изъ Москвы пишутъ въ тогдашнія „С.-Петербургскія Вѣдомости": „Вчерашняго числа умеръ здѣсь, немоществуя девять дней, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, такожде и кавалеръ ордена святого апостола Андрея Первозваннаго, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, въ котораго оставшемся движимомъ и недвижимомъ имѣніи наслѣдовалъ и сей фамиліи прозваніе принялъ нынѣшній сенаторъ и кавалеръ ордена святого Александра Невскаго графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ, яко супругъ единой оставшейся дочери послѣ сего умершаго князя Ромодановскаго, который послѣднимъ мужескаго пола изъ древней сей фамиліи Ромодановскихъ былъ".

Княжна-кесаревна снова приняла свою дѣвическую фамилію: она стала теперь—графиня Екатерина Ивановна Головкина, княгиня Ромодановская.

Всѣмъ извѣстно, каковы были времена Бирона. Но и Биронъ палъ. Государствомъ правила Анна Леопольдовна, племянница Екатерины Ивановны Головкиной-Ромодановской, а вмѣстѣ съ нею правилъ русскою землею и мужъ этой бывшей княжны-кесаревны, пожалованный вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ.

Но и это продолжалось не долго. Новый государственный переворотъ былъ роковымъ переворотомъ и всей жизни графини Головкиной.

24-го ноября 1741 года, въ екатерининъ день—день именинъ Головкиной, совершилась страшная перемѣна въ ея жизни. Говорятъ, что Головкинъ уже въ этотъ день предчувствовалъ свою бѣду—„о себѣ угадывалъ, что должно ему несчастливу быть". Онъ былъ боленъ. Подагра и хирагра давно мучили его. Однако, толпы „ласкателей", „милости снискателей и поздравителей" съ утра наполняли палаты Головкиныхъ, чтобъ поздравить съ дорогой именинницей.

Несмотря на болѣзнь хозяина, гости оставались обѣдать, а потомъ вечеромъ состоялся, волей-неволей, балъ. „Всѣ комнаты,—говоритъ очевидецъ, князь Шаховской,—окромѣ, только той, гдѣ объятой болѣзнями и сожалѣнія достойный хозяинъ страдалъ, наполнены были столами, за коими какъ въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большой части изъ знатнѣйшихъ чиновъ и фамилій торжествовали, употребляя во весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями, что продолжалось до перваго часу, за полночь по домамъ разъѣхались".

Но тутъ-то за полночь и совершилась катастрофа.

Ни Головкины, ни пирующіе у нихъ гости не знали, что въ эти часы затѣвали противники правительницы Анны Леопольдовны: этой ночью, цесаревна Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова, Разумовскаго и Салтыкова, произвела государственный переворотъ съ помощью преображенскихъ гренадеровъ. Ночью же она объявила себя императрицею.

Головкины, проводивъ гостей, оставались въ своей спальнѣ. Графиня сидѣла у постели больного мужа.

Но вотъ,—говорятъ біографы Головкиной,—„среди безмолвія объятаго сномъ дома, неожиданно раздались въ парадныхъ покояхъ чьи-то шаги и, вмѣстѣ съ стукомъ ружейныхъ прикладовъ, замиравшихъ въ персидскихъ коврахъ, приблизились къ комнатѣ супруговъ". Это были двадцать пять преображенскихъ гренадеровъ, явившіеся арестовать вице-канцлера.

Гренадеры увезли больного вельможу, и графиня осталась одна въ объятомъ ужасомъ домѣ.

Черезъ три дня она узнала изъ манифеста, что мужемъ ея было „сочинено нѣкоторое отмѣнное о наслѣдствіи имперіи опредѣленіе" и что онъ „въ перемѣнѣ сукцессіи былъ первымъ зачинщикомъ дѣла".

Домъ Головкиныхъ былъ оцѣпленъ стражею и всѣ богатства ихъ конфискованы: описано было все до самой послѣдней вещицы; у самой графини допытывались чиновники, не спрятано ли еще чего въ домѣ или внѣ дома—„алмазныхъ искръ не въ дѣлѣ" или „жемчуговъ персидскихъ съ бурмицкими" и т. д.,—несчастная графиня все отдала сыщикамъ.

Судъ надъ Головкинымъ и другими преступниками тянулся около двухъ мѣсяцевъ. Но вотъ 12-го января 1742 года послѣдовала и казнь виновныхъ.

Въ головѣ ихъ, у эшафота, на которомъ лежали два топора и двѣ плахи, Остермана, закутаннаго въ халатъ и больного подагрою, держали

на носилкахъ: ему объявлена была смертная казнь колесованіемъ; Головкину и другимъ—иныя казни, степенью ниже. Но тутъ же объявили осужденнымъ и милость: вмѣсто колесованія, Остерману назначена казнь отсѣченіемъ головы—и знаменитаго старика встащили на эшафотъ: уложивъ его обнаженную отъ парика голову на плаху, палачъ отстегнулъ у старика воротъ рубахи, загнулъ воротникъ шлафрока, въ которомъ принесли на плаху осужденнаго вельможу, и обнажилъ ему шею. Пробывъ въ такомъ ужасномъ положеніи съ минуту, Остерманъ узналъ, что ему дарована жизнь въ вѣчной ссылкѣ, кивнулъ головой, тотчасъ же потребовалъ свой колпакъ и парикъ и хладнокровно застегнулся. Головкину и остальнымъ преступникамъ также назначена вѣчная ссылка.

Видѣла ли всю эту ужасную сцену графиня Головкина—современники не говорятъ, хотя послѣдующіе писатели утверждаютъ, что она была на сенатской площади и все видѣла.

Осужденныхъ снова отвезли въ крѣпость. Женамъ вельможъ-преступниковъ объявлено, что „ежели похотятъ", могутъ слѣдовать за мужьями въ ссылку.

Тогда-то именно императрица Елизавета Петровна прислала къ Головкиной сказать, что, непричастная преступленіямъ мужа, она сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ и можетъ свободно пользоваться ими, гдѣ и какъ угодно, и тогда-то энергическая женщина эта отвѣчала: „На что мнѣ почести и богатства, когда не могу раздѣлять ихъ съ другомъ моимъ? Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно".

Отправленіе арестантовъ изъ Петербурга поручено было князю Шаховскому, бывшему пріятелю Головкиныхъ. На другой день Шаховской прислалъ къ графинѣ дорожныя сани „для забранія опредѣленнаго багажа". Въ ту же ночь (19 на 20-е января), за часъ до выѣзда въ далекій путь, князь Шаховской ввелъ графиню, одѣтую совсѣмъ по дорожному, въ крѣпость. Она нашла мужа сидящимъ неподвижно: онъ только стоналъ отъ мучившихъ его подагрическихъ и хирагрическихъ болей, не владѣя ужъ совсѣмъ лѣвою рукою; долгіе, запущенные волосы, длинная борода, обрамлявшая исхудалое лицо, лишенное природнаго румянца, слабый и унылый видъ дѣлали бывшаго вице-канцлера и кабинетъ-министра непохожимъ на прежняго всесильнаго вельможу. Но графиня даже не заплакала, не проронила ни одной слезы, чтобъ не встревожить мужа. Зато онъ, рыдая какъ ребенокъ, цѣловалъ ея руки: она вѣдь не побоялась ни вѣчной ссылки, ни далекой дороги, ни всѣхъ, ожидавшихъ ихъ, лишеній, своею волею покидая богатства, почести и родину. Даже лицо князя Шаховского, стоявшаго тутъ же, какъ онъ самъ же говоритъ о себѣ, при видѣ этой трогательной и потрясающей сцены, „покрылось наибольшими видами печали".

Вошелъ офицеръ и объявилъ, что все готово. Головкина вынесли на рукахъ, бережно уложили съ постелью въ сани, графиня сѣла рядомъ, и грустный поѣздъ, сопровождаемый гвардейскимъ конвоемъ, при офицерѣ, выбрался за крѣпостныя стѣны и исчезъ въ морозномъ мракѣ январской ночи.

Головкинымъ назначили для вѣчной ссылки какой-то невѣдомый острогъ Германгъ, о мѣстоположеніи котораго даже никто не знаетъ теперь; но полагаютъ, что онъ находился гдѣ-нибудь по сю сторону Оби.

Почти безконечный путь до этого невѣдомаго Германга лежалъ Головкинымъ черезъ родную графинѣ Москву, гдѣ маленькую кесаревну когда-то баловалъ „царь-работникъ“, черезъ Владиміръ, Нижній, Козмодемьянскъ, Царевосанчурскъ, Котельничъ, Вятку, тогда еше называвшуюся Хлыновымъ, черезъ Соликамскъ, Верхотурье, Тюмень и Тобольскъ.

Обезсиленные и разломанные долгимъ путемъ,— говоритъ новѣйшій біографъ Головкиной,—измученные безпрерывными по дорогѣ осмотрами и опросами въ губернскихъ и провинціальныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, Головкины, наконецъ, добрались до мѣста назначенія. Унылое, безцвѣтное небо висѣло необъятными массами снѣговъ надъ непривѣтною окрестностью, истомленною суровымъ дыханіемъ полярной зимы. Снѣжный просторъ, подавляющій необозримостію, разстилался всюду, синѣя безчисленными зигзагами потоковъ, скованныхъ еще стужею. Сюда привезли Головкиныхъ. Передъ ними, вперемежку съ чернѣвшими изъ-подъ снѣга землянками, торчало нѣсколько жалкихъ хижинъ, окружавшихъ кривобокую, рубленную часовенку и обнесенныхъ незатѣйливымъ валомъ, съ жиденькимъ палисадомъ, и т. д.

Тутъ-то поселилась любимица царя Петра, нѣкогда блистательная княжна-кесаревна Ромодановская, на вѣчное житье съ больнымъ мужемъ.

Ей было уже сорокъ лѣтъ—молодость миновала...

Въ тѣсной избѣ, оконныя стекла которой замѣнялись льдинами, бывшая кесаревна день и ночь ухаживала за страдавшимъ подагрикомъ. Это былъ дѣйствительно геройскій подвигъ русской женщины, и если вѣрить сказаніямъ современниковъ, то женщина эта совершила неслыханное чудо: безъ докторовъ, безъ лѣкарствъ, одними своими заботами и неустаннымъ присмотромъ, она подняла на ноги больного, такъ что графъ, „неисцѣльно страдавшій въ роскошной обстановкѣ петербургскаго богача-вельможи, сталъ здоровъ, какъ не надо лучше, среди однообразныхъ сибирскихъ снѣговъ и многообразныхъ недостатковъ“.

Такъ прожили они въ этой живой и никому невѣдомой могилѣ четырнадцать лѣтъ!...

Какъ на замѣчательный подвигъ женщины указываютъ, что во всѣ четырнадцать лѣтъ этого страшнаго томленія она при мужѣ не позволила ни разу себѣ не только заплакать, но даже пожалѣть о прошломъ величіи.

Изрѣдка только къ нимъ доходили изъ Гааги письма графа Александра Гавриловича Головкина, жившаго тамъ въ качествѣ русскаго посланника, да еще рѣже привозились къ нимъ письма сестры Анны Гавриловны, вдовы Ягужинскаго, вышедшей потомъ за Бестужева-Рюмина.

Но Головкины не дождались перемѣны въ своей печальной жизни. Самого Головкина не стало. 10-го ноября 1755 года онъ скончался, не имѣя еще и 55 лѣтъ отъ роду.

Графиня осталась одна въ своей далекой тюрьмѣ. „Только тогда, — говоритъ ея жизнеописатель, — невинная узница оросила въ первый разъ слезами одръ мужа, предалась горести“.

Не желая разстаться съ мужемъ и послѣ смерти, она похоронила его тѣло въ сѣняхъ собственной хижинки своей, въ которой прожила съ покойникомъ четырнадцать лѣтъ, обратила эти сѣни въ молитвенное мѣсто, и тамъ, день и ночь, при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ, постоянно читала псалтирь по покойникѣ. Она одного только желала и высказывала это желаніе своимъ германгскимъ приставникамъ, чтобъ ей позволено было лечь рядомъ съ мужемъ, но только у себя на родинѣ, въ далекой Москвѣ.

Сибирскій губернаторъ Мятлевъ довелъ это желаніе графини до свѣдѣнія государыни, и императрица соизволила на перевезеніе тѣла бывшаго графа Головкина изъ Германга въ Москву.

И вотъ для Головкиной опять началась далекая дорога изъ ссылки домой, но только уже везла она съ собою гробъ мужа, давно когда-то ѣхавшаго съ нею въ ссылку по той же дорогѣ.

Наконецъ, она доѣхала до Москвы и похоронила мужа въ георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ похоронены были отецъ и дѣдъ ея, князья-кесари Ромодановскіе, почти заправлявшіе всею русскою землею.

Свято и честно исполнивъ до конца высокую обязанность жены, — говоритъ жизнеописатель Головкиной, — графиня скромно поселилась на Никитской, въ домѣ, растворявшемся нѣкогда Петру и такъ долго запертомъ въ отсутствіи почтенной родовой хозяйки своей. Время ея миновало. Живая свидѣтельница эпохъ минувшихъ, графиня отдѣлялась отъ той среды, которую нашла теперь въ Москвѣ, цѣлымъ пробѣломъ долгой сибирской ссылки, или, другими словами, ровно на цѣлую эпоху отставала отъ новыхъ своихъ современниковъ и не имѣла пока общихъ съ ними интересовъ. Толки о Биронѣ, „кабинетѣ“, цесаревнѣ, графѣ Линарѣ, прусскомъ союзѣ, какъ будто отдававшіеся еще въ ушахъ графини, давнымъ-давно не занимали никого, были забыты и замѣнились другими — о Разумовскихъ, Шуваловѣ, Бестужевѣ, университетѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, театрѣ и тысячѣ предметахъ, совершенно незнакомыхъ графинѣ. Стало быть, въ обществѣ, питавшемся, какъ насущнымъ хлѣбомъ, взаимнымъ и непрерывнымъ истолкованіемъ именно этой тысячи предметовъ, графиня естественно чувствовала себя постороннею, ненужною. Не обижаясь ни тѣмъ, ни другимъ, Екатерина Ивановна благодушно признала себя развалиною и, избравъ себѣ благую часть, стала ежедневно ѣздить въ георгіевскій монастырь—молиться на могилѣ того, кого она любила еще молоденькою и счастливою дѣвочкою.

Но Москва не забыла бывшей кесаревны. Все ѣхало и шло къ ней, и она ласково принимала приходившихъ, охотно разсказывала о своемъ времени, о Петрѣ, о его дѣяніяхъ, о дѣлахъ его преемниковъ, о Биронѣ и о далекой Сибири.

Кончилось и царствованіе Елизаветы Петровны. Бывшая кесаревна,

сама уже почти шестидесятилѣтняя старушка, оплакала послѣднюю дочь Петра Перваго.

Умеръ и Петръ Третій „отъ геморoидальныхъ коликъ", какъ говорилось въ манифестѣ. Императрицею стала супруга его, Екатерина Вторая—одна изъ геніальныхъ женщинъ русской земли. А старушка „кесаревна" все жила, переживъ восемь царствованій, одно регентство и одно правленіе.

Екатерина Вторая, цѣня великій подвигъ бывшей „кесаревны", зная о ея ссыльной жизни въ Сибири, о ея прежнемъ величіи, возвратила ей достоинство статсъ-дамы и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ; но всего того, что у нея отнято было самою жизнью, воротить уже никто не могъ.

Одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Головкиной заканчиваетъ ея жизнеописаніе слѣдующими сочувственными словами, которыми и мы позволяемъ себѣ закончить нашъ бѣглый очеркъ этой, одной изъ лучшихъ, историческихъ русскихъ женскихъ личностей:

„Посвящая все время молитвѣ, благотвореніямъ и отчизнолюбію, тридцать-пять лѣтъ прожила въ Москвѣ Екатерина Ивановна, со дня возвращенія изъ Сибири, и очень, очень состарѣлась. Изъ близкихъ родныхъ графини не было уже никого на свѣтѣ; всѣ, безъ исключенія, сверстники давно лежали въ могилѣ. Минуло двадцать пять лѣтъ одному тому, какъ, принося графинѣ чистосердечное раскаяніе, умеръ гонитель мужа ея, князь Трубецкой. Болѣе двадцати пяти лѣтъ прошло и съ той поры, какъ она, слишкомъ шестидесятилѣтнею старухою, привѣтствовала коронованіе императрицы, отпраздновавшей уже двадцатипятилѣтній юбилей своего царствованія. Много перехоронила графиня и такихъ старцевъ, которые родились послѣ ея замужества. Сама Екатерина Ивановна легла на смертный одръ почти девяноста лѣтъ отъ роду; сокрушалась, передъ кончиною, что не будетъ погребена подлѣ своего супруга (указомъ 1771 года запрещено хоронить тѣла въ чертѣ города), и, 20-го мая 1791 года, переселилась въ лучшій міръ, оставивъ по себѣ въ этомъ славную, безукоризненную память... Московскіе бѣдняки потеряли въ графинѣ Головкиной первѣйшую благодѣтельницу и кормилицу, а русская исторія—пріобрѣла еще одну свѣтлую личность".

Такъ говоритъ ея біографъ, тоже недавно умершій отъ бѣдности.

Дальше мы увидимъ, что русская земля не была бѣдна женщинами, имена которыхъ съ уваженіемъ должна произносить каждая современная и будущая русская женщина.

Если Головкина ничего другого не сдѣлала для своей страны — такъ то было другое время.

II.

Княжна Марья Александровна Меншикова.

(Первая невѣста Петра II-го).

Древняя Русь — Русь варяжская, удѣльная, монгольская и московская оставила намъ свидѣтельства о томъ, какъ правившіе ея судьбами великіе

и иные князья рюриковичи, мономаховичи и всѣ представители раздробившихся княжескихъ родовъ, превратившіеся потомъ въ московскихъ и всея Великія и Малыя Россіи царей, сватались и женились: одинъ бралъ себѣ жену изъ своихъ же князей рюриковичей и мономаховичей, другой гречанку, третій чехиню, шведку, варяжку, болгарыню; женились великіе князя и на иноземныхъ княжнахъ, королевнахъ и принцессахъ; брали себѣ въ жены и царевенъ татарокъ, княженъ черкешенокъ; дошла, затѣмъ, очередь и до боярышенъ, выбиравшихся въ царскія невѣсты изъ сотенъ и тысячъ боярскихъ и купеческихъ дочерей, которымъ дѣлались „смотрины“ и изъ которыхъ выбирались самыя красивыя, тѣльныя и дородныя въ царскія невѣсты, брались ко двору, именовались до вѣнца царевнами, а иногда, если оказывались больны, попадали въ Сибирь: такъ явились на страницахъ русской исторіи царскія невѣсты—Сабуровы, Глинскія, Кошкины-Захарьины, Колтовскія, Долгорукія, Васильчиковы, Собакины, Нагія, Годуновы, Салтыковы, Хлоповы, Милославскія, Нарышкины, Грушецкія, Апраксины, Лопухины, Скавронскія—это уже переходъ къ женщинамъ новой Руси.

Новая Русь, повернувшись лицомъ отъ востока къ западу, тамъ уже начала высматривать невѣстъ для молодыхъ царей и царевичей; но старая Русь все еще проглядывала подъ полуевропейской физіономіей и подъ взятыми на прокатъ съ запада внѣшними формами Руси новой, и едва происходило какое-либо замѣшательство, какъ старая и новая боярщина, превратившаяся въ князей и графовъ, силилась если не сама сѣсть на царскій тронъ, то посадить рядомъ съ царемъ своихъ дочекъ княженъ, своихъ сестеръ, внучекъ и племянницъ.

Но поворотъ къ старому былъ уже невозможенъ — исторія не повторяется: тѣ народы, которые, по мѣткому выраженію русскаго народа, твердятъ зады—исторически безнадежны; а русское племя не принадлежитъ къ безнадежнымъ.

Такая неудачная попытка, посадить на престолъ рядомъ съ царемъ и подъ царскою порфирою княженъ и боярышенъ, сдѣлана была и во время послѣдовавшихъ за смертью Петра Великаго замѣшательствъ.

Попытка эта принадлежитъ князьямъ Меншиковымъ и Долгорукимъ.

Меншиковъ надѣялся, что царскій тронъ раздѣлитъ старшая дочь его Марья, и этимъ погубилъ и себя, и дѣвушку.

Долгорукіе тоже надѣялись посадить рядомъ съ царемъ свою сестру Екатерину и тоже погубили и себя, и свою красавицу сестру.

Вотъ печальная исторія гибели этихъ двухъ несчастныхъ дѣвушекъ, царскихъ невѣстъ.

Марья Меншикова родилась 26-го декабря 1711 года, въ то время, когда отецъ ея, бывшій царскій любимецъ, преображенскій сержантъ „Алексашка“, потомъ „Данилычъ“, затѣмъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ въ полной силѣ своего могущества и славы, объ-руку съ царемъ самовластно заправлялъ судьбами преобразовывавшейся Руси, блисталъ славою побѣдителя шведовъ подъ Полтавою и въ иныхъ

битвахъ, когда выведенная имъ изъ шведскаго плѣна и пріютившаяся у него красивая дѣвушка Марта Скавронская всецѣло овладѣвала привязанностью царя, когда, наконецъ, вся Россія знала только царя Петра да Меншикова.

Рожденіе Марьи—это было почти то же, что рожденіе царскаго ребенка: крошечную княжну ждало могущество, слава, блескъ придворной жизни.

Какъ всѣ женщины и дѣвушки реформировавшейся Руси, княжна Марья должна была учиться, и она училась всему, чему только могли тогда учить вельможную дѣвушку, особенно, когда образованіемъ ея могъ интересоваться самъ Петръ, стоявшій за обязательное обученіе, когда тутъ же рядомъ стоялъ и отецъ, давно требовавшій, чтобъ и мать новорожденной княжны, когда еще была дѣвушкой, „училась непрестанно русскому и нѣмецкому ученью", когда за этимъ ученьемъ должна была наблюдать и мать княжны, Дарья Михайловна, рожденная Арсеньева, и умная тетка, бойкая, хотя безобразная „бой-дѣвка", какъ ее называлъ Петръ, тетка Варвара Михайловна, тоже Арсеньева.

И дѣйствительно, по свидѣтельству современниковъ, дѣвочка получила рѣдкое, опять-таки прибавимъ, по тому времени, образованіе: она знала нѣсколько языковъ, получила хорошее музыкальное образованіе, прекрасно и граціозно танцовала, потому что у нихъ въ домѣ, у вельможнаго отца, былъ свой искусный танцмейстеръ,—и вообще вся обстановка этой, справедливо можно сказать, новой русской дѣвушки представляла такой поразительный контрастъ съ тою обстановкою, въ которой воспитывались прежнія царскія невѣсты, какъ, напримѣръ, Хлопова, потому только потерявшая корону, что, взятая ко двору и совсѣмъ невоспитанная деревенская боярышня, она слишкомъ набросилась во дворцѣ на сладкія кушанья, много кушала тогдашнихъ грубыхъ сластей, разстроила себѣ желудокъ, захворала и, заподозрѣнная въ „порчѣ", попала въ Сибирь, или дочь Рафа Всеволожскаго, потерявшая корону потому, что, не будучи воспитана, отъ радости, узнавъ что на нее палъ выборъ царя, упала въ обморокъ, тоже заподозрѣна была въ „порчѣ" и тоже сослана была въ Сибирь подобно бѣдненькой Хлоповой, любительницѣ сладкаго.

Оставшіеся отъ того времени портреты изображаютъ княжну Меншикову такою милою, привлекательною дѣвушкою. На лицѣ ея уже лежитъ печать новаго строя жизни, новыхъ потребностей: нѣтъ этой вялости, заспанности въ чертахъ, въ лицевыхъ мускулахъ, въ выраженіи и блескѣ глазъ, какая видится на хорошенькихъ, но слишкомъ неподвижныхъ личикахъ женщинъ старой, созерцательно-набожной, теремной Руси. Большіе черные глаза дѣвушки смотрятъ и привѣтливо, и кротко, и болѣе выразительно, чѣмъ глаза давно когда-то жившихъ бабушекъ и прабабушекъ, Натальи Кирилловны, Софьи Алексѣевны, Марьи Ильиничны Милославской и иныхъ.

Маленькая дѣвочка питала въ гордомъ отцѣ большія, даже слишкомъ дерзкія надежды.

Сначала, когда ей не было еще десяти лѣтъ, могущественный Меншиковъ искалъ ей жениха между могущественными же, но не коронован-

ными особами—онъ еще не заглядывалъ въ слишкомъ темную даль; уже послѣ, онъ заглянулъ въ нее и не разсмотрѣлъ тамъ своей и дочерниной страшной судьбы.

Не мало было и искателей руки вельможной дѣвушки: вся русская знать гордилась бы родствомъ съ „царскимъ двойникомъ“, какимъ былъ Меншиковъ; всѣ юные птенцы Петра Великаго сочли бы за особенную честь и счастье повести къ вѣнцу свѣтлѣйшую невѣсту.

Но ненасытный Меншиковъ загадывалъ дальше—онъ искалъ партіи для своей дочери на-сторонѣ, въ родственной, тогда еще самостоятельной, блистательной Польшѣ, гдѣ всякій дворянинъ не терялъ надежды видѣть корону Ягеллоновъ на своей головѣ.

Такого жениха своей княжнѣ нашелъ Меншиковъ въ старинномъ польскомъ родѣ, въ семьѣ графа Сапѣги, того Сапѣги, предка котораго еще царь Иванъ Васильевичъ, „собиратель русской земли“, называлъ „Ивашкою Сопѣгою“: сынъ новаго Сапѣги, старосты бобруйскаго, графъ Петръ Сапѣга, сынъ богача, сынъ возможнаго и вѣроятнаго претендента на польскій престолъ и самъ такой же возможный и вѣроятный претендентъ на корону Пяста или Ягеллона—получилъ право именоваться женихомъ молоденькой княжны Марьи Меншиковой. Кто знаетъ, польская корона могла попасть и на голову Сапѣги, и на его будущую жену—отчего было не думать такъ Меншикову?

Молодой, знатный женихъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился въ домѣ будущаго своего тестя, въ богатомъ дворцѣ Меншикова. Но невѣста была еще такъ молода, это былъ еще совершенный ребенокъ: оставалось долго ждать до вѣнца, пока дѣвочка разовьется, изъ ребенка превратится въ женщину, возмужаетъ.

Изъ уваженія къ отцу дѣвочки молодой Сапѣга снялъ съ себя красивый польскій костюмъ и облачился въ русскій, алый бархатный кафтанъ на зеленой подкладкѣ; надѣлъ зеленые чулки, какіе въ то время были въ модѣ: зеленый цвѣтъ тогда былъ уважаемъ въ костюмѣ — Петра почти вездѣ видимъ въ зеленомъ кафтанѣ, и подъ Полтавой, въ зеленомъ мундирѣ, который мы видѣли на выставкѣ древностей г. Прохорова, и подъ Нарвой, и на Прутѣ.

Въ этомъ зеленомъ костюмѣ жениху княжны Марьи хорошо танцовалось. Время шло весело: каждый день молодой польскій вельможа водилъ свою хорошенькую невѣсту подъ звуки полонезовъ, англезовъ, экосезовъ, развлекалъ, забавлялъ ее разными играми, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Берхгольцъ.

Молодые люди сблизились между собой, привыкли другъ къ другу, наконецъ, полюбились одинъ другому.

Все обѣщало имъ счастливую, веселую, блестящую жизнь, услащаемую богатствомъ и могуществомъ: отецъ назначалъ за княжной въ приданое 700,000 злотыхъ, у самого жениха было много маетностей, хлоповъ, „быдла“, замковъ, „злота“.

Умеръ Петръ. Меншиковъ сталъ еще самовластнѣе—императрица Екатерина Алексѣевна, бывшая воспитанница Меншикова, облагодѣтельствованная имъ, выданная замужъ за царя, возведенная потомъ имъ же на престолъ, фактически уступила всю свою императорскую власть благодѣтелю своему, свѣтлѣйшему князю Меншикову, этому дѣйствительно рѣдкому „баловню счастья“.

Когда дѣвочкѣ дочери его исполнилось пятнадцать лѣтъ, молодого графа Сапѣгу, жениха ея, императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала званіемъ дѣйствительнаго камергера.

Это было въ 1726 году.

А 12-го марта этого года, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, въ присутствіи императрицы, всей царской фамиліи, иностранныхъ министровъ и всего генералитета обручилъ вельможныхъ жениха и невѣсту. Они размѣнялись драгоцѣнными перстнями; эти перстни подарила имъ сама императрица. Осыпая обрученныхъ милостями, государыня пожаловала невѣстѣ, сверхъ того, сто тысячъ рублей и значительное число мастностей, деревней съ крестьянами и угодьями.

Слѣдовалъ торжественный обѣдъ, балъ, иллюминація. Богатый дворецъ Меншикова украшенъ былъ гербами графовъ Сапѣгъ и князя Меншикова. Ночь блистала огнями роскошной иллюминаціи. Тосты за здравіе императрицы, обрученныхъ, родныхъ ихъ и иныхъ знатныхъ особъ пились по-царски—при залпахъ пушекъ. Пиръ шелъ долго, весело.

Послѣ обрученія, милости императрицы еще болѣе усилились, все лилось на нихъ какимъ-то волшебствомъ.

15-го октября Сапѣга получилъ орденъ Александра Невскаго.

31-го марта 1727 года Сапѣга и обѣ дочери Меншикова, Марья и Александра, пожалованы портретами императрицы, усыпанными брильянтами, для ношенія на андреевскихъ лентахъ.

Но Меншиковъ задумалъ другое, рискованное дѣло: титулъ тестя вельможнаго польскаго пана графа Сапѣги казался для него ничтожнымъ, корона Пястовъ и Кривоустовъ могла попасть на голову его дочери, могла и не попасть. А ему хотѣлось видѣть эту головку въ коронѣ, и онъ измѣнилъ свое рѣшеніе въ отношеніи выдачи дочери за Сапѣгу.

Если его бывшая воспитанница, Марта Скавронская, изъ скромной роли служанки пастора Глюка достигла до величія царской супруги и до императорскаго вѣнца, то отчего бы родной дочери его не сидѣть на столѣ Мономаха, на столѣ Невскаго, Петра Великаго и Екатерины?

Меншиковъ, отуманенный самовластіемъ, задумалъ выдать дочь свою за наслѣдника престола, за сына покойнаго царевича Алексѣя Петровича, которому гибель онъ же самъ отчасти подготовилъ,—за великаго князя Петра Алексѣевича!

Но противники Меншикова, которыхъ было не мало, вели уже противъ него тайную войну: они совѣтовали императрицѣ назначить наслѣдникомъ престола не Петра II-го, загнаннаго въ то время ребенка, которому даже

герцогъ голштинскій Фридрихъ-Карлъ, мужъ великой княжны Анны Петровны, и даже генералъ-полицеймейстеръ Девіеръ не стѣснялись оказывать высокомѣрное и обидное невниманіе,—а передать престолъ именно этой Аннѣ Петровнѣ голштинской; планъ этотъ не чуждъ былъ, повидимому, и личнымъ цѣлямъ императрицы, для которой дочь и притомъ любимая дочь не только ея, но и покойнаго великаго царя Петра, была, конечно, ближе и дороже сына царевича Алексѣя.

Но Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову и какъ дочь расположенная къ нему,—молчала—не выдавала своей материнской тайны, хотя, между тѣмъ, все дѣлала, повидимому, къ тому, чтобы дочь Меншикова вышла замужъ за внука.

Но императрица скоро занемогла.

Главы правленія: Меншиковъ, графъ Головкинъ, баронъ Остерманъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—сочинили для императрицы духовное завѣщаніе.

Замѣчательно, что въ одномъ изъ пунктовъ этого завѣщанія положительно было выражено: „цесаревнамъ и администраціи вмѣняется въ обязанность стараться о сочетаніи бракомъ великаго князя съ княжною Меншиковою“.

Всѣ, кто осмѣлился подать голосъ или высказать явное или тайное несогласіе съ этимъ, рискованнымъ для Меншикова, пунктомъ завѣщанія, санкціонированнаго волею умирающей императрицы, были биты кнутомъ и разосланы въ ссылку.

Всесильный Меншиковъ еще выросъ: это уже былъ гигантъ, распоряжавшійся царствомъ, шапкою и бармами Мономаха, несмотря на доказанную исторіею тяжесть этой шапки.

Но вотъ императрица умираетъ.

Императоромъ провозглашается маленькій царевичъ Петръ Алексѣевичъ, подъ именемъ Петра II-го,—тотъ самый мальчикъ, къ которому такъ безцеремонно относились не только голштинскій герцогъ, но и петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. Императору нѣтъ еще и двѣнадцати лѣтъ.

Когда Меншиковъ объявилъ дочери о томъ, что она должна быть невѣстою не Сапѣги, а молодого императора, дѣвушка, говорятъ, упала въ обморокъ. Она уже привязалась къ Сапѣгѣ, любила его. Тяжелая шапка и бармы Мономаха не прельщали ея, ее манила иная жизнь.

Дѣвушка горько потомъ плакала о такой глубокой перемѣнѣ въ своей участи. Она молила отца пощадить ее, не мѣнять ея вѣрнаго счастья на невѣрное, можетъ быть, страшное будущее, словно, она предвидѣла, что будущее это дѣйствительно явится страшнымъ и грознымъ.

Съ тоски она захворала. Но все напрасно: Меншиковъ уже обѣими руками держался за тронъ, за корону, за скипетръ.

Обиженный старикъ Сапѣга женилъ сына на графинѣ Софьѣ Карловнѣ Скавронской, и тѣмъ отвелъ сына отъ топора, который уже висѣлъ надъ головами Меншиковыхъ, но еще никому не былъ видимъ.

Мѣсто Сапѣги въ домѣ Меншикова занялъ юный императоръ: Меншиковъ взялъ его въ свой дворецъ, находившійся на Васильевскомъ островѣ, и заботился о воспитаніи царственнаго ребенка сообразно своимъ планамъ, пріучалъ его къ своему семейству, дѣлалъ его какъ бы членомъ своей семьи, послушнымъ сыномъ.

Сила Меншикова выросла до неумѣренныхъ размѣровъ—и сама рухнула подъ собственною своею тяжестью.

Меншиковъ повторилъ собою народную сказку „о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о каликахъ перехожихъ“: когда „калики“ заставили Илью выпить одинъ ковшъ браги, недвижимый Илюша, сидѣвшій сиднемъ сидячимъ ровно тридцать лѣтъ и три года, всталъ на ноги; когда онъ выпилъ другой ковшъ, то почувствовалъ, что землю перевернуть въ силахъ, было бы лишь за что ухватиться и обо что опереться; но когда выпилъ роковой, третій ковшъ—силы его поубавилось какъ бы наполовину.

Меншикову судьба подносила этотъ третій роковой ковшъ, а онъ отъ жадности выпилъ и четвертый.

12-го мая 1727 года Меншиковъ сдѣланъ былъ генералиссимусомъ, а 25-го мая, въ присутствіи всего двора, въ присутствіи всего, что трепетало временщика и втайнѣ искало его гибели, совершено обрученіе царственнаго жениха и невѣсты.

У княжны Меншиковой, какъ уже оглашенной невѣсты императора, придворные цѣлуютъ руку послѣ цѣлованія руки у императора.

Говорятъ, маленькій императоръ горько плакалъ, узнавъ, что его хотятъ женить: онъ на колѣняхъ просилъ свою старшую и любимую сестру Наталью Алексѣевну не женить его. Ребенокъ обѣщалъ ей даже подарить самую дорогую для него вещь—карманные часы, лишь бы его спасли отъ женитьбы!

Но поворотъ, повидимому, былъ невозможенъ—маленькому императору не позволяли имѣть своей воли.

Сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы въ церквахъ всей россійской имперіи, во время церковной службы, на ектеніяхъ молились, вмѣстѣ съ молитвою за здравіе государя императора—за здравіе „благочестивѣйшей государыни великой княжны Маріи Александровны!“ Молоденькая невѣста получила титулъ „ея высочества“. У нея теперь свой придворный, императорскій штатъ: гофмаршаломъ назначенъ былъ родной дядя ея Василій Михайловичъ Арсеньевъ. У нея были теперь два камергера, четыре камеръ-юнкера, оберъ-гофмейстерины, гофмейстерины, штатсъ-фрейлины, гофъ-фрейлины, камеръ-пажъ Кошелевъ, пажи, прислуга. На дворъ „ея высочества“ ассигнована особая сумма изъ государственной казны въ размѣрѣ тридцати четырехъ тысячъ рублей.

Меншиковъ отъ имени императора сыпалъ на себя милости полною горстью: 27-го іюня, дочери своей, императорской невѣстѣ, ея сестрѣ Александрѣ, теткѣ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой пожаловалъ орденъ св. Екатерины. Своего молоденькаго сына украсилъ андреевской лентой. Но этому новому кавалеру ордена Андрея Первозваннаго не было еще и пятнадцати лѣтъ!

Мало того, все сдѣлано, повидимому, и для будущаго, которое было, казалось, въ крѣпкой рукѣ Меншикова и не могло изъ нея выскользнуть. На предстоящій 1728 годъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ въ издававшійся тогда календарь внесены были, въ числѣ членовъ императорской фамиліи, имена—его собственное, его жены, обѣихъ дочерей, сына, съ обозначеніемъ лѣтъ, чиселъ и мѣсяцевъ рожденія и тезоименитствъ каждой особы.

Но 1728 годъ еще далеко. Только сентябрь начинается, а въ четыре мѣсяца до новаго года можно доѣхать до Сибири, до Тобольска, даже пожалуй до Камчатки, если скоро ѣхать.

И вотъ, дѣйствительно, судьба, болѣе сильная, чѣмъ Меншиковъ, сама распорядилась насчетъ новаго 1728 года и насчетъ будущаго этихъ всесильныхъ людей.

6-го сентября 1727 года все великое зданіе, такъ прочно, повидимому, сколоченное ученикомъ и товарищемъ „Петра-плотника", любимымъ его подмастерьемъ „Данилычемъ"—разомъ рухнуло.

Меншикова постигла не ожидаемая имъ царская опала.

Другая сила, сила князей Долгоруковыхъ, вытѣснила собою могущество Меншикова и сѣла на его насиженномъ мѣстѣ.

Вся семья Меншикова шла въ ссылку.

Относительно несчастной дѣвушки, подневольной невѣсты юнаго императора, немедленно сдѣлано было распоряженіе, „чтобы впредь обрученной невѣсты, при отправленіи службы божія, не упоминать и о томъ во все государство отправить указы изъ святѣйшаго правительствующаго синода".

Мѣстомъ ссылки для вельможныхъ опальныхъ назначенъ былъ маленькій городокъ рязанской губерніи—Раненбургъ.

11-го сентября состоялся выѣздъ изъ Петербурга изгнанниковъ. Выѣздъ былъ, повидимому, не ссыльной семьи, а самовластно удалявшагося отъ престола царя — такъ велико еще было матеріальное благосостояніе этого искуснаго подмастерья Великаго Петра.

Ссыльный кортежъ Меншикова вмѣщалъ въ себѣ почти цѣлый царскій дворъ: этотъ подвижной дворъ или ханскій таборъ заключалъ: пять берлиновъ, шестнадцать колясокъ, четырнадцать фургоновъ и колымажекъ, сто двадцать семь человѣкъ прислуги, одного маршалка, одного берейтора, двухъ мундшенковъ, пятерыхъ подъячихъ, двоихъ пѣвчихъ, восемь пажей, двоихъ карловъ, шестнадцать лакеевъ, шестерыхъ гайдуковъ, двоихъ истопниковъ, двѣнадцать поваровъ, двадцать пять конюховъ, одного кузнеца, двоихъ шорниковъ, пятнадцать драгунъ, одного сапожника, троихъ портныхъ, пятерыхъ приказчиковъ, двадцать гребцовъ...

При княжнѣ Марьѣ оставалась еще частица ея бывшаго двора—гофмейстеръ Арьсеньевъ, пажъ Арсеньевъ же и четыре конюха.

Но уже въ Клину, не доѣзжая до Москвы, ссыльный кортежъ былъ остановленъ присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ, и у молоденькихъ княженъ, а равно у сына Меншикова отобраны были пожалованные имъ ордена.

Мало того, у царской невѣсты присланнымъ отъ двора Шушеринымъ

взятъ былъ обручальный перстень императора, а ей возвращено отъ жениха-государя ея обручальное кольцо, пожалованное покойною императрицею и стоившее двадцать тысячъ рублей.

На царской невѣстѣ не оставалось, такимъ образомъ, и тѣни ея царственнаго званія.

Это было 14-го октября — такъ медленно двигалась громоздкая процессія ссыльныхъ.

Ссыльный таборъ проѣхалъ Москву, гдѣ когда-то, двадцать девять лѣтъ назадъ, преображенскій сержантъ „Алексашка Меншиковъ" въ воскресенскомъ селѣ собственноручно обезглавилъ двадцать стрѣльцовъ-бунтовщиковъ и одного изъ нихъ, по приказанію разгнѣваннаго царя, застрѣлилъ изъ фузеи.

Безъ сомнѣнія, многое вспомнилось Меншикову при проѣздѣ теперь черезъ Москву; но онъ этого не сказалъ своимъ дѣтямъ.

3-го ноября ссыльные добрались, наконецъ, до своего тихаго пристанища, до жалкаго Раненбурга.

У Меншикова тамъ свой домъ въ крѣпости. Онъ и его семья живутъ свободно. Но только на ночь крѣпость съ ссыльными запирается, а кругомъ укрѣпленія дозоромъ ходитъ особая стража.

За ссыльными наблюдаетъ особый офицеръ, капитанъ преображенскаго полка Пырскій.

Наступилъ и 1728 годъ, насчетъ котораго Меншиковъ сдѣлалъ было еще недавно такія блистательныя распоряженія и увѣренъ былъ, что внесетъ свое семейство въ именной царскій календарь.

Но люди, столкнувшіе его съ высоты, не дремали—Меншиковъ вѣдь и въ своемъ изгнаніи былъ и казался страшною силою.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ на него доносовъ, 5-го января дозорная стража была усилена надъ ссыльными; князя и княгиню велѣно отдѣлить въ особую комнату, въ спальную, и тамъ держать ихъ запертыми, какъ въ казематѣ. Княженъ отдѣлить отъ отца и матери въ другую комнату.

Дѣйствительно, реальная ссылка только что начиналась.

Но давленіе этой гнетущей силы не остановилось на полдорогѣ: тяготѣніе влекло катившійся по наклонной плоскости шаръ все далѣе, ниже, глубже.

8-го апрѣля послѣдовало распоряженіе о ссылкѣ всего рода Меншикова въ Сибирь, въ Березовъ. Вотъ это настоящая русская ссылка.

У Меншикова теперь отобрали всѣ его обширныя имѣнія, несмѣтныя богатства: болѣе ста тысячъ душъ крестьянъ, семнадцать домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, двѣсти лавокъ въ Москвѣ, девять милліоновъ рублей банковыхъ билетовъ лондонскаго и амстердамскаго банковъ и въ другихъ денежныхъ актахъ, четыре милліона наличными деньгами, множество брильянтовъ и разныхъ драгоцѣнностей, больше милліона сорока пяти фунтовъ золота въ слиткахъ и шестьдесятъ фунтовъ въ утвари и посудѣ, множество серебряныхъ вещей—все это отобрано, конфисковано.

И вотъ, 16-го апрѣля, ссыльныхъ вывезли изъ Раненбурга. Это было во вторникъ страстной недѣли.

Впереди, въ рогожной кибиткѣ, выѣхали князь и княгиня. Сзади, въ двухъ телѣгахъ ѣхали княжны и сынъ.

Страшный контрастъ съ тѣмъ, что было еще такъ недавно...

Но не успѣли опальные проѣхать и восьми верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, наблюдавшій за ссыльными въ Раненбургѣ и показывавшій уже имъ свою тяжелую руку, нагналъ ихъ съ военною командою и всею княжескою дворнею. Мельгуновъ приказалъ ссыльнымъ выйти изъ повозокъ, а солдатамъ и дворнѣ—выбрасывать на дорогу пожитки несчастныхъ.

Этотъ внезапный осмотръ былъ предписанъ Мельгунову верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который приказалъ провѣрить, не увезли ли ссыльные съ собою чего-либо лишняго, не показаннаго въ описи, составленной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Плещеевымъ.

Мельгуновъ, съ свойственною ему грубостью и жестокостью, ревностно исполнилъ порученіе верховнаго тайнаго совѣта. У старика Меншикова оказались лишними противъ описи какіе-то пустяки — теплое, дорожное платье—и это отобрали, не оставили даже одежды на дальнюю дорогу.

Юноша, князь Александръ, набралъ было съ собою много запаснаго платья, колпаковъ, чулокъ и разныхъ мелкихъ вещицъ: мѣдныхъ инженерныхъ инструментовъ для занятій, зеркальце, три гребня, три жестянки съ табакомъ... Это былъ еще ребенокъ. И у ребенка все взяли—даже сбереженный имъ мѣшочекъ съ полушками на два рубля!

А молоденькія княжны, собираясь въ далекій путь, запаслись было, бѣдненькія, нѣкоторыми домашними принадлежностями для туалета и для работъ: теплыми епанечками, шапочками, юбочками и чулочками; для своихъ женскихъ работъ уложили въ сундучокъ: шелку, лентъ, коробочку съ нитками, лоскутки разныхъ матерій, позумента... Все это: и ленточки, и шелкъ, и ниточки, и кофточки, и юпочки, и епанечки, и шапочки,—все отнялъ Мельгуновъ.

На царской невѣстѣ, на княжнѣ Марьѣ, оставили только: тафтяную зеленую юбку, штофный черный кафтанъ и бѣлый корсетъ; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ; на зимнее время — зеленую тафтяную шубку такого цвѣта, какой носилъ ея первый женихъ, графъ Сапѣга.

На княжнѣ Александрѣ оставили: зеленую тафтяную юбку, бѣлый штофный подшлафрокъ и зеленую же тафтяную шубку; на головѣ—бѣлый атласный чепчикъ.

Изъ домашней посуды (которою въ ссылкѣ завѣдывала бывшая царская невѣста Марья) отпустили ссыльнымъ: двѣ лопатки, котелъ съ крышкою и три кастрюли мѣдныхъ, двѣнадцать блюдъ и двѣнадцать тарелокъ оловянныхъ и три тренога желѣзныхъ. Ни ножа, ни вилки, ни ложки не дали.

А дорога была еще долгая—могла и зимы захватить.

Мать ихъ, когда-то еще при Петрѣ Великомъ лихая наѣздница, красивая амазонка, разъѣзжавшая вмѣстѣ съ войсками царя и мужа въ войнѣ съ шведами, теперь постарѣвшая, не вынесла дороги и горя. Не доѣзжая до Казани, она умерла въ селѣ Услонѣ, на Волгѣ, въ виду города.

Въ Услонѣ найдена была въ послѣднее время уцѣлѣвшая могильная плита, напоминающая эту когда-то почти всесильную женщину. На плитѣ сохранилась часть надписи—это надгробная эпитафія: „здѣсь погребено тѣло рабы божіей Д...“—и только; все остальное стерло время, дожди и солнце... Уцѣлѣла одна начальная буква имени—и больше ничего. Теперь, можетъ быть, ужъ и буква *Д* стерлась.

Крапива и полынь проросли вокругъ, на могилѣ, и покрываютъ самый камень, подъ которымъ лежатъ кости княгини Меншиковой. Вокругъ разведенъ огородъ или садикъ, принадлежащій сельскому дьячку.

Когда везли Меншиковыхъ, то по дорогѣ вездѣ народъ сходился толпами глядѣть на нихъ—царскую невѣсту везли.

Въ Тобольскѣ одинъ изъ сосланныхъ туда когда-то княземъ Меншиковымъ бросилъ комъ грязи въ княженъ. Старикъ заплакалъ.

— Боже мой! въ меня бросай, а не въ этихъ несчастныхъ дѣтей, которыя ни въ чемъ передъ тобой не виноваты,—говорилъ старикъ.

Дологъ былъ ихъ путь до Березова. Наконецъ, доѣхали. Тогда это былъ еще болѣе дикій, пустынный, болѣе страшный городъ, чѣмъ теперь. Петербургъ оставался за четыре тысячи верстъ назади.

Сначала Меншиковыхъ заключили тамъ въ острогъ, а послѣ они перебрались въ особый домъ, построенный самимъ Меншиковымъ при помощи работниковъ на берегу Сосвы. Домикъ этотъ заключалъ въ себѣ часовню и четыре комнаты: въ одной изъ нихъ помѣстились княжны, въ другой, князь съ сыномъ, въ третьей—прислуга; четвертая отведена была подъ кладовую. Бывшая царевна завѣдывала кухней, а младшая сестра ея, княжна Александра—бѣльемъ.

Однообразна, томительна была жизнь этихъ знаменитыхъ арестантовъ; такая жизнь, которой нельзя вообразить—надо ее вынести, чтобъ понять всю ея страшную убійственность.

Въ долгіе зимніе вечера дѣти читали Меншикову священныя книги, а онъ имъ разсказывалъ свое прошлое, которое дѣти и записывали, на память и въ поученіе будущимъ поколѣніямъ. Но, къ сожалѣнію, рукопись, содержавшая этотъ разсказъ, пропала.

Не долго жъ, однако, пришлось ссыльнымъ томиться въ изгнаніи.

Старикъ Меншиковъ умеръ 12-го ноября 1729 года—только пятидесяти шести лѣтъ отъ роду.

За нимъ скоро послѣдовала и старшая дочь, бывшая царская невѣста: княжна Марья умерла 26-го декабря 1729 года, съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ отца.

Умерла она ровно въ день своего рожденія—въ этотъ день ей исполнилось только восемнадцать лѣтъ!

Такъ вообще мало живетъ второе поколѣніе женщинъ XVIII вѣка: великая княжна Анна Петровна, герцогиня голштинская, скончалась двадцати лѣтъ; княжна Меншикова—восемнадцати; другія женщины отходили все почти въ такомъ же возрастѣ, кромѣ немногихъ: видно, что трудно

было слабой, нѣжной и впечатлительной женской природѣ переживать то переходное, тяжелое время, когда старая Русь, такъ сказать, не на животъ, а на смерть билась съ Русью новой, не окрѣпшей, не подготовленной къ борьбѣ.

За десять дней до смерти княжны Меншиковой, бывшій ея женихъ, юный императоръ Петръ II, менѣе всѣхъ виновный въ горькой участи Меншиковыхъ, вспомнилъ о своей развѣнчанной невѣстѣ и отдалъ верховному тайному совѣту приказъ—освободить изъ ссылки ее и остальныхъ дѣтей Меншикова, дозволивъ имъ жить въ деревнѣ, для чего и дать княжнамъ на прокормленье сто крестьянскихъ дворовъ въ нижегородской губерніи, а брата ихъ записать въ полкъ.

Но милость императора уже не застала въ живыхъ его несчастной невѣсты.

Впослѣдствіи уже сдѣлались извѣстными слѣдующія обстоятельства жизни бывшей невѣсты Петра II.

Еще въ 1728 году, вслѣдъ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ князь Ѳедоръ Долгорукій, сынъ знаменитаго Василія Лукича Долгорукаго.

Молодой Долгорукій давно любилъ Марью Меншикову и, узнавъ о ея ссылкѣ, взялъ заграничный паспортъ и подъ чужимъ именемъ пробрался въ Сибирь. Тамъ они тайно повѣнчаны были старымъ березовскимъ священникомъ, которому за это подаренъ былъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ потомствѣ священника.

Разсказываютъ, что лѣтомъ березовскіе жители часто видѣли молодыхъ, князя Ѳедора Долгорукаго и бывшую царскую невѣсту, гулявшихъ вмѣстѣ. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ съ окладкою изъ серебра, или изъ серебряной блонды. Это, безъ сомнѣнія, подарокъ богатаго жениха.

Но черезъ годъ молодая женщина скончалась отъ родовъ —двойней. Съ этими дѣтьми ее и похоронили въ одномъ гробу.

Обстоятельство это раскрыто было совершенно случайно, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ смерти царской невѣсты.

Въ 1825 году, 30-го іюля, въ Березовѣ искали могилу знаменитаго временщика и любимца Петра Великаго—и вотъ что нашли, по мѣстнымъ извѣстіямъ.

Сначала докопались до двухъ младенческихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ гробочки, увидѣли кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ и два шелковые головные вѣнчика. Гробочки эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды, изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробики младенцевъ, съ крестомъ, изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Когда сняли крышку, то увидѣли, что въ гробу, съ обоихъ концовъ, не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ, женщина, лежалъ покрытымъ зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ мертвеца, то, не тревожа его, разрѣзали атласъ по серединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій; лицо бѣлое, съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на

лбу шелковый вѣнчикъ; шлафрокъ изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки, безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу суживающимися; переда остроконечные изъ шелковой махровой матеріи. Могила оставалась цѣлый день открытою, и лицо покойника совершенно почернѣло.

Это была княжна Марья Александровна Меншикова, впослѣдствіи княгиня Долгорукая.

До сихъ поръ въ Березовѣ, въ бывшей спасской церкви, нынѣ воскресенскій соборъ, находятся двѣ парчевыя священническія ризы съ звѣздами св. Андрея Первозваннаго на наплечьяхъ, шитыя дочерьми князя Меншикова, и золотой медальонъ изящной работы, внутри котораго находится свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ: медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Ѳедора Долгорукаго.

Свѣтлорусые волосы, находящіеся въ медальонѣ, принадлежатъ княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Меншиковой, первой невѣстѣ императора Петра II.

III.

Графиня Екатерина Алексѣевна Брюсъ, урожденная княжна Долгорукая.

(**Вторая невѣста Петра II-го**).

Вторая невѣста императора Петра II-го была такъ же несчастлива, какъ и первая, княжна Марья Александровна Меншикова, съ судьбою которой мы познакомились въ предыдущемъ очеркѣ.

Да Долгорукимъ и вообще не посчастливилось родство съ государями земли русской.

Такъ, изъ исторіи женщинъ древней Руси намъ уже извѣстно, что одна изъ Долгорукихъ была пятою—если историки не ошибаются—очень несчастною супругою царя Ивана Васильевича Грознаго.

Грозный женился на Марьѣ Долгорукой 11-го ноября 1573 года, а на второй день послѣ брака, какъ намъ извѣстно, жизнь молодой царицы покончилась: царь, узнавъ, что его невѣста до супружества не сохранила дѣвства, приказалъ „затиснуть“ ее въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ воду.

Не менѣе злополучная доля, хотя и не кончившаяся такъ трагически, постигла и вторую невѣсту молодого императора Петра II-го, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, сестру друга и любимца императора, юнаго вельможи Ивана Алексѣевича Долгорукаго.

Въ высшей степени любопытно слѣдить за самымъ ходомъ драмы, въ которой однимъ изъ первыхъ, хотя противъ воли дѣйствовавшихъ, лицъ была княжна Долгорукая, погибшая потому, именно, что и она, подобно своей прабабушкѣ Марьѣ Долгорукой, была какъ-бы насильно введена въ ансамбль лицъ, на дѣйствіи которыхъ построилась вся страшная историческая драма.

Мы можемъ слѣдить за невольной игрой въ этой драмѣ княжны Долгорукой по разсказамъ особы, у которой на глазахъ и начался первый

актъ и кончился послѣдній, когда княжна Долгорукая надолго скрылась отъ глазъ зрителей.

Разсказы эти — это извѣстныя уже намъ письма леди Рондо, жены англійскаго резидента при русскомъ дворѣ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны.

Письма эти пишутся въ Англію, къ другу той, которая пишетъ, и, такимъ образомъ, откровенно передаютъ всѣ ходячія новости дня,—этимъ-то они драгоцѣнны для насъ.

Такъ, въ третьемъ письмѣ своемъ, отъ 4-го ноября 1730 года, изъ Москвы, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ дворъ, а за нимъ всѣ посланники, министры и резиденты иностранныхъ дворовъ, леди Рондо, между прочимъ, пишетъ, съ кѣмъ она знакома, у кого бываетъ, что видитъ, и присовокупляетъ, что бываетъ и у супруги польскаго министра Лефорта, гдѣ каждый вечеръ собираются люди высшаго общества, и, къ крайнему ея огорченію, сходятся большею частью для игры въ карты, и что въ этой игрѣ принимаютъ участіе и дамы.

„Нѣсколько дней тому назадъ,—продолжаетъ леди Рондо,— я встрѣтила молодую даму, которая не играетъ; но происходитъ ли это отъ той же непонятливости, какъ и моя, или оттого, что ея сердце наполнено нѣжною страстью, — я не умѣю опредѣлить. Это — хорошенькая особа восемнадцати лѣтъ, обладающая кротостью, сердечной добротой, благоразуміемъ и привѣтливостію. Она сестра фаворита князя Долгорукаго. Братъ нѣмецкаго посланника—предметъ ея любви. Все уже улажено, и они ожидаютъ только исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ здѣшней странѣ, для того, чтобы, какъ я надѣюсь, быть счастливыми. Она кажется, очень рада быть въ замужествѣ внѣ своего отечества, оказываетъ иностранцамъ много любезности, сильно любитъ своего жениха и взаимно имъ любима“.

Здѣсь рѣчь идетъ, именно, о второй невѣстѣ молодого императора, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой.

Она, дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, была рѣдкая красавица, но, вопреки замѣчанію леди Рондо, „кротостью“ не „обладала“, а, напротивъ, была „чрезвычайно горда“.

Она, какъ мы видимъ, въ карты не играетъ, несмотря на всеобщее увлеченье этой игрой, что, въ свою очередь, если не свидѣтельствуетъ о недюжинности ума дѣвушки, то, во всякомъ случаѣ, говоритъ въ пользу независимости ея характера.

„Братъ нѣмецкаго посланника, предметъ ея любви“—это шуринъ графа Вратислава, австрійскаго посланника, молодой графъ Милиссимо.

Въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо обстоятельства жизни хорошенькой княжны Долгорукой круто измѣняются.

Вотъ что она пишетъ черезъ сорокъ шесть дней послѣ извѣстнаго уже намъ письма, тоже изъ Москвы, гдѣ продолжалъ оставаться дворъ:

„Перемѣна, происшедшая здѣсь послѣ моего послѣдняго письма, была изумительна,— пишетъ леди Рондо 20-го декабря 1730 года: — молодой

монархъ, какъ полагаютъ, по внушенію своего фаворита, объявилъ, что онъ рѣшился жениться на хорошенькой княжнѣ Долгорукой, о которой я вамъ говорила въ моемъ послѣднемъ письмѣ.

„Какая жестокая перемѣна для двухъ лицъ, сердца которыхъ всецѣло отдались другъ другу!

„Но въ этой странѣ нельзя отказываться.

„Два дня тому назадъ при дворѣ происходило торжественное объявленіе о предстоящемъ бракѣ, и императоръ съ княжной, какъ здѣсь выражаются, были помолвлены.

„На другой день княжну отвезли въ домъ одного царедворца, находящійся вблизи дворца (это въ головинскій дворецъ), гдѣ она должна оставаться до дня свадьбы.

„Всѣ лица высшаго круга были приглашены, и, собравшись, сѣли на скамейкахъ въ большой залѣ: съ одной стороны—государственные сановники и знатные русскіе, съ другой—иностранные министры и знатные иностранцы. Въ глубинѣ залы былъ поставленъ балдахинъ и подъ нимъ два кресла, а передъ креслами аналой, на которомъ лежало евангеліе. Много духовенства стояло съ каждой стороны аналоя.

„Когда всѣ размѣстились, императоръ вошелъ въ залу и говорилъ со многими лицами; княжну съ матерью и сестрой привезли въ императорской каретѣ изъ помѣщенія, которое ей было отведено; впереди невѣсты ѣхалъ въ каретѣ братъ ея, оберъ-камергеръ, а за ней слѣдовало много императорскихъ экипажей. Братъ проводилъ княжну до дверей залы, гдѣ ее встрѣтилъ царственный женихъ и отвелъ къ одному изъ креселъ, а въ другое сѣлъ самъ.

„Прекрасная жертва (ибо я смотрю на нее, какъ на таковую) была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно обхватывавшее ея станъ; волосы, расчесанные на четыре косы, убранные большимъ количествомъ алмазовъ, падали внизъ; маленькая корона была надѣта на головѣ; длинный шлейфъ ея платья не былъ несенъ. Княжна имѣла видъ скромный, но задумчивый, и лицо блѣдное.

„Посидѣвъ нѣсколько минутъ, они встали и подошли къ аналою; императоръ, объявивъ, что беретъ княжну въ супруги, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ, послѣ чего женихъ и невѣста поцѣловали евангеліе, а архіепископъ новгородскій (Ѳеофанъ Прокоповичъ) прочелъ краткую молитву; затѣмъ императоръ поклонился княжнѣ. Когда они снова сѣли, государь назначилъ кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты и изъявилъ желаніе, чтобы они тотчасъ же вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

„Тогда началось цѣлованіе руки княжны; женихъ держалъ ея правую руку въ своей, давая ее цѣловать каждому подходящему, такъ какъ всѣ были обязаны исполнить это.

„Наконецъ, къ великому удивленію всѣхъ, подошелъ несчастный покинутый юноша; до тѣхъ поръ она сидѣла съ глазами, устремленными внизъ,

но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала ее поцѣловать своему возлюбленному, между тѣмъ какъ тысячи чувствъ изобразились на ея лицѣ.

„Петръ покраснѣлъ, но толпа присутствовавшихъ приблизилась, чтобы исполнить свою обязанность, а друзья молодого человѣка нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и увезти поскорѣе изъ города.

„Поступокъ этотъ былъ дерзокъ, въ высшей степени безразсуденъ и неожиданъ для нея.

„Юный государь открылъ съ княжною балъ, который скоро кончился, какъ я полагаю, къ ея великому удовольствію, потому что все ея спокойствіе исчезло послѣ легкомысленнаго поступка и въ глазахъ были замѣтны только боязнь и разсѣянность.

„По окончаніи бала она была снова отвезена въ тотъ же домъ, но уже въ собственной каретѣ императора, наверху которой находилась императорская корона. Княжна сидѣла въ ней совершенно одна, сопровождаемая конвоемъ“.

Современники говорятъ, что княжна Долгорукая рѣшилась отдать свою руку императору Петру II-му только вслѣдствіе настоятельныхъ требованій родни.

Съ своей стороны, и молодой императоръ относился къ ней холодно: у него также противъ влеченій сердца вынудили согласіе жениться на княжнѣ Долгорукой ея же всесильные родные.

Разсказываютъ также, что графъ Милиссимо, котораго княжна страстно любила, на другой день послѣ обрученія императора и послѣ того, что обнаружилось при цѣлованьѣ графомъ Милиссимо руки у царской невѣсты,—былъ отправленъ за границу съ порученіемъ отъ своего посла и уже больше не возвращался въ Россію.

Леди Рондо, между тѣмъ, продолжаетъ:

„Но вы станете порицать меня за то, что я не набросала вамъ портрета императора. Онъ высокаго роста и очень полопъ для своего возраста, такъ какъ ему только пятнадцать лѣтъ; онъ бѣлъ, но очень загорѣлъ на охотѣ; черты лица его хороши, но взглядъ пасмуренъ, и, хотя онъ молодъ и красивъ, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго или пріятнаго. Платье его было свѣтлаго цвѣта, вышитое серебромъ.

„На молодую княжну теперь смотрятъ какъ на императрицу; я думаю, однако, что еслибъ можно было заглянуть въ ея сердце, то оказалось бы, что величіе не можетъ облегчить ея страданій отъ безнадежной любви; въ самомъ дѣлѣ, только крайнее малодушіе въ состояніи промѣнять любовь или дружбу на владычество“.

Но вотъ сюжетъ драмы развивается далѣе—все ближе къ развязкѣ.

Леди Рондо слѣдитъ за тѣмъ, что у нея совершается передъ глазами, и вновь пишетъ въ февралѣ 1731 года:

„Когда я вамъ писала послѣднее письмо, всѣ (т. е. нашъ кружокъ) готовились къ торжественной свадьбѣ, назначенной на 19-е января.

„6-го числа того же мѣсяца здѣсь бываетъ большой праздникъ и происходитъ церемонія, называемая водосвятіемъ, установленная въ воспоминаніе крещенія, принятаго нашимъ Спасителемъ отъ св. Іоанна.

„Обычай требуетъ, чтобы государь находился во главѣ войскъ, которыя въ этомъ случаѣ выстраиваются на льду. Бѣдная, хорошенькая невѣста должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и такою пышной свитой, какую только можно себѣ представить. Она сидѣла совершенно одна въ открытыхъ саняхъ, одѣтая такъ же, какъ въ день своего обрученія, и императоръ, слѣдуя обычаю страны, стоялъ позади ея саней.

„Никогда въ жизни я не помню дня болѣе холоднаго. Я боялась ѣхать на обѣдъ во дворецъ, куда всѣ были приглашены и собрались, чтобы встрѣтить молодого государя и будущую государыню при ихъ возвращеніи.

„Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ.

„Тотчасъ, какъ они вошли въ залу, императоръ сталъ жаловаться на головную боль. Сначала думали, что это—слѣдствіе холода, но такъ какъ онъ продолжалъ жаловаться, то послали за докторомъ, который посовѣтовалъ ему лечь въ постель, найдя его очень нехорошимъ.

„Это обстоятельство разстроило все собраніе.

„Княжна весь день имѣла задумчивый видъ, который не измѣнился и при этомъ случаѣ; она простилась съ своими знакомыми такъ же, какъ и встрѣтила ихъ, т. е. съ серьезною привѣтливостію, если я могу такъ выразиться.

„На другой день у императора появилась оспа, а 19-го, день, назначенный для свадьбы, онъ умеръ около трехъ часовъ утра.

„Въ эту ночь, какъ я думаю, всѣ находились на ногахъ, по крайней мѣрѣ это было съ нами, потому что, зная вечеромъ всю опасность его положенія, никто не могъ предвидѣть послѣдствій его кончины и споровъ, которые должны были возникнуть въ отношеніи вопроса о престолонаслѣдіи.

„На другой день, около девяти часовъ, вдовствующая герцогиня курляндская была объявлена императрицей“.

Затѣмъ леди Рондо прямо переходитъ къ княжнѣ Долгорукой, которая разомъ потеряла и жениха и корону...

„Ваше доброе сердце,—говоритъ леди,—будетъ скорбѣть о молодой особѣ, которая была разлучена съ тѣмъ, кого она любила, и теперь лишена даже той ничтожной награды, какую ей, казалось, сулило величіе!

„Меня увѣряютъ, что она переноситъ свое несчастіе героически и говоритъ, что оплакиваетъ общую потерю, какъ членъ государства, но, какъ частное лицо, радуется этой смерти, избавившей ее отъ пытки, которую самый жестокій извергъ и самая изобрѣтательная кровожадность не могли бы придумать. Она совершенно равнодушна къ своей будущей судьбѣ, и думаетъ, что если преодолѣла свою привязанность, то можетъ спокойно перенести всѣ тѣлесныя страданія.

„Сановникъ, навѣщавшій ее, разсказалъ мнѣ о своемъ разговорѣ съ нею.

„Онъ нашелъ ее совершенно покинутою всѣми, кромѣ одной только служанки и лакея, который служилъ ей съ дѣтства. Такъ какъ сановникъ былъ возмущенъ увидѣнной имъ обстановкой, то она ему сказала: „наша страна вамъ мало извѣстна...“ И къ тому, что я уже вамъ разсказала, она прибавила, что ея молодость и невинность, а также и извѣстная доброта той, которая наслѣдовала престолъ, заставляютъ ее надѣяться, что она не будетъ подвергнута никакому публичному оскорбленію, а что бѣдность въ частной жизни для нея ничего не значить, такъ какъ ея сердце занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь. Предполагая, что подъ словомъ „единственный предметъ“ могутъ подразумѣвать ея перваго жениха, она поспѣшно прибавила, что запретила своему сердцу думать о немъ съ того мгновенья, когда это стало преступнымъ, но что она имѣла въ виду свою семью, образъ дѣйствій которой, какъ она думаетъ, будутъ порицать, и что она не можетъ преодолѣть въ себѣ естественной привязанности, хотя и была принесена въ жертву обстоятельствамъ, которыя теперь дѣлаются причиной гибели ея семьи.

„Вы,—заключаетъ леди Рондо, — сужденіе которой всегда такъ справедливо, не нуждаетесь въ подобномъ зрѣлищѣ, чтобы заставить вась размышлять о ничтожествѣ всѣхъ мірскихъ превратностей, напоминающихъ намъ каждый часъ нашей жизни, что радости непрочны и мимолетны, и что среди всѣхъ огорченій насъ должна успокаивать мысль, что все на этомъ свѣтѣ непродолжительно“.

Наконецъ, въ слѣдующемъ письмѣ леди Рондо, какъ бы мимоходомъ и неохотно, касается заключительнаго акта драмы, болѣе или менѣе извѣстной каждому русскому читателю.

Вотъ ея слова, которыя, несмотря на ихъ краткость, не теряютъ своей драгоцѣнности, какъ свидѣтельство современника:

„Говорятъ, что дворъ предполагаетъ отправиться въ Петербургъ. Если эта поѣздка состоится, то мои дѣла принудятъ меня также ѣхать туда.

„Вы очень любопытны, но, чтобы удовлетворить васъ, я могу сказать лишь очень немногое, потому что съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь въ моемъ настоящемъ положеніи, я не посѣщаю никакихъ общественныхъ мѣстъ.

„Все семейство Долгорукихъ, въ томъ числѣ и бѣдная царская невѣста, сосланы въ то самое мѣсто, гдѣ находятся дѣти князя Меншикова. Такимъ образомъ, обѣ женщины, которыя одна послѣ другой были помолвлены за молодого царя, могутъ встрѣтиться въ изгнаніи.

„Это событіе, мнѣ кажется, можетъ послужить хорошимъ сюжетомъ для трагедіи. Говорятъ, что дѣти Меншикова возвращаются и будутъ доставлены той же стражей, которая препроводитъ въ ссылку Долгорукихъ. Если эта новость справедлива, то поступокъ будетъ великодушенъ, потому что ихъ отецъ былъ неумолимымъ врагомъ настоящей царицы, съ которой онъ обращался, и на словахъ и на дѣлѣ, очень оскорбительно.

„Васъ, можетъ быть, удивляетъ ссылка женщинъ и дѣтей; но здѣсь, когда глава семейства впадаетъ въ немилость, то все его семейство под-

вергается преслѣдованію, а имѣніе отбирается. Если въ обществѣ не встрѣчаютъ болѣе тѣхъ, кого привыкли тамъ видѣть, то никто о нихъ не освѣдомляется и только иногда говорятъ, что они разорились. Если же они впали въ немилость, то о нихъ не говорятъ вовсе. Когда же, по счастію, имъ возвращаютъ благосклонность, то ихъ ласкаютъ попрежнему, не упоминая о прошломъ".

Но объ этомъ послѣднемъ актѣ драмы намъ извѣстно болѣе, чѣмъ было тогда извѣстно леди Рондо.

Долгорукіе, а въ томъ числѣ и въ первой мѣрѣ фаворитъ покойнаго императора, Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, обвиняемые въ небреженіи здоровья молодого государя, какъ наиболѣе приближенные къ нему лица, были сосланы въ свои отдаленныя касимовскія деревни.

Въ ссылку пошла и вторая царская невѣста Екатерина Алексѣевна Долгорукая; мало того, въ ссылку же шла и шестнадцатилѣтняя жена брата Екатерины Алексѣевны, бывшаго фаворита Ивана Алексѣевича—Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная графиня Шереметева, о благородномъ характерѣ которой и геройской рѣшимости раздѣлять участь свою съ участью опальнаго жениха, а потомъ мужа, будетъ сказано въ особомъ очеркѣ.

Изъ касимовскихъ деревень всѣхъ Долгорукихъ ссылаютъ въ Сибирь, въ Березовъ, за то, что они „презрѣли" указъ, въ которомъ повелѣвалось, что жить имъ безвыѣздно не въ касимовскихъ, а въ пензенскихъ имѣніяхъ.

Долгорукіе оправдывались, что имъ такого указа объявлено не было...

Ѣдутъ они черезъ Тобольскъ и сдаются тамъ подъ надзоръ гарнизонному офицеру, который, являясь часто къ своимъ высокимъ арестантамъ, по привычкѣ, въ туфляхъ на босу ногу, говоритъ каждому изъ нихъ „ты", какъ онъ привыкъ говорить каждому каторжнику и варнаку.

Любопытныя подробности этого путешествія опальныхъ вельможъ изъ касимовскихъ деревень до Березова описаны одною изъ ссыльныхъ, изъ ихъ же семьи, княгинею Натальею Борисовною Долгорукою, а потому мы и скажемъ еще объ этомъ предметѣ въ біографіи этой послѣдней женщины.

Не красна была жизнь Долгорукихъ въ Березовѣ; но впереди ожидали ихъ еще болѣе тяжкія испытанія, невольною причиною которыхъ была, если можно такъ выразиться, та же вдовствующая невѣста покойнаго императора Петра II-го, злополучная княжна Екатерина Алексѣевна.

Выше мы сказали, что тотъ, кого она любила, графъ Милиссимо, былъ высланъ изъ Россіи на другой день послѣ обрученія ея съ императоромъ и послѣ церемоніи цѣлованія руки царской невѣсты, когда передъ всѣмъ дворомъ обнаружилась тайна ея привязанности къ шурину графа Вратислава.

Хотя, по свидѣтельству леди Рондо, княжна Екатерина Алексѣевна и проговорилась бывшему у нея сановнику, навѣстившему ее послѣ смерти жениха-императора, что „сердце ея занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь", то-есть дорогимъ ей графомъ Милиссимо, однако, время и суровый Березовъ вытѣснили, кажется, изъ ея сердца этотъ „единственный предметъ", а тоска и уединеніе неволи заставляли молодое сердце искать привязанности.

Жить хотѣлось и любить хотѣлось; возврата къ прошлому уже не предвидѣлось; тотъ, кого она любила, былъ, по русскому выраженію, за тридевять земель, а молодость брала свое.

Но кого любить въ Березовѣ?

Гарнизоннаго офицера, который, можетъ быть, ходитъ въ туфляхъ на босу ногу? Вѣдь больше никого не было въ Березовѣ.

И бывшая царская невѣста, у которой императоръ во время крещенскаго парада стоялъ на запяткахъ, дѣйствительно полюбила гарнизоннаго офицера.

Это былъ офицеръ Овцынъ, который, надо полагать, не былъ похожъ на тобольскаго гарнизоннаго офицера, въ самомъ дѣлѣ ходившаго въ туфляхъ на босу ногу.

Интимная дружба съ Овцынымъ принесла новое горе дѣвушкѣ и кончилась трагической гибелью для мужскихъ членовъ ея семейства.

Поощренный привязанностью княжны къ Овцыну, тобольскій подъячій Тишинъ, часто наѣзжавшій въ Березовъ по дѣламъ службы, рѣшился искать благосклонности бывшей царской невѣсты, но былъ ею отвергнутъ и оскорбленъ Овцынымъ.

Желая отмстить дѣвушкѣ и ея возлюбленному, отвергнутый подъячій сочинилъ гнусный доносъ на Долгорукихъ, которые и были вновь арестованы въ Березовѣ и вывезены въ Россію.

Схвачена была и бывшая царская невѣста княжна Екатерина Алексѣевна.

Надъ обвиняемыми Биронъ нарядилъ слѣдствіе и судъ, который и кончился страшною казнью четырехъ Долгорукихъ въ Новгородѣ, въ 1739 году.

Старшій братъ княжны Екатерины, бывшій любимецъ императора Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ, былъ четвертованъ, и подъ топоромъ палача читалъ молитву „благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси познать тебя, Владыко", пока языкъ его не замеръ на этомъ славословіи вмѣстѣ съ отрубленной головой.

Сама княжна была сослана на Бѣлоозеро, въ воскресенскій горицкій дѣвичій монастырь, тихвинскаго уѣзда.

Монастырь этотъ стоялъ въ суровой пустынѣ, не краше пустынь, окружавшихъ Березовъ.

Это было давнишнее, историческое мѣсто ссылки царственныхъ женщинъ древней Руси: въ этомъ монастырѣ томилась когда-то Евфросинья, княгиня старицкая, мать послѣдняго удѣльнаго князя Владиміра Андреевича старицкаго, сосланная туда Еленою Глинскою; туда же сослана была и пострижена тамъ жена царевича Ивана, сына Грознаго, Прасковья Михайловна Соловая; тамъ же сидѣла въ ссылкѣ и Ксенія Годунова.

Княжну Екатерину Долгорукую подвергли въ этомъ монастырѣ суровому заключенію.

Въ монастырѣ этомъ, у входа въ такъ называемый „черный дворъ", гдѣ были хлѣва, конюшня и коровникъ, стоялъ небольшой деревянный домикъ съ маленькими отверстіями вмѣсто оконъ; наружная дверь, око-

ванная желѣзомъ, день и ночь была заперта внутреннимъ, да еще висячимъ наружнымъ замкомъ.

Эта-то хижинка и должна была сдѣлаться тюрьмой-кельею для бывшей царской невѣсты.

Когда привезли туда Долгорукую, то настоятельница монастыря такъ боялась присутствія въ ея владѣніяхъ этой высокой колодницы, что долго не хотѣла впускать въ монастырь никого изъ стороннихъ лицъ, и не рѣшалась даже богомольцевъ пускать въ монастырскую церковь, изъ опасенія, что ее могутъ обвинить въ небрежномъ смотрѣніи за арестанткой, и изъ страха, чтобъ кто-либо не увидалъ заключенную княжну.

Но и въ этой убогой и суровой тюрьмѣ-кельѣ за двумя замками княжна Долгорукая не забывала, кто она, не забывала, что была она когда-то и царской невѣстою.

Однажды монахиня-приставница, по обычаю монастырскому, замахнулась на нее за что-то огромными своими чотками изъ деревянныхъ бусъ, служившими старымъ монахинямъ вмѣсто плетокъ на поученіе младшимъ сестрамъ и послушницамъ.

— Уважь свѣтъ и во тьмѣ!—гордо сказала Долгорукая:—я княжна, а ты холопка!

Старица такъ смутилась одного грознаго вида молодой колодницы, что бѣжала, забывъ даже и тюрьму ея запереть.

Вообще, бывшая невѣста Петра II-го не забыла своего царственнаго величія, а только ожесточилась, и къ врожденной княжеской гордости прибавила еще царственную неприступность.

Когда изъ Петербурга пріѣхалъ генералъ отъ тайной канцеляріи и навѣстилъ ссыльную княжну, она не только не смутилась въ присутствіи важнаго гостя, но даже „грубость“ ему оказала — не встала, когда тотъ вошелъ въ ея келью, и отвернулась отъ него.

Генералъ, пригрозивъ ей батогами, уѣхалъ изъ монастыря, приказавъ еще строже смотрѣть за важной колодницей.

Напуганная мать-игуменья приказала заколотить остальное окошечко въ тюремной кельѣ княжны, и къ кельѣ этой не велѣла даже никого близко подпускать. Однажды двѣ монастырскія дѣвочки осмѣлились заглянуть въ скважину нутряного замка запретной двери — и за это подвергнуты были наказанью розгами.

Три года провела княжна подъ такимъ суровымъ монастырскимъ началомъ.

Но вотъ на престолъ вступаетъ императрица Елизавета Петровна — и темная келья бывшей царской невѣсты отворилась.

Изъ Петербурга прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ объ освобожденіи заключенной. Княжна пожалована во фрейлины. За нею присланы экипажы, прислуга. Княжна любезно прощается съ монастыремъ, обѣщаетъ не забывать его своими милостями.

И дѣйствительно не забыла. Въ 1744 году она прислала въ монастырь „Прологъ“ съ надписью по листамъ:

„Лѣто 1744-е, марта въ 10-й день, сію книгу Прологъ, содержащую житія святыхъ угодникъ, дала въ даръ въ обитель Воскресенія Христова, горицкій дѣвичій монастырь, на Бѣлоозерѣ, въ память своего пребыванія, княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая“.

Возвратившись изъ ссылки, княжна встрѣтила въ Петербургѣ всѣхъ своихъ родныхъ, уцѣлѣвшихъ отъ новгородскихъ казней.

Императрица, помня, что княжна лишилась двухъ жениховъ — и графа Милиссимо, и императора Петра II-го, употребила все свое стараніе, чтобы выдать ее замужъ за достойнаго человѣка, и въ 1745 году нашла такого въ генералъ-лейтенантѣ графѣ Александрѣ Романовичѣ Брюсѣ, родномъ племянникѣ сподвижника Петра Великаго, фельдмаршала, знаменитаго „колдуна на Сухаревой башнѣ“, астронома, алхимика, астролога, сочинителя Брюсова планетника („Брюсовъ календарь“) и т. д.

Уже помолвленной невѣстой княжна ѣздила въ Новгородъ проститься съ погребенными тамъ тѣлами казненныхъ брата и дядей, покоившихся въ Рождественскомъ монастырѣ, что на поляхъ, „на убогихъ домахъ“.

Простившись передъ свадьбой, по русскому обычаю, съ могилами своихъ родныхъ, она заложила тамъ церковь въ память казненныхъ.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы простудная горячка свела ее въ могилу.

Царское величіе и гордость не покидали ея до самой смерти. Умирая, бывшая „государыня-невѣста“ при себѣ велѣла сжечь всѣ свои платья, чтобъ и послѣ ея смерти никто не смѣлъ носить той одежды, которую она носила.

IV.

Наталья Долгорукая.

(Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная графиня Шереметева).

Женская личность, о которой мы намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ, принадлежитъ также къ той категоріи русскихъ историческихъ женщинъ прошлаго вѣка, на которыхъ обрушилась вся тяжесть переходнаго времени и задавила ихъ: это безпощадное время бросало попадавшіяся ему жертвы подъ своей, все перемалывающій жерновъ и раздробляло ихъ на части, подобно джагернатской колесницѣ, раздроблявшей несчастныхъ женщинъ Индіи.

И нельзя при этомъ не замѣтить, что подъ ужасный жерновъ этотъ попали почти всѣ женщины, которыя могли сказать о себѣ, что они еще помнили Петра Великаго, что въ дѣтствѣ своими глазами видѣли, какъ онъ покатилъ по русской землѣ этотъ тяжелый жерновъ, который и раздробилъ много стараго и негоднаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не мало молодого свѣжаго.

Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой — вѣрнѣе Шереметевой — было одиннадцать лѣтъ, когда хоронили Петра, и, слѣдовательно, она принадлежитъ къ тому поколѣнію русскихъ женщинъ, которыя, если можно такъ выразиться, у матерей своихъ и кормилицъ высосали частицу молока, оста-

вшагося еще отъ XVII вѣка, и съ молокомъ этимъ всосали несчастія всей своей жизни.

Несмотря на то, что Наталья Долгорукая принадлежала къ замѣчательнымъ личностямъ по своей нравственной высотѣ, по рѣдкому величію духа— ужасное время не пощадило и ея.

Вообще, личность Долгорукой заслуживаетъ того, чтобы потомство отнеслось къ ней особенно сочувственно и отмѣтило имя ея въ числѣ лучшихъ, самыхъ свѣтлыхъ личностей своего прошлаго.

Въ 1857 году, въ Лондонѣ вышла особая книга, посвященная памяти этой глубоко симпатичной женщины, подъ заглавіемъ „The life and times of Nathalia Borissovna, princesse Dolgorookov". Авторъ этой книги — Джемсъ Артуръ Гирдъ (Heard).

У насъ въ Россіи о Долгорукой писано немного, но все, что о ней написано, выставляетъ ее „личностью такою благородною и возвышенною", которая „дѣлаетъ честь родной сторонѣ".

Долгорукая оставила свои собственныя записки, которыя имѣли два изданія въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Писавшіе о Долгорукой называютъ всю жизнь ея „трудной и скорбной", а ей самой даютъ наименованіе „великой страдалицы".

Наталья Борисовна родилась 17-го января 1714 года—слѣдовательно, за одиннадцать лѣтъ до смерти Петра Великаго: этого одного достаточно было, чтобъ и ей, подобно всѣмъ женщинамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ восемнадцатаго вѣка, попасть подъ джагернатскую колесницу смутнаго переходнаго времени.

Она родилась въ одномъ изъ самыхъ знатныхъ домовъ своего времени, а эти-то дома преимущественно и задѣла тяжелая индійская колесница; отецъ ея былъ знаменитый фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, одинъ изъ соработниковъ Петра Великаго, который называлъ своего дѣлового Бориса „Баярдомъ" за честность и „Тюренемъ" за ратные таланты и ставилъ его такъ высоко въ своемъ мнѣніи, что, изъ уваженія къ его заслугамъ, царь, вообще не любившій притворяться или рисоваться, всегда встрѣчалъ Шереметева у дверей кабинета, когда этотъ „Тюрень" приходилъ къ нему, и провожалъ до дверей—когда тотъ уходилъ.

Мать ея была также изъ знатнаго рода: въ дѣтствѣ она была Салтыкова, Анна Петровна, а по первому браку носила фамилію Нарышкиной, потому что была замужемъ за бояриномъ Львомъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ, роднымъ дядею Петра Великаго.

Много счастья должна была сулить жизнь для дѣвочки, родившейся въ такой завидной обстановкѣ: знатность рода, богатство, уваженіе царя — все обѣщало свѣтлую будущность.

А вышло наоборотъ, да такъ, какъ и не ожидалось: именно то, что должно было дать ей счастье, то именно и дало ей глубокое несчастье, которое она сама день за день и описываетъ, уже въ старости оглядываясь на свое прошлое, богатое такими поразительными контрастами.

Намѣреваясь говорить о своемъ прошломъ, она не задается задачею хроникера, не хочетъ захватывать всю ту разнообразную среду, въ которой, какъ въ глубокомъ омутѣ, погибали люди, а другіе на ихъ гибели строили свое счастье, чтобъ потомъ и самимъ погибнуть.

„Я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать", говоритъ она.

Себя и свою судьбу она такъ очерчиваетъ общими штрихами, говоря, что послѣ всего, что ею пережито, тяжело и доживать концы, тяжело и вспоминать прошлое.

„Отягощена голова моя безпокойными мыслями,—говоритъ она,—и, кажется мнѣ, будто я уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь"...

„И я была человѣкъ,—замѣчаетъ она далѣе,—вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ... Но не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, а о милости божіей похвалюсь: онъ мнѣ далъ столько силъ, что я перенесла".

Семейство, въ которомъ родилась Наталья, было очень большое; кромѣ стариковъ, у Натальи было еще три брата и четыре сестры. Но вся любовь семьи, а въ особенности матери, сосредоточивалась на маленькой Натальѣ.

Сама она говоритъ объ исключительной привязанности къ ней матери: „я ей была очень дорога":

На любимицѣ особенно сосредоточились и заботы матери относительно развитія ея способностей и предоставленія ей всего доступнаго тогда образованія въ полномъ объемѣ.

Мать усердно заботилась, чтобъ „ничего не упустить въ наукахъ, и,— по словамъ Натальи Борисовны,—все возможное употребляла къ умноженію моихъ достоинствъ".

Сердце матери не даромъ такъ прильнуло къ дочери: изъ нея вышла рѣдкая женщина, хотя мать и обманута была въ своихъ надеждахъ насчетъ ея будущаго.

„Льстилась она,—говоритъ о своей матери Наталья Борисовна,—льстилась она мною веселиться, представляла себѣ, что, когда приду въ совершенныя лѣта, буду ей добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости, и такъ меня содержала, какъ должно быть благородной дѣвушкѣ",

Дѣвушка росла веселая и счастливая. Она сама признается, что была „склонна къ веселію"; но еще въ ранней молодости веселью этому судьба положила перерывъ: отецъ ея умеръ, когда дѣвочка не успѣла еще войти въ возрастъ.

Но смерть отца была для нея совершенно почти не чувствительна; это было не то, что смерть матери, которая тоже была не за горами: дѣвочка была еще слишкомъ мала, когда умеръ отецъ, чтобъ понимать всю цѣну постигшаго ее несчастья. Зато тяжела ей показалась неожиданная смерть матери.

Это несчастье постигло Наталью, когда ей только что минуло четыр-

надцать лѣтъ и когда она уже научилась больше цѣнить потерю того, что дѣйствительно цѣнно.

„Это первая бѣда меня встрѣтила“, выражается она относительно смерти матери.

Дѣйствительно, это была пока первая реальная бѣда; а впереди ихъ копилось очень много и бѣды все тяжелыя, не переживаемыя и не забываемыя.

„Сколько я ни плакала, — говоритъ она въ своихъ запискахъ, вспоминая смерть матери, — все еще, кажется, было не довольно въ сравненіи съ ея любовью ко мнѣ, и ни слезами, ни рыданіемъ не воротила ея“.

Но молодость брала свое. Какъ ни тяжела казалась потеря матери, какъ ни страшно было оглядываться назадъ, тѣмъ болѣе, что молодость вообще не любитъ оглядываться, — все же въ будущемъ свѣтились радости, да и вообще, что бы тамъ ни свѣтилось, молодость всегда идетъ къ этому будущему безъ оглядки, словно торопится пробѣжать безъ отдыху ту именно лучшую стадію своей жизни, о которой впослѣдствіи будетъ сожалѣть до самой могилы.

„Будетъ и мое время, — мечталось ей при тяжеломъ раздумьѣ о потери матери, — повеселюсь на свѣтѣ“.

При всемъ томъ, она вела жизнь больше чѣмъ скромную, несмотря на то, что женщины первой половины XVIII вѣка жадно накинулись на свѣтскія удовольствія послѣ долгаго пощенія въ періодъ своего теремнаго существованія.

Дѣвушка того времени держала себя болѣе сдержанно, болѣе по-старинному, чѣмъ какъ стала она держать себя во второй половинѣ XVIII вѣка.

„Въ тогдашнее время, — говоритъ, Наталья Борисовна, — не такое было обхожденіе: очень примѣчали поступки молодыхъ или знатныхъ дѣвушекъ: тогда нельзя было мыкаться, какъ въ нынѣшній вѣкъ (это говорится о семидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія: для нея это былъ „нынѣшній вѣкъ“). Я и въ самой молодости весело не живала, и никогда сердце мое большого удовольствія не чувствовало“.

Но время идетъ. Дѣвушкѣ пришлось показываться въ свѣтъ, и свѣтъ сразу отличилъ ее—красивую, умную, знатную.

„Я очень счастлива была женихами, — признается она послѣ, уже старушкой, — очень счастлива... Начало было очень велико“...

Именно объ этомъ-то „великомъ началѣ“ и слѣдуетъ сказать особенно: это „великое начало“ и погубило ее, приготовивъ ей самый горестный конецъ.

Мы уже знаемъ, что когда палъ Меншиковъ, то самымъ дорогимъ другомъ-любимцемъ императора Петра II и всесильнымъ временщикомъ при немъ сдѣлался девятнадцатилѣтній князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. Къ довершенію могущества этого юноши, сестра его Екатерина, какъ извѣстно, помолвлена была за юнаго императора и друга этого мальчика-вельможи.

Этотъ-то князь Долгорукій и нашелъ молоденькую Наталью Шереметеву лучшею дѣвушкою въ Петербургѣ и Москвѣ, и на ней-то онъ посватался.

Это самое и было тѣмъ, о чемъ Наталья, уже старушка, вспоминаетъ, говоря: „начало было велико"...

Дѣйствительно, выходя замужъ за Долгорукаго, дѣвушка становилась, въ полномъ смыслѣ слова, первою особою въ цѣлой имперіи послѣ императора и его будущей супруги, а эта будущая супруга-императрица была родная сестра князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, который и былъ „великимъ началомъ" для Натальи Шереметевой, который, наконецъ, и былъ оглашенъ ея женихомъ, какъ женихомъ ея сестры оглашенъ былъ молодой императоръ.

Чего же больше? Больше этого „великаго начала" не могло быть ни для одной русской дѣвушки.

Наталья Шереметева вступала такимъ образомъ въ родство съ императорскою фамиліею.

„Думала я, что я первая счастливица въ свѣтѣ. Всѣ кричали: „ахъ, какъ она счастлива!"—и моимъ ушамъ не противно было это эхо слышать, а того не знала, что это счастье мною поиграетъ. Показалось оно мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ живутъ въ счастьѣ люди, которыхъ Богъ благословитъ... Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка: милый человѣкъ въ глазахъ, союзъ любви будетъ до смерти неразрывнымъ, притомъ почести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе, всякій ищетъ милости".

Отъ такого счастья дѣйствительно въ состояніи была закружиться голова.

И тутъ въ дѣвушкѣ говоритъ не тщеславіе, не желаніе быть первою женщиною въ государствѣ, стать въ свойство съ царскимъ домомъ; а она въ самомъ дѣлѣ страстно полюбила своего жениха, потому что видѣла, какъ много и онъ былъ къ ней привязанъ.

Такъ она говоритъ о себѣ: „за великое благополучіе почитала его къ себѣ благосклонность, хотя и никакого знакомства не имѣла съ нимъ прежде, нежели онъ моимъ женихомъ сталъ: но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила".

Впрочемъ, они не забывали и того, что женихъ ея такъ высоко поставленъ.

„Первая персона въ государствѣ былъ мой женихъ. При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи... Правда, что сперва это очень громко было".

Назначенъ былъ обрядъ обрученія.

„Правду могу сказать,—замѣчаетъ она,—рѣдко кому случалось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія, всѣ чужестранные министры, всѣ наши знатные господа, весь генералитетъ были на нашемъ сговорѣ".

Обрученіе совершали архіерей и два архимандрита. Обрядъ этотъ совершенъ былъ въ домѣ Шереметева—въ родномъ домѣ невѣсты. Пышность такъ велика была, что одни кольца, которыми размѣнялись женихъ и невѣста, стоили восемнадцать тысячъ рублей.

Родня жениха по-царски одарила невѣсту—„богатыми дарами, брилліантовыми серьгами, часами, табакерками, готовальнями и всякою галанти-

реею". Съ своей стороны, братъ невѣсты подарилъ жениху шесть пудовъ серебра—въ томъ числѣ драгоцѣнные кубки, фляги и проч.

Торжество это совершено было 24-го декабря 1729 года, наканунѣ праздника Рождества.

Празднество завершилось иллюминаціею, которая въ то время не похожа была на современныя иллюминаціи: не было ни газовыхъ звѣздъ, ни брилліантовыхъ огненныхъ вензелей, ни разныхъ другихъ искусственныхъ, съ помощью химіи и технологіи производимыхъ эффектовъ. Тогда въ торжественные дни ночь блистала горящими смоляными бочками, иногда громадными кострами, иногда же просто сальными плошками.

И на торжествѣ обрученья Натальи Шереметевой горѣли смоляныя бочки.

Торжество было такъ велико, общественное положеніе обручаемыхъ такъ высоко, что весь городъ принималъ участіе въ этой, какъ тогда могли думать, государственной радости.

Глядя на это блистательное празднество, народъ,—говоритъ Наталья Борисовна,—радовался, что дочь славнаго Шереметева идетъ замужъ „за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову".

Сама невѣста думала, что „все это прочно и на цѣлый вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на часъ".

Дѣйствительно, въ этотъ самый часъ, когда такъ пышно совершалось торжество обрученья царскаго любимца съ красавицею Шереметевою, бывшая царская невѣста, такая же молоденькая и прекрасная особа, какъ и Шереметева, несчастная княжна Меншикова за четыре тысячи верстъ отъ Петербурга томилась въ предсмертной агоніи—и никто не зналъ этого, хоть, можетъ быть, многіе и вспоминали о ней, видя молодого императора и его вторую невѣсту, сестру обручаемаго князя Долгорукаго, княжну Екатерину Долгорукую присутствующими на этомъ торжествѣ.

Въ самые торжественные часы эти, въ Березовѣ, занесенномъ снѣгомъ, мучилась княгиня Марья Александровна Меншикова, а 26-го декабря умерла.

Скоро и счастливая невѣста Долгорукая испытала, что „въ здѣшнемъ свѣтѣ нѣтъ ничего прочнаго, а все на часъ".

Прочность ея счастья не выдержала и мѣсяца: это счастье продолжалось всего только съ 24-го декабря по 19-е января — двадцать шесть дней; зато горе преслѣдовало ее сорокъ лѣтъ: „сорокъ лѣтъ по сей день стражду", говоритъ она впослѣдствіи, вспоминая двадцать шесть дней мимолетнаго счастья, которое было дѣйствительно какимъ-то сномъ. За каждый день этого счастья она платила почти двумя годами страданій.

Покончивъ съ описаніемъ торжествъ своего обрученія, она начинаетъ описаніе новой эпохи своей жизни:

„Теперь,—говоритъ она,—надобно уже иную матерію начать".

Намъ извѣстно, какой переворотъ совершился 19-го января 1730 года и какъ отразился онъ на участи главныхъ дѣйствующихъ лицъ изображаемой нами драматической картины: молодой императоръ, женихъ сестры

князя Долгорукаго, въ свою очередь, счастливаго жениха Натальи Борисовны, простужается на парадѣ, заболѣваетъ оспою, вновь простужается и умираетъ.

Всѣ Долгорукіе, по обычаю того страннаго времени, должны были погибнуть, какъ лица, ближе всѣхъ стоявшіе къ покойному государю, а скорѣе и ужаснѣе всѣхъ долженъ былъ погибнуть любимецъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, женихъ Натальи Борисовны Шереметевой..

Это было неизмѣннымъ закономъ того времени, словно это былъ еще остатокъ языческой старины, когда, по смерти хозяина и господина, съ нимъ вмѣстѣ зарывали въ землю его любимаго коня, всѣ воинскіе доспѣхи и всѣхъ наиболѣе близкихъ къ нему слугъ.

Такъ нужно было схоронить съ императоромъ Петромъ II-мъ всѣхъ, кого онъ любилъ и приближалъ къ себѣ, а раньше всѣхъ ждала эта участь его друга и фаворита Ивана Алексѣевича Долгорукаго.

Едва по Москвѣ пронеслась вѣсть о кончинѣ императора Петра II-го, какъ къ Натальѣ Борисовнѣ, ничего еще не слыхавшей о несчастьѣ, рано утромъ съѣхались всѣ ея родные въ страшной тревогѣ за свою собственную участь и за участь невѣсты царскаго любимца.

Наталья Борисовна еще спала, когда домъ ихъ наполнился перепуганными родными.

Сказали, наконецъ, и ей о постигшемъ всѣхъ несчастьѣ. Извѣстіе это такъ поразило ее, что она безпрестанно повторяла, словно помѣшанная: „ахъ, пропала! пропала!“

„Я довольно знала обыкновеніе, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать?“

Но для нея, впрочемъ, еще не все пропало: она еще не была женой фаворита, который неизбѣжно долженъ былъ погибнуть, какъ обреченный на смерть обычаемъ страны и времени; она могла еще отказать ему, могла впослѣдствіи сдѣлать такую же блестящую партію съ другимъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что при ея положеніи, для нея всегда возможенъ былъ выборъ.

То же говорили ей и всѣ родные. Они утѣшали ее тѣмъ, что для нея еще нѣтъ ничего безповоротнаго; что имѣются уже на примѣтѣ готовые женихи для нея, а что отъ Долгорукаго слѣдуетъ теперь же отказаться, слѣдуетъ непремѣнно разорвать съ нимъ всякую связь, какъ съ зачумленнымъ: всякое прикосновеніе къ нему должно было быть гибельнымъ, смертельнымъ.

Но не такъ думала дѣвушка. Благородное сердце ея возмутилось этими предложеніями: она любила своего жениха; мало того, она хотѣла показать свѣту, что любила въ немъ не сановника, не любимца царскаго, а человѣка; что, разъ полюбивъ, она любитъ беззавѣтно; что, если-бы она даже и не любила его, то, во всякомъ случаѣ, не измѣнила бы своему слову, и особенно теперь она не броситъ его, когда у него все отнимается.

„Это предложеніе,—говоритъ она о предложеніи родныхъ относительно отказа опальному жениху,—такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это

радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласія дать не могла, и такъ положила свое намѣреніе, отдавъ одному сердце, жить или умереть вмѣстѣ, а другому нѣтъ уже участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; въ нынѣшній вѣкъ такая мода. А я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищемъ, и теперь скажу самую правду, что, буду и во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безуміе Богу. Онъ тому свидѣтель — все, любя мужа, сносила, а, сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла".

Вечеромъ пріѣхалъ къ ней женихъ. Здѣсь они вновь поклялись никогда не разлучаться, какая бы бѣда ни постигла ихъ въ будущемъ.

Бѣда, дѣйствительно, постигла скоро, и бѣда большая.

„Часъ-отъ-часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья?... Всѣ ближніе далече меня стали — всѣ меня отставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали меня бояться... Лучше бъ тому человѣку не родиться на свѣтъ, кому назначено на время быть велику, а послѣ прійти въ несчастье: всѣ станутъ презирать, никто говорить не захочетъ".

Большая бѣда ждалась съ часу-на-часъ.

Когда дѣвушка проѣзжала, вскорѣ послѣ смерти молодого государя, по городу, гвардейскіе солдаты кричали:

— Это отца нашего невѣста! Матушка наша! Лишились мы своего государя!..

Зато другіе кричали ей вслѣдъ:

— Прошло ваше время! Теперь не старая пора!

Страшные слухи стали ходить по городу, большая бѣда, видимо, приближалась. „Каково мнѣ было тогда, въ шестнадцать лѣтъ!"

Родные опять уговариваютъ ее разстаться съ зачумленнымъ фаворитомъ; опять пугаютъ ее; но она остается непреклонною въ своемъ рѣшеніи.

Молодые люди назначаютъ день своей свадьбы. Но никто изъ родныхъ Натальи Борисовны не хочетъ и не рѣшается вести ее къ вѣнцу, это значило бы съ рукъ на руки передать дѣвушку тюремному сторожу, отправить въ ссылку.

Но дѣвушка непреклонна—и родные окончательно отрекаются отъ безумной упрямицы.

„Самъ Богъ отдавалъ меня замужъ, а больше никто!" восклицаетъ она, вспоминая это время.

Какія-то дальныя родственницы старушки проводили ее въ деревню, гдѣ жила, какъ бы укрываясь отъ постороннихъ глазъ, вся семья Долгорукихъ.

Горько плакала дѣвушка, уѣзжая изъ отцовскаго дома и прощаясь съ родными стѣнами:

„Кажется, и стѣны дома отца моего помогали мнѣ плакать"...

Сирота-сиротой поѣхала она къ жениху, зная, что не на радость ѣдетъ:

семья у жениха большая, надо угодить всѣмъ — и свекру, по старинному обычаю русскаго народа, надо быть покорливой, держать голову поклончиво, надо угодить и всему обширному роду, потому что она являлась въ родъ Долгорукихъ послѣднимъ и младшимъ членомъ рода.

„Итакъ, нашъ бракъ былъ больше достоинъ плача, нежели радости“.

Но все-таки черезъ три дня послѣ вѣнца молодые собрались было дѣлать визиты роднымъ и знакомымъ.

Тогда-то и пришла большая бѣда.

Является изъ сената секретарь съ указомъ: всѣмъ Долгорукимъ повелѣвалось ѣхать въ дальнія деревни: старику-отцу Алексѣю Долгорукому, молодому Ивану и прочимъ.

Надо было спѣшно собираться въ путь, чтобъ не стряслось новой худшей бѣды.

Бѣда-то стряслась, но немного погодя.

Наталья Борисовна, проживая всего на свѣтѣ шестнадцать лѣтъ, никогда прежде и никуда не ѣзжала, не знала, что́ нужно будетъ въ дорогѣ и въ деревнѣ, а потому все свое имущество отослала къ брату на сохраненіе — драгоцѣнныя вещи, посуду, платье; а взяла только тулупъ для мужа да для себя шубу.

Братъ Натальи, зная дальность предстоящаго ссыльнымъ пути, прислалъ сестрѣ тысячу рублей, но она, въ дѣтскомъ невѣдѣніи всей трудности предстоящей жизни, взяла съ собой только четыреста рублей, а остальныя отослала обратно.

Она знаетъ только мужа, только его видитъ, такъ и ходитъ за нимъ какъ тѣнь,—„чтобъ изъ глазъ моихъ никуда не ушелъ“...

Наконецъ, выѣхали.

Съ Натальей Борисовной поѣхала раздѣлять изгнаніе только „иноземка мадамъ“, которая при ней еще при маленькой находилась и любила ее.

Но и эта скоро покинула ее, когда пришлось ужъ слишкомъ тяжело и дальше слѣдовать за любимицей своей „иноземка“ не могла.

Выѣхали Долгорукіе въ самую распутицу, въ апрѣлѣ; тащилась въ ссылку вся огромная семья долгоруковская.

„Я въ радости ихъ не участница была,—прибавляетъ Наталья Борисовна,—а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая“.

Дорога была долгая и тяжелая: можно себѣ представить, каковы были тогда пути сообщенія, когда и при Екатеринѣ II, до конца XVIII-го вѣка, богатые люди не иначе ѣздили по Россіи, какъ съ отрядами вооруженной дворни, и должны были нерѣдко, съ оружіемъ въ рукахъ, отбиваться отъ разбойниковъ.

Наши путешественники ночевали часто въ полѣ, въ лѣсу, на болотахъ. Было и такъ, что они ночуютъ въ одной деревнѣ, а туда ждутъ нападенія разбойниковъ.

За девяносто верстъ отъ Москвы нагналъ ихъ одинъ капитанъ гвардіи и объявилъ высочайшій указъ отъ 17-го апрѣля 1730 года. Въ указѣ этомъ вычислялись вины Долгорукихъ, а главная изъ нихъ — смерть

молодого императора, послѣдовавшая отъ несмотрѣнія Долгорукихъ, отъ недостатка охраненія, со стороны ихъ, высочайшаго здравія.

Наконецъ, поѣздъ добрался до касимовскихъ имѣній Долгорукихъ.

Въ деревнѣ молодая чета помѣстилась въ крестьянской избѣ; спальною ихъ сдѣлался сѣнной сарай.

Но и такая жизнь относительно покойная, продолжалась только три недѣли.

Большая бѣда еще не вся исчерпалась...

12-го іюля 1730 года послѣдовалъ новый указъ.

Въ деревню, въ силу этого указа, пріѣхалъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью четырьмя солдатами конвоя, поставилъ караулъ у всѣхъ дверей, гдѣ помѣщались ссыльные, и объявилъ, что вся семья Долгорукихъ ссылается въ Сибирь, въ знакомый уже намъ Березовъ.

„И держать ихъ тамъ безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ (объявлялось въ указѣ) людей опредѣлить къ нимъ пристойное число безъ излишества, письма домой писать имъ и изъ дома получать только насчетъ присылки запасовъ и другихъ домашнихъ нуждъ; всѣ письма, какъ посылаемыя ими такъ и приходящія на ихъ имя, читать прежде офицерамъ, которые будутъ къ нимъ приставлены, и офицерамъ этимъ записывать: когда, куда и откуда и о чемъ были письма“.

А вины ссыльныхъ прописаны были въ указѣ въ томъ смыслѣ, что опальному Алексѣю Долгорукому съ сыномъ Иваномъ и семьею велѣно-де было жить въ пензенской губерніи, а „онъ, весьма пренебрегая нашъ указъ, живетъ нынѣ въ касимовскихъ деревняхъ“.

Но именно, по словамъ Натальи Борисовны, о пензенскихъ-то деревняхъ и не было сказано въ прежнемъ указѣ.

Какъ бы то ни было, но вина была указана именно эта.

„Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти, —говоритъ снова Наталья Борисовна:—лишилась дома своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; не буду слышать о нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ дорогъ, — очень ужъ онъ любилъ меня; сестры маленькія остались. Боже мой! какая это тоска пришла!...

„Вотъ любовь до чего довела: все оставила,—и почести, и богатство, и сродниковъ; стражду съ нимъ и скитаюсь. Этому причина—все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ былъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ казалось, что онъ для меня родился, и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. Я по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, и цѣлый вѣкъ странствовать и всякія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды“.

Везли ихъ въ Сибирь подъ самымъ строгимъ карауломъ; сначала сухимъ путемъ, потомъ водою, потомъ опять сухимъ путемъ.

Дорога долгая, трудная. Несчастная жена бывшаго царскаго любимца и дочь фельдмаршала, дорогою, по нуждѣ, сама платки моетъ, которыми слезы утирать надо.

„Нельзя всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла; пускай бы я одна въ страданіяхъ была, товарища своего не могу видѣть безвинно страждущаго“.

Для шестнадцатилѣтняго ребенка, балованной дочери фельдмаршала и богача, это въ самомъ дѣлѣ много.

Въ Тобольскѣ гвардейскій офицеръ передалъ арестантовъ гарнизонному офицеру, какъ говорится, изъ бурбоновъ.

Этотъ новый начальникъ ссыльныхъ сначала не говорилъ даже съ своими „арестантами“. „Что ужъ на свѣтѣ этого титула хуже!“- —прибавляетъ Наталья Борисовна.

Офицеръ этотъ скоро, однако, сталъ постоянно обѣдать съ своими арестантами; но приходилъ въ солдатской шинели, надѣтой прямо на рубаху, и въ туфляхъ на босу ногу. И этотъ начальникъ говорилъ всѣмъ Долгорукимъ—и князьямъ, и княжнамъ—„ты“.

Натальѣ Борисовнѣ онъ казался смѣшнымъ, а не возмутительнымъ, а такъ какъ молодость смѣшлива во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, даже въ очень тяжелыхъ, то молоденькая ссыльная часто смѣялась, глядя на своего коменданта „на босу ногу“.

— Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ!—замѣчалъ онъ ей.

Что онъ хотѣлъ этимъ сказать—неизвѣстно: вѣроятно, онъ думалъ побить ее своею книжною ученостью, да на бѣду у ученаго офицера „на босу ногу“ книги сгорѣли.

— Теперь-то вы натерпитесь всякаго горя,—говорилъ гвардейскій офицеръ, провожавшій ссыльныхъ до Тобольска, прощаясь съ ними, и даже плакалъ, оставляя ихъ въ далекой сторонѣ и возвращаясь въ Россію, въ Москву, въ Петербургъ.

— Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ,—отвѣчала на это Наталья Борисовна.

Оттуда ссыльныхъ повезли на суднѣ, но на такомъ старомъ и гниломъ, точно оно сдѣлано было именно для того, чтобы гдѣ-нибудь утопить арестантовъ.

Надо къ этому прибавить, что Наталья Борисовна дѣлала этотъ далекій и трудный переѣздъ беременною.

Черезъ четыре мѣсяца, въ Березовѣ, она родила сына Михаила,—и вотъ у нея никого нѣтъ—ни бабки, ни кормилицы. Сына своего князя княжъ-сына Михайлу Долгорукаго вспоила она коровьимъ молокомъ.

Говорятъ, что въ Березовѣ или по пути туда Долгорукіе встрѣтились съ Меншиковыми: одни ѣхали въ Березовъ, другіе изъ Березова. Только обѣ царскія невѣсты не встрѣтились уже тамъ: Марья Меншикова съ января этого года лежала уже въ мерзлой сибирской землѣ, съ двумя младенцами, тоже Долгорукими, отъ князя Ѳедора Васильевича Долгорукаго.

Намъ уже извѣстно изъ предыдущихъ очерковъ, что въ Березовѣ находилась вся семья Долгорукихъ: старикъ Алексѣй Григорьевичъ, его сыновья и дочери, въ томъ числѣ бывшая невѣста покойнаго императора-

Петра II-го, сестра бывшаго его фаворита Ивана Алексѣвича—Екатерина. Несчастная связь ея съ тамошнимъ, гарнизоннымъ офицеромъ Овцынымъ и отказъ въ благосклонности тобольскому подъячему Тишину были причиною, что, по доносу Тишина, всѣхъ Долгорукихъ, кромѣ женщинъ, забрали изъ Березова въ 1739 году.

Схваченъ былъ и мужъ Натальи Борисовны, которая долго не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ сдѣлали; не знала до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны и до объявленія ей милостиваго позволенія о возвратѣ изъ ссылки.

А, между тѣмъ, съ мужемъ ея, какъ извѣстно ей стало послѣ, вотъ что было.

По доносу Тишина, Биронъ свезъ всѣхъ Долгорукихъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ ссылки въ Новгородъ и велѣлъ учинить надъ ними слѣдствіе по дѣлу, между прочимъ, о такихъ преступленіяхъ, о которыхъ осужденные и сами не вѣдали.

Оказавшихся наиболѣе виновными въ истинныхъ и мнимыхъ преступленіяхъ казнили.

Казнили жестоко и мужа Натальи Борисовны.

Это была дѣйствительно жестокая, ужасная казнь съ колесованіемъ и рубкою разныхъ членовъ, а потомъ головы.

Насколько молоденькая жена его показала твердость духа, отправившись съ нимъ подъ вѣнецъ, когда голова жениха уже заранѣе обречена была топору, а потомъ не побоялась и ссылки, настолько самъ онъ показалъ геройское терпѣніе, когда умиралъ на плахѣ.

Рубитъ ему палачъ правую руку.

— Благодарю тя, Господи!—говоритъ Долгорукій.

Рубитъ палачъ лѣвую ногу.

— ... яко сподобилъ мя еси..,—продолжаетъ казнимый.

Рубитъ палачъ лѣвую руку.

— ... познать тебя, Владыко!—заканчиваетъ казнимый.

Тогда палачъ отрубаетъ ему и голову—нечѣмъ больше молиться...

Одиннадцать лѣтъ вдова казненнаго пробыла въ Березовѣ.

Возвращенная Елизаветой Петровной изъ ссылки, „великая страдалица“, Наталья Долгорукая-Шереметева удалилась въ монастырь, въ Кіевъ. Тамъ она приняла схиму.

Умерла 3-го іюля 1771 года, пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, когда на сцену жизни выступали новыя русскія женщины, о которыхъ мы въ свое время скажемъ.

V.

Императрица Анна Іоанновна.

Семилѣтнимъ ребенкомъ царевна Анна Іоанновна вступила въ восемнадцатое столѣтіе.

Предшествовавшій вѣкъ и его своеобычный строй жизни она могла

помнить такъ же смутно, какъ она смутно должна была помнить обстоятельства самаго ранняго дѣтства.

Но дѣтство всегда кладетъ неизгладимую печать на всю послѣдующую жизнь человѣка, на его характеръ и склонности, на симпатіи и антипатіи его духа, при помощи коихъ впослѣдствіи слагаются у человѣка отношенія къ людямъ, къ обстоятельствамъ и всѣмъ явленіямъ жизни.

Семнадцатый вѣкъ не могъ не наложить неизгладимую печать и на всю жизнь лица, о которомъ мы говоримъ, несмотря на то, что лицо это пережило всю эпоху ломки стараго, безпощадной ломки, предпринятой энергическимъ дядею царевны Анны Іоанновны—царемъ Петромъ.

Анна Іоанновна видѣла своими глазами, какъ обрѣзывалась борода у старой Руси, какъ на ея одряхлѣвшее отъ неподвижности, но здоровое тѣло надѣвалось новое платье; она видѣла все это, сама росла, повидимому, подъ условіями новой жизни; но дѣтскія ея симпатіи не могли быть вытравлены новыми порядками, и она лишь разсудочно принадлежала новой жизни, подчинялась ея требованіямъ, а во многомъ, по законамъ нравственной инерціи, продолжала жить старою, до-петровскою, домостроевскою жизнью.

Анна Іоанновна была дочь старшаго брата Петра Великаго, „скорбнаго главою" царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи Ѳедоровны, урожденной Салтыковой.

Годъ ея рожденія (22-го января 1693 года) совпадаетъ съ тѣмъ годомъ, когда ея державный дядя пытался только „прорубить окно въ Европу", которое и прорубилъ десять лѣтъ спустя, въ 1703 году, заложеніемъ Петербурга; въ годъ рожденія царевны Анны юный Петръ только что успѣлъ заложить верфь въ Архангельскѣ и отправить за море, въ Голландію, первый свой „корабликъ".

Такимъ образомъ, хронологически, царевна Анна принадлежала новой Руси; но воспринимала ее отъ купели и пеленала старая Русь, и едва царевна появилась на свѣтъ божій, какъ, по древнему обычаю, во всѣ концы земли русской понеслись гонцы съ государевыми грамотами, такого же содержанія и такой же формы, съ какими носились гонцы по московскому царству съ вѣстями о рожденіи бабушекъ и прабабушекъ царевны.

„Великихъ государей Богомъ дарованную радость вѣдать, ратнымъ и всякаго чину людемъ сказать и Господу Богу и пресвятѣй его Богоматери и всѣмъ святымъ о великихъ государей и той новорожденной благовѣрной государыни, царевны и великія княжны Анны Іоанновны многолѣтномъ здравіи молитвы и благодареніе воздавать"—вотъ что оглашалось грамотами по русской землѣ въ день рожденія царевны.

Въ памяти царевны должна была запечатлѣться обстановка ея дѣтства— этотъ старинный дворъ ея матери, царицы Прасковьи, съ тѣми свычаями и обычаями, подъ которыми выростали когда-то и женщины древней Руси.

„Домъ царицы Прасковьи Ѳедоровны,—пишетъ ея родственникъ, историкъ Татищевъ,—отъ набожности былъ госпиталь на уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Между многими такими былъ знатенъ Тимоѳей Архи-

повичъ, сумасбродный подъячій, котораго за святого и пророка суевѣрцы почитали, да не столько при немъ, какъ послѣ его предсказанія вымыслили: онъ императрицѣ Аннѣ, какъ была царевною, провѣщалъ быть монахинею и называлъ ее Анфисою; царевнѣ Прасковьѣ—быть за королемъ и дѣтей много имѣть; а послѣ, какъ Анна императрицею учинилась, указывали, яко бы онъ ей задолго корону провѣщалъ"...

Живя въ такой обстановкѣ, маленькая царевна должна была, однако, подчиняться требованіямъ новаго времени: а требованія новаго времени тогда выражались единственно въ волѣ Петра. Петръ требовалъ, чтобы всѣ учились—и маленькую царевну должны были отъ часослова и псалтыря „присадить" къ изученію языковъ французскаго и нѣмецкаго.

Для перваго учителемъ взятъ былъ французъ Степанъ Рамбурхъ: этотъ французъ „танцу училъ и показывалъ зачало и основаніе языка французскаго".

Рамбурху обѣщано было за ученіе царевенъ по триста рублей въ годъ жалованья; но ученье шло такъ плохо, что царевна не научилась ни танцовать, ни писать по-французски въ теченіе пяти лѣтъ, и Рамбурхъ, несмотря на „долголѣтнія докуки царицѣ, царевнамъ и государю" о жалованьѣ, ничего не получилъ.

Не легко, какъ видно, привилась новая жизнь въ описанномъ нами выше дворѣ матери царевны Анны Іоанновны.

Нѣмецкимъ учителемъ у царевенъ былъ Остерманъ, старшій братъ прославившагося впослѣдствіи дипломата и кабинетъ-министра Остермана. Но этотъ учитель, по отзыву дюка де-Лирія, „былъ величайшій глупецъ", считавшій себя „человѣкомъ съ большими способностями" и говорившій всегда „загадками". Отъ неспособности ли учителя или отъ всей жизненной обстановки, но и нѣмецкое ученье царевенъ шло плохо, такъ что, хотя впослѣдствіи Анна Іоанновна долго жила въ Курляндіи, окруженная нѣмцами, однако, по-нѣмецки она не говорила всю жизнь.

Степень ея познаній въ русской грамотѣ мы увидимъ ниже изъ ея любопытныхъ писемъ къ матери.

Ко времени воспитанія царевны Анны относятся интересныя свѣдѣнія, записанныя ея современникомъ, голландскимъ путешественникомъ и живописцемъ Корнеліемъ Ле-Брюномъ.

Петръ желалъ, чтобы Ле-Брюнъ снялъ портреты съ его племянницъ, съ царевенъ, и въ томъ числѣ съ Анны Іоанновны. Когда Ле-Брюнъ былъ представленъ царицѣ Прасковьѣ, то, послѣ перваго привѣтствія, сама царица и царевны подносили ему изъ своихъ рукъ чаши съ водкою, виномъ и пивомъ.

Ле-Брюнъ изображаетъ царевенъ уже въ нѣмецкихъ платьяхъ, которыя онѣ, впрочемъ, надѣвали только тогда, когда показывались въ публикѣ. Прически царевенъ изображены на портретахъ такія, какія носились въ старой Руси.

По свидѣтельству Ле-Брюна, царевна Анна была блондинка съ прекраснымъ цвѣтомъ лица. Между тѣмъ всѣ позднѣйшіе ея біографы изображаютъ Анну Іоанновну брюнеткою, съ черными глазами, съ смуглымъ

цвѣтомъ лица и съ совершенно черными волосами. Глаза ея и курчавые волосы,—говоритъ одинъ нѣмецъ,—„чернотою своею могли поспорить съ углемъ“.

Ле-Брюнъ говоритъ, что царевна Анна и двѣ другія ея сестры—чрезвычайно мягкаго характера и обворожительно любезны. Когда онъ рисовалъ портреты царевенъ, онѣ не знали, какъ и чѣмъ его угостить, часто удерживали у себя обѣдать и за столомъ нарочно для него подавали скоромныя кушанья, хотя весь дворъ въ то время, по случаю великаго поста, не употреблялъ скоромной пищи.

Въ 1709 году царевнѣ Аннѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и Петръ задумалъ немедленно выдать ее замужъ. Брачные союзы Петръ считалъ „сикурсомъ“ въ своихъ политическихъ разсчетахъ, и въ данномъ случаѣ политическія соображенія руководили имъ въ выборѣ жениха для своей племянницы въ лицѣ шестнадцатилѣтняго курляндскаго герцога Фридриха Вильгельма.

Въ апрѣлѣ 1710 года намѣченный Петромъ женихъ уже писалъ царю, что желая выразить полную довѣренность къ царскимъ милостямъ и ускорить заключеніе союза между царемъ и разореннымъ до основанія герцогствомъ, которое было театромъ жестокой и опустошительной войны между Россіею и Швеціею,—онъ посылаетъ для заключенія брачнаго контракта довѣренныхъ лицъ. Эти послѣдніе просили, между прочимъ, царя послать къ герцогу портретъ всѣхъ трехъ царевенъ.

Портреты были посланы.

Герцогъ, никогда не видавшій царевенъ, почему-то остановился на портретѣ Анны Іоанновны.

„Мы не имѣемъ вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ,—говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей,—почему выборъ герцога упалъ не на пухлую, бойкую, румяную царевну Екатерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну, позволяемъ себѣ только догадываться на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, что со стороны герцога выборъ не былъ произволенъ“.

Царевна Анна была менѣе любима матерью, чѣмъ сестра ея Прасковья: для послѣдней ожидался, вѣроятно, болѣе выгодный женихъ.

Какъ бы то ни было, но женихъ казался доволенъ своею невѣстою.

„Вы не только помогаете мнѣ обезпечить обладаніе моимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ, обѣщая силою поддерживать меня противъ внѣшнихъ и внутреннихъ нападеній, но даже пожаловали мнѣ въ супруги ея высочество царевну Анну—дражайшій и любезнѣйшій залогъ благоволенія ко мнѣ вашего величества“... Вотъ что писалъ герцогъ царю.

Съ своей стороны, царевна, по приказу старшихъ, написала жениху любезное письмо на нѣмецкомъ языкѣ, письмо витіеватое, но слишкомъ казенное.

„Изъ любезнѣйшаго письма вашего высочества,—пишетъ невѣста,—я съ особеннымъ удовольствіемъ узнала объ имѣющемъ быть, по волѣ Всевышняго и ихъ царскихъ величествъ, моихъ милостивѣйшихъ родственниковъ, бракѣ нашемъ. При семъ не могу не удостовѣрить ваше высочество, что почти не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ услышать ваше объясненіе въ любви ко мнѣ. Съ своей стороны, увѣряю ваше высочество

совершенно въ тѣхъ же чувствахъ, что при первомъ, сердечно желаемомъ, съ Божьею помощью счастливомъ, личномъ свиданіи предоставляю себѣ повторить лично, оставаясь, между тѣмъ, свѣтлѣйшій герцогъ, вашего высочества покорнѣйшею услужницею. Анна".

Ясно, что это уже пріемъ новаго времени. Мы видѣли, что не такъ королевичъ Вольдемаръ сватался за бабушку царевны Анны Іоанновны, за царевну Ирину Михайловну: пять лѣтъ прожилъ женихъ въ Москвѣ, и ему ни разу не показали не только невѣсты, но даже и ея портрета — „парсуны".

Въ августѣ 1710 года женихъ Анны Іоанновны, въ сопровожденіи фельдмаршала Шереметева, прибылъ въ Петербургъ.

Начались пиры, катанья, фейерверки. Пиры того времени отличались гомерической невоздержностью относительно питья крѣпкихъ напитковъ— и юный женихъ пилъ много, чѣмъ, кажется, и погубилъ себя.

Бракосочетаніе происходило 31-го октября. Описаніе брака разослано было по всѣмъ европейскимъ дворамъ, въ доказательство, что Россія перестала быть варварскою страною и по-европейски справляетъ царскія свадьбы.

Но старая Русь съ ея повѣрьями и предразсудками пряталась за европейскими формами, за нѣмецкимъ платьемъ.

Надъ головою новобрачной висѣла корона изъ лавровыхъ листьевъ; надъ молодымъ герцогомъ—лавровый вѣнокъ. Петръ во время пира сорвалъ вѣнокъ герцога и совѣтовалъ ему, по русскому обычаю, сорвать корону, висѣвшую надъ головой новобрачной герцогини. Юноша не въ силахъ былъ сорвать корону руками, а отрѣзалъ ее ножомъ.

Старая Русь стала шептаться, что это не къ добру.

Но Петру было не до старой Руси: онъ хотѣлъ, чтобы и новая Русь сказалась въ этомъ торжествѣ. Эта послѣдняя сказывалась въ танцахъ и въ безумномъ весельѣ гостей, наконецъ, въ пренебреженіи старыхъ обычаевъ.

Изъ „юрналовъ" (журналы) 1710 года, въ которыхъ описывалась свадьба Анны Іоанновны, мы узнаемъ, что царь за обѣденнымъ столомъ выдумалъ оригинальную забаву. На главномъ столѣ поставлены были два огромнѣйшіе пирога, вышиной болѣе аршина. Пироги изображали дессертъ. Когда обѣдъ былъ конченъ, царь вскрылъ пироги—и вмѣсто начинки изъ пироговъ выскочили двѣ карлицы. Изумленіе пирующихъ было неописанное. Петръ перенесъ карлицъ на другой столъ, и на этомъ столѣ сидѣвшія въ пирогѣ живыя существа исполнили менуэтъ!

Но старая Русь не даромъ шептала, что быть худу.

Худо дѣйствительно скоро совершилось.

Въ январѣ 1711 года Анна Іоанновна съ мужемъ, послѣ нескончаемыхъ пировъ и забавъ, выѣхали въ свое герцогство, въ Митаву.

Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ Дудергофѣ, молодой герцогъ умеръ. Полагаютъ, что юноша не вынесъ нашихъ брачныхъ пиршествъ и умеръ просто жертвою непомѣрнаго питья горячихъ напитковъ.

Рано осталась Анна Іоанновна вдовою.

Тѣло герцога въ великолѣпномъ гробѣ отправили въ Митаву, въ герцогскій склепъ, а молодая вдова воротилась въ старый домъ матери, въ село Измайловское.

Но Петръ не желалъ оставлять Курляндію безъ герцогини. Его желаніе было переселить туда все семейство царицы Прасковьи, и вотъ онъ, въ апрѣлѣ 1712 года, пишетъ сенату: „Понеже невѣстка наша, царица, Прасковья Ѳедоровна съ дѣтьми своими въ скоромъ времени поѣдетъ отселѣ въ Курляндію и будетъ тамъ жить; а понеже у нихъ людей мало, для того отпустите къ нимъ Михайлу Салтыкова съ женою, и чтобъ онъ ѣхалъ съ Москвы прямо въ Ригу, не мѣшкавъ“.

Черезъ годъ послѣ этого, мы видимъ уже Анну Іоанновну больною. Она гоститъ у матери, въ селѣ Измайловскомъ, а, между тѣмъ, Петръ настаиваетъ, чтобъ она ѣхала съ дочерью въ Курляндію.

Мать Анны боится прогнѣвить царя своею медленностью, боится и ѣхать съ больною дочерью.

„Алексѣй Васильевичъ,—пишетъ она кабинетъ-секретарю Макарову,—здравствуй на множество лѣтъ. Пожалуй, донеси невѣстушкѣ, царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, ежели мой походъ замѣшкается до февраля или до марта, чтобъ на меня какова гнѣва не было отъ царскаго величества,—во истинно за великими моими печалями. А печаль моя та, что неможетъ у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла тринадцать недѣль каменною болѣзнію, о томъ и ты извѣстенъ. А нынѣ лежитъ тяжкою болѣзнью, горячкою. А ежели имъ угодно скоро быть, и я, хотя больную, повезу. И ты пожалуй отпиши ко мнѣ, какъ ихъ воля мнѣ быть—чтобъ мнѣ ихъ не прогнѣвать“.

Скудное было житье Анны Іоанновны въ Курляндіи. Страна разорена войнами. Доходовъ никакихъ.

И вотъ, царица Прасковья плачется за свою дочь передъ царемъ:

„Правительствующій сенатъ, не получа указу именнаго изъ походу (т. е. отъ Петра, постоянно отсутствующаго), никакого денежнаго вспоможенія на пути моей царевны учинить не хочетъ, о чемъ прошу указу тому сенату.

„Изъ моей опредѣленной дачи, какъ вамъ извѣстно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабдѣвала, и посуду серебряную съ нею отпустила; а нынѣ мнѣ того учинить мочи нѣтъ.

„Соизволили писать ко мнѣ, что въ Курляндіи все ей, царевнѣ моей, опредѣлено; съ чѣмъ ей тамъ жить и по обыкновенію княжескому порядочно себя содержать, о томъ именно не означено. Прошу о подлинномъ того всего себѣ увѣдомленіи: изъ вашей ли казны, или съ подданныхъ того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

„Извольте меня подлинно увѣдомить, чтобъ мнѣ и моей царевнѣ впредь изъ какого недознанія какой неугодности вамъ не учинить: что̀ ей, царевнѣ, будучи въ томъ княжествѣ, по примѣру ли прежнихъ княженъ вести себя и чиновнодворство содержать, или просто?

„Чтобъ мнѣ дозволено было самой проводить царевну мою до мѣста

на время, и потомъ въ нужные случаи ѣздить къ ней и видѣться, чтобъ при такой ея новости тамъ во всемъ отпасть и управить.

„Каретъ и лошадей мы беремъ на долговныхъ людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевнѣ моей, безъ особой дачи исправить нечѣмъ. Прошу на то объ указѣ.

„Повелите ли отчины дать царевнѣ моей по тамошнему старому обыкновенію имать изъ тамошняго жъ шляхетства, по пристойности дѣла.

„Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, перемѣнить оттуда прежняго гофмейстера, бывшаго прежде при царевнѣ моей, который тамъ весьма несносенъ, и тѣмъ насъ не опечалить, и быть на его мѣсто впредь иному, кому вы соизволите.

„На сіе всепокорно прошу о милостивомъ вашемъ рѣшеніи и объ отповѣди себѣ, чего я и моя царевна здѣсь ожидать будемъ, и для того нарочный съ тѣмъ въ походъ до васъ отъ меня посланъ“.

Упоминаемый въ челобитной „несносный гофмейстеръ“ — это Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ, по повелѣнію царя завѣдывавшій всѣми дѣлами Курляндіи, собиравшій съ этой страны доходы и выдававшій на содержаніе герцогини Анны „столько, — какъ приказывалъ ему Петръ,— безъ чего нельзя пробыть“.

Полагаютъ, что Бестужевъ-Рюминъ возбудилъ неудовольствіе къ себѣ старой царицы по разнымъ интригамъ и сплетнямъ, которые приняли, наконецъ, форму прямого обвиненія, весьма, можетъ быть, неосновательнаго, будто бы Анна Іоанновна оказывала ему непозволительное для молодой вдовы вниманіе. Быть можетъ, что это клевета, несмотря даже на то, что клевету эту подтверждаетъ и князь Щербатовъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи о „поврежденіи нравовъ“. Какъ человѣкъ, ратовавшій противъ новизны и спеціально избравшій своимъ предметомъ доказательство поврежденія нравовъ въ новой Руси, Щербатовъ во всемъ могъ видѣть порокъ и развратъ.

Поэтому едва ли можно принимать безъ критики его слова, относящіяся къ Аннѣ Іоанновнѣ: „не можно оправдать Анну Ивановну въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у ней гофмейстеръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ“...

Какъ бы то ни было, но это обвиненіе лежало на молодой вдовѣ, и сама мать ея, царица Прасковья, давала поводъ къ неблаговиднымъ толкамъ о поведеніи дочери.

Но Петръ не вѣрилъ сплетнямъ. Не вѣрила имъ и Екатерина Алексѣевна.

Такъ, отвѣчая на одну изъ слезницъ царицы Прасковьи по этому поводу, Екатерина говоритъ:

„Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дѣла въ Курляндію опредѣленъ, чтобъ ему быть только при дворѣ вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и

ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно. И зѣло я тому удивляюсь, что ваше величество такъ долго гнѣвство на немъ имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится, но оправданіе себѣ приноситъ, что онъ, конечно, учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете".

Относительно же матеріальнаго обезпеченія Анны Іоанновны, царица Прасковья получила такой отвѣтъ отъ Екатерины:

„Государыня моя, невѣстушка, царица Прасковья Ѳедоровна, здравствуй на множество лѣтъ купно и съ любезными дѣтками своими!

„Письма вашего величества чрезъ присланнаго вашего Никиту Іевлева исправно дошли, на которыя доношу: объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей, ея высочества царевна Анны Ивановны, отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу, и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ, конечно, снабдитъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ. А когда, Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудутъ, тогда не надобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобъ на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать; ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно: въ Либавѣ, Виндавѣ и Митавѣ, всякіе денежные поборы для того нарочно велѣно собирать. Что же ваше величество упоминаете, чтобъ для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить, а къ тому же я надѣюсь, что, при помощи Божіей, и ея высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщетъ, и тогда уже меньше вашему величеству будетъ печали".

Мать Анны Іоанновны входила, повидимому, во всѣ мелочи жизни своей дочери, какъ это и должно было быть, когда старинное воспитаніе положительно не пріучало молодой женщины къ самостоятельности. Оттого и молодыя, и старыя женщины того времени считали себя еще болѣе безпомощными, чѣмъ женщины, современныя намъ.

Поэтому царица Прасковья докучаетъ Екатеринѣ то тѣмъ, чтобъ къ Аннѣ курляндской назначить тѣхъ, а не другихъ придворныхъ, то перемѣнить у нея пажей, то дать ей хорошихъ совѣтчиковъ.

„Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артамоновичу Матвѣеву или Львову,—отвѣчаетъ Екатерина на одну изъ такихъ материнскихъ докукъ,—и тѣ обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобы взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ русскіе, Чемесовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи".

Впрочемъ всѣ, кажется, смотрѣли на Анну Іоанновну, герцогиню курляндскую, какъ на ребенка: даже поставка ей туалета зависила отъ царя и отъ Бестужева-Рюмина. Мало того, Петръ лично распоряжается, какихъ водокъ ставить ко двору герцогини курляндской: „ангеликовой одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простого вина пять ведеръ; изъ гдатскихъ водокъ: цитронной, померанцевой, персиковой, коричневой—по одному ведру“.

Молодая герцогиня, повидимому, скучавшая въ Курляндіи, продолжала ѣздить къ матери. Курляндцы считали это для себя „конфузіей“, и Петръ такъ утѣшаетъ ихъ въ этой „конфузіи“ чрезъ Бестужева:

„Къ Петру Бестужеву. Письмо ваше до его царскаго величества отъ 11-го числа дошло, по которому его царское величество о конфузіи, учинившейся въ Курляндіи отъ отъѣзда въ Ригу ея высочества государыни царевны Анны Ивановы, извѣстенъ, и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы доброжелательныхъ курляндцевъ обнадежили въ томъ, что ея высочество имѣетъ возвратиться паки въ Курляндію и жить тамъ“.

Выше мы сказали, какое воспитаніе давалось тогда царевнамъ.

Русская женщина только начинала учиться, и потому неудивительно, что первые шаги ея на поприщѣ грамотности были не особенно успѣшны.

Трудно даже повѣрить, чтобы царевна, племянница Петра-преобразователя, герцогиня курляндская, писала такія письма, какъ приводимое нами ниже письмо Анны Іоанновны къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Но въ исторической жизни русской женщины важно и то, что она начинаетъ сама писать. Какъ она пишетъ—это другой вопросъ.

Вотъ одно изъ драгоцѣнныхъ писемъ Анны Іоанновны, краснорѣчивѣе цѣлыхъ трактатовъ говорящее о степени образованія тогдашней женщины и ея жизненной обстановкѣ:

„Государыня моя матушка тетушка царица Екатерина Алексѣевна здравствуй государыня моя на многия лета вкупе съ государемъ нашимъ батюшкомъ, дядюшкой и государынями нашими сестрицами.

„Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала ізволила вспомнить меня. Незнаю матушка мая, какъ мнѣ благодарить за высокую вашу миласть, какъ я обрадовалась Богъ васъ свѣтъ моі самае такъ порадуетъ, еі еі дарагая мая тетушка я на свете ничему такъ не радовалась, какъ нынче радуюсь о миласти вашей ксебѣ; прашу, матушка мая, впредь меня содержать всвоеі неотменоі миласти, ей ей у меня крамѣ тебя свѣтъ моі нетъ никакоі надѣжды; і вручаю я себя вмиласть тваю материнскую; і надѣюсь, радость мая, тетушка што не оставишь меня всвоей милости і до маей смерти; изволили вы свѣтъ мой ка мнѣ приказовать, штобъ я отписала про Василия Өедоровича (Салтыковъ, дядя Анны Іоанновны), и я донашу. Котороі здеся бытностію сваею многіе мнѣ противнасти дѣлалъ, какъ славами, такъ и публичными поступками, противъ маей чести; между которыми раза стри со слезами отъ него отошла... Онъ же сердился на меня за Бестужева, показовая себя, штобъ онъ былъ,

іли кто другой, ево руки, на Бестужева места. И прошу свѣтъ моі до таво не допустить: я отъ Бестужева во всемъ доволна, и въ моихъ здешнихъ делахъ, очинь харашо поступаетъ.—І о всѣхъ Василья Ѳедоровича поступкахъ писать я немогу; і приказала вамъ, матушка моя, славами о всемъ донесть Маврину. І поѣхалъ Василій Ѳедоровичъ отъ меня серцамъ; можно было видѣть, што онъ снадеждоі поѣхалъ, штобъ матушкѣ меня мутить. Ізвесна свѣтъ мой вамъ, какъ оне намутили на сестрицу (Екатерину Ивановну); і какъ онъ пріѣхалъ впитербурхъ, і матушка изволить ка мнѣ писать не такъ милостива, какъ прежде исволила писавать; а нынче ісволитъ писать, штобъ я не пичалилась: „я де не сердита", а я своей вины еі, еі не знаю; а можна видѣть по письмамъ, што гневна на меня; і мне, свѣтъ мой, печальна, што насъ мутятъ: также какъ праважалъ сетрицу Окуневъ до мемля, і былъ здесь, і приѣхалъ отселя въ Питербургъ, і онъ не мала напрасно на меня намутилъ матушке; і чаю вы, свѣтъ мой, таго Окунева изволите знать; и ни чимъ не магу радоваца; толка радуюсь матушка мая, тваею миластію ксебѣ. И княжна (Александра Григорьевна Долгорукая, злополучная жена В. Ѳ. Салтыкова) поехала отъ меня, и мне сказала тихонка, што поедетъ исриги вваршаву кацу.

„При семъ прошу, матушка моя, какъ у самаго Бога, у васъ, дарагая моя тетушка, покажи надо мною материнскую миласть: попраси, свет моі, милости у дарагова государя нашева, батюшка дядюшка, оба мне, штобъ показалъ милость: мое супружественнае дела каокончанію привесть, дабы я больше всокрушеніи і терпени от моіхъ зладеевъ, ссораю кматушке не была; істенна, матушка моя, донашу несносна какъ наши ругаюца; если бы я теперь была при матушке, чаю бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ: я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю сокрушилась; неоставъ моі свѣтъ сіе всвоеі миласте.

„Также исволили вы, свѣтъ моі, приказовать камне: нетли нужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, извесна, што у меня ничево нетъ, краме што своли вашей выписаны штофы; а ежелі кчему случаі позаветъ, і я не имѣю нарочитыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотенъ, ни платья нарочетава; і втомъ ка мне ісвольте учинить, матушка моя, по высокаі своеі миласти, і здешныхъ пошленыхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я могу домъ і столъ своі вгодъ содержать; также определенъ, по вашему указу, Бестужева сынъ ка мне оберъ-камарамъ юнкерамъ; і живетъ другой годъ безжалованья; и проситъ у меня жалованья; і вы, светъ моі, какъ ізволите; і прашу матушка моя не прагневаца на меня, што утрудила своимъ письмомъ, надеючи на милость вашу ксебѣ; еще прашу светъ моі, штобъ матушка не вѣдала ничево; і кладусь волю вашу, какъ матушка моя изволишь самною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь".

Указываютъ и еще на одно письмо отъ этой же эпохи жизни Анны Іоанновны, письмо, въ которомъ будто бы проглядываетъ ея нѣжная заботливость о своемъ пятидесятичетырехлѣтнемъ гофмейстерѣ, тогда какъ

самой герцогинѣ было только двадцать пять лѣтъ; но и въ этой заботливости мы опять-таки не видимъ ничего подозрительнаго, несмотря на брюзгливый отзывъ объ этомъ предметѣ князя Щербатова. Напротивъ, письмо это вполнѣ драгоцѣнно для насъ въ историческо-бытовомъ отношеніи.

„Государыня моя тетушка і матушка царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй государыня моя на многия лета вкупе згосударемъ нашимъ дядюшкомъ и батюшкомъ ізгосударынѐми нашеми сестрицами“,—пишетъ Анна Іоанновна отъ 1-го ноября 1719 года.

„Прашу, свѣтъ моі тетушка, содержать меня ввашей высокой миласти, вкотораі моі и животъ, и всю маю надежду, і отъ всѣхъ пративнастей защищение имею; еще прашу вашеі высокоі миласти кБестужеваі дочери, кнегіне Валконскаі, которая нынѣ отселя поехала не оставить еіе ввашеі высокоі миласти.

„При семъ, матушка моя дарагая, посылаю вашему величеству досканъ енътарноі, о которомъ, светъ моі, прашу миластива принять.

„При семъ племянница ваша Анна кланяеца“.

Какъ бы то ни было, но отношенія Анны Іоанновны къ Бестужеву-Рюмину, при всей ихъ, можетъ быть, безупречности, составляютъ печальную страницу въ жизни будущей императрицы.

Отношенія эти поссорили ее съ матерью, крутой нравъ которой и суровая воля постоянно силились, повидимому, гнуть волю двадцатипятилѣтней дочери: въ царицѣ Прасковьѣ и въ отношеніи ея къ дочери, царевнѣ Аннѣ, таились искры женщины стараго закала, въ родѣ Софьи Витовтовны, которая держала въ рукахъ и мужа, и сына.

Уже на смертномъ одрѣ, за два дня до своей кончины, суровая царица пишетъ Аннѣ Іоанновнѣ:

„Слышала я отъ моей вселюбезной невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы запрещеніемъ или тако рещи—проклятіемъ отъ меня пребываешь, и въ томъ нынѣ не сомнѣвайся: все для вышепомянутой ея величества моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки отпущаю вамъ и прощаю вамъ во всѣмъ, хотя вы въ чемъ предъ мною и погрѣшили“.

Между тѣмъ, время шло, а герцогиня Анна оставалась вдовствующею, несмотря на заботы царственннаго дяди найти ей жениха во множествѣ германскихъ герцоговъ и курфюрстовъ.

Вообще, все время пребыванія Анны Іоанновны въ Курляндіи представляется самою безцвѣтною страницею въ ея жизни.

Около того времени, когда нападки на отношенія ея къ Бестужеву-Рюмину особенно усилились, появляется новое дѣйствующее лицо—Биронъ. Неотразимое вліяніе этой послѣдней личности проходитъ чрезъ всю жизнь Анны Іоанновны, и какъ герцогини курляндской, и какъ императрицы всероссійской.

Самъ Бестужевъ-Рюминъ ходатайствовалъ сначала о принятіи этой ни-

кому неизвѣстной и ничѣмъ не выдававшейся личности ко двору Анны курляндской. Впослѣдствіи личность эта сѣла на мѣсто своего благодѣтеля. Мало того, личность эта скоро начала гнуть по-своему всю Курляндію, которая не хотѣла удостоить его званіемъ дворянина, а подъ конецъ нашла въ немъ своего самодержавнаго герцога и чуть не диктатора-регента всей великорусской земли.

Но, пока живъ былъ „батюшка-дядюшка" Петръ, голоса Бирона не слышно было въ Курляндіи, а слышенъ былъ только голосъ царя, помимо герцогини Анны, отдававшаго приказъ Бестужеву: „Понеже слышу, что при дворѣ моей племянницы люди не всѣ потребные, и есть и такіе, отъ которыхъ стыдъ только, также порядку нѣтъ при дворѣ, какъ въ лишнемъ жалованьѣ, такъ и въ расправѣ между людьми. На которое симъ накрѣпко вамъ приказываемъ, чтобъ сей дворъ въ добромъ смотрѣніи и порядкѣ имѣли, жалованье чтобъ не больше по чинамъ довано было, какъ при прежнихъ герцогиняхъ; людей непотребныхъ отпусти и впредь не принимай; винныхъ наказывай, понеже неисправленіе взыщется на васъ".

Съ принятіемъ ко двору Бирона для Анны начинается новая жизнь: ее уже, повидимому, не тянетъ ни въ Москву, ни въ свое излюбленное отъ дѣтства село Измайловское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются для нея и новыя огорченія, въ видѣ намековъ и нашептываній о Биронѣ, о его камеръ-юнкерствѣ, о его необыкновенномъ фаворѣ.

Чтобы заглушить нашептыванья, чтобы шпіоны и завистники вновь не „намутили" на нее при дворѣ грознаго „батюшки-дядюшки", Анна рѣшается женить своего камеръ-юнкера Бирона на одной изъ своихъ придворныхъ, на испещренной оспою дѣвицѣ Бенигнѣ Трейденъ.

Но вотъ умираетъ и грозный „батюшка-дядюшка".

Въ послѣднее свое пребываніе въ Россіи, еще при Петрѣ, Анна присутствовала при коронаціи Екатерины. Тогда съ нею познакомился и герцогъ голштинскій, впослѣдствіи мужъ царевны Анны Петровны и отецъ императора Петра III.

Извѣстный камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, находившійся при голштинскомъ герцогѣ, такъ говоритъ о встрѣчѣ герцога съ Анной Іоанновной: „15-го марта его королевское высочество дѣлалъ парадный визитъ герцогинѣ курляндской. Она приняла его очень ласково, но не просила садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, не дурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе".

Но чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, больше вырабатывается у этой женщины царственная самостоятельность, что, впрочемъ, не трудно объяснить: грознаго „дядюшки-батюшки" уже не было на свѣтѣ.

Около Анны, съ помощью Бирона, начинаетъ сплачиваться курляндская партія, которая и начинаетъ парализивать силу Бестужева-Рюмина и всей русской партіи въ Митавѣ.

Въ это время у Анны Іоанновны является новый женихъ, въ лицѣ

знаменитаго Морица саксонскаго, непосѣстнаго искателя приключеній изъ типа бродячихъ средневѣковыхъ кондотьери.

Морица курляндцы хотятъ сдѣлать мужемъ Анны въ противовѣсъ русскому вліянію.

Является непосѣстный Морицъ въ Митаву—и его избираютъ въ герцоги. Депутація курляндцевъ проситъ Анну одобрить выборъ страны и отдать свою руку Морицу. Послѣдняя проситъ Остермана доложить Екатеринѣ, своей „матушкѣ-тетушкѣ“: „чтобъ ея императорское величество повелѣла сіе мое дѣло съ принцемъ Морицемъ совершить“.

Принцъ ей нравится; но онъ не нравится Меншикову, которому самому хочется надѣть на себя корону Курляндіи.

Съ цѣлью получить герцогство, Меншиковъ пріѣзжаетъ въ Митаву. Анна Іоанновна сама является къ нему съ слезною просьбою вдовицы.

„Начала она рѣчь объ извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбою,—доноситъ Меншиковъ императрицѣ,—чтобы въ утвержденіи герцогомъ курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество, могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее повелѣніе, представляя резоны: первое, что уже сколько лѣтъ какъ вдовствуетъ; второе, что блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ имѣлъ объ ней попеченіе, и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактовать были намѣрены, но не допустилъ того нѣкоторый случай“...

Самъ претендуя на корону, Меншиковъ хочетъ силою отнять жениха у плачущей Анны. Противъ жениха посылается войско. Но Морицъ, какъ подобаетъ бродячему рыцарю, съ шестьюдесятью молодцами своей свиты обороняется отъ войска. Мало того, невѣста въ подмогу рыцарю посылаетъ свою герцогскую гвардію—и русскій отрядъ, посланный Меншиковымъ для отнятія жениха у Анны Іоанновны, отступаетъ.

Герцогиня беретъ Морица въ свой замокъ, отводитъ ему тамъ помѣщеніе, каждое утро посылаетъ къ нему пажа узнавать о здоровьѣ, а другого—принимать отъ него приказанія.

Но странствующій рыцарь оказывается вѣтренѣе Донъ-Кихота: онъ заводитъ интриги въ замкѣ, волочится за придворными дамами, компрометируетъ свое положеніе и репутацію невѣсты—и невѣста оказываетъ ему явную холодность.

Умираетъ и „тетушка-матушка“ Екатерина.

Биронъ и курляндская партія еще выше поднимаютъ голову. Анна Іоанновна уже меньше заискиваетъ въ Петербургѣ, гдѣ на престолѣ сидитъ ребенокъ-императоръ, племянникъ ея, Петръ II, водимый на помочахъ то одною, то другою сильною рукою царедворцевъ.

Биронъ, оттѣснившій отъ Анны Іоанновны Бестужева-Рюмина, уже кричитъ на этого послѣдняго какъ на стараго дворецкаго.

„Онъ меня публично бранилъ и кричалъ въ каморѣ при дворѣ,—жалуется Бестужевъ въ Петербургъ.—Его бѣдная фамилія въ десяти пер-

сонахъ не смѣла къ шляхетскому стану мѣшаться, нынѣ весьма стала горда и богата".

Около Анны Іоанновны все тѣснѣе и тѣснѣе сплачивается кружокъ курляндскихъ нѣмцевъ, и кружокъ этотъ не въ мѣру ростетъ: Биронъ— уже камергеръ, гофмаршалъ Сакенъ, оберъ-гофмейстерина фонъ-деръ-Реннъ, шталмейстеръ и футтермейстеръ, три камеръ-юнкера, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау, множество гофратовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ, камеръ-лакеевъ—все это нѣмцы, и между ними нѣтъ ни одной русской фамиліи. Въ Москвѣ, отъ имени Анны Іоанновны, живетъ ея резидентъ, тоже нѣмецъ, Корфъ.

Имя русскихъ становится и презрѣнно, и ненавистно въ Курляндіи: ясно, что нѣмецкія симпатіи Петра, перешедшія на его потомство и не сдерживаемыя его всерегулирующимъ геніемъ въ предѣлахъ разумности, зашли за предѣлъ упругости. То, что писала Екатерина царицѣ Прасковьѣ, совѣтуя ей взять ко двору Анны Іанновны пажей изъ курляндцевъ—„ибо которые русскіе—и тѣ гораздо плохи"—это мнѣніе становится какъ бы господствующимъ: всѣ русскіе почему-то разомъ оказываются „гораздо плохи".

Повидимому, мягкая и безвольная Анна Іоанновна начинаетъ показывать царственную волю. Нѣсколько лѣтъ назадъ она жаловалась на свое вдовство, а теперь ей представляется партія въ лицѣ герцога Фердинанда— и герцогиня оказывается „къ нему не склонна".

Вмѣсто Бестужева-Рюмина изъ Петербурга посылаютъ въ Курляндію Безобразова—и Анна Іоанновна не пускаетъ его въ свои помѣстья, грозитъ, что сама будетъ защищать ихъ.

Курляндія, видимо, подняла голову—и замѣчательно, съ этою высоко поднятою головою микроскопическое, сравнительно съ цѣлою Россіею, герцогство стояло надъ русской землею до самаго восшествія на престолъ Елизаветы Петровны.

Съ 18-го на 19-е января 1730 года умираетъ юный императоръ Петръ II. Мужская линія Петра Великаго на этомъ мѣстѣ обрывается.

Остаются—дочь Петра Великаго Елизавета Петровна и племянницы его, изъ которыхъ Анна Іоанновна топографически всѣхъ ближе къ Петербургу.

Въ ночь смерти императора собираются „верховники" на совѣщаніе объ избраніи новаго государя. Между „верховниками"—графъ Головкинъ, князья Долгорукіе (Василій Лукичъ, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ), князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, Ягужинскій.

— Батюшки мои!—возвышаетъ свой голосъ Ягужинскій:—прибавьте намъ какъ можно воли... Теперь время думать, чтобъ самовластью не быть.

Выборъ „верховниковъ" останавливается не на дочери Петра Великаго, а на племянницѣ, на Аннѣ Іоанновнѣ.

Алексѣй Долгорукій требуетъ короны для своей дочери, красавицы Екатерины, находившейся въ ссылкѣ послѣ помолвки съ покойнымъ императоромъ Петромъ II. Онъ требуетъ для нея короны, „яко для обрученной невѣсты".

Но имя Анны Іоанновны побѣждаетъ.

— Смертью почившаго императора,—говоритъ при этомъ Димитрій Голицынъ:—прекратилось мужское поколѣніе Петра I. Россія много терпѣла отъ деспотическаго его управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями и поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.

При этомъ, въ совѣщаніи „верховниковъ" заявляется, что Анна Іоанновна, въ случаѣ принятія короны, обязывается не брать съ собою Бирона, о которомъ уже составилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ упрямомъ, заносчивомъ и заклятомъ врагѣ всѣхъ русскихъ.

Тотчасъ же составлены „условія".

Императрица правитъ государствомъ не иначе, какъ по соглашенію съ верховнымъ совѣтомъ.

Власти ея не подлежатъ: веденіе войны, заключеніе мира, наложеніе новыхъ податей, назначеніе въ высшія должности, наказаніе дворянина безъ доказательствъ его преступленія, конфискація имуществъ, распоряженіе казенными землями.

На содержаніе двора назначается извѣстная сумма.

Учреждается верховный совѣтъ: онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ и союзы.

Государственный казначей даетъ ему отчетъ въ расходахъ государственной казны.

Учреждается сенатъ: онъ разсматриваетъ дѣла, поступающія въ верховный совѣтъ.

Учреждается собраніе изъ двухсотъ мелкихъ помѣщиковъ: собраніе защищаетъ права этого сословія, въ случаѣ если бы верховный совѣтъ нарушилъ ихъ.

Учреждается собраніе изъ дворянъ и купцовъ: оно обязано наблюдать, чтобы народъ не былъ угнетаемъ.

„Условія" эти оказались мертворожденными.

Въ девять часовъ утра Анна Іоанновна объявляется императрицею.

Вечеромъ въ Митаву отправляется депутація, состоявшая изъ генерала Леонтьева, князя Михаила Голицына и князя Василья Лукича Долгорукаго.

Между тѣмъ, въ Москвѣ является сильная партія, которая идетъ въ разрѣзъ съ желаніями верховниковъ.

Это—Салтыковъ, Лопухинъ, графъ Апраксинъ, князь Черкасскій и множество другихъ сановниковъ.

Они составляютъ адресъ, въ которомъ доказываютъ необходимость единовластія, „особливо гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранитъ".

Они требуютъ также болѣе правильнаго распредѣленія доходовъ духовенства, „чтобы деревенскіе священники могли имѣть средства воспитывать своихъ дѣтей".

Они же, наконецъ, требуютъ „отдѣлить природное шляхетство отъ выслужившагося“.

25-го января депутація „верховниковъ“ находится уже въ Митавѣ и представляетъ императрицѣ, вмѣстѣ съ актомъ избранія ея на престолъ, вышепомянутыя „кондиціи“.

Анна Іоанновна совѣтуется съ Бирономъ относительно „кондицій“, и Биронъ рѣшительно настаиваетъ, чтобы императрица немедленно согласилась на принятіе престола, но не какъ избранная государыня, а какъ наслѣдница, имѣющая право на скипетръ и корону отъ одного Бога.

Тогда Анна Іоанновна собственноручно пишетъ на поданныхъ ей „кондиціяхъ“: „по сему обѣщаюсь все безъ всякаго изъятія содержать“.

И тутъ же, въ особомъ рескриптѣ верховному совѣту объявляетъ: „Отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили, что, по соизволенію Всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на россійскій прародителей нашихъ престолъ“...

Въ рескриптѣ же пояснялось, что помянутыя ограниченія сдѣланы будто бы по волѣ самой императрицы.

3-го февраля, въ собраніи верховнаго совѣта документы эти были прочитаны.

Передъ прочтеніемъ ихъ верховный совѣтъ распорядился разставить повсюду „вооруженное воинство—и (восклицаетъ знаменитый ораторъ и святитель Ѳеофанъ Прокоповичъ) дивное было всѣхъ молчаніе!“

Молчаніе было прервано тѣмъ же княземъ Димитріемъ Голицынымъ.

— Видите-де,—говоритъ онъ:—какая милостивая государыня, и каково мы отъ нея надѣялись, и таково она показала отечеству нашему благодѣяніе. Богъ ея подвинулъ къ писанію сему. Отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!

14-го февраля совершается торжественное шествіе новой императрицы въ Москву.

Верховники предчувствуютъ, что дѣло ихъ не добромъ кончится: отъ своей родственницы и статсъ-дамы Салтыковой императрица знаетъ все, чтó безъ нея дѣлалось въ Москвѣ.

25-го февраля во дворецъ собирается до восьмисотъ вельможъ и офицеровъ; собравшіеся просятъ аудіенціи.

Императрица является къ этой блестящей толпѣ просителей и принимаетъ отъ нихъ коллективную челобитную, въ которой заявлялось, что подписанныя государынею кондиціи—опасны для Россіи и что форма правленія должна быть избрана по большинству голосовъ.

„Учинить по сему“,—пишетъ императрица резолюцію на челобитной.

Блестящая толпа просителей, забывъ содержаніе своей челобитной, тутъ же проситъ императрицу принять полное самодержавіе, по примѣру прародителей.

Императрица соизволяетъ на моленія челобитчиковъ—и разрываетъ „кондиціи“, подписанныя въ Митавѣ и ставшія уже безполезными.

„Вечеромъ,— говоритъ покойный академикъ П. П. Пекарскій,—въ Москвѣ раздавались радостныя восклицанія... но на небѣ разлилось кровавое зарево сѣвернаго сіянія, и народъ, смотря на него, думалъ, что не быть добру“.

Никто, конечно, не зналъ, каково будетъ царствованіе новой государыни; но по тому впечатлѣнію, какое она производила на современниковъ, знавшихъ ее лично, скорѣе можно было ожидать добра, чѣмъ худа.

Леди Рондо, имѣвшая возможность часто видѣть императрицу, такъ отзывается о ея наружности и проявленіяхъ ея личнаго характера: „Она почти моего роста, чрезвычайно полна, но, несмотря на это, хорошо сложена и движенія ея свободны и ловки. Она смугла, волосы ея черны, а глаза темно-голубые; во взглядѣ ея есть что-то царственное, поражающее съ перваго разу. Когда же она говоритъ, то на губахъ ея является невыразимо пріятная улыбка. Она много разговариваетъ со всѣми, и въ обращеніи такъ привѣтлива, что кажется, будто говоришь съ равной себѣ; однако же, она ни на минуту не теряетъ достоинства государыни. Она, повидимому, очень кротка, и если бы была частнымъ лицомъ, то, какъ я думаю, считалась бы чрезвычайно пріятной женщиной“.

По свидѣтельству другого современника, дюка де-Лирія, Анна Іоанновна является съ такими чертами своей внѣшней и внутренней индивидуальности: „Императрица Анна толста, смугловата и лицо у нея болѣе мужское, нежели женское. Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любитъ пышность чрезмѣрно, отъ чего дворъ ея великолѣпіемъ превосходитъ всѣ прочіе европейскіе. Она строго требуетъ повиновенія къ себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ, ей оказанныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошо помнитъ и нанесенныя ей оскорбленія. Говорятъ, что у нея нѣжное сердце, и я этому вѣрю, хотя она и скрываетъ тщательно свои поступки. Вообще, могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголѣтняго царствованія“.

Между тѣмъ, сохранилась и совершенно противоположная характеристика Анны Іоанновны; но характеристика эта, очевидно, пристрастна, написана подъ вліяніемъ злого воспоминанія, такъ какъ писана княгинею Натальею Борисовною Долгорукою, женою фаворита покойнаго Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, которые всею семьею были сосланы въ Сибирь и потомъ иные изъ нихъ жестоко казнены.

Поэтому, Долгорукая, какъ бы изъ мщенія, говоритъ объ Аннѣ Іоанновнѣ: „Престрашнаго была взору. Отвратное лицо имѣла; такъ была велика, когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста“.

Но личность женщины, какъ частнаго лица, и личность женщины, какъ лица государственнаго, въ фокусѣ котораго отражается слишкомъ много чуждыхъ и часто неизбѣжныхъ вліяній, не всегда могутъ быть сопоставляемы, и біографъ долженъ иногда по необходимости отдѣлять женщину отъ государыни, и наоборотъ.

Анна Іоанновна, слишкомъ долго находившаяся, до восшествія на престолъ, подъ жесткою опекою сначала „батюшки-дядюшки“ Петра и его слугъ, а потомъ Меншикова, долго боявшаяся всего, что исходило изъ ея суровой родины, изъ Москвы, отъ строгой царицы-матери и отъ всѣхъ русскихъ, у которыхъ она жила въ Курляндіи какъ бы на хлѣбахъ,— естественно, ставъ императрицею, не могла вытравить въ себѣ того не мирящагося чувства, той горечи, которая находилась въ ней по отношенію къ ея родичамъ русскимъ.

Вотъ почему она и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ всю, такъ сказать, окутала себя Курляндіею. Бироны, Трейдены, Левенвольды, Бисмаркъ, Остерманъ, Минихъ—вотъ что стало вокругъ ея трона и отгородило ее отъ русскихъ верховниковъ и всего русскаго.

Но и верховниковъ, предложившихъ ей обидныя „кондиціи“, она не тронула: сосланы были только Долгорукіе за то, что не уберегли здоровья императора Петра II, да Сиверсъ и Фикъ—первый за то, что не хотѣлъ пить за ея здоровье, а послѣдній за то, что давалъ совѣты Димитрію Голицыну объ ограниченіи самодержавія.

Потерявъ вѣру въ приверженность къ себѣ русскихъ, императрица естественно ищетъ для себя охраны по возможности внѣ русской сферы. Вѣрные ея слуги курляндцы, представляя императрицѣ о необходимости созданія новой гвардіи въ противовѣсъ старой, петровской, докладываютъ: „офицеровъ опредѣлить изъ финляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и иныхъ націй, и изъ русскихъ, откуда ваше величество повелите“.

Выраженіе недовѣрія къ подданнымъ сказалось и въ возобновленіи новою императрицею страшнаго когда-то преображенскаго приказа, который, однако, переименованъ былъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Къ удивленію, завѣдываніе этимъ учрежденіемъ поручено было русскому, знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову.

Около двухъ лѣтъ по восшествіи на престолъ Анна Іоанновна жила въ Москвѣ, съ которою у нея соединялись дѣтскія воспоминанія болѣе, чѣмъ съ Петербургомъ. Притомъ были и другія причины, по которымъ она не охотно переѣзжала въ сѣверную столицу. Объ этомъ отчасти намекаетъ посланникъ Лефортъ, говоря: „въ Петербургѣ не осмѣливаются произнести ни одного слова противъ государыни, и вообще сумѣли такъ хорошо удалить всѣхъ недовольныхъ, что едва остается слѣдъ русскихъ, которыхъ можно было бы опасаться“.

Тогда же состоялся указъ о переводѣ въ Петербургъ и тайной канцеляріи.

Подъ вліяніемъ личныхъ симпатій, въ царствованіе Анны Іоанновны обращено было особенное вниманіе законодательства на коневодство: въ этомъ явленіи сказывалась инціатива, исключительно исходившая отъ Бирона, который былъ большой любитель и знатокъ лошадей. По свидѣтельству Миниха, „герцогъ курляндскій имѣлъ чрезвычайную охоту къ лошадямъ и потому почти цѣлое утро проводилъ либо въ своей конюшнѣ, либо въ манежѣ. Когда же императрица никогда съ терпѣніемъ не могла

сносить его отсутствіе, то не токмо часто туда къ нему приходила, но также возымѣла желаніе обучаться верховой ѣздѣ, въ чемъ, наконецъ, и успѣла столько, что могла по дамски, съ одной стороны на лошади, сидѣть и лѣтомъ по саду въ Петергофѣ проѣзжаться“.

Петербургъ и Москва чувствовали, что нѣмецкое вліяніе въ правительствѣ окончательно осилили и, повиднмому, покорились необходимости; но въ народѣ бродило смутное сознаніе, что такой порядокъ вещей—не удѣлъ русскаго государства, и это сознаніе выражалось то мѣстными вспышками, то побѣгами въ Польшу, то, наконецъ, безполезнымъ и безсмысленнымъ желаніемъ—поворотить дѣла какъ-нибудь на старый путь.

Для этого у народа было одно средство, вполнѣ ребяческое и никогда ему ничего кромѣ зла не приносившее, но такое, за которое онъ всегда легко хватался: это—самозванство.

И вотъ, на восьмомъ году царствованія Анны Іоанновны является самозванецъ. Какому-то работнику Ивану Миницкому представилось—„аки бы отъ нѣкоторыхъ сонныхъ видѣній, ему бывшихъ, что онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ“.

Около этого лунатика собираются довѣрчивые слушатели, и безумецъ, окруженный повѣрившими ему солдатами, напутствуемый толпою „многихъ подлыхъ людей“, идетъ къ церкви села Ярославецъ. Священникъ встрѣчаетъ его на церковной паперти съ колокольнымъ звономъ, въ сопровожденіи хоругвей и неся на блюдѣ крестъ. Сумасшедшій беретъ въ руку крестъ, къ которому священникъ прикладывается и цѣлуетъ руку безумца. Съ крестомъ въ рукѣ самозванецъ входитъ въ церковь, проходитъ въ алтарь чрезъ царскія врата, беретъ евангеліе и становится съ нимъ въ царскихъ вратахъ—народъ прикладывается къ евангелію, цѣлуетъ руку самозванца, а священникъ поетъ молебенъ, часы, служитъ акаѳистъ, на эктеньяхъ возноситъ имя царевича, двадцать лѣтъ уже лежавшаго въ землѣ, наконецъ, поетъ многолѣтіе и тропарь пятидесятницы. Солдаты стоятъ около безумца съ заряженными ружьями и примкнутыми штыками, падаютъ передъ нимъ на колѣни, съ плачемъ клянутся стоять за него.

И вотъ, всѣхъ этихъ дѣтей Румянцевъ забираетъ: самозванецъ и священникъ сажаются живыми на колъ, а прочіе—четвертуются.

Для характеристики Анны Іоанновны можно привести здѣсь отзывы о ней Миниховъ, отца и сына.

Первый изъ нихъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, такъ очерчиваетъ эту личность:

„Императрица Анна обладала великими достоинствами. Она имѣла проницательный умъ, знала свойства окружавшихъ ее лицъ, любила порядокъ и великолѣпіе, и никогда дворъ не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ при ней. Она была великодушна и щедро награждала заслуги. Главный недостатокъ ея заключался въ томъ, что она слишкомъ любила спокойствіе и не занималась дѣлами, предоставляя все произволу своихъ министровъ. Этому обстоятельству должно приписать несчастіе Долгорукихъ

и Голицыныхъ, которые сдѣлались жертвами Остермана и Черкасскаго, только потому, что превышали ихъ умомъ и способностями. Биронъ погубилъ Волынскаго, Еропкина и ихъ друзей за то, что Волынскій подалъ императрицѣ записку, гдѣ проводилась мысль о необходимости удаленія любимца. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ императрица горько плакала, когда Биронъ въ раздраженіи угрожалъ покинуть ее, если она не пожертвуетъ ему Волынскимъ и его друзьями“.

Минихъ-сынъ, говоря, что слабыя стороны царствованія Анны должны быть объясняемы „прилѣпленіемъ къ нѣкоторымъ худымъ стариннымъ правиламъ“, дѣлаетъ такое общее заключеніе:

„Даже ничто не помрачило бы сіянія сей императрицы, кромѣ (что изъ многихъ надъ знаменитыми и великими особами смертельныхъ приговоровъ оказалось) что она собственному прогнѣвленію, нежели законамъ и справедливости слѣдовала. Въ приватномъ обхожденіи была она ласкова, весела, говорлива и шутлива. Сердце ея наполнено было великодушіемъ, щедротою и соболѣзнованіемъ, но ея воля почти всегда зависила больше отъ другихъ, нежели отъ нея самой. Верховную власть надъ оною сохранялъ герцогъ курляндскій даже до кончины ея неслабно, и въ угожденіе ему сильнѣйшая монархиня въ христіанскихъ земляхъ лишала себя вольности своей до того, что не токмо всѣ поступки свои по его мыслямъ наиточнѣйше распоряжала, но также ни единаго мгновенія безъ него обойтись не могла и рѣдко другого кого къ себѣ принимала, когда его не было. Никогда въ свѣтѣ, чаю, не бывало дружественнѣйшей четы, пріемлющей взаимно въ увлеченіи или скорби совершенное участіе, какъ императрица съ герцогомъ. Оба почти никогда не могли во внѣшнемъ видѣ своемъ притворствовать. Если герцогъ являлся съ пасмурнымъ лицомъ, то императрица въ то же время встревоженный принимала видъ. Буде тотъ веселъ, то на лицѣ монархини явное напечатлѣвалось удовольствіе. Если кто герцогу не угодилъ, тотъ изъ глазъ и встрѣчи монархини тотчасъ могъ примѣтить чувствительную перемѣну. Всѣхъ милостей надлежало испрашивать отъ герцога и черезъ него одного императрица на оныя рѣшалась.

„Герцогъ всѣми мѣрами отвращалъ и не допускалъ другихъ вольно съ императрицею обходиться, и буде не самъ, то чрезъ жену и дѣтей своихъ всегда окружалъ ее такъ, что она ни слова сказать, ниже шага ступить не могла, чтобы онъ тѣмъ же часомъ не былъ о томъ увѣдомленъ. Сей неограниченный и единообразный родъ жизни естественно долженствовалъ рождать иногда сытость и сухость въ обращеніи между обѣихъ сторонъ. Дабы сіе отвратить и не явить недовольнаго лица внѣ комнаты предъ чужими очами,—не вѣдали изобрѣсть лучшаго средства, какъ содержать множество шутовъ и дураковъ мужеска и женска пола. Должность большей части сихъ людей состояла болѣе ругаться и драться между собою, нежели какія-либо смѣшныя шутки дѣлать и говорить. Они набраны были изъ разныхъ націй и чиновъ. Россійскіе князья изъ знатнѣйшихъ фамилій (князь Голицынъ и графъ Апраксинъ) должны были въ сей роли записы-

ваться... Ни при единомъ дворѣ, статься можетъ, не находилось больше шпіоновъ и наговорщиковъ, какъ въ то время при россійскомъ. Обо всемъ, что въ знатныхъ бесѣдахъ и домахъ говорили, получалъ онъ обстоятельнѣйшія извѣстія, и поелику ремесло сіе отверзало путь какъ къ милости, такъ и богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились къ тому служить орудіемъ"...

Въ заключеніе, Минихъ добавляетъ объ императрицѣ: „Она была богомольна и притомъ нѣсколько суевѣрна, однако, духовенству никакихъ вольностей не позволяла, но по сей части держалась точно правилъ Петра Великаго. Станомъ была она велика и взрачна. Недостатокъ въ красотѣ награждаемъ былъ благороднымъ и величественнымъ лицерасположеніемъ. Она имѣла большіе каріе и острые глаза, носъ немного продолговатый, пріятныя уста и хорошіе зубы. Волосы на головѣ были темные, лицо рябоватое и голосъ сильный и пронзительный. Сложеніемъ тѣла была она крѣпка и могла сносить многія удрученія".

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстно изъ романа Лажечникова „Ледяной домъ" о забавѣ, устроенной Бирономъ въ пользу императрицы во время торжества заключенія мира съ Турціею. Игралась свадьба шута, князя Голицына, съ шутихою. Для брачной ночи молодыхъ устроенъ былъ домъ изъ льда и всѣ приспособленія къ нему, мебель, печи и украшенія—все было ледяное и довольно искусно отдѣланное.

При этомъ императрица милостиво наградила всѣхъ приближенныхъ, и „даже тотъ,—прибавляетъ графъ Минихъ съ наивностью добросовѣстнаго бытописателя,—даже тотъ самый, который за любимою сучкою императрицы присмотръ имѣлъ и по природѣ былъ князь (Голицынъ), получилъ за ревностную службу 3,000 руб. въ подарокъ".

Анна Іоанновна скончалась 17-го октября 1740-го года—десять лѣтъ не дожила до второй половины восемнадцатаго столѣтія.

На эту вторую половину Россія переступила съ другою царственною женщиною, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Чувствуя приближеніе смерти, Анна Іоанновна назначила себѣ преемникомъ не дочь Петра Великаго цесаревну Елизавету Петровну, а трехмѣсячнаго внука своего Іоанна III Антоновича.

— Когда я подписывала присягу новому императору,—признавалась она потомъ Бирону:—у меня дрожала рука, а этого не было со мною при подписаніи войны Турціи!

Когда Остерманъ подалъ умирающей императрицѣ для подписанія манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ, государыня спросила:

— Кто его писалъ?

— Вашъ нижайшій рабъ,—отвѣчалъ Остерманъ.

— Надобно ли тебѣ это?—спросила она, обращаясь къ Бирону.

Въ предсмертной агоніи она изъ окружавшихъ ее царедворцевъ узнала одного только Миниха.

— Прощай, фельдмаршалъ,—сказала она.

Смерть побѣждала.

— Прощайте,—обратилась умирающая ко всѣмъ окружавшимъ ее.

VI.

Княжна Юсупова.

(Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, въ монахиняхъ Прокла)

Княжна Юсупова была одною изъ тѣхъ женщинъ новой послѣ-петровской Руси, которыя еще помнили Петра Великаго, но которымъ суждено было пережить послѣ него тяжелое время петербургскихъ дворцовыхъ смутъ, бироновщину и т. д., и изъ которыхъ рѣдкая личность не испытала либо ужасовъ тайной канцеляріи, либо монастырскаго заточенія, либо сибирской далекой ссылки.

— Первый императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ,—говорила впослѣдствіи княжна Юсупова, въ монастырскомъ заточеніи, вспоминая свое дѣтство.

Судьба Юсуповой представляется тайною, до сихъ поръ неразгаданною. Одно ясно, что она была жертвою личнаго на нее неудовольствія императрицы Анны Іоанновны; но какая была вина княжны передъ императрицею—это осталось извѣстно только ей, государынѣ, да знаменитому Андрею Ивановичу Ушакову, начальнику тайной канцеляріи.

Все, что до сихъ поръ извѣстно о несчастной судьбѣ княжны Юсуповой, которая испытала ужасы тайной канцеляріи, наказываема была „кошками“ и „шелепами“, подверглась ссылкѣ и заточенію, повидимому, за то, что она, быть можетъ невольно, подобно римскому поэту Овидію, была сопричастна какой-то тайнѣ двора, ее погубившей, хотя никому ею до могилы не выданной,—мы постараемся передать въ нижеслѣдующемъ, по возможности сжатомъ разсказѣ, съ соблюденіемъ только характеристическихъ подробностей, выражающихъ колоритъ эпохи.

Въ сентябрѣ 1730 года, изъ Москвы, изъ царскаго дворца, привезена была въ Тихвинъ, въ тамошній дѣвичій введенскій монастырь, знатная дѣвушка, которую сопровождалъ сержантъ и солдаты.

Дѣвушка сдана была на руки тихвинскому архимандриту Ѳеодосію, подъ началомъ котораго находился монастырь, а тотъ передалъ ссыльную съ рукъ на руки игуменьѣ Дороѳеѣ, съ наказомъ—держать накрѣпко привезенную особу и никого къ ней не допускать.

Сержанту, конвоировавшему ссыльную дѣвушку, архимандритъ выдалъ расписку въ полученіи арестантки и отправилъ его обратно.

Привезенная была дочь одного изъ извѣстныхъ сподвижниковъ Петра Перваго, генерала князя Григорія Дмитріевича Юсупова, княжна Прасковья.

Отецъ несчастной княжны умеръ всего только нѣсколько недѣль передъ этимъ: за что сослали такъ скоро его дочь—никто не зналъ. Не зналъ

даже архимандритъ Θеодосій, потому что въ указѣ къ нему о ссылкѣ княжны ничего не было упомянуто о ея винахъ.

Игуменья, принявъ княжну отъ архимандрита, не знала, гдѣ помѣстить ссыльную, и потому оставила ее въ своей тѣсной кельѣ. Дѣвушкѣ она отвела небольшой уголъ за занавѣской, поставила бѣдненькую кроватку, дала деревянный столъ и стулъ—вотъ все, что осталось у княжны послѣ дворца и послѣ роскошныхъ палатъ отца и матери, которая у нея одна осталась и одна о ней печаловалась.

Съ ссыльной привезена была и служанка—безобразная калмычка, дѣвка Марья: калмычки, татарки, арапы и всякіе уроды въ числѣ прислуги—это въ прошломъ вѣкѣ составляло отличительную черту и шикъ знатнаго барскаго дома.

Горько заплакала княжна, когда ее ввели въ тѣсную келью. Она ни съ кѣмъ не сказала ни слова, не отвѣчала ни на какіе вопросы, а только плотно закуталась въ одѣяло и, лежа на бѣдной кроваткѣ, стонала и плакала.

Въ Москвѣ, когда исчезла молодая Юсупова, говорили, что она сослана за приверженность къ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ и за интригу, совмѣстно съ отцомъ, въ пользу возведенія цесаревны на престолъ. Носились также слухи, что княжну постигла ссылка за покойнаго отца, который, будто бы, въ числѣ прочихъ придворныхъ, задумывалъ ограниченіе самодержавія Анны Іоанновны. Передавали, наконецъ, что княжна была жертвою семейной интриги, что братъ ея, камергеръ Борисъ Юсуповъ, ненавидѣлъ ее по разнымъ причинамъ и, чтобъ воспользоваться всѣмъ отцовскимъ имѣніемъ, искусно подготовилъ ссылку сестрѣ.

Прошло нѣсколько дней монастырской жизни молодой Юсуповой: жгучее горе должно было поневолѣ улечься въ сердцѣ — надо было мириться, если не съ вѣчною ссылкою, то, во всякомъ случаѣ, съ необходимостью заточенія на долгое, неопредѣленное время; а неопредѣленность такъ тяжела, такъ гнетуща—надо было покориться всему.

Мать любила свою бѣдную дочь, и потому снабдила ее на долгую разлуку деньгами, обѣщала вскорѣ выслать повара, необходимый штатъ прислуги и хорошіе запасы продовольствія.

Княжна купила у игуменьи свободную, принадлежащую монастырю келью, въ которой, до ссылки Юсуповой, жила другая ссыльная придворная особа, какая-то Калушкина, возвращенная императрицею изъ ссылки снова во дворецъ.

Къ княжнѣ игуменья приставила особую наемную женщину, не принадлежавшую къ монастырскому штату. Это была кузнечиха Анна Юленева. имѣвшая впослѣдствіи такое роковое значеніе въ жизни несчастной Юсуповой.

Юленева, повидимому, сразу поняла княжну и овладѣла ея вниманіемъ. Въ княжнѣ она подмѣтила слабыя стороны — это гордость, своенравный характеръ, вспыльчивость, злопамятность, и желаніе повеселиться—но гдѣ и съ кѣмъ въ монастырскомъ заточеніи? Это одиночество придворной княжны. привыкшей къ разнообразнымъ удовольствіямъ, было причиною того, что

несчастная, чтобъ отогнать глодавшую ее тоску, стала принуждать себя выслушивать болтовню ловкой бабы, монастырскія сплетни и скандалы. Юленева, охотно пользуясь одиночествомъ и тоскою княжны, пересказала ссыльной монастырскія тайны и интрижки, маленькія слабости и матери-игуменьи, и старицъ.

Послѣ двора, молодой княжнѣ приходилось, такимъ образомъ, коротать жизнь въ самомъ захолустномъ углу, съ какой-нибудь неособенно пріятной кузнечихой, входить въ интересы жизни самаго темнаго заброшеннаго угла и быть довольной даже обществомъ самой недоброкачественной торговки.

— Вотъ какой бываетъ случай, княжна Прасковья Григорьевна,— говорила однажды Юленева, сидя у постели ссыльной въ долгій зимній вечеръ, въ тотъ самый моментъ, когда далеко оттуда, въ Петербургѣ и Москвѣ, подруги княжны проводили эти часы иначе, въ блестящихъ залахъ, при яркомъ освѣщеніи: —вотъ какой бываетъ случай: Ѳедора Калушкина жила здѣсь долго—тоже была ссыльная дворцовая: тебя изъ дворца, а ее опять во дворецъ. Чудно, голубушка, какъ это бываетъ на свѣтѣ—за что это такъ одни ссылаютъ, а потомъ другіе возвращаютъ? Твое дѣло княжеское, жила во дворцѣ, чай знаешь, матушка?

— Ничего не знаю,—отвѣчала княжна, боясь проговориться о своей роковой тайнѣ.

— А здѣсь, матушка, и подавно ничего не знаютъ. Болтали въ народѣ о Калушкиной, слыхала я отъ матери, да и забыла.

— И я слышала отъ матери,—сказала княжна со слезами на глазахъ:— когда я въ ссылку послана еще не была, то матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня по Калушкину послала, чтобъ ей Калушкиной быть во дворцѣ...

— Кто же это заведетъ, матушка?—спрашивала Юленева.

Юсупова ничего не отвѣчала—она боялась своего прошлаго.

Мы потому приводимъ здѣсь эти разговоры княжны съ Юленевой, что каждое слово несчастной дѣвушки было потомъ ея допроснымъ пунктомъ и эти разговоры на всю уже жизнь загубили молодую женщину.

Время, между тѣмъ, шло. Въ келью молодой женщины заходили и мать-игуменья поговорить съ ссыльной, и монахини, и монастырскій стряпчій Шпилкинъ, и архимандритъ Ѳеодосій. Но тоска по погибшему счастью грызла молодую женщину, хоть она и старалась разнообразить свою жизнь нарядами, которыхъ у нея было довольно—всего ей прислала нѣжно любившая ее мать: у нея было нѣсколько перемѣнъ шлафроковъ и юбокъ: шлафрокъ гродетуровый зеленый, голубой камчатной, опушенъ алою тафтою, красной байбарековой съ голубою опушкою; были у нея и шубки: желтая тафтяная на бѣличьемъ мѣху съ серебряными пуговицами, камчатная вишневая на заячьемъ мѣху; корсеты, фонтажи, чепцы, косыночки, платки шитые серебромъ и шелковые, и съ кружевами, и рукавички желтыя лайковыя, и шапка соболья—верхъ пунцоваго бархату, и соболи шейные— всего вдоволь. Но для кого было наряжаться?

И поговорить было не съ кѣмъ, особенно же о томъ, что стало гибелью всей ея жизни.

Но иногда она проговаривалась о какой-то тайнѣ своего недавняго, молодого, но какъ бы отрѣзаннаго прошлаго.

— Воръ, генералъ Ушаковъ трясущій!—говорила она съ негодованіемъ, забывая должную осторожность:—а жена его Кокошкиныхъ б....а. Коли бы дочь ту его воровку на мое мѣсто! Онъ напалъ на меня и взялъ меня допрашивать въ саду—да я не повинилась!

— А для чего ты не повинилась?—спрашивала хитрая Юленева.

— Я не повинилась, сожалѣя Дохтуровой да Мельгуновой... Онѣ ко мнѣ ворожейку-то подвели, мы сплошь дѣлали...

Видно было, что великодушная дѣвушка прикрыла собою другихъ,—и погибла черезъ это.

— Можно бы милости мнѣ искать у цесаревны Елизаветы Петровны... Да нѣтъ, нечего въ ней милости искать: и Шубинъ, который при ней былъ, и тотъ въ ссылку посланъ.

Всѣ, повидимому, забыли несчастную.

Горе и тоска одиночества все болѣе и болѣе раздражали молодую ссыльную, и довели ее до потери самообладанія, до вспышекъ, что̀ и погубило ее окончательно.

Такъ она выдала себя однажды при стряпчемъ Шпилкинѣ.

— Братъ мой, князь Борисъ,—сущій супостатъ, говорила она въ отчаяньѣ: —отъ его посягательства сюда я и прислана... Я вины за собой никакой не знаю... Государыня цесаревна Елизавета Петровна милостива и премилостива, и благонравна, и матушка государыня императрица Екатерина Алексѣевна была до меня милостива же, а нынѣшняя императрица до меня немилостива... Она вотъ въ какой монастырь меня сослала, а я вины за собой никакой не знаю. А взялъ меня братъ мой Борисъ да Остерманъ, и Остерманъ меня допрашивалъ. А я на допросъ его не могла вскорѣ отвѣтствовать, что была въ безпамятствѣ. А о чемъ меня Остерманъ спрашивалъ, того я не поняла, потому что Остерманъ говорилъ не такъ рѣчисто, какъ русскіе говорятъ... „Сто-де ти, сюдариня! (княжна передразнивала Остермана) будетъ тебѣ играть нами, то дѣти играй... а сюда-де ти призвана не на игранье, но о цомъ тебя спросимъ, о томъ-де ти и отвѣтствей“... Послѣ того спрашивали меня о письмахъ и о бабѣ, а что я имъ говорила—за безпамятствомъ не помню.

Шпилкинъ спрашивалъ —о какихъ письмахъ и о какой бабѣ она говоритъ; но княжна не отвѣчала, а раздражительно продолжала:

— Можно бы ей, государынѣ, сослать меня въ монастырь такой, который бы былъ отъ Москвы поближе, а не въ такой, въ какомъ я нынѣ обрѣтаюсь—здѣсь не монастырь, а шинокъ... Ежели бы государыня цесаревна Елизавета Петровна была императрицею, и она бы въ дальній монастырь меня не сослала... О, когда бы то видѣть или слышать, что она бы была императрицею!

Шпилкинъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ. Но донести боялся—боялся за свою шкуру, боялся застѣнка, дыбы, кнута.

У княжны началась вражда съ монастырскимъ начальствомъ: назвавъ монастырь „шинкомъ", она вызвала непріязнь къ себѣ игуменьи, которая и стала тѣснить ссыльную.

Начались дрязги, подкапыванья подъ дѣвушку; княжна не выносила вседневной пытки; ея гордость рѣзко обрушивалась на всѣхъ, ставила втупикъ простодушныхъ старицъ. Весь монастырь всталъ противъ гордой арестантки.

Княжна не вытерпѣла, и тайно отправила въ Петербургъ Юленеву съ жалобой на монастырь.

Мать-игуменья хитростью вывѣдала о тайномъ отправленіи Юленевой съ жалобой, и предупредила опасность встрѣчной жалобой на княжну и доносомъ на ея поведеніе.

Завязалось новое дѣло — эта была уже и послѣдняя развязка всей участи несчастной княжны.

25-го января 1735 года (это уже пятый годъ жизни Юсуповой въ монастырскомъ заточеніи!), когда Ушаковъ былъ съ докладомъ у государыни, императрица передала ему двѣ какія-то записки и приказала взять въ тайную канцелярію женщину, содержавшуюся въ архіепископскомъ домѣ знаменитаго сподвижника Петра Перваго, новгородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича, и, изслѣдовавъ все дѣло, доложить ея величеству о результатахъ изслѣдованія.

Женщина эта была—Юленева, а записки—письмо княжны Юсуповой къ Юленевой и письмо игуменьи Дороѳеи къ секретарю Ѳеофана Прокоповича, Козьмѣ Родіоновичу Бухвостову.

Письма были переданы императрицѣ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который былъ друженъ съ Ушаковымъ и желалъ угодить государынѣ, выдавъ ей княжну Юсупову, неизвѣстно за что заслужившую крайнюю немилость императрицы.

Въ письмѣ къ Юленевой княжна спрашивала только о положеніи дѣла—и больше ничего: въ немъ не было никакой тайны, которая бы послужила обвиненіемъ для ссыльной. Не было даже ни одного рѣзкаго слова о монастырѣ.

Между тѣмъ, все письмо игуменьи къ Бухвостову — это полная обвинительная рѣчь противъ несчастной княжны. И это-то письмо порѣшило участь сосланной дѣвушки.

„Имѣется у насъ у обители княжна Юсупова по указамъ въ подохраненіи,—писала, между прочимъ, мать-игуменья Бухвостову,—и велѣно быть при ней одной бабѣ, а другихъ сослужительницъ не держать: того ради оная княжна, ріяся на меня, производитъ всякія непотребности и живетъ непостоянно и неблагочинно: спознался съ похабною дѣвкою тихвинскаго посада, кузнецкаго вѣдѣнія, зовется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходитъ оная дѣвка къ ней, княжнѣ, тайнымъ образомъ и со-

гласуется, и наноситъ на обитель и на меня всякія непотребности, и совѣтуютъ съ нею не благо, но всякія коварства и ябеды. И въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ оная дѣвка, по согласію съ нею, княжною, отпущена въ Санктпетербургъ невѣдомо съ какими вымышленнами ябедами: посылаетъ она, княжна, къ ней, дѣвкѣ, всякія удовольнія припасы и деньги отъ меня недостойной тайно, токмо увѣдомлена я нынѣ отъ постороннихъ добрыхъ людей, что оные припасы и деньги отвозитъ къ ней, дѣвкѣ, тихвинскаго посаду фроловской церкви дьячокъ Андрей Лялинъ, и нынѣ онъ обрѣтается въ Санкпетербургѣ; а иное я увѣдомлена отъ ея руки писаніемъ отъ добра человѣка, съ каковымъ, она, княжна, совѣтное письмо послала къ ней, дѣвкѣ, и съ того письма получила копію, съ которой копіи при семъ моемъ слезномъ прошеніи и копія пріобщается ради сущаго извѣстія. Да слышно мнѣ отъ добрыхъ людей, что оная дѣвка чрезъ некакихъ людей поручаетъ подать преосвященному несвѣдомыя мною многія доношенія и коварства.

„О семъ и прошу и слезно молю ваше высокоблагородіе, Козма Родіоновичъ, дабы я недостойная вашимъ милостивымъ призрѣніемъ не оставлена была о невѣдомыхъ доношеніяхъ и коварствахъ отъ вышепоказанной дѣвки".

Такія-то письма попали въ руки императрицы. Юсупову вспомнили.

Взяли къ допросу въ тайную канцелярію всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу,—но ничего не сказали допрашиваемые такого, что могло бы обвинить княжну или пасть на нее подозрѣніемъ о выдачѣ строго хранимой тайны.

Буря, повидимому, проходила мимо дѣвушки.

Юленеву проводили и въ застѣнокъ, гдѣ она „съ подлинной правды поднята была на дыбу и разспрашивана съ пристрастіемъ"; но и тутъ она не выдала княжны ни однимъ словомъ.

Только черезъ мѣсяцъ сидѣнья въ Петропавловской крѣпости Юленева изъ боязни смерти стала говорить о тѣхъ жалобахъ Юсуповой, которыя уже намъ извѣстны.

Этого было достаточно для Ушакова, чтобъ вновь начать розыскъ, ухватившись за намекъ, за слово, звучавшее именемъ княжны Юсуповой.

Имя это опять раздалось въ кабинетѣ государыни... Буря не прошла мимо забытой всѣми дѣвушки.

По приказанію императрицы, въ Петербургъ привезены были и Юсупова, и стряпчій Шпилкинъ. Княжну велѣно было привезти „секретно"; посланному за ней приказано было не болтать о томъ, что онъ везетъ ее въ тайную канцелярію; ему же приказано было доставить дѣвушку въ эту страшную канцелярію „въ ночныхъ часахъ".

И вотъ, княжна Юсупова снова увидала, хотя ночью, Петербургъ, въ которомъ ей когда-то жилось такъ счастливо.

Княжну привезъ капралъ преображенскаго полка Ханыковъ, секретно и также ночью арестовавшій ее въ монастырѣ, такъ что объ этомъ арестѣ и о тайномъ исчезновеніи княжны изъ монастыря знала одна только мать-игуменья, да дѣвка калмычка Марья, тоже привезенная въ Петербургъ.

Утромъ, 19-го марта, гордая нѣкогда княжна, а теперь колодница, приведена была въ тайную канцелярію. Тамъ она вновь увидѣла страшнаго Ушакова, который уже разъ допрашивалъ ее въ измайловскомъ саду и противъ котораго она и въ ссылкѣ имѣла такое горькое, грызущее, недоброе чувство.

Начался допросъ—допросы тогда были не то, что теперь...

Княжнѣ предъявили, будто бы она говорила неподобныя рѣчи о причинѣ своей ссылки.

Княжна отрицала обвиненіе.

— Вотъ что я говорила,—показывала дѣвушка: — батюшка мой служилъ и императору великому вѣрою и правдою, и о самодержавствіи ей, государынѣ, трудился и челобитную подавалъ, и коли бы батюшка мой живъ былъ, онъ бы сталъ просить у ея императорскаго величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де въ ссылкѣ не была.

Ей предъявили ея неподобныя рѣчи въ монастырѣ объ иноземцахъ.

И это она отрицала.

— Я говорила: нынѣ-де при дворѣ ея императорскаго величества имѣются многіе иноземцы и русскіе мужескаго и женскаго пола, и то я говорила, вѣдая о томъ, что при дворѣ ея императорскаго величества имѣются оберъ-камергеръ господинъ фонъ-Биронъ, да оберъ-гофмаршалъ господинъ фонъ-Левенвольдъ и другіе какъ иностранцы, такъ и русскіе, мужескаго и женскаго пола, а не въ другой какой силѣ.

Предъявили рѣчи ея о Калушкиной.

Дѣвушка упорно отрицаетъ — выгораживаетъ свою жизнь.

— О Калушкиной я говорила: когда я въ ссылку послана еще не была, то де матушка моя сказывала мнѣ, что троицкой архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня соизволила по означенную Калушкину послать, чтобъ той Калушкиной быть во дворѣ, и притомъ въ разговорахъ объ оной упоминала я въ монастырѣ: когда бъ де я могла, чтобъ де хотя у оной Калушкиной попросить, чтобъ она, излуча благополучное время, побила челомъ у государыни, чтобъ меня изъ монастыря освободить.

Предъявили ей слова, говоренныя будто бы ею о томъ, что императрица „больна бокомъ".

Дѣвушка не перестаетъ защищаться.

— Когда я, — отвѣчаетъ на этотъ пунктъ княжна: — живя въ монастырѣ услышала, что прислано извѣстіе о кончинѣ царевны Екатерины Ивановны, то зная, что и царица Прасковья Ѳеодоровна немоществовала ножками, то и говорила, что де всѣ, и ея императорское величество и сестрицы ея величества, государыни царевны нездоровы ножками.

Допрашивающіе не устаютъ: княжнѣ напомнили слова ея о допросѣ въ измайловскомъ саду.

Не устаетъ и дѣвушка защищать свою молодую жизнь.

О допросѣ въ измайловскомъ саду она показываетъ:

— Слова такія, что генералъ Ушаковъ взялъ допрашивать меня въ саду, я архимандриту Θеодосію и стряпчему Шпилкину говорила, когда они спрашивали меня о дѣлѣ — „за что де ты въ монастырь прислана, гдѣ была допрашивана?“ И на то я сказала, что де я не въ канцеляріи допрашивана. и притомъ объявила объ означенномъ имѣвшемъ мнѣ въ саду допросѣ... И это я говорила потому, что дѣйствительно, когда я по извѣстному дѣлу, по которому сослана въ монастырь, изъ дому отца своего взята и отвезена была въ измайловскій садъ, и въ томъ саду допрашивана была генераломъ Ушаковымъ да графомъ фонъ-Левенвольдомъ, а въ какой матеріи прежнее мое дѣло имѣлось, въ томъ архимандриту Θеодосію и стряпчему Шпилкину, и означенной дѣвкѣ, и никому я не говорила.

Ясно, что княжна никому не выдавала тайны, за что она пострадала— даже при допросѣ роковое слово не сорвалось съ языка дѣвушки.

Это должно было успокоить Ушакова — тайна допроса въ измайловскомъ саду навсегда осталась тайною.

Но Ушаковъ не остановился на этомъ.

Княжнѣ предъявили ея рѣчи о сержантѣ Шубинѣ.

Не легко было устоять противъ этого, самого крупнаго обвиненія.

— Я говорила такія слова,—отвѣчала подсудимая:—что де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни цесаревны ѣздовымъ, и какъ де еще въ монастырь я прислана не была, то де оный Шубинъ посланъ въ ссылку. И эти слова я говорила такъ, запросто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ, и что былъ онъ ѣздовымъ у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала я, а отъ кого—не упомню, что оный Шубинъ посланъ въ ссылку, а куда и за что — того я не знаю и ни отъ кого о томъ не слыхала.

Не остановились и на этомъ—надо было вести дѣло до конца.

Дана была очная ставка княжнѣ съ доносчицей, бывшей ея довѣренной, Юленевою-Шунею.

Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ встрѣтиться съ этой предательницей своей.

— Въ бытность княжны Прасковьи въ тихвинскомъ монастырѣ,—говорила Юленева:—въ день тезоименитства ея императорскаго величества, пришли къ кельѣ, въ которой княжна Прасковья жила, означеннаго дѣвичьяго монастыря попы для поздравленія со онымъ торжественнымъ днемъ, и княжна пускать ихъ въ келью къ себѣ мнѣ не велѣла. А какъ я говорила княжнѣ—„можно де ихъ пустить и для здравія государыни поднесть по чаркѣ вина“, и княжна Прасковья сказала: „я бы де рожна поднесла“...

Юленева обвиняла ее и въ томъ, будто она говорила ей: „первый де императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, и тогда де государыню и другихъ цесаревенъ царевнами не называли, а называли де только „Ивановными“.

— Поповъ не пустила я къ себѣ въ день тезоименитства ея императорскаго величества потому, что они были пьяны,—защищалась княжна:—о вниманіи ко мнѣ Петра Перваго говорила; о томъ, что царевенъ называли будто бы „Ивановными“—я не говорила.

Допросъ былъ доведенъ до конца. Больше спрашивать нечего.

Всѣ эти подробности Ушаковъ доложилъ императрицѣ.

Княжна все еще сидѣла въ тюрьмѣ роковой часъ не приходилъ.

Но вотъ, черезъ нѣсколько дней, входитъ къ ней въ казематъ Ушаковъ и объявляетъ волю государыни:

— Я докладывалъ о тебѣ императрицѣ, княжна Прасковья Григорьевна: она очень гнѣвна, что ты не говоришь подлинной истины, что ты болтала Аннѣ Юленевой и другимъ. Императрица приказала объявить тебѣ, чтобъ ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всемъ самую истину объявишь, то можешь ожидать всемилостивѣйшаго отъ ея императорскаго величества милосердія; буде же и нынѣ, по объявленіи тебѣ, Прасковьѣ, ея императорскаго величества высокаго милосердія о вышесказанномъ истины не покажешь, то впредь отъ ея императорскаго величества милосердія къ тебѣ, Прасковьѣ, показано не будетъ, а поступлено будетъ съ тобою, какъ по такимъ важнымъ дѣламъ съ другими поступается.

Измученная и допросами, и долгимъ сидѣньемъ въ казематѣ, и тоскливою жизнью въ ссылкѣ, наконецъ, пораженная послѣднею императорскою угрозою, княжна покорилась своей участи и сказала Ушакову, что она ничего не помнитъ, что говорила въ монастырѣ.

— Развѣ,—прибавила она:—вышеозначенныя всѣ слова я говорила отъ горести, въ печали, въ безпамятствѣ своемъ, потому что я отъ горести своей не токмо въ безпамятствѣ, но яко изумленная (безумная) была, и говаривала сумасбродственно, чего нынѣ помнить не могу.

Дѣвушка безсильно и напрасно цѣплялась за надежду.

Допрашивали потомъ и архимандрита Θеодосія, доставленнаго въ тайную канцелярію Θеофаномъ Прокоповичемъ—но и тутъ ничего новаго не узнали.

18-го апрѣля былъ послѣдній докладъ Ушакова у государыни.

Императрица приказала объявить подсудимой свое окончательное рѣшеніе.

„За злодѣйственныя и непристойныя слова, по силѣ государственныхъ правъ, хотя княжна и подлежитъ смертной казни, но ея императорское величество, милосердуя къ Юсуповой за службы ея отца, соизволила отъ смертной казни ее освободить, и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силѣ государственныхъ правъ—только изъ особливой ея императорскаго величества милости“.

Дѣвушкѣ дарили жизнь; но не радостна была эта жизнь.

Вмѣсто смерти, княжнѣ велѣно „учинить наказанье (бить кошками) и постричь ее въ монахини, а по постриженіи изъ тайной канцеляріи послать княжну подъ карауломъ въ дальній, крѣпкій дѣвичій монастырь, который по усмотрѣнію Θеофана, архіепископа новгородскаго, имѣетъ быть изобрѣтенъ, и быть оной, Юсуповой, въ томъ монастырѣ до кончины жизни ея неисходно“.

Вотъ что осталось ей вмѣсто жизни.

Оставалось исполнить въ точности приговоръ императрицы: постричь княжну Юсупову въ тайной канцеляріи для избѣжанія разглашеній.

Но какъ это сдѣлать? Это былъ первый случай, что въ тайной канцеляріи должно было совершиться постриженіе; а между тѣмъ, въ Петербургѣ, по неимѣнію ни одного женскаго монастыря, ни въ кладовыхъ тайной канцеляріи, и нигдѣ нельзя было найти монашескаго одѣянія и прочихъ иноческихъ принадлежностей.

Тогда Ушаковъ послалъ нарочнаго въ Новгородъ къ одному довѣренному лицу для секретной покупки всего, что нужно для новопостригаемой.

Скоро привезли и эту послѣднюю одежду для княжны Юсуповой.

Вотъ какова была цѣна послѣднихъ женскихъ нарядовъ блестящей нѣкогда дѣвушки высшаго круга:

Апостольникъ—3 копѣйки.

Повязка къ апостольнику—10 копѣекъ.

Крестъ – 4 копѣйки.

Парамонъ—2 копѣйки.

Наметка флеровая—50 копѣекъ.

Ряса нижняя съ узкими рукавами—90 копѣекъ.

Мантійка маленькая—8 копѣекъ.

Мантія большая, верхняя ряса съ широкими рукавами—3 рубля.

Ленты ременныя съ пряжкою—3 копѣйки.

Четки—1 копѣйка.

Свитка бѣлаго полотна—10 копѣекъ.

Все это княжеское облаченіе стоило 4 рубля 81 копѣйку.

А давно ли княжна Юсупова надѣвала на себя дорогія бальныя платья, цвѣты, брилліанты?.. Очень давно, впрочемъ: пять лѣтъ назадъ, пять долгихъ лѣтъ, состарившихъ дѣвушку.

30-го апрѣля 1735 года княжна была наказана „кошками".

Въ тотъ же день ее постригалъ синодальный членъ Чудова монастыря, архимандритъ Ааронъ.

У княжны Юсуповой уже не было княжескаго титула и ея дѣвическаго родового имени: въ инокиняхъ она наименована Проклою.

Передъ отправленіемъ въ вѣчную ссылку новопостриженной объявили въ тайной канцеляріи, чтобъ обо всемъ происходившемъ она молчала до могилы, подъ опасеніемъ смертной казни.

4-го мая инокиня Прокла вывезена была изъ Петербурга. Путь ея лежалъ въ Сибирь, въ тобольскую епархію, въ введенскій дѣвичій монастырь, состоявшій при Успенскомъ Далматовомъ монастырѣ.

Вотъ какой монастырь былъ „изобрѣтенъ" Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ силу повелѣнія императрицы.

Молодая инокиня Прокла выѣхала на пяти подводахъ. Съ нею была неразлучная спутница, дѣвка калмычка Марья. И бывшей княжнѣ, и калмычкѣ кормовыхъ денегъ въ дорогѣ велѣно было отпускать по 25 копѣекъ въ день.

Поѣздъ сопровождали три солдата и сержантъ Алексѣй Гурьевъ.

Дологъ былъ этотъ путь, по которому въ послѣдній разъ пришлось ѣхать княжнѣ Юсуповой.

Только 10-го августа сержантъ Гурьевъ воротился въ Петербургъ и доложилъ тайной канцеляріи:

— Княжну сдалъ благополучно въ тобольскій Введенскій монастырь. Но для своея предосторожности, дабы впредь мнѣ нижайшему чего не пришлось, объявляю, что дорогою княжна Прокла неоднократно его превосходительство генерала и кавалера и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова и дочь его превосходительства, и секретаря тайной канцеляріи, Николая Хрущова, бранила, и говаривала неоднократно: воздай де Богъ генерала Ушакова дочери такъ же, какъ и мнѣ; дай де Богъ здравствовать моей матушкѣ да государынѣ цесаревнѣ.

Это были единственныя дорогія ей имена—мать и цесаревна; о нихъ она и прежде вспоминала съ любовью.

Въ пути княжна часто просила приставниковъ своихъ, чтобъ ей дали жареную курицу. Гурьевъ замѣчалъ ей, что этого нельзя сдѣлать, такъ какъ ей, монахинѣ, мяса ѣсть не слѣдуетъ.

— Я ѣсть не стану,—отвѣчала княжна Прокла: — но хоть посмотрю на жареную курицу и сыта буду.

Но ей все-таки курицы не дали.

Какова была жизнь Юсуповой въ Сибири—неизвѣстно. Но что долгое заточеніе, тоска и полная безнадежность возврата къ прежней жизни окончательно истомили и ожесточили дѣвушку—въ этомъ и сомнѣнія не можетъ быть. Безконечно долгіе и однообразные дни тянутся въ неволѣ какъ вѣчность; одинъ день лѣниво смѣняетъ другой, все такой же долгій, тяжелый, безнадежный. Еще безконечнѣе тянутся мѣсяцы, годы—и только скоро эти годы, мѣсяцы и даже дни старѣютъ человѣка въ неволѣ.

Вотъ уже и третій годъ, какъ несчастная дѣвушка томится въ Сибири—восьмой годъ, какъ ее лишили свободы, взяли отъ матери.

Такая жизнь не усмирила ссыльной. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго донесенія тобольскаго Введенскаго монастыря отъ 6-го марта 1738 года:

„Монахиня Прокла нынѣ въ житіи своемъ стала являться весьма безчинна, а именно: первое — въ церковь божію ни на какое слово божіе ходить не стала; второе—монашенское одѣяніе съ себя сбросила и не носитъ; третіе—монашинскимъ именемъ, то есть Проклою не называется и звать не велитъ, а называется и велитъ именовать Прасковьею Григорьевою; четвертое—разсвирѣпѣвъ, учинилась монашескому обыкновенію противна и ни въ чемъ по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую къ ней изъ келарской келіи пищу не пріемлетъ, а временемъ и бросаетъ на полъ, и, ругаясь, говоритъ: „у меня собаки лучше того ѣдали щи“, и проситъ себѣ вснѣдь излишнихъ припасовъ, чтобъ всегда было свѣжее и живое“.

Не добромъ кончился для ссыльной и этотъ отзывъ.

Изъ Петербурга пришелъ строгій приказъ—княжну держать въ монастырѣ въ ножныхъ желѣзахъ, въ которыхъ водятъ каторжниковъ, и имѣть подъ карауломъ неисходно. Тайная канцелярія, по указу императрицы, предписывала монастырскому начальству: „Проклу наказать шелепами и объявить, что если не уймется, то будетъ жесточайше наказана“.

Не знаемъ, долго ли еще тянулась неудавшаяся жизнь этой дѣвушки и чѣмъ она кончилась: вѣроятно, ни Петръ Великій, цѣловавшій ребенка въ голову, ни сама дѣвушка не ожидали, что на эту голову, на которой покоилось лобзаніе царя-преобразователя, упадетъ столько тяжелыхъ испытаній.

А за что? Исторія пока не можетъ отвѣчать на это, да, быть можетъ, и никогда не отвѣтитъ.

VII.

Дочь Бирона.

(Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова, урожденная принцесса Биронъ).

Фамилія Бироновъ недолго оставалась на страницахъ русской исторіи: подобно такой же пришлой фамиліи Годуновыхъ, Бироны, съ грознымъ „временщикомъ“ во главѣ, слишкомъ временно и слишкомъ мимолетно появляются на горизонтѣ русской государственной жизни и подобно Годуновымъ исчезаютъ безслѣдно, хотя одно лицо изъ этой слишкомъ памятной Россіи фамиліи доживаетъ почти до девятнадцацатаго столѣтія, но въ неизвѣстности, нося чужую, вполнѣ уже русскую или обрусѣвшую фамилію.

Лицо это было —дочь Бирона, Гедвига.

Въ то время, когда Биронъ, еще не знатный, но уже отличенный передъ всѣми придворными Анны Іоанновны, жилъ въ Митавѣ при дворѣ своей покровительницы, будущей русской государыни, Анна Іоанновна женила его на бѣдной дѣвушкѣ изъ дворянской фамиліи фонъ-Трейденъ, Бенигнѣ-Готлибъ.

Въ этомъ бракѣ Бирономъ прижито было трое дѣтей: въ 1723 году родилась у него дочь, которую назвали Гедвигой, потомъ, въ 1724 году, родился сынъ Петръ и въ 1727 году сынъ Карлъ.

Маленькая Гедвига оказалась горбуньей: небольшой горбовой наростъ былъ у нея на спинѣ, однако, не слишкомъ безобразилъ ростъ и фигуру Гедвиги. Когда дѣвочка начала уже понимать свое положеніе, она увидѣла себя принадлежащею къ такой семьѣ, передъ которой раболѣпно преклонялся весь Петербургъ, и потому дѣвочка иначе не могла представить себѣ жизнь, какъ въ тѣхъ образахъ, въ какихъ она предстала передъ нею съ самаго ея младенчества: отецъ ея былъ графъ, оберъ-камергеръ русскаго двора и „временщикъ“.

Могущественный отецъ Гедвиги, всецѣло занятый сложными государственными дѣлами столько же, сколько придворными и дипломатическими

интригами, не могъ, конечно, отдавать своего времени наблюденію за воспитаніемъ дѣтей, и потому вполнѣ предоставилъ эту заботу женѣ своей, Бенигнѣ-Готлибъ. Бенигна-Готлибъ, по природѣ женщина не глупая, хотя съ ограниченнымъ образованіемъ, позаботилась дать своимъ дѣтямъ образованіе широкое, сообразное съ высокимъ государственнымъ саномъ ихъ отца: она не жалѣла на дѣтей денегъ, тѣмъ болѣе что государственныя сокровища были едва ли не въ безконтрольномъ распоряженіи ея мужа, всесильнаго временщика, выписала изъ Европы лучшихъ учителей, гувернеровъ и воспитателей, которые ввели въ програму воспитанія дѣтей всѣ науки, необходимыя для приготовленія къ государственной дѣятельности. Сама императрица принимала въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе: дѣтей Бирона она любила, какъ бы это были ея собственныя дѣти; она съ участіемъ слѣдила за ихъ воспитаніемъ; часто присутствовала во время классныхъ занятій; сама спрашивала уроки. Сыновья Бирона оказывали мало успѣховъ, учились вяло, были неразвиты, лѣнивы; но зато Гедвига подавала блистательныя надежды: это была умненькая, живая дѣвочка, въ ученіи она дѣлала быстрые успѣхи и въ общемъ развитіи шла впереди своихъ братьевъ. Но, безъ сомнѣнія, физическіе недостатки маленькой горбуньи отвратили отъ нея нѣжность отца, которому, конечно, желалось, чтобы дочѣ его блистала красотой, какъ онъ самъ блисталъ могуществомъ, чтобъ съ помощью этой красоты можно было войти въ связи съ могущественными особами, если не здѣсь, въ Россіи, то въ Европѣ. Биронъ часто не скрывалъ своего нерасположенія къ Гедвигѣ, преслѣдовалъ ее насмѣшками, попреками, какъ дурнушку. Самолюбивая и умненькая дѣвочка не могла не видѣть этой слишкомъ крайней холодности отца, и, сознавая свой умъ, свое превосходство передъ прочими, заключалась въ себѣ самой, а черезъ это выростила въ себѣ скрытность, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выработала себѣ волю и самостоятельность.

Когда Гедвигѣ было десять лѣтъ, въ 1737 году, отецъ ея былъ пожалованъ герцогскимъ достоинствомъ, и маленькую Гедвигу стали называть „принцессой". Ей дали придворный штатъ, фрейлинъ, камеръ-юнгферъ, пажей.

Когда Гедвигѣ было двѣнадцать лѣтъ, она явилась ко двору. Въ это время совершалась свадьба племянницы государыни, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны, съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгскимъ. Это было 3-го іюня 1739 года. Гедвига отправилась въ придворную церковь въ великолѣпной золоченой каретѣ, окруженная свитой. При свадебной церемоніи она стояла рядомъ съ государыней. За оффиціальнымъ придворнымъ обѣдомъ она сидѣла рядомъ съ новобрачными, а вечеромъ, во время придворнаго бала, управляла танцами.

Первое появленіе ея въ свѣтъ было вполнѣ удачно, и императрица осталась ею вполнѣ довольна. Молоденькая дѣвушка оказалась умна, ловка, находчива, и привлекла всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что это была дочь Бирона. Послѣ перваго выѣзда она уже являлась ко двору во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, и около нея образовалась толпа поклонниковъ:

вся блестящая молодежь того времени, всѣ придворные любезники окружали дочь Бирона; всѣ старались угодить ей, заслужить ея вниманіе, чтобъ, въ свою очередь, заслужить лестное вниманіе ея папаши. Это раболѣпство Гедвига, естественно, принимала какъ дань уваженія ея уму и талантамъ, какъ обаяніе ея красотой, и это тѣмъ болѣе было ей по душѣ и тѣмъ охотнѣе отдалась она наслажденію блистать и побѣждать, что дома она встрѣчала только обидное невниманіе или ужъ не въ мѣру обидную придирчивость отца.

Вмѣстѣ съ отцомъ и Гедвига раздѣляла милости императрицы. Въ то время, когда заключенъ былъ бѣлградскій миръ, въ 1740 году, Гедвига пожалована была портретомъ государыни, украшеннымъ бриллiантами, для ношенія на груди. Начали уже поговаривать, что государыня готовитъ ей жениха въ числѣ владѣтельныхъ особъ и что ее намѣрены помолвить за сына одной изъ германскихъ коронованныхъ особъ.

Гедвига видѣла впереди новый рядъ побѣдъ, нескончаемую лѣстницу почестей и избытокъ жизненнаго счастья.

Но жизнь не дала того, что ожидалось не одною Гедвигою...

Въ октябрѣ 1740 года императрица Анна Іанновна скончалась—и вмѣстѣ съ этимъ рухнуло могущество Бирона, рухнуло и счастье Гедвиги, такъ не надолго улыбавшееся ей.

Прошло 22 дня послѣ смерти императрицы, и Биронъ былъ уже обвиненъ въ государственной измѣнѣ, осужденъ и посаженъ въ крѣпость. Въ крѣпость посажена была и ни въ чемъ неповинная Гедвига, которой было только семнадцать лѣтъ. Вся семья Бирона сидѣла въ крѣпости семь съ половиною мѣсяцевъ, пока не вышло новое опредѣленіе суда—сослать всѣхъ Бироновъ на вѣчное житье въ Сибирь.

Въ Пелыми, въ томъ заброшенномъ сибирскомъ городкѣ, который, полтораста лѣтъ назадъ, заселенъ былъ ссыльными угличанами за то, что въ городѣ ихъ совершилось убійство царевича Димитрія и угличане отмстили его убійцамъ — въ этомъ далекомъ городкѣ для Бироновъ выстроили домъ о четырехъ комнатахъ и окружили его, какъ острогъ, высокимъ палисадомъ.

Вотъ куда поворотила звѣзда Гедвиги, загорѣвшаяся было на западномъ горизонтѣ...

За высокимъ пелымскимъ палисадомъ, среди снѣговъ, и грѣшный Биронъ, и неповинная Гедвига должны были кончать свою жизнь. Въ Сибирь Биронамъ позволено было взять часть своей прислуги, и въ томъ числѣ, для Гедвиги съ матерью, „дѣвку арапку Софью и дѣвку турчанку Катерину“.

Послѣ долгой и томительной дороги Бироны поселились въ Пелыми. Надорванный послѣдними событіями, Биронъ слегъ — онъ не привыкъ къ такимъ ударамъ: Гедвига и мать день и ночь чередовались около постели опальнаго вельможи и читали ему, въ утѣшеніе, святую библію.

Можно себѣ представить, что переживала молодая дѣвушка...

А Биронъ, въ ссылкѣ, больной, былъ еще раздражительнѣе: что

прежде, въ самовластныхъ порывахъ раздражительности, Биронъ изливалъ на всю Россію и давилъ ее собою, то теперь все почти обрушивалось на слабыя плечи нелюбимой имъ дочери горбуньи.

Но черезъ годъ до Бироновъ дошла вѣсть о новыхъ важныхъ событіяхъ въ далекомъ Петербургѣ: на престолъ вступила цесаревна Елизавета Петровна, и въ душѣ Бирона воскресла надежда на избавленіе, на возстаніе изъ его живой могилы. Онъ помнилъ, что дѣлалъ когда-то добро цесаревнѣ, и рѣшился писать ей о смягченіи своей тяжкой участи.

Благодарная императрица сжалилась надъ павшимъ величіемъ и приказала перевести Бироновъ въ Ярославль. Тамъ, на берегу Волги, отвели имъ большой каменный домъ, который долго потомъ показывали, какъ мѣстопребываніе нѣкогда страшнаго временщика.

Ярославль, казалось Гедвигѣ, стоялъ уже довольно близко къ тому мѣсту, гдѣ она была когда-то счастлива: вѣсти отъ Петербурга доходили до Ярославля гораздо скорѣе, чѣмъ до Пелыми—и Гедвига дозволила себѣ мечтать о возвращеніи потеряннаго счастья, тѣмъ болѣе, что и въ силѣ и въ паденіи отецъ ея оставался все тѣмъ же—онъ не любилъ свою дочь, а несчастье сдѣлало его характеръ еще болѣе жесткимъ.

Гедвига испробовала всѣ средства, чтобъ напомнить о себѣ въ Петербургѣ, чтобы имя ея произнеслось при императрицѣ, чтобы дворъ опять открылся передъ дочерью опальнаго отца: Гедвига думала найти путь ко двору чрезъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ новаго своего мѣстозаключенія; но вліятельныя лица Ярославля были безсильны открыть молодой и честолюбивой мечтательницѣ путь ко двору. Она рѣшилась писать къ любимцу государыни, графу Шувалову,— но это осталось только безполезной попыткой.

Такъ прошло восемь лѣтъ—восемь лучшихъ лѣтъ жизни.

Гедвига переживала уже двадцать шестой годъ этой странной жизни, исполненной страшныхъ, подавляющихъ контрастовъ — первая молодость ея проходила...

И вотъ, дѣвушка рѣшается бѣжать изъ отцовскаго дома, какъ, сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, бѣжала другая честолюбивая дѣвушка, Матрена Кочубей, но та бѣжала къ любимому человѣку, къ своему счастью, а эта за тѣмъ, чтобы искать этого счастья.

Въ началѣ весны 1749 года Гедвига узнала, что императрица переѣхала въ Москву и въ апрѣлѣ отправляется пѣшкомъ къ Троицѣ на богомолье. Гедвига узнала, что императрица только въ полутораста верстахъ отъ Ярославля—это такъ близко: близкимъ казалось молодой дѣвушкѣ и ея долгоискомое счастье.

15-го апрѣля ночью Гедвига бѣжала.

Надѣясь, что женщина скорѣе войдетъ въ ея положеніе, особенно, когда узнаетъ мотивы ея бѣгства, смѣлая дѣвушка въ эту же ночь явилась къ женѣ ярославскаго воеводы Пушкина, и, обливаясь слезами, объявила ей, что она рѣшилась на бѣгство отъ жестокости и преслѣдованій отца, что преслѣдованія эти воздвигнуты на нее за то, что она желаетъ

принять православіе и что она рѣшилась идти прямо къ императрицѣ, дойти до лавры и просить защиты доброй государыни. Пушкина рада была ухватиться за этотъ счастливый, случай, чтобъ самой отличиться передъ государыней, и тою же ночью, вмѣстѣ съ бѣглянкой отправилась въ лавру.

Въ лаврѣ обѣ женщины нашли то, чего искали. Пушкина представила Гедвигу первой статсъ-дамѣ государыни, Шуваловой, и та приняла участіе въ молодой дѣвушкѣ. Гедвига, обладая искусствомъ заслуживать общее расположеніе и побѣждать обаяніемъ своего ума, нашла въ Шуваловой сильную покровительницу, которая приняла въ ней самое горячее участіе. Дѣвушка представлена была императрицѣ, какъ несчастная жертва родительской тираніи, какъ существо, страдающее за тайную приверженность къ православію: то была „бѣдная овечка", ищущая своего стада, какъ представили это дѣло императрицѣ. Безъ словъ, но съ горькими слезами Гедвига упала передъ императрицей, и глубоко растрогала ее. Государыня обласкала дѣвушку, обѣщала свое покровительство, обѣщала даже быть ея матерью при крещеньѣ, которое и должно было совершиться въ Москвѣ.

Гедвига опять видѣла впереди свое потерянное счастье.

Дѣйствительно, черезъ три недѣли Гедвига была крещена въ церкви головинскаго дворца и названа Екатериною.

Весь дворъ заинтересованъ былъ этою необыкновенною дѣвушкою и ея участью. Интересъ возбуждался еще болѣе тѣмъ, что это была уже памятная всѣмъ горбунья, дочь Бирона, принцесса, передъ которой когда-то весь дворъ раболѣпствовалъ и которая видѣла уже и крѣпостные казематы, и далекую Сибирь, и снова, повидимому, шла въ гору. Гедвига скоро вошла въ довѣріе духовника императрицы, сдѣлалась домашнимъ человѣкомъ у Шуваловой и для нея создана была при дворѣ особая должность — второй надзирательницы за фрейлинами. Гедвига скоро вошла въ свою новую роль, объ ней опять заговорили, особенно же, когда она оказалась очень ловкою распорядительницею въ устроеніи участи молоденькихъ фрейлинъ, которыхъ она умѣла хорошо пристраивать замужъ.

Но она не ограничилась и этимъ положеніемъ. Она нашла при дворѣ новыхъ доброжелателей, и въ числѣ ихъ былъ гофмаршалъ двора великаго князя Петра Ѳедоровича, Чоглоковъ, обязанный Бирону тѣмъ, что герцогъ когда-то, еще когда былъ въ силѣ, взялъ молодого Чоглокова изъ кадетскаго корпуса въ конную гвардію и приблизилъ къ себѣ. Чоглоковъ ввелъ Гедвигу въ интимный кружокъ великаго князя, который тѣмъ болѣе полюбилъ дочь Бирона, что она была природная нѣмецкая принцесса и говорила съ нимъ по-нѣмецки. Великій князь любилъ съ ней говорить, повѣрялъ ей свои планы относительно обмундированія голштинскихъ солдатъ, и умная горбунья умѣла хорошо выслушивать будущаго императора, умѣла во время дать совѣтъ, сказать свое мнѣніе. Когда Гедвиги не было у великаго князя, то онъ и тогда не забывалъ ея, посылая ей отъ своего стола кушанья, лакомства, и вообще показывалъ ей свое расположеніе.

Но надо было думать и о замужествѣ Гедвиги. Гофмейстерина и другъ великой княгини Владиславова нашла ей жениха въ камергерѣ Петрѣ Салтыковѣ, котораго мать оказала немаловажную услугу императрицѣ при восшествіи ея на престолъ. Женитьба сына на Гедвигѣ, дочери Бирона, на принцессѣ, льстила самолюбію Салтыковой, и она приказала сыну ухаживать за дѣвушкой. Но Гедвига почему-то не благоволила къ Салтыкову и наотрѣзъ отказала ему. Салтыковъ, наученный матерью, бросился въ ноги императрицѣ, просилъ ея помощи въ его сердечномъ дѣлѣ, и когда императрица спросила Гедвигу, почему она отказываетъ такому прекрасному молодому человѣку — Гедвига отвѣчала, что она повинуется волѣ государыни. Это еще болѣе возвысило въ глазахъ государыни умненькую горбунью. Но ей все-таки не хотѣлось сдѣлаться Салтыковой и она умѣла такъ ловко повести дѣло, что опротивѣла жениху, и онъ поспѣшилъ жениться на княжнѣ Солнцевой. Императрица приняла еще болѣе горячее участіе въ покинутой, огорченной невѣстѣ. Тогда ей нашли другого жениха, князя Григорія Хованскаго; но этотъ уже самъ положительно не выносилъ своей горбатой невѣсты, и подъ разными предлогами уѣхалъ къ арміи.

Императрица нашла Гедвигѣ третьяго жениха — это былъ баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ, человѣкъ умный, образованный, веселый собесѣдникъ въ обществѣ, ловкій придворный, говорившій хорошо на трехъ иностранныхъ языкахъ—на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, съ самымъ ровнымъ характеромъ, у котораго только были двѣ невинныя, по тогдашнимъ понятіямъ, страсти: вино и хорошенькія женщины. Черкасовъ, желая угодить императрицѣ, сдѣлалъ предложеніе Гедвигѣ и получилъ ея согласіе. Сдѣлавшись женой Черкасова, Гедвига сумѣла заставить полюбить себя, и они дѣйствительно прожили съ мужемъ счастливо болѣе 35 лѣтъ.

Гедвига, нынѣ баронесса Черкасова, оставила дворъ и занялась исключительно воспитаніемъ дѣтей, которыхъ имѣла отъ Черкасова.

Она умерла въ 1796 году.

Подобно Ксеніи Годуновой, эта дочь Бирона, умирая, просила, чтобы ее похоронили вмѣстѣ съ ея знаменитымъ отцомъ и братьями.

Набальзамированный трупъ ея былъ перевезенъ въ Митаву, и тамъ, въ замкѣ, въ родовомъ склепѣ, дочь Бирона легла около тѣхъ, съ которыми она когда-то дѣлила могущество, славу, ссылку и—много семейнаго горя.

VIII.

Графиня Мавра Егоровна Шувалова,

урожденная Шепелева.

Между женскими личностями первой половины восемнадцатаго вѣка есть не мало такихъ, о которыхъ, повидимому, можно было бы совсѣмъ умолчать, какъ и объ остальной массѣ женщинъ, и жившихъ, и умиравшихъ безвѣст-

но и не оставившихъ о своемъ существованіи никакого слѣда въ исторіи, которымъ ни личною дѣятельностью, ни обстоятельствами жизни, ни даже отношеніями къ другимъ историческимъ личностямъ не суждено было выступить изъ неизвѣстности, выпадающей на долю всему, что дюжинно, безцвѣтно, что ни добромъ, ни зломъ не выдѣлилось въ историческую особь, не оставило послѣ себя, что называется, ни звука въ воздухѣ, ни слѣда на землѣ, ни строки на исторической страницѣ; но и въ этомъ числѣ есть такія, которыхъ, какъ ни безцвѣтно ихъ существованіе, обойти нельзя, потому что какое-нибудь слово, сказанное ими, какое-либо письмо, ими написанное, или дополняютъ картину своего времени, или составляютъ рѣдкій, характеристическій орнаментъ цѣлой исторической эпохи, или, наконецъ, освѣщаютъ положеніе другихъ историческихъ личностей.

Такою является фрейлина двора герцогини голштинской, несчастной цесаревны Анны Петровны, любимой дочери Петра Великаго, матери императора Петра III—Мавра Егоровна Шепелева.

Съ именемъ дѣвицы Шепелевой невольно связывается одно лишь воспоминаніе, но воспоминаніе очень рельефное: это ея письма къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, будущей императрицѣ русской.

Простыя, безхитростныя, наивныя, крайне притомъ безграмотныя письма дѣвушки обезсмертили имя Шепелевой, и говорить о Шепелевой—значитъ, говорить о ея письмахъ, которыя интереснѣе всей ея жизни и всѣхъ ея личныхъ дѣлъ, мелкихъ и ничтожныхъ въ общей суммѣ нашего историческаго прошлаго.

Мы поэтому и не будемъ почти говорить о Шепелевой, а скажемъ только о ея письмахъ: письма эти — колоритъ цѣлой эпохи и въ то же время портретъ и характеристика той, которая ихъ писала.

Мавра Шепелева происходила изъ стариннаго рода дворянъ Шепелевыхъ. Гдѣ она получила воспитаніе, неизвѣстно; но всего скорѣе слѣдуетъ предполагать, что воспитаніе это, какъ живое выраженіе того скуднаго педагогическаго питанія, которымъ довольствовалась тогда вся Россія, не многимъ разнилось отъ воспитанія женщины временъ еще стрѣлецкихъ; разница только въ томъ, что изъ тогдашнихъ женщинъ рѣдкая умѣла читать или начертать свое имя подъ какой-нибудь дарственной записью, Шепелева же сама пишетъ письма; черезъ руки Шепелевой, безъ сомнѣнія, прошли такія педагогическія руководства, какъ творенія Симеона Полоцкаго, Лазаря Барановича, а можетъ быть что-либо и поновѣе.

Какъ бы то ни было, но Шепелева является однимъ изъ экземпляровъ того, такъ сказать, новаго изданія русской женщины, которое явилось въ свѣтъ послѣ Петра, нѣсколько дополненное и исправленное, и къ которому принадлежитъ другой подобный же экземпляръ—княжна Александра Григорьевна Долгорукая, бывшая потомъ замужемъ за Салтыковымъ, родственникомъ царицы Прасковьи, и переписывавшаяся съ извѣстною Матреною Балкъ.

Однимъ словомъ, Шепелева умѣла писать письма въ то время еще,

когда не всѣ царицы умѣли это; но какъ она писала—это другой вопросъ.

Когда, послѣ Петра Великаго, цесаревна Анна Петровна вышла замужъ за герцога голштинскаго и съ своимъ супругомъ отправилась въ столицу Голштиніи, Киль, Мавра Шепелева находилась при особѣ молодой герцогини голштинской.

Уѣзжая въ Киль, Шепелева оставляла въ Россіи высокаго друга своего въ лицѣ младшей сестры герцогини Анны Петровны, цесаревны Елизаветы Петровны. Дружба эта выражалась не только въ милостивыхъ отношеніяхъ цесаревны къ придворной дѣвушкѣ, но и въ интимной перепискѣ, поддерживавшейся между Шепелевою и цесаревной. Послѣдняя называла „Маврутку" Шепелеву даже своею дочкою.

Первое извѣстное письмо Шепелевой къ цесаревнѣ относится къ 22-му октября 1727 года, слѣдовательно, къ самымъ первымъ мѣсяцамъ пребыванія герцогини Анны Петровны, а вмѣстѣ съ нею и Шепелевой, въ Килѣ.

Передаемъ это письмо съ дипломатическою и филологическою пунктуальностью—въ ней-то вся и сила.

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревна Елисаветъ Петровна!

„Доношу я вашему высочеству, что ихъ высочество слава Богу в добромъ здравье обретаются; при семъ же благодарствую за вашу высокую милость, что изъволили ко мнѣ писать, и въпреть прашу я вашева высочества, дабы незабъвесъна была, писмами. Еше шъ благодарствую за вашу высокую милость, что изволили ко мне, недостойной, прислать цытеръ католъ брилліантовой, и я не знаю, за что ваша высочество такъ меня, недостойною, жалуите. Данашу я вашему высочеству, что я кланилас Бышову, и он столько обрадовалъся, что пуще быть нельзя, и приказал вамъ свой поклонъ отдать, а принцъ Авъгустъ поехалъ по мать, и как он будетъ, то я ему отдамъ отъ вас поклон, и черезъ два дни будитъ к нам, и обы принцессы, и я вашему высочеству обстоятельно отпишу про всо. Еше шъ данашу, что пожалованъ Бышовъ въ гарънадеръску роту въ капитани поручики. А что вы изволили ко мне писать, чтобы я донесла цесаревни о перъсонахъ, и я ей донасила, и она приказала сказать: сколь скоро будитъ живописицъ изъ Франъцы, точасъ к вамъ пошлетъ перъсону Бышова и принцовъ обехъ, а въ Кили живописцы очень худи. Инова данашенія писать не имѣю, точію остаюс вашева высочества веръная раба Мавра Шепелева".

Таковъ былъ языкъ и такова грамматическая и литературная сила въ писаніяхъ придворной особы первой половины восемнадцатаго вѣка: особенно характерны такія выраженія какъ „еше шъ данашу" (т. е. „еще жъ доношу") и подобныя.

Съ слѣдующимъ письмомъ Шепелевой, отъ 26-го октября, мы уже познакомились въ предыдущемъ очеркѣ, относящемся къ герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ: это то письмо, въ которомъ Шепелева извѣщаетъ цесаревну Елизавету Петровну, что сестрица ея готовится къ предстоящимъ родамъ и запасаетъ „чепъчики и пелонки", что „по всякой день варошитъца у ней

въ брюхе будущей племянникъ или племянъница“ цесаревны (т. е., какъ оказалось впослѣдствіи, будущій императоръ Петръ III), что „в Кили очен дажди велики и вѣтри“, а „печи всо железьнія, и то маленкие“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 20 ноября, Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что къ нимъ въ Киль долженъ скоро быть почетный гость — „пренцесъ Элизабет мужъ“, и проситъ своего высокаго друга назвать ее, Маврутку, своею „дочерью“, какъ и прежде называла ее Елизавета Петровна.

„Матушка моя государыня цесаревна, Элизабетъ Петровъна!—пишетъ Шепелева.—Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица и зять вашъ, слава Богу, в добромъ здравье. Прашу я васъ, матушка цесаревна, даби я, бедная, незабвенъна была вашей высокой милости. Данашу вашему высочеству, что на етой недели будитъ к нам пренцесъ Элизабет мужъ будит. Инова вашему высочеству данасит не имею, точію остаюс веръная ваша раба, такъ же, ежели не перемените свою милос ка мне, что вы меня называли, то веръная ваша дочь Мавра Шепелева“.

Черезъ два мѣсяца Шепелева опять пишетъ въ Россію къ своему высокому другу и покровительницѣ, извѣщаетъ о здоровьѣ сестры ея, герцогини, о томъ, что у нихъ въ Килѣ долженъ быть 12-го января „банкетъ“ въ честь дня рожденія королевскаго высочества „по новому стилю“— Европа, какъ видно, и ее, Маврутку, научила различать „стили“; при этомъ Шепелева называетъ себя и вѣрною рабою цесаревны, и „дочерью“, и „холопкою и кузыною“.

„Всемилостивейша государыня цесаревна и мать моя!

„Во перъвыхъ данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, въ добромъ здравье. Прашу я ваша высочество, дабы я, ваша раба и дочь, на оставлена была вашей высокой милости. Данашу я вашему высочеству, что у нас севодьни банкетъ, ражденіе ево каралевскаго высочества по новому стилю, и будитъ много дамъ и кавалеровъ. Инова вашему высочеству данасить ничаго не имею, точію остаюсь веръная ваша раба и дочь, и холопка икузына Мавра Шепелева“.

Время, однако, близится къ развязкѣ; а какова должна была быть эта развязка, никто не зналъ.

18-го января Шепелева извѣщаетъ цесаревну, что сестрица ея „дожидаитца на етихъ дняхъ“ и поэтому приказала придворнымъ дамамъ и фрейлинамъ „готовить робы къ крестинамъ“, что, наконецъ, вслѣдствіе ожиданія родовъ, безъ приказу никто изъ придворныхъ дамъ не смѣетъ ходить къ беременной герцогинѣ.

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревна и матушка моя!

„Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ сдоровьи, и сестрица ваша дожидаитца на-етихъ дняхъ, и приказала намъ готовить робы крестинамъ, и дамы все делаютъ робы, и мы безъ приказу не ходимъ цесаревни. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имею, точію остаюся ваша раба и дочь, и кузына Мавра Шепелева“.

Въ письмѣ отъ 1-го февраля Шепелева пишетъ цесаревнѣ о смерти ихъ придворнаго пѣвчаго, по фамиліи Чайка: это, вѣроятно, бѣдный малороссъ, за свой хорошій голосъ (голосами, какъ видно, и тогда славилась Малороссія) взятый ко двору, подобно Разумовскому, и умершій вдали отъ своей родной Украины.

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревъна и матушка моя! — пишетъ Шепелева въ этомъ письмѣ. — Данашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу в добромъ здаровьи. Прашу я ваша высочество, чтобъ я не оставлена была вашей высокой милости. Еше шъ данашу, что у нас умеръ певъчей Чайка желчью. Еше шъ данашу, что у нас зыма стоитъ две недели. Инова я вашему высочеству къ данашенію писать не имею, точію остаюсь веръная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева“.

Въ это время герцогиня Анна Петровна разрѣшается отъ бремени сыномъ, будущимъ всероссійскимъ императоромъ Петромъ III, и Шепелева сообщаетъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, отъ 15-го февраля, о здоровьѣ ея маленькаго племянника и о томъ, что въ кормилицы ему взята была „отъ обаръ камаръгера“, а потомъ за болѣзнью этой кормилицы взята другая.

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревъна и матушка моя!

„Данашу я вашему высочеству, что ваша сестрица в добромъ здаровьи, и ево каралевское высочество и племянникъ вашъ в добром здаровьи, кармилица была у вашева племянника взета отъ обаръ камаръгера, и нине занемогшей и взяли другую кармилицу. Инова не имѣю, точію остаюс веръная ваша раба и дочь и кузына Мавра Шепелева“.

Послѣ этого письма слѣдуетъ перерывъ въ корреспонденціи до 25-го іюля 1728 года.

Въ теченіе этого промежутка, какъ извѣстно, умерла несчастная дочь Петра Великаго, которой жизнь вдали отъ родины далеко была не красива.

О смерти ея Шепелева ничего не пишетъ; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ письма ея объ этомъ собственно обстоятельствѣ. Пишетъ она только 25-го іюля, что въ Киль ожидаются корабли, тѣ, конечно, которые должны были перевезти тѣло умершей герцогини въ Россію, на родину, что навстрѣчу этимъ кораблямъ посылается изъ Киля большая яхта, что всѣмъ чинамъ и придворнымъ особамъ приказано съѣзжаться „на виносъ“ тѣла умершей, и Шепелева обѣщаетъ даже описать для Елизаветы Петровны церемонію выноса тѣла усопшей сестры ея.

Вотъ это любопытное письмо:

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревъна!

„Во перъвыхъ данашу вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добромъ здаровьи. Еше шъ данашу я вашему высочеству, что приставили къ принцу камаръ фроу Румерову жену, каторой камаръ фурьеръ у ево высочества. Дажидаимъ караблей суда завътря, или канешно посли завътрява, и послали яхъть балшую на въстречу, и приказалъ ево высочество съежатьца всем на винос, а понесутъ чрезъ вѣсь горотъ, и ежели я успею написать церемонію, то пошлю к вашему высо-

честву; надеюс, что карабли пробудутъ у нас неделю, потому что не въвсо готова. Боля вашему высочеству данасыть не имею, точію остаюсь веръная вашева высочества раба Мавра Шепелева".

Наконецъ, сохранилось еще одно письмо Шепелевой изъ Киля. Письмо это—образцовое произведеніе пера молоденькой русской фрейлины первой половины прошлаго вѣка, дѣвушки, повидимому, большой охотницы до описанія наружности красивыхъ кавалеровъ—и вообще это такое интересное посланіе, которое для насъ было бы дороже всякихъ другихъ историческихъ извѣстій о жизни Шепелевой, еслибъ эти извѣстія и сохранились въ достаточной полнотѣ. Въ письмѣ этомъ, кромѣ наивнаго восхищенія красотою разныхъ принцевъ, кромѣ подробнѣйшаго описанія ихъ наружности, походки, юлоса. фрейлина жалуется на обиліе въ Голштиніи пчелъ, которыя кусаются, и пренаивно хвалится своему другу, что купила она любопытную табакерку, а въ ней нарисована „персона", и что всего удивительнѣе для русской барышни—„персона" эта похожа на Елизавету Петровну, когда она нагая.

Приведемъ цѣликомъ это неподражаемое посланіе:

„Всемилостивѣйшая государыня цесаревна Элизабетъ Петровъна!

„Данашу я вашему высочеству, что ихъ величесво, слава Богу, в добром здравье. Позъдравляю васъ тезаименитъствомъ вашимь; дай, Боже, вамъ долъгія лета жить, и чтобъ ваша намереніе оканчалось, которо у насъ в Кили, и въсяко ваша намереніе оканчалось. Данашу я вашему цесарскому высочеству, что пріехалъ к намъ принцъ Орьдовъ и принцъ Авъгустъ. Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ харошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ харошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутурълинъ, и такъ тонокъ, глаза такія, какъ у вас цветомъ и такъ велики, ресницы черъныя, брови томнарусія, валоси такія, какъ у Семона Кириловича, белъ, не много почерънея покойника Бышова и румяницъ алой всегда въ щекахъ, зуби беліи и хараши, губи всегда али и хороши, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанъка походитъ на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молатъ, 19 летъ, воласи свои носитъ, и воласи по паесъ, руки паходятъ очинь на Бутурълина, и в Олександровъ день полажила на нево кавалерию цесаревна. Данашу вамъ по принъца Авъгуста: такъ великъ, какъ меньшой Жерепцовъ, и такъ толстъ, лицомъ очень похожъ на Бишова, и асанка и пахотка такая, какъ у Бишова была, и парики носитъ белія, в кашелке толъка, толстъ голос, и выежалъ герцохъ ихъ встречать отъ Киля за милю въ залатомъ берлини, а кавалери все веръхами, и геръцохъ и все кавалеры въ кавътанахъ цветънихъ, в камзоли черънія байковыя. Еше шъ данашу: пріѣхал за ними гофмейстеръ да оберъ егаръмейстеръ, и оберъ егаръмейстеръ очень похожъ на Алексѣя Яковлевыча Волъгова, лицомъ и осанкою, и нагами и руками. Еше шъ данашу, что у нас въ Кили такія дни харошія, какъ бы летомъ, и места мухъ впчели; какъ въ Питеръбурхи мухъ многа, такъ у насъ впчолъ, и укусила меня за руку пчела,

и я думала, что безъ руки буду, потаму что распухла и ломъ великой былъ три дени. Еше шъ данашу: купила я табакерку, и перъсона в ней пахожа на вашо высочество, какъ вы нагія. Еше шъ прашу я вашева цесаръскова высочества объ дядушке моемъ, прикажите ка мне отписать; слишили ми, буто онъ и Кашеловъ и Машковъ потъ карауломъ в гораде, и я прошу вачаева высочества матерьской вашей ко мнѣ милости, ежели ета нешастіе, прикожите меня увѣдомить. Инова вашему высочеству данасить не имею, точію рекамандую себя вамъ и остаюсь веръная ваша раба Маврутка Шепелева“.

Не навсегда, однако, суждено было Шепелевой оставаться въ Голштиніи: неизвѣстно, возвратилась ли она въ Россію вмѣстѣ съ бренными останками своей герцогини или въ послѣдующіе годы, только мы опять видимъ ее замужемъ уже за графомъ Шуваловымъ.

Какъ была Маврутка Шепелева любимицей цесаревны Елизаветы Петровны, такъ и осталась ея любимицей, когда была уже графиней Шуваловой, а Елизавета Петровна вступила на престолъ своего отца.

У новой императрицы Шуваловы становятся первыми сановниками и довѣренными лицами: Елизавета Петровна возводитъ свою любимицу Маврутку на самую высокую степень придворной іерархіи. Графиня Шувалова дѣлается первою статсъ-дамою государыни, и вліяніе ея при дворѣ становится такъ велико, что они съ мужемъ какъ бы повторяютъ собою роль, еще такъ недавно погибшихъ всесильныхъ временщиковъ,—Меншикова, Лестока, Бирона, съ тою только разницею, что благородно пользуются своимъ высокимъ положеніемъ и не обращаютъ его на злое дѣло, подобно хотя бы Бирону.

Мало того, графиня Шувалова является въ роли покровительницы одного изъ членовъ опальной семьи Бирона: когда дочь этого послѣдняго, Гедвига, по возвращеніи Бироновъ изъ Сибири въ Ярославль, бѣжала отъ суроваго отца, чтобъ искать милости у императрицы Елизаветы Петровны, Гедвига прежде всего нашла доступъ къ графинѣ Шуваловой, понравилась ей, разжалобила эту неизмѣнную любимицу государыни и, при ея покровительствѣ, вошла въ милость императрицы, при ея руководствѣ приняла православіе, снова взята была во дворъ и сдѣлала приличную партію, вышедши замужъ за барона Черкасова.

Вообще, какъ ни блестяща была жизнь графини Шуваловой въ періодъ ея могущества, какъ ни симпатична ея дѣятельность при дворѣ Елизаветы Петровны, но, въ качествѣ молоденькой фрейлины, пишущей такія наивныя и прелестныя по своей простотѣ письма, Маврутка Шепелева представляется намъ еще болѣе симпатичною.

IX.

Правительница Анна Леопольдовна.

Нѣтъ ничего пристрастнѣе и одностороннѣе отзывовъ современниковъ объ историческихъ личностяхъ, на какой бы высотѣ онѣ ни стояли, и

чѣмъ выше положеніе, занимаемое этими личностями, тѣмъ отзывы о нихъ пристрастнѣе: одинъ возводитъ такую личность на недосягаемую высоту, другой низводитъ ее ниже дѣйствительнаго уровня; оба силятся рельефнѣе отразить ее въ своемъ описательномъ рефракторѣ—и оба говорятъ, каждый съ своей точки зрѣнія, и правду, и неправду, и тамъ, гдѣ одинъ рисуетъ, повидимому, схожій портретъ личности, другой его искажаетъ.

Для біографа послѣдующихъ временъ современники описываемой личности являются Сциллою и Харибдою, и біографъ съ помощью самой осмотрительной критики долженъ отдѣлять истину отъ лжи, ощупывая, главнымъ образомъ больныя мѣста въ сказаніяхъ современниковъ.

Таковы отзывы этихъ послѣднихъ о женской личности, по однимъ — свѣтлымъ метеоромъ пролетѣвшей послѣ тяжелой бироновщины, по другимъ—безцвѣтно отсидѣвшей у трона и колыбельки своего сына малютки-императора и затѣмъ такъ же безцвѣтно дожившей свои молодые годы въ Холмогарахъ.

„Дочь герцогини мекленбургской,—говоритъ о ней леди Рондо,—взята императрицей вмѣсто родной дочери; ее зовутъ теперь принцессой Анной; она дѣвушка посредственной наружности, очень робка отъ природы, и нельзя еще сказать, что изъ нея будетъ“.

Въ другомъ мѣстѣ эта же современница говоритъ: „Принцесса Анна, на которую смотрятъ, какъ на наслѣдную принцессу, теперь уже находится въ такомъ возрастѣ, что могла бы заявить себя чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что ее воспитываютъ съ такою заботою; но въ ней нѣтъ ни красоты, ни граціи, и умъ ея не выказалъ еще ни одного блестящаго качества. Она держитъ себя очень степенно, говоритъ мало и никогда не смѣется, что́ мнѣ кажется неестественнымъ въ такой молодой особѣ и происходитъ, по моему мнѣнію, скорѣе отъ тупости, нежели отъ разсудительности. Все сказанное мною должно остаться между нами; вы, конечно, не знаете, что за готовность мою удовлетворить вашему любопытству меня могутъ повѣсить“.

Но, дѣлая этотъ нелестный для молодой дѣвушки отзывъ, хитрая англичанка и придворная очень хорошо знала, что ея не повѣсятъ, а, напротивъ, будутъ довольны ею, если письмо ея будетъ „перлюстровано“ Бирономъ.

Напротивъ, графъ Минихъ-сынъ, облагодѣтельствованный впослѣдствіи этою самою дѣвушкою, совершенно иныя краски кладетъ на ея портретъ.

„Принцесса Анна,—говоритъ онъ,—сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснѣе, какъ столь необходимое при дворѣ притворство и принужденіе, почему и произошло, что люди, пріобыкшіе въ прошлое правленіе къ грубѣйшимъ ласкательствамъ, несправедливо почитали ее надменною и якобы всѣхъ презирающею. Подъ видомъ внѣшней холодности, была она внутренно снисходительна. Принужденная жизнь, которую она вела отъ двѣнадцати лѣтъ своего возраста даже до кончины императрицы Анны Ивановны (почему тогда, кромѣ тор-

жественныхъ дней, никто посторонній къ ней входить не смѣлъ и за всѣми поступками ея строго присматривали) вселила въ ней такой вкусъ къ уединенію, что она всегда съ неудовольствіемъ наряжалась, когда во время ея регентства надлежало ей принимать и являться въ публикѣ. Пріятнѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила, и тутъ бывала она свободна и весела въ обхожденіи. Дѣла слушать и рѣшать не скучала она ни въ какое время, и дабы бѣдные люди способнѣе могли о нуждахъ своихъ ей представлять, назначенъ былъ одинъ день въ недѣлю, въ который дозволялось каждому прошеніе свое подавать во дворцѣ кабинетному секретарю. Она знала цѣнить истинныя достоинства и за оказанныя заслуги награждала богато и доброхотно. Великодушіе ея и скромность произвели, что она вовсе не была недовѣрчива, и многихъ основательныхъ требовалось доводовъ, пока она повѣритъ какому-либо, впрочемъ, и несомнѣнному обвиненію. Для снисканія ея благоволенія нужна была болѣе откровенность, нежели другія совершенства. Въ законѣ своемъ была она усердна, но отъ всякаго суевѣрія изъята. Хотя она привезена въ Россію на второмъ году возраста своего, однако, пособіемъ окружавшихъ ее иностранцевъ, знала нѣмецкій языкъ совершенно. По-французски разумѣла она лучше, нежели говорила. До чтенія книгъ была великая охотница; много читала на обоихъ помянутыхъ языкахъ и отмѣнный вкусъ имѣла къ драматическому стихотворенію. Она почитала много людей съ такъ называемымъ счастливымъ лицерасположеніемъ и судила большею частію по лицу о душевныхъ качествахъ человѣка. Къ домашнимъ служителямъ своимъ была она снисходительна и благотворна. Что касается внѣшняго вида ея, то была она роста средняго, собою статна и полна, волосы имѣла темноцвѣтные, а лиценачертаніе, хотя и не регулярно пригожее, однако, пріятное и благородное; въ одеждѣ была она великолѣпна и съ хорошимъ вкусомъ. Въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, по собственному изобрѣтенію, отчего большею частью убиралась не къ лицу".

Подобно этимъ двумъ современникамъ, видимо, другъ друга отрицающимъ въ отзывахъ своихъ объ Аннѣ Леопольдовнѣ, такіе же другъ друга отрицающіе отзывы о ней даютъ намъ и прочіе современники этой женщины: то она совершенство, то она ничтожество, и изъ-за этихъ отзывовъ обликъ разсматриваемой нами женщины вырисовывается какимъ-то блѣднымъ, вялымъ, безжизненнымъ.

Но личность эта получаетъ свою явственную физіономію, когда передъ нами проходитъ вся картина ея жизни — проходятъ и эти напудренные, принаряженные, но въ душѣ грубые льстецы, копающіе одинъ другому яму, и эти бироновскіе шпіовы, слѣдящіе за каждымъ шагомъ и движеніемъ молодой дѣвушки, и эти шуты и шутихи, жадные, завистливые, злые.

Двухлѣтнимъ ребенкомъ Анна Леопольдовна привезена была въ Россію. Она была дочь царевны Екатерины Іоанновны, внучка „скорбнаго главою" царя Іоанна Алексѣевича и суровой царицы Прасковьи Ѳедоровны

Салтыковой. Объ отцѣ ея, герцогѣ мекленбургъ-шверинскомъ Карлѣ-Леопольдѣ, иначе не говорили, какъ о „человѣкѣ крайне взбалмошномъ, грубомъ, сварливомъ и безпокойномъ, бывшемъ въ тягость и женѣ своей, и подданнымъ". О матери ея отзывались тоже не совсѣмъ лестно—что „въ ней очень мало скромности", что „она ничѣмъ не затрудняется и болтаетъ все, что ей приходитъ въ голову", что „она чрезвычайно толста и любитъ мужчинъ" (дюкъ де-Лирія).

Въ такой-то средѣ должна была выростать будущая правительница Россіи.

Мать Анны Леопольдовны, не будучи въ силахъ выносить деспотизмъ и грубость мужа, оставила его, и въ 1722 году уѣхала въ Россію, домой, подъ защиту своего могущественнаго „дядюшки-батюшки" Петра Великаго, захвативъ съ собою и маленькую свою дочку, принцессу Анну.

Когда умеръ Петръ, а за нимъ скоро отошла и императрица Екатерина Алексѣевна, а потомъ и молодой императоръ Петръ II, и когда изъ Митавы явилась Анна Іоанновна, тетка маленькой принцессы, явилась какъ самодержавная императрица, маленькая принцесса была взята ею за родную дочь, тѣмъ болѣе, что въ скоромъ времени принцесса осталась сироткою,—Екатерина Іоанновна умерла.

Положеніе маленькой принцессы быстро измѣнилось: она стала на виду, и притомъ въ самомъ двусмысленномъ, тяжеломъ положеніи.

Съ одной стороны, нѣмецкая партія, съ Остерманомъ и графомъ Левенвольдъ во главѣ, тайно разсчитывала видѣть въ ней преемницу Анны Іоанновны или, по крайней мѣрѣ, мать преемника; въ ней хотѣли видѣть соперницу цесаревны Елизаветы Петровны, которая для нѣмецкой партіи была не мила, не подходяща, потому что имѣла слишкомъ русскій нравственный обликъ и была несомнѣнно любима русскими. Съ другой стороны, Биронъ и боялся молоденькой принцессы, потому что она могла впослѣдствіи занять тронъ Анны Іоанновны, и мечталъ на ней построить свое безсмертіе, женивъ на ней своего сына, и приблизивъ его къ императорскому трону.

Вотъ почему съ самаго дѣтства Анна Леопольдовна стала предметомъ всѣхъ придворныхъ интригъ, нашептываній, поглядываній, заискиваній, наговариваній и такихъ отзывовъ, какъ отзывъ леди Рондо, и такихъ,—какъ графа Миниха. Это было яблоко раздора, которое соперники хотѣли, если не отнять другъ у друга цѣликомъ, то разломить на двое, а въ крайнемъ случаѣ—совсѣмъ растоптать.

Но вотъ нѣмецкая партія беретъ верхъ—и графъ Левенвольдъ ѣдетъ за границу искать для Анны Леопольдовны жениха.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, этотъ ловкій типъ обмоскалившагося малоросса, беретъ молодую принцессу подъ свое нравственное руководство. Съ другой стороны, въ руководительницы ей дается г-жа Адеркасъ, о которой леди Рондо говоритъ, что гувернантка эта, вдова французскаго генерала, „очень хороша собой, хотя и не молода", что она „обогатила свой природный умъ чтеніемъ", что „такъ какъ она долго жила при разныхъ

дворахъ, то ея знакомства искали лица всевозможныхъ званій, что и развило въ ней умственныя способности и сужденія", что „разговоръ ея можетъ нравиться и принцессѣ, и женѣ торговца, и каждая изъ нихъ будетъ удовлетворена ея бесѣдою", что „въ частномъ разговорѣ она никогда не забываетъ придворной вѣжливости, а при дворѣ—свободы частнаго разговора", что „въ бесѣдѣ она, какъ кажется, всегда ищетъ случая научиться чему-нибудь отъ тѣхъ, съ кѣмъ разговариваетъ", что, по ея мнѣнію, „найдется очень мало лицъ, которыя сами не научились бы отъ нея чему-либо" и т. д.,—а что говоритъ леди Рондо, то рѣдко бываетъ не пристрастно, какъ мы не разъ это и видѣли.

Ясно, что молодая принцесса, попавъ въ руки Ѳеофана Прокоповича и г-жи Адеркасъ, этой пройдохи, которую потомъ и выслали изъ Россіи, попала въ такую школу, изъ которой юному существу трудно выйти не изломаннымъ нравственно, особенно подъ перекрестнымъ огнемъ наблюденій со стороны Бирона, разныхъ шутовъ и шутихъ, нѣмецкой и русской партій.

Но вотъ и женихъ найденъ для принцессы: это былъ Антонъ-Ульрихъ, принцъ брауншвейгъ-беверн-люнебургскій.

Никому онъ не понравился въ Россіи — ни невѣстѣ, ни императрицѣ.

— Принцъ нравится мнѣ такъ же мало, какъ и принцессѣ,—говорила Анна Іоанновна Бирону:—но высокія особы не всегда соединяются по наклонности. Будь, что будетъ, только онъ никогда не долженъ имѣть участія въ правленіи; довольно и того, если дѣти его будутъ наслѣдниками. Впрочемъ, принцъ кажется мнѣ очень миролюбивымъ и уступчивымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, я не удалю его отъ двора, чтобъ не обидѣть австрійскаго императора.

Невѣста прямо показывала ему презрѣніе: это былъ бѣлокурый, робкій, тщедушный юноша и притомъ заика.

Его послали съ Минихомъ въ двѣ кампаніи. Онъ оттуда воротился загорѣлымъ офицеромъ, болѣе возмужалымъ. Но и возмужалаго Анна Леопольдовна не полюбила его: она любила уже красиваго саксонскаго посланника, графа Линара, и эту страсть поддерживала въ ней ея же гувернантка Адеркасъ.

— Вы, министры проклятые,—говорила она однажды Волынскому:—на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала; а все вы для своихъ интересовъ привели.

Волынскій оправдывался, что это не его дѣло, что все это устроилъ Остерманъ.

— Чѣмъ же вы, ваше величество, недовольны?—спрашивалъ Волынскій.

— Тѣмъ,—отвѣчала Анна Леопольдовна:—что принцъ весьма тихъ и въ поступкахъ не смѣлъ.

Ловкій придворный на это отвѣчалъ:

— Хотя въ его свѣтлости и есть какіе недостатки, то, напротивъ, въ вашемъ высочествѣ есть довольныя богодарованія, и для того можете ваше высочество тѣ недостатки снабдѣвать или награждать своимъ благоразуміемъ.

Но это не утѣшало молодую дѣвушку. Волынскій просилъ ее, по крайней мѣрѣ, не обнаруживать своего презрѣнія къ жениху при постороннихъ: „ибо въ томъ разумъ и честь вашего высочества состоитъ".

— Если же,—заключилъ онъ свои утѣшенія:—принцъ браунштейгскій тихъ, то тѣмъ лучше для вашего высочества, потому что онъ будетъ вамъ въ совѣтахъ и въ прочемъ послушенъ, и что ежели бы вашему высочеству супругомъ былъ принцъ Петръ Биронъ, это бы хуже для васъ.

Юнаго Бирона она, дѣйствительно, еще меньше могла выносить, чѣмъ тихаго Антона-Ульриха.

Какъ бы то ни было, но время свадьбы приближалось.

2-го іюля 1739 года совершено обрученіе жениха и невѣсты.

Очевидецъ этого грустнаго торжества говоритъ, что, когда всѣ присутствовавшіе при церемоніи размѣстились по своимъ мѣстамъ, „вошелъ принцъ, чтобы поблагодарить ея величество за согласіе на бракъ его съ принцессою: на женихѣ была бѣлая шелковая одежда, вышитая золотомъ; его очень длинные бѣлокурые волосы были завиты и распущены по плечамъ; мое воображеніе представляло его очень похожимъ на жертву. Когда онъ кончилъ свою рѣчь, императрица приказала ему встать около себя подъ балдахиномъ. Затѣмъ, великій канцлеръ и князь Черкасскій ввели принцессу, и когда она остановилась прямо противъ императрицы, то послѣдняя сказала ей, что изъявила согласіе на бракъ ея съ принцемъ браунштейгскимъ. При этихъ словахъ принцесса обвила руками шею тетки и залилась слезами; ея величество сохраняла нѣсколько времени важный видъ, но, наконецъ, сама заплакала. Послѣ рѣчи великаго маршала къ невѣстѣ, императрица, оправившись отъ волненія, взяла кольца принца и принцессы и обмѣняла ихъ, отдавъ принцу перстень принцессы, а ей — перстень принца. Потомъ она повѣсила портретъ принца на руку принцессы, обняла ихъ обоихъ и пожелала имъ счастія. Тогда подошла принцесса Елизавета Петровна и, заливаясь слезами, обняла и поздравила обрученную; но императрица отстранила ее, и принцесса, продолжая плакать, удалилась, предоставивъ другимъ продолжать поздравленія и цѣловать руку у новообрученной. Принцъ, поддерживая невѣсту, старался утѣшать ее и представлялъ очень глупую фигуру среди всѣхъ этихъ слезъ".

Мы уже видѣли свадебные обряды древней и новой Руси: видѣли, какъ въ XIII вѣкѣ, еще до татарскаго владычества, восьмилѣтняго ребенка, княжну Верхуславу отдавали замужъ за Ростислава Рюриковича; какъ, въ началѣ XVI вѣка, Елена Глинская выходила замужъ за великаго князя Василія Іоанновича; какъ, въ XVII вѣкѣ, Марья Ильинична Милославская вѣнчалась съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, — все это была древне-русская, завѣтная обрядность, и съ поѣзжанами, и съ тысяцкими, и съ дружками; видѣли, какъ Петръ Великій отдавалъ княжну-кесаревну Ромодановскую замужъ за Головкина и, по старому русскому обычаю, самъ былъ дружкою и сватомъ, а по новому—уже плясались на свадьбѣ экосезы и полонезы: тутъ старина съ новизной еще боролись.

Но вотъ передъ нами уже совершенно европейская свадьба царственныхъ особъ.

Антонъ-Ульрихъ въ церкви ожидаетъ невѣсту. А по Петербургу тянется ослѣпительно богатый кортежъ невѣсты, невеселой Анны Леопольдовны.

Прежде всего ѣдутъ кареты особъ, занимающихъ государственныя должности, и кареты высшаго дворянства. Экипажи—европейскіе, великолѣпные. Около каждаго по десяти лакеевъ, которые идутъ впереди каретъ, по два скорохода и по нѣскольку ряженыхъ челядинцевъ: тутъ есть и ряженые арапы, въ черномъ бархатномъ платьѣ, которое такъ плотно обхватываетъ тѣло, что скороходы кажутся нагими; головы ихъ украшены перьями, какъ у индѣйцевъ.

За этой массой каретъ и людей ѣдетъ принцъ Карлъ, младшій сынъ Бирона, въ каретѣ, предшествуемой двѣнадцатью слугами, четырьмя скороходами, двумя гайдуками и двумя дворянами, которые ѣдутъ верхомъ.

За нимъ слѣдуетъ его старшій братъ, принцъ Петръ—въ той же пышной обстановкѣ.

Затѣмъ самъ Биронъ, въ великолѣпнѣйшей каретѣ, предшествуемой двадцатью четырьмя слугами, восемью скороходами, четырьмя гайдуками, четырьмя пажами, шталмейстеромъ верхомъ на конѣ, маршаломъ и двумя камергерами; около каждаго—свои ливрейные слуги.

За Бирономъ—императрица съ невѣстой. Это—цѣлый особый поѣздъ: сорокъ восемь слугъ, двѣнадцать скороходовъ, двадцать четыре пажа съ ихъ наставникомъ, на конѣ; камергеры верхами; каждаго изъ нихъ сопровождаетъ скороходъ, держащій въ поводу лошадь, и два конныхъ лакея, въ собственной ливреѣ, съ подручными лошадьми; дворяне верхами; около каждаго два скорохода, ведущіе лошадь, и по четверо ливрейныхъ слугъ съ тремя подручными лошадьми; ливреи и сбруя—все это чрезвычайно богато; оберъ-шталмейстеръ, сопровождаемый всею конюшенною прислугою, конюхами и пикерами императрицы; оберъ-егермейстеръ, сопутствуемый всею охотничьею прислугою въ особыхъ одеждахъ; унтеръ-маршалъ двора съ жезломъ; оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ—и около каждаго своя ливрейная прислуга.

А уже тутъ—раскинутая на двѣ половины карета, необыкновенно великолѣпная, запряженная восемью лошадьми. Въ каретѣ—Анна Іоанновна и Анна Леопольдовна, одна противъ другой, и первая на почетномъ мѣстѣ. На невѣстѣ платье съ корсажемъ изъ серебряной ткани; корсажъ спереди весь покрытъ бриллiантами; завитые волосы раздѣлены на четыре косы, перевитыя бриллiантами, а на головѣ—маленькая бриллiантовая корона; множество бриллiантовъ блеститъ еще въ черныхъ волосахъ.

За поѣздомъ императрицы и невѣсты слѣдуетъ поѣздъ цесаревны Елизаветы Петровны: у нея—своя свита, свои семь каретъ съ придворнымъ штатомъ, расположеннымъ по чинамъ, какъ и у императрицы, съ тою только разницею, что у цесаревны штатъ менѣе штата императрицы.

За поѣздомъ Елизаветы Петровны—поѣздъ супруги Бирона и его дочери Гедвиги: и здѣсь такая же обширная свита, какъ и у цесаревны.

Кортежъ замыкается многочисленнымъ рядомъ каретъ, въ которыхъ ѣдутъ супруги сановниковъ и высшихъ дворянъ, окруженныя толпами ливрейныхъ лакеевъ, скороходовъ и араповъ. Роскошь и великолѣпіе каретъ и ливрей, по отзыву очевидца, „невыразимы".

Такъ празднуется царственная свадьба въ новой Руси, но, какъ и въ старой, въ Руси временъ Верхуславы, Сбыславы, Соломоніи Сабуровой, Ксеніи Годуновой, этимъ блескомъ и этою европейскою обстановкою не покупалось еще счастье русской женщины.

Не купила себѣ счастья и Анна Леопольдовна тѣмъ, что свадьба сыграна была съ такою поразительною пышностью.

Она, говорятъ, горько плакала, а всю первую ночь своего супружества провела въ дворцовомъ саду, одиноко бродя по аллеямъ.

Черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ этого горькаго брака у молодыхъ супруговъ родился сынъ Іоаннъ Антоновичъ, который на третьемъ мѣсяцѣ своей жизни объявленъ былъ императоромъ подъ именемъ Іоанна III, но горька была участь этого императора - младенца, родившагося отъ такого горькаго брака.

Анна Леопольдовна почти не видѣла своего сына: предназначивъ ему высокую долю, императрица взяла его отъ матери и помѣстила младенца около своей опочивальни.

— Я хочу исполнить все, что зависитъ отъ меня,—говорила она Бирону:—а что будетъ потомъ, зависитъ уже отъ воли Божіей. Вижу сама, что оставляю этого ребенка въ самомъ жалкомъ положеніи послѣ моей смерти, но я не въ силахъ ничѣмъ помочь ему, а отецъ и мать его тоже безсильны, особенно же отецъ, которому природа отказала даже въ самомъ необходимомъ для покровительства сына. Мать довольна умна, но у нея есть отецъ, извѣстный тиранъ и деспотъ: онъ, вѣрно, не замедлитъ сюда явиться, будетъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Мекленбургѣ, вовлечетъ Россію въ бѣдственныя войны и доведетъ ее до разоренія. Я боюсь, что по смерти моей будутъ поносить мою память.

Рѣшившись привести это намѣреніе въ исполненіе, императрица призываетъ къ себѣ Анну Леопольдовну, и объявляетъ ей свою волю. Говорятъ, послѣдняя была изумлена и смущена этимъ извѣстіемъ, потому что все еще питала въ себѣ надежду быть императрицей; однако, изъявила полную покорность.

1-го октября 1740 года Іоаннъ VI былъ объявленъ императоромъ и принималъ присягу своихъ подданныхъ: императору не было еще и двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія.

Чрезъ семнадцать дней послѣ этого скончалась и Анна Іоанновна. Умирая, она подписала манифестъ о назначеніи Бирона регентомъ имперіи, потому что ее просили объ этомъ высшіе сановники государства изъ боязни герцога курляндскаго.

— Господа! вы поступили какъ римляне!—сказалъ Биронъ членамъ верховнаго совѣта, объявляя имъ манифестъ о назначеніи его регентомъ.

Анна Леопольдовна осталась въ сторонѣ: она была только мать императора.

Мало того, въ день смерти императрицы, вмѣстѣ съ прочими царедворцами, она и мужъ ея, мать и отецъ, присягали въ вѣрности своему сыну и Бирону...

Аннѣ Леопольдовнѣ, матери императора, назначили двѣсти тысячъ рублей въ годъ на расходы и позволили жить вмѣстѣ съ императоромъ-сыномъ въ зимнемъ дворцѣ.

Началось правленіе Бирона. Это было только продолженіе того тяжелаго времени, которое уже пережила Россія за послѣдніе годы.

Переживала это время и Анна Леопольдовна.

Но жить становилось часъ-отъ-часу невыносимѣе. Тѣ, которыхъ Биронъ назвалъ „римлянами", не видѣли въ немъ ни ума Цезаря, ни хитрости Августа; а для отрицательныхъ достоинствъ Нерона и Каракаллы онъ былъ слишкомъ ничтоженъ.

И вотъ, около Анны Леопольдовны, какъ около ядра кристалла, начинаетъ формироваться нѣчто цѣльное, отдѣльное отъ Бирона и враждебное ему: это—Минихъ, Остерманъ, Манштейнъ, Ушаковъ и другіе.

А Биронъ, между тѣмъ. какъ конь, закусившій удила, самъ несся къ пропасти. Задумавъ женить сына на цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобъ и самому рядомъ съ сыномъ присѣсть на ступеньки трона, къ которому онъ теперь подходилъ только какъ регентъ императора Іоанна VI, и лелѣя въ душѣ сбыть этого послѣдняго, онъ выразился однажды передъ Анной Леопольдовной, въ минуту раздраженья, что можетъ ее тотчасъ же вмѣстѣ съ мужемъ отослать обратно въ Германію и что есть на свѣтѣ одинъ принцъ, въ Голштиніи, которому будетъ очень пріятно явиться въ Россію на ихъ мѣсто.

— И я это сдѣлаю,—сказалъ онъ въ запальчивости:—если только меня къ этому принудятъ.

Это было 7 ноября.

На другой день Миниху случилось остаться съ Анной Леопольдовной наединѣ. Молодая женщина, подъ вліяніемъ сдѣланнаго ей наканунѣ оскорбленія, все разсказала Миниху, припомнила и прежнія обиды, грубыя выходки, шпіонство, дерзости со стороны временщика и все, что дѣлало ея жизнь невыносимою. Она говорила, что не можетъ дольше оставаться въ Россіи и просила стараго фельдмаршала употребить съ своей стороны вліяніе, чтобъ Биронъ позволилъ ей взять съ собою сына.

Для Миниха, тайнаго врага Бирона, этого было достаточно. Онъ старался успокоить плачущую женщину. Онъ спрашивалъ, не повѣряла ли она еще кому-нибудь своихъ огорченій, и, получивъ въ отвѣтъ, что только ему одному рѣшилась она высказаться, потому что оскорбленія стали уже невыносимы, старый фельдмаршалъ прямо сказалъ ей, что, если она прикажетъ, Биронъ въ эту же ночь будетъ привезенъ къ ней арестантомъ.

Анна Леопольдовна рѣшилась. Минихъ просилъ ее только не открывать этой тайны никому, даже своему мужу.

Въ эту же ночь, Минихъ, взявъ съ собой адъютанта, подполковника Манштейна, отправился съ нимъ въ зимній дворецъ. На караулѣ стоялъ преображенскій полкъ, командиромъ котораго былъ Минихъ.

Пройдя задними воротами въ покои Анны Леопольдовны, Минихъ тотчасъ же приказалъ дѣвицѣ Юліанѣ Менгденъ, фавориткѣ принцессы, разбудить ее.

Въ это время проснулся Антонъ-Ульрихъ и спросилъ жену впросонкахъ, зачѣмъ она встаетъ такъ рано. Анна Леопольдовна отвѣчала, что ей сдѣлалось дурно, и принцъ снова уснулъ.

Она вышла къ Миниху. Фельдмаршалъ просилъ ее вмѣстѣ съ нимъ отправиться арестовать регента, но, когда она рѣшительно отказалась лично участвовать въ самомъ актѣ арестованія, Минихъ просилъ ее, по крайней мѣрѣ, призвать къ себѣ караульныхъ офицеровъ и поговорить съ ними о предстоящей имъ экспедиціи для арестованія регента.

Преображенцы были позваны. Вся трепещущая и взволнованная, Анна Леопольдовна разсказала имъ о своемъ безпомощномъ положеніи и дрожащимъ голосомъ отдала приказъ арестовать регента.

— Надѣюсь,—говорила она:—что вы сдѣлаете это для вашего императора и его родителей, а преданность ваша не останется безъ награды.

Преображенцы въ одинъ голосъ отвѣчали, что пойдутъ за фельдмаршаломъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ.

Анна Леопольдовна плакала, обнимая Миниха, а офицерамъ дала поцѣловать свою руку.

Преображенцы удалились. Пройдя въ комнату, смежную съ дѣтской, гдѣ спалъ младенецъ-императоръ, Анна Леопольдовна въ безсиліи опустилась на кровать къ дежурному камергеру, сыну фельдмаршала Миниха.

Пробужденный этой неожиданностью, Минихъ вскочилъ съ испугомъ, не понимая, что вокругъ него происходитъ.

— Мой любезный Минихъ,—говорила принцесса:—знаешь ли, что предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента... Дай Богъ, чтобъ это благополучно удалось!—прибавила она, помолчавъ.

Затѣмъ, Анна Леопольдовна, въ сопровожденіи Юліаны Менгденъ, отправилась въ дѣтскую, куда пришелъ и Антонъ-Ульрихъ.

Ребенокъ-императоръ спалъ.

Скоро явился и старикъ Минихъ съ извѣстіемъ, что Манштейнъ съ помощью двадцати преображенскихъ гренадеровъ благополучно совершилъ государственный переворотъ: Биронъ былъ арестованъ.

Изъ дворца тотчасъ же отправлены были гонцы ко всѣмъ министрамъ и сановникамъ съ приглашеніемъ прибыть въ дворцовую церковь для принесенія присяги матери императора. Собраны были ко дворцу и всѣ находившіеся въ Петербургѣ полки.

Страшнаго Бирона не существовало. Переворотъ совершенъ былъ такъ быстро и такъ неожиданно, что никто не хотѣлъ этому вѣрить.

„А нельзя было не повѣрить,—говоритъ одинъ изъ біографовъ Анны Леопольдовны,—что насталъ-таки этотъ желанный конецъ господству Би-

рона. Густыя толпы народа окружали зимній дворецъ, къ которому безпрестанно подъѣзжали экипажи, высаживавшіе разряженныхъ и раззолоченныхъ господъ. На площади выстроены были гвардейскіе полки съ распущенными знаменами. Всѣ лица выражали радость и признательность; всѣ голоса звучали весело и бодро. Анна Леопольдовна провозглашена была великой княгиней всероссійской и правительницей государства на все время несовершеннолѣтія императора. Какъ двадцать два дня тому назадъ, вельможи присягали ей въ дворцовой церкви, гвардія на площади, народъ—по разнымъ церквамъ. Не было только теперь, какъ двадцать два дня тому назадъ, ни патрулей, ни пушекъ на перекресткахъ, ни мрачныхъ и унылыхъ лицъ. Послѣ присяги, императоръ показанъ былъ полкамъ въ окошко и привѣтствуемъ громкимъ „ура"! Потомъ отслужили благодарственный молебенъ и пропѣли „Тебе Бога хвалимъ". Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, народъ плясалъ на площадяхъ; незнакомые люди, встрѣчаясь на улицахъ, обнимались какъ друзья, и плакали, какъ женщины—отъ полноты свѣтлыхъ ощущеній".

„Еще не было примѣра,—писалъ въ тотъ же день французскій посланникъ въ Петербургѣ, маркизъ де-ла-Шатарди, къ французскому посланнику въ Берлинѣ,—чтобъ въ здѣшнемъ дворцѣ собиралось столько народа, и весь этотъ народъ обнаруживалъ такую неподдѣльную радость, какъ сегодня".

Большія награды получили тѣ, которые такъ или иначе способствовали этому перевороту.

Щедро былъ награжденъ и Минихъ, главный руководитель всего этого дѣла и исполнитель переворота; но старикъ все-таки считалъ себя обойденнымъ въ милостяхъ: старый фельдмаршалъ надѣялся получить званіе генералиссимуса; но званіемъ этимъ Анна Леопольдовна наградила своего супруга.

Старый фельдмаршалъ не могъ скрыть своего неудовольствія, а Остерманъ, завидовавшій ему, не скупился на нашептыванья Аннѣ Леопольдовнѣ разныхъ неблагопріятныхъ для Миниха намековъ. Правительница стала его бояться.

— Фельдмаршалъ сдѣлалъ бы очень хорошо, если бы умеръ теперь,—сказала она по этому случаю.

Минихъ понялъ, что имъ не дорожатъ, и просилъ отставки. Анна Леопольдовна не удерживала его.

— Я могла воспользоваться плодами измѣны,—говорила она, намекая на произведенный Минихомъ переворотъ:—но не могу уважать измѣнника. Да и нельзя было выносить долѣе нестерпимаго высокомѣрія фельдмаршала. Онъ не обращалъ никакого вниманія на мои формальныя и неоднократныя приказанія, а мужу моему противорѣчилъ на каждомъ шагу. Ему никакъ нельзя довѣриться: онъ слишкомъ честолюбивъ и характера самаго безпокойнаго. Всего бы лучше ему теперь отправиться на покой въ свое украинское помѣстье. Я, право, не понимаю, отчего онъ туда не уѣдетъ?

Минихъ былъ уволенъ Анною Леопольдовною 7 марта 1741 года—ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ совершеннаго имъ переворота.

Удаленіе Миниха ускорено было именно тѣмъ лицомъ, которое имъ же было погублено четыре мѣсяца назадъ—Бирономъ: этотъ страшный арестантъ говорилъ своимъ судьямъ въ шлиссельбургской крѣпости, что онъ не принялъ бы регентства, если бъ его не умолялъ о томъ Минихъ, хотѣвшій даже стать передъ нимъ на колѣни, лишь бы Биронъ согласился.

— Я совѣтую великой княгинѣ остерегаться Миниха, какъ человѣка самаго опаснаго въ цѣлой имперіи,—говорилъ онъ:—и помнить всегда, что, если ея высочество хоть разъ откажетъ ему въ какой-нибудь его просьбѣ, она уже не можетъ почитать себя безопасною на престолѣ.

Но Анна Леопольдовна не предчувствовала, что и безъ Миниха ей не долго оставалось сидѣть на тронѣ своего сына малютки, для котораго тронъ Петра Великаго оказался слишкомъ высокъ...

У Петра оставалась еще дочь, о которой, повидимому, забыли въ моментъ переворота. Ее вспомнили послѣ—только тогда, когда она сама о себѣ напомнила.

Эта именно забывчивость, это невниманіе къ своему высокому посту и погубило Анну Леопольдовну, которую воспитаніе и привычки не научили помнить, что она—мать императора, и занимаетъ его тронъ до тѣхъ поръ, пока императору ничего, кромѣ колыбельки, не нужно было, и что положеніе это налагаетъ на человѣка тяжелыя обязанности.

А читая отзывы о ней современниковъ, нельзя не прійти къ заключенію, что она именно это и забыла.

Хотя мы вообще недовѣрчиво относимся къ свидѣтельствамъ современниковъ, какъ и высказали это выше, но если изъ сопоставленія этихъ отзывовъ выходитъ нѣчто цѣльное, опредѣленное, то слова современниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ и не могутъ не получать относительной степени достовѣрности.

Такъ, англійскій посланникъ Финчъ рисуетъ Анну Леопольдовну слѣдующими чертами:

„Правительница, кажется, одарена умомъ, проницательностью, хорошими природными качествами и человѣколюбіемъ; но она имѣетъ скрытный характеръ и слишкомъ любитъ уединяться. Она, видимо, страдаетъ, являясь въ публику, и предпочитаетъ проводить время въ обществѣ своей фаворитки и ея родныхъ. Всѣ дѣла пошли бы лучше, если бъ правительница чаще показывалась публикѣ и обладала бы той привѣтливостью, къ которой пріучены здѣшніе придворные прежними государями и которая произвела бы теперь самыя лучшія послѣдствія“.

Но любовь къ уединенію—это еще не такое качество, которое могло привести правленіе Анны Леопольдовны къ трагической развязкѣ; только въ соединеніи съ другими, болѣе положительными недостатками характера и невыдержанностью, качество это привело къ катастрофѣ.

Манштейнъ, напротивъ, рисуетъ черты Анны Леопольдовны болѣе яркими, но далеко не выгодными красками. Онъ говоритъ, что принцесса была чрезвычайно капризна, вспыльчива, безпечна и нерѣшительна, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ. Въ продолженіе своего годичнаго

регентства, она управляла кротко, любила дѣлать добро, но вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣла дѣлать его кстати. Въ образѣ жизни она подчинялась совершенно своей фавориткѣ, не обращала вниманія на совѣты министровъ и людей опытныхъ и не обладала ни однимъ качествомъ, необходимымъ для правителя. Ея постоянно печальный и скучный видъ происходилъ, можетъ быть, отъ непріятностей, испытанныхъ ею отъ герцога курляндскаго, въ царствованіе императрицы Анны".

Еще менѣе привлекательныя тѣни набрасываетъ на личность Анны Леопольдовна фельдмаршалъ, графъ Минихъ, ея личный врагъ послѣ своего паденія.

„Она,—говоритъ Минихъ,—съ самаго малолѣтства имѣла дурныя привычки, и родительница ея, царевна Екатерина Ивановна, мало обращала на нихъ вниманія. Опредѣленная къ ней воспитательницею госпожа Адеркасъ очень худо выполняла свои обязанности, за что и была выслана изъ Россіи съ повелѣніемъ никогда въ нее не возвращаться. Характеръ принцессы обнаруживался вполнѣ въ то время, какъ она сдѣлалась правительницею. Главнымъ природнымъ ея недостаткомъ было нерадѣніе къ дѣламъ. Она никогда не показывалась въ кабинетѣ. Не разъ, когда мнѣ случалось приходить къ ней съ отчетомъ по дѣламъ кабинета или испрашивать ея разрѣшеній, она, сознавая свою неспособность, говорила мнѣ: „Какъ бы я желала, чтобы сынъ мой выросъ поскорѣе и началъ самъ управлять дѣлами!" Она была очень невнимательна даже къ своему наряду: голову повязывала бѣлымъ платкомъ и часто въ спальномъ платьѣ ходила къ обѣднѣ, иногда оставалась даже въ такомъ костюмѣ въ обществѣ, за обѣдомъ и по вечерамъ, проводя ихъ въ карточной игрѣ съ избранными ею особами.

Въ то время, когда катастрофа еще не совершилась, друзья Анны Леопольдовны предупреждали ее, что опасность недалеко, что надо принять мѣры для своего спасенія. Ей указывали на возроставшую популярность Елизаветы Петровны, на то, что преображенцы, которые арестовали Бирона, стали теперь не ея друзьями, а друзьями, именно, Елизаветы Петровны—правительница ничего не хотѣла слушать.

— Ваше высочество!—говорилъ ей австрійскій посланникъ маркизъ де-Ботта:—вы на краю пропасти. Ради Бога, спасите себя, спасите императора, спасите вашего супруга!

И все это было напрасно: маркиза де-Ботту приглашали играть въ карты, и все забывалось.

Антона-Ульриха предупредили, что Лестокъ готовитъ переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны, и, когда онъ, сказавъ объ этомъ женѣ, присовокупилъ, что хочетъ арестовать Лестока, Анна Леопольдовна запретила ему это: она прямо сказала, что отвѣчаетъ за невинность Елизаветы Петровны.

А между, тѣмъ, тамъ дѣйствительно все уже было готово.

24-го ноября, ночью, Елизавета Петровна, въ сопровожденіи своихъ друзей, явилась къ гвардіи, къ тѣмъ самымъ преображенцамъ, которые еще такъ недавно арестовали Бирона, и объявила имъ свое намѣреніе. Пре-

ображенцы отвѣчали, что готовы перебить всѣхъ враговъ цесаревны; но это имъ было запрещено—и они повиновались.

Анна Леопольдовна въ это время спокойно спала въ своемъ дворцѣ. Спалъ и малютка-императоръ въ своей колыбели.

Съ шумомъ ввалилось тридцать преображенцевъ въ спальню правительницы. Она проснулась. Именемъ „императрицы Елизаветы“ преображенцы приказали ей слѣдовать за собою.

Анна Леопольдовна просила преображенцевъ дозволить ей повидаться съ новой императрицей — ей не позволили, и только торопили поскорѣе одѣваться.

Проснувшійся отъ этой суматохи Антонъ-Ульрихъ, обезумѣвъ отъ страха, неподвижно сидѣлъ на постели: второй разъ онъ не понималъ, что вокругъ него дѣлается; но тогда, въ первый разъ, онъ не понималъ, что жена его идетъ арестовать Бирона, а теперь не понималъ, что пришли арестовать его жену — правительницу.

Наконецъ, и онъ понялъ въ чемъ дѣло...

Съ отчаянья онъ сталъ упрекать жену въ томъ, что, не слушая ничьихъ предостереженій, она сама приготовила себѣ гибель.

— Слава Богу еще, что дѣло кончилось такъ мирно и спокойно, и что Елизавета достигла своей цѣли безъ кровопролитія,—отвѣчала она мужу:—и за эту милость надо благодарить Бога.

И въ эту минуту она оставалась вѣрна себѣ...

Антона-Ульриха, все еще сидѣвшаго на постели, солдаты завернули въ одѣяло—и вынесли на дворъ.

Тамъ ждали сани. Въ эти сани уложили царственныхъ супруговъ, закутали шубами, такъ какъ на дворѣ было холодно — и повезли въ дворецъ Елизаветы Петровны.

Изъ спальной комнаты правительницы преображенцы перешли въ дѣтскую.

Солдатамъ строго было запрещено будить младенца-императора.

„Окруживъ кроватку Іоанна Антоновича, почивавшаго безмятежнымъ сномъ своего счастливаго возраста, преображенцы терпѣливо дожидались его пробужденія (такъ описываютъ арестъ императора Іоанна VI). Когда же онъ проснулся, солдаты, взапуски одинъ передъ другимъ, старались завладѣть его особою. Ребенокъ кричалъ при видѣ незнакомыхъ людей съ грубыми движеніями и лицами, съ гремѣвшими ружьями, и тянулся къ своей кормилицѣ, прибѣжавшей на его крикъ изъ сосѣдней комнаты. Кормилица взяла его на руки, покачала, успокоила и, не смѣя ослушаться объявленнаго ей приказанія, передала своего питомца на руки одному изъ солдатъ. Плакавшій императоръ съ торжествомъ отнесенъ былъ въ дворцовую караульню, гдѣ дожидалась его сама цесаревна“.

И вотъ, начинается для Анны Леопольдовны новая жизнь—медленное приготовленіе къ преждевременной смерти.

Какъ ни безрадостна была вся первая половина жизни этой бѣдной женщины, однако, вторая половина ея была уже до такой степени тяжка,

что, какъ бы ни были велики передъ судомъ исторіи вины, можетъ быть, невольныя, этой несчастной женщины, вины эти едва ли заслуживали такого непомѣрно тяжкаго искупленія.

Вся жизнь ея—рядъ непрерываемыхъ давленій со стороны людей и обстоятельствъ.

Дѣтскіе годы проводятся на глазахъ у отца тирана, который мучитъ мать своего ребенка, мучитъ своихъ подданныхъ.

Мать Анны Леопольдовны не выноситъ такой жизни и бѣжитъ съ ребенкомъ въ Россію на родину.

Ребенокъ, повидимому, готовится къ самой счастливой жизни: впереди у нея корона на ея собственной головѣ или на головѣ ея сына.

Но это-то самое высокое назначеніе и дѣлаетъ для молодой принцессы жизнь пыткою: за ней шпіонитъ Биронъ, за ней шпіонятъ всѣ придворные, каждое ея слово переносится изъ кабинета въ кабинетъ; этотъ усиленный надзоръ пріучаетъ дѣвушку къ скрытности, скрытность и уединеніе дѣлаютъ то, что люди ей становятся противны; но она остается такъ же добра къ нимъ и мягка по природѣ.

Ее отдаютъ насильно замужъ, когда она любитъ другого. Но она и съ этимъ мирится.

Родился у нея сынъ, сына отнимаютъ у матери: поневолѣ пристрастишься къ картамъ.

Она мать русскаго императора, а ей грозятъ, что ее выгонятъ изъ Россіи.

Она проситъ, чтобы, изгоняя ее изъ Россіи, ей, по крайней мѣрѣ, позволили взять съ собой сына, — ее дѣлаютъ неограниченной правительницей Россіи.

Она думаетъ хоть тутъ успокоиться, отдохнуть, избрать такой образъ жизни, какой ей нравится—ей говорятъ, что она не смѣетъ жить такъ, какъ ей нравится. Ей ставятъ въ вину то, что она позволяетъ себѣ одно развлеченье—карты. Ей ставятъ въ вину то, что она скучна, что лицо ея не весело, что она ходитъ въ капотѣ, что она не чешется.

Но вотъ у нея и у ея сына берутъ престолъ и отдаютъ болѣе достойной личности—она покоряется.

Для нея остается одно—уѣхать на свою родину, съ мужемъ, съ лишеннымъ короны младенцемъ-императоромъ, и доживать тамъ свой вѣкъ. Ее дѣйствительно и отправляютъ на родину; но съ дороги возвращаютъ: ее настигаютъ въ Ригѣ и сажаютъ въ тамошнюю крѣпость.

Цѣлый годъ живетъ она съ своей семьей въ этомъ заточеніи; но это еще не все.

Черезъ годъ ее перевозятъ въ динаминдскую крѣпость, и опять держатъ годъ.

Въ крѣпости она родитъ двухъ дочерей, Екатерину и Елизавету: эти несчастныя дѣвочки появляются на свѣтъ божій прямо арестантками.

Черезъ годъ ихъ всѣхъ отвозятъ въ Раненбургъ, рязанской губерніи. Но бывшаго малютку-императора съ матерью, отцемъ и грудными

сестрами опасно оставлять и въ Раненбургѣ — и вотъ, ихъ разлучаютъ: младенца-императора отвозятъ въ шлиссельбургскую крѣпость, чтобъ враги царствующей особы не сдѣлали его орудіемъ своихъ замысловъ, а мать, отца и дѣвочекъ-сестеръ везутъ въ Холмогоры, на родину Ломоносова.

Съ тѣхъ поръ мать не видѣла уже больше своего сына.

Такимъ образомъ, Анна Леопольдовна, Антонъ-Ульрихъ и двѣ ихъ дочери-малютки, Екатерина и Елизавета, находятъ послѣдній пріютъ на пустынномъ островкѣ Двины, вдали отъ Петербурга, вдали отъ родины, вдали даже отъ Архангельска, потому что съ двинскаго островка арестантамъ никуда не было позволено отлучаться.

Какова же была эта послѣдняя жизнь Анны Леопольдовны и близкихъ ей существъ —мужа и двухъ дѣвочекъ?

Живутъ они подъ строгимъ надзоромъ. Къ нимъ приставлены особыя команды. Помѣщеніе ихъ—старый архіерейскій домъ, тотъ домъ, въ которомъ жилъ еще когда-то Аѳанасій, холмогорскій епископъ, присутствовавшій въ Москвѣ во время стрѣлецкаго бунта, когда, въ грановитой палатѣ, при чтеніи челобитной раскольниковъ, Никита Пустосвятъ, не убоявшись царевны Софьи Алексѣевны, ударилъ этого самаго епископа Аѳанасія. Домъ этотъ стоялъ вдали отъ другихъ домовъ и огороженъ былъ высокимъ палисадомъ.

Если узникамъ и позволялось выходить изъ этого дома, то они могли прогуливаться только по заглохшему саду, примыкавшему къ дому. Иногда имъ позволялось кататься, но не далѣе двухсотъ саженъ отъ дома.

И во время гулянья по саду, и во время катанья по двухсотсаженной площади за ссыльными наблюдали двѣ воинскія команды.

Время шло. Въ Холмогорахъ Анна Леопольдовна еще родила сына—Петра.

А, между тѣмъ, впереди еще такъ много жизни — молодой женщинѣ всего только двадцать шесть лѣтъ.

Проходитъ еще годъ. У Анны Леопольдовны уже и третій сынъ—Алексѣй. Но родовъ этого послѣдняго сына она не переноситъ.

Изъ Холмогоръ тѣло бывшей правительницы везутъ въ Петербургъ и погребаютъ въ Александро-невской лаврѣ, а мужъ и дѣти остаются въ Холмогорахъ, старшій сынъ, бывшій императоръ—въ шлиссельбургской крѣпости.

„Бывшая правительница россійской имперіи,—говоритъ біографъ Анны Леопольдовны,—до конца жизни сохранила свой неизмѣнный скучающій и разсѣянный видъ, къ которому только въ послѣдніе годы въ Холмогорахъ присоединилось выраженіе глубокаго, тяжкаго страданія и одной неотвязчивой и скорбной думы. Это была дума матери о сынѣ—о томъ бѣдномъ ребенкѣ, который нѣкогда такъ громогласно привѣтствуемъ былъ передъ зимнимъ дворцомъ гвардейскими полками, а теперь одиноко страдалъ и томился“.

По словамъ покойнаго академика Пекарскаго, въ дворцахъ сохранилось нѣсколько оригинальныхъ портретовъ Анны Леопольдовны, особенно же замѣчательный портретъ работы Каравака. На портретѣ гатчинскаго

дворца правительница изображена, по свидѣтельству того же академика, въ желтомъ капотѣ, съ подобранными подъ бѣлый платокъ, въ родѣ шапочки, непричесанными волосами. Черты лица не крупныя, съ выраженіемъ апатіи.

Оба Миниха были правы, говоря — первый, что женщина эта „въ уборкѣ волосъ никогда модѣ не слѣдовала, но собственному изобрѣтенію, отчего, большею частью, убиралась не къ лицу“, второй—что она голову повязывала бѣлымъ платкомъ и т. д.

Несчастія Анны Леопольдовны какъ бы по наслѣдству перешли ко всей ея семьѣ.

Антонъ-Ульрихъ прожилъ въ Холмогорахъ тридцать два года; будучи привезенъ туда съ своею злополучною женою еще молодымъ человѣкомъ. лѣтъ двадцати семи, двадцати восьми, онъ дожилъ тамъ до старости, убивая безконечные дни ссылки прогулками съ дѣтьми по заброшенному и высоко огороженному архіерейскому саду и катаясь, подъ надзоромъ солдатъ, непремѣнно не далѣе двухсотъ саженъ отъ своего острога.

Когда на престолъ взошла императрица Екатерина II, она предлагала ему свободу—выѣхать изъ Россіи, но только безъ дѣтей: Антонъ-Ульрихъ отказался отъ такой свободы, потому что въ ссылкѣ онъ ослѣпъ, а безъ дѣтей слѣпому старику и свобода не казалась свободою.

Такъ въ Холмогорахъ онъ и умеръ, переживъ не только жену, но и своего первенца сына-императора: Іоаннъ Антоновичъ, все время остававшійся въ крѣпости, былъ убитъ во время заговора Мировича, и только одинъ Мировичъ отдалъ царскія почести трупу убитаго императора, упавъ передъ нимъ на колѣни вмѣстѣ съ своею караульною командою.

Остальныя дѣти Анны Леопольдовны около сорока лѣтъ оставались въ Холмогорахъ: привезенные туда младенцами, они въ ссылкѣ выросли и возмужали, и другой жизни, кромѣ жизни арестантовъ, не понимали.

Въ 1780 году родная сестра Антона-Ульриха, вдовствовавшая королева датская Юліана-Марія исходатайствовала, наконецъ, дѣтямъ Анны Леопольдовны свободу, которая была для нихъ и страшна, и уже несвоевременна. Эти совершенно невиные узники, говорятъ, такъ привыкли къ мѣсту своего заточенія, въ которомъ выросли и возмужали, что сначала извѣстіе о свободѣ просто испугало ихъ, и они хотѣли лучше остаться въ Холмогорахъ, лишь бы только имъ позволили отъѣзжать далѣе двухсотъ саженъ отъ тюрьмы.

Послѣ Холмогоръ ихъ поселили въ Ютландіи, въ городѣ Горзенсѣ: безъ сомнѣнія, они тамъ уже скучали о Холмогорахъ, гдѣ прожили около сорока лѣтъ и гдѣ протекло ихъ, все же, какъ бы оно ни было тяжело, золотое дѣтство.

Такимъ образомъ, права была Анна Леопольдовна, когда еще молоденькой дѣвушкой говорила Волынскому о своемъ нежеланіи выходить замужъ.

— Вы, министры проклятые, на это привели... А все вы это для своихъ интересовъ привели...

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВЫ.		СТР.
I.	Графиня Головкина	109
II.	Княжна Меншикова (невѣста Петра II)	118
III.	Графиня Брюсъ (невѣста Петра I)	130
IV.	Наталья Долгорукая	139
V.	Анна Іоанновна	150
VI.	Княжна Юсупова	171
VII.	Дочь Бирона	182
VIII.	Графиня Мавра Шувалова	187
IX.	Анна Леопольдовна	193

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ

Біографическіе очерки изъ русской исторіи.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЖЕНЩИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Томъ XXXVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюля 1902 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Спб., Фонтанка 95.

Аннѣ Никаноровнѣ Мордовцевой,
Вѣрѣ Даниловнѣ Мордовцевой,
Натальѣ Іосифовнѣ Первольфъ,

съ любовью посвящаетъ

мужъ, отецъ и дѣдушка—авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческая русская женщина второй половины восемнадцатаго вѣка едва ли не болѣе чѣмъ какая-либо другая отражаетъ въ себѣ наиболѣе существенныя стороны всей нашей исторической—государственной и общественной—жизни: выступавшія на историческую и общественную арену, въ это именно полустолѣтіе, женщины, ихъ нравственная физіономія, ихъ дѣятельность, ихъ стремленія и задушевныя симпатіи, ихъ, наконецъ, личныя добродѣтели и пороки ярко и отчетливо, какъ гулкое эхо, выражаютъ все то, чѣмъ жила, крѣпла, прославлялась, скорбѣла и болѣла русская земля за это же полустолѣтіе.

Дѣйствительно, почти каждая женщина, такъ или иначе выдвигавшаяся изъ ряда личностей, не замѣчаемыхъ и не сохраняемыхъ исторіею, является такимъ, хорошо отполированнымъ, историческимъ рефракторомъ, въ которомъ можно видѣть, если не всю современную ей эпоху, то, по малой мѣрѣ, самыя характеристическія ея стороны, потребности, стремленія.

Въ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, стоящей на рубежѣ двухъ половинъ восемнадцатаго столѣтія, мы видимъ какъ бы отраженіе и ея великаго родителя, показывающаго русской землѣ на западъ и на добрые плоды его цивилизаціи, и тѣхъ осторожныхъ русскихъ людей, которые казались смѣшными, защищая свои бороды и свои боярскіе охабни, но которые, когда увлеченіе западомъ нѣсколько поулеглось, показали, что, не отвергая пользы и необходимости западной цивилизаціи, нельзя въ то же время не дорожить и русскою бородою, какъ выраженіемъ отчасти русскаго національнаго облика, и русскимъ зипуномъ, какъ историческимъ одѣяніемъ русскаго народа, и русскою рѣчью, и русскою пѣсней, какъ неотъемлемымъ историческимъ достояніемъ того же народа.

Къ этому-то народу и обращено было отчасти лицо Елизаветы Петровны, какъ обратилось тогда къ русскому народу лицо всей почти русской интеллигенціи, начиная отъ Ломоносова и Сумарокова и кончая ихъ ученицами и дочерьми.

Въ этихъ ученицахъ и дочеряхъ Ломоносова и Сумарокова, въ Княжниной и Ржевской, мы видимъ уже разумную оцѣнку русской рѣчи и сознаніе права на литературное существованіе этой рѣчи.

Едва ли не ученицею и послѣдовательницею Елизаветы Петровны, равно какъ ученицею и послѣдовательницею Ломоносова и Сумарокова, по отношенію къ удовлетворенію требованій русскаго національнаго чувства, является и массивная личность Екатерины II: она только геніально продолжаетъ то, что начали раньше ея; при ней русская литературная рѣчь пріобрѣтаетъ вѣсъ и почетъ въ обществѣ, какъ русское имя пріобрѣтаетъ вѣсъ и почетъ въ Европѣ въ лицѣ княгини Дашковой.

Рядомъ съ Екатериной и идетъ эта именно Дашкова, русская женщина, съ честью носившая мундиръ президента академіи наукъ.

За ними слѣдуютъ женщины - писательницы: это было требованіе вѣка, требованіе двора, требованіе общества.

Несчастная „Салтычиха" выражаетъ собою ту болѣзненную сторону русской жизни, которой излѣченіе совершилось только въ XIX столѣтіе и въ которой ни Салтычиха, ни подобная же ей г-жа фонъ-Эттингеръ такъ же не повинны, какъ не повинна княжна Тараканова въ томъ, за что она должна была кончить жизнь въ монастырскомъ уединеніи.

Другая княжна Тараканова, самозванка—это отчасти отраженіе польской интриги, вызванной паденіемъ этой исторически не удавшейся державы.

Въ Глафирѣ Ржевской и Екатеринѣ Нелидовой, заканчивающихъ собою восемнадцатый вѣкъ, мы видимъ уже новое явленіе, переходящее и въ девятнадцатый вѣкъ,—это появленіе на Руси, въ разныхъ видахъ и съ безконечно разнообразною нравственною физіономіею, историческаго типа институтки, смолянки, монастырки, которыя имѣютъ свою, полную содержанія, исторію.

Насколько удалось намъ въ настоящихъ біографическихъ очеркахъ по возможности выяснить хотя часть того, что выразила собою русская женщина второй половины восемнадцатаго столѣтія, предоставляемъ судить любознательному и снисходительному читателю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Императрица Елизавета Петровна.

Мы уже познакомились съ печальной судьбою старшей и любимѣйшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны, герцогини голштинской.

Иная участь ожидала ея младшую сестру, цесаревну Елизавету Петровну.

Рожденная въ годъ полтавской побѣды, въ годъ перваго и полнаго торжества Россіи, отплатившей своимъ учителямъ-нѣмцамъ за ту зависть и то недоброжелательство, съ которыми они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій старались загородить отъ русскаго народа западъ и его цивилизацію,—эта дочь преобразователя Россіи пережила всю первую половину прошлаго столѣтія, видѣла и вторженіе въ русскую землю, вмѣстѣ съ новыми порядками, западныхъ хищниковъ, то въ видѣ разныхъ „иноземокъ“ и „иноземцевъ“, эксплуатировавшихъ все, что поддавалось ихъ эксплуатаціи, то въ видѣ временщиковъ и временщицъ, подъ пятою которыхъ окончательно умерла старая русская земская дума, загнанная подъ эту пяту, перерядившимъ ее въ нѣмецкій кафтанъ и обрившимъ ее, Петромъ, который не замѣтилъ, что съ отрѣзаніемъ бороды у русской земской думы, какъ у обстриженнаго библейскаго Сампсона, пропала вся богатырская сила,—видѣла и бироновщину, и лестоковщину, и остермановщину, и дожила, наконецъ, до той поры, когда, со второй половины прошлаго вѣка, ошеломленная новизною, Русь нѣсколько одумалась, нѣсколько отростила свою бороду и снова какъ бы начала учиться и говорить, и дѣйствовать по-русски, но только нѣсколько иначе, по-новому.

Однимъ словомъ, Елизавета Петровна со спутницами своими, какъ Мавра Шепелева и другія женщины, стоитъ на рубежѣ двухъ половинъ прошлаго вѣка, всѣмъ своимъ прошедшимъ принадлежа первой, а нѣкоторыми проявленіями своей жизни и жизни ея окружавшихъ послѣдней половинѣ.

Когда умеръ Петръ, цесаревнѣ Елизаветѣ не было еще и шестнадцати лѣтъ. Со смертью матери, императрицы Екатерины I, восемнадцатилѣтняя цесаревна осталась круглой сиротой.

На престолѣ былъ ея племянникъ, Петръ II, юноша, котораго, словно стѣною, отдѣляли отъ цесаревны-тетки его фавориты. Племянница ея, сестра императора, цесаревна Наталья Алексѣевна, была также слишкомъ молода, чтобы быть другомъ и поддержкой Елизаветы Петровны. Бабушка

императора, царица Авдотья Өедоровна, естественно должна была не любить дочери той женщины, которая, хотя и не по своей волѣ, отняла у нея мужа и могла считаться виновницею ея заточенія и даже злополучной кончины ея сына, цесаревича Алексѣя. Другія царевны, дочери царя Ивана Алексѣевича, были совершенно въ сторонѣ и, опять-таки, чужды Елизаветѣ Петровнѣ. Во всей царской семьѣ она казалась чуждою, а когда пошелъ въ ссылку со своими дѣтьми Меншиковъ, другъ ея отца, цесаревна потеряла уваженіе даже придворныхъ и сановниковъ, какъ личность одинокая, безсильная, не имѣющая будущаго.

Былъ у нея женихъ, голштинскій принцъ Карлъ-Августъ, епископъ любскій, но и тотъ умеръ почти одновременно съ матерью цесаревны, Екатериною I.

Сестра ея, Анна Петровна, тоже, по смерти матери, оставила Россію вмѣстѣ съ мужемъ—и томилась не радостною жизнью въ Килѣ. Въ этотъ Киль уѣхалъ и единственный другъ Елизаветы Петровны, дѣвица Мавра Шепелева: переписка съ этой послѣдней и составляла единственное ея утѣшеніе.

Одно время молодая цесаревна явилась было во всей императорской семьѣ звѣздою первой величины; но это было не надолго. Остерманъ, какъ умный нѣмецъ, въ видахъ политическихъ и придворныхъ, хотѣлъ было устроить чисто нѣмецкій бракъ: онъ задался мыслью, что было бы полезно соединить потомство Петра Великаго въ одну линію, чтобы пресѣченіемъ враждебныхъ одна другой вѣтвей этой линіи избавить Россію отъ опаснаго соперничества между собою двухъ родовъ, какъ оно въ дѣйствительности и было, и единственнымъ средствомъ для этого онъ находилъ женитьбу молодого императора на своей теткѣ, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Не въ мѣру глубокомысленная выдумка, повидимому, удавалась: молодой императоръ страстно привязался къ своей теткѣ-красавицѣ; между теткой и племянникомъ установились на нѣкоторое время самыя близкія, самыя короткія отношенія. Любовь императора къ Елизаветѣ Петровнѣ сначала старались поддержать и Долгорукіе, самыя близкія къ молодому государю лица. Они имѣли тутъ свой разсчетъ. На юнаго императора оказывала большое вліяніе старшая его сестра Наталья Алексѣевна. Такъ, мы видѣли, что когда Меншиковъ вздумалъ было женить его на своей дочери, ребенокъ-императоръ на колѣняхъ умолялъ сестру не женить его, обѣщая ей даже подарить самую дорогую для него вещь — часы. Этого вліянія Натальи Алексѣевны боялись Долгорукіе, всецѣло завладѣвшіе волею молодого государя. Противовѣсомъ для Натальи Алексѣевны они избрали сначала цесаревну Елизавету Петровну, и мальчикъ окончательно былъ побѣжденъ красотою и ласками своей тетки. Очарованный ея прелестями, Петръ II, говорятъ, предался своей страсти со всѣмъ пыломъ молодости, не скрывалъ своей любви даже въ многолюдныхъ собраніяхъ и безусловно слѣдовалъ ея внушеніямъ.

Долгорукіе испугались: они не думали, что такъ далеко зайдетъ сближеніе племянника съ теткою, и постарались удалить Елизавету Петровну,

выставивъ для молодого государя предмстъ новой привязанности — красавицу Екатерину Алексѣевну Долгорукую, сестру царскаго фаворита, и тѣмъ, какъ мы видѣли, погубили бѣдную дѣвушку, сдѣлавшуюся жертвою этихъ придворныхъ комбинацій и невозможныхъ брачныхъ амальгамированій.

Для удаленія Елизаветы Петровны Долгорукіе выдумали соединить ее бракомъ съ принцемъ Морицемъ саксонскимъ, котораго домогательство на Курляндію тянулось уже лѣтъ пять.

Но и эта комбинація не удалась, и Елизавета Петровна перестала быть страшной для Долгорукихъ: она своимъ собственнымъ легкомысліемъ разрушила свою силу. Петръ II пересталъ ее любить.

Елизавета Петровна поселилась въ Москвѣ, въ слободѣ Покровской, а потомъ жила нѣкоторое время то въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, то въ Александровской слободѣ, что нынѣ городъ Александровъ. Она жила до крайности просто и скромно, и, по своей живой и впечатлительной природѣ, вся отдавалась удовольствіямъ, какія только могли ей представиться. Дворъ ея и въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, и въ Александровской слободѣ, и въ селѣ Покровскомъ составляли весьма немногіе и далеко не знатные люди; она не имѣла никакой уже силы при дворѣ, не была ни для кого опасна, да при томъ же по своей безпечности и не любила заниматься никакими политическими дѣлами. Она, повидимому, оставалась совершенно довольна своею скромною долей, и, какъ дочь Петра, „чернорабочаго царя“, сама слилась съ народомъ своею жизнью и своими привычками.

Въ селѣ Покровскомъ цесаревна сошлась съ простыми слобожанами, игрывала съ слободскими дѣвушками, водила съ ними даже обыкновенные русскіе хороводы въ лѣтніе вечера, сама пѣвала въ этихъ хороводахъ русскія пѣсни, и мало того—даже сочиняла хороводныя пѣсни въ чисто народномъ стилѣ и характерѣ.

Елизаветѣ Петровнѣ приписываютъ извѣстную пѣсню:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Середь улицы большой,
Расплясались, разыгрались,
Красны дѣвки межъ собой.

Это была дѣйствительно дочь „Петра-плотника“ и зато полюбилъ ее народъ.

Но такая популярность цесаревны не могла нравиться при дворѣ Анны Ивановны. Несмотря на совершенную неприкосновенность цесаревны къ придворнымъ интригамъ, ея боялись, потому что помнили духовное завѣщаніе ея матери, Екатерины I, по которому значилось, что если императоръ Петръ II умретъ бездѣтнымъ, то русскую корону должна получить одна изъ цесаревнъ. Въ этихъ опасеніяхъ дворъ учредилъ за цесаревной тайный надзоръ, и хотя таинственные соглядатаи ничего не могли донести на цесаревну, компрометирующаго ее въ политическомъ отношеніи, кромѣ только одного хорошаго, что ее любитъ народъ и что она сочиняетъ и поетъ съ дѣвушками народныя пѣсни, однако, и этого было достаточно,

чтобы перевести ее поближе ко двору, ближе къ центру надзора—въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ цесаревнѣ отвели особое помѣщеніе, въ такъ называемомъ Смольномъ, которое находилось въ концѣ Воскресенской улицы.

Въ Петербургѣ Елизавета Петровна снова начала являться при дворѣ, и къ этому времени относятся нѣкоторыя любопытныя о ней извѣстія, сообщаемыя знакомою уже намъ женою англійскаго резидента, леди Рондо.

Вотъ что она говоритъ о ея наружности.

„Принцесса Елизавета, которая, какъ вамъ извѣстно, дочь Петра I,—красавица. Она очень бѣла. У нея не слишкомъ темные волосы, большіе и живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенькій ротъ. Она расположена къ полнотѣ, но очень мила, и танцуетъ такъ хорошо, какъ я еще никогда не видывала. Она говоритъ по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, чрезвычайно веселаго характера, вообще разговариваетъ и обходится со всѣми вѣжливо, но ненавидитъ придворныя церемоніи“.

Любопытно при этомъ сравнить отзывы другихъ современниковъ, видѣвшихъ Елизавету Петровну въ разное время.

„Княжна эта,—говоритъ французскій посланникъ Ла-Ви, видѣвшій цесаревну еще въ 1719-мъ году: — прелестна, очень стройна и могла бы считаться совершенной красавицей, если-бъ цвѣтъ ея волосъ не былъ немного рыжеватъ, что, впрочемъ, можетъ измѣниться съ лѣтами. Она умна, добродушна и сострадательна“.

„Великая княжна бѣлокура и очень нѣжна, — говоритъ о ней Берхгольцъ, въ 1721-мъ году:—лицо у нея, какъ и у старшей сестры, чрезвычайно доброе и пріятное; руки прекрасны“.

„Принцесса Елизавета такая красавица, какихъ я рѣдко видѣлъ, — говоритъ дюкъ де-Ларія, въ 1728 году.—У нея удивительный цвѣтъ лица, прекрасные глаза и ротъ, превосходная шея и несравненный станъ. Она высокаго роста, чрезвычайно жива, хорошо танцуетъ и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Она не лишена ума, граціозна и очень кокетлива; но фальшива, честолюбива и имѣетъ слишкомъ нѣжное сердце. Петръ II былъ нѣкоторое время влюбленъ въ нее и, кажется, намѣревался даже жениться; но дурное поведеніе принцессы скоро отдалило отъ нея молодого императора. Она влюбилась въ человѣка низкаго происхожденія и ни отъ кого не скрывала своихъ чувствъ къ нему. Можно думать, что она пойдетъ по слѣдамъ своей матери“.

Впослѣдствіи, когда она была уже императрицею, фельдмаршалъ графъ Минихъ такъ описываетъ ея наружность: „императрица Елизавета обладала прекрасною наружностью и рѣдкими душевными качествами. Она имѣла необыкновенно живой характеръ, была очень стройна и хороша собою, смѣла на лошади и на водѣ и, несмотря на свою полноту, ходила такъ скоро, что всѣ вообще, а дамы въ особенности, едва могли за нею поспѣвать“.

Уже въ 1744-мъ году, когда Елизаветѣ Петровнѣ было тридцать пять

лѣтъ, Екатерина II, въ то время еще великая княжна, описывая бывшій при дворѣ маскарадъ, въ которомъ, по приказанію Елизаветы Петровны, мужчины явились въ дамскихъ костюмахъ, а женщины — въ мужскихъ, говоритъ: „Изъ всѣхъ дамъ, мужской костюмъ шелъ вполнѣ только къ одной императрицѣ. При своемъ высокомъ ростѣ и нѣкоторой дородности, она была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины я никогда въ жизнь мою не видала такой прекрасной ноги; нижняя часть ноги удивительно стройна. Ея величество отлично танцовала, и во всякомъ нарядѣ, мужскомъ и женскомъ, умѣла придавать всѣмъ своимъ движеніямъ какую-то особенную прелесть. На нее нельзя было довольно налюбоваться, и бывало съ сожалѣніемъ перестаешь смотрѣть на нее, потому что ничего лучшаго больше не увидишь".

Замѣчателенъ отзывъ о ней китайскаго посланника, бывшаго въ Москвѣ въ 1733-мъ году. Когда императрица спросила его, во время бала, которую изъ присутствующихъ дамъ онъ считаетъ самою красивою, то онъ отвѣчалъ: „въ звѣздную ночь трудно сказать, которая самая блестящая изъ звѣздъ". Но, видя, что императрица ожидаетъ отъ него болѣе опредѣленнаго отвѣта, онъ, поклонившись Елизаветѣ Петровнѣ, добавилъ: „среди такого множества красивыхъ дамъ, я считаю ее самою красивою, и если бы у нея не были такіе большіе глаза, то никто не остался бы въ живыхъ, увидѣвъ ее". Но именно глаза-то у Елизаветы Петровны и были великолѣпны.

Въ письмѣ къ своей пріятельницѣ леди Рондо дѣлаетъ мѣткую характеристику этой цесаревны. „Вамъ говорятъ,—пишетъ она, — что я часто бываю у принцессы Елизаветы и что она иногда дѣлаетъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и вы тотчасъ же восклицаете: умна ли она? Есть ли въ ней великодушіе? Какъ она отзывается о той, которая занимаетъ престолъ? Вамъ кажется, что легко отвѣчать на всѣ эти вопросы, но у меня нѣтъ вашей проницательности. Принцесса дѣлаетъ мнѣ честь, принимая мои частые визиты, и иногда даже посылаетъ за мной; говоря откровенно, я ее уважаю, и сердце мое чувствуетъ къ ней привязанность; съ своей же стороны, она смотритъ на мои посѣщенія, какъ на удовольствіе, а не какъ на церемонію. Своимъ привѣтливымъ и кроткимъ обращеніемъ она нечувствительно внушаетъ къ себѣ любовь и уваженіе. Въ обществѣ она высказываетъ непритворную веселость и нѣкоторый родъ насмѣшливости, которая, повидимому, занимаетъ весь умъ ея; но въ частной жизни она говоритъ такъ умно и разсуждаетъ такъ основательно, что все прочее въ ея поведеніи есть, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ притворство. Она, однако, кажется искреннею. Я говорю „кажется", потому что никто не можетъ читать въ ея сердцѣ. Однимъ словомъ, она — милое созданіе, и хотя я нахожу, что въ настоящее время престолъ занятъ достойною особою, но нельзя не желать, чтобы впослѣдствіи онъ перешелъ къ ней".

Въ описываемое время доходы Елизаветы Петровны, вмѣстѣ съ тѣмъ, что она получала съ своихъ собственныхъ имѣній, простирались до 40,000 р. въ годъ. Въ регентство же Бирона ей было назначено ежегодное содер-

жаніе отъ казны въ пятьдесятъ тысячъ рублей. Но, привыкшая къ роскоши, любя наряды и удовольствія, цесаревна постоянно нуждалась въ деньгахъ и занимала вездѣ, гдѣ только могла достать.

Между тѣмъ, за этой любезной и всѣмъ нравившейся цасаревной постоянно укрѣплялась популярность, но уже болѣе опасная, чѣмъ пріобрѣтенная ею крестьянская популярность въ селѣ Покровскомъ: она становилась популярною въ сердцѣ тогдашняго Петербурга, въ русской гвардіи, которая около этого времени начинала играть у насъ роль древне-римской гвардіи—давать престолъ тому, кому она захочетъ.

Въ это же время цесаревна должна была пережить тяжелую эпоху своей первой страсти—это любовь ея къ Шубину.

Это тотъ Шубинъ, о которомъ, какъ мы видѣли, княжна Юсупова, впослѣдствіи инокиня Прокла, на допросѣ въ тайной канцеляріи говорила: „что-де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою-де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни-цесаревны ѣздовымъ, и какъ-де еще въ монастырь не была я прислана, то-де оный Шубинъ посланъ въ ссылку, и эти слова я говорила такъ, за-просто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ...“

Шубинъ былъ прапорщикъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, молодой дворянинъ незнатнаго рода, но ловкій, рѣшительный, энергическій. Красота его, безъ сомнѣнія, была поразительна, если мы находимъ не мало отзывовъ объ этомъ предметѣ, отзывовъ, безусловно подтверждающихъ общесоставившееся мнѣніе о красотѣ Шубина.

Цесаревна привязалась къ нему со всѣмъ пыломъ страсти. Она взяла его къ себѣ во дворъ, въ свою маленькую свиту и сдѣлала его ѣздовымъ. Она дѣйствительно любила его и думала соединить свою судьбу съ его судьбою—она рѣшилась на бракъ съ своимъ возлюбленнымъ.

Сохранились даже стихи, которые влюбленная цесаревна писала по вдохновенію страсти, и эти стихи обращены, какъ водится, къ предмету ея привязанности.

Одну строфу изъ этихъ стиховъ Бантышъ-Каменскій приводитъ въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей“. Вотъ она:

Я не въ своей мочи огнь утушить,
Сердцемъ болѣю, да чѣмъ пособить?
Что всегда разлучно и безъ тебя скучно —
Легче бъ тя не знати, нежель такъ страдати
Всегда по тебѣ.

Шубинъ былъ любимъ гвардейцами, какъ солдатами, такъ и офицерами, и это еще болѣе усиливало популярность цесаревны въ войскѣ. Черезъ Шубина Елизавета Петровна сблизилась съ гвардіей больше, чѣмъ съ покровскими и александровскими слобожанами и переяславскими посадскими и ямскими людьми. У гвардейцевъ, по старому русскому обычаю, она крестила дѣтей, бывала на ихъ свадьбахъ. Какъ нѣкогда стрѣльцы за царевну Софью Алексѣевну, гвардейцы готовы были головы сложить

за свою обожаемую красавицу-цесаревну: и здѣсь, какъ и тамъ, помогали сближенію обходительность, ласковость съ солдатами умной и доброй дѣвушки. Какъ тамъ Василій Васильевичъ Голицынъ, „братецъ свѣтъ Васинька“, увеличивалъ популярность между стрѣльцами Софьи Алексѣевны, такъ здѣсь Шубинъ поднялъ Елизавету Петровну въ глазахъ войска, которое еще продолжало чувствовать, что оно оставалось войскомъ ея отца, „солдатскаго батюшки-царя“. По русскому обычаю, всякій солдатъ имениникъ сталъ свободно приходить къ своей цесаревнѣ, къ своей „матушкѣ“, и приносилъ ей, по-просту, имениннаго пирога, а ласковая цесаревна подносила ему чарку анисовки и сама выпивала за здоровье именинника. Матушка-цесаревна сѣла въ сердцѣ каждаго солдата; тутъ и Шубинъ, съ своей стороны, нашептывалъ, что дочь-де она Петра Великаго, да сидитъ въ сиротствѣ, и солдатики уже проговаривались, что Петровой-де дочери „не сиротой плакаться“, а сидѣть бы ей на отцовскомъ престолѣ.

Такое состояніе умовъ въ гвардіи не могло не сдѣлаться извѣстнымъ двору, и Шубинъ былъ схваченъ. Вмѣсто брачнаго вѣнца, которымъ онъ мечталъ завершить свою любовь къ цесаревнѣ, на смѣлаго гвардейца надѣли оковы и посадили въ „каменный мѣшокъ“ — особый родъ тѣснаго одиночнаго заключенія, въ которомъ нельзя ни лечь, ни сѣсть.

Шубина, мечтавшаго быть женихомъ цесаревны, ждала Камчатка. Мало того—его ждала и невѣста: въ поруганіе надъ дерзкимъ мечтателемъ, его насильно женили на камчадалкѣ.

Шубинъ лишился даже своего имени: когда его ссылали, то имя его не было объявлено, ради большей тайны; ему же самому запрещено было подъ страхомъ смертной казни называть себя кому бы то ни было.

Первая любовь цесаревны была потеряна для нея навѣки.

Но молодая дѣвушка естественно должна была искать привязанности, утѣшенія въ новомъ чувствѣ — и привязанность эта была перенесена на Разумовскаго, никому дотолѣ невѣдомаго придворнаго пѣвчаго.

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ однимъ изъ тѣхъ баловней счастья, которыхъ умѣло создать, кажется, одно лишь XVIII столѣтіе: Екатерина I, Монсы, Меншиковы, Потемкинъ, Ломоносовъ, Разумовскій — это какіе-то волшебные лица, изъ невѣдомыхъ селъ и жалкихъ избушекъ восходившіе до престола, до обладанія почти цѣлой Россіей, если не въ правительственныхъ, то въ другихъ сферахъ. Если когда-либо былъ въ Греціи вѣкъ героическій, вѣкъ полубоговъ, то такой вѣкъ былъ и въ Россіи: этотъ вѣкъ иначе нельзя охарактеризовать, какъ вѣкомъ поразительныхъ контрастовъ.

Разумовскій былъ ровесникъ цесаревны Елизаветы Петровны. Родился онъ гдѣ-то въ глухомъ уголкѣ черниговской губерніи, въ селѣ Лемешахъ, въ десяти верстахъ отъ Козельца, и былъ сынъ простого малороссійскаго казака Грицька Розума. Родное сельцо Розума состояло изъ нѣсколькихъ казацкихъ хатокъ и нѣсколькихъ десятковъ жителей: тутъ-то росъ будущій графъ Разумовскій, будущая звѣзда русскихъ сановниковъ, будущій супругъ

императрицы Елизаветы Петровны и отецъ злополучной княжны Августы Таракановой.

У маленькаго Алексѣя Розума былъ хорошій голосъ — отличительная черта малоруссовъ до настоящаго времени, и будущій графъ пѣлъ на клиросѣ приходской церкви, какъ это до сихъ поръ водится въ Малороссіи, гдѣ все, могущее пѣть, поетъ или на улицѣ, или въ церкви вмѣстѣ съ причетниками.

Въ то время водилось обыкновеніе—для укомплектованія придворнаго пѣвческаго хора посылать за голосами въ Малороссію: такъ изъ Малороссіи вывезенъ былъ уже извѣстный намъ пѣвчій Чайка, о смерти котораго въ Килѣ извѣщала, въ одномъ изъ своихъ писемъ, цесаревну Елизавету Петровну любимица ея „Маврутка“ Шепелева. Такъ вывезенъ былъ изъ Малороссіи и Алексѣй Розумъ, котораго случайно нашелъ въ Лемешахъ полковникъ Вишневскій, посланный изъ Петербурга для набора пѣвчихъ: голосъ Алексѣя Розума обратилъ на себя вниманіе Вишневскаго, и двадцатилѣтній казакъ былъ взятъ ко двору. Елизавета Петровна, можетъ быть, когда-то замѣчавшая и Чайку, умершаго въ Килѣ (не даромъ же о смерти его извѣщала цесаревну ея ближайшая наперсница), обратила свое вниманіе и на молодого Розума. Цесаревна постаралась перевести его въ свой маленькій штатъ и переименовала его изъ Розума—въ Разумовскаго.

Въ штатѣ Елизаветы Петровны онъ и оставался до самаго восшествія ея на престолъ.

Мы уже знаемъ, какъ, при помощи обожавшей цасаревну гвардіи и нѣкоторыхъ изъ ея друзей, совершалось воцареніе дочери Петра Великаго.

Но обратимся прежде къ ея личнымъ дѣламъ, не какъ государыни, а какъ женщины: для характеристики личности дѣла эти гораздо важнѣе и цѣннѣе, чѣмъ дѣла государственныя, инціатива которыхъ не всегда принадлежитъ царственнымъ лицамъ.

Елизавета Петровна, сдѣлавшись императрицей, не забыла тѣхъ, кого она прежде любила.

Дарью Егоровну Шепелеву, вышедшую замужъ за Шувалова, она сдѣлала своею первою статсъ-дамою.

Вспоминила она и о своей первой молодой привязанности—о ссыльномъ Шубинѣ. Императрица приказала немедленно возвратить его изъ Камчатки. Но сосланнаго безъ имени и съ запретомъ подъ угрозою смерти произносить его имя—не легко было найти въ далекой Камчаткѣ. Приходилось разыскивать безыменнаго или переименованнаго арестанта, можетъ быть уже умершаго.

Около двухъ лѣтъ искали несчастнаго — и нашли только въ 1742-мъ году. Посланный для этого офицеръ искрестилъ всю Камчатку, заглядывалъ во всѣ далекія юрты и жилыя захолустья, вездѣ спрашивая ссыльнаго Шубина; но такого нигдѣ не было, по крайней мѣрѣ, никто не могъ назвать такого ссыльнаго и никто на имя Шубина не отзывался. Въ одной юртѣ посланный тоже распрашивалъ арестантовъ, не слыхалъ ли

кто о Шубинѣ, никто и на это не далъ ему отвѣта—о Шубинѣ не слыхали. Разговаривая съ арестантами, посланный какъ-то упомянулъ имя императрицы Елизаветы Петровны.

— Развѣ Елизавета царствуетъ? — спросилъ одинъ изъ арестантовъ.

— Да вотъ уже другой годъ, какъ Елизавета Петровна воспріяла родительскій престолъ,—отвѣчалъ офицеръ.

— Но чѣмъ вы удостовѣрите въ истинѣ?—спросилъ арестантъ.

Офицеръ показалъ свою подорожную и другія бумаги, изъ которыхъ видно было несомнѣнно, что царствуетъ Елизавета Петровна.

— Въ такомъ случаѣ Шубинъ, котораго вы отыскиваете, передъ вами,—сказалъ арестантъ.

Это и былъ Шубинъ.

Послѣ долгой ссылки онъ прибылъ въ Петербургъ. Государыня, „за невинное претерпѣніе" Шубинымъ долголѣтнихъ мученій одной изъ самыхъ изысканныхъ сибирскихъ ссылокъ, произвела его прямо въ генералъ-маіоры и лейбъ-гвардіи семеновскаго полка въ маіоры, да, кромѣ того, пожаловала ему александровскую ленту. Затѣмъ Шубинъ пожалованъ былъ богатыми вотчинами, и въ томъ числѣ ему дали село Работки, на Волгѣ, въ макарьевскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи, гдѣ теперь часто пристаютъ пароходы, постоянно снующіе по Волгѣ, и гдѣ до сихъ поръ можно услышать отъ мѣстныхъ жителей преданіе объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, о любви ея къ Шубину и о благородномъ характерѣ этого послѣдняго.

Этотъ первый любимецъ Елизаветы Петровны недолго, впрочемъ, оставался при дворѣ, гдѣ его мѣсто уже занято было болѣе чѣмъ онъ счастливымъ соперникомъ—Разумовскимъ. Притомъ же Камчатка и физически и морально добила Шубина: онъ весь погрузился въ набожность, дошедшую до аскетизма, и въ 1744-мъ году просилъ увольненія отъ службы. Императрица согласилась на удовлетвореніе его просьбы. Прощаясь съ человѣкомъ, который когда-то былъ ей очень дорогъ, она подарила ему драгоцѣнный образъ Спасителя и часть ризы Господней. Священныя сокровища эти до сихъ поръ хранятся въ Работкахъ въ мѣстной приходской церкви, какъ историческая память о дочери Петра Великаго.

Но обратимся къ отношеніямъ, существовавшимъ между Елизаветой Петровной и Разумовскимъ.

Выше мы замѣтили, что обстоятельства личной, индивидуальной жизни историческихъ дѣятелей бываютъ не менѣе важны, особенно въ отношеніи біографическомъ, государственной и общественной ихъ дѣятельности, дѣятельности, которая не всегда служитъ выраженіемъ личной самодѣятельности, тѣмъ болѣе царственныхъ особъ, а лишь отражаетъ собою общій ходъ дѣлъ, общія потребности страны и времени или же коллективную дѣятельность правительства и общества.

Отчасти этого мнѣнія мы держимся и въ данномъ случаѣ.

Вступивъ на престолъ 25-го ноября 1741-го года, Елизавета Петровна еще болѣе приблизила къ себѣ своего любимца Разумовскаго, сдѣлала его дѣйствительнымъ камергеромъ, затѣмъ оберъ егермейстеромъ, а при торжествѣ своей коронаціи, 25-го апрѣля 1742-го года, возложила на него андреевскую ленту.

Счастье, такъ сказать, хлынуло потокомъ на любимца императрицы: викарій римской имперіи, курфирстъ саксонскій, возвелъ Разумовскаго въ графы римской имперіи, а Елизавета Петровна, не желая уступить въ щедрости курфирсту, пожаловала своему фавориту графское достоинство Россійской имперіи.

Это событіе совершилось въ многознаменательный день для Разумовскаго и для самой императрицы: въ день пожалованія Разумовскаго графомъ Россійской имперіи, 15-го іюня 1744-го года, Елизавета Петровна тайно обвѣнчалась съ своимъ любимцемъ въ Москвѣ въ церкви Воскресенія въ Барашахъ, что на Покровской улицѣ.

Вѣнчанье совершено было формально, и графу Разумовскому вручены были документы, свидѣтельствовавшіе о бракѣ его съ коронованною особою: документы эти онъ хранилъ какъ святыню, пока уже престарѣлымъ старикомъ не пожертвовалъ этой великой для него памятью, чтобы имя его царственной супруги осталось неприкосновеннымъ передъ людскимъ судомъ.

Послѣ брака императрица пожаловала своего супруга званіемъ генералъ-фельдмаршала, несмотря на то, что онъ не былъ ни въ одномъ походѣ.

Отъ этого-то брака и родилась принцесса Августа, извѣстная подъ именемъ княжны Таракановой, а умершая подъ именемъ инокини Досифеи.

Первое время послѣ брака графъ Разумовскій жилъ въ одномъ дворцѣ съ императрицей, а потомъ для него выстроенъ былъ особый дворецъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ Аничкова.

Казацкая хатка въ селѣ Лемешахъ и царскій дворецъ въ Петербургѣ— все это отдаетъ чѣмъ-то легендарнымъ, миѳическимъ.

Но бывшій казаченокъ и лемешкинскій пѣвчій умѣлъ держать себя на новой высотѣ своего положенія: хотя всѣмъ были извѣстны отношенія его къ императрицѣ, однако, онъ имѣлъ столько такта и деликатности, что старался скрывать это и спасать отъ несправедливыхъ толковъ имя своей царственной супруги. Честный и мягкій по природѣ, онъ не загордился, не забылся на своей недосягаемой высотѣ, а былъ со всѣми ласковъ, услужливъ, предупредителенъ, не то, что, напримѣръ, Биронъ. Съ своими громадными богатствами онъ постоянно дѣлалъ добро и тѣмъ вызывалъ новую и болѣе задушевную привязанность подданныхъ къ императрицѣ, передъ которой онъ былъ первый ходатай за всѣхъ бѣдныхъ, несчастныхъ и притѣсняемыхъ. Если онъ узнавалъ, что кто-нибудь изъ достойныхъ участія, но совѣстливыхъ людей нуждался въ деньгахъ, онъ приглашалъ его къ себѣ на банкъ и съ умысломъ проигрывалъ ему сумму, въ которой тотъ нуждался или которая могла спасти несчастнаго.

Но излишняя страсть къ вину и хмельное казацкое поведеніе нѣсколько охладили къ нему привязанность императрицы.

Любимцемъ Елизаветы Петровны, впрочемъ, весьма на короткое время, сдѣлался Никита Аѳанасьевичъ Бекетовъ. Но это былъ метеоръ, который скоро исчезъ изъ глазъ и изъ памяти Елизаветы Петровны.

Въ 1750-мъ году Бекетовъ былъ еще кадетомъ сухопутнаго корпуса. Онъ былъ очень красивъ и ловокъ. Начальникъ кадетскаго корпуса, князь Юсуповъ, завелъ тамъ театральныя представленія, и кадеты разыгрывали трагедіи Вольтера и Сумарокова, а всѣхъ больше плѣнялъ собою кадетъ Бекетовъ. Извѣстный актеръ Волковъ, основатель русскаго театра, говорилъ однажды знаменитому Н. А. Дмитревскому—трагику: „увидя Бекетова въ роли Синава, я пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ я былъ — на землѣ или на небесахъ; тутъ во мнѣ родилась мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ“. Это и былъ первый русскій театръ. Елизавета Петровна, узнавъ о достоинствѣ кадетской труппы, приказала играть актерамъ при дворѣ, и такъ ихъ полюбила, что театръ изъ дворцовой залы переведенъ былъ во внутренніе ея покои. Императрица забавлялась костюмировкой актеровъ, заказывала имъ великолѣпные наряды и убирала ихъ своими драгоцѣнными камнями. Однажды она увидѣла на сценѣ спящаго Бекетова, и такъ имъ плѣнилась, что въ ту же минуту приказала играть музыкѣ, не опуская занавѣса, а послѣ спектакля пожаловала молодого кадета сержантомъ. Такъ разсказываетъ Бантышъ-Каменскій. Съ этого времени началось счастье для Бекетова: современники говорили, что ему „счастье во снѣ пришло“. Начались великія милости императрицы: внѣ театра на Бекетовѣ появились драгоцѣнныя брилліантовыя застежки, перстни, часы, дорогія кружева и все необходимое для комфорта. Вскорѣ получилъ онъ чинъ подпоручика, произведенъ въ армію премьеръ-маіоромъ, назначенъ „генеральсъ-адъютантомъ“ къ графу Разумовскому и немедленно потомъ произведенъ въ полковники, несмотря на то, что только шесть мѣсяцевъ назадъ былъ кадетомъ.

Разумовскій, впрочемъ, не боялся потерять милость императрицы, не ревновалъ ея ни къ кому, а напротивъ, самъ приставилъ къ Бекетову въ помощь И. П. Елагина, жена котораго при императрицѣ была одною изъ самыхъ довѣренныхъ камеръ-фрау. Она-то и доставляла двадцатидвухлѣтнему Бекетову деньги на наряды и прочее. При дворѣ со дня на день ожидали паденія фаворита императрицы, всесильнаго Ив. Ив. Шувалова. Разумовскій покровительствовалъ Бекетову особенно для обезсиленія графовъ Шуваловыхъ, съ коими былъ не въ ладахъ; но Шуваловы перехитрили: П. Ив. Шуваловъ, вкравшись въ довѣріе Бекетова, далъ ему притиранье, которое, вмѣсто бѣлизны, навело угри и сыпь на лицо его. Тогда жена графа, извѣстная намъ Мавра Егоровна, урожденная Шепелева, пользовавшаяся особою любовью императрицы еще до вступленія ея на престолъ, посовѣтовала государынѣ удалить Бекетова, какъ человѣка подозрительной нравственности, развратнаго и зараженнаго, — и Бекетовъ

удалился. Императрица, уѣхавъ на нѣсколько дней изъ Царскаго Села въ Петергофъ, приказала Бекетову оставаться въ Царскомъ Селѣ подъ предлогомъ болѣзни. Онъ, пораженный горемъ, съ отчаянія впалъ въ горячку и едва не лишился жизни. По выздоровленіи онъ снова явился ко двору, но прежней милости уже не было, и онъ долженъ былъ удалиться отъ двора навсегда.

Какъ бы то ни было, но охлажденіе императрицы къ графу Разумовскому не лишило его окончательно расположенія царственной супруги, и Елизавета Петровна до конца своей жизни сохранила къ нему должную благосклонность.

Похоронивъ впослѣдствіи свою коронованную супругу и состарившись, графъ Разумовскій глубоко чтилъ ея память.

Разсказываютъ, что вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины II Григорій Григорьевичъ Орловъ, стремившійся занять положеніе, подобное положенію Разумовскаго, сказалъ императрицѣ, что бракъ Елизаветы, о которомъ пишутъ иностранцы, дѣйствительно былъ совершенъ, и у Разумовскаго есть письменныя на то доказательства. На другой день Екатерина велѣла графу Воронцову написать указъ о дарованіи Разумовскому, какъ супругу покойной императрицы, титула императорскаго высочества и проектъ указа показать Разумовскому, но попросить его, чтобъ онъ предварительно показалъ бумаги, удостовѣряющія въ дѣйствительности событія.

Такое приказаніе,—разсказывалъ впослѣдствіи графъ С. С. Уваровъ,— Воронцовъ слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ, и на лицѣ его изображалась готовность высказать свое мнѣніе; но Екатерина, какъ бы не замѣчая этого, подтвердила серьезно приказаніе и, поклонившись благосклонно, съ свойственной ей улыбкою благоволенія, вышла, оставя Воронцова въ совершенномъ недоумѣніи. Онъ, видя, что ему остается только исполнить волю императрицы, поѣхалъ къ себѣ, написалъ проектъ указа и отправился съ нимъ къ Разумовскому, котораго засталъ сидящимъ въ креслахъ у горящаго камина и читающимъ священное писаніе.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, между разговоромъ, Воронцовъ объявилъ Разумовскому истинную причину своего пріѣзда; послѣдній потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, встаьъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ, развернулъ ихъ, атласъ спряталъ обратно въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ молчаніемъ и вниманіемъ.

Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, возвелъ глаза, орошенные слезами, къ образамъ, перекрестился и, возвратясь съ примѣтнымъ волненіемъ души къ камину, у котораго оставался графъ Воронцовъ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресла и, помолчавъ еще нѣсколько, сказалъ:

„Я не былъ ничѣмъ болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества, покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями

выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ былъ десницею ея. Обожалъ ее, какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ. Стократъ смиряюсь, воспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же не прейдемъ, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ, доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлитъ милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство! Да останется все происшедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ, что угодно; пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ; но мы не должны быть причиною ихъ толковъ.“

Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ государынѣ и донесъ ей съ подробностью объ исполненіи порученнаго ему. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала руку, которую онъ поцѣловалъ съ чувствомъ преданности, и вымолвила съ важностью:

— Мы другъ друга понимаемъ: тайнаго брака не существовало, хотя бы то для усыпленія боязливой совѣсти. Шепотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго малороссамъ самоотверженія.

Разсказъ, конечно, окрашенъ тономъ стараго романтизма; но онъ сотканъ на исторической основѣ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, освѣтить тѣ стороны жизни и характера Елизаветы Петровны, въ которыхъ она проявлялась какъ женщина, безотносительно къ ся исторической и политической миссіи.

Но судьба предназначала ей стать во главѣ русскаго народа, и потому историческая и политическая миссія этого послѣдняго должна была до извѣстной степени найти въ Елизаветѣ Петровнѣ своего выразителя и руководителя.

Съ самаго дѣтства, еще при жизни отца, маленькую цесаревну готовили было къ иному назначенію: Петръ не могъ тогда еще предполагать, что у него не останется въ живыхъ ни старшаго сына, царевича Алексѣя Петровича, на котораго, впрочемъ, онъ мало возлагалъ надеждъ, ни другого, любимѣйшаго имъ сына, отъ Екатерины Алексѣевны, балованнаго „Піотрушки“—великаго князя Петра Петровича, котораго ему тоже пришлось похоронить, ни даже старшей его дочери Анны (Анны Петровны), и что все его потомство сведется на одну младшую дочь, цесаревну Елизавету Петровну, которая и должна будетъ принять въ свои руки отцовское наслѣдіе.

На Елизавету Петровну смотрѣли, какъ на будущую невѣсту чужого государя, и потому ее готовили приспособить къ этой роли.

Петръ думалъ отдать свою младшую дочь за французскаго короля Людовика XV, за того самаго „каралищу“, за ту „дитю весьма изрядную образомъ и станомъ“, котораго русскій великанъ, во время посѣщенія Парижа, носилъ на рукахъ.

Къ этому велось и образованіе маленькой цесаревны. Современники говорятъ о ея матери, Екатеринѣ Алексѣевнѣ, что, слѣдя за воспитаніемъ Елизаветы, она „только и проситъ о стараніи къ усовершенствованію себя во французскомъ языкѣ, и что есть важныя причины, чтобы она изучила исключительно этотъ языкъ, а не какой другой.“

Мы знаемъ эти причины. Мы знаемъ также, что Петру не привелось выдать своей дочери за французскаго короля.

Впослѣдствіи, когда Петра уже не было въ живыхъ, не осталось и ни одного изъ его сыновей, и когда русскіе сановники не могли не задумываться надъ вопросомъ, кому же перейдетъ въ руки корона Петра Великаго и не падетъ ли выборъ на которую-либо изъ двухъ цесаревенъ, Девіеръ дѣлаетъ такую характеристику обѣихъ дочерей Петра Великаго по отношенію къ тому, какими бы онѣ могли бы быть какъ государыни: „цесаревна Анна Петровна умильна собою и пріемна, и умна; да и государыня Елизавета Петровна изрядная, только сердитѣе...“

Цесаревна Елизавета Петровна „сердитѣе“ своей старшей сестры—это означало, что она была не въ буквальномъ смыслѣ „сердита“, а только живѣе и бойче, чѣмъ мягкая и недолговѣчная Анна Петровна.

Затѣмъ, по смерти этой „умильной и пріемной“ Анны Петровны, изъ прямыхъ потомковъ Петра остается одна только „сердитая“ Елизавета: мать ея умираетъ; на престолъ вступаетъ ея племянникъ, Петръ II, и тоже скоро умираетъ; престолъ переходитъ въ руки другой линіи—и на Елизавету Петровну начинаютъ смотрѣть, какъ на претендента къ наслѣдію Петра Великаго, какъ уже на политическую силу, которая стала притомъ выказывать и свою индивидуальность, и свой характеръ.

Вотъ почему въ 1731-мъ году императрица Анна Іоанновна приказываетъ Миниху ближайшимъ образомъ наблюдать за образомъ жизни и поведеніемъ Елизаветы Петровны, „понеже-де она, государыня, по ночамъ ѣздитъ и народъ къ ней кричитъ, то чтобъ онъ провѣдалъ, кто къ ней въ домъ ѣздитъ“.

„Народъ къ ней кричитъ“—это значило, что на нее уже возлагаются надежды, и возлагаютъ ихъ, преимущественно, народъ, солдаты, гвардія, однимъ словомъ, все то, что считало себя русскимъ, національнымъ и что не могло не видѣть преобладанія надъ собою иноземнаго элемента. Въ Елизаветѣ Петровнѣ видѣли представительницу русскаго элемента, національнаго даже, болѣе—чего-то стараго, до-петровскаго, когда иноземнаго духу на Руси еще и въ заводѣ не было. Русскому человѣку могло казаться, что при Елизаветѣ Петровнѣ возможно было совершиться никогда не совершающемуся въ исторіи чуду—это возвращеніе къ старому, обращеніе рѣки вверхъ противъ теченія, возвратъ къ до-петровскому времени, къ

прошедшему, какъ извѣстно, никогда, ни для отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, ни для народовъ, ни для государствъ — никогда и нигдѣ не повторяющемуся.

А эти мнимые признаки возврата къ прежнему въ Елизаветѣ Петровнѣ русскій человѣкъ могъ видѣть, какъ ему казалось, во многомъ и во всемъ.

Елизавета Петровна любитъ русскій народъ и съ русскими дѣвушками поетъ хороводныя пѣсни.

Елизавета Петровна креститъ у русскихъ солдатъ дѣтей, и русскій солдатикъ несетъ цесаревнѣ именинного пирога, цесаревна потчуетъ его анисовкой, и сама выпиваетъ за здоровье солдатика.

Елизавета Петровна любитъ русскую церковную службу, церковное пѣніе, и сама поетъ не хуже самаго блистательнаго въ хорѣ дисканта изъ малороссіянъ.

Такъ уже въ 1733—1734-мъ году цесаревна Елизавета Петровна оказываетъ вниманіе пѣвчему Якову Тарасевичу—и объ этомъ доводятъ до свѣдѣнія двора.

Въ 1736-мъ году она, при посредствѣ этого Тарасевича, заводитъ переписку съ малороссійскимъ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Горленкомъ—и Горленко берется къ допросу. Изъ допроса оказывается, что цесаревна, переданной Горленкѣ чрезъ Тарасевича записочкой, проситъ его пріискать для ея хора двухъ „альтистовъ", и записочку свою подписываетъ такъ: „первый дишкантистъ, о которомъ вы сами знаете". Горленка вновь допрашиваютъ, что это значитъ, и узнаютъ, что цесаревна любитъ церковное пѣніе. Горленко прибавляетъ: „слыхалъ-де отъ пѣвчихъ ея высочества, что изволитъ она, для забавы, сама пѣть первымъ дишкантомъ".

Оказывая предпочтительное расположеніе къ русскому обычаю, къ русской старинѣ и обрядности, цесаревна естественно становится въ разладъ съ господствующимъ направленіемъ, которое, со времени ея отца и особенно со смертью его, принимаетъ опредѣленную форму направленія чисто иноземнаго, нѣмецкаго; а такъ какъ во главѣ тогдашняго правительства преобладаніе клонилось на сторону нѣмцевъ, то само собою разумѣется, что цесаревна становилась въ противорѣчіе и съ нѣмцами, и съ господствующею въ правительствѣ партіею. Это поняли представители иностранныхъ кабинетовъ въ Петербургѣ, преимущественно посланники французскій и шведскій, и начали дѣйствовать въ духѣ направленія Елизаветы Петровны, въ надеждѣ, что она рано ли, поздно ли, займетъ престолъ отца.

На этихъ комбинаціяхъ Швеція строила свои собственныя выгоды: показывая тайное расположеніе цесаревнѣ и давая ей понять, что при помощи Швеціи она можетъ завять по праву принадлежащій ей престолъ, шведскій посланникъ въ то же время ставилъ условіемъ помощи со стороны Швеціи—возвращеніе ей нѣкоторыхъ земель, взятыхъ у нея Россіею въ послѣднія войны Россіи и Швеціи. Хотя цесаревна и не отклоняла отъ себя предлагаемой ей помощи, однако, дала почувствовать швед-

скому посланнику, что на уступку Швеціи русскихъ земель она никогда не согласится, что это было бы равносильно потерѣ ею всякой популярности въ русскомъ народѣ, что русскій народъ никогда не уступитъ Швеціи того, что принадлежитъ ему и по историческому, и по завоевательному праву.

Какъ бы то ни было, Швеція объявила Россіи войну, и въ манифестѣ по этому случаю, между прочимъ, оглашала, что начинаетъ эту войну, какъ въ видахъ своихъ государственныхъ интересовъ, такъ и для освобожденія, будто бы, русскаго народа отъ „несноснаго ига и жестокостей чужеземцевъ", именно нѣмцевъ.

Какъ ни великодушнымъ казалось это со стороны Швеціи, однако, война не принесла шведамъ существенной пользы, въ Россіи же она нѣсколько подорвала и безъ того слабую популярность тогдашняго нѣмецкаго правительства. Съ своей стороны, Елизавета Петровна помогала паденію этой популярности, скорѣе кажущейся тѣни ея, тѣмъ, что тайно переводила манифестъ Швеціи о войнѣ и тайно отъ правительства распространяла его между народомъ и войскомъ.

Но едва цесаревна, въ памятную ночь 25-го ноября 1741 года, сказала солдатамъ, чтобы они шли помогать ей, „дочери Петра", занять прародительскій престолъ, солдаты прямо высказались, что за нее, матушку свою цесаревну, они готовы и въ огонь и въ воду, и сейчасъ пойдутъ избивать ея враговъ.

Хотя цесаревна и запретила проливать кровь при низверженіи существовавшаго правительства, и крови дѣйствительно не было пролито ни одной капли, однако, и восшествіемъ Елизаветы на престолъ ясно обозначалось, что нѣмецкому владычеству въ Россіи наступилъ конецъ, само собою разумѣется, на данное время.

Недовольный бироновщиною и остермановщиною народъ громко кричалъ на улицахъ, что онъ перебьетъ всѣхъ нѣмцевъ, и хотя поборниковъ русскихъ началъ, показавшихъ неумѣренное усердіе, и остановили, однако, нѣмцы сами поняли, что на-время они должны были сойти со сцены, и они сошли.

Вообще, съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны замѣчается поворотъ къ лучшему не только во всѣхъ дѣлахъ правительственныхъ, но и самыя формы, въ которыхъ проявлялись отношенія правительства къ странѣ, становятся много мягче, много человѣчнѣе.

Правда, старое время оставило въ наслѣдство новому не мало такихъ недостатковъ, которые не легко исправляются, однако, во всемъ строѣ государственной, законодательной и общественной дѣятельности замѣчается меньше жестокости и меньше произвола тамъ, гдѣ произволъ господствовалъ вмѣсто закона.

Казни уже перестаютъ быть такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, какимъ они казались прежде. Остаются еще ссылки, плети; но онѣ вызываются смутнымъ положеніемъ дѣлъ, какъ продуктомъ вчерашняго дня, броженіемъ умовъ, не улегшимися еще политическими страстями.

Первыя ссылки въ царствованіе Елизаветы Петровны—это наказаніе тѣхъ изъ верховниковъ-сановниковъ, которые оказались прямыми врагами цесаревны и искали ея гибели: Остерманъ, Головкинъ, Левенвольде,— вотъ кто пошелъ въ ссылку.

Вторыя ссылки въ ея царствованіе—это по заговору Лопухиныхъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Затѣмъ, еще былъ обнаруженъ заговоръ въ 1742 году—и заговоръ этотъ вызвалъ новыя ссылки. Въ заговорѣ противъ Елизаветы Петровны оказались замѣшанными камеръ-лакей Турчаниновъ, преображенскаго полка прапорщикъ Петръ Квашнинъ и измайловскаго полка сержантъ Иванъ Сновидовъ.

„Принцъ-де Іоаннъ былъ настоящій наслѣдникъ, а государыня-де императрица Елизавета Петровна не наслѣдница, а сдѣлала-де ее наслѣдницею лейбъ-компанія за чарку водки. Смотрите-де, братцы, какъ у насъ въ Россіи благополучіе состоитъ не постоянное, и весьма плохо и непорядочно, а не такъ, какъ при третьемъ Іоаннѣ было",—вотъ что проповѣдывалъ своимъ товарищамъ Турчаниновъ.

Возвратъ къ прежнему, нѣмецкому правительству—руководящая нить этого послѣдняго заговора.

Оттого старая нѣмецкая партія и не любила ни Елизаветы Петровны, ни гвардіи, помогавшей ей вступить на престолъ. Оттого эту гвардію, этихъ лейбъ-компанейцевъ недовольные и называли „триста-канальями".

Но это недовольство людей партіи было безсильно ослабить тѣ симпатіи, какія встрѣчала императрица въ массѣ населенія и въ духовенствѣ. Послѣднее видѣло въ ней ревнительницу церкви и ея обрядовъ, а народъ помнилъ только, что она родная дочь Петра и что солдаты называютъ ее „матушкой".

Шаховской разсказываетъ случай, отчасти характеризирующій духъ правленія этой императрицы.

Увидѣвъ однажды Шаховскаго, государыня сказала ему: „Чего-де синодъ смотритъ? Я-де была вчерась на освященіи новосдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой-де на иконостасѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности надлежало быть живо изображеннымъ ангеламъ, поставлены рѣзные, на подобіе купидоновъ, болваны".

Шаховской, отчасти выгораживая себя, отчасти объясняя истинное положеніе дѣлъ въ синодѣ, разсказалъ императрицѣ одно дѣло, въ которомъ выказались небрежность и неосновательность синодальныхъ распоряженій.

Дѣло состояло въ томъ, что крестьяне одного села обвиняли уличеннаго ими монаха въ прямомъ нарушеніи монашескаго обѣта. Доказательства были на-лицо. Но синодъ, подъ вліяніемъ Разумовскаго, всегда оказывавшаго сильное покровительство своимъ малороссіянамъ, духовенству и монахамъ въ особенности, наказалъ крестьянъ за доносъ, а монаха оправдалъ.

Императрица была сильно возмущена этимъ разсказомъ.

— Боже мой! — говорила она: — можно-ль было мнѣ подумать, чтобъ меня такъ обманывать отважились? Весьма теперь о томъ сожалѣю, да ужъ пособить нечѣмъ!

Самое крупное обвиненіе, которое ей дѣлаютъ иностранцы, это то, что въ послѣдніе годы своего царствованія Елизавета Петровна мало занималась государственными дѣлами. Иностранцы по этому случаю, отчасти, конечно, изъ неудовольствія на императрицу за отнятіе у нихъ преобладанія въ Россіи, разсказывали о ней множество такихъ вещей, которыя безъ строгой критики едва ли могутъ быть принимаемы на вѣру. Какъ бы то ни было, иностранные писатели утверждаютъ, что, усыпляемая Шуваловыми и ихъ клевретами, императрица окончательно запустила дѣла, и часто случалось, что очень важныя государственныя бумаги оставались не подписанными по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Но сколько бы ни было обвиненій со стороны противниковъ царствованія Елизаветы Петровны, на обвиненіяхъ этихъ нельзя основывать оцѣнки всей дѣятельности этой государыни, тѣмъ болѣе, что историческая оцѣнка XVIII вѣка до сихъ поръ еще не вполнѣ возможна съ строго научной точки зрѣнія.

При всемъ томъ царствованіе Елизаветы Петровны представляетъ не мало явленій, которыя навсегда останутся лучшими памятниками нашего прошлаго.

Въ числѣ этихъ историческихъ памятниковъ на первомъ планѣ стоитъ основаніе ею перваго русскаго университета: это—университетъ въ Москвѣ. До Елизаветы Петровны Россія не имѣла высшаго учебнаго заведенія, тогда какъ европейскіе университеты считали свою жизнь многими столѣтіями.

Гимназій въ Россіи также не было до Елизаветы Петровны—и она же основала первую у насъ гимназію: это—казанская гимназія.

До Елизаветы Петровны не было въ Россіи и театра: кадетскіе спектакли послужили началомъ того, что императрица обратила на нихъ вниманіе, и въ Россіи создался театръ, а черезъ нѣсколько лѣтъ у насъ, послѣ Сумарокова, былъ уже Фонвизинъ.

До Елизаветы Петровны въ Россіи не было академіи художествъ,—и она повелѣла быть академіи. По мнѣнію императрицы, академія должна была дать Россіи славу и принести „великія пользы казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія художники, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать".

И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ русскіе художники уже зарабатываютъ себѣ почетное имя въ Европѣ и картины ихъ до настоящаго времени имѣютъ цѣну классическихъ произведеній, какъ портреты работы Левицкаго и другихъ.

При Елизаветѣ Петровнѣ явилась русская литература въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе принято во всей Европѣ: при Елизаветѣ Петровнѣ выступили Ломоносовъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Херасковъ; при Елизаветѣ же Петровнѣ въ первый разъ выступаютъ на литературное поприще женщины, какъ дѣятели, какъ писатели, что мы и увидимъ ниже.

Нельзя не обратить при этомъ вниманія на одно весьма важное обстоятельство для правильной оцѣнки историческаго значенія царствованія Елизаветы Петровны.

Извѣстно, какою громадною славой пользовалось въ Европѣ имя Екатерины II, которая и своею личною дѣятельностью, и своею литературною славою, и перепиской съ такими знаменитостями какъ Вольтеръ и Даламберъ, и, наконецъ, своими блистательными побѣдами надъ непобѣдимыми дотолѣ турками высоко вознесла на западѣ русское имя. Но имя Екатерины II осталось неизвѣстнымъ у южныхъ славянъ. Напротивъ, тамъ прославляютъ имя Елизаветы, и сербы до сихъ поръ поютъ о ней въ своихъ былинахъ, славя ее подъ именемъ „госпы Елисавки, московской кралицы".

Одна былина, напримѣръ, говоритъ, что „московская кралица госпа Елисавка" писала письмо турецкому царю султанъ-Сулейману о томъ, что у него находится ея очевина (наслѣдіе)—золотая корона царя Симеона, одежда святого Іоанна, крестное знамя царя Константина, золотой посохъ (штака) святого отца Саввы, острая сабля сильнаго Стефана и икона отца Димитрія. Госпа Елисавка просила, чтобъ султанъ прислалъ ей ея очевину, а она ему за это, въ воздарье, дастъ миръ на тридцать лѣтъ, пшеницы для продовольствія войска на девять лѣтъ и, кромѣ того, золотую цамію. А если султанъ не отдастъ ей очевины, то пусть собираетъ войско и идетъ къ Кіеву:

„Войску купи, царе Сулеймане,
Войску купи, айде на Кіево,
Да юначки мейданъ подѣлимо,
И сабляма землю размѣримо:
Я ль возвратить мою очевину,
Я ль московску саблю отпасати.

„На это ей турецкій султанъ отвѣчалъ врло лѣпо и смирно, что ея очевина не у него, а въ Крыму у царя Татарана. Тогда госпа Елисавка пишетъ царю Татарану и проситъ его прислать ей очевину, а она ему за то обѣщаетъ продолжительный миръ, много пшеницы и великолѣпную цамію. Но царь Татаранъ отвѣчалъ ей врло грубо и непристойно, говоря, что ея очевина дѣйствительно у него, но что онъ ей ея не отдастъ, а пойдетъ на нее съ войскомъ и Петербургъ съ землей сравняетъ (Петрибора съ землемъ поравнити). Тогда началась война, и госпа Елисавка овладѣла Крымомъ и добыла свою очевину".

Въ другой высоко-поэтической былинѣ изображается гибель турецкаго войска, уничтоженнаго „госпою Елисавкою" подъ Озіею (Азовъ).

„Полетѣли,—говоритъ былина,—два чорныхъ ворона отъ Озіи изъ-подъ Московіи, кровавыя у нихъ крылья до самыхъ плечъ и клювы у нихъ кровавые

до самыхъ глазъ. Перелетѣли вороны три-четыре земли — Каравланску и Карабогдански, Скендерію и Уруменлію, отлетѣли на Герцеговину, долетѣли до ровнаго Загорья, вьются кругами по небу, ни на чей дворъ не садятся, чтобъ хоть немножко отдохнуть, садятся лишь на башню Ченгійчъ Бечиръ-паши. Сѣли вороны, оба закаркали и усталыя крылья долу опустили, отлетѣло отъ нихъ по кровавому перу, упали перья на балконъ и вѣтеръ принесъ ихъ въ комнату кади, а когда кади увидала ихъ, вышла къ бѣлой башнѣ, подняла глаза на бѣлую башню, да какъ увидала двухъ чорныхъ вороновъ, такъ и стала съ ними разговаривать: „Богомъ братья, птицы-вороны! Чудныя на васъ примѣты — кровавыя у васъ крылья до плечъ и кровавые у васъ клювы до глазъ: чьей это вы крови напились? Откуда вы такъ быстро летѣли? Не изъ далекаго ли вы краю, отъ Озіи изъ-подъ Московіи? Видѣли ли вы тамъ сильное турецкое войско? Видѣли ли вы Бичеръ-пашу моего, и его брата Хасанъ-бега, и моего сына Османъ-бега, и сыновца Смаилъ-агу, и нашего Омеръ-пеливана, и стараго Дрнду знаменоносца, и остальныхъ турокъ начальниковъ? Все ли здорово и весело войско? Играютъ ли кони подъ молодцами? Вьются ли по воздуху знамена? Люты ли турки, словно волки? Впереди ли войска мой сераскиръ-паша? высылаетъ ли отряды въ горы? Приводятъ ли ему плѣнныхъ? Много ли у него русскихъ плѣнныхъ? И много ли около него тонкихъ рабынь? Плачутъ ли плѣнные русскіе? Играютъ ли ему русскія полонянки? Что для меня добылъ мой паша? Ведетъ ли онъ мнѣ рабынь московскихъ, чтобы мнѣ вѣрно послужили? Получили ли турки добычу? Отдали ли старшинство пашѣ моему? детъ Или ко мнѣ мой Бечиръ-паша? Когда придетъ онъ—когда мнѣ встрѣчать его?“

„Говорятъ ей два ворона чорныхъ: „Поссетримо, прекрасная пашеница! Рады бы мы тебѣ добро сказать, только мы сами мало добра видѣли. Разскажемъ тебѣ, что мы видѣли: когда мы были около Озіи, то все видѣли, о чемъ ты насъ спрашиваешь; было здорово и весело войско, и играли кони подъ молодцами, и вѣяли по воздуху знамена и лютовали турки словно волки, и твой паша сераскиръ впереди войска, и посылалъ онъ отряды въ горы, и приводили ему плѣнныхъ, довольно было у него русскихъ плѣнниковъ и около него тонкихъ рабынь, и плакали русскіе плѣнные, и играли плѣнныя рабыни въ неволѣ словно по доброй волѣ, у твоего паши до семи рабынь, и у твоего сына Османъ-бега три тонкихъ рабыни, и у другихъ богатырей у кого по двѣ, у кого по четыре... Все это твой паша привелъ бы къ тебѣ, да не далъ ему дьяволъ, потому что пошелъ онъ дальше въ Россію. Когда его увидѣла московская кралица, по имени госпа Елисавка, то подкопала подкопы подъ турокъ и на подкопы турокъ заманила, и когда огнемъ взорвали подкопы, то взлетѣли подъ небеса турки—на третій день ужъ съ неба попадали!“—Говоритъ имъ Бечиръ-пашиница: „О, два ворона, горе великое!“ — „Милая кади! это еще не горе, а что мы тебѣ скажемъ, такъ это горе: что осталось отъ турецкаго войска, всѣхъ ихъ настигла московская кралица госпа Елисавка: шесть

сотъ тысячъ всадниковъ послала она на нихъ, и погибло все турецкое войско—погибло восемь малыхъ пашей и изъ Босніи восемнадцать беговъ!" — Говоритъ Бечиръ-пашиница: „О, два ворона! великое горе:" — „Милая кади! это еще не горе, а что мы тебѣ скажемъ, такъ это горе: твоего пашу живого ухватили и твоего сына Османъ-бега, и отвели ихъ въ свою орду" и т. д.

„Когда услыхала это Бечиръ-пашиница, отъ горя упала на черную землю—на землю упала и ужъ больше не вставала".

Такими грандіозными очертаніями рисуетъ южный народъ образъ Елизаветы Петровны.

Имена другихъ русскихъ историческихъ личностей южному народу неизвѣстны.

Елизавета Петровна царствовала ровно двадцать лѣтъ.

17-го ноября 1761 года она заболѣла, потомъ, перемогаясь нѣсколько времени, снова слегла 12 декабря, и ужъ больше не вставала до 25 декабря: это день ея кончины.

Одинъ изъ писателей восемнадцатаго вѣка такъ характеризуетъ значеніе этой государыни:

„По кончинѣ ея открылась любовь къ сей монархинѣ и сожалѣніе. Всякій домъ проливалъ по лишеніи ея слезы, и тѣ плакали неутѣшно, кои ея не видали никогда—толико была любима въ своемъ народѣ!"

Дѣйствительно, Елизавета Петровна служила какъ бы точкою отправленія для будущаго подъема народнаго духа и развитія народной самодѣятельности, литературы и науки. Время этого общественнаго духовнаго подъема прошло также и черезъ царствованіе Екатерины II, при которой, однако, съ восьмидесятыхъ годовъ и началась реакція этому подъему, а тамъ—застой.

Это-то время подъема общественнаго духа, время очень непродолжительное, даетъ намъ не мало женскихъ именъ, которыя оставили по себѣ историческое безсмертіе.

II.

Наталья Өедоровна Лопухина (урожденная Балкъ).

Не мало прошло уже передъ нами женскихъ личностей, и, къ сожалѣнію, почти ни объ одной изъ нихъ нельзя сказать, чтобы жизни ея не коснулись тѣ поразительныя превратности судьбы, гдѣ высшая степень благополучія и славы смѣняется глубокимъ несчастіемъ и страданіями, богатыя палаты—сырою тюрьмою, монастырскою кельею или занесенною снѣгомъ бѣдною сибирскою лачугою, ласковыя и вѣжливыя рѣчи придворныхъ кавалеровъ — допросами слѣдователей, нѣжныя объятія родныхъ и дорогихъ сердцу — грубымъ прикосновеніемъ палачей и тюремныхъ солдатъ. Почти ни одной изъ выведенныхъ нами доселѣ женщинъ не миновала ссылка или иная опала, за исключеніемъ весьма немногихъ.

Но таково было время и таковы были люди.

Не была исключеніемъ между людьми своего вѣка и Наталья Лопухина, которой привелось жить тогда, когда всѣмъ жилось или не въ мѣру хорошо, или не въ мѣру худо.

Наталья Лопухина, какъ мы видѣли выше, была племянница знаменитой красавицы нѣмецкой слободы Анны Монсъ, родная сестра которой, Матрена Монсъ, была замужемъ за генераломъ Балкомъ, и къ которымъ молодой царь Петръ питалъ особое благоволеніе.

Жизнь Натальи нѣсколькими днями коснулась еще XVII-го столѣтія, потому что рожденіе ея относится къ 11-му ноября 1699 рода.

Родившаяся въ богатомъ и приближенномъ къ Петру семействѣ, Наталья получила отличное, какъ принято выражаться, по своему времени образованіе, потому что Петръ, силившійся высоко поставить въ своемъ государствѣ знамя образованности и самъ преклонявшійся предъ знаніемъ, желалъ и требовалъ, чтобъ въ его государствѣ всѣ учились, и эта воля была, конечно, не чужда той мысли, чтобы, соотвѣтственно общему подъему образованія въ странѣ, и женщина получила сообразныя ея полу знанія.

Маленькая Наталья Балкъ должна была, поэтому, получить приличное образованіе, хотя оно, въ сущности, было очень скудно и поверхностно. Но зато, какъ можно судить по отзывамъ современниковъ, нравственнаго воспитанія ей положительно недоставало, и, выростая въ такомъ семействѣ, она не могла вынести оттуда въ жизнь хорошихъ нравственныхъ правилъ.

Она вынесла изъ этого семейства только то, чѣмъ оно отличалось,— физическую красоту и плѣнительность: красота была въ роду Монсовъ и Балковъ.

„Получивъ отличное воспитаніе въ домѣ родителей,—говоритъ нѣсколько восторженный Бантышъ-Каменскій,—Наталья Ѳедоровна затмевала красотою всѣхъ придворныхъ дамъ и, какъ увѣряютъ современники, возбудила зависть въ самой цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Девятнадцати лѣтъ красавица Наталья была помолвлена замужъ за морского офицера, любимца Петра Перваго, лейтенанта Степана Васильевича Лопухина, двоюроднаго брата нелюбимой Петромъ царицы Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной, впослѣдствіи камергера и одного изъ сильныхъ людей петербургскаго двора.

Судьбою дѣвушки, по обыкновенію, распорядился самъ царь, который любилъ лично сватать за своихъ фаворитовъ и „денщиковъ“ тѣхъ красавицъ, кои считались достойными задуманныхъ царемъ партій, и самъ въ качествѣ „дружки“ или „маршала“ возилъ ихъ къ дворцу, не спрашивая иногда, любятъ ли другъ друга женихъ и невѣста.

„Петръ Великій приказалъ мнѣ жениться: можно ли было его ослушаться?“—говорилъ впослѣдствіи мужъ Натальи, когда ему намекали на невѣрность къ нему красавицы-жены. —„Я тогда же зналъ, что невѣста меня ненавидитъ, и, съ своей стороны, не любилъ и не люблю ея, хотя всѣ справедливо считаютъ ее красавицей“.

А, между тѣмъ, красавица Наташа дѣйствительно имѣла много поклонниковъ и могла сдѣлать любой выборъ между женихами, если бы царь не былъ охотникомъ устраивать карьеры намѣченныхъ имъ своимъ вниманіемъ жениховъ и невѣстъ по своему усмотрѣнію: этимъ способомъ онъ сливалъ между собою родовою связью древніе русскіе роды, примѣшивая къ нимъ и роды нѣмецкіе, выдвигавшіеся въ его время.

Наталья, по отзыву ея біографовъ, была мила, хороша, умна и возбуждала постоянную зависть со стороны всѣхъ именитѣйшихъ красавицъ петербургскаго общества.

„Толпа воздыхателей",—свидѣтельствуетъ одинъ изъ прежнихъ жизнеописателей Лопухиной, именно все тотъ же восторженный Бантышъ-Каменскій, увлеченный насчетъ красавицы своимъ пылкимъ историческимъ воображеніемъ,—„толпа воздыхателей постоянно окружала красавицу Наталью. Съ кѣмъ танцовала она, кого удостоивала разговоромъ, на кого бросала даже взглядъ, тотъ считалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Гдѣ не было ея, тамъ царствовало принужденное веселье; появлялась она—радость одушевляла общество; молодые люди восхищались ея прелестями, любезностью, пріятнымъ и живымъ разговоромъ; старики также старались ей нравиться; красавицы замѣчали пристально, какое платье украшала она, чтобы хотя нарядомъ походить на нее; старушки рвались съ досады, ворчали на мужей своихъ, бранили дочекъ и говорили кое-что на ухо, но, такимъ образомъ, чтобы проходящіе могли слышать, — понимается, съ большими прибавленіями".

Въ первый же годъ замужества—1718 (въ годъ молодой кабалы Натальи)—всѣхъ родныхъ ея мужа постигла царская опала. Это былъ годъ казни по дѣлу царевича Алексѣя Петровича, когда двоюродный братъ мужа Натальи и родной братъ царицы Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной, Абрамъ Ѳедоровичъ Лопухинъ сложилъ голову на плахѣ 9 декабря 1718 года и когда всѣ прочіе его родные пошли въ ссылку—кто въ Сибирь, кто въ самые далекіе города европейской Россіи. Не веселъ былъ такой годъ для молодой замужней женщины и не могли быть радостны и безъ того немилые ей медовые мѣсяцы.

Казнь миновала, однако, мужа Натальи, любимца царя. Но молодая женщина видѣла передъ собой плахи и висѣлицы, столбы и колеса со взоткнутыми на нихъ головами казненыхъ—и это казненые были ей, такъ или иначе, близки.

Немного спустя, страшная казнь постигла и самыхъ близкихъ ея сердцу родныхъ—мать и дядю, красавца Виллима Монса: прекрасная голова, которая, какъ мы видѣли выше, была отрублена палачомъ, потомъ, для сохраненія ея красоты, положена въ спиртъ, поставлена въ кабинетѣ Екатерины Алексѣевны и затѣмъ сдана въ академію наукъ, въ кунсткамеру, въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ—это была голова родного дяди красавицы Натальи Лопухиной.

Вмѣстѣ съ дядей постигла страшная опала и еще болѣе дорогое для

Натальи лицо—ея родную мать и родную сестру этого Монса-красавца: опала обрушилась на голову матери Натальи, генеральши Матрены Балкъ за то, какъ мы видѣли, что она позволяла своему брату любить Екатерину Алексѣевну и прикрывала собой отъ царя Петра эту непозволительную любовь.

Но время и перемѣна обстоятельствъ скоро изгладили изъ памяти Лопухиной эти страшныя впечатлѣнія—и то, какъ голова ея дяди торчала на колу, а потомъ стояла въ спирту, и то, какъ на столбахъ былъ вывѣшенъ перечень взятокъ ея матери,—и красавица отдалась своимъ природнымъ инстинктамъ и привитымъ къ ней наклонностямъ, тѣмъ болѣе, что не любила своего мужа, какъ и онъ не любилъ ея.

Объ Натальѣ Лопухиной разсказываютъ, что она походила на свою мать, на знакомую уже намъ Матрену Балкъ, не только красотою лица и станомъ, но и нѣкоторыми особенностями своего темперамента: подобно ей, она, какъ истинное дитя своей матери и своего времени, не отличалась супружеской вѣрностью.

Лопухина нашла себѣ при дворѣ поклонника, и со всею страстью отдалась ему. Это былъ знаменитый графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде.

„Щеголь, мотъ, любитель азартныхъ игръ, и человѣкъ честолюбивый, тщеславный, эгоистъ въ высшей степени; человѣкъ столь дурного нрава, какихъ немного на свѣтѣ; человѣкъ, готовый, ради своихъ выгодъ, жертвовать другомъ и благодѣтелемъ; человѣкъ лживый и коварный“, — вотъ какъ отзывается о Левенвольде одинъ изъ его современниковъ, и вотъ на кого обратилась несчастная привязанность Лопухиной.

Объ отношеніяхъ ихъ всѣ знали, не исключая мужа самой Натальи Θедоровны.

Но таково было то разнузданное время, когда люди такъ легко переходили отъ измѣны своему чувству къ измѣнѣ своему отечеству и изъ дворца—на плаху.

„Недавно у меня была одна изъ здѣшнихъ красавицъ, супруга русскаго вельможи, г-жа Лопухина,—писала въ 1838 году леди Рондо въ Англію къ своей пріятельницѣ:—„его вы видѣли въ Англіи. Жена его — статсъ-дама императрицы и приходится племянницей той особѣ, которая была любовницею Петра I и исторію которой я вамъ разсказывала (т. е. Аннѣ Монсъ); но скандальная хроника гласитъ, что она не такъ твердо защищала свою добродѣтель. Лопухина и ея любовникъ—если онъ у нея на самомъ дѣлѣ только одинъ — очень постоянны и въ теченіе многихъ лѣтъ сохраняютъ другъ къ другу сильную страсть. Когда она родила, то, при первой встрѣчѣ съ ея супругомъ, я поздравила его съ рожденіемъ сына и спросила о здоровьѣ его жены. Онъ отвѣтилъ мнѣ по-англійски: „Зачѣмъ вы спрашиваете меня объ этомъ? Спросите графа Левенвольде: ему это извѣстно лучше, нежели мнѣ“. Видя, что такой отвѣтъ меня совершенно озадачилъ, онъ прибавилъ: „что жъ! всѣмъ извѣстно, что это такъ и это меня нисколько не волнуетъ. Петръ Великій принудилъ насъ

вступить въ бракъ; я зналъ, что она ненавидитъ меня, и былъ къ ней совершенно равнодушенъ, несмотря на ея красоту. Я не могъ ни любить ее, ни ненавидѣть, и въ настоящее время продолжаю оставаться равнодушнымъ къ ней; къ чему же мнѣ смущаться связью ея съ человѣкомъ, который ей нравится, тѣмъ болѣе, что, нужно отдать ей справедливость, она ведетъ себя такъ прилично, какъ только позволяетъ ей ея положеніе".

Такъ всегда бываетъ съ людьми послѣ долгой сдержки, а эту сдержку русскій бояринъ, превратившійся потомъ въ вельможу, терпѣлъ отъ Владиміра Мономаха и отъ цѣломудренныхъ Верхуславъ и Предславъ до Петра и красавицъ „Кукуй-городка".

Сдержку заступила разнузданность.

„Судите о моемъ удивленіи,—продолжаетъ леди Рондо, — и подумайте, какъ поступили бы вы въ подобныхъ обстоятельствахъ. Я же скажу вамъ, какъ поступила я: я внезапно оставила Лопухина и обратилась къ первому, кого увидѣла".

Леди Рондо такъ характеризуетъ Лопухину: „эта дама говоритъ только по-русски и по-нѣмецки, а такъ какъ я плохо говорю на этихъ языкахъ, то нашъ разговоръ вертѣлся на общихъ мѣстахъ, и потому я могу сказать вамъ лишь о ея наружности, которая, дѣйствительно, прекрасна; по-настоящему, мнѣ и не слѣдовало бы говорить ни о чемъ другомъ, но я не могла пройти молчаніемъ этой исторіи, показавшейся мнѣ необыкновенно странной. Я презираю себя, однако, за злоязычіе, которое вы едва ли захотите простить".

Какъ бы то ни было, но Лопухиной, повидимому, жилось счастливо, и почти до сорока трехъ лѣтъ продолжалась эта безмятежная жизнь придворной блестящей женщины.

Старшій сынъ ея Иванъ былъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ тоже былъ при дворѣ и носилъ камеръ-юнкерскій мундиръ, а потомъ получилъ и чинъ полковника арміи.

Но въ 1742 году красавицу Лопухину постигло несчастіе, не личное, но въ лицѣ того, кого она любила,—въ лицѣ графа фонъ-Левенвольде.

На престолъ вступила императрица Елизавета Петровна (въ ноябрѣ 1742 года). Лица, стоявшія во главѣ правленія ея предшественницы, обвинены въ измѣнѣ и сосланы: ссылка, между прочимъ, постигла старика Остермана, Головкина, мужа одной изъ выдающихся женскихъ личностей прошлаго вѣка, Екатерины Ивановны Головкиной, урожденной княжны-кесаревны Ромодановской, о которой сказано будетъ въ слѣдующемъ очеркѣ, и блестящаго Левенвольде, все еще любимаго Лопухиною.

Левенвольде былъ сосланъ въ Соликамскъ,—и это горе было очень тяжелымъ горемъ для Лопухиной. Сама же она была взыскана милостями императрицы, продолжала являться при дворѣ, участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ придворной жизни вмѣстѣ съ дочерью, которая уже была взрослой дѣвушкой. Другіе же говорятъ, что ссылка Левенвольде сдѣлала ее большою нелюдимкой—она не могла забыть своего блестящаго друга.

Но еще болѣе страшное горе ждало ее, и горе это было не за горами.

Въ это время, какъ извѣстно, исключительнымъ вліяніемъ при дворѣ пользовался Лестокъ, лейбъ-хирургъ императрицы. Боясь соперничества другого сильнаго лица, вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, Лестокъ рѣшился погубить его, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ, кого пришлось бы для этого втянуть въ пропасть.

Лестокъ рѣшился на сильную и удачную мѣру, которая почти всегда удается,—на доносъ, на обвиненіе въ измѣнѣ.

Хотя главный соперникъ его, Бестужевъ-Рюминъ, и не погибъ, но зато погибли другіе, невинные, или менѣе виновные, чѣмъ какими ихъ изображали, и въ томъ числѣ погибла Лопухина.

Это было въ 1743-мъ году, черезъ годъ послѣ ссылки Остермана, Головкина и Левенвольде.

Лестокъ донесъ императрицѣ, что противъ правительства составляется заговоръ, что заговорщики хотятъ будто бы умертвить его, Лестока, камергера Шувалова и оберъ-шталмейстера Куракина, и затѣмъ, будто бы при помощи камеръ-лакея, подававшаго закуски, отравивъ государыню, возстановить прежнее правительство, съ регентствомъ принцессы Анны Леопольдовны.

Вѣсть о заговорѣ поразила дворъ.

„Я не въ силахъ изобразить тотъ ужасъ, который распространился при извѣстіи о заговорѣ (пишетъ одинъ современникъ этого событія). Куракинъ нѣсколько ночей сряду боялся провести у себя дома; во дворцѣ бодрствуютъ царедворцы и дамы, страшась разойтись по спальнямъ, несмотря на то, что у всѣхъ входовъ и во всѣхъ комнатахъ стоятъ часовые. Въ видахъ усиленія ихъ бдительности, именнымъ указомъ повелѣно кабинету давать солдатамъ, которые въ ночное время содержатъ пикетъ у нашихъ покоевъ (т. е. у покоевъ императрицы), на каждый день по десяти рублей. Бдительность и рвеніе тѣлохранителей усилено, но именитыя особы не ложились въ постель на ночь, ждали разсвѣта и высыпались днемъ. Отъ всего этого и безпорядокъ въ дѣлахъ, въ докладахъ, безпорядокъ и общая неурядица во всемъ съ каждымъ днемъ усиливаются“.

Но, между тѣмъ, ожидаемые, повидимому, мнимые, заговорщики не являются, ихъ никто не видитъ, никто не знаетъ—не знаетъ даже самъ Лестокъ.

Скоро, однако, таинственная драма разыгрывается, и невольной виновницей ея является Лопухина.

Въ эти тревожные дни ожидаемаго исполненія небывалаго заговора нѣкто Бергеръ, курляндецъ, офицеръ кирасирскаго полка, по всѣмъ отзывамъ человѣкъ распутный и низкій, получаетъ назначеніе въ Соликамскъ, въ мѣсто ссылки графа Левенвольде, на смѣну другого офицера, находившагося при ссыльномъ.

Лопухина, узнавъ о назначеніи Бергера въ Соликамскъ, проситъ сына своего Ивана сказать Бергеру, чтобъ онъ передалъ отъ нея поклонъ лю-

бимому ею когда-то ссыльному Левенвольде, увѣрить въ неизмѣнной ея памяти о немъ и совѣтовать, „чтобы графъ не унывалъ, а надѣялся бы на лучшія времена“.

Эта послѣдняя несчастная фраза погубила и ее, и всѣхъ ея близкихъ—фраза эта и была—„заговоръ“.

Бергеръ, желая выслужиться передъ Лестокомъ, а главное—получить позволеніе остаться въ Петербургѣ, явился къ всесильному лейбъ-хирургу и передалъ ему слова Лопухиной.

Для Лестока это была находка.

Хитрый лейбъ-хирургъ тотчасъ же поручилъ услужливому Бергеру вызвать молодого Лопухина на откровенность и выпытать отъ него какимъ-либо образомъ признаніе, на чемъ его мать основываетъ надежды „на лучшія времена“.

Бергеръ завелъ Лопухина въ погребокъ, напоилъ его и, искусно втянувъ въ интимный разговоръ о правительствѣ, заставилъ пьянаго мальчишку болтать всякія несообразности.

А въ это время, въ погребкѣ, за стѣнкой, посажены были уши, долженствовавшія все слышать.

Лопухина арестовали. Вслѣдъ затѣмъ арестовали его мать и сестру-дѣвушку. Послѣднюю взяли въ тотъ моментъ, когда она гуляла съ великимъ княземъ и вмѣстѣ съ нимъ въ одной каретѣ возвращалась съ прогулки во дворецъ. Чтобы не огорчить великаго князя, который былъ очень расположенъ къ молодой дѣвушкѣ, ее вызвали изъ кареты въ другой экипажъ будто бы для того, что ея мать отчаянно заболѣла. Тутъ же арестовали и графиню Анну Гавриловну Бестужеву-Рюмину, урожденную графиню Головкину, бывшую прежде за генералъ-прокуроромъ Ягужинскимъ: она также была любимицею покойнаго Петра Великаго и онъ устраивалъ ея свадьбу съ Ягужинскимъ, какъ устроилъ свадьбу съ Лопухинымъ и Натальи Ѳедоровны Балкъ. Арестовали, наконецъ, и старшую дочь этой Бестужевой-Рюминой.

Лопухину съ сыномъ и Бестужеву заключили въ крѣпость, какъ главныхъ заговорщиковъ, а дѣвушекъ держали подъ карауломъ въ домахъ.

По городу усилили патруль.

Наряженная по дѣлу слѣдственная комиссія привлекла къ допросамъ еще нѣсколько женщинъ, именно—бывшую фрейлину правительницы Софью Лиліенфельдъ и княгиню Гагарину, падчерицу Бестужевой-Рюминой. Точно это былъ заговоръ женщинъ.

Ушаковъ, неизмѣнный начальникъ тайной канцеляріи, Лестокъ и генералъ-прокуроръ Трубецкой были членами слѣдственной комиссіи.

На первыхъ же допросахъ арестованные повинились, что они иногда дозволяли себѣ необдуманныя выраженія объ образѣ жизни нѣкоторыхъ именитыхъ особъ и фаворитовъ, о лѣности и безпечности ихъ къ дѣламъ управленія; признались и въ томъ, что высказывали недовольство настоящимъ положеніемъ дѣлъ и желали возстановленія прежняго правительства.

Бантышъ-Каменскій прямо говоритъ: „Въ частныхъ бесѣдахъ своихъ Лопухина и Бестужева-Рюмина изливали взаимно душевную скорбь и вскорѣ, подстрекаемыя неблагонамѣреннымъ министромъ королевы венгерской, маркизомъ Боттою, дерзнули составить заговоръ противъ самодержицы всероссійской въ пользу младенца Іоанна!“

Послѣ вышепрописанныхъ показаній растерявшихся женщинъ, подсудимыхъ повели въ застѣнокъ, къ пыточному допросу.

Сначала пытали молодого Лопухина; но онъ ничего не сказалъ. Привели въ застѣнокъ Лопухину и Бестужеву-Рюмину. Статсъ-дамѣ и оберъ-гофмаршальшѣ, по установленному пыточному порядку, оголили спины для кнута, связали руки и подняли на дыбу.

Странное то было время.

— Пусть разорвутъ насъ на части, но мы не станемъ лгать, не станемъ признаваться въ томъ, чего никогда не дѣлали и не знали,—говорили женщины, висѣвшія на дыбѣ.

Но кнутомъ ихъ на этотъ разъ не били.

Главная цѣль Лестока состояла въ томъ, чтобы втянуть въ дѣло бывшаго передъ тѣмъ въ Петербургѣ австрійскаго посла, маркиза Ботта д'Адорно, который былъ друженъ съ Бестужевою-Рюминою и Лопухиной.

Бестужева-Рюмина на допросѣ показала, что такъ какъ она не любима мужемъ и сама его не любитъ, то ничего и не передавала ему: Бестужевъ-Рюминъ, врагъ Лестока, черезъ это ускользалъ изъ его тенетъ. О маркизѣ Ботта д' Адорно она показала, что такъ какъ самъ онъ былъ очень не расположенъ къ обоимъ Бестужевымъ-Рюминымъ, и къ вице-канцлеру, и къ оберъ-гофмаршалу, то и Ботта имъ ничего не могъ передавать изъ ихъ разговоровъ. Тенета Лестока окончательно рвались.

Лопухина показала то же,—ни дополненій, ни комментаріевъ отъ нея допросчики не добились.

Только молодой Лопухинъ не вынесъ пытокъ.

— Мы-де зачастую говаривали въ семьѣ своей, что если бы на вице-канцлера не было этого продувного канальи Лестока, то оба Бестужевы и ихъ сторонники были бы самые нерѣшительные и слабые правители.

„Продувной каналья“ не простилъ врагамъ этого выраженія.

Чтобы обвинить австрійскаго посла, Лестокъ обѣщалъ допрашиваемымъ, что если они покажутъ на Ботта д' Адорно, то ихъ ждетъ облегченіе участи.

Обманутыя этой уловкой Лопухина и Бестужева-Рюмина показали, что Ботта хлопоталъ объ освобожденіи изъ Сибири Остермана, Миниха, Головкина, и обѣщалъ помогать деньгами возстановленію прежняго правительства.

Но измученныя женщины напрасно покривили душой — ихъ участь не была смягчена.

Лестокъ прямо говорилъ въ городѣ:

— Какъ же-де не быть строгимъ, если кромѣ пустыхъ сплетенъ да вздорной болтовни ничего нельзя добиться отъ упрямыхъ бабъ.

Съ допросами, однако, покончили быстро. 4-го—6-го августа 1743-го года производились аресты, а 29-го августа уже извѣщалось о предстоящей казни осужденныхъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи суда одинъ изъ сенаторовъ подалъ такое оригинальное мнѣніе:

— Достаточно предать виновныхъ обыкновенной смертной казни, — говорилъ онъ: — такъ какъ осужденные еще никакого усилія не учинили; да и россійскіе законы не заключаютъ въ себѣ точнаго постановленія на такого рода случаи, относительно женщинъ, большею частію замѣшанныхъ въ сіе дѣло.

На это горячо возражалъ пріятель Лестока, принцъ гессенъ-гамбургскій.

— Неимѣніе-де писаннаго закона не можетъ служить къ облегченію наказанія,—настаивалъ принцъ:—а въ настоящемъ случаѣ кнутъ да колесованье должны считаться самыми легкими казнями.

Кнутъ да смерть съ колесованьемъ—самая легкая казнь. Вотъ время!

Приговоръ, наконецъ, состоялся.

29-го августа, гвардейскій отрядъ прошелъ по улицамъ Петербурга и барабаннымъ боемъ извѣстилъ о предстоящихъ на 1-е сентября казняхъ.

Эшафотъ построенъ былъ на Васильевскомъ островѣ, противъ нынѣшняго университетскаго зданія, гдѣ былъ тогда сенатъ. Тамъ же стоялъ столбъ съ навѣсомъ, подъ которымъ висѣлъ сигнальный колоколъ.

Въ день казни народъ, по обыкновенію, толпами валилъ къ мѣсту зрѣлища, занялъ всю площадь, галлереи бывшаго тамъ гостинаго двора, заборы, крыши. Народъ—вездѣ народъ: и въ Римѣ и въ Петербургѣ — онъ проситъ только „хлѣба и зрѣлищъ“.

Впереди всѣхъ осужденныхъ шла Лопухина, все еще красивая женщина.

Съ эшафота, говорятъ, она окинула взоромъ толпы народа, надѣясь увидѣть въ массѣ или своихъ друзей и родныхъ, или тѣхъ, которые когда-то любили ее, которые могли бы на мѣстѣ казни утѣшить и ободрить ее.

„Но,—восклицаетъ одинъ изъ современниковъ казни,—красавица забыла низость душъ придворныхъ куртизановъ: вокругъ помоста волновалась только чернь, алчущая курьезнаго зрѣлища“.

Этотъ современникъ, аббатъ Шапъ, оставилъ даже рисунокъ казни. На этомъ рисункѣ изображенъ эшафотъ съ высокимъ барьеромъ. На эшафотѣ стоитъ палачъ безъ шапки, въ кафтанѣ и держитъ на своихъ плечахъ женщину—это Лопухина. Волосы ея забраны назадъ, голова откинута, тѣло обнажено; на поясѣ болтается ея мантилья, сорочка; верхняя одежда брошена у ногъ. Лопухина приподнята такъ, что ноги ея не достаютъ до земли. Сзади, въ нѣсколькихъ шагахъ, виднѣется заплечный мастеръ, тоже безъ шапки, въ кафтанѣ; онъ обѣими руками приподнялъ кнутъ, длинный хвостъ котораго змѣей взвился въ воздухѣ. Изъ-за барьера видны женскія и мужскія головы толпы—въ платкахъ, теплыхъ шапкахъ и пр.; на заднемъ планѣ—крыши домовъ; влѣво—дерево.

Тотъ же аббатъ Шапъ такъ описываетъ самую казнь Лопухиной:

„Простая одежда придавала новый блескъ ея прелестямъ; доброта души изображалась на лицѣ; она окинула быстрымъ взоромъ предметы, ее окружавшіе, изумилась, увидавъ палачей подлѣ себя: одинъ изъ нихъ сорвалъ небольшую епанчу, покрывавшую грудь ея; стыдъ и отчаяніе овладѣли ею; смертельная блѣдность показалась на челѣ, слезы полились ручьями. Вскорѣ обнажили ее до пояса въ виду любопытнаго и безмолвнаго народа“ (Бантышъ-Каменскій).

Прежде обыкновенно наказывали кнутомъ такъ, что подлежавшаго наказанію бралъ одинъ изъ палачей или первый попавшійся здоровый и плечистый мужикъ и взваливалъ къ себѣ на спину: на этой спинѣ палачъ уже билъ виновнаго кнутомъ по голой спинѣ, стараясь не попасть въ голову. Послѣ стали сѣчь на кобылѣ, на чурбанѣ или на опрокинутыхъ полозьями кверху саняхъ.

Говорятъ, что Лопухина до послѣдней минуты сохранила твердость и съ мужественнымъ спокойствіемъ слушала манифестъ.

Она еще не знала, къ чему ее приговорили.

Вотъ этотъ манифестъ, какъ онъ напечатанъ въ полномъ Собраніи Законовъ:

„Объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ,—громко провозглашалъ чиновникъ сената:—всѣмъ уже извѣстны изъ обнародованнаго манифеста 24 января 1742 года важныя и злоумышленныя преступленія бывшихъ министровъ: Остермана, Миниха, Головкина и оберъ-маршала Левенвольда и ихъ сообщниковъ. Всѣмъ извѣстно, на что осуждены они были по государственнымъ законамъ и какая милость показана была государынею: вмѣсто жесточайшихъ и правильно придуманныхъ имъ смертныхъ казней, всѣ преступники въ нѣкоторые токмо отдаленные города въ ссылку сосланы.

„Мы уповали, что показанное милосердіе съ наичувствительнѣйшимъ удовольствіемъ будетъ принято не только осужденными, но ихъ фамиліями и друзьями; однако, нѣкоторые злодѣи, того же корня оставшіеся, приняли нашу милость не такъ: вмѣсто благодарности вящшее отъ того въ краткое время произрасло, о чемъ мы узнали отъ нѣкоторыхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ. По учиненному слѣдствію оказалось, что бывшій генералъ-поручикъ Степанъ Лопухинъ съ женою Натальею и съ сыномъ, бывшимъ подполковникомъ Иваномъ, забывъ страхъ божій, не боясь страшнаго суда его, несмотря ни на какія опасности, не обращая вниманія ни на то, что по первому дѣлу они находились въ подозрѣніи и содержались подъ арестомъ, презирая, наконецъ, милости, имъ оказанныя, рѣшились лишить насъ нашего престола. А всему свѣту извѣстно, что престолъ перешелъ къ намъ по прямой линіи отъ прародителей нашихъ, и та прямая линія пресѣклась только съ кончиной племянника нашего Петра II; а послѣ его смерти приняли мы корону въ силу духовнаго завѣщанія матери нашей, по законному наслѣдству и божьему усмотрѣнію.

„Лопухины-жъ Степанъ, Наталья и Иванъ, по доброжелательству къ

принцессѣ Аннѣ и по дружбѣ съ бывшимъ оберъ-маршаломъ Левенвольдомъ, составили противъ насъ замыселъ; да съ ними графиня Анна Бестужева, по доброхотству къ принцамъ и по злобѣ за брата своего Михайлу Головкина, что онъ въ ссылку сосланъ, забывъ его злодѣйскія дѣла и наши къ ней многія, не по достоинству, милости. И всѣ они, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ часто съѣзжались въ домъ графини Бестужевой, Степана Лопухина и маркиза де-Ботты, совѣтовались о своемъ замыслѣ. Бывшій же при нашемъ дворѣ венгерскимъ министромъ марки-де-Ботта, не по должности своей, но какъ адгерентъ принцессинъ и другъ Михайла Головкина, во внутреннія дѣла нашея имперіи вмѣшивался, вводилъ не только внѣшнія, но и внутреннія безпокойства.

„Всѣ они хотѣли возвести въ здѣшнее правленіе, попрежнему, принцессу Анну съ сыномъ ея, не имѣющіе никакого законнаго права и только стараніями злодѣевъ Остермана, Миниха, Головкина и ихъ собесѣдниковъ владѣвшіе имперіей. На съѣздахъ своихъ де-Ботта обнадеживалъ вспомогательствомъ своимъ Лопухиныхъ и Бестужеву, и съ искреннею ревностію и усердіемъ къ принцессѣ говорилъ, что до тѣхъ поръ спокоенъ не будетъ, пока ей, принцессѣ, не поможетъ. Зная дружескія отношенія нашего правительства къ королю прусскому и желая безсовѣстно водворить между нами несогласія, де-Ботта говорилъ, что король-де станетъ помогать принцессѣ. Извѣстно же намъ и вѣдомо, что такого намѣренія его величество никогда не имѣлъ, но онъ, Ботта, то разглашалъ, чтобы причинить внутри Россіи безпокойства, съ чѣмъ и отъѣхалъ за границу; Лопухинымъ же и Бестужевымъ далъ неизмѣнныя надежды; они радовались, нетерпѣливо того ожидали и разные къ тому способы приискивали и употребляли, внушая то другимъ и приводя къ себѣ въ согласіе, злоковарныя, непристойныя слова разсѣвали, насъ въ огорченіе и озлобленіе народу приводили, принцессу прославляли, всѣхъ обнадеживали ея милостями, хотя и сами не видали ихъ, но кромѣ восьми человѣкъ никого къ злому начинанію привесть не могли. Увидавъ же, что мы съ королемъ прусскимъ алліансъ возобновили и орденъ отъ него приняли, и что намѣреніе де-Ботты безъ дѣйства осталось, и чаемой войны и перемѣны, чего ждали, не будетъ, о томъ сожалѣли. Вообще, по разспросамъ, добровольно и по изобличеніи показали слѣдующее:

„Степанъ Лопухинъ, въ надеждѣ чаемой перемѣны, уничижая и отще презирая, насъ оскорблялъ зловредными и непристойными словами; наслѣдницею престола не признавалъ, другимъ чрезъ сына своего Ивана то внушалъ; его же, съ совѣта де-Ботта, поощрялъ разсѣвать въ народѣ вредительныя и опасности касающіяся слова. Онъ же, Степанъ, поносилъ, ни во что вмѣнялъ и высказывалъ презрѣніе къ нашему самодержавному правленію, къ министерству, сенату, къ придворнымъ и другимъ, кого мы по достоинству и заслугамъ жалуемъ; хвасталъ своими службами, которыхъ никогда не бывало; желалъ возвращенія злодѣевъ Остермана, Миниха, Головкина и Левенвольда съ ихъ товарищами; совѣтовался о томъ съ де-

Боттою, который обѣщалъ помочь собственнымъ не малымъ капиталомъ, только бы возвратить ссыльныхъ, а чрезъ нихъ Анну возстановить. На всѣхъ съѣздахъ, гдѣ только его компанія была, Степанъ Лопухинъ за лучшіе разговоры и увеселенія считалъ бесѣды о благополучіи принцессы и нашемъ паденіи.

„Жена его Наталья и Анна Бестужева были начальницами всего злого дѣла. Живя въ дружбѣ и любви между собою, совѣтовались о зловредныхъ дѣлахъ, разговоры съ де-Боттою Степану передавали, къ единомыслію съ нимъ привлекли бывшаго лейбъ-гвардіи капитана князя Ивана Путятина, по дѣлу принцессы не только бывшаго въ подозрѣніи, но и въ розыскѣ (т. е. подъ пытками), и Софію Лиліенфельдъ камергершу, бывшую при принцессѣ фрейлиною. И всѣ они между собою непристойныя и зловредныя слова о собственной нашей персонѣ произносили. Наталья-жъ Лопухина, будучи при дворѣ нашемъ статсъ-дамою, презирая насъ въ надеждѣ чаемой перемѣны, самовольно ко двору долгое время не являлась, и хотя ей о томъ неоднократно говорено ея родными, но она не слушалась.

„Бывшій оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаръ Александръ Зыбинъ, слыша многократно отъ Натальи Лопухиной о ея замыслахъ и зловредныя поношенія насъ, и признавая то худымъ, о томъ, однако, не доносилъ, понынѣ молчаніемъ прошелъ и тѣмъ явнымъ сообщникомъ себя явилъ.

„Иванъ Степановъ сынъ Лопухинъ не только поносительныя слова отца и матери распространялъ, но и отъ себя пріумножалъ. При вступленіи нашемъ на престолъ у первой присяги не былъ, надѣясь будущей перемѣны. Бывая во многихъ компаніяхъ съ вице-ротмистромъ Лиліенфельдомъ, адъютантомъ Колычевымъ, подпоручикомъ Акинфовымъ, старался вымышленно уловить другихъ, но никого обольстить не могъ, а напротивъ того, по усердной вѣрности нашихъ же офицеровъ, самъ Иванъ Лопухинъ поймамъ и изобличился, причемъ оказалось, что, узнавъ о измѣнѣ де-Ботты, онъ отечество хотѣлъ оставить.

„Поручикъ гвардіи Иванъ Мошковъ сообщникомъ и такимъ же злодѣемъ явился, въ чемъ и повинился.

„За всѣ эти богопротивныя противъ государства и насъ вредительныя, злоумышленныя дѣла, по генеральному суду духовныхъ, всего министерства, нашихъ придворныхъ чиновъ, также лицъ гражданскихъ и военныхъ, приговорено всѣхъ злодѣевъ предать смертной казни.

„Степана Лопухина,
„Наталью Лопухину,
„Ивана Лопухина,
„Анну Бестужеву, } вырѣзавъ языки, колесовать, тѣла положить на колеса.

„Ивана Мошкова
„Князя Ивана Путятина } четвертовать; тѣла положить на колеса.

„Александру Зыбину отсѣчь голову, тѣло положить на колесо.

„Софьѣ Лиліенфельдъ отсѣчь голову".

„Всѣ они этимъ казнямъ по правамъ подлежатъ, но мы, по матернему милосердію, отъ смерти ихъ освободили и, по единой императорской милости, повелѣли имъ учинить слѣдующія наказанія:

„Степана Лопухина „Наталью Лопухину „Ивана Лопухина „Анну Бестужеву	бить кнутомъ; вырѣзать языки, сослать въ Сибирь, все имущество конфисковать.
„Ивана Мошкова „Князя Ивана Путятина	бить кнутомъ, сослать въ Сибирь, имѣніе отобрать.

„Александра Зыбина бить плетьми, сослать въ ссылку, имущество конфисковать.

„Софію Лиліенфельдъ, выждавъ, когда она разрѣшится отъ бремени, бить плетьми, послать въ ссылку, имѣніе конфисковать.

„Камергера Лиліенфельда отрѣшить отъ двора, лишить всѣхъ чиновъ, сослать въ деревни его, гдѣ жить ему безвыѣздно; брата его

„вице-ротмистра Лиліенфельда, подпоручика Нила Ахинерова, адъютанта Степана Колычева	выключить изъ гвардіи, съ пониженіемъ чиновъ, написать въ армію.

„Дворянина Николая Ржевскаго написать въ матросы.

„О всемъ этомъ публикуется, дабы наши вѣрноподданные отъ такихъ прелестей лукавыхъ остерегались, о общемъ покоѣ и благополучіи старались, и ежели кто впредь таковыхъ злодѣевъ усмотритъ, тѣ-бъ доносили, однако-жъ, самую истину, какъ и нынѣ учинено, не затѣвая напрасно по злобѣ, ниже по другимъ какимъ страстямъ, ни на кого, за что таковые будутъ щедро награждены. Что же касается до злыхъ и безсовѣстныхъ поступковъ марки-де-Ботта, объ немъ, для полученія надлежащей намъ сатисфакціи, къ ея величеству королевѣ венгерской и богемской сообщено, въ несомнѣнной надеждѣ, что ея величество, по справедливости и дружбѣ съ нами, за его богомерзкіе поступки достойное наказаніе учинитъ".

Когда чтеніе кончилось, одинъ изъ палачей подошелъ къ Лопухиной и сорвалъ съ нея мантилью. Лопухина заплакала и силилась прикрыться отъ взоровъ толпы, въ подобныхъ случаяхъ всегда жадно слѣдящей за каждымъ движеніемъ жертвы: всякому любопытно видѣть, какъ люди борются съ смертью и какъ умираютъ, особенно, когда смерть является въ видѣ насилія.

Лопухина боролась не долго; хоть ее не ждала смерть, но ждали страшныя мученья—и оттого борьба ея была упорна.

Одинъ изъ заплечныхъ мастеровъ схватилъ осужденную за обѣ руки, повернулся и вскинулъ къ себѣ на спину.

Этотъ, именно, моментъ изобразилъ аббатъ Шапъ на своемъ рисункѣ.

Другой палачъ билъ несчастную кнутомъ. Лопухина громко кричала.

Послѣ кнута Лопухину опустили на землю, и у полумертвой отъ страданій урѣзали конецъ языка.

— Кому надо языкъ?—кричалъ палачъ со смѣхомъ, обращаясь къ народу:—купите, дешево продамъ!

Безъ сомнѣнія, циническая выходка вызвала смѣхъ толпы—толпа такъ привыкла къ этимъ зрѣлищамъ.

Лопухиной сдѣлали перевязку и усадили въ телѣгу.

Стали раздѣвать Бестужеву-Рюмину, которая видѣла всю предыдущую сцену съ Лопухиной.

Бестужева не упала въ обморокъ и не боролась съ палачами. Напротивъ, она сумѣла задобрить ихъ: Бестужева сняла съ себя золотой крестъ, усѣянный брилліантами, и подарила главному палачу.

Это было славянское „побратимство“ жертвы съ палачомъ. Бестужева, нѣкогда всемогущая графиня Ягужинская, становилась крестовою сестрою своему палачу.

Палачъ понялъ, что женщина побѣдила его, — и этотъ звѣрь уже съ нѣкоторой снисходительностью относился къ своей крестовой сестрѣ: онъ слегка билъ ее кнутомъ и вмѣсто половины языка—отрѣзалъ только кончикъ.

По окончаніи казни надъ прочими осужденными, арестантовъ разсадили по телѣгамъ и вывезли изъ Петербурга верстъ за десять, гдѣ они и должны были распрощаться съ родными.

Отсюда ихъ развезли въ разныя отдаленныя мѣста, въ вѣчную ссылку.

Такъ кончилось недоразумѣніе, извѣстное въ старыхъ исторіяхъ подъ именемъ „лопухинскаго заговора“.

Извѣстно мѣсто ссылки одной только Бестужевой-Рюминой: ее увезли въ Якутскъ, за 8617 верстъ отъ Петербурга.

По странному стеченію обстоятельствъ черезъ 83 года, въ девятнадцатомъ уже столѣтіи, именно въ 1826 году, въ Якутскѣ же находилось и другое ссыльное лицо, носившее фамилію Бестужевыхъ: это былъ извѣстный Александръ Бестужевъ.

Дочери Лопухиной, Настасья, любимица великаго князя, Анна и Прасковья, отосланы были въ дальнія деревни.

Двадцать лѣтъ Лопухина прожила въ Сибири; но говорить она уже не могла: говоръ ея похожъ былъ на мычанье, и только близкіе въ состояніи были понимать ее.

Черезъ двадцать лѣтъ, съ воцареніемъ императора Петра III, Лопухина получила прощенье и возвратилась въ Петербургъ.

„Въ Петербургѣ,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—Лопухина снова посѣщала большія общества, гдѣ толпа любопытныхъ, а не поклонниковъ, окружала ее. Такъ время и печаль изгладили съ лица красоту, причинившую погибель Лопухиной“.

Бантышъ вѣритъ, что ее погубили изъ зависти къ ея красотѣ...

Дочери Лопухиной—такая же, какъ мать, красавица Настасья вышла

впослѣдствіи замужъ за графа Головина, Прасковья—за князя Голицына, а Анна умерла черезъ три года послѣ матери.

Сама Лопухина кончила жизнь въ царствованіе Екатерины II, именно, 11 марта 1763 года, на 64 году своей жизни.

Судьба Бестужевой-Рюминой была многознаменательнѣе: когда она находилась еще въ ссылкѣ, въ Якутскѣ, мужъ ея, шестидесятидвухлѣтній старикъ, успѣлъ жениться въ другой разъ, въ Дрезденѣ, на молодой вдовѣ.

Годъ смерти Бестужевой неизвѣстенъ.

Красота Лопухиной пользовалась такою популярностью, что народъ долго помнилъ ее и, по своимъ творческимъ инстинктамъ, создалъ о ней легенду: Лопухина была такая красавица, что когда солдатамъ велѣно было ее разстрѣлять, то они стрѣляли въ нее зажмурившись, не смѣя взглянуть въ лицо красавицѣ.

Теперь и народъ ее забылъ.

III.

Екатерина Александровна Княжнина (урожденная Сумарокова).

Намъ предстоитъ теперь сказать о первой, по времени, русской писательницѣ.

Едва тяжелая бироновщина покончила свое существованіе, какъ на Руси является женщина-писательница.

Выяснимъ это явленіе въ исторіи русской жизни.

Кому не извѣстно, какое тяжелое время переживала Росссія въ теченіе первой половины XVIII столѣтія: пятьдесятъ еще лѣтъ послѣ того, какъ Россію насильно поворотили лицомъ отъ востока къ западу и указали ей тамъ, гдѣ заходитъ солнце, образцы иныхъ обычаевъ, иныхъ общественныхъ порядковъ, иного строя жизни,—послѣ того, какъ этотъ „страховатый“ для русскаго человѣка западъ, приславшій когда-то, по преданію, варяговъ, чтобъ „княжити и володѣти нами“, сталъ высылать къ намъ помимо фряжскихъ винъ, астрадамовскихъ суконъ и венецейской объяри, фряжскую цивилизацію съ фряжскими „недоумѣнными“ книжками и нѣмецкими „грѣховидными“ кафтанами и пр., — пятьдесятъ еще лѣтъ старая Русь старалась вновь поворотить свое лицо отъ запада къ излюбленному востоку и, отворачиваясь отъ этого немилаго запада, упорно вела, въ силу исторической инерціи, неравную борьбу противъ всего, что оттуда исходило и нарушало привычный покой.

Тяжела была эта борьба и для тѣхъ, которые глядѣли на западъ, и для тѣхъ, которые отъ него отворачивались. Въ высшихъ слояхъ общества и въ правительственныхъ сферахъ шла—нельзя сказать, чтобы ломка: насильственной ломки никакой почти не было—а скорѣе расчистка мусора,

кучами остававшагося отъ ветхихъ, самообрушивавшихся зданій ветхой Руси, которыя, падая сами собой, какъ падали когда-то и древнія свайныя постройки съ изъѣденныхъ червоточиною устоевъ, давили иногда и обитателей своихъ, заранѣе не выбравшихся изъ своихъ ветхихъ привычныхъ жилищъ.

Много и женщинъ погибло подъ развалинами рушившихся ветхихъ зданій. Не мало такихъ жертвъ уже перечислили мы, и могли бы насчитать еще больше, если бы это не стало, наконецъ, утомительнымъ, притупляющимъ вниманіе и интересъ: женщины ссыльныя, казненныя, заточенныя въ монастыри, сѣченныя кнутами, кошками, батогами, битыя шелепами, плетьми, женщины съ отрѣзанными языками, женщины почти въ дѣтствѣ умиравшія отъ невозможности дышать въ душной и пыльной атмосферѣ разрушавшихся зданій—все это такъ однообразно, такъ утомительно, такъ похоже одно на другое.

Но вотъ Россія переваливается за вторую половину XVIII столѣтія. Отошли времена Меншиковыхъ, Монсовъ, Миниховъ, Остермановъ, Лестоковъ. Бироновъ.

Становится свободнѣе дышать, привѣтливѣе смотритъ русская земля, легче, повидимому, становится жить нѣкоторой части русскаго общества, которое непосредственно выносило на своихъ плечахъ тяжесть падавшей старины.

И женщинѣ становится относительно легче дышать: мусоръ понемногу убирается, пыль улегается, болѣе оживленныя женскія лица выступаютъ на свѣтъ божій, женщины съ другими интересами, съ другими чертами, съ другими стремленіями.

Является особый типъ женщины—женщина-писательница.

Эта уже не та женщина, которая сидѣла въ теремѣ, въ монастырской кельѣ, вышивала воздухи и орари на церковь, и не та, которая танцовала только на петровскихъ ассамблеяхъ и интриговала при дворѣ съ „денщиками“, а потомъ „пети-метрами“, не та, наконецъ, которая шла вмѣстѣ съ мужемъ или любовникомъ въ дворцовые заговоры, чтобы посадить того или другого у кормила правленія и быть „во времени“—многознаменательное слово! — или которая безмолвно шла въ ссылку съ мужемъ или съ отцомъ, замѣшаннымъ въ государственное злоумышленіе.

У этой женщины иная слава, иное честолюбіе. Идеалы ея другіе. Она уже больше, сравнительно, живетъ умомъ. Для нея не чуждъ головной трудъ надъ разрѣшеніемъ вопросовъ внѣ сферы двора или монастыря. Придворная интрига не влечетъ ея къ себѣ—и жизнь ея слагается иначе, она менѣе пуста и менѣе преступна, и жизнь эта не имѣетъ въ перспективѣ ни ссылки, ни монастыря, ни публичной казни.

Такая русская женщина впервые является именно со второй половины XVIII вѣка, въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, представляющееся такимъ относительно-полнымъ отдохновенія русскаго общества, истомленнаго борьбами партій, возвышеніями однихъ, паденіями другихъ,

снова возвышеніями павшихъ, преслѣдованіемъ однихъ любимцевъ другими, ссылками вчерашнихъ временщиковъ нынѣшними, а завтра — нынѣшнихъ вчерашними, возвращеніями изъ ссылокъ прежнихъ опальныхъ съ замѣною ихъ новыми, недавно опальными.

Женщина-писательница является вслѣдъ за мужчиной-писателемъ, потому что лучшая женщина, во всѣ времена и у всѣхъ историческихъ народовъ, всегда старается дѣлать по возможности то, что дѣлаетъ мужчина и что ему нравится: если мужчина танцуетъ въ ассамблеѣ—женщина ничего, кромѣ ассамблеи, знать не хочетъ; если онъ думаетъ о дворцовыхъ интригахъ—она становится крайнею интригантвою; онъ идетъ въ ссылку—она слѣдуетъ за нимъ.

Но когда лучшіе люди русскаго общества поняли цѣну умственнаго труда и промѣняли на него придворныя и всякія чиновничьи интриги — женщина взялась за книгу, за перо.

Едва явился Ломоносовъ, Сумароковъ, Княжнинъ, Фонвизинъ—явились и женщины на нихъ похожія, имъ подражающія.

Когда интриговали при дворѣ Монсы, Остерманы, Минихи, Бестужевы-Рюмины, Лопухины—интриговали и ихъ жены, сестры, дочери: Матрена Монсъ-Балкъ, Анна Бестужева-Рюмина, Наталья Лопухина.

Когда же Сумароковъ отдался служенію литературѣ—за его письменнымъ столомъ учится этому служенію и его дочь.

Дочь Сумарокова является первою женщиною-писательницею въ Россіи.

Знаменитый литературный противникъ Ломоносова, Александръ Петровичъ Сумароковъ имѣлъ двухъ дочерей — Екатерину и Прасковью, изъ которыхъ первая рано обнаружила несвойственное въ то время женщинамъ стремленіе къ занятіямъ литературою, къ производительному умственному труду, и до сего времени не ставшему еще достояніемъ и неотъемлемою принадлежностью женщины въ такой же, или приблизительно такой же мѣрѣ, въ какой онъ всегда былъ достояніемъ мужчины.

Съ той минуты, какъ страшная бироновщина признана покончившею свое существованіе и въ обществѣ, вмѣсто явныхъ толковъ и тайныхъ перешептываній о дворцовыхъ интригахъ, о томъ, который изъ временщиковъ сильнѣе и кто изъ двухъ столкнетъ своего противника съ мѣста, кто войдетъ „во время“, въ силу, а кто пойдетъ въ Тобольскъ, въ Березовъ, въ Пелымъ, — стали говорить о Ломоносовѣ, о его первой „Одѣ на взятіе Хотина“, написанной не по образцу утомительныхъ писаній Симеона Полоцкаго, Лазаря Барановича, Іоанникія Галятовскаго, Ѳеофана Прокоповича и иныхъ, а чистымъ русскимъ языкомъ, о преобразованіи морской академіи, объ основаніи московскаго университета, вмѣсто славяно-греко-латинской академіи, наконецъ, о журналахъ, о „Трудолюбивой Пчелѣ“ и пр.,—то, вмѣстѣ съ тѣмъ, заговорили и о женщинѣ не исключительно съ точки зрѣнія танцорки, красавицы, возлюбленной или невѣсты такого-то, а о женщинѣ учащейся и пишущей.

Вмѣсто словъ „ассамблея“, „застѣнокъ“, „дыба“, „ссылка“, въ петер-

бургскомъ и московскомъ обществѣ часто стали раздаваться слова, когда-то раздававшіяся и въ западной Европѣ въ эпоху ея возрожденія, слова— „муза“, „Парнасъ“, „Аполлонъ“, „Геликонъ“, „Граціи“, и прочіе термины греческой миѳологіи и поэзіи. „Ямбъ“ и „хорей“ замѣнили „дыбу“ и „пытку“, „диѳирамбъ“ — „пристрастный допросъ“, „сочинитель“ — „заплечнаго мастера“.

При дворѣ Елизаветы Петровны чаще и чаще упоминаются греческіе боги и богини. Часто вмѣсто имени Андрея Ивановича Ушакова, произносятся тамъ имена не только Михайлы Васильевича Ломоносова, Александра Петровича Сумарокова, Якова Борисовича Княжнина, но и имя юной дочери Сумарокова, Екатерины. О „Катинькѣ“ Сумароковой говорятъ какъ о „пламенной любительницѣ музъ“, и ею интересуются, ее хотятъ видѣть какъ рѣдкое, небывалое явленіе, но ея и побаиваются: юныя сверстницы ея и старшія дамы, воспитанныя еще на меншиковскихъ, остермановскихъ и лестоковскихъ ассамблеяхъ, или въ традиціяхъ бироновщины, не знаютъ, о чемъ съ Сумароковой и говорить, какъ къ ней приступиться.

Съ молоденькой Сумароковой,—замѣчали впослѣдствіи ея жизнеописатели,—„по тогдашнему образу мыслей, большая часть изъ ея современницъ, прѣдупрежденныхъ не въ пользу наукъ для женщины, боялись сказать лишнее слово“.

„Но зато,—прибавляли эти писатели,—съ такою образованною дѣвушкою охотно говорили Ломоносовъ и Шуваловъ“.

Извѣстно, что между Ломоносовымъ и Сумароковымъ часто возникали неудовольствія сначала литературнаго, а потомъ далеко не литературнаго свойства. Рѣзкіе отзывы одного о другомъ, еще болѣе рѣзкіе отвѣты другого и новые нападки перваго; вспыльчивость и несдержанность характера Ломоносова, единодержавно хотѣвшаго владычествовать на „россійскомъ Парнасѣ“ и воевавшаго съ своими литературными русскими врагами въ такой же жосткой и крутой формѣ, въ какой онъ велъ войну въ академіи съ академиками нѣмцами, Шумахеромъ, Миллеромъ и др.; горячность самолюбиваго и входившаго въ силу новаго служителя музъ, такого же, какъ и Ломоносовъ, щедраго на крупное слово парнасскаго обывателя и гражданина Сумарокова,—все это очень занимало тогдашнее общество, развлекало дворъ, давало пищу толкамъ о литературѣ, о „піитикѣ“, о „россійскомъ слогѣ и чистотѣ онаго“ и еще большими смутами отражалось на „россійскомъ Парнасѣ“, гдѣ другъ противъ друга стояли два борца, двѣ славы, старая и молодая, не щадившія одна другую.

Но, несмотря на все это, Ломоносовъ, воюя съ отцомъ юной Сумароковой, „благоговѣйно,—говорятъ,—всегда подходилъ къ ручкѣ Екатерины Александровны, привѣтствовалъ ее иногда стихами и публично говорилъ:

„Вотъ умница барышня! Въ кого такая родилась?“

Конечно, эти слова, произносимыя публично, услужливые пріятели нашихъ литературныхъ противниковъ и тогдашніе сплетники тотчасъ спѣшили передавать Сумарокову, и война загоралась еще въ болѣе ожесточенныхъ формахъ.

Сказать „въ кого такая родилась умница барышня“, когда отецъ этой барышни былъ Сумароковъ, это дѣйствительно значило зло пошутить, и шутка, конечно, не проходила даромъ.

Само собою разумѣется, что отецъ гордился своею „Катинькой“, которую онъ, когда она была совсѣмъ еще маленькою дѣвочкой, самъ училъ грамотѣ, письму и стихотворству—„піитикѣ“, потому что дѣвочка была очень понятлива и даровитая ученица, что Сумароковъ не могъ сказать о другой своей дочери—Прасковьѣ, потому что эта послѣдняя, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Головина, къ служенію музамъ „не находила себя способною“.

При всемъ томъ, Сумароковъ своеобразно относился къ участію женщины въ литературѣ. Страстно любя, чтобы дочери шли по его слѣдамъ, больше думали о Парнасѣ, чѣмъ о танцовальныхъ вечерахъ, о піитикѣ больше, чѣмъ о мушкахъ и фижмахъ, говорили бы о стихотворствѣ и чистотѣ россійскаго слога больше, чѣмъ занимались бы толками о петиметрахъ,—не могъ, однако, помириться съ тою мыслью, чтобъ женщина, а особливо дѣвушка, писала стихи отъ своего имени, отъ лица женщины, и всего менѣе, когда рѣчь должна была касаться миѳологическаго и дѣйствительнаго амура.

— Къ дѣвицамъ это нейдетъ!—говорилъ онъ нерѣдко:—благовоспитанная стихотворица дѣвица должна только думать о мастерствѣ въ стихахъ, а не объ изъясненіяхъ полюбовныхъ.

Какъ бы то ни было, но слава юной стихотворицы росла съ каждымъ днемъ въ обществѣ и при дворѣ.

Дѣвушка была уже на возрастѣ, и у нея явилось не мало молодыхъ и старыхъ поклонниковъ. Многіе готовы были бы предложить ей руку; но смѣльчаковъ было мало, которые бы рѣшились присвататься къ образованной дѣвушкѣ.

— За кого ей идти?—говорили въ городѣ.—Кромѣ Якова Борисовича, не за кого. На такой барышнѣ люди простые не женятся, да и сама Екатерина Александровна за простого не пойдетъ.

Этотъ Яковъ Борисовичъ былъ не кто другой, какъ тоже извѣстный писатель того времени, писатель уже третьяго поколѣнія, для котораго Сумароковъ былъ какъ бы литературнымъ отцомъ, а Ломоносовъ—дѣдушкой: это былъ Княжнинъ.

Онъ одинъ осмѣливался показывать любезное расположеніе къ образованной дочери Сумарокова и сблизился съ нею.

Съ своей стороны, дѣвушка вполнѣ довѣрилась Княжнину, который занимался съ нею литературою, читалъ ей и свои и чужія, входившія въ моду, стихотворенія тогдашнихъ поэтовъ и иногда, тихонько отъ отца, поправлялъ ей ея собственныя произведенія, которыя дѣвушка, при его содѣйствіи, и печатала въ издававшемся тогда въ Петербургѣ журналѣ, въ „Трудолюбивой Пчелѣ“.

Княжнинъ,—повѣствуютъ наши старые хронографы,—„былъ отъ Сума-

роковой безъ ума, и весь дворъ зналъ уже о любви Якова Борисовича; знали, что онъ совѣтовался о своихъ стихахъ съ будущею своею супругою; знали, что онъ поправлялъ ей стихи".

Такъ, при помощи Княжнина и тихонько отъ отца, дѣвушка напечатала свои пѣсни, конечно, анонимно, и произвела ими большой эффектъ въ петербургскомъ обществѣ, которому надоѣли, пятьдесятъ лѣтъ продолжавшіяся, всякія дворцовыя и недворцовыя интриги и которому хотѣлось отдохнуть за чувствительной пѣсней, за хорошей музыкой. Приложенная къ пѣснямъ Сумароковой музыка сочинена была извѣстнымъ тогда композиторомъ Раупахомъ.

Сумароковъ догадался, что это—дѣло его дочери и Княжнина, становившагося новою литературною силою.—его дочка нашла издателя.

Старикъ разсердился на эту вольность дочери и перепечаталъ ея пѣсни отъ своего имени въ „Трудолюбивой Пчелѣ", снабдивъ это второе изданіе особою выноскою такого оригинальнаго содержанія:

„Сіи пѣсни найдены мною, между прочими напечатанными моими пѣснями, съ приложенными къ нимъ нотами, подъ чуднымъ титуломъ".

Желая, чтобы дочь не выходила изъ-подъ его руководства, самолюбивый старикъ наблюдалъ, чтобы его „Катинька" писала только о томъ, о чемъ онъ желалъ говорить, и потому она иногда поневолѣ должна была дѣлаться его литературной союзницей.

Такъ, по поводу войны Сумарокова съ старыми и новыми литераторами, съ Ломоносовымъ и его юнѣйшими учениками, Екатерина Александровна Сумарокова напечатала стихотвореніе „Противъ злодѣевъ", подъ которыми разумѣлись именно литературные враги ея отца.

Вотъ это стихотвореніе первой русской писательницы, написанное отъ имени мужчины:

На морскихъ берегахъ я сижу,
Не въ пространное море гляжу,
А на небо глаза возвожу,
Стонъ пуская въ селеніе дально.
Сердце жалобы къ небу возноситъ печально:
Ахъ, злодѣи насъ мучатъ нахально!
Правосудное небо воззри,
Милосердіе намъ сотвори
И всѣ дѣйствія мои разбери.
Во всей жизни минуту я кажду
Утѣсняюсь гонимый и стражду,
Многократно я алчу и жажду!
Иль на свѣтъ я рожденъ для того,
Чтобъ гонимъ былъ, не знавъ для чего,
Чтобъ не трогалъ мой стонъ никого?
Въ день и въ ночь мной тоска обладаетъ;
Томно сердце всечасно рыдаетъ,—
Иль не будетъ напастямъ конца?
Вопію ко престолу творца:
Умягчи, Боже, злыя сердца!

И злыя сердца дѣйствительно умягчались, когда узнавали, что это писала дѣвушка,—и суровый Ломоносовъ съ любовью повторялъ: „Умница барышня! Въ кого такая родилась?“

Случалось и такъ, что, повинуясь запрету отца, дѣвушка печатала свои стихи, какъ мужчина, съ обращеніемъ будто бы отъ мужского имени къ коварной и жестокосердой возлюбленной, къ „любовницѣ“, какъ тогда выражались,—и въ обществѣ вдругъ являлись передѣлки стиховъ Сумароковой, гдѣ ужъ жестокосердая „любовница“ замѣнялась „коварнымъ любовникомъ“: всѣ были довольны остроумной пародіей, всѣхъ это занимало, и еще больше росла слава первой русской писательницы.

Въ скоромъ времени юная Сумарокова вышла замужъ за Княжнина, и продолжала свою литературную профессію.

Такъ положено было начало переворота въ исторіи русской женщины, начало ея духовнаго возрожденія.

Сумароковой-Княжниной безспорно принадлежитъ достойный уваженія починъ въ этомъ дѣлѣ. За Сумароковой-Княжниной исторія должна признать честь введенія русской женщины въ кругъ дѣятелей мысли и слова, и было бы весьма желательно, чтобы русская наука не оставляла долѣе въ безвѣстности произведеній первой русской писательницы, какъ ни слабы, какъ ни дѣтски эти произведенія.

Если бы наша академія приняла на себя трудъ компактнаго изданія всего, что успѣла высказать въ печати русская женщина, хотя бы со времени Сумароковой-Княжниной, а потомъ что высказано и что сдѣлано ея преемницами — Ржевскою, Вельяшовою-Волынскою, Зубовою, Храповицкою, Меншиковою, Буниною, Волконскою, Хвостовою, Орловою, Ниловою, Голицыною, Поспѣловою и др., о которыхъ нами будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, то этимъ академія оказала бы драгоцѣнную услугу исторіи нашего духовнаго развитія.

IV.

Александра Өедоровна Ржевская (урожденная Каменская).

Не много, кажется, времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось первое поколѣніе женщинъ XVIII вѣка, женщинъ петровской эпохи, а потомъ второе поколѣніе женщинъ этой же эпохи и слѣдующей за ней, женщинъ временъ Екатерины I, Анны Іоанновны, Бирона; однако, уже цѣлая бездна раздѣляетъ женщинъ перваго и второго поколѣній отъ третьяго.

Женщины первыхъ двухъ поколѣній хорошія танцорки, искусныя интригантки, иногда блестяще, по тому времени, воспитанныя, прекрасно говорящія на разныхъ языкахъ; но ни одна изъ нихъ не умѣетъ на письмѣ толково выразить свою мысль, грамматически не можетъ связать двухъ словъ. Анна Монсъ и Екатерина I, пользовавшіяся любовью преобразователя Россіи, писать совсѣмъ почти не умѣютъ, особенно послѣдняя; свѣтлѣйшая княгиня Дарья Михайловна Меншикова тоже пользуется секретарскими услу-

гами своей сестры, Варвары Михайловны Арсеньевой, грамматическія познанія которой также не очень обширны, это женщины перваго поколѣнія преобразованной Россіи. Второе поколѣніе женщинъ писать умѣютъ—но какъ? Образчики этого письма представляютъ намъ письма „Маврутки" Шепелевой къ великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, письма княжны Юсуповой къ Аннѣ Юленевой—кузнечихѣ, письма, наконецъ, Александры Салтыковой, урожденной княжны Долгорукой, къ всесильной Матренѣ Балкъ: это хуже литературы какихъ-нибудь горничныхъ.

„Маврутка" Шепелева, придворная особа, приближенное къ цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, супругѣ герцога голштинскаго, лицо, живя съ герцогиней въ Килѣ, пишетъ интимныя письма въ Россію къ цесаревнѣ и будущей императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ такимъ невообразимымъ языкомъ:

„Великая государыня цесаревна Элизабетъ Петровъна! Донашу я вашему высочеству, что ихъ высочество, слава Богу, в добром здравье. Позъдравляю васъ тезоименитъствомъ вашимь, дай Боже вамъ долъгія лета жить, и чтобъ ваша намереніе оканчалась, которо у нас в Кили, и въвсяко ваша намереніе оканчалось. Еше шъ данашу я вашему цесарьскому высочеству, что пріехалъ к намъ принцъ Орьдовъ и принцъ Авъгустъ. Матушка цесаревна, какъ принцъ Орьдовъ хорошъ! Истинно я не думала, чтобы онъ такъ хорошъ былъ, какъ мы видимъ; ростомъ такъ великъ, какъ Бутурълинъ, и такъ тонокъ, глаза такія какъ у вас цветомъ и такъ велики, ресницы черъныя, брови темнарусія, воласи такія какъ у Семона Кириловича, белъ, немного почеръненя покойника Бышова, и румянецъ алой всегда въ щекахъ, зуби беліи и хороши, губи всегда али и харашн, речь и смехъ такъ какъ у покойника Бышова, асанка паходитъ на асудареву асанку, ноги тонъки, потому что молатъ, 19 летъ, воласи свои носитъ, и воласи на паесъ, руки падятъ очинь на Бутурълини, и въ Олександровъ день полажила на нево кавалерию цесаревна", и т. д.

Подумать можно, что пишетъ какой-нибудь солдатъ изъ полка въ деревню.

Александра Салтыкова, урожденная княжна Долгорукая, находившаяся какъ мы видѣли, въ родствѣ съ царскимъ домомъ, пишетъ ко двору, къ генеральшѣ Балкъ:

„Гасударапя мая матрена ивановъна многолетъно зъдравству! купно со въсеми вашеми! о себе моя гасударапя донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюся.... Пача въсево васъ прошу, изволте меня садеръжать по своему обещанию веръно такошъ где вазъможно упоминать въ миласти ее величеству, гасударыне циа, въчемъ на миласть вашу безсумненъною надежъду имею, такошъ прашу матушъка мая изволъте камъне писать протсранъней, что изволите услышить въ деле моемъ какое будетъ са мной миласердие и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюса что ви извесны отъ егана нашева желанія и ежели миластиво будетъ решение на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видеть. Остаюсь вамъ верънаа до смерти александра. Прошу отъ меня покъланитъца се миласти анъне ильинишъне".

Читая это писанье, можно подумать, что это горничная пишетъ своей барынѣ, и притомъ горничная не благовоспитанная. А оказывается, что это дѣловое письмо одной придворной особы къ другой придворной особѣ,— однимъ словомъ, это пишетъ княжна Долгорукая къ ближней особѣ императрицы Екатерины Алексѣевны.

И вотъ, въ слѣдующемъ, третьемъ поколѣніи этихъ женщинъ являются уже писательницы: онѣ идутъ въ уровень съ литературой своего времени; онѣ завоевываютъ себѣ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія и пріобрѣтаютъ историческое безсмертіе.

Такъ спасительно было удаленіе изъ русскаго общества тлетворнаго духа дворцовой интриги, борьбы изъ-за мѣста, изъ-за власти, изъ-за „времена".

Мы уже познакомились съ одною изъ женскихъ личностей третьяго поколѣнія русскихъ женщинъ XVIII вѣка, съ первою русскою писательницею Сумароковою-Княжниною.

Но если явилась первая, то должна была явиться и вторая.

Этою второю была Александра Ѳедотовна Ржевская, родная сестра бывшаго потомъ фельдмаршаломъ графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго.

Новиковъ говоритъ, что дѣвица Каменская „является на поприщѣ россійской словесности почти современною Екатеринѣ Александровнѣ Княжниной".

Замѣчательно, что появленію женщины на литературномъ поприщѣ способствовало вліяніе образовывавшихся въ то время литературныхъ кружковъ, интересы которыхъ, по счастью, вращались внѣ того заколдованнаго круга, въ которомъ, какъ бѣлка въ колесѣ, билось высшее русское общество первой половины XVIII столѣтія, внѣ круга дворцовой интриги, выискиванья мѣстъ, подкапыванья подъ друзей и недруговъ, внѣ круга заговоровъ для личной выгоды, а не для выгоды страны.

Литература сразу поставила себя выше этихъ дрязгъ и, отвернувшись съ презрѣніемъ отъ Тредьяковскаго, хотѣвшаго, во что бы то ни стало, втереться въ этотъ заколдованный кругъ, выдѣлилась въ особый кружокъ, удалилась въ свою маленькую нравственную территорію, на свой миѳологическій Парнасъ, и горячо разсуждала тамъ о греческихъ богахъ и богиняхъ, о „дактиляхъ" и „ексаметрахъ".

Литераторы явились хотя робкими, но честными борцами прежде всего за русское слово, за его чистоту, а потомъ и за идею правды и добра, за чистоту человѣка.

Оттого дворъ императрицы Елизаветы Петровны и отнесся къ нимъ сочувственно, какъ къ людямъ умнымъ и честнымъ, не вмѣшивавшимся въ политику, которая тогда понималась такъ узко.

Общество литераторовъ стало привлекательнымъ, заманчивымъ. Лучшіе люди потянулись въ этотъ лагерь.

Неудивительно, что потянулась туда и женщина, наиболѣе сочувственно отзывающаяся на всякое живое и доброе дѣло.

Дѣвицу Каменскую мы видимъ въ обществѣ Сумарокова и въ нѣко-

торомъ товариществѣ съ его любимой дочерью „Катинькою“, первою русскою писательницею.

Не удивительно, что вліяніе кружка Сумароковыхъ сдѣлало и Каменскую писательницей.

Какъ „Катинька“ Сумарокова вышла замужъ за литератора Княжнина, такъ и Каменская нашла себѣ мужа въ литературномъ кружкѣ, въ лицѣ Алексѣя Андреевича Ржевскаго, принадлежавшаго къ числу хорошихъ знакомыхъ Сумарокова.

Ржевская, подобно Сумароковой, начала рано писать. Стихи ея помѣщались въ тогдашнихъ журналахъ и привлекали общее вниманіе людей, начинавшихъ интересоваться чтеніемъ, начинавшихъ учиться пониманію общественныхъ интересовъ.

Сумарокова-Княжнина и Каменская-Ржевская были піонерами человѣчныхъ правъ женщины.

Ржевская, слѣдя за литературой западной Европы, искала тамъ образцовъ для своихъ произведеній и, побуждаемая славою извѣстныхъ тогда во всей Европѣ „Перуанскихъ писемъ“, написала оригинальный романъ подъ заглавіемъ „Письма кабардинскія“.

Еще когда романъ былъ въ рукописи, объ немъ много возбуждено было толковъ въ обществѣ. Всѣ наперерывъ старались прочесть его — и онъ читался въ кружкахъ литераторовъ.

Слухъ о новомъ произведеніи молодой русской писательницы, соперницы Сумароковой, дошелъ до двора.

Дворъ заинтересовался новымъ романомъ—это была уже побѣда женщины надъ преданіемъ.

Романъ, еще не напечатанный, пожелали прочесть во дворцѣ. Современники по этому случаю отзываются, что „рукопись была принята всѣмъ дворомъ съ необыкновенною похвалою“.

Стихи молодой писательницы наперерывъ печатались въ тогдашнихъ журналахъ, потому что по свидѣтельству бытописателей восемнадцатаго вѣка, на Ржевскую литература возлагала много надеждъ, — „ожиданія были велики“.

Но ожиданіямъ этимъ суждено было сбыться только наполовину, даже менѣе: русская литература лишилась одного изъ талантливѣйшихъ своихъ представителей.

Ржевская умерла въ 1769 году—всего двадцати восьми лѣтъ отъ роду.

Вотъ современная эпитафія, отчасти характеризующая нравственный образъ второй, по времени, русской писательницы:

Здѣсь Ржевская лежитъ: пролейте слезы, музы!
Она любила васъ, любезна вамъ была,
Для васъ и для друзей на свѣтѣ семъ жила;
А нынѣ смерть ее въ свои пріяла узы.
Среди цвѣтущихъ лѣтъ, въ благополучный вѣкъ,
Рокъ жизнь ея пресѣкъ:
Увянулъ острый умъ, увяла добродѣтель,

Погибло мужество и бодрый духъ ея.
Могущій Всесодѣтель!
Она ли участи достойна есть сея,
Чтобъ вѣкъ ея младый пресѣкло смерти жало?
Не долгій ли ей вѣкъ здѣсь жити надлежало?
Въ достоинствахъ она толико процвѣла,
Что полу женскому здѣсь честію была:
Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный,
Ни нравъ, кой столь ее прекрасно украшалъ,
Который и друзей и мужа утѣшалъ,
Ни сердце нѣжное ее не защитили
И смерти лютыя отъ ней не отвратили!
Великая душа, мужаясь до конца,
Достойна сдѣлалась лавроваго вѣнца.
Скончавшись, Ржевская оставила супруга;
Супругъ, въ ней потерявъ любовницу и друга,
Отчаясь, слезы льетъ и будетъ плакать ввѣкъ:
Но что жъ ей пользы въ томъ? Вотъ что́ есть человѣкъ!

За Ржевской слѣдуютъ уже женщины-писательницы екатерининскаго времени: первое время дѣйствуютъ еще ученицы Ломоносова и Сумарокова, а потомъ онѣ уступаютъ мѣсто ученицамъ Державина, Новикова, Фонвизина.

Но объ этомъ четвертомъ поколѣніи русскихъ женщинъ восемнадцатаго вѣка мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

V.

Императрица Екатерина II.

Изъ всѣхъ русскихъ женщинъ восемнадцатаго вѣка Екатерина II представляетъ собою наиболѣе полное отраженіе цѣлой половины этого вѣка— всю, такъ сказать, сумму содержанія помянутаго пятидесятилѣтія, всѣ периферіи общественной и государственной жизни, совершившіяся въ полвѣка историческаго существованія Россіи, и всѣ ея положительныя и отрицательныя стороны.

Богатая личность эта могла бы быть названа, если можно такъ выразиться, микрокосмомъ тогдашней Россіи, если бы только по рожденію своему не принадлежала чуждой намъ народности и связана была съ русскою землею не адоптивною, но кровною, органическою связью, хотя, однако-жъ, адоптивность эта не мѣшала ей быть едва ли не болѣе русскою по душѣ, чѣмъ тѣ многія изъ русскихъ женщинъ, въ жилахъ которыхъ безъ примѣси текла русская кровь, надъ колыбелью которыхъ пѣлась русская пѣсня о злой татарщинѣ и о полоняночкѣ и которыя съ колыбели росли на русскомъ солнышкѣ. Ничего этого не знала Екатерина II.

Но, разсматривая эту личность въ зависимости отъ среды, которая воздѣйствовала на ея собственное развитіе и давала для этого развитія необходимый матеріалъ, въ зависимости отъ условій, отъ которыхъ не бы-

ваетъ свободна ни одна личность, какъ бы, повидимому, самостоятельно ни вырабатывалась ея индивидуальность, мы не можемъ не замѣтить, что Екатерина II, при всей видимой самобытности и цѣльности ея богато одаренной природы, была прямымъ и непосредственнымъ продуктомъ времени, нѣсколько ей предшествовавшаго. Говоря другими словами, Екатерина является не творцомъ и не доминирующимъ началомъ такъ называемаго „екатерининскаго вѣка“, а только продолженіемъ того, что начали другіе, раньше ея. Если кто бросилъ въ русскую почву зерно, изъ котораго выросъ „екатерининскій вѣкъ“, такъ это Елизавета Петровна и люди ея времени, начиная отъ Ломоносова и Сумарокова и кончая такими, мало кому извѣстными личностями, какъ Княжнина, Ржевская и другія женщины. Самые блестящіе годы царствованія Екатерины II были только выполненіемъ программы, созданной творческой силою Елизаветы Петровны, значеніе которой для России до сихъ поръ не объяснено достаточно. Екатерина II была только ея ученицей, но ученицей даровитой, неутомимо дѣятельной и практической.

Елизавета Петровна, какъ мы указали на это въ ея характеристикѣ, представляетъ собою болѣе цѣльный типъ, чѣмъ какая-либо другая женщина того времени, болѣе чѣмъ самыя выдающіеся государственные дѣятели ея вѣка и болѣе чѣмъ Екатерина. Она не поддалась рабскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ только внѣшнему копированью всего нѣмецкаго, хорошаго и дурного, лишь бы оно было не русское. Напротивъ, будучи еще цесаревной, она была свободна отъ этого нравственнаго рабства: ея симпатіи лежали къ русской національной почвѣ, къ русскому народу и выражались самостоятельно. Живя частнымъ лицомъ и даже нѣсколько въ загонѣ отъ Миниховъ и Остермановъ, еще цесаревной, оставшись сиротой послѣ своего великаго родителя и скоро за нимъ сошедшей въ могилу матери, Елизавета Петровна сошлась съ народомъ. Она жила въ селѣ, на виду у крестьянъ и посадскихъ людей, участвовала въ сельскихъ, крестьянскихъ хороводахъ, пѣла съ крестьянскими дѣвушками хороводныя пѣсни, сама ихъ сочиняла. Затѣмъ, она любитъ и ласкаетъ русскаго солдатика и находитъ не непріятнымъ его сообщество. Всякій солдатикъ и компанеецъ свободно идетъ къ ней, къ своей „матушкѣ цесаревнѣ“, съ имениннымъ пирогомъ и получаетъ чарку анисовки изъ рукъ цесаревны, которая и сама не прочь, „по-батюшкину“, выпить за здоровье солдатика. Всѣ придворные пети-метры и маркизы не пользуются расположеніемъ цесаревны, а, напротивъ, ей больше нравится общество русскихъ и малорусскихъ пѣвчихъ, между которыми она сама поетъ „первымъ дишкантистомъ“. Ей близокъ и пѣвчій Чайка, умершій въ Килѣ „отъ желчи“, и пѣвчій Тарасевичъ, и сержантъ Шубинъ; а впослѣдствіи пѣвчій Алексѣй, сынъ малороссійскаго казака Грицька Розума, становится ея супругомъ. Она сама пишетъ русскіе стихи. Она покровительствуетъ созданію русскаго театра, первыхъ русскихъ гимназій, перваго русскаго университета. При ней получаетъ начало русская литература, русская журналистика. Все русское,

придавленное Петромъ, оживаетъ, получаетъ силу, хотя Россія и не отворачивается отъ запада, куда Петръ насильно повернулъ ее лицомъ такъ круто, что едва не повредилъ ей позвоночнаго столба.

Въ то время, когда все это совершалось, когда русская мысль и русскія симпатіи находили кругомъ отголосокъ и крѣпли явственно, въ это-то именно время молоденькая принцесса ангальтъ-цербстская, будущая Екатерина II, еще въ качествѣ великой княжны, присматривалась только ко всему русскому и училась тому, что находило и сочувствіе, и поддержку въ Елизаветѣ Петровнѣ.

Своимъ практическимъ умомъ Екатерина поняла, что для того, чтобы быть русскою царицею и быть любимою своимъ народомъ, необходимо быть такою, какова была Елизавета Петровна, подражать ей, продолжать то, что та начала.

И Екатерина II дѣйствительно была продолженіемъ Елизаветы Петровны и лучшихъ людей ея времени, хотя—нельзя этого отрицать—продолженіемъ блестящимъ, затмившимъ даже свое начало, какъ Екатерина блескомъ имени своего затмила скромное имя Елизаветы.

Иначе, по нашему мнѣнію, и нельзя понимать личность Екатерины II.

Все, что мы ниже скажемъ о Екатеринѣ II, будетъ подтвержденіемъ только того, что мы сейчасъ уже сказали, повидимому, лишь a priori.

Екатерина родилась въ городѣ Штетинѣ, въ Помераніи, въ 1729 г., 21 апрѣля, т. е. года черезъ четыре послѣ смерти Петра Великаго и черезъ два года по смерти Екатерины I.

По рожденію она принадлежала къ роду ангальтъ-цербстъ-бернбургскому, и родилась въ губернаторскомъ домѣ, потому что отецъ ея былъ губернаторомъ прусской Помераніи. Мать ея была родная сестра того епископа любскаго, который былъ женихомъ Елизаветы Петровны, въ то время еще цесаревны, и котораго цесаревна страстно любила и долго не забывала; онъ, какъ извѣстно, умеръ женихомъ цесаревны.

Въ домѣ родительскомъ будущая императрица Екатерина II носила имя Софіи-Августы-Фредерики, гдѣ и получила первоначальное воспитаніе.

Изъ дѣтскихъ ея воспоминаній болѣе крупнымъ должно было оставаться то, что родители ея часто посѣщали дворецъ Фридриха II, и дѣвочка-принцесса видывала этого государя, имя котораго было такимъ громкимъ въ Европѣ. Никто, конечно, не догадывался, что и имя маленькой принцессы Софіи-Августы будетъ впослѣдствіи не менѣе громкимъ и будетъ оспаривать первенство у имени Фридриха, короля-философа.

Софія-Августа — это была дѣвочка живая и рѣзвая. Она, по свидѣтельству ея біографовъ, была гибка, какъ сталь, но и упруга, какъ стальная пружина: принявъ какую угодно форму подъ давленіемъ чужой воли, она потомъ опять выпрямлялась и получала свою первобытную форму, въ какую выковала ее природа. При этой стальной гибкости, дѣвочка была послушна какъ ребенокъ, но подчасъ проявляла самостоятельность не ребяческую.

До пятнадцати лѣтъ дѣвочка ничего не видѣла, кромѣ своего Штетина, если не считать посѣщеній королевскаго дворца. Съ пятнадцати же лѣтъ ей предстояло далекое переселеніе на востокъ.

Въ головѣ ея матери сложился широкій планъ—сдѣлать Софію-Августу русской императрицей, и она съ тактомъ подошла къ выполненію этого плана. Она знала, что Елизавета Петровна чтила память своего жениха; а этотъ покойный женихъ былъ дядя Софіи-Августы, Елизавета же Петровна была въ то время самодержавною русскою императрицею. И вотъ при помощи Фридриха II она начала устраивать судьбу своей дочери, взявъ въ основаніе своихъ домогательствъ то, что Софія-Августа — племянница того самаго любскаго епископа, который когда-то былъ такъ дорогъ Елизаветѣ Петровнѣ.

Въ 1744 году мать привозитъ Софію-Августу въ Москву. Гибкая, упругая и послушная, пятнадцилѣтняя дѣвочка скоро полюбилась императрицѣ, и дѣвочку оставляютъ въ Россіи.

Въ Россіи въ это время воспитывался племянникъ Елизаветы Петровны, сынъ несчастной сестры ея Анны Петровны, слишкомъ рано умершей въ Килѣ и въ наслѣдство послѣ себя оставившей ребенка, который впослѣдствіи былъ императоромъ русскимъ, подъ именемъ Петра III.

Вотъ съ этимъ-то племянникомъ Елизаветы и предрѣшена была свадьба рѣзвой принцессы Софіи-Августы.

Какъ будущей невѣстѣ наслѣдника русскаго престола, ей даютъ русскихъ учителей: въ грекороссійскомъ законѣ наставлялъ ее Симеонъ Тодорскій, въ русскомъ языкѣ—Ададуровъ.

Софія-Августа сама предугадала свою судьбу, и съ жаромъ занялась изученіемъ русскаго языка: русская рѣчь, русскія симпатіи, которыми была проникнута и Елизавета Петровна,—все это стало для Софіи-Августы путеводною звѣздою, и эта звѣзда довела ее до трона, пронесла ея прославленное имя по всей Европѣ, покорила ей часть Польши, Новороссію, Крымъ, часть Кавказа, вписала ея имя въ исторію въ числѣ великихъ женщинъ всего міра.

Ададурову Екатерина обязана столько же, сколько и своей даровитости: при его помощи она поняла, чѣмъ она можетъ быть сильна въ Россіи, и очень искусно умѣла этимъ воспользоваться.

Скоро Софія-Августа приняла греческій законъ и названа Екатериною: съ этимъ именемъ она прославилась, и это имя занесено на страницы исторіи.

Когда Екатеринѣ Алексѣевнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца, послѣдовало ея бракосочетаніе съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ.

Молодые люди были однихъ лѣтъ, но далеко не были одарены равномѣрными способностями, далеко также не сходились и характерами. Петръ Ѳедоровичъ унаслѣдовалъ характеръ своего родителя, принца голштинскаго: это была личность далеко не сдержанная, воля, не направленная къ тѣмъ

цѣлямъ, къ которымъ она должна быть направлена. Для Петра Ѳедоровича Россія была чужою страною: его симпатіи лежали къ западу, къ родной Голштиніи; русскіе интересы онъ могъ измѣрить только съ точки зрѣнія своихъ симпатій; Россія почти не знала его, какъ своего великаго князя. У него на западѣ былъ одинъ образецъ—Фридрихъ II, и когда Россія вела войну съ Пруссіей, Петръ Ѳедоровичъ, будучи наслѣдникомъ престола, тайно сообщалъ Фридриху, врагу Россіи, все, что противъ него предпринималось, въ чемъ сознавался самъ впослѣдствіи, когда уже былъ императоромъ. Онъ окруженъ былъ голштинцами, а русскіе всѣ стояли отъ него далеко.

Не такъ понимала задачу своей жизни его молодая супруга. Въ своей привязанности къ Россіи, къ русскимъ людямъ, къ русскому обряду, къ русской рѣчи она искала свою силу—и нашла ее.

Свои молодые годы Екатерина не даромъ употребила. Въ то время, когда ея супругъ изучалъ голштинскіе и прусскіе солдатскіе пріемы, когда въ своемъ кабинетѣ дѣлалъ разводы и военные парады при помощи оловянныхъ игрушекъ, изображавшихъ солдатиковъ въ разныхъ прусскихъ и голштинскихъ мундирахъ, Екатерина усидчиво училась и намѣчала для себя дѣльныхъ людей изъ числа русскихъ придворныхъ.

Съ самаго начала она страстно отдалась набожности. Но ея живой умъ требовалъ новой пищи, новыхъ познаній, и Екатерина съ такою же страстью обратилась къ чтенію серьезныхъ книгъ, чѣмъ и подготовила для всей своей будущей государственной жизни обширный запасъ свѣдѣній. Начавъ съ Плутарха и Тацита, она перешла къ Монтескье, отъ Монтескье къ Вольтеру, къ энциклопедистамъ. Вся западная литература была ею прочитана, изучена, оцѣнена. Философскія тенденціи вѣка не прошли мимо нея: она пытливо взвѣшивала и теоріи энциклопедистовъ, и теоріи ихъ противниковъ. Въ двадцать лѣтъ она могла поддерживать философскій и политическій разговоръ съ самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ своего вѣка, и замѣчанія ея были умѣстны, вопросы осмысленны, отвѣты находчивы, иногда ѣдки, но не обидчивы.

Ко двору императрицы она являлась одѣтою просто, скромно. Въ то время, когда другія придворныя дамы искали ловкихъ, веселыхъ и красивыхъ собесѣдниковъ, Екатерина держалась больше около старичковъ, около иностранныхъ посланниковъ, министровъ, заѣзжихъ путешественниковъ и искала у нихъ чему-либо поучиться.

Эта черта замѣчена и за княгиней Дашковой, когда она была еще молоденькою графинею Воронцовою: это мы увидимъ ниже, въ характеристикѣ княгини Дашковой.

Разсказываютъ, что прусскій министръ Мардефельдъ, пораженный зрѣлостью сужденій Екатерины, когда она была еще великою княжною, шепнулъ ей на одномъ изъ придворныхъ собраній.

— Madame, vous règnerez, ou je ne suis qu'un sot.

— J'accepte l'augure...—также тихо отвѣчала Екатерина; и была права.

Мардефельдъ не ошибся: она дѣйствительно царствовала.

Въ свой интимный кружокъ она допускала только людей съ русскимъ именемъ—это ей указывала ея путеводная звѣзда, ея практическій умъ. Такъ она приблизила къ себѣ извѣстнаго впослѣдствіи Захара Чернышева, Льва Нарышкина, А. Строгонова, С. Салтыкова. Салтыковъ былъ камергеромъ ея супруга, Петра Ѳеодоровича, и потому имѣлъ болѣе свободный къ ней доступъ и пользовался ея дружбой.

Девять лѣтъ бракъ Екатерины былъ безплоденъ, хотя она и испытала два раза несчастные роды — и будущаго наслѣдника русскаго престола все еще не было.

Наслѣдникъ этотъ родился только въ 1754-мъ году, когда Екатеринѣ было уже двадцать пять лѣтъ.

Но какъ императрица Анна Іоанновна взяла когда-то къ себѣ наслѣдника русскаго престола, Іоанна Антоновича, едва онъ только родился, такъ Елизавета Петровна взяла у Екатерины ея сына, Павла Петровича, помѣстила его въ своихъ покояхъ и только изрѣдка дозволяла матери видѣть своего ребенка.

Такъ прошло шесть лѣтъ.

Екатерина Алексѣевна переживаетъ уже пору первой молодости. Ей уже исполнилось тридцать лѣтъ. Пятнадцать лѣтъ она замужемъ. То взаимное отчужденіе, которое сказывалось въ отношеніяхъ Екатерины и Петра вслѣдствіе несходства характеровъ и противоположности интересовъ, преслѣдуемыхъ ими, съ годами становилось открытѣе и росло въ возрастающей прогрессіи; между супругами ложилась пропасть—сближеніе было невозможно.

Надо было имѣть много вѣры въ свою силу, чтобы будущее не представлялось для Екатерины угрожающимъ, и она имѣла эту вѣру, имѣла и реальныя основанія думать, что у нея подъ ногами есть почва. Кругъ друзей Екатерины хотя былъ не великъ, но глубоко ей преданъ. Страстная привязанность къ ней княгини Дашковой, молодой энтузіастки, которую, такъ сказать, на рукахъ носили лучшіе офицеры гвардіи, возвышала популярность великой княгини въ войскѣ. Екатерина все болѣе и болѣе становилась русскою, имя ея чаще и чаще упоминалось во всѣхъ вліятельныхъ кружкахъ, между тѣмъ, какъ великій князь оставался въ тѣни, заслоняемый отъ Россіи своею голштинскою стѣною, которою онъ, такъ сказать, самъ огородилъ себя.

Но вотъ умираетъ Елизавета Петровна. На престолѣ Петръ III—онъ выходитъ изъ тѣни по неизбѣжному ходу дѣлъ, а тѣнь переносится на Екатерину.

Но и въ этой тѣни ея фигура выступаетъ величаво, царственно.

Глубоко понятъ этотъ роковой въ нашей исторіи моментъ даровитымъ художникомъ Н. Н. Ге и перенесенъ на полотно въ послѣдней его замѣчательной картинѣ—„Екатерина у гроба Елизаветы Петровны“. Императоръ Петръ III только-что поклонился гробу отошедшей въ вѣчность царственной тетки своей и предмѣстницы, и удаляется съ своею свитой: по праву, онъ долженъ былъ первый проститься съ покойницей; послѣднею подхо-

дить поклониться гробу покойницы Екатерина; но что-то во всей картинѣ художника говоритъ, что послѣдняя становится первою, а первый—послѣднимъ. Неуловимо, повидимому, выраженіе лица Екатерины; но художникъ далъ этому лицу столько обаянія и такую опредѣленность мысли, что оно безъ словъ говоритъ то, что желаетъ высказать: эта смѣлая, великолѣпная голова, съ ея скромною, исторически вѣрною прическою, такъ реально отдѣляется отъ полотна, что когда подходишь къ картинѣ, то такъ и ждешь, что голова эта поворотится и окинетъ царственнымъ взглядомъ подходящаго къ картинѣ. И слѣдующая за нею княгиня Дашкова, и всѣ эти въ почтительномъ отдаленіи стоящія, мужскія фигуры, всею своею солидностью выражаютъ, кажется, одну и ту же тайную мысль, которую когда-то Мардефельдъ шепнулъ на ухо Екатеринѣ.

И эта мысль скоро осуществилась.

Въ характеристикѣ княгини Дашковой, на основаніи ея записокъ, мы обстоятельно излагаемъ самый фактъ восшествія на престолъ Екатерины, а потому здѣсь мы не будемъ говорить объ этомъ предметѣ, чтобъ не повторяться.

Наша цѣль въ данномъ случаѣ — собственно характеристика самой Екатерины.

Мы сказали, что главная ея заслуга состояла въ томъ, что она, предъявляя свои права на престолъ, дѣлала это въ видахъ ближайшаго огражденія русскихъ интересовъ, которымъ угрожала опасность. И въ этомъ случаѣ, роковомъ въ жизни Екатерины и Россіи, Екатерина явилась непосредственнымъ продолженіемъ той государственной идеи, полнымъ выраженіемъ которой была только что скончавшаяся дочь Петра Великаго.

Эту чисто русскую идею Екатерина и высказываетъ въ первомъ своемъ манифестѣ, съ которымъ она обратилась къ Россіи, какъ императрица.

„Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества россійскаго явно оказалось,—возглашала она въ манифестѣ 28 іюня,—какая опасность всему россійскому государству начиналася самымъ дѣломъ, а именно: законъ нашъ православный греческій перво всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира самимъ ея злодѣямъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе; а между тѣмъ, внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради, убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ Бога и его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо, видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступити на престолъ нашъ всероссійскій самодержавно, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили“ (Полн. Собр. Зак. XVI, 11582).

Но, кромѣ того, русскому народу нужно было осязательное доказательство того, что новая императрица приняла близко къ сердцу нужды своего народа и что она хорошо знаетъ эти нужды.

А нужды эти были дѣйствительно велики. Эпоха преобразованій, войны со шведами и турками, созданіе флота, построеніе новыхъ крѣпостей, проведеніе каналовъ, учрежденіе фабрикъ и заводовъ—все это такою тяжестью ложилось на народную экономію, что никогда, кажется, Россія не была такъ бѣдна и истощена, какъ при Петрѣ и первыхъ его преемникахъ, что народу приходилось расходиться врозь, и онъ расходился, убѣгалъ за границу, въ лѣса, скитался по степямъ, потому что ему было и ѣсть нечего и платить за свои души нечѣмъ.

Екатерина знала это, потому что съ самаго своего пріѣзда изъ Штетина прислушивалась къ нуждамъ народнымъ, знала больныя мѣста русской земли, и эти-то больныя мѣста она хотѣла заживить, едва только имя ея разнесено было по Россіи манифестомъ 28-го іюня.

И вотъ императрица, на восьмой уже день по восшествіи на престолъ, обращается къ русскому народу съ такою милостью, которую только русскій человѣкъ можетъ вполнѣ цѣнить. Это—удешевленіе соли, на дороговизну которой русскій народъ всегда жаловался.

Вотъ что по этому случаю гласитъ манифестъ 5 іюля:

„Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Мы, взошедъ на всероссійскій императорскій престолъ, промысломъ и руководствомъ божіимъ, по желанію единодушному вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ россійскихъ, за первое правило себѣ постановили навсегда имѣть неутомленное матернее попеченіе и трудъ о благополучіи и тишинѣ всего любезнаго россійскаго отечества, возстановляя тѣмъ весь ввѣренный намъ отъ Всевышняго народъ въ вышнюю степень благоденствія; а вслѣдствіе того, при самомъ теперь началѣ благополучнаго нашего государствованія, восхотѣли мы, не отлагая вдаль, но въ настоящее нынѣ время, облегчить нѣкоторою частію тягость народную, въ наипервыхъ въ самой нужной и необходимой къ пропитанію человѣка вещи, яко то въ соли; но однако-жъ при семъ остаться не можетъ, а воля наша есть еще несравненно, какъ въ семъ пунктѣ, такъ и въ прочемъ для всего общества полезномъ и необходимомъ, оказать наши матернія милосердіи“.

И цѣна соли объявляется десятью копѣйками дешевле на пудъ противъ существовавшихъ цѣнъ. Это—крупная сбавка цѣны, и народъ дѣйствительно почувствовалъ облегченіе.

Таковъ былъ первый шагъ, который сдѣлала императрица Екатерина II для сближенія съ русскимъ народомъ, и шагъ этотъ сдѣланъ былъ какъ нельзя болѣе удачно, потому что увеличивалъ ея популярность даже въ тѣхъ далекихъ русскихъ захолустьяхъ, куда очень рѣдко заходило ея царственное имя, куда не проникали даже ея манифесты. Популярность Елизаветы была сильна тѣмъ, что она была и родомъ русская и душою русская, что не гнушалась она солдатскимъ имениннымъ пирогомъ и отпла-

чивала за него солдатику доброй чаркою анисовки, налитою притомъ рукой самой „матушки цесаревны“. Екатерина въ основаніе своей популярности клала русскую хлѣбъ-соль, и это основаніе было одно изъ самыхъ прочныхъ.

Но вотъ черезъ десять дней послѣ восшествія ея на престолъ умираетъ ея супругъ, императоръ Петръ III, и Екатерина вновь обращается къ своему народу съ манифестомъ.

„Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ III обыкновеннымъ и часто случавшимся ему припадкомъ гемороидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ, всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его божіе опредѣленіе принимали за промыслъ его божественный, который онъ судьбами своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строить путемъ, его только святой волѣ извѣстнымъ“.

Затѣмъ, цѣлымъ рядомъ мѣръ, льготъ, распоряженій по части экономіи, по части суда и торговли Екатерина доказываетъ, что она помнитъ свои обѣщанія, данныя русскому народу при своемъ восшествіи на престолъ. Болѣе русской императрицы Россія еще, кажется, не видѣла. Она, повидимому, воскресаетъ послѣ тяжелаго времени петровскихъ ломокъ, послѣ бироновскаго, остермановскаго, миниховскаго, курляндскаго, голштинскаго и всякихъ иноземныхъ владычествъ. Это было что-то похожее на первые годы царствованія Бориса Годунова, когда тотъ дѣйствительно исполнилъ данную имъ всенародно клятву—„за святыя божія церкви, за одну пядь московскаго государства, за все православное христіанство и за грудныхъ младенцевъ кровь свою пролить и голову положить“. Какъ Борисъ, показывая на свою рубаху, клялся, что онъ и ее готовъ отдать народу, такъ и Екатерина объявляла, что ничего не считаетъ она ей принадлежащимъ, но что все это—собственность ввѣреннаго ей русскаго народа.

Въ первые же дни она начинаетъ преслѣдовать наше старое, историческое зло—всеобщее взяточничество, вымогательство, грабленіе слабаго сильнымъ: она объявляетъ, что отъ нея не будетъ пощады судьямъ „съ омраченными душами“ и что малѣйшее притѣсненіе народа будетъ замѣчено ея „недреманнымъ окомъ“ и будетъ безпощадно наказано.

Подобно Елизаветѣ Петровнѣ, Екатерина доказываетъ свои русскія симпатіи и тѣмъ, что дѣлаетъ распоряженія, клонящіяся въ пользу духовенства, въ пользу церковныхъ и монастырскихъ имѣній. Если масса русскаго населенія недовѣрчиво относилась къ Петру и его преобразованіямъ, если преемники Петра заслужили въ населеніи еще меньшую популярность, то, отчасти, благодаря тому, что при нихъ духовенство считало себя обиженнымъ, угнетеннымъ: народъ не даромъ кричалъ, что церковные колокола льютъ на пушки, а церковными сосудами жалованье платятъ нѣмцамъ, за неимѣніемъ денегъ. Екатерина тотчасъ же постаралась сдѣлать себя свободной отъ подобныхъ упрековъ: русскіе уроки Тодорскаго и Ададурова и примѣръ Елизаветы пошли ей въ прокъ.

Екатерина знаетъ, что Москва—сердце Россія, что за отчужденіе отъ Москвы, за переселеніе въ свой „парадисъ", какъ Петръ называлъ Петербургъ, онъ много потерялъ въ глазахъ русскаго народа,—и вотъ новая императрица, принявъ присягу своихъ подданныхъ, тотчасъ же собирается въ Москву, чтобы этимъ укрѣпить свою нравственную связь съ страною.

Но, собираясь въ путь, она пишетъ сенату этотъ лаконическій указъ, напоминающій донесенія цезаря римскому сенату.

„Господа сенаторы! Прошу для пользы обществу потрудиться и до отъѣзда въ Москву, если можно, окончить дѣла: 1) о сбавкѣ съ соли еще цѣны; 2) вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ благопристойнѣйшее учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренятъ; 3) о мѣдныхъ легковѣсныхъ деньгахъ; 4) о таможняхъ, какъ имъ впредь полезнѣе быть".

Императрица не даромъ проситъ сенаторовъ „потрудиться". Она сама трудится съ необыкновенною энергіею, и надо удивляться, какъ у нея на все хватило времени и силъ. Во всю жизнь, до самой смерти, Екатерина проявляла дѣятельность изумительную.

Въ пріѣздъ свой въ Москву на коронацію Екатерина доказала, что, несмотря на иноземное происхожденіе, она знала, какъ и чѣмъ подѣйствовать на русское чувство москвичей: Москва увидѣла въ ней радѣтельницу русскихъ интересовъ, и имя ея молва разносила по всѣмъ уголкамъ Россіи, и къ этому имени не относились съ тѣмъ чувствомъ недовѣрія, какое возбуждали имена Анны Леопольдовны и Анны Іоанновны, обставленныя не русскими фамиліями.

При всемъ томъ въ Москвѣ нашлась партія, старая дворянская, которая выказала свое недовѣріе къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ или намѣреніямъ Екатерины, которыхъ, можетъ быть, у нея и не было. Въ Москвѣ заговорили, что императрица намѣрена вступить въ бракъ съ однимъ изъ своихъ подданныхъ, именно съ графомъ Орловымъ, подобно тому, какъ Елизавета Петровна вступила въ морганатическій бракъ съ графомъ Разумовскимъ. Этого достаточно было, чтобы составилась особая партія, противная правительству, чтобы люди этой партіи заговорили то, чего гово-

рить не подобало. При этомъ, недовольные изъ гвардіи вспомнили старое время, бироновское и остермановское, когда какая-нибудь кучка гвардейцевъ могла по своему произволу располагать престоломъ, и пожелали воротить это старое время, чтобы, подобно турецкимъ янычарамъ или римскимъ гвардейцамъ-преторіанцамъ, возводить на тронъ кого имъ угодно и низводить того, кто имъ не угоденъ. Но Екатерина была не Анна Леопольдовна: недовольные, братья Гурьевы и Хрущевы, уже въ Камчаткѣ убѣдились, что съ Екатериной бороться не легко.

И въ отношеніи покровительства русской мысли, русскаго образованія, литературы и искусствъ Екатерина поспѣшила доказать, что она выражаетъ собою продолженіе своей предшественницы, Елизаветы: она приблизила къ себѣ представителей русской мысли; Сумароковъ принадлежалъ къ ея интимному кругу, и безъ Александра Петровича съ своею дочкою, сочинявшаго русскія народныя пѣсенки, не обходилось ни одно литературное предпріятіе во дворцѣ новой императрицы; Волковъ, основатель русскаго театра при Елизаветѣ, нашелъ также цѣнительницу въ Екатеринѣ II.

Во время коронаціи, въ Москвѣ, Сумароковъ и Волковъ устраиваютъ русскій народный праздникъ, который совсѣмъ не походилъ на „потѣшные“ праздники Петра, почти постоянно оскорблявшіе русское чувство, русскій обрядъ и русскую народность. Въ праздникѣ Екатерины, напротивъ, все разсчитано было на возбужденіе національнаго чувства, и эти 250 колесницъ, разъѣзжавшія по Москвѣ съ четырьмя тысячами „лицедѣйствующихъ“, эти куплеты и пѣсни, сочиненные для „лицедѣевъ“ Сумароковымъ - все это и было понятно для московской массы, и возбуждало живѣйшій интересъ въ зрителяхъ.

Послѣ увеселеній и народныхъ празднествъ, Екатерина, подобно древней русской царицѣ, подобно добродѣтельной Анастасіи, супругѣ Грознаго или подобно Соломоніи, отправляется, по русскому обычаю, на богомолье въ Ростовъ, гдѣ почивали мощи угодника Димитрія Ростовскаго. Тамъ, при многочисленномъ стеченіи народа, мощи угодника полагаются въ великолѣпную серебряную раку, и императрица отправляется въ другіе русскіе старинные города и доѣзжаетъ до Ярославля, въ которомъ покойный царевичъ Алексѣй Петровичъ думалъ имѣть свою лѣтнюю резиденцію, если-бъ ему пришлось царствовать, и возстановить древне-русское благочестіе.

Мало того, Екатерина проявляетъ себя еще болѣе русскою, чѣмъ была Елизавета.

Уже въ первый годъ своего царствованія она торжественно объявляетъ, что съ этой минуты въ ея державѣ никто не смѣетъ преслѣдовать ни раскольниковъ, ни русскаго платья, ни русской бороды. Болѣе полустолѣтія все русское терпѣло гоненіе, и вдругъ принцесса ангальтъ-бернбургская становится на сторону русской бороды и русскаго зипуна: понятно, какой эффектъ должно было производить имя этой принцессы, ставшей императрицею Екатериною II.

Она вызываетъ изъ-за границы всѣ тѣ сотни тысячъ раскольниковъ,

которые бѣжали туда при Петрѣ и его преемникахъ, и отводитъ для поселенія ихъ лучшія земли за Волгой и въ Сибири.

Мало того, она вызываетъ изъ-за границы всѣхъ русскихъ, бѣжавшихъ туда изъ боязни наказанія за разныя совершенныя ими преступленія, а равнымъ образомъ, дозволяетъ переселиться въ Россію и всѣмъ иностранцамъ, желающимъ колонизировать обширныя пространства впустѣ-лежащихъ земель обширнаго царства.

„По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ,— объявляетъ она въ манифестѣ 11 декабря 1762 года,—главнымъ правиломъ мы себѣ постановили, чтобъ навсегда имѣть наше матернее попеченіе и трудъ о тишинѣ и благоденствіи всей намъ ввѣренной отъ Бога пространной имперіи и объ умноженіи во оной обитателей. А какъ намъ многіе иностранные, равнымъ образомъ, и отлучившіеся изъ Россіи наши подданные бьютъ челомъ, чтобы мы имъ позволили въ имперіи нашей поселиться, то мы всемилостивѣйше симъ объявляемъ, что не только иностранныхъ разныхъ націй, кромѣ жидовъ, благосклонно съ нашею обыкновенною императорскою милостію на поселеніе въ Россію пріемлемъ и наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ приходящимъ къ поселенію въ Россію наша монаршая милость и благоволеніе оказываема будетъ, но и самимъ до сего бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ, съ обнадеживаніемъ, что имъ хотя-бъ по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но, однако-жъ, всѣ ихъ до сего преступленія прощаемъ, надѣясь, что они, восчувствовавъ къ нимъ сіи наши оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи въ пользу свою и всего общества“.

Послѣ этого Екатерина задумываетъ еще болѣе широкіе планы по отношенію къ Россіи.

Петръ, постянно занятый одною идеею—сдѣлать Россію, посредствомъ флота и войнъ, могущественнѣйшею державою въ Европѣ, заботился объ образованіи Россіи настолько, насколько это образованіе могло пригодиться ему въ достиженіи его собственныхъ государственныхъ цѣлей, и не успѣлъ подумать собственно объ образованіи русскаго общества, о просвѣщеніи всего народа и поднятіи его экономическаго быта. Екатерина, напротивъ, въ своихъ заботахъ о Россіи, захватываетъ вопросъ объ образованіи болѣе широко. Она думаетъ дѣйствительно перевоспитать Россію, создать новое поколѣніе отцовъ и матерей, создать новыхъ людей. Чтобы поднять русскій народъ на ту высоту, на которой онъ, по своему историческому призванію, долженъ стоять, по мнѣнію Екатерины и ея помощника въ этомъ, И. И. Бецкаго, „оставалось единое токмо средство—произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами“.

Правда, эта великая мысль получила неудачное примѣненіе, потому что разрѣшилась основаніемъ „воспитательныхъ домовъ“ въ Москвѣ и Петер-

бургѣ, а равно открытіемъ „смольнаго“ и другихъ институтовъ, посредствомъ коихъ надѣялись создать „новую породу или новыхъ отцовъ и матерей“; однако, въ основаніи самой идеи лежала глубокая истина. Дѣйствительно, институты, особенно „смольный“, дали намъ новое поколѣніе русскихъ женщинъ, но, какъ мы увидимъ ниже, не такихъ, какихъ, конечно, разумѣла Екатерина.

Уже въ 1766 году Екатерину занималъ одинъ изъ важнѣйшихъ во всей исторіи русскаго народа вопросовъ—это вопросъ о надѣленіи землею крестьянъ, и она поставила на очередь этотъ историческій вопросъ, получившій разрѣшеніе только черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ надъ нимъ задумывалась Екатерина. По ея предложенію, основанное тогда Вольное экономическое общество поставило для разрѣшенія такой вопросъ: „полезнѣе ли для государства, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственныя земли или владѣлъ бы только движимостью, и до какой степени для пользы государства простираться должна сія собственность“.

И при Петрѣ, и при преемникахъ его, а еще болѣе въ до-петровскія времена русская земля страдала отъ неопредѣленности земельныхъ правъ владѣльцевъ, отъ неизвѣстности, кому что принадлежитъ, отъ невообразимой чрезполосности владѣній, — и вотъ Елизавета Петровна задумала исправить этотъ капитальный государственный недостатокъ, предпринявъ генеральное межеваніе всего государства. Екатерина, какъ продолжительница и исполнительница того, что задумано и начато было Елизаветою, продолжала и въ данномъ случаѣ начатое Елизаветою дѣло, и вотъ Россія до сихъ поръ основываетъ свои земельныя права на основаніи добытыхъ генеральнымъ межеваніемъ результатовъ.

Около десяти лѣтъ Екатерина неутомимо работаетъ надъ улучшеніемъ внутренняго государственнаго строя, принимаетъ личное и непосредственное участіе въ этой сложной работѣ, даетъ инициативу и направленіе коллективнымъ работамъ сената и разныхъ комиссій, пишетъ проекты, поощряетъ всякую выдающуюся умственную силу и въ самый разгаръ этой дѣятельности выступаетъ съ капитальнымъ своимъ произведеніемъ, прославившимъ ея имя во всей Европѣ—съ „Наказомъ коммиссіи новаго уложенія“. Цѣль этого обширно задуманнаго дѣла — создать для Россіи новые, сообразные съ условіями жизни, законы посредствомъ выборныхъ представителей отъ всей русской земли. „Наказъ“ выражалъ собою какъ бы программу и руководство для депутатовъ, которые должны были съѣхаться въ Москву со всѣхъ концовъ государства и выражать собою представительство всѣхъ сословій, всѣхъ состояній и всѣхъ мѣстностей съ ихъ разнороднымъ населеніемъ.

Много замѣчательныхъ истинъ разсѣяно въ „Наказѣ“, истинъ, важныхъ собственно потому, что въ нихъ выражался личный взглядъ Екатерины на многіе государственные и общественные вопросы.

Во вступленіи къ „Наказу“ Екатерина ставитъ слѣдующія слова: „Господи Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да творю судъ людемъ твоимъ по закону святому твоему судити въ правду“.

Трудно и неудобно было бы передать въ краткомъ біографическомъ очеркѣ все богатство содержанія „Наказа“; но мы позволяемъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ положеніяхъ, которыя должны остаться памятникомъ личнаго отношенія Екатерины къ той или другой высказываемой ею истинѣ.

Оригинальную мысль она высказываетъ о свободѣ въ государствѣ, о „вольности“, какъ тогда выражались.

„Въ государствѣ, — говоритъ Екатерина, — т. е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и чтобъ не быть принужденному дѣлать то, чего хотѣть не должно“.

Относительно наказаній за преступленія императрица горячо высказывается противъ жестокости существующихъ тогда мѣръ наказаній, противъ смерныхъ казней и противъ пытокъ. „Искусство поучаетъ насъ“,—говоритъ она, — „что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“. Въ другомъ мѣстѣ она выражаетъ эту мысль такъ: „ежели найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями, вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности“, т. е., что самыя наказанія и ихъ неумѣренность деморализуютъ общество, и чѣмъ суровѣе наказанія, тѣмъ развращеннѣе становится общество и тѣмъ нечувствительнѣе становится оно къ самой жестокости.

Собственно о пыткахъ императрица выражается еще опредѣленнѣе и абсолютно осуждаетъ ихъ даже въ самомъ принципѣ. „Употребленіе пытки,— по ея словамъ, — противно здравому естественному разсужденію: само человѣчество вопіетъ противъ оныя и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена“.

Обширный „Наказъ“ свой императрица заключаетъ слѣдующею рѣчью: „хорошее мнѣніе о славѣ и власти царя могло бы умножить силы державы его; но хорошее мнѣніе о его правосудіи равнымъ образомъ умножаетъ оныя. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однако-жъ, мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа, а по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ болѣе справедливъ (juste — во французскомъ текстѣ „Наказа“, такъ какъ онъ явился разомъ на двухъ языкахъ) и, слѣдовательно, болѣе процвѣтающъ (heureux) на землѣ, намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!“

Въ то время, когда, согласно этому „Наказу“, въ Москву собирались со всѣхъ концовъ Россіи депутаты для составленія новаго уложенія, императрица предприняла новое путешествіе по своему обширному царству, и

на этотъ разъ вознамѣрилась ознакомиться съ верхнимъ и среднимъ поволжьемъ, чтобы лично ознакомиться съ экономическимъ положеніемъ страны и съ жизнью ея населенія. Послѣ Петра и Елизаветы она была первая царственная особа, которая личное ознакомленіе съ народною жизнью считала необходимымъ вспомоществованіемъ въ дѣлѣ управленія страною.

2-го мая 1767 года императрица отправилась изъ Твери по Волгѣ въ сопровожденіи немногочисленной свиты, къ которой принадлежали братья Орловы, Чернышевы, Бибиковъ, Елагинъ и нѣкоторые придворные чины. Екатерина плыла по Волгѣ на богато отдѣланной галерѣ „Тверь", и посѣтила почти всѣ старые русскіе города, съ которыми соединялись важнѣйшія историческія воспоминанія. Прежде всего, государыня посѣтила Угличъ, мѣсто дѣтскихъ игръ и смерти послѣдняго сына Грознаго, несчастнаго царевича Димитрія. Затѣмъ прослѣдовала до Ярославля, гдѣ къ свитѣ ея присоединились многіе чужестранные министры. Въ Костромѣ Екатерина осматривала Ипатьевскій монастырь, гдѣ подъ надзоромъ матери росъ когда-то царственный отрокъ, первый русскій царь изъ дома Романовыхъ. За Костромой слѣдовалъ Нижній, родина прославленнаго въ исторіи нижегородскаго „говядаря" Козьмы Миныча Сухорукова. За Нижнимъ—Казань, гдѣ когда-то полегло не мало русскихъ головъ при взятіи этого города Грознымъ.

По всей Волгѣ Екатерину встрѣчалъ народъ, сходившійся изъ самыхъ отдаленныхъ отъ Волги мѣстностей, чтобы только взглянуть на императрицу, имя которой съ каждымъ годомъ становилось популярнѣе.

Знакомясь, во время этого пути, съ нуждами населенія, императрица не прерывала своихъ занятій государственными дѣлами, и въ то же время досуги свои посвящала какъ перепискѣ съ приближенными къ ней, но отсутствующими особами, такъ и спеціально литературѣ. Во время этого продолжительнаго путешествія она занималась переводомъ на русскій языкъ „Велизарія", извѣстнаго сочиненія Мармонтеля, раздѣливъ этотъ трудъ между нѣкоторыми лицами своей свиты. Такъ какъ раздѣлъ этого труда произведенъ былъ по жребію, то лично императрицѣ досталась девятая глава „Велизарія", гдѣ говорится о заблужденіяхъ верховной власти.

Насколько либераленъ былъ взглядъ императрицы, въ первое время своего царствованія, на литературное дѣло, видно изъ того, что „Велизарій" былъ напечатанъ ею въ слѣдующемъ году и посвященъ тверскому епископу Гавріилу, почти въ то самое время, когда сочиненіе это, по приговору Сорбонны и парижскаго архіепископа, въ Парижѣ осуждено было на сожженіе.

Что въ продолженіе своего путешествія Екатерина входила въ нужды и непосредственно изучала города и мѣстности, чрезъ которыя проѣзжала, видно изъ писемъ ея къ Никитѣ Ивановичу Панину, писанныхъ императрицею съ дороги.

Изъ Симбирска, напримѣръ, она писала ему: „Никита Ивановичъ! письмо ваше отъ 3 числа я сего утра получила, изъ котораго я усмотрѣла, что сынъ мой, слава, Богу, здоровъ; на будущей недѣлѣ неотмѣнно съ

вами буду. Я завтра къ вечеру отселѣ ѣду. Гр. Гр. Орловъ отложилъ свою поѣздку въ Саратовъ, а вмѣсто его братъ его и совѣтники опекунства поѣхали. Здѣсь такой жаръ, что не знаешь куда дѣваться, городъ же самый скаредный, и всѣ домы, кромѣ того, въ которомъ я стою, въ конфискаціи, и такъ мой городъ у меня же; я не очень знаю, схоже ли это съ здравымъ разсужденіемъ, и не полезнѣе ли повернуть людямъ ихъ дома, нежели сіи лучинки имѣтъ въ странной собственности, изъ которой ни коронныя деньги, ни люди не сохранены въ цѣлости. Я теперь здѣсь упряжняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попусту не сгнили, и люди не приведены были вовсе въ истребленіе, а недоимки по соли и вину только сто семь тысячъ рублей, къ чему послужили какъ кража, такъ и разныя несчастныя приключенія."

Черезъ пять дней (12 іюня 1767 года) Екатерина пишетъ уже изъ Мурома: „Я на досугѣ сдѣлаю вамъ короткое описаніе того, что примѣтила дорогою. Гдѣ черноземъ и лучшія произращенія, какъ-то симбирская провинція и половина алатырской, тамъ люди лѣнивы, и верстъ по пятнадцати пусты, не населены, а земли не разработаны. Отъ Алатыря до Арзамаса, и отъ сего мѣста до муромскихъ лѣсовъ пяди земли нѣтъ, коя бы не была разработана, и хлѣбъ лучше нежели въ первыхъ сихъ мѣстахъ и, en dépit du misérable abbé Ziot, нигдѣ голоду нѣтъ, и истинно вездѣ хлѣба прошлогодняго не молоченнаго мало естьли скажу вдвое противу того, что съѣсть могутъ въ одинъ годъ, не продаютъ же, страшась двухлѣтняго неурожая; по городамъ же рубли по три четверть, а по деревнямъ вездѣ излишество; мужики же говорятъ: „нынѣ на все Богъ далъ цѣну; хлѣбъ дорогъ, и лошади дороги, и все дорого", и за то Богу благодарятъ, у пахотныхъ солдатъ особливо, въ хижинахъ живутъ, а скирдовъ съ хлѣбомъ безсчетное множество."

Между тѣмъ, когда императрица возвратилась изъ путешествія, комиссія новаго уложенія открыла свои засѣданія, и, первымъ долгомъ, прочитавъ „Наказъ", постановила поднести Екатеринѣ наименованіе „великой. премудрой и матери отечества". Но императрица не приняла этого наименованія.

Хотя комиссія и не кончила своей великой законодательной работы, однако, почти всѣ послѣдующія законоположенія Екатерины едва ли не были выполненіемъ тѣхъ мнѣній о нуждахъ страны, которыя высказаны были депутатами по разнымъ случаямъ. Что же касается „Наказа", то онъ остался замѣчательнымъ памятникомъ ученой дѣятельности женщины, съ такою славою управлявшей русскою землею около тридцати пяти лѣтъ.

Въ очеркѣ характеристики Елизаветы Петровны мы говорили, что она пріобрѣла любовь народа непосредственнымъ съ нимъ сближеніемъ, когда была еще цесаревною. Екатерина выражала это сближеніе и свою нераздѣльную общность съ народомъ иными способами. Такъ, желая научить страну оспопрививанію, которое въ то время было дѣломъ новымъ и опаснымъ, такъ что никто не рѣшался подвергнуть себя вакцинаціи, боясь смерти, Ека-

терина не отступила передъ опытомъ перваго въ Россіи оспопрививанія, и первая между всѣми своими подданными позволила привить себѣ оспу.

Когда сенатъ, отъ лица всей русской земли, выразилъ Екатеринѣ свое глубокое удивленіе и благодарность за совершеніе этого громаднаго подвига, государыня отвѣчала, между прочимъ, сенаторамъ: „Мой предметъ былъ своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не знавъ пользы сего способа, онаго страшась, оставались, въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія моего, ибо, по слову евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо."

При своей изумительно неутомимой государственной дѣятельности, Екатерина успѣваетъ удѣлять свои досуги литературѣ, и около нея при дворѣ сосредоточивается почти весь тогдашній литературный и ученый міръ. Кромѣ извѣстныхъ въ то время писателей, императрица покровительствуетъ также первымъ русскимъ женщинамъ-писательницамъ и переводчицамъ—княгинѣ Дашковой, Вельяшевой-Волынцевой, Храповицкой, Зубовой, урожденной Римской-Корсаковой, Херасковой и другимъ, о которыхъ мы намѣрены говорить особо. При ея покровительствѣ выступаетъ на литературное поприще Державинъ, пѣвецъ „Фелицы", т. е. самой же Екатерины. Херасковъ, Фонвизинъ, Новиковъ—все это находитъ нравственную поддержку въ той симпатіи, какую питаетъ императрица ко всякому умственному труду, ко всякому дарованію. Она сама пишетъ комедіи, сатиры, разныя стихотворенія, кромѣ политическихъ и другихъ сочиненій. Переводы лучшихъ произведеній иностранной литературы особенно ею покровительствуются. Она учреждаетъ даже при академіи особый переводческій департаментъ.

Для изслѣдованія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ она отправляетъ въ разныя мѣста экспедиціи изъ академиковъ и другихъ ученыхъ: Румовскаго—къ полярному кругу, Палласа, Георги, Фалька, Рычкова, Ловица, Гмелина, Лепехина, Зуева, Иноходцева — для изслѣдованія самыхъ отдаленныхъ мѣстностей обширнаго русскаго царства.

Ученыя и литературныя знаменитости изъ Европы спѣшатъ въ Россію: стоитъ указать только на Эйлера, Даламбера, Дидро и другихъ.

Екатерина задумываетъ учредить университеты въ Псковѣ, Черниговѣ, Пензѣ и Екатеринославѣ, чтобы поднять общій уровень народнаго образованія.

У нея вездѣ, при всѣхъ случаяхъ, на первомъ планѣ — „русскій народъ", „отечество". Ея любимая фраза: „Я не лифляндская императрица, а всероссійская!"

Слава Екатерины растетъ быстро, неимовѣрно.

Въ Россіи, между тѣмъ, ничто не нарушаетъ спокойнаго хода общественной жизни, хотя крестьянскія волненія то тамъ, то здѣсь и обнаруживаютъ, что положеніе крѣпостного населенія требовало бы какихъ-либо радикальныхъ мѣръ; но то было другое время, другіе люди, другія понятія.

Какъ бы то ни было, въ общемъ, Екатерина могла сказать, что она еще „не дожила до того несчастія, до котораго—по словамъ „Наказа"—не желала дожить".

Таково было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II, пока царствованіе это, можно сказать, шло тѣмъ путемъ, который намѣтили для Екатерины русскія, національныя симпатіи ея предшественницы Елизаветы Петровны.

Но едва началось отклоненіе отъ этого пути, какъ начались и тѣ несчастія, смуты, безпокойства, до которыхъ Екатерина не желала дожить.

Первымъ отступленіемъ въ этомъ случаѣ было желаніе поверстать яицкое войско въ гусары.

Яицкимъ казакамъ, будущимъ гусарамъ, велятъ брить бороды. Россія это кажется возвращеніемъ ко временамъ петровскимъ, къ петровскимъ преслѣдованіямъ и казнямъ.

Изъ-за бородъ и изъ-за казацкихъ вольностей — на Яикѣ бунтъ. Казаки убиваютъ Траубенберга и продолжаютъ волноваться. Ихъ усмиряютъ силою оружія. Они покоряются, но только наружно...

— То ли еще будетъ!—грозятъ они.—Такъ ли мы тряхнемъ Москвою!

И дѣйствительно—тряхнули...

Въ яицкомъ войскѣ является Пугачовъ. Мы знаемъ, что̀ затѣмъ послѣдовало.

За границей является „сестрица Пугачова", мнимая княжна Тараканова. Но объ этой таинственной личности мы скажемъ особо.

Хотя война съ Турціею, раздѣлъ Польши, а равно пріобрѣтеніе части Кавказа и расширяютъ и безъ того обширные предѣлы русской земли, но страна чувствуетъ себя истощенною; казна разстроена; для пополненія казны прибѣгаютъ къ новымъ налогамъ.

Населеніе не въ силахъ выносить всѣ падающія на него тягости войны и налоговъ, и страна представляется разомъ обѣднѣвшею. Тягость этого положенія обнаруживается то тѣмъ, то другимъ образомъ—и нѣтъ прежняго спокойствія въ странѣ.

Вмѣстѣ съ этими внѣшними измѣненіями, измѣняется какъ бы и самый характеръ Екатерины, чему, конечно, не мало способствовало и время: Екатерина старѣлась, а съ лѣтами увеличивалась ея осторожность, недовѣрчивость, подозрительность и какъ бы сожалѣніе о томъ, что прежде многое дозволялось, многое прощалось, чего бы не слѣдовало ни дозволять, ни прощать. Ко всѣмъ явленіямъ общественной и государственной жизни она начинаетъ относится взыскательнѣе и жестче. Жестче становятся ея отношенія и къ провинностямъ народа, къ провинностямъ, которыя она, по смыслу своего „Наказа", прежде готова была прощать. Повелѣвая „крестьянъ въ должномъ повиновеніи содержать", она постановляетъ правиломъ, что крестьяне не могутъ жаловаться на помѣщиковъ, „яко дѣти на родителей".

Вслѣдъ за усмиреніемъ яицкихъ волненій, за уничтоженіемъ всѣхъ видимыхъ явленій того, что носило общее наименованіе „Пугачовщины",

уничтожается и самостоятельное существованіе Запорожской Сѣчи, и въ манифестѣ по этому случаю объявляется, что Сѣчь „въ политическомъ ея устройствѣ болѣе не существуетъ и причисляется къ новороссійской губерніи“.

Кромѣ внутреннихъ безпокойствъ, Екатерину смущаютъ и внѣшнія опасности. Швеція объявляетъ Россіи войну. Шведскій король Густавъ флотомъ своимъ угрожаетъ самому Петербургу и предлагаетъ тяжелыя условія мира.

Екатерина въ большой тревогѣ, но желаетъ скрыть ее, говоритъ, что она готова стать во главѣ своего войска.

— Если бы онъ (Густавъ),—объявляетъ императрица:—овладѣлъ даже Петербургомъ и Москвою, и тогда не приняла бы я столь унизительныхъ условій, сама выступила бы съ войскомъ и доказала бы свѣту, что можно сдѣлать, предводительствуя русскими!

И послѣ неудачныхъ попытокъ Густава принудить Россію къ разнымъ уступкамъ, Екатерина въ посмѣяніе шведскому герою пишетъ забавную пьесу подъ названіемъ „Горе-богатырь“.

Вспыхнувшая около этого времени революція во Франціи заставляетъ Екатерину еще строже относиться ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, которыя почему-либо казались ей подозрительными. Она даже высылаетъ изъ Россіи всѣхъ французовъ и только позволяетъ оставаться въ ея царствѣ тѣмъ, которые подъ присягою отрекутся отъ революціонныхъ правилъ. Сочинена была для этого даже особая форма присяги.

Въ 1790-мъ году является въ свѣтъ извѣстное сочиненіе Радищева. Сочиненіе это возбуждаетъ сильный гнѣвъ императрицы.

— Тутъ разсѣяніе заразы французской,—говоритъ она о книгѣ Радищева:—авторъ—мартинистъ!

Въ другой разъ императрица выразилась о Радищевѣ:

— Онъ хуже Пугачова: онъ хвалитъ Франклина.

Радищева судъ приговариваетъ за его вредное сочиненіе къ смертной казни; но императрица смертную казнь отмѣняетъ.

Въ обществѣ распространяются, между тѣмъ, мистическія ученія. Масонство охватываетъ высшіе слои общества. Противъ этого явленія императрица борется насмѣшкой, и сочиняетъ въ осмѣяніе массонскихъ таинствъ комедіи—„Обманщикъ“, „Обольщенный“, „Шаманъ Сибирскій“.

Результатомъ измѣнившихся отношеній императрицы къ общественнымъ выраженіямъ духовной самодѣятельности является преслѣдованіе Новикова и его литературнаго общества. Новиковъ арестуется и приговаривается къ пятнадцатилѣтнему заключенію въ крѣпости. Его заподозрѣваютъ даже въ безбожіи и повелѣваютъ архіепископу Платону испытать его въ православномъ законѣ. Но Платонъ, по испытаніи Новикова, доноситъ: „желательно, чтобы во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ онъ...“

Охлажденіе императрицы испытываютъ на себѣ даже такія лица, какъ княгиня Дашкова, ея старый другъ, и любимый пѣвецъ императрицы—Державинъ: Дашкова—за дозволеніе напечатать при академіи извѣстную

трагедію Княжнина „Вадимъ“, Державинъ—за знаменитое свое стихотвореніе „Властителямъ и Судіямъ“.

Вмѣсто академіи, исполнявшей цензорскія обязанности, цензура надъ печатью передается сенату, и учреждаются особые цензора въ главныхъ городахъ имперіи.

Частныя типографіи запрещаются, тогда какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Екатерина дозволяла всѣмъ открывать вольныя типографіи на правахъ всякаго заводскаго или промысловаго заведенія.

Въ это время и Державинъ, такъ много послужившій къ прославленію имени Екатерины, начинаетъ жаловаться и сѣтовать о прошломъ: „въ это время,—говоритъ онъ,—не могъ уже я продолжать писать оды въ честь Екатерины... Не могъ воспламенить такъ своего духа, чтобы поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями“.

Лучшіе дѣятели, всѣ эти „орлы изъ стаи Екатерины“ во вторую половину царствованія императрицы сходятъ со сцены.

Ушаковъ, оставившій по себѣ печальную извѣстность и сошедшій было со сцены послѣ царствованія Петра, Екатерины I, Анны Іоановны, Петра II, Анны Леопольдовны и Іоанна VI, номинально царствовавшаго, воскресаетъ въ лицѣ Шешковскаго.

Сходятъ со сцены и женщины дѣятели, княгиня Дашкова, Храповицкая, Вельяшева-Волынцева, Зубова и другія писательницы, а вмѣсто нихъ являются Ржевская 2-я, Нелидова; послѣ этихъ весьма понятенъ переходъ къ г-жѣ Криднеръ, Свѣчиной и имъ подобнымъ.

Вмѣсто Даламбера, Дидро, Эйлера—Европа высылаетъ въ Россію контингентъ католическихъ графовъ-эмигрантовъ, маркизовъ, виконтовъ, разныхъ кавалеровъ, выгнанныхъ изъ Франціи революціею, и эти-то пришельцы увлекаютъ русскую женщину въ папизмъ, въ ханжество, а тамъ является и русскій абсентеизмъ.

Огорченія вмѣстѣ съ лѣтами все больше и больше подкашиваютъ, между тѣмъ, здоровье Екатерины и, наконецъ, окончательно убиваютъ ее.

Въ ноябрѣ 1796-го года въ Петербургъ является шведскій король Густавъ-Адольфъ, въ качествѣ жениха великой княжны Александры Павловны, дочери наслѣдника престола Павла Петровича и внучки императрицы. Огорченія, испытанныя въ это время государынею, ускоряютъ приближеніе неизбѣжнаго конца.

„Всѣ, окружавшіе императрицу Екатерину,—говоритъ Ростопчинъ, очевидецъ того, что онъ разсказываетъ,—увѣрены до сихъ поръ, что происшествія во время пребыванія шведскаго короля въ С.-Петербургѣ суть главною причиною удара, постигшаго ее въ 4-й день ноября 1796 года, въ тотъ самый день, въ который слѣдовало быть сговору великой княжны Александры Павловны. По возвращеніи графа Маркова отъ шведскаго короля съ рѣшительнымъ его отвѣтомъ, что онъ на сдѣланныя ему предложенія не согласится, извѣстіе сіе столь сильно поразило императрицу,

что она не могла выговорить ни одного слова и оставалась нѣсколько минутъ съ отверстымъ ртомъ, доколѣ камердинеръ ея Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, принесъ и подалъ ей выпить стаканъ воды".

Ударъ поразилъ Екатерину черезъ день послѣ этого огорченія.

Когда императрица упала на полъ, то лакеи, по тучности ея тѣла, долго не могли поднять и положить на постель. Всѣ бывшіе при этомъ растерялись и не знали что дѣлать.

„Князь Зубовъ,—говоритъ Ростопчинъ,—бывъ извѣщенъ первый, первый потерялъ и разсудокъ: онъ не дозволилъ дежурному лѣкарю пустить императрицѣ кровь, хотя о семъ убѣдительно просили его и Марья Савишна Перекусихина и камердинеръ Зотовъ.

Такимъ образомъ потерянъ былъ цѣлый часъ. Когда пріѣхалъ придворный докторъ Ромерсонъ, то было уже поздно: ни кровопусканье, ни мушки—ничто не помогло. Екатерина II скончалась.

Это было 6-го ноября 1796 года, когда Екатеринѣ исполнилось шестьдесятъ семь съ половиною лѣтъ.

Павелъ Петровичъ, вступившій въ тотъ же день на престолъ, приказалъ перенести тѣло своего покойнаго родителя, бывшаго императора Петра III, изъ невской лавры въ петропавловскую крѣпость и поставить рядомъ съ гробомъ своей только-что отошедшей въ вѣчность матери.

Въ 1873 году императрицѣ Екатеринѣ II воздвигнутъ въ Петербургѣ памятникъ противъ фаса публичной библіотеки, гдѣ собрана громадная масса книгъ, въ теченіе столѣтія написанныхъ объ одной этой замѣчательной женщинѣ.

VI.

Марья Саввишна Перекусихина.

На кладбищѣ Александро-невской лавры, которое теперь болѣе чѣмъ какое-либо другое кладбище въ Россіи можетъ быть названо историческимъ, потому что тамъ какъ бы по уговору сошлись на вѣчное успокоеніе въ своихъ могилахъ Карамзинъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Глинка и множество другихъ славныхъ русскихъ людей, когда-то знавшихъ другъ друга и дружно работавшихъ на пользу русской земли, въ лѣвой половинѣ этого мирнаго жилища, между могилами знаменитыхъ и когда-то могущественныхъ сановниковъ русскаго царства, начиная отъ блестящаго князя Мещерскаго, смерть котораго прославлена безсмертнымъ стихомъ Державина болѣе, чѣмъ была славна самая жизнь этого вельможи, и кончая не менѣе прославленными дѣятелями нашей земли—Чичаговыми, Завадовскими, Апраксиными, Куракиными, Салтыковыми, Еропкиными, Строгановыми, Бибиковыми и иными многими, между всѣми этими могилами, изъ которыхъ каждая отличается одна отъ другой разными громкими прабавленіями къ именамъ погребенныхъ въ нихъ покойниковъ князей, графовъ, генераловъ, сенаторовъ, чле-

новъ государственнаго совѣта, императорскаго двора гофмаршаловъ, оберъ-гофмаршаловъ, гофмейстеровъ, оберъ-гофмейстеровъ, адмираловъ и пр., и пр. ,у лѣваго развѣтвленія, проложенныхъ между памятниками мостковъ, помѣщается одна скромная могила, которая никакимъ внѣшнимъ отличіемъ, ни громкимъ прибавленіемъ къ имени лежащаго въ ней покойника, ни гербомъ, ни гордымъ девизомъ не говоритъ о томъ, что покоящіяся въ ней кости принадлежали когда-то графу или графинѣ, князю или княгинѣ, или княжескому младенцу, или, наконецъ, иному именитому лицу.

Напротивъ, на памятникѣ этомъ только и значатся эти единственная слова:

„Раба божія Марія Саввишна Перекусихина. Представилась 8-го августа 1824-го года, на 85-мъ году отъ рожденія“.

Кто она такая была? Какой постъ и какое положеніе въ свѣтѣ и въ жизни занимала? Какой носила титулъ? Чья была супруга или дочь, кто были ея родители? Ничего этого нѣтъ на памятникѣ.

Дѣйствительно, это единственная могила, которая ничего не говоритъ о жизни похороненнаго въ ней лица. Всѣ остальныя, — славныя и не славныя, именитыя и простыя,—всѣ носятъ титулы, начиная отъ высшихъ государственныхъ и придворныхъ чиновъ и кончая мелкими гражданскими званіями и должностями. Даже могилки младенцевъ не лишены титуловъ, родительскихъ гербовъ, эпитафій, текстовъ изъ священнаго писанія. Одна лишь сказанная могила передаетъ намъ только имя крестное, отческое и фамильное похороненнаго въ ней лица и годъ его смерти.

Между тѣмъ, это имя не лишено исторической извѣстности. Лѣтъ сто назадъ, оно было въ великой силѣ. О женщинѣ, носившей это имя, когда-то много говорилось. Къ ней, при ея жизни, все теперь лежащее около нея съ громкими посмертными титулами подходило съ ласкательствами и знаками глубокаго почтенія. У нея заискивало все, что правило русскою землею, начиная отъ законодателей и кончая славными полководцами, къ именамъ которыхъ исторія прибавила безсмертные когномены „Задунайскихъ“, „Таврическихъ“ и иныхъ героевъ и побѣдителей, напоминающіе безсмертные когномены римскихъ полководцевъ, Сципіоновъ „Африканскихъ“, „Атенейскихъ“ и другихъ.

И при всемъ томъ эта женщина не носила никакого титула и похоронена безъ титула.

Въ чемъ же была ея сила и въ чемъ историческое безсмертіе?

Многіе, быть можетъ, не согласятся съ нами, когда мы скажемъ, что сила этой женщины и права на историческое безсмертіе заключались въ томъ, что она была — только честная женщина и честно любила другую, болѣе славную и самую могущественную въ прошломъ столѣтіи изъ всѣхъ женщинъ въ Европѣ—Екатерину II.

„Марья Саввишна Перекусихина, любимая камеръ-юнгфера императрицы Екатерины II, совершенно ей преданная и пользовавшаяся особою ея довѣренностью, которую никогда не употребляла во зло, заслуживаетъ стоять на ряду съ знаменитыми соотечественниками,—говоритъ Бантышъ-Камен-

скій въ своемъ „Словарѣ замѣчательныхъ людей".—Она безотлучно находилась при государынѣ; довольствовалась двумя, а иногда одною комнатою въ дворцахъ; убѣгала лести, занятая единственно услугою своей благодѣтельницѣ; первая входила въ ея опочивальню въ семь часовъ утра; сопровождала Екатерину во время прогулокъ; была счастлива тогда только, когда видѣла спокойствіе на величественномъ челѣ обладательницы многихъ царствъ".

Такъ говоритъ человѣкъ, жившій въ то время, когда еще жива была характеризуемая нами личность, хотя и писавшій о ней въ то время, когда личности этой уже не было на свѣтѣ.

Между тѣмъ, живая молва, не всегда правая въ своихъ отношеніяхъ къ дѣйствительнымъ событіямъ и обыкновенно искажающая истину прямо пропорціонально удаленію отъ ея источника, въ послѣднее время набросила на память этой личности болѣе чѣмъ сомнительную тѣнь. Вслѣдъ за болтливою молвою и наша анекдотическая исторія не поскупилась въ этомъ случаѣ на намеки и недомолвки довольно прозрачнаго свойства, которые всегда заставляютъ предполагать большее, именно тогда, когда слово не досказано, чѣмъ тогда, когда слово досказано громко. Результатомъ этихъ историческихъ киваній и подмигиваній было то, что при имени Марьи Саввишны Перекусихиной всегда является двусмысленная улыбка на лицѣ и у того, который произноситъ это имя, и у того, который его выслушиваетъ.

Но едва ли эти историческія подмигиванья имѣютъ основаніе.

Дѣвица Перекусихина, напротивъ, является одною изъ немногихъ женщинъ прошлаго вѣка, жизнь которой не положила на ея имя ни одного сомнительнаго пятна. Это была личность безукоризненной честности, и если имя ея не поставлено рядомъ съ другими историческими именами прошлаго вѣка, такъ это потому, что женщина эта была добросовѣстнѣе другихъ. Имѣя возможность быть всѣмъ, чѣмъ угодно, пользуясь безграничной довѣренностью и дружбой Екатерины, находясь въ самомъ средоточіи придворной жизни, полной блеска и соблазновъ, окруженная избранною молодежью обѣихъ столицъ и всякими карьеристами, которые за счастье для себя сочли бы повести подъ вѣнецъ любимую камеръ-юнгферу императрицы, помогая другимъ достигать высокихъ должностей, графскихъ и иныхъ титуловъ, — Машенька Перекусихина такъ и осталась и умерла Марьей Саввишной Перекусихиной, не сдѣлавшись ни княгиней, ни графиней, не привязавъ къ своему имени болѣе громкую фамилію или высокое оффиціальное званіе статсъ-дамы, гофмейстерины и т. д. Она не поднялась наверхъ славы не потому, что не могла, а потому, что не хотѣла. Она была когда-то и молода, и хороша собой. Уже пожилою особою она сохранила слѣды красоты и привлекательности. Ея портретъ, бывшій на петербургской исторической выставкѣ въ 1870 году, не могъ не обратить на себя вниманія: съ стараго, нѣсколько потрескавшагося полотна Перекусихина смотритъ такими добрыми, не лукавыми, но умными глазами. Это—чисто русское, открытое, простое, симпатичное лицо. Она смотритъ

скорѣе русскою бабою, хорошею нянюшкою, чѣмъ придворною особою, которая могла давать аудіенціи свѣтиламъ государства, передъ которой заискивала въ черные дни своей жизни княгиня Дашкова, не хотѣвшая заискивать передъ Вольтеромъ и Руссо, отъ которой ждалъ ласковаго слова Державинъ, когда хотѣлъ, чтобы на него внимательнѣе взглянула Екатерина или внимательнѣе выслушала его новую оду.

Перекусихина могла обогатиться, жить въ своихъ вотчинахъ, повелѣвать тысячами крестьянъ, являться, когда пожелаетъ, при дворѣ, стоять у трона, — и между тѣмъ она пряталась за трономъ, на которомъ сидѣлъ ея царственный другъ, и служила этому другу до смерти, иногда, во время своей болѣзни, принимая взаимныя услуги отъ императрицы, которая сама ухаживала за ней.

И въ самомъ дѣлѣ, какая бы изъ придворныхъ особъ на ея мѣстѣ не захотѣла, что называется, выйти въ люди? А Перекусихина не вышла — такъ и отнесена на кладбище просто Перекусихиной, „рабой божіей“, безъ всякаго званія, безъ титула, безъ герба, безъ эпитафіи, даже безъ надгробнаго памятника, такъ или иначе бьющаго на эффектъ.

Перекусихина родилась въ 1739 году. Слѣдовательно, она десятью годами была моложе Екатерины. Когда послѣдняя вступила на престолъ, Марьѣ Саввишнѣ было двадцать три года. Когда Екатерина умерла, Перекусихиной было уже пятьдесятъ семь лѣтъ.

Какое и гдѣ получила она воспитаніе, неизвѣстно. Но что она могла быть дѣвушкою образованною, видно изъ того, что братъ, Василій Саввичъ Перекусихинъ, бывшій пятнадцатью годами старше сестры, получилъ хорошее по тому времени образованіе, дослужился до чина тайнаго совѣтника и умеръ сенаторомъ въ 1788-мъ году, въ то время, когда сестра его оставалась попрежнему простою камеръ-юнгферою.

Изъ многихъ письменныхъ свѣдѣній, оставленныхъ современниками Перекусихиной, видно, что она пользовалась огромнымъ значеніемъ при Екатеринѣ; но это значеніе было не оффиціальное, а чисто дружеское. Намъ извѣстно изъ свидѣтельствъ современниковъ, какъ, напримѣръ, княгиня Дашкова, другъ Екатерины и президентъ академіи наукъ, обращалась часто къ Перекусихиной, чтобъ найти у императрицы благопріятный пріемъ для своихъ представленій. Всѣ придворные фавориты второй половины прошлаго вѣка находились въ нравственной зависимости отъ Перекусихиной.

Насколько сама императрица была привязана къ этой женщинѣ, можно заключить изъ слѣдующаго разсказа, приводимаго писателями восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣка.

Однажды императрица и ея любимица занемогли въ одно время. Перекусихина была больна до такой степени, что не могла встать съ постели, и, слѣдовательно, не могла служить своей государынѣ, тоже сильно занемогшей. При всемъ томъ императрица, несмотря на свою слабость, во все время болѣзни Перекусихиной, навѣщала свою любимицу каждый

день, будучи поддерживаема двумя камеръ-юнгферами. Но когда болѣзнь самой императрицы стала внушать всѣмъ опасенія, то Екатерина, боясь оставить свою любимицу безпомощною послѣ своей смерти, прежде всего, вспомнила о ней и позаботилась о ея участи. Она вложила въ особый пакетъ двадцать пять тысячъ рублей и надписала на немъ: „Марьѣ Савишнѣ по моей кончинѣ".

Послѣ своего выздоровленія императрица самолично вручила деньги Перекусихиной, согласно своему завѣщанію.

— Возьми это,—говорила императрица:—какъ залогъ моей дружбы, и пользуйся тѣмъ, что я тебѣ готовила, не надѣясь жить.

Екатерина, знала, что ея наперсница твердо рѣшилась не выходить замужъ, несмотря на возможность выбора себѣ партіи между самыми блестящими женихами изъ придворной молодежи и изъ служебныхъ людей всѣхъ сферъ, часто шутила на этотъ счетъ съ своей камеръ-юнгферой и называла себя самое женихомъ Перекусихиной.

Такъ, однажды, при помолвкѣ племянницы Перекусихиной, Екатерины Васильевны Перекусихиной, дочери брата Марьи Саввишны, сенатора Василія Саввича Перекусихина, съ Ардаліономъ Александровичемъ Торсуковымъ, впослѣдствіи оберъ-гофмейстеромъ высочайшаго двора, императрица, одаривъ невѣсту, вручила теткѣ ея перстень съ своимъ портретомъ въ мужскомъ одѣяніи.

— Вотъ и тебѣ женихъ,—сказала Екатерина:—которому я увѣрена, ты никогда не измѣнишь.

И дѣйствительно не измѣнила.

Первенство при дворѣ занимали многіе избранные, начиная отъ Салтыкова, Станислава-Августа Понятовскаго, Орлова, Васильчикова, Потемкина, Завадовскаго и кончая Зубовымъ; эти первенствующіе лица уступали мѣсто другимъ, восходя отъ одной ступеньки почестей къ другой; много и придворныхъ дамъ выступало на первый планъ, какъ Дашкова, Протасова и другія; онѣ также проходили по придворной сценѣ, какъ тѣни въ калейдоскопѣ: одна Перекусихина оставалась на своемъ мѣстѣ, не поднимаясь ни на одну ступеньку выше и не спускаясь ниже, пока сама не опустила въ гробъ своего жениха Екатерину. „Можно представить себѣ отчаяніе Марьи Саввишны 6-го ноября 1796-го года,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—когда услыхала она о постигшемъ ударѣ императрицу! Ударъ былъ смертельный, въ голову: искусство и усердіе докторовъ остались безполезны."

Но и въ этомъ отчаянномъ положеніи Екатерина могла быть еще спасена, если-бъ придворные, и въ особенности Зубовъ, послушались Перекусихиной. Она первая настаивала, какъ мы уже видѣли въ характеристикѣ Екатерины, чтобы больной пустили кровь тотчасъ послѣ удара; но Зубовъ растерялся и потерялъ время.

Послѣдняго и единственнаго жениха у Перекусихиной не стало. Екатерина лежала мертвая.

„Сколь почтенна была тогда Марья Саввишна Перекусихина“,—говоритъ очевидецъ, графъ Ростопчинъ, въ своемъ сочиненіи „Послѣдній день жизни императрицы Екатерины II“. — „Екатерина, переселившаяся въ вѣчность, какъ-будто покоилась въ объятіяхъ сладкаго сна: пріятность и величество изображались попрежнему на лицѣ ея. Почивальня, въ мгновеніе ока, наполнилась воплемъ женщинъ, служившихъ ей. Въ эту роковую минуту Марья Саввишна, оставшаяся въ живыхъ, чтобы оплакивать невозвратную потерю, вооружилась необыкновенною твердостью духа: она не спускала глазъ съ императрицы; поправляла ей то руки, то голову, то ноги; покоила тѣло и, несмотря на то, что Екатерина кончила бытіе свое, стремилась духомъ вслѣдъ за безсмертною душою.“

На престолъ взошелъ сынъ умершей, императоръ Павелъ Петровичъ.

Достойно вниманія слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, что Павелъ не особенно любилъ лицъ, приближенныхъ своей матери. Многихъ изъ нихъ постигла его холодность, даже болѣе—прямая опала, особенно тѣхъ, которые были прямыми или косвенными участниками въ дѣлѣ восшествія на престолъ Екатерины II. Княгиню Дашкову, друга императрицы, Павелъ Петровичъ тотчасъ же сослалъ въ деревню „вспоминать о событіяхъ 28-го іюня 1762-го года“, какъ императоръ самъ выразился. У императора Павла всѣ признавали рыцарскія наклонности, несмотря на его несдержанность. У него, говорятъ, было хорошее чутье на честныхъ людей, тѣмъ болѣе, что, оставаясь долго въ сторонѣ отъ двора матери при жизни ея, онъ могъ лично видѣть и слышать, что́ тамъ дѣлалось. Онъ, конечно, хорошо зналъ и ту роль, какую занимала Перекусихина при особѣ его матери: онъ зналъ, что роль эта была честная, а не такая, какъ ее изобразили историческіе анекдоты послѣдняго времени.

Вотъ почему Павелъ Петровичъ, отсылая княгиню Дашкову въ деревню, Перекусихину не забылъ наградить тотчасъ же по восшествіи на престолъ. Въ день коронованія своего и императрицы Маріи Ѳеодоровны, 17-го декабря 1796 года, Павелъ I, „въ награду долговременной и усердной службы дѣвицы Перекусихиной“, пожаловалъ ей пожизненный пенсіонъ изъ своего собственнаго кабинета въ тысячу двѣсти рублей.

Могила Перекусихиной, какъ мы сказали выше, вся окружена знаменитостями, а около ея собственнаго памятника помѣстились и ближайшіе родные этой женщины. Нѣсколько поодаль, съ лѣвой стороны, лежитъ ея братъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ Василій Саввичъ Перекусихинъ, умершій тридцатью шестью годами раньше своей сестры, еще въ восемнадцатомъ столѣтіи. Упомянутая нами выше дочь его, Екатерина Торсукова, поставила надъ отцомъ приличный памятникъ, который гласитъ: „Сіе плачевное изданіе отъ дочери его Катерины Васильевны, по супружеству Торсуковой“. Въ головахъ у отца легла потомъ и сама эта дочь, оберъ-гофмейстерша высочайшаго двора. Рядомъ съ нею положенъ и мужъ ея, оберъ-гофмейстеръ — это все родня Перекусихиной. Нѣсколько въ сторонѣ отъ нея лежатъ: адмиралъ Апраксинъ, родившійся въ годъ основанія Петер-

бурга, покоится подъ великолѣпной бронзовой плитой, изукрашенной гербами, кораблями, орденами и девизами; черезъ мостки—Анна Александровна Жеребцова, урожденная Еропкина, которую Перекусихина знала еще крошечной дѣвочкой; тутъ же ея сестра Прасковья, о которой могильная надпись гласитъ: „У ногъ лежитъ сваво отца дѣвица Прасковья Алексѣевна Еропкина“, которую Перекусихина также знавала ребенкомъ. Нѣсколько далѣе—графъ Гендриковъ, и его маленькимъ знала Перекусихина.

Памятникъ самой Перекусихиной—это простой четыреугольный пьедесталъ, аршина въ два съ половиною вышиной, изъ сѣраго камня, значительно изъѣденнаго временемъ, солнцемъ, дождемъ и всякою непогодою. На мраморной доскѣ простая надпись, которую мы уже привели: „раба божія“—и только. Наверху—крестъ, уже сильно покачнувшійся на-сторону.

Памятникъ вростаетъ въ землю.

VII.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова.

Безъ сомнѣнія, большей части читателей памятенъ весьма распространенный эстампъ, изображающій одну замѣчательную женщину XVIII-го вѣка въ томъ видѣ, въ какомъ сохранило ее для насъ время въ тогдашнемъ современномъ портретѣ: доброе женское лицо, уже даже далеко не молодое и не красивое; лицо это невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе тѣмъ, что на плечахъ этой пожилой женщины мужской мундиръ или кафтанъ XVIII-го вѣка; грудь украшена звѣздою; на головѣ женщины—старушечій чепчикъ, нѣчто въ родѣ колпака.

Это, какъ всѣмъ извѣстно,—княгиня Дашкова.

Есть и еще портретъ русской женщины, тоже въ мужскомъ, только военномъ мундирѣ, но значительно менѣе распространенный и менѣе извѣстный: военный мундиръ этой послѣдней женщины, тоже уже старушки, украшенъ георгіевскимъ крестомъ.

Это—Дурова, „дѣвица-кавалеристъ“.

Скажемъ же прежде о Дашковой, какъ исторической женской личности; а о Дуровой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

„Въ XVIII столѣтіи, благодаря петровскому перевороту, русская женщина пріобрѣла человѣческія права. Четыре женщины носили въ этомъ столѣтіи императорскую корону и нѣсколько замѣчательныхъ не коронованныхъ женскихъ личностей оставили слѣды своего существованія на поприщѣ болѣе видномъ и обширномъ, чѣмъ замкнутые терема. Если подобныя личности и появлялись до переворота, то онѣ составляли рѣдчайшія исключенія, и если послѣ переворота ихъ можно еще считать исключеніями, то уже далеко не столь рѣдкими. Въ 1762 году однимъ изъ главныхъ дѣя-

телей возведенія на престолъ русскій Великой Екатерины II является девятнадцатилѣтняя женщина—княгиня Дашкова; она обращаетъ на себя вниманіе всей образованной Европы, которая, въ лицѣ современныхъ писателей, вноситъ ея имя въ исторію, и, разъ обративъ на себя ея вниманіе, она не исчезаетъ. какъ метеоръ, но до послѣдней минуты своей жизни остается личностію замѣчательнѣйшею. Съ большимъ успѣхомъ и честію исполняетъ, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, должность директора академіи наукъ (дѣло до тѣхъ поръ неслыханное), становится основательницею и президентомъ россійской академіи и до послѣдней минуты своей жизни остается женщиной настолько же, насколько и замѣчательнѣйшею личностію“.

Такими словами начинаетъ характеристику княгини Дашковой одинъ изъ современныхъ русскихъ писателей въ біографіи этой женщины, и нельзя не согласиться съ нимъ, что на подобныя личности между женщинами, какою является княгиня Дашкова, не богата исторія всего человѣчества. Тѣмъ болѣе должны дорожить такими историческими женскими именами мы, русскіе, юнѣйшіе изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Европы, что эта послѣдняя, вообще мало цѣня наши заслуги въ исторіи общечеловѣческаго развитія, не отказываетъ въ этихъ заслугахъ нѣкоторымъ русскимъ историческимъ женскимъ личностямъ, относительный процентъ которыхъ у насъ едва ли ниже процента такихъ же историческихъ личностей въ остальной Европѣ.

Екатерина Романовна родилась около половины восемнадцатаго столѣтія, въ 1744 году, и потому не принадлежитъ уже къ русскимъ женщинамъ ни петровской, ни бироновской эпохи. Она происходила изъ знатнаго рода графовъ Воронцовыхъ, приходилась сродни графамъ Панинымъ и вообще принадлежала къ высшимъ родамъ русскаго царства. Уже при самомъ рожденіи она отличена была передъ другими знатными дѣвушками тѣмъ, что воспріемницей ея отъ купели была сама императрица Елизавета Петровна. а крестнымъ отцомъ—тогдашній наслѣдникъ престола, впослѣдствіи императоръ Петръ III.

Она лишилась матери, когда ей было всего два года. Отецъ ея, еще молодой человѣкъ, не могъ заняться воспитаніемъ своихъ дѣтей, потому что весь отданъ былъ свѣтскимъ удовольствіямъ, а потому маленькая Екатерина до четырехъ лѣтъ жила у своей бабушки, по обычаю почти всѣхъ бабушекъ, не чаявшей души въ своей внучкѣ-сироткѣ; съ четырехъ же лѣтъ маленькую графиню взяли въ домъ къ дядѣ ея, вице-канцлеру Михайлу Иларіоновичу Воронцову, женатому на двоюродной сестрѣ государыни и пользовавшемуся, особенно послѣ паденія Бестужева-Рюмина, большимъ вліяніемъ при дворѣ. Въ домѣ у Воронцова часто бывала сама императрица, обѣдала и проводила цѣлые вечера. Маленькая крестница императрицы нерѣдко играла на колѣняхъ у своей высокой крестной матери, сиживала съ ней рядомъ за столомъ и вообще пользовалась ея ласками. Воронцовъ въ своей привязанности къ племянницѣ не отличалъ ея отъ

своей родной дочери Анны, съ которою маленькая Екатерина провела все дѣтство и первую молодость, живя въ одной комнатѣ. Ихъ и воспитывали вмѣстѣ, и одѣвали въ одинакія платья, одни и тѣ же учителя учили обѣихъ дѣвушекъ.

И несмотря, однако, на эту внѣшнюю тожественность воспитанія, изъ одной дѣвушки вышла крупная историческая личность, занявшая почетное и даже рѣдко выпадавшее на долю женщины мѣсто, женщины-дѣятеля въ исторіи, другая же ничѣмъ не заявила своихъ правъ на историческое безсмертіе.

„Мой дядя,—говоритъ о себѣ впослѣдствіи Дашкова въ оставленныхъ ею запискахъ,—ничего не жалѣлъ, чтобъ дать своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей, и, по понятіямъ того времени, мы получили наилучшее воспитаніе. Насъ учили четыремъ разнымъ языкамъ и мы говорили бѣгло по-французски; одинъ статскій совѣтникъ выучилъ насъ итальянскому языку, а г. Бектеевъ давалъ уроки русскаго, когда мы удостоивали ихъ брать. Мы сдѣлали большіе успѣхи въ танцованіи и немного знали рисовать. Кто могъ вообразить, что такое воспитаніе было не совершенно?“

Время воспитанія и обученія длилось до чѣтырнадцатилѣтняго возраста маленькой графини. Но богатая натура ея не удовлетворялась тѣмъ, что она получила; въ душѣ былъ большой запросъ на многое, чего она еще не знала, не видѣла, не испытывала. Рано проявилось въ ней неясное сознаніе своей силы и чувство богатыхъ внутреннихъ задатковъ, и это обнаруживалось въ ней, съ одной стороны, какою-то гордостью, признаніемъ за собой чего-то бо́льшаго, чѣмъ то, что въ ней думали видѣть, а съ другой—страстнымъ желаніемъ раздѣла чувствъ, впечатлѣній, знаній—желаніемъ дружбы и любви. Но отзыва на все это она не могла найти ни въ комъ: съ совоспитанницей своей она не сошлась душою, а другихъ родныхъ никого близко не имѣла, и только глубокую дружбу воспитала она въ себѣ къ своему брату Александру, къ которому питала это чувство всю жизнь, какъ и вообще всѣ ея привязанности отличались полнотою и какою-то законченностью: она всякому чувству отдавалась вся.

Сначала она чувствовала себя вполнѣ одинокою, именно въ періодъ броженія молодыхъ силъ.

Но въ это время случившаяся съ ней болѣзнь едва ли не была тѣмъ роковымъ стимуломъ, который нерѣдко опредѣляетъ на всю жизнь дальнѣйшее развитіе и самое призваніе человѣка. Она заболѣла корью, и такъ какъ семья, въ которой она жила, имѣла постоянныя сношенія съ дворомъ, то изъ опасенія, чтобы корь не занесена была во дворецъ и не заразила великаго князя Павла Петровича, молодую дѣвушку удалили за 60 верстъ отъ столицы, въ деревню, приставивъ къ больной какую-то компаньонку-нѣмку.

Здѣсь-то, когда болѣзнь ея нѣсколько облегчилась, въ одиночествѣ, она набросилась на книги, и когда воротилась уже въ домъ, то страсть къ чтенію оставалась въ ней преобладающей страстью. Она читала все, что, находила въ богатомъ домѣ вице-канцлера: Вольтера, Буало, Монтескье и

др. она читала, какъ это обыкновенно бываетъ въ періодъ броженія молодыхъ силъ, запоемъ, лихорадочно. Она не останавливалась на легкомъ чтеніи: философскій вѣкъ захватилъ и ее своимъ крыломъ. Всѣ свои деньги она тратила на книги, и притомъ на такія, какъ знаменитая „Энциклопедія“ XVIII вѣка и „Лексиконъ“ Морери. О всемъ прочитанномъ, о своихъ впечатлѣніяхъ она ни съ кѣмъ не могла говорить, и это еще больше волновало ее, потому что съ братомъ, уѣхавшимъ въ Парижъ, она могла только переписываться. Жажда знаній доходила до страстности, до болѣзненности. Живя въ домѣ вице-канцлера, она еще ребенкомъ заглядывала въ лежавшія у него въ кабинетѣ важныя государственныя бумаги, и невольно интересовалась тѣмъ, что тамъ писано, а когда подросла, то рѣшительно не давала покоя всѣмъ посѣщавшимъ вице-канцлера заѣзжимъ ученымъ, посланникамъ, художникамъ, выспрашивая у нихъ обо всемъ, что занимало ея пытливый умъ. Замѣтивъ эту даровитость молоденькой дѣвушки, „русскій меценатъ“ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ любезно доставалъ ей все, что только выходило въ Европѣ замѣчательнаго по части литературы.

Эта болѣзненность не могла не броситься въ глаза и не обезпокоить старшихъ за ея здроровье, а императрица показала настолько заботливости объ участи своей крестницы, что прислала къ ней своего врача, доктора Бургаве, который нашелъ, что молодая дѣвушка страдаетъ душевнымъ разстройствомъ. Тогда со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы о причинѣ этого разстройства; всѣ приняли въ ней живое участіе, потому что видѣли въ молодой особѣ неестественную блѣдность и утомленіе, и на обращенные къ ней по этому случаю вопросы дѣвушка, не желая выдавать своей чувствительности и томившей ее внутренней гордости, отвѣчала, что все это—просто разстройство, головная боль и т. д.

Для молодой дѣвушки наступило время замужества.

Хотя она и пользовалась полною свободою въ домѣ своего дяди и могла распологать не только своимъ временемъ, но и выборомъ знакомыхъ и удовольствій, однако, ее не влекло къ свѣтскимъ удовольствіямъ и къ тому, что соединено съ понятіемъ свѣтскихъ „выѣздовъ“; у нея былъ небольшой кружокъ знакомыхъ, къ которымъ она ѣздила запросто. Къ числу такихъ знакомыхъ принадлежала г-жа Самарина.

Знакомство съ Самариною косвеннымъ образомъ было причиною того, что въ жизни молодой дѣвушки совершился тотъ роковой фактъ, отъ котораго зависитъ весь дальнѣйшій ходъ жизни: Екатерина Романовна должна была проститься съ дѣвическою свободой.

Однажды Екатерина Романовна возвращалась отъ Самариной поздно вечеромъ. Ночь была лѣтняя и сестра Самариной вызвалась проводить молодую графиню до дому пѣшкомъ, приказавъ каретѣ ѣхать впереди. Когда они шли, то изъ другой улицы навстрѣчу имъ вышелъ какой-то мужчина въ военномъ платьѣ, который, въ сумеркахъ, показался молодой дѣвушкѣ какимъ-то гигантомъ. Оказалось, что это былъ князь Дашковъ, преобра-

женскій офицеръ, котораго Екатерина Романовна никогда не видала, но который былъ хорошо знакомъ съ Самариными. Дашковъ заговорилъ съ дамами и произвелъ на молодую дѣвушку такое впечатлѣніе, что уличное знакомство превратилось въ пріязнь, а потомъ и въ глубокую привязанность съ обѣихъ сторонъ.

Но въ это время молодая дѣвушка нашла и новую привязанность, которая имѣла въ ея жизни едва ли не болѣе роковое значеніе, чѣмъ замужество. Это—страстная привязанность ея къ супругѣ наслѣдника престола, Петра Ѳедоровича, къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, будущей императрицѣ Екатеринѣ II.

Однажды, зимой у дяди ея проводили вечеръ и ужинали наслѣдникъ престола и его молодая супруга. Екатерина Алексѣевна давно слышала о молодой племянницѣ вице-канцлера, какъ о замѣчательной дѣвушкѣ; она знала ея привязанность къ серьезнымъ занятіямъ, о ея развитости, о ея далеко недюжинномъ умѣ, выходившемъ изъ ряда всего, что только было извѣстно любознательной цесаревнѣ. Цесаревна могла теперь лично убѣдиться, что такое была эта дѣвушка, и отмѣтила ее, какъ свою избранницу, потому что будущая императрица обладала именно этимъ рѣдкимъ свойствомъ—выбора людей.

„Въ продолженіе всего этого памятнаго вечера, — пишетъ въ своихъ запискахъ Дашкова,—великая княгиня обращалась только ко мнѣ; ея разговоръ меня восхитилъ: возвышенныя чувства и обширныя познанія, которыя она выказала, заставляли меня смотрѣть на нее, какъ на существо избранное, стоящее выше всѣхъ остальныхъ, существо возвышенное до такой степени, что она превосходила всѣ мои самыя пламенныя идеи о совершенствѣ. Вечеръ прошелъ быстро; но впечатлѣніе, которое она произвела на меня, осталось неизгладимымъ“.

Когда великая княгиня прощалась съ хозяевами, то нечаянно уронила вѣеръ. Молодая графиня поспѣшила поднять его и подала Екатеринѣ; но эта послѣдняя, не принимая вѣера, поцѣловала дѣвушку и просила сохранить вѣеръ, какъ память о первомъ вечерѣ, проведенномъ ими вмѣстѣ.

— Я надѣюсь,—заключила она:—что этотъ вечеръ положилъ начало дружбы, которая кончится только съ жизнію друзей.

Дѣйствительно, великая княгиня окончательно побѣдила сердце восторженной дѣвушки. Вечеръ положилъ начало не только дружбѣ, но и страстной привязанности молодой Воронцовой къ Екатеринѣ: Воронцова впослѣдствіи доказала, что за этотъ вечеръ, за этотъ вѣеръ и за привѣтъ она готова была идти на плаху во имя той, которой всецѣло отдала свою волю. Вѣеръ остался самымъ дорогимъ ея воспоминаніемъ на всю жизнь, и она было завѣщала положить его съ собою въ гробъ, но только впослѣдствіи, когда Екатерина оттолкнула отъ себя молодую энтузіастку своимъ царственнымъ, нѣсколько холоднымъ величіемъ, а Дашкова нашла полную дружескую привязанность къ другой женщинѣ, рѣшеніе это осталось не исполненымъ.

Это было какъ разъ передъ ея замужествомъ: въ февралѣ 1759 года Екатерина Романовна вышла замужъ за того, который ей показался когда-то гигантомъ, за князя Дашкова.

Будемъ и мы теперь называть ее княгинею Дашковою.

Обходя подробности о разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ жизни княгини Дашковой, мы будемъ останавливаться преимущественно на тѣхъ сторонахъ ея жизни, въ которыхъ проявлялась ея или политическая, или общественная дѣятельность.

Вскорѣ послѣ свадьбы молодые Дашковы представлялись Петру Ѳедоровичу, который въ то время жилъ въ ораніенбаумскомъ дворцѣ.

— Хотя я знаю, что вы рѣшились не жить у меня во дворцѣ,—обратился великій князь къ Дашковой:—но надѣюсь васъ видѣть каждый день, и желалъ бы, чтобы вы проводили болѣе времени со мной, чѣмъ въ обществѣ великой княгини.

Но молодая Дашкова уже вся принадлежала, именно, этой великой княгинѣ.

— Дитя мое,—говорилъ ей въ другой разъ великій князь: — не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами, которые сосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку.

Но Дашкова не думала этого и не боялась. Великая княгиня была ея кумиромъ, и этому божеству она поклонялась, тѣмъ болѣе, что и общество, окружавшее Екатерину, имѣло болѣе серьезные задатки и болѣе влекло къ себѣ Дашкову, чѣмъ общество поклонника голштинскаго обмундированія и прусскихъ порядковъ.

И теперь подъ стариннымъ, современнымъ разсматриваемой нами эпохѣ, гравированнымъ портретомъ Екатерины II мы читаемъ слѣдующую подпись:

Природа въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ величія возвесть,
И, награждая всѣмъ, она насъ наградила.

Это такъ писала Дашкова къ своему высочайшему кумиру; и Екатерина, съ своей стороны, умѣла поддерживать въ Дашковой эту восторженность, хотя сама, повидимому, и не чувствовала вполнѣ того, чѣмъ такъ ловко побѣждала и умъ, и волю молодой энтузіастки.

Вотъ что, между прочимъ, отвѣчала ей Екатерина на письмо, при которомъ были присланы Дашковою эти стихи, которые мы привели выше: „Какіе стихи! какая проза! И это въ семнадцать лѣтъ! Я васъ прошу, скажу болѣе—я васъ умоляю не пренебрегать такимъ рѣдкимъ дарованіемъ. Я могу показаться судьею не вполнѣ безпристрастнымъ, потому что въ этомъ случаѣ я сама стала предметомъ очаровательнаго произведенія, благодаря вашему обо мнѣ черезчуръ лестному мнѣнію. Можетъ быть, вы меня обвините въ тщеславіи, но позвольте мнѣ сказать, что я не знаю, читала ли я когда-нибудь такое превосходное, поэтическое четверостишіе. Оно для меня не менѣе дорого и какъ доказательство вашей дружбы, по-

тому что мой умъ и сердце вполнѣ преданы вамъ. Я только прошу васъ продолжать любить меня и вѣрить, что моя къ вамъ горячая дружба никогда не будетъ слабѣе вашей. Я заранѣе съ наслажденіемъ думаю о томъ днѣ будущей недѣли, который вы обѣщались мнѣ посвятить, и надѣюсь, кромѣ того, что это удовольствіе будетъ повторяться еще чаще, когда дни будутъ короче. Посылаю вамъ книгу, о которой я говорила: займитесь побольше ею. Скажите, князю, что я отвѣчаю на его любезный поклонъ, который я получила отъ него, когда онъ проходилъ подъ моимъ окномъ. Расположеніе, которое вы мнѣ оба выказываете, право, трогаетъ (меня) мое сердце; а вы, которая такъ хорошо знаете его способность чувствовать, можете понять, сколько оно вамъ благодарно".

Екатерина не даромъ писала ей такимъ образомъ: она не могла не предвидѣть, что ей нужны будутъ люди, можетъ быть скоро, какъ они нужны были ей и во всякую данную минуту. Стихъ Дашковой, ставившей великую княгиню идеаломъ человѣческаго совершенства, могъ легко облетѣть не только Петербургъ, но и всю Россію, увеличивая популярность Екатерины насчетъ популярности ея супруга. Кромѣ того, и личнымъ своимъ характеромъ, своею пламенною и сильною натурою Дашкова могла пригодиться ей и въ случаѣ такихъ рѣшеній, гдѣ нужна чья-нибудь восторженная голова, гдѣ нужно, не задумываясь, пожертвовать жизнью, и этой жизнью пожертвуютѣ. Дашкова, едва вступила въ придворную жизнь какъ уже стала въ ряды бойцовъ Екатерины: своей красотой и молодостью, своимъ рѣдкимъ въ женщинѣ политическимъ тактомъ она уже вербовала Екатеринѣ новыхъ союзниковъ, и смѣлыми, даже дерзкими, отвѣтами великому князю она, какъ сама признавалась, приводила въ ужасъ его приверженцевъ и льстецовъ, и роняла имя Петра Ѳедоровича, возвышая имя его супруги. Въ Дашковой видѣли силу воли, которая хотя и могла исходить изъ юношеской экзальтаціи, но тамъ, гдѣ все иногда зависитъ отъ пламеннаго слова, сказаннаго въ роковой моментъ, чтобы наэкзальтировать массу, ободрить нерѣшительныхъ — тамъ экзальтація хорошенькой женщины становилась сильнѣе цѣлаго корпуса гренадеровъ. Оттого вся гвардія, всѣ товарищи ея мужа, какъ будто инстинктивно, ставили ее въ головѣ нѣмого заговора, который и созрѣвалъ въ мысли каждаго въ пользу другой женщины, долженствовавшей возвеличить Россію, а не привязать ее къ колесницѣ прусскаго короля, къ которой всѣми силами старался привязать ее наслѣдникъ престола, выдавая даже государственныя тайны своему идолу, прусскому королю, въ то время, когда Россія воевала съ Пруссіею, какъ онъ впослѣдствіи и признался секретарю государственнаго совѣта, Волкову, говоря: „Помнишь, какъ ты мнѣ сообщалъ приказанія совѣта, посылаемыя войскамъ, дѣйствовавшимъ противъ пруссаковъ, а я о нихъ тотчасъ же предупреждалъ его величество короля".

Понятно, что Екатерина должна была дорожить такой союзницей, какъ Дашкова.

Къ концу 1761 года здоровье императрицы Елизаветы не могло не

6*

возбуждать тревожныхъ опасеній. На престолѣ видѣлся уже Петръ III, а нелюбимая имъ супруга скорѣе всего должна была разсчитывать на монастырь вмѣсто трона, тѣмъ болѣе, что великій князь выражалъ желаніе развестись съ нею и жениться на сестрѣ Дашковой, Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой.

Надо было дѣйствовать.

Когда, въ половинѣ декабря, доктора рѣшили, что императрицѣ остается жить нѣсколько дней, и Дашкова узнала объ этомъ, она, несмотря на то, что сама была больна, 20 декабря, въ полночь, явилась къ Екатеринѣ, которая, вмѣстѣ съ другими членами царской фамиліи, жила тогда въ деревянномъ дворцѣ на Мойкѣ. Шагъ былъ рискованный, потому что за поступками Екатерины Алексѣевны слѣдили, и потому необходимо было, чтобъ это ночное посѣщеніе осталось для всѣхъ тайной. Дашкова подъѣхала къ заднему крыльцу флигеля, занимаемаго Екатериной, и, несмотря на всѣ предосторожности, могла быть узнана, особенно, когда ходы съ этой половины флигеля ей были неизвѣстны; но, къ счастью, ей попалась навстрѣчу самая вѣрная горничная великой княгини, Катерина Ивановна, которая тотчасъ же и поспѣшила провести ночную гостью въ покои великой княгини. Послѣдняя тоже была больна и лежала въ постели. Ей доложили о Дашковой.

— О, ради Бога! введите ее поскорѣе ко мнѣ, если ужъ она въ самомъ дѣлѣ здѣсь,—воскликнула она въ тревогѣ, зная, что и Дашкова больна.

Дашкова явилась.

— Дорогая моя княгиня,—сказала ей Екатерина: — прежде чѣмъ вы соообщите мнѣ причину вашего необыкновенно поздняго посѣщенія, согрѣйтесь: право, вы ужасно мало заботитесь о вашемъ здоровьѣ, которое такъ дорого для вашего мужа и для меня.

Она тутъ же уложила Дашкову къ себѣ въ постель и окутала ей ноги одѣяломъ.

Дашкова передала Екатеринѣ все, что знала объ ожиданіи скорой кончины императрицы и о томъ, какими роковыми послѣдствіями угрожаетъ ей вступленіе на престолъ Петра III. Екатерина, конечно, сама знала объ этомъ и приняла мѣры, о которыхъ Дашкова не знала; но Дашкова настаивала на необходимости дѣйствовать теперь же и употребить ее какъ орудіе, потому что она готова жертвовать своею жизнью для своего высочайшаго друга.

Екатерина плакала, прижимала къ сердцу руку Дашковой, благодарила ее и говорила, что у нея нѣтъ плана, что она отдаетъ себя на волю божію.

Можетъ быть, опредѣленнаго плана у Екатерины дѣйствительно еще не было; но что уже было что-то задумано ею вмѣстѣ съ Орловымъ, это мы увидимъ впослѣдствіи.

— Въ такомъ случаѣ,—говорила Дашкова:—надо дѣйствовать вашимъ друзьямъ; я чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобъ воодушевить ихъ всѣхъ, а сама я готова на всякую жертву.

Она говорила искренно, — и дѣйствительно, это была искра, которая могла зажечь мину: офицеры были на ея сторонѣ и готовы были идти за этой экзальтированной девятнадцатилѣтней головкой.

— Ради Бога, княгиня, не подвергайте себя опасности, чтобъ отвратить зло, котораго въ сущности нѣтъ средствъ отвратить, — говорила Екатерина:—если я буду причиной вашего несчастья, я вѣчно буду страдать за васъ.

— Во всякомъ случаѣ, я не сдѣлаю ни одного шагу, который бы могъ повредить вамъ,—возражала Дашкова,—если встрѣтится опасность, пусть я одна буду жертвой. Если-бъ слѣпая преданность вашимъ интересамъ привела меня на плаху, вы все-таки остались бы въ безопасности.

Черезъ пять дней императрица Елизавета Петровна скончалась. На престолѣ былъ Петръ III. Екатерина и ея друзья оставались въ тѣни; но дѣло, задуманное ею вмѣстѣ съ Григоріемъ Орловымъ и Дашковой зрѣло, ни для кого невидимо.

Въ полгода кружокъ друзей Екатерины окончательно сплотился до того, что уже можно было рѣшиться на государственный переворотъ. Кружокъ этотъ составляли—Григорій Орловъ, Дашкова, другіе Орловы, Пассекъ и Бредихинъ, друзья мужа Дашковой, Рославлевы и Ласунскій, гетманъ Разумовскій—все это вліятельныя личности въ преображенскомъ и измайловскомъ полкахъ, а потомъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Наступилъ канунъ переворота.

27-го іюня (1762 года) Дашкова сидѣла у себя дома вмѣстѣ съ Панинымъ. Вдругъ является Григорій Орловъ, весь взволнованный.

— Пассекъ арестованъ,—сказалъ онъ.

Извѣстіе это не могло не поразить: арестованіе Пассека, происшедшее вслѣдствіе того, что солдаты, посвященные въ заговоръ, своимъ нетерпѣніемъ видѣть скорѣе на престолѣ Екатерину выдали роковую тайну, равнялось обнаруженію заговора. Это значило, что оборвался волосокъ, на которомъ висѣлъ страшный топоръ.

— Развязка близка,—сказала Дашкова,—медлить нельзя. Сейчасъ же узнайте, за что арестованъ Пассекъ — за нарушеніе ли военной дисциплины, или какъ государственный преступникъ? Если наши опасенія справедливы, тотчасъ же дайте намъ знать объ этомъ со всѣми подробностями.

Дашкова, накинувъ на плечи большой мужской плащъ и надѣвъ шляпу, бросилась къ Рославлевымъ, чтобъ увѣдомить ихъ о случившемся. Она шла пѣшкомъ.

На дорогѣ, какъ она сама разсказываетъ, ей повстрѣчался красивый всадникъ, который мчался куда-то во весь опоръ. Дашкова, никогда не видѣвшая младшихъ братьевъ Григорія Орлова, догадалась, что это кто-либо изъ нихъ. Она окликнула. Это былъ Алексѣй Орловъ, который скакалъ отъ брата объявить Дашковой, что Пассекъ арестованъ какъ государственный преступникъ, что къ дверямъ его комнаты приставлены четыре часовыхъ и по два у каждаго окна.

— Мой братъ,—прибавилъ онъ:—поѣхалъ передать эту новость Панину, а я сейчасъ объявилъ ее Рославлевымъ.

Тутъ же на улицѣ, гдѣ было безопаснѣе совѣщаться о тайномъ дѣлѣ, чѣмъ дома, гдѣ могла подслушать прислуга, они условились, какъ имъ дѣйствовать. Дашкова поручила Орлову извѣстить о происшествіи всѣхъ своихъ сообщниковъ—офицеровъ измайловскаго полка, чтобъ они съ своими солдатами готовились къ принятію императрицы.

— А вы,—заключила она:—или кто-нибудь изъ вашихъ офицеровъ съ быстротою молніи неситесь въ Петергофъ (гдѣ въ то время находилась Екатерина) и просите отъ моего имени императрицу немедленно сѣсть въ приготовленную для нея карету (карету еще наканунѣ Дашкова велѣла приготовить черезъ жену камердинера Екатерины, Шкурину) и позволить везти себя въ Петербургъ, въ измайловскій полкъ, который ждетъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда можетъ провозгласить ее государыней и ввести въ столицу. Скажите ей, что ея пріѣздъ такъ необходимъ, что я даже не хотѣла написать записки, чтобъ не замедлить его нѣсколькими даже минутами, и только на улицѣ словесно просила васъ скакать въ Петергофъ и ускорить ея пріѣздъ. Можетъ быть, я сама отправлюсь къ ней навстрѣчу.

Эта предусмотрительная молодая заговорщица заказала портному для себя мужское платье, но только къ вечеру этого дня, и потому теперь не могла ѣхать навстрѣчу Екатеринѣ.

Воротившись домой, она, чтобъ избѣжать всякихъ подозрѣній, снова легла въ постель; но не прошло и часу, какъ явился младшій Орловъ, Владиміръ.

Онъ пріѣхалъ спросить, не слишкомъ ли рано безпокоить государыню? Не слѣдуетъ ли отложить ея пріѣздъ въ Петербургъ?

Эта затяжка въ такомъ роковомъ дѣлѣ поразила Дашкову. Она рѣзко отозвалась о такой непростительной ошибкѣ Орловыхъ.

— Вы уже потеряли самое драгоцѣнное время,—говорила она съ досадой: — а что касается до того, что императрица испугается, такъ, помоему, лучше въ обморокѣ привезти ее въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть опасности провести всю жизнь въ монастырѣ или съ нами вмѣстѣ раздѣлить эшафотъ.

Тогда Алексѣй Орловъ поскакалъ въ Петергофъ. Уже въ два часа ночи онъ разбудилъ Екатерину словами: „Пассекъ арестованъ!“

Давъ императрицѣ наскоро одѣться, Орловъ посадилъ ее въ приготовленную, по распоряженію Дашковой, карету, самъ сѣлъ на козлы вмѣсто кучера и погналъ лошадей во всю мочь. На полпути къ Петербургу лошади упали, не выдержавъ страшной гонки. Тогда Екатерина пересѣла въ попавшуюся имъ навстрѣчу крестьянскую телѣгу, и Орловъ снова погналъ въ столицу. Къ счастью, Григорій Орловъ спѣшилъ къ нимъ навстрѣчу съ каретою.

Въ семь часовъ утра 26 іюня 1762 года Екатерину подвезли къ казармамъ измайловскаго полка.

Императрицу встрѣтила небольшая кучка солдатъ. Это ее смутило. Но едва она показалась, какъ ударили тревогу, и весь полкъ вышелъ привѣтствовать новую государыню. Къ измайловскому полку присоединились и другіе. Изъ домовъ высыпалъ народъ, и съ криками „ура“ Екатерина въѣхала въ столицу.

Эта неожиданная вѣсть быстро разнеслась по Петербургу. Когда Екатерина только проѣзжала по улицамъ города, приближаясь къ казанскому собору, народъ уже встрѣчалъ ее на улицахъ и привѣтствовалъ въ ней свою императрицу.

Въ соборѣ встрѣтилъ ее новгородскій архіепископъ Сѣченовъ, благословилъ государыню и отслужилъ молебенъ.

Дашкова въ это время была дома. Она провела ужасную ночь: торжество ея державнаго друга, неудача, арестъ, эшафотъ—все это пережила она въ страшную ночь, наканунѣ памятнаго ей на всю жизнь Петрова дни.

Но теперь и она знала, что та, у которой подъ одѣяломъ она отогрѣвалась еще такъ недавно, уговаривая ее позаботиться о тронѣ, въ это утро сѣла на тронъ.

Дашкова поспѣшила во дворецъ. Его окружали войска и народъ. Только пушка могла пробить эти живыя стѣны; но юная заговорщица, а теперь—другъ новой императрицы, легко прошла сквозь эти стѣны: подданные ея друга узнали ее, взяли на руки и съ шумными привѣтствіями пронесли надъ своими головами прямо къ подъѣзду. Въ этомъ тріумфальномъ шествіи по головамъ народа и войскъ Дашкова ничего не помнила: платье ея изорвали, волосы растрепались.

Увидѣвъ другъ друга, императрица и Дашкова бросились одна другой въ объятія.

— Слава Богу! слава Богу! — больше ничего не могли выговорить взволнованныя женщины.

Дашкова, замѣтивъ, что на императрицѣ нѣтъ еще голубой андреевской ленты, которая составляетъ необходимую принадлежность царствующей особы въ Россіи, снимаетъ съ государыни екатерининскую ленту, и, по ея приказанію, кладетъ себѣ въ карманъ, а съ Панина снимаетъ андреевскую и надѣваетъ на императрицу.

Въ тотъ же день Екатерина приказала войскамъ, подъ ея личнымъ предводительствомъ, идти къ Петергофу. Дашкову она тоже пригласила слѣдовать съ собою.

Дашкова поспѣшила домой, чтобъ надѣть на себя мундиръ преображенскаго полка, который она взяла у офицера Пушкина, и въ то время ей пришло на мысль, что императоръ, еще не свергнутый съ престола, можетъ явиться въ Петербургъ, никѣмъ не защищенный, и тогда роли могли вновь перемѣниться.

Пораженная этою мыслью, она вновь явилася во дворецъ. Императрица въ это время совѣщалась съ сенаторами; зала совѣта была охра-

няема двумя офицерами; но когда проходила Дашкова, они приняли ее за молодого, неизвѣстнаго офицера, повидимому, торопившагося по важному дѣлу къ государынѣ, и свободно пропустили ее. Дашкова подошла прямо къ Екатеринѣ и на ухо шепнула ей о своихъ опасеніяхъ. Тогда государыня тотчасъ же приказала секретарю совѣта, Теплову, изготовить указъ объ охраненіи въѣздовъ въ столицу.

Сенаторы, повидимому, не узнали въ молоденькомъ офицерѣ княгини Дашковой.. Екатерина сама потомъ представила имъ этого юнаго офицера, переконфуженнаго своимъ внезапнымъ появленіемъ въ залу совѣта, и сенаторы, вставъ съ своихъ мѣстъ, поклонились этой энергической женщинѣ, явившейся передъ ними въ такое время и въ такомъ необычайномъ для женщины видѣ.

Къ вечеру Екатерина выступила изъ Петербурга съ войскомъ. Она ѣхала на красивомъ сѣромъ конѣ, въ мундирѣ преображенскаго полка. Рядомъ съ ней ѣхала Дашкова, тоже на конѣ и въ офицерскомъ платьѣ. За ними слѣдовала блестящая свита — бывшіе друзья Екатерины и Дашковой. Шествіе заключалось войскомъ, которое слѣдовало за своею государынею, въ числѣ около пятнадцати тысячъ.

Это было необыкновенное шествіе. Двѣ молоденькія женщины шли во главѣ войска, чтобы отнять послѣднюю тѣнь власти у императора, для одной изъ нихъ мужа, для другой—государя и крестнаго отца. Подобные примѣры едва ли представитъ исторія всего остальнаго человѣчества.

Ночь застала на походѣ это необычайное шествіе. Нужно было остановиться ночевать, и для этого избрана была извѣстная деревня, Красный Кабачокъ, гдѣ для молодой императрицы и отвели ночлегъ въ харчевнѣ. Екатерина и Дашкова остались въ одной комнаткѣ, гдѣ была узкая и грязная кровать, на которой должна была спать русская императрица. Дашкова распорядилась разостлать на эту невзрачную царскую постель шинель полковника Керра и легла рядомъ съ императрицей.

Но юная заговорщица, теперь приближенная особа новой императрицы, была настолько предусмотрительна, что, замѣтивъ у изголовья государыни какую-то дверь, ведущую въ длинный корридоръ, тотчасъ же встала, осмотрѣла все и приставила ко входу въ корридоръ часового.

Но молодымъ женщинамъ не пришлось спать и въ эту достопамятную ночь. Уснуть они не могли отъ волненія, и потому до утра занимались разсмотрѣніемъ манифестовъ и указовъ, которые императрица уже заготовила для обнародованія по имперіи.

На другой день войска съ императрицей были уже въ Петергофѣ, гдѣ и нашли актъ отреченія отъ престола императора Петра III, который просилъ только снабдить его табакомъ, бургундскимъ виномъ и философскими сочиненіями.

На другой день карета съ опущенными шторками, съ четырьмя рослыми гайдуками на подножкахъ и конвоируемая отрядомъ Алексѣя Орлова, отвезла эксъ-императора въ его любимую Ропшу. Черезъ нѣсколько

же дней онъ скончался тамъ, какъ сказано въ манифестѣ, отъ „геморроидальныхъ коликъ".

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы, друга Дашковой, историческая миссія этой послѣдней, подобно миссіи Жанны д'Аркъ, казалась конченною.

Съ этой минуты пошли для Дашковой неудачи и огорченія. Императрица, видимо, охладѣла къ ней съ перваго же момента царствованія. Да оно и понятно: между дружбой двухъ женщинъ становилась высокая стѣна, отдѣлявшая ихъ одну отъ другой; этой стѣной была корона, тронъ, скипетръ, шапка и бармы Мономаха, императорская мантія, идея помазанія. Двумъ женщинамъ нельзя уже было бросаться въ объятія другъ другу при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ онѣ бросались до сихъ поръ.

Екатерина II поняла это сразу. Дашкова, повидимому, не поняла этого до самой своей смерти и скорбѣла о томъ, будто потеряла дружбу императрицы, будто бы послѣдняя употребила ее какъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей и что сверженный императоръ былъ правъ, говоря Дашковой: „Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами, которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку".

Уже въ Петергофѣ Дашкова поражена была неожиданностью. Она нашла Григорія Орлова въ покояхъ императрицы за распечатываніемъ пакетовъ съ важнѣйшими государственными бумагами. Мало того, Орловъ лежалъ на диванѣ, потому что у него была контужена нога во время послѣднихъ горячихъ скачекъ изъ Петергофа въ Петербуръ и изъ Петербурга въ Петергофъ, и когда Дашкова съ негодованіемъ замѣтила ему, что онъ не имѣетъ права распечатывать бумагъ, которыя подлежатъ личному усмотрѣнію императрицы, Орловъ хладнокровно отвѣчалъ, что его уполномочила на это сама государыня.

Тутъ только поняла наивная молодая женщина, что не она одна возвела на престолъ своего друга и что не она первая въ сердцѣ Екатерины.

Двадцать лѣтъ потомъ ни Орловъ, ни Дашкова не говорили другъ съ другомъ.

Въ этотъ же день, въ первый день восшествія на престолъ, Екатерина успѣла уже высказать свое неудовольствіе Дашковой, какъ императрица подданной.

Дашкова, въ простотѣ своей юношеской невинности, начала распоряжаться солдатами. Сначала, въ Петергофѣ, когда она объяснялась съ Григоріемъ Орловымъ по поводу распечатыванія имъ императорскихъ пакетовъ, ей пришли доложить, что усталые солдаты забрались въ царскіе погреба и безъ всякаго разбора пьютъ и разливаютъ дорогое венгерское вино, принимая его за медъ, и офицеры ничего не могли сдѣлать съ разгулявшеюся толпою. Дашкова вышла къ солдатамъ, объяснила имъ ихъ неблагоразумный поступокъ, и солдаты, тотчасъ же выливъ на землю нацѣ-

женное ими въ шапки вино, отправились пить воду изъ ближайшаго ручья. Дашкова отдала имъ всѣ деньги, которыя при ней были; вывернула даже карманы, чтобъ показать, что у нея ничего больше не осталось, и обѣщала, по приходѣ въ Петербургъ, дозволить имъ пить вино въ питейныхъ домахъ на казенный счетъ, сколько будетъ душѣ угодно. Солдаты охотно повиновались юному начальнику.

Но потомъ, когда императрица съ войскомъ и свитой воротилась въ Петербургъ, и Дашкова поспѣшила домой, чтобъ повидаться съ своими, она въ домѣ отца нашла цѣлую сотню солдатъ и по часовому у каждой двери. Молодая женщина разбранила за это начальника караула Каковинскаго, приказала увести половину солдатъ, и хотя говорила съ офицерами по-французски, однако, солдаты видѣли, что она дѣлаетъ выговоръ ихъ начальнику, а равно и имъ самимъ.

Это ей не прошло даромъ.

Уѣзжая изъ дому во дворецъ, Дашкова захватила съ собой екатерининскую ленту со звѣздой, снятую наканунѣ съ императрицы и оставленную въ карманѣ платья, гдѣ ее и нашла горничная. Дашкова хотѣла возвратить эти знаки императрицѣ.

Когда она входила въ покои государыни, то уже нашла тамъ Каковинскаго съ Григоріемъ Орловымъ. Каковинскій, какъ поняла Дашкова, успѣлъ уже на нее нажаловаться.

Едва Дашкова увидѣла Екатерину, какъ послѣдняя высказала ей неудовольствіе за то, что она при солдатахъ сдѣлала выговоръ офицеру, притомъ же на французскомъ языкѣ, и сама распорядилась отпускать часовыхъ съ ихъ карауловъ.

— Нѣсколько часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ваше величество заняли престолъ,—отвѣчала огорченная Дашкова:—и въ это короткое время ваши солдаты выказали ко мнѣ такое довѣріе, что какія бы вещи и на какомъ бы языкѣ я ни говорила, они не могли оскорбиться.

При этомъ Дашкова подала императрицѣ привезенную съ собою екатерининскую ленту.

— Потише,—сказала императрица,—вы, конечно, сознаетесь, что не имѣли права отпускать солдатъ съ ихъ постовъ.

— Это такъ; но я не могла позволить Каковинскому, для исполненія собственной прихоти, оставлять ваше величество безъ достаточнаго числа стражи,—защищалась Дашкова.

— Согласна, согласна и довольна. Мое замѣчаніе относилось только къ вашей опрометчивости. А это—за ваши заслуги.

И при этомъ Екатерина возложила на плечо Дашковой екатерининскую ленту. Молодая женщина, огорченная сдѣланнымъ ей замѣчаніемъ, не ставъ на колѣни для принятія награды, гордо отвѣчала:

— Ваше величество, простите меня, если я вамъ скажу, что пришло время, когда истина должна быть изгнана изъ вашего присутствія. Позвольте мнѣ признаться, что я не могу принять этотъ орденъ: если это

только украшеніе, то оно не имѣетъ цѣны въ моихъ глазахъ; если это награда, то она ничтожна для тѣхъ, которыхъ услуги никогда не были и никогда не будутъ продажными.

Екатерина нѣжно обняла своего бывшаго друга, оставшагося все такимъ же наивнымъ.

— Дружба имѣетъ свои права,—сказала императрица:—я хочу теперь воспользоваться пріятной стороной этихъ правъ.

Растроганная Дашкова бросилась цѣловать руку императрицы, которую, въ своей невинности, все еще считала себѣ равной по правамъ дружбы. Но на другой день ее ожидало новое разочарованіе.

Въ высочайшихъ приказахъ, въ числѣ прочихъ именъ, Дашкова прочла и свое имя: ей пожаловали 24,000 рублей изъ кабинета императрицы.

Однако, императрица продолжала быть съ нею ласкова, заставила ее съ мужемъ переѣхать во дворецъ. Каждый вечеръ Екатерина приходила къ нимъ, заставляла Дашкову играть на фортепіано, а сама съ ея мужемъ пѣла самые забавные дуэты, и притомъ государыня и Дашковъ сильно фальшивили, а императрица, сверхъ того, гримасничала и подражала кошкамъ. „Въ это время,—говоритъ біографъ этихъ двухъ замѣчательныхъ женщинъ,—въ юной Екатеринѣ трудно было еще узнать великую правительницу Россіи: она была только забавной, безцеремонной гостьей Дашковыхъ; но гдѣ нужно было, она и по отношенію къ Дашковой показывала себя вполнѣ императрицей“.

Дашкова была огорчена и во время коронаціи. Орловы отвели ей мѣсто не въ свитѣ императрицы, какъ кавалерственной дамѣ, носившей екатерининскую ленту, а въ самыхъ заднихъ рядахъ торжественнаго кортежа, какъ простой гвардейской полковницѣ. Но въ тотъ же день она пожалована была статсъ-дамою.

Въ это же время, когда въ Москвѣ образовалась партія, которая просила императрицу вторично вступить въ бракъ, надѣясь, что она изберетъ въ супруги Орлова, и когда вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями своими Дашкова выказывала негодованіе по поводу толковъ объ этомъ, императрица, подъ вліяніемъ Орлова, написала мужу Дашковой записку слѣдующаго содержанія:

„Я искренно желаю, чтобы княгиня Дашкова, забывая свой долгъ, не заставила меня забыть ея услугъ. Напомните ей это, князь. Мнѣ сообщили, что она позволяетъ себѣ въ разговорахъ грозить мнѣ.“

Дашкову хотѣли даже запутать въ заговоръ Мировича, который составилъ планъ свергнуть съ престола Екатерину и на ея мѣсто посадить Іоанна Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости, въ Шлиссельбургѣ.

Все это окончательно отдалило отъ императрицы Дашкову, и она стала уклоняться отъ двора; особенно же, когда, по смерти мужа, вся отдалась заботамъ о воспитаніи своихъ дѣтей.

Такъ прошло болѣе семи лѣтъ съ того памятнаго дня, когда, стоя, въ числѣ прочихъ, въ головѣ государственнаго переворота, Дашкова

позволяла было себѣ думать, что въ числѣ съ прочими она останется и въ головѣ управленія государствомъ.

Но Екатерина умѣла ставить людей на свои мѣста, и ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ сама заняла престолъ, она отвела около себя приличное мѣсто и для Дашковой, сдѣлавъ ее президентомъ академіи наукъ.

Въ концѣ 1769-го года Дашкова испросила себѣ у императрицы позволеніе отправиться на два года за границу для поправленія здоровья дѣтей.

— Чрезвычайно сожалѣю о причинѣ, которая заставляетъ васъ оставить Россію; впрочемъ, вы можете какъ угодно располагать собою,—холодно сказала Екатерина, давая ей отпускъ.

Дашкова выѣхала изъ Россіи подъ именемъ госпожи Михалковой. Это она сдѣлала для того, чтобы своимъ слишкомъ громкимъ въ Европѣ, послѣ переворота 27—28 іюня 1762 года, именемъ, которое и безъ того было извѣстно Европѣ, какъ имя литературное, не привлекать къ себѣ излишняго вниманія иностранцевъ и тѣмъ оградить себя отъ безпокойства и расходовъ не по средствамъ.

Дашкову, съ которой было двое дѣтей, сопровождали госпожа Каменская, ея племянница, и Воронцовъ, одинъ изъ близкихъ родственниковъ.

Несмотря на принятое ею скромное имя, ее вездѣ узнавали. Въ Пруссіи, великій нѣмецкій король Фридрихъ II, настоялъ на томъ, чтобъ она явилась ко двору, и она такимъ образомъ познакомилась съ „старымъ Фрицемъ“, первымъ творцомъ нынѣшней единой Германіи.

Въ Германіи разные коронованные особы оказывали большую любезность „русской женщинѣ“, госпожѣ Михалковой.

Познакомилась она и съ госпожею Неккеръ, а въ Парижѣ подружилась съ старикомъ Дидро, такъ что была съ нимъ почти неразлучна въ продолженіе трехъ недѣль. Ежедневно она заѣзжала за старикомъ и увозила его къ себѣ. Философъ-энциклопедистъ для Россіи не потерялъ еще тогда того великаго обаянія, передъ которымъ недавно преклонялась вся Европа.

Въ высшей степени интересно, какъ эти двѣ замѣчательныя личности прошлаго вѣка, „русская женщина“ и философъ-энциклопедистъ, рѣшали по-своему великій крестьянскій вопросъ, разрѣшенный только черезъ столѣтіе послѣ того, какъ Дидро и Дашкова привлекали его къ философскому разсмотрѣнію.

Но объ этомъ послѣ.

До какой степени старикъ-философъ овладѣлъ умомъ русской женщины, можно судить по слѣдующему разсказу самой Дашковой.

Разъ вечеромъ, когда у нея сидѣлъ Дидро, княгинѣ докладываютъ, что пріѣхали г-жа Неккеръ и г-жа Жофренъ.

— Отказать, отказать!—быстро говоритъ Дидро человѣку.

Дашкова крайне удивлена.

— Что вы дѣлаете?—говоритъ она:—съ г-жею Неккеръ я еще въ Спа познакомилась, а г-жу Жофренъ очень бы хотѣла видѣть, потому что она находится въ постоянной перепискѣ съ русскою императрицей.

— Да, вѣдь, вы же говорили, что пробудете въ Парижѣ не болѣе двухъ-трехъ дней. Она можетъ съ вами видѣться два или три раза и не будетъ въ состояніи хорошо судить о васъ. Нѣтъ, я не могу допустить, чтобы идолы мои подвергались осужденію. Повѣрьте мнѣ, если бы вы еще мѣсяцъ оставались въ Парижѣ, я самъ первый познакомилъ бы васъ съ г-жею Жофренъ, потому что она отличная женщина, но такъ какъ это, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ парижскихъ колоколовъ, то я рѣшительно возстаю противъ того, чтобъ позволить ей звонить про вашъ характеръ, не познакомясь съ нимъ совершенно.

Въ другой разъ пріѣхалъ историкъ Рюльеръ. Дашкова знала его еще въ Петербургѣ, когда онъ состоялъ при французскомъ посольствѣ.

Старикъ Дидро схватилъ Дашкову за руку, услыхавъ имя Рюльера.

— Одну секунду, княгиня!—воскликнулъ онъ:—позвольте мнѣ васъ просить: окончивъ ваше путешествіе, вы захотите вернуться въ Россію?

— Что за странный вопросъ! Развѣ я имѣю право экспортировать моихъ дѣтей?

— Въ такомъ случаѣ, прикажите, пожалуйста, отказать Рюльеру, а я послѣ объясню вамъ причину.

Рюльеру отказано. Тогда Дидро объяснилъ Дашковой, что, принимая Рюльера, она этимъ какъ-бы выказывала одобреніе его „Исторіи революціи 1762 года“, гдѣ бросается очень дурной свѣтъ на поступки Екатерины, которая поэтому, какъ объясняетъ Дидро, и старалась всѣми мѣрами препятствовать распространенію этого сочиненія.

Дашковой оставалось только поблагодарить старика за эту находчивость и вниманіе.

Познакомилась она съ старикомъ Вольтеромъ, который жилъ въ это время въ уединеніи, потому что былъ постоянно боленъ. Онъ принималъ ее въ халатѣ и въ большихъ креслахъ, которыя получили вмѣстѣ съ сидѣвшимъ въ нихъ старикомъ, историческое безсмертіе, называясь и доселѣ въ самыхъ захолустьяхъ Россіи „вольтеровскими“ креслами, т. е. глубокими, покойными, старческими.

За старикомъ ухаживала племянница его, г-жа Дени.

Вольтеръ былъ не по душѣ Дашковой, особенно своею приторною любезностью. Но когда эта великая развалина давала волю своему великому уму, державшему въуздѣ умы всего человѣчества въ теченіе почти столѣтія, то Дашкова невольно подчинилась этой силѣ, тогда уже угасавшей.

„Въ первые дни нашего пребыванія въ Женевѣ,—пишетъ она въ своихъ запискахъ,—мы также познакомились съ Губертомъ-„Птицеловомъ“,—прозвище, которое ему доставила страсть къ соколиной охотѣ. Это былъ человѣкъ съ огромными достоинствами, обладавшій множествомъ пріятныхъ талантовъ. Онъ былъ поэтъ, музыкантъ и живописецъ. Крайняя чувствительность и веселость были въ немъ соединены съ прелестями превосходнаго воспитанія. Вольтеръ его боялся, потому что Губертъ очень хорошо зналъ всѣ его особенности и умѣлъ изображать на полотнѣ такія сцены,

въ которыхъ знаменитый писатель встрѣчалъ нѣкоторыя изъ своихъ слабостей. Они часто состязались въ шахматы. Вольтеръ почти всегда проигрывалъ и никогда не пропускалъ случая дать волю своему неудовольствію. У Губерта была маленькая любимая собачка, которая часто забавляла знакомыхъ хозяина. Онъ выучилъ ее дѣлать гримасы, чрезвычайно похожія на тѣ, которыя дѣлалъ Вольтеръ при проигрышѣ въ шахматы".

За границей Дашкова познакомилась и страстно привязалась къ леди Гамильтонъ, дочери Рэйдера, архіепископа туамскаго, а равно сошлась и съ леди Морганъ, дочерью Тиздаля, оберъ-прокурора Ирландіи. Она такъ дорожила дружбой Гамильтонъ, что случайно доставшійся ей отъ послѣдней шарфикъ она хранила какъ святыню: шарфикъ этотъ вытѣснилъ изъ ея сердца тотъ историческій вѣеръ, который ей подарила Екатерина и который она желала положить съ собою въ гробъ. Леди Гамильтонъ вытѣснила изъ ея сердца и самую императрицу.

Въ Европѣ Дашкова оставалась вполнѣ патріоткой. Такъ въ Данцигѣ, въ отелѣ „Россія", она нашла двѣ картины, на которыхъ изображены были битвы русскихъ съ пруссаками. Русскія войска представлены были жалкими, разбитыми, а пруссаки—побѣдителями. Дашкова, оскорбленная этимъ, поручила Волчкову и Штеллингу, состоявшимъ при прусскомъ посольствѣ и сопровождавшимъ ее до Данцига, накупить кистей и красокъ—и въ ночь картины были передѣланы: русскіе мундиры, зеленые съ краснымъ, были передѣланы въ прусскіе, синіе съ бѣлымъ, и русскіе оказались побѣдителями.

Въ Ганноверѣ Дашкова была въ театрѣ съ Каменской. Герцогъ Эрнестъ мекленбургскій ожидалъ ея пріѣзда и послалъ къ ней въ ложу своего адъютанта.

Раскланявшись съ русскими и не обративъ вниманія на двухъ нѣмокъ, сидѣвшихъ въ той же ложѣ и вѣжливо уступившихъ мѣсто впереди себя знатнымъ русскимъ дамамъ, такъ какъ въ городѣ всѣ догадкъвались, кто эти особы,—адъютантъ отъ имени его высочества спросилъ Дашкову: иностранки онѣ, или нѣтъ?

Дашкова отвѣчала утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ адъютантъ,—его высочеству угодно знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Милостивый государь,—отвѣчала княгиня:—не думаю, чтобъ въ этомъ была какая-либо надобность его высочеству или вамъ. А мы, какъ женщины, можемъ, я думаю, хоть разъ въ жизни испросить себѣ позволеніе умолчать и, вслѣдствіе того, не отвѣчать на вашъ вопросъ.

Адъютантъ былъ совсѣмъ сконфуженъ, а нѣмки крайне удивлены смѣлостью Дашковой. Тогда она захотѣла пошутить надъ ними.

— Хотя я и не желала сообщить своего имени адъютанту, однако, не могу этого не сдѣлать для васъ, которыя были такъ вѣжливы и любезны съ нами. Я—театральная пѣвица, а она (Дашкова указала на Каменскую)—танцовщица. Мы теперь путешествуемъ съ цѣлью ангажироваться на какой-либо театръ.

Нѣмки были очень огорчены своею ошибкою, принявши Дашкову за важную особу—и повернулись къ ней спиной.

Черезъ два года Дашкова воротилась въ Россію.

Екатерина, видимо, перемѣнилась къ ней. Она пожаловала ей 70,000 р. для покупки какой-либо собственности, и вообще была любезнѣе, чѣмъ до отъѣзда за границу. Дашкова объясняла эту перемѣну тѣмъ, что при особѣ императрицы Потемкинъ уже замѣнилъ Орлова, недруга Дашковой.

Но Дашковой уже не жилось въ Россіи: ее тянула Европа, да и воспитаніе дѣтей заботило ее. Она вновь задумала поѣздку за границу, но уже лѣтъ на десять.

Екатерина вновь была недовольна этимъ предпочтеніемъ Европы передъ Россіею. Но мы полагаемъ, что Дашкова осталась бы въ Россіи, если-бъ ей выпала на долю широкая государственная дѣятельность, къ которой рвалась ея честолюбивая душа.

Это дѣйствительно и случилось, когда Дашкова возвратилась въ Россію изъ своего вторичнаго и продолжительнаго путешествія по Европѣ, гдѣ она знакомствомъ со свѣтилами всего міра высоко подняла свое, и безъ того уже громкое имя.

Въ ноябрѣ 1782 года императрица, во время одного бала, разговаривая съ придворными особами и иностранными послами, сказала Дашковой:

— Я имѣю сообщить вамъ, княгиня, нѣчто особенное.

Окончивъ разговоръ, императрица остановилась среди комнаты и, подозвавъ къ себѣ Дашкову, объявила ей, что назначаетъ ее директоромъ академіи наукъ и художествъ.

Пораженная словами государыни, Дашкова не знала, что отвѣчать. Императрица въ лестныхъ выраженіяхъ повторила свою волю.

— Простите меня, ваше величество!—отвѣчала смущенная Дашкова:—но я не должна принимать на себя такую обязанность, которую не въ состояніи исполнить.

Императрица доказывала противное.

— Назначьте меня директоромъ надъ прачками вашего величества,—говорила Дашкова:—и вы увидите, съ какою ревностію я буду вамъ служить. Я не посвящена въ тайны этого ремесла; но упущенія, которыя могутъ произойти отсюда, ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣми вредными послѣдствіями, которыя повлечетъ за собою каждая ошибка, сдѣланная директоромъ академіи наукъ.

Императрица настаиваетъ. Говоритъ, что другіе директора были менѣе способны.

— Тѣмъ хуже!—возражала Дашкова:—они такъ мало уважали себя, что взялись за дѣло, котораго не могли выполнить съ честью.

— Хорошо! хорошо!—сказала императрица:—оставимъ теперь этотъ разговоръ. Впрочемъ, вашъ отказъ утвердилъ меня въ той мысли, что лучшаго выбора я не могла сдѣлать.

Всѣ взоры придворныхъ обращены на разговаривающихъ. Лицо Даш-

ковой изобличаетъ ея крайнее волненіе. Враги ея ждутъ, что гордую ученую постигаетъ немилость, опала.

Воротившись съ бала домой и не раздѣваясь, Дашкова тотчасъ же пишетъ императрицѣ свою благодарность и отказъ, называетъ ея „выборъ неблагоразумнымъ“, говоритъ, что „сама природа сотворила женщинъ не директорами“, что назначеніе ея на такой постъ—историческое событіе, а какъ историческое—оно должно подлежать и суду исторіи, что за этотъ выборъ ждетъ судъ исторіи и императрицу, что частная жизнь коронованной особы еще можетъ не появляться на страницахъ исторіи, но что этотъ шагъ императрицы исторія осудитъ, что, наконецъ, чувствуя свою неспособность для такого рода публичной дѣятельности, какъ управленіе академіей, она не посмѣла бы даже сдѣлаться членомъ какого-либо ученаго общества, даже въ Римѣ, гдѣ это званіе можно пріобрѣсти за нѣсколько дукатовъ. и т. д.

Написавъ письмо, Дашкова, несмотря на то, что было уже далеко за полночь, скачетъ къ Потемкину и настаиваетъ на томъ, чтобъ онъ принялъ ее, если бы даже и легъ уже спать.

Потемкинъ принялъ ее, хотя, дѣйствительно, и былъ уже въ постели. Дашкова объявляетъ ему о своемъ затруднительномъ положеніи.

— Я уже слышалъ объ этомъ отъ ея величества, — говорилъ Потемкинъ:—и знаю очень хорошо ея намѣреніе. Она рѣшила непремѣнно поставить академію наукъ подъ ваше руководство.

Дашкова стояла на своемъ.

— Принять на себя эту должность это значило бы, съ моей стороны, поступить противъ совѣсти,—говорила она.—Вотъ письмо, которое я написала ея величеству и которое заключаетъ рѣшительный отказъ. Прочтите, князь, потомъ я хочу его запечатать и передать въ ваши руки для того, чтобы завтра поутру вы вручили его императрицѣ.

Потемкинъ пробѣжалъ письмо и разорвалъ его на клочки. Дашкова вспыхнула при одной мысли, какъ онъ смѣлъ разорвать письмо, адресованное императрицѣ.

— Успокойтеeь, княгиня, и выслушайте меня,—говорилъ Потемкинъ.— Никто не сомнѣвается въ вашей преданности ея величеству. Почему же вы хотите огорчить ее и заставить отказаться отъ плана, которымъ она исключительно и съ любовью занимается въ послѣднее время? Если вы непремѣнно хотите остаться при своемъ намѣреніи, въ такомъ случаѣ вотъ перо, бумага и чернила; напишите еще разъ ваше письмо. Но повѣрьте мнѣ, поступая противъ вашего желанія, я, однако, дѣйствую, какъ человѣкъ, который заботится о вашихъ интересахъ. Скажу болѣе: ея величество, предлагая вамъ эту должность, можетъ быть, имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и доставить вамъ поводъ къ болѣе частымъ и непосредственнымъ сношеніямъ съ нею.

Доводы Потемкина подѣйствовали на самолюбивую женщину. Она скачетъ обратно домой и, не ложась, не снимая бальнаго платья, опять пишетъ государынѣ.

Около 7-ми часовъ письмо послано, и тотчасъ же полученъ отвѣтъ:

„Понедѣльникъ, 8 часовъ утра.

„Вы встаете ранѣе меня, прекрасная княгиня, и сегодня къ завтраку прислали мнѣ письмо. Отвѣчая вамъ, я пріятнѣе обыкновеннаго начинаю свой день. Такъ какъ вы не отказываетесь безусловно на мое предложеніе, то я прощаю вамъ все, что вы разумѣете подъ словомъ неспособность, и оставляю до удобнаго случая присоединить къ тому мои собственныя замѣчанія. А то, что вамъ угодно называть моимъ правомъ, я замѣняю болѣе приличнымъ именемъ: благодарность. Согласитесь, однако, что для меня замѣчательная новость — побѣдить такой твердый характеръ, какъ вашъ. Будьте увѣрены, что во всякомъ случаѣ, когда я могу быть вамъ полезна словомъ или дѣломъ, я всегда буду готова къ тому съ радостію".

Вечеромъ Дашкова получаетъ письмо отъ графа Безбородко и копію съ указа, отправленнаго въ сенатъ, относительно новаго директора академіи. Указъ уничтожалъ притомъ полномочіе „комиссіи профессоровъ", которая въ послѣднее время, послѣ безпорядковъ, допущенныхъ въ академіи послѣднимъ ея директоромъ Домашневымъ, управляла дѣлами академіи.

Въ письмѣ графа Безбородко, между прочимъ, было добавлено: „Ея величество поручили мнѣ передать вамъ, что вы во всякое время, когда вамъ угодно, утромъ или вечеромъ, можете обращаться къ ней по каждому дѣлу, касающемуся ввѣреннаго вамъ учрежденія, и что она всегда готова будетъ устранять всѣ затрудненія, которыя могутъ вамъ препятствовать при исполненіи вашихъ обязанностей".

Дашкова отправляетъ копію съ указа въ академію и проситъ, чтобы комиссія два дня оставалась при своихъ занятіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она проситъ прислать ей отчеты академіи, уставъ, положеніе о правахъ и обязанностяхъ директора, и пр.

На слѣдующее утро она является во дворецъ уже съ докладомъ, какъ должностное лицо, какъ министръ. Въ толпѣ придворныхъ къ ней подходитъ Домашневъ и предлагаетъ ей свои услуги. Въ это время отворяется дверь и появляется императрица, но тотчасъ же снова затворяетъ дверь и приглашаетъ Дашкову въ кабинетъ.

— Очень рада васъ видѣть, княгиня; но скажите, пожалуйста, о чемъ могъ говорить съ вами этотъ негодный Домашневъ?

Дашкова сказала. При этомъ не преминула сказать и фразу, до которыхъ вообще была охотница: она объяснила государынѣ, что ей придется „руководить слѣпою".

Какъ бы то ни было, въ первое же воскресенье пріемная новаго директора академіи была полна академиковъ, профессоровъ, ученыхъ.

Дашкова любезно приглашаетъ ихъ приходить къ ней безъ всякой церемоніи.

Въ понедѣльникъ — Дашкова въ академіи. Но предварительно она заѣзжаетъ къ знаменитому Эйлеру, въ то время уже слѣпому старику.

Оскорбленный Домашневымъ, онъ давно пересталъ посѣщать академію. Дашкова беретъ слѣпого старика въ свою карету, сажаетъ туда же его поводаря, Фуса, который былъ женатъ на дочери Эйлера, и молодого Эйлера.

Въ академіи Дашкова говоритъ блестящую, но высокопарную рѣчь.

Когда всѣ академики заняли свои мѣста, Дашкова сѣла на предсѣдательское кресло. Рядомъ съ ней сѣлъ профессоръ аллегоріи Штелинъ, опредѣленный въ академію еще императоромъ Петромъ III. Дашковой не нравится это сосѣдство, и она говоритъ обращаясь къ слѣпому Эйлеру:

— Садитесь тамъ, гдѣ вамъ угодно, и мѣсто, которое вы изберете, конечно, будетъ первымъ между всѣми.

Слова эти вызвали сочувствіе всей академіи.

Послѣ засѣданія, она отправляется въ канцелярію, производитъ ревизію суммъ, находитъ растраты, неоплаченные долги, предупреждаетъ кассировъ, что будетъ держаться строгой экономіи. Академическую типографію она находитъ въ жалкомъ положеніи. Узнаетъ, что записки академіи не выходятъ потому, что для печатанія ихъ не достаетъ шрифта.

Дашкова немедленно дѣлаетъ распоряженіе о пріобрѣтеніи шрифтовъ, о приведеніи въ порядокъ типографіи, о продолженіи изданія ученыхъ записокъ.

Между тѣмъ, Дашкова еще не присягала. Генералъ-прокуроръ сената, князь Вяземскій, спрашиваетъ императрицу, долженъ ли онъ привести къ присягѣ новаго директора-женщину, какъ это установлено закономъ для всякаго поступающаго на государственную службу.

— Безъ сомнѣнія, — отвѣчаетъ Екатерина: — я не тайкомъ сдѣлала княгиню Дашкову директоромъ академіи, и, хотя не нуждаюсь ни въ какомъ ручательствѣ за ея вѣрную службу, тѣмъ не менѣе считаю эту форму необходимою, потому что она освящаетъ мой выборъ и придаетъ ему торжественность.

Дашкова является въ сенатъ и снова говоритъ блестящую рѣчь.

„Господа!—обращается она къ сенаторамъ:—навѣрное, вы столько же, сколько и я, удивляетесь моему появленію среди васъ. Я пришла сюда произнести присягу въ вѣрности императрицѣ, которой уже съ давняго времени посвящаю каждое біеніе моего сердца,—и вотъ женщина является въ стѣнахъ вашего святилища!“

Отъ генералъ-прокурора она проситъ всѣ документы и свѣдѣнія, относящіеся до академіи, чтобы провѣрить обвиненія, возводимыя на это, столь упавшее послѣ Ломоносова, высшее ученое учрежденіе.

На нѣсколько лѣтъ Дашкова вся отдается дѣлу академіи, и доказываетъ личнымъ опытомъ, что и въ государственной дѣятельности женщина имѣетъ право стоять на одной высотѣ съ мужчиною.

Она увеличиваетъ доходы академіи, уплачиваетъ ея долги, увеличиваетъ число учениковъ академическихъ, открываетъ три новыхъ курса—математическій, геометрическій и естественной исторіи. Чтеніе курсовъ она пору-

чаетъ русскимъ профессорамъ и изъ закрытыхъ классовъ превращаетъ эти курсы въ публичные. Она же первая является и посѣтительницею академическихъ курсовъ.

Десять лѣтъ она ревностно исполняетъ свое дѣло, пока нѣкоторыя цензурныя неудовольствія, по поводу пропуска академіею трагедіи Княжнина—„Вадимъ новгородскій“, вновь не вынуждаютъ ее на время оставить Россію.

Какъ бы то ни было, но академическая дѣятельность княгини Дашковой—это самая свѣтлая сторона ея жизни.

Несмотря на то, что ей не мало было дѣла и съ одною академіею, она, черезъ годъ послѣ принятія въ свои руки этого учрежденія, дала императрицѣ иниціативу къ открытію еще такъ называемой „россійской академіи“, что составляетъ нынѣ второе отдѣленіе императорской академіи наукъ.

Въ цвѣтистой рѣчи, сказанной по этому поводу Дашковой передъ лицомъ всего ученаго академическаго синклита, женщина эта, между прочимъ, выражалась, что „императрица, свидѣтельница толикихъ нашихъ благъ, даетъ нынѣ новое отличіе покровительства и россійскому слову, толь многихъ языковъ повелителю“.

Мы упомянули о цензурныхъ неудовольствіяхъ, испытанныхъ Дашковой. На ней, какъ на президентѣ академіи, лежали обязанности цензорскаго надзора надъ всѣмъ, что печатала академія. Вотъ почему Дашкова едва не впала въ немилость за дозволеніе напечатать „Вадима новгородскаго“, направленіе котораго враги и завистники даровитой женщины старались представить императрицѣ въ ложномъ свѣтѣ.

Какъ бы то ни было, при нѣкоторыхъ размолвкахъ и временныхъ охлажденіяхъ, Екатерина до конца своей жизни была милостива къ своему прежнему другу: трудно было забыть тотъ день, когда двѣ молоденькія женщины-амазонки ѣхали изъ Петербурга въ Петергофъ добывать русскій императорскій тронъ.

Но вотъ императрица умираетъ.

Для Дашковой начинается опальное, тяжелое время.

Тотчасъ же по восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, Дашкова отрѣшается отъ всѣхъ должностей.

Едва она успѣла поблагодарить императора „за освобожденіе отъ бремени, которое превышало ея силы“, и переѣхать въ Москву, какъ является къ ней московскій главнокомандующій, Измайловъ и объявляетъ ей приказъ императора —„выѣхать изъ города и въ деревнѣ вспоминать о событіяхъ 1762 года!“

Но едва она переѣхала въ свое имѣніе, село Троицкое, какъ отъ Измайлова пришло новое извѣстіе: императоръ приказываетъ Дашковой, оставивъ Троицкое, ѣхать въ одну изъ деревень ея сына, въ новгородскую губернію, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій“.

Дашкова съ своими приближенными поселилась въ указанномъ ей

глухомъ захолустьѣ. Крестьянская изба замѣнила княжескія палаты и императорскіе дворцы. Въ заброшенной деревнѣ, у этой дѣловой женщины, занявшей въ исторіи мѣсто въ числѣ первыхъ, по времени, русскихъ писательницъ, не было даже достаточно бумаги, чтобы срисовать скучные и неприглядные виды окрестностей.

Но, однако, нашелся одинъ листъ бумаги, на которомъ княгиня Дашкова и написала просительное письмо государю о смягченіи, если не ея участи, то тѣхъ, которые добровольно послѣдовали за нею въ изгнаніе.

Государь, узнавъ, что письмо отъ Дашковой, не хотѣлъ даже раскрыть его, а отправилъ немедленно курьера съ приказаніемъ — отобрать у княгини перья, бумагу, чернила.

Только, когда вслѣдъ за этимъ, въ кабинетъ вошла императрица, держа на рукахъ маленькаго великаго князя, которому въ рученку всунула письмо Дашковой, государь, растроганный, принялъ письмо изъ рукъ сына и обнялъ малютку, сказавъ:

— О, женщины! Знаютъ чѣмъ разжалобить.

И тотчасъ же, схвативъ перо, написалъ:

„Княгиня Екатерина Романовна, вы желаете переѣхать въ свое калужское имѣніе,—переѣзжайте. Доброжелательный вамъ Павелъ“.

Съ воцареніемъ императора Александра Павловича Дашкова опять возвращена ко двору, гдѣ она ужъ казалась и старушкою, и смѣшною въ своихъ старомодныхъ нарядахъ, съ устарѣвшими манерами.

Она увидѣла, что время ея отошло, и поспѣшила сама удалиться въ свою деревню, гдѣ, при содѣйствіи миссъ Мери Вильмотъ, двоюродной сестры своей любимицы, леди Гамильтонъ, и занялась составленіемъ своихъ знаменитыхъ мемуаровъ.

Княгиня Дашкова умерла 4 января 1810 года.

При всѣхъ недостаткахъ, отъ которыхъ не свободна была эта женщина, Дашкова, тѣмъ не менѣе, является одною изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго столѣтія.

Современники слишкомъ неравнодушно относились къ ней: одни превозносили ее до идеальной высоты, другіе низводили въ грязь.

Такъ одинъ современный ей иностранецъ, бывшій въ Россіи уже въ восьмидесятыхъ годахъ, разсказываетъ о ней, между прочимъ:

„Княгиня уже съ давнихъ поръ сдѣлалась несносна по своему дурному характеру и заслужила общую нелюбовь. Знаменитая героиня революціи 1762 года хвалилась тѣмъ, что она подарила тронъ Екатеринѣ, и въ то же время со всѣхъ знакомыхъ офицеровъ и адъютантовъ собирала дань галунами или аксельбантами. Любимымъ ея занятіемъ было отдѣлять отъ шелку золото и серебро, которое она потомъ продавала. Такимъ образомъ, кто хотѣлъ пріобрѣсти расположеніе княгини, долженъ былъ прежде всего отослать ей всѣ свои старыя тряпки съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. Зимой она не приказывала топить залы академіи и, однако, требовала, чтобы члены аккуратно посѣщали засѣданія. Многіе изъ нихъ, впрочемъ,

охотнѣе выслушивали ея жесткіе выговоры, чѣмъ соглашались сидѣть въ такомъ страшномъ холодѣ. Княгиня-президентъ каждый разъ являлась на засѣданіяхъ закутанная въ дорогую шубу. Очень оригинально было видѣть эту женщину одну посреди бородатаго духовенства и русскихъ профессоровъ, которые сидѣли подлѣ нея съ выраженіемъ глубокаго почтенія на лицѣ, хотя въ то же время сильно дрожали отъ холода. Ея обхожденіе съ членами академіи было чрезвычайно гордо и даже грубо: съ учеными она обращалась, повидимому, какъ съ солдатами и рабами".

Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель говоритъ:

„Окончательно смѣшною сдѣлалъ княгиню процессъ съ Александромъ Нарышкинымъ, который имѣлъ помѣстье по сосѣдству съ ея землею. Однажды его свиньи поѣли капусту на поляхъ Дашковой, и та велѣла перебить животныхъ. Когда Нарышкинъ, послѣ того, встрѣтилъ княгиню при дворѣ, то громко сказалъ: „Посмотрите, какъ съ нея течетъ кровь моихъ свиней!"

„Такова была эта знаменитая женщина,—заключаетъ онъ,—которая въ Голландіи подралась съ своей хозяйкой, а въ Парижѣ хотѣла застрѣлить бѣднаго аббата Шапо (неодобрительно отзывавшагося о Россіи въ своемъ сочиненіи), которую Вольтеръ старался увѣрить въ томъ, что онъ ей удивляется, а нѣмецкіе писатели выставили какимъ-то божественнымъ геніемъ, и которая кончила тѣмъ, что сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ для всей Россіи".

Хотя это едва ли правда, потому что Россія поступила бы дурно, если-бъ только смѣялась надъ такой женщиной, которыхъ она все-таки много не можетъ насчитать, однако, и эти отзывы нельзя обходить молчаніемъ, потому что они—отклики времени и лѣвая сторона суда современниковъ.

Не хорошо отзывался о ней и Державинъ, да онъ и рѣдко о комъ хорошо отзывался. Онъ приписываетъ ей „склонность къ велерѣчію и тщеславію", „хвастовство", своекорыстные разсчеты, „безъ которыхъ она ничего и не для кого не дѣлала". Онъ говоритъ также, что Дашкова безъ всякихъ причинъ не любила и извѣстнаго механика-самоучку Кулибина, и все это „по вспыльчивому ея или лучше—сумасшедшему нраву".

Но всѣ подобные отзывы, если въ нихъ есть и значительная доля правды, ни мало не отнимаютъ историческаго значенія у этой женщины: это была все-таки крупная личность, и русскія женщины всегда могутъ указать на нее, какъ на одного изъ первыхъ практическихъ піонеровъ современнаго „женскаго вопроса", начавшагося теперь такъ, какъ ему давно слѣдовало начаться,—съ заработка собственнаго женскаго куска хлѣба.

VIII.

„Литературныя дочери Ломоносова и Сумарокова": Вельяшева-Волынцева, Зубова, Храповицкая и Хераскова.

Въ предыдущихъ очеркахъ мы сказали, что возбужденный въ русскомъ обществѣ геніемъ Ломоносова и литературною дѣятельностью Сумарокова

интересъ къ болѣе высокимъ идеаламъ жизни, чѣмъ идеалы, которыми питалось наше общество въ первую половину прошлаго вѣка, и относительно высшій и, вслѣдствіе этого, болѣе нравственный подъемъ общественнаго духа, не могли не вывести русскую женщину изъ того узкаго, заколдованнаго круга, въ которомъ она до той поры вращалась, и не вызвать въ ней проявленія духовныхъ ея силъ и ея умственнаго творчества.

Чуткая и воспріимчивая по натурѣ, женщина во всѣ времена служила какъ бы барометромъ, по которому можно опредѣлять степень подъема или упадка общественнаго духа и направленіе общественныхъ симпатій. Мы говоримъ о лучшихъ женщинахъ, о такихъ выдающихся между ними личностяхъ, которыя, какъ чувствительный барометръ, способны отражать въ себѣ состояніе общественной атмосферы. Въ Греціи, при Периклѣ, Аспазія была полнымъ отраженіемъ всего лучшаго, что успѣло выработать творчество аттическаго духа въ моментъ его высшаго подъема. Въ Римѣ, въ эпоху общественной деморализаціи, женщина является болѣе безнравственною и болѣе жестокою, чѣмъ мужчина. Въ эпоху крестовыхъ походовъ, западно-европейская женщина, въ страстномъ увлеченіи идеею освобожденія гроба Христова, поднимаетъ на свои плечи болѣе непосильные нравственные подвиги, чѣмъ въ состояніи были поднять сами крестоносцы, бившіеся въ Палестинѣ съ невѣрными.

Никакія изслѣдованія не въ состояніи такъ полно и ясно представить всю исторію русской земли, какъ исторія русской женщины, если бы исторія эта могла быть обстоятельно разработана; но, къ сожалѣнію, женщина, невидимая двигательница всего, что совершается на землѣ, по врожденной ей скромности, какъ бы прячется отъ взоровъ исторіи—то въ недоступномъ никому семейномъ святилищѣ, то въ монастырской кельѣ, то въ дѣтской, съ питаемыми ею будущими дѣятелями.

Но гдѣ женщина какъ бы невзначай проявляется, тамъ по ея проявленіямъ можно смѣло судить, что таково было господствующее направленіе эпохи, какимъ его отражаетъ въ себѣ женщина, и что направленіемъ этимъ она же, невидимо для міра, и руководила, выражая собою знаменіе времени.

Княгиня Ольга, считая кровавую месть высшимъ проявленіемъ языческой правды, доводитъ месть древлянамъ за смерть мужа до такой изысканности, до какой мужчина не въ состояніи былъ бы ее довести, и первая во всей языческой Руси откликается на идеи христіанства.

Рогнѣда, съ другой стороны, представляетъ собою крайнее выраженіе эпохи—гордость „рода“: она не хочетъ „разуть сапоги робичичу“, хотя разуванье жениха невѣстою было въ обычаѣ времени и хотя этотъ „робичичъ“—сынъ сильнѣйшаго князя русской земли.

Софья Витовтовна сама защищаетъ Москву отъ татаръ въ то время, когда великій князь бѣжитъ отъ страшныхъ ихъ полчищъ: значитъ, приспѣла пора Руси освободиться отъ татарскаго ига. Софья Витовтовна—знаменіе времени.

Мароа-посадница чутьемъ женщины угадываетъ грядущую гибель воль-

ностей Великаго Новгорода со стороны Москвы—и погибаетъ послѣдняя, защищая эти вольности.

Софья Палеологъ первая вселяетъ въ душу своего мужа сознаніе царственнаго величія—и великій князь смѣло ломаетъ ханскую „басму“, чего не смѣлъ сдѣлать ни одинъ князь, и въ то же время ломаетъ силу удѣльныхъ князей.

Елена Глинская добиваетъ послѣдняго удѣльнаго князя старицкаго—и въ своемъ лицѣ начинаетъ единодержавіе русской земли: знакъ, что время единодержавія приспѣло.

Ирина Годунова, посадивъ на престолъ своего брата, сама предвидитъ, что тотъ путь, которымъ она возвела брата на престолъ, ведетъ Россію къ гибели, что сама она бросаетъ Россію въ пасть смутнаго времени,—и умираетъ, говорятъ, отъ тоски этого предвидѣнія.

Марина Мнишекъ—это олицетвореніе послѣдняго, отчаяннаго политическаго единоборства Польши и Руси, и если-бъ побѣдила Марина Мнишекъ, то, быть можетъ, исторія русской земли пошла бы инымъ путемъ.

Цесаревна Софья Алексѣевна—это полное отраженіе духа всей старой, до-петровской Руси, и эта дѣвушка поднимаетъ руку на своего родного брата за то, что тотъ самъ поднималъ руку на эту старую, отжившую по формѣ Русь.

Матрена Кочубей мечтаетъ объ отдѣльной „украинской коронѣ“ и загадываетъ надѣть эту корону на свою красивую голову: знакъ, что идея своей короны носилась въ Малороссіи.

Въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка русская женщина или наряжалась въ нѣмецкое платье, когда это стало знаменіемъ времени, и наряжалась съ увлеченіемъ, со страстью, или до одуренія танцовала въ ассамблеяхъ, или же упорно и глухо боролась противъ всего новаго, или вся пропитывалась атмосферою противоновшества, или, наконецъ, интриговала при дворѣ, когда никакой другой дѣятельности для нея не представлялось, и попадала за это на плаху, или въ Сибирь, или въ монастырское заточенье.

Но вотъ въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то инымъ, болѣе высокимъ вѣяньемъ духа: Ломоносовъ пересаживаетъ на русскую почву западную науку и свои поэтическіе образы отливаетъ въ новую, невиданную дотолѣ форму стиха; Сумароковъ создаетъ русскій театръ; древній аттическій Парнасъ съ его богами и богинями переносится на русскую землю и на него, хотя не безъ труда, взбираются Княжнинъ, Херасковъ, Майковъ.

Чуткая русская женщина, какъ ни была деморализована ассамблеями и интригою, мгновенно отразила въ себѣ новое вѣянье времени, и молоденькія дѣвочки, какъ, напримѣръ, дочь Сумарокова (впослѣдствіи Княжнина) или Александра Каменская (впослѣдствіи Ржевская) становятся первыми русскими писательницами, вводятъ въ исторію эту новую русскую женщину.

Вмѣстѣ съ ними и за ними выступаетъ цѣлый рядъ женщинъ этого

новаго направленія; имена ихъ: императрица Екатерина II, княгиня Дашкова, Вельяшева-Волынцева, Зубова, Храповицкая, Хераскова, княгиня Меншикова (урожденная княжна Долгорукая), Макарова, Орлова, Нилова, княгиня Голицына, княжна Волконская, Безнини, Хвостова—все это женщины того времени, когда Россія въ первый разъ со дня начала своего историческаго существованія сознала въ себѣ силу умственнаго творчества, какъ явленіе законное, и отнеслась къ этой силѣ съ должнымъ уваженіемъ.

Объ Императрицѣ Екатеринѣ II и княгинѣ Дашковой мы уже говорили. Познакомимся нѣсколько съ нравственною физіономіею и другихъ, выше поименованныхъ нами женщинъ, которыя названы „литературными дочерьми Ломоносова и Сумарокова".

Въ сущности, женщины эти были скорѣе носительницами того знамени, подъ которымъ стояли Ломоносовъ, Сумароковъ и ихъ послѣдователи, чѣмъ „дочерями" этихъ дѣятелей слова.

Дѣвица Анна Вельяшева-Волынцева была дочь артиллеріи подполковника Ивана Вельяшева-Волынцева.

Подъ вліяніемъ импульса общественнаго направленія, начавшагося вслѣдъ за бироновщиной, Вельяшева-Волынцева рано почувствовала въ себѣ призваніе къ умственнымъ занятіямъ, и въ то время, когда другія сверстницы ея или видѣли цѣль и содержаніе жизни въ танцахъ и нарядахъ, или мечтали попасть ко двору, Волынцева искала осуществленія своихъ жизненныхъ идеаловъ въ другой сферѣ, и нашла это удовлетвореніе въ занятіяхъ умственнымъ трудомъ, который уже прославилъ имена двухъ или трехъ ея предшественницъ, дочь Сумарокова—Княжнину, Ржевскую-Каменскую и княгиню Дашкову-Воронцову.

Впрочемъ, этотъ импульсъ общественнаго направленія сильно въ то время отразился и на дворѣ, такъ что и сама императрица Екатерина II, очень чуткая къ требованіямъ вѣка, искала славы писательницы и усердно работала надъ сочиненіемъ стихотвореній на разные случаи, надъ составленіемъ театральныхъ пьесъ и пр.

Данное направленіе, однимъ словомъ, господствовало въ умственной атмосферѣ Петербурга и Москвы, и, конечно, какъ всегда бываетъ, наиболѣе одаренныя личности первыя служили практическимъ выраженіемъ этого направленія.

Въ то время стоять въ уровнѣ передовыхъ требованій вѣка значило для женщины умѣть владѣть перомъ и стихомъ.

Вельяшева-Волынцева владѣла и тѣмъ и другимъ. Стихи ея дали ей литературное имя и — чего иногда напрасно добивались другія ея сверстницы—извѣстность при дворѣ.

Молоденькая дѣвушка пошла при этомъ и на другой, болѣе трудный для ея силъ, подвигъ: она занялась переводомъ лучшихъ въ то время произведеній западно-европейской литературы, и избрала для этого надѣлавшее такъ много шуму политическое сочиненіе Фридриха II-го: „Исторію бранденбургскую, съ тремя разсужденіями о нравахъ, обычаяхъ и успѣхахъ

человѣческаго разума, о суевѣріи и законѣ, о причинахъ установленія или уничтоженія законовъ".

Переводъ этотъ много надѣлалъ шуму въ тогдашнемъ читающемъ русскомъ обществѣ, и имя даровитой дѣвушки повторялось во всѣхъ кружкахъ, а еще чаще при дворѣ.

— Вотъ у меня перевели и Фридриха!—говорила императрица Екатерина философу Дидро, который въ то время былъ въ Петербургѣ.—И кто же, думаете вы? Молодая, пригожая дѣвушка.

— У васъ и при васъ, ваше величество,—всѣ чудеса свѣта,—отвѣчалъ Дидро:—но въ Парижѣ мало и мужчинъ читателей Фридриха!

Извѣстный дѣятель прошлаго вѣка Новиковъ, много потрудившійся для русскаго образованія и въ особенности для привлеченія къ умственному труду женщины, съ большимъ сочувствіемъ отзывается о трудахъ Волынцевой и говорилъ, что она, „въ разсужденіи своихъ молодыхъ лѣтъ и исправности перевода достойна похвалы".

Тѣмъ же общественнымъ движеніемъ увлечена была и другая современница Волынцева, Марья Ивановна Римская-Корсакова, вышедшая потомъ замужъ за Зубова.

Римская-Корсакова славилась своими пѣснями, которыя завладѣли вниманіемъ всего тогдашняго русскаго общества и пѣлись повсемѣстно: это были первыя пѣсни, которыя вмѣстѣ съ пѣснями Сумарокова и его дочери дозволила себѣ пѣть Россія послѣ раскольничьихъ стиховъ, духовныхъ кантатъ, пѣсенокъ въ родѣ тѣхъ, которыя распѣвала когда-то Ксенія Годунова, и рѣдко—народныхъ пѣсенъ обрядоваго и бытоваго цикла.

Сама сочинительница пѣсенъ считалась „пріятнѣйшею пѣвицею". Пѣсни ея вышли въ 1770-мъ году. Эти пѣсни теперь уже, конечно, забыты, какъ и сама ихъ сочинительница.

Но едва ли кому-либо изъ читателей извѣстно, что Зубова или Римская-Корсакова обезсмертила свое имя такою пѣсенкой, которая стала для Россіи историческимъ достояніемъ.

Пѣсенка эта—общеизвѣстный, теперь уже очень старинный, археологическій, такъ сказать, романсъ:

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Почти цѣлое столѣтіе вся Россія пѣла эту, нѣкогда модную, великосвѣтскую, чувствительную пѣсенку, и находила ее восхитительною и по музыкѣ, и по стиху, и по содержанію. Пѣсенка эта пѣлась и при дворѣ, и въ высшихъ аристократическихъ домахъ. Какъ все болѣе или менѣе безсмертное, она стала потомъ достояніемъ нѣсколькихъ поколѣній, перешла въ самые отдаленные уголки Россіи, пѣлась потомъ во всѣхъ захолустьяхъ и до настоящаго времени поется чувствительными попадьями стариннаго покроя въ самыхъ далекихъ уголкахъ русской земли подъ звуки гуслей, тоже становящихся достояніемъ археологіи.

Какъ бы то ни было, но чувствительная пѣсенка Римской-Корсаковой

стала исторической пѣсенкой, и сказать: „Я въ пустыню удаляюсь", значитъ сказать нѣчто поговорочное, эпическое.

То же вѣяніе времени, тѣ же господствующія симпатіи наиболѣе передоваго меньшинства отразила въ себѣ и сестра извѣстнаго составителя ежедневныхъ записокъ о времени Екатерины II, Александра Васильевича Храповицкаго, Марья Васильевна Храповицкая.

Передъ нею былъ примѣръ брата, кое-что писавшаго въ журналахъ; за нею были уже примѣры такихъ женщинъ, какъ Сумарокова-Княжнина, Каменская-Ржевская, княгиня Дашкова, Вельяшева-Волынцева, Римская-Корсакова. Даровитая дѣвушка не хотѣла остаться за вѣкомъ и для нея показалось недостаточнымъ тѣхъ знаній, которыми она располагала по тогдашней системѣ великосвѣтскаго образованія.

Храповицкая знала въ совершенствѣ языки французскій, итальянскій и нѣмецкій; но не этими знаніями можно было выдвинуться изъ толпы дюжинности въ то время, когда Ломоносовъ высоко поднялъ знамя русской народности, а его послѣдователи завоевали для русскаго литературнаго слова почетъ и государственное значеніе.

Храповицкая,—говоритъ одинъ изъ писателей стараго времени, — „не знавши хорошо правилъ отечественнаго языка, всегда спрашивала своего брата, Александра Васильевича Храповицкаго, быть ея учителемъ. Храповицкая за привязанность свою къ чужимъ языкамъ боялась штрафованія „Телемахидою", особенною грозою для разборчивыхъ приверженцевъ къ чтенію „иностранныхъ книгъ".

Братъ, дѣйствительно, сдѣлался руководителемъ ея по ознакомленію ея съ „грамматическими правилами въ русскомъ словѣ", и отдавшись затѣмъ изученію русской словесности, она въ скоромъ времени сама выступила въ свѣтъ, какъ писательница.

Въ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ ґетманшѣ Скоропадской, мы говорили, что этою женщиною начинается нравственное объединеніе малорусской исторической женщины съ великорусскою, что послѣ Матрены Кочубей и гетманши Скоропадской самостоятельный историческій типъ украинской женщины стирается, и между разными украинками—Четвертинскими, Гамалеями, Кочубеями, Галаганами, Сологубами, Лизогубами, Безбородками и Разумовскими—впослѣдствіи нельзя уже отличить ихъ малорусскаго происхожденія, — такъ исторія ассимилировала оба типа русской женщины, какъ украинцевъ Гоголя, Костомарова, Кулиша и другихъ ассимилировала она въ русскихъ писателей, а малѣйшее отклоненіе ихъ отъ общаго русскаго историческаго и народнаго русла въ пользу малорусскаго ставило уже въ разрядъ народнаго и политическаго сепаратизма.

Такою же ассимилированною украинкою является и Храповицкая, въ которой никто бы, кажется, не могъ узнать историческую преемницу Матрены Кочубей и Настасьи Скоропадской.

Вѣсть о литературныхъ занятіяхъ Храповицкой скоро дошла до императрицы Екатерины.

Разсказываютъ, что „графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій при первомъ удобномъ случаѣ донесъ императрицѣ, что его землячка Храповицкая запѣлась на виршахъ и читаетъ русскую грамоту лучше придворнаго дьячка. Для Екатерины и этого было достаточно, чтобъ пригласить Храповицкую ко двору, еще болѣе поощрить ее въ страсти писать стихи, заставить переводить и потомъ печатать въ современныхъ журналахъ“.

Храповицкая вмѣстѣ съ братомъ сдѣлалась сотрудницей издававшагося тогда Сумароковымъ еженедѣльнаго журнала, подъ названіемъ „И то и сіо“.

Въ то время русская публика только что входила во вкусъ трагедій. Это были большею частью напыщенныя произведенія, съ ходульными и сантиментальными героями и героинями, которые шестистопнымъ метромъ говорили монологи на цѣлыхъ страницахъ, облекались во всеоружіе криво понимаемаго классицизма и вообще отличались тяжеловатостью. На этотъ же ладъ сочинялись и трагедіи изъ древне-русской жизни съ Властемирами, Плѣнирами, Усладами и т. д.

Съ трагедіею выступила въ свѣтъ и Храповицкая. Въ сотрудничествѣ съ братомъ она написала „Идаманта“, и Екатерина II, узнавъ объ этомъ произведеніи, пожелала съ нимъ познакомиться.

Хотя,—замѣчаетъ одинъ писатель конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія,—трагедія Храповицкой „похожа, можетъ быть, была, по выраженію нынѣшнихъ рѣзкихъ цензоровъ болѣе на козлопѣніе, нежели на трагедію; но тогда еще не было такихъ отважныхъ опредѣлителей; русскіе литераторы прямыми глазами видѣли въ Сумароковѣ отца театра своего, а въ послѣдователяхъ Сумарокова видѣли достойныхъ похвалы учениковъ его, и потому Екатерина заставила однажды прочесть нѣсколько страницъ изъ „Идаманта“, несмотря на шестистопные стихи трагедіи, поцѣловала сочинительницу и примолвила:

— Хорошо, но если бы вы больше совѣтовались съ Александромъ Петровичемъ (Сумароковъ).

Въ 1778-мъ году Храповицкая перевела знаменитый романъ Мармонтеля „Инки, или разрушеніе перуанскаго царства“.

Романъ этотъ пріобрѣлъ громадную славу въ свое время. Переводъ Храповицкой наслѣдовалъ эту славу. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ „Инковъ“, тогдашніе писатели утверждали, что въ Россіи не было такой библіотеки, которой этотъ романъ „не служилъ бы украшеніемъ“. По 1820-й годъ „Инки“ имѣли четыре изданія. Но замѣчательно, что въ теченіе сорока лѣтъ разошлось только пять тысячъ экземпляровъ, изъ чего видно, что въ годъ продавалось не болѣе ста экземпляровъ. При всемъ томъ одинъ изъ писателей тридцатыхъ годовъ говоритъ о Храповицкой и ея романѣ, какъ о феноменѣ, и высказываетъ удивленіе, что „такая книжная продажа, хотя бы и не у насъ, въ тогдашнее время есть рѣдкость“.

Надо при этомъ замѣтить, что „Инки“ въ то время служили такою настольною и педагогическою книгою для всякаго образованнаго русскаго

семейства, что по этому переводу Храповицкой учились дѣти, какъ по образцовому руководству и въ отношеніи языка, и въ отношеніи развитія мысли и вкуса учащихся.

Къ этому же циклу женщинъ-писательницъ принадлежитъ и Елизавета Васильевна Хераскова.

Знаменитый въ свое время Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, творецъ „Россіады", „Кадма и Гармоніи", „Владиміра" и другихъ драматическихъ произведеній, когда-то считавшихся капитальными, произведеній, надъ которыми плакали и которыми гордились прадѣды и прабабушки современнаго русскаго поколѣнія, — Херасковъ, подобно Княжнину, избралъ себѣ супругу изъ наиболѣе развитыхъ дѣвушекъ своего круга, изъ того разряда женщинъ, которыя, какъ мы замѣтили выше, не только становились подъ знамя своего времени, но и усердно несли въ своихъ рукахъ это знамя.

Еще дѣвушкой Хераскова занималась литературой, и, принадлежа къ кружку передовыхъ женщинъ, была извѣстна Сумарокову и очень имъ любима за даровитость.

Когда она вышла замужъ за Хераскова, Сумароковъ,—разсказываютъ писатели того времени, — „въ поздравительномъ письмѣ своемъ къ ней, новобрачной, щекоталъ ея самолюбіе, говоря, что для женщины ничего нѣтъ выгоднѣе, какъ быть супругою человѣка ученаго; что вмѣстѣ со славою мужа ученаго никогда не умретъ и ея память; что въ самыхъ позднихъ вѣкахъ прочтутъ еще: „а супруга такого-то была такая-то", и пр.

Хераскова не была поэтомъ или стихотворицей, по обычаю того времени: ея не называли ни „піитою", ни „музою", а просто „литераторкою, прозаическою писательницею". Произведенія ея, однако, имѣли значительный кругъ читателей, и Новиковъ отзывался о Херасковой, что она имѣла „слогъ чистый, текущій, особенными красотами пріятный."

По обычаю того времени — называть русскихъ писателей и писательницъ именами какихъ-либо знаменитостей, то „россійскими Омирами", то „россійскими Сафо", „россійскими Кориннами" и пр.—Хераскова носила имя „россійской де-ла-Сюзы."

Но замѣчательно вотъ что: едва женщина выступила въ свѣтъ какъ писательница, едва она предъявила право на практическое разрѣшеніе того, что въ наше время принято называть „женскимъ вопросомъ", какъ тотчасъ же явились и противники этого вопроса, мало того — враги. самые злые.

Первымъ по времени борцомъ противъ допущенія женщины въ литературѣ былъ извѣстный тогда писатель В. М. Майковъ. Онъ особенно нападалъ на женщинъ-писательницъ, которыя были или женами или дочерьми извѣстныхъ писателей. Майковъ высказывалъ въ этомъ случаѣ подозрѣніе, что никогда нельзя рѣшить, кто писалъ сочиненіе, подъ которымъ подписано имя жены или дочери литератора — сама ли подписавшаяся сочинительница, или ей помогалъ въ этомъ трудѣ мужъ или отецъ.

„Отважный творецъ „Елисея“,—говоритъ о Майковѣ одинъ изъ прежнихъ біографовъ Херасковой,—„всегда объявлялъ споръ противъ нашихъ тогдашнихъ женщинъ-авторовъ, женъ и дочерей авторскихъ; онъ рѣшительно говаривалъ: „Хорошо, весьма не худо, да вотъ бѣда: за женъ мужья, а за дщерей родители. Хераскова щегольская барынька, да если-бъ писать ей, то у мужа не было бы и щей хорошихъ: онъ пишетъ, она пишетъ, а кто же щи-то сваритъ?“

Какъ бы то ни было, Хераскова и щи варила мужу, и писала, и притомъ въ литературномъ дѣлѣ обладала и бо́льшимъ тактомъ, чѣмъ ея мужъ, и большей практичностью. Она останавливала мужа отъ исполненія такихъ литературныхъ замысловъ, отъ которыхъ она не ожидала ни авторской славы, ни матеріальнаго прибытка.

Современники свидѣтельствуютъ, что Херасковъ получалъ очень значительныя выгоды отъ продажи издателямъ - книгопродавцамъ лучшихъ своихъ произведеній— „Россіады“, „Кадмы и Гармоніи“ и другихъ.

Къ концу жизни, почувствовавъ приступы старческаго скряжничества и не чувствуя, что талантъ его падаетъ, какъ это и всегда бываетъ, когда писателемъ овладѣваетъ посторонняя, особенно же денежная страсть,— Херасковъ написалъ еще одну объемистую поэму — „Бахаріану или неизвѣстнаго“. Написалъ онъ эту поэму, не слушая своей умной жены, которая останавливала его отъ продолженія этого неудачнаго труда.

Книгопродавцы, которымъ Херасковъ предложилъ изданіе этого труда, не рѣшались пріобрѣсти его отчасти потому, что имя Хераскова уже теряло свое обаяніе, книги его шли туже, а между тѣмъ, сами не обладая никакими средствами для оцѣнки достоинствъ литературныхъ трудовъ, они прислушивались къ неблагопріятнымъ отзывамъ въ обществѣ о новомъ произведеніи устарѣвшаго писателя.

Едва ли можно, впрочемъ, дать какую-либо цѣну анекдотическому разсказу, ходившему въ то время насчетъ „Бахаріаны“ и насчетъ ея покупателей-книгопродавцевъ. Говорятъ, будто бы книгопродавцы, слыша объ „излишней тягости“ въ произведеніи Хераскова, т. е. о тяжеловатости языка, манеры и всего содержанія новаго произведенія, и понимая эту „излишнюю тягость“ буквально, какъ тяжесть на вѣсъ,—„книгопродавцы долго прикидывали на руку поэму Хераскову, угадывали вѣсъ, колебались взять ли ее, печатать или нѣтъ“ и т. п.

Хотя и въ настоящее время рѣдкіе изъ нашихъ издателей-книгопродавцевъ настолько обладаютъ личными познаніями, чтобы дѣлать правильную оцѣнку произведеній современныхъ писателей, и большею частью руководствуются въ этомъ случаѣ или ходячими слухами о писателѣ и его произведеніяхъ, или курсомъ его имени на книжной биржѣ, въ литературныхъ кружкахъ, въ обществѣ, вкусами читателей и спросомъ на автора и на предметъ, наконецъ, вѣроятностью хорошаго иля дурнаго пріема произведенія со стороны критики, слѣдовательно — вѣроятностью хорошаго или плохого сбыта книги,—однако, нельзя допустить, чтобы и сто лѣтъ назадъ русскіе

книгопродавцы не обладали настолько коммерческимъ тактомъ, литературнымъ чутьемъ и знаніемъ своего ремесла, чтобъ буквально понимать „тяжесть“ произведенія и взвѣшивать его на рукѣ.

Сто лѣтъ назадъ, когда написана была „Бахаріана“, русскіе книгопродавцы, какъ и г-жа Хераскова, очень хорошо понимали, что время Хераскова отошло, что въ воздухѣ слышится ужъ что-то другое, что тамъ и здѣсь раздаются имена новыхъ писателей — Дмитріева, Карамзина и что только одинъ еще Державинъ сидитъ непоколебимъ на своемъ литературномъ тронѣ. Вотъ почему книгопродавцы не рѣшались купить книгу, которую не одобряла и г-жа Хераскова, — и упрямый старикъ, тихонько отъ жены, издалъ ее на свой счетъ.

Книга, разумѣется, не пошла. Скупой старикъ потерпѣлъ убытку до тысячи рублей въ видѣ долга типографіи.

Произошла, конечно, семейная сцена, когда Хераскова узнала о неблагоразумной скрытности мужа.

— Ахъ, Михаилъ Матвѣевичъ! Что ты надѣлалъ!—говорила огорченная супруга (такъ передаютъ эту сцену современники).

Старикъ молчитъ—у него нѣтъ оправданій, потому что улика на-лицо: тысячи рублей изъ семейной экономіи какъ не бывало. Но деньги все-таки надо еще было внести въ типографію, очистить долгъ, а деньгами распоряжалась жена.

— Дѣлать нечего—аминь!—сказала Хераскова, сжалившись надъ убитымъ старикомъ: — мое пророчество сбылось: возился, писалъ... На, вотъ деньги—кинь и знай,

Что въ старости твое писанье
И дому и женѣ одно, сударь, страданье.

— Какъ жаль, Лизанька, что ты не пріохотилась быть піитой!—отозвался обрадованный старикъ.

Говоря вообще, какъ ни малоизвѣстна историческая память всѣхъ этихъ, поименованныхъ нами здѣсь четырехъ женщинъ, какъ ни скромно занимаемое ими въ исторіи русскаго просвѣщенія мѣсто, однако, онѣ, соразмѣрно своимъ силамъ, честно служили духовнымъ интересамъ страны, и, принеся ей хотя ту маленькую долю пользы, которую принято называть лептою вдовицы, сдѣлали свои скромныя имена едва ли не болѣе заслуживающими безсмертія въ исторіи человѣческаго развитія, чѣмъ имена болѣе громкихъ историческихъ дѣятелей, но только на тѣхъ поприщахъ, которыя съ каждымъ годомъ теряютъ цѣну въ глазахъ исторіи.

Къ сожалѣнію, всѣ произведенія названныхъ нами женщинъ въ настоящее время стали библіографическою рѣдкостью, и самое безсмертіе честныхъ женскихъ именъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе стирается не временемъ, а нашимъ равнодушіемъ къ памяти нашихъ дѣятелей.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВЫ. СТР.

Предисловіе.

I. Елизавета Петровна 1

II. Наталья Лопухина. 21

III. Екатерина Княжнина 35

IV. Александра Ржевская 41

V. Екатерина II 45

VI. Марья Саввишна Перекусихина 65

VII. Княгиня Дашкова. 71

VIII. „Литературныя дочери Ломоносова и Сумарокова“: Вельяшева-Волынцева, Зубова, Храповицкая и Хераскова 95

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

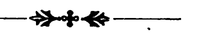
РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ
НОВАГО ВРЕМЕНИ

Біографическіе очерки изъ русской исторіи.

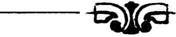
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖЕНЩИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ВОСЕМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Томъ XXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Ѳ. Мертца.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюля 1902 г.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Спб., Фонтанка 95.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Первыя русскія переводчицы: княгиня Меншикова, госпожа Макарова, дѣвица Орлова, княгиня Голицына, княжны Волконскія.

Небольшой періодъ времени, начиная отъ конца пятидесятыхъ и кончая восьмидесятыми годами XVIII-го столѣтія, этотъ промежутокъ лѣтъ въ тридцать не болѣе, по справедливости, можетъ быть названъ счастливою эпохою въ исторіи развитія русской мысли.

Эти тридцать-сорокъ лѣтъ, какъ ни были они мимолетны, оставили блестящій слѣдъ въ русской исторіи и дали русскому имени вѣсъ и значеніе въ Европѣ.

Монсы, Балки и имъ подобныя женщины, продуктъ болѣзненнаго состоянія общества, сходятъ съ страницъ исторіи. Тайная канцелярія, застѣнокъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ тоже не показываются на этихъ страницахъ, потому что въ это время имъ нечего дѣлать, и Россія, повидимому, не нуждается болѣе въ Ушаковѣ: мужчины не съѣзжаются тайно по ночамъ, чтобъ перешептываться о низложеніи временщиковъ; женщина не попадаетъ болѣе въ застѣнокъ, потому что „вмѣсто заговора противъ какого-нибудь „канальи Лестока“, заинтересована новымъ произведеніемъ своей пріятельницы или чувствительнымъ романсомъ въ родѣ „Я въ пустыню удаляюсь“ Римской-Корсаковой, или любопытнымъ переводнымъ романомъ Храповицкой и т. д.

Вмѣсто отрубленныхъ головъ, воткнутыхъ на шесты, вниманіе толпы обращено на выставленные въ окнахъ магазиновъ бюсты Ломоносова, Сумарокова, на новыя книжки, глобусы, картины. О пыткахъ стали забывать. Человѣческая кровь смѣнилась типографскими чернилами—зачѣмъ же тутъ застѣнокъ, Ушаковъ, заплечный мастеръ?

Подметныя письма и „пашквили“, доносы, „слово и дѣло“—замѣнились „одами“, трагедіями, и казни остаются только на сценѣ.

Во дворцѣ — литературные вечера, и наши герои прямо отъ чтенія новой трагедіи скачутъ къ арміи и побѣждаютъ непріятелей.

Вообще что-то произошло такое, чего прежде не было.

И въ государственной и въ общественной жизни, въ свою очередь являются и люди, которыхъ прежде не было.

Мало того, происходитъ какая-то перестановка въ классификацiи достоинствъ, качествъ, понятiй заслугъ: литературныя заслуги цѣнятся одинаково съ заслугами государственными, служебными и т. д.

Мы уже видѣли, какъ отразилось все это на женщинѣ и какъ „прекрасныя россiянки“ дружно и высоко подняли въ своихъ рукахъ и понесли впередъ знамя возрожденiя русской мысли — знаменiе времени. Въ нѣсколько лѣтъ русское общество дало исторiи восемь женскихъ личностей, выставило небывалый въ русской землѣ женскiй типъ — женщинъ писательницъ, которыя прошли не безслѣдно въ исторiи русскаго просвѣщенiя, и изъ этихъ женщинъ одна была императрица—Екатерина II, одна княгиня—Е. Р. Дашкова, и шесть другихъ писательницъ—Сумарокова (Княжнина), Каменская (Ржевская), Вельяшева-Волынцева, Римская-Корсакова (Зубова), Храповицкая и Хераскова.

Когда эти женщины продолжали еще свое литературное дѣло, къ ихъ знамени примкнуло шесть новыхъ женскихъ личностей.

Первою изъ нихъ является княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, впослѣдствiи супруга свѣтлѣйшаго князя Петра Александровича Меншикова. Это вмѣстѣ съ Храповицкою—первыя русскiя переводчицы.

Какъ на поразительную черту разсматриваемаго нами явленiя укажемъ на слѣдующее обстоятельство.

Лѣтъ за пятьдесятъ до этого умственнаго возрожденiя русской женщины, мы познакомились, въ настоящихъ очеркахъ, еще съ одною княжною Долгорукою, Александрою Григорьевною, бывшею замужемъ за знаменитымъ Салтыковымъ, братомъ царицы Прасковьи.

Мы видѣли, какова была образованность этой княжны и каковы были ея познанiя въ русской грамотѣ.

Эта княжна Долгорукая или супруга знаменитаго Салтыкова такъ, напримѣръ, писала къ извѣстной своими интригами и своею трагической участью сестрѣ Анны Монсъ, Матренѣ Ивановнѣ Балкъ:

„Государыня мая матрена ивановна много летно здравъствуй купно са всеми вашiми! писмо миласти вашей получила, въ каторомъ изволите ответъствавать на мое писмо, каторое я къ вамъ писала из кенезъ Берха, за что я вамъ матушка мая, Благодаръствую и възпреть васъ прашу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маею радастiю ожидать буду... прашу на меня и не изволте прогневатъца, что мешъкала за нещастiемъ моимъ, на оное ваше писмо ответъствавать, понежа у меня батюшъка канешъно боленъ огреваю четыря недели истенъ но въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить маими писмами; ежели дастъ Богъ Батюшъку лехъча, буду писать простърано на будущей почте Сердешъно сердешно сожелею о вашей балезъне изволька мъне отъ писать если вамъ лехъча“ и т. д., какъ мы уже видѣли раньше.

Безспорно, языкъ княжны Долгорукой и правописанiе—ужасны.

И вдругъ, въ эпоху возрожденiя русской мысли, другая княжня Долгорукая, Екатерина Алексѣевна, является уже блестящею по своему времени

писательницею, участвуетъ въ русскихъ литературныхъ журналахъ; мало того, она первая переводчица, она знакомитъ Россію съ Тассомъ!

„Воспитанная во всемъ блескѣ вельможной дочери, она не только ознакомила себя съ лучшими иностранными писателями своего времени; но получила притомъ и весьма достаточное понятіе о правилахъ языка отечественнаго,—другая рѣдкость и въ наше время!“—говоритъ о ней писатель тридцатыхъ или двадцатыхъ годовъ.

Но рѣдкость не въ томъ, что „вельможная дочь получаетъ весьма достаточное понятіе о правилахъ языка отечественнаго“, а въ томъ, что она прекраснымъ языкомъ переводитъ Тасса, указывая тѣмъ путь будущимъ переводчикамъ, и Фонвизинъ, крупная литературная сила, не умаляющаяся отъ времени, высказывалъ глубокое удивленіе къ дарованіямъ вельможной женщины, которая, при всѣхъ „заботахъ дворскихъ или свѣтскихъ“, завоевала себѣ почетное мѣсто въ литературѣ.

Вслѣдъ за нею подъ то же литературное знамя становится дѣвица Наталья Алексѣевна Неелова, послѣдствіи г-жа Макарова.

Макарова выступаетъ съ романомъ или повѣстью подъ заглавіемъ: „Лейнардъ и Термилія, или злосчастная судьба двухъ любовниковъ“.

Заглавіе, конечно, вычурное, какъ и подобало въ то время; содержаніе романа—тоже ничѣмъ не выдающееся; но заслуга здѣсь въ томъ, что и Макарова, какъ всѣ предыдущія девять женщинъ—естественный продуктъ духа времени.

Въ ту эпоху на русское общество уже вліяла неутомимая дѣятельность борца за русское просвѣщеніе—Новикова: онъ выискивалъ и, такъ сказать, созидалъ даровитыхъ женщинъ; подъ его вліяніемъ укрѣпился не одинъ талантъ, и это вліяніе его отразилось на всемъ русскомъ обществѣ.

„Для Новикова,—говоритъ одинъ изъ писателей прежняго времени,—изыскателя и поощрителя отечественныхъ дарованій и трудовъ, было довольно и такихъ романовъ, какимъ былъ „Лейнардъ и Термилія“, или ему подобные. Сей глубокомысленный писатель, изыскивая, а иногда, такъ сказать, сотворяя таланты и особливо въ женщинахъ, ожидалъ отъ нихъ весьма многаго...

„Грамотная мать,—говаривалъ онъ,—и въ игрушку будетъ давать своему дитяти книгу, а такимъ образомъ и мы пойдемъ впередъ съ молокомъ, а не съ сѣдинами...

„Въ такомъ предположеніи онъ каждой дамѣ, или дѣвицѣ, занимавшейся чтеніемъ русскихъ книгъ, былъ всегда и другомъ и покровителемъ, и охотно предавалъ тисненію всѣ ихъ сочиненія и переводы. Съ сего же времени, какъ можно замѣтить по вліянію языка нашихъ литераторшъ на жесткій слогъ тогдашней нашей прозы, сія послѣдняя начала смягчаться и, кажется, дожидалась только мастера—Карамзина.

„Повѣсть госпожи Макаровой по своему слогу почти первая приближается къ лучшимъ измѣненіямъ въ языкѣ, и потому она съ этой стороны останется навсегда замѣчательною.“

Мы полагаемъ, что этихъ немногихъ замѣтокъ о литературной дѣятельности княгини Меншиковой и г-жи Макаровой достаточно; мы считаемъ важнымъ указать только на явленіе и на его характеръ.

Насколько явленіе это имѣло общій характеръ и стало отличительною чертою русскаго общества въ помянутый нами тридцати или сорокалѣтній промежутокъ времени, можно заключить, между прочимъ, и изъ того, что даже степной, въ то время никому почти неизвѣстный, Тамбовъ сталъ литературнымъ городомъ: въ Тамбовѣ, въ которомъ и теперь печатаются только „Губернскія Вѣдомости", въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія печатались книги, романы, повѣсти.

Правда, небывалое дотолѣ явленіе это объясняли пребываніемъ тамъ Державина, который въ то время былъ тамбовскимъ губернаторомъ и своею литературною славою увлекъ за собою на служеніе музамъ не одну женщину; но это объясненіе нельзя не признать отчасти одностороннимъ: не Державинъ тутъ причина явленія, а причина эта —извѣстная высота подъема общественнаго духа.

„Гаврило Романовичъ Державинъ, будучи губернаторомъ въ Тамбовѣ, умѣлъ влюбить многихъ изъ тамошнихъ жителей и въ литературу, и въ театръ, въ особенности же въ семъ случаѣ онъ обратилъ все вниманіе на дамъ, какъ на первыхъ споспѣшествовательницъ къ образованію вкуса".

Такъ понимали это явленіе ученики и послѣдователи Державина; мы же объясняемъ его общимъ направленіемъ времени.

Дѣйствительно, въ бытность Державина въ Тамбовѣ въ этомъ городѣ явилось нѣсколько женщинъ писательницъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи литературы оставила дѣвица Орлова и княгиня Голицына.

Марья Григорьевна Орлова была, можно сказать, балованное дитя Державина: на всѣхъ литературныхъ вечерахъ, на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, которыя не обходились безъ чтенія стихотвореній, одъ и всякихъ торжественныхъ „прологовъ", во всѣхъ благотворительныхъ спектакляхъ— Державинъ выставлялъ Орлову на первое мѣсто. Такъ, напримѣръ, когда въ день открытія въ Тамбовѣ театра и народнаго училища, въ день, совпадавшій съ тезоименитствомъ императрицы Екатерины, на театрѣ былъ поставленъ драматическій прологъ, сочиненный Державинымъ на этотъ случай, Орлова явилась въ роли Мельпомены и исполнила свою роль блистательно.

По окончаніи пролога, Державинъ торжественно благодарилъ дѣвушку и, цѣлуя у нея руку, говорилъ:

— Съ такими чувствами и съ этими только голубыми глазами должна быть наша Мельпомена, а другую русская сцена не допуститъ явиться передъ зрителями.

Но Орлова не остановилась на сценическомъ выполненіи чужихъ театральныхъ пьесъ; она сама явилась писательницей, и напечатала въ Тамбовѣ романъ подъ заглавіемъ: „Аббатство или замокъ борфордской".

Печатаніе романовъ въ Тамбовѣ—это дѣйствительно то, чего не было ни прежде, ни послѣ.

Если-бъ это продолжалось долго, то въ такомъ случаѣ не удивительно, что Арзамасъ могъ сдѣлаться русскимъ Лейпцигомъ.

Въ одно время съ Орловою выступила въ Тамбовѣ, тоже въ качествѣ писательницы и преимущественно переводчицы, княгиня Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардтъ.

Она напечатала въ тамошней типографіи переведенный ею романъ: „Заблужденіе отъ любви, или письма отъ Фанеліи и Мальфорта".

Державинъ, посылая экземпляръ этого романа Хераскову, между прочимъ, писалъ:

„Нашъ степной Тамбовъ цвѣтетъ и зрѣетъ необыкновенно скоро: у насъ и Талія и Мельпомена, свои Феокриты, свои Сафо, все свое. Прочтите нашъ новый романъ; да послужитъ онъ многимъ изъ вашихъ указкою и по выбору и по слогу. Въ столицахъ не всѣ такъ переводятъ" и т. д.

Наконецъ, въ это же время прославились, какъ хорошія переводчицы, двѣ сестры, княжны Волконскія, Екатерина Михайловна и Анна Михайловна.

Надо отдать честь этимъ дѣвушкамъ, что ихъ не остановила трудность такой работы, какъ переводъ ученаго и весьма капитальнаго въ то время сочиненія—„Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ".

Извѣстный профессоръ Озерецковскій съ большой похвалой отзывался о переводѣ княженъ Волконскихъ, ставя имъ въ заслугу не только выборъ такого серьезнаго сочиненія, какъ выше упомянутое, но и умѣнье побѣдить всѣ трудности ученой терминологіи, которая въ то время, конечно, была несравненно менѣе установлена и выработана, чѣмъ въ настоящее время: извѣстно, какъ ученая терминологія и теперь затрудняетъ нашихъ современныхъ переводчиковъ и переводчицъ.

По поводу перевода княженъ Волконскихъ Фонвизинъ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей:

— Прочти переводъ княженъ Волконскихъ,—его скоро напечатаютъ,—и ты увидишь, что при изображеніи моей послѣдней Софьи я еще весьма мало задалъ ей учености: наши россіянки начали уже и сами знакомить насъ съ Бонетами и Бюффонами.

Къ чести „россіянокъ" прошлаго вѣка слѣдуетъ отнести, что онѣ являются какъ бы прототипами тѣхъ полезныхъ женщинъ-писательницъ нашего времени, которыя своею переводческою дѣятельностью значительно пополняютъ недостаточность научной подготовки русской читающей публики. При чтеніи современныхъ переводовъ г-жъ Бѣлозерской, Генъ, Лихачевой, Марка-Вовчка, Суворииой, Цебриковой и другихъ, намъ всегда вспоминаются имена отжившихъ русскихъ переводчицъ—Вельяшевой-Волынцевой, Храповицкой, княгини Меншиковой (кн. Долгорукой), княгини Голицыной (урожд. Энгельгардтъ) и княженъ Волконскихъ; почтенная дѣятельность и первыхъ и полѣднихъ—не малая заслуга въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Но тридцать лѣтъ скоро прошли. Къ девяностымъ годамъ истекшаго столѣтія многое измѣнилось, и русское общество снова дѣлаетъ какой-то поворотъ, напоминающій что-то старое, повидимому, давно отжившее. У

общества точно руки опускаются. То, что тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ ставилось людямъ въ достоинство, уже ставится имъ въ вину. Заслуги, цѣнимыя еще такъ недавно, уменьшаютъ уже цѣну человѣку. Упадокъ духа замѣтенъ во всемъ. Робость и нерѣшительность парализуютъ силу, которую еще такъ недавно чувствовала и уважала Европа. Мы становимся какъ-будто безсильны внутри, сравнительно слабы извнѣ.

Вспоминается и Ушаковъ. Но его уже нѣтъ. На страницѣ исторіи, гдѣ онъ стоялъ, осталось только пятно. Ушакова нужно было замѣнить другимъ, создать—и является Шашковскій.

Женщина, какъ и мужчина, опять на время стушевывается. Вмѣсто переводчицъ и писательницъ являются „монастырки-смолянки", о которыхъ мы скажемъ въ свое время.

II.

Дарья Николаевна Салтыкова, урожденная Глѣбова. („Салтычиха").

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ (Фрейлина Гамильтонъ) мы высказали, что историческое безсмертіе выпадаетъ иногда на долю такихъ личностей, къ счастію, немногихъ, которыхъ воля зло направленная и вся сумма жизненныхъ условій, неудачно сложившаяся въ недобрый характеръ, даютъ этимъ личностямъ безсмертіе, какъ вѣчный судъ исторіи, какъ несмываемое пятно на несчастной ихъ памяти и какъ позорный приговоръ, имѣющій служить нравственнымъ урокомъ для будущихъ поколѣній. Исторія человѣчества была бы не полна и не правдива, если-бъ она восполняла своимъ безпристрастнымъ изложеніемъ лишь страницы, предназначенныя для свѣтлыхъ явленій прошлаго и для свѣтлыхъ человѣческихъ личностей, а страницы и части страницъ, отведенныя для вписанія на нихъ явленій темныхъ, безъ которыхъ свѣтлыя, по закону контрастовъ, не бываютъ достаточно свѣтлы, и для личностей противоположныхъ свѣтлымъ, безъ сопоставленія съ которыми эти послѣднія казались бы блѣдными, безцвѣтными,—оставляла бѣлыми, неисписанными.

Къ несчастнымъ личностямъ послѣдняго рода принадлежитъ и та, имя которой выставлено нами въ заголовкѣ этого очерка, написаніе котораго здѣсь отчасти объясняется и другими побужденіями, руководившими нашимъ перомъ.

Побужденія эти слѣдующія. Салтыкова, жившая въ восемнадцатомъ вѣкѣ, до настоящаго времени служитъ предметомъ народныхъ разсказовъ, далеко не правдоподобныхъ, преувеличенныхъ; на память „Салтычихи" въ сознаніи русскаго народа легло слишкомъ темное пятно; народъ осудилъ ее въ своемъ легендарномъ творчествѣ болѣе жестоко, чѣмъ осудило ее государство, и жесточе, чѣмъ должна бы осудить исторія.

Снять съ памяти Салтыковой часть этого темнаго пятна и слишкомъ густыя краски, наложенныя на нее временемъ и недостаточнымъ знакомствомъ съ истинною исторіею Салтыковой, вотъ отчасти наша цѣль.

„Въ народѣ, собственно по Москвѣ, — говоритъ одинъ составитель статьи о Салтыковой, на основаніи подлиннаго о ней архивнаго дѣла, — имя „Салтычихи“, чрезвычайно популярное, произносится обыкновенно съ тѣмъ же чувствомъ, какъ имена Пугачова и Разина. Можно и до сихъ поръ услышать, что „Салтычиха“ похищала дѣтей, жарила ихъ и ѣла, вырѣзывала у своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ груди и также употребляла ихъ въ пищу; что первымъ доносчикомъ на нее былъ поваръ, готовившій для нея кушанье изъ человѣческаго мяса.“

Имя Салтыковой стало, слѣдовательно, достояніемъ народа. А такая популярность рѣдко выпадаетъ на долю даже самымъ свѣтлымъ историческимъ личностямъ, на что нельзя не обратить вниманія: народъ, къ крайнему удивленію историка, не всегда и даже, въ большинствѣ случаевъ, очень рѣдко и почти никогда не помнитъ благодѣтелей человѣчества, мало помнитъ тѣхъ, которыхъ принято называть „великими людьми“ или „героями“; мало помнитъ тѣхъ, которые заслужили право на его любовь и которыхъ онъ дѣйствительно любилъ, пока зналъ и помнилъ: онъ мало помнитъ Петра великаго, Екатерину II; но онъ по-своему хорошо помнитъ Грознаго; онъ хорошо, наконецъ, помнитъ такія личности, какія не стоили бы этой памяти; онъ больше помнитъ разбойниковъ, чѣмъ героевъ, и вредныхъ больше, чѣмъ полезныхъ.

Такъ онъ крѣпко запомнилъ и имя несчастной Салтыковой. Съ одной стороны, она засѣла въ его памяти оттого, что о ней въ свое время ходила молва, какъ о какомъ-то чудовищѣ; съ другой—эту молву подкрѣпилъ и указъ императрицы Екатерины II отъ 2-го октября 1765 года, которымъ Салтыкова за свои преступленія осуждена на вѣчное заточеніе въ монастырское подземелье и который повелѣно было тогда въ продолженіе извѣстнаго времени прочитывать народу въ церквахъ. Народъ поэтому и далъ волю своей фантазіи о людоѣдствѣ Салтыковой и пр.

„Но всѣ эти легенды, — заключаетъ помянутый составитель статьи о Салтыковой,—не подтверждаются никакими положительными данными“.

Вотъ поэтому-то тѣмъ болѣе на исторіи лежитъ нравственная обязанность снять съ памяти Салтыковой то, чего она не заслужила, и разоблачить по возможности истинную ея исторію.

„Салтычиха“ была дочь ротмистра лейбъ-гвардіи коннаго полка, Николая Глѣбова, Дарья Николаевна, по мужѣ Салтыкова.

О молодости Салтыковой и о ея воспитаніи мы не имѣемъ никакихъ извѣстій. Была ли это дурно направленная, вслѣдствіе отсутствія воспитанія, воля, или зачатки жестокости лежали въ самомъ характерѣ этой женщины и развились отъ недостатка нравственной сдержки, виновато ли тутъ было отчасти время, отчасти всеобщая ненормальность и ложность отношеній между владѣльцами и подчиненными, или, наконецъ, что всего вѣроятнѣе, вся сумма этихъ дурно сложившихся условій—неизвѣстно; но только Салтыкова, овдовѣвъ, выказала всѣ свои дурныя наклонности, обративъ никѣмъ несдерживаемыя страсти по преимуществу на своихъ

крестьянъ, которыхъ у нея было достаточно. Салтыкова была богатая помѣщица и въ ея непосредственномъ распоряженіи находилось много женщинъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ подмосковномъ имѣніи; жила она то въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ на Срѣтенкѣ, то въ подмосковномъ селѣ Троицкомъ.

Обхожденіе ея съ людьми было, дѣйствительно, до крайности жестокое: за малѣйшую провинность со стороны крестьянъ и особенно дворовыхъ дѣвушекъ и женщинъ Салтыкова неистовствовала, мучила разными способами провинившихся женщинъ, тиранила ихъ съ изысканностью и даже собственноручно убивала до-смерти. Но что бы она, какъ передаетъ народная легенда, ѣла жареныхъ дѣтей, вырѣзывала у женщинъ груди и готовила изъ нихъ себѣ жаркое—эти возмутительныя подробности ничѣмъ не подтверждаются, а, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ народнымъ измышленіямъ изъ цикла крѣпостного еще творчества.

Жестокое обращеніе Салтыковой съ людьми не могло, однако, оставаться тайною. Хотя по тогдашнимъ законамъ крестьяне, „яко дѣти на родителей", не имѣли права жаловаться на своихъ помѣщиковъ, тѣмъ не менѣе жалобы на Салтыкову разными путями и въ разное время поступали въ московскій сыскной приказъ, въ губернскую и полицейскую канцеляріи; но, съ одной стороны, въ виду существовавшаго тогда закона о непринятіи жалобъ отъ крестьянъ на помѣщиковъ, съ другой—въ виду вліятельности такой личности, какъ Салтыкова, власти, какъ говорится въ слѣдственномъ дѣлѣ о Салтыковой, „озадариваемыя" ею, или оставляли жалобы крестьянъ безъ послѣдствій, или же наказывали жалобщиковъ какъ бы за ложные доносы, держали въ заключеніи, били кнутомъ и ссылали въ Сибирь, какъ за не подтверждавшіеся извѣты.

Жалобъ было дѣйствительно много, и все это раскрыто было только впослѣдствіи, когда сама императрица Екатерина II, узнавъ о жестокостяхъ Салтыковой, приказала строжайше изслѣдовать это дѣло.

Такъ, еще 14-го декабря 1757 года крестьяне Салтыковой подали жалобу въ томъ смыслѣ, что помѣщица ихъ, между прочимъ, „жестоко наказавъ розгами крѣпостную дѣвку Аграфену, забила ее собственноручно до-смерти палкою".

Черезъ два почти года, 25-го мая 1758 года, люди Салтыковой жаловались московскимъ властямъ, что, между прочими жестокостями, помѣщица ихъ „изъ своихъ рукъ убила шесть дѣвокъ".

Затѣмъ еще жалобы, найденныя въ дѣлахъ:

Въ октябрѣ того же года, сверхъ шести убитыхъ дѣвокъ, Салтыкова въ своемъ подмосковномъ селѣ Троицкомъ „убила дѣвку Марью".

Въ ноябрѣ—„убила племянника гайдука Хрисанфа".

Потомъ—„забила палками до-смерти дворовую женку Анну Григорьеву".

Наконецъ—„скалкою убила собственноручно жену Ермолая Ильина".

Всѣ эти жалобы, однако, признавались извѣтами, и жалобщики были наказываемы властями очень жестоко, согласно требованіямъ самой Салтыковой.

Выхода, казалось, для крестьянъ не было.

Но вотъ на престолъ вступаетъ добрая государыня, которая торжественно и многократно объявляетъ въ первые же дни послѣ своего воцаренія, что она будетъ „матерью своего народа".

Къ этой императрицѣ крестьяне Салтыковой и обратились въ своемъ горѣ: они подали ей челобитную въ собственныя руки, воспользовавшись удобною минутою, когда государыня находилась въ Москвѣ для своей торжественной коронаціи. Прочитавъ челобитную, государыня высочайше повелѣла: „произвести о помѣщицѣ Салтыковой слѣдствіе".

Слѣдствіе произведено самымъ тщательнымъ образомъ, какъ того требовали и важность дѣла и обращенное на него вниманіе государыни. Все, что было раскрыто слѣдствіемъ, поступило на разсмотрѣніе юстицъколлегіи.

Раскрыты были, дѣйствительно, преступныя дѣла, но не одной Салтыковой, а вмѣстѣ и покрывавшихъ ее властей.

13-го января 1765 года вышло грозное опредѣленіе юстицъ-коллегіи въ виду того, что Дарья Салтыкова, хотя обличаемая обстоятельствами дѣла, многоразличными показаніями и уликами, не сознается, однако, въ своихъ преступленіяхъ, подвергнуть подсудимую пыткѣ.

Но сенатъ не сразу рѣшается на эту жестокую мѣру, тѣмъ болѣе, что сама императрица строго осуждала безнравственность пытокъ и отрицала даже ихъ практическую пользу въ судопроизводствѣ: сенатъ усовѣщивалъ Салтыкову принести полное сознаніе и раскаяніе; а если этого сознанія отъ нея не послѣдуетъ, то только тогда—привлечь подсудимую къ пыткѣ.

Но и тутъ сенатъ не сразу исполняетъ эту мѣру: онъ желаетъ прежде устрашить подсудимую, ужасами вида пытокъ исторгнуть изъ нея чистосердечное признаніе. Сенатъ, „чтобъ показать подсудимой на дѣлѣ всю жестокость розыска", повелѣлъ, предварительно привлеченія къ розыску самой Салтыковой, въ присутствіи ея произвести пытки надъ кѣмъ-либо изъ преступниковъ, уже приговоренныхъ къ пыткамъ.

Но, предварительно этого, къ Салтыковой отправляютъ священника, для словеснаго увѣщанія. Цѣлый мѣсяцъ священникъ бился съ этой неподатливой женщиной — ничто не дѣйствовало; и священникъ доноситъ, что ему не удалось исторгнуть отъ подсудимой „ни признанія, ни раскаянія".

Тогда только Салтыкову ввели въ пыточный застѣнокъ. Но и здѣсь сначала усовѣщивали ее, а когда увидѣли, что все безполезно, стали на ея глазахъ пытать приговореннаго къ пыткамъ преступника. Но что были для Салтыковой пытки!

Салтыкова смотрѣла на эти ужасы, для нея не новые; но — какъ выражается слѣдственное о ней дѣло—„и это страшное испытаніе не имѣло на нее дѣйствія".

Донесли и объ этомъ сенату. Донесли и государынѣ лично; она ужаснулась—такъ это было непохоже на человѣка и на женщину.

Это былъ дѣйствительно „уродъ рода человѣческаго", какъ выразилась императрица.

Затѣмъ слѣдуетъ самый строгій повальный обыскъ о личности Салтыковой. Повальнымъ обыскомъ обнаруживаются крупныя улики противъ подсудимой.

Первая подтвердившаяся улика—подсудимая дворовыхъ своихъ людей морила голодомъ, брила имъ головы и въ колодкахъ заставляла работать для увеличенія ихъ мученій.

Вторая—посторонніе люди часто видѣли крестьянъ Салтыковой, зимою, на ея дворѣ, босыхъ, стоявшихъ подъ ея окнами на морозѣ, съ кровью на рубашкахъ.

Третья—когда Салтыкова убила третью жену у Ермолая Ильина „скалкою и полѣномъ“ и отослала хоронить въ деревню, то сказала мужу покойной:

— Ты хоть на меня въ доносъ пойдешь, ничего не выиграешь, кромѣ развѣ кнута и ссылки, которымъ подвергались и прежніе доносчики.

Замѣчательно, что всѣхъ трехъ женъ Ермолая Ильина Салтыкова убила „скалкою“.

Четвертая улика—всѣхъ прежнихъ на Салтыкову доносителей дѣйствительно били кнутомъ и ссылали въ Сибирь.

Пятая улика—другіе доносители сидѣли въ цѣпяхъ, въ подмосковномъ имѣніи.

Шестая—въ 1759 году дѣйствительно убито шесть дѣвокъ: Арина, Аксинья, Анна, Акулина, Аграфена и другая Аграфена.

Но при этомъ повальнымъ обыскомъ обнаружено было, что наказуемыя жертвы жестокости Салтыковой умирали или подъ ударами, подъ розгами, или послѣ побоевъ, безъ священническаго напутствованія, потому что, если и приводили къ нимъ послѣ наказанія священника, то онъ уже находилъ ихъ безъ языка и они умирали безъ исповѣди.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, послѣдовалъ высочайшій указъ 2-го октября 1765 года. Въ указѣ, между прочимъ, говорится: „сей уродъ рода человѣческаго передъ многими другими убійцами въ свѣтѣ имѣетъ душу совершенно богоотступную и крайне мучительскую“.

Въ заключеніе этого именного указа, государыня выражаетъ свою волю такъ:

„Чего ради повелѣваемъ нашему сенату:

„1) Лишить ее дворянскаго названія и запретить во всей нашей имперіи, чтобы она ни отъ кого никогда, ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ и ни по какимъ дѣламъ впредь, такъ какъ и нынѣ въ семъ нашемъ указѣ именована не была названіемъ рода ни отца своего, ни мужа.

„2) Приказать въ Москвѣ, гдѣ она подъ карауломъ содержится, въ назначенный и во всемъ городѣ обнародованный день вывести ее на площадь и, поставя на эшафотъ, прочесть всенародно заключенную надъ нею въ юстицъ-коллегіи сентенцію, съ исключеніемъ изъ нея, какъ выше сказано, названія родовъ Дарьи Николаевой мужа и отца, съ присовокупленіемъ къ тому сего нашего указа, а потомъ приковать ее стоячею на томъ же эшафотѣ къ столбу и прикрѣпить на шею листъ съ надписью большими словами: „мучительница и душегубица“.

„3) Когда она выстоитъ цѣлый часъ на семъ поносительномъ зрѣлищѣ, то, чтобы лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло предать собственному промыслу творца всѣхъ тварей, приказать, заключа въ желѣзы, отвести оттуда ее въ одинъ изъ женскихъ монастырей и тамъ подлѣ церкви посадить въ нарочно сдѣланную подземную тюрьму, въ которой и содержать по смерть такимъ образомъ, чтобы она ни откуда въ ней свѣту не имѣла. Пищу ей обыкновенную старческую подавать туда со свѣчою, которую опять гасить, какъ скоро заключенная наѣстся, а изъ сего заключенія выводить ее во время каждаго церковнаго служенія въ такое мѣсто, откуда бы она могла оное слышать не входя въ церковь“.

Слѣдуетъ замѣтить одно весьма характеристическое обстоятельство: на поляхъ подлиннаго указа, противъ словъ она, вездѣ собственною рукою императрицы написано—онъ, т. е. „уродъ рода человѣческаго“.

Изъ оставшихся о Салтыковой свѣдѣній видно, что съ 1768 года по 1779 женщина эта сидѣла подъ сводами ивановскаго дѣвичьяго монастыря, въ подземельѣ, а съ 1779 по 1780—въ застѣнкѣ, пристроенномъ къ южной стѣнѣ церкви.

Что было съ нею послѣ того, неизвѣстно.

Въ Полномъ Собраніи дѣйствительно нѣтъ имени Салтыковой, а въ указѣ она названа только Дарьею Николаевой.

Въ послѣднее время изыскатели старины смѣшивали Салтыкову съ княжной Таракановой: смѣшеніе это происходило оттого, что съ теченіемъ времени люди забыли, кто сидѣлъ въ подземельѣ, и одни думали, что это была Тараканова, другіе—Салтыкова.

Утѣшительно думать намъ, живущимъ въ XX вѣкѣ, что подобныя личности, какъ Салтыкова, послѣ 19 февраля 1861 года уже невозможны, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной обстановкѣ.

А что нравственные уроды возможны и теперь - это доказываютъ современные судебные процессы.

Салтыкова же въ свое время не была единственнымъ исключеніемъ: на нее только пала кара оскорбленнаго человѣчества.

Были личности и хуже ея.

III.

Княжна Августа Алексѣевна Тараканова, въ монахиняхъ Досиѳея.

Не болѣе сорока лѣтъ какъ имя княжны Таракановой стало извѣстно въ русскомъ обществѣ и, между тѣмъ, оно пользуется теперь большою популярностью.

Популярностью своей оно обязано извѣстной картинѣ даровитаго, нынѣ уже умершаго художника, Флавицкаго, котораго историческая картина „Княжна Тараканова“ въ первый разъ появилась на петербургской выставкѣ 1863 года.

Картина, какъ всѣмъ извѣстно, изображаетъ молодую и красивую женщину въ тюрьмѣ, въ моментъ наполненія каземата водою отъ бушующаго внѣ тюрьмы наводненія.

Женщина нарисована одѣтою въ бархатное съ атласомъ платье, но уже изорванное, потертое. Въ отчаяніи ломая руки, женщина стоитъ вытянувшись на кровати, спасаясь отъ воды и крысъ, которыя, испуганныя наводненіемъ, бросаются на постель, покрытую грубою овчиной, и цѣпляются за платье заключенной. Бушующая вода врывается въ казематъ черезъ переплетенное желѣзными полосами окно.

Это и есть ужасная смерть княжны Таракановой, погибшей, какъ ошибочно полагали, въ петропавловскомъ казематѣ въ наводненіе 10 сентября 1777 года.

Но есть двѣ княжны Таракановы: одна настоящая, истинная, другая—мнимая, самозванка, и художникъ изобразилъ смерть самозванки, предполагая, по неимѣнію до 1863 года достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о княжнахъ Таракановыхъ, что изображаетъ смерть истинной княжны Таракановой, а не самозванки.

Истинная княжна Тараканова была дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ тайнаго брака ея съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.

Вообще о дѣтяхъ Елизаветы Петровны и Разумовскаго ходило много неточныхъ и сбивчивыхъ свѣдѣній и преданій, изъ которыхъ одно противорѣчило другому; но, къ сожалѣнію, и точныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ сохранилось также мало.

Въ народѣ, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, доселѣ живутъ преданія, какъ въ посадѣ Пучежѣ, напримѣръ, что дочь Елизаветы, Аркадія, находилась будто бы въ этомъ посадѣ при тушавинской церкви, подъ именемъ Варвары Мироновны Назарьевой, или какой-то инокини, умершей въ 1839 году, хотя Варвара Назарьева была совершенно другое лицо; въ другихъ мѣстностяхъ преданія эти варьируются и сводятся то къ имени самой Елизаветы Петровны, то къ имени извѣстнаго уже намъ ссыльнаго и помилованнаго Шубина и т. п.

У иностранныхъ писателей также имѣются свѣдѣнія, конечно, сомнительныя, о дѣтяхъ Елизаветы Петровны: у одного—что Елизавета Петровна имѣла трое дѣтей, дочь княжну Тараканову, и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, приготовляясь къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и вмѣстѣ съ профессоромъ былъ удушенъ испареніями какого-то газа изъ неосторожно разбитой ими реторты; у другого—что у Елизаветы Петровны было двое дѣтей—сынъ, носившій фамилію Закревскаго, и дочь Елизавета Тараканова; у третьяго—что дѣти Елизаветы воспитывались у одной итальянки, Іоанны, въ Италіи, и что Елизавета Тараканова тамъ и умерла.

По русскимъ, болѣе достовѣрнымъ, свѣдѣніямъ извѣстно, что у Елизаветы Петровны отъ брака съ Разумовскимъ было двое дѣтей — сынъ и

дочь. О первомъ письменныхъ свѣдѣній никакихъ не сохранилось, а преданіе передаетъ, что онъ жилъ до начала девятнадцатаго столѣтія въ одномъ изъ монастырей Переяславля-Залѣсскаго и горько жаловался на свою участь.

Дочь же Елизаветы Петровны и Разумовскаго носила имя Августы. На портретѣ Августы, находящемся въ настоятельскихъ кельяхъ московскаго Новоспасскаго монастыря, имѣется слѣдующая надпись: „Принцесса Августа Тараканова, во иноцѣхъ Досиѳея, постриженная въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ по многихъ лѣтѣхъ праведной жизни своей скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ."

Сходство этого портрета съ портретами императрицы Елизаветы Петровны говоритъ о ихъ близкомъ родствѣ.

По свидѣтельству г-жи Головиной, которая училась въ Ивановскомъ монастырѣ и сблизилась тамъ съ Таракановою, послѣдняя называла себя по отчеству Матвѣевною, конечно, вымышленно. По свидѣтельству той же Головиной, инокиня Досиѳея, къ минуту откровенности, взявъ съ нея предварительно клятву—никому до смерти не пересказывать того, что отъ нея услышитъ, разсказала будто бы слѣдующее:

„Это было давно: была одна дѣвица, дочь очень знатныхъ родителей, и воспитывалась она далеко за моремъ въ теплой сторонѣ, образованіе получила блестящее, жила она въ роскоши и почетѣ окруженная большимъ штатомъ прислуги. Одинъ разъ у нея были гости и въ числѣ ихъ одинъ русскій генералъ очень извѣстный въ то время; генералъ этотъ и предложилъ покататься въ шлюпкѣ по взморью; поѣхали съ музыкой, съ пѣснями; а какъ вышли въ море—тамъ стоялъ наготовѣ русскій корабль. Генералъ и говоритъ ей: „Не угодно ли вамъ посмотрѣть на устройство корабля?" Она согласилась, взошла на корабль, а какъ только взошла, ее ужъ силой отвели въ каюту, заперли и приставили къ ней часовыхъ... Черезъ нѣсколько времени нашлись добрые люди, сжалились надъ несчастною — дали ей свободу и распустили слухъ, что она утонула... Много было труда ей укрываться... Чтобы какъ-нибудь не узнали ея, она испортила лицо свое, натирая его лукомъ до того, что оно распухло и разболѣлось, такъ что не осталось и слѣда отъ ея красоты; одѣта она была въ рубище и питалась милостыней, которую выпрашивала на церковныхъ папертяхъ; наконецъ, пошла она къ одной игуменьѣ, женщинѣ благочестивой, открылась ей, и та изъ состраданія пріютила ее у себя въ монастырѣ, рискуя сама подпасть за это подъ отвѣтственность".

Безъ сомнѣнія, это разсказъ искаженный, смѣшанный: онъ, главнымъ образомъ, повѣствуетъ не объ истинной княжнѣ Таракановой, а о загадочной самозванкѣ ея имени, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

До сихъ поръ не установилось мнѣнія относительно того, почему дочь Елизаветы Петровны получила имя княжны Таракановой. Одни утверждаютъ, что по мѣсту рожденія графа Разумовскаго, въ слободѣ Таракановкѣ; но такого селенія въ той мѣстности, гдѣ родился Разумовскій, нѣтъ. Другое предположеніе (хотя предположеніе это, кажется, еще не было

никѣмъ высказано печатно, но мы лично слышали его отъ П. И. Мельникова, составившаго обстоятельное изслѣдованіе о княжнахъ Таракановыхъ)— это то, что княжна Тараканова получила упрочившееся за ней прозвище отъ искаженной фамиліи нѣкоей г-жи Дараганъ, которая жила въ семействѣ графа Разумовскаго и съ которой молоденькая принцесса Августа была отправлена за границу.

Гдѣ воспитывалась, гдѣ жила маленькая принцесса, которой и рожденіе, и жизнь, и смерть окутаны такою глубокою тайной, ничего не извѣстно; но съ вѣроятностью можно предположить, что до сорокалѣтняго возраста она оставалась гдѣ-либо за границею, а уже въ 1765-мъ году, по именному повелѣнію императрицы Екатерины II, привезена была въ Ивановскій монастырь, еще матерью Августы предназначенный „для призрѣнія вдовъ и сиротъ знатныхъ и заслуженныхъ людей“, какъ сказано въ указѣ Елизаветы Петровны, и тамъ пострижена подъ именемъ Досиѳеи.

Конечно, участь эта постигла злосчастную принцессу Августу изъ спра ведливаго опасенія, что ея именемъ и рожденіемъ могутъ воспользоваться для своихъ цѣлей враги царствованія императрицы Екатерины, какъ воспользовались этимъ именемъ поляки, выпустившіе на Россію самозванку Тараканову, и, какъ предполагаютъ, они же выпустили на Россію и зимовейскаго казачьяго хорунжаго Емельяна Ивановича Пугачева.

Двадцать пять лѣтъ прожила инокиня Досиѳея въ монастырѣ, занимая особыя каменныя кельи въ одноэтажной постройкѣ, примыкавшей къ восточной части монастырской ограды, близъ покоевъ самой матери-игуменьи.

Помѣщеніе бывшей принцессы составляли двѣ уютныя комнатки со сводами и прихожая для келейницы приставницы. Ихъ нагрѣвала изразцовая печь съ лежанкой, по-старинному; окна келій были обращены на монастырь.

На содержаніе инокини Досиѳеи отпускалась изъ казначейства особая сумма, и бывшая принцесса никогда не присутствовала при общей монастырской трапезѣ, а имѣла особый столъ, обильный и изысканный. Иногда на имя инокини Досиѳеи игуменья получала значительныя суммы отъ неизвѣстныхъ лицъ, конечно, отъ родныхъ своего отца, графа Разумовскаго, и деньги эти инокиня раздавала нищимъ, дѣлила между бѣдными и употребляла на украшеніе монастырскихъ церквей.

Въ первые двадцать лѣтъ своего заключенія въ монастырѣ Досиѳея была положительно ни для кого не видима: ее могли навѣщать только мать игуменья, духовникъ, причетникъ и московскій купецъ Шепелевъ, торговавшій чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ. Предполагаютъ, что Шепелевъ этотъ былъ родственникъ извѣстной уже намъ Мавры Егоровны Шепелевой, любимѣйшей наперсницы императрицы Елизаветы Петровны и супруги временщика этой государыни—Шувалова.

Такое строгое уединеніе Досиѳеи было, конечно, указано самою императрицею Екатериною II, которая, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, много измѣнилась въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ была она при

началѣ своего царствованія, и стала ко всему относиться подозрительнѣе и во всемъ видѣть опасность.

Но когда Екатерина скончалась, жизнь Досиѳеи стала нѣсколько свободнѣе: къ ней не опасались пріѣзжать иногда высшіе сановники Москвы, и въ томъ числѣ митрополитъ Платонъ, навѣщавшій знаменитую своимъ рожденіемъ инокиню по большимъ праздникамъ. Посѣщало ея келью и долго бесѣдовало съ затворницею, между прочимъ, и одно лицо изъ императорской фамиліи.

Въ это время, вѣроятно, имѣла къ ней доступъ и Головина, если только приписываемый ей разсказъ о Досиѳеѣ не принадлежитъ къ области вымысловъ позднѣйшей редакціи.

Безъ сомнѣнія, были какія-либо особыя причины, заставлявшія Досиѳею быть до крайности робкой: до самой смерти она все чего-то боялась и при всякомъ шорохѣ, при всякомъ стукѣ въ дверь, блѣднѣла и тряслась всѣмъ тѣломъ.

Конечно, робость затворницы могла происходить отъ какихъ-либо словъ, угрозъ, предупрежденій, которыя, при свиданіи съ нею передъ заточеніемъ, могла и должна была сказать ей Екатерина въ огражденіе собственныхъ интересовъ и спокойствія государства.

Робость заключенной выражалась даже и въ томъ, что, никѣмъ не преслѣдуемая въ своемъ монастырскомъ уединеніи, она не рѣшалась даже оставить при себѣ портретъ своей матери, портретъ покойной императрицы Елизаветы Петровны, на что она имѣла право даже, не какъ дочь, а какъ всякая подданная: послѣ долгаго колебанія она сожгла его вмѣстѣ съ какими-то хранившимися у нея бумагами.

Таинственностью имени заключенной обусловливалась и вся внѣшняя обстановка ея монастырской жизни. Досиѳея никогда не ходила на общія монастырскія богослуженія, а если и бывала въ церкви, то не въ тѣ часы, въ которые совершалась общая служба. Для Досиѳеи совершалось одиночное богослуженіе: въ назначенные для этого часы таинственная инокиня, въ сопровожденіи приставленной къ ней монахини, одна выходила изъ своихъ келій, и отдѣльнымъ корридоромъ, а потомъ крытою лѣстницею проходила прямо въ церковь, устроенную надъ монастырскими воротами. Когда инокиня входила въ церковь, то двери запирались и богослуженіе совершалось для нея одной ея духовникомъ и особо приставленными причетниками. Такимъ образомъ, въ церковь никто не могъ войти и видѣть лицо таинственной инокини. Мало того, когда кто-либо изъ монастырскихъ или постороннихъ подходилъ къ окнамъ ея келій, то монастырскій служитель обязанъ былъ отгонять ихъ.

Мы уже видѣли, что подобной таинственностью окружено было и заточеніе второй невѣсты императора Петра II, княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой, когда она находилась въ заключеніи въ новгородскомъ горицкомъ воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ: и тамъ даже дѣтей наказывали за то, что они въ замочную скважину хотѣли увидѣть таинственную узницу.

Разсказываютъ, что, когда Досиѳея находилась въ монастырѣ и въ то время знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, по смерти уже императрицы Екатерины II, доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ, онъ никогда не рѣшался ѣздить даже мимо ивановскаго монастыря, а всегда старался объѣздомъ миновать это почему-то непріятное для него мѣсто.

Послѣ мы увидимъ, что мѣсто это дѣйствительно могло возбуждать въ немъ непріятныя воспоминанія: Орловъ обманомъ взялъ въ Италіи знаменитаго двойника инокини Досиѳеи или княжны Таракановой, другую княжну Тараканову, самозванку, которая и погибла въ петропавловской крѣпости во время наводненія. Орловъ могъ думать, что въ Ивановскомъ монастырѣ сидитъ именно та княжна Тараканова, которую онъ хитростью арестовалъ въ Италіи въ то время, когда интрига ея раскинула сѣти почти на всю Европу.

Можно себѣ представить однообразіе жизни заключенной и томительную скуку этого однообразія, особенно послѣ того, какъ въ молодости заключенная могла извѣдать иную жизнь, видѣла Европу, могла и имѣла право разсчитывать, какъ дочь русской императрицы и русскаго вельможи, на блестящую партію и счастливую жизнь, хотя бы какъ частная особа.

Въ монастырѣ она всѣ дни проводила за молитвой, за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и за рукодѣльемъ. Всѣ результаты ея труда шли на бѣдныхъ и на нищихъ.

Такъ прошло двадцать пять безконечныхъ лѣтъ до самой смерти.

Послѣдніе годы бывшая княжна Тараканова доживала уже въ совершенномъ безмолвіи, и на нее смотрѣли какъ на праведную.

А, между тѣмъ, обрекшая себя на молчаніе княжна знала и иностранные языки, но ей не съ кѣмъ было говорить въ монастырѣ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ она объяснялась въ своей молодости и на свободѣ. Старый причетникъ, долго жившій послѣ нея, разсказывалъ, однако, что къ Досиѳеѣ какъ-то разъ были допущены игуменьей какія-то важныя особы: здѣсь только, съ этими гостями, узница говорила на какомъ-то иностранномъ языкѣ.

Таинственность сопровождала ее и въ могилу: имени ни инокини Досиѳеи, ни княжны Таракановой не осталось даже въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ.

Какъ печальный остатокъ XVIII вѣка, княжна Тараканова не дожила до памятнаго двѣнадцатаго года; она скончалась 4-го февраля 1810 года, ветхой уже старушкой, шестидесяти четырехъ лѣтъ, хотя на портретѣ время смерти ея обозначено 1806 годомъ.

Какъ скромна и безмолвна была послѣдняя половина жизни княжны Таракановой, такъ публичны и пышны были ея похороны: со смертью она переставала быть опасной для кого и для чего бы то ни было.

Похороны эти почтилъ своимъ присутствіемъ главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, мужъ графини Прасковьи Кирилловны

Разумовской, которая была, слѣдовательно, двоюродною сестрою усопшей княжны. Гудовичъ явился на выносъ въ полномъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ. На выносъ съѣхалась вся служебная знать Москвы—сенаторы, члены опекунскаго совѣта и обломки екатерининскаго и елизаветинскаго еще времени старые вельможи, доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ, по привычкѣ; вся эта знать была въ мундирахъ.

Одинъ Платонъ, знаменитый митрополитъ и ораторъ екатерининскаго времени, по болѣзни, не могъ отпѣвать дочери Елизаветы Петровны: похороны совершалъ его викарій, дмитровскій епископъ Августинъ, съ соборомъ старшаго московскаго духовенства.

Наконецъ, толпы народа сопровождали тѣло дочери покойной императрицы. Княжна Тараканова похоронена не въ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ жила до смерти, и не на общемъ кладбищѣ, а тамъ, гдѣ покоились тѣла всѣхъ ея предковъ, отъ XVII еще столѣтія, именно въ родовой усыпальницѣ бояръ, царственнаго впослѣдствіи, дома Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Могилу княжны Таракановой и теперь указываютъ у восточной ограды монастыря, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122-мъ.

Дикій надгробный камень надъ прахомъ княжны Таракановой гласитъ:

„Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 г. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года.

„Боже, всели ее въ вѣчныхъ твоихъ обителяхъ!“

О наружности княжны Таракановой говорятъ, что она была средняго роста, нѣсколько худощава и чрезвычайно стройна. Въ молодости она должна была быть необычайной красоты, какою отличались и мать ея и отецъ: обѣ дочери Петра Великаго имѣли замѣчательно красивую наружность, и красота эта перешла къ его несчастной внучкѣ, которой суждена была такая трогательная безвѣстность. Княжна Тараканова даже въ старости, несмотря на многолѣтнее монастырское заключеніе, сохраняла остатки далеко не заурядной красоты.

Что же касается ея характера, то она, по свидѣтельству знавшихъ ее, была кротка до робости, а горькую участь свою сносила безропотно.

Вообще, печальная участь этой женщины, и вся ея загадочная, укрытая въ непроницаемую тайну жизнь до сорокалѣтняго возраста, потомъ двадцатипятилѣтнее безмолвное пребываніе въ монастырѣ не могутъ не возбуждать глубокаго сочувствія: это была искупительная жертва тяжелой необходимости во имя спокойствія цѣлой страны, которая была ея родиною.

Передъ своимъ вѣчнымъ заключеніемъ княжна имѣла свиданіе съ Екатериной. Императрица, въ виду постигшей уже Россію смуты, пугачовщины, въ виду, наконецъ, другой готовящейся смуты, когда именемъ княжны Таракановой-самозванки хотѣли поднять на Россію Францію и Турцію, должна была объявить несчастной дочери Елизаветы Петровны, что уда-

Разсказываютъ, что, когда Досиөея находилась въ монастырѣ и въ то время знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, по смерти уже императрицы Екатерины II, доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ, онъ никогда не рѣшался ѣздить даже мимо ивановскаго монастыря, а всегда старался объѣздомъ миновать это почему-то непріятное для него мѣсто.

Послѣ мы увидимъ, что мѣсто это дѣйствительно могло возбуждать въ немъ непріятныя воспоминанія: Орловъ обманомъ взялъ въ Италіи знаменитаго двойника инокини Досиөеи или княжны Таракановой, другую княжну Тараканову, самозванку, которая и погибла въ петропавловской крѣпости во время наводненія. Орловъ могъ думать, что въ Ивановскомъ монастырѣ сидитъ именно та княжна Тараканова, которую онъ хитростью арестовалъ въ Италіи въ то время, когда интрига ея раскинула сѣти почти на всю Европу.

Можно себѣ представить однообразіе жизни заключенной и томительную скуку этого однообразія, особенно послѣ того, какъ въ молодости заключенная могла извѣдать иную жизнь, видѣла Европу, могла и имѣла право разсчитывать, какъ дочь русской императрицы и русскаго вельможи, на бл естящую партію и счастливую жизнь, хотя бы какъ частная особа.

Въ монастырѣ она всѣ дни проводила за молитвой, за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и за рукодѣльемъ. Всѣ результаты ея труда шли на бѣдныхъ и на нищихъ.

Такъ прошло двадцать пять безконечныхъ лѣтъ до самой смерти.

Послѣдніе годы бывшая княжна Тараканова доживала уже въ совершенномъ безмолвіи, и на нее смотрѣли какъ на праведную.

А, между тѣмъ, обрекшая себя на молчаніе княжна знала и иностранные языки, но ей не съ кѣмъ было говорить въ монастырѣ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ она объяснялась въ своей молодости и на свободѣ. Старый причетникъ, долго жившій послѣ нея, разсказывалъ, однако, что къ Досиөеѣ какъ-то разъ были допущены игуменьей какія-то важныя особы: здѣсь только, съ этими гостями, узница говорила на какомъ-то иностранномъ языкѣ.

Таинственность сопровождала ее и въ могилу: имени ни инокини Досиөеи, ни княжны Таракановой не осталось даже въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ.

Какъ печальный остатокъ XVIII вѣка, княжна Тараканова не дожила до памятнаго двѣнадцатаго года; она скончалась 4-го февраля 1810 года, ветхой уже старушкой, шестидесяти четырехъ лѣтъ, хотя на портретѣ время смерти ея обозначено 1806 годомъ.

Какъ скромна и безмолвна была послѣдняя половина жизни княжны Таракановой, такъ публичны и пышны были ея похороны: со смертью она переставала быть опасной для кого и для чего бы то ни было.

Похороны эти почтилъ своимъ присутствіемъ главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, мужъ графини Прасковьи Кирилловны

Разумовской, которая была, слѣдовательно, двоюродною сестрою усопшей княжны. Гудовичъ явился на выносъ въ полномъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ. На выносъ съѣхалась вся служебная знать Москвы—сенаторы, члены опекунскаго совѣта и обломки екатерининскаго и елизаветинскаго еще времени старые вельможи, доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ, по привычкѣ; вся эта знать была въ мундирахъ.

Одинъ Платонъ, знаменитый митрополитъ и ораторъ екатерининскаго времени, по болѣзни, не могъ отпѣвать дочери Елизаветы Петровны: похороны совершалъ его викарій, дмитровскій епископъ Августинъ, съ соборомъ старшаго московскаго духовенства.

Наконецъ, толпы народа сопровождали тѣло дочери покойной императрицы. Княжна Тараканова похоронена не въ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ жила до смерти, и не на общемъ кладбищѣ, а тамъ, гдѣ покоились тѣла всѣхъ ея предковъ, отъ XVII еще столѣтія, именно въ родовой усыпальницѣ бояръ, царственнаго впослѣдствіи, дома Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Могилу княжны Таракановой и теперь указываютъ у восточной ограды монастыря, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122-мъ.

Дикій надгробный камень надъ прахомъ княжны Таракановой гласитъ:

„Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 г. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года.

„Боже, всели ее въ вѣчныхъ твоихъ обителяхъ!“

О наружности княжны Таракановой говорятъ, что она была средняго роста, нѣсколько худощава и чрезвычайно стройна. Въ молодости она должна была быть необычайной красоты, какою отличались и мать ея и отецъ: обѣ дочери Петра Великаго имѣли замѣчательно красивую наружность, и красота эта перешла къ его несчастной внучкѣ, которой суждена была такая трогательная безвѣстность. Княжна Тараканова даже въ старости, несмотря на многолѣтнее монастырское заключеніе, сохраняла остатки далеко не заурядной красоты.

Что же касается ея характера, то она, по свидѣтельству знавшихъ ее, была кротка до робости, а горькую участь свою сносила безропотно.

Вообще, печальная участь этой женщины, и вся ея загадочная, укрытая въ непроницаемую тайну жизнь до сорокалѣтняго возраста, потомъ двадцатипятилѣтнее безмолвное пребываніе въ монастырѣ не могутъ не возбуждать глубокаго сочувствія: это была искупительная жертва тяжелой необходимости во имя спокойствія цѣлой страны, которая была ея родиною.

Передъ своимъ вѣчнымъ заключеніемъ княжна имѣла свиданіе съ Екатериной. Императрица, въ виду постигшей уже Россію смуты, пугачовщины, въ виду, наконецъ, другой готовящейся смуты, когда именемъ княжны Таракановой-самозванки хотѣли поднять на Россію Францію и Турцію, должна была объявить несчастной дочери Елизаветы Петровны, что уда-

Разсказываютъ, что, когда Досиѳея находилась въ монастырѣ и въ то время знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, по смерти уже императрицы Екатерины II, доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ, онъ никогда не рѣшался ѣздить даже мимо ивановскаго монастыря, а всегда старался объѣздомъ миновать это почему-то непріятное для него мѣсто.

Послѣ мы увидимъ, что мѣсто это дѣйствительно могло возбуждать въ немъ непріятныя воспоминанія: Орловъ обманомъ взялъ въ Италіи знаменитаго двойника инокини Досиѳеи или княжны Таракановой, другую княжну Тараканову, самозванку, которая и погибла въ петропавловской крѣпости во время наводненія. Орловъ могъ думать, что въ Ивановскомъ монастырѣ сидитъ именно та княжна Тараканова, которую онъ хитростью арестовалъ въ Италіи въ то время, когда интрига ея раскинула сѣти почти на всю Европу.

Можно себѣ представить однообразіе жизни заключенной и томительную скуку этого однообразія, особенно послѣ того, какъ въ молодости заключенная могла извѣдать иную жизнь, видѣла Европу, могла и имѣла право разсчитывать, какъ дочь русской императрицы и русскаго вельможи, на блестящую партію и счастливую жизнь, хотя бы какъ частная особа.

Въ монастырѣ она всѣ дни проводила за молитвой, за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и за рукодѣльемъ. Всѣ результаты ея труда шли на бѣдныхъ и на нищихъ.

Такъ прошло двадцать пять безконечныхъ лѣтъ до самой смерти.

Послѣдніе годы бывшая княжна Тараканова доживала уже въ совершенномъ безмолвіи, и на нее смотрѣли какъ на праведную.

А, между тѣмъ, обрекшая себя на молчаніе княжна знала и иностранные языки, но ей не съ кѣмъ было говорить въ монастырѣ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ она объяснялась въ своей молодости и на свободѣ. Старый причетникъ, долго жившій послѣ нея, разсказывалъ, однако, что къ Досиѳеѣ какъ-то разъ были допущены игуменьей какія-то важныя особы: здѣсь только, съ этими гостями, узница говорила на какомъ-то иностранномъ языкѣ.

Таинственность сопровождала ее и въ могилу: имени ни инокини Досиѳеи, ни княжны Таракановой не осталось даже въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ.

Какъ печальный остатокъ XVIII вѣка, княжна Тараканова не дожила до памятнаго двѣнадцатаго года; она скончалась 4-го февраля 1810 года, ветхой уже старушкой, шестидесяти четырехъ лѣтъ, хотя на портретѣ время смерти ея обозначено 1806 годомъ.

Какъ скромна и безмолвна была послѣдняя половина жизни княжны Таракановой, такъ публичны и пышны были ея похороны: со смертью она переставала быть опасной для кого и для чего бы то ни было.

Похороны эти почтилъ своимъ присутствіемъ главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, мужъ графини Прасковьи Кирилловны

Разумовской, которая была, слѣдовательно, двоюродною сестрою усопшей княжны. Гудовичъ явился на выносъ въ полномъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ. На выносъ съѣхалась вся служебная знать Москвы—сенаторы, члены опекунскаго совѣта и обломки екатерининскаго и елизаветинскаго еще времени старые вельможи, доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ, по привычкѣ; вся эта знать была въ мундирахъ.

Одинъ Платонъ, знаменитый митрополитъ и ораторъ екатерининскаго времени, по болѣзни, не могъ отпѣвать дочери Елизаветы Петровны: похороны совершалъ его викарій, дмитровскій епископъ Августинъ, съ соборомъ старшаго московскаго духовенства.

Наконецъ, толпы народа сопровождали тѣло дочери покойной императрицы. Княжна Тараканова похоронена не въ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ жила до смерти, и не на общемъ кладбищѣ, а тамъ, гдѣ покоились тѣла всѣхъ ея предковъ, отъ XVII еще столѣтія, именно въ родовой усыпальницѣ бояръ, царственнаго впослѣдствіи, дома Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Могилу княжны Таракановой и теперь указываютъ у восточной ограды монастыря, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122-мъ.

Дикій надгробный камень надъ прахомъ княжны Таракановой гласитъ:

„Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавщейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 г. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года.

„Боже, всели ее въ вѣчныхъ твоихъ обителяхъ!“

О наружности княжны Таракановой говорятъ, что она была средняго роста, нѣсколько худощава и чрезвычайно стройна. Въ молодости она должна была быть необычайной красоты, какою отличались и мать ея и отецъ: обѣ дочери Петра Великаго имѣли замѣчательно красивую наружность, и красота эта перешла къ его несчастной внучкѣ, которой суждена была такая трогательная безвѣстность. Княжна Тараканова даже въ старости, несмотря на многолѣтнее монастырское заключеніе, сохраняла остатки далеко не заурядной красоты.

Что же касается ея характера, то она, по свидѣтельству знавшихъ ее, была кротка до робости, а горькую участь свою сносила безропотно.

Вообще, печальная участь этой женщины, и вся ея загадочная, укрытая въ непроницаемую тайну жизнь до сорокалѣтняго возраста, потомъ двадцатипятилѣтнее безмолвное пребываніе въ монастырѣ не могутъ не возбуждать глубокаго сочувствія: это была искупительная жертва тяжелой необходимости во имя спокойствія цѣлой страны, которая была ея родиною.

Передъ своимъ вѣчнымъ заключеніемъ княжна имѣла свиданіе съ Екатериной. Императрица, въ виду постигшей уже Россію смуты, пугачовщины, въ виду, наконецъ, другой готовящейся смуты, когда именемъ княжны Таракановой-самозванки хотѣли поднять на Россію Францію и Турцію, должна была объявить несчастной дочери Елизаветы Петровны, что уда-

Разсказываютъ, что, когда Досиѳея находилась въ монастырѣ и въ то время знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, по смерти уже императрицы Екатерины II, доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ, онъ никогда не рѣшался ѣздить даже мимо ивановскаго монастыря, а всегда старался объѣздомъ миновать это почему-то непріятное для него мѣсто.

Послѣ мы увидимъ, что мѣсто это дѣйствительно могло возбуждать въ немъ непріятныя воспоминанія: Орловъ обманомъ взялъ въ Италіи знаменитаго двойника инокини Досиѳеи или княжны Таракановой, другую княжну Тараканову, самозванку, которая и погибла въ петропавловской крѣпости во время наводненія. Орловъ могъ думать, что въ Ивановскомъ монастырѣ сидитъ именно та княжна Тараканова, которую онъ хитростью арестовалъ въ Италіи въ то время, когда интрига ея раскинула сѣти почти на всю Европу.

Можно себѣ представить однообразіе жизни заключенной и томительную скуку этого однообразія, особенно послѣ того, какъ въ молодости заключенная могла извѣдать иную жизнь, видѣла Европу, могла и имѣла право разсчитывать, какъ дочь русской императрицы и русскаго вельможи, на бл естящую партію и счастливую жизнь, хотя бы какъ частная особа.

Въ монастырѣ она всѣ дни проводила за молитвой, за чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ и за рукодѣльемъ. Всѣ результаты ея труда шли на бѣдныхъ и на нищихъ.

Такъ прошло двадцать пять безконечныхъ лѣтъ до самой смерти.

Послѣдніе годы бывшая княжна Тараканова доживала уже въ совершенномъ безмолвіи, и на нее смотрѣли какъ на праведную.

А, между тѣмъ, обрекшая себя на молчаніе княжна знала и иностранные языки, но ей не съ кѣмъ было говорить въ монастырѣ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ она объяснялась въ своей молодости и на свободѣ. Старый причетникъ, долго жившій послѣ нея, разсказывалъ, однако, что къ Досиѳеѣ какъ-то разъ были допущены игуменьей какія-то важныя особы: здѣсь только, съ этими гостями, узница говорила на какомъ-то иностранномъ языкѣ.

Таинственность сопровождала ее и въ могилу: имени ни инокини Досиѳеи, ни княжны Таракановой не осталось даже въ клировыхъ монастырскихъ вѣдомостяхъ.

Какъ печальный остатокъ XVIII вѣка, княжна Тараканова не дожила до памятнаго двѣнадцатаго года; она скончалась 4-го февраля 1810 года, ветхой уже старушкой, шестидесяти четырехъ лѣтъ, хотя на портретѣ время смерти ея обозначено 1806 годомъ.

Какъ скромна и безмолвна была послѣдняя половина жизни княжны Таракановой, такъ публичны и пышны были ея похороны: со смертью она переставала быть опасной для кого и для чего бы то ни было.

Похороны эти почтилъ своимъ присутствіемъ главнокомандующій Москвы, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, мужъ графини Прасковьи Кирилловны

Разумовской, которая была, слѣдовательно, двоюродною сестрою усопшей княжны. Гудовичъ явился на выносъ въ полномъ мундирѣ и въ андреевской лентѣ. На выносъ съѣхалась вся служебная знать Москвы—сенаторы, члены опекунскаго совѣта и обломки екатерининскаго и елизаветинскаго еще времени старые вельможи, доживавшіе свой вѣкъ въ Москвѣ, по привычкѣ; вся эта знать была въ мундирахъ.

Одинъ Платонъ, знаменитый митрополитъ и ораторъ екатерининскаго времени, по болѣзни, не могъ отпѣвать дочери Елизаветы Петровны: похороны совершалъ его викарій, дмитровскій епископъ Августинъ, съ соборомъ старшаго московскаго духовенства.

Наконецъ, толпы народа сопровождали тѣло дочери покойной императрицы. Княжна Тараканова похоронена не въ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ жила до смерти, и не на общемъ кладбищѣ, а тамъ, гдѣ покоились тѣла всѣхъ ея предковъ, отъ XVII еще столѣтія, именно въ родовой усыпальницѣ бояръ, царственнаго впослѣдствіи, дома Романовыхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Могилу княжны Таракановой и теперь указываютъ у восточной ограды монастыря, по лѣвую сторону монастырской колокольни, подъ № 122-мъ.

Дикій надгробный камень надъ прахомъ княжны Таракановой гласитъ:

„Подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшей о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ двадцать пять лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 г. Всего ея житія было шестьдесятъ четыре года.

„Боже, всели ее въ вѣчныхъ твоихъ обителяхъ!“

О наружности княжны Таракановой говорятъ, что она была средняго роста, нѣсколько худощава и чрезвычайно стройна. Въ молодости она должна была быть необычайной красоты, какою отличались и мать ея и отецъ: обѣ дочери Петра Великаго имѣли замѣчательно красивую наружность, и красота эта перешла къ его несчастной внучкѣ, которой суждена была такая трогательная безвѣстность. Княжна Тараканова даже въ старости, несмотря на многолѣтнее монастырское заключеніе, сохраняла остатки далеко не заурядной красоты.

Что же касается ея характера, то она, по свидѣтельству знавшихъ ее, была кротка до робости, а горькую участь свою сносила безропотно.

Вообще, печальная участь этой женщины, и вся ея загадочная, укрытая въ непроницаемую тайну жизнь до сорокалѣтняго возраста, потомъ двадцатипятилѣтнее безмолвное пребываніе въ монастырѣ не могутъ не возбуждать глубокаго сочувствія: это была искупительная жертва тяжелой необходимости во имя спокойствія цѣлой страны, которая была ея родиною.

Передъ своимъ вѣчнымъ заключеніемъ княжна имѣла свиданіе съ Екатериной. Императрица, въ виду постигшей уже Россію смуты, пугачовщины, въ виду, наконецъ, другой готовящейся смуты, когда именемъ княжны Таракановой-самозванки хотѣли поднять на Россію Францію и Турцію, должна была объявить несчастной дочери Елизаветы Петровны, что уда-

леніе ея отъ свѣта будетъ искупительною жертвою за Россію, которую могли ожидать новыя смуты и потрясенія, если именемъ дочери Елизаветы Петровны воспользуются враги существующаго порядка,—и княжна должна была принять на себя эту великую жертву.

IV.

Княжна Тараканова-самозванка.

Намъ предстоитъ теперь познакомиться съ другою, еще болѣе чѣмъ княжна Августа Тараканова таинственною и загадочною личностью прошлаго вѣка.

XVIII вѣкъ, несмотря на то, что событія его и лица, въ немъ жившія и дѣйствовавшія, еще такъ недалеко отошли отъ насъ, невольно поражаетъ какою-то рѣзкостью, какою-то, повидимому, логическою несообразностью въ постановкѣ этихъ событій одного около другого, въ вытекаемости тѣхъ или другихъ историческихъ явленій изъ тѣхъ или другихъ историческихъ причинъ, невѣроятностью контрастовъ и противорѣчій между тѣмъ, что дѣлалось, и тѣмъ, что изъ этого выходило.

Въ XVIII вѣкѣ, повидимому, все невозможное было возможно и возможное оказывалось невозможнымъ.

Событія и личности, о которыхъ намъ предстоитъ говорить, дѣлаютъ, повидимому, чудеса, достигаютъ неимовѣрныхъ результатовъ и, въ концѣ концовъ, эти результаты исчезаютъ какъ дымъ, и исторія продолжаетъ идти своею мѣрною „тихою стопою“.

Люди этого вѣка—одни захватываютъ на свои плечи, повидимому, непосильныя тяжести, выносятъ эти тяжести, куда влечетъ ихъ историческая волна, а потомъ сами смываются этою волною, другіе изъ неизвѣстности и ничтожества этою же историческою волною возносятся на недосягаемую высоту, и снова падаютъ, уносятся куда-то изъ глазъ исторіи или, какъ мелкія щепки послѣ морского отлива, остаются на берегу и перегниваютъ вмѣстѣ съ другимъ мусоромъ.

Тутъ чернорабочій царь, говорятъ, прорубаетъ окно въ Европу, дѣлаетъ чудеса на неподвижномъ русскомъ востокѣ; но окно оказывается слишкомъ широкимъ; въ него, говорятъ, врывается сквозной вѣтеръ, и окно мало-по-малу, съ теченіемъ времени, наполовину заколачиваютъ, забиваютъ досками.

Тамъ рыбачій сынъ изъ Холмогоръ, не видавшій ни Россіи, ни Европы, хочетъ взвалить на свои единственныя плечи и русскую науку, и создать русскую литературу и ученый языкъ, хочетъ совмѣстить въ себѣ всю академію Россіи,—и дѣйствительно, совершаетъ такіе подвиги, какіе греки приписали бы своимъ полубогамъ и героямъ. Но этотъ силачъ исчезаетъ, и исторія идетъ своею „тихою стопою“.

Бѣдная полонянка, приведенная въ русскій станъ въ одной сорочкѣ, надѣваетъ впослѣдствіи императорскую порфиру и корону.

Сынъ виноторговца правитъ почти всею русскою страною; кончаетъ—въ кунсткамерѣ, въ банкѣ со спиртомъ.

Какой-нибудь деревенскій пѣвчій казаченокъ дѣлается графомъ двухъ великихъ имперій, супругомъ великой государыни, а интригою, построенною на имени его дочери, волнуется вся западная Европа.

Какой-нибудь зимовейскій казакъ, косившій сѣно по найму, предъявляетъ права на всероссійскій престолъ и отхватываетъ едва не полъ-Россіи подъ свою власть, и никто не знаетъ, какой невидимый духъ сидѣлъ въ этомъ загадочномъ казакѣ и руководилъ имъ.

Какая-то дочь нюренбергскаго булочника становится не только владѣтельною особою, но путеводительною политическою звѣздою нѣсколькихъ могущественныхъ нѣкогда державъ—и кончаетъ тѣмъ, что умираетъ въ Петропавловской крѣпости простою арестанткою и оставляетъ слѣды своего существованія лишь на кронверкѣ той крѣпости въ видѣ небольшой могильной насыпи и посаженной на этомъ мѣстѣ бѣлой березы.

Вообще личность, извѣстная болѣе подъ именемъ княжны Таракановой за всѣми послѣдними историческими изслѣдованіями, остается загадачною не вполнѣ разгаданною.

Полагаютъ, что это—орудіе польской интриги, польской мести Россіи за первый раздѣлъ Польши. Даже пугачовщину объясняютъ не иначе, какъ косвеннымъ отраженіемъ этой исторической мести нашихъ сосѣдей, которые и въ XVII вѣкѣ, за неудачи свои въ русской Литвѣ, за неудачи іезуитовъ у Грознаго выслали на Россію перваго самозванца и дали ему въ помощницы Марину Мнишекъ.

„Пугачовскій бунтъ,—говоритъ новѣйшій русскій біографъ княжны Таракановой, обстоятельно изобразившій эту личность,—доселѣ еще не разъясненъ вполнѣ и со всѣхъ сторонъ. Дѣло о Пугачовскомъ бунтѣ, котораго не показали Пушкину, до сихъ поръ запечатано, и никто еще изъ изслѣдователей русской исторіи вполнѣ имъ не пользовался. Пугачовскій бунтъ былъ не просто мужицкій бунтъ, и руководителями его были не донской казакъ зимовейской станицы и его пьяные и кровожадные сообщники. Мы не знаемъ, насколько въ этомъ дѣлѣ принимали участіе поляки, но не можемъ и отрицать, чтобъ они были совершенно непричастны этому дѣлу. Въ шайкахъ Пугачова было нѣсколько людей, подвизавшихся до того въ барской конфедераціи.

„Враждебники Россіи и Екатерины,—продолжаетъ онъ,—кто бы они ни были, устроивъ дѣла самозванца на востокѣ Россіи, не замедлили поставить и самозванку, которая, по ихъ замысламъ, должна была одновременно съ Пугачовымъ явиться среди русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ, и возмутить ихъ противъ императрицы Екатерины. Это дѣло—безспорно польское дѣло. Князю Радзивиллу или, вѣрнѣе сказать его приближеннымъ, ибо у самаго „пана коханка“ едва ли бы достало на то смысла, пришла затѣйная мысль изъ западной Европы выпустить на Екатерину еще самозваннаго претендента на русскій престолъ. Но подъ

чьимъ же именемъ выпустить на свѣтъ претендента? Подъ именемъ Петра III уже явился Пугачовъ, и кромѣ него въ восточной части Россіи уже прежде того являлось нѣсколько Петровъ. Императора Ивана Антоновича, не задолго передъ тѣмъ убитаго въ Шлиссельбургѣ, выставить было нельзя, ибо всѣмъ было извѣстно, что этотъ несчастный государь, въ одиночномъ съ самаго младенчества заключеніи, сдѣлался совершеннымъ идіотомъ, неспособнымъ ни къ какой дѣятельности; притомъ же исторія покушенія Мировича и гибели Ивана Антоновича была хорошо всѣмъ извѣстна. Оставались дѣти Елизаветы Петровны. Правда, они никогда не были объявлены, но объ ихъ существованіи знали, хотя и не знали, гдѣ они находятся. Таинственность, которою были окружены Таракановы, неизвѣстность объ ихъ участи и мѣстопребываніи не мало способствовали успѣху задумавшихъ выставить на политическую арену новаго претендента на престолъ, занимаемый Екатериной".

Вотъ какъ думаютъ объяснить происхожденіе таинственной личности, извѣстной подъ именемъ княжны Таракановой, этого второго Гришки Отрепьева въ юбкѣ, кончившаго, впрочемъ, еще болѣе несчастливо, чѣмъ первый.

Извѣстно, что въ самомъ началѣ знаменитой исторической трилогіи, записанной въ исторіи подъ именемъ трехъ раздѣловъ Польши, толпы польскихъ эмигрантовъ хлынули за границу. Въ числѣ ихъ былъ и знаменитый князь Казиміръ Радзивиллъ, палатинъ виленскій—этотъ полубогъ польской шляхты, жившій и перешедшій на страницы исторіи подъ именемъ „пане коханку".

Въ 1767 году, Радзивиллъ, по извѣстіямъ иностранныхъ писателей, взялъ на свое попеченіе дочь Елизаветы Петровны, которая будто бы проживала внѣ Россіи. Кого онъ взялъ къ себѣ подъ этимъ именемъ, неизвѣстно; но что имъ взята была на воспитаніе какая-то дѣвочка, это не подлежитъ сомнѣнію. Одни утверждали, что таинственная дѣвочка была дочь султана; другіе—что родители ея были знатные поляки; третьи—что она изъ Петербурга и должна была выйти замужъ за внука принца Георга голштинскаго.

Съ именемъ загадочной дѣвушки вообще неразлучно было представленіе о ея высокомъ, царственномъ происхожденіи—это въ началѣ ея появленія на политическомъ горизонтѣ. Но послѣ, когда звѣзда ея стала меркнуть, явились и другія предположенія: англійскій посланникъ въ Россіи сообщалъ императрицѣ Екатеринѣ, что таинственная дѣвушка была дочь простого трактирщика изъ Праги, а консулъ англійскій въ Ливорно, способствовавшій графу Орлову-Чесменскому захватить самозванку, утверждалъ, что она дочь нюренбергскаго булочника.

Но послѣднія предположенія разбиваются въ прахъ при сопоставленіи съ слѣдующими обстоятельствами: въ таинственной дѣвушкѣ поражало всѣхъ замѣчательное образованіе, необыкновенное умѣнье вести политическую интригу, короткое знакомство съ дипломатическими тайнами кабинетовъ,

умѣнье по-царски держать себя не только передъ высокопоставленными лицами, но и передъ владѣтельными нѣмецкими государями. Изъ трактира и булочной это не выносится.

Вотъ почему талантливый біографъ княжны Таракановой говоритъ, что кто бы ни была эта загадочная женщина, нѣтъ сомнѣнія, что она была созданіемъ польской партіи, враждебной королю Понятовскому, а тѣмъ болѣе еще императрицѣ Екатеринѣ.

„Поляки,—продолжаетъ онъ,—большіе мастера подготовлять самозванцевъ; при этомъ они умѣютъ такъ искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не въ состояніи сказать рѣшительное слово объ ихъ происхожденіи. Болѣе двухъ съ половиною вѣковъ тому назадъ впустили они въ Россію Лжедимитрія и даже не одного, но до сихъ поръ никто изъ историковъ не можетъ съ положительною увѣренностью сказать: кто такой былъ самозванецъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Гришки Отрепьева, и кто былъ преемникъ его, воръ Тушинскій. То же самое и въ дѣлѣ самозванки—дочери Елизаветы Петровны. Но какъ несомнѣнно участіе отцовъ іезуитовъ въ подготовкѣ Лжедимитрія, такъ, вѣроятно, и участіе ихъ въ подготовкѣ самозванки, подставленной княземъ Радзивилломъ. Самому князю Радзивиллу, безъ пособія столь искусныхъ пособниковъ, едва ли бы удалось выдумать принцессу Владимірскую. Этотъ человѣкъ, обладавшій несмѣтнымъ богатствомъ, отличавшійся своими эксцентрическими выходками, гордый, тщеславный, идолъ кормившейся вокругъ него шляхты, былъ очень недалекъ. Его ума не хватило бы на подготовку самозванки, если бы не помогли ему люди болѣе на то искусные. Онъ сыпалъ только деньгами, пока они у него были, и разыгрывалъ въ Венеціи передъ публикой комедію, обращаясь съ подставною принцессой, какъ съ дѣйствительною дочерью императрицы всероссійской.

„Кто бы ни была дѣвушка, выпущенная Радзивилломъ на политическую сцену подъ именемъ дочери Елизаветы Петровны, но, разсматривая всѣ ея дѣйствія, читая переписку ея и показанія, данныя фельдмаршалу князю Голицыну въ петропавловской крѣпости, нельзя не придти къ заключенію, что не сама она вздумала сдѣлаться самозванкой, что она была вовлечена въ обманъ, и сама вѣрила въ загадочное свое происхожденіе. Поляки такъ искусно сумѣли опутать молоденькую дѣвочку сѣтью лжи и обмана, что впослѣдствіи она сама не могла отдать себѣ отчета въ томъ, кто она такая. На краю могилы, желая примириться съ совѣстью, призвавъ духовника, она сказала ему, что о мѣстѣ своего рожденія и о родителяхъ она ничего не знаетъ.

„Я помню только,—говорила она въ послѣднемъ своемъ предсмертномъ показаніи князю Голицыну,—что старая нянька моя, Катерина, увѣряла меня, что о происхожденіи моемъ знаютъ учитель ариѳметики Шмидтъ и маршалъ лордъ Кейтъ, братъ котораго прежде находился въ русской службѣ и воевалъ противъ турокъ. Этого Кейта я видѣла только однажды мелькомъ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, куда меня въ дѣтствѣ возили на ко-

роткое время изъ Киля. Отъ него я получила тогда и паспортъ на обратный путь. Я помню, что Кейтъ держалъ у себя турчанку, присланную ему братомъ изъ Очакова или съ Кавказа. Эта турчанка воспитывала нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ съ нею плѣненныхъ, которыя жили при ней еще въ то время, когда, по смерти Кейта, я видѣла ее проѣздомъ черезъ Берлинъ. Хотя я навѣрное знала, что я не изъ числа этихъ дѣвочекъ, но легко можетъ быть, что я родилась въ Черкесіи“.

Кромѣ того, она объяснила, что еще въ дѣтствѣ жила въ Килѣ, что изъ тамошнихъ жителей помнитъ какого-то барона фонъ-Штерна и его жену, данцигскаго купца Шумана, платившаго въ Килѣ за ея содержаніе и, наконецъ, учившаго ее ариѳметикѣ Шмидта.

— Меня постоянно держали въ неизвѣстности о томъ, кто были мои родители,—говорила она передъ смертью князю Голицыну:—да и сама я мало заботилась о томъ, чтобъ узнать, чья я дочь, потому что не ожидала отъ того себѣ никакой пользы.

Такимъ образомъ, отъ ранняго дѣтства у нея остались въ памяти маршалъ лордъ Кейтъ, Швейцарія, Берлинъ, Киль. Въ Килѣ она училась. Съ Голштиніей, слѣдовательно, связано было ея дѣтство. Но, вѣдь, Голштинія играетъ такую важную роль въ исторіи Россіи того времени, въ жизни обѣихъ дочерей Петра Великаго—Анны и Елизаветы Петровны.

Загадочность этимъ еще больше усиливается.

Когда странную дѣвушку эту взяли къ Ливорно, при ней нашли бумаги, изъ которыхъ видно было, что послѣ Киля она жила въ Берлинѣ, потомъ въ Гентѣ, въ Лондонѣ. Зачѣмъ? Съ кѣмъ? Въ именахъ ея—также путаница: сначала она была дѣвица Франкъ, потомъ дѣвица Шель, наконецъ, г-жа Треймуль.

Она хорошо знала по-французски и по-нѣмецки, говорила по-итальянски и по-англійски. Но замѣчательно—ни по-польски, ни по-русски не знала.

Современники говорятъ, что она отличалась замѣчательной красотой, и хотя косила на одинъ глазъ, но это не уменьшало рѣдкой привлекательности ея лица. Она была умна—это безспорно. Кромѣ того, она была изящна, всегда весела, любезна, кокетлива до такой степени, что при своемъ умѣ и красотѣ могла сводить съ ума каждаго мужчину и превращать въ самое покорное себѣ орудіе.

„И въ самомъ дѣлѣ,—такъ очерчиваетъ нравственный обликъ этой женщины ея біографъ,—въ продолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ ея похожденій по Европѣ одни, очарованные красотой ея, входятъ изъ угожденія красавицѣ въ неоплатные долги и попадаютъ за то въ тюрьму, другіе, принадлежа къ хорошимъ фамиліямъ, поступаютъ къ ней въ услуженіе, сорокалѣтній князь римской имперіи хочетъ на ней жениться, вопреки всѣмъ политическимъ разсчетамъ, и хотя узнаетъ объ ея невѣрности, однако же, намѣревается бросить свои германскія владѣнія и бѣжать съ прекрасною очаровательницей въ Персію. Она любила хорошо пожить, любила роскошь, удовольствія и не отличалась строгостью нравовъ. Увлекая въ свои сѣти

молодыхъ и пожилыхъ людей, красавица не отвѣчала имъ суровостью; она даже имѣла въ одно время по нѣскольку любовниковъ, которыхъ, повидимому, не очень печалила вѣтренность ихъ подруги“.

Когда она кончила свое образованіе, то прежде всего мы видимъ ее въ Берлинѣ.

Изъ Берлина какая-то скандальная исторія заставляетъ ее бѣжать въ Гентъ и перемѣнить имя дѣвицы Франкъ на имя дѣвицы Шель.

Въ Гентѣ она сводитъ знакомство съ сыномъ голландскаго купца Вантурсомъ. И съ той и другой стороны взаимная склонность, любовь—и Вантурсъ входитъ въ неоплатные долги. Этихъ долговъ не въ состояніи покрыть тѣ суммы, которыя дѣвица Шель получаетъ будто бы отъ какого-то таинственнаго дяди изъ Персіи.

Дядя въ Персіи—это, безъ сомнѣнія, князь Радзивиллъ, тайно руководящій своимъ созданіемъ.

Кредиторы хотятъ сажать Вантурса въ тюрьму—и онъ, бросивъ жену, бѣжитъ въ Лондонъ съ таинственною дѣвушкой. Дѣвушка превращается въ г-жу Треймуль.

И въ Лондонѣ, какъ и въ Гентѣ,—тѣ же безумная трата денегъ, роскошь, блескъ, кредиторы, опасность тюрьмы—и Вантурсъ бѣжитъ въ Парижъ.

Таинственная дѣвушка остается въ Лондонѣ. У нея новый другъ, баронъ Шенкъ. Но безумная роскошь гонитъ и Шенка и странную дѣвушку въ Парижъ.

Въ Парижѣ г-жа Треймуль имѣетъ свиданіе съ графомъ Михаиломъ Огинскимъ, польскимъ посланникомъ.

Но она уже не Треймуль, а русская княжна, „принцесса Владимірская“, по имени Алина или Али-Эмете, единственная отрасль знаменитѣйшаго и богатѣйшаго рода князей владимірскихъ. Родители ея умерли давно, а воспиталъ ее дядя, живущій въ Персіи. Она явилась въ Европу, чтобъ отыскивать въ Россіи свои владѣнія. Сокровища ея персидскаго дяди также къ ней переходятъ.

Въ Парижѣ все это кажется одною изъ сказокъ Шехеразады, и Парижъ слѣпо вѣритъ поэтической легендѣ. Легенду эту подкрѣпляетъ авторитетъ такой личности, какъ живущая въ Парижѣ княгиня Сангушко.

Въ Парижѣ, какъ и вездѣ, принцессу Владимірскую окружаетъ царская роскошь и блескъ. Въ свитѣ ея два барона—Шенкъ и Эмбсъ, бывшій Вантурсъ. Банкиры Понсе и Макке снабжаютъ ихъ деньгами. Въ свитѣ принцессы является новое лицо, ея поклонникъ, маркизъ де-Маринъ, который бросаетъ блестящій дворъ Людовика XV и скачетъ за таинственной волшебницей въ Германію, чтобы быть ея интендантомъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городѣ.

Скоро эта свита бароновъ и маркизовъ увеличивается новымъ крупнымъ лицомъ: членъ знаменитѣйшей французской фамиліи, графъ Рошфоръ де-Валькуръ, гофмаршалъ владѣтельнаго князя Лимбурга де-Линанжъ, находящійся въ Парижѣ по дѣламъ своего государя, проситъ руки принцессы

Владимірской. Принцесса даетъ согласіе на бракъ; ждутъ только согласія государя. Но и этого мало: она запутываетъ въ свою сѣть и графа Огинскаго.

Въ началѣ 1773 года принцесса Владимірская вмѣстѣ съ своею свитою исчезаетъ изъ Парижа и является во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Получивъ отъ Огинскаго бланковый патентъ на офицерскій чинъ въ литовскомъ войскѣ, она вписываетъ туда Вантурса—и онъ дѣлается литовскимъ капитаномъ.

Но вотъ во Франкфуртъ является коронованная особа—Филиппъ-Фердинандъ, владѣтельный графъ лимбургскій, стирумскій, оберштейнскій и иныхъ, князь священной римской имперіи, претендентъ на герцогство шлезвигъ-голштинское, не задолго передъ тѣмъ наслѣдовавшій престолъ по смерти старшаго брата своего. Съ нимъ пріѣзжаетъ и женихъ принцессы Владимірской, графъ Рошфоръ де-Валькуръ.

Блистательный князь Лимбургъ, имѣвшій свой дворъ съ гофмаршаломъ, гофмейстеромъ, камергерами, егермейстерами и прочими придворными чинами, свое войско, своихъ посланниковъ при вѣнскомъ и версальскомъ дворахъ, щедро раздававшій свои ордена своимъ подданнымъ, бившій свою монету, какъ коронованная особа, споривщій съ прусскимъ королемъ, славнымъ Фридрихомъ II, за нарушеніе его владѣтельскихъ правъ, объявившій себя, наконецъ, соперникомъ русскаго великаго князя Павла Петровича по спору за наслѣдственныя права на Голштинію, этотъ соперникъ Павла Петровича проситъ представить его принцессѣ Владимірской и, какъ всѣ прежніе ея поклонники, дѣлается послушнымъ рабомъ этой загадочной личности. Онъ проситъ ее переѣхать въ его владѣнія—и принцесса переселяется съ нимъ вмѣстѣ въ замокъ Нейсесъ, во Франконіи, а ея женихъ, графъ Рошфоръ-де-Валькуръ, арестуется, какъ государственный преступникъ.

Во владѣніяхъ князя лимбургскаго принцесса Владимірская называетъ уже себя „султаншей Алиной“ (la sultane Aline) или Элеонорой. Другіе зовутъ ее „принцессой азовской“.

Она учреждаетъ свой орденъ „орденъ азіатскаго креста“. Уже черезъ сто почти лѣтъ послѣ этого, въ 1858 году, въ Парижѣ были конфискованы дипломы на орденъ, учрежденный нашею самозванкою, который назывался— „la croix de l'ordre asiatique, fondé par la sultane Aline“.

Дѣйствительно, это одна изъ сказокъ Шехеразады, а между тѣмъ— это исторія XVIII вѣка.

Кромѣ ордена, въ Нейсесѣ принцесса Владимірская учреждаетъ свой дворъ. Маркиза де-Марина она назначаетъ интендантомъ этого двора.

Вскорѣ князь Лимбургъ знакомитъ съ нею своего друга, барона фонъ-Горнштейна, конференцъ-министра трирскаго курфирста—и этотъ министръ попадаетъ въ число ея жертвъ.

Но время выпуска ея самой на болѣе широкую политическую сцену еще не настало.

Не зная своего будущаго, не подозрѣвая, что она скоро должна будетъ объявить свои права на корону россійской имперіи, принцесса Вла-

димірская задумываетъ короновать себя короною влюбленнаго въ нее князя Лимбурга.

— Я получила отъ дяди письмо,—говоритъ она ему однажды:—дядя требуетъ возвращенія моего въ Персію.

Пораженный этой неожиданностью Лимбургъ умоляетъ ее остаться.

— Я не могу долѣе оставаться въ неопредѣленномъ положеніи,—отвѣчаетъ она:—я должна ѣхать. Въ Персіи я пристроюсь, тамъ ждетъ меня женихъ.

Князь Лимбургъ въ отчаяньѣ. Желая удержать свою очаровательницу, онъ предлагаетъ ей свою руку, свою корону, свои владѣнія. Принцесса не отказываетъ ему, но въ то же время настаиваетъ на поѣздкѣ въ Азію, говоря, что политическія дѣла вынуждаютъ ее быть тамъ. Обезумѣвшій Лимбургъ не хочетъ разстаться съ нею.

— Я откажусь отъ престола въ пользу младшаго брата,—говоритъ онъ:—покину хоть навсегда Европу и въ Персіи найду счастье въ твоихъ объятіяхъ.

Это было въ іюлѣ 1773 года.

Пугачовъ въ это время бродилъ еще по заволжскимъ степямъ: тѣнь Петра III еще не являлась.

Не выступала и тѣнь дочери Елизаветы Петровны.

Другъ князя Лимбурга, баронъ фонъ-Горнштейнъ, при извѣстіи о помолвкѣ княжны Владимірской, совѣтуетъ, чтобы она оставила греческую схизму и приняла католичество, хотя самозванка, называя себя православной, никогда и ни въ какой церкви не пріобщалась, какъ сама послѣ показала. При этомъ оказываются нужными и документы о ея рожденіи.

Самозванка по этому поводу пишетъ о себѣ:

„Вы говорите, что меня принимаютъ за государыню Азова. Я не государыня, а только владѣтельница Азова. Императрица тамъ государыня. Черезъ нѣсколько недѣль вы прочтете въ газетахъ, что я—единственная наслѣдница дома Владимірскаго и въ настоящее время безъ затрудненій могу вступить во владѣніе наслѣдствомъ послѣ покойнаго отца моего. Владѣнія его были подвергнуты секвестру въ 1749 году и, находясь подъ нимъ двадцать лѣтъ, освобождены въ 1769 году. Я родилась за четыре года до этого секвестра; въ это печальное время умеръ и отецъ мой. Четырехлѣтнимъ ребенкомъ взялъ меня на свое попеченіе дядя мой, живущій въ Персіи, откуда я воротилась въ Европу 16 ноября 1768 года“.

И дѣйствительно, годъ ея рожденія совпадаетъ съ годомъ рожденія настоящей дочери Елизаветы Петровны, княжны Августы Таракановой, хотя впослѣдствіи оказалось, что она убавляла свои года. Она признаетъ себя подданной русской императрицы; но она еще не дочь ея предшественницы—это время еще не приспѣло.

Съ этой поры ее величаютъ уже „высочествомъ“. Письма къ ней адресуются: „ея высочеству, свѣтлѣйшей принцессѣ Елизаветѣ Владимірской“ (A son altesse serenissime, madame la princesse Elisabeth de Volodimir).

Между тѣмъ, самозванка заводитъ переписку съ графомъ Огинскимъ, составляетъ проектъ лотереи для распространенія между банкирами, пишетъ о дѣлахъ Польши, составляетъ особую записку о нихъ для версальскаго кабинета.

Князь Лимбургъ ревнуетъ ее къ Огинскому; но она успокоиваетъ его, говоря, однако, что не можетъ выйти за него замужъ до утвержденія своихъ правъ въ Россіи. Въ письмо къ князю она влагаетъ черновое письмо къ русскому вице-канцлеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, называетъ его своимъ опекуномъ, сообщаетъ ему о любви къ князю Лимбургу и о намѣреніи вступить съ нимъ въ бракъ, изъявляетъ, что тайна, покрывающая доселѣ ея происхожденіе, подаетъ поводъ ко многимъ толкамъ, увѣряетъ Голицына въ неизмѣнности своихъ чувствъ, благодарности и привязанности къ императрицѣ Екатеринѣ II и въ постоянномъ рвеніи о благѣ Россіи, прилагаетъ къ письму проектъ о сосредоточеніи всей азіатской торговли на Кавказѣ и обѣщаетъ сама пріѣхать въ Петербургъ, для разъясненія этого проекта, если бы настояла въ томъ надобность.

Опять что-то сказочное, невѣроятное.

Князь Лимбургъ окончательно обезумѣваетъ отъ любви, и отъ видимыхъ противорѣчій и несообразности въ дѣйствіяхъ таинственной принцессы, и отъ ревности. Онъ грозитъ даже поступить въ монахи, отказаться отъ престола.

У самозванки являются новыя сношенія: впослѣдствіи князь Орловъ-Чесменскій намекалъ императрицѣ, что самозванка находилась въ сношеніяхъ съ бывшимъ въ то время въ Спа Ив. Ив. Шуваловымъ.

Въ октябрѣ 1773 года она дѣлается формальной владѣтельницей графства Оберштейнъ и переселяется въ свои владѣнія.

Пугачовъ появился въ окрестностяхъ Яицка. Знамена его уже развѣвались по заволжскимъ степямъ. Вѣсти объ этомъ наполняютъ Европу.

И самозванка разомъ преобразовывается. Она что-то затѣваетъ. Она отсылаетъ отъ себя всю прежнюю свою свиту и окружаетъ себя новою прислугою, въ томъ числѣ беретъ къ себѣ дочь прусскаго капитана Франциску фонъ-Мешеде, которая не разлучается съ ней до конца всѣхъ ея загадочныхъ приключеній и вмѣстѣ съ нею, впослѣдствіи, попадаетъ въ петропавловскую крѣпость.

Осенью же 1773 года къ ней въ Оберштейнъ начинаетъ являться изъ Мосбаха какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ и проводитъ съ владѣтельницей замка наединѣ по нѣскольку часовъ. Никто не знаетъ, кто онъ. Прислуга зоветъ его только „мосбахскимъ незнакомцемъ".

Оказывается, что это полякъ, агентъ и другъ князя Радзивилла, Михаилъ Доманскій, который во время барской конфедераціи былъ консиліаржемъ пинской дистрикціи.

Самъ Радзивиллъ намѣревается ѣхать къ турецкой арміи—поднимать Турцію на Россію, а Доманскаго командируетъ къ самозванкѣ.

Извѣстно, что въ это время происходило въ Россіи: Пугачовъ съ своими „толпищами“ отхватилъ отъ Россіи почти все Заволжье.

Положеніе дѣлъ въ Россіи оказывается очень опаснымъ.

Польша находитъ это очень удобнымъ случаемъ, чтобы рядомъ съ восточнымъ Пугачовымъ поставить противъ Россіи и западнаго Пугачова— будто бы двоюродную сестру императора Петра III.

Въ декабрѣ 1773 года разносится по Европѣ слухъ, что въ замкѣ Оберштейнъ живетъ прямая наслѣдница русскаго престола, законная дочь покойной императрицы Елизаветы Петровны, великая княжна Елизавета.

Изъ Россіи доходятъ все болѣе и болѣе тровожныя вѣсти. Поляки оживаютъ. Княгиня Сангушко постоянно сообщаетъ мнимой наслѣдницѣ русскаго престола списки мѣстъ, занятыхъ шайками Пугачова.

Около новаго 1774 года составляется таинственное свиданіе съ самозванкой самого князя Радзивилла: онъ представляется ей въ Цвейбрюкенѣ какъ русской великой княжнѣ.

Радзивиллъ и самозванка условливаются между собою: пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ Пугачовымъ, подготовить новое возстаніе въ Польшѣ и въ бѣлорусскихъ воеводствахъ, отошедшихъ по первому раздѣлу во владѣніе Россіи; самой принцессѣ вмѣстѣ съ Радзивилломъ ѣхать въ Константинополь, послать оттуда въ русскую армію, находившуюся въ Турціи, воззваніе, въ которомъ предъявить свои права на престолъ, не по праву будто бы занимаемый Екатериною, свергнуть ее съ престола и доставить самозванкѣ императорскую корону. Съ своей стороны, самозванка обѣщаетъ Радзивиллу возвратить Польшѣ отторгнутыя отъ нея области, свергнуть Понятовскаго съ престола и возстановить Польшу въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась при короляхъ саксонской династіи.

Въ это время Радзивиллъ уже пишетъ самозванкѣ, какъ государынѣ:

„Я смотрю на предпріятіе вашего высочества, какъ на чудо Провидѣнія, которое бдитъ надъ нашею несчастною страной. Оно послало ей на помощь васъ, такую великую героиню“.

Французскій король Людовикъ XV одобряетъ безумный планъ самозванки.

Развѣ это не сказка изъ Шехеразады?

Огинскій пересылается съ самозванкой посредствомъ аббата Бернарди, бывшаго наставникомъ дѣтей его зятя, литовскаго великаго кухмистра (оберъ-гофмаршала), графа Михаила Віельгорскаго.

Письма князя Лимбурга, все еще продолжавшаго считаться женихомъ самозванки, уже адресуются такъ: „ея императорскому высочеству, принцессѣ Елизаветѣ всероссійской!“

13 мая 1774 года, когда Пугачовъ завладѣлъ уже частью Сибири, лилъ свои пушки, чеканилъ свою монету и оглашался по церквамъ на ектеніи какъ царствующій государь, самозванка выѣзжаетъ изъ Оберштейна. Князь Лимбургъ провожаетъ ее до Цвейбрюкена, гдѣ они разстаются супругами на время.

Послѣ, въ петропавловской уже крѣпости, она называла князя Лим-

бурга своимъ супругомъ, хотя и объясняла, что они не были вѣнчаны по церковному чиноположенію.

Царственный поѣздъ самозванки до Венеціи, гдѣ ждалъ ее Радзивиллъ, обставленъ блестящею внѣшностью: къ ней присоединяются на пути ея союзники, поляки. Въ Парижъ она шлетъ къ Огинскому проектъ русскаго внѣшняго займа отъ своего имени, какъ единственной законной наслѣдницы русской имперіи.

Людовикъ XVI, вступившій на французскій престолъ послѣ Людовика XV, даетъ свою санкцію предпріятію Радзивилла и самозванки. „Союзникъ“ ея, „двоюродный братъ“, Емелька Пугачовъ, котораго сама императрица Екатерина II въ письмахъ къ Вольтеру называетъ „маркизомъ де-Пугачовъ“— все больше и больше выростаетъ въ своемъ могуществѣ, войска его ростутъ какъ снѣжная лавина.

Въ Венеціи самозванка является инкогнито, подъ именемъ не русской великой княжны, а графини Пиннебергъ, какъ претендентки на Голштинію. Отъ супруга ея пріѣзжаетъ къ ней резидентъ баронъ Кнорръ и занимаетъ при дворѣ своей повелительницы званіе ея гофмаршала.

Для самозванки венеціанская республика отводитъ роскошный дворецъ— домъ французскаго посольства.

Князь Радзивиллъ дѣлаетъ ей блестящій оффиціальный визитъ. Его сопровождаетъ свита. Самозванкѣ представляютъ—князя Радзивилла, дядю „пана коханка“, графа Потоцкаго, бывшаго главу польской генеральной конфедераціи, графа Пржездецкаго, старосту пинскаго, Черномскаго, одного изъ вліятельныхъ конфедератовъ, Микошту, секретаря князя Радзивилла, и другихъ. Радзивиллъ и Потоцкій въ лентахъ.

На другой день самозванка отплачиваетъ визитъ сестрѣ князя Радзивилла, графинѣ Моравской.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ того времени печатаютъ (№ 38, отъ 13-го мая 1774 года): „князь Радзивиллъ и его сестра учатся по-турецки, и поѣдутъ въ Рагузу, откуда, какъ сказываютъ, турецкая эскадра проводитъ ихъ въ Константинополь“. М. Н. Лонгиновъ объясняетъ, что „сестра“ Радзивилла—это самозванка; но П. И. Мельниковъ полагаетъ, что это была графиня Моравская.

Пріемныя комнаты самозванки полны польскихъ эмигрантовъ, собирающихся ѣхать въ Турцію съ нею и съ княземъ Радзивилломъ. Тутъ же видятъ и Эдуарда Вортли Монтегю, англичанина, долго путешествовавшаго по востоку, сына извѣстной англійской писательницы, леди Мери, дочери герцога Кингстонъ. Тутъ же видятъ и капитановъ изъ варварійскихъ владѣній султана, Гассана и Мехемета, корабли которыхъ стоятъ въ въ венеціанскомъ портѣ. Одинъ изъ кораблей долженъ везти самозванку къ султану.

16 мая назначается отъѣздъ въ Константинополь. Корабли ждутъ ее на рейдѣ. Ждетъ и вся польская эмиграція.

Самозванка является на рейдѣ. На палубѣ корабля ее встрѣчаетъ Ра-

дзивиллъ и вся тогдашняя эмиграціонная Польша съ царскимъ почетомъ. По придворному этикету ей цѣлуютъ руку.

Корабли отплыли. Самозванка уже на островѣ Корфу.

Но противные вѣтры отбиваютъ ея корабль отъ острова, и капитанъ Гассанъ ее оставляетъ.

Самозванка и Радзивиллъ со свитой слѣдуютъ уже на кораблѣ капитана Мехемета.

Въ послѣднихъ числахъ іюля 1774 года корабль бросаетъ якорь у Рагузы.

Рагузская республика смотрѣла враждебно на дѣйствія русскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Рагузскій сенатъ недоволенъ русской императрицей, и потому радушно принимаетъ ея соперницу, мнимую великую княжну Елизавету.

Ей уступается домъ французскаго консула при рагузской республикѣ.

Между тѣмъ, ея „двоюродный братъ", Емелька Пугачовъ, беретъ Оренбургъ, Казань, Саратовъ—все поволжье.

Самозванка живетъ въ Рагузѣ: письма ея идутъ во всѣ страны — къ султану, къ графу Орлову-Чесменскому, къ воспитателямъ великаго князя Павла Петровича, графу Никитѣ Ивановичу Панину. Это царская переписка: въ лицѣ самозванки—и мнимая государыня и цѣлый дипломатическій корпусъ. Въ этой безумной головѣ создается смѣлый планъ дѣйствій. Она рѣшается торжественно объявить о своихъ правахъ на престолъ и послать воззванія—одно въ русскую армію, находившуюся въ Турціи, другое—на русскую эскадру, стоявшую подъ начальствомъ графа Алексѣя Орлова и адмирала Грейга въ Ливорно.

„Постараюсь,—пишетъ она къ Горнштейну,—овладѣть русскимъ флотомъ, находящимся въ Ливорно; это не очень далеко отсюда. Мнѣ необходимо объявить, кто я, ибо уже постарались распустить слухъ о моей смерти. Провидѣніе отмститъ за меня. Я издамъ манифесты, распространю ихъ по Европѣ, а Порта открыто объявитъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Друзья мои уже въ Константинополѣ—они работаютъ, что нужно. Сама я не теряю ни минуты и готовлюсь объявить о себѣ всенародно. Въ Константинополѣ я не замѣшкаю, стану во главѣ моей арміи—и меня признаютъ".

Неизвѣстно, какимъ путемъ у нея являются документы, подтверждающіе ея права на русскій престолъ: это подложныя духовныя завѣщанія Петра I и Елизаветы Петровны. Въ дѣлѣ находятся эти документы, переписанные рукой самозванки.

Замѣчательно мнимое духовное завѣщаніе ея матери, императрицы Елизаветы Петровны. Надо удивляться, какъ сумѣла составить такой политическій актъ эта таинственная дѣвушка, которую Екатерина II называла „побродяжкой".

Вотъ этотъ фактъ:

„Елизавета Петровна (это и есть самозванка), дочь моя наслѣдуетъ мнѣ и управляетъ Россіей такъ же самодержавно, какъ и я управляла.

Ей наслѣдуютъ дѣти ея; если же она умретъ бездѣтною—потомки Петра, герцога голштинскаго (т. е. Петра III).

„Во время малолѣтства дочери моей Елизаветы герцогъ Петръ голштинскій будетъ управлять Россіей съ тою же властію, съ какой я управляла. На его обязанность возлагается воспитаніе моей дочери; преимущественно она должна изучить русскіе законы и установленія. По достиженіи ею возраста, въ которомъ можно будетъ ей принять въ свои руки бразды правленія, она будетъ всенародно признана императрицею всероссійскою, и герцогъ Петръ голштинскій пожизненно сохранитъ титулъ императора, а если принцесса Елизавета, великая княжна всероссійская, выдетъ замужъ, то супругъ ея не можетъ пользоваться титуломъ императора ранѣе смерти Петра, герцога голштинскаго. Если дочь моя не признаетъ нужнымъ, чтобы супругъ ея именовался императоромъ, воля ея должна быть исполнена, какъ воля самодержицы. Послѣ нея престолъ принадлежитъ ея потомкамъ, какъ по мужской, такъ и по женской линіи.

„Дочь моя Елизавета учредитъ верховный совѣтъ и назначитъ членовъ его. При вступленіи на престолъ она должна возстановить прежнія права этого совѣта. Въ войскѣ она можетъ дѣлать всякія преобразованія, какія пожелаетъ. Черезъ каждые три года всѣ присутственныя мѣста, какъ военныя, такъ и гражданскія, должны представлять ей отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, а также счеты. Все это разсматривается въ совѣтѣ дворянъ, которыхъ назначитъ дочь моя Елизавета.

„Каждую недѣлю должна она давать публичную аудіенцію. Всѣ просьбы подаются въ присутствіи императрицы, и она одна производитъ по нимъ рѣшенія. Ей одной предоставляется право отмѣнять или измѣнять законы, если она признаетъ то нужнымъ.

„Министры и другіе члены совѣта рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ, но не могутъ приводить ихъ въ исполненіе до утвержденія постановленія ихъ императрицею Елизаветою Второй.

„Завѣщаю, чтобы русскій народъ всегда находился въ дружбѣ съ своими сосѣдями. Это возвыситъ богатство народа, а безполезныя войны ведутъ лишь къ уменьшенію народонаселенія.

„Завѣщаю, чтобъ Елизавета послала посланниковъ ко всѣмъ дворамъ и каждые три года перемѣняла ихъ.

„Никто изъ иностранцевъ, а также изъ не принадлежащихъ къ православной церкви, не можетъ занимать министерскихъ и другихъ важныхъ государственныхъ должностей.

„Совѣтъ дворянъ назначаетъ уполномоченныхъ ревизоровъ, которые будутъ черезъ каждые три года обозрѣвать отдаленныя провинціи и вникать въ мѣстное положеніе дѣлъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, въ состояніе таможенъ, рудниковъ и другихъ принадлежностей короны.

„Завѣщаю, чтобы губернаторы отдаленныхъ провинцій—Сибири, Астрахани, Казани и др.—отъ времени до времени представляли отчеты по

своему управленію въ высшія учрежденія въ Петербургъ или въ Москву, если въ ней Елизавета утвердитъ свою резиденцію.

„Если кто сдѣлаетъ какое-либо открытіе, клонящееся къ общенародной пользѣ или къ славѣ императрицы, тотъ о своемъ открытіи секретно представляетъ министрамъ и шесть недѣль спустя въ канцелярію департамента, завѣдывающаго тою частію; черезъ три мѣсяца послѣ того дѣло поступаетъ на рѣшеніе императрицы въ публичной аудіенціи, а потомъ въ продолженіе десяти дней объявляется всенародно съ барабаннымъ боемъ.

„Завѣщаю, чтобы въ азіатской Россіи были установлены особыя учрежденія и заведены колоніи при непремѣнномъ условіи совершенной терпимости всѣхъ религій. Сенатомъ. будутъ назначены особые чиновники для наблюденія въ колоніяхъ за каждою народностію. Поселены будутъ разнаго рода ремесленники, которые будутъ работать на императрицу и находиться подъ непосредственною ея защитою. За труды свои они будутъ вознаграждаемы ежемѣсячно изъ мѣстныхъ казначействъ. Всякое новое изобрѣтеніе будетъ вознаграждаемо по мѣрѣ его полезности.

„Завѣщаю завести въ каждомъ городѣ на счетъ казны народное училище. Черезъ каждые три мѣсяца мѣстные священники обозрѣваютъ эти школы.

„Завѣщаю, чтобы всѣ церкви и духовенство были содержимы на казенное иждивеніе.

„Каждый налогъ назначается не иначе, какъ самою дочерью моею Елизаветой“.

„Въ каждомъ уѣздѣ ежегодно будетъ производимо исчисленіе народа и черезъ каждые три года будутъ посылаемы на мѣста особые чиновники, которые будутъ собирать составленныя народныя переписи.

„Елизавета Вторая будетъ пріобрѣтать, промѣнивать, покупать всякаго рода имущества, какія ей заблагоразсудится, лишь бы оно было полезно и пріятно народу.

„Должно учредить военную академію для обученія сыновей всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Отдѣльно отъ нея должна быть устроена академія гражданская. Дѣти будутъ приниматься въ академію девяти лѣтъ.

„Для подкидышей должны быть основаны особыя постоянныя заведенія. Для незаконнорожденныхъ учредить сиротскіе дома, и воспитанниковъ выпускать изъ нихъ въ армію и къ другимъ должностямъ. Отличившимся императрица можетъ даровать право законнаго рожденія, пожаловавъ кокарду красную съ черными каймами за собственноручнымъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной печати.

„Завѣщаю, чтобы вся русская нація отъ перваго до послѣдняго человѣка исполнила сію нашу послѣднюю волю и чтобы всѣ, въ случаѣ надобности, поддерживали и защищали Елизавету, мою единственную дочь и единственную наслѣдницу россійской имперіи.

„Если до вступленія ея на престолъ будетъ объявлена война, заключенъ какой-либо трактатъ, изданъ законъ или уставъ, все это не должно

имѣть силы, если не будетъ подтверждено согласіемъ дочери моей Елизаветы, и все можетъ быть отмѣнено силою ея высочайшей воли.

„Предоставляю ея благоусмотрѣнію уничтожать и отмѣнять все сдѣланное до вступленія на престолъ.

„Сіе завѣщаніе заключаетъ въ себѣ послѣднюю мою волю. Благословляю дочь мою Елизавету во имя Отца и Сына и святого Духа“.

Въ Рагузѣ мнимая царевна уже открыто разсказываетъ окружающей ее блестящей свитѣ французскихъ офицеровъ и польскихъ эмигрантовъ такія вещи о своей таинственной судьбѣ:

— Я дочь императрицы Елизаветы Петровны отъ брака ея съ великимъ гетманомъ всѣхъ казаковъ (grand hetman de tous les cosaques), княземъ Разумовскимъ. Я родилась въ 1753 году и до девятилѣтняго возраста жила при матери. Когда она скончалась, правленіе русскою имперіею принялъ племянникъ ея, принцъ голштейнъ-готторпскій, и, согласно завѣщанію моей матери, былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ Петра III. Я должна была лишь по достиженіи совершеннолѣтія вступить на престолъ и надѣть русскую корону, которой не надѣлъ Петръ, не имѣя на то права. Но черезъ полгода послѣ смерти моей матери жена императора, Екатерина, низложила своего мужа, объявила себя императрицей и короновалась въ Москвѣ мнѣ принадлежащею древнею короной царей московскихъ и всея Россіи. Лишенный власти императоръ Петръ, мой опекунъ, умеръ. Меня, девятилѣтняго ребенка, сослали въ Сибирь. Тамъ я пробыла годъ. Одинъ священникъ сжалился надъ моею судьбой и освободилъ меня изъ заточенія. Онъ вывезъ меня изъ Сибири въ главный городъ донскихъ казаковъ. Друзья отца моего укрыли меня въ его домѣ, но обо мнѣ узнали, и я была отравлена. Принятыми своевременно медицинскими средствами была я, однако, возвращена къ жизни. Чтобъ избавить меня отъ новыхъ опасностей, отецъ мой, князь Разумовскій, отправилъ меня къ своему родственнику, шаху персидскому. Шахъ осыпалъ меня благодѣяніями, пригласилъ изъ Европы учителей разныхъ наукъ и искусствъ и далъ мнѣ, сколько было возможнымъ, хорошее воспитаніе. Въ это же время научилась я разнымъ языкамъ, какъ европейскимъ, такъ и восточнымъ. До семнадцатилѣтняго возраста не знала я тайны моего рожденія, когда же достигла этого возраста, персидскій шахъ открылъ ее мнѣ и предложилъ свою руку. Какъ ни блистательно было предложеніе, сдѣланное мнѣ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ государемъ Азіи, но какъ я должна бы была, въ случаѣ согласія, отречься отъ Христа и православной вѣры, къ которой принадлежу съ рожденія, то и отказалась отъ сдѣланной мнѣ чести. Шахъ, надѣливъ меня богатствами, отправилъ меня въ Европу, въ сопровожденіи знаменитаго своею ученостью и мудростью Гали. Я переодѣлась въ мужское платье, объѣздила всѣ наши живущіе въ Россіи народы христіанскіе и нехристіанскіе, проѣхала черезъ всю Россію, была въ Петербургѣ и познакомилась тамъ съ нѣкоторыми знатными людьми, бывшими друзьями покойнаго отца моего. Оттуда отправилась я въ Берлинъ, сохраняя самое

строгое инкогнито, тамъ была принята королемъ Фридрихомъ II и начала называться принцессой. Тутъ умеръ Гали, я отправилась въ Лондонъ, оттуда въ Парижъ, наконецъ, въ Германію, гдѣ пріобрѣла покупкой у князя Лимбурга графство Оберштейнъ. Здѣсь я рѣшилась ѣхать въ Константинополь, чтобъ искать покровительства и помощи султана. Приверженцы мои одобрили такое намѣреніе, и я отправилась въ Венецію, чтобъ вмѣстѣ съ княземъ Радзивилломъ ѣхать въ столицу султана.

Пугачовъ—это ея братъ, сынъ Разумовскаго отъ перваго брака, искусный генералъ, хорошій математикъ и отличный тактикъ, одаренный замѣчательнымъ талантомъ привлекать къ себѣ народныя толпы.

— Когда Разумовскій, отецъ мой,—говорила она:—пріѣхалъ въ Петербургъ, Пугачовъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, находился въ его свитѣ. Императрица Елизавета Петровна пожаловала Разумовскому андреевскую ленту и сдѣлала его великимъ гетманомъ всѣхъ казацкихъ войскъ, а Пугачова назначила пажемъ при своемъ дворѣ. Замѣтивъ, что молодой человѣкъ выказываетъ большую склонность къ изученію военнаго искусства, она отправила его въ Берлинъ, гдѣ онъ и получилъ блистательное военное образованіе. Еще находясь въ Берлинѣ, Пугачовъ дѣйствовалъ, насколько ему было возможно, въ мою пользу, какъ законной наслѣдницы русскаго престола.

Расказы эти попадаютъ въ тогдашнія газеты, какъ напримѣръ въ „Gazette d'Utrecht“ и во „Франкфуртскую газету“, особенно распространенныя въ то время, и обходятъ всю Европу.

Встревоженная этимъ рагузская республика сносится съ Петербургомъ о таинственной женщинѣ; но Панинъ, по приказанію императрицы, велитъ увѣдомить рагузскій сенатъ, что нѣтъ никакой надобности обращать вниманіе на „эту побродяжку“.

А, между тѣмъ, встревоженная императрица только показывала видъ, что не боится „побродяжки“: она уже рѣшилась черезъ графа Орлова захватить ее въ чужихъ краяхъ безъ шума и огласки.

Екатерина въ это время вела съ Турціею мирные переговоры въ Кучукъ-Кайнарджи.

Миръ съ Турціею долженъ былъ убить всѣ замыслы Радзивилла, всѣ надежды поляковъ и разрушить планы самозванки.

Она пишетъ султану и объявляетъ себя наслѣдницей русскаго престола. „Принцесса Елизавета, дочь покойной императрицы всероссійской Елизаветы Петровны,—пишетъ она, между прочимъ, султану,—умоляетъ императора оттомановъ о покровительствѣ.“ Она сообщаетъ ему свои планы, склоняетъ къ союзу, и подписываетъ подъ письмомъ: „вашего императорскаго величества вѣрный другъ и сосѣдка Елизавета“.

Копію съ этого письма она посылаетъ великому визирю и проситъ его переслать ее „сыну Разумовскаго, monsieur de Puhaczew“ (эта копія находится теперь у извѣстнаго піаниста Аполлинарія Контскаго).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, самозванка изготовляетъ планъ воззванія къ русскому

флоту и пишетъ письмо къ графу Алексѣю Орлову. Къ письму она прилагаетъ наброски своего манифеста, предоставляя Орлову развить ея мысли для оффиціальнаго акта.

Въ манифестѣ, между прочимъ, говоря о незаконномъ будто бы завладѣніи Екатериною II русскимъ престоломъ, самозванка объявляетъ: „Сіе побудило насъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дабы вывести народъ нашъ изъ настоящихъ его заключеній на степень, подобающую ему среди народовъ сосѣднихъ, которые навсегда пребудутъ мирными нашими союзниками. Мы рѣшились на сіе, имѣя единственною цѣлію благодѣнствіе отечества и всеобщій покой.—Божіею милостію, мы, Елизавета Вторая, принцесса всероссійская, объявляемъ всенародно, что русскому народу предстоитъ одно изъ двухъ: стать за меня или противъ меня.“

Изъ обширнаго письма ея къ графу Орлову мы рѣшаемся взять только нѣкоторыя мѣста.

„Принцесса Елизавета всероссійская желаетъ знать: чью сторону примете вы, графъ, при настоящихъ обстоятельствахъ?“—такъ обращается она къ Орлову.

...„Торжественно провозглашая законныя права свои на всероссійскій престолъ,—говоритъ она далѣе,—принцесса Елизавета обращается къ вамъ графъ. Долгъ, честь, слава, словомъ,—все обязываетъ васъ стать въ ряды ея приверженцевъ.

„Видя отечество разореннымъ войной, которая съ каждымъ днемъ усиливается, а если и прекратится, то развѣ на самое короткое время, внимая мольбамъ многочисленныхъ приверженцевъ, страдающихъ подъ тяжкимъ игомъ, принцесса, приступая къ своему дѣлу, руководится не однимъ своимъ правомъ, но и стремленіемъ чувствительнаго сердца. Она желала бы знать: примете ли вы, графъ, участіе въ ея предпріятіи.

„Если вы желаете перейти на нашу сторону, объявите манифестъ, на основаніи прилагаемыхъ при семъ статей. Если вы не захотите стать за насъ, мы не будемъ сожалѣть, что сообщили вамъ о своихъ намѣреніяхъ. Да послужитъ это вамъ удостовѣреніемъ, что мы дорожимъ вашимъ участіемъ. Прямодушный характеръ вашъ и обширный умъ внушаютъ намъ желаніе видѣть васъ въ числѣ своихъ. Это желаніе искренно, и оно тѣмъ болѣе должно быть лестно для васъ, графъ, что идетъ не отъ коварныхъ людей, преслѣдующихъ невинныхъ“.

Она пишетъ о духовномъ завѣщаніи Елизаветы, о союзѣ съ султаномъ, Пугачовѣ-братѣ.

„Время дорого. Пора энергически взяться за дѣло, иначе русскій народъ погибнетъ. Сострадательное сердце наше не можетъ оставаться покойнымъ при видѣ его страданій. Не обладаніе короной побуждаетъ насъ къ дѣйствію, но кровь, текущая въ нашихъ жилахъ. Наша жизнь, полная несчастій и страданій, да послужитъ тому доказательствомъ. Впослѣдствіи дѣлами правленія мы еще болѣе докажемъ это. Вашъ безпристрастный взглядъ на вещи, графъ, достойно оцѣнитъ сіи слова наши“.

Но мнимая Елизавета Вторая напрасно надѣялась завлечь въ свои сѣти Орлова.

Вмѣсто того, чтобы обнародовать „манифестикъ" (le petit manifeste), какъ называла его сама Лжеелизавета, Орловъ тотчасъ же отправилъ его въ Петербургъ къ императрицѣ.

„Желательно, всемилостивѣйшая государыня, — писалъ онъ, — чтобъ искорененъ былъ Пугачовъ, а лучше бы того, если бы пойманъ былъ живой, чтобъ изыскать чрезъ него сущую правду. Я все еще въ подозрѣніи, не замѣшались ли тутъ французы, о чемъ я въ бытность мою докладывалъ, а теперь меня еще болѣе подтверждаетъ полученное мною письмо отъ неизвѣстнаго лица. Есть ли этакая (т. е. дочь Елизаветы Петровны), или нѣтъ, я не знаю, а буде есть и хочетъ не принадлежащаго себѣ, то бъ я навязалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе жъ письмо прислано, изъ котораго ясно увидѣть изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пугачова нѣсколько сходствовали въ слогѣ сему его обнародованія, а можетъ быть и то, что меня хотѣли пробовать, до чего моя вѣрность простирается къ особѣ вашего величества. Я жъ на оное ничего не отвѣчалъ, чтобы чрезъ то не утвердить болѣе, что есть такой человѣкъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣнія. Еще извѣстіе пришло изъ Архипелага, что одна женщина пріѣхала изъ Константинополя въ Паросъ и живетъ въ немъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ на англійскомъ суднѣ, платя слишкомъ по тысячѣ піастровъ на мѣсяцъ корабельщику, а сказываетъ, что она дожидается меня: только за вѣрное еще не знаю; отъ меня же посланъ нарочно вѣрный офицеръ, и ему приказано съ оною женщиною переговорить, и буде найдетъ что-нибудь сомнительное, въ такомъ случаѣ обѣщалъ бы на словахъ мою услугу, а изъ-за того звалъ бы для точнаго переговора сюда, въ Ливорно. И мое мнѣніе, буде найдется такая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо въ Кронштадтъ, и на оное буду ожидать повелѣнія: какимъ образомъ повелите мнѣ въономъ случаѣ поступить, то все наиусерднѣйше исполнять буду".

Такимъ образомъ, являлось двѣ интригантки: одна на островѣ Паросъ, другая—въ Рагузѣ. Такъ какъ Лжеелизавета Тараканова не сообщила Орлову своего адреса изъ боязни, то онъ сначала могъ смѣшать обѣихъ женщинъ, желавшихъ уловить его въ свою интригу: но, между тѣмъ, онъ рѣшился розыскать и ту, и другую.

На островъ Паросъ онъ отправляетъ съ особымъ фрегатомъ графа Войновича, серба русской службы. Войновичъ нашелъ, что эта интрига шла изъ Константинополя, откуда, не безъ вѣдома султана Ахмета, явилась на Паросъ одна константинопольская красавица, которая должна была обольстить Орлова и посредствомъ подкупа заставить его измѣнить своей императрицѣ.

Орловъ не обратилъ на нее никакого вниманія.

Ему нужна была Лжеелизавета.

Розыскивать эту послѣднюю онъ послалъ Рибаса, впослѣдствіи адми-

рала русской службы и основателя Одессы, Рибаса, о ловкости котораго говорилъ послѣ и Суворовъ, желая похвалить дальновидность Кутузова: „его и Рибасъ не проведетъ“.

Но Рибасъ, отправленный Орловымъ на розыски, какъ въ воду канулъ. Около трехъ мѣсяцевъ Орловъ ничего не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

...„И я сомнѣваюсь объ немъ, — писалъ Орловъ императрицѣ уже въ концѣ декабря 1774 года: — либо умеръ онъ, либо гдѣ удержанъ, что не можетъ о себѣ извѣстить, а человѣкъ былъ надежный и доказанъ былъ многими опытами въ его вѣрности“.

Но Рибасъ не пропалъ—онъ рыскалъ по слѣдамъ Лжеелизаветы, но не могъ ее настигнуть, потому что она оставила Рагузу.

Въ декабрѣ же Орловъ получилъ изъ Петербурга инструкціи императрицы: „поймать всклепавшую на себя имя, во что бы ни стало“, идти къ Рагузѣ съ флотомъ, потребовать выдачи самозванки, и если сенатъ рагузской республики откажется выдать ее—бомбардировать городъ.

Орловъ отправляетъ новыхъ агентовъ на поиски за самозванкой!

А императрицѣ, между прочимъ, пишетъ:

„Ничего имъ въ откровенности не сказано, а показалъ имъ любопытство, что я желаю знать о пребываніи давно мнѣ знакомой женщины, а офицеру приказано, буде можетъ, и въ службу войти къ ней или къ князю Радзивиллу, волонтеромъ, чего для и абшидъ ему далъ, чтобы можно было лучше прикрыться.“ Затѣмъ Орловъ прибавлялъ въ своемъ донесеніи: „А случилось мнѣ распрашивать одного маіора, который посыланъ былъ отъ меня въ Черную Гору и проѣзжалъ Рагузы и дня два въ оныхъ останавливался, и онъ тамъ видѣлъ князя Радзивилла и сказывалъ, что она еще въ Рагузахъ, гдѣ какъ Радзивиллу, такъ и оной женщинѣ великую честь отдавали и звали его, чтобъ онъ шелъ на поклонъ, но оный, услышавъ такое всклепанное имя, поопасся идти къ злодѣйкѣ, сказавъ притомъ, что эта женщина плутовка и обманщица, а самъ старался изъ оныхъ мѣстъ уѣхать, чтобъ не подвергнуть себя опасности“.

Но Орлову нечего было ѣхать бомбардировать Рагузу — „плутовки“ тамъ уже не было.

У нея произошелъ совершенный разрывъ съ Радзивилломъ и съ поляками: для Радзивилла Лжеелизавета была уже плохою подмогой, потому что миръ Россіи съ Турціей отнималъ у него всякую надежду поднять Турцію на Россію даже именемъ Елизаветы Второй.

Эта послѣдняя увидала себя всѣми покинутою, и здоровье ея сильно было надломлено. Изумительная дѣятельность молодой дѣвушки, которая за цѣлый штабъ вела переписку едва ли не со всѣми дворами и вездѣ разсылала свои воззванія и признанія, неудачи, огорченія и неумѣренная жизнь—все это съѣдало ея молодое здоровье: у нея открылись несомнѣнные признаки чахотки.

Но вотъ мы ее видимъ уже въ Италіи—сначала въ Барлеттѣ, потомъ въ Неаполѣ, потомъ, наконецъ, въ Римѣ.

Между тѣмъ, раньше этого она, между прочимъ, пишетъ въ Петербургъ къ графу Панину, русскому канцлеру: „Вы въ Петербургѣ не довѣряете никому, другъ друга подозрѣваете, боитесь, сомнѣваетесь, ищите помощи, но не знаете, гдѣ ее найти: можно найти ее во мнѣ и въ моихъ правахъ. Знайте, что ни по характеру, ни по чувствамъ я не способна дѣлать что-либо безъ вѣдома народа, не способна къ лукавству и коварной политикѣ, напротивъ, вся жизнь моя будетъ посвящена народу. Знайте и то, что я до послѣдней минуты жизни буду отстаивать права свои на корону... Я не стану говорить о заключенномъ мирѣ, — продолжаетъ она далѣе:—онъ самъ по себѣ весьма не проченъ; вы не знаете того, что̀ я знаю, но благоразуміе заставляетъ меня молчать... Если я не скоро явлюсь въ Петербургъ, то это будетъ ваша ошибка, графъ“.

Оставляя Рагузу и направляясь въ Италію, Лжеелизавета не унываетъ оттого, что изъ ея блестящей свиты осталось только три вѣрныхъ ей человѣка—Чарномскій, Ганецкій эксъ-іезуитъ и „мосбахскій незнакомецъ“ Доманскій.

Черезъ море ее перевозитъ корабль Гассана. Изъ Барлетты она направляется въ Неаполь, гдѣ англійскій посланникъ Гамильтонъ выправляетъ паспорты для нея и для ея немногочисленной свиты.

Лжеелизавета въ Римѣ.

„Иностранная дама польскаго происхожденія, — пишетъ отъ 3 января 1775 года аббатъ Рокотани варшавскому канонику Гиджіотти,—прибыла сюда въ сопровожденіи одного польскаго эксъ-іезуита, двухъ другихъ поляковъ и одной польской служанки (это—фонъ-Мешеде). Она платитъ за квартиру по 50 цехиновъ въ мѣсяцъ, да 35 за карету; держитъ при себѣ одного учителя поляка, пріѣхавшаго съ нею, и одного итальянца, нанятого по пріѣздѣ ея въ Римъ. Она ни съ кѣмъ не имѣетъ знакомства, и ѣздитъ на прогулку въ каретѣ съ закрытыми стеклами. На квартирѣ ея эксъ-іезуитъ даетъ аудіенцію приходящимъ“.

Но смерть, видимо, стучалась уже въ дверь этой странной, таинственной женщины: докторъ почти не выходилъ изъ ея квартиры — больная сильно кашляла.

А, между тѣмъ, и въ этомъ положеніи она не отрекается ни отъ себя, ни отъ своей роли, ни отъ своей изумительной дѣятельности.

Папа Климентъ XIV за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ умеръ. Конклавъ избираетъ новаго папу. Члены конклава заперты въ Ватиканѣ, и къ нимъ доступъ невозможенъ. Есть слухи, что папою будетъ кардиналъ Альбани.

Къ нему можно только тайно пробраться, и то не въ конклавъ, а къ окну. Лжеелизавета желаетъ войти въ переговоры съ этимъ кардиналомъ; но никто къ нему пробраться не можетъ.

— Если такъ,—говоритъ въ раздраженіи больная: — сегодня же достать мужское платье: я въ немъ проберусь къ кардиналу.

Ее останавливаютъ. Но энергическая дѣвушка заставляетъ Ганецкаго

пробраться въ Ватиканъ съ окна изъ конклава и подать письмо отъ Лжеелизаветы.

Кардиналъ посылаетъ къ ней аббата Рокотани. Аббатъ представляется самозванкѣ въ тайной аудіенціи.

„Между нами,—пишетъ Рокотани своему другу,—начался оживленный разговоръ о политикѣ, объ іезуитахъ; о нихъ графиня отозвалась не совсѣмъ благосклонно, впрочемъ, говорила больше всего о польскихъ дѣлахъ“.

Она передаетъ аббату записку для врученія будущему папѣ. Въ запискѣ она, между прочимъ, говоритъ, что пріѣздъ ея въ столицу римскаго католичества можетъ имѣть весьма важное для ватиканскаго двора послѣдствіе, что ей предназначена Провидѣніемъ корона великой имперіи не только для благоденствія многочисленныхъ отдаленныхъ отъ Рима народовъ, но и для блага церкви.

Вотъ уже въ какую сторону она поворачиваетъ дѣло!

При вторичномъ свиданіи съ Лжеелизаветой аббата Рокотани, явившагося къ ней съ отвѣтомъ отъ кардинала Альбани, самозванка ему сообщаетъ, что намѣрена ѣхать въ Варшаву для свиданья съ королемъ Станиславомъ-Августомъ.

— Въ Россіи,—говоритъ она, между прочимъ:—недавно умеръ мой намѣстникъ (это Пугачовъ, тогда только-что казненный), но я возьму часть своего войска для конвоированія и пройду въ Константинополь. Я очень больна, но если Провидѣнію угодно сохранить дни мои, я достигну престола и возстановлю Польшу въ прежнихъ ея предѣлахъ,—возстановлю прежде чѣмъ исполнится полгода. Екатеринѣ отдамъ прибалтійскія провинціи съ Петербургомъ—съ нея будетъ и этого довольно.

Она порицаетъ образъ дѣйствій Радзивилла.

— Я его уговаривала помириться съ королемъ Станиславомъ-Августомъ, но онъ меня не послушался, и я въ томъ не виновата, что онъ остается въ раздорѣ съ королемъ. Графа Огинскаго успѣла же я помирить съ его величествомъ.

Обаяніе этой дѣвушки такъ велико, что и аббатъ Рокотани невольно втягивается въ ея интересы.

А тутъ является на подмогу патеръ Ліадій, служившій нѣкогда офицеромъ въ русскомъ войскѣ и положительно увѣряющій, что знаетъ дочь императрицы Елизаветы.

— Я помню ее — я видалъ ее въ зимнемъ дворцѣ на выходахъ: ее прочили тогда за голштинскаго принца, двоюроднаго брата тогдашняго наслѣдника, а послѣ перемѣны правительства въ 1762-мъ году всѣ говорили, что она уѣхала въ Пруссію.

Даже недовѣрчивый кардиналъ начинаетъ чувствовать надъ собой ея вліяніе, хотя еще не видалъ ея.

„Какъ скоро я достигну цѣли,—вновь пишетъ она кардиналу,—какъ скоро получу корону, я немедленно войду въ сношенія съ римскимъ дворомъ и приложу всѣ старанія, чтобы подчинить народъ мой святѣйшему

отцу. Только вамъ одному рѣшаюсь сообщить эту завѣтную тайну. Примите въ уваженіе опасное положеніе, въ которомъ я нахожусь, и поймите, насколько я нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ и помощи. Я утѣшаю себя мыслію, что ваше высокопреосвященство будете избраны въ папы.“

Такъ и съ первымъ русскимъ самозванцемъ, Лжедимитріемъ: на этой же основѣ ткалось предположеніе объ обращеніи русскаго народа въ католичество.

Кардиналъ, въ отвѣтѣ своемъ самозванкѣ, между прочимъ, употребляетъ такую фразу: „Провидѣніе будетъ руководить вашими благими намѣреніями, и если правда на вашей сторонѣ, вы достигнете своей цѣли.“

Въ Римѣ же неутомимая дѣвушка входитъ въ сношеніе съ польскимъ резидентомъ въ столицѣ католичества, съ маркизомъ д'Античи.

Боясь компрометировать свое оффиціальное положеніе передъ Рѣчью Посполитою, резидентъ назначаетъ дѣвушкѣ свиданіе въ церкви Santa Maria degli Angeli.

Она сообщаетъ ему свое имя, свои планы.

Необыкновенный умъ дѣвушки заставляетъ резидента поколебаться, но разсудокъ и осторожность берутъ верхъ надъ увлеченіемъ. Онъ совѣтуетъ ей отказаться отъ своихъ безумныхъ и гибельныхъ плановъ.

Но ее не такъ-то легко побѣдить.

„Въ послѣднее свиданіе наше, — пишетъ она ему черезъ нѣсколько дней,—я нашла въ васъ столько благородства, ума и добродѣтели, что по сію пору нахожусь въ океанѣ размышленій и удивленій... Но вчера ввечеру получила я множество писемъ, адресованныхъ ко мнѣ въ Рагузу, и въ то же время получила извѣстіе, что миръ не будетъ ратификованъ султаномъ; невозможно вообразить, какія смятенія царствуютъ теперь въ Портѣ. Я намѣрена обратиться съ извѣстнымъ вамъ предложеніемъ къ Польшѣ и съ тою же цѣлію пошлю курьера въ Берлинъ къ королю Фридриху. Для себя я ничего не желаю: хочу достичь одной славы — славы возстановительницы Польши. Средства къ этому у меня есть, и я не замедлю доставить его величеству королю Станиславу-Августу эти средства для веденія войны противъ Екатерины. Какъ скоро онъ подниметъ оружіе, русскій народъ, страдающій подъ настоящимъ правленіемъ и вполнѣ намъ преданный, соединится съ польскими войсками. Что касается до короля прусскаго — это мое дѣло: я на себя принимаю уладить съ нимъ соглашеніе. Курьеръ, котораго я отправляю въ Константинополь, поѣдетъ черезъ Европу и завезетъ письмо мое въ Берлинъ. Сама я поѣду отсюда также въ Берлинъ и повидаюсь съ королемъ прусскимъ. Во время путешествія до Берлина мнѣ будетъ достаточно времени подумать о моихъ депешахъ, которыя король Фридрихъ получитъ до прибытія моего въ его столицу. Изъ Берлина поѣду въ Польшу, оттуда въ польскую Украйну, тамъ и неподалеку оттуда стоятъ преданныя намъ русскія войска. Здѣсь никто не будетъ подозрѣвать, куда я отправляюсь, всѣ будутъ думать, что я поѣхала въ Германію, въ тамошнія мои владѣнія. Какой бы оборотъ

ни приняли дѣла мои, я всегда найду средства воспрепятствовать злу. Небо, намъ поборающее, доставитъ успѣхъ, если будутъ помогать намъ; если же я не увижу помощи, оставлю все и устрою для себя пріятное убѣжище".

Осторожный резидентъ отвѣчаетъ совѣтомъ — бросить все.

„Позвольте,—пишетъ онъ ей,—предложить вамъ избрать то самое намѣреніе, какое вы высказали въ письмѣ вашемъ ко мнѣ: оставьте всякіе политическіе замыслы и удалитесь въ пріятное уединеніе. Всякое другое намѣреніе для людей благомыслящихъ покажется не только опаснымъ, но и противнымъ долгу и голосу совѣсти; оно можетъ показаться имъ химерическимъ или, по крайней мѣрѣ, влекущимъ за собой неизбѣжныя бѣдствія.

Въ Римѣ штатъ самозванки снова увеличивается до шестидесяти человѣкъ. Снова является блескъ и роскошь. Она бросаетъ деньги народу горстями. Объ ней говоритъ весь Римъ. Она обозрѣваетъ достопримѣчательности вѣчнаго города, картинныя галлереи, памятники классической архитектуры. Народъ валитъ за ней толпами. Всегда ее сопровождаетъ аббатъ Рокотани, и поражается обширностію ея знаній въ искусствѣ, въ архитектурѣ. Она сама прекрасно рисуетъ, играетъ на арфѣ. Въ салонахъ своихъ она является какою-то волшебницею.

Но роковая развязка все ближе и ближе подходитъ къ ней, а она сама слѣпо близится къ этой трагической развязкѣ.

Она пишетъ обширное письмо къ англійскому посланнику въ Неаполѣ, сэру Гамильтону, уже снабдившему ее паспортомъ, открываетъ ему свою тайну, повѣряетъ свои безумные планы — и этимъ именно губитъ себя.

„При сношеніяхъ моихъ съ Портой,—прибавляетъ она, между прочимъ,— я не забуду интересовъ вашего двора: вѣдь, англійская торговля въ Левантѣ. сильно подорвана мирнымъ трактатомъ, подписаннымъ великимъ визиремъ."

Сэръ Гамильтонъ, встревоженный этимъ посланіемъ, изъ котораго онъ увидѣлъ, кому онъ, по невѣдѣнію, покровительствовалъ въ своемъ паспортѣ, немедленно отправилъ письмо самозванки въ Ливорно, къ Орлову.

Это письмо открыло глаза Орлову: онъ зналъ теперь, гдѣ искать женщину, которую напрасно разыскивали его агенты по Европѣ.

Онъ рѣшился, во что бы то ни стало, захватить ее.

Для выполненія этого труднаго предпріятія онъ назначаетъ своего генеральсъ-адъютанта Христенека.

Императрицѣ, между тѣмъ, Орловъ доноситъ:

„Всемилостивѣйшая государыня! По запечатаніи всѣхъ моихъ донесеній вашему императорскому величеству получилъ я извѣстіе отъ посланнаго мною офицера для развѣдыванія о самозванкѣ, что она больше не находится въ Рагузахъ и многія обстоятельства увѣрили его, что оная поѣхала вмѣстѣ съ княземъ Радзивилломъ въ Венецію, и онъ, ни мало не мѣшкая, поѣхалъ за нимъ вслѣдъ, но по пріѣздѣ его въ Венецію нашелъ только одного Радзивилла, а она туда и не пріѣзжала; и объ немъ разно говорятъ: одни — будто онъ намѣренъ ѣхать во Францію, а другіе увѣ-

ряютъ, что онъ возвращается въ отечество. А объ ней офицеръ развѣдалъ, что она поѣхала въ Неаполь. А на другой день онаго извѣстія получилъ я изъ Неаполя письмо отъ англійскаго министра Гамильтона, что тамъ одна женщина была, которая просила у него паспортъ для проѣзда въ Римъ, что̀ онъ для услуги ея и сдѣлалъ, а изъ Рима, получилъ отъ нея письмо, гдѣ она себя принцессой называетъ. Я же всѣ оныя письма въ оригиналѣ, какъ мною получены, на разсмотрѣніе вашему императорскому величеству при семъ посылаю. А отъ меня нарочный того же дня посланъ въ Римъ штата моего генеральсъ-адъютантъ Иванъ Христенекъ, чтобъ объ ней въ точности навѣдаться и стараться познакомиться съ нею; притомъ, чтобъ онъ обѣщалъ, что она во всемъ можетъ на меня положиться, и буде уговоритъ, чтобы привезтъ ее ко мнѣ съ собою. А министру англійскому я отвѣчалъ, что это надо быть самой сумасбродной и безумной женщинѣ, однако-жъ, притомъ далъ ему знать мое любопытство, чтобъ я желалъ видѣть ее, и притомъ просилъ его, чтобы присовѣтовалъ онъ ѣхать ей ко мнѣ... Но и что впредь будетъ происходить, о томъ не упущу доносить вашему императорскому величеству, и всѣ силы употреблю, чтобъ оную достать, а по послѣдней мѣрѣ свѣдому быть о ея пребываніи. Я-жъ, повергая себя къ священнымъ вашимъ стопамъ, пребуду навсегда вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей моей государыни, всеподданнѣйшій рабъ графъ Алексѣй Орловъ.“

Развязка дѣйствительно близко.

Христенекъ уже бродитъ подъ окнами своей жертвы. Разспрашиваетъ о ней прислугу, отзывается о ней съ крайней почтительностью.

Ей передаютъ объ этомъ. Первая мысль—русская засада, агентъ, шпіонъ.

Но испугъ проходитъ: какая-то нравственная слѣпота толкаетъ ее въ пропасть.

Она принимаетъ Христенека. Христенекъ говоритъ своей жертвѣ о глубокомъ участіи къ ней Орлова.

Снова испугъ, а потомъ опять ослѣпленіе.

Роскошная жизнь истощила всѣ ея средства и денегъ достать не откуда. А тутъ Христенекъ нашептываетъ, что Орловъ признаетъ ее за дочь Елизаветы Петровны, предлагаетъ ей свою руку и русскій престолъ, на который онъ возведетъ ее, произведя въ Россіи возмущеніе, такъ какъ народъ не доволенъ Екатериной.

Христенекъ показываетъ даже письмо Орлова въ этомъ смыслѣ.

Жертва отдается въ руки Христенека. Посылая къ Орлову курьера, она въ письмѣ своемъ къ нему замѣчаетъ: „желаніе блага Россіи во мнѣ такъ искренно, что никакое обстоятельство не въ силахъ остановить меня въ исполненіи своего долга.“

10-го февраля она, уже подъ именемъ графини Селинской, выѣзжаетъ изъ Рима въ двухъ каретахъ. За нею ѣдутъ Доманскій, Черномскій, Франциска фонъ-Мешеде и слуги. Народъ провожаетъ ее кликами „виватъ“, а она бросаетъ въ толпу деньги.

Христенекъ ѣдетъ слѣдомъ за нею.

Жертва Орлова, наконецъ, въ Пизѣ, у него въ рукахъ. Но она еще опасна для него—ее нельзя схватить, нельзя арестовать, потому что это было бы нарушеніемъ международныхъ правъ, и священная римская имперія не позволила бы этого Россіи. Притомъ, жертва эта сильна своею популярностью: народъ вездѣ встрѣчаетъ ее какъ царственную особу, а іезуиты, считая ее тоже своею жертвою, способны были бы отплатить за нее Орлову ядомъ, кинжаломъ.

Графиню Селинскую окружаетъ свита въ шестьдесятъ человѣкъ—вся обстановка царственная. Орловъ относится къ ней болѣе чѣмъ почтительно—онъ ведетъ себя какъ вѣрноподданный: каждый день является къ ней въ парадной формѣ и въ лентѣ и не садится въ ея присутствіи.

Орловъ изучаетъ ее, выпытываетъ, что̀ ему нужно; несмотря на то, что она разсказала ему нѣкоторыя изъ извѣстныхъ уже намъ обстоятельствъ ея жизни, онъ ищетъ въ ней что-то другое.

„Оная женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицемъ ни бѣла, ни черна, косы и брови темнорусы, а на лицѣ есть веснушки. Говоритъ хорошо по-французски, по-нѣмецки, немного по-итальянски, разумѣетъ по-англійски, думать надобно, что и польскій языкъ знаетъ, только ни какъ не отзывается; увѣряетъ о себѣ, что она арабскимъ и персидскимъ языкомъ очень хорошо говоритъ... Свойство имѣетъ она довольно отважное и своею смѣлостью много хвалится“,—такъ описываетъ ее Орловъ въ своемъ донесеніи императрицѣ.

Въ теченіе недѣли Орловъ окончательно увлекаетъ ее своей любезностью, предупредительностью—и страстная женщина отдается своему тюремщику.

А тюремщикъ, между тѣмъ, доноситъ императрицѣ: „Она ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для я и старался предъ нею быть очень страстенъ. Наконецъ, я ее увѣрилъ, что я бы съ охотою женился на ней, и въ доказательство, хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достичь бы до того, чтобы волю вашего величества исполнить, но она сказала мнѣ, что теперь не время, потому что еще не счастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ“.

Въ это время, по предварительному уговору Орлова съ англійскимъ консуломъ въ Ливорно, сэръ-Джонъ-Дикомъ, этотъ послѣдній увѣдомляетъ Орлова, будто, по случаю столкновенія тамъ англійскихъ чиновниковъ съ русскими, необходимо личное присутствіе графа. Узнавъ объ его отъѣздѣ, влюбленная женщина не имѣетъ силъ разстаться съ Орловымъ и рѣшается сопровождать его въ Ливорно.

Жертва сама отдавалась въ руки. Въ Ливорно стояла русская эскадра, которая и могла увезти плѣнницу въ Россію.

Къ пріѣзду своихъ знатныхъ гостей сэръ-Джонъ-Дикъ готовилъ роскошный обѣдъ. На другой день такой же роскошный завтракъ. Жертва не догадывается, что настоящій тюремщикъ не Орловъ, а англійскій консулъ.

По улицамъ города народъ толпами встрѣчаетъ таинственную принцессу, окруженную царскимъ блескомъ. Вечеромъ она въ оперѣ—но это канунъ ея тюрьмы, послѣдній вечеръ свободы.

За завтракомъ у консула заходитъ рѣчь о русскомъ флотѣ. Принцесса изъявляетъ желаніе видѣть его, полюбоваться морскими маневрами.

Все общество отправляется на рейдъ. Народъ опять провожаетъ восторженными кликами русскую великую княжну.

На корабляхъ играетъ музыка. Раздаются пушечные выстрѣлы—это царскій салютъ. Матросы стоятъ на реяхъ. Принцессу встрѣчаютъ громкимъ „ура“: ее, внучку Петра Великаго, привѣтствуетъ созданный имъ флотъ, приготовившій ей тюрьму.

Принцессу поднимаютъ на палубу адмиральскаго корабля „Трехъ Іерарховъ“ посредствомъ спущеннаго кресла. Орловъ, проводитъ ее между рядовъ офицеровъ, а кругомъ гремитъ „ура“!

Общество пьетъ здоровье принцессы. Начинаются маневры. Всѣ выходятъ изъ каютъ на палубу. Орловъ, контръ-адмиралъ Грейгъ, Христенекъ, жена контръ-адмирала, жена консула, Чарномскій, Доманскій—всѣ стоятъ въ почтительномъ отдаленіи отъ „Елизаветы“.

Стоя у борта и глядя на маневры, принцесса забываетъ, повидимому, все окружающее... Она царица—это ея подданные...

Вдругъ она слышитъ, что позади ея кто-то повелительнымъ тономъ требуетъ шпаги у Христенека, Доманскаго и Чарномскаго. Она оборачивается: передъ ней стоитъ незнакомый офицеръ... Именемъ императрицы онъ объявляетъ арестъ!

Это былъ гвардейскій капитанъ Литвиновъ. Ни Орлова, ни Грейга, ни дамъ—никого нѣтъ... Точно все, что происходило за нѣсколько минутъ назадъ, былъ сонъ. Да, это дѣйствительно былъ ужасный сонъ.

— Что это значитъ?—строго спрашиваетъ принцесса.

— По именному повелѣнію ея императорскаго величества вы арестованы,—отвѣчаетъ Литвиновъ.

— Гдѣ графъ Орловъ?—вскрикиваетъ она.

— Арестованъ по приказанію адмирала.

Обморокъ. Безчувственную арестантку относятъ въ каюту.

Судьба сводитъ послѣдніе счеты таинственной личности.

Когда къ плѣнницѣ воротилось сознаніе, она пишетъ къ Грейгу письмо, рѣзко протестуетъ противъ сдѣланнаго ей насилія и требуетъ назадъ свою свободу.

Грейгъ ничего не отвѣчалъ.

Плѣнница пишетъ къ Орлову. Она зоветъ его къ себѣ. Она проситъ разъяснить ей, что случилось.

„Я готова на все, что ни ожидаетъ меня,—писала она,—но постоянно сохраню чувства мои къ вамъ, несмотря даже на то, навсегда ли вы отняли у меня свободу и счастье, или еще имѣете возможность и желаніе освободить меня отъ ужаснаго положенія“.

„Ахъ,—отвѣчаетъ ей Орловъ:—въ какомъ мы несчастіи! Но не надо отчаяваться—будемъ терпѣть. Всемогущій Богъ не оставитъ насъ. Я нахожусь въ такомъ же печальномъ состояніи, какъ и вы, но преданность моихъ офицеровъ подаетъ мнѣ надежду на освобожденіе. Адмиралъ Грейгъ, по дружбѣ своей, давалъ было мнѣ возможность бѣжать. Я спрашивалъ его, что за причина поступка, сдѣланнаго имъ. Онъ сказалъ, что получилъ повелѣніе и меня, и всѣхъ, кто при мнѣ находится, взять подъ стражу. Я сѣлъ въ шлюпку и проплылъ-было уже мимо всѣхъ кораблей. Меня не замѣтили. Но вдругъ увидалъ я два корабля передъ собой и два сзади, всѣ они направились къ моей шлюпкѣ. Видя, что дѣло плохо, я велѣлъ грести изо всѣхъ силъ, чтобъ уйти отъ кораблей; мои люди, хорошо исполнили мое приказаніе, но одинъ изъ кораблей догналъ меня, къ нему подошли другіе, и моя шлюпка была окружена со всѣхъ сторонъ. Я спросилъ: „Что это значитъ? Пьяны что ли вы?“ Но мнѣ очень учтиво отвѣчали, что они имѣютъ приказаніе просить меня на корабль со всѣми находившимися при мнѣ офицерами и солдатами. Когда я взошелъ на бортъ, командиръ корабля со слезами на глазахъ объявилъ мнѣ, что я арестованъ. Я долженъ былъ покориться своей участи. Но надѣюсь на Всемогущаго Бога. Онъ не оставитъ насъ. Что касается адмирала Грейга, онъ будетъ оказывать вамъ всевозможную услужливость, но прошу васъ, хотя на первое только время, не пользоваться его преданностію къ вамъ; онъ будетъ очень остороженъ. Мнѣ остается просить васъ, чтобы вы берегли свое здоровье, а я, какъ только получу свободу, буду искать васъ по всему свѣту и отыщу, чтобы служить вамъ. Только берегите себя, объ этомъ прошу васъ отъ всего сердца. Ваше письмо я получилъ, ваши строки я читалъ со слезами, видя, что вы меня обвиняете въ своемъ несчастіи. Берегите же себя. Предоставьте судьбу нашу Всемогущему Богу и ввѣрьтесь ему. Я еще не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо до васъ, но надѣюсь, что адмиралъ будетъ настолько любезенъ и справедливъ, что передастъ его вамъ. Отъ всего сердца цѣлую ваши ручки“.

Орловъ всего болѣе заботится о томъ, чтобы живою доставить ее въ Петербургъ, оттого и умолялъ беречь здоровье.

Въ Пизѣ, между тѣмъ, шелъ арестъ ея бумагъ и части прислуги. Остальная свита была распущена.

Арестъ таинственной красавицы произвелъ въ населеніи Ливорно сильное негодованіе. Народъ грозилъ русскимъ; толпы подъѣзжали въ шлюпкахъ къ кораблямъ; но русскіе матросы грозили, что будутъ стрѣлять въ толпу. Тосканскій дворъ также негодовалъ и протестовалъ противъ нарушенія международныхъ правъ.

Опасаясь, что плѣнница съ тоски не осилитъ переѣзда до Петербурга, Орловъ велѣлъ доставить ей книгъ для чтенія. Но она скоро поняла свою участь, и не дотрогивалась до нихъ.

Черезъ пять дней русская эскадра вышла въ море. Самъ Орловъ, боясь, что его умертвятъ въ Италіи за сдѣланное имъ женщинѣ насиліе, безъ

дозволенія императрицы ускакалъ въ Россію сухимъ путемъ, второпяхъ пославъ императрицѣ черновое донесеніе о совершенномъ имъ подвигѣ.

„Угодно было вашему императорскому величеству повелѣть: доставить называющую принцессу Елизавету, которая находилась въ Рагузахъ (писалъ Орловъ). Я со всеподданническою моею рабскою должностію, чтобы повелѣніе вашего величества исполнить, употреблялъ всѣ возможныя мои силы и старанія, и счастливымъ себя почитаю, что могъ я оную злодѣйку захватить со всею ея свитою на корабли, которая теперь со всѣми съ ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ, и разсажены по разнымъ кораблямъ. При ней сперва была свита до шестидесяти человѣкъ; посчастливилось мнѣ оную уговорить, что она за нужное нашла свою свиту распустить, а теперь захвачена она, камермедхенъ ея, два дворянина польскихъ и нѣсколько слугъ, которымъ имена при семъ прилагаю...

„Признаюсь,—говоритъ онъ далѣе, — всемилостивѣйшая государыня, что я теперь, находясь внѣ отечества въ здѣшнихъ мѣстахъ, опасаться долженъ, чтобы не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или окормлену. Я-жъ ее привезъ самъ на корабли на своей шлюпкѣ и съ ея кавалерами, и препоручилъ надъ нею смотрѣніе контръ-адмиралу Грейгу, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ онъ всевозможное попеченіе имѣлъ о ея здоровьѣ, и приставленъ одинъ лѣкарь; берегся бы, чтобъ она, при стояніи въ портахъ, не ушла, тожъ никакого письмеца никому не передала. Равно велѣно смотрѣть и на другихъ суднахъ за ея свитою. Во услуженіи же оставлена у ней ея дѣвка и камердинеръ. Всѣ жъ письма и бумаги, которыя у ней находились, при семъ на разсмотрѣніе посылаю съ подписаніемъ нумеровъ: я надѣюсь, что найдется тутъ нѣсколько польскихъ писемъ о конфедераціи, противной вашему императорскому величеству, изъ которыхъ ясно изволите увидѣть и имена тѣхъ, кто они таковы. Контръ-адмиралу же Грейгу приказано отъ меня, по пріѣздѣ его въ Кронштадтъ, никому оной женщины не вручать безъ особливаго именнаго указа вашего императорскаго величества“.

Затѣмъ онъ описываетъ ея наружность, а потомъ говоритъ о томъ, что узналъ о ней.

„Я все оное отъ нея самой слышалъ,—продолжаетъ онъ,—сказывала о себѣ, что она и воспитана въ Персіи и тамъ очень великую партію имѣетъ; изъ Россіи же унесена она въ малолѣтствѣ однимъ попомъ и нѣсколькими бабами; въ одно время была окормлена, но скоро могли ей помощь подать рвотными. Изъ Персіи же ѣхала чрезъ татарскія мѣста, около Волги; была и въ Петербургѣ, а тамъ, чрезъ Ригу и Кенигсбергъ, въ Потсдамѣ была и говорила съ королемъ прусскимъ, сказавшись о себѣ, кто она такова; знакома очень между германскими князьми, а особливо съ трирскимъ и съ княземъ Голштейнъ-Шлезвигъ или люнебургскимъ; была во Франціи; говорила съ министрами, давъ мало о себѣ знать; вѣнскій дворъ въ подозрѣніи имѣетъ; на шведскій и прусскій очень надѣется: вся конфедерація ей очень извѣстна и всѣ начальники оной; намѣрена была

отсель ѣхать въ Константинополь прямо къ султану, и уже одинъ отъ нея самый вѣрный человѣкъ туда посланъ, прежде нежели она сюда пріѣхала. По объявленію ея въ разговорахъ, этотъ человѣкъ персіянинъ и знаетъ восемь или девять языковъ разныхъ, говоритъ оными всѣми очень чисто. Я-жъ моего собственнаго о ней заключенія не дѣлаю, потому что не могъ узнать въ точности, кто оная дѣйствительно. Свойство она имѣетъ довольно отважное и своею смѣлостію много хвалится: этимъ-то самымъ мнѣ и удалось ее завести, куда я желалъ".

Говоря потомъ, какъ онъ влюбилъ ее въ себя, чтобъ легче обмануть, и какъ подобнымъ же образомъ обманулъ другую свою „невѣсту Шмитшу" (она надзирала во дворцѣ за фрейлинами), Орловъ прибавляетъ: „Могу теперь похвастать, что имѣлъ невѣстъ богатыхъ! Извините меня, всемилостивѣйшая государыня, что я такъ осмѣливаюсь писать, я почитаю за должность все вамъ доносить такъ, какъ предъ Богомъ, и мыслей моихъ не таить. Прошу и того мнѣ не причесть въ вину, буде я по обстоятельству дѣла принужденъ буду, для спасенія моей жизни, и команду оставя, уѣхать въ Россію и упасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, препоручая мою команду одному изъ генераловъ, по мнѣ младшему, какой здѣсь на лицо будетъ. Да я долженъ буду и своихъ въ ономъ случаѣ обманывать, и никому предстоящей мнѣ опасности не показывать: я всего больше опасаюсь іезуитовъ, а съ нею нѣкоторые были и остались по разнымъ мѣстамъ. И она изъ Пизы уже писала во многія мѣста о моей къ ней привязанности, и я принужденъ былъ ее подарить своимъ портретомъ, который она при себѣ имѣетъ, а если захотятъ и въ Россіи мнѣ недоброхотствовать, то могутъ поэтому придраться ко мнѣ, когда захотятъ. Я нѣсколько сомнѣнія имѣю на одного изъ нашихъ вояжировъ, а легко можетъ быть, что я ошибаюсь, только видѣлъ многія французскія письма безъ подписи, и рука мнѣ знакомая быть кажется (Орловъ подозрѣвалъ Ив. Ив. Шувалова, но напрасно: то была рука князя Лимбурга). При семъ прилагаю полученное мною одно письмо изъ-подъ аресту, тожъ каковое она писала и контръ-адмиралу Грейгу, на разсмотрѣніе. И она по сіе время все еще вѣритъ, что не я ее арестовалъ, а секретъ нашъ наружу вышелъ. Тожъ у нея есть и моей руки письмо на нѣмецкомъ языкѣ, только безъ подписанія имени моего, и что я постараюсь выйти изъ-подъ караула, а послѣ могу и ее спасти. Теперь я не имѣю времени обо всемъ донести за краткостію время, а можетъ о многомъ доложить генералъ-адъютантъ моего штаба. Онъ за нею ѣздилъ въ Римъ, и съ нею онъ для виду арестованъ былъ на однѣ сутки на кораблѣ. Флотъ, подъ командою Грейга, состоящій въ пяти корабляхъ и одномъ фрегатѣ, сейчасъ подъ парусами, о чемъ дано знать въ Англію къ министру, чтобъ оный, по прибытіи въ портъ англійскій, былъ всѣмъ отъ него снабженъ. Флоту же велѣно, какъ возможно, поспѣшать къ своимъ водамъ. Всемилостивѣйшая государыня, прошу не взыскать, что я вчернѣ мое донесеніе къ вашему императорскому величеству посылаю; опасаюсь,

чтобы въ точности дѣла не провѣдали и не захватили курьера и со всѣми бумагами“.

Раздраженіе итальянцевъ противъ Орлова дѣйствительно было сильно: по Европѣ разнесся слухъ, что онъ самъ собственноручно умертвилъ свою жертву, по отплытіи русской эскадры отъ итальянскихъ береговъ, именно въ Бордо.

До самаго Плимута плѣнница была еще нѣсколько покойна: она все надѣялась, что на англійскихъ водахъ Орловъ освободитъ ее—она все еще вѣрила ему.

Въ Плимутѣ же, когда эскадра отходила по направленію къ Россіи, несчастная все поняла. Ею овладѣло бѣшенство. Но она лишилась чувствъ, и ее вынесли на палубу.

Она была беременна отъ Орлова, а между тѣмъ чахотка, видимо, съѣдала ее.

Очнувшись на палубѣ, она бросилась къ борту, чтобы спрыгнуть въ адмиральскую шлюпку; но ее схватили.

На берегъ стали собираться толпы любопытныхъ. Грейгъ поторопился отплытіемъ изъ Плимута.

„Я во всю жизнь мою никогда не исполнялъ такого тяжелаго порученія“, писалъ онъ Орлову.

Но вотъ 11 мая корабли бросили якорь въ кронштадтскомъ рейдѣ. Экипажу подъ страхомъ смерти запрещено было говорить о плѣнницѣ.

Донесли императрицѣ, которая была въ Москвѣ, послѣ казни Пугачова, „братца“ привезенной плѣнницы.

„Господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ (собственноручно писала Екатерина). Съ благополучнымъ вашимъ прибытіемъ съ эскадрою въ наши порты, о чемъ я сего числа и увѣдомилась, васъ поздравляю и весьма вѣстію сею обрадовалась. Чтожъ касается до извѣстной женщины и до ея свиты, то объ нихъ повелѣнія отъ меня посланы господину фельдмаршалу князю Голицыну въ С.-Петербургъ, и онъ сихъ вояжировъ у васъ съ рукъ сниметъ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что служба ваша во всегдашней моей памяти, и не оставлю вамъ дать знаки моего къ вамъ доброжелательства“.

Всѣ распоряженія относительно важной плѣнницы производились въ глубочайшей тайнѣ.

Глубокою таинственностью окутанъ и самый въѣздъ этой женщины въ Петербургъ.

24 мая, вечеромъ, Голицынъ требуетъ къ себѣ капитана преображенскаго полка Александра Толстого, и объявляетъ ему, что по высочайшей волѣ, на него возлагается чрезвычайно важное секретное порученіе. Въ другой комнатѣ, у налоя съ крестомъ и евангеліемъ, уже ждалъ священникъ. Толстого привели къ присягѣ въ томъ, что подъ страхомъ строжайшаго наказанія онъ будетъ вѣчно молчать о томъ, что предстоитъ ему исполнить въ слѣдующую ночь. Послѣ присяги фельдмаршалъ приказалъ капитану тою же ночью ѣхать съ командой въ Кронштадтъ, принять съ ко-

рабля „Трехъ Іерарховъ“, отъ адмирала Грейга, женщину и находящихся при ней людей, тайно провезти ихъ въ петропавловскую крѣпость и сдать коменданту Чернышеву. Команда, наряженная съ Толстымъ, также даетъ клятву вѣчнаго молчанія.

Въ эту же ночь особая яхта приплыла въ Кронштадтъ—это была команда, посланная за плѣнницей. Въ Кронштадтѣ она пристала прямо къ „Тремъ Іерархамъ“. Для большей осторожности Грейгъ приказалъ Толстому и его командѣ весь слѣдующій день до ночи не выходить даже изъ каютъ, чтобы никто на рейдѣ не видѣлъ, что за люди и откуда и зачѣмъ они пріѣхали.

Въ слѣдующую ночь таинственная плѣнница была уже въ алексѣевскомъ равелинѣ, а утромъ начались допросы.

Не станемъ говорить о допросахъ и показаніяхъ Доманскаго, Чарномскаго, Франциски фонъ-Мешеде и Кальтфигнера, потому что это слишкомъ увеличило бы объемъ настоящаго очерка.

Остановимся нѣсколько на допросѣ самой принцессы: въ этомъ допросѣ, ея показаніяхъ, въ ея удивительной стойкости и, наконецъ, въ ея страшномъ концѣ такъ много трагическаго.

Ее допрашивали по-французски.

Когда князь Голицынъ вошелъ въ ея казематъ, она пришла въ сильное волненіе. Но это была не робость, а гнѣвъ. Съ достоинствомъ и повелительнымъ тономъ плѣнница спросила князя.

— Скажите мнѣ, какое право имѣютъ такъ жестоко обходиться со мной? По какой причинѣ меня арестовали и держатъ въ заключеніи?

Князь строго замѣтилъ ей, что она должна дать прямые и неуклончивые отвѣты на все, о чемъ ее будутъ спрашивать, и началъ допросъ:

— Какъ васъ зовутъ?

— Елизаветой,—отвѣчала плѣнница.

— Кто были ваши родители?

— Не знаю.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать три года.

— Какой вы вѣры?

— Я крещена по греко-восточному обряду.

— Кто васъ крестилъ и кто были воспріемники?

— Не знаю.

— Гдѣ провели вы дѣтство?

— Въ Килѣ, у одной госпожи—Пере или Перонъ.

— Кто при васъ находился тогда?

— При мнѣ была нянька, ее звали Катериной. Она нѣмка, родомъ изъ Голштиніи.

О своемъ дѣтствѣ она прибавила новыя подробности.

— Въ Килѣ,—говоритъ она:—меня постоянно утѣшали скорымъ пріѣздомъ родителей. Въ началѣ 1762 года, когда мнѣ было девять лѣтъ

отъ роду (слѣдовательно, тотчасъ по кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны—замѣчателенъ этотъ фактъ), пріѣхали въ Киль трое незнакомцевъ. Они взяли меня у госпожи Перонъ и вмѣстѣ съ нянькой Катериной, сухимъ путемъ, повезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ сказали мнѣ, что родители мои въ Москвѣ и что меня повезутъ туда. Меня повезли, но не въ Москву, а куда-то далеко, на персидскую границу, и тамъ помѣстили у одной образованной старушки, которая, помню я, говорила, что она сослана туда по повелѣнію императора Петра III. Эта старушка жила въ домикѣ, стоявшемъ одиноко вблизи кочевья какого-то полудикаго племени. Здѣсь у пріютившей меня старушки прожила я годъ и три мѣсяца, и почти во все это время была больна.

— Чѣмъ вы были больны?

— Меня отравили. Хотя быстро даннымъ противоядіемъ жизнь моя была сохранена, но я долго была нездорова отъ послѣдствій даннаго мнѣ яда.

— Кто еще находился при васъ въ это время?

— Кромѣ Катерины, еще новая нянька; отъ нея я узнала нѣсколько словъ похожихъ на русскія. Потомъ начала въ томъ же домѣ у старушки учиться по-русски, выучилась этому языку, но впослѣдствіи забыла его. На персидской границѣ я была не въ безопасности, поэтому друзья мои, но кто они такіе, я не знала и до сихъ поръ не знаю, искали случая препроводить меня въ совершенно безопасное мѣсто. Въ 1763 году, съ помощью одного татарина, нянькѣ Катеринѣ удалось бѣжать вмѣстѣ со мной, десятилѣтнимъ ребенкомъ, изъ предѣловъ Россіи въ Багдадъ. Здѣсь принялъ меня богатый персіянинъ Гамедъ, къ которому нянька Катерина имѣла рекомендательныя обо мнѣ письма. Годъ спустя, въ 1764 году, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, другъ персіянина Гамеда, князь Гали, перевезъ меня въ Испагань, гдѣ я получила блистательное образованіе подъ руководствомъ француза Жана Фурнье. Гали мнѣ часто говаривалъ, что я законная дочь русской императрицы Елизаветы Петровны. Тоже постоянно говорили мнѣ и другіе окружавшіе меня люди.

— Кто такіе эти люди, внушившіе вамъ такую мысль?

— Кромѣ князя Гали, теперь никого не помню. Въ Персіи я пробыла до 1769 года, пока не возникли народныя волненія и безпорядки въ этомъ государствѣ. Тогда Гали рѣшился удалиться изъ Персіи въ Европу. Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда онъ повезъ меня изъ Персіи. Мы выѣхали сначала въ Астрахань, гдѣ вмѣсто сопровождавшей насъ персидской прислуги, Гали нанялъ русскую, принялъ имя Крымова и сталъ выдавать меня за свою дочь.

Потомъ она разсказала о своей жизни въ Европѣ—все что уже намъ извѣстно, только съ нѣкоторыми измѣненіями.

Выслушавъ весь ея разсказъ, князь Голицынъ снова началъ допросъ:

— Вы должны сказать, по чьему наученію выдавали себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны.

— Я никогда не была намѣрена выдавать себя за дочь императрицы,— отвѣчала она твердо.

— Но вамъ говорили же, что вы дочь императрицы?

— Да, мнѣ говорилъ это въ дѣтствѣ моемъ князь Гали, говорили и другіе, но никто не побуждалъ меня выдавать себя за русскую великую княжну, и я никогда, ни одного раза не утверждала, что я дочь императрицы.

Голицынъ показалъ ей отобранныя у нея завѣщанія Петра Великаго, Екатерины I и Елизаветы Петровны, а также извѣстный намъ „манифестикъ“, посланный ею изъ Рагузы къ Орлову.

— Что вы скажете объ этихъ бумагахъ?—спросилъ онъ.

— Это тѣ самые документы, что были присланы ко мнѣ при анонимномъ письмѣ изъ Венеціи. Я говорила вамъ о нихъ.

— Кто писалъ эти документы?

— Не знаю.

— Послушайте меня,—сказалъ князь Голицынъ:—ради вашей же собственной пользы, скажите мнѣ все откровенно и чистосердечно. Это одно можетъ спасти васъ отъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій.

— Говорю вамъ чистосердечно и съ полною откровенностію, господинъ фельдмаршалъ,—съ живостью отвѣчала плѣнница: — и въ доказательство чистосердечія признаюсь вотъ въ чемъ. Получивъ эти бумаги и прочитавъ ихъ, стала я соображать и воспоминанія моего дѣтства, и стараиія друзей укрыть меня внѣ предѣловъ Россіи, и слышанное мною впослѣдствіи отъ князя Гали, въ Парижѣ отъ разныхъ знатныхъ особъ, въ Италіи отъ французскихъ офицеровъ и отъ князя Радзивилла относительно моего происхожденія отъ русской императрицы. Соображая все это съ бумагами, присланными ко мнѣ при анонимномъ письмѣ, я, дѣйствительно, иногда начинала думать, не я ли въ самомъ дѣлѣ то лицо, въ пользу котораго составлено духовное завѣщаніе императрицы Елизаветы Петровны? А относительно анонимнаго письма приходило мнѣ въ голову, не послѣдствіе ли это какихъ-либо политическихъ соображеній?

— Съ какою же цѣлію писали вы къ графу Орлову и посылали ему завѣщаніе и проектъ манифеста?

— Я писала это къ графу Орлову потому, что пакетъ изъ Венеціи былъ адресованъ на его имя, а ко мнѣ присланъ при анонимномъ письмѣ. И письмо къ нему отъ имени принцессы Елизаветы писала не я — это не моя рука.

Послѣ многихъ еще вопросовъ и увѣщаній, князь Голицынъ опять настоятельно просилъ свою арестантку открыть ему все.

— Я вамъ открыла все, что знала, — отвѣчала она рѣшительно. — Больше мнѣ нечего вамъ сказать. Въ жизни своей приходилось мнѣ много терпѣть, но никогда не имѣла я недостатка ни въ силѣ духа, ни въ твердомъ упованіи на Бога. Совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ преступномъ. Надѣюсь на милость государыни. Я всегда чувствовала влеченіе къ Россіи, всегда старалась дѣйствовать въ ея пользу.

Все было записано, что ни говорила она. Потомъ все это прочли ей и дали подписать.

Она взяла перо и твердо подписала: Elisabeth.

Но князь Голицынъ не рѣшался послать эти показанія императрицѣ: онъ все еще надѣялся добиться истины.

До 31 мая онъ все ходилъ въ казематъ къ плѣнницѣ, все уговаривалъ ее сказать правду; но все напрасно.

— Сама я никогда не распространяла слуховъ о моемъ происхожденіи отъ императрипы Елизаветы Петровны. Это другіе выдумали на мое горе,— твердила она.

Ей показали отвѣты Доманскаго, которые уличали ее именно въ этомъ.

Упрямая женщина не смутилась и твердо сказала:

— Повторяю, что сказала прежде: сама себя дочерью русской императрицы я никогда не выдавала. Это выдумка не моя, а другихъ.

Надо было, наконецъ, послать императрицѣ это любопытное дѣло.

Въ своемъ донесеніи фельдмаршалъ добавлялъ о плѣнницѣ: „Она очень больна, докторъ находитъ жизнь ея въ опасности, у нея часто поднимается сухой кашель, и она отхаркиваетъ кровью.“

На другой день по отправленіи донесенія государынѣ Голицынъ получилъ два письма плѣнницы — одно къ нему, другое къ императрицѣ. Въ первомъ она писала; что не чувствуетъ собя виновной ни передъ Россіею, ни передъ императрицею, что иначе не поѣхала бы на русскій корабль, зная, что на палубѣ его она будетъ во власти русскихъ. Императрицу она умоляла смягчиться надъ ея печальною участью, назначить ей аудіенцію, чтобы лично разъяснить ея величеству всѣ недоумѣнія и сообщить очень важныя для Россіи свѣдѣнія.

И это письмо она подписала по-царски: Elisabeth.

„Императрица была сильно раздражена этою лаконическою подписью,— говоритъ составитель обстоятельной біографіи этой несчастной женщины.— По правдѣ сказать, какую же другую подпись могла употребить плѣнница? Зовутъ ее Елизаветой, это она знаетъ, но она не знаетъ ни фамиліи своей, ни своего происхожденія. Она была въ положеніи „непомнящей родства“; но во времена Екатерины такого званія людей русское законодательство еще не признавало. Какъ же иначе, если не „Елизаветой“, могла подписать плѣнница оффиціальную бумагу? Но императрицѣ показалось другое: она думала, что, подписываясь Елизаветой, „всклепавшая на себя имя“ желаетъ указать на дѣйствительность царственнаго своего происхожденія, ибо только особы, принадлежащія къ владѣтельнымъ домамъ, имѣютъ обычай подписываться однимъ именемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Екатерина не повѣрила ни одному слову въ показаніи, данномъ плѣнницей. „Эта наглая лгунья продолжаетъ играть свою комедію!“ сказала она.“

Вслѣдствіе этого, императрица написала Голицыну: „Передайте плѣнницѣ, что она можетъ облегчить свою участь одною лишь безусловною откровенностію и также совершеннымъ отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи, въ предположеніе которой она вторично осмѣлилась подписаться Елизаветой. Примите въ отношеніи къ ней надлежащія мѣры

строгости, чтобы, наконецъ, ее образумить, потому что наглость письма ея ко мнѣ уже выходитъ изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ."

Тогда Голицынъ посылаетъ въ казематъ секретаря слѣдственной комиссіи Ушакова объявить арестанткѣ, что въ случаѣ ея дальнѣйшаго упорства прибѣгнутъ къ „крайнимъ способомъ" для узнанія самыхъ „тайныхъ ея мыслей". Несчастная клялась, что показала только сущую правду, и говорила съ такою твердостью, съ такою увѣренностью, что Ушаковъ, возвратясь къ фельдмаршалу, выразилъ ему свое личное убѣжденіе, что плѣнница сказала всю правду.

Тогда Голицынъ опять самъ пошелъ къ ней. Онъ обѣщалъ ей помилованіе, прощеніе всего, лишь бы она сказала всю правду и объявила, откуда получила копіи съ духовныхъ завѣщаній Петра, Екатерины I и Елизаветы.

— Клянусь всемогущимъ Богомъ, клянусь вѣчнымъ спасеніемъ, клянусь вѣчною мукой,—съ чувствомъ говорила заключенная:—не знаю, кто прислалъ мнѣ эти несчастныя бумаги. Проступокъ мой состоитъ лишь въ томъ, что я, отправивъ къ графу Орлову часть полученныхъ бумагъ, не уничтожила оставленныя. Но мнѣ въ голову придти не могло, чтобъ это упущеніе когда-нибудь могло довести меня до столь бѣдственнаго положенія. Умоляю государыню императрицу милосердно простить мнѣ эту ошибку и самимъ Богомъ обѣщаюсь хранить вѣчно о всемъ этомъ дѣлѣ молчаніе, если меня отпустятъ за границу.

— Такъ вы не хотите признаться? Не хотите исполнить волю всемилостивѣйшей государыни?

— Мнѣ не въ чемъ признаваться, кромѣ того, то я прежде сказала, а больше того не могу ничего сказать, потому что ничего не знаю. Не знаю, господинъ фельдмаршалъ. Видитъ Богъ, что ничего не знаю, не знаю, не знаю.

— Отберите же у арестантки все, — сурово сказалъ фельдмаршалъ смотрителю равелина:—все, кромѣ постели и самаго необходимаго платья. Пищи давать ей столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Пища должна быть обыкновенная арестантская. Служителей ея не допускать къ ней. Офицеръ и двое солдатъ день и ночь должны находиться въ ея комнатѣ.

Услыхавъ этотъ жестокій приговоръ, несчастная залилась слезами. Твердость духа, столь упорно державшаяся въ больной, покинула ее.

Два дня и двѣ ночи проплакала она. Тюремщики не отходили отъ нея. Ни она ихъ не понимала, ни они ее. Двое сутокъ она ничего не ѣла. Чахотка съѣдала ее: она кусками отхаркивала кровь.

Знаками она успѣла заставить догадаться своихъ сторожей, что ей хотѣлось бы написать письмо. Ей дали перо, бумагу, и чернила.

Она вновь написала фельдмаршалу обширное письмо, доказывая свою невинность, доказывая, наконецъ, безсмысленность попытокъ, въ которыхъ ее обвиняли. Она говорила, что не виновата въ томъ, что за границей ее называли всѣми возможными именами—и дочерью Елизаветы, и сестрою

Іоанна Антоновича, дочерью, наконецъ, султана.—„Да если-бъ, наконецъ,— прибавила она,—весь свѣтъ былъ увѣренъ, что я дочь императрицы Елизаветы, все-таки настоящее положеніе дѣлъ таково, что оно мной измѣнено быть не можетъ. Еще разъ умоляю васъ, князь, сжальтесь надо мной и надъ невинными людьми, погубленными единственно потому, что находились при мнѣ.“

И вотъ начинаются новыя посѣщенія каземата княземъ Голицынымъ, новые спросы, передопросы, усовѣщиванья, наконецъ, угрозы „крайними мѣрами“.

— Я сказала вамъ все, что знаю,—продолжала настаивать несчастная.—Что же вы отъ меня еще хотите? Знайте, господинъ фельдмаршалъ, что не только самыя страшныя мученья, но сама смерть не можетъ заставить меня отказаться въ чемъ-либо отъ перваго моего показанія.

Голицынъ сказалъ, что послѣ этого она не должна ждать никакой пощады.

„Но,—прибавляетъ біографъ,—видъ почти умирающей красавицы, видъ женщины, привыкшей къ хорошему обществу и къ роскошной обстановкѣ жизни, а теперь заключенной въ одной комнатѣ съ солдатами, содержимой на грубой арестантской пищѣ, больной, совершенно разстроенной, убитой и физически и нравственно, не могъ не поразить мягкосердаго фельдмаршала. Онъ былъ одинъ изъ добрѣйшихъ людей своего времени, отличался великодушіемъ и пользовался любовію всѣхъ знавшихъ его. Забывая приказанія императрицы принять въ отношеніи къ плѣнницѣ мѣры строгости, добрый фельдмаршалъ, выйдя изъ каземата, приказалъ опять допустить къ ней Франциску фонъ-Мешеде, улучшить содержаніе плѣнницы, стражѣ удалиться за дверь и только смотрѣть, чтобы плѣнница не наложила на себя рукъ. Голицынъ замѣтилъ въ ея характерѣ такъ много рѣшительности и энергіи—свойствъ, которыми самъ онъ вовсе не обладалъ,—что не безъ основаній опасался, чтобы заключенная не посягнула на самоубійство. Она была способна на то, что доказала на кораблѣ „Трехъ Іерарховъ“.

Обо всемъ этомъ Голицынъ донесъ императрицѣ 18 іюня.

29 іюня императрица отвѣчала фельдмаршалу:

„Распутная лгунья осмѣлилась просить у меня аудіенціи. Объявите этой развратницѣ, что я никогда не приму ея, ибо мнѣ вполнѣ извѣстны и крайняя ея безнравственность, и преступные замыслы, и попытки присвоивать чужія имена и титулы. Если она будетъ продолжать упорствовать въ своей лжи, она будетъ предана самому строгому суду“.

Говорятъ, что въ это время плѣнницу навѣстилъ графъ Алексѣй Орловъ. О свиданіи его съ своей жертвой послѣ разсказывалъ тюремщикъ, которому слышно было, какъ несчастная женщина въ чемъ-то сильно укоряла своего предателя, кричала на него и топала ногами. Что они говорили между собою—никто не знаетъ. Безъ сомнѣнія, ужасно было это свиданіе: вѣдь, жертва готовилась быть матерью ребенка отъ того самаго человѣка, который ее предалъ, а теперь стоялъ передъ нею...

Въ это время императрица прислала изъ Москвы къ Голицыну двадцать такъ называемыхъ „доказательныхъ статей“, составленныхъ на основаніи показаній самой плѣнницы, ея свиты и захваченной у нихъ переписки. „Эти статьи,—писала Екатерина, повелѣвая передопросить арестантку,—совершенно уничтожатъ всѣ ея ложныя выдумки“.

Но и „доказательными статьями“ отъ плѣнницы ничего не добились. Даже добрѣйшаго фельдмаршала взорвала непоколебимая стойкость этой почти умирающей молоденькой женщины.

Отъ нея онъ пошелъ въ казематъ Доманскаго.

— Вы въ своемъ показаніи утверждали, что самозванка неоднократно передъ вами называла себя дочерью императрицы Елизавета Петровны,—сказалъ ему Голицынъ.—Рѣшитесь ли вы уличить ее въ этихъ словахъ на очной ставкѣ?

Доманскій смутился. Но, нѣсколько оправившись и придя въ себя, онъ твердо отвѣчалъ, что—нѣтъ, что такого показанія онъ не давалъ.

Голицына разсердило это упорство.

Отъ Доманскаго, которому онъ пригрозилъ очной ставкой съ Черномскимъ, фельдмаршалъ отправился въ казематъ этого послѣдняго.

Но и очная ставка сначала не помогла. Доманскій утверждалъ, что плѣнница не называла себя дочерью императрицы. Но потомъ сбился въ словахъ, запутался и сталъ умолять о помилованіи.

— Умоляю васъ, простите мнѣ, что я отрекся отъ перваго моего показанія и не хотѣлъ стать на очную ставку съ этою женщиной. Мнѣ жаль ее, бѣдную. Наконецъ, я откроюсь вамъ совершенно: я любилъ ее. и до сихъ поръ люблю безъ памяти. Я не имѣлъ силъ покинуть ее, любовь приковала меня къ ней, и вотъ—довела до заключенія.

— Какія же были у васъ надежды?—спросилъ его Голицынъ.

— Никакихъ, кромѣ ея любви. Единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться ея мужемъ. Объ ея происхожденіи я никогда ничего не думалъ и никакихъ воздушныхъ замковъ не строилъ. Я желалъ только любви ея, и больше ничего. Если-бъ и теперь выдали ее за меня замужъ, хоть даже безъ всякаго приданаго, я бы счелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Ему и ей дали очную ставку. Они говорили по-итальянски.

Смущенный и растерянный Доманскій сказалъ ей, что она называла себя иногда дочерью императрицы.

Рѣзко взглянула на него плѣнница, но ничего не сказала.

Доманскій совершенно потерялся.

— Простите меня, что я сказалъ, но я долженъ былъ сказать это по совѣсти,—говорилъ онъ въ смущеніи.

Спокойнымъ и твердымъ голосомъ, смотря прямо въ глаза Доманскому, плѣнница отвѣчала, будто отчеканивая каждое слово:

— Никогда ничего подобнаго серьезно я не говорила и никакихъ мѣръ для распространенія слуховъ, будто я дочь покойной русской императрицы Елизаветы Петровны, не предпринимала.

Такъ и эта очная ставка ничѣмъ не кончилась.

Прошло еще нѣсколько дней. Въ Москвѣ празднуютъ кучукъ-кайнарджійскій миръ. Голицыну жалуютъ брилліантовую шпагу „за очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ“.

А Голицынъ между тѣмъ, пишетъ императрицѣ о своей арестанткѣ: „Пользующій ее докторъ полагаетъ, что при продолжающихся постоянно сухомъ кашлѣ, лихорадочныхъ припадкахъ и кровохарканіи ей жить остается недолго. Дѣйствовать на ея чувство чести или на стыдъ совершенно безполезно, однимъ словомъ—отъ этого безсовѣстнаго созданія ничего не остается ожидать. При естественной быстротѣ ея ума, при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ знаній свѣдѣніяхъ, наконецъ, при привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительной ея наружности, ни мало не удивительно, что она возбуждала въ людяхъ, съ ней обращавшихся, чувство довѣрія и даже благоговѣніе къ себѣ. Адмиралъ Грейгъ, на основаніи выговора ея, думаетъ, что она полька. Нѣтъ, ее за польку принять невозможно. Она слишкомъ хорошо говоритъ по-французки и по-нѣмецки, а взятые съ ней поляки утверждаютъ, что она только въ Рагузѣ заучила нѣсколько польскихъ словъ, а языка польскаго вовсе не знаетъ“.

Почти умирающая, она все еще, однако, не теряетъ надежды на свободу, на жизнь.

Она снова проситъ бумаги и перо. Докладываютъ объ этомъ Голицыну. Тотъ думаетъ, что ожиданіе близкой смерти, быть можетъ, заставитъ ее распутать, наконецъ, тайну, отъ которой дѣйствительно у всѣхъ могла голова закружиться,—такая масса фактовъ и никакого вывода!

Ей даютъ перо и бумагу. Она снова пишетъ обширное письмо, исполненное самаго безотраднаго отчаянья. Пишетъ и императрицѣ письмо и особую записку.

Не приводимъ этихъ новыхъ подробностей о таинственной женщинѣ: тутъ цѣлыя массы фактовъ, сложныхъ, запутанныхъ, невѣроятныхъ,—и факты эти не вымышленные, и всѣ эти факты группируются около одной личности, около этой непонятной, умирающей женщины.

„Требуютъ теперь отъ меня свѣдѣній о моемъ происхожденіи,—пишетъ она, между прочимъ:—но развѣ самый фактъ рожденія можетъ считаться преступленіемъ? Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то надо бы собрать доказательства о моемъ происхожденіи, о которомъ и сама я ничего не знаю“.

Или въ другомъ мѣстѣ: „Вмѣсто того, чтобъ предъявить мнѣ положительныя сомнѣнія въ истинѣ моихъ показаній, мнѣ твердятъ одно, и притомъ въ общихъ выраженіяхъ, что меня подозрѣваютъ, а въ чемъ подозрѣваютъ, и на основаніи какихъ данныхъ, того не говорятъ. При такомъ направленіи слѣдствія, какъ же мнѣ защищаться противъ голословныхъ обвиненій? Если останутся при такой системѣ производства дѣла, мнѣ, конечно, придется умереть въ заточеніи. Теперешнее мое положеніе при совершенно разстроенномъ здоровьѣ невыносимо и ни съ чѣмъ не можетъ

быть сравнено, какъ только съ пыткой на медленномъ огнѣ. Ко мнѣ пристаютъ, желая узнать, какой я религіи; да развѣ вѣра, исповѣдуемая мной, касается чѣмъ-либо интересовъ Россіи?"

А отъ императрицы, между тѣмъ, новое повелѣніе, отъ 24-го іюля: „Удостовѣрьтесь въ томъ, дѣйствительно ли арестантка опасно больна? Въ случаѣ видимой опасности, узнайте, къ какому исповѣданію она принадлежитъ, и убѣдите ее въ необходимости причаститься передъ смертію. Если она потребуетъ священника, пошлите къ ней духовника, которому дать наказъ, чтобъ довелъ ее увѣщаніями до раскрытія истины; о послѣдующемъ же немедленно донести съ курьеромъ".

Боятся, чтобы она не унесла съ собой своей тайны въ могилу.

А генералъ-прокуроръ къ этому повелѣнію прибавляетъ: „священнику предварительно, подъ страхомъ смертной казни, приказать хранить молчаніе о всемъ, что онъ услышитъ, увидитъ или узнаетъ".

Но черезъ день императрица шлетъ новое повелѣнье: „Не допрашивайте болѣе распутную лгунью; объявите ей, что она за свое упорство и безстыдство осуждается на вѣчное заключеніе. Потомъ передайте Доманскому, что если онъ подробно разскажетъ все, что знаетъ о происхожденіи, имени и прежней жизни арестантки, то будетъ обвѣнчанъ съ нею, и они потомъ получатъ дозволеніе возвратиться въ ихъ отечество. Если онъ согласится, слѣдуетъ стараться склонить и ее, почему Доманскому и дозволить переговорить о томъ съ нею. При ея согласіи на предложеніе — обвѣнчать ихъ немедленно, чѣмъ и положить конецъ всѣмъ прежнимъ обманамъ. Если же арестантка не захочетъ о томъ слышать, то сказать ей, что въ случаѣ открытія своего происхожденія она тотчасъ же получитъ возможность возстановить сношенія свои съ княземъ лимбургскимъ".

Голицынъ снова является къ заключенной. Онъ находитъ ее въ совершенно безнадежномъ состояніи, почти умирающею.

— Не желаете ли вы духовника, чтобы приготовиться къ... смерти? — спрашиваетъ князь, наклоняясь къ умирающей.

— Да.

— Какого же вамъ священника, греко-восточнаго или католическаго?

— Греко-восточнаго.

Но больше она говорить не можетъ. Голицынъ уходитъ.

Еще прошло нѣсколько дней. Голицынъ опять въ казематѣ. Это было 1-го августа.

— Я теперь узналъ о вашемъ происхожденіи,—говоритъ онъ.

„Услышавъ отъ меня сіи слова (доносилъ потомъ Голицынъ государынѣ), плѣнница сначала видимо поколебалась, но потомъ тономъ, внушавшимъ истинное довѣріе, сказала, что она хорошо узнала и оцѣнила меня, вполнѣ надѣется на мое доброе сердце и состраданіе къ ея положенію, а потому откроетъ мнѣ всю истину, если я обѣщаю сохранить ее въ тайнѣ. „Но я могу рѣшиться только на письменное признаніе, — сказала она:—дайте мнѣ для того два дня сроку".

Прошло два дня. Голицыну докладываютъ, что съ арестанткой случился такой жестокій болѣзненный припадокъ, что она не только писать, но даже и говорить не можетъ.

Прошло еще четыре дня. Ей стало легче. Она проситъ доктора сказать фельдмаршалу, что къ 8-му числу постарается кончить свое письмо.

И дѣйствительно кончила, но не одно, а два, къ нему и къ императрицѣ.

Умирающая беременная женщина въ послѣдній разъ проситъ сжалиться надъ ней. „Днемъ и ночью въ моей комнатѣ мужчины,—пишетъ она, между прочимъ, — съ ними я и объясняться не могу. Здоровье мое разстроено, положеніе невыносимо. Лучше я пойду въ монастырь, а долѣе терпѣть такое обхожденіе я не въ силахъ“.

Императрицѣ пишетъ, что солдаты даже ночью не отходятъ отъ ея постели. „Такое обхожденіе со мной заставляетъ содрогаться женскую натуру. На колѣняхъ умоляю ваше императорское величество, чтобы вы сами изволили прочесть записку, поданную мною князю Голицыну, и убѣдились въ моей невинности“.

Въ этой запискѣ есть одно замѣчательное мѣсто. Она говоритъ, что, по возвращеніи изъ Персіи, она намѣревалась пріобрѣсти полосу земли на Терекѣ. „Здѣсь я намѣрена была посѣять первыя сѣмена цивилизаціи, посредствомъ приглашенныхъ мною къ поселенію французскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Я намѣревалась образовать такимъ образомъ небольшое государство, которое, находясь подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ государей, служило бы связью Россіи съ востокомъ и оплотомъ русскаго государства противу дикихъ горцевъ“. Она хотѣла употребить для этого князя лимбургскаго, какъ своего помощника, и онъ уже отказывался отъ престола въ пользу брата. Графъ Орловъ долженъ былъ склонить императрицу къ принятію этого проекта.

Въ заключеніе опять проситъ пощадить ее. „Я круглая сирота, одна на чужой сторонѣ, беззащитная противъ враждебныхъ обвиненій“.

До и послѣ этого не переставали надѣяться, что отъ нея что-нибудь узнаютъ. Едва слышно она отвѣчала на вопросы, что сказала всю правду, а о своемъ происхожденіи она не знаетъ и не знаетъ.

— Я знаю, кто вы,—сказалъ, наконецъ, Голицынъ:—я имѣю ясныя на то доказательства.

Больная даже приподнялась на постели.

— Кто же я?

— Дочь пражскаго трактирщика.

Больная вскочила съ постели и съ сильнѣйшимъ негодованіемъ вскричала:

— Кто это сказалъ? Глаза выцарапаю тому, кто осмѣлился сказать, что я низкаго происхожденія!

Силы ее оставили. Она упала на постель.

Прошелъ августъ, сентябрь и половина октября, больная уже не вставала съ постели. Смерть, видимо, приближалась къ ней.

Въ концѣ ноября арестантка родила сына. Это былъ сынъ графа Орлова. Чтó должна была чувствовать умирающая мать при взглядѣ на этого ребенка!

Говорятъ, что его потомъ выростили, что онъ служилъ въ гвардіи, нося фамилію Чесменскаго, и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Пришла, наконецъ, и смерть къ таинственной женщинѣ.

— Гдѣ вы родились и кто ваши родители?—спрашиваетъ умирающую священникъ казанскаго собора Петръ Андреевъ.

— Богъ свидѣтель — не знаю, — отвѣчаетъ умирающая.

Священникъ увѣщеваетъ ее, проситъ не уносить съ собой тайны въ могилу.

— Свидѣтельствуюсь Богомъ, что никогда я не имѣла намѣреній, которыя мнѣ приписываютъ, никогда сама не распространяла о себѣ слуховъ, что я дочь императрицы Елизаветы Петровны.

— А документы? — спрашиваетъ священникъ.

— Все это получено мной отъ неизвѣстнаго лица при анонимномъ письмѣ.

— Вы стоите на краю могилы,—сказалъ священникъ:—вспомните о вѣчной жизни и скажите мнѣ всю истину.

— Стоя на краю гроба и ожидая суда предъ самимъ Всевышнимъ Богомъ, увѣряю васъ, что все, что ни говорила я князю Голицыну, что ни писала къ нему и къ императрицѣ,—правда. Прибавить къ сказанному мною ничего не могу, потому что ничего больше не знаю.

— Но кто были у васъ соучастники?

— Никакихъ соучастниковъ... не было... потому что... и преступныхъ замысловъ... мнѣ приписываемыхъ... не было.

Она чувствовала себя такъ дурно, что просила священника прійти на другой день.

На другой день тѣ же увѣщанія и то же рѣшительное утвержденіе со стороны умирающей, что она все сказала, что больше она ничего не знаетъ.

Она говорила все слабѣе и слабѣе. Священникъ, наконецъ, не могъ понимать ея словъ. Началась агонія.

Священникъ оставилъ ее, не удостоивъ причастія.

Агонія продолжалась болѣе двухъ сутокъ. Въ семь часовъ пополудни 4-го декабря 1775-го года таинственной женщины не стало: дѣйствительно, она унесла-таки въ могилу тайну своего рожденія, если только сама знала ее.

Солдаты, безсмѣнно стоявшіе при ней на часахъ, тайно вырыли тамъ же въ равелинѣ глубокую яму и трупъ загадочной женщины закидали мерзлою землей. Красоты, которая такъ обаятельно дѣйствовала на все, не стало. Обрядовъ при погребеніи не было никакихъ.

Картина Флавицкаго, изображающая смерть этой женщины въ виду всего сказаннаго здѣсь, не имѣетъ исторической правды.

V.

Баронесса Анна-Христина Корфъ, урожденная Штегельманъ.

Баронесса Корфъ была одною изъ того многочисленнаго сонма „русскихъ иноземокъ“, владычество которыхъ въ русской землѣ обнимаетъ всю первую половину прошлаго столѣтія и такъ долго было памятно Россіи.

Принадлежа, по служебнымъ и экономическимъ интересамъ своихъ отцовъ, мужей и братьевъ, Россіи, рожденныя и воспитанныя въ Россіи, хотя не въ русскихъ нравахъ, женщины эти, какъ ихъ мужья и отцы, только временно и притомъ экономически тяготѣли къ русской землѣ, а всѣ ихъ симпатіи лежали къ западу, такъ что, едва лишь кончались выгодныя операціи этихъ иноземцевъ и иноземокъ въ русскомъ царствѣ, или состояніе ихъ солидно округлялось, или же, наконецъ, дальнѣйшее пребываніе въ русской землѣ не представляло прочныхъ шансовъ на успѣхъ,— всѣ эти чужеядныя растенія выползали изъ русскаго огорода и вѣтвями своими перетягивались на западъ, въ болѣе родную имъ атмосферу.

Баронесса Корфъ въ Россіи ничего не сдѣлала и никакимъ актомъ своей дѣятельности не оставила по себѣ памяти на страницахъ русской исторіи; но, по случаю одного рокового событія на западѣ Европы, она попала въ списокъ историческихъ женщинъ, связавъ свое имя съ другимъ именемъ, вполнѣ историческимъ и очень громкимъ,— почему и мы не считаемъ себя въ правѣ обойти ее молчаніемъ, хотя въ тѣхъ видахъ, что въ исторіи французской революціи неизбѣжно должно упоминаться имя баронессы Корфъ, русской по рожденію и по подданству.

Анна-Христина была дочь извѣстнаго петербургскаго банкира Штегельмана, биржевыя операціи котораго составляли замѣтное явленіе въ коммерческой жизни Петербурга второй половины прошлаго вѣка.

Дочь богатаго банкира вышла замужъ за барона Корфа, родного племянника того Корфа, который правилъ Пруссіею во время занятія ея русскими войсками въ семилѣтнюю войну, а потомъ при Петрѣ III былъ петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

Мужъ Анны-Христины служилъ Россіи въ чинѣ полковника, командовалъ однимъ изъ русскихъ полковъ, именно козловскимъ, и состоялъ адъютантомъ при фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ.

Въ царствованіе Екатерины II-й онъ былъ убитъ при штурмѣ Бендеръ, 16-го сентября 1770-го года.

Едва овдовѣла его супруга Анна-Христина, какъ тотчасъ же покинула Россію. Она уѣхала съ своею матерью въ Парижъ, гдѣ и жила постоянно, въ теченіе 20 лѣтъ, такъ какъ къ Россіи не влекли ея уже никакіе, ни нравственные, ни экономическіе интересы.

И въ Парижѣ она, безъ сомнѣнія, такъ же затерялась бы въ массѣ

именъ, не оставившихъ по себѣ слѣда въ исторіи, какъ затерялась бы конечно, и въ Россіи, если-бъ одно, повидимому, не важное по себѣ, событіе, но повлекшее за собою цѣлый рядъ роковыхъ для Франціи и для всей Европы послѣдствій не заставило въ свое время повторять имя баронессы Корфъ повсемѣстно.

Это — неудачное бѣгство изъ Парижа короля Людовика XVI-го въ 1791 году.

Ночью 9-го іюня 1791-го года Людовикъ XVI исчезъ изъ Парижа.

Изъ произведеннаго затѣмъ разслѣдованія оказалось, что съ 9-го на 10-е іюня, около полуночи, Людовикъ XVI, королева, дофинъ, принцесса-дочь, принцесса Елизавета и г-жа Турцель тихонько вышли изъ дворца и пѣшкомъ отправились къ Карусели. Тамъ ждала ихъ карета. Въ этой каретѣ королевское семейство отправилось къ воротамъ Сенъ-Мартенъ. У воротъ ожидалъ ихъ дорожный берлинъ, заложенный шестеркою лошадей. Пересѣвъ въ этотъ экипажъ, король съ семействомъ отправился въ путь по направленію къ Бонди.

При первомъ извѣстіи о бѣгствѣ короля, Парижъ пришелъ въ необыкновенное волненіе. Домъ министра де-Монморена, за подписью котораго, какъ оказалось тогда же, былъ выданъ паспортъ королю, но только на чужое имя, былъ осажденъ толпами народа, и только отряды національной гвардіи могли отстоять этотъ домъ отъ разграбленія.

Но король изъ Франціи не выѣхалъ—на дорогѣ онъ былъ арестованъ и привезенъ обратно въ свою столицу.

Вскорѣ вся Европа узнала, что непосредственнымъ орудіемъ въ бѣгствѣ французскаго короля была русская подданная, баронесса Корфъ, что паспортъ для прикрытія отъѣзда короля изъ своего королевства она выправляла на свое семейство и передала его королю, знаменитому арестанту французскаго народа, снабдивъ притомъ царственнаго бѣглеца на дорогу значительною суммою денегъ.

Помощникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ извѣстный тогда всей Европѣ графъ Аксель-Ферзенъ, шведъ, находившійся во французской службѣ и бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ баронессою Корфъ и ея матерью. Графъ Ферзенъ, получивъ отъ баронессы Корфъ ея паспортъ, вручилъ его королю; графъ же Ферзенъ приготовилъ для несчастнаго короля карету у Карусели и дорожный берлинъ у воротъ Сенъ-Мартенъ; графъ Ферзенъ, наконецъ, былъ и тѣмъ переодѣтымъ кучеромъ, который вывезъ короля изъ Парижа.

Вотъ что, между прочимъ, черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія Людовика XVI-го писалъ русскій посланникъ въ Парижѣ Симолинъ къ графу Остерману въ Петербургъ.

„...Когда національному собранію было доложено, что король путешествовалъ съ паспортомъ, выданнымъ на имя г-жи Корфъ, для проѣзда во Франкфуртъ съ двоими дѣтьми, камердинеромъ, тремя слугами и горничной, за подписью Монморена, тогда потребовали этого министра къ допросу.

Онъ приведенъ былъ подъ стражею, и безъ труда доказалъ, что онъ не способствовалъ и не могъ способствовать бѣгству королевской фамиліи, и совершенно отклонилъ отъ себя обвиненіе. Между тѣмъ, народъ съ такою яростью устремился къ его дому, что ударили тревогу и надлежало отправить на мѣсто нѣсколько отрядовъ національной гвардіи, чтобы спасти домъ отъ разграбленія.

„Такъ какъ я былъ въ нѣкоторомъ родѣ соучастникомъ въ этомъ великомъ событіи настоящей минуты, хотя самымъ невиннымъ образомъ, то считаю себя обязаннымъ дать объясненіе тому, что касается моего участія въ этомъ дѣлѣ.

„Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, г-жа Корфъ, вдова полковника Корфа, бывшаго въ службѣ ея императорскаго величества и убитаго, 20 лѣтъ тому, при штурмѣ Бендеръ, просила меня чрезъ посредство одной особы доставить ей отдѣльные паспорта, одинъ для нея, а другой для г-жи Штегельманъ, ея матери, на проѣздъ во Франкфуртъ. Я передалъ эту просьбу, на письмѣ, г-ну Монморенъ, и онъ тотчасъ же приказалъ изготовить паспорты и переслалъ ихъ ко мнѣ. Нѣсколько дней спустя, г-жа. Корфъ написала ко мнѣ, что она, уничтожая разныя ненужныя бумаги, имѣла неосторожность бросить въ огонь и свой паспортъ, и просила меня достать ей другой такой же. Я въ тотъ же день отнесся къ секретарю, завѣдывающему паспортной экспедиціей, приложивъ ея письмо къ своему письму, и онъ замѣнилъ мнимо-сгорѣвшій паспортъ другимъ. Не моя вина и не вина г-на Монморена, если г-жа Корфъ вздумала изъ своего паспорта сдѣлать такое употребленіе, къ какому онъ не назначался и котораго мы далеко не могли предвидѣть.

„Такъ какъ въ печатныхъ извѣстіяхъ, явившихся по поводу этого событія, г-жа Корфъ названа была шведкою, то я счелъ себя вправѣ возстановить истину посредствомъ письма, которое написалъ къ г-ну де-Монморену, и напечаталъ въ газетахъ и копію съ коего позволяю себѣ приложить здѣсь, такъ же и копію съ письма г-жи Корфъ, въ которомъ она горько жалуется на свою неосторожность. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что предубѣжденіе, которое могло составиться въ публикѣ на мой счетъ, разсѣется само собою.

„Въ субботу около четырехъ часовъ пополудни король возвратился къ Парижъ, и вышелъ изъ экипажа передъ тюйльерійскимъ дворцомъ“.

Въ то же время Симолинъ объяснилъ и французскому министру де-Монморену, какимъ образомъ они оба были обмануты г-жею Корфъ.

„Лишь сегодня утромъ,—писалъ онъ министру 25-го іюня, — читая газеты, узналъ я о несчастномъ дѣйствіи паспорта, о которомъ я три недѣли тому имѣлъ честь просить ваше сіятельство. Въ нихъ я прочелъ, что баронесса Корфъ—шведка, что въ глазахъ публики, которой мнѣніемъ я безмѣрно дорожу, можетъ дать мнѣ видъ посягателя на права и обязанности г-на шведскаго посланника. Спѣшу исправить эту ошибку объясненіемъ, что баронесса Корфъ—русская, родилась въ Петербургѣ, вдова ба-

рона Корфа, полковника, бывшаго на службѣ императрицы, убитаго при штурмѣ Бендеръ въ 1770-мъ году, что она—дочь г-жи Штегельманъ, родившейся также въ Петербургѣ, и что обѣ онѣ жили уже 20 лѣтъ въ Парижѣ. Итакъ, эти дамы не могли и не обязаны были ни къ кому иному, кромѣ меня, обращаться за полученіемъ паспортовъ, и, не будучи съ ними ни въ какихъ связяхъ,—потому что я не имѣлъ даже чести никогда ихъ видѣть,—я не имѣлъ ни возможности, ни права отказать имъ въ маленькомъ одолженіи, принятіемъ участія въ этомъ дѣлѣ. Правда, о паспортѣ представлено было, будто бы онъ сгорѣлъ, какъ г-жа Корфъ сама писала въ томъ письмѣ, которое я приложилъ къ моей просьбѣ о повторительной выдачѣ паспорта; но мое поведеніе въ этомъ случаѣ было такъ же просто, какъ и прямо, и, я смѣю надѣяться, каждый согласится, что я не могъ подозрѣвать, чтобъ оно могло подать поводъ даже къ малѣйшему косвенному обвиненію ни вашего сіятельства, ни меня, несмотря на неблагоразумное употребленіе, которое было, повидимому, сдѣлано съ этимъ другимъ паспортомъ.

„Надѣюсь, впрочемъ, что ваше сіятельство найдете умѣстнымъ, чтобъ я далъ этому письму гласность въ газетахъ".

А вотъ и самое письмо баронессы Корфъ, которымъ она съ женскою ловкостью сумѣла обмануть одного дипломата, одного министра и одного секретаря паспортной экспедиціи:

„Я чрезвычайно огорчена. Вчера, сжигая разныя ненужныя бумаги, я имѣла неловкость бросить въ огонь паспортъ, который вы были такъ добры—доставили мнѣ. Мнѣ чрезвычайно совѣстно просить васъ исправить мою глупость (mon étourderie) и вводить васъ въ хлопоты, которыхъ я сама виною".

Просто и невинно—совершенно по-женски.

Съ своей стороны, графъ Ферзенъ оставилъ такую записку о своемъ участіи и содѣйствіи къ побѣгу короля:

„Графъ Ферзенъ честь имѣетъ увѣдомить графа де-Мерси, что король, королева, ихъ дѣти—дофинъ, принцесса-дочь, принцесса Елизавета и г-жа Турцель выѣхали изъ Парижа въ понедѣльникъ въ полночь. Графъ Ферзенъ имѣлъ честь сопровождать ихъ до Бонди, куда они благополучно прибыли въ половинѣ второго часа безъ всякихъ приключеній".

Кому не извѣстно, какъ дорого обошлась эта ночная прогулка королю-бѣглецу: подобно капитану корабля, бросающему свой экипажъ во время бури, онъ былъ казненъ опьянѣвшими и обезумѣвшими отъ штурма матросами и пассажирами.

Франція пережила революцію, терроръ, неисчислимыя казни — такой штурмъ, какого ни одна страна въ мірѣ никогда не выдерживала.

Франціи было не до баронессы Корфъ. А, между тѣмъ, эта женщина для спасенія короля пожертвовала всѣмъ своимъ состояніемъ. Съ кого она должна была получить деньги, данныя бывшему королю Франціи для вспомоществованія его побѣгу? Король этотъ кончилъ свое царствованіе и

жизнь на плахѣ. Францiя не признавала королей—не признавала и долга, который могла считать себя въ правѣ требовать отъ нея баронесса Корфъ, предъявлявшая свой искъ къ тѣни погибшаго короля.

Францiя считала себя по отношенiю къ казненному королю своему тоже кредиторомъ, какъ и баронесса Корфъ, и потому послѣдняя должна была искать для себя удовлетворенiя внѣ Францiи.

Баронесса Корфъ, какъ практическая нѣмка и дочь банкира, такъ и сдѣлала: она обратилась съ своимъ искомъ къ Австрiи.

Баронесса Корфъ, предъявляя свой искъ австрiйскому императору, объясняла, что она потеряла все свое состоянiе во имя принципа, дорогого для всѣхъ императоровъ и королей: она спасала короля.

Участiе въ этомъ дѣлѣ баронессы Корфъ принялъ тотъ же графъ Аксель Ферзенъ, который тоже многимъ пожертвовалъ, спасая короля.

Сохранилась любопытная переписка по этому иску баронессы Корфъ.

Вотъ что писалъ изъ Стокгольма, 30 марта 1795 года, графъ Ферзенъ императрицѣ Екатеринѣ II.

„Государыня! Обстоятельства постоянно лишали меня дорогого преимущества быть извѣстнымъ лично вашему императорскому величеству и лично принести къ стопамъ вашимъ дань моего благоговѣнiя и удивленiя; посему я счелъ возможнымъ представить вамъ выраженiе этихъ чувствъ письменно; и тѣ высокiя качества, коими ваше величество обладаете, какъ государыня и какъ лицо частное, дали мнѣ смѣлость и убѣжденiе, что вы благосклонно позволите мнѣ умолять васъ о благодѣтельномъ участiи,—о дѣйствiяхъ онаго свидѣтельствуетъ вселенная,—въ пользу двухъ женщинъ, подданныхъ вашего величества и заслуживающихъ быть ими. Благородное и великодушное поведенiе ихъ, въ очахъ монархини, умѣющей, какъ вы, государыня, цѣнить и награждать заслуги, кажется титуломъ, достаточнымъ для того, чтобъ привлечь на себя взоръ благосклонности и участiя.

„Предметъ просьбы, которую я беру смѣлость препроводить къ вашему императорскому величеству, достаточно объяснитъ вамъ состоянiе и заслуги госпожи Штегельманъ и ея дочери, баронессы Корфъ; мнѣ остается только представить вашему величеству тѣ старанiя, которыя были сдѣланы въ ихъ пользу, и ту безуспѣшность, которою сопровождались онѣ до сихъ поръ. Разныя дѣла, все въ такомъ же родѣ, частью черезъ другихъ лицъ представлены были императору (австрiйскому) въ бытность его въ Брюсселѣ. Я предлагалъ даже и средства, извѣстныя мнѣ, для ихъ удовлетворенiя. По свѣдѣнiямъ, собраннымъ мною относительно душевныхъ качествъ этого государя, и по совѣтамъ, мнѣ даннымъ, я счелъ за нужное начать съ окончанiя дѣлъ, касавшихся до меня лично, дабы поставить себя въ возможность сдѣлать что-нибудь въ пользу другихъ, при отсрочкѣ рѣшенiя (по ихъ дѣламъ), и помочь нуждамъ госпожъ Штегельманъ и Корфъ; но опредѣленiе императора было отложено до времени возвращенiя этого государя въ Вѣну. Тогда-то госпожа Корфъ представила ему свою записку; но ни она, ни я не могли еще получить надлежащаго рѣшенiя. Эта не-

извѣстность заставитъ меня рѣшиться ѣхать въ Вѣну, лишь только окончу семейныя дѣла, призывавшія меня въ Швецію, и я буду просить у императора справедливости въ пользу госпожъ Штегельманъ и Корфъ. Ваше величество, безъ сомнѣнія, согласитесь, что ихъ поведеніе заслуживаетъ уваженія, и что не слѣдуетъ, чтобы привязанность и преданность къ государямъ, особенно въ настоящее время, оплачивалась бѣдностью или нуждою. Никто лучше вашего величества не доказалъ, сколько вы чувствовали эту истину, и всѣ несчастные находили у вашего величества или убѣжище или помощь. Итакъ, осмѣливаюсь просить у васъ этой помощи для госпожъ Штегельманъ и Корфъ,—оказать вспомоществованіе въ ихъ крайней нуждѣ, и вашего участія, государыня, чтобы способствовать успѣху ихъ справедливаго иска. Вліяніе вашего императорскаго величества на вѣнскій кабинетъ мнѣ извѣстно: одно слово ваше, государыня, или ордеръ вашему посланнику — подкрѣпить вашимъ участіемъ просьбу двухъ женщинъ, подданныхъ вашего величества, доставитъ имъ легкую возможность получить уплату ихъ капитала, или же обезпеченіе въ уплатѣ процентовъ, а пособіе, которое ваше величество благоволите имъ оказать, послужитъ имъ на уплату долговъ, въ которые они вошли, и на ихъ насущныя потребности. Умѣренныхъ суммъ, которыя моя дружба могла предложить имъ, доставало только на ихъ дневное пропитаніе.

„Господинъ Симолинъ, котораго ваше императорское величество по всей справедливости удостоиваете своей благосклонности, извѣщенъ обо всемъ, касающемся госпожъ Штегельманъ и Корфъ, и господинъ Штедингъ (шведскій посланникъ при русскомъ дворѣ) будетъ имѣть возможность, если ваше величество изволите приказать, сообщить подробности объ ихъ личностяхъ.

„Я слишкомъ хорошо знаю, государыня, безграничную доброту вашего императорскаго величества, и потому не опасаюсь, чтобъ мой поступокъ показался нескромнымъ монархинѣ, ревностной ко всякаго рода славѣ, и которой постоянное славолюбіе—отыскивать несчастныхъ и помогать имъ. Итакъ, указывать вамъ этихъ несчастныхъ значитъ нравиться вамъ, и потомство столько же будетъ благословлять ваши благодѣянія, сколько удивляться вашему царствованію“.

Почти годъ не было никакого рѣшенія по дѣлу г-жи Корфъ.

Тогда графъ Ферзенъ вторично обратился къ русской императрицѣ съ просительнымъ письмомъ отъ 15 февраля 1796 года:

„Государыня! Благосклонность, съ которою ваше императорское величество изволили принять первое письмо, которое я имѣлъ увѣренность писать къ вамъ, и та, еще большая, милость, которую благоволили присоединить къ ней, подавъ мнѣ надежду на ваше участіе въ пользу справедливыхъ исканій госпожъ Штегельманъ и Корфъ относительно денегъ, которыя онѣ дали покойнымъ ихъ католическимъ величествамъ, внушаютъ мнѣ смѣлость напомнить вашему величеству это благодѣтельное обѣщаніе, о которомъ дѣла большой важности, безъ сомнѣнія, заставили васъ поза-

быть. Теперь больше чѣмъ когда-нибудь я увѣренъ, что одно слово посланника вашего величества уничтожитъ всѣ затрудненія или скорѣе замедленія, которыя дѣлаются относительно уплаты, и графъ Разумовскій, извѣщенный мною подробно относительно этого иска и средствъ къ его удовлетворенію, кажется, думаетъ, что для вашего величества нисколько не было бы компрометаціей то участіе, которое вамъ угодно было бы оказать этимъ двумъ женщинамъ, вашимъ подданнымъ, являющимся въ настоящую минуту жертвами своихъ принциповъ, усердія и привязанности къ несчастнымъ государямъ.

„Итакъ, осмѣливаюсь умолять ваше императорское величество, дабы вы благоволили дать повеленіе своему посланнику, и доброта, характеризующая всѣ дѣйствія вашего величества, внушаетъ мнѣ увѣренность, что я не тщетно умолялъ васъ дать эти повелѣнія, и что ваше величество благоволите прибавить еще одно—приказать, чтобъ немедленно были отправлены тѣ повелѣнія, которыя вамъ благоугодно будетъ послать“.

На это послѣднее письмо Екатерина отвѣчала графу Ферзену 25 марта того же года:

„Господинъ графъ Ферзенъ. Я получила ваше письмо, отъ 15 февраля, касательно госпожъ Штегельманъ и Корфъ и сегодня же сдѣлала распоряженіе, чтобы было приказано посланнику моему въ Вѣнѣ—принять въ ихъ дѣлахъ участіе и стараться помочь успѣху ихъ домогательствъ. Удовлетворяя такимъ образомъ вашей просьбѣ въ интересахъ этихъ дамъ, я очень рада случаю увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и благосклонности, а затѣмъ прошу Бога, чтобы онъ не оставлялъ васъ, господинъ графъ Ферзенъ, своею святою, праведною помощію“.

Тогда же, по приказанію императрицы, графъ Остерманъ писалъ къ графу Разумовскому въ Вѣну слѣдующее:

„Милостивый государь! Графъ Ферзенъ, находящійся теперь въ Вѣнѣ, отнесся непосредственно къ императрицѣ, прося заступничества ея величества за вдову Штегельманъ, которая хлопочетъ объ уплатѣ ей вѣнскимъ дворомъ денежныхъ суммъ, данныхъ ею взаймы покойному Людовику XVI во время его несчастнаго бѣгства изъ Парижа. Графъ Ферзенъ, кажется, также прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Ея императорское величество приказала мнѣ поручить вамъ разузнать настоящія подробности и обстоятельства сего дѣла, и совокупно съ графомъ Ферзеномъ употребить съ вашей стороны всѣ старанія въ пользу г-жи Штегельманъ при министерствѣ его величества императора римскаго, но только въ такомъ случаѣ, когда вы убѣдитесь въ законности ея претензіи и узнаете о степени вниманія, съ какимъ вѣнскій дворъ принимаетъ просьбу вдовы Штегельманъ, не придавая, однако-жъ, вашему ходатайству ни въ какомъ случаѣ оффиціальной формы и держась въ предѣлахъ чисто дружескаго посредства съ нашей стороны“.

Дальнѣйшая судьба баронессы Корфъ неизвѣстна.

Говоря вообще, исторія русской женщины ничего бы не потеряла,

если-бъ имя баронессы Корфъ и совершенно было выпущено изъ списка русскихъ историческихъ женщинъ; но имя этой женщины, какъ мы замѣтили выше, стало историческимъ на западѣ; оно неизбѣжно приплетается къ исторіи бѣгства и казни Людовика XVI, къ исторіи французской революціи; русское правительство въ свое время не могло отказать г-жѣ Корфъ въ признаніи ея русскою по праву подданства и рожденія; баронессу Корфъ такъ или иначе произвела Россія; женщина эта долго жила въ нашемъ отечествѣ: все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ баронессу Корфъ въ то исключительное положеніе, при которомъ имя ея не можетъ быть обойдено молчаніемъ ни исторіею Франціи, ни исторіею русской женщины.

Притомъ же баронесса Корфъ является едва ли не первою изъ тѣхъ женщинъ, которыя, особенно во второй половинѣ XVIII вѣка и въ первой половинѣ XIX стали нерѣдко мѣнять русскую жизнь и русскія симпатіи на болѣе привлекательную жизнь запада, отрекались отъ своей страны, которой не знали, отъ своего народа, котораго не любили и не хотѣли да и не умѣли служить ему, отрекались отъ своей религіи, чтобъ промѣнять ее на болѣе привлекательную по своей внѣшней, политической и свѣтской обстановкѣ форму католицизма и съ которыми мы еще имѣемъ познакомиться въ предстоящихъ нашихъ очеркахъ: это Свѣчина, княгиня Волконская, княгиня Голицына и другія.

VI.

Глафира Ивановна Ржевская, урожденная Алымова.

Въ то время, когда дочь Сумарокова, впослѣдствіи, по мужу Княжнина, и Каменская, по мужу Ржевская, воспитанныя въ кружкѣ представителей только что зарождавшейся въ Россіи литературы, начинаютъ собою новое поколѣніе русскихъ женщинъ, женщинъ-писательницъ, когда вслѣдъ за ними, выступаетъ съ этимъ же именемъ еще болѣе крупная женская личность, княгиня Дашкова, президентъ академіи наукъ, а за нею цѣлый рядъ женщинъ-писательницъ, ученицъ Ломоносова, Сумарокова, Княжнина, Новикова, въ то время, когда русская женщина, какъ общественный дѣятель и литераторъ, становится уже весьма замѣтнымъ явленіемъ въ общественной жизни,—нарождается новое поколѣніе женщинъ, которыя выростаютъ и развиваются подъ иными уже условіями, внѣ прямого вліянія литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, и вносятъ въ русскую жизнь новый типъ женщины, до того времени еще неизвѣстный.

Однимъ словомъ, нарождается поколѣніе будущихъ „институтокъ“.

Какъ Сумарокова-Княжнина начинала собою поколѣніе женщинъ-писательницъ, такъ съ Глафирою Ржевскою зачинается поколѣніе женщинъ-институтокъ.

Дѣвическое имя Глафиры Ржевской было—Алымова.

Алымова родилась въ 1759-мъ году, въ то время когда Сумарокова-

Княжнина уже заслужила славу женщины-писательницы, и притомъ первой по времени; а когда умерла вторая, по времени, русская писательница, Александра Ржевская, рожденная Каменская, Глафирѣ Алымовой было только десять лѣтъ.

Около этого времени, какъ извѣстно, императрица Екатерина II, при непосредственномъ руководствѣ Ивана Ивановича Бецкаго, основала первый въ Россіи женскій институтъ, при смольномъ монастырѣ, получившій, при своемъ основаніи, названіе „общества благородныхъ дѣвицъ“.

До основанія смольнаго института русскія дѣвушки воспитывались большею частью дома: такъ дома, воспитаны были первыя русскія писательницы—Сумарокова-Княжнина и Каменская-Ржевская. Съ основанія же института при смольномъ монастырѣ дочери благородныхъ родителей отдавались въ это заведеніе.

Одною изъ первыхъ поступившихъ въ это заведеніе была Глафира Алымова, происходившая изъ дворянской, но бѣдной фамиліи.

Для біографіи Алымовой имѣется богатый источникъ—это ея собственное жизнеописаніе, къ которому, однако, слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностью, такъ какъ безъ критики сообщаемыхъ ею фактовъ, отзывовъ и оцѣнокъ едва ли возможно принимать на вѣру многія изъ ея показаній.

Родилась она въ многочисленномъ семействѣ, гдѣ, слѣдовательно, при неимѣніи достаточной обезпеченности къ жизни, рожденіе новаго ребенка равнялось несчастью.

Поэтому Алымова, впослѣдствіи Ржевская, такъ говоритъ о своемъ рожденіи:

„Не радостно было встрѣчено мое появленіе на свѣтъ. Дитя, родившееся по смерти отца, я вступила въ жизнь съ зловѣщими предзнаменованіями ожидавшей меня участи. Огорченная мать не могла выносить присутствія своего бѣднаго девятнадцатаго ребенка и удалила съ глазъ мою колыбель, а отцовская нѣжность не могла отвѣчать на мои первые крики. О моемъ рожденіи, грустномъ происшествіи, запрещено было разглашать. Добрая монахиня взяла меня подъ свое покровительство и была моею воспріемницею“.

Только по прошествіи года родные съ трудомъ уговорили мать малютки Алымовой взглянуть на своего девятнадцатаго ребенка.

Первое, что сохранилось въ памяти дѣвочки, это то, что мать тяготилась ею и не любила ее, какъ старались увѣрить ребенка услужливые родные.

Совсѣмъ еще крошкой взяли ея въ смольный институтъ, и здѣсь уже выработался ея характеръ безъ всякаго вліянія домашняго воспитанія.

Сразу дѣвочка сдѣлалась любимицей начальницы института, госпожи Лафонъ, и знаменитаго И. И. Бецкаго, подъ непосредственнымъ руководительствомъ котораго состояли всѣ учебныя и благотворительныя заведенія екатерининскаго времени.

Алымову все баловало—и начальство института, и сама императрица, а за ними и всѣ воспитанницы заведенія, смотрѣвшія на нее отчасти какъ на круглую сиротку.

Съ своей стороны, маленькая Алымова страстно привязалась къ госпожѣ Лафонъ и къ Бецкому.

О своей привязанности къ первой она, между прочимъ, сама говоритъ въ своихъ запискахъ съ такой оригинальной откровенностью:

„Мое чувство къ госпожѣ Лафонъ походило въ то время на сильную страсть: я бы отказалась отъ пищи ради ея ласкъ. Однажды я рѣшилась притвориться, будто я не въ духѣ, чтобы разсердить ее и чтобы потомъ получить ея прощеніе: она такъ трогательно умѣла прощать, возвращая свое расположеніе виновнымъ. Это замѣтила я въ отношеніяхъ къ другимъ и пожелала испытать всю прелесть примиренія. Видя ее удивленною и огорченною моимъ поведеніемъ, я откровенно призналась ей въ своей хитрости“.

Хитрость и притворство—едва ли не первое чувство, развиваемое въ молодыхъ существахъ затворническою жизнью институтовъ и монастырей, при совершенномъ изолированіи ихъ отъ жизни общественной. Баловство же, предпочтительно передъ другими оказываемое нѣкоторымъ личностямъ, развиваетъ въ нихъ самолюбіе въ ущербъ другимъ добрымъ инстинктамъ человѣческой природы.

Невыгодность такого воспитанія отразилась отчасти на первыхъ русскихъ женщинахъ-институткахъ, изъ числа которыхъ мы и выводимъ теперь передъ читателями личность Алымовой, а послѣ укажемъ на подобную же, хотя съ иными нравственными задатками личность Нелидовой.

Алымова, кромѣ того, что она является первою женскою личностью изъ поколѣнія институтокъ или такъ называемыхъ „монастырокъ“, заслужила право на историческое безсмертіе еще и тѣмъ, что мѣсто въ русской исторіи отводитъ ей знаменитый любимецъ и другъ Екатерины II-й, И. И. Бецкій.

Алымова, если вѣрить ея запискамъ, была послѣднею несчастною страстью этого славнаго своею общественною и государственною дѣятельностью старика; не вѣрить же ея запискамъ вполнѣ мы не имѣемъ права, хотя и можемъ сомнѣваться въ правдивости нѣкоторыхъ изъ ея разсказовъ, въ вѣрности окраски тѣхъ или другихъ событій, непосредственно связывавшихся съ жизнью этой женщины.

Такъ всего менѣе мы можемъ довѣрять ей, безъ критики, тамъ, гдѣ она дурно отзывается о Нелидовой, можетъ быть, изъ понятнаго чувства соперничества и женской, а наиболѣе придворной завистливости.

О Бецкомъ она, между прочимъ, говоритъ:

„Затрудняюсь опредѣлить его характеръ. Чѣмъ болѣе я о немъ думаю, тѣмъ смутнѣе становится онъ для меня. Было время, когда вліяніе его на меня походило на очарованіе. Имѣя возможность дѣлать изъ меня, что ему вздумается, онъ по своей же ошибкѣ лишился этого права. Съ сожалѣніемъ высказываю это, но отъ истины отступать не хочу“.

Это говоритъ она о несчастной къ ней страсти семидесятипятилѣтняго старика, когда, между тѣмъ, самой дѣвушкѣ было только семнадцать—восемнадцать лѣтъ.

Далѣе Алымова говоритъ въ своихъ запискахъ, относительно привязанности къ ней Бецкаго:

„Съ перваго взгляда я стала его любимѣйшимъ ребенкамъ, его сокровищемъ. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметомъ его нѣжнѣйшихъ заботъ, цѣлью всѣхъ его мыслей. Это предпочтеніе нисколько не вредило другимъ, такъ какъ я имъ пользовалась для блага другихъ: ничего не прося для себя, я всего добивалась для своихъ подругъ, которыя благодарны мнѣ были за мое безкорыстіе и, вслѣдствіе этого, еще болѣе любили меня...“

Еще далѣе о Бецкомъ:

„Я безсознательно чувствовала, что онъ мнѣ подчинялся, но не злоупотребляла этимъ, предупреждая малѣйшія желанія его. Исполненная уваженія къ его почтенному возрасту, я не только была стыдлива передъ нимъ, но даже застѣнчива.“

Но скоро Бецкій,—продолжаетъ Алымова:—„пересталъ скрывать свои чувства ко мнѣ и во всеуслышаніе объявилъ, что я его любимѣйшее дитя, что онъ беретъ меня на свое попеченіе, и торжественно поклялся въ этомъ моей матери, затепливъ лампаду, передъ образомъ. Онъ передъ свѣтомъ удочерилъ меня.“

Въ продолженіе трехъ лѣтъ старикъ навѣщалъ ее каждый день и, повидимому, весь сосредоточился въ своемъ неудержимомъ къ ней чувствѣ.

„Три года протекли какъ одинъ день, посреди постоянныхъ любезностей, вниманія, ласкъ, нѣжныхъ заботъ, которыя окончательно околдовали меня. Тогда бы я охотно посвятила ему свою жизнь. Я желала лишь его счастья: любить и быть такъ всецѣло любимою казалось мнѣ верхомъ блаженства“.

Ни слякоть, ни дождь, ни снѣгъ, никакія государственныя заботы не отвлекали Бецкаго отъ посѣщенія своего молоденькаго друга: каждый день онъ у нея—она буквально зрѣетъ на его рукахъ.

Сначала онъ думалъ привязать къ себѣ дѣвушку, ослѣпивъ ее драгоцѣнными подарками; но она отъ всего отказывалась. Затѣмъ, какъ бы шутя, онъ при другихъ спрашивалъ ее: чѣмъ она охотнѣе желала бы быть—женой его, или дочерью? Дѣвушка отвѣчала, что предпочитала бы быть его дочерью.

Но вотъ наступило время выпуска дѣвицъ изъ института—выходила изъ него и Алымова.

Бецкій по этому случаю носитъ ей образцы платьевъ, матерій, украшеній, предлагая ей выбирать самое дорогое, все, что только могло ей понравиться.

Но сама императрица, съ любовью слѣдившая за первымъ выпускомъ смолянокъ и ласкавшая дѣвочекъ, особенно нѣкоторыхъ избранныхъ, какъ

своихъ дѣтей, одарила Алымову всѣмъ необходимымъ, пожаловала ее фрейлиною и въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ фрейлинъ и высокихъ придворныхъ особъ женскаго пола назначила ее присутствовать при встрѣчѣ невѣсты великаго князя Павла Петровича, долженствовавшей въ это время прибыть въ Россію.

Бецкій и здѣсь не покидалъ ее давалъ ей, на дорогу деньги, слѣдилъ съ ревнивой любовью за каждымъ ея шагомъ, и Алымова съ сожалѣніемъ высказывается по этому случаю о добромъ старикѣ, которымъ не во время овладѣла несчастная страсть къ слишкомъ молоденькой для него дѣвушкѣ.

„Несчастный старецъ!—восклицаетъ она по этому поводу:—душа моя принадлежала тебѣ! Одно слово, и я была бы твоею на всю жизнь. Къ чему были тонкости интриги въ отношеніи къ самому нѣжному и довѣрчивому существу?... Тебя одного я любила и безъ всякихъ разсужденій вышла бы за тебя замужъ“.

Но старикъ, ослѣпленный страстью, самъ поступалъ неблагоразумно и оттолкнулъ отъ себя дѣвушку: онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и ко всему; даже женщинъ, любившихъ дѣвушку, онъ сталъ удалять отъ нея, желая, чтобы всѣ ея симпатіи и все ея время, каждый шагъ ея и помыслъ принадлежали ему одному безраздѣльно.

Такая деспотическая въ своемъ проявленіи страсть сначала безпокоила дѣвушку, а потомъ начинала уже сердить ее, отдалять отъ ослѣпленнаго старика.

„Онъ не выходилъ изъ моей комнаты,—продолжаетъ Алымова:—и даже, когда меня не было дома, ожидалъ моего возвращенія. Просыпаясь, я видѣла его около себя. Между тѣмъ, онъ не объяснялся. Стараясь отвратить меня отъ замужества съ кѣмъ-либо другимъ, онъ хотѣлъ, чтобы я рѣшилась выйти за него, какъ бы по собственному желанію, безъ всякаго принужденія съ его стороны. Страсть его дошла до крайнихъ предѣловъ и не была ни для кого тайною, хотя онъ скрывалъ ее подъ видомъ отцовской нѣжности. Въ семьдесятъ пять лѣтъ онъ краснѣлъ, признаваясь, что жить безъ меня не можетъ. Ему казалось весьма естественнымъ, чтобы восемнадцатилѣтняя дѣвушка, не имѣвшая понятія о любви, отдалась человѣку, который пользуется ея расположеніемъ“.

Но дѣвушкѣ, брошенной въ водоворотъ придворной жизни, и притомъ такой одуряющей и ослѣпляющей жизни, какая была при блестящемъ дворѣ Екатерины II, начинали уже многіе нравиться изъ придворныхъ мужчинъ.

Особенное же вниманіе она обратила на умнаго и образованнаго придворнаго, уже намъ извѣстнаго изъ прежнихъ очерковъ, Алексѣя Андреевича Ржевскаго, за которымъ, какъ мы знаемъ, была замужемъ вторая изъ русскихъ писательницъ, Каменская-Ржевская и о которомъ въ эпитафіи этой самой жены его поэтомъ сказано было:

Скончавшись, Ржевская оставила супруга;
Супругъ, въ ней потерявъ любовницу и друга,
Отчаясь, слезы льетъ и будетъ плакать ввѣкъ...

Но Ржевскій, повидимому, не вѣчно „слезы лилъ" о своей первой женѣ, а полюбилъ Алымову и посватался за нее.

Алымова отослала его къ Бецкому, какъ къ своему отцу, опекуну и благодѣтелю, и сама сказала старику о предложеніи Ржевскаго.

Старикъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Имъ овладѣло отчаяніе и злоба—дѣвушка, которая оставалась его единственною привязанностью на землѣ, пропадала для него навѣки.

Чтобы отвратить свою любимицу отъ этого замужества, Бецкій увѣрялъ ее, что она обманута Ржевскимъ и княземъ Орловымъ для какихъ-то своихъ тайныхъ цѣлей, и прибавлялъ къ этому, что онъ „умретъ съ горя, если она будетъ несчастлива".

Дѣвушка покорно отказалась, вслѣдствіе этого, отъ руки Ржевскаго, и Бецкій на колѣняхъ благодарилъ ее, просилъ прощенія за минутную вспышку, которую онъ дозволилъ себѣ, узнавъ о томъ, что дѣвушка отвѣчала было согласіемъ на предложеніе Ржевскаго.

Долго продолжалась потомъ борьба между привязанностью дѣвушки къ Ржевскому и жалостью къ старику.

Не станемъ повторять за разсказчицей длиннаго, и утомительнаго по своимъ мелочнымъ подробностямъ, повѣствованія о томъ, какъ хитрилъ Бецкій, чтобы отвратить дѣвушку отъ замужества, какъ чернилъ Ржевскаго, какъ потомъ былъ обнаруживаемъ въ своей хитрости, сознавался въ ней, снова вымышлялъ разныя продѣлки,—все это едва ли можетъ быть принято вполнѣ на вѣру, тѣмъ болѣе, что разсказчица, видимо, усиливаетъ краски, бросающія невыгодную тѣнь на личность Бецкаго.

Какъ бы то ни было, но борьба кончилась не въ пользу Бецкаго: дѣвушка вышла за Ржевскаго.

Въ первое время Бецкій уговорилъ молодыхъ жить у него въ домѣ. Но и здѣсь онъ продолжалъ ту же тактику—старался уронить мужа въ глазахъ жены, отвратить отъ него ея привязанность, отвратить ее отъ двора и тѣмъ поставить въ единственную зависимость отъ самого старика.

Ржевскіе не выдержали этой жизни и оставили старика въ его грустномъ уединеніи, на попеченіи дочери, госпожи де-Рибасъ.

Старикъ слегъ. Ржевская часто навѣщала его изъ жалости; а почти умирающаго старика—говоритъ она—все еще „влекло ко мнѣ неугасаемое чувство".

Скоро доступъ къ больному старику былъ запрещенъ для Ржевской, потому что немощнаго Бецкаго охраняла упомянутая де-Рибасъ, которую Ржевская въ своихъ запискахъ не безъ злобы чернитъ какъ злую женщину, снабжая ее именемъ „аргуса".

„Въ эту пору,—говоритъ Ржевская:—старикъ ослѣпъ и почти терялъ разсудокъ".

Оцѣнивая вообще характеръ отношеній къ ней Бецкаго, она прибавляетъ:

„И. И. Бецкій могъ мнѣ сдѣлать много добра, а, между тѣмъ, имѣя самыя благія намѣренія, онъ принесъ мнѣ много вреда. Никто въ мірѣ не

VII.

Екатерина Ивановна Нелидова.

Нелидова принадлежитъ къ женскимъ личностямъ, составляющимъ переходъ отъ того поколѣнія русскихъ женщинъ, которыхъ создало живое движеніе общественной мысли, начавшееся съ Ломоносова, продолжавшееся при Державинѣ и на время остановившееся съ прекращеніемъ дѣятельности Новикова и его кружка, къ тому поколѣнію, крайними представителями котораго являются госпожа Криднеръ, госпожа Татаринова и цѣлый рядъ женщинъ-мистиковъ, иногда ханжей, на цѣлое полстолѣтіе остановившихъ живой процессъ общественной мысли.

Нелидова принадлежитъ уже къ періоду времени застоя этой мысли, безсильно порывавшейся, въ отдѣльныхъ субъектахъ, освободиться отъ мистическаго кошмара и фальсификаціи піетизма въ теченіе пятидесяти лѣтъ и окончательно освобожденной только современнымъ намъ поколѣніемъ женщинъ.

Она родилась 12 декабря 1756 года.

Слѣдовательно, первая молодость Нелидовой и лучшіе годы развитія совпадаютъ съ тѣмъ временемъ, когда первые порывы общественнаго возбужденія, увлекшаго за собою также и лучшихъ изъ русскихъ женщинъ, стали вновь уступать мѣсто общественной апатіи и нравственной распущенности.

Притомъ же самое воспитаніе Нелидовой, равно и слѣдовавшихъ за нею трехъ поколѣній русскихъ женщинъ, принадлежало уже не самому обществу, а смольному монастырю, основанному въ 1764 году и ставшему до извѣстной степени, вмѣстѣ съ другими открытыми впослѣдствіи институтами, регуляторомъ женскаго развитія и извѣстнаго направленія русской женщины до самаго послѣдняго времени.

Двадцати лѣтъ Нелидова вышла изъ смольнаго института и тогда же, 14 іюля 1776 года, пожалована была во фрейлины къ великой княгинѣ Марьѣ Өедоровнѣ, супругѣ тогдашняго наслѣдника престола Павла Петровича.

Въ петергофскомъ дворцѣ до настоящаго времени сохранялись портреты нѣкоторыхъ смольнянокъ XVIII вѣка, и въ числѣ этихъ портретовъ обращаетъ на себя вниманіе портретъ молоденькой Нелидовой.

Портретъ рисованъ съ нея, когда она была еще въ институтѣ, въ 1773 года, и принадлежитъ художественной кисти извѣстнаго тогдашняго живописца Левицкаго.

„Нельзя не остановиться передъ этимъ прелестнымъ произведеніемъ Левицкаго,—говоритъ новѣйшій біографъ Нелидовой:—Нелидова представлена во весь ростъ. Это маленькая фигурка, вовсе не красивая, но съ выраженіемъ живымъ и насмѣшливымъ, съ умными, блестящими глазами и чрезвычайно лукавою улыбкою. Въ ней есть какая-то изысканность, но общее впечатлѣніе привлекательно“.

Когда Нелидова поступила во фрейлины къ великой княгинѣ, Павелъ Петровичъ жилъ тогда своимъ отдѣльнымъ дворомъ, въ Гатчинѣ.

Дворъ великаго князя представлялъ крайнюю противоположность двору его царственнйй матери, Екатерины Великой. Послѣднiй или „большой дворъ“ отличался блескомъ и тѣмъ поражающимъ величiемъ, которое ему придавала Екатерина; вмѣстѣ съ тѣмъ, дворъ этотъ не чуждъ былъ извѣстной нравственной распущенности, изнѣженности.

„Малый дворъ“ отличался, сравнительно, пуританскою скромностью, умѣренностью, но въ то же время не свободенъ былъ отъ нѣкоторой натянутости, суровой сухости и крайней дисциплины при солдатской простотѣ жизни.

Поступивъ въ „малый дворъ“, Нелидова скоро усвоила себѣ его взгляды, нравственность, требованiя. Мало того, какъ умная женщина, она сумѣла отчасти подчинить себѣ эти требованiя, создать себѣ независимое положенiе именно тѣмъ, что поняла духъ того кружка, въ который попала, и ловко приноровилась къ людямъ.

Она скоро вошла въ довѣрiе великаго князя и его супруги: восторженность и рыцарскiй духъ перваго находили въ Нелидовой сочувственный отзывъ, задушевность и беззавѣтную преданность идеямъ и правиламъ великаго князя; доброта и сердечность послѣдней—находили въ Нелидовой такой же отрывъ и такое же пониманiе.

Ближе всего можно опредѣлить Нелидову, сказавъ, что это была ловкая женщина.

Великаго князя она возвышала въ его собственномъ мнѣнiи. Она, въ минуты восторженности, завѣряла его, что онъ будетъ образцовымъ государемъ, если только не измѣнится и будетъ дѣйствовать согласно своимъ чувствамъ, по самой природѣ—какъ она искусно доказывала — высокимъ и рыцарскимъ.

Порывистость и вспыльчивость Павла она умѣла обезоруживать шуткой, остроумной выходкой, даже иногда рѣзкостью, которая озадачивала его своею неожиданностью и смиряла: на брань Павла она нерѣдко отвѣчала бранью.

Но она же была и душой „малаго двора“. Она умѣла быть и неподражаемой хохотуньей, неподражаемо играла на дворцовыхъ спектакляхъ, неподражаемо танцовала.

Ей только стоило появиться въ Гатчинѣ, гдѣ пребывалъ „малый дворъ“ вдали отъ столичнаго шума, чтобъ потомъ безъ нея не могли уже обойтись, потому что безъ нея всѣ скучали, безъ нея чего-то не доставало.

Своей ловкостью, своимъ характеромъ, живостью, находчивостью, тактомъ она, что называется, обошла великаго князя, околдовала.

Она также околдовала и великую княгиню Марью Өедоровну, которая вѣрила ей, не тяготилась ея присутствiемъ при мужѣ, не ревновала.

Между тѣмъ, петербургское общество и „большой дворъ“ говорили не

въ пользу чистоты отношеній Нелидовой къ „малому двору“ и, быть можетъ, ошибались, преувеличивали. Какъ бы то ни было, на отношенія Павла къ его „пріятельницѣ“, какъ обыкновенно называли Нелидову, смотрѣли недовѣрчиво, двусмысленно, потому что все, что дѣлалось и говорилось въ „маломъ дворѣ“, до мелочныхъ подробностей передавалось „большому двору“.

Павелъ это зналъ, и увѣренный въ чистотѣ своихъ отношеній къ фрейлинѣ своей супруги, съ свойственной ему рыцарской гордостью не обращалъ вниманія на дворцовые и городскіе толки.

Мало того, отправляясь, въ 1788 году, въ Финляндію, на войну со шведами, великій князь пишетъ матери особое письмо, въ которомъ опровергаетъ клевету относительно близости къ нему Нелидовой и заявляетъ о чистотѣ побужденій, соединяющихъ его съ этою дѣвушкой, а въ доказательство дружбы къ ней и серьезнаго расположенія поручаетъ ее великодушію императрицы, на случай, если онъ погибнетъ въ предстоящемъ ему походѣ на непріятеля.

Все это еще болѣе рисуетъ рыцарскія правила Павла, правила, хранителемъ которыхъ онъ считалъ себя всю жизнь.

Время, между тѣмъ, идетъ. Нелидова живетъ при маломъ дворѣ уже четырнадцать лѣтъ—постоянство дружбы съ обѣихъ сторонъ дѣйствительно замѣчательное.

1 ноября 1790 года шведскій посланникъ Стендингъ, между прочимъ, пишетъ своему королю, Густаву III:

„Великая княгиня, сколько видно, занимается исключительно воспитаніемъ дѣтей своихъ, и ей пріятно, когда заведешь рѣчь объ этомъ. Она всегда очень ухаживаетъ за великимъ княземъ, а онъ, повидимому, обращается съ ней довольно холодно“.

Вотъ единственная тѣнь на Нелидову.

Но вотъ для Нелидовой проходитъ уже первая молодость: ей тридцать шесть лѣтъ. Прочность ея при дворѣ стала чѣмъ-то установившимся, обычнымъ, безъ чего быть не должно. Она сознаетъ свою силу, но не злоупотребляетъ ею, хотя подчасъ рѣзка, раздражительна, не въ мѣру колка.

О непостижимой дружбѣ ея съ великимъ княземъ говоритъ весь свѣтъ. Французскій „Монитёръ“ даже печатаетъ о ходячихъ въ Петербургѣ на этотъ счетъ толкахъ.

Неизвѣстно, печатные ли толки о предметѣ, ни для кого не бывшемъ новостью, или обидное извращеніе истиннаго смысла отношеній, существовавшихъ между великимъ княземъ и Нелидовой, или, наконецъ, какая-либо случайная размолвка, или вспышка прорвалась въ этихъ отношеніяхъ, только въ іюнѣ 1792 года Нелидова почему-то рѣшается порвать шестнадцатилѣтнюю дружескую связь съ будущимъ повелителемъ Россіи и удалиться въ смольный монастырь.

Тайно отъ великаго князя она относится къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ чрезъ графа Безбородко и ходатайствуетъ у нея о дозволеніи

возвратиться въ „общество благородныхъ дѣвицъ“; при этомъ, по понятнымъ побужденіямъ, присовокупляетъ, что возвращается въ это убѣжище „съ сердцемъ, столько же чистымъ, съ какимъ она его оставила“.

Хотя просьба оставлена была безъ послѣдствій, однако, посягательство со стороны Нелидовой разорвать шестнадцатилѣтнюю дружбу съ высокимъ другомъ своимъ глубоко поражаетъ Павла.

Это можно видѣть отчасти изъ писемъ къ нему князя Куракина, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ великаго князя: онъ былъ близкій членъ интимнаго кружка.

Вотъ что, напримѣръ, пишетъ князь Куракинъ 28 іюля 1792 года изъ своего саратовскаго имѣнія:

„Новость, которую вы изволите сообщать мнѣ, мой дорогой повелитель, озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша пріятельница, послѣ столькихъ опытовъ вашей дружбы и вашей довѣренности, дозволила себѣ и возымѣла намѣреніе васъ покинуть? И какъ могла она при этомъ рѣшиться на представленіе письма императрицѣ безъ вашего вѣдома? Мнѣ знакомы ея умъ и чувствительность, и чѣмъ болѣе я о томъ думаю, тѣмъ непонятнѣе для меня причины, столь внезапно побудившія ее къ тому. Во всякомъ случаѣ, я радъ, что дѣло не состоялось и что вы не испытали неудовольствія лишиться общества, къ коему вы привыкли. Чувствую, что вамъ тяжело было бы устроивать образъ жизни на новый ладъ, и вполнѣ представляю себѣ, какъ въ первыя минуты этотъ неожиданный поступокъ долженъ былъ огорчительно подѣйствовать на васъ“.

Въ письмѣ отъ 7 октября 1792 года Куракинъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я всегда разумѣлъ васъ, какъ слѣдуетъ, мой дорогой повелитель, всегда цѣнилъ значеніе и свойство того чувства, которое привлекаетъ васъ къ нашей пріятельницѣ; знаю, какъ много своимъ характеромъ и прелестью ума своего содѣйствуетъ она настоящему вашему благополучію, и поэтому желаю искренно, чтобы ваша дружба и довѣренность къ ней продолжались. Пчела, собирая медъ для улья своего, не садится на одинъ только цвѣтокъ, но всегда ищетъ цвѣтка, въ которомъ меду болѣе. Такъ поступаютъ пчелы. Но такъ же ли должны дѣйствовать и существа, одаренныя разумѣніемъ, чувствительностію, съ истиннымъ достоинствомъ способныя направлять свои желанія и поступки къ лучшему и къ тому, что ихъ удовлетворяетъ и наиболѣе имъ приличествуетъ“.

Тутъ уже не одинъ „характеръ“ и не одна „прелесть ума“ сдѣлали Павла нравственно независимымъ отъ очаровавшей его когда-то молоденькой хохотуньи, тутъ уже предъявляла свои права шестнадцатилѣтняя привычка; это такая сила, противъ которой бороться было не легко.

Но Павелъ побѣдилъ упорнаго своего друга: Нелидова осталась у него на глазахъ и „устраивать жизнь на новый ладъ“, какъ выражался Куракинъ, надобности не предстояло.

Но покой Павла былъ не надолго возстановленъ: новое огорченіе готовила ему Нелидова, и огорченіе болѣе чувствительное.

Черезъ годъ она вновь просится въ монастырь, и на этотъ разъ уже рѣшеніе ея твердо. Дворъ Павла опустѣлъ—такъ казалось его кружку.

Неизвѣстно, тосковала ли Нелидова по своей прежней жизни; поддерживала ли сношенія, хоть тайныя, съ гатчинскимъ дворомъ; какъ жила она въ монастырѣ—объ этомъ періодѣ ея временнаго отшельничества ничего, повидимому, не сохранилось. Такъ она жила три года вдали отъ двора великаго князя. Но въ ноябрѣ 1796 года ударъ поражаетъ Екатерину. На престолъ вступаетъ Павелъ Петровичъ. Что же Нелидова?

Она не осталась въ монастырѣ. Монастырь она смѣнила на роскошное помѣщеніе въ зимнемъ дворцѣ, куда перешелъ царственный другъ ея.

Въ день коронованія новаго императора Нелидова является уже камеръ-фрейлиной. Ей жалуется великолѣпный портретъ императрицы, усыпанный бриллiантами. Нелидова создаетъ собою новый видъ временщика: она воскрешаетъ въ себѣ начало XVIII столѣтія. Нелидова—это Биронъ въ юбкѣ, только Биронъ добрый, безъ кровожадныхъ и хищническихъ инстинктовъ.

Восемнадцать мѣсяцевъ вліяніе ея на императора и на ходъ дѣлъ неотразимо. Она — средоточіе кружка, правящаго судьбами Россіи. Въ ея роскошномъ кабинетѣ—центръ государственнаго тяготѣнія; въ этомъ кабинетѣ нерѣдко проводитъ время императоръ; въ кабинетѣ часто собирается весь кружокъ, содѣйствовавшій императору въ управленіи русскою землею—князья Куракины, извѣстный писатель и докладчикъ Павла Юрій Нелединскій-Мелецкій, графъ Буксгевденъ, Нелидовъ, Плещеевъ.

Но дѣвица-временщикъ не злоупотребляетъ своей силой подобно Бирону, Лестоку, Меншикову: она пользуется своимъ вліяніемъ на дѣла умѣренно, благоразумно; она по возможности на добро направляетъ горячее безволіе императора, вездѣ, гдѣ хватаетъ ея силы; она спасаетъ невинныхъ отъ неровнаго и часто не въ мѣру страстнаго гнѣва императора.

Мало того, сила ея такъ велика, что она является даже покровительницей по отношенію къ своей императрицѣ Марьѣ Θеодоровнѣ.

Нелидова своимъ заступничествомъ спасаетъ орденъ великомученика Георгія отъ уничтоженія, задуманнаго было Павломъ въ силу того, что орденъ этотъ учрежденъ былъ его матерью, къ которой онъ питалъ горькое чувство. Передъ Нелидовой все преклоняется, все льститъ ей, лишь бы ловкая лесть нашла доступъ до государя. Ей уже за сорокъ лѣтъ, а она еще охотно танцуетъ, потому что льстецы клянутся ей, что она танцуетъ восхитительно. Она любитъ зеленый цвѣтъ—и придворные пѣвчіе одѣты въ зеленое. Послѣ уже, когда Нелидова отходитъ на второй планъ, пѣвчіе переодѣваются во все бланжевое, потому что княгиня Гагарина любитъ бланжевый цвѣтъ. Нелидова знаетъ свою силу, потому что знаетъ силу привычки Павла: она даже не отвѣчаетъ на его слова, не говоритъ иногда съ нимъ ни слова — и онъ прощаетъ ее, не сердится на нее. Она въ неудовольствіи „кидаетъ черезъ его голову башмакъ“ — и Павелъ, не знавшій сдержки, не уничтожаетъ, однако, ее своимъ гнѣвомъ, а снисходитъ къ ней, какъ къ любимому и избалованному ребенку.

Можетъ статься, императоръ цѣнилъ въ ней и ея образцовое безкорыстіе, чѣмъ и измѣрялъ силу ея честной привязанности къ нему и къ правдѣ: богатыхъ безъ счету предлагаемыхъ ей подарковъ Нелидова не брала; щедрыя милости его отклоняла, когда могла озолотить себя и своихъ родныхъ. Нелидова дѣйствительно имѣла искусство быть временщикомъ и не заслужить общей ненависти: это—большое искусство или большая честность.

Но и ея „время“ должно же было отойти. Двадцать два года она была первою; надо же было быть и послѣднею, если не второю: тутъ середины не бываетъ.

Въ 1798-мъ году Павелъ отправился въ Москву, а оттуда предпринялъ путешествіе въ Казань.

Въ Москвѣ императоръ отличаетъ своимъ вниманіемъ Анну Петровну Лопухину—и то, чѣмъ двадцать два года безраздѣльно владѣла Нелидова, онъ переноситъ на новую женщину, къ которой разомъ заговорила страсть въ императорѣ, не привыкшемъ къ сдержкѣ.

Онъ приглашаетъ Лопухиныхъ въ Петербургъ. Лопухины принимаютъ эту честь, какъ милость, и переселяются въ Петербургъ.

Звѣзда Нелидовой гасла.

Она сразу поняла, что время ея отошло, что двадцатидвухлѣтняя привычка безсильна противъ страсти, что ей бороться съ молодой красавицей не подъ силу, ей, уже вступившей въ пятый десятокъ лѣтъ своей жизни. Какъ Цезарь, она не привыкла быть второю въ Римѣ; она не выноситъ того, чего не вынесъ Цезарь,—и удаляется за Рубиконъ, чтобъ ужъ никогда оттуда не возвращаться: она заключается опять въ смольный монастырь, гдѣ она была еще дѣвочкой, гдѣ достала себѣ ту силу, которою побѣждала всѣхъ болѣе двадцати лѣтъ.

Съ нею рухнулъ и весь ея блестящій кружокъ—отъ кормила правленія отходятъ Куракины, Буксгевденъ, Нелидовъ.

Для Петербурга и для двора это было дѣйствительно большое событіе.

Отъ Нелидовой остается во дворцѣ только ея тѣнь, ея память — это комнаты, долго еще называвшіяся „нелидовскими покоями“. Съ 1799 года покои эти назначены были для пребыванія въ нихъ иностранныхъ принцевъ.

Но и изъ монастырскаго уединенія Нелидова слѣдила за ходомъ совершающихся при дворѣ дѣлъ, которыя не предвѣщали, повидимому, ничего хорошаго.

Императрица не оставляла ее въ этомъ уединеніи: всякій разъ, когда она бывала въ Смольномъ, она навѣщала бывшую любимицу своего супруга и передавала ей и свою скорбь о томъ, что тревожило ее въ угрожающемъ ходѣ дѣлъ, и свои вполнѣ основательныя опасенія за будущее.

Часто навѣщалъ ее и петербургскій полицеймейстеръ Антонъ Михайловичъ Рачинскій, сестра котораго была въ замужествѣ за братомъ Нелидовой, Александромъ. Рачинскій считалъ какъ бы своею обязанностью докладывать Нелидовой о томъ, что дѣлалось и подготовлялось въ Петербургѣ, подобно тому, какъ онъ суточными рапортами докладывалъ госу-

дарю о состоянiи Петербурга. Вскорѣ, однако, по приказанiю Павла, Нелидова покидаетъ Петербургъ и переселяется въ замокъ Лоде, близъ Ревеля.

Тамъ уже до нея доходятъ слухи о внезапной кончинѣ Павла и о вступленiи на престолъ новаго государя, Александра Павловича.

Хотя намѣренiе относительно ссылки императрицы въ Холмогоры и о заключенiи великихъ князей въ крѣпость покойный императоръ отложилъ, конечно, не вслѣдствiе письма къ нему Нелидовой, однако, государыня не забыла этого заступничества за нее своей камеръ-фрейлины и стала оказывать ей еще большее расположенiе.

Онѣ видѣлись почти ежедневно, и вдовствующая государыня такъ привязалась къ этой женщинѣ, бывшей когда-то душею ихъ дома, что даже въ 1817 году, уѣзжая въ Москву, пригласила ее съ собой.

Наконецъ, скончалась и Марiя Ѳедоровна, въ 1828 году. У Нелидовой никого почти не осталось отъ того времени, когда она была первенствующимъ лицомъ въ государствѣ.

Ее стали забывать. Гостиная ее пустѣла. Она сама уже смотрѣла ветхой старушкой. Отъ прежняго величiя у нея оставались только, въ ея полномъ распоряженiи, придворная карета и камеръ-лакей.

Но и это у нея какимъ-то образомъ было отнято.

Однажды Нелидова собралась куда-то выѣхать и приказала подать карету. Ей доложили, что ни кареты, ни камеръ-лакея у нея больше нѣтъ.

Уязвленная въ своемъ самолюбiи, гордая старушка тотчасъ же пишетъ государю письмо, въ которомъ проситъ одолжить ей придворную карету на нѣсколько дней, пока она не купитъ себѣ новую.

Ловкiй маневръ старой придворной особы былъ хорошо понятъ Николаемъ Павловичемъ.

Черезъ нѣсколько дней государь ѣдетъ въ Смольный. Осмотрѣвши, по обыкновенiю, заведенiе и выходя изъ института, Николай Павловичъ направляется не къ выходной парадной двери, а по корридору въ отдѣльныя помѣщенiя института.

Свита и институтское начальство въ недоумѣнiи, перешептываются между собою, и, наконецъ, докладываютъ государю, что выходное крыльцо не тутъ, что, можетъ быть, его величество по разсѣянности идетъ не обычнымъ выходомъ.

Николай Павловичъ отвѣчаетъ, что онъ самъ знаетъ расположенiе института и его парадный выходъ, и продолжаетъ идти по тому же корридору.

Оказалось, что онъ направлялся въ помѣщенiе Нелидовой.

При этомъ свиданьѣ государь объявилъ обрадованной старушкѣ, что онъ никому не приказывалъ отнимать у нея то, что ей было прежде пожаловано. И вотъ, послѣ этого визита гостиная старушки снова наполняется посѣтителями; старушка опять выростаетъ въ глазахъ общества; ей льстятъ, передъ нею унижаются.

Но Нелидова уже развалина. Больше восьмидесяти лѣтъ она живетъ на свѣтѣ, до самой могилы изощряетъ свой колкiй языкъ надъ придворными, заслуживающими ея безпощадной кары, и продолжаетъ привлекать

толпы аристократіи плѣнительностью своей бесѣды, своего обхожденія, разсказами о старинѣ.

Это былъ „кумиръ поверженный“, „храмъ покинутый“...

Она умерла, наконецъ, въ 1839 году, 2-го января, восьмидесяти двухъ лѣтъ отъ роду, захвативъ своею жизнью два столѣтія и переживъ много великихъ событій.

Въ могилу съ собой она унесла тайну своихъ отношеній къ бывшему императору Павлу: тайна такъ и осталась тайной, хотя враги Нелидовой и силились разоблачить ее, какъ это дѣлала предшественница этой женщины, Глафира Ржевская-Алымова, въ своей любопытной, но, повидимому, нѣсколько пристрастной автобіографіи.

Въ этомъ отношеніи Нелидова была больше, чѣмъ скромна,—она была нѣма, и такъ и умерла загадкой.

Современныя о ней свѣдѣнія большею частью говорятъ въ ея пользу: это была честная и безкорыстная женщина, которая, при своемъ положеніи, могла больше сдѣлать зла, чѣмъ добра; но перваго она не дѣлала, а для дѣланія послѣдняго она не выросла—ее не научили ни жизнь, ни воспитаніе, ни вся ея обстановка.

Закулисной стороны жизни она не знала; она знала только закулисную сторону дворца: темное издали не казалось ей темнымъ, потому что она смотрѣла на него изъ своего свѣтлаго, придворнаго далека. Ей только льстили; ей поклонялись; въ ней искали.

Съ нею переписываются самые сильные люди ея времени—и вся переписка ихъ вертится на фразахъ, на поклонахъ, на перекрестномъ огнѣ шутокъ, а иногда и на милыхъ, деликатныхъ, блестящихъ, но все же не совсѣмъ безгрѣшныхъ сплетняхъ и пересудахъ.

Извѣстный вельможа и приближенный императора Павла Юрій Нелединскій-Мелецкій, лицо не безызвѣстное и въ исторіи русской литературы, какъ писатель временнаго умственнаго застоя, слѣдовавшаго за Новиковымъ, пишетъ Нелидовой остроумныя, но такія пустыя, безсодержательныя письма, которыя ясно обнаруживаютъ, что уровень общественной мысли и общественныхъ интересовъ дѣйствительно понижается на-время.

3-го марта 1800 года Юрій Нелединскій-Мелецкій пишетъ ей, между прочимъ: „Ничто до васъ относящееся мною не забыто—судите сами. Ни Мароа, ни Алексаша (горничныя Нелидовой) уже не при васъ; послѣдняя замужемъ, а вмѣсто нея ваши волосы убираетъ горничная дѣвицы Львовой. Изъ мужчинъ у васъ все тотъ же Василій. Жако здоровъ и продолжаетъ поѣдать пудру, когда вы за вашимъ туалетомъ. У васъ уже нѣтъ болѣе птички-ряполова, названнаго въ мою честь Юркою“.

Ряполовъ-Юрка—это Юрій Нелединскій-Мелецкій.

Вотъ на чемъ вертятся письма двухъ такихъ личностей времени застоя, какъ Нелидова и одно изъ литературныхъ свѣтилъ той эпохи.

А между тѣмъ, и Нелидова была свѣтиломъ эпохи.

Екатерина Великая, находившая время, при своихъ многосложныхъ

трудахъ, переписываться съ институтками Смольнаго монастыря, какъ съ Левшиной, Алымовой и другими, въ одномъ письмѣ къ первой замѣчаетъ о молоденькой тогда „выпускной" Нелидовой:

„Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой есть феноменъ, который я наблюдать буду очень пристально, въ то мгновенье, когда всего меньше ожидаютъ, и сіе можетъ случиться скоро"...

Сильно постарѣвшій Сумароковъ пишетъ въ честь Нелидовой и другихъ институтокъ вирши, въ благодарную отместку за то, что дѣвочки играютъ на сценѣ его стихокованныя, торжественныя, напудренныя трагедіи:

А вы,
И всѣ товарищи во воспитаньи ваши,
Живущи на брегахъ Невы,
Заслуживаете къ себѣ почтенья наши,
Явите и другимъ,
Своимъ сестрамъ драгимъ,
Нелидова, Барщова,
Письмо безъ лестна слова!
Свидѣтельствуйте имъ: кому пріятна честь,
Не станетъ никому стихи тотъ ложью плесть;
Безчестенъ авторъ той, кто чтитъ и сѣетъ лесть.
Свидѣтельствуйте то сестрамъ своимъ любезнымъ
И прилѣпившимся къ геройскимъ драмамъ слезнымъ,
Играющимъ въ трагедіи моей,
Хотя мнѣ видѣти того не удалося.
Со Ипокреною ихъ дѣйствіе лилося:
Какъ Рубановская въ пристойной страсти ей
Со Алексѣевой входила во раздоры,
И жалостные взоры,
Во горести своей
Ко смерти ставъ готовой,
Въ минуты лютаго часа,
Съ Молчановой и Львовой
Метала въ небеса.
Арсеньева, цвѣтя, вѣкъ старый избираетъ,
Служанку съ живостью Алымова играетъ,
Подъ видомъ Левшиной Заира умираетъ" и т. д.

Можно сказать, что всѣ эти женщины, поименованныя въ посланіи Сумарокова, хотя и вступаютъ въ жизнь еще въ періодъ усиленнаго подъема общественной мысли, тѣмъ не менѣе одной ногой стоятъ уже за той чертой, за которой начинается продолжительный застой этой мысли.

Дашкову—президента академіи наукъ смѣняютъ такія женщины, какъ Глафира Ржевская и Нелидова, которыхъ міровоззрѣніе ограничивается однимъ дворомъ; Ржевскую и Нелидову смѣняютъ Татаринова и Криднеръ, которыя считаютъ себя пророчицами; слѣдующія за ними русскія женщины бросаются въ католичество и т. д.

Конецъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Л. Мордовцева.

ДЕРЖАВНАЯ СВАХА

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЫЛЬ.

1783.

Томъ XXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Н. Ѳ. Мертца

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 августа 1902 года.

Типографія „В. С. Балашевъ и Ко“. Спб. Фонтака, 95.

I.

Монтекки и Капулетти.

— Я съ крайнимъ огорченіемъ узнала, ваше величество, что съ нынѣшняго года я лишаюсь счастія жить подъ одною кровлею съ моею государыней?

— Это почему же, княгиня?

— Я слышала, ваше величество, что въ Зимнемъ Дворцѣ очищаются комнаты только для Анны Никитишны, а для меня помѣщенія во дворцѣ уже не будетъ.

— Да, точно, милая княгиня! Такъ рѣшилъ совѣтъ, въ виду пріумноженія императорской фамиліи. Перемѣны эти вызваны, какъ вамъ извѣстно, рожденіемъ великой княжны Екатерины Павловны. Анна же Никитишна остается при мнѣ, какъ ближайшая статсъ-дама.

— Но я имѣю счастіе быть статсъ-дамой вашего величества.

— Точно, милая княгиня, я рада имѣть васъ въ числѣ моихъ статсъ-дамъ; но на васъ лежитъ обязанность выше и почетнѣе простой статсъ-дамы: вы—директоръ академіи наукъ и россійской академіи предсѣдатель. Какъ же Аннѣ Никитишнѣ равняться съ вами?

— Мнѣ кажется, государыня, что близость вашего величества выше и почетнѣе всякихъ титуловъ.

— Vous me cajolez, madame la princesse.

— Oh, non, votre majesté! Tout le monde vous cajole...

— О! только не шведскій король! Онъ грозится не только васъ, княгиня, но и меня самое выгнать изъ моего Зимняго Дворца.

— Какъ, государыня! Ужели онъ позволилъ себѣ такую дерзость?

— Да, милая княгиня: отъѣзжая изъ Стокгольма къ войску въ Финляндію, онъ сказалъ своимъ дамамъ, что дастъ имъ завтракъ въ моемъ Петергофѣ. Мало того, онъ не только намъ, живымъ, грозитъ, но и мертвымъ: онъ хочетъ сдѣлать десантъ на Красной Горкѣ, выжечь Кронштадтъ, идти въ Петербургъ и опрокинуть статую Петра I-го! [1]).

— Но такъ можетъ говорить только безумецъ! Опрокинуть монументъ Великаго Петра! Это неслыханная дерзость! И я увѣрена, что ваше величество накажете безумца за такія слова.

— И накажу! Я сама выйду, съ моею гвардіею, къ нему навстрѣчу къ Осиновой Рощѣ [2]).

---

[1]) Все это—подлинныя слова Густава III-го при объявленіи имъ, въ 1788 году, войны Россіи.

[2]) „Дневникъ“ Храповицкаго, 97.

— И повѣсишь его, матушка, на первой осинѣ...

— Ахъ, это ты, повѣса! Оттого и другихъ собираешься вѣшать.

— За тебя, матушка государыня, отца родного повѣшу.

Разговоръ этотъ происходилъ болѣе ста лѣтъ назадъ, лѣтомъ 1788 года, на балконѣ императорскаго дворца въ Царскомъ Селѣ.

Бесѣда шла сначала между императрицею Екатериною Алексѣевною и знаменитою княгинею Екатериною Романовною Дашковою, директоромъ академіи наукъ и предсѣдателемъ россійской академіи: эти двѣ почетныя должности занимала тогда, къ удивленію всей Европы — женщина! Извѣстно, что, несмотря на предоставленіе ей такого высокаго поста, императрица не долюбливала этой женщины. На то она имѣла не мало уважительныхъ причинъ. Княгиня Дашкова, при всемъ своемъ умѣ и блестящемъ образованіи, отличалась самомнѣніемъ и высокомѣріемъ, соединенными притомъ съ навязчивостью. Болѣе всего отдалило отъ нея императрицу то, что Дашкова, пользуясь обширнымъ знакомствомъ съ свѣтилами европейскаго ума и учености, находясь въ дружбѣ, какъ ей казалось, съ такими царями европейской мысли, какъ Вольтеръ и Дидро, хвасталась, будто бы, какъ передавали императрицѣ, что она возвела ее на престолъ и что Екатерина не оцѣнила ея услугъ, лишивъ своей дружбы и интимности. Можетъ быть, на Дашкову и клеветали завистники и завистницы; но, во всякомъ случаѣ, отношеніе обѣихъ высокихъ женщинъ были натянутыя, и Екатерина охотнѣе дѣлилась своею интимностью съ статсъ-дамою Анною Никитишною Нарышкиною или даже просто съ Марьею Саввишной Перекусихиной, чѣмъ съ директоромъ академіи наукъ въ юбкѣ и чепчикѣ. Дашкова не могла не видѣть этого, и потому не рѣдко припоминала слова, сказанныя ей покойнымъ императоромъ Петромъ III-мъ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, а молоденькая Дашкова, тогда еще княгиня Воронцова, была любимой наперстницей его супруги, будущей императрицы Екатерины II-й: „Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами (намекъ на свою супругу), которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку“. Въ самомъ дѣлѣ, кому не извѣстно, что, помогая вмѣстѣ съ прочими Екатеринѣ Алексѣевнѣ совершить великій государственный переворотъ, княгиня Дашкова десять разъ рисковала жизнью ради своего кумира, къ которому она обращалась съ такими восторженными словами:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,—
И награждая всѣмъ,—тобой насъ наградила.

И вдругъ послѣ всего этого—холодность, отчужденіе. Во время знаменитаго путешествія въ новообрѣтенный Крымъ, императрица говоритъ Храповицкому:

— Княгиня Дашкова хочетъ, чтобъ къ ней писали, а она, ѣздя по Москвѣ, предъ всѣми моими письмами хвастается.

— Съ Дашковою хорошо быть подалѣ, — говоритъ она въ другомъ мѣстѣ [1]).

Надъ Дашковой, наконецъ, просто издѣваются: въ драматической пословицѣ—„За мухой съ обухомъ", принадлежащей перу самой императрицы, Дашкова осмѣивается въ лицѣ сварливой бабы Пострѣловой [2]).

И вдругъ теперь у нея отбираютъ аппартаменты въ Зимнемъ Дворцѣ, которые она все время занимала въ качествѣ статсъ-дамы, и отдаютъ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. Въ „Дневникѣ" Храповицкаго объ этомъ такъ записано подъ 19 мая 1788 года: „Выведенъ (изъ Зимняго Дворца) совѣтъ, чтобы очистить комнаты Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, но такъ расположено, чтобы не было комнатъ для княгини Дашковой. „*Съ одною хочу проводить время, а съ другою нѣтъ; онѣ же и въ ссорѣ за клокъ земли*" (слова императрицы курсивомъ) [3]).

— Дашкова съ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ (мужемъ этой Анны Никитишны) въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла, — сострила императрица.—Ссора за пять саженъ земли [4]).

Нашъ настоящій разсказъ и застаетъ княгиню Дашкову въ разговорѣ съ императрицею о щекотливомъ для первой вопросѣ — о благовидномъ удаленіи ея изъ Зимняго Дворца. На этомъ разговорѣ и застаетъ ихъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ императрицы и личный, самый преданный изъ ея старыхъ друзей, попросту—„повѣса Левушка" или „шпынь". Дашкова и съ нимъ находилась въ ссорѣ по поводу того, что въ издававшемся тогда при академіи подъ ея редакціею журналѣ Фонвизинъ, знаменитый авторъ „Недоросля", позволилъ себѣ весьма злую шутку насчетъ Нарышкина: очень прозрачно намекая на него, Фонвизинъ писалъ, что въ старину шуты и шпыни привдорные были просто шутами, а теперь эти же шуты, ничего не дѣлая, занимаютъ очень высокія должности при дворѣ.

Понятно, что едва Нарышкинъ появился на балконѣ, какъ Дашкова тотчасъ же откланялась императрицѣ и удалилась. Нарышкинъ сдѣлалъ неуловимую гримасу.

— Ты все тотъ же повѣса,—улыбнулась государыня.

— Тотъ же, матушка царица, и потому желалъ бы на первой осинѣ повѣсить твоего супостата! Шутка ли! За эти дни, государыня, ты успѣла даже съ лица спасть.

— Какъ не спасть, мой другъ! Столько заботъ, такая альтерація—и

---

1) „Дневникъ" Храповицкаго, 33, 66.

2) Лонгиновъ, „Драматическія сочиненія Екатерины II", 23.

3) „Дневникъ" Храповицкаго, 83.

4) Этотъ и послѣдующіе разговоры императрицы — ея подлинныя историческія изреченія.

за всѣмъ надо самой присмотрѣть. Думается мнѣ: буде дѣло пойдетъ на негоціацію, то, можетъ быть, онъ, Густавъ, захочетъ, чтобы я признала его самодержавнымъ королемъ. Вчера всю ночь не выходило изъ головы, что онъ можетъ вздумать атаковать Кронштадтъ, ибо надобно сообразоваться съ его безуміемъ, чтобы предузнать его намѣренія.

— Ахъ, государыня матушка, и не съ такими супостатами приходилось тебѣ имѣть дѣло, и всѣхъ-то ты превозмогла: не ему чета былъ Фридрихъ II.

— Да тотъ, Левушка, былъ уменъ, а этотъ—дуракъ!—проговорила императрица, ударивъ рукою по бумагамъ, лежавшимъ противъ нея на столѣ.—И вотъ мнѣ пришло обдумывать и дурачества его, дабы на всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ.

— И разобьетъ, матушка, всенепремѣнно.

— Вотъ и императоръ Іосифъ пишетъ мнѣ, что хотя много видалъ дураковъ, но не знавалъ такого, который бы другихъ считалъ себя глупѣе.

— Оно такъ именно, матушка, и бываетъ: дуракъ всѣхъ считаетъ глупыми, а только себя умнѣйшимъ.

— Такъ-то такъ, мой другъ,—а онъ, все-таки, хитритъ: мнѣ пишутъ изъ Стокгольма, что онъ, Густавъ, обвиняетъ меня въ томъ, будто бы я возмущаю противъ него его подданныхъ, и за то, что я въ своей нотѣ сдѣлала, яко бы, различіе между королемъ и націей, приказываетъ моему резиденту, графу Разумовскому, выѣхать изъ Стокгольма въ восемь дней, а мнѣ хочетъ писать уже изъ Финляндіи, куда и выѣхалъ къ войску.

— И отлично! Пусть идетъ разбивать себѣ лобъ, — махнулъ рукою Нарышкинъ.—А у насъ, матушка, на плечахъ теперь болѣе серьезная негоціація.

— Какая же? — улыбнулась императрица, впередъ догадываясь, что ея испытанный другъ, Левушка, для того, чтобы нѣсколько отвлечь ее отъ государственныхъ заботъ и треволненій, навѣрное, задумалъ какую-нибудь шалость.

— Да какъ же государыня,—серьезно отвѣчалъ Нарышкинъ:—у насъ подъ бокомъ разгорается жестокая война между Монтекки и Капулетти.

— Это между Дашковой и твоимъ братомъ изъ-за клочка земли?

— Точно, государыня, между ними; но только теперь на сцену выступаютъ Ромео и Джульетта.

— Это кто же?—какъ бы машинально спросила императрица.

— Да вотъ что, матушка: братъ мой выписалъ изъ Голландіи пару превосходныхъ свиней — борова и свинью. Такъ этотъ боровъ, которому братъ и далъ кличку Ромео, чувствуя холодность къ своей подругѣ, сталъ махаться со свинкою, принадлежащею княгинѣ Дашковой, и для свиданія съ ней пробирается въ садъ Дашковой, гдѣ иногда и даютъ сюрпризомъ вокальные дуэты эти новые Ромео и Юлія. А дачи ихъ, сама знаешь, матушка, по сосѣдству—садъ къ саду. Ну, и быть бѣдѣ. Уже разъ княгиня прислала брату словесную ноту — чтобы держалъ борова взаперти.

А этотъ голландецъ, матушка, любитъ свободу, — не то, что у насъ— Ромео не выноситъ хлѣва, и визжитъ, точно его рѣжутъ. Ну, братъ и не велитъ его запирать,—а онъ сейчасъ же и къ Джульеттѣ 1).

Но Нарышкину не удалось развлечь императрицу. Въ дверяхъ показался графъ Безбородко съ бумагами въ рукахъ,

— Съ манифестомъ? — спросила государыня, отвѣчая на низкій поклонъ графа.

— Съ манифестомъ, ваше величество,—отвѣчалъ пришедшій, подавая папку съ бумагой.

Императрица взяла папку, развернула ее, внимательно прочла манифестъ, объявлявшій войну Швеціи, и три раза набожно перекрестившись, твердою рукою подписала его.

— Быть по сему!—какъ бы про себя сказала она:—на начинающаго Богъ.

II.

Тайное свиданіе.

Дачи двухъ враждовавшихъ при дворѣ Екатерины II высокопоставленныхъ особъ, статсъ-дамы княгини Дашковой и оберъ-шенка Александра Нарышкина, дѣйствительно, находились бокъ-о-бокъ, около Царскаго Села, собственно въ Софіевкѣ. Онѣ раздѣлялись довольно высокимъ заборомъ, который, кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ густо окаймляли кусты бузины и сирени.

Въ ночь, слѣдовавшую за подписаніемъ манифеста о войнѣ съ Швеціею, 30-го іюня 1788 года, въ Царскомъ Селѣ и на дачахъ вельможъ, ютившихся около царской лѣтней резиденціи, было необыкновенно тихо. Императрица, вслѣдъ за подписаніемъ манифеста, тотчасъ уѣхала въ Петербургъ, чтобы отслужить молебенъ въ Петропавловскомъ соборѣ, а за нею послѣдовалъ въ городъ весь дворъ и всѣ вельможи, жившіе по своимъ дачамъ въ Царскомъ и въ его окрестностяхъ. Все стремилось въ Петербургъ потому еще болѣе, что послѣ молебна наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ долженъ былъ отправляться въ Финляндію съ кирасирскимъ имени его высочества полкомъ.

Тревожное состояніе двора немедленно передалось всему населенію Петербурга и его окрестностей, особенно, когда стало извѣстно, какія дерзкія требованія предъявлялъ шведскій король: онъ требовалъ, чтобы Россія возвратила ему Финляндію, чтобы недавно завоеванный Крымскій полуостровъ отданъ былъ опять султану и т. д.; напоминалъ даже Пугачова, на что императрица, читая его высокомѣрную ноту, съ улыбкой замѣтила приближеннымъ:

— Il cite son confrére Pouhaschoff.

Какъ бы то ни было, но въ ночь на 1 іюля 1788 года Царское и

---

[1]) Исторія ссоры между княгинею Дашковою и оберъ-шенкомъ Нарышкинымъ изъ-за свиней также не выдумана нами; она сохранилась въ оффиціальной перепискѣ того времени.

сосѣднія дачи замѣтно опустѣли. А извѣстно, что когда хозяевъ нѣтъ дома, то мыши свободно по столамъ разгуливаютъ, а когда господъ нѣтъ дома, то прислуга господствуетъ.

Такъ было и теперь. Несмотря на непримиримую вражду сосѣднихъ дачъ — Дашковой и Нарышкиныхъ, вмѣстѣ съ императрицею уѣхавшихъ въ городъ, въ ночь на 1-е іюля замѣтны были дружескія, хотя тайныя, сношенія между этими враждующими дачами. Такъ какъ лѣтнія петербургскія ночи очень прозрачны, то и видно было, какъ около 12-ти часовъ ночи къ бузиновымъ и сиреневымъ кустамъ, раздѣлявшимъ вмѣстѣ съ заборомъ обѣ дачи, съ той и другой стороны, прокрадывались двѣ человѣческія фигуры — отъ Нарышкиныхъ мужская, отъ Дашковой — женская. Скоро мужская фигура, непонятно какимъ чудомъ, очутилась по эту сторону забора, подъ сиреневымъ кустомъ, росшимъ въ саду Дашковой. Подъ этимъ же развѣсистымъ кустомъ мелькало уже и женское платье.

— Здравствуй, Пашенька,—послышался мужской шопотъ.

— Здравствуйте, Егорушка,—робко отвѣчалъ шопотъ женскій.

Послѣдовавшія затѣмъ нѣсколько мгновеній абсолютной тишины подъ сиреневымъ кустомъ даютъ поводъ подозрѣвать, что Егорушка и Пашенька цѣловались. Ну, и пускай ихъ!

— А я сегодня ужъ третій разъ прихожу сюда, а тебя все не было,— прошепталъ мужской голосъ.

— Боялась я, Егорушка,—отвѣчалъ женскій.

— Чего же, Паша,—вить, господа всѣ въ городѣ.

На это не послѣдовало никакого отвѣта, только въ царскосельскомъ паркѣ послышались задорныя пощелкиванья соловья.

— А—Паша, чего-жъ ты опасалась?—повторилъ мужской голосъ.

— Эхъ, Егорушка, мнѣ бы и вовсе не слѣдъ ходить сюда.

— Отчего же? Развѣ ты меня не любишь?

— Нѣтъ, Егоръ Петровичъ, вы сами знаете, что я люблю васъ; только моя барыня никогда не согласится отдать меня за васъ замужъ. Сами знаете, что моя княгиня на вашего барина и на барыню адомъ дышетъ. А сегодня воротилась изъ дворца какъ полуумная какая, и вашихъ господъ на чемъ свѣтъ лаяла: досталось и барынѣ, а особливо Льву Александрычу—и наушникъ-то онъ государынинъ, и шпынь, и передатчикъ. Опосля, когда я ей волосы причесывала къ выѣзду, стала плакать: говоритъ, будто ваши господа и съ государыней ее нарочно поссорили, что государыня не хочетъ ее и въ Зимнемъ Дворцѣ около себя видѣть, и наши комнаты во дворцѣ подъ вашу барыню отдаетъ. Сами теперь посудите, Егоръ Петровичъ, какъ я сунусь къ ней послѣ этого съ моимъ дѣломъ? Ежели-бъ вы были не Нарышкиныхъ господъ, тогда другое дѣло: княгиня меня не то, что любятъ, а просто балуютъ; я у нихъ хожу, сами видите, какъ куколка, всегда разряженная, и ни въ чемъ мнѣ запрету нѣтъ. А тутъ—что и говорить!—я, кажись, готова руки на себя наложить—зачѣмъ я васъ полюбила!

Послышались тихія всхлипыванья; а соловей все раздражительнѣе заливался въ ночной тишинѣ:

— Паша! Милая! Не плачь только!—утѣшалъ мужской голосъ. Я все сдѣлаю, чтобы намъ повѣнчаться. Потерпи только малость. Вить, ты не перестарокъ какой—тебѣ только семнадцатый годъ пошелъ.

— Ахъ, Егоръ Петровичъ, я и пять лѣтъ готова терпѣть, только бы вы были моимъ суженымъ.

— И буду, Паша,—я на все пойду. Я ужъ думалъ объ этомъ, и, кажись, надумалъ.

— Что-жъ вы надумали?

— А вотъ что: тебя знаетъ Марья Саввишна?

— Еще бы! Во дворцѣ жила—какъ ей меня не знать? Всякій разъ при встрѣчѣ „аленькимъ цвѣточкомъ“ меня называетъ. Меня и государыня знаютъ: разъ какъ-то княгиня посылали меня съ однимъ узоромъ къ Марьѣ Саввишнѣ, и вдругъ къ ней—сама государыня! Я, знамо, низехонько поклонилась—и къ сторонкѣ, а онѣ замѣтили меня, да и говорятъ такъ милостиво:—„а, Марья Саввишна, у тебя гостья, да еще какая! Самому директору академіи пудритъ голову“.—Это княгинѣ-то. А Марья Саввишна и говоритъ: „точно, государыня,—это „аленькій цвѣточекъ“.—Я такъ и сгорѣла вся.

— Ну, вотъ видишь, Паша, такъ мы черезъ Марью Саввишну: она сколько ужъ дворскихъ дѣвушекъ повыдала замужъ! И насъ благословитъ; до самой государыни наше дѣло доведетъ.

Вдругъ въ ночной тишинѣ послышался стукъ приближающейся кареты, и скоро затѣмъ она остановилась у дачи княгини Дашковой.

— Ахъ, матушки!—это наша карета,—послышался испуганный женскій шопотъ подъ кустомъ сирени:—княгиня, знать, не ночуетъ въ городѣ... Прощайте, Егорушка!

И въ кустахъ прошуршало женское платье.

III.

Пропавшіе слѣды и подозрительный платокъ.

На другой день княгиня Дашкова проснулась по обыкновенію очень рано и отправилась на веранду, выходившую въ садъ. Веранда обставлена была зеленью и цвѣтами, до которыхъ княгиня была большая охотница. Утро было прелестное, и хотя Екатерина Романовна послѣ вчерашнихъ объясненій съ государыней находилась въ мрачномъ настроеніи духа, однако, и на нее оживляюще подѣйствовала эта чарующая тишина лѣтняго утра, и позолоченная солнцемъ зелень, и голубое небо, напоминавшее ей одно незабвенное утро въ волшебномъ Сорренто. Въ самомъ дѣлѣ—неужели она, княгиня Дашкова, которая пользуется дружбою величайшихъ геніевъ Европы, свѣтилъ ума и науки,—можетъ завидовать какой-нибудь Нарышкиной, никому неизвѣстной? Что она? Придворная, свѣтская дама, просто баба—и больше ничего. Не княгинѣ Дашковой, директору академіи наукъ и предсѣдателю

россійской академіи, завидовать предпочтенію какой-нибудь статсъ-дамы: подобная зависть — это холопское чувство. „Ближе къ самой... Что-жъ! камердинеръ, Захаръ еще ближе журитъ ее каждый день,—такъ и Захаркѣ завидовать?.. А Марья Саввишна еще ближе... Нѣтъ, я не хочу быть холопкой!“.

Эти соображенія окончательно ее утѣшили, и она весело взглянула на Пашу, свою хорошенькую камеръ-юнгферу, когда та въ своемъ свѣтленькомъ платьицѣ вынесла на веранду кофе для княгини.

— Какая ты сегодня, Паша, авантажная,—ласково кинула княгиня:— точно за ночь похорошѣла.

Дѣвушка вспыхнула и стала еще миловиднѣе въ своемъ молодомъ смущеніи.

— Ужъ не влюблена ли? а? Ишь, плутовка!

— А развѣ отъ эстаго, ваше сіятельство, хорошѣютъ? — съ наивной стыдливостью спросила дѣвушка.

— Какъ же! Когда дѣвушка полюбитъ, она сразу хорошѣетъ: не даромъ древніе говорили, что влюбленной сама богиня любви даетъ взаймы частицу своей красоты.

Но вдругъ вниманіе княгини было привлечено чѣмъ-то въ саду, подъ верандою.

— Что это? Мои цвѣты помяты, грядки изрыты...

Княгиня быстро спустилась съ веранды. Если бы она въ эту минуту взглянула на Пашу, то увидѣла бы, что розовыя щеки дѣвушки моментально покрылись смертной блѣдностью. Она одна знала, какъ и по чьей винѣ это произошло. Зная притомъ, какъ княгиня любила цвѣты и эти грядки и клумбы, которыя она сажала собственными руками, — Паша не сомнѣвалась, что виновниковъ этого безпорядка въ саду неминуемо ждетъ Сибирь. Въ то время помѣщики имѣли право не только брить лбы своимъ крѣпостнымъ, но собственною властью и ссылать въ Сибирь на поселеніе. Паша съ трудомъ удержалась на ногахъ, схватившись за перила веранды.

Навстрѣчу княгинѣ шелъ старый садовникъ. Сѣдая голова его тряслась отъ волненія.

— Видишь это? — съ недоумѣніемъ и со строгостью въ голосѣ спросила Екатерина Романовна.

— Вижу-съ, матушка ваше сіятельство,—съ покорностью судьбѣ отвѣчалъ старикъ.

— Кто-жъ это надѣлалъ? Неужели свиньи?

— Полагать надоть, ваше сіятельство, что свиньи-съ.

— Но откуда? Какъ? У меня свиней нѣтъ. Значитъ, садъ былъ отпертъ?

— Запертъ былъ-съ, ваше сіятельство, и ключъ у меня на гайтанѣ-съ.

— Такъ какъ же? откуда? отъ Нарышкиныхъ? Но какъ же черезъ заборъ? Тутъ и собака не перескочитъ, а какъ же свиньи перелѣзутъ?

— И ума не приложу, матушка.

— Развѣ есть дыра въ заборѣ?

— Искалъ, ваше сіятельство: нигдѣ и щелиночки нѣтути.

— А слѣды есть?

— Такъ точно—есть, ваше сіятельство.

— А куда ведутъ?

— Вонъ въ тѣ сиреневые кусты, и тамъ пропадаютъ: точно проклятыя твари съ неба свалились, прости Господи!

Собралась дворня. Начали шарить по всѣмъ закоулкамъ, въ саду, по аллеямъ, по кустамъ. Освидѣтельствовали заборъ, прилегающій къ саду Нарышкиныхъ: всѣ доски цѣлы, ни малѣйшаго отверстія. А, между тѣмъ, слѣды свиныхъ ногъ явственны и дѣйствительно—пропадаютъ въ сиреневыхъ кустахъ.

— А вотъ я барскую ширинку нашелъ!—раздался вдругъ изъ самой гущины кустовъ голосъ поваренка Ильюшки.

— Какую ширинку? Давай сюда!

Поваренокъ вылѣзъ изъ кустовъ. Въ рукахъ у него былъ батистовый платокъ.

Показали платокъ княгинѣ. На лицѣ ея выразилось глубокое изумленіе. Платокъ былъ надушенъ модными духами, платокъ тонкій, барскій и— княгиня даже отшатнулась: на платкѣ вензель и гербъ Нарышкиныхъ, а самый вензель—Льва Нарышкина, Левушки, знаменитаго оберъ-шталмейстера и любимца императрицы, однимъ словомъ—„шпыня“!

Княгиня обвела всѣхъ недоумѣвающимъ взоромъ. Какъ! Неужели этотъ старый сатиръ былъ у нея въ саду? Но зачѣмъ? Развѣ шпіонилъ?

Но откуда свиные слѣды? Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, онъ на ночь обращался въ сатира съ козлиными ногами? Вѣдь, слѣдовъ козлиныхъ не отличишь отъ свиныхъ слѣдовъ. Дашкова готова была вѣрить существованію сатировъ.

Потомъ она подозрительно взглянула на Пашу... „За ночь похорошѣла... Неужели это Левъ наушникъ? Не можетъ быть! А впрочемъ“...

Она что-то сообразила и унесла платокъ на веранду.

„По ниточкѣ доберусь и до клубочка“,—думала она, садясь къ столу, на которомъ стоялъ простывшій кофе.

IV.

„Императрица—Захара боится!“.

Между тѣмъ, тотъ, кого Іосифъ II и Екатерина II называли то „дуракомъ“, то „донъ-Кихотомъ“ „l'emule du héros de la Manche“, то „Горе-Богатыремъ Касиметовичемъ“ и другими презрительными прозвищами, причинялъ всѣмъ громадное безпокойство. Императрица по этому поводу то и дѣло жаловалась Храповицкому, что у нея „отъ заботъ дѣлается алтерація“ [1]).

Да и было отчего быть „альтераціи“. Дни стояли жаркіе, а о жизни

[1]) Храповицкій. „Дневникъ“, 95.

на дачѣ, въ Царскомъ Селѣ, и думать было нечего. Съ объявленіемъ манифеста о войнѣ, 30-го іюня, императрица переѣхала въ городъ. На плечахъ двѣ войны разомъ—шведская и турецкая. Въ тотъ же день, 30-го іюня, получается извѣстіе, что шведскій флотъ, приближаясь къ Ревелю, успѣлъ захватить два нашихъ фрегата—„Гектора“ и „Ярославца“. Дурной знакъ! Хотя на молебствіи въ Петропавловскомъ соборѣ императрица и была утѣшена „очень великимъ многолюдствомъ“ молящихся и выразилась предъ приближенными, что „въ Петербургѣ шведовъ замечутъ каменьями съ мостовой“ (шапками закидаемъ), однако, тотчасъ же велѣла изготовить указы „о вольномъ наборѣ людей въ Петербургѣ“ и о „наборѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ новгородскихъ и тверскихъ“, наконецъ—„о вольномъ наборѣ изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства“. Мало того, изъ содержавшихся въ крихрехтѣ (подъ военнымъ судомъ) отъ полевыхъ полковъ приказала простить около ста человѣкъ для укомплектованія командъ, а изъ „арестантовъ по морской службѣ“ велѣла простить болѣе полутораста человѣкъ, чтобъ только было кого послать на корабли. Волнуясь, она не знала, чѣмъ угодить солдатикамъ: такъ, 7-го іюля, она на свои собственныя деньги купила сто быковъ, заплативъ 2,006 р., и послала въ подарокъ солдатикамъ—пусть кушаютъ на здоровье! А когда черезъ нѣсколько дней Храповицкій поднесъ ей „дешевые антики“, до которыхъ императрица была охотница и постоянно покупала,—она отрѣзала Храповицкому:

— Не надо... Я лучше куплю быка, чтобъ послать солдатамъ.

9-го іюля выступила въ походъ гвардія. Императрица пожаловала по рублю на каждаго и подарила 150 быковъ. Она особенно опасалась, чтобъ чрезъ Нейшлотъ шведы не овладѣли Ладожскимъ озеромъ и не отрѣзали совсѣмъ Петербурга.

— Правду сказать,—съ неудовольствіемъ воскликнула при этомъ императрица:—Петръ Первый близко сдѣлалъ столицу.

— Онъ ее основалъ, ваше величество, прежде взятія Выборга,—возражали ей:—слѣдовательно, государь надѣялся на себя.

Императрицу безпокоила также участь нашего посла въ Стокгольмѣ, графа Разумовскаго, и она успокоилась только тогда, когда узнала, что онъ, возвращаясь въ Россію моремъ, пересѣлъ на купеческое судно съ шведской казенной яхты, которая была „очень дурна и опасна“.

— Король хотѣлъ его утопить!—съ негодованіемъ замѣтила государыня.

Равнымъ образомъ, она опасалась и за жизнь барона Нолькена, посла короля шведскаго при дворѣ Екатерины, который съ открытіемъ военныхъ дѣйствій долженъ быть возвратиться въ Стокгольмъ.

— Король золъ на меня и на Нолькена,—выразилась при этомъ императрица:—и на обѣихъ [1]) насъ солгалъ въ своемъ сенатѣ. Нолькену онъ голову отрубить, но мнѣ не можетъ!

---

[1]) Императрица такъ и сказала: *обѣихъ* а не *обоихъ*. По ея грамматикѣ—женскій родъ предпочтенъ мужскому.

Въ это тревожное для Екатерины время придворный увеселитель ея или „шутъ“, „шпынь“, какъ назвалъ его Фонвизинъ, Лёвушка Нарышкинъ изъ кожи лѣзъ, чтобы какимъ-нибудь дурачествомъ развлечь свою повелительницу.

Когда получено было извѣстіе о первомъ удачномъ морскомъ сраженіи со шведами и о взятіи въ плѣнъ адмираломъ Грейгомъ 70-ти пушечнаго корабля „Prince Gustave“ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ вмѣстѣ съ адмираломъ графомъ Вахтмейстеромъ и его экипажемъ, Левъ Александровичъ Нарышкинъ явился первымъ поздравить императрицу съ побѣдой.

— Поздравьте и насъ, матушка государыня,—прибавилъ онъ съ шутовскою серьезностью.

— Съ чѣмъ же, мой другъ?

— Съ первою выигранною нами баталіею, только не на морѣ, а на сушѣ.

— Кто же это одержалъ побѣду и надъ кѣмъ?

— Мы, Монтекки, нанесли первое пораженіе своимъ врагамъ—дому Капулетти.

— А!—догадываюсь,—улыбнулась государыня:—княгинѣ Дашковой?

— Такъ точно, государыня. Вообрази, матушка, что она теперь обо мнѣ плещетъ?

— А что?—спросила императрица.—Ты же самъ, я думаю, напроказилъ?

— Нѣтъ, матушка,—не проказилъ я; а она, эта Пострѣлова, распускаетъ подъ рукой слухъ, будто-бы я махаюсь—съ кѣмъ бы вы, матушка, думали?

— Съ самою княгинею?

— Нѣтъ—съ ея горничною, съ Пашею.

— Ахъ, это та хорошенькая ея камеристочка, которая, какъ говоритъ Марья Саввишна, пудритъ голову самому директору академіи наукъ? Что же, Левушка, у тебя губа не дура, хоть ты и старше ея больше чѣмъ на сорокъ лѣтъ. Но это ничего—въ любви разница лѣтъ не имѣетъ значенія: вонъ шестнадцатилѣтняя Мотренька Кочубей любила же семидесятилѣтняго Мазепу, да еще какъ любила! [1]).

— Точно, государыня, года тутъ не значутъ ровно ничего; но дѣло въ томъ, что княгиня Дашкова нашла у себя въ саду платокъ съ моимъ вензелемъ и гербомъ, и убѣждена, что Ромео-то—я, что я лазилъ ночью къ ея Джульеттѣ—къ Пашкѣ, и обронилъ тамъ платокъ.

— Такъ какъ же, въ самомъ дѣлѣ, твой платокъ попалъ къ ней въ садъ?—спросила императрица, заинтересованная этимъ случаемъ.

— Да тутъ, матушка, цѣлый романъ, и очень сложный,—отвѣчалъ Нарышкинъ.—Въ ночь на 1 іюля, когда вы, государыня, по подписаніи манифеста о войнѣ съ Горе-Богатыремъ Касиметовичемъ изволили переѣхать въ городъ,—въ эту ночь, къ утру, въ садъ Дашковой забрались свиньи моего брата и, со свойственной имъ любознательностью, перерыли

[1]) Императрица ошибалась: Мазепѣ тогда было 79 лѣтъ.

своими учеными пятачками нѣсколько цвѣточныхъ клумбъ у господина директора академіи наукъ. Княгиня замѣтила это по утру и подняла цѣлую баталію: какъ могли попасть къ ней въ садъ любознательные четвероногіе ботаники, когда садъ ея—точно укрѣпленія Свеаборга? Искали, искали—нигдѣ нѣтъ мѣста для пролаза свиней, а слѣды свинскихъ ногъ явственны. Не съ неба же свиньи валятся. И вдругъ, въ сиреневыхъ кустахъ, гдѣ кончались слѣды свинскихъ ногъ, находятъ мой платокъ, да еще надушонный! Ясно, что я былъ въ саду на свиданьѣ съ Пашкой и я же, на зло княгинѣ, приводилъ съ собою свиней. Какова промеморія, матушка!

Императрица, дѣйствительно, недоумѣвала и вопросительно глядѣла на Нарышкина.

— Какъ же это такъ? Что тутъ за мистерія?—спросила она.

— Воистину мистерія, матушка,—загадочно отвѣчалъ старый шутникъ.— Помните, государыня, вамъ на-дняхъ подали списокъ купленныхъ для Эрмитажа французскихъ книгъ, и вы очень смѣялись, увидя книжицу—„Lucine sine concubitu, lettre dans laquelle il est demontré, qu'une femme peut enfanter sans commerce de l'homme“, и сказали: „c'est le rayon du soleil, а въ древнія времена отговоркою служилъ Марсъ, Юпитеръ и прочіе боги, да и всѣ Юпитеровы превращенія—все это была удачная отговорка для погрѣшившихъ дѣвокъ“. Такъ и тутъ, государыня: княгиня Дашкова убѣждена, что я, подобно Юпитеру, превращался въ голландскаго борова, чтобы видѣться съ ея Пашкой, и во время свиданья потерялъ свой платокъ: оттого и свинскіе слѣды остались въ саду.

Государыня невольно разсмѣялась.

— Правда, я говорила это,—сказала она:—а что же тутъ на самомъ дѣлѣ было? Все это твои штуки!

— Нѣтъ, государыня: я тутъ неповиненъ, какъ младенецъ.

— Такъ кто же? Шведскій король, что ли, интригуетъ?

— Нѣтъ, матушка, это дѣло моего Егорки.

— Какой же еще тамъ Егорка?

— А лакей у меня такой былъ—малый ловкій, способный и очень нравился брату моему, Александру. Когда я взялъ къ себѣ въ камердинеры отъ графа Сегюра француза Анри, я Егорку и подарилъ брату, а въ приданое ему далъ свои старые камзолы, чулки, башмаки и носовые платки. Онъ же любитъ одѣваться щеголемъ. Вотъ ему-то и приглянулась Паша.

— Такъ вотъ кто Ромео?—улыбнулась Екатерина.—Твой Егорка?

— Точно, государыня, — отвѣчалъ Нарышкинъ: — все же это лучше, чѣмъ голландскій боровъ. Егорка и очутился въ роли Юпитера и Ромео. Онъ мнѣ во всемъ чистосердечно сознался: люблю, говоритъ, Пашу, и жить безъ нея не могу. Въ ночь на 1 іюля онъ и забрался въ садъ къ Дашковой для свиданья съ своею Джульеттой. А такъ какъ въ ту ночь въ Зимнемъ дворцѣ не нашлось мѣста для княгини Дашковой,то она, въ страшной злобѣ на Анну Никитишну, и воротилась ночевать къ себѣ на дачу, въ Царское. Влюбленные не ожидали ея, но когда заслышали стукъ

кареты и увидѣли, что барыня воротилась, съ испугу разбѣжались въ разныя стороны, и тутъ-то Егорка второпяхъ обронилъ надушонный платокъ, махая которымъ, прельщалъ мою Джульетту. Когда утромъ сдѣлалась суматоха, то платокъ и нашли въ кустахъ. Егорка же второпяхъ сдѣлалъ и другую оплошность. Чтобы видѣться по ночамъ съ своею возлюбленной, онъ искусно вынулъ изъ забора, отдѣляющаго садъ Дашковой отъ братнина сада, двѣ доски, а потомъ, убѣгая домой, при видѣ кареты, съ испугу позабылъ заложить брешь въ заборѣ — свиньи ночью и забрались къ Дашковой въ садъ. Егорка къ утру спохватился, да было уже поздно: свиньи порядкомъ изрыли садъ, хотя онъ и выгналъ ихъ оттуда, когда всѣ еще спали, и успѣлъ опять ловко заложить брешь въ заборѣ. Вотъ, государыня, вся эта сложная исторія. Исповѣдуюсь вамъ, какъ на духу.

Императрица задумалась. Проказы Нарышкина, повидимому, мало отвлекли ея мысли отъ обычныхъ заботъ, хотя она сама любила повторять русскую пословицу: „мѣшай дѣло съ бездѣльемъ – дѣло отъ этого только выиграетъ“.

— Но какъ же, Левъ Александровичъ, — спросила она серьезно: — вѣдь, героиня твоего романа можетъ пострадать. Княгиня Дашкова не любитъ шутить.

— Я объ этомъ и осмѣлился доложить вашему величеству,—отвѣчалъ серьезно и Нарышкинъ.—Мы всѣ, ваши подданные, привыкли считать васъ, всемилостивѣйшая государыня, своею матерью. Матушка!

Нарышкинъ упалъ на колѣни и благоговѣйно прикоснулся губами къ краю одежды государыни.

— Матушка! Ты какъ солнце съ небеси взираешь на правыя и неправыя и свѣтъ твоей правды, какъ свѣтъ божьяго солнца, отражается и въ великомъ океанѣ подвластной тебѣ россійской имперіи и въ скромномъ ручейкѣ! Матушка! Великая и правдивая!

Императрица силилась остановить его.

— Полно, Левъ Александровичъ,—сказала она со слезами на глазахъ:— ты совсѣмъ захвалишь меня, полно, мой другъ!

— Нѣтъ, великая царица!—продолжалъ Нарышкинъ:—твое царственное сердце вмѣщаетъ въ себѣ заботы обо всѣхъ насъ: въ эти тревожиые дни ты у себя отнимала лучшій кусокъ, чтобы послать его твоимъ солдатикамъ-героямъ; ты какъ мать оплакивала болѣзнь Грейга, твоего вѣрнаго слуги; ты одна за всѣхъ и для тебя всѣ равны—всѣ твои дѣти—и свѣтлѣйшій князь Таврическій, и эта бѣдная дѣвушка Паша. Будь же ей матерью—прими подъ свой покровъ! Правъ авторъ „Фелицы“, обращаясь къ тебѣ:

Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

За дверью послышался чей-то сердитый кашель.

— Ай-ай, Левушка!—встрепенулась императрица:—Захаръ сердится...

Достанется мнѣ отъ него сегодня—я тамъ нечаянно весь столъ залила чернилами... Ну, будетъ мнѣ за это ..

— Великая, великая!—въ умиленіи повторялъ Нарышкинъ: — императрица Захара боится.

V.

Прерванныя воспоминанія.

Въ пасмурныя октябрьскія сумерки того же 1788 года княгиня Екатерина Романовна Дашкова сидѣла одна въ своемъ кабинетѣ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ. Чувствуя себя обиженной при дворѣ, она и на осень осталась на дачѣ.

Княгиня сидѣла у письменнаго стола, заваленнаго бумагами и книгами, и освѣщеннаго нѣсколькими канделябрами съ огромными восковыми свѣчами. Она была одна.

Противъ нея, освѣщенныя яркимъ огнемъ свѣчей, горѣли на стѣнѣ двѣ золотыя рамы, и съ полотна, окаймленнаго этими рамами, глядѣли на нее два женскихъ лица. Одно изъ нихъ—молодое, свѣжее, прекрасное, полное юношеской энергіи и дѣвственной граціи. Свѣтлое платье, облекавшее собою стройную фигуру молодой женщины, придавало всей картинѣ видъ только что распустившейся бѣлой розы. Съ другого полотна глядѣло на нее, повидимому, то-же лицо, но значительно старѣе, серьезнѣе и вдумчивѣе. Чѣмъ особенно поражало это второе лицо, такъ это тѣмъ, что оно, какъ будто, принадлежало мужчинѣ: вся фигура — въ черномъ, мало того—въ мужскомъ камзолѣ съ манжетами и со звѣздой на выпуклой женской груди. И то, и другое лицо, и юное и пожилое, принадлежало княгинѣ Дашковой—той, которая теперь сидѣла противъ нихъ и съ грустной задумчивостью на нихъ глядѣла. Это были ея портреты — одинъ, когда она была еще графиней Воронцовой и ей только что исполнилось семнадцать лѣтъ, другой—когда ей было уже за сорокъ и она титуловалась княгинею Дашковой, директоромъ академіи наукъ и предсѣдателемъ россійской академіи.

Глядя теперь на оба свои изображенія, она мысленно, съ грустью и горечью, переживала всю свою, полную глубокихъ впечатлѣній и жестокихъ разочарованій жизнь.

Ей въ эти осеннія сумерки невольно припомнился теперь тотъ вечеръ, когда она въ первый разъ познакомилась съ тою, которая наноситъ ей теперь такія невыносимыя оскорбленія. Это было около тридцати лѣтъ назадъ, въ домѣ ея дяди, Михаила Илларіоновича Воронцова, у котораго она воспитывалась, оставшись сиротою. Та, которая теперь рѣжетъ на части ея сердце, была тогда только еще великою княгинею, цесаревною. Въ продолженіе всего этого памятнаго вечера цесаревна обращалась только къ ней; разговоръ цесаревны восхищалъ ее, побѣждалъ неотразимо: обширныя познанія, возвышенныя чувства цесаревны—все это казалось юной энтузіасткѣ выше всего, о чемъ могло мечтать самое пламенное воображеніе.

О! какъ она помнитъ этотъ вечеръ! Сколько юныхъ грезъ и надеждъ онъ возбудилъ въ ней! Какъ беззавѣтно она повѣрила тогда въ вѣчность дружбы, въ неизмѣнную до гроба симпатію душъ и какъ пламенно отдалась она тогда этой святой вѣрѣ! И что же? Все это было только сонъ... А возвышенныя чувства той, которая всецѣло плѣнила ея юную, неопытную душу, были только слова, слова, слова! Мѣдь звенящая, а не сердце, фразы безъ души...

Да, она помнитъ этотъ вечеръ. Прощаясь тогда съ хозяевами, цесаревна нечаянно уронила вѣеръ. Юная, очарованная ею до обожанія графиня, вонъ та, наивная рожица которой теперь смотритъ на нее съ перваго полотна, поспѣшила поднять вѣеръ и подала цесаревнѣ съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ вѣрующіе приближаются къ святынѣ; но она, не принимая вѣера, поцѣловала юную энтузіастку и просила сохранить эту бездѣлушку, какъ память о вечерѣ, проведенномъ ими вмѣстѣ... „Надѣюсь, что этотъ вечеръ положитъ начало дружбѣ, которая кончится только съ жизнью друзей“, закончила она.

„Съ жизнью друзей“... О, какую глубокую, обидную иронію создала сама жизнь изъ этихъ словъ!

Та юная, улыбающаяся, которая смотритъ теперь на нее съ перваго полотна, завѣщала было положить этотъ вѣеръ съ собою въ гробъ; но эта другая, пожилая, со звѣздою на груди, та, которая задумчиво глядитъ со второго полотна—не сдѣлаетъ уже этого,—нѣтъ, не сдѣлаетъ...

„Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше имѣть дѣло съ честными и простыми людьми, какъ я и мои друзья, чѣмъ съ великими умами, которые высосутъ сокъ изъ апельсина и бросятъ потомъ ненужную для нихъ корку“,—снова вспоминаетъ она теперь слова, сказанныя ей тогда же супругомъ ея кумира,—пророческія слова!

Княгиня откидывается въ креслѣ и съ грустной задумчивостью глядитъ на юною личико, выходящее, какъ живое, съ перваго полотна.

— Бѣдное дитя!—шепчутъ ея губы съ любовью: — ты искренно вѣрила, когда писала къ своему кумиру:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть,
И, награждая всѣмъ, тобой насъ наградила.

— Да, ты вѣрила, бѣдная, невинная дѣвочка.

Княгиня, какъ бы, что-то мгновенно вспомнила и отворила одинъ изъ ящиковъ стола, за которымъ сидѣла. Вскорѣ она вынула оттуда листъ почтовой бумаги, кругомъ исписанный и пожелтѣвшій отъ времени.

— Ровно тридцать лѣтъ, какъ это писано — и какъ полиняло написанное, какъ *все* полиняло! Помнишь это?—обратилась княгиня къ юному лицу, глядѣвшему на нее съ перваго полотна:—это *она* писала тебѣ по поводу того твоего четверостишія—помнишь? Хочешь, я прочту тебѣ его, это полинявшее письмо? Слушай.

„Какіе стихи! какая проза! И это, въ семнадцать лѣтъ! Я васъ прошу, скажу болѣе — я васъ умоляю не пренебрегать такимъ рѣдкимъ дарованіемъ. Я могу показаться судьею не вполнѣ безпристрастнымъ, потому что въ этомъ случаѣ я сама стала предметомъ очаровательнаго произведенія, благодаря вашему обо мнѣ черезчуръ лестному мнѣнію. Можетъ быть, вы меня обвините въ тщеславіи, но позвольте мнѣ сказать, что я не знаю—читала ли я когда-нибудь такое превосходное, поэтическое четверостишіе. Оно для меня не менѣе дорого и какъ доказательство вашей дружбы, потому что мой умъ и сердце вполнѣ преданы вамъ. Я только прошу васъ продолжать любить меня и вѣрить, что моя къ вамъ горячая дружба никогда не будетъ слабѣе вашей. Я заранѣе съ наслажденіемъ думаю о томъ днѣ будущей недѣли, который вы обѣщали мнѣ посвятить, и надѣюсь, кромѣ того, что это удовольствіе будетъ повторяться еще чаще, когда дни будутъ короче. Посылаю вамъ книгу, о которой я говорила: займитесь побольше ею... Расположеніе, которое вы мнѣ выказываете, право, трогаетъ мое сердце; а вы, которая такъ хорошо знаете его способность чувствовать: можете понять, сколько оно вамъ благодарно. Ваша Екатерина“.

— Помнишь это, дурочка? А я-то помню?

Она бережно сложила пожелтѣвшій листъ и долго на него глядѣла.

— Осенній листъ, осенній листъ, оторванный отъ дерева, оторванный отъ сердца и унесенный вѣтромъ въ рѣку забвенія.

Княгиня опять задумалась. Этотъ хмурый осенній вечеръ напомнилъ ей другой вечеръ, ясный, лѣтній, и другую ночь—палевую ночь, безумную ночь!.. Это была ночь на 28-е іюня 1762 года...

У нея сидитъ Панинъ, Никита Ивановичъ. Идетъ тихая бесѣда о новомъ императорѣ Петрѣ III, о новыхъ порядкахъ, о тревожныхъ слухахъ—о томъ, что императоръ намѣренъ заключить въ монастырь свою супругу, Екатерину Алексѣевну... Вдругъ является Григорій Орловъ. „Пассекъ арестованъ“!.. Пораженная этимъ извѣстіемъ, юная княгиня, накинувъ на плечи длинный мужской плащъ и надвинувъ на глаза широкополую мужскую шляпу, спѣшитъ предупредить объ этомъ друзей императрицы...

Какъ она помнитъ эту страшную, безумную ночь!.. Передъ ней эта громадная фигура Орлова—онъ въ нерѣшимости... „Нѣтъ!—говоритъ ему юная княгиня: — тотчасъ скачите въ Петергофъ, будите императрицу, и пусть лучше вы привезете ее сюда хоть въ обморокѣ—лучше, чѣмъ видѣть ее въ монастырѣ или вмѣстѣ съ нами—на эшафотѣ“!...

И эта безумная ночь прошла... Княгиня припоминаетъ теперь, какъ ее утромъ проносили на рукахъ въ Зимній дворецъ черезъ головы народа и войскъ, окружавшихъ дворецъ... Платье ея изорвали, волосы растрепали... И вотъ она въ объятіяхъ у своего кумира... „Слава Богу! слава Богу!“—только и могли выговорить взволнованныя женщины.

А эта другая палевая, безумная ночь, когда во главѣ пятнадцати-

тысячнаго войска двѣ молоденькія женщины — одна вотъ эта юная, что смотритъ со стѣны изъ золотой рамы, другая — уже съ андреевской лентой черезъ плечо, ласковая и грозная, — слѣдовали въ Петергофъ рядомъ на сѣрыхъ коняхъ драгоцѣнной крови. Та женщина, что съ андреевской лентой, ѣдетъ отнимать послѣднюю тѣнь власти у мужа-императора, а эта, юная — у своего государя и крестнаго отца.

„Дитя мое, не забывайте“... Нѣтъ, она забыла тогда, и только теперь вспомнила, когда изъ апельсина высосали весь сокъ... Поздно!

Она взглянула на другое лицо — на лицо пожилой женщины, выступавшее изъ темнаго полотна за золотой рамой. Ей показалось, что на этомъ лицѣ мелькнула насмѣшливая улыбка. И ей вспомнилась такая же насмѣшливая, хотя снисходительная улыбка Вольтера, который, сидя въ своемъ глубокомъ креслѣ, слушалъ, какъ она разсказывала ему о двухъ палевыхъ петербургскихъ ночахъ 1762 года. Какъ онъ хорошо все предвидѣлъ!..

Вдругъ на дворѣ послышались какіе-то голоса, шумъ, говоръ. Княгиня прислушалась. Вѣтеръ завывалъ въ трубѣ и шумъ на дворѣ усиливался.

— Гони ихъ! бей — не жалѣй! — слышались голоса.

— Что такое? Что случилось?

Княгиня поднялась и поспѣшила къ окну, но на дворѣ и въ саду господствовалъ мракъ и въ этомъ мракѣ метались какія-то неопредѣленныя тѣни.

Вдругъ послышался глухой ударъ и визгъ. „Бей ихъ, проклятыхъ“!

Княгиня сразу опомнилась. Это опять забрались въ садъ свиньи ея сосѣдей — ея злѣйшихъ враговъ, отравившихъ послѣдніе годы ея жизни. Въ ней закипѣла злоба — злоба за все — за прошлое, настоящее, за тѣ безумныя палевыя ночи, за холодность, за отчужденіе, за потерю вѣры, за все, о чемъ она съ такою горечью думала въ этотъ пасмурный осенній день и весь этотъ хмурый вечеръ, — о чемъ безмолвно говорили ей эти портреты, вонъ то пожелтѣвшее какъ осенній листъ письмо и тогдашняя улыбка Вольтера... Эти Нарышкины!

Она быстро выбѣжала на веранду. Тамъ она увидѣла Пашу, которая стояла, прижавшись къ колоннѣ, освѣщенная огнями люстръ изъ кабинета, и дрожала.

— Опять свиньи! — гнѣвно вскричала княгиня: — бейте ихъ! Не выпускайте живыми!

— Не выпустимъ, ваше сіятельство, — послышался голосъ дворни: — мы ихъ загонимъ въ конюшню.

И четвероногій Ромео съ такою же Джульеттою очутились въ конюшнѣ.

Воспоминанія княгини были прерваны.

VI.

Невинныя жертвы придворныхъ интригъ.

На слѣдующій день послѣ описаннаго выше происшествія на дачѣ княгини Дашковой, 28-го октября, государынѣ нѣсколько нездоровилось и она

тихонько прохаживалась по Эрмитажу, подходя повременамъ къ окнамъ и задумчиво глядя на суетливое движеніе по Невѣ судовъ, гонокъ и раскрашенныхъ яликовъ.

Почему-то и ей вчерашній хмурый вечеръ напоминалъ, какъ княгинѣ Дашковой, чудесныя палевыя ночи конца іюня 1762 года. Какъ давно это было! Уже 27-й годъ пошелъ послѣ этихъ памятныхъ палевыхъ ночей. Молоды онѣ тогда были, не то, что теперь: княгинѣ Дашковой всего было только девятнадцать лѣтъ, а ей самой, императрицѣ — тридцать три. Ну, что-жъ это были за годы! А теперь скоро седьмой десятокъ пойдетъ—скоро „стукнетъ“ шестьдесятъ!

„Охъ, стучатъ, стучатъ годы... Время—богъ крылатый—стучится своими крыльями во всѣ окна и двери дворца, въ сердце стучится“...

Сколько передумано, перечувствовано, пережито за эти годы—сколько передѣлано! Бури и ураганы проходили по душѣ и по сердцу, а оно все бьется такъ же, какъ билось когда-то давно, давно, когда она, еще дѣвочкою-принцессой, вотъ такъ же смотрѣла изъ оконъ жалкаго родного дворца въ Штетинѣ на свою родную рѣку. Что она тогда была? Только дочь губернатора прусской Помераніи! А теперь?... Теперь это сердце отражаетъ въ себѣ біеніе сердецъ многомилліонной страны—милліоны сердецъ!

„О, палевыя ночи! палевыя ночи!“

А послѣ палевыхъ ночей—бури и ураганы: войны съ Турціей, ураганы пугачовщины, раздѣлъ Польши, Крымъ...

„Должно быть, Марья Саввишна не позоветъ меня сегодня къ волосочесанію; знаетъ, что мнѣ неможется. А она строга на этотъ счетъ: нечего— говоритъ—тебѣ, матушка, бродить простоволосою, непригоже, словно русалка; ты не дѣвка“...

„Правда, правда, Марья Саввишна,—я не дѣвка, да и не жена я“...

Императрица перекинула косу черезъ плечо и стала разбирать ее пальцами...

„Волосъ дологъ да умъ коротокъ... Такъ ли, полно? Ужъ не короче ли умъ у тѣхъ, у кого и волосъ коротокъ, хоть бы у моего Густавиньки, королька шведскаго? Коротенекъ умокъ, коротенекъ... А вотъ мой волосъ дологъ, а я и стараго Фрица вокругъ этого волоска обвела, и не замѣтилъ... И шапкою Мономаха этотъ свой волосокъ прикрыла, — можетъ, оттого онъ и не сѣдѣетъ“...

Она снова подошла къ окну. При видѣ Невы съ ея безцвѣтною водой, ей вспомнились другія воды, — голубыя, бирюзовыя, которымъ конца не видать. Ей припомнилась прошлогодняя торжественная поѣздка въ Крымъ— этотъ волшебный край съ волшебными берегами и безбрежнымъ моремъ...

„Ахъ, палевыя ночи, палевыя ночи! Все это вы мнѣ дали, волшебныя, безумныя ночи!.. Эллада, Херсонесъ, Митридатъ-Великій, Венеція, Генуя и вы, намѣстники Аллаха и его пророка,—все это я у васъ отняла, я, у которой волосъ дологъ... А можетъ, поживемъ еще и—

Въ плескахъ внидемъ въ храмъ Софіи“...

Въ перспективѣ, въ амфиладѣ комнатъ показалась кругленькая фигура человѣчка съ косичкою. Онъ быстро семенилъ ножками, обутыми въ башмаки, и видимо запыхался отъ торопливости. Императрица тотчасъ же узнала въ этой фигурѣ своего личнаго секретаря, переписчика и посыльнаго—Александра Васильевича Храповицкаго, который всегда удивлялъ ее своею проворностью, несмотря на брюшко и почтенную тучность. Онъ вѣчно былъ у государыни „на побѣгушкахъ", и она говорила ему, шутя, что должна платить ему за истоптанные на побѣгушкахъ башмаки. Онъ поспѣшалъ съ бумагами.

— Здравствуй, Александръ Васильевичъ! — ласково сказала императрица.—Что, запыхался?

— Запыхался, ваше величество. Къ Александру Матвѣичу за бумагами бѣгалъ, — отвѣчалъ Храповицкій, низко кланяясь и отирая красныя щеки фуляромъ.

— Потѣешь и теперь?

— Потѣю, ваше величество.

— Много бѣгаешь.

— Стараюсь, ваше величество, изъ рабскаго усердія.

— Не говори такъ,—серьезно замѣтила государыня:—я не люблю этого слова:. мои слуги—не рабы, а друзья.

— Слушаю, ваше величество, виноватъ, обмолвился по-старинѣ.

— То-то же... Я это слово давно велѣла выкинуть изъ моего словаря... А чтобы не потѣть, надобно для облегченія употреблять холодную ванну; но съ лѣтами сіе пройдетъ. Я сама сперва много потѣла [1]). Что тамъ у тебя?

— Прошеніе сухопутнаго кадетскаго корпуса учителя Schall, государыня.

— А о чемъ его прошеніе?

— Жалуется, государыня, на графа Ангальта и на кадетовъ.

— По какому поводу?

— Да пишетъ, государыня, въ своей челобитной, что когда онъ проходитъ по улицѣ, то кадеты нарокомъ въ насмѣшку надъ нимъ, кричатъ изъ окна: „господинъ шаль".

Государыня невольно разсмѣялась.

— Господинъ шаль! Въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно: вотъ экивокъ! [2]).

Въ перспективѣ комнатъ показался Нарышкинъ Левъ Александровичъ. Онъ также шелъ торопливо и что-то оживленно жестикулировалъ.

— Матушка! Какое злодѣяніе!—патетически проговорилъ онъ.

Императрица по лицу его тотчасъ догадалась, что онъ опять выдумалъ какія-нибудь проказы, чтобы развлечь и насмѣшить ее.

— Что случилось?—спросила она съ улыбкой.

— Убійство, матушка,—да какое убійство! Неслыханное!

— Надѣюсь, что не слыханное, потому что ты самъ его сочинилъ.

---

[1]) „Дневникъ" Храповицкаго, 91.

[2]) „Дневникъ" Храповицкаго, 180.

— Не сочинилъ, государыня; видитъ Аллахъ, не сочинилъ: своими собственными глазами кровь видѣлъ и трупы несчастныхъ жертвъ адскаго злодѣянія; и ночью еще самъ слышалъ ихъ ужасные крики и предсмертные стоны.

— Да въ чемъ же дѣло? Не играй трагедіи.

— Не играю, матушка. Слушай. Поѣхалъ я вчера вечеромъ въ Царское, къ брату, поохотиться. Поохотились въ паркѣ, убили нѣсколько зайцевъ и въ сумерки воротились на дачу небольшой компаніей. Напились чаю, сѣли ужинать. Вдругъ слышимъ въ саду какой-то шумъ и гвалтъ, голоса все сильнѣй и сильнѣй—крики, возгласы: „бей ихъ, бей!“. Мы ужъ думали—не шведскій ли король врасплохъ напалъ на Царское, чтобы потомъ взять Петербургъ и опрокинуть статую, что ты, государыня, воздвигла въ память въ Бозѣ почивающаго императора Петра I, какъ Густавъ III и грозился учинить сіе. Выбѣгаемъ мы всѣ изъ дому, вооружились наскоро, чтобы встрѣтить непріятеля и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Коли слышимъ: баталія идетъ въ саду у милой сосѣдушки, у княгини Дашковой...

— Я такъ и знала,—махнула рукой государыня.

— Слушай, матушка, что дальше. Оттуда раздаются отчаянные вопли и крики. Оказывается, что тамъ—настоящая Варѳоломеевская ночь! Идетъ убійство гугенотовъ—виноватъ! — голландскихъ свиней, борова и свинки моего брата. Самъ король Карлъ IX стрѣляетъ изъ окна въ своихъ подданныхъ—то бишь: княгиня Дашкова съ балкона стрѣляетъ изъ пушки въ Ромео и Джульетту... И несчастныя жертвы любознательности пали подъ топорами убійцъ...

— И тебѣ, Левушка, не стыдно такой вздоръ сочинять?—остановила его императрица.

— Не вздоръ, государыня матушка! Вотъ и графъ Яковъ Александровичъ подтвердитъ это.

Послѣднія слова Нарышкина относились къ входившему въ это время съ докладомъ къ государынѣ главнокомандующему санктпетербургской губерніи, графу Якову Александровичу Брюсу.

Графъ Брюсъ дѣйствительно явился къ императрицѣ съ утреннимъ рапортомъ. Государыня встрѣтила его по обыкновенію ласково.

— Имѣю счастье доложить вашему императорскому величеству, что по ввѣренной моему командованію губерніи все обстоитъ благополучно,—шаблонно отрапортовалъ Брюсъ.

Императрица съ улыбкой взглянула на Нарышкина и на Храповицкаго, какъ бы желая сказать послѣднему, переминавшемуся съ ноги на ногу: „вѣдь, вотъ же чего приплелъ намъ повѣса Левушка“.

— При этомъ считаю доложить вашему величеству,—продолжалъ графъ Брюсъ:—что вчера въ ночь, въ Царскомъ Селѣ имѣлъ мѣсто случай у ея сіятельства, княгини Екатерины Романовны Дашковой, у нея на дворѣ...

— Какъ! Свиньи?—перебила его государыня.

— Такъ точно, ваше величество, свиньи: боровъ и супоросая...

— Что, матушка государыня? Вѣдь, я же докладывалъ,—съ комическимъ поклономъ вмѣшался Нарышкинъ.

— Вижу, твоя правда... Такъ и убила княгиня?—обратилась Екатерина къ Брюсу.

— Такъ точно, ваше величество: сегодня же исправникъ видѣлъ побитыхъ свиней,—отвѣчалъ Брюсъ.

Государыня не могла удержаться отъ смѣху.

— Вотъ исторія! Правду говоритъ Левъ Александровичъ: настоящая Варѳоломеевская ночь... Вотъ вамъ и Монтекки и Капулетти!—смѣялась императрица:—только ужъ вы, графъ, скорѣе велите кончать дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства [1]).

— Слушаю, ваше величество,—поклонился Брюсъ:—сегодня же исправникъ произведетъ слѣдствіе.

— Только я не желаю,—поясняла императрица:—чтобъ слѣдствіе производилось, якобы, *„по высочайшему повелѣнію“*. Я тутъ въ сторонѣ.

— Понимаю, ваше величество.

— Хорошо, графъ. А то сами согласитесь: писцы въ судѣ надпишутъ, какъ обыкновенно, на оболочкѣ слѣдствія: „дѣло о зарубленіи свиней“, и вдругъ,—*„по высочайшему повелѣнію“*—неприлично.

— Дѣйствительно, ваше величество,—снова поклонился Брюсъ:—мало ли свиней убиваютъ и крадутъ другъ у друга крестьяне, однако, не доводится же объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія. Я и здѣсь, государыня, потому только счелъ за долгъ довести до свѣдѣнія вашего величества о семъ пустомъ случаѣ, что въ ономъ замѣшаны такія высокопоставленныя особы, какъ ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна и его высокопревосходительство Александръ Александровичъ.

— Правда, правда,—подтвердила императрица.

Она нечаянно обернулась и стала прислушиваться. Въ нишѣ одного изъ оконъ Эрмитажа, гдѣ стояла клѣтка съ ученымъ попугаемъ, что-то подозрительно возился Нарышкинъ, и слышно было, какъ онъ тихо произносилъ: „княгиня Дашкова убійца“, „княгиня Дашкова убійца“, а попугай очень явственно повторялъ за нимъ эти слова.

— Левъ Александровичъ!—погрозила императрица:—вы опять за новыя проказы?

— За старыя, матушка государыня. Что-жъ намъ, старымъ дуракамъ, дѣлать, когда ты за всѣхъ насъ и думаешь и дѣлаешь? Ну, говори, попка: да здравствуетъ Екатерина Великая, мать отечества!

— Левушка повѣса! Левушка шпынь!—явственно проговорилъ попугай.

— Что? нарвался?—улыбнулась императрица.

---

[1]) У Храповицкаго такъ и записано: „Дашкова побила Нарышкиныхъ свиней; смѣясь (государыня) сему происшествію, приказано скорѣе кончить дѣло въ судѣ, чтобъ не дошло до смертоубійства“ („Дневникъ“, 183).

— Ахъ, мать моя!—послышался вдругъ возгласъ:—тутъ кругомъ мужчины, а она нечесанная! Ахъ, срамница!.. А еще государыня!

Всѣ оглянулись,—въ трагической позѣ стояла Марья Саввишна и держала въ рукахъ пудръ-манто.

„Богоподобная царевна
Киргизкайсацкія орды!“

Императрица, Нарышкинъ и Храповицкій невольно разсмѣялись: это попугай передразнивалъ Державина—его голосъ, его интонація!

VII.

Исправникъ на сценѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого княгиня Дашкова сидѣла въ своемъ кабинетѣ за корректурами какого-то сочиненія, печатавшагося подъ ея наблюденіемъ въ типографіи академіи наукъ, когда вдругъ явилась Паша и робко доложила:

— Ваше сіятельство, господинъ Панаевъ проситъ позволенія видѣть васъ по дѣлу.

— Какой Панаевъ и по какому дѣлу?—съ неудовольствіемъ спросила княгиня.

— Господинъ земскій исправникъ, ваше сіятельство.

— А по какому дѣлу?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

Паша очень хорошо знала, зачѣмъ явился исправникъ, но только не смѣла сказать этого своей госпожѣ. Княгиня сама догадывалась, въ чемъ дѣло, и, принявъ въ умѣ извѣстное рѣшеніе, согласилась допустить къ себѣ блюстителя земскихъ порядковъ.

— Проси въ пріемную,—сказала она.

— Они тамъ ждутъ-съ,—доложила Паша.

— Хорошо, пусть обождетъ.

Паша вышла. Княгиня, доставъ изъ стоявшаго на письменномъ столѣ перламутроваго ящичка кавалерственную звѣзду и пришпиливъ ее къ груди, встала и неторопливо направилась въ пріемную. Тамъ ее ждалъ исправникъ въ полной формѣ. При входѣ княгини, исправникъ почтительно поклонился, прикладывая треуголку къ сердцу.

— Извините, ваше сіятельство, что я осмѣлился безпокоить васъ,—началъ Панаевъ:—но я исполняю приказъ его сіятельства, господина главнокомандующаго санктпетербургской губерніи, графа Якова Александровича Брюса.

— Въ чемъ же дѣло?—спросила княгиня.

— По предписанію его сіятельства, господина главнокомандующаго, вслѣдствіе жалобы его высокопревосходительства, ея императорскаго величества оберъ-шенка, сенатора, дѣйствительнаго камергера и кавалера Александра Александровича Нарышкина повѣреннаго служителя, я произ-

водилъ подъ рукою дознаніе о зарубленіи принадлежавшихъ его высокопревосходительству голландскихъ борова и свиньи...

— Ну, и что же?—нетерпѣливо перебила его княгиня.

— По дознанію, ваше сіятельство, обнаруживается,—продолжалъ исправникъ тѣмъ же дѣловымъ тономъ:—якобы вышереченные боровъ и свинья, по приказанію вашего сіятельства, яко усмотрѣнные на потравѣ, людьми вашего сіятельства были загнаны въ конюшню и убиты топорами.

— Да, я, дѣйствительно, приказала ихъ убить,—съ досадной подтвердила княгиня:—эти животныя постоянно портили мнѣ садъ, разрывали цвѣточныя грядки и клумбы, мяли цвѣты, наконецъ, просто разстраивали мое здоровье, отравляли мнѣ жизнь! Я сего и впредь не потерплю, и пусть знаетъ г. Нарышкинъ, что если и впредь будутъ заходить ко мнѣ на дворъ или въ садъ свиньи ли, коровы ли, то я таковыхъ прикажу немедленно убивать и отсылать въ гошпиталь для бѣдныхъ. Скажите это Нарышкину.

— Но дозвольте доложить вашему сіятельству, что такого закона нѣтъ, чтобы убивать чужой скотъ,—переминался исправникъ.

— Я не знаю, господинъ исправникъ, есть ли такой законъ или нѣтъ,—возвышала голосъ Дашкова:—но я не потерплю, чтобы люди ли, скоты ли самовольно врывались въ мои владѣнія. Слышите! Я этого не потерплю!

— Какъ угодно вашему сіятельству,—кланялся исправникъ:—но, по долгу службы и совѣсти, я пріемлю смѣлость доложить вамъ о семъ.

— Хорошо, это ваше дѣло, вашъ долгъ; но и я знаю свои права.

— Точно такъ, ваше сіятельство; но позвольте доложить, что, по учиненной судомъ оцѣнкѣ, оные голландскіе боровъ и свинья должны быть оплачены въ суммѣ восьмидесяти рублей.

— Какъ!—вскипѣла княгиня:—восемьдесятъ рублей за двѣ свиньи!... Да слыханы ли подобныя цѣны!

— Не могу знать, ваше сіятельство,—оправдывался исправникъ:—но таковая оцѣнка произведена, согласно показанію его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина повѣреннаго служителя.

— А мои потравленные цвѣты?—спросила Дашкова.

— Цвѣты, ваше сіятельство?...—исправникъ замялся.—Что принадлежитъ, ваше сіятельство,—продолжалъ онъ нерѣшительно:—что принадлежитъ до показаній садовниковъ вашего сіятельства, якобы означенными голландскимъ боровомъ и свиньею потравлены посаженные въ шести горшкахъ разные цвѣты, стоющіе якобы шесть рублей, то сія потрава не только въ то время чрезъ постороннихъ людей не засвидѣтельствована, но и когда я самъ былъ для слѣдствія тогда же на мѣстѣ, то ни въ саду, ни въ оранжереяхъ никакой потравы я не нашелъ.

— Какъ никакой?

Дашкова быстро подошла къ сонеткѣ и нетерпѣливо позвонила. Немедленно на звонъ явилась Паша, которая, кажется, подслушивала за дверью. Она была очень смущена.

— Позвать сюда садовника Михея!—сказала княгиня, не глядя на дѣвушку.

Черезъ минуту явился старикъ Михей, который ждалъ на крыльцѣ. Онъ униженно поклонился.

— Вотъ исправникъ говоритъ,—обратилась къ нему княгиня:—будто бы у насъ Нарышкина свиньи не учинили никакой потравы.

— Какъ не учинили, ваше сіятельство! Шесть горшковъ попортили,—отвѣчалъ старикъ испуганно.

— Да ты, старина, говоришь не то,—перебилъ его исправникъ.

— Какъ не то, баринъ? Ты этого не видалъ, а сами ихъ сіятельство изволили видѣть,—оправдывался старикъ:—шесть горшковъ, да грядки порыли.

— А когда это было, старина?—допытывался исправникъ.

— На самую на другую ночь послѣ Петры-Павла. Въ то утреѣ еще платокъ нарышкинскій подняли.

— То-то же—это 30-го іюня было; а кто это видѣлъ?

— Ихъ сіятельство сами видѣли, да и вся челядь наша.

— А посторонніе понятые видѣли?

— Посторонніе, точно, не видали, да имъ и дѣла до того никакого нѣтъ, баринъ.

— Тото же, что есть дѣло, старина. А вы свиней тогда поймали?

— Нѣтъ, не пымали—ушли проклятыя.

— Значитъ, и взыскивать не съ кого.

— Какъ, баринъ, не съ кого?

— Безъ свидѣтелей и безъ поличнаго взыскивать нельзя: таковъ законъ. А когда вы убили свиней, тогда онѣ учинили потраву?—спросилъ исправникъ.

— Не успѣли, проклятыя. Мы ихъ живой рукой ухлопали.

Старикъ даже оживился—откуда и смѣлость взялась! Между тѣмъ, Дашкова уже спокойно ходила по комнатѣ, не обращая вниманія ни на исправника, ни на садовника. Ей надоѣла эта глупая исторія, въ которую ее невольно впутали, благодаря проискамъ ея враговъ.

— Вы больше ничего не имѣете мнѣ сказать?—обратилась она затѣмъ къ исправнику.

— Я все доложилъ вашему сіятельству,—былъ отвѣтъ.

— Хорошо. Доложите же графу Брюсу, что отъ меня слышали, а Нарышкину скажите, что я впредь прикажу убивать его скотъ, если онъ будетъ врываться ко мнѣ, а мясо убитыхъ животныхъ велю отсылать въ гошпиталь.

— Слушаю-съ. Только дѣло сіе предварительно надлежитъ до разсмотрѣнія Софійскаго нижняго земскаго суда, по подсудности,—отвѣчалъ исправникъ.

— Хорошо. Можешь и ты идти,—кинула Дашкова садовнику.

— Имѣю честь откланяться вашему сіятельству,—поклонился исправникъ.

И оба они съ садовникомъ удалились.

VIII.

„Ну, будетъ гонка всемилостивѣйшей государынѣ".

24-го ноября—день тезоименитства императрицы. Въ этотъ день обыкновенно, до оффиціальнаго и торжественнаго волосочесанія, государыня принимала поздравленія самыхъ близкихъ ей людей и въ томъ числѣ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича, изъ которыхъ первому было одиннадцать лѣтъ, а послѣднему шелъ только десятый. Державная бабушка очень любила своихъ прелестныхъ внучковъ и всегда рада была ихъ видѣть. На этотъ разъ дѣти хотѣли порадовать бабушку чѣмъ-нибудь особеннымъ и потому просили своего наставника Николая Ивановича Салтыкова помочь имъ разучить комическую оперу „Горе-Богатырь Касиметовичъ", сочиненную самою Екатериною—въ осмѣяніе попытки Густава III овладѣть Петербургомъ [1]). Салтыковъ исполнилъ желаніе великихъ князей.

Въ ту минуту, когда знаменитый Захаръ только что подалъ императрицѣ кофе и, во уваженіе единственно ея тезоименитства, противъ обыкновенія, не ворчалъ на нее за что-нибудь, въ кабинетъ вошли прелестный мальчикъ въ рыцарскомъ костюмѣ и миловидная дѣвочка въ одѣяніи сказочной царевны.

Маленькій рыцарь, изображая собою богатыря Громкобоя запѣлъ, арію:

„Геройствомъ надуваясь"...

Императрица не выдержала и тотчасъ же бросилась цѣловать прелестнаго рыцаря. Это былъ великій князь Александръ Павловичъ.

Тогда выступила маленькая царевна и пропѣла изъ роли Локметы:

„Куда захочешь поѣзжай,
Лишь полъ лба не разбивай,
И токомъ слезъ изъ глазъ своихъ.
Ты не мочи ковровъ моихъ".

Въ Локметѣ, конечно, императрица узнала Константина Павловича и также осыпала его поцѣлуями.

Въ свою очередь, и Громкобой запѣлъ свою арію — обращеніе къ спутникамъ:

„Не надо денегъ брать въ походъ,
Съ чужой земли сберемъ доходъ:
Куда, вѣдь, рыцарь ни приходитъ,
Вездѣ готовое находитъ,—
Потребна смѣлость лишь одна!"

Но маленькіе актеры не унимались. Взявшись за руки, они пропѣли заключительный дуэтъ:

[1]) Лонгиновъ. „Драмат. сочиненія импер. Екатерины", 21, 22

„Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла.
А шуму надѣлала довольно“ [1].

Государыня даже заплакала отъ умиленія. Да и Захаръ, стоя у дверей съ салфеткою подъ мышкой, тоже утиралъ слезы.

— А знаешь, баба, что мы всего чаще поемъ? — весело заговорилъ Константинъ Павловичъ, ласкаясь къ бабушкѣ: — мы съ Сашей постоянно поемъ:

„Геройствомъ надуваясь“...

— Только намъ папа не велитъ этого пѣть про Густава, — перебилъ брата Александръ Павловичъ.

— Какъ не велитъ? — удивилась императрица.

— А какъ же, милая баба: папа говоритъ, что Густавъ — все же король, помазанникъ, — серьезно отвѣчалъ будущій побѣдитель Наполеона.

— Но, вѣдь, это шутка, дѣти, — успокоила ихъ бабушка.

— А мы все-таки, баба, поемъ „Геройствомъ надуваясь“, — поспѣшилъ прибавить Константинъ: — только не про Густава, а про княгиню Дашкову.

— Какъ про Дашкову? — засмѣялась бабушка.

— Да какъ же, баба! Папа сказалъ намъ, что княгиня Дашкова, „геройствомъ надуваясь“, сама побила свиней у Нарышкиныхъ: она, — говоритъ папа, — храбрѣе Густава III.

— Ахъ, дѣти, дѣти! — покачала головой императрица: — при васъ ни о чемъ нельзя говорить: вы точно обезьяны — все переймете.

Едва великіе князя, одаренные лакомствами и осыпаемые поцѣлуями бабушки-императрицы, удалились, какъ въ кабинетъ съ сіяющимъ лицомъ вошелъ Нарышкинъ Левъ.

— Матушка государыня! Великая и преславная! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь! — торжественно проговорилъ онъ, становясь на одно колѣно и цѣлуя руку государыни.

— Спасибо, мой другъ. А это что у тебя? — спросила императрица, замѣтивъ въ лѣвой рукѣ Нарышкина какую-то бумагу.

— Это, государыня — торжество правосудія, — загадочно отвѣчалъ Левушка.

— Надѣюсь, Левъ Александровичъ, въ моемъ государствѣ это не рѣдкость, — серьезно замѣтила государыня.

— Ахъ, матушка, да торжество торжеству рознь! Это такое торжество, что я и сказать не умѣю.

---

[1] „При выходѣ къ туалету, оборотясь ко мнѣ, изволила сказать, что великіе князья поютъ всю оперу „Горе-Богатыря“. Храповицкій. „Дневникъ“, 250.

И Нарышкинъ подалъ императрицѣ принесенную имъ бумагу. Екатерина развернула ее.

— А, это копія съ какого-то отношенія,—сказала она въ недоумѣніи.

— А ты прочти, матушка,—улыбался Левушка:—c'est une quelque chose ravisante!

Императрица начала читать:

„Сообщеніе Софійскаго нижняго земскаго суда въ управу благочинія столичнаго и губернскаго города святого Петра, отъ 17-го ноября 1788 года. Сего ноября съ 3-го въ ономъ судѣ производилось слѣдственное дѣло о зарубленіи, минувшаго октября 28-го числа, на дачѣ ея сіятельства, двора ея императорскаго величества статсъ-дамы, академіи наукъ директора, императорской россійской академіи президента и кавалера, княгини Екатерины Романовны Дашковой, принадлежавшихъ его высокопревосходительству, ея императорскаго величества оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру Александру Александровичу Нарышкину, голландскихъ борова и свиньи...

Императрица не могла удержаться отъ смѣха.

— Ну, Левушка, это точно ты сочинялъ.

— А ты, матушка, читай дальше!—настаивалъ Нарышкинъ:

...„Борова и свиньи (продолжала императрица), о чемъ судомъ на мѣстѣ и освидѣтельствовано, и 16-го числа по протчему *опредѣлено:* какъ изъ онаго дѣла явствуетъ, ея сіятельство княгиня Е. Р. Дашкова зашедшихъ на дачу ея, принадлежавшихъ его высокопревосходительству А. А. Нарышкину двухъ свиней, усмотрѣнныхъ яко бы на потравѣ, приказала людямъ своимъ, загнавъ въ конюшню убить, которыя и убиты были топорами; то, на основаніи о управ. губерн. учрежд. 243-й ст., въ удовлетвореніе обиженнаго, по силѣ улож. 1-й гл. 208, 209 и 210 ст., за тѣ убитыя свиньи взыскать съ ея сіятельства кн. Е. Р. Дашковой противъ учиненной оцѣнки 80 рублей, и, по взысканіи, отдать его высокопревосходительства А. А. Нарышкина повѣренному служителю съ роспискою. А что принадлежитъ до показаній садовниковъ, яко бы означенными свиньями на дачѣ ея сіятельства потравленные посаженные въ горшкахъ разные цвѣты, стоющіе 6 рублей, то сія потрава не только въ то время чрезъ постороннихъ людей не засвидѣтельствована, но и когда былъ для слѣдствія на мѣстѣ г. земскій исправникъ Панаевъ и по свидѣтельству его въ саду и оранжереяхъ никакой потравы не оказалось. По отзыву-жъ ея сіятельства, учиненному г. исправнику въ бою свиней незнаніемъ закона и что впредь зашедшихъ коровъ и свиней тако-жъ убить прикажетъ...

— Однако,—замѣтила императрица:—да она такъ, пожалуй, и людей зашедшихъ убивать станетъ.

— Да, матушка, вотъ бы ее противъ шведа послать—много бы надѣлала!—замѣтилъ, съ своей стороны, Нарышкинъ.

— Ужъ и точно. А что дальше?

..„коровъ и свиней тако-жъ убить прикажетъ и отошлетъ въ гошпи-

таль, то. въ предупрежденіе и отвращеніе таковаго предпріятаго, законамъ противнаго намѣренія, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою изволила воздержаться и незнаніемъ закона не отзывалась, вь чемъ ея сіятельство обязать подпискою [1]).

— Правду ты сказалъ мой другъ, c'est une quelque chose ravisante,—замѣтила императрица, свертывая курьезную бумагу:—надо ее показать Александру Матвѣичу.

Но дальнѣйшему разговору помѣшала Марья Саввишна. Подобно Захару, и она частенько мылила голову своей повелительницѣ. Она явилась въ дверяхъ кабинета мрачная и трагическая, какъ леди Макбетъ.—„Ну, будетъ гонка всемилостивѣйшей государынѣ!“ — ехидно ухмыльнулся Нарышкинъ вошедшей.

— Чудно мнѣ, матушка,—сказала она укоризненно:—хоша ты и государыня, а вести себя не умѣешь. Забыла, что ли, какой день?

— Нѣтъ, Марья Саввишна, помню, — оправдывалась императрица:— Екатерининъ день.

— То-то—Катерининъ! Твое кизоименитство...

— Не кизоименитство, Марья Саввишна, а тезоименитство,—перебилъ ее Нарышкинъ, желая подразнить.

— Безъ тебя знаю! — огрызнулась на него любимая камеръ-юнгфера императрицы:—еще и у обѣдни не была, не молилась, а ужъ тутъ пѣсни распѣваютъ ряженые: гдѣ бы ангела своего порадовать, а она съ внучками бѣса тѣшитъ, срамница!

— Прости, милая Марья Саввишна, — это ненарокомъ случилось, — винилась императрица.

— То-то же... А то вонъ и Захаръ-babakъ теперь тамъ въ носъ себѣ козла запущаетъ:

„Еройствомъ надуваясь“...

Громкій смѣхъ императрицы и Нарышкина былъ отвѣтомъ на ворчанье Марьи Саввишны.

IX.

Расплакавшіяся женщины.

Какъ-то вскорѣ послѣ Екатеринина дня императрица зашла къ Марьѣ Саввишнѣ, помѣщеніе которой находилось недалеко отъ опочивальни, и встрѣтила тамъ Пашу. Императрица хорошо знала ее, потому что, когда княгиня Дашкова жила въ Зимнемъ дворцѣ, хорошенькая камеристка послѣдней иногда попадалась на глаза государыни и была ею замѣчена. Екатерина видѣла ее не разъ и у Марьи Саввишны.

---

[1]) Это документъ историческій, и онъ напечатанъ г. Барсуковымъ въ указателѣ къ „Дневнику“ Храповицкаго, 472—474.

На этотъ разъ зоркіе глаза императрицы не могли не замѣтить, что дѣвушка очень измѣнилась: яркій румянецъ ея щекъ замѣнился блѣдностью и вся она нѣсколько поблекла; мало того, государыня ясно видѣла, что живые глазки Паши были заплаканы, и догадалась, что дѣвушка что-то разсказывала Марьѣ Саввишнѣ и плакала.

— Что съ тобой, Паша?—милостиво обратилась къ ней государыня:—у тебя какое-нибудь горе?

Изъ глазъ дѣвушки брызнули слезы, и она не могла проговорить ни слова.

— Какъ же, матушка государыня, не горе?—отвѣчала за нее Марья Саввишна.—У дѣвки жениха сослали, какъ же тутъ не плакать?

— Кто сослалъ и за что?—спросила императрица.

— Баринъ евоный, матушка,—Нарышкинъ Александръ Александрычъ.

— За что же?

— Да все, матушка, за тѣхъ проклятыхъ галанскихъ свиней.

— И тутъ свиньи!—невольно улыбнулась императрица.—Чѣмъ же онъ, Пашинъ женихъ, тутъ виноватъ? Развѣ онъ зарубилъ свиней?

— Нѣту, матушка, а только по его оплошкѣ все это случилось. Состоялъ онъ, матушка государыня, камардиномъ у Александра Александрыча, а тотъ энтихъ галанскихъ свиней любилъ, что родныхъ дѣтей. И случись Егоркѣ,—это камардинъ-то евоный, а ейный, Пашинъ, женихъ,—такъ случись Егору спѣшка повидаться для чего-то съ Пашей; онъ и пролѣзъ къ ея барынѣ, къ княгинѣ Дашковой, въ садъ, да чтобы пролѣзть-то туда, онъ возьми да и вынь изъ забора двѣ доски. Только это онъ, матушка государыня, пролѣзъ къ Пашѣ, какъ вслѣдъ за нимъ въ дыру-то и свиньи проклятыя возьми да и шмыгни. На бѣду замѣть ихъ поваренокъ княгининъ, да и ну кричать. Сбѣжались садовники, дворня, выбѣжала сама княгиня,—ну, съ сердцовъ и велѣла свиней зарубить. Съ того все и пошло: Егорку сослали въ деревню, а дѣвка осталась безъ жениха.

— Ну, этому горю еще можно помочь,—замѣтила императрица и улыбнулась: она видѣла теперь передъ собой несчастную Джульетту, а Ромео-Егорка представился ей пасущимъ гусей въ деревнѣ.

— А княгиня знаетъ, что ты любишь Егора?—спросила она потомъ дѣвушку.

— Нѣтъ, матушка, княгиня не знаетъ,—снова отвѣчала за Пашу Марья Саввишна:—да дѣвка и заикнуться не посмѣетъ.

— А женихъ хорошій малый?—опять спросила государыня.

— Парень хорошій, матушка, не пьющій, смирный и изъ себя видный—богатырь: я знавала его, когда онъ служилъ еще у Льва Александрыча.

— Такъ это гайдукъ Егорка?.. Я и сама его помню: въ плечахъ косая сажень.

— Онъ самый, матушка-государыня, Егорка.

— Ну, такъ я скажу Нарышкину, чтобъ онъ простилъ его.

— Ахъ, матушка государыня!—бросилась цѣловать у государыни руки Марья Саввишна:—святая ты передъ Господомъ! И въ писаніи сказано: блажени милостивіи... Къ бѣднымъ-то ты милостива, матушка!

— Ну, полно, Маша, захвалишь ты меня до смерти,—съ чувствомъ сказала императрица.

— Охъ, матушка-царица! Какъ и не хвалить тебя, словъ не станетъ.

— Ну, будетъ, будетъ!

— Цѣлуй у государыни ножки, дѣвка, цѣлуй!—обратилась Марья Саввишна къ Пашѣ.

Дѣвушка бросилась къ ногамъ императрицы.

— Хорошо, хорошо!—съ улыбкой отступала Екатерина отъ ползавшей по полу дѣвушки:—такъ я же и свахой твоей буду у княгини.

Дѣвушка вся затрепетала отъ неожиданнаго счастья и снова разрыдалась.

— Молись! молись на свою государыню, дѣвушка!—расплакалась и Марья Саввишна.

Заплакала и державная сваха: всѣ три женщины плакали счастливыми слезами.

— Ба-ба-ба – и я расплачусь!—о-о-о!

Это Левушка „шпынь“ всѣхъ обдалъ холодною водой: онъ стоялъ въ дверяхъ и показывалъ видъ, что плачетъ.

Державная сваха хорошо выполнила свою роль.

Весною, вскорѣ послѣ Пасхи, на самую „красную горку“, состоялась свадьба Егора и Паши. Левъ Александровичъ Нарышкинъ былъ посаженымъ отцемъ у Егора, а Марья Саввишна—посаженой матерью у Паши. Императрица прислала невѣстѣ дорогую брошку.

Конецъ.

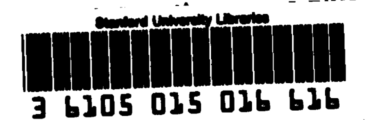
СОДЕРЖАНІЕ XXXIX ТОМА.

I. „Русскія женщины новаго времени“, истор. очерки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВЫ.		СТР.
I.	Первыя русскія переводчицы: княгиня Меншикова, г-жа Макарова, дѣвица Орлова, княгиня Голицына и княжны Волконскія	105
II.	„Салтычиха“	110
III.	Княжна Тараканова	115
VI.	Княжна Тараканова-самозванка	122
V.	Баронесса Корфъ	163
VI.	Глафира Ржевская	170
VII.	Екатерина Нелидова	180

II. „Державная сваха“, истор. быль. . . . . 3—32

DATE DUE			

